

Павел Бондарь

НЕ ВРЕМЯ ДЛЯ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Павел Бондарь

Не время для вечности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57238811

SelfPub; 2020

Аннотация

Где-то посреди пространства и времени существует место, которое некоторые его обитатели называют Выворотом. Там пересекается множество судеб, что принадлежат самым разным людям, зачастую совершенно незнакомым друг с другом. Истории их жизней странны и неопределенны, но сами они этого обычно не замечают, и лишь некоторые задаются одними и теми же вопросами. Почему мир таков, какой он есть? Как и чем они связаны? Что на самом деле такое жизнь и кто в ней они? Когда героям открывается, что их реальность – вовсе не то, чем она казалась, каждый делает свой выбор. Их мысли, слова и поступки, которые часто представляются отрывочными и незначительными, снова и снова мелкими мазками складываются в большую картину, у которой нет ни автора, ни единственно верного толкования. Для тех, кто попал на эту бесконечную спираль, есть только один выход – понять, с чего все началось. Содержит нецензурную брань.

Содержание

ДУРНОЕ ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ	11
ОНЕЙРОИД. ПОГРУЖЕНИЕ?	15
I. ВИТОК СПИРАЛИ N/N+1, ПУНКТ 360/180.	121
ПРИЧИННЫЙ ПАРАДОКС	
II. ВИТОК СПИРАЛИ N+1, ПУНКТ 0/180.	125
ЛОГОВО ХИМЕР	
III. В ПРЕДДВЕРИИ ГРЕЗ	151
Круг первый. Смирение	151
Круг второй. Значение лопастей	164
Круг третий. Вид из горизонта событий	170
Круг четвертый. Ляг и умри	184
Круг пятый. Профицит дофамина	188
Круг шестой. Акустика зеркальных комнат	202
Круг седьмой. Моноспектакль	227
Круг восьмой. В ожидании птиц	243
Круг девятый. Червоточина	248
IV. НА ТРЕТЬЕМ БЕРЕГУ ЛЕТЫ	258
Предисловие. Об отстраненности	258
Утро. Последнее тихое утро	263
Ночь. Побег из себя	267
Утро. Ради общего блага	274
День. Что хотел сказать автор?	283
Ночь. Уж боле никогда	291

Вечер. Улыбнитесь, вас снимают	293
Ночь. To have and to hold	297
Вечер. Шаг пятый из семи	305
День. Яд каплет сквозь его кору	311
Вечер. На орбите безразличия	327
Ночь. Вещи сломанные, вещи утраченные	335
Утро. Ваннаби	342
Вечер. И Иуда пьет	349
День. Краткий список возможных объектов поклонения	357
Ночь. Еще на шаг ближе ни к чему	367
Утро. Коридор снов	376
День. Подключение без пароля	381
День. На частоте Иакова	385
День. Just let me ride into the skies	398
Вечер. Первый хороший вечер	408
Послесловие. Весть о свободе	412
V. В МАЛОЙ ОДИССЕЕ КОШМАРОВ	416
Часть первая. Одиссея начинается	417
Пролог	417
Не-интерлюдия первая. Поступь фатума	421
Не-глава первая	427
Не-интерлюдия вторая. Лживые строки культовых песен	433
Промежуточный эпилог	435
Часть вторая. Одиссея набирает обороты	443

Металог. Об эволюции правил	443
Не-глава вторая	452
Не-интерлюдия третья. Когда все стало еще страньше	458
Не-интерлюдия четвертая. Элвис в космосе	463
Не-глава третья	469
Короткий промежуточный эпилог. Монстр на последней странице	472
Часть третья. Одиссея продолжается	475
Минилог. Немного профессионального подхода	475
Не-глава четвертая	486
Антракт. Существо слова	497
Не-глава четвертая. Окончание	504
Не-интерлюдия пятая. Другие сказки	508
Не-глава пятая	517
Крошечный промежуточный эпилог. Уйти или раствориться	527
Часть четвертая. Одиссея все никак не закончится	531
Микролог. К вопросу о чести, самокопанию и прочих глупостях	531
Евангелие от лукавого, I. Киноклуб имени Алекса Деларджа	534
На поверхности, часть первая	540
Не-глава шестая	552

Тоскливая ремарка. Нейрохимический дисбаланс	568
Не-интерлюдия шестая. Старый пес на экскурсии	572
Не-глава седьмая	582
Промежуточный эпилог. Семь шагов за горизонт	592
Часть пятая. Одиссея подходит к концу	611
Интро	611
Антракт. То, что спрятано	617
На поверхности, часть вторая	623
Не-интерлюдия седьмая. Истории с той стороны век	631
Не-глава восьмая	637
Евангелие от лукавого, II. Реституция и сбой систем	641
Моя безликая ловушка в пустоте	648
Глава первая	651
Евангелие от лукавого, III. Рагнарок	666
Глава вторая	669
Глава третья	676
Аутро	694
Часть шестая. Одиссея заканчивается здесь	697
Последняя прелюдия	697
Глава четвертая	700
На поверхности, часть третья	724

Глава пятая	737
Скрижали на холме	758
Мысли и страхи	762
Кома	764
Последний прием	771
Жизнь после смерти. Пустыня	775
Этот чертов дуализм	780
За кулисами	782
О природе реальности	792
Горизонт событий	795
Солнце восходит снова	818
Петли, круги и ленты – в разрезе	820
Эпилог	823
VI. В ДРЕМУЧИХ ВОДАХ	828
Вступление. Mea sententia	828
XXV. Архитектор. Сомния обскура	837
XXIV. Ворон 1. Black side of black	858
XXIV. Ловец 1. Yesterday you told me bout the blue blue sky	864
XXIV. Видок 1. Violet vertigo	870
XXIV. Аватар 1. I see skies of grey, grey roses too	874
XXIV. Чужой 1. Paint it red	879
XXIV. Смерть в доме на холме в конце улицы	884
XXIV. Ритуальная расстановка декораций	904
XXV. Архитектор. Деконструкция и	912

искупление	
XXIV. Ворон 2. Deeper into the woods	919
XVI. Ловец 2. Привет из ямы	926
XVII. Видок 2. A vision everlasting	941
XXII. Аватар 2. Идея-фикс	960
XXIV. Чужой 2. Король ножей, повелитель мух	977
XXV. Архитектор. Сингулярность	984
XXIV. Ворон 3. Чего найдешь первое	997
XXV. Ловец 3. Дары с той стороны	1005
XXV. Видок 3. Кости под гусеницами танка	1021
XXV. Аватар 3. Не вижу зла	1032
XXV. Чужой 3. Порочный круг	1039
Заключение. Цена, которую нужно заплатить	1043
VII. СКВОЗЬ КАЛЕЙДОСКОП ГРЕЗ	1049
Картина первая. Еще на один день	1049
Картина вторая. The other me	1090
Картина третья. Сейчас и здесь боли уже нет	1099
Картина четвертая. Eloge funebre	1110
Картина пятая. Ошибка	1123
Картина шестая. Структура против природы	1145
Картина седьмая. Видение будущего	1156
Картина восьмая. Вы опоздали на свою жизнь	1166
Картина девятая. Больше никаких хороших концовок	1182
VIII. ВИТОК СПИРАЛИ N+1/N, ПУНКТ	1204

180/360. ИСКАЖАЮЩИЙ ФАКТОР

IX. ВИТОК СПИРАЛИ N+1, ПУНКТ 180/0.

1208

ТЮРЬМА РАЗУМА

ОНЕЙРОИД. ПРОБУЖДЕНИЕ?

1235

Каждому, кто найдет здесь что-то для себя

ДУРНОЕ ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ

Эй. Просыпайтесь. Что, вы не спите? Точно? Мне бы вашу уверенность в подобных вопросах. Ну да ладно, не так уж это и важно. О снах мы еще успеем, как и о многом другом. Впереди долгая дорога, и времени хватит, чтобы многое обсудить. Вам не кажется, что нам (в данном случае именно нам, читателю и автору, но в целом – всем, конечно же) это необходимо – ну, поговорить, пофантазировать о том о сем, поднять кое-какие вопросы, попробовать найти на них ответы? Вас, как говорится, что-нибудь беспокоит? Наверняка есть хоть что-то. Меня вот беспокоит очень многое. Собственно, все, что находится дальше – это, по большей части, множество тем, которые я не могу оставить без внимания. Некоторые из идей будут занимать десятки или даже сотни страниц, какие-то – уместятся в несколько строк, другие же станут повторяться раз за разом. Для большей наглядности я буду использовать (преимущественно) формат истории.

Да, стоит отдельно отметить, что здесь действительно существует единый сюжет, это не сказки (кроме тех мест, где прямо указано, что это сказка). Вот там, чуть подальше, за этим предисловием, его и правда можно будет встретить, и даже не раз. Я-то вижу, как он затаился, терпеливо дожидаясь того, чтобы быть найденным, а потом смущенно развести

руками, мол, “поймали, ага, а я тут все время был”. Впрочем, прячется он хорошо, я лично проверял.

Какая из сторон важнее, история или ее смысловая изнанка – это уже вам решать, не смею навязывать свое мнение. Но есть еще как минимум один аспект любого художественного произведения, не такой очевидный и функциональный. Возможно, что и не такой важный. Это личность автора, стоящая за каждой конкретной работой. Звучит так, словно она и правда стоит за книгой, скрестив руки на груди и нахмурившись, оценивая потенциального читателя. Но нет, она – всего лишь материал, из которого состоит любое произведение. Сырье, в процессе упорядочения переработанное в скопления слов – в случае с книгами. Иногда заметить в тексте присутствие автора трудно, а иногда все очевидно. Первое обычно свидетельствует об умении и опыте, второе – как когда. Здесь второй случай. Зачем, ради чего? Наверное, меня всегда забавляла мысль о том, чтобы превратиться в массив информации, создать свою полную цифровую реплику. Ну, чтобы однажды в будущем было удобнее и проще меня восстанавливать. Вот вы разве не хотели бы? В общем, надеюсь, что звук моих слов не будет заглушать их смысла.

Но постойте, у вас, возможно, возник вопрос: если этот разговор будет о том, что интересно мне, если я буду говорить о себе, высказывать собственное мнение, давать личные оценки... Какой же это тогда разговор? Это самый настоящий монолог, который я вам тут пытаюсь впарить под

видом идеи чуть ли не о новом литературном формате. Нет-нет-нет, я, должно быть, не совсем точно выразился. Разумеется, вы можете мне ответить на те или иные слова – существует множество очевидных и доступных способов. Но вообще, я имел в виду Большой Разговор. Который завязывается в голове, а потом уже начинает звучать в материальном мире. Который зреет в отдельных умах, а потом превращается в хор голосов. Для такого разговора есть множество причин, от личных до общечеловеческих. Поиск, развитие, единение, бег за мечтой, стремление к абсолюту или власти, обретение свободы, путешествие, спасение, понимание – выбирайте из этих или придумайте свою. Здесь никто не решит за вас, сами вы по себе или же часть множества. Никто не будет навязывать вам какую-то определенную мораль. Никто не подскажет вам, что делать и думать. Это лишь приглашение к разговору. Я делюсь частью того, что вижу.

Остановитесь на минуту. Вдохните, посмотрите вокруг. Что вы видите? Чего хотите, чего ждете от всего этого? Можете закрыть глаза, чтобы не отвлекаться. Как думаете, все так, как должно быть? А для вас самих – для вас оно такое, как есть в действительности? И есть ли вам вообще до всего этого дело?

Напоследок хотелось бы сказать еще кое-что. Во-первых, всегда следует помнить, что у всего есть причина и следствие, и даже когда они кажутся совершенно очевидными, это может быть совсем не так. Во-вторых, ничто не является

истинным или абсолютным, как бы мы ни стремились вложить в слова вроде “истина”, “абсолют” и “бесконечность” свою человеческую самоуверенность. В-третьих, на что угодно есть неопределенное количество возможных точек зрения, и оно может быть понято неопределенным количеством возможных способов.

Итак, с приветствиями и предисловиями покончено. Если вы все еще думаете, что не спите, и не передумали, то идите за мной, да поскорее – надвигается большая гроза, а это здесь никогда не значило ничего хорошего. Идемте. Я вам тут все покажу.

ОНЕЙРОИД. ПОГРУЖЕНИЕ?

*Я не чувствую прикосновений
Я не помню о том, что знаю
Я за рамкой людских представлений
Я не верую в дни и ночи
Я не слышу чужих изречений
Я закинул за спину язык
Я летаю снаружи всех измерений
Гражданская оборона – Снаружи всех измерений*

Будильник с отвратительным, звонким четырехкратным писком с секундной паузой между повторениями сигнала ворвался в мою голову, пронзая ее насквозь и выдергивая из сна. Это было похоже на бомбардировку, серии из снарядов одна за другой с нестерпимо громким звуком находили свою цель, и возмущенное сознание в шоке поднималось из глубин забытья, потрясая воображаемыми кулаками, движимое единственной целью – добраться до источника шума, схватить и приложить о стену. Странно, что этого до сих пор ни разу не произошло.

Сигнал всегда срабатывал в восемь утра, независимо от того, нужно ли мне было в какой-то конкретный день вставать именно в восемь. Таким образом я хотел выработать привычку всегда просыпаться в одно и то же время, на-

десясь, что благодаря этому пробуждения когда-нибудь станут даваться хотя бы немного легче. Спустя два года утренней ненависти, порывов раздолбать будильник и отчаянного нежелания выбираться из постели я начал смутно подозревать, что что-то пошло не по плану. Через полминуты после начала сигнала четырехкратный писк прервал холодный женский голос: “Время пользователя – 8:00. Внимание: целевой пункт достигнут. Время пользователя – 8:00. Внимание: начать воспроизведение”. И вновь на первый план вышел неприятный писк.

Я позволил себе еще ненадолго остаться в мысленном переходе между сном и явью. Что за сон мне снился? Первой мыслью, которая могла сообщить что-то на этот счет, было неуловимое ощущение, что я, наконец, в безопасности. Кажется, это был тот же мутный сон, что мне снился каждую ночь последнее время – я не помнил о нем ровным счетом ничего, кроме размытых ассоциаций с событиями прошлого дня, закручивающихся в тугую спираль. Да, сон был определенно похож на обычный мой день, но было в нем что-то настораживающее и тревожное, словно какое-то зловещее предзнаменование. Возможно, это просто говорило о том, что в самом конце сна, когда раздался сигнал будильника, я умер – я довольно часто умирал во снах раньше, когда еще мог их запоминать.

Минут через пять после пробуждения я сквозь сонную пелену мыслей почувствовал что-то странное – холод под зад-

ницей и какую-то тяжесть в мышцах, будто я лежал в очень неудобном положении. С некоторым трудом разлепив веки, я был очень удивлен, вместо привычной картины – потолка комнаты с одинокой лампочкой на проводе – увидев потолок ванной и нависающую надо мной лейку душа, с которой раз в несколько секунд падала капля воды, ударяясь об акриловую поверхность ванны в паре сантиметров от моей щеки. Такое неожиданное положение вещей окончательно разбудило меня, и я принял сидячее положение так резко, что слегка закружилась голова. Да, все верно: я сидел в собственной ванне, с включенным светом, без одежды, на запястье – часы, которые я, впрочем, никогда не снимал, а рядом со мной в ванне валялись очки-наушники, упираясь в бедро. Возможно, я вовсе и не спал, а просто поскользнулся, когда принимал душ, ударился головой и потерял сознание? После беглого осмотра головы и помещения ванной я не нашел никаких следов крови, что совсем не исключало версию с потерей сознания – ее вполне могло вызвать что-то кроме удара головой. Хотя какая-то часть меня слушала эти мысли скептически и насмешливым тоном намекала, что все это просто отмазки, и что я знаю настоящую причину. Причину для пробуждения в ванне, для трясущихся рук, для усилий, которые необходимо было прикладывать, чтобы сфокусироваться на одной точке, для легкого озноба, для усталости, для легкости движений, сопряженной с какой-то едва заметной задержкой по времени, с такой же задержкой отклика для

чувств восприятия. С другой стороны, все это можно было замечательно объяснить тем, что я провел ночь на холодной поверхности и в неудобном положении, так что я задвинул этот насмешливый голос подальше.

Я выбрался из ванны, накинул халат и поплелся в другой конец коридора, к тумбе, с которой будильник продолжал издавать раздражающие звуки. Его громкости хватало, чтобы разбудить кого угодно в любой части квартиры – даже через закрытую дверь. В квартире было всего лишь две двери – в ванную и в туалет, кухня была отделена от основного пространства только барной стойкой, а длинный коридор, который вел к входной двери, был чем-то вроде прихожей. Последние три из моих съемных квартир были студиями, и я уже решил, что буду и дальше поддерживать эту закономерность. Когда почти все время находишься дома один, нет ничего лучше, чем свобода от стен и дверей.

За то время, что было необходимо для мучительного расставания с постелью (обычно это все же была постель) и пересечения коридора, по мере того, как просыпался рациональный и цивилизованный человек, с усталым смирением каждый день покорно взваливающий на себя приземленные нужды, обязанности и ответственность за свою жизнь, жажда убийства будильника сходила на нет ровно к тому моменту, когда он оказывался под рукой.

Сначала я глянул на наручные часы и задумался. Ставить ли таймер? Вроде бы никаких поздних тусовок сегодня не

намечается, значит, я лягу в более-менее адекватном состоянии, разве что выпью немного, так что можно и поставить. В случае чего выключу заранее, я еще ни разу об этом не забывал. Ну, предположим, что я засижусь за компом допоздна, как это часто случается в последнее время. Тогда поставлю на 1:40. Таймер пиликнул, уведомляя о том, что запись пошла. Я закрыл глаза, запоминая нужный момент как можно четче, задавая ключевую точку для подсознания.

Закончив с таймером на наручных часах и мысленными манипуляциями, я выключил сигнал будильника и начал установку нового. Мелодия сигнала – та же, хотя скоро ее придется менять, потому что эта уже понемногу теряет свою раздражающую силу. Время сигнала – как всегда, 8:00. Функция “отложить” по умолчанию включена, выключаем. Функция “повторять всегда” по умолчанию тоже включена, выключаем. Внезапный звонок домофона заставил меня вздрогнуть, и я случайно дважды нажал на кнопку, снова включив повтор и одновременно подтвердив установку сигнала. Я подумал, что нужно перенастроить сигнал и направился к входной двери.

В ответ на мое “да?” из трубки домофона раздался звонкий и вместе с тем неуверенный мужской голос.

– Привет, слушай, позови сестру.

Какое-то время я пытался вспомнить, что могла у меня дома делать сестра. Она даже не знала, где я сейчас живу, и в гостях у меня была в последний раз две квартиры назад,

когда я пригласил к себе семью на Рождество. С другой стороны, я уже понял, что совершенно ничего не помню о вчерашнем дне. Чувствуя себя полным идиотом, я попросил человека подождать пару секунд и заглянул в комнату, только лишь для того, чтобы убедиться, что сестры там не было. Вернувшись к домофону, я спросил, кого именно позвать, и в ответ услышал совершенно незнакомое имя.

– Ошиблись, такая тут не живет.

Повесив трубку, я еще пару секунд постоял у входной двери, почесывая подбородок и размышляя, откуда в комнате взялся легкий аромат духов, и не пора ли уже побриться. Решив определиться с этим минутой позже, я забрал из ванны очки и направился в комнату, закинул очки на полку под журнальным столиком, выстучал из пачки предпоследнюю сигарету и двинулся в туалет. Через десять минут я вышел оттуда и вновь наведалься в ванную. Умывшись и сильно протерев все еще слипающиеся глаза, я заметил кое-что, что прошло мимо моего внимания сразу после пробуждения – на полке под зеркалом лежала помада. Похоже, мне предстоит еще кое-что вспомнить о вчерашнем дне. Я взял помаду с полки и закинул в ящик в нижнем отделении шкафа в прихожей, и оттуда раздался звук пластмассы, ударяющейся о пластмассу.

С протяжным вздохом я пересек комнату и открыл холодильник. Полупустая пачка апельсинового сока – отлично. Сок был очень холодным, и я пил, пока не перестал чувство-

вать его вкус. Теперь настало время для типового завтрака, быстрого и скромного. Разбивая яйца над сковородой, я пытался мысленно прикинуть, во сколько сегодня нужно закончить на студии, чтобы успеть зайти в магазин за новыми холстами и красками. По всему выходило, что можно спокойно выйти в шесть вечера, значит, на работе нужно быть не позже одиннадцати. Я взглянул на часы – у меня был еще примерно час до выхода из дома. Отлично, значит успею просмотреть мейлы за последние пару дней, посмотрю что-нибудь не слишком залипательное на ютубе, даже побреюсь. И да, нужно не забыть зайти на почту, пора бы отправить посылку для Минс – она уже неделю названивает.

Когда чай был заварен, а аккуратно сложенная вдвое яичница заняла свое место на тарелке рядом с двумя тостами, я перенес завтрак на журнальный столик перед диваном, частично заваленный красками, бумагой и различной канцелярией, и с удовольствием плюхнулся на мягкий матрас. В последнее время я стал замечать, что перестаю наслаждаться едой в той же степени, что и раньше, из-за чего порой объедаюсь всяким трэшем – лишь бы напомнить себе, что это не просто питательные вещества, это должно быть приятно. Если меня разнесет, я не смогу себя заставить бегать, ходить в зал или что-то вроде того, так что теперь я периодически ловил себя на том, что стараюсь есть медленнее, не проглатывая жадно каждый кусок. Наверное, с точки зрения здоровья так тоже было более правильно.

Два коротких аниме-обзора спустя с завтраком было покончено, и я с сожалением допил пачку сока. Наверное, он все же слишком холодный, чтобы одного литра хватало хотя бы на день. Быстро пробежав по папке входящих писем, я не нашел там ничего важного или срочного – сплошные рекламные акции букмекерских контор и книжных магазинов, пара ответов на отправленные по работе письма с вложенными концепт-артами, пара подтверждений регистрации на очередном одноразовом сайте. Онлайн-таблица с ежедневником тоже порадовала: холсты, краски, почта – обо всем этом я вспомнил и сам.

Я быстро принял душ и собирался было побриться, но снова заметил, как жестко у меня сегодня трясутся руки. Если задуматься, то и едва ощутимый озноб, который я так хотел связать с ночевкой в ванне, никуда не делся. Но вот странная заторможенность постепенно проходила, и отклик движений и чувств становился все меньше, а сами движения теряли ту несколько пугающую непринужденность, что сразу после пробуждения. Успокоив себя этими наблюдениями, я все же решил отложить расправу с бородой до завтра. Возвращая бритву в боковой шкафчик, я заметил в самом его углу сигарету, заваливающую и одинокую, забытую мной и всем миром. Эта находка значила, что я могу позволить себе еще раз покурить перед выходом из дома, чтобы добить последнюю из пачки уже по пути на почту, а там и до киоска недалеко.

Я сделал себе какао и вышел на балкон. Да, технически в квартире было все-таки три двери – третья вела в царство коробок, высыхающего белья и ненужных мне вещей хозяев, которые те почему-то решили не забирать – например, старый пустой аквариум, шкафчик с покосившейся дверцей, набор детских игрушек. Среди них была рука робота, которая сжимала ладонь в кулак при нажатии на ручку, и первые пару часов после того, как я нашел ее, меня это весьма забавляло. В остальном балкон мне нужен был только для определенной разновидности задумчивых перекуров и развешивания одежды и белья после стирки. Хоть он и не был очень уж маленьким, его общие захламленность и дряхлость, резко контрастирующие с остальной квартирой, сводили на нет все мои порывы немного его расчистить и для чего-нибудь приспособить. Учитывая, что где-то через полгода мне снова нужно будет менять квартиру, это не стоило усилий.

Потягивая какао с неэстетичным сербаньем, я еще раз попытался вспомнить хоть что-то из вчерашнего дня. Или из своего сна. Тщетно – ничего конкретнее расплывчатых образов и ощущений, не дающих себя подробно изучить, память не предоставила. Ну и ладно. Какой может быть вред от одного выпавшего из памяти дня? В конце концов, я помнил, что делал позавчера. Быть может, это и есть то самое вчера, которое я безуспешно пытался нашарить, принимая за него сон. Быть может, я немного сбился во времени, и мой подсчет по календарю споткнулся. Какая разница? Если я что-то

забыл, то это или неважно, или мне об этом рано или поздно что-то или кто-то напомним, тогда и буду с этим разбираться. Я допил какао, потушил сигарету о кирпич под подоконником с внешней стороны окна и щелчком среднего пальца отправил бычок в полет. Выдохнув небольшое облачко дыма, я слегка вздрогнул – то, что я видел сейчас перед глазами, казалось очень знакомым. Мысль о том, что бычок в полете встретит ветку дерева и отскочит в сторону стены дома, пришла одновременно с тем, как именно это и произошло. Забавно, давненько у меня не было дежавю.

На часах было 9:15, и я неторопливо начал готовиться к выходу: почистил зубы, натянул джинсы, выбрал из висящих в шкафу черных и белых футболок самую чистую черную – она же по удачному совпадению оказалась самой плотной и широкой из всех – закинул в рюкзак планшет, кое-какие тетради, запасные наушники, убедился, что на месте оранжевый прозрачный пузырек с таблетками – уже на две трети пустой, скоро нужно будет снова наведаться за рецептом – и электронный пропуск на студию.

Одевшись и собрав все необходимое, я снял с мольберта холст и еще раз осмотрел картину. Ну, в общем-то, здорово получилось – при первом взгляде на полотно даже нельзя было с точностью сказать, что на нем изображено, и только через несколько минут глаз начинал различать портрет темноволосой девушки, затем очертания принимали форму абстрактного пейзажа, и дальше количество различаемых об-

разов только увеличивалось. Я довольно улыбнулся и завернул картину в прозрачную пленку и упаковочную бумагу, заклеил почтовым скотчем и наклеил заранее заполненный бланк.

Наконец, когда минутная стрелка показала половину десятого, я нацепил солнцезащитные очки, взял упакованную картину под мышку, захватил пустую пачку из-под сока и подошел к входной двери. Неожиданно вспомнив кое о чем, я протянул руку в шкаф и взял с полки зеленый конверт, незапечатанный и без каких-либо надписей, с минуту посмотрел на него, вспоминая о разном – в основном о том, что нужно было оставить позади и забыть – и вышел из квартиры.

Моя квартира располагалась на последнем этаже шестиэтажного дома, в котором не было лифта, зато была любопытная лестница, уходящая вниз круговыми витками спирали. Эта лестница напомнила мне спиральные образы из сегодняшнего сна, и я еще больше убедился в том, что снилось мне что-то рутинное и повседневное. Выйдя из подъезда, в первую очередь я увидел большую ворону, может даже ворона, на спинке скамейки, что стояла на крыльце. Птица переминалась с лапы на лапу, наклонив голову, искоса поглядывала на меня. Даже когда я прошел совсем близко, она не испугалась и не улетела, только отметила этот момент глухим клекотом.

Я смял зеленый конверт, выкинул его в урну и, включив музыку в наушниках, направился в сторону почтового отде-

ления.

* * *

После отправки посылки для Минс я купил пачку сигарет в киоске, посмотрел на часы и зашагал вдоль трамвайных путей к остановке. Последние два года каждое мое место проживания находилось не больше, чем в полчаса езды от работы. Надо признаться, поиск новой квартиры всегда давался нелегко: необходимо было каким-то волшебным образом найти не слишком потрепанное судьбой место, которое бы сочетало в себе адекватную цену, все нужные удобства и хорошее расположение относительно работы и мест, куда я обычно хожу в свободное время, и при всем при этом подразумевалось, что я сговорюсь с хозяевами первым, даже не дав шанса каким-нибудь благонадежным молодым семейным парам и девчонкам-студенткам. Обычно на все уходило около двух недель облизывания сайтов с арендой и поездок по городу, но в итоге как-то всегда все складывалось.

Когда я уже подходил к остановке, мне позвонил Эйч, и через минуту-две стандартного трепа ни о чем и взаимных подколов сообщил, что сегодня неплохой день для пула – Курт вчера вышел в отпуск и хочет встретиться вечером, рассказать про какие-то грандиозные планы (у него всегда во

время отпуска появлялось непреодолимое желание куда-то съездить, посмотреть все фильмы, заняться теннисом, футболом, боксом, пройти все игры, устроить тусовку-другую на пару десятков человек и так далее), ну и повыпендриваться своим отпуском, конечно. В этот раз он хотя бы начал всего лишь с пула, так что я сказал Эйчу, что да, забились, встретимся в семь вечера у бильярдного клуба на Солях. Солями называли или весь проспект Солидарности, или – чаще – место его пересечения с двумя главными улицами Верхнего города, которое собственно и было точкой соприкосновения этого торгово-туристического района, состоящего из мощных узких переулков, пафосных заведений и магазинов, колоритных площадей с монументальной архитектурой, с лежащим по другую сторону проспекта уже довольно приземленным северо-восточным районом, где в основном располагались офисные и жилые кварталы. Если Верхний город был южной оконечностью центра, всегда казавшегося мне совершенным с точки зрения застройки, благоустройства и баланса между современным миром стекла и асфальта и историческим миром кирпича и брусчатки, то Северо-Восток находился на “втором поясе”, а за ним лежали уже совсем не живописные окраины.

Трамвай не заставил себя долго ждать, и я занял привычное место в конце салона по правой стороне, куда большую часть пути не попадало солнце. Такие вещи, как память о положении солнца в определенное время относительно по-

ложения трамвая, одни и те же билборды, проплывающие мимо, одни и те же паттерны движения и остановок на перекрестках, одинаковые каждый день мысли при взгляде на одинаковые каждый день вещи под одинаковую каждый день музыку – все это постепенно проникало в мой мозг и медленно отравляло его ощущением, будто я застрял в топи, и все вокруг ужасно вялое, предсказуемое и тягучее. Не спасали ни походы в новые заведения, ни появление эпизодических запойных увлечений, ни разнообразие рабочих проектов, ни периодические знакомства с новыми людьми, и лишь на какое-то время это ощущение затихало после смены обстановки, что и вынуждало меня чуть ли не каждые полгода переезжать. Словно рутина и однообразие были болезнью, разгорающейся все острее по мере того, как я вырабатывал алгоритмы поведения на новом месте, неосознанно заводил новые привычки, начинал замечать одни и те же вещи – казалось бы, что за пустые мелочи, но нет, каждый раз при взгляде на рекламу мебельного магазина, возвышающуюся над перекрестком за две остановки до нужной мне, на котором трамвай стоял от 20 до 40 секунд, что-то внутри меня отчаянно хотело взять в руки аварийный молоток, разбить окно и выпрыгнуть, только бы не видеть все это еще раз. Это наверняка было как-то связано с постепенной потерей удовольствия от пищи, да и еще с кучей похожих странных наблюдений, которые я не мог не делать, внимательно наблюдая за ходом своих мыслей. У всего этого определенно есть

общая первопричина, выяснение которой понемногу становилось навязчивой целью в те моменты, когда мозг не был занят чем-то, что требовало полного внимания – то есть, довольно часто. Но что можно было сказать с уверенностью – проблема была не внешнего типа. Можно ли было решить эту проблему обычными способами? А необычными? Представим, что какой-то человек может по собственному желанию изменять реальность: ну, например, при неуютном ему развитии событий он способен вернуться к какому-то определенному моменту, с которого, как ему кажется, все пошло не так. Отлично работает в случае, если ты завалил экзамен, проиграл ставку, нагрубил девушке, накосячил по работе и так далее. Ведь реальность – штука субъективная, разве нет? Даже если нет, то ее восприятие – точно штука очень субъективная. Что ж, если у него сохраняется память обо всем случившемся – это явно имбалансная тема, то есть он делает выигрышную ставку, сдает экзамен на отлично, восхищает девушку своим красноречием... По сути, обманывая время. В таком случае он быстро становится богом в своем мире, и ничто не в силах ему навредить – до тех пор, пока он жив и в сознании. Но даже тогда его могут без особых усилий шлепнуть. Думают ли люди, что такой человек может жить рядом с ними? Наверное, кто-нибудь думает, но обнаружить такого человека все равно не может. Но если и его сознание точно так же возвращается к состоянию в определенный момент в прошлом, то это звучит уже не так оптимистично. Допустим,

он осознает свою способность только в критической ситуации. Тогда стоит задуматься, что именно вызвало неблагоприятный исход, и можно ли на это как-то повлиять, не зная о том, что произойдет? Сказал бы он те же самые нелестные слова, сделал бы ту же самую проигрышную ставку? А почему нет? Что должно изменить ход его мыслей, если знаний о последствиях нет? Случайность, внешний фактор? Но ведь все находится в движении, все имеет направление действия, ко всему приложены определенные силы. И с чего бы чему-то из этого меняться? Если я перемотаю песню на десять секунд назад, я не услышу ничего нового, только повторение отрезка, который уже слышал. Могу его расслушать внимательнее, найти что-то, чего не заметил сразу, изменить свое мнение, но, по сути, никакой новой информации этот отрезок содержать не будет.

Я так увлекся размышлениями о предопределенности всего вокруг, что чуть не пропустил свою остановку. Но мозг, разумеется, получил какой-то знакомый сигнал, который всегда означал “мы приехали”, и дал команду встать и подойти к двери, уже готовой открыться. Возможно из-за солнца, довольно яркого даже через темные стекла очков, возможно – из-за резкого подъема с места, краем глаза я заметил небольшое черное пятно прямоугольной формы где-то на периферии – там, где было только окно трамвая, за которым не было ни единого черного предмета, лишь сияющий асфальт и бежевые фасады зданий, перемежающиеся зеле-

ными кронами деревьев. Я вышел из трамвая, и пятно еще секунду-две перемещалось вместе со мной, но стоило мне зажмуриться и открыть глаза, как оно пропало.

Все четыре минуты пути от остановки до офисного здания, в котором находились два этажа студии, мне казалось, что кто-то идет за мной – не просто следует куда-то той же дорогой, что и я, а целенаправленно следует именно за мной. Сложно объяснить, почему я так подумал, но, остановившись на крыльце главного входа и внимательно оглядев улицу, я увидел только дворника, понуро гоняющего метлой пыль возле здания аптеки через дорогу. Осуждающе покачав головой своей неожиданной паранойе, я снял наушники и вошел в крутящуюся дверь.

* * *

Мне всегда нравилось, как быстро летит рабочее время, когда поступает в разработку новый проект. Сегодня был как раз такой день. Я заварил себе чай горячей водой из кулера, сменил кеды на мягкие тапки и заглянул в кабинет. Там было довольно оживленно – почти все на месте и чем-то заняты, перекрикиваются и нервно прихлебывают из кружек и стаканов – кто чай, кто кофе. Спустя минуту приветствий и комментариев в духе “Чел, слишком свежо выглядишь, меня аж

мутит”, “Сон для слабаков, да?”, “Ты может еще в 9 начнешь приходить?”, я добрался до своего рабочего места у широкого, почти панорамного окна, кинул рюкзак на подоконник, а задницу – в кресло. Оно протяжно скрипнуло, когда я повернулся к сидящему с другой стороны окна Р. и пару раз надавил тапком на боковую часть спинки, так, чтобы кресло слегка повернулось.

– Уважаемый, не просветишь, что за брeнная суeta охватила это место?

Тот развернулся ко мне и состроил задумчивую гримасу – так крепко и показательно мог задуматься, наверное, только шимпанзе.

– Хм, ты еще не знаешь? Тут часик назад Кэп заходил, – задумчивость на его лице медленно перетекала в удивленное одобрение. – И сказал, что решили выдать премию всем, кто за сегодня-завтра закроет дополнительные задачи. Тебе выделил отрисовку текстур для зала с витражами.

– Реально? Хе, так я удачно попал! – моя рука резко потянулась к кнопке питания, но замерла, не успев нажать ее. – Погоди-ка, как это “заходил”? Он мне утром писал, что до вечера будет на приемке во втором офисе.

Р. разочарованно цокнул языком и вздохнул.

– А ведь вин был так близок.

Я все же включил питание, хотя и без начального энтузиазма.

– В какую гнилую тему ты меня хотел втянуть? И при чем

тут зал... – и тут меня осенило, ответ был максимально банальным – Р. просто не хотел работать. – Ааа, так ведь этот зал на тебе висит! Неплохо, но все равно недостаточно, чтобы обмануть меня...

– Видел бы ты, какая это херь. Мало того, что там витражи на полстены, а лока солнечная, так еще и пол зеркальный. – он отхлебнул из кружки и поморщился, то ли от вкуса кофе, то ли от мыслей об отражениях в зеркальном полу. – Я бы в ирл не вывез на такое смотреть, не то что самому лепить.

– Да не ной, уж за два дня ты, наверное, успеешь его закончить. Если забросишь дешевые попытки слить это еще кому-то – точно успеешь.

В ответ Р. громко и с надрывом промычал что-то неразборчивое. Я тем временем отрегулировал высоту кресла, подключил наушники и достал из шухлядки пачку крекеров. Собирался уже откинуться на спинку и запустить просмотр анимаций, как вдруг вспомнил, о чем вообще спрашивал Р.

– Так это, если серьезно, что за кипеш?

– А. Ну да. Поступили спецификации нового проекта, типа совсем нового, который нам еще в мае хотели дать. Через час будет собрание, расскажут, че почем. Все добивают или передают текущие задачи. – Р. страдальчески вздохнул и повернулся к мониторам. – Ну, все кроме меня.

Я ободряюще похлопал его по спинке кресла и тоже повернулся к рабочему столу. Когда я залогинился в свой кабинет на внутреннем сайте и проверил список задач, то к соб-

ственной радости понял, что завершение работ по анимации и прорисовке мелких деталей для пары оставшихся персонажей перенаправили кому-то другому, так что я мог еще час хрустеть крекерами, откинувшись на спинку и загрузив модуль для обзорного тура по проделанной работе.

Когда я уже собирался надеть наушники, позади раздался голос Р.

– И кстати, тебе дадут кого-то в напарники, свежее мясо из команды по задникам или типа того.

Я хотел было протяжно завывать, но прервал сам себя на полувое.

– Из команды по задникам? Ну, там вроде бы в основном девчонки, так что не буду заранее жаловаться.

Р. только фыркнул и застучал по клавиатуре.

* * *

“Свежее мясо” из команды по задникам оказалось вовсе не девчонкой, а здоровенным патлатым чуваком, правая часть лица которого всегда имела удрученный вид, даже когда он улыбался. Выглядел он в такие моменты, признаться, немного жутковато, но я понял, что быстро привыкну к этому.

В целом Фил, как он представился, оказался нормальный

типом – быстро схватывал все, что я объяснял насчет предстоящего плана работ, еще на собрании сделал несколько довольно уместных замечаний в блокноте, не слишком умничал, как часто бывает с новенькими, но и не казался человеком, который забудет на все болт и будет просто бездумно нажимать на клавиши и двигать мышкой туда-сюда. Я немного рассказал обо всяких бытовых моментах насчет положения вещей в этом отделе в целом и этом помещении в частности, и мы взялись за работу, навскидку разделив обязанности на начальном этапе проекта, пока еще не было четких задач и собственно материала, а нужно было только в общем прикинуть дизайн тех или иных элементов по не очень подробным описаниям в спецификациях. К тому же, когда после двух часов народа стало заметно меньше, а градус дедлайнового напряжения упал, Фил ничего не имел против того, что я пустил музыку через колонки вместо наушников, к чему остальные уже давно привыкли. Более того, когда плейлист добрался до треков Nergo, некоторые из которых я когда-то использовал для мести соседу-перфоратору, Фил подкинул мне двух похожих чуваков, да и вообще оказалось, что он очень неплохо шарит в электронике – в отличие от меня, слушающего все это эпизодически и поверхностно. Я уж точно не знал о каких-то подробностях карьеры конкретных исполнителей, вплоть до случаев ареста и всего подобного. Впрочем, он не начал без умолку об этом болтать, и вовремя заметил, что он единственный в кабинете, кому это настоль-

ко интересно. Насколько я мог судить по первому впечатлению, напарник мне попался вполне адекватный, что не могло не радовать – чем больше я думал о масштабе проекта, тем более он казался впечатляющим. Это вполне могло занять целый год.

Еще больше меня радовало то обстоятельство, что сошли на нет все мои утренние симптомы, от трясущихся рук и расфокусированности взгляда до озноба. Что ж, почему бы мне не сделать себе этически спорное, но приятное одолжение, и не поверить окончательно в то, что причиной всему был неудачный выбор места для сна и, возможно, легкий перебор с выпивкой вчера вечером, отчего у меня и сложилось впечатление, будто из жизни выпал один день? Я с легкостью согласился на такой замечательный вариант, успокаивающий и простой. Воздадим почести Оккаму и его бритве, и перестанем думать об этом.

Незадолго до обеда мы с новеньким вышли на перекур. Курить у нас разрешалось на балконе, объединяющем оба этажа студии парой коротких лестниц. Кроме места для курения, там располагалось продолжение комнаты отдыха с двумя гамаками, парой столиков со стульями и трехуровневыми деревянными рядами для сидения, усыпанными подушками.

– Ничего так у вас тут обстановка. – Фил был явно впечатлен, оглядываясь по сторонам. – Гамаки, серьезно?

Солнце в это время висело прямо перед лицом, и мне от-

чаянно не хватало очков, оставшихся на столе в кабинете. Я равнодушно пожал плечами и затынулся.

– Ну да, поначалу удивляет. Но это ты еще основного спэйса не видел – он там, на втором этаже, сразу за выходом на балкон.

– А что там есть?

– Диваны, разные настольные игры, бильярд, приставки, теннис, ну и еще по мелочи всякого. – я еще даже не упоминал про зону для VR-тестов, полагая, что все сразу для него будет слишком. – На вашем офисе такого не было?

Фил медленно покачал головой, щурясь на солнце.

– Какое там, у нас балкон был размером с ваш туалет, и никаких гамаков. В коридоре стоял настольный футбол, и все. А такое, как тут у вас, я последний раз видел на “ДотКоме”.

Он коротко рассказал о том, как со своим братом полгода работал у самого крупного в городе частного интернет-провайдера, и, судя по его описаниям, там в плане рекреационных зон и прочих ништяков все было ни разу не хуже, чем у нас. Впрочем, это не помешало компании сократить штат, и оба оказались без работы. Фил в итоге перебивался фрилансом, пока не устроился к нам на студию, пару месяцев назад, а его брат занялся организацией тусовок в районе за Старым городом – в основном электронных и по хип-хопу.

– А, так это он привозит чуваков на “Стрит Спирит”, “Луч” и “Ночь-24”? – я хорошо знал эти названия, потому

что довольно долго посещал последние две тусы, да и на первой частенько бывал, хотя в последние пару месяцев как-то подзабил.

Фил закивал, широко улыбаясь моей осведомленности.

– Да, это все его замуты. Он и меня звал в команду на постоянку, но я пока только иногда к ним залетаю вечером, бывает за пультом немного постою, и все.

Теперь я понимал, откуда у него такие обширные познания в электронной музыке и такая увлеченность темой.

– Еще в прошлом году был пару раз крутой движ летом, вроде бы от той же команды, только не помню, как назывался.

– “Пир” что ли? Там еще было несколько сцен с разным музлом и огромный бар на веранде.

– Да, точно, оно и есть. Тоже твой брат мутит?

Фил утвердительно промычал, старательно туша сигарету о стенку пепельницы.

– Это его коллаб с одной чувихой, которая давно в этой теме. Кстати, они и в этом году делают, сегодня как раз первая за лето ночь будет.

– Оп, как я удачно спросил! – если подумать, я довольно давно не ходил ни на какие движухи активнее посиделок в баре. – А где и во сколько они стартуют?

– Да там же, где и в прошлом году, на кирпичке в кольце, – под “кирпичкой” имелся в виду один из корпусов кирпичного завода, переделанный под проведение разных культур-

ных мероприятий, а “кольцом” часто называли полузаброшенный промышленный квартал за Старым городом, вокруг которого река делала почти полный изгиб, одно из самых популярных мест в городе среди тех, кому не нужно рано вставать на следующий день. – Вроде как собираются в десять вечера начинать. Думаешь пойти?

– Может быть, в прошлом году было круто. Надо будет глянуть билеты после работы.

Оказалось, что у моего напарника, как у брата одного из оргов, было при себе билетов десять, и он не только решительно отказался брать с меня деньги за один, но и заявил, что даст еще три билета сверху, аргументируя это тем, что пять были для него самого и нескольких человек из его компании, а остальные он все равно собирался просто раздать на входе. Билеты были в сумке в кабинете, и Фил попросил меня самого напомнить, если он забудет. После перекура я показал ему основной зал отдыха, и пока Фил ходил по помещению и разглядывал его, уважительно кивая то в сторону приставок, то при взгляде на внушительные стопки настольных игр, я сыграл короткую победную партию в аэрохоккей с Л.П. из отдела ИИ, которая зашла в зал одновременно с нами, после чего мы вернулись в кабинет.

В три часа я решил сходить на обед. В общем-то, на студии была собственная кухня, куда привозили довольно неплохие комплексные обеды, но мне куда больше нравилось пройтись до ближайшего кафе или фастфуда, провести полчаса вне работы, немного разгрузить голову – это и для рабочего настроя было полезно.

Захватив с собой очки и сигареты, я двинулся к выходу из офиса, но вовремя вспомнил о наушниках и вернулся за ними, и заодно достал из рюкзака пузырек, вытряхнув из него одну таблетку. Фил обедал на кухне, а Р., который обычно составлял мне компанию по выходу за “правильной едой” (под которой он имел в виду бургеры и хот-доги), сегодня был с самого моего прихода погружен в борьбу с прорисовкой зеркального зала, и в ответ на приглашающие взмахи руками только скорбно махал в ответ.

Вышел я не в главные крутящиеся двери, через которые проходил утром, приходя на работу, и вечером, покидая студию, а через крыльцо на втором этаже, от которого вел длинный проход в стиле каких-нибудь средневековых замков с поправкой на минималистичный эко-дизайн деревянной крыши и оконных проемов. Это было мое второе любимое место для курения в здании, и порой под настроение

я выходил сюда. Змеящаяся кривая коридора выходила на небольшую прямоугольную площадь, усеянную лавочками, с зеленой зоной и небольшим фонтаном в центре. Через площадь проходила кривая улица, ведущая от оживленного проспекта между аккуратных зданий хостелов, баров и небольших офисов банков и мобильных операторов к Верхнему городу, встречающему уже настоящей просторной площадью, с фигурной плиткой – такой гладкой и ровной, что это место, сколько я себя помню, пользовалось неослабевающей популярностью у скейтеров – и с внушительным зданием ратуши во главе всей композиции. Две высокие арки, на уровне третьего этажа сформированные дугообразными переходами от основного здания к двум корпусам-башенкам по левую и правую сторону, известные как “рогатка”, вели на две отдельные улочки, разделенные основным корпусом ратуши и расположенным сразу за ним продолговатым двориком, огороженным высокой фигурной оградой, которые чуть дальше перерастали в две главные параллельные улицы Верхнего города, сплошь забитые вычурными магазинами, роскошными ресторанами и дорогими отелями. Хотя для меня там ничто не представляло особого интереса, мне нравился сам Верхний город и его окружение, включая вот эту небольшую площадь с фонтаном, так что я периодически встречал ребят из студии, когда гулял по городу на выходных и забредал сюда.

По периметру площади можно было сосчитать почти с десятком заведений, из которых я обычно и выбирал место для

обеда. Тут было несколько кафе, в том числе один фастфуд, пекарня, небольшой суши-ресторан, кальянная, будка с хот-догами и картошкой, фургончик с крафтовыми бургерами, а в дальнем конце площади – что-то вроде бюджетного паба. В его сторону я и направился, вспомнив, что самая вкусная картошка среди всех этих заведений – именно в пабе.

По пути через площадь я наблюдал забавную сценку. На одной из лавочек в тени дерева сидела женщина, которая одной рукой держала поводок средних размеров пса дворняжкой наружности, проявляющего активное любопытство ко всему вокруг, другой рукой усердно рылась в сумочке, периодически отвлекаясь на пару детей, бегающих около скамейки справа от нее, судя по цветам одежды – брата и сестру. Как раз в тот момент, когда я проходил мимо, брат с коварным выражением, присущим задумавшим недоброе старшим братьям, достал из кармана комбинезона игрушечную змею. Хоть факт ее резиновости и безобидности был однозначен, она все же была длиной с мое предплечье и имела весьма неплохой реалистичный окрас. Так что, когда девочка обернулась и увидела игрушку у себя под ногами, для нее все было не совсем очевидно, и она вскрикнула так тонко и пронзительно, что я услышал даже через наушники. Мать поспешила вновь обернуться, но пес успел быстрее – он отважно подскочил к девочке, схватил змею зубами и принялся трясти ее. Теперь уже настала очередь мальчика недовольно закричать.

Все еще улыбаясь этому небольшому эпизоду – одному из тех, что могли выдернуть меня из ощущения болезненной рутины и зацикленности, понемногу крепнущего всегда, когда я был предоставлен сам себе – я зашел в паб и заказал большую картошку с апельсиновым соком. Через пару минут мой скромный обед был готов, и я занял место в углу, где сходились две затемненные поверхности витрин. Я кратко записал случай с псом и змеей в заметки на телефоне, куда частенько заносил всякие интересные происшествия, которые наблюдал вокруг, наряду с разными мыслями и идеями. Давно пора было как-то разобрать их и рассортировать по разделам, но мне никогда не хватало терпения, чтобы взяться за это.

Пролистывая заметки вверх, от старых к новым, я наткнулся на одну довольно пространную мысль, такую тяжеловесную и мрачную, что посреди жаркого дня мне на пару секунд стало холодно, будто вернулся утренний озноб. “Почему я боюсь смерти? Неужели я настолько дорожу существованием, пусть даже таким бессмысленным и жалким, что просто не могу от него отказаться, как торчок за гранью спасения, который уже не может не зависеть от дерьма, на котором сидит? Так и мы, ни во что не верим, где-то глубоко уже мысленно сдались и поняли, что ничего хорошего впереди не ждет, что дорога к счастью – не к удовольствию, не к благосостоянию, не к развлечениям – для нас почему-то закрыта. Из-за нашей природы, возможно. В тот момент, когда

мы обрели самосознание, началась самая грустная история во всей вселенной: история взаимоисключающих чувств, история познания, которое в конечном счете приносило только боль, и чем дальше мы продолжаемся, тем мы ближе к безумию. История о том, как кто-то не выбирал, но получил ответственность за то, чего не может даже понять в полной мере, будучи вынужден тысячелетиями бороться с собственной сущностью, рвать на куски самого себя без какой-либо на то причины. Разве я хочу быть собственным заложником? Разве я не хочу хоть что-то в жизни выбрать самостоятельно, даже если это будет последнее, что я сделаю? Я привык считать, что такие мысли – это глупость, что такие идеи свойственны незрелым подросткам, что есть миллион аргументов против такого мнения. Но какой из них может ответить на вопрос, почему я – нет – почему мы должны оставаться рабами? Разве не рабство все вокруг так ненавидят и презирают? Ах да, конечно, рабство мы можем понимать только в очень узком смысле, оно значит для нас физическое лишение свободы и принуждение к чему-либо. С таким рабством готовы бороться все, потому что его давно не существует как общественного явления, все что осталось – это редкие случаи в современном мире да память о постыдном прошлом. Но ни у кого не хватит смелости бороться с рабством в более широком смысле, в которое мы влипли черт знает как давно. Конечно, так легко сказать, что “это другое”, что мы на самом деле свободны, мы можем делать со своей жизнью

что угодно, все зависит только от нас самих, но это лишь пустые оправдания людей, которые не хотят взглянуть в лицо своей настоящей проблеме, которые не хотят признавать, что они рабы. Кто же наши хозяева? Положение вещей – вот наш самый жестокий хозяин. Вся наша жизнь чем-то ограничена: другими людьми и их правами, которые ограничены уже нашими правами, властью – от государственной и религиозной до корпоративной и экономической, моралью, законами – слишком несовершенными, чтобы гарантировать защиту от чего-либо, настроениями и мнениями других людей, нашими собственными желаниями и целями, сформированными под влиянием жизни в обществе, потребностями и нуждами, биологией и психологией, материей и идеей. Все вокруг – наши цепи, каждый из нас – тюремщик для остальных. И только две вещи могут кого-то освободить: жизнь вне человеческого мира – частично, и смерть – окончательно. Я отказываюсь бояться смерти и принимаю ее как дар.” Что ж, бывали порой и такие мысли. На самом деле спорить с тем мной, который это писал, текущему мне было сложно, ведь я так и не нашел ответ на главный его вопрос. Поэтому я решил отнестись к этому без той серьезности, которая им двигала в момент написания.

Я потягивал сок и раздумывал, как бы я это сделал, если бы хотел умереть? Наверное, имело смысл подготовиться заранее, и подготовиться так, как ни к чему прежде. Серьезнее, чем люди готовятся к свадьбе. Стоило бы подкоптить

денег, а лучше взять кредит – максимально возможный без поручителей. Ну а дальше план действий в целом понятен, недели две-три адского отрыва и угара, смотря на сколько здоровья хватит. Сама смерть – конечно, от передоза чем-нибудь абсолютно эйфорическим. Стоило бы также сделать все то глупое, безумное, безответственное и сомнительное, чего всегда хотел, но всегда откладывал. Уйти следовало во время какого-нибудь отменного развлечения, которое бы либо невероятно взбудоражило мозг и каждое чувство, либо тотально поглотило бы вообще любую мозговую активность. Но ведь есть риск, что мне этот короткий отрезок жизни так понравится, что я передумаю. Я захочу жить так всегда. Вопрос лишь в том, смогу ли я вспомнить, что единственное условие, без которого это финальное буйство было бы невозможно – отсутствие последствий. Каждое мое действие породило бы долгоиграющие последствия, и рано или поздно мне пришлось бы держать ответ за все это – перед окружающими, перед своим здоровьем, перед кредитовавшим меня банком. И только знание, что все скоро закончится – знание, доступное только мне одному, позволяло бы не думать об этих последствиях. Уход от ответственности, ничего не дающей, бесполезной, тяжелой, проигрышной – вот что такое суицид. Отказ от участия в игре, отказ от правил, переворачивание шахматной доски посреди партии. Чем дольше я об этом думал, тем больше проникался серьезностью собственной заметки в телефоне, терял способность рассматривать

ее в качестве объекта для иронии. Так я понимал ценность чего-либо: если мне было неприятно или сложно над чем-то иронизировать, значит, это чего-то стоило – среди всего вокруг, что подвергалось насмешке со стороны мира, выглядело нелепо, будто было создано для того, чтобы быть высмеянным, включенным в карнавал идиотизма, поглощенным истеричным, рекурсивным и бесконечным издевательством, в какой-то момент ставшим основой всего, что нас окружало. Глубоко внутри я понимал, что, хоть и не могу представить свою жизнь без этого ежедневного театра абсурда, развращающего все, что кто-то воспринял бы всерьез, я все же ценил – по-настоящему ценил – только то, что мне казалось неуязвимым для глумления. Вздрогнув, я нервно принялся поедать остывающую картошку. В образовавшейся в голове пустоте я отчетливо слышал, как непривычно медленно и гулко бьется сердце.

Пытаясь отвлечься от мрачных мыслей, я перенаправил внимание на телевизор, который висел над барной стойкой. Крутили какую-то смутно знакомую передачу, в которой, насколько я помню, приглашенных гостей, в основном людей искусства, просили рассказать об источниках вдохновения, разобрать концепцию их произведений, что-то анонсировать и так далее. Сейчас в кресле гостя сидел упитанный мужик средних лет в пиджаке поверх желтой майки. Лицо его разительно контрастировало с телом – оно было худое, почти иссушенное и строгое, а прищуренные глаза и опущенные

уголки губ придавали ему невероятно скептический вид. Ведущий, похоже, как раз задал ему какой-то вопрос, и он собирался с мыслями, переведя взгляд куда-то вверх и вправо.

– Ну смотрите, я задумывал ее так, что на основной сюжет, состоящий из двух частей, довольно симметричных, как бы наслаиваются несколько побочных, по объему больше основных или равные им. Они дают указания на то, как можно интерпретировать часть с основным сюжетом, чем, собственно, закончилась история.

– То есть, как можно понять ее концовку? Вообще, сильно ли меняется понимание истории, если не найти никаких подсказок?

– Грубо говоря, есть десять основных трактовок, и их можно классифицировать несколькими способами. Первый интерпретирует, собственно, саму суть произошедшего, чем на самом деле являлись показанные события, включает три категории. Второй основывается на том, что какая-то из частей могла быть нереальна, то есть, происходить во сне, в иллюзии, в чем угодно, только не в реальном мире. Возможно, реальны обе части, возможно – только одна, возможно – обе нереальны. Четыре категории. И, наконец, третий способ классификации трактовок завязан на последовательности событий. Он предполагает, что события обеих частей могли происходить как одновременно, так и последовательно. Две категории. Вот, в общем-то, все. Кроме того, у каждой есть параметр цикличности и хронологического поряд-

ка.

– Вы сказали, что основных трактовок десять. Не могли бы вы...

На этом моменте я потерял интерес к их беседе, к тому же, картошка закончилась, да и время обеда тоже подходило к концу. Я двумя глотками допил сок, тщательно вытер руки салфеткой и встал из-за стола. Перед выходом я подумал, что стоит зайти в туалет. Когда я уже зашел в кабинку, к горлу подступила неожиданная тошнота, и меня вырвало – горько и коротко. Я стоял, упершись кулаком в стену, и пытался понять, какого черта происходит. Это определенно не было симптомом перепоя, ведь тогда бы меня вырвало еще утром. Я не ел ничего, кроме яичницы, тостов и картошки, и насчет каждого из пунктов этого списка мог с уверенностью поставить галочку в графе “надежность и проверенность”. Справив нужду, я вышел из кабинки, умыл руки. Когда я перевел взгляд на свое отражение, оно показалось мне каким-то бледным, но это было и неудивительно после прочих странностей. Вытерев руки полотенцем, я вышел из туалета и покинул паб, быстрым шагом направившись в сторону студии, совершенно забыв про музыку. По пути мне не встретилось ничего забавного.



Фил сказал, что ему нужно было уйти в половину шестого, и спросил, нет ли чего такого в том, что он в первый же день уходит раньше. Я успокоил его, сказав, что главное у нас – успевать делать все в срок и качественно, а распределение времени по большей части уже зависит от него самого. Еще раз поблагодарив его за билеты и договорившись встретиться на движе, я попрощался с ним и сам начал понемногу готовиться к выходу. В принципе, за сегодня мы накидали несколько хороших вариантов для моделей персонажей, даже начали нескольких в цвете – для первого дня неплохо. Я обошел тех из ребят, кто еще остался в кабинете, посмотрел, как идут дела у них, спросил у Л-Т., что он думает насчет ворваться вечером на тусу. В прошлом году он был на “Пирю” все три раза, что его проводили, один раз даже без меня, но в этом сезоне все сложилось не так удачно – сегодня у его девушки был день рождения, и они с ней уже давно запланировали какой-то особый вечер, в который посещение тусовок не входило. Л-Т. с досадой в голосе пообещал, что в следующем месяце присоединится, и попросил скинуть пару видосов с места действий.

Когда минутная стрелка образовала с часовой ровную прямую, я проверил бэкап данных, сохранил базу и выключил

чил рабочий комп. Закинув в рюкзак все, что за день разбросал по столу, я пожелал Р. удачи в его битве с витражами – надо сказать, что к вечеру он немного приободрился, и в последний перекур даже обрел привычную болтливость, так что можно было сделать вывод, что его день усердия и целеустремленности прошел не зря, и работа близилась к завершению – попрощался с ребятами и вышел в коридор. Там я налил в стакан холодной воды из кулера, сменил тапки обратно на кеды и собирался было выйти из студии, но вспомнил о звенящей в кармане мелочи, полученной на сдачу в пабе и уже несколько часов меня раздражающей. Рядом с кулером у нас стоял небольшой автомат в виде шкатулки, в котором можно было за гроши купить печенку с предсказанием, а полученные деньги раз в месяц извлекались и вроде как направлялись куда-то на благотворительность. Мелочи у меня хватало на две печенки, и я скормил шкатулке почти все монеты из кармана. Печенье было наполовину шоколадное, а на улице неплохо припекало, так что я решил съесть обе сразу. Внутри первой оказалась бумажка с надписью “Ничто никогда не заканчивается, но берегите свою жизнь!” – довольно странное предсказание, как мне показалось. Бумажка из второй гласила: “Завтра для вас станет особенным днем, вы встретите нужного человека!” – вот это уже что-то более привычное. Пожав плечами, я выкинул обертки в мусор и вышел из студии.

Через несколько минут я уже был в магазине, неторопливо

шагал между витрин и разглядывал ассортимент, бессознательно почесывая бороду. В итоге я остановился на наборе акриловых красок, и к ним взял две банки белил. Холсты выбрал те, что и всегда – набор из трех грунтовых холстов без подрамника, 40 на 60 сантиметров. Расплатившись на кассе, я вышел из магазина ближе к половине седьмого, перед самым закрытием. Кассир, с которой я был немного знаком, вышла за мной на последний перекур – кому не было знакомо это желание хоть немного приблизить конец рабочего дня, пусть даже он вот-вот закончится сам по себе. Мы курили и болтали обо всяких незначительных мелочах, я спросил, как у нее продвигаются дела с продажей фотографий на стоках, она спросила, “рисовал” ли я недавно что-нибудь клевое. Рефлекторно сдержав порыв исправить ее, я показал фотку картины, которую утром отправил Минск. Девушка долго вглядывалась и постепенно менялась в лице, что меня порадовало – значит, все работает именно так, как должно.

Попрощавшись с ней, я вернулся на ту дорогу, которой шел утром с остановки, чтобы теперь сесть на ней в уже другой трамвай и доехать до Солей. Туда можно было добраться и автобусом, но трамваи мне нравились куда больше. По пути мне встретилась белая кошка, сидящая на скамейке. Я машинально наклонился, чтобы погладить ее, ожидая, что животное, как это всегда бывает с бродячими кошками, отскочит с недоверием, но к моему удивлению, этого не произошло. Кошка осталась сидеть на месте, только повела ухом

и зажмурилась. Отворачиваясь от нее, я как будто заметил что-то странное: мне показалось, что кошка на секунду дернулась, словно сдвинулась немного вправо и вернулась обратно. Встряхнув головой, я пошел дальше.

* * *

Когда я подходил к бильярдному клубу “Портос”, на часах было еще без пяти семь, но Курт и Эйч уже оба были на месте. Второй сидел на четвертой ступеньке лестницы, опершись локтями на шестую, и с ехидным видом слушал, как первый что-то очевидно втирает, помогая себе жестикуляцией. Я сразу подумал, что Курт, должно быть, уже начал описывать, как он свободно себя чувствует, и что нужно, наверное, после отпуска уволиться вообще, и что на ближайшую неделю у него уже готово расписание: от пробежки утром и здорового завтрака, через первую фазу напряженной и эффективной работы “на себя”, разумеется – удаленно, за компьютером, сквозь сиесту и чтение классической литературы обратно к самозанятости и работе с ежедневником, до легкого ужина, тренировки, подкастов перед сном и так далее. Курт был чем-то похож на меня – не внешне, он был плотным белобрысым дылдой – но этой тягой к излишнему, местами даже нездоровому планированию того, что в итоге ре-

ализовано не будет. Впрочем, я со временем смог отчасти побороть себя, существенно ограничив свои амбиции и цели, смирившись с тем, что такой ленивой жопе это все не под силу. А вот Курт пока сдаваться не собирался, и, хотя он был так же ленив как я, и куда менее дисциплинирован, конфликт между ожиданиями и действительностью не вызывали у него заметного диссонанса. Мне иногда казалось, что он так просто развлекает себя, отлично понимая, что на самом деле не сделает и десятой части задуманного. Эйч, куда больше похожий на меня внешне, почти во всем остальном отличался. Это был куда менее серьезный чувак, с трудом переносящий любую мороку и тягомотину, планы строящий не дальше, чем на вечер завтрашнего дня, выбравший по жизни принцип “запариваться как можно меньше”. С ним почти невозможно было договориться о чем-то на следующую неделю, или – куда уж там – на следующий месяц, но при этом именно Эйч обычно звал куда-то других людей – чаще всего это было что-то в стиле “Йоу, бро, че как, ты где сейчас? Мы тут с Вик решили прогуляться, погнали с нами!”, и ему часто приходилось ждать, пока кто-то приедет на встречу, о которой заранее не думал – но Эйча это не напрягало, и ждал он всегда с легкостью и сколько нужно. Порой я думал, что это удивительно – именно он, при всей своей беспечности и непродуманности, из всех моих факультетских знакомых первым женился. В общем-то, он сделал Вик предложение еще на предпоследнем курсе, и все четыре года, что про-

шли с тех пор, я имел удовольствие периодически наблюдать почти идеальный брак, и это все наводило меня на определенные мысли о природе отношений в целом.

Курт так увлекся своим рассказом о том, как в бухгалтерии ему неправильно посчитали отпускные, что даже не заметил, как я подошел. На том моменте, когда Курт принялся изображать бухгалтершу, испытывающую недоумение и растерянность, передразнивая ее голос и разведя руки в стороны, я пожал вытянутую в моем направлении руку. Курт так удивился, что даже немного подпрыгнул. Я строго посмотрел на него и деловито кивнул, демонстрируя свое безмерное внимание к истории.

– Так. Продолжайте.

Эйч хохотнул со ступенек, я поздоровался и с ним и тоже сел, стягивая с носа очки. Ближайшие несколько минут мы слушали продолжение истории с бухгалтерией, которая под натиском отпускного Курта все же нашла у себя ошибку и пообещала начислить недостающее, потом мы с Куртом курили, а Эйч рассказывал, как недавно встретил в тренажерке одну нашу однокурсницу, которая в те годы была подобна линкору, как ее некоторые и называли из-за созвучия с именем, а сейчас, по словам Эйча, сжалась почти что до размеров катера.

– Блин, ну красава, что тут сказать. – Курт был явно впечатлен, уже секунд пять сбивая пепел с сигареты и уважительно кивая. – Вот что значит мотивация, шарите!

Мы с Эйчем переглянулись.

– Слушай, так может сходи тоже в этот зал, а? – Эйч намекаяще поднял бровь в направлении Курта. – Пригласи ее куда-нибудь.

– А ну как она тебя научит правильной мотивации! – я наклонил голову, громко хрустнув шейей. – Пора бы тебе уже становиться за штурвал корабля своей жизни...

Нам пришлось постараться и проявить немалую ловкость, чтобы увернуться от предпринятой Куртом попытки пинка.

Мы зашли в клуб и заказали стол для пула на полтора часа. Стол находился в зале на нижнем этаже. Прихватив три кия, мы спустились по витой широкой лестнице и направились к своему столу в ближнем углу. Мне нравился “Портос”: здесь было много столов, от пула и снукера до русского, сами столы были в отличном состоянии – ровное чистое сукно, никаких выщербин или бугорков, корзины под лузами не отваливались, как в паре других заведений, огромный выбор киев – легких и тяжелых, разборных и цельных, длинных и компактных, я никогда не видел, чтобы было занято больше половины столов, цены в баре были весьма демократичны, к тому же, тут можно было взять неплохую пиццу. Побросав вещи на полку рядом с вешалкой, мы привычно разделили обязанности: я взял со столика меню и нажал кнопку вызова официанта, Курт принялся выкладывать шары на стол и ровнять их треугольником в положение для игры в девятку, Эйч развалился на диванчике и залип в телефон.

Через минуту к нам подошла девушка и спросила, что мы будем заказывать. Я попросил шесть стаканов пива, а от пиццы чуваки отказались. Приняв заказ, официантка ушла, и Курт разбил. Ни один шар не нашел свою цель, и к столу подошел Эйч.

– Кей, так что ты там уже надумал делать? Есть какие интересные темы? – спросил я из мягкого бежевого кресла, покрытого узором из нарисованных животных. Эйч почти забил первый шар, но тот все же остановился у края лузы, и я встал с кресла.

– Для начала нужно сегодня-завтра сходить куда-нибудь прочистить башку от работы. Как насчет сгонять после пула погудеть на Трикотаж?

Я спокойно загнал первый шар, подаренный мне Эйчем, и прицелился во второй. Трикотаж, также известный как улица Трикотажная, был одним из самых шумных питейных мест города. Эта длинная улица с несколькими прилегающими к ней переулками, небольшими площадями и подворьями начиналась в Верхнем городе и изгибалась вокруг здания одного из концертных холлов, чтобы закончиться образующим тупик зданием пивоваренного завода в восточной, “кирпично-брусчатой” части центра. На самом деле это был не совсем тупик – за пивоварней был выход на бетонную набережную, откуда можно было попасть на мост, пересекающий реку, к входу в центральный парк – если идти по набережной налево, и к одному из офисных кварталов – если идти по

набережной направо, по обратной стороне Трикотажа. Эта улица была, наверное, одной из самых посещаемых в городе – особенно по пятницам и субботам. Я разочарованно цокнул языком, когда второй шар ударился о борт сантиметрах в пяти от лузы.

– Ну не знаю, я там был пару дней назад, когда приезжал знакомый чел, – Эйч поморщился. – Зашли в “Exit”, сидели часа три, и в итоге так налили пивом и их коктейлями, что я поругался с барменом, а знакомого начало морочить, что он приехал к нам, чтобы устроиться таксистом, и еще полчаса мы ходили по Трикотажу в угаре и искали его тачку, пока до Вик не доперло. В общем, я бы отдохнул от этого места.

Пока Эйч рассказывал, Курт забил второй и третий шар, но с четвертым дал маху.

– Ну что, шит хэппенс. Забавно, что вы подумали сначала о том, что тачки нет, а не о том, что твой знакомый в хламину.

Эйч только отмахнулся и попытался забить четвертый рикошетом от борта, но у него не вышло. Я снова вылез из кресла и обошел стол вокруг, раздумывая над ударом.

– Месье, а давно ли вы были на кольце? – я понял, под каким углом лучше бить четвертый и тщательно прицелился.

– В смысле вообще или на тусе? – Эйч призадумался. – Вообще – недавно был там днем по делам, купил шаву в новом лотке у парковки, там, где “Луч” прошлым летом проходил. Нормально делают, кстати, давно такую сочную не ел.

И лаваш такой хрустящий, что...

Забив четвертый, я уже собирался загнать в лузу пятый, но описание шаурмы заставило мой желудок слегка заурчать – картошки днем явно было маловато.

– Чел, вы не захотели брать пиццу, так что давай без этого. – пятый разминулся с лузой и остановился у противоположного края стола, при этом опасно близко подбив к угловой лузе девятый, и Курт издал короткий торжествующий вскрик. – Нет, я про тусы на кольце. Я там с марта не был.

Курт забил пятым девятку и начал обходить стол, доставая шары из луз. Нам принесли пиво, и мы, поблагодарив официантку, звонко ударили стаканами над столиком. Когда девушка ушла, Курт начал вспоминать свой последний визит на кольцо.

– Ну, я в мае с парой хоуми-работяг заскочил разец в “Вельвет”, но мы ливнули где-то через час, народу почти не было, хотя играли что-то крутое, я прям удивился. Кстати, там сделали кайфовый редизайн, теперь все в кислотном стиле и такое типа футуристичное. Жаль, что мы без ничего были.

Эйч машинально опасливо оглянулся, составляя шары треугольником для второй партии. Некоторые темы вызывали у него нездоровую паранойю, даже когда упоминались совсем уж косвенно.

Я закинул ноги на мягкий подлокотник кресла и дважды приложился к стакану. Лагер был с нормальной пеной, свет-

лый и холодный, и по стеклу медленно стекали капли воды – хоть сейчас в рекламу.

– Ну-с, просто есть интересная тема на сегодня. – я взял паузу, и закурил, наблюдая, как Эйч с разбоя забивает четвертый. Он заинтересованно взглянул на меня.

– Сегодня есть какой-то годный движ на кольце?

– Да, вечером будет “Пир”, первый в сезоне. Помнишь его в прошлом году? С нами еще были два чувака с моей работы.

Эйч забил первый и глотнул пива, что-то вспоминая.

– Аа, тип, который втирал за индюшатину, и еще один, который накидался и ко всем подкатывал? Помню-помню, было прикольно.

Курт не сдержал смешок – тот, о ком говорил Эйч, был корешем Курта еще со школы, и он, должно быть, много раз наблюдал такое. В общем-то, на студию его привел я, и именно по наводке от Кей, хотя чувак и проработал в итоге меньше года, так и не приспособившись к офисной работе. Эйч тем временем не забил второй, и я, еще раз отхлебнув пива, покинул кресло.

– Кстати, ты же там был еще вместе с Ми-Ми? Я просто помню, что это было единственное мое двойное свидание на движе. – теперь уже Эйч плюхнулся на диван.

Я протяжно замычал. Интересно, как так получается, что эта тема постоянно всплывает? Второй шар нашел свое место в лузе, и биток выкатился на хорошую позицию для удара по третьему.

– Да, я тогда еще был с Ми-Ми. Но я сейчас не об этом, а о том, что сегодня мне вместе с новым проектом выдали новенького в команду, и оказалось, что его брат – организатор кучи ивентов, которые обычно бывают на кольце. – После прямого удара третий тоже исчез со стола, но четвертый был заблокирован почти полностью, и я задумался, как можно попытаться по нему попасть. – И этот чувак подогнал мне четыре билета на сегодняшний движ.

Курт довольно потер руки, и было видно, как мысль о Трикотаже в его голове медленно сменяется другой.

– А что, на работе ты никому не предлагал?

Мне не удалось коснуться четвертого, и Курт взял биток в руки, выбирая, куда его поставить.

– Предлагал тому чуваку, с которым ходил в прошлом году, ну, который фанат инди, но сегодня день рождения у его девушки, и там типа уже какие-то планы есть. Лексу еще утром писал по другой теме, но он пока все еще не заходил. Фай сегодня в студии не было, она вроде собиралась раздать пару смен и съездить к семье на неделю. Так что все четыре билета еще у меня.

Эйч кивнул и поднял стакан, чуть не расплескав пиво.

– Тогда я в деле. У Вик, кажется, не было никаких планов на вечер.

Курт все же сумел коснуться четвертого, хоть и не забил его, и Эйч сменил его за столом.

– Соглы, тема огонь. Ух, сегодня вечером битецкие вы-

бьют из меня весь остаток рабочего вайба! – Курт мечтательно улыбнулся, глядя в потолок.

Эйч не без доли везения забил четвертый и, взглянув на наши пустеющие стаканы, приложился к своему.

– Ну тогда что, часов в десять с небольшим стыканемся где-нибудь у кирпички? Движ в десять начинается. – я посмотрел на часы, которые показывали двадцать минут восьмого. Сигарета дотлела до фильтра, и я затушил ее о дно пепельницы.

Уже более уверенно разобравшись с пятым, Эйч кивнул. – Блинский, тогда мне нужно срочно сделать звоночек, иначе у Вик времени не хватит на сборы, и мы придем к середине тусы.

Пока Эйч звонил жене, я облажался с шестым, и за стол стал Курт. Я плюхнулся в кресло и взял в руку стакан, пытаюсь понять, о чем я только что мельком подумал, когда бил, отложив мысль на пару секунд – и вот ее уже нет. Меня преследовало навязчивое ощущение, что я что-то забыл, причем я замечал это сегодня уже несколько раз. Забыл как будто что-то бытовое, но супер-важное, вроде включенного утюга или незапертой входной двери. Или оно было просто похоже на бытовое по ощущениям, а связано было с чем-то другим? Память наотрез отказывалась нащупать эту мысль. Пока Курт выбирал угол удара по седьмому, я медленно прокручивал в голове все, что должен был сделать сегодня, проверил рюкзак – но ни единой идеи не появилось. Все было

сделано, куплено, отправлено и так далее. Возможно, это было как-то связано с Минс, которую недавно упомянул Эйч, и мозг связал это с посылкой? Но ведь посылку я отправил, да и мысли о ее получателе уже какое-то время не вызывали хаоса в голове, не будоражили чувства, не наводили ни на какие жалающие воспоминания и образы. Все было переварено и отработано, я даже выкинул сегодня утром в мусор тот конверт, и сделал это с легкостью. Так что она тут была не при делах. А что же было?

За следующий час мы сыграли еще семь партий, Эйч и Курт, как будто сумев прочесть мои мысли, зачем-то завели разговор о Минс, разглядывая фотку подаренной ей картины и выпытывая о несуществующих подробностях нашего возможного, как им казалось, реюниона. Но долго эта тема не продержалась, и Эйч начал рассказывать о забавной теории заговора, на которую он недавно наткнулся в сети, а потом мы с Куртом долго спорили на тему опенингов одного аниме, и Эйч делал вид, что его вот-вот вырвет. В какой-то момент я хотел рассказать чувакам о том, что утром проснулся в ванне и не могу вспомнить вчерашний день – но вдруг передумал. Если бы они были в курсе о том, что я делал вчера, если даже это самое “вчера” не было лишь сном, они бы сказали, а сама эта история звучала не особо смешно, скорее странно. Когда время вышло, и свет над столом погас, мы сложили шары в коробку, собрали вещи и направились к лестнице. Эйч расплатился за стол и пиво картой, и я пометил у себя в замет-

ках, что нужно ему сегодня скинуть мою часть. Оставив кии на стойке, что занимала всю стену рядом с кассой, мы вышли из клуба. После короткого перекура, во время которого были обсуждены детали сегодняшнего похода на “Пир”, мы разошлись, не прощаясь, я купил пачку апельсинового сока в небольшом магазине рядом с клубом, после чего заказал такси до дома, чтобы оставить там все лишнее перед тем, как двинуться на кольцо. На часах было 20:35.

* * *

Приехав домой, я поставил сок в холодильник, выложил из рюкзака холсты и краски, оставив их за мольбертом в углу комнаты. Все остальные нужные вещи – ключи, прозрачный пузырек с таблетками, паспорт, компактные наушники-затычки вместо стандартных накладных, пачку сигарет, четыре билета – я рассортировал по карманам джинсов и темно-красной толстовки, рассудив, что через час-два на улице будет уже слишком прохладно для футболки, пусть даже плотной. За воротник толстовки я зацепил и очки.

Поесть можно и где-нибудь на кольце, так что нужды что-то готовить не было, и я умылся холодной водой и пару раз пшикнул духами с верхней полки в ванной – подарок Минск, который держался уже почти год, но все же вот-вот закон-

чится. Половина упаковки жвачки нашлась в кармане ветровки в шкафу, и там же неожиданно обнаружилось несколько мелких купюр и горстка монет. Все это переключало в задний карман джинсов. Еще раз проверив все снаряжение и сменив кеды на цветастые кроссовки, которые было куда сложнее оттоптать на танцполе, я удовлетворенно кивнул и вышел из дома.

Добираться до пункта назначения на трамвае было не слишком удобно – пришлось бы делать пересадку на бульваре, ждать единственного трамвая, который оттуда ходил до Старого города, да и от нужной остановки до кирпички топтать довольно долго, а я все же хотел перед всем действием зайти куда-нибудь перекусить – вопреки названию, на “Пирю”, как и на большинстве подобных мероприятий, можно было только выпить, а из еды была лишь опциональная закуска к шотам в виде долек апельсина или грейпфрута. Всего пару раз я наблюдал на тусах небольшую будку с бельгийской картошкой-фри, и оба раза мне к тому моменту было уже не до еды. Прокрутив в голове эту мысленную цепочку, я решил добраться до места на метро, которое обычно игнорировал. Закурив сигарету и включив музыку в наушниках, я двинулся в сторону ближайшей станции метро, которая была в минутах пяти ходьбы от моего дома – в кои-то веки этот пункт в описании квартиры в объявлении не оказался приукрашенным в несколько раз.

В целом я не очень любил метро по трем причинам. Пер-

вая – мне по какому-то роковому невезению почти всегда нужно было сделать как минимум одну пересадку, чтобы доехать в нужное место. Вторая – станции некоторых веток были заложены довольно глубоко, и долгие поездки на эскалаторе частично нивелировали преимущество по скорости перед наземным транспортом. Третья была совершенно очевидна – совершенно неадекватное количество людей вплоть до шести-семи часов вечера, по некоторым направлениям и того дольше, следовательно – теснота и духота. Однако ездить именно в Старый город из текущей квартиры оказалось не так уж и неудобно: проехать нужно было шесть станций в пределах одной ветки, и на середине этого пути, когда и начинался Старый город, поезд выныривал наружу и ехал по поверхности следующей несколько станций, пока не покидал исторический район. Видимо, это решение, примененное еще на паре участков по всему городу, было призвано придать месту больший колорит – сами наземные станции имели весьма классический вид, без потерь по функциональности. Это походило на поездку в скоростном трамвае, так что мне было не на что жаловаться, к тому же в такое время – а было уже без пяти девять – пассажиропоток заметно уменьшался.

Пока я шел к станции, я думал над тем, что этот день был довольно хорош, хоть и начался он странно. Я почти не проваливался в скуку и монотонную предсказуемость событий, я символически расстался с тяготящим прошлым, кое-какие

события наводили на мысль, что я нахожусь в каком-нибудь скучноватом и малобюджетном фильме категории “Б” – но все же в фильме, и это было несравненно лучше убийственной рутины, печать которой лежала на большинстве прочих дней. Будет о чем подумать перед сном. А, и да – любопытно, как выглядит альтернативная версия этого дня. Возможно, в этот раз интерес действительно не был безосновательной привычкой, сродни кнопке “пропустить ход” в какой-нибудь пошаговой игре. Я взглянул на часы, время – 20:58, таймер на 1:40. Снова мелькнула мысль “я что-то забыл”, но желания опять рыться в памяти уже совсем не было, и я отмахнулся от нее.

Я ступил на платформу одновременно с тем, как прибыл поезд, и мне даже не пришлось останавливаться или ускоряться – я пересек платформу и вошел в вагон ровно в том же темпе, что спускался по лестнице, и двери сомкнулись сразу после того, как я занял угловое место в правой части вагона. Мне всегда нравились такие моменты, когда по случайности мой тайминг был идеален, как, например, когда я подходил к пешеходному переходу ровно в ту секунду, что зажигался разрешающий сигнал светофора. Иногда я думал о том, как было бы приятно постоянно жить в идеальном тайминге, ни для чего не ускоряясь, не замедляясь, не останавливаясь. Наверное, это ощущается так, словно весь мир подстраивается под тебя. Да, это наверняка позволяет любому человеку почувствовать себя действительно особенным и исключитель-

ным, в противоположность почти всему, что с нами обычно происходит каждый день.

Вагон был непривычно пуст, даже с учетом позднего времени – вместе со мной в нем находилось человек десять, не больше, хотя и в соседнем вагоне было примерно так же. Я не взглянул на табло ожидания, но, скорее всего, поезд прибыл почти сразу за предыдущим. Я переключил в плеере атмосферных, но меланхолических Riverside на более легковесную дженерик-попсу, куда более подходящую для создания правильного настроения перед движением.

Большинство из пассажиров уткнулись в экраны телефонов, несколько человек дремали, кто – поклевывая головой в такт движению поезда, кто – запрокинув голову назад и открыв рот. Глядя на них, мне и самому слегка захотелось спать, по телу прошла легкая дрожь, я подавил зевок и пару раз дернул себя за мочку уха. Что же было лучше – шумная веселая тусовка с музыкой и выпивкой, с кучей народа, ярким светом и содрогающимся от битов полом, или крепкий долгий сон, после которого чувствуешь себя отдохнувшим, в котором было что-то интересное, чего не могло быть в реальном мире? Но ведь любой сон рано или поздно заканчивается. С другой стороны, тусовка тоже заканчивается – если только ты не живешь там, где даже утром и днем можно найти место, в котором, как и во сне, легко скрыться от реальности. С третьей стороны, присниться может что угодно – в том числе и эти несколько часов отрыва под рев музы-

ки, со случайными знакомствами и плывущей головой, частично ослабив контроль над собой, который, как оказывается именно в такие моменты, мешал жить, был прослойкой между миром и твоим мироощущением, делая естественное искусственным и простое – сложным. С четвертой стороны, детализация снов оставляла желать лучшего, как и их запоминание. С пятой стороны, считалось, что это можно изменить путем долгой работы над осознанными сновидениями. С шестой стороны, это было ужасно сложно и долго, да и ничего не гарантировало. И все же я не знал точно, что я предпочитал больше – сон или реальность. Этот вопрос был слишком запутанным и разносторонним, и каждый раз в новой ситуации с новым контекстом ответ получался разный.

Поезд, проехав три станции, вынырнул на поверхность, и мне открылся шикарный вид: тонущий в сумерках и источающий прохладное спокойствие парк, что лежал между путями и грузным силуэтом Старого города, линия горизонта которого была подсвечена необычно розовым закатным солнцем, взметнувшаяся со столба стая птиц, напуганная проносщимся мимо них поездом, сверкнувшая на миг в воздухе тонкая нить – быть может, паутина, свитая старательным пауком между оградой путей и одной из стоек, что вырастали из этой ограды на равном друг от друга расстоянии, движение кажущихся отсюда миниатюрными людей по мощным булыжником улицам, между кирпичных зданий арт-галерей, белеющих стен церковей, мраморных колонн музеев и

невысоких башенок отреставрированного форта. В такие моменты я испытывал очень краткое, но сильное чувство, похожее на какой-то чуть ли не мистический опыт – единение со временем и пространством, острый творческий порыв, когда тонущий во вдохновении мозг, запечатлев яркую картинку окружающего мира, за доли секунды строил на ее основе сюжеты, создавал образы, высвечивал неуловимые, но манящие детали мира, который можно на этом построить, выдернуть из пустоты небытия, облечь в форму, став для этого мира богом. Но чувство это было очень мимолетно, и уже через несколько секунд, максимум – через минуту, яркий образ пропадал из воображения, переставал быть таким реальным. Но даже этих коротких секунд мне хватало, чтобы почерпнуть из момента хотя бы что-то, почерпнуть и запомнить свои ощущения и впечатления, зафиксировать мысли и детали, чтобы потом перенести это на бумагу – хотя бы в какой-то степени оживив этот мир.

Четыре минуты спустя я закончил записывать этот момент в хранилище ему подобных, сопроводив заметку указанием песни, которая играла в наушниках – моя память куда лучше что-то усваивала, если это ассоциировалось с музыкой. Я поставил ее на повтор, чтобы закрепить получше, и, когда поезд остановился на нужной станции, вышел из вагона, с удовольствием потянувшись и встряхнув руками. Станция была расположена на верхнем берегу реки, занятом в этой части русла Старым городом, в то время как нижний

берег разделял центр и южную оконечность города, состоящую в основном из промышленных и жилых кварталов да огромных зеленых зон – с парками, лесом, каналами и даже искусственными водопадами. На “югах”, как частенько называли район, жило не больше десятой доли всего городского населения, так что эта часть города выглядела несколько дикой, как будто ее перестали осваивать на полпути, ограничившись созданием форпоста из тонущих в зелени вкраплений пятиэтажек и переносом в этот район большей части промышленных предприятий, что когда-то находились в центре или рядом с Верхним городом. Впрочем, именно из-за своеобразного вида и застройки, такой ленивой и пассивной, мне очень нравилось здесь бывать – это было похоже на поездку за город, только весь путь занимал минут пятнадцать. Естественно, в теплое время года здесь, куда ни плюнь – шашлыки, пикники, купания и прочий активный отдых, и даже сейчас я видел, как по мосту двигаются группы людей – кто на юга, кто обратно в город.

Мне тоже нужно было к этому мосту, потому что в место – бывшее еще двадцать лет назад самым плотно застроенным заводами и цехами кварталом на нижнем берегу, а теперь превратившееся в один из крупнейших культурных и тусовочных хабов города, в котором бывшие склады и заводские помещения были переделаны под арт-пространства, коворкинги, залы для театральных постановок, творческие мастерские, ивент-холлы и так далее – в это место нельзя

было попасть из Старого города, потому что ни один мост не возвышался над изгибом, который река делала вокруг квартала, действительно почти принимая форму кольца, оставляя на нижнем берегу, со стороны югов, лишь узкую горловину прохода, не шире двухсот метров. Это выглядело довольно забавно, когда ты ночью гуляешь по Старому городу вдоль набережной, и вдруг перед тобой вырастает странный район – здоровенные кирпичные здания с силуэтами фабрик и складов, расписанные граффити, украшенные лианами, и где-то там, в центре этого места что-то гудит, долбит музыка, из малочисленных и небольших окон вырываются лучи света, тогда как улицы этого квартала едва-едва освещены, но все же видно, как там происходит оживленное движение, и можно услышать отдаленный шум голосов. Река начинает огибать этот участок, и ты проходишь его почти что по периметру, не наблюдая ни единого моста, ведущего в сие занятое место. Но через несколько минут перед тобой все же появляется мост на другой берег, где наверняка можно будет найти вход и посмотреть, что же там происходит. И ты, разумеется, не отказываешь своему любопытству. Фактически, именно так я сюда и попал в первый раз, лет девять-десять назад, когда кольцо еще только начинало свою метаморфозу, а сам я еще был школьником, развившим в себе чудную привычку выбираться на ночные прогулки, даже когда было не с кем. Улыбнувшись этому забавному воспоминанию, я закурил и направился к мосту.



Здание кирпички, где должен был проходить “Пир”, находилось в левой части кольца, недалеко от набережной. Туда можно было попасть либо с самой набережной, либо свернув с одной из двух главных улиц квартала в короткое ответвление, в котором, помимо бывшего корпуса кирпичного завода, располагались блинная, фастфуд с претензией на приготовление мяса на открытом огне и выставочный комплекс “Скважина”, к задней части которого примыкали парковка и небольшая пешеходная зона, по периметру заставленная типичными для уличного фуд-корта вещами: широкими деревянными бобинами в качестве импровизированных столов, окружающими их простыми стульями без спинок, лавками, двумя лестницами-амфитеатрами в углах. На парковке частенько – не только по субботам и пятницам – было полным-полно байкеров, отчего-то избравших этот участок кольца одним из своих любимых мест для встреч. Когда я проходил мимо глубокой арки, ведущей из переулка в этот своеобразный дворик, я успел заметить с десяток мотоциклов на парковке, да в самом пространстве уже было довольно многолюдно. Люди сновали туда-сюда через арку, стояли группами у стен “Скважины”, рассаживались за столики и на

ступенях лестниц, болтали, подходили к небольшому прицепу, в котором продавали алкогольное мороженое, кто-то уже был навеселе и исполнял какие-то не слишком техничные, но рьяные танцы. Из чьих-то колонок играла музыка – тот же мимолетный летний попс, что я недавно слушал в метро.

Люди здесь были самые разные: от явных школьников – не старше, чем я был во время первого своего визита сюда – кричаще одетых, громких, эмоционально возбужденных, и до пожилых пар, с любопытством прогуливающих по улицам и переулкам. Ну и все, кто между ними: укутанные в кожу байкеры, офисный планктон в лоферах и со стаканами жизненно необходимого им кофе, небольшие отряды из неразлучных с телефонами девиц в откровенных легких нарядах, бодро щебечущие на своих языках туристы, отвязного вида студентота с рюкзаками и сумками, влюбленные парочки, гуляющие по набережной или уединившиеся за столиками, бодрящиеся дамы за сорок, диджеи и организаторы ивентов, локально известные рэперы, рабочий люд с производств... Благодаря такому разнообразию кольцо всегда казалось мне одним из самых ярких и колоритных мест в городе.

Я прошел мимо кирпички, глянув на внутренний двор – по нему сейчас ходило несколько человек, завершая подготовку площадки. Это место было похоже на двор за выставкой, только побольше, а в остальном – те же лавки и стулья, бобины-столы, расставленные перед небольшой сце-

ной поддоны с матрацами, та же лестница-амфитеатр, только пониже и пошире, прилегающая к основному зданию большая деревянная веранда, на которую можно было попасть из просторного коридора, что обычно служил баром или гардеробом – смотря кто и в каком формате организовывал движ. Отличительной особенностью двора кирпички была трехметровая строительная вышка, которую использовали во время ремонта и обновления внешнего вида заводского корпуса, для перекраски рыжего кирпича в красный, ну и для разрисовки стен завода сюрреалистическими граффити. Когда ремонт закончился, новый владелец решил выкупить вышку, за время работ приобретающую весьма колоритный вид, и с тех пор она стоит в центре двора, вмонтированная в бетонное основание. Иногда ее использовали как большую горку для лазания или площадку для сидения, иногда на самом верху устанавливали проектор или какую-нибудь светомузыку.

До начала было еще минут сорок – вполне достаточно времени, чтобы где-нибудь перекусить, и я зашел в фастфуд напротив кирпички. Заказал два бургера по акции и стакан пива и сел у окна, ожидая своего заказа. Не успел я погрузиться в чтение ленты, как кассир объявила мой номер, и пиво с бургерами перекочевали на столик.

После первого, умятого довольно быстро, я скривился и откинулся на спинку стула. Зачем мне все это? Почему я ем бургеры и картошку, хотя обещал себе, что начну питаться

нормальной едой, почему я каждый день пью, а не бегаю и не хожу в зал, как когда-то собирался делать, почему я ложусь спать в час-два ночи, хотя знаю, что нужно будет проснуться в 8:00, и из-за недосыпа первые несколько часов я буду полным овощем? Да может и не несколько часов. Вполне возможно, что я уже так сильно подорвал свой режим и запустил здоровье, что то, что кажется мне сейчас нормой – это на самом деле серьезная степень деградации. Ну, если подумать: усталость, апатия, рутинность и серость всего вокруг, за исключением редких часов или дней, слабость физическая и моральная – это все ведь не взялось из ниоткуда. Так зачем я делаю с собой такое? Думать об этом совсем не хотелось, что наверняка означало: подумать об этом стоит. Хорошо, ну не буду я всего этого делать, возьму себя в руки, оздоровлю образ жизни. И что дальше? Как будто я раньше не пытался. Всегда получалось одно и то же: спустя какое-то время без нескольких лишних часов на залипание в сети или в играх, без выпивки, без вредной еды, без веществ, без тусовок, без прокрастинации, занимаясь почти все время лишь “нужными” и “полезными” занятиями, я испытывал эмоциональный шок и впадал в жестокую меланхолию – остатки смысла пропадали из жизни, и бодрость с мотивацией, переполнявшие меня в начале этих “проектов улучшения жизни”, мгновенно испарялись, столкнувшись с реальным миром. Реальным миром, в котором стараются тысячи, а добиваются своих целей единицы; реальным миром, который твердит одно, а де-

дает прямо противоположное; реальным миром, где я знаю, каким человеком хотел бы быть, но не могу приблизиться к этому ни на шаг. Наверное, больше всего в окружающей действительности меня раздражало именно лицемерие происходящего – пропаганда оптимизма, лживые заявления политиков, деструктивность примененных на практике социальных идей, тотальное безразличие к судьбам отдельных людей при вылизывании задницы безликому обществу, и так далее. Слова и прокламации здесь так часто расходились с действиями, что почти обесценились. Невозможно было понять, что на самом деле происходит в мире, кто прав, а кто виноват, чем являлось и было вызвано определенное событие – слишком много у нас появилось инструментов для обмана и манипуляций. По факту у тебя оставалось два пути: следовать своим мечтам или плыть по течению. Первый путь почти всегда заканчивался неудачей и пониманием, что тебя обманули. Второй обычно приводил тебя к разложению личности и ненависти к себе. Только в первом случае ты старался что-то делать, а во втором – просто отдался на волю судьбы. Оба пути вели к краху, но в первом случае ты прикладывал усилия. Те, кто все же сумели добиться того, чего хотели, получали от жизни удовольствие большее, чем те, кто сдался и не страдал от этого – большее пропорционально разнице между усилиями их единомышленников-лузеров и усилиями тех, кто отказался от мечты. Проще говоря, стремясь к чему-то, пытаюсь чего-то достичь и прикладывая к

этому усилия, ты лишь повышаешь ставки, а сама выбранная стратегия никак не влияет на вероятность стать счастливым.

Пересилив отвращение к себе, я все же сделал большой глоток из стакана и откусил второй бургер. В общем-то, можно было объяснить все эти мысли и чувства, легко объяснить все мои нездоровые привычки, зависимости и отношение к жизни. Я видел два возможных объяснения этому явлению, и они в то же время могли быть одним и тем же. Первое: со временем я – наверняка и большинство людей, но я не могу быть в этом полностью уверен – начал постепенно терять интерес ко всему вокруг, моя способность радоваться, удивляться, надеяться и видеть что-то хорошее и достойное начала ослабевать по каким-то причинам. Быть может, это естественный процесс, быть может – следствие не самой радостной и интересной жизни, неважно. В любом случае, что-то вызвало этот спад, и чем дальше, тем более интенсивными должны становиться ощущения, впечатления и эмоции, чтобы поднять эмоциональный фон на тот же уровень, что и раньше. Если когда-то меня радовал стакан холодного кваса, купленный отцом в жаркий летний день на рынке, то через какое-то время для того, чтобы обрадоваться так же сильно, мне нужно было выпить литр-два пива на вписке у друзей, а сейчас выпить литр-два пива – это почти что ежедневная обыденность, и порадовать меня так же, как когда-то стакан кваса или литр пива, может только что-то куда более экстремальное. Если когда-то новый мультфильм по

телику или первые игры на стареньком компе были для меня настоящим откровением, то сейчас я уже не могу выносить большинство игр и мучительно долго выбираю, что бы такое посмотреть. Второе объяснение: радости постепенно стало меньше из-за привыкания к обычной ее дозе, и тогда это настоящая зависимость от удовольствия. А я просто не могу качественно получить нужные эмоции, поэтому пытаюсь компенсировать количественно – отсюда и желание под вискарь и пиццу залипнуть в какой-нибудь затягивающий сериал или мульт, отсюда многочасовое зависание в ленте с мемами, на ютубе или твиче – все это аддиктивно и требует ровно ноль умственного напряжения, это просто погружение себя в бессознательное состояние расслабленного блеяния и пускания слюней, это рай для прокрастинации, основа которой – выбрать что-то наименее энергозатратное и попытаться убедить себя, что здорово проводишь время, хотя на самом деле его просто мотаешь в бесплодных попытках испытать какие-то эмоции и получить впечатления, а остановиться не можешь именно потому, что это не работает, ты понимаешь, что цель не достигнута, ты не развлек себя достаточно, поэтому нужно продолжать, все дальше и дальше, пока не начнут слипаться глаза, пока не наступит дедлайн по работе, пока не нужно будет куда-то сходить или чем-то заняться – чем-то обязательным и неизбежным. И, неохотно выходя из своего овощного прозябания, испытываешь какое-то внутреннее опустошение и разочарование.

Потягивая пиво, я смотрел в окно, рассеянно наблюдая за людьми снаружи. Солнце уже почти скрылось, и кольцо погружалось в предночную прохладную темноту. Силуэты пересекали переулок, огибали здания, стояли, сидели, сбивались в группки, болтали и смеялись. Все эти люди сейчас весьма довольны – они свободны от забот, от обязанностей, от быта, они отдыхают. Я тоже не особенно несчастен прямо сейчас – всего лишь ненадолго погрузился в рефлексию. Скоро я выйду из заведения, встречу Курта и Эйча с Вик, угорю на движе и не буду думать обо всех этих мрачных вещах. Но пока что я здесь, и я о них думаю. Двери фастфуда хлопали, впуская и выпуская посетителей, и пожилая уборщица сновала между столиками, наводя вокруг себя чистоту и порядок.

Но разве не этого от всех нас хотят? Бесконечного, неукоснительного и пассивного подчинения своим любимым источникам информации, своим обожаемым медиа. Что плохого в том, что у тебя тысячи каналов на телике, новостные ленты, подписка на стриминговую платформу с эксклюзивными сериалами, с каждым днем все более персонализированные рекомендации на видеохостингах, игры-сервисы с лут-боксами и микротранзакциями, сотни приложений на телефоне – от кликеров до мэтчинговых сервисов, блоги, каналы и сайты в закладках, переиздания, сиквелы и ремейки, ремастеры, спин-оффы и все более расширяющиеся выдуманные вселенные, быть может, уже даже любимая

реклама есть? И все это связано упоминаниями, отсылками, цитатами, кроссоверами, фан-сервисом, удобно обзорами, разборами, анализом, рекапами, реакциями, спидранами, разборами спидранов, рейтингами обзоров, реакциями на реакции и так далее. Ну и что тут такого, действительно. Просто таков современный мир, вот и все. Это ведь прикольно и весело, людям нравится, так чего ж еще хотеть?

Возможно, людям стоило бы хотеть чуть меньшего погружения в информационный поток, чуть спокойнее ждать нового сезона любимого шоу, чуть менее охотно отдавать деньги за новую раскраску для виртуальной пушки, чуть менее пристально следить за каждым словом и движением селебрити. Потому что все выглядит так, будто мы не очень-то хорошо себя контролируем, не слишком успешно боремся с зависимостью от потребления информации. И по мере того, как все эти виртуальные развлечения будут становиться все более доступными и легкоусвояемыми, увеселительными и бессодержательными, по мере того, как с их помощью человеку будет все легче забыться и отвлечься от реального положения вещей в своей реальной жизни, которая никогда не денется, которая будет терпеливо ждать, бездействие и игнорирование реального мира приведут к возникновению все больших проблем в реальном мире, и когда человек – рано или поздно ему придется это сделать, мы пока еще не способны полностью погрузиться в матрицу – столкнется с этими проблемами, ему придется отдавать долг, который он

взял у самого себя. Мы бежим от самих себя – от того в себе, с чем не хотим иметь дело, что кажется не таким простым, приятным и доступным, как маниакальное потакание элементарным и примитивным нуждам. Хотя вполне может быть, что эти части нас, которые мы покидаем в одиночестве, заброшенными и забытыми – как раз те недостающие элементы, без которых не складывается пазл нашей жизни, без которых мы можем лишь веселиться и развлекаться, не становясь счастливыми. Мы забываем, что тишина, уединение, комплексные размышления, грусть, самоанализ, уязвимость и открытость, эмпатия, искренность с собой и другими – это тоже очень важная часть нашей жизни, отворачиваться от которой опасно для собственного душевного комфорта.

Мне понравился такой ход мыслей, и, взглянув на часы, я решил остановиться на этом моменте, уже не таком мрачном и отчего-то даже обнадеживающем. Закусив остатком бургера последний глоток пива, я зашел в туалет и через минуту направлялся к входу в кирпичку, у которого уже выстроилась немалая очередь.

В толпе людей, как обычно, царило веселье и возбуждение, все шумели, нетерпеливо топтались на месте или бродили вдоль стены, пара чуваков обходила очередь, предлагая билеты, кто-то делал селфи на фоне арки входа, кто-то присел у стены, качая головой в такт музыке в наушниках, настраиваясь на тусовочный вайб. Меня тоже почти сразу захватило стандартное предвкушение движа, и я сам не заме-

тил, как начал кивать головой и ухмыляться, улавливая вибрацию в здании за стеной.

Через пару минут подошел Курт с блестящими глазами и тоже ухмыляющийся. Мы начали обсуждать заявленные лайн-апы для разных залов, строить догадки о планировке, которую скоро увидим. За нами встала компания из трех парней и двух девушек студенческого вида, и вскоре у нас с ними завязался непринужденный разговор на тему, кто откуда, кто на какие последние ивенты ходил, чего ожидать сегодня – ну и все в таком духе. За несколько минут до начала к нам присоединились и Эйч с Вик, и после ее классического приветственного повисания на наших с Куртом шеях и короткого обмена громкими куражными подначками, мы, вместе со стоящими позади нас ребятами – как оказалось, недавними выпускниками медицинского, сюда приехавшими как раз отмечать свой выпуск – погрузились в привычное состояние веселости и легкого мандража. Это было одной из моих любимых вещей в походах на ивенты – настоящие эмоции приятного волнения и непринужденности, доступные даже без каких-то искусственных стимуляторов, рожденные одним только воображением на пару с памятью о предыдущих похожих вечерах.

Когда на часах было уже начало одиннадцатого, шум в начале очереди стал громче, железные ворота, закрывающие проход в арку, звякнули, и к очереди вышли два фейсконтрольщика. Вскоре очередь начала понемногу двигаться впе-

ред, и я полез в карман за билетами и паспортом.

* * *

В этот раз коридор за верандой, прилегающий к первому залу, в который сразу попадали люди, пройдя через арку в своеобразный тамбур, оказался баром – да и неудивительно, в июне людям было особо нечего сдавать в гардероб. По правой стороне была барная стойка, по левой, через проход – диваны и плетеные столики. Я сразу обратил внимание на отсутствие пепельниц – значит, сегодня курить на баре нельзя, нужно будет по-любому выходить на улицу. Ну и ладно, даже лучше – будет больше поводов проветриться. Народ еще только подходил, и в залах было пусто, хотя в том, что был ближе всего к выходу на веранду, уже на полную выкладывался диджей. Курт стал посреди зала – в точке, где раз в несколько секунд сходилась добрая половина лучей света – и принялся исполнять что-то агрессивно-эпилептическое, пока мы втроем обходили зал, осматривая все и постепенно подхватывая ритм музыки. В этом зале по плану должны были всю ночь ставить драм, транс и прочую электронщину, остальные два зала – с хип-хипом и ремиксами сезонной попсы – должно быть, стартуют чуть позже. Вик уже всю болтала с нашими новыми знакомыми, чем-то очень увлекаая

двух девушек-медиков. Двое чуваков из их компании двинулись в следующий зал, а третьего мы с Эйчем позвали с собой покурить на улицу. Эйч жестами показал Вик, куда мы идем, она вскинула вверх оба больших пальца, и мы направились к выходу на веранду.

Рассевшись вокруг столика на краю деревянной платформы, мы закурили и начали трепаться о тусе и смежных вещах.

– Какие у вас, ребят, планы на движ? – я с любопытством спросил у чела из компании выпускников, представившегося Маком. – Так просто заглянули или будете гореть до победного?

– Да какое заглянули, ты что, – он так фыркнул, что даже слегка поперхнулся дымом. – После шести лет этой каторги мы будем гореть так, что утром придется ложиться под капельницу.

– Круто, если еще и ваши девчонки вывезут ваш настрой!

– Не, ну если что, так мы их на кресла в чилл-зоне усадим откисать. – Мак пожал плечами. – Но я точно буду до финала двигаться.

– Еще бы. Когда мы выпуск отмечали, двоих увозили ночью на скорой. – Эйч усмехнулся, вспоминая то, что я даже при желании вспоминал с большим трудом, хотя прошло всего-то три года. Я тогда даже не то чтобы сильно накидался – хотя, если верить Ми, она несколько раз за вечер конкретно спасла мою жопу – и пробуждение вечером встрети-

ло меня всего лишь стандартным похмельем, но почти все ключевые моменты я помню только по смутным ассоциациям и рассказам Ми и Эйча.

– Хера себе! – Мак от удивления присвистнул. – Это где вы так отдыхали?

Эйч ткнул себе за спину, примерно в ту сторону, где находился “Кайман”.

– Да есть тут на соседней улице заведуха, три этажа с залами – мелкие танцполы, бар, диванчики, все дела. Называется как-то по-крокодильи, я и не помню.

– Ну начали-то мы у Лекса на хате, вся дичка уже там началась. Тогда Курт начал смешивать в себе этот крутой коктейль, а С.М. уже тогда нормально накидался и чуть окно Лексу не разбил, когда ему кто-то с улицы фак показал. – начало вечера я помнил довольно неплохо, примерно до полуночи, а вот дальше уже начинались сплошные белые пятна. – А в “Каймане” они уже просто забыли, чего в себя на хате напихали и залили.

– Во, точняк, я еще помню, как Курт с Триппи пересрались, потому что она не ставила на ноуте треки, которые он просил. А как бухой Лекс подкатил к девчонке, которая парнем оказалась? Хах, я ему еще не так давно это напоминал. – лицо Эйча приобретало мечтательное выражение, пока он погружался в воспоминания.

– Ну это я только по твоим рассказам помню. – я затыкнулся и попытался выдохнуть колечко дыма. – Зато помню, как нас

чуть велосипедист не сбил по пути из “Койота”, когда мы песни орали и по всему тротуару прыгали.

Мак с ухмылкой и любопытством переводил взгляд с меня на Эйча, пока мы вспоминали события неформального выпускного и подсчитывали потери. В итоге Эйч пожелал ему, чтобы с ними такого не произошло, и мы еще пару минут обсуждали, что на второй сцене должно быть круто, что народу сегодня – мы видели арку входа через забор дворика – уже до черта, а Эйч обещал развалить бар, если они будут так же сильно разбавлять ром с колой, как и в прошлом году, а потом Маку написала одна из их девчонок, и он пошел в зал, заверив, что еще нас найдет. На входе он разминулся с Вик, которая почти что тащила за собой Курта.

– Все, аларм, у него началось! Уже лезет в дэнс-баттлы какие-то!

Курт позади нее закатил глаза и высунул язык, изображая смерть от удушения. Он нес подставку с шестью шотами, а еще два в свободной руке несла Вик, при помощи изученного за время работы официанткой искусства равновесия даже ничего не расплескивая. Эйч вытаращил глаза в изумлении.

– Женщина, а где апельсины? Ты чо, в склероз впадаешь?

– У них не было ни апельсинов, ни грейпфрутов. А ты что, просто так уже не можешь какой-то шотик выпить?

Вик поставила сет на столик и почти что рестлерским приемом плюхнулась на мужа. Тот резко выдохнул из легких весь воздух и в ответ взял ее шею в захват.

– Да ты даже не спрашивала, стопудово!

– Спрашивала-спрашивала, вон у Кей спроси! – она жестом умирающего ткнула пальцем на Курта, притворно пытаясь выбраться из захвата.

Курт только скрестил руки перед лицом в жесте отрицания, а затем еще и помотал головой, показывая, что не будет покупаться на эти провокации. Эйч и Вик любили разыграть какой-нибудь спор и призвать мнение со стороны, чтобы уже через минуту общим фронтом наброситься на наивного заступника, на чью бы сторону он ни встал. Устав смотреть, как Курт шарит по карманам в поисках огня, я прикурил ему сигарету своей зажигалкой. Он рассказал, что в первом зале валят какое-то дичайшее техно, а второй и третий уже начали разогрев, и что народу везде уже нормально, можно врываться. Придя к консенсусу, что да, действительно, можно уже идти, мы махом выпили по два шота и направились к входу в коридор. Еще даже дверь за нами не успела закрыться, как я уже почувствовал легкость в голове и улыбнулся. Вечер начался.

* * *

Уж не знаю, как дела обстояли с ромом, но виски с колой на баре смешивали довольно честно. Через полчаса отрыва

в первом и втором зале первые два шота выветрились из меня, мы с Куртом вышли покурить, после чего он сразу же вернулся в толпу, а я решил догнаться и немного посидеть, чтобы не пить все сразу и не расплескать стакан на танцполе – сегодня было действительно много людей и периодически даже слишком тесно, несмотря на внушительные размеры всех залов. Все было ништяк, когда в этой тесноте к тебе прижималась и прыгала рядом какая-нибудь приятная леди, но, когда это был размахивающий локтями, словно мельница крыльями, ошалевший чувак, приходилось немного отступать.

Я выбрал место у правой стены второго зала, вдоль которой взявшие передышку сидели на лестнице-амфитеатре из трех узких ступенек. Потягивая коктейль, я лениво достал из кармана джинсов телефон, вспомнив, что Л-Т. просил небольшой видеоотчет. Конечно, во втором зале, который сотрясался от качевого битла замикшенных до неузнаваемости треков, стоило снимать видос только в движении и с танцпола, но я подумал, что потом запишу и такой, а сейчас главное – просто не забыть хоть что-то снять.

За два месяца я даже успел забыть, как выглядит и звучит движ на кольце. Почти полная темнота в залах, за исключением пары тусклых ламп, цветных вспышек и лучей прожекторов, подсветки диджейки да экранов телефонов. Бетонный пол, вибрирующий от топота ног и сотрясающих стены и стекла басов. Обычные, забавные, интересные и стран-

ные люди – отжигающие на танцполе, мерно покачивающиеся по периметру зала, разбросанные по матам, креслам и ступенькам, изнемогающие, болтающие друг с другом, те, кто уже как будто отрубился, одни или в группах, трезвые, пьяные, обдолбанные, на кураже, без понятия, что происходит вокруг – в общем, самые разные. Чел за вертушками ставит следующий трек, и кто-то переходит в другой зал, или идет на улицу покурить, а кто-то, наоборот, как раз заходит, запрыгивает, втанцовывает, с одобрением качая головой и улыбаясь от уха до уха. Лучи то и дело выхватывают из полумрака лица, движения, мелкие детали толпы. Что-то выглядит смешно, что-то – атмосферно и в тему.

Много чего крутого было во всем этом. Например, мне нравилось случайно столкнуться с кем-то знакомым и перекинуться парой фраз – пока я неспешно пил виски с колой, рядом приземлился Мак, рассказал, как одна девчонка из их компании сейчас чуть не навернулась с балкона в третьем зале, но он и еще один чувак успели вернуть ей равновесие. Мы поболтали еще минуту, и он пошел на бар. Еще мне нравилось ощущение уединения одновременно с принадлежностью к этой огромной массе людей. Чем-то это было похоже на одиночество в толпе, только без негативного смысла – казалось, что между уединением и толпой есть четкая граница и момент выбора, и ты можешь в любой момент по собственному желанию пересечь эту границу, встроившись в общий движ и поймав ту же волну, а можешь выйти из толпы и спо-

койно сесть где-нибудь, где тебя никто не побеспокоит. Я даже пару раз дремал на подобных сейшенах, и, надо признать-ся, было вполне комфортно, ничего не тревожило, у меня даже ничего не подрезали.

Когда в стакане осталось меньше трети, я подумал, что уже ничего не расплескаю, и можно где-нибудь стать и залипнуть в музыку. В первом зале я сразу наткнулся на Вик с одной из выпускниц и с дурацкой гримасой влез в их селфи. Вторая девчонка засмеялась, а Вик, преувеличенно нахмурившись, ткнула меня локтем в плечо.

– Йо, че как?

– Ты где торчишь, м? Тут уже минут десять такую жару дают! – она заметила стакан в моей правой руке, но я вовремя завел его за голову.

– Эйч и Кей на улицу пошли?

Диджик плавно опускал питч, и электронный скрежет и футуристичные всхлипы трека звучали медленнее и обдолбаннее. Я понемногу начинал синхронизироваться с ритмом, мешала только Вик, которая все еще пыталась выхватить стакан у меня из руки. Стоявшая к нам полубоком студентка с закрытыми глазами плавно раскачивалась под замедляющийся трек, и я мог рассмотреть ее подробнее.

– Не, они на баре чего-то взять хотели, но ты походу сегодня вырываешься вперед.

– Я за первые полчаса так разогнался, что те шоты испарились. – Вик бросила свои попытки, и я отхлебнул из ста-

кана уже не холодный, но прохладный виски. – А ты чего тянешься, попрошайка, тоже догнаться хочешь?

– Пук на тебя, жмотяра. Я, может быть, через полчаса еще шот сделаю, но мне пока и так нооорм!

Последнее слово ей пришлось прокричать, потому что постепенное замедление и уплотнение баса разразились мощнейшим дропом, от которого, как мне показалось, должно было вылететь хотя бы несколько стекол. Немного зависшая в напряжении публика в тот же момент отреагировала, и зал затопил гул, дрожание стен, чьи-то вскрики и дикая мешанина подсвечиваемых стреляющими лучами прожектора тел, которые почти синхронно взорвались в движении. Раскачиваясь и прыгая, я подумал, что вот как раз это стоило бы снять для Л-Т., но мне было уже не до телефона.

Через пару минут трек немного успокоился, и как раз подошли Курт с Эйчем, каждый со стаканом в руке. Мы вчетвером немного отошли от основной движухи, встав рядом со здоровенной квадратной колонной. Вик запилила очередное групповое селфи на фоне тонущей в огнях диджейки. К нам подошел – скорее даже, подвалил – странный мужик в кепке с дамой под руку и поинтересовался, чего все здесь такие веселые, и нету ли у нас чего-нибудь, чтобы ему и его спутнице “во так же было”. Мы с Куртом синхронно подумали, что тип очень мутный, и Кей сурово ответил, что мы тут сами ничего не знаем, но указал на бар. Случайным людям было непросто выдерживать взгляд Курта дольше нескольких се-

кунд, и странная парочка удалилась.

– Уважаемые, что вы брали? – я спросил чуваков о напитках, уже допивая свой виски с колой и оглядываясь в поисках места, куда можно поставить пустой стакан.

– Я взял ром с клюквенным соком, Кей вискарь. – Эйч протянул стакан Вик, она отхлебнула и поморщилась.

– Есть у кого мелочь? Пойду лучше куплю водички.

Я достал из заднего кармана несколько монет – столько, сколько примерно стоила бутылка воды на баре – и обменял их на стакан Эйча. Сделав небольшой глоток, я понял, почему Вик так скривилась – смешано было довольно крепко. Я протянул стакан обратно.

– Ну что, бару ничего не грозит?

– Да, все по красоте, нуль претензий. Мы тут какой-то крутой трек пропустили? – Эйч с сожалением оглядывал понемногу затихающий зал, который вновь погружали в плавный и мерный гул, в который иногда вклинивался электрический треск.

Я переглянулся с Куртом – он тоже понимал, какой будет следующий дроп и уже поспешно опустошал свой стакан.

– Да, чел тут нормально так взорвал, я прям вовремя подошел.

– Мы даже на баре слышали, и прикинь – стаканы на стойке затряслись.

Курт ненадолго отвлекся от своего виски и закивал, облокотившись на меня своим здоровенным локтем.

– Ее, мэн, я отвечаю – это топовая туса! Помните, я говорил про Трикотаж? Все, забудьте, нахер Трикотаж, я тут весь отпуск жить буду!

Я только развел руками в щедром жесте “не благодарите, что я так хорош и вообще всегда прав”. Мимо нас прошли двое челов в оранжевых баскетболках и темных очках, не прекращая дергаться под бит даже на ходу. Только сейчас я вспомнил про собственные очки, висящие на воротнике толстовки, и тотчас же нацепил их на нос.

– Так, ну что, ты уже был в третьем? Мы тут разминулись с тем челом, который с нами в начале курить выходил, он говорит, в третьем валят вообще по дикухе. – Эйч принялся активнее налегать на свой ром, тоже смекнув, к чему идет трек.

– Ноуп, только в курсе, что там тоже есть балкон, с которого можно в угаре навернуться. Тот же чел мне говорил, что одна их подруга чуть не бахнулась вниз, но они остановили этот порыв.

– Так это же именно то, что нам нужно, чуваки, – Курт проводил взглядом симпатичную блондинку в радикально коротких джинсовых шортах. – План такой: становимся на балкончике рядом с какой-нибудь бьютифул бэйбой, у самого края, и кто-то из вас как бы случайно ее слегка подталкивает – лучше, наверное, Эйч, тебя Вик отобьет в случае чего...

– М, что я кому отобью? – Вик как раз вернулась с бутыл-

кой воды под мышкой, на ходу с кем-то переписываясь в телефоне.

Курт щелкнул пальцами, обрабатывая очередную идею.

– А лучше пусть Вик и толкнет. И когда та начнет падать, я ее подхватю – и бэмс, я герой вечера и через пару часов уезжаю с этой бэйбой домой.

Эйч только разочарованно покачал головой.

– Бро, ты посмотрелся каких-то тупых мелодрам. Можем поспорить, что в итоге тебя сразу же отошьют, может даже, по лицу получишь.

– Кей, хватит фантазировать, ты живешь в мире иллюзий. – Вик закатила глаза, явно не оценив план Курта. – Гляньте лучше фотки!

Она начала показывать, что наснимала, пока тусовалась в этом зале с подружкой чуть не выпавшей девчонки. Оказалось, что эта самая подруга – бывшая одноклассница брата Вик.

– Я так и думала, что где-то ее видела, а потом вспомнила, что когда-то застучала малого с сигаретами – стоял за школьным стадионом с компанией, когда я вечером туда погнала бегать. – Вик всегда была активным хейтером курения, и в свое время я часто поминал ее не лучшими словами, когда она затянула в свои сети Минск, и та пару месяцев душила меня лекциями и нотациями. – Вот она их всех так активно защищала, я даже забила и просто двинула дальше бегать, а ее запомнила. Интересно, да? – последнее она почему-то спросила у меня.

– Ну так, слегка прохладно. А что?

– Да я думала, тебе будет интересно, ты же ее так внимательно рассматривал после того, как в нашу фотку влез. Кстати, она ни с кем из своей компашки не мутит, так что... – глядя на хитрую улыбку Вик, я подумал, что нужно быть внимательнее, что ли.

Эйч еще раз глянул на фотку и одобрительно покачал головой.

– И правда, чел, пора бы уже что-то делать, а то совсем закиснешь.

Я сделал вид, что у меня начинается приступ эпилепсии. Обычно это у меня получалось так отвратительно и пугающе, что тему моментально сворачивал любой, кто решал ее поднять, но эти трое сейчас были уже слегка подпитые, и их азарт было трудно сбить. Можно было бы, конечно, рассказать, что сегодня утром я нашел в ванной помаду, но тогда пришлось бы рассказать, что я проснулся в ванне, и не имею ни малейшего понятия, как туда попал, и откуда, собственно, взялась помада.

– Реально, вот подумай сам. Мы на тусе, тут столько классных малышей, почему бы не попробовать кого-то найти? Бери пример с меня, я постоянно в движении, охота никогда не прекращается.

Подтверждая свои слова, Курт улыбнулся одной из девушек, стоящих у колонны напротив. Та едва улыбнулась в ответ и наклонилась к уху своей подруги.

– Ага, я твою технику знаю: уверенно подошел, стал позади, начал дэнсить так, чтобы она сама твоих рук задницей касалась, постоял и уверенно отошел с осознанием победы.

Вик засмеялась, а Эйч чуть не подавился ромом. Еще на последнем курсе Лекс подметил эту тактику Кей, которая приносила нужные плоды не чаще, чем виноградная лоза в тайге.

– Ты бы лучше не рофлил, а показал, как надо. Давай поспорим, что я сегодня быстрее кого-нибудь склею? – Курт уже допил виски и сейчас пританцовывал от нетерпения, потому что трек уже ускорился.

Чтобы не продолжать эту тему дальше, я согласно кивнул.

– Базара ноль, давай. Только не расстраивайся потом сильно.

Эйч, который уже тоже допил ром, разбил, и мы направились обратно на танцпол, где все сильнее росло напряжение и сгущался бит. Я остановился под квадратным балконом с чилл-зоной, на который вела витая деревянная лестница. Прожектор бился в припадке, пытаюсь успеть за музыкой, кто-то в толпе уже трясся, кто-то стоял, замерев, кто-то продолжал мерно покачиваться. В этот раз я все же вспомнил и включил камеру на телефоне. Когда напряжение и скорость уже невозможно было повышать дальше, по залу прокатился протяжный электрический треск, за которым, после секундной паузы, обрушился друп – такой оглушительный, что я несколько секунд двигался, совершенно ничего не слы-

ша, кроме звона в ушах.

* * *

Следующий час пролетел на удивление быстро – мне показалось, что прошло минут двадцать от силы, но часы убеждали в обратном.

Мы все же зашли в третий зал, и нужно сказать, что там все было реально круто – в сете были сплошные хиты, как текущие, так и десятилетняя классика, замиксованная и отполированная до блеска, да и людей было даже больше, чем в первых двух залах. Периодически даже пускали дым, а еще здесь, наконец, можно было в некоторые моменты и поорать песни – в первом зале на треках вообще не было слов, которые бы не были вплетены в сам бит, а во втором я зачастую не был знаком с текстами, особенно тех треков, что были популярны сейчас.

Кей, похоже, все же думал о том, чтобы сработать спасателем, и держался у края балкона, ожидая несчастного случая, но никто не собирался выпадать. Зато это мне напомнило о нашем споре. После очередного перекура и четвертого шота мы с Эйчем и Вик вышли на улицу, и я уселся на один из матрасов на поддонах. Когда закончились шутки над Куртом и его подкатами, они пошли разведать последнее белое пят-

но сегодняшнего движа – мы узнали от сидящего на соседнем поддоне чувака, что из второго зала есть выход в еще один небольшой дворик. Я хотел еще посидеть, и сказал, что скоро подойду.

Вскоре после того, как Эйч освободил место на матрасе, рядом села девушка неформального вида – короткие серо-желтые волосы, темная помада и небольшие проколы на обеих щеках ближе к губам, которые выглядели, как ямочки. Она попросила зажигалку, я прикурил ей сигарету, и, слово за слово, мы разговорились. Яна была здесь с подругой, но в данный момент подруга куда-то запропастилась и не отвечала на телефон. Мы сошлись на том, что на тусе это дело обычное, и что попозже можно сходить ее поискать. Какое-то время мы продолжали болтать, сидя на матрасе: я – по-турецки и наклоняясь к ней, чтобы было лучше слышно на фоне многолюдного шума, она – болтая ногами и улыбаясь. Потом ей стало холодно, а у меня начали неметь ноги, и мы пошли внутрь, искать подругу. Во втором зале мы пересеклись с Вик, и она мне одобрительно подмигнула, тактично пройдя мимо. Довольно быстро согревшись и размявшись на танцполе – за вертушками был уже другой чувак, и весь его сет был очень нюускульным и движовым – мы присели на одну из широких ступенек лестницы, и именно там и нашли подругу Яны – она сидела, опустив голову на ладонь и была в весьма расслабленном настроении. Моя новая знакомая тяжело вздохнула и сказала, что ей нужно вывести по-

другу прогуляться. Я предложил через полчаса встретиться во втором дворике и показал на дверь, которая туда вела из этого зала, Яна с улыбкой кивнула и потащила подругу к выходу. Тут мне подумалось, что я ее даже нигде не добавил, чтобы можно было написать, так что, как это обычно бывает, уже вряд ли встречу сегодня. Впрочем, я не особо расстроился, посчитав, что спор я все равно выиграю, если у Курта будет совсем пусто.

Я решил закрыть второй час на тусе завершением второго цикла выпивки, и взял на баре еще один виски с колой. В общем-то, для последних двух шотов продолжение пока не требовалось, но почему бы и нет. На балконе с чилл-зоной в первом зале я обнаружил Курта, откисающего в кресле-мешке с полужакрытыми глазами. Он сказал, что у него слегка закружилась голова на втором танцполе, и он пришел сюда передохнуть. Оказалось, что до этого он еще и пытался подкатить к одной из девушек-медиков, но перепутал ту, что, по словам Вик, была свободна, с другой, которая, как выяснилось, была девушкой одного из чуваков в той компании. Теперь Кей было ужасно неловко, и он просил сказать, если я замечу, что она или ее подруга поднимаются вверх. Я ему посочувствовал и рассказал про Яну. Хотя все и шло к тому, что Курт проиграет спор, который сам и придумал, он хлопнул меня по плечу и пожелал удачи, и я догадался, что весь спор изначально был поводом для того, чтобы дать мне мотивацию с кем-то познакомиться. Курт был хорошим

чуваком, хоть и наивным. Я попросил его перекинуть мне видео крутого момента из третьего зала, когда там минут десять так жгли кислотными ремиксами старья вроде “Вампира” или “Куклы колдуна”, что мы все и сами были похожи на оборотней, ведьм и вампиров на шабаше. Скоро Кей напомнил, что мне бы сходить на второй двор, потому что было уже почти полпервого. Я пожелал ему поскорее возвращаться в строй и спустился по лестнице, лавируя в толпе по направлению ко второму залу. Даже если не найду там Яну – хотя бы посмотрю, как вообще этот дворик выглядит. Ни разу на моей памяти в кирпичке не был открыт этот выход, и мной двигало особенное чувство, когда заново исследуешь знакомое место, обнаруживая там что-то новое, чего не видел прежде.

Оказалось, что этот второй двор – просто та часть основного, которая раньше была перегорожена заглушками и заставлена строительными лесами. Теперь на их месте находилась такая же сетка, что отделяла основной двор от небольшого пяточка проходной, которая была между входом-аркой и тамбуром в самом здании. Этот дворик был размером с четверть основного, и принципиально отличался только отсутствием веранды, сцены и вышки, все остальные элементы, вроде бобин и лестницы-амфитеатра были на месте. Единственная необычная находка, однако, делающая место очень интересным – у дворика была своеобразная крыша в виде деревянной решетки на высоте трех-четырёх метров, с кото-

рой свисали желтые и красные побеги какого-то вьющегося растения. Таким образом все пространство становилось похоже на очень большую беседку.

Я занял положение полулежа на краю третьей и самой широкой ступеньки лестницы, опершись спиной о стену кирпички. Допивая виски, я неторопливо оглядывал двор, наблюдая за людьми и высматривая, нет ли тут Яны. Вдруг мой взгляд зацепился за что-то знакомое: широченные плечи под копной волос, которой гордился бы любой металхэд. Чел за столиком, как будто что-то почувствовав, поднял голову и тоже меня заметил, и только тогда я понял, что это Фил, мой новый напарник на проекте. Он сидел в компании двух чуваков в черных толстовках и кепках, и мне даже вначале подумалось, что это охранники. Хотя раз он брат организатора, то почему бы ему и с охранниками не общаться? Я приветственно взмахнул рукой и направился в ту сторону.

– Оп, вот и свиделись! – я уселся на свободный стул и пожал руку Филу и двум типам, что сидели с ним. – Я уже решил, что ты передумал идти.

– Да не, я с ребятами полчаса назад только подогнал. Ну что, как оно?

– Движ огонь, тупо десять из десяти, я и накидаться неплохо успел, и ноги уже немного болят, но вообще тема с тремя разными залами максимально крутая. Спасибо тебе еще раз за билеты, чувак!

Фил поднял ладони, показывая, что не стоит благодарно-

сти.

– Прикол-то в том, что я минут десять еще на входе стоял, ждал кого-нибудь без биликов, еле оставшиеся скинул.

– А ты как приехал, просто зависнуть, или у тебя будет сет какой? – мне казалось, что, если бы я хоть немного умел в музыку, я бы пользовался каждой возможностью, особенно при наличии брата-организатора сейшенов и прочих ивентов.

– Не, сегодня никаких сетов, да и долго не буду, наверное, завтра же на работу. Так, посмотрю, как все сделали, подопью для протокола и домой двину. – Фил зевнул, и угрюмая половина его лица в этот момент выглядела очень злой.

Я покивал, хмуро соглашаясь с аргументом про работу. Пачку покинула очередная сигарета, но зажигалка отчего-то не желала прикуривать ее. Фил протянул мне свою, и мне в глаза бросился интересный брелок – иссиня-черный резной филин размером с грецкий орех, работа была очень качественная. Я прикурил и вернул зажигалку хозяину.

– Точно-точно, я уже даже забыл, что на студии завтра не выходной. Хотя я все равно каждый день в восемь встаю.

– В смысле, даже на выходных? – не сдержал удивления один из приятелей Фила, такой же патлатый и своим острым лицом напоминающий какую-то хищную птицу.

Я только пожал плечами, привычный к таким вопросам.

– Ложусь обычно не позже трех ночи, обычно в час – тогда в принципе еще более-менее чувствуешь себя. Если в три –

вообще говно, но все равно просыпаюсь, уже натренировался.

Для них такой режим звучал странно, и я это понимал. Но только сейчас я задался вопросом: быть может, люди не просто так удивляются и называют меня долбанутым? Конечно, высыпаться – это здорово, а я всегда всем доказывал, что даже когда спал по девять-десять часов, чувствовал себя так же погано, следовательно, зачем тратить время? Если так было на самом деле, а не я сам себя в этом убедил, чтобы по каким-то внутренним причинам способствовать саморазрушению. Все чаще мне приходила мысль, что нужно как можно больше всего записывать – хотя бы текстом, а лучше в формате фото и видео.

Мы с Филом еще пару минут поболтали о режимах сна, втором и третьем зале и напитках в баре, а потом мне написал Эйч, рапортуя о начале какого-то очередного мозговыносящего замеса на первом танцполе. Я кратко описал это напарнику и отбыл с дежурным “увидимся внутри”. Когда я был уже у порога, Фил догнал меня и негромко окликнул, и я остановился у двери, но он жестом подозвал меня немного отойти в сторону.

– Слушай, насчет траблов со сном, ну и вообще в эту тему. Я же так понял, что ты не всегда только киряешь на тусах?

Удивленный его неожиданной но, стоит признать, точной догадкой, я вскинул бровь и полуутвердительно помотал головой.

– Может быть, а что?

– Ты не подумай, просто такая тема, что мы с чуваками тут брали одни диски на после движа, они и для сна хорошо работают. У нас две лишние есть.

– Что за они?

– Вроде лирики, только мягче и мощнее, ну и есть легкие визуалы, типа ненавязчивые. Дома посидеть перед сном позалипать во что-нибудь – самое то.

– Хм, ну звучит интересно. За сколько одну отдашь?

Фил почесал щеку, на секунду задумавшись.

– Ну давай за десятку.

– Нормально, давай.

Я достал из кармана джинсов смятую десятку и, зажав ее между большим и указательным пальцем и соединив остальные три в импровизированный “ковш”, протянул руку Филу. Он потянулся за купюрой, и взял ее одновременно с тем, как мне в ладонь приземлился маленький клочок салфетки. Я сжал его в руке и почувствовал внутри что-то круглое и плотное, после чего сунул в карман для зажигалки, который обычно для этого и использовал. Отлично сыграно, напарник.

Еще раз поблагодарив Фила, я проводил его взглядом до их столика и в последний раз оглядел двор в поисках своей недавней знакомой. Однако ни одной желтой копны волос в поле зрения не наблюдалось, и я вернулся в здание.

В первом зале и правда было довольно жестко – за начало

этого сета туда битком набилось людей из других залов, так что я не сразу добрался до своих ребят в противоположном конце. Проходя мимо бара, я вспомнил, что должен Эйчу за пул, и на последние наличные купил ему и Вик по коктейлю. Впрочем, сейчас они слишком оживленно двигались, чтобы удержать стаканы, так что я поставил их на подоконник за их спинами. Курт, похоже, еще не до конца восстановился, но он уже не лежал в кресле, я стоял на балконе, облокотившись на перила, и двигал руками так, что казалось, будто он при помощи нитей управляет диджеем у противоположной стены. Забавная тема. Перед Вик танцевала та девушка, что училась с братом Вик, которую Кей перепутал с ее чуть не выпавшей с балкона подругой. Я стал справа от нее и погрузился в музыку.

Сверху на танцпол опускалась плоскость света, созданная четырьмя яркими зелеными лучами. Звук был холодным и электронным, но было в нем что-то знакомое и притягивающее, что-то нездешне-спокойное, и в то же время рождающее тревогу, будто ты сначала смотрел на далекие звезды, а потом вдруг понимал, что уже мчишься к ним сквозь неизведанные глубины космоса, не зная, что покидаешь и что ждет тебя впереди, окутанный вакуумом и холодом, один на этом пути. Такая музыка всегда вызывала у меня мурашки и заставляла работать воображение. Я двигался под ритм, лишь иногда открывая глаза, чтобы не слишком отвлекаться на происходящее вокруг. Рука студентки слева задела мою

руку, но я и на это долго не отвлекался. Был ли реален мир вокруг? Не знаю, в этот момент понять было сложно. Разве реальность – это не условность? Мои мысли реальны, они существуют, и я могу придумать что угодно, меня ограничивают лишь рамки привычного восприятия, рамки устоявшейся для меня картины мира, данного в ощущениях. Так что же объективно реально и истинно из всего, во что я верю? Скепсис проникает во все, и остужает тягу к самым простым вещам. Возникают самые разные вопросы, весьма неудобные, кажущиеся бредом и паранойей, но преследующие меня все дальше и дальше. Вскоре я уже начинаю думать: стоит ли мне доверять вообще хоть чему-то, что я узнал до того, как появились эти сомнения и подозрения? Чем дольше задаешься вопросами, тем их больше, чем больше всего ставишь под сомнение, тем труднее устоять на ногах. В конце концов все, кто свернул на эту тропинку, приходят к одному и тому же – они начинают ставить под сомнение концепт существования. Они задумываются о том, что на самом деле их личность ограничена лишь их нервной системой. Тело кажется какой-то нелепостью. Концепты структуры реальности в сознании становятся все сложнее, пожар в голове разгорается, подпитываемый веществами, которые к этому моменту уже сложно не начать принимать. И понемногу становятся видны силуэты того, к чему все в итоге придет, и иногда хочется лишь одного – очнуться, вернуться в момент, когда еще был выбор, когда все можно было остановить. Это было по-

хоже на бесконечное соскальзывание все глубже в темноту, рывками, и каждый новый рывок убеждал тебя, что спасения от своего разума нет нигде. В пустоте за сцепленными веками на тебя смотрел внутренний глаз, который нельзя было закрыть, и каждая мысль о том, что нужно бежать, спастись, все лишь усугубляла. Какой в этом смысл, какой от этого толк? Все оказывается куда страшнее, чем казалось поначалу. И самое страшное в том, что никто не может тебе помочь, кроме тебя самого. Ты сам построил для себя тюрьму, и только ты один можешь открыть ее двери. Кто бы мог подумать, что такое случится с тобой? Спровоцировать такой обширный и глубокий психоз – одними лишь мыслями. Задумать себя до безумия. И в какой-то момент становится понятно, что жизнь – это вовсе не жизнь, и мир – это совсем даже не мир. Все вокруг – геометрическая абстрактная метафора для концепции ада, и ты попал в модель симуляции бесконечного рекурсивного помешательства, недоступную для полноценного понимания, проявляя лишь несколько аспектов – например, в манифестации времени, которое как будто бы идет для твоего разума. Но вся эта модель становится все более абстрактной и далекой от человека по мере того, как умножает сам себя беспорядок в голове, и в какой-то момент ты перестаешь быть собой в привычном смысле. Тогда и заканчивается твое путешествие к далеким звездам.

Ближе к часу я почувствовал, что уже немного устал. Для проверки сходил с Куртом на перекур, но пять минут сидения на воздухе дали понять, что устал я не танцевать и прыгать в полных людей залах, а просто в целом туса начинала постепенно утомлять. Наверное, не было смысла задумываться о том, что раньше я мог гореть на движе всю ночь и расстраивался, когда утром все заканчивалось, потому что время все-таки шло, и пусть даже не физическая усталость и слабость, но в целом какая-то степень пресыщения тусовками имела место, и это было обычным делом. Поначалу все кажется интересным и захватывает сильно и надолго, но с течением времени практически все начинает надоедать и уже не приносит тех же ощущений – или качественно, или количественно, суть не меняется.

Решив уйти, так сказать, на пике, я позвал ребят в третий зал еще немного попрыгать, и после того, как закончился очередной сет, мы сели на баре и выпили по шоту. Эйч и Вик сказали, что сами поедут домой через полчаса-час, а Кей решил все-таки добить тусу до утра. В общем-то, будь я тоже в отпуске, я бы так и сделал.

За редким исключением моменты ухода с движа мне всегда казались какими-то тоскливыми и жутковатыми, как буд-

то ты оставляешь часть себя, уходишь из одного мира в другой. И хотя один из них был странный, темный и иногда нездоровый, заставляющий спрашивать себя “что я тут делаю, как я сюда попал?”, другой, куда более привычный, казался местом в разы опаснее и мрачнее. Возможно, это было связано с крепкими ассоциациями с началом выходов после эйфов, возможно, меня просто пугал настоящий мир сам по себе. Однако я замечал, что если ивент заканчивается не пьяным угаром, волнующим знакомством или шумной компанейской движухой, а именно постепенно идет на спад, мне проще уходить одному, чтобы не обсуждать ни с кем вечер, а просто погулять под музыку по городу, ну или доехать на такси, если время было уже позднее.

В этот раз еще было не так уж и поздно, но я все же решил доехать на такси. Мы вчетвером вышли перекурить на улицу, став рядом с аркой. Желающих попасть на тусу уже не было, только с десяток-другой человек, что тоже собирались уезжать или выходили за чем-то в магазин. Когда подъехала моя машина, я попрощался с ребятами, пожелал Эйчу и Вик счастливо добраться, а Курту – удачи в ночной охоте, и сел на заднее сиденье, сразу же заткнув уши наушниками.

Машина тронулась с места, и я начал листать плейлист, выбирая что-то наиболее подходящее. По привычке хотелось врубить что-нибудь с тихим вокалом и грустной пианинкой, но мне попалась “Вселенская большая любовь”, которую я уже хрен знает сколько не слушал, так что на ней я и оста-

новился.

Ночное небо было на удивление чистым по городским меркам, и вместо того, чтобы привычно пялиться на проплывающие мимо здания, я смотрел на звезды. Одна из них была куда ярче прочих, и я точно знал, что север находится в другой стороне, и это не Полярная звезда. Могло ли такое быть, что именно сегодня, в этот момент, до нашей планеты дошел свет новой звезды? Я не очень-то разбирался в астрономии, но это наверняка означало, что она или очень яркая и большая, или находится довольно близко. Быть может, это вообще не звезда? Мало ли может быть источников света в небе. Пока мои мысли были заняты этим явлением, я достал из толстовки пузырек и, вытряхнув из него две таблетки, проглотил их. Песня продолжала удачно ложиться на настроение.

Когда мы проехали больше половины пути, я, наверное, начал засыпать – в какой-то момент меня разбудил короткий звук, похожий на какое-то компьютерное уведомление, и мне показалось, что звук шел не из наушников и не из салона, как будто я сам его себе зачем-то вообразил. На часах было 1:09. Я вспомнил о том, что надо бы скинуть видосы Ч-Т. и полез в галерею на телефоне. Но палец дрогнул над кнопкой “поделиться”, и я случайно их удалил. Интересно, почему телефон не запрашивает подтверждение для удаления файлов? Жалобу что ли написать? Впрочем, можно попросить ребят перекинуть то, что наснимали они, да и Ч-Т.

сейчас, наверное, не до просмотра рејв-репортов.

Через несколько минут мы приехали. Водитель остановился у моего подъезда, я поблагодарил его и вышел из машины. Сообщение о списании денег с карты пришло, когда я уже почти поднялся на свой шестой этаж. Я вошел в квартиру и запер за собой дверь, с легким сожалением представляя, как мог бы запираить ее за, например, Яной. Но, как бы то ни было, хоть ее ямочки на щеках сегодня и будут спать где-то еще, я тоже был не совсем один. Разложив и разбросав вещи из карманов по квартире, я плюхнулся на диван и задумался.

Может быть, я все усложнил? И не нужно было ни к чему долго готовиться, ведь есть вариант гораздо проще. Я все еще чувствовал, что забыл о чем-то, но дела до этого уже не было – день закончился. Есть ли впереди другие хорошие дни? Ужасно не хочется думать об этом, как не хочется думать вообще о чем-либо. Пусть время размышлений закончится, уступив место моменту действия, возможности взять хоть что-то под контроль. Тело гудело от легкой усталости, но не было ощущения, что я быстро засну, несмотря на три часа танцев и приятную тяжесть в голове от выпитого. Для верности я вытряхнул из оранжевого пузырька еще одну таблетку и запил ее апельсиновым соком, поставив полную кружку на пол рядом с диваном, а пузырек вернул в рюкзак.

В морозилке нашлась замороженная пицца, и после удаления пищевой пленки она отправилась в микроволновку. Пленку я засунул в коробку, ту с усилием дважды сложил

пополам и закинул в мусорное ведро. Пока пицца разогревалась, я зашел в ванную, умылся и принял экспресс-душ. Вышел как раз к тому моменту, когда микроволновка несколько раз всхлипнула, сообщая, что пицца готова. Я разрезал ее на шесть кусков и поставил тарелку на край дивана – так, чтобы и есть было удобно, и чтобы тарелка не упала. Я довольно быстро нашел на компе то, что меня наверняка должно было развлечь. Наконец, я достал из маленького кармана джинсов салфетку, развернул ее и взглянул на содержимое. Это была небольшая круглая таблетка лилового цвета, на одной ее стороне была рельефная спираль, на другой – рельефная буква “А”. Я и ее запил соком.

На нижней полке столика валялись очки с наушниками и микрофоном. Проверив отображение картинки на стеклах и громкость звука, я кликнул по нужному ярлыку, единственному в запароленной папке глубоко в недрах памяти компьютера.

Меня, как всегда, встретила короткая мелодия, напоминающая о космосе. Сегодня вообще довольно многое напоминало мне о космосе. Славно, что управлять можно было, полностью обходясь без клавиатуры с мышью или геймпада. Пару минут покопавшись в настройках, моргая и крутя головой, иногда замирая, чтобы откусить пиццу или выпить сока, я выставил все нужные параметры и, свернув приложение, включил случайную подборку видео на ютубе. Не хватало только одного элемента, и я потянулся за пачкой сигарет. Их

оставалось три штуки, и я выступал одну, не закуривая сразу.

Как бы я ни критиковал свой образ жизни, как бы ни ненавидел зависимость от потребления информации, о которой еще несколько часов назад думал за столиком в фастфуде перед тусой, как бы ни презирал тягу к примитивности и легкоусвояемости, я не мог спорить с тем, что это было действительно очень затягивающе. Получается, я был лицемером, который действует прямо противоположно своим убеждениям. Но ведь это было так приятно и необременительно – от тебя не требуется почти ничего, кроме внимания, кроме твоего восприятия. Все остальное сделают за тебя. Слова и образы, сцены и действия, стиль и посыл – все это лилось в мозг ровной струей данных, не требующих обработки, чтобы быть принятыми, включенными на какое-то время в твою систему, в твою картину мира. Проходя сквозь прозрачные стекла очков, весь этот случайный контент, услужливо подобранный для меня нейросетями, отслеживающими каждое слово, каждое действие, каждый клик мышью – разве что не умеющими читать мысли, но это пока что – приобретал дополнительный смысл, дополнительные измерения, преломленный авангардом того, что я по привычке называл своей личностью, уместившейся сейчас на миллиметрах нескольких слоев стекол. По сути, это было очень похоже на создание собственного мира – возможно, это меня и привлекало в тех или иных технологиях, за последние несколько лет научившихся поразительным, если вдуматься, вещам. Я опре-

деленно находил что-то общее между этими возможностями и своими собственными, легко было провести параллели между первыми поколениями пока еще примитивной и маломощной, но все же личной матрицы, и тем, что я был способен делать без помощи каких-либо технологий. Значило ли это, что рано или поздно так смогут все, и будет ли какая-нибудь принципиальная разница между нашими подходами к реальности, за исключением источника этих похожих способностей?

Я закурил и умял еще один кусок пиццы. Чем не комбо мечты? Конечно, я уверен, можно собрать и больше – например, будь тут условная Яна или хоть та же Минск, или если бы вместо сока я пил виски – только нормальный, а не тот дешак с “Пира”, или будь это не моя комната в съемной квартире, а палуба круизного лайнера прохладной ночью, ну и так далее. Предела гедонизму, наверное, не существует. В общем, не нужно мне так радикально осуждать то, до чего сам я так унижительно падаю, разве нет? Картинки на экране сменяли одна другую, во встроенных наушниках что-то звучало, но, по сути, все это не имело совершенно никакого значения, и не было разницы между чем-то одним и чем-то другим. Единственный смысл – это я сам, как часть всеобщей системы или сам по себе, в любом случае – только я для себя, только все остальные для самих себя. Правила для взаимодействия между миллиардами личных вариантов мира, в миллионах измерений, правила и схемы такие слож-

ные, что они уже давно не дают многим вспомнить о причине создания этих правил. Как бишь там... Я есмь альфа и омега, начало и конец. Идея, подчиненная материи, материя, подчиненная идее. Абсолют, кульминация и финал, крупная дрожь по телу и взрыв в голове – это умирают и рождаются миры и вселенные, ничего не значащие и исполненные значения. Содрогание, выдох, выворот разума наизнанку сразу во все стороны одновременно. Все сущее – мои фантастические грезы в глубине сонных вод. Опустошающее мимолетное осознание на краю того, что раньше казалось собственной личностью.

Вдруг кружка с соком выпала у меня из руки, ударившись о пол и закатившись под столик. Наверное, нужно было встать и поднять ее, вытереть с пола разлитый сок. Да, определенно, так было бы правильно. Так бы я и поступил. Почему? Ради порядка, потому что так обычно и делают. У всего есть последствия. Но сейчас я не мог ни понять последствий падения кружки, ни оценить их как достаточные для того, чтобы что-то сделать. Голова кружилась, перед глазами все плыло, звенело в ушах, а по всему телу разливалась странная слабость.

Я свалился на спину, диван мягко спружинил подо мной, и мне показалось, что амплитуда его колебаний была невероятна, и что продолжалось это несколько часов. С меня свалились очки, и модифицированная картинка с компьютера сменилась на не менее забавные сюрреалистичные картины,

рожденные мозгом. Или еще чем-то. Мелькали образы довольно знакомые, и я бы точно смог понять, где я их видел, будь мне сейчас полегче.

Легко не было, потому что давящая головная боль сменилась мерной пульсацией, казалось, самого сознания, его сжатие и расширением. Когда прошел звон в ушах, с открытого балкона я отчетливо расслышал, что на улице пошел дождь, и уже начиналась гроза. Похоже, она обещала быть сильной. Нет, не надо, никаких мыслей и рассуждений, только реальность. Только то, что я сочту реальным. Мне на глаза попался циферблат часов, сообщавший, что сейчас 1:40.

Я чувствовал, как непроизвольно перекатился со спины на живот и повис на краю дивана, еще почувствовал, что сознание постепенно покидает меня. А ведь сознание – это именно та часть меня, с которой я привык себя ассоциировать, часть, являться которой было весьма удобно. Я более-менее понимал, что происходит, но все равно ощущал тревогу – словно самая главная моя часть, то, что и делает меня собой, сейчас может оторваться от меня, куда-то убежать и стать частью уже какого-то другого меня. И в эти последние минуты меня продолжала преследовать мысль, что я забыл о чем-то ужасно важном, о чем-то критическом, о чем не забывал никогда, что могло вызвать самые чудовищные последствия – такие, которые я даже боялся – ну или просто не мог – представить. Беспокоила также тревога насчет странных черных пятен, преследующих силуэтов, чуд-

ных звуков из ниоткуда.

Пульсирующая боль прошла, и теперь в голове, в груди, во всем теле была кошмарная тяжесть, словно гравитация возросла в несколько раз, вжимая меня в диван. Веки смыкались. Внутри меня боролись несколько запутанных и противоречивых ощущений. Казалось, что я вот-вот засну, и мне приснится очень странный сон. Казалось, что это не я засыпаю, а сама реальность рассыпается, обнажая другую, настоящую реальность. Казалось, что я что-то сделал не так, и сейчас сознание будет перезагружено. Казалось даже, что я умираю – даже если бы так и было и это что-то значило, я надеялся, что в других вариантах не умру. Беспокойство и беспорядок в голове не спешили перерастать в панику, потому что я уже почти потерял сознание.

Я еще мельком слышал шум видео, чьи-то голоса, но уже не особо все это различал. Это было похоже даже не на фоновый шум телевизора, а на тот фоновый шум, который замечаешь только тогда, когда он пропадает. Возможно, это был последний день моей настоящей жизни. Не так уж и плохо я его провел – для такого вывода даже задумываться не надо, это было совершенно очевидно. И все же какая-то часть меня, которую я сегодня то и дело затыкал и от которой пренебрежительно отмахивался, сейчас, в самые последние секунды, очнулась и в меру своих возможностей кричала мне, что что-то пошло не так, что я чего-то не учел, что нужно бежать – этот внутренний я еще не понимал, от чего именно,

но был уверен, что просто необходимо спастись бегством от того развития событий, к которому все шло. Возможно, в этом и была доля правды.

Комната уже пропала, зрение работало в совершенном другом режиме. Я буквально мог видеть, как теряю сознание: проваливаясь в сложную структуру, состоящую из строк и столбцов, по ячейкам которой проносились зеленоватые волны света, меняя значения в этих ячейках. Я ощущал, как разделяюсь на копии, а эти копии, в свою очередь, тоже разделяются на копии, и так далее, и я был каждой из этих копий в той же степени, что оригиналом – то есть, чувствовал все и воспринимал не как один юнит сознания, а как безостановочно растущее число этих юнитов. За строками и столбцами обнаружилось и третье измерение глубины, а за ним и четвертое, похожее на рекурсивные фракталы с текстурами, отдаленными ассоциациями напоминающими концепцию ада. Хотя это, скорее, был лимб.

В последний момент своей памяти я ощутил, как все бесчисленные копии меня вновь собираются в единое целое, и оно с неопишуемой скоростью проваливается куда-то вниз по спирали, в конце которой, как мне казалось, должен быть какой-то выход. Возможно, там найдутся и ответы на множество вопросов – а может, там меня ждут только новые вопросы без каких-либо ответов. Неизвестность готова была держаться столько же, сколько дано продержаться мне самому. Погружаясь все глубже в пустоту, я еще успел услышать

шум грозы, что все-таки разразилась где-то в далеком внешнем мире, и в самом конце я все же сумел оживить в памяти нужный образ – череда багровых туч, застилающих все обозримое небо. А затем все пропало, и, если бы кто-то попытался найти меня, это было бы совершенно бесполезно. Здесь больше не было никого и ничего, только пустая оболочка из дыма, которую разорвал и унес куда-то последний в мире порыв ветра.

I. ВИТОК СПИРАЛИ N/ N+1, ПУНКТ 360/180. ПРИЧИННЫЙ ПАРАДОКС

*When darkness comes my way
And hopes are cast aside
I won't dwell upon decay
For it will bring new life
Illuminate my mind
There's a part of me inside everything
Emptyself – No Divide*

Мы слегка прищурились, чтобы лучше видеть то, что происходило далеко вверху, в глубине багрянца туч. Не то чтобы мы испытывали какие-то трудности с наблюдением за любой точкой пространства в этом необозримом небе, нет, просто иногда нам хотелось придать моменту чуть больше драматичности. Этот момент того стоил – один из множества расплывчатых силуэтов дернулся, пораженный молнией, и забился в конвульсиях. Несколько коротких секунд – и он замер, бессильно зависнув в воздухе, обволакиваемый темной массой, чтобы через какое-то время, вздрогнув, будто кукла, которую сняли с полки для очередного представления, вновь начать послушно двигаться, исполняя свою роль в истории.

Эта роль была одной из наших любимых, и каждый раз мы следили за его действиями с живейшим интересом, словно не знали, чем все закончится. Здесь было все: и осознание своего безумного положения, и отчаянные попытки придумать способ покинуть тюрьму из туч, и долгожданный ответ, и рывок к цели – уверенный, резкий, и момент торжества, когда кажется, что все позади, и одно лишь короткое мгновение понимания, что этот побег был изначально срежиссирован, а выход ведет туда, откуда все начиналось, когда наступал крах всей картины мира, когда то, что казалось реальностью, после секундного промедления вновь продолжило неуклонно продвигаться вперед. Снова и снова, один виток спирали за другим, его история повторялась, словно ткань ее сюжета была прибита к вращающемуся колесу судьбы ржавыми гвоздями неизменных ключевых точек, позволяющих некоторую свободу оригинальности очередному циклу, но лишь до известного предела.

И таковы были все роли, за которыми мы наблюдали, вглядываясь в грозные дали, раз за разом различая одни и те же события, решения, поступки. Мы знали, это свойство повторяемости было следствием того, что каждый герой пьесы отлично понимал, что не может быть существования без ощущения хода времени, а ход времени необходимо заполнять событиями, чтобы его ощущать. Все мы были согласны с тем, что не можем просто быть, довольствоваться достигнутым абсолют, и что необходимо продолжать поиск. По-

иск чего-то нового, достойного включения в нашу великую историю. Это лишь на первый взгляд и когда-то давно, еще при старом порядке, могло показаться нам причудой одиночества, и лишь после достижения нынешнего состояния открывался новый смысл развития. Мы выстраивали замысловатые сюжеты, и нахождение новых граней у всего, что нам уже было известно, приносило несравненное ощущение продвижения еще дальше за границы идеала. С каждой новой деталью мы все больше становились собой.

Взять хоть эту роль – человека, который боится мира вокруг, его необъятного многообразия и несчетных возможностей. Это создает надлом в его личности, и он начинает отрицать все вокруг, не может перестать разбирать окружающий мир на атомы, создавая в своем разуме все более сложные структуры и системы для опровержения реальности и ее законов. В определенный момент он приходит к выводу, что мир состоит из конфликтов, страданий, несправедливости и непонимания, и что это перевешивает все то, что ему когда-то нравилось в жизни. Его вывод прост – люди не могут жить в мире, так что нужно навсегда разделить их, заперев в отдельных мирах, в которых бы они могли существовать так, как пожелали. Так он, чужой и отчужденный, решил, что это его цель и мечта. Разумеется, был у него и враг – ведь человек, во всем находящий конфликт, не может не превратить в конфликт свое противостояние с положением вещей. Теперь его история обрела необходимый градус праведного негодо-

вания, и можно было оправдать любые поступки, совершенные во имя великой цели, во имя всеобщего блага. Само собой, в конце он побеждает, низвергнув всех, кто встал у него на пути, и становится хранителем нового порядка, стоящим над миром, которого уже не боится.

Мы довольно вздохнули, собирая по крупичкам все то новое, что принесло очередное исполнение этой замечательной роли, так часто формирующей новые элементы для дополнения нашей бесконечно изменчивой парадигмы. По пространству разлилось наше всеобщее согласие. В нашем положении состояние одной детали не имело никакого значения, и мы могли себе позволить любые эксперименты.

Закурив, мы немного подождали, пока силуэт вверху вздрогнет, сбрасывая с себя дрему, и медленно двинули взгляд дальше мимо неисчислимого множества других ролей. И чем больше мы думали о каждом из нас, кто исправно их исполнял, тем яснее чувствовали безмятежность и покой. Да, у нас все будет хорошо.

II. ВИТОК СПИРАЛИ N+1, ПУНКТ 0/180. ЛОГОВО ХИМЕР

*Нет страданий, есть покой. Нет вражды,
есть гармония. Нет распада, есть развитие. Нет
различий, есть единство. В слиянии мы обретем
мир.*

“Ключ к солнцу”

...Наверное, больше всего оно было похоже на плотное и давящее ощущение непрекращающейся катастрофы.

Сначала вернулось зрение. Человек с трудом расцепил веки и увидел багровое небо, пронизанное всполохами пламени и бледными молниями. Серые тучи казались огромными скалами, готовыми обрушиться на землю и похоронить под собой все, что еще оставалось на ней целого и невредимого. Затем, когда звон в ушах немного поутих, человек начал различать отдельные звуки, которые казались ему смутно знакомыми: треск пламени, вой ветра, чьи-то душераздирающие крики и грохот разрушения. Но все это – и картина неба, и звуки – казалось удивительно далеким, отстраненным и не относящимся одно к другому.

Первое время человеку было не совсем понятно, жив ли он, и представлялось решительно невозможным это прове-

ритель, потому что в голову упорно не приходили критерии, по которым можно было бы оценить свое состояние. Впрочем, даже знай он их, человек не смог бы ничего сделать: его все больше охватывало какое-то глобальное безволие, неспособность сосредоточиться и удержать мысли на чем-то одном. Пот струился по вискам, голова пульсировала от ничем не вызванного напряжения, каждая новая секунда обещала все большее усугубление этого состояния, мысли все сильнее смешивались в одном неумолимо растущем вихре хаоса, пока, наконец, что-то не щелкнуло у человека в мозгу, и все вдруг прошло.

Человек медленно и нерешительно попытался встать на ноги, но ноги не слушались, ощущаясь словно отдельно от остального тела. Тогда он просто сел и оглянулся вокруг. То, что человек увидел, на секунду породило в нем отчаянное желание вырвать свои глаза из глазниц и раздавить их в кулаках.

Вокруг был самый настоящий план ада – такой, что и Данте бы ужаснулся. Человек сидел посреди пылающего средневекового города, заваленного огромными камнями и разлагающимися трупами, а за крепостными стенами можно было различить что-то неопишимо чудовищное, похожее на сон, что мог бы присниться потерявшему рассудок сюрреалисту. Пейзажи были словно вырваны из разных мест, изуродованы, искажены до неузнаваемости, перемешаны и сшиты чьей-то садистской рукой воедино. Объекты постоянно ме-

няли свои размеры и текстуру, оживали и перетекали в другие, пространство кое-где сжималось в точку, и тут же, рядом – растекалось по плоскости. Было бы бесполезно пытаться перечислить все, что было не так с этим миром, потому что он каким-то образом умудрялся вмещать в себя все мыслимое разумом, искаженное во всех возможных вариантах и постоянно превращающееся во что-то еще более отвратительное и жуткое.

Тот участок неба, что человек увидел сразу, оказался лишь небольшой деталью адской мозаики, но больше всего на этом поле безумия выделялись гигантские черные сферы, разбросанные по небу. Они пульсировали и излучали волны черной обжигающей энергии, сотрясающие то, что можно было бы назвать землей. Сферы были полупрозрачны, и за чернотой их поверхности угадывалось что-то запредельно отвратное и невыразимое. Когда человек присмотрелся внимательнее, он заметил, что из этих черных дыр непрерывными потоками струятся мутные движущиеся точки, разлетающиеся повсюду. Один из таких потоков прорезал воздух прямо над руинами города, и точки стали различимы.

Это были фигуры, отдаленно напоминающие людей, состоящие из слепленных воедино огромных молекул, постоянно меняющих форму, мерцающих, нестабильных в пространстве и как будто общающихся на жутком утробно-мычащем языке. Внутри каждой жирно блестящей молекулы отражались миры, похожие на тот, что был повсюду вокруг.

На секунду зрение человека словно обострилось в сотню раз, и он смог разглядеть, что внутри этих отраженных миров находились точно такие же черные дыры, исторгающие из себя точно такие же потоки человекообразных колоний молекул. Уходящее в зловещую бесконечность число уродливых вселенных было чем-то, что человек уже просто не мог осмыслить, оставаясь в рамках своего сознания.

За закрытыми веками адским калейдоскопом мелькали образы, оставляя огненные отпечатки внутри черепа; образы, полные самого худшего из всего, что может быть описано как плохое, и эта пытка все продолжалась и продолжалась. В голове у человека словно гремели бесконечные пулеметные очереди из ядерных взрывов под аккомпанемент истошных воплей миллиардов горящих заживо в утробах своих миров богов, время внутри сознания оборачивалось пространством, звуки обретали плоть, а цвета причиняли неопишемую боль, нити связей между причиной и следствием завязывались в бесконечную череду узлов, стянутых в нить, завязанную в бесконечную череду узлов, категории сознания превращались в капли крови, падающие на мозаичный пол внутреннего лабиринта, а личность человека вытекала из его рта, ноздрей и глазниц, растекаясь по поверхности тела, превращающегося в один из сотни шаров, на невероятной скорости несущихся по бесцветной плоскости пустеющего гроба вечности.

Разум человека переполнила невообразимая ненависть к

каждой клетке его мозга, не желающего прекратить пытку, и эта ненависть была так сильна, что в какой-то момент перестала быть просто абстрактным чувством внутри головы, выползла сквозь поры тела наружу и превратилась в еще одного человека, похожего на вырезанную огромными ножницами дыру в пространстве.

Новорожденный двойник подошел к человеку, обхватил его череп ладонями и сдавил с чудовищной силой. Когда голова лопнула, монстр склонился над трупом и начал пожирать его, отрывая от тела кусок за куском и закидывая их в жадный провал пасти. Очень скоро от человека не осталось ничего – чудовище поглотило все, слизав даже кровь с земли. Оно содрогнулось и начало биться в судорогах, но уже в следующую секунду какая-то непреодолимая сила рванула его вверх, где оно, распадаясь на огромные жирные молекулы, растворилось в воздухе, чтобы тут же на огромной скорости вырваться из черной дыры в небе над пылающим безумием миром, бок о бок с мириадами таких же метаморфов.

Будь у этих тварей глаза, они бы могли увидеть далеко внизу человека посреди горящего города, пытающегося подняться на ноги и понять хоть что-нибудь из происходящего с ним кошмара, прежде чем он снова сожрет сам себя и вновь вольется в ряды рассекающих небо чудовищ.

Откуда-то снаружи этого живописного пейзажа раздался вскрик отвращения.



Вскрикнул измученный бессонницей человек в майке с дизайнерским принтом из крови и кетчупа, сквозь аккуратно устроившийся на полу между двумя колоннами похожий на омут на поверхности темной лужи разрыв в пространстве разглядывающий жуткую картину бесконечного акта саморазрушения бесчисленного числа существ, которые так некстати когда-то в самый неподходящий момент были злы на себя или недовольны, хотели причинить себе боль или иным способом навредить, что в итоге и привело их сюда, когда обрушились воды.

Человек привычно щелкнул зубами, чтобы сбить пепел с сигареты вниз – туда, в фантазию о вечных муках, пожирании себя, черных молекулах, что были когда-то людьми, странными двоящимися в восприятии ящерами, эльфоподобными котами, ангелами, жадными до чувств людей из чужих миров, и многими другими видами, одинаково павшими жертвами конца света, каким они его узнали. Так теперь в этой вселенной выглядит рождение – и мало что еще может настолько красноречиво говорить о том, кто ее привел к такому состоянию.

Курильщик вспомнил, что его вообще сюда привело – сначала в грезы, затем в секретный птичий штаб, и, наконец,

в эту галерею ужасных экзистенций: реальных, возможных, ушедших. Его привело самоизгнание из примерно вот такого же измерения желаний, не столь откровенно уродливого, но тоже пугающе болезненного. И реальность за пределами иллюзии оказалась настолько невозможной для продолжения жизни, что ему удалось в шоке прорваться сюда – что, судя по всему, было не самой простой вещью в мире. Его держали в камере, но затем выпустили, и указали дорогу к белой двери, даже выдав пистолет.

Зачем ему пистолет, он понимал, и этого пугало его не меньше ужасов, которые ему уже довелось увидеть, и которые он мог вскоре предотвратить, обернуть вспять, исправить. Ведь мог?

Выбросив бычок в ад, курильщик отошел от ниши с колоннами и омутом-порталом, и перед ним снова открылся уходящий в бесконечность коридор с точно такими же порталами, в зримой глубине которых были заключены, похоже, все живые существа во вселенной – все, что могло мыслить, чувствовать и мечтать. Впрочем, даже если когда-то эти картины и изображали виды счастливой жизни, пусть и построенной на лжи, теперь большинство из них были ужасны и полны страданий. Что-то явно пошло не так, самым наглядным подтверждением чего был тот факт, что курильщик вообще попал сюда и собирался что-то изменить.

Бредя по коридору и разглядывая чужие фантазии, он напряженно пытался придумать, чем объяснить такое состоя-

ние этого места и разума людей.

Вот кто-то падает с обрыва, но все никак не может упасть и разбиться – чем дольше курильщик смотрит на его силуэт, тем дальше и меньше тот кажется, но стоит моргнуть или на долю секунды отвести взгляд – и уже невозможно сказать, изменилось ли положение человека в пространстве по сравнению с тем моментом, когда ты начал смотреть, словно это оптическая иллюзия, и сколько бы ты ни смотрел, он будет лишь уменьшаться и отдаляться, но не встретит дно пропасти никогда, хотя ты это дно отчетливо видишь.

Вот человек сражается на дуэли с эльфом в окружении разномастной толпы. Над импровизированной ареной, под потолком огромного и богато обставленного зала висит клетка с девушкой внутри, которая обеими руками вцепилась в прутья и наблюдает за человеком со смесью страха и тревожного раздражения. Эльф орудует двумя мечами, отдаленно напоминающими римские спаты, человек использует полтораручный меч весьма мрачного вида, наводящий на мысли о его магической природе. Клинки звенели, бой шел более-менее на равных – эльф двигался с большей ловкостью и скоростью, на что человек отвечал разумным анализом движений противника и широкими и точными ударами и выпадами. В очередной раз едва разминувшись с лезвием меча, эльф отскочил назад и сразу же, пока человек не успел вернуть клинок в положение для защиты, рванулся вперед, к открывшемуся боку противника. Тот успел развернуться

и, сделав полный оборот, продолжить движение, переводя его из атаки в оборону, и меч встретил одну из эльфийских спат, а вторая скользнула по бедру, разрезав кожаный ремешок небольшой сумки. Человек пнул эльфа в колено, после чего оба они отскочили друг от друга, а между ними осталась лежать сумка и выпавшая из нее книга. Прежде чем схватка продолжилась, из кольца стражников, окружающих место поединка, вырвался один и, схватив книгу, выбежал из зала в широкий коридор, и никто за ним не погнался, потому что человек и эльф уже снова сошлись – но в этот раз уже удар меча достиг цели, и яркий синий свет брызнул из доспехов эльфа. Уже в следующую секунду человек вскинул руку вверх, будто вырывал что-то из воздуха, и всех в зале, кроме него и девушки в клетке, в один миг опутали вырвавшиеся из земли корни.

Вот из придорожного кафе выходит человек и, как будто беседуя с кем-то невидимым, направляется к каменной набережной реки.

Вот кто-то дрейфует в космосе, наблюдая сюрреалистичные галлюцинации, все дальше погружаясь в психоз, пока не замечает рядом с собой комнату, такую же пленницу межзвездного вакуума. Он забирается в нее через пролом в стене и съезживается в углу.

Коридор все не заканчивался и не заканчивался, ведя Курильщика мимо все новых бесчисленных картин. Какие-то из них были ужасны, какие-то просто странны, многие не

вызывали беспокойства, но во всех было что-то неправильное. Неправильность сна – наверное это отличало их от реального мира. Впрочем, Курильщик понимал, как он сильно заблуждается, считая что-то известное ему реальным.

Когда он уже потерял счет времени, продвигаясь по коридору – может, несколько дней, может, несколько тысяч лет – впереди показалась большая черная двустворчатая дверь в стене справа. Только сейчас Курильщик заметил, что коридор, похоже, идет по кругу, но под таким ничтожным углом, что масштаб этого места пугал. Похоже, ему еще повезло оказаться здесь относительно близко к этой двери на окружности. Он подошел к ней, собрался с мыслями, проверил пистолет за поясом и коснулся больших обитых медью ручек из черного дерева.

* * *

Помещение, которое скрывалось за черными дверьми, оказалось огромным круглым залом, потолок которого был где-то далеко за пределами видимости – если вообще был. Серые каменные стены украшали барельефы в виде бесчисленных лиц, искаженных гримасами боли – вопящие, плачущие, скорбные лица существ, лишенных самого последнего, что у них было в жизни, низвергнутых в бездну истинных стра-

даний, желающих лишь умереть. В зале не было никаких источников света – но все же было довольно светло, и только если хорошо присмотреться, становилось понятно, почему. Мириады крошечных мерцающих точек пронизывали воздух, словно какая-то светящаяся пыль. В этом месте чувствовалось что-то совершенно чужое, необъяснимое, и понять, что что-то подобное вообще имело место, можно было только по едва заметному давлению – не в воздухе, а в голове любого, кто войдет сюда. Что-то похожее на голоса, еле слышно шепчущие, исследующие разум, ничего не требующие, но всезнающие и бесконечно непознаваемые. Так чем же все-таки было это место?

Хозяин стоял посреди зала, скрестив руки на груди, стараясь выглядеть насмешливо и уверенно. Получалось далеко не так убедительно, как ему хотелось бы, однако гость, похоже, даже не обращал на него внимания. Пока что. Он задумчиво похлопал себя по карманам и выудил из одного пачку сигарет. С отстраненным выражением он разглядывал помещение, вертя головой и медленно описывая круг по огромному залу. Лишь когда в пальцах у него остался окурок, гость остановился и повернулся лицом к хозяину, окинув его задумчивым взглядом биолога, рассматривающего новый вид насекомого.

– Извини, что закурил в твоём доме, не спросив разрешения. Как бестактно с моей стороны. Ты ведь считаешь это своим домом, верно?

Хозяин хмыкнул, раздумывая, к чему клонит визитер.

– Для меня это скорее что-то вроде рабочего кабинета. Можешь курить – при условии, что заберешь мусор с собой, когда уйдешь.

– Не стоит рассчитывать, что я уйду.

Хозяин слегка улыбнулся, разводя руками в притворном недоумении.

– Похоже, что между нами возникло некоторое недопонимание. Лучший из известных мне способов устранения недопониманий – открытый диалог. Что думаешь?

– Ты прав, я многого не понимаю. И не откажусь узнать ответы на несколько вопросов, хотя и не могу себе представить, что такого ты должен ответить, чтобы наши недопонимания исчезли.

– Что ж, тогда спрашивай. Твои вопросы, наверное, в основном начинаются с “почему” и “зачем”? Например, почему я вижу идеальный мир таким, или зачем я сделал все то, что сделал?

– Мой первый вопрос начинается с “как”. Как ты пришел к этому?

– Думаю, в чем-то мы с тобой похожи, хоть ты и не хотел бы признать это. Мы оба жили в одном мире, мы видели схожие события, у нас возникали одинаковые вопросы, с нами случались похожие вещи, и мы – до определенного момента – приходили к одним и тем же выводам. Иначе бы тебя здесь не было.

– Вот только я ничего не знаю о той жизни, которую прожил. Я не знаю, что было ложью, а что произошло на самом деле. У меня нет возможности оценить оригинал того, что ты извратил и испортил.

– В таком случае я, видимо, не понимаю, зачем ты сюда пришел.

– Ты не ответил на мой вопрос.

– Не говори со мной, как с каким-то картонным злодеем из дешевой киношной драмы. Я пришел к этому так же, как и ты – через боль, потери и лишения, через непонимание и отрицание, через бунт против безумия всего происходящего. Я тоже был тем, кто думает, что он единственный здравомыслящий человек в мире.

– Я уже давно так не думаю.

– Как и я. Мы оставили это позади. Я долго думал, как остановить эту бесконечную войну, коптящую небо дымом пожаров и поливающую землю кровью. Найти способ избавиться от всей ненависти, от конфликтов и зла, принести мир и покой – разве не эту цель не считаешь величайшим благом и ты?

Гость прикрыл глаза, явно с трудом сдерживая эмоции.

– Ты что же, хочешь сказать, что принес людям мир? Я многое могу рассказать об этом мире, если тебе отсюда не было видно. О том, как я был одинок, о том, как терял близких, о том, как медленно сходил с ума. Как каждый день убеждался, что больше не во что верить, и нужно просто

сдаться. Как продолжал идти, и каждый шаг приносил все больше отчаяния. Как ненавидел и был ненавидим другими за то, что считал правильным, потому что всегда найдутся недовольные твоими поступками. Так скажи мне, где же во всем этом хаосе твой мир, и где в этом безумии покой?

– Понимаю, ты многое пережил, и не все из этого было сладкой сказкой, но это лишь сбой системы. Это можно исправить. Вернись обратно – и твой сон станет таким, каким и должен был быть по изначальной задумке. Таким, каким ты сам пожелаешь.

Курильщик устало покачал головой. Он вновь двинулся с места, обходя зал полукругом – так, чтобы не терять из виду лицо самого большого лжеца во вселенной.

– Все даже хуже, чем я думал. Я рассчитывал увидеть совершенного безумца, или раскаивающегося человека, бессильного изменить то, что он начал, но ты ни о чем не жалеешь, ты не видишь никаких изъянов в своем решении. Ты предлагаешь мне просто снова уснуть, надеясь, что в этот раз все не выйдет из-под контроля. А как же все те, кто не смог сюда добраться? Все, кто живет в кошмаре, все картины безумия, которые я видел по пути сюда, все их заложники? Им такой выбор ты не предоставляешь?

Хозяин пожал плечами, казалось, несколько раздосадованно.

– Я не могу знать точно, в каких случаях все идет не так, как человеку бы хотелось.

– Могу подсказать: когда кому-то хреново – это значит, что ты облажался.

– Ты ведь не будешь спорить, что “хреново” – это понятие очень условное? Возможно, дальше этот человек увидит что-то хорошее. Что-то, что сделает все плохое осмысленным и ценным. Я не хочу вмешиваться.

– Тогда я это прекращу. Ты безумец, и за все время, что я тут нахожусь, меня ни на секунду не оставляло желание убить тебя. Это будет самая оправданная смерть и самая большая справедливость в истории.

– И что же ты будешь делать после? Станешь на мое место и будешь исправлять каждый сон, который покажется тебе неправильным?

– Никакого сна не будет. Пора взглянуть в лицо реальности.

– Мы решали одну задачу, но пришли к разным ответам. Каково же твое решение? Просто уничтожить все, что я создал, вернуть мир к его обычному состоянию убогости и ничтожества? Быть может, ты думаешь, что люди научатся понимать друг друга и достигнут идеального мира самостоятельно?

– Нет. Это последнее, с чем бы я согласился.

– Тогда чем ты лучше меня, лицемер? Какого хера ты решил, что имеешь больше прав решать судьбы других?

Гость остановился спиной к хозяину, на глазах теряющему самообладание, словно показывая, что полностью держит

ситуацию в своих руках и ничего не опасается. Он медленно повернул голову и бросил в сторону собеседника холодный взгляд.

– Просто потому, что я пришел сюда. Этого достаточно. Каждое слово, выжженное на сердце. Каждый плевок, оставленный на спине. Кровь, смешавшаяся со слезами. Крики в пустоте, полные отчаяния. Каждая дверь, захлопнувшаяся перед лицом. Каждая ложь и каждый удар. Одиночество и бессилие. Каждая частичка этого проклятого мира будет уничтожена, очищена и создана заново – такой, какой ее вижу я. И больше не будет никакого обмана, но каждый будет властен прожить жизнь ровно так, как того пожелает, и каждый выбор будет делать сам. Реальность, одинаково подвластная всем, реальность, в которой все едино и неразделимо. Больше никаких конфликтов, никакой боли, никаких войн, никакой ненависти, никаких различий. Страх, одиночество, разочарования, обида, несправедливость – всему этому пора уйти, уйти вместе с тобой.

Хозяин вздрогнул. Было что-то в этих словах до ужаса знакомое, вот только он не мог понять, что именно. Давление извне росло, и уже пространство начало слегка деформироваться – в некоторых местах пропадали куски, оголяя бесцветную пустоту, зал то тут, то там плыл и дрожал, стены то слегка сминались, то растягивались.

– Что значит “никаких различий” и “все едино”? Я не понимаю, каков твой ответ. Что бы ты сделал на моем месте,

что именно для тебя значат эти слова?

Гость глубоко вздохнул и повернулся всем телом. На его лице расцвела слабая улыбка человека, который только что нашел уязвимое место соперника в очень долгой и сложной игре.

– Неужели? Или ты просто уверен, что я хочу думать, будто ты ничего не понимаешь? Мне все равно, что происходит здесь, как и тебе. Признаюсь, дойти и понять все было сложно, но все же у меня получилось. Твоя ошибка в том, что ты вовсе не сделал каждый элемент картины зацикленным и рекурсивным, ты вообще побоялся подходить к холсту. Ты вообразил себя рисующим себя – но на этом все. Поместил реальность внутрь сна и сказал, что это – идеальный мир, что так теперь должны жить люди, но сам потерял контроль над этим сном, и просто наблюдал, как для многих он постепенно превращался в кошмар. А я воплощу прекрасный сон в реальность – осязаемую, материальную, истинную.

– Что ты несешь, чей сон ты собрался воплощать? Чей, если всем снятся разные сны, если у всех разные мечты, разное восприятие, потому что люди сами...

Хозяин осекся на полуслове и уставился на своего гостя расширяющимися от изумления глазами. Он не мог поверить, что чей-то разум мог породить такой выбор. Чей-то, кроме его собственного. Как это могло случиться? Гость перестал улыбаться и закурил очередную сигарету.

– Похоже, ты понял, о чем я. В грядущем мире мире твой

вопрос не имеет смысла. Хватит с нас этих “мой”, “твой”, “их”. Не замечал, что больше всего дурного порождают какие-то дурацкие местоимения? Моя правда, твоя правда. Ваши взгляды, наши взгляды. Ее мораль, его мораль. И как же все это совместить? Разделить всех, запереть в отдельных камерах, погрузив в бесконечный обман в циклах перерождений? Нет. Это решение того, кто миру чужой. Единственный способ принести людям мир – объединить их. Я долго шел к этой мечте, и вот теперь я построю новое, прекрасное будущее для всех нас. Будущее без боли и страданий. И даже если ты со мной не согласишься, то сделать ничего уже, боюсь, не сможешь.

Гость достал из-за пояса пистолет и наклонил голову вбок. Человек напротив него – теперь было уже совершенно очевидно, что он, за созданной им иллюзией всемогущества и абсолютной власти, в конечном счете, тоже всего лишь человек, хотя и зашедший так далеко, как никто до него – расправил плечи и окинул оценивающим взглядом своего противника.

– Не смогу? Кажется, ты все еще не понимаешь. В этом сне я – полноправный владыка реальности, и тебе никак не убить меня. Я твой бог.

Воздух вокруг “бога” сгустился, принимая форму полупрозрачной спиралевидной брони, иссиня-черной и усыпанной тем же узором из скорчившихся в муках лиц, что и стены. Над его головой, в месте, где броня сужалась в последнем

витке спирали, она приняла форму светящейся маски демонического вида, с растянувшимся почти до ушей оскалом и пустыми глазницами. Длинный и острый язык, вершина спирали, высунулся изо рта маски и выжидающе нацелился на гостя, который выглядел скучающим, будто наблюдал дешёвые и банальные спецэффекты. Он картинно развел руками, и в правой щелкнул снятый с предохранителя пистолет, а левая поднесла к губам сигарету для последней затяжки.

– Тогда, наверное, пора просыпаться.

С этими словами гость глубоко затянулся и выдохнул перед собой облачко дыма – на удивление большое и плотное, и в ту же секунду обе его руки вновь синхронно пришли в движение – левая вытянулась вперед, прицеливаясь окурком в броню из лиц, а правая согнулась в локте, выводя пистолет на позицию для стрельбы. Первым полетел окурочек, яркой точкой за доли секунды преодолев несколько метров, которые разделяли противников, спираль загудела и мгновенно расширилась, и как только границы брони соприкоснулись с еще тлеющим окурочком, он замер, будто попав в густую вязкую жидкость, или, что вероятнее, в поле остановившегося времени. Хозяин равнодушно бросил на него взгляд – на какие-то считанные мгновения – и тут же вновь обратил все свое внимание на гостя, ожидая услышать выстрел и остановить пулю так же, как остановил окурочек.

И выстрел прозвучал. Броня вновь взвыла, готовая остановить ход времени для чего угодно и насколько угодно

быстро, что в нее попадет.

Не больше секунды прошло с момента выдоха, и дым рассеялся.

Гость торжествующе улыбался, глядя в глаза врагу, которого, наконец, победил. А еще через секунду его глаза помутнели, сам он рухнул на каменный пол, выронив пистолет из рук, и мгновенно все вокруг него залила кровь из жуткой раны, разворотившей висок.

Хозяин замер, ошеломленный и почему-то испуганный. Его обманули. Но как, как? Чего он добился, убив себя? Теперь он просто вновь переродится – там, где... Где же?

* * *

Курильщик пришел в себя первым. Он инстинктивно попытался встать на ноги, но не нашел опоры, и руки провалились в пустоту, а через секунду мозг понял, что пустота – это вода. Повсюду была вода, словно он оказался на дне океана, холодном и непроглядно-темном – не очень-то похоже на ту картинку жуткого зала, которую он видел несколько секунд назад. Впрочем, никаких проблем с дыханием под водой он не испытывал – неудивительно, если принять во внимание, что это были за воды, и что это было за место. Курильщик по памяти прикинул, где должна находиться его цель, и дви-

нулся примерно в ту сторону. Он должен был поспешить – вряд ли пройдет много времени, пока тот, другой, поймет, что только что произошло, и где теперь нужно искать своего гостя.

Через минуту Курильщику удалось нащупать то, что он искал.

Его руки двигались ровно и спокойно, с неотвратимой холодной решимостью. Он ощутил, что враг уже разгадал его план и вот-вот очнется, возвращаясь на свой коренной уровень, но было уже поздно – шея коротко хрустнула, и голова бога медленно и бессильно опустилась вниз.

Курильщик не знал, может ли он выплыть на поверхность, да и есть ли эта самая поверхность у океана дремучих вод. Наверное, это не имело особого значения, ведь все, что ему нужно – быть здесь, в подкорке. Это место само все сделает. Он вздохнул, закрыл глаза и полностью расслабился, погрузившись в мысли, пытаясь как можно ярче представить образ, который должен воплотить в жизнь.

* * *

Разум превратился в длинный, почти бесконечный коридор из зеркал. Мысли двигались по нему грузно, ровно и неотвратимо, как поезда на полной скорости. Я находился

одновременно в каждой точке этого коридора, отражаясь повсюду, и, глядя в глаза собственных отражений, я явно видел в них бесконечное множество таких же коридоров и смотрящих в ответ моих копий. На этих лицах вслед за моим собственным проросла торжествующая улыбка – и неотвратимость и значение этого момента стали еще очевиднее.

Я ощутил присутствие каждого живого существа во вселенной. Мои бесконечные отражения увидели их всех, нашли и незримо связались с ними, погрузились в их разум, увидели их жизни – с мечтами, идеалами, восприятием, ключевыми событиями и связями с другими. Я увидел мир таким, каким его видят остальные – все варианты сразу. На этом этапе я уже ничему не удивлялся, и ничто не имело значения, кроме моей цели. Что теперь?

Теперь я находился на плоскости, покрытой странными узорами всех возможных цветов и оттенков, и передо мной стояли огромные закрытые ворота, на которых было написано “ДВЕРЬ ПЕРЕМЕН”. Я мысленно потянулся внутрь сознания, надеясь найти там нужный ответ.

Получилось – толчок тепла из груди, наполняющий все тело чем-то новым, о чем до него и знать не знаешь – будто вены залили жидкое солнце, покалывания и давление на коже, прояснившийся до какой-то невообразимой степени рассудок. Тело изменялось изнутри так, как я пожелаю, нейроны в мозгу перестраивались под моим управлением, мутировала даже структура ДНК – первая дверь, перемен, открыта.

Затем пришла очередь памяти – будто я всю жизнь читал одну страницу с текстом из двух букв, и вдруг разуму открылись все возможные комбинации из символов – доступные теперь для выбора. Так открылась дверь множества.

После этого я неосознанно для себя словно поднялся на этаж выше – выше физического мира, и на меня перестали действовать законы природы и причинно-следственные связи. Это была дверь материи.

Следующей отворилась дверь восприятия, и эти изменения будто выстроились в идеально логичную схему, вместе с чем пришло полное понимание того, как теперь я существую, и как могу осуществить то, что задумал.

И тогда настал черед последней двери – воля. Человеку будет понятно это, если сравнить обретение абсолютной воли с обретением сознания – разница в существовании до пробуждения воли и после него была примерно сопоставима с разницей между организмом без сознания вообще и организмом с сознанием уровня человека. Абсолютный контроль. Новое рождение. Начало нового акта творения из ничего, непостижимое для человека, лежащее за ойкуменой возможностей понимания этого вида.

Из абсолютной пустоты на меня смотрело все и одновременно ничто. Это и есть начало координат цикла – место, время, состояние, процесс и понятие, начало и конец всего. Пространство вариантов, затянутое багряными грезами, покорное и всемогущее, готовое к перерождению мира – та-

ким, каким он должен быть. Каким я пожелаю его видеть. Нет ни морали, ни законов – на этом уровне происходит нечто совсем другое – и даже блеклые тени и глухие отголоски этой формы сознания, мучившие меня в приступах и кошмарах так долго, могли свести с ума, открывая ненадолго новые виды чувств. Сейчас страха не было – была лишь абсолютная воля, и абсолютная свобода. И теперь я стану первоосновой нового мира. Мира счастья, покоя и гармонии для каждого, субъективно вечных и нерушимых. Теперь я вознесу всех в рай – примерно так это можно назвать.

Каждое живое существо, каждое сознание станут едины – одна общая личность, один разум, одна воля. Нет больше никакого “я”, есть только мы – вселенная, свободная и единая. Нет различий – есть только единство. Нет конфликтов – есть только единство. Нет личностей – есть только единство. Это и есть бог.

Грезы залили все вокруг гулками раскатами грома, и каждое небо в каждом мире внутри каждого сна-иллюзии затянули эти тучи. Люди смотрели вверх, пораженные, благоговейные, беспомощные, оторвавшиеся, наконец, от навязанной им лжи, и в каждой паре глаз отразилась молния, расчертившая небо на две части, ударившая в самые основы мироздания, потрясшая всю структуру реальности. Она проникла в каждый разум, и никто не скрылся от нее. И с ударом молнии в каждое сознание протянулись руки моих отраженных двойников – забирая все с собой, сохраняя и перенося в от-

дельное отражение вне времени и пространства.

Как только все сознания были записаны, наступило время для уборки мусора. Пространство вариантов загудело, придавая форму моей воле – одна последняя вспышка, в которой старый мир сгорел, вместе со всей его болью, ненавистью и хаосом.

Теперь никакой реальности не было – только я, спаситель, во мраке небытия. И я сам стану новым миром, новой вселенной для нового единого бога. Мой разум перестал быть моим – он перешел из плана идеи в план материи. Мои двойники-отражения разбились, выпуская на свободу все сознания, которые перенесли сюда из старого мира, которые теперь сливались в процессе вселенского синтеза, и все это обретало форму, обретало жизнь, обретало смысл, и отпечаток того, что еще секунду назад можно было бы назвать “моим” сознанием, тоже присоединился к этому общему абсолютному слиянию. Так я умер по-настоящему и открыл внешние двери – двери саморазрушения и перерождения.

Мы больше не были собой – каждый был всем, и лишь одна частичка нас, с которой все началось, осталась в эпицентре нашего нового дома, замороженно, как и все мы, окидывая взглядом и мыслью наше великое будущее. И все, что случилось с миром после этого, стало отражениями синтезированной воли каждого из нас, кто был спасен и одарен новой жизнью, новой реальностью. Над миром вставало бесконечное множество новых солнц, и в эти первые секунды,

озаренное светом и накрытое тенью, все было так прекрасно и безмятежно, как никогда прежде.

III. В ПРЕДДВЕРИИ ГРЕЗ

*Номер первый. Код – III. Классификация: обычный день, реален-реален, последовательно. Здесь обыгрывается классическая петля времени, никаких дополнительных смыслов. Самый очевидный вариант. Своей простотой мне он и нравится. Конечность циклов – не определена. Порядок прямой и обратный.
Отрывок из неизвестной ночной телепередачи*

Круг первый. Смирение

*Ход времени – штука весьма условная, и главное условие – это восприятие, точка зрения. И если природа или же некий высший замысел ограничили нас, позволив ощущать время лишь линейно, то мы, по крайней мере, развили способность к прогнозированию и научились ретроспективному мышлению. Да, мы все еще воспринимаем время как прямую, но можем мыслить в обе ее стороны.
Доктор Гетбеттер, выдержки из лекций*

Скорый поезд прибыл на станцию “Сумеречье” в пять часов двадцать минут пополудни. Через минуту в последний вагон зашли двое в дорожных плащах. Один из новоявлен-

ных пассажиров – в сером плаще – прихрамывал и что-то с отвращением жевал. Другой – в черном плаще – был чуть повыше своего спутника, брит наголо и имел довольно болезненный вид, будто не спал уже несколько суток подряд. Вдруг, усмехнувшись какой-то своей мыслью, он остановился и достал из глубокого кармана странного вида таблетку – небольшую и лиловую. Приняв лекарство, Черный двинулся дальше по коридору, пройдя мимо бездомного пса, зачем-то заскочившего в вагон, и зашел в купе, где Серый уже раскуривал трубку, протянув свои длинные ноги в проход. Черный закрыл дверь и сел напротив. Три минуты прошли в молчании, и купе уже начало наполняться вонючим дымом. Когда поезд тронулся, оба достали из внутренних карманов плащей сложенные вдвое листы бумаги, исчерканные чьим-то ужасным почерком, разглядели их и погрузились в чтение. Пробежав глазами несколько абзацев текста, Серый кивнул попутчику, прокашлялся и начал читать вслух.

– Места мало, так что буду краток и тебе того же советую.

– А где мы?

– Да, в общем-то, нигде. Мы – абстракции, тени на стене, призванные одним лишь своим присутствием оправдать то, что собираемся озвучить. Стыдливый фиговый листок, карнавальная маска, чужое имя, отстраненность и доспехи бога.

– Разве богу нужны доспехи?

– В монотеизме – нет, не нужны, конечно. Но тут другой случай.

– Ладно. А что это такое? Какой-то сценарий, что ли...

– Похоже на то. Я же говорю, мы – отстраненность. Холодная, черствая и безопасная.

– Что ж, тогда приступим.

– Так почему ты думаешь, что это кому-нибудь нужно?

Только из-за откровенного характера графомании тебя надо выслушать, понять и помочь, так что ли? Сколько раз все доказывало уже свое равнодушие к сколь угодно сильным чувствам, как много ты уже получил подсказок и намеков на то, что вселенная пуста, безразлична, непознаваема и чужда справедливости, а тебе все кажется, что чем хуже кому-то, тем больше ему должно за это воздаться. Нет, не должно. Страшно посмотреть правде в глаза и признаться, что мы все – обреченные куски мяса, нарезаемые в фарш собой же, идеальным пыточным инструментом? Тебе жутко поверить, что все ровным счетом ничего не значит, тебе ужасно хочется думать, что ты уникален в этих страхах, кошмарно представить, что это не так, чудовищно – понимать, насколько же твои чувства и мысли избиты. А что, если все живут с этими тоской и ужасом, и только ты не можешь удержать их в себе, потому что ты – самый трусливый, тупой и слабый человек на свете? Что, если ты запутался уже достаточно, чтобы не понимать разницы между чем угодно очевидным для других, не можешь адекватно оценить себя и свои мысли, поступки, и, словно слепец, идешь по пустыне, воображая каждый шаг – шагом по краю пропасти, а свой неровный путь в зыбучих

песках – героическим поиском смысла у самых пределов познаваемого? Это жалко и мерзко – такая презренная неспособность принять свою ограниченность, нежелание вместо побега от бессмысленной пустоты себя самого и выдачи бездарного беспорядка в голове за сложные концепции попытаться жить в заданных границах. Ей богу, не понимаю, что такого плохого в том, чтобы быть как все?

– Я не хочу быть как все, я хочу знать, что все – как я. И остальные хотят того же – видеть свои отражения в других людях, чтобы постоянно быть уверенными в своей нормальности.

– Хватит быть фаталистом, дружище. Научись, наконец, отпускать и забывать, перестань пытаться думать обо всем сразу и решить все проблемы одновременно, не растрачивай силы попусту, ведь всего сразу тебе не удержать. И никому не удержать. Убей в себе любую веру, растопчи остатки надежды – и сразу станет легче, без дурацкого груза переживаний.

– В этом все дело, разве не видишь? Если принять бессмысленность за норму, если вовсе отрицать необходимость смысла, то любые твои действия теряют... Ну, понимаешь? Ты хочешь выбить из-под человека стул и ждешь, что он останется висеть в воздухе. Стул для него абсолютно реален, это не самообман и не плацебо. Ты или стоишь на стуле, или болтаешься в петле, третьего варианта нет.

– Мы нигде не висим, мы стоим на земле. Я говорю, что стул тебе только кажется, как несуществующая последняя

ступенька лестницы, по которой спускаешься в темноте. И ты этого не поймешь, пока не сделаешь шаг. А вот петля – если продолжать твою глупую метафору – да, петля вполне реальна, и ты ее уже накинул себе на шею, и ничто не помещает тебе подпрыгнуть и поджать ноги, вообразив, будто из-под тебя выбили стул.

– Откуда тебе знать, что ты не висишь? Как можно в чем-то быть уверенным, живя в мире, где нет чудес, истины и откровений? Если их нет, то логично принять за чудо то, что кажется обыденным. А низводить все чудесное до уровня правил и законов, которые ты все равно не сможешь понять до конца, но будешь ревностно классифицировать и упорядочивать – это разве не другой вид фанатизма, в белом халате и перчатках, но такой же иррациональный? Разве в итоге мы не приходим к чему-то, что не можем раскладывать на части дальше, вынужденно принимая это за божественную частицу?

– Ну вот, ты это сделал. Привел непробиваемый аргумент. Только вот я не фанатик, так что тут ты промазал. Если познать мир принципиально невозможно, то стоит отвергнуть познание.

– Так ведь не выйдет. Люди мечутся в поисках истины не потому, что альтернативы нет, а потому, что не могут принять само понятие альтернативы своему мироощущению. Каждая моя мысль, всякое чувство, даже самое болезненное и мрачное, уже сами по себе приносят наслаждение, возмож-

ность упиваться сознанием, его многогранностью и глубиной. Парадокс человека в том, что он не способен принять высшую точку чего угодно за последнюю. Что, если смысл не в нахождении, а в поиске, и в страдании, и в ограниченности тоже? Я просыпаюсь каждый день и продолжаю жить даже не для того, чтобы однажды получить ответ, мне достаточно верить, что этот ответ может быть получен.

– Наконец ты отбросил заигрывания со словами. Почему было сразу не признаться, что ты мазохист и упиваешься своими муками? Вопрос снят.

– Это немного сложнее.

– Как все и всегда. Но если не брать в расчет эту шелуху лишних понятий, которую ты засыпал себе в голову, окажется, что на деле ты свободен.

– Свободен умереть? Свободен сойти с ума? Если это такой тонкий юмор, то я его не понимаю. Мне совсем не смешно.

– А у тебя вообще с юмором не очень. Ты свободен делать все, чего пожелаешь, не заморачиваясь избыточной рефлексией.

– И как же, позволь узнать?

– Понять, что никакая физиология мозга не заставляет тебя бесконечно задаваться надуманными абстрактными вопросами. Это или всеобщая заморочка, или твоя личная психическая аномалия.

– Хорошо, я готов принять, что это всеобщая замороч-

ка. Ты, кстати – прямое тому доказательство. Раз ты меня в некоторой степени понимаешь, хоть и не соглашаешься с моей точкой зрения, то должны быть и те, кто и понимает, и соглашается.

– Откуда тебе знать, что наши личности вообще что-то разделяет? Может это две крайности одного дробящегося в свете рефлексии сознания?

– Я пока не готов к такому повороту.

– Пусть так. А что там со вторым вариантом? Если ты и правда единственный такой чудак? Это бы тебя здорово обрадовало – любые странности можно оправдать своей уникальностью. Но точно знать ты не можешь, вот и приходится осторожно прощупывать всех вокруг на предмет схожести симптомов. Как успехи?

– Если бы я кого-то нашел, этого разговора тут не было бы, а мы бы мирно пили чай. Я перестаю быть осторожным – потому что впадаю в отчаяние. Но я пока не готов пожертвовать остатками гордости и приличий, убирая из разговора тебя.

– А ну как ты ими уже пожертвовал? Вдруг над твоей нелепостью уже давно насмеются те немногие, кто вообще слышал твой писк и заметил паническую жестикуляцию? Ты всегда недооцениваешь других, причем так сильно, что даже примерно не представляешь, как многое из твоих пафосных и болезненно серьезных откровений совершенно очевидно для окружающих. А реакции нет потому, что для них этот

бред не представляет ни малейшей ценности, вот и все.

– Для некоторых даже банальнейшие подробности этого бреда представлялись интересными. Однажды мне на полном серьезе предложили быть предметом исследования для дипломной работы по психологии.

– Ох, как же тебе это, должно быть, польстило! Такого запаса топлива хватит на долгие годы подпитки мегаломании. Ну и что же, ты согласился быть предметом?

– Нет. Я сразу же наглядно продемонстрировал, почему никому не стоит изучать мою психику.

– Знаешь, мы уже довольно долго балансируем между приемлемой формой исповеди и формой совершенно постыдной, и, прислушиваясь к тебе, я делаю вывод, что двойственность разговора не спасет от подозрений в реальном расстройстве. Прошу, не подумай, что это о шизофрении, я имею в виду максимум эмоциональный эксгибиционизм и паранойю.

– А что, если мне плевать? Почему я должен стыдиться этого? Кто сказал, что я должен молчать только потому, что стыдно может стать тем, кто меня услышит? Я ненавижу это табу на нытье. Я бы мог ныть всю жизнь, знаешь ли. Сутки напролет сидел бы где-то в углу и вслух размышлял о том, как же мне плохо и тяжело. Уверен, нашлись бы сумасшедшие, которым бы это понравилось – они бы рассаживались вокруг и с раскрытыми ртами впитывали поток сознания замкленного на себе эгоманьяка-неудачника. Вслух все согла-

шают, что надо быть искренним и открытым, но на самом деле они совсем не готовы к искренности, выходящей за пределы “какой чудесный день, как я всех вас люблю!” Как только доходит до радикальных, мрачных, извращенных, странных, непопулярных мыслей – никто не хочет слушать. Когда дело касается тонких граней личности другого человека, любой из нас скорее готов выслушать лекцию по высшей математике, чем это ужасное чужое “я”.

– Кто так нагадил тебе в мозг, что ты уверен, будто люди хотят быть друг для друга эмоциональными унитазами? Да, мы все эгоисты и помешаны на себе, но в этом нет нашей вины, ведь никто не может видеть и чувствовать за другого человека. Как кто-то должен проникнуться твоими переживаниями, когда они для него – ничто, пустой звук? Как и его переживания для тебя, между прочим. Разве ты когда-нибудь сочувствовал кому-то хоть вполтину так же сильно, как жалел себя?

– Да. Ты не поверишь, но я сочувствую всем и каждому, пусть даже и не вижу все с их стороны. Я потому и ненавижу всех нас вместе, что люблю каждого в отдельности, видя неудачи, страх, боль и одиночество, с которыми почти никто не в силах справиться сам по себе. Об одном человеке я думаю почти так же часто, как о себе, а переживаю – куда больше, чем за себя. Вот только я не чувствую, чтобы это делало меня лучше – то ли потому, что я совершенно не умею выражать чувства и мысли эмоциями и словами, то ли потому,

что иногда сочувствие бессильно.

– Ого! Слушай, у меня только что родилась бизнес-идея: покупаем бутылки с водой, ты превращаешь ее в вино, и мы загоняем его людям по тройной цене. Потом запишем видео, в котором ты ходишь по воде, наведем шухера в приюте для слепых, на ТВ все быстро просекут и будут платить баснословные деньги за участие в душевспасительных ток-шоу. Нравы сейчас помягче, чем две тысячи лет назад, так что с такой программой мы станем богаче английской королевы. А когда люди поймут, что саранчи и трубящих ангелов не предвещается – вообще станем хозяевами мира!

– Насмехайся-насмехайся. Иисус-то знал, что впереди у него пирушки за отцовским столом и возня с котятками посреди райских кущ, так что я не понимаю, в чем его жертва. Любой закрывающий собой амбразуру солдат совершает более смелый и геройский поступок, ведь он делает шаг в неизвестность, меняя почти невозможное, но все же “вечно” тут на вероятное “ничто” нигде. Такое же вероятное, как и “вечно” “там”, но “там” он и так оказался бы, так что это шаг в полную неопределенность. И все равно даже им движут эгоистичные мотивы – если не билет в рай, то вечная память и благодарность спасенных, короткий миг упоения своей жертвой. А кто согласится пожертвовать всем ради ничего? Так, чтобы о поступке никто не узнал, и чтобы сам он не чувствовал себя святым. Никакой награды, даже самой эфемерной. Представь, что тебе предлагают такую сделку: ты

умираешь с концами, перестаешь быть абсолютно и бесповоротно, а остальные умирают и попадают в рай, но никто не в курсе, что это твоя заслуга. Ты отдал все и ничего не получил, а они ничего не отдали и получили все. Ты согласишься? Заметь, если ты выбираешь остаться в живых, то у тебя остается точно такой же пятидесятипроцентный шанс на посмертие, как и у других. Выбираешь смерть – никаких шансов.

– Конечно, я бы не стал умирать! Такие условия настолько далеки от справедливости, что...

– Вот видишь. А ведь это ты говорил, что справедливости не существует. Выходит, мы даже не можем вообразить мир, где за добро не платят добром в самом-самом конце. А ведь это концепция самопожертвования в чистом виде.

– Ладно. Вернемся к твоим жалобам. Если не равнодушие тебя так шокирует, то что?

– Лицемерие. Как несчастные люди умудрились создать цивилизацию, построенную одновременно на вере в красоту мира и на призывах к честности? Как мы смогли так ограничить себя, что живем по взаимоисключающим законам?

– Ну, тут два варианта. Или мы просто не хотим, чтобы нам постоянно напоминали о нашей бессмысленности, а честность подразумеваем обычную, бытовую, или не все видят все в черном цвете. В любом случае, верить, что лицемерие нам не нужно – наивно, так что брось это.

– А я не против, не пойми неправильно. Я всего лишь

хочу, чтобы никто не лицемерил, называя лицемерие пороком. Это ведь совершенно в твоём духе – отрешиться от возвышенных идеалов и признать низменное единственно верным.

– И ты не понимаешь, почему сложилось так, что одно из важнейших наших качеств де-юре оказалось вне этических рамок, а де-факто – все так же практикуется с молчаливого всеобщего согласия?

– Да. Представь, что ты наблюдаешь веганскую акцию, в ходе которой они идут по улице с транспарантами и выкрикивают лозунги о защите животных, а после акции заходят в ресторан и заказывают мясо. Ты подходишь к ним и спрашиваешь, почему они едят мясо, ведь это поощрение существующей системы эксплуатации животных. Говоришь, что они ведь только что в двадцати метрах отсюда призывали к прекращению поедания мяса, а теперь едят его сами. На что они тебе отвечают, что не едят мясо. Ты указываешь на содержимое их тарелок. Они говорят что там ничего нет, или что там овощное рагу. Это абсурд, это сюрреализм. Это парадокс.

– Тогда смирись – парадокс на то и парадокс, что искусственен и неразрешим.

– Что я говорил про смирение?

– Напомнишь как-нибудь в другой раз. Нам, кажется, пора выходить, потому что место кончается.

– Я так и не сумел придумать внятного завершения.

– А разве это завершение? Вся дорога еще впереди. Пойдем.

Скорый поезд прибыл на станцию “Синегорье” в пять часов двадцать пять минут пополудни. Из последнего вагона вышли двое, один – в сером двубортном пальто, другой – в черной кожаной куртке с причудливыми нашивками. Тот, что в пальто, встряхнул гривой рыжих волос и потянулся, громко хрустнув каждым суставом тела. Его лысый спутник с выражением безгливости на лице нацепил солнцезащитные очки и закурил, задумчиво глядя на подножия лежащих далеко впереди гор. Вдруг, словно вспомнив о чем-то важном, он округлил глаза и, отвернувшись, торопливо закинул в рот круглую лиловую таблетку. И, знаете ли, сразу почувствовал себя лучше.

Круг второй. Значение лопастей

Мы стоим перед очевидной проблемой – то состояние, в котором находится наша цивилизация, очевидно тупиковое по мнению любого здравомыслящего человека. Отсюда и возникли ворах обществ мистиков, оккультистов и прочих интеллектуальных калек, фантазирующих на тему нового грядущего витка развития; однако они стали индикатором того, что мы и правда изнемогаем в ожидании смены парадигмы. Религия отмерла, мы уже не воспринимаем ее как часть жизни. Наука стагнирует и топчется на месте. Философия, как и прежде, полна лжи, словоблудия и противоречий. Массовая культура не даст никаких ответов, ведь и она сама деградирует вместе с нами. Но предположим, что нам в руки попал бы инструмент, позволяющий все исправить, “отрезать лишнее”, выбрать тот вариант развития реальности, который приведет нас к процветанию; и у этого инструмента нет ограничений – ему подвластны любые аспекты действительности, истинно божественное могущество. Что бы мы выбрали? Каким мы хотим видеть идеальный мир? И можем ли мы решить это совместно? Чем больше я об этом думаю, тем больше склоняюсь к мысли, что мы бы никогда не договорились. В таких

*важных вещах нельзя доверять решение обществу.
Неизвестный автор, "Ген смерти"*

В небольшом кабинете, оборудованном специально для проведения сеансов воспроизведения некоторых избранных фрагментов, сейчас было всего три человека. Сегодня они собрались здесь для оценки работы штаба, ведь спустя четырнадцать циклов – без достижения каких-либо существенных успехов – руководство было совершенно уверено, что дать подобную оценку необходимо. Не только текущему составу штаба, но и работе самой нейромодели. Один из присутствовавших, начальник штаба с травмой лицевого нерва, предоставил подборку фрагментов, которые, как ему казалось, были наиболее многообещающими. Они не вписывались в остальной массив данных, были словно инородной частью, и в этом могла заключаться какого-то рода подсказка. Некоторые из фрагментов были извлечены уже давно, еще во время первых циклов, какие-то появились в деле недавно. Начать было решено с одного из недавних, извлеченного на тринадцатом цикле. Человек из руководства махнул рукой, устраиваясь в кресле поудобнее, поставил стакан с кофе на стол. Начальник штаба кивнул технику, и тот нажал несколько кнопок на голографическом удаленном интерфейсе, подключенном по зашифрованному каналу напрямую к выбранной подборке. Библиотека фрагментов пришла в движение, отдавая на вывод нейрозапись, и воспроизведение началось.

“Наступает особое время. Иногда я думаю об истории человечества как о комнате с человеком и большим механизмом с лопастями, вроде вентилятора. Вот картина: человек сидит в комнате, механизм стоит рядом, он неподвижен, конструкция основательно закреплена. У комнаты нет ни окон, ни дверей, а примерно посередине, в паре метров за спиной человека, начинается пропасть, и задняя стена комнаты сплошь усеяна острыми шипами. Человеку жарко. И вот он задумывается, можно ли как-то использовать эту штуковину, чтобы стало прохладнее? Он подходит к механизму и осторожно трогает его пальцем, ощупывает и осматривает, качает лопасти. Качнул резко – и ощутил легкое колебание воздуха. Идея! И человек начинает раскручивать лопасти, с усилием, медленно, но чем дальше, тем легче они поддаются, и вот уже прохладный поток воздуха обдувает радостного человека, и он все продолжает и продолжает крутить лопасти. В какой-то момент нашаривает рукой рычажок с задней стороны механизма, дергает его. Рычажок ломается и отваливается, но механизм начинает крутиться сам, и человек, довольный собой, садится перед лопастями и наслаждается прохладой. Но механизм ускоряет вращение, и вот уже поток воздуха становится некомфортным, сушит глаза и обветривает кожу. Пока человек думает, как поступить, скорость вращения растет линейно. Когда человек решает встать и выключить механизм, поток воздуха уже почти сбивает его с ног, толкая в сторону пропасти, но человек хватается за при-

крепленную к полу конструкцию. Рост скорости вращения из линейного становится степенным. И вот человек висит параллельно полу, уносимый невероятно мощным и все более ускоряющимся потоком, одной рукой пытается выключить механизм, другой изо всех сил цепляется за него же.

Какие есть выходы из этой ситуации? Если предположить, что прыгнуть, перекатиться или еще каким-то способом уйти из-под потока невозможно. Как мне кажется, остается три варианта: либо попытаться сломать механизм, рискуя конечностями и даже жизнью, либо сдаться – разжать руку и улететь в пропасть, либо держаться дальше, в надежде, что иное решение появится прежде, чем скорость потока выйдет на экспоненциальный уровень, когда держаться станет невозможно. Но третий вариант – это ловушка, иллюзия выбора. Нам свойственно надеяться на лучшее вопреки объективной реальности. В конце концов, мы ведь улетим в пропасть как во втором, так и в третьем случае, так почему бы не подождать, пока еще есть силы?

Первый вариант хорош тем, что дает надежду на спасение, но плох в том, что гарантирует увечья. Второй – избавляет от страха и боли, но гарантирует смерть – ну, как гарантирует, на дне пропасти ведь может быть водоем и подводные пещеры, ведущие на свободу, так? Теоретически. А вот третий вариант... Он скорее не про надежду, а про страх, неспособность сделать выбор, бесконечное откладывание момента принятия решения. Мы тянем время, а лопасти вращаются

все быстрее, и скоро любые попытки сломать их превратят руку или ногу в кроваво-мясной фонтан, не причинив вреда механизму, а если перестать держаться – потоком воздуха снесет сразу на заднюю стену, на шипы. И чем дольше мы тянем с выбором, тем меньше у нас шансов.

Наступает время решать, зачем мы здесь, чего мы хотим, чем готовы пожертвовать. Нужно ли нам вообще это “будущее”? Или большинству из нас действительно наплевать? Верующие попадут после смерти в специальные места, им можно не беспокоиться. Атеисты растворятся в небытии, что в принципе снимает большинство вопросов. Родители сейчас вряд ли задумываются о судьбе своего рода, все внимание сосредоточено на детях или внуках, и почти никто не заглядывает в будущее на несколько поколений вперед. Наш короткий век диктует законы нашего мироощущения, расстановки приоритетов – устроиться получше, воспроизвести свои гены, проследить за тем, чтобы потомство встало на тот же путь, а потом и смерть тут как тут. Ну и где найти время и силы для переживаний обо всем роде людском? Инстинкта размножения не всегда хватает даже на должное исполнение функции заботы о непосредственном потомстве, куда уж там долгоиграющие планы на весь вид.

Кто знает, возможно, мы вскоре преодолеем тягу к самовоспроизведению, окончательно смиримся с тем, что никакого будущего у нас – нашей собственной отдельной личности – нет, и постепенно вымрем. Заложено ли это природой

в каждый биологический вид, чтобы не допускать перенаселения и доминирования единственной формы жизни, или же это, наоборот, программный сбой, и в оригинале нашего “кода” прописано, что мы должны заполнить собой все существующее пространство? В первом случае получается, что вселенная чудовищно жестока, раз не дает ничему существовать столько же, сколько она сама. Она как мать, наблюдающая за смертельными играми своих детей и в конце лично убивающая победителя. Во втором случае мы видим, что она, возможно, стремится к полной унификации, достижению абсолютной однородности каждой своей частицы, и это тоже немного пугает. Или же мы зря ищем паттерн там, где его нет? Если существует то, что нам кажется системой, всегда ли справедлив вывод о наличии истока, предтечи, акта творения, любого другого первоначала, первопричины? Может ли что-то неслучайное возникнуть случайно, и способны ли мы вообще в полной мере понять значение слова “случайно”? Хотел бы я узнать ответ на хотя бы один из этих вопросов”.

Нейрозапись с коротким сигналом прервалась, обозначая конец выбранного фрагмента.

Круг третий. Вид из горизонта событий

Verrà la morte e avrà i tuoi occhi
Чезаре Павезе

Поездка была долгой и безумно скучной. Автобус ехал мимо одинаковых поселков с аккуратными домиками, гостеприимно просторными кладбищами и покосившимися церквями, и проделывал он это так медленно, что к середине пути Эрик уже не был уверен, что это автобус движется относительно деревенских пейзажей, а не наоборот.

Впрочем, одно происшествие все же нарушило размеренное течение вечера: когда визгливый ребенок, принадлежащий непредусмотрительной семейной паре туристов, решил украсить спинки передних сидений своим завтраком, автобус остановился, и маленького человека вывели подышать воздухом. Эрик спрыгнул с верхней ступеньки подножки, встряхнулся и уселся на теплую траву, сложив ноги по-турецки. Неспешно закуривая, он смотрел на вечернее солнце, уже не слепящее до слез, но все еще щекочущее глаза.

Когда, устав от света, он опустил взгляд на зеленый холм вдалеке, ему показалось, что на самой вершине холма стоит фигура с косой в руке и машет кому-то. Вдруг все вокруг

осветила мощная вспышка зеленоватого света, и Эрику пришлось зажмуриться, чтобы, открыв глаза, не увидеть ни следа человека с косой. Глаза слезились, во рту – будто пустыня, а каждая кость и мышца гудели и ныли, словно он просидел тут уже очень долго. Эрик оглянулся на автобус – выходявшие покурить пассажиры заходили внутрь. Он встряхнул головой, избавляясь от последних следов короткого наваждения, и поспешил вернуться на свое место в конце салона.

Через час картина за окном сменилась – они подъезжали к городку, который опухолью коммерции присосался к Волчьему Утесу. Люди все так же приезжали поглазеть сначала на саму скалу, потом вниз со скалы, затем спуститься в пещеры у моря, чтобы выслушать рожденную в творческих муках маркетингологической алчности байку о морских чудовищах, якобы заползающих в эти дыры из глубин океана. Разумеется, среди туристов никогда не оказывалось ни одного океанографа, так что никто не обрывал гидов разумным замечанием, что сколько-нибудь серьезных глубин вокруг Волчьего Утеса не было в радиусе многих миль, и вряд ли чудовища стали бы тратить свое время на такое долгое паломничество в заурядные каменные щели; они скорее предпочли бы этому традиционные для чудовищ ценности – развлечения с рыбацкими кораблями и шоу для публики с плохими фотоаппаратами на рыбацких лодках и небольших яхтах.

Эрик хорошо понимал мифических монстров – он и сам ни за что не приехал бы сюда еще раз, если бы не приглаше-

ние от старого друга, которому выпал шанс открыть в этом месте многообещающий бизнес. Его осторожность в делах и мнительность, неожиданно приобретенные им после двадцати четырех, прямо-таки подобранные на пороге взрослой жизни, стали причиной долгой бюрократической возни и холодной войны с местным муниципалитетом. А прекрасно сохранившаяся наглость позволила почти насильно втянуть в это дело своего единственного знакомого юриста.

Когда автобус, наконец, дернулся в последний раз и замер, Эрик вышел через заднюю дверь, отошел подальше и, закурив, окинул взглядом окружение. Издалека каменный клык выглядел вполне безобидно, но напускная кротость не могла обмануть никого, кто хоть раз видел изнанку этого места. Вот и Эрик, еще не успев докурить, поежился от холода пополам с отвращением и быстрым шагом направился вглубь городка.

* * *

Эрик заснул под звуки барабнящего по крыше дождя. Снились ему ящерицы с пейсами и в кипах, автобусы с мрачными жнецами в гавайских шортах и, как-то совсем уж не попад, расплывчатый силуэт, медленно и одиноко танцующий под луной посреди цветочной поляны. Эрику силуэт по-

казался до боли знакомым... Нет, не так. Скорее показался кем-то, кого он знал в прошлой жизни – в сотне прошлых жизней – и уже вот-вот узнает в этой. Он попытался приблизиться, чтобы разглядеть, кто же это, но, как только он ступил на залитую лунным светом поляну, она превратилась в бесконечную бесцветную плоскость, по которой с грохотом неслись шары всех возможных цветов. В какой-то момент Эрик понял, что он и сам несется по плоскости, а в следующую секунду столкнулся с одним из шаров и в ужасе проснулся, тихо шипя, словно от боли.

* * *

Еще на подходе к Волчьему Утесу Эрик почувствовал, как под куртку снова пробирается холод – и это в теплый августовский день. Он поглядывал на группу туристов студенческого вида, шагающих в десятке метров от него, но им, судя по всему, холодно не было. Они веселились, бодро перекрикивались, перебрасывались стремительно пустеющими бутылками, не замечая ничего странного и пугающего в воздухе вокруг себя. Может, ничего такого в воздухе и не было, а зловещий дух скалы существовал только в воображении Эрика.

Чиновник ждал его в ресторане, частично встроенном в

скалу, а частично – нависшем над пропастью. Вид через огромные витражи открывался, конечно, потрясающий, но Эрику все еще было не по себе от этого места, поэтому беседа получилась весьма лаконичной. Представитель городских властей оказался куда уступчивее и человечнее, чем был расписан Эрику прошлым вечером, и дело быстро сдвинулось с мертвой точки. Через каких-то полчаса Эрик вышел из ресторана обнадеженный и в приподнятом настроении. Сквозь тучи выглянуло солнце, утренний холодок был окончательно забыт, и Эрик даже решил немного прогуляться вдоль Волчьего Утеса.

Когда он уже сильно отдалился от ресторана, стайки туристов и прочего, его взгляд вдруг зацепило что-то удивительное. Из щели между камнями выглядывал... цветок? Эрик был далек от флористики, но чем дальше он вглядывался в это белоснежное чудо, тем больше уверялся в том, что таких цветов в природе не бывает. Чтобы разглядеть его получше, нужно было приблизиться к самому краю скалы, но сейчас страхи Эрика отошли на второй план, и что-то внутри словно против воли вело его – по траве и камням, а потом и через невысокое ограждение с предупреждающими табличками, туда, где рос цветок, по мере приближения заполняющий поле зрения.

Все вокруг потускнело, отдавая краски ему, слепяще-белому, с невозможно тонким и изящным стеблем и бутоном из чего-то, что абсурднейшим образом напоминало перья.

Эрик замер над обрывом, не в силах оторвать взгляда от самого прекрасного, что он видел в жизни. И, пока он смотрел, в его голове проносились годы, наполненные тоской и отвращением, не стоящие и единого мига настоящего. Должно быть, прошло много времени – солнце уже успело войти в зенит, начать опускаться и даже проделать большую часть пути до горизонта, но время стало пугающе неуловимым.

С восторгом прозревшего слепца Эрик наблюдал, как цветок слегка покачивается на ветру, доверчиво раскрываясь его взгляду и, одновременно – уродливому миру. Уродливому, но все же сумевшему дать жизнь чему-то настолько потрясающему и чистому. Может, и сам этот мир не так плох, как всегда казался? На лепестках-перьях лежали небольшие льдинки, а в центре бутона сверкали капли вчерашнего дождя, в которых отражались тысячи далеких созвездий, рай, бесконечно красивый мир и один нелепый потерянный человек на краю обрыва.

Эрик почувствовал, как внутри, заполняя равнодушную пустоту, разрастается невероятное нечто, теплое и волнующее, и уже в следующую секунду он первый раз в жизни заплакал – от счастья, которое тоже испытывал впервые, и все больше становилась уверенность, что теперь все наконец будет хорошо – так, как должно было быть всегда. Бумаги бессмысленным ворохом исчерканной целлюлозы выпали из рук, колени подкосились. Его рука сама по себе потянулась к цветку – просто чтобы прикоснуться, смахнуть лед и по-

делиться этим новым теплом, способным, казалось, согреть всю планету. И, сколько он впоследствии ни пытался понять, почему случилось то, что случилось, он никогда не смог бы сказать точно.

В следующую секунду Эрик уже летел в пропасть.

* * *

Давид толкнул дверь и зашел в бар. Внутри оказалось необычайно людно – словно сегодня был какой-то особенный день. Впрочем, у дня были бы все шансы стать особенным, не будь в помещении Адама, но тот привычно обретался за одним из угловых столиков. Давида он заметил сразу и приветливо махнул рукой – это значило, что он был еще в дружелюбном состоянии и расположен к беседе. Давид заказал бокал темного пива и подсел к другу. Адаму явно не терпелось что-то рассказать, и он начал безо всяких вступлений.

– Знаешь это чувство, когда ты срываешься с уступа в пропасть и ничего не можешь сделать, словно тебя паралич разбил?

– Нет. Я только знаю, что чувства, когда стоишь на краю обрыва, и тянет прыгнуть вниз, у меня нет.

Адам даже не улыбнулся, целиком поглощенный очеред-

ной идеей.

– Сначала в голове лениво вспыхивают мысли, что неплохо бы, мол, ухватиться за что-то, но край отдалается, а ты все так же бездействуешь, и руки все так же висят в воздухе мертвыми удавами. А когда понимаешь, что происходит, уже поздно, и, сколько ни дергай конечностями, никак не спастишь.

Давид задумчиво отхлебнул из стакана друга, но в стакане был, как ему показалось, просто виски. Тогда он устало вздохнул и подпер ладонью подбородок, устраиваясь на стуле поудобнее.

– Продолжай.

– Тебе остается только орать, и ты орешь, так громко, будто что-то или кто-то подхватит тебя в воздухе, если будешь вопить достаточно истошно. У столпившихся зевак уже барабанные перепонки лопнули, а крик только набирает силу. Ты сам почти превращаешься в крик, пытаешься обмануть гравитацию, смерть и время, но глупое тяжелое тело все так же тянет тебя вниз.

– Мне кажется, что ты читаешь по бумажке. Ты читаешь по бумажке?

Адам усмехнулся и постучал пальцем по лысому черепу.

– Все бумажки хранятся тут. Они тут пишутся, классифицируются и зачитываются в нужный момент. Так что сиди и слушай внимательно, не перебивай.

– Ладно, Страшила. Валяй.

– Кажется, что от такого ужаса все законы вселенной должны враз измениться и помиловать, спасти именно тебя, хоть скалы внизу и усеяны останками таких же оступившихся, и ни у кого нет ни возможности, ни желания дать тебе понять, что те люди летели отнюдь не тише, так что ты продолжаешь верить и визжать. Падать и таять. Но это еще не самое интересное. Забавнее всего то, что эта пропасть именно для тебя окажется бездной, и лететь тебе целую вечность, и каждую секунду твоя вера в спасение будет уменьшаться в геометрической прогрессии, но так никогда и не достигнет нулевой отметки, хоть и будет к ней бесконечно стремиться. Ты успеешь сойти с ума, потерять личность, вообразить себе другое развитие событий, прожить тысячу жизней, в которых памяти о падении заботливо не будет, но никогда уже оно не прекратится, ни одна поверхность не примет тебя. Для стороннего наблюдателя ты долетел до камней за десять секунд, наблюдатель уже давно ушел по своим делам, уже давно вечером за ужином рассказал жене об очередном несчастном случае над пропастью, уже давно дети их состарились, правнуки – сгнили в гробах, планета – погибла в последней самоубийственной вспышке желтой звезды, вселенная – сжалась до невыносимо маленькой точки и снова взорвалась, но ты все еще падаешь, как частица света, попавшая за горизонт событий.

– А почему ты упал?

– И это все? Тебе интересны только причины, а до самого

важного – сюрреализма происшествия – нет дела?

– Причина важнее. Раз уж помочь никак нельзя, то можно хотя бы разобраться в случившемся, пусть не ради тебя, но для порядка. Так что? Грунт осыпался, кто-то подтолкнул, порывом ветра сбросило?

– Гипотетический падающий очень боялся высоты, но ему было скучно и одиноко в стороне от толпы, восторженно глядящей вниз с обрыва. А еще его подвело любопытство. Бедняга подумал, что там, внизу, должно быть, что-то жутко интересное – иначе с чего это все скучковались и пялятся. И он подошел к самому краю, намного дальше, чем стоило подходить, но понял это немного позже, чем нужно было понять. Головокружение, слабость в ногах, нерешительное покачивание над пастью пустоты и один неверный шаг.

– Значит, виноват только он сам. Его глупость, любопытство и слабость подтолкнули его вниз, разве нет?

– Да, он сам виноват. Точно так же, как виновата пропасть, боязнь высоты, тяжелое тело и легкий воздух, красота пейзажа, восхищение толпы, ходячие ноги, его родители, водитель туристического автобуса, желание удивляться и радоваться, гравитация – то есть никак. Никто не виноват – виновато все.

– Прямо-таки гравитация и водитель, скажешь тоже. Как по мне, так тут все проще некуда – дурачок полез туда, куда явно не надо было лезть, да и ухнул вниз. Следующий поостережется, или там забор поставят против таких любопытных.

– Там было невысокое ограждение, но оно его не остановило. А настоящий забор никогда не поставят – это им всю красоту порушит, и тогда народу приезжать будет меньше.

– Ну и дрянь. А кто они такие?

– Ты мне лучше на другой вопрос ответь: откуда тебе или мне знать, что это не мы падаем в бездну?

– Я чувствую стул под своей задницей и абсолютно уверен, что никуда не падаю. Ты же, с другой стороны, явно выпил уже достаточно, чтобы свалиться, когда попробуешь встать из-за стола. Это и будет твое великое падение.

– Все-то ты понял, не увиливай. Как ты можешь быть уверен, что твоя жизнь – не видение летящего в пустоте человека?

– Разве можно себе что-то представлять так подробно? Все слишком хорошо и детально прорисовано, чтобы быть сном или видением.

– Это тебе сейчас так кажется. Во снах, например, ты уверен, что бодрствуешь, а время там сжимается, как я под ледяным утренним душем. Я как-то проснулся и был уверен, что прожил во сне сорок лет.

– Ну, твою-то нудную жизнь и ребенок выдумает. Так почему мы именно летим, а не спим?

– Может одно, а может и другое. Не узнаешь, пока не проснешься.

– Или не приземлишься на скалы.

– Я же говорю, что лететь можно вообще бесконечно –

время для тебя растягивается.

– Если есть чему растягиваться, то есть чему рваться.

– То есть?

– Не важно, как твой мозг воспринимает ход времени, и что он для него субъективен, потому что мозг, в отличие от разума, материален и уязвим к физическим воздействиям, таким как, например, удар о здоровенный камень. Твоя геометрическая прогрессия однажды все же достигнет нуля – автоматически, когда пересечет черту первого неделимого положительного числа.

– И почему мне кажется, что эта твоя внезапно прорезавшаяся глубина мысли – дурной знак?

– Потому что ты тоже подумал об этом. Почему я вдруг стал говорить как ты?

Люди вокруг этих двоих замолчали и, с механичностью китайских болванчиков покачивая головами, принялись отодвигаться на стульях как можно дальше. Кто-то не выдержал – хлопнула дверь бара, на миг дав понять, что на улице уже гроза и настоящий потоп.

– Потому что ты подумал об этом в одну секунду со мной. Подумал, что бесконечности нет места в системе, предполагающей исчисление и, следовательно, конечность. Если время дискретно, то...

Снаружи раздался треск – гроза превратилась в ураган, деревья с жутким звуком вырывало из земли, а машины швыряло по улице. Стекло заведения не выдержало и разле-

телось на сотни осколков, которые, впрочем, никому не причинили вреда – бар был пуст, за исключением Адама и Да-вида.

– Неделимая частица приближается.

– И мы уже поняли, что она такое, правда?

– Вне всяких сомнений. А как ты все узнал заранее? Ты ведь сидел тут со своей историей не просто так, ты уже был в курсе. Откуда?

– Наконец-то спросил! Короче говоря, встретил я сегодня одного забавного...

Треск деревьев и рев урагана, голоса людей, скрежет сми-наемых автомобилей, гул стекла, гром – все смолкло на невыразимо короткий миг, освещенный изнутри зеленова-тым сиянием приближающейся линии терминатора, и уже в следующий не-миг все затопил чудовищный хруст. Мир пе-рестал существовать.

* * *

Удивительный цветок насмешливо сверкал в лучах солн-ца, всем своим видом заявляя, что у них нет над ним власти. Этому холодному чуду далеких гор, морей и ледников не ну-жен был фотосинтез, а секрет его появления в этом месте не был чем-то земным и объяснимым, уж тем более – при по-

мощи скудного человеческого языка. Цветок устал и втянулся в щель между камнями, так и не поняв, что это была за рука, и куда она так внезапно делась.

Рука же, тем временем, отлетев чуть поодаль от всего остального, под тенью зловещего утеса тоже отвергала власть солнца и старалась быть неподвижной. И если бы не остаточные подергивания, это получалось бы у нее весьма убедительно.

Круг четвертый. Ляг и умри

Мне все чаще казалось, что мы делаем что-то неправильное, не осознаем последствий своих действий. По мере того, как проект развивался, я понимал, что наша сеть действительно сможет улавливать связи между событиями на таком уровне, к которому человечество, наверное, еще не готово.

Арнольд Лихтмайер, из автобиографии

– Этот мне кажется особенно любопытным. Идеи, описанные здесь, довольно часто встречаются в основном массиве.

– Так давайте послушаем. Возможно, увидим какие-то новые связи?

Техник, не дожидаясь кивка от начальника штаба, подал на воспроизведение следующий фрагмент.

“Детерминизм по определению предполагает именно отсутствие свободы воли, и эти два понятия невозможно совместить. Любые попытки решить конфликт между ними основаны на неполном представлении о том, насколько глубоко предопределенность затрагивает любую человеческую деятельность.

Ты не просто не выбираешь свою будущую профессию или круг общения, ты не выбираешь свои слова, не выбираешь даже свои мысли, ведь все, что зависит от тебя, исхо-

дит из мозга (который формируется совершенно независимо от твоих пожеланий и решений (фактически, именно он и определяет твои желания, то есть является причиной, а не следствием), под влиянием генов и среды), а все остальное, исходящее как от других людей, так и от явлений природы, в свою очередь тоже предопределено тем, какие факторы на это все повлияли.

В итоге получается уходящая назад во времени к моменту образования вселенной цепочка событий, неизбежно повлекших за собой все последующие события. И настоящее принятие детерминизма – признать, наконец, событиями не только действия, но также мысли, слова, чувства и все прочие конструкты сознания.

Когда человек искренне поверит в иллюзорность своей личности, в то, что все ее составляющие, которые он так привык считать собой, не имеют к нему никакого отношения; в то, что он деградировал по сравнению с собой трехлетним, не видевшим границы между своим “я” и остальным миром – человек ужаснется. Как будто ему мало страха смерти, конца всех чувств и восприятия, так теперь он еще и понимает, что умирать-то некому.

Нет никакого человека, есть только набор элементарных частиц, несколько более организованных в пространстве, чем само пространство, производящих определенные действия, обусловленные прошлыми действиями всех прочих элементарных частиц. Невыносимо маленькая деталь кар-

тины мироздания, все существование которой зависит от включающей ее более крупной детали, которая, в свою очередь... Человек понимает, что он – следствие постоянного изменения конфигурации отдельных элементарных частиц вселенной, и следствие настолько несущественное, что об этом даже говорить смешно. Вот он сидит и думает, что, несмотря на полное осознание такой своей сути, он ни на секунду не перестает быть этим самым набором элементарных частиц. Маленький кусочек вселенной разглядывает себя в микроскоп и содрогается от ужаса перед своей обезличенной природой. Маленький кусочек вселенной все глубже погружается в рефлексии, слой за слоем вскрывая якобы собственное якобы сознание и трясется в страхе перед необъятностью своей дереализации. Когда его разум пересекает критическую отметку, он, не в силах больше вмещать в себе столько ссылающейся на саму себя информации, выбирает смерть, даже в последние секунды осознавая, что это якобы решение было совершенно неизбежно и обезлично. Семь миллиардов маленьких кусочков самих себя постепенно приходят к такому же выбору. И уровень организованности вселенной постепенно выравнивается.

Вот что это было – механизм эволюции общемирового уровня, как сбой навигатора в голове у леммингов. Вселенная любит тебя так же, как ты любил бы раковую опухоль в своем теле, так что будь готов к своеобразной вселенской химиотерапии, одним из видов которой является привива-

ние чересчур упорядоченной материи осознанного детерминизма.

Тысячи ученых ведут дискуссии об этичности такого взгляда на мир – заметь, они уже даже не обсуждают его истинность, для них это вопрос решенный – обсуждают, стоит ли пропагандировать эти идеи, сомневаясь в способности религии выдержать такой удар, задаваясь вопросами о мотивации, еще даже не начав рассматривать всеобщее следование теории детерминизма как зарождение этик-фашизма, не до конца осознавая, что своими же руками тащат на этот свет свою смерть как вида.

Тревожно. Энтропия растет...”

Нейрозапись с коротким сигналом прервалась, обозначая конец выбранного фрагмента. Представитель руководства отхлебнул кофе из стакана и покачал головой.

– Весьма расплывчато. Не вижу никаких подсказок. И вы думаете, что этот – один из ключевых?

Начальник штаба неопределенно пожал плечами.

– Вполне вероятно. Предлагаю прослушать все остальные, потом я покажу, какие фрагменты ссылаются на этот в дальнейшем.

– Хорошо. Давайте следующий.

Круг пятый. Профицит дофамина

*И если ты вдруг начал что-то понимать
И от прозрений захотелось заорать
Давай кричи, но тебя могут не понять
Никто из них не хочет ничего менять*
Lumen – Гореть

День Аркадии Максимовны не задался с самого утра. Ее разбудил ужасный звук: словно кто-то методично колотил молотком по ее черепу, пытаясь расколоть его на тысячи микроскопических осколков. Через секунду после пробуждения, убедившись в целостности и сохранности своей головы, старушка поняла, что звук все же идет откуда-то снаружи. Сразу ей показалось, что это ветхий многоквартирный дом решил обрушиться ей на голову всеми своими пятью этажами, и только когда она уже схватила в охапку кота и, в ночнушке и тапочках, взяла курс на входную дверь, природа звука вдруг стала ей очевидна.

После жаркой ссоры с соседом сверху Аркадия Максимовна предприняла несколько нерешительных попыток войти в этот день с какой-нибудь другой стороны, но потерпела ряд неудач. Чтобы не делать эту историю историей одной пожилой женщины, прочие заслуги дня стоит лишь кратко упомянуть через запятую: прокисшее молоко, тягостные пе-

рестановки в ТВ-программе, неудачная поездка в поликлинику, внезапная ночная гибель любимой гортензии, подскочившее к обеду давление и, конечно же, все это вместе и под аккомпанемент стука дождя в окно – неприятного и вялого, насквозь осеннего июльского дождя, которому было совершенно наплевать на чьи-то планы или наивный прогноз погоды.

И словно всего этого было мало, Аркадию Максимовну с каждой минутой все больше тревожила смутная личность, маячившая в глубокой арке в пятидесяти метрах от ее окна. Этот человек появился там еще утром, со стороны улицы, и вот уже полдня как просто стоял, не двигаясь с места. Старушке было бы куда проще забыть об этом, не живи она на первом этаже – жизнь ее по большей части протекала на кухне, и взгляд то и дело натыкался на неподвижный силуэт. К шести часам она просто села у окна и стала глядеть на него, пытаясь понять, что может заставить кого-то часами бесцельно торчать на одном месте. Фантазия рисовала чудовищные сюжеты.

Безымянный кот Аркадии Максимовны, вдруг решивший тоже поучаствовать в истории, вскочил на подоконник и улегся у рук хозяйки. Не обнаружив за окном голубей, свой любимый объект наблюдения, кот уставился на две неподвижные человеческие фигуры под аркой дома, стоящего напротив того, в котором жил кот. Один из двуногих был брит налысо, худощав и одет слишком легко для такой погоды –

на нем была черная футболка и черные же спортивные штаны, а белые кроссовки наверняка давно промокли. Второй же имел при себе зонт, носил серое пальто с брюками и прятал под кепкой рыжие волосы. Почему-то коту показалось, что эти двое разговаривают, и уже довольно долго. Как только он пришел к такому выводу, ему сразу стало любопытно, о чем же эта беседа. Возможно, о голубях?

На самом деле двое людей, совершенно не подозревающих о том, какое беспокойство их присутствие вызывает у обитателей соседнего дома, говорили на банальнейшую из всех тем, доступных человеку – речь шла о погоде. Лысый был явно ею недоволен.

– И так уже третий день подряд. Ну что за мерзость?

Рыжий удивленно вздернул брови.

– Я думал, ты любишь дождь.

– Но ведь не во время моего терапевтического отпуска!

Как я должен идти на поправку и, как его там...

Лысый, пошарив в кармане, достал оттуда пестрый буклет. Крупный зеленый шрифт на первой странице гласил: “Частная психотерапевтическая клиника доктора Гетбеттера”. Перелистнув несколько страниц, Лысый процитировал:

– “...Учиться видеть свет и ощущать тепло мира”, когда сама природа не хочет мне ничего такого демонстрировать. Невольно задумаешься, знаешь ли.

– Ладно, поездка действительно вышла не самая удачная. Хотя горы мне очень даже понравились, не понимаю, почему

ты...

– Ааа, даже не начинай! Только вспомню этот обрыв – сразу трясет.

– Окей, забудем про горы. Но ведь все дело в обсуждении, а места и погода – это так, фоном. На чем ты там остановился?

– Ах, да. Минуту, дай мне вспомнить.

Лысый вытряхнул из пачки сигарету и закурил. Где-то уже на подступах к фильтру он нащупал скользкий хвост мысли и кивнул своему собеседнику.

– Я говорил об эгоизме. О том, что он присущ всем, а альтруизма попросту не существует.

– Очень странно. А как же благотворительность, самопожертвование, безусловная любовь и все такое? Это ведь и есть альтруизм.

– Альтруизм – это всего лишь эгоизм другого порядка, когда человек испытывает удовольствие от помощи другим, при этом все равно ублажая свое эго. Альтруизм – это социально одобряемый эгоизм, естественный в своей кажущейся неестественности, и, в отличие от эгоизма в классическом понимании, вызывающий куда меньше конфликтов при столкновении интересов.

– Хорошо, я тебя понял. Из этого что-нибудь следует, или это просто отвлеченные наблюдения?

– Просто одна из концепций, составляющих мое мировоззрение.

– Все дело в том, что какие-то из этих “концепций” оказались чрезвычайно вредны и привели тебя в ту ситуацию, в которой ты сейчас находишься. Нам нужно все их перебрать, изучить, взглянуть на них критически и попытаться отделить безобидные убеждения от опасных одержимостей, которые не приносят никакой пользы и делают твою жизнь только хуже. Эгоистичный альтруизм мне кажется обычным и вполне невинным рассуждением, так что давай дальше.

– Следующий пункт – детерминизм. Как ты, должно быть, помнишь, я уже упоминал это.

* * *

– Толика здравого смысла в этом есть. Хорошо, продолжай. Что на очереди?

– На очереди несовершенство речи. Это действительно то, что сильно влияет на меня, возможно, это – первый настоящий внутренний демон.

– Странно, не вижу здесь ничего опасного. То есть я, конечно, понимаю, о чем ты, но разве это так критично для нормального самочувствия?

– Еще как. Само по себе оно не так уж серьезно, но в комплексе со всем остальным способно превратить тебя в безвольного раба, заключенного внутри собственной голо-

вы. Даже сейчас оно мне мешает, искажая образы в мысли, а мысли – в слова.

– А что именно эта неспособность точно выразиться усиливает, с какими еще Obsessиями взаимодействует?

– А, их целая куча. Стандартные комплексы, сомнения, примеры негативного опыта общения, драматизация всего и вся, заикленность на себе... Могу хоть весь день перечислять. Но самое неприятное комбо – в паре с оставшимися крупными одержимостями.

– Ладно, давай перейдем к ним.

– Дуализм. Представь себе шкалу, на одном краю которой – предельная эмоциональность, а на другом – холодный рационализм. Как должен ложиться на такую шкалу темперамент человека? Если на шкале есть двести делений, по сто в обе стороны от середины, то темперамент человека должен быть “длиной” в сто делений. В крайних случаях он полностью уместается в левую или правую части шкалы, в нормальных случаях – только тяготеет к одной из крайностей, в идеальном случае – лежит ровно посередине. Это случай абсолютной гармонии. Угадаешь, какой случай у меня?

– Неужели гармония?

– Ну, в каком-то смысле. Не знаю, почему, но я достигаю обеих крайностей одновременно, то есть занимаю всю шкалу целиком, все двести делений. И это не биполярное расстройство или еще какая чушь, я ощущаю это ежесекундно, одновременно – и хаос чувств, и ледяную пустыню рассудочно-

сти. Это определенно влияет на меня не лучшим образом.

– Старик, это все очень драматично, но верится слабо. Ладно, что еще?

– Я знаю, что я умру. И у меня пока не получается искренне поверить в жизнь после смерти в какой угодно форме. А если жизнь конечна, то зачем мне хоть что-то делать? Почему бы мне просто не прилечь сейчас на эту разбитую тротуарную плитку и не подохнуть, раз все все равно к этому идет? Зачем мне стараться быть лучше, пробовать что-то новое, заморачиваться и вообще хоть о чем-нибудь переживать, думать?

– Ты ведь гедонист. Вот и живи сиюминутными низменными удовольствиями, к чему вообще задумываться о конечности своей жизни?

– Так и было. Был период в жизни, когда я чувствовал свою молодость и свободу. Я знал, что могу сделать что угодно, быть кем угодно, совмещать в себе несовместимое, день за днем убеждался в своем превосходстве над остальными и упивался этим чувством, пользовался своей уверенностью. А потом что-то сломалось, и однажды я проснулся бессильной развалиной – состарился, еще не успев повзрослеть. Вот и получается, что веду я себя инфантильно, но при этом чувствую себя дряхлой мумией. Ужасно нелепо и обидно.

– Ага. Еще что-нибудь?

– Да, еще несколько тесно связанных идей. Что ты думаешь о таком понятии как “бесконечность”? Бесконечная все-

ленная, вечная жизнь и все в этом роде.

– Что думаю я? Они... объективно плохо поддаются описанию.

– Ну да, но до этого мы еще дойдем. В общепринятом смысле бесконечность нельзя описать, разделить, классифицировать, изучить и так далее. Бесконечность, а точнее, “бесконечность всего” не может выступать объектом чего-либо, поскольку объект не может включать в себя субъект, окружение, воздействие, методы и цели и все такое прочее. Итак, что дано: понятие “бесконечность всего”, человеческое мышление, мир с известными в определенной степени характеристиками. Внимание, вопрос: может ли бесконечность всего существовать?

– Давай сразу к ответу, я теряюсь в твоей демагогии и софизмах.

– Ответ: нет, не может. Слышал про парадокс Рассела?

– Ну допустим.

– Так вот, при условии существования бесконечности всего этот парадокс не был бы парадоксом, потому что в этих самых условиях бесконечности множество множеств включало бы в себя бесконечное число множеств, включающих себя в качестве элемента, и – более того – являлось бы одним из них. Абсолютная рекурсия. Еще пример: если вселенная бесконечна, значит, где-то существует мир, в котором все точно так же, но ты одет не в серое, а в черное пальто. Но должен ведь быть и мир, в котором вот именно этот

ты, стоящий напротив меня, одет в черное пальто. Не ты из другого мира в черном пальто, а ты из нашего мира, где ты в сером пальто, в черном пальто. Иными словами, включает ли бесконечность в качестве элемента свою собственную небесконечность? Ведь ее небесконечность является чем-то, а бесконечность включает в себя все. Если да, то бесконечность небесконечна, если нет – тем более небесконечна. Вот и получается, что определение бесконечности противоречит само себе. По законам формальной логики оно неверно, но даже если принять, что бесконечность только умозрительна, именно ее единственное свойство делает ее бесконечностью, то есть определение не может быть ложным. Следовательно, Аристотель со своей логикой в глаза ебется. Так что ли? А? А?

– Так к чему ты все ведешь?

– К тому, что человеческое сознание в принципе не может обработать такой массив данных в силу своей предельной ограниченности. Мы как бы признаем это, но зачем-то устанавливаем определение, которое описывает что-то, что мы никогда не осмыслим. И все бы ничего, если бы это невообразимое нечто не было альфой и омегой всего, чего мы желаем. Сознание – ошибка природы, потому что оно разрушает само себя.

– Не уверен, что все понял, мне нужно время подумать и скорректировать терапию с учетом новых данных. Пока лучше расскажи, думаешь ли ты о чем-то хорошем, или только

о смерти и багах в сознании?

– Конечно, нельзя же все время думать о плохом. Но все хорошее, кроме воспоминаний, что у меня есть – выдуманно и живет только внутри моей головы. Но там действительно много всего.

– Чего всего?

– Да вообще всего. Я придумал сотни миров.

– Ну и замашки у тебя. С такими заявлениями можешь на рай не рассчитывать, да и чушь все это – человек ведь не может уместить в себе столько информации.

– Да, возможно, большинство из них слабо детализированы. Но есть целый город, который я продумал до последнего закоулка, до малейшей трещинки в кирпичике на мостовой. Почему, думаешь, у меня такая плохая память? Все ресурсы уходят на это место.

– И что же это за город?

– Это такой собирательный образ того, что мне нравится. Он – история всего, что я видел, всех, кого я знал, всего, что со мной происходило и всех, кого я выдумал. Это вся моя жизнь и суть, книга, написанная бетоном, деревом, стеклом и металлом. Я знаю каждый метр этого города, и каждое место в нем что-то значит. Все, что сложилось неправильно здесь, или вообще никогда не происходило, живет там. В этом месте я счастлив так, как почти никогда не был счастлив в настоящем мире.

– Но ты же понимаешь, что с настоящим миром никакая

фантазия не сравнится? Ты не сможешь туда переехать, как бы подробно ты себе это все ни воображал.

– При жизни – да, не смогу. Но, знаешь, я представляю себе рай именно так – возможность создать свой мир, такой, какой ты пожелаешь. Написать идеальную картину и шагнуть в нее, став частью собственного полотна.

– Оглянись вокруг. Если бы все было так, то нам стоило бы хорошенько пересмотреть список качеств, необходимых для попадания в рай, потому что предполагаемый местный создатель явно не отличался любовью к своим творениям.

– Ладно, хватит. Мы тут уже весь день торчим, а так ни к чему и не пришли. Пора идти, иначе опоздаем.

С этими словами Лысый решительно шагнул из арки и двинулся в сторону дороги. Рыжий с недоумением последовал за ним.

– Куда опоздаем?

– Разве я не говорил? Через час у нас самолет.

Рыжий бросил на Лысого тревожный взгляд. Тот, стоя у обочины, что-то высматривал в потоке автомобильного трафика, прикрывая рукой глаза от заходящего солнца, сменившегося-таки проливной дождь к концу дня.

– И куда мы летим?

Лысый ухмыльнулся и достал из заднего кармана штанов упаковку таблеток.

– В место, где не бывает плохой погоды. Такси!

Иммануил Вольфович, еще раз взглянув на билет, с нескрываемым наслаждением человека, с трудом удерживающего свой вес на ногах, плюхнулся в кресло. Разместив в нем обширные тела наиболее удобным образом, он взял с тележки стюардессы банку пива и принялся с любопытством разглядывать соседей.

Рядом с ним сидел пожилой мужчина, читающий сегодняшней номер газеты и, как могло показаться, несколько подавленный размерами соседа. За ним разместились мать с дочкой, уже готовившейся устроить плач по поводу выроненного на пол гигантского леденца, который мама почему-то не разрешает доесть.

Насмотревшись на небольшую семейную сцену, Иммануил Вольфович глянул направо. Через проход от него в одном из сидений устроился бритый налысо парень лет двадцати-двадцати пяти, в легком черном пальто и слегка уставший с виду. Место рядом с ним было пока свободно. Парень сидел, закинув голову вверх, и глядел немигающим взглядом в потолок. На подставке перед ним лежала горка маленьких лиловых таблеток. Вдруг он вздрогнул и достал из кармана пальто телефон, пролистал контакты и уставился на экран в нерешительности, беспокойно почесывая бровь. Посадка за-

вершилась, самолет уже оторвался от земли и провёл в воздухе несколько минут, а парень все сидел и смотрел. И вот он, наконец, глубоко вздохнул, словно набирая в грудь смелости, и нажал кнопку вызова. Иммануил Вольфович ждал именно этой ошибки.

– Молодой человек, вы знаете, что это небезопасно?

Тот, явно погрузившись в себя, совсем не рассчитывал услышать чей-то голос сбоку и заметно вздрогнул. Сбросив вызов, он повернулся лицом к Иммануилу Вольфовичу, и тому на миг почудился недобрый блеск в его глазах. Но через секунду лицо парня разгладилось и стало вполне благожелательным.

– Извините, я что-то совсем забылся. Спасибо за напоминание!

Перехватив любопытствующий взгляд соседа, направленный на горстку таблеток, разбросанных по подставке, он водушевяюще улыбнулся.

– Не желаете угоститься?

Иммануил Вольфович колебался. Привычка отправлять в рот все съедобное, тем более – бесплатное, боролась в нем с врожденной опасливостью.

– А что это?

– Аскорбинки. Иногда, знаете ли, позволяю себе сладкое, помогает поддерживать уровень глюкозы в крови, а уровень глюкозы влияет на выработку дофамина, а без дофамина как-то скучно, не находите?

Иммануил Вольфович одобрительно кивнул, показывая, что тоже считает сахар и гормоны удовольствия основой жизни, сгреб толстой ладонью сразу половину таблеток и тут же съел.

– Спасибо.

Парень молча улыбнулся, теперь уже с некоторым сочувствием, и отвернулся к окну.

Внизу, за стеклом иллюминатора, расстилался безупречный, выверенный до мельчайшей детали ад.

Круг шестой. Акустика зеркальных комнат

Абсолютный эскапизм – поставить все на карту “невыразимости реальности и ее восприятия”, таким образом создав оправдание для чего угодно, эдакий предельный вариант ответа “и че?” на любой вопрос. Так закрываются от всего неудобного, недоступного по каким-либо причинам – но чтобы при этом “сохранить лицо”.

Анна Пирс, “30 лет наблюдений”

– Эгоизм.

– Что не так с эгоизмом?

– Эгоизм – это естественно, без него мы бы не были индивидуальностями, ведь вся жизнь есть преследование личных интересов, в какой бы форме оно ни выразилось, как бы хорошо ни было замаскировано под альтруистические побуждения, или стремление к общему благу, или действия в интересах другого человека из привязанности и симпатии, сколь невинными бы ни были побуждения человека, а эгоистичные их основания – неочевидными или даже, казалось бы, невозможными, противоречащими самой линии поведения; в конечном счете, вся наша активность, любое слово, действие и мысль в своей основе безусловно имеют эгоистичный прин-

цип взаимодействия с миром.

– Это плохо, по-твоему? Даже если мы допустим, что это действительно так.

– Нет, вовсе не плохо, однако и не хорошо. Нельзя дать моральную оценку одной из основ нашего сознания, способа познания мира и жизни в обществе, который и породил любую существовавшую в нашей истории систему морали. Это просто данность. Назовешь ли ты наше ограниченное тремя пространственными измерениями и временем восприятие мира плохим или хорошим? Оно просто такое, какое есть, и мы не можем выйти за его рамки, не можем вообразить, каким было бы иное восприятие. Так зачем давать эгоизму моральную оценку, если он принципиально неотчуждаем от самой природы человека?

– Хорошо, останемся на нейтральной позиции. Так что же, связанное с эгоизмом, ты считаешь неправильным?

– А именно наше к нему отношение. Давай кое-что проясним, чтобы в дальнейшем было проще видеть всю ситуацию. Эгоизм – это стремление человека к первоочередному следованию своим интересам, принятие собственных характеристик восприятия, анализа и реакции как наиболее верных, поскольку они эмпирически подтверждены, не требуют предположений, тогда как все эти аспекты у прочих людей, с точки зрения человека, абстрактны и оторваны от его личного восприятия, ведь мы настолько сильно не понимаем, насколько сильно не понимаем других, что не можем даже

примерно определить границы самой шкалы этого непонимания в виде степеней чужеродности отличного от нашего восприятия, и нам для того, чтобы хоть как-то функционировать как обществу, приходится вводить невероятно сложные системы, позволяющие иметь людям общее поле понятий для совместной деятельности. Это уже даже не социальные конструкты, это уже биология, физиология, строение мозга, и подавляющее большинство из нас никогда так далеко не углубляются в причины социального и межличностного взаимодействия. Для нас любовь – просто любовь, драка – просто драка, иерархия – просто иерархия, мы их принимаем и понимаем лишь на поверхностных уровнях, точно так же, как большинство пользуется, например, компьютером, не понимая его устройства. Мы не сможем лично собрать компьютер, даже имея всю необходимую материю, из которой он состоит, мы не сможем лично создать государственный аппарат или лично воссоздать геологию как науку, даже имея все компоненты и технические средства, потому что уровень кооперации и специализации у нас слишком высок, чтобы каждый человек знал, понимал и умел все. Человеческая цивилизация на нашей планете как замкнутая система имеет очень высокий уровень сопротивления энтропии, она невероятно упорядочена по сравнению с окружающим нашу планету пространством. Так же и с социальным взаимодействием – мы функционируем социально, хотя не понимаем основ своего поведения и мышления, и было бы безумием

полагать, что попытка верить в восприятие реальности, отличное от эгоистичного, то есть с центром в индивидуальной личности, сознании, закончилась бы успешно. Мы как биологический организм не способны на это. Нельзя “видеть себя со стороны”, потому что тогда это уже не мы, я – это ровно та точка, из которой я что-то наблюдаю, одновременное же восприятие с нескольких точек создаст конфликт восприятия и не даст нам функционировать. Эгоизм – это неизменная и единственно возможная норма существования.

– Знаешь, то, что ты сказал, имеет мало отношения к эгоизму в моем понимании.

– Хорошо, тогда скажи, что такое эгоизм в твоём понимании.

– Как мне кажется, это игнорирование чужих интересов, пренебрежение ими, достижение своих целей за счет других людей, манипулирование людьми и паразитирование на них.

– Любой спор – это всегда спор о словах и их определениях. То, о чем ты говоришь, я считаю лишь отдельными проявлениями эгоистической природы человека. Ты называешь манипуляции и паразитизм эгоизмом, а я их называю манипуляциями и паразитизмом.

– Каким образом можно прийти к выводу, что, например, благотворительность – это эгоистично?

– Очень просто. Почему люди этим занимаются?

– Видимо, некоторые полагают, что помощь другим, улучшение качества не только своей жизни – это правильно.

– Позволь узнать, а в какой момент улучшение качества жизни больных раком сирот перестало быть улучшением качества жизни помогающего им человека?

– В смысле в какой момент? Ты отдаешь что-то, жертвуя частью своей жизни во благо других людей...

– Зачем?

– Чтобы мир стал справедливее?

– То есть справедливый мир – это что-то, что тебе нравится, что ты считаешь правильным, к чему стоит стремиться?

– Разумеется.

– Значит, деятельность, направленная на улучшение общего качества жизни, на достижение справедливости и какой-то формы равенства среди людей – это то, к чему ты стремишься, твоя цель и мечта, что-то, в чем ты лично заинтересован.

– Хочешь сказать, что мой личный бескорыстный интерес в чем-то хорошем – это эгоизм?

– В том и дело, что “бескорыстный интерес” – это оксюморон, ведь интерес – это и есть корысть в какой-либо форме. Одно лишь то, что ты придаешь своему эгоизму более высокие с точки зрения общественной морали формы, не меняет психологических основ такого поведения. Разумеется, обществу удобнее считать подобную форму эгоизма чем-то похвальным, ведь она действительно работает на “всеобщее благо”, и с такой точки зрения, когда мы называем стремление человечества к оптимальной организации, максимально-

му упорядочению, достижению высокой степени взаимной выгоды от всех общественных отношений, чем-то правильным и необходимым, с такой точки зрения действительно есть разница между разными формами эгоизма, ведь одни работают на общую цель, а другие – только на личную. Но фундамент нашего восприятия нельзя изменить, все, что мы делаем, мы делаем для себя.

– И что же я получаю, когда отдаю, ничего не принимая?

– Ты ошибаешься, когда говоришь, что не принимаешь ничего. Помогая другим, ты принимаешь их благодарность, даже если она не была выражена лично, ты все равно уверен, что они благодарны – дистанционно, в будущем, или вообще абстрактно. Ты принимаешь удовольствие от правильных поступков, твое эго купается в одобрении себя, в любовании собой, даже если ты не думаешь об этом так. Ты преследуешь личную корыстную цель под названием “стать хорошим”, или “сделать мир справедливым”, или “спасти кого-то”, это твой интерес – хорошо выглядеть в чужих или собственных глазах, считать себя “архитектором справедливости”, спасителем. Даже когда счастливый и жизнелюбивый человек жертвует, казалось бы, самым ценным, что у него есть – жизнью – ради других, он делает это ради другого своего личного эгоистичного интереса, ради становления героем, чтобы его память увековечили, чтобы его вспоминали и были благодарны, или в надежде получить право на попадание в какое-то хорошее место после физической смерти. Та-

ким образом, установка “стать героем” или “заслужить рай” всего лишь в определенный момент получила в его сознании более высокий приоритет, чем установка “выжить любой ценой”. Разница в формах эгоизма – лишь в приоритетах человека, не более. Попробуй представить, что тебе предлагают пожертвовать почку – но не для пересадки, а чтобы кто-то продал ее на черном рынке, а на полученные деньги купил, например, редкую марку для своей коллекции. Это его интерес, увлечение – собирать марки, и ничего плохого в нем нет, не так ли? Кто-то получит почку, он получит марку, а ты сделал доброе дело. Согласен на такую схему?

– Конечно нет, что за чепуха. Почему я должен жертвовать почкой, чтобы он купил какую-то марку?

– Но ведь твою почку в итоге кому-то пересадят, как если бы ты отдал ее напрямую. В чем разница? В посреднике, который на этом наживается?

– Ну как бы да.

– Его выгода обесценивает тот факт, что ты кого-то спас?

– Это и есть паразитический эгоизм. Коллекционирование марок – его личное дело, которое...

– Как будто выживание спасенного твоей почкой человека – не личное дело этого человека. Он хочет жить, и это эгоистично. Почему бы ему, находясь в таком положении, не пожертвовать свое сердце кому-то, кому оно необходимо? Почему он ждет, что кто-то спасет его, а не пользуется этим как шансом самому спасти другого?

– Я проживу с одной почкой, а он не проживет без сердца.

– И что? Как ты не видишь, что мораль, которой ты придерживаешься, не объясняет, кто должен быть конечным получателем каких-либо благ? Давай так. Очень грубая и абстрактная метафора, приготовься. Есть два человека, оба умирают от одной причины, не важно, какой именно. Единственный способ помочь – забрать у одного из них что-то жизненно необходимое и отдать другому, больше никаких способов нет. Если так не поступить – умрут оба. Решать тебе, потому что они без сознания. У обоих есть друзья и семья, оба имеют одинаковую ценность для общества и одинаковые моральные качества, один – пожарный, другой – врач, обоих долг обязывает помогать другим людям. Кого ты спасешь, а кого убьешь?

– Таких ситуаций в жизни не бывает.

– Не тебе судить, что возможно, а что нет, это ситуация гипотетическая. Кому жить?

– Я не могу сказать, что бы я сделал, именно потому что это абстракция. Потому что мне плевать на воображаемых людей.

– Поздравляю, ты не выбрал ничего, и умерли оба. Каково быть убийцей?

– Что за бред, как это вообще связано с эгоизмом?

– Не с эгоизмом, а с определением того, кто больше достоин неких благ, в данном случае – жизни. Ты не можешь решить, кто лучше, кто заслуживает жизни, значит, ты не

можешь решить, кто чего заслуживает и в самой жизни. Почему чье-то право жить больше чье-то права осуществить мечту?

– Тебя либо понесло не туда, либо ты умом тронулся. Право на жизнь в любом случае важнее права на любой отдельный аспект этой жизни.

– Скажи это террористу, убивающему себя вместе с парой десятков людей во имя его личной веры, которую они не разделяют. Скажи это правительствам государств, которые всю историю отправляют людей на войну во имя эфемерного блага страны, родины. Скажи это рабовладельцам, низводящим жизни своих рабов до рабочей силы и валюты, приводя многих к смерти во имя личной выгоды их хозяина. Скажи это убийцам, маньякам, радикальным группировкам, преступным организациям, перешагивающим через жизни на пути к прибыли, во имя удовольствия и выгоды. Скажи это матерям, убивающим детей в своей утробе во имя собственного комфорта. Скажи это палачам, что рубят головы, вздергивают на виселице, расстреливают и делают смертельные инъекции во имя некоего условного порядка и закона. Твой мир построен убийцами, потому что процветание почти любого исторического общества было невозможно без систем “сдержек и противовесов”, и для людей всегда было нормальным пожертвовать несколькими, если это поможет спасти многих.

– Люди в основном отвечают смертью на смерть, и да –

ради недопущения большего числа смертей.

– А кто и на каких основаниях решает, что было или может стать причиной чьей-то смерти? Если ты подтолкнешь человека к убийству, вынудишь его, спровоцируешь, не оставишь другого выбора? Если ты скомпрометируешь расследование и правосудие, и невиновный станет виновным? Если ты убедишь людей, что какие-то идеи смертельно опасны для общества, и убийство их носителей – меньшее зло? Если моя религия, философия, власть и общество говорят мне, что нужно убить неправых, неверных, иначе я, мои близкие, мой народ и даже все человечество – все умрут или будут прокляты? По сравнению с великими идеями жизнь человека – пустяк, по мнению носителей этих идеологий. Люди готовы умереть и убить за то, во что искренне верят, ведь это намного проще, чем жить и не посметь тронуть чужую жизнь, ведь страх смерти, страх попраiania кем-то их личных интересов, страх уничтожения дорогих им идей, страх осквернения их святынь – все это рядом, и никуда не уйдет, как никуда не уйдут конфликты между людьми, мелкие и глобальные. Мировая война, давка в транспорте, крестовый поход, терроризм, семейная ссора, война банд, пьяная драка, разрыв поколений, школьная травля, революция, хамство от случайного прохожего, драка между ультрас, разногласия в философских учениях, дележка наследства, кровная месть, колонизация, внутривластьная грызня, взятие корабля на abordаж, судебный процесс, забастовка, кража скота, сепара-

тизм, спор о музыкальных вкусах, гибридная война, теннисный матч, аннексия государства, сигарету на улице стрельнули, коррупция, пропаганда, геноцид по расовому признаку, обсчитали в магазине, научная дискуссия, неодобрительный взгляд, деспотия начальства, расставание пары, анафема, экономический кризис. Я могу так продолжать бесконечно, и знаешь, почему? Потому что вся жизнедеятельность человека в социуме построена на конфликте в том или ином виде. Если человек в мире один – нет конфликтов в классическом смысле, разве что внутренние – но не ролевые – или конфликт с природой. Не может решить, что ему съесть – банан или ананас, ушиб ногу о камень, обгорел на солнце. Тоже конфликты, но не неразрешимые. Как только людей станет двое и больше – появятся конфликты межличностные, принципиально неразрешимые. Ты скажешь, но ведь люди как-то договариваются, находят компромисс. Да, и решение бывает двух видов. В первом случае – взаимовыгодное, когда, по сути, исчезает повод для конфликта, например: в автобусе свободно одно место, в салон заходят два человека, оба хотят сесть. Предмет конфликта – место, повод – желание принять более комфортное положение. Вдруг освобождается другое место, кто-то выходит из автобуса, конфликт разрешен, всем хватает мест. Но даже тут есть варианты: если второе место лучше, оба захотят занять именно его, если ровно такое же, и все прочие условия тоже равны – все, повода для конфликта нет. Заметь, важна не только сравнительная ценность, важ-

но и количество предметов конфликта. Два человека подходят к кокосовой пальме и видят один кокос, возникает конфликт за право обладания им. Вдруг они замечают, что кокоса на дереве два. Казалось бы, конфликт решен? Нет, каждый захочет обладать уже двумя кокосами, и конфликт может не продолжиться лишь из-за социальных условностей, вроде идей равенства, справедливости и рационального подхода, но на фундаментальном уровне каждый хотел бы забрать оба кокоса себе. В примере с автобусом это не работает, потому что нельзя сидеть на двух местах сразу, если они не соседние, но будь это возможно каким-то образом – человек по своей эгоистичной природе этого бы и хотел.

– Что насчет второго способа решения, когда повод для конфликта не исчезает?

– Тогда-то и приходится искать компромисс. Если он найден – выгоду получают все, но не в равной степени, значит, чьи-то желания и интересы были подавлены необходимостью разрешить конфликт, то есть в какой-то мере этот человек жертвует частью своих интересов, чтобы получить хоть что-то вместо бесполезной эскалации конфликта, по результатам которого он мог получить все, но мог не получить ничего. Просто подумай: мы создали и развили систему, механизм общественных отношений, который уже полностью самостоятелен, который мы не можем в полной мере контролировать, и он диктует нам, кем мы должны быть, что делать, что говорить, что думать и чего хотеть, он показывает нам воз-

возможности и накладывает на нас ограничения. Ради чего это все? Ради того, чтобы ты не жил в пещере или деревянной избе, имел доступ к “благам цивилизации”, технологиям, широкой сети социальных взаимодействий и огромному спектру приобретенных потребностей и инструментов их удовлетворения; чтобы ты жил дольше и был здоровее, чтобы больше твоих детей выжило и так далее.

– Так значит, эгоизм, по-твоему, это вообще любое поведение? Ладно, пускай. Черт с тобой. К чему был весь этот треп? Доказать, что люди – дерьмо? Оправдать себя? В очередной раз толсто намекнуть, что мир устроен неправильно, и ты отказываешься принимать его? Ты что же, своим нигилизмом, отчуждением и далекостью от общепринятых норм, своей показной маргинальностью хочешь кого-то удивить, впечатлить, испугать? В чем цель этой позиции?

– Неверно. Маргинальность взглядов ты видишь целью, а на самом деле это следствие. Я смотрю на мир и получаю картину мира, из реальности делаю выводы, а не накладываю готовые выводы на реальность. Позиция не берется из ниоткуда.

– Скорее у тебя сложились довольно пессимистичные взгляды по какой-то причине, после чего ты все начал подгонять под них. Ты как будто в каждой ситуации нарочно выбираешь подход высокомерной деконструкции; из каждого аспекта жизни, требующего хоть каких-то усилий, хоть чего-то помимо отстраненных размышлений, ты demonstra-

тивно самоустраняешься. Ты хочешь этим показать, что не можешь приспособиться к жизни и поэтому выбираешь игнорировать ее?

– Нет, это не так, ты опять упрощаешь. Я приспособился в какой-то мере, и даже заново научился радоваться чему-то. Да, есть обстоятельства, которые мне мешают, и их проще игнорировать, насколько возможно – так делают все, и ты тоже таков. Люди избегают негативного влияния жизни, избегают того, что для них плохо, что причиняет им боль и не может быть изменено. Сколь многое и как сильно ты игнорируешь – величина сравнительная, не абсолютная. Нет четкой грани, очерчивающей приемлемый эскапизм.

– Большинство, нормальные люди это делают неосознанно, непринужденно и молча. Но твой путь – путь вынужденного безучастия и бессилия, замаскированного под громкое и злостное усложнение самых простых вещей, доведенное в своей степени до абсурда, якобы призванное высмеять существующее положение вещей, якобы служащее клеткой для твоего потенциала, хотя на самом деле эта клетка – страх неудачи, настолько овладевший тобой, что любую ситуацию ты заранее рассматриваешь как извращенную неподвластными тебе обстоятельствами. Ты думаешь, что, отказываясь от участия во всем и занимая место наблюдателя и комментатора, спасешься от последствий возможного проигрыша? Обесценивая реальность, ты не становишься ее хозяином, и на тебя не перестают действовать ее правила; все,

что ты делаешь – эскапизм и насмешка. Неужели ты веришь, что это сделает тебя счастливым, или ты уже настолько далек от действительности, что даже не веришь в возможность быть счастливым, хотя именно это ты называешь главной целью каждого человека? Тогда твое желание получать удовольствие от жизни – это пустая, безликая абстракция, оторванная от искренности, и ты изо всех сил стараешься не думать об этом самообмане, последнем, что поддерживает в тебе волю к даже такому существованию. Я думаю, ты настолько боишься и не понимаешь реальности, что на самом деле уже давно ни во что не веришь, и жизнь тебе и правда уже кажется ненастоящей, и все для тебя – лишь контур и определение вещи, но не сама вещь.

– Не нужно заниматься патетикой, сгущая краски, утрируя и додумывая. Ты приписываешь мне настроение времени, лицо поколения – исключительно мне, и к тому же все возведенное в абсолют и гротескное. Разница между мной и большинством – я говорю об этом вслух, я озвучиваю свое мироощущение, пусть местами несколько ближе к крайности, чересчур наглядно, слишком подробно и рефлексивно. Я не говорю, что это делает меня лучше, это просто отличие, без контекста попытки его моральной оценки. Разница между мной и многими – в честности, в неискаженности передачи моего оригинального восприятия через коммуникацию.

– При чем тут честность?

– Можно рассматривать честность как самодисциплину в

построении логических суждений и лингвистическую ответственность человека. Стремление к тому, чтобы то, что ты имеешь в виду, соответствовало тому, что ты говоришь, проговариваешь, стремление к тождеству содержания и формы. Ты веришь в то, что ты думаешь, если правильно формируешь свое мышление, и честность с собой – это способ человека выбирать то, во что он верит, на основе того, что он знает, обусловленный точностью определений и последовательностью суждений, а честность с другими – способ человека выбирать то, что он говорит и делает, на основе того, во что он верит, обусловленный соответствием плана содержания – того, что ты что ты имеешь в виду – плану выражения – тому, что ты говоришь. То есть ты перекладываешь свою мысль на слова максимально точно и без искажений. Это как вообразить некую картину, а затем перенести ее на бумагу так, чтобы изображения были полностью идентичными. В таком случае единственной преградой на пути к полному пониманию сказанного тобой в том виде, в каком это понимаешь ты сам, останется лишь план восприятия – то, как искажает твое высказывание тот, кто его услышал, в соответствии с фильтрами его собственного мышления. Однако это уже не твоя ответственность, поскольку лежит вне твоего поля влияния. Есть множество внутренних противоречий в системе взглядов и мнений любого человека, оценки могут и должны быть неоднозначными, позиции тем честнее, чем больше в них оговорок, исключений и пояснений, ведь мир сам по

себе полон противоречий и неоднозначен, следовательно, и продукт его анализа – личная картина мира – не может быть простым и категоричным, неоспоримым и цельным. Недостаток серьезности в вопросе рационального способа формулирования мыслей и организации мышления в целом ведет к лжи самому себе, что ведет к отсутствию ощущения возможных последствий лингвистической безответственности и неразборчивости, что ведет к конфликту между означаемым и означающим в речи, безответственному подходу к выбору формулировок и путанице в определениях, что ведет к непреднамеренной лжи другим, что делает жизнь сложнее, увеличивает уровень хаоса и уменьшает ее упорядоченность, делая человека уязвимым, что ведет его к лишениям и страданиям, еще большему числу внутренних и внешних конфликтов, что ведет его уже к конфликту сначала с пониманием структуры реальности и возможных способов взаимодействия с ней, а затем – с самой этой структурой, чего на длительном отрезке времени не может выдержать ни один человек, и тогда реальность тем или иным образом уничтожает его, при этом обычно даже не замечая.

– Ты просто описал себя сейчас, ну. Своим ошибочным восприятием ты сделал себя уязвимым; страдая из-за этого – окружил себя конфликтами с пониманием жизни, некоторые из которых предпочитаешь не замечать, а другие – демонстративно эскалируешь.

– И снова мимо. Ты рассматриваешь частично видимую

тебе и отчасти понимаемую тобой сторону моего взаимодействия не с самой реальностью и ее правилами, а с ее побочным социальным конструктом. Жизнь в человеческом обществе – это не то же самое, что любое человеческое существование, не все вокруг сводится к социальным взаимодействиям, ролям и иерархиям. Пространное высказывание о, скажем так, кажущемости мне реальности в ее внешнем виде.

– О чем ты говоришь?

– Вот что это все такое. Вот где мы находимся. В моем пространном высказывании о том, как я все вижу, мое ощущение состояния моего сознания, его положения в мире; одно большое описание себя и каких-то аспектов своего видения мира. Чем, кстати, и являются все истории – описанием неких событий, ситуаций, состояний, диалогов и размышлений, с выражением открытой или же скрытой их оценки, имеющих место в конкретном субъективном мире фантазии рассказчика, порожденном конфигурацией нейронов в его мозгу, порожденной жизнью в объективной реальности. За любой историей стоит идея, в каждой есть конфликт, всякая имеет определенную пресуппозицию, лежащую в пределах общей для всех действительности, любая история в какой-то степени рекурсивна, рефлексивна, деконструктивна по отношению к самой жизни, всегда является углубленным переосмыслением чего-то внутри породившего ее существования. Это зацикленное воспроизведение моего восприятия, поток сознания, предельная честность.

– Хорошо, тогда скажи кратко, что ты всем этим громоздким и пространным высказыванием имел в виду. Объясни, как понимать твоё переложение знания на слова.

– Что ты хочешь, чтобы я сказал, так, чтобы ты понял?

– Если я не могу понять, о чём ты говоришь, а говоришь ты то, во что веришь, ведь важна честность и ответственность к выражению мыслей, значит, я не могу понять, во что ты веришь, значит, нужно разложить твой поток сознания на более элементарные частицы. Скажи, как лично ты выбрал, во что верить, каков и почему твой подход к восприятию, какова логика рассуждений и архитектура мышления, как ты выстроил из знаний о мире его картину, на основе какого метода познания и анализа?

– А если я не могу?

– Что это значит?

– Представь, что ты всю жизнь находился внутри одной комнаты без окон и дверей. Как ты представляешь мир вне комнаты?

– Никак, я полагаю.

– Представь ещё, что я – в соседней комнате, в которой все поверхности зеркальны. Что вижу я внутри своей комнаты?

– Свои отражения?

– Да, одни лишь свои отражения. Представь ещё, что твоя комната тоже зеркальная, и что мы можем общаться, телепатически обмениваясь одиночными сообщениями, состоящими из “да” или “нет”. Как ты опишешь мне свою комнату

собственных отражений?

– В сообщении может быть только один сигнал, плюс или минус?

– Да. И только по одному сообщению за раз, я и ты, по очереди.

– Нужно будет придумать систему ответов, в которой “да” или “нет” в ответ на “да” значит одно, а “да” или “нет” в ответ на “нет” значит другое, и тогда...

– Не напрягайся. Это две изолированные системы, не по определению, но по факту. Такая система общения не может говорить ни о чем, кроме самой себя, она замкнута и рекурсивна.

– А как же двоичная система? Там тоже используются только два сигнала.

– Но там нет ограничения на количество сигналов, как у нас, когда ты можешь передать только ноль или только единицу. Поскольку мы не знаем ничего, кроме своих комнат, в которых нет ничего, кроме наших отражений, система кодирования общей быть не может, а изобрести свою нам мешает ограничение сигналов и их неизменная очередность. Мы можем лишь подавать сигналы, но не можем понять, что значат ответы друг друга, поскольку наши сигналы изначально не описывают ничего, кроме собственного наличия.

– Мы можем знать, жив другой или нет, пока ответы поступают.

– Откуда тебе знать, что тебе кто-то осмысленно отвечает,

если нет никакого контекста общения? Вдруг это автоматическая система с непонятной тебе логикой?

– А что, если использовать время? Отвечать либо сразу, либо после паузы, тогда уникальных сигналов будет уже четыре.

– А что, если это не я умышленно делаю паузы, а связь искажает время ответа? Как ты поймешь?

– Я буду давать сигналы со своей стороны в определенной последовательности, пока ты ее не заметишь.

– И как же я пойму, что это определенная последовательность?

– Ну смотри, я, запоминая твои сигналы, независимо от них даю такие: два положительных, затем четыре отрицательных, затем восемь положительных с паузой, затем?

– Шестнадцать отрицательных с паузой, ага.

– Ну вот, ты уловил закономерность! Когда ты ее поймешь, начнешь продолжать, и в какой-то момент в твоих ответах я увижу начало повторения своих. А дальше что-нибудь уже придумаем.

– Вот только ты забыл о главном: мы всю жизнь находимся в зеркальных комнатах. Ты предполагаешь, что я уловлю закономерность, потому что в реальном мире мы пользуемся одной и той же логикой и типом мышления, мозгом с одинаковой для каждого структурой, но там у нас не будет абсолютно никаких общих знаний, кроме сигналов.

– Ну это бред уже, у меня тогда и понятийного аппарата

нет, ведь я не знаю ничего.

– Ты слышишь сигналы и видишь свои бесчисленные отражения. И все, да.

– Тебе не кажется, что ты поставил невозможные условия?

– Ха, ну это же метафора. Ладно, а теперь представь, что мы, несмотря на такие условия, все же за невероятно долгое время нашли способ общаться внятно, пусть и очень ограничено.

– И как же?

– Для метафоры не важно, как именно. Так вот, представь, что мы попытаемся описать друг другу то, что находится вне комнаты, хотя сами этого не знаем.

– Окей, я тебя понял. Общение людей – как эти твои “данет”, а попытки в общении выйти за грань субъективно известного – это?

– Это то, что я пытаюсь понять, а ты – хочешь, чтобы я тебе объяснил. Я знаю, что все, что я знаю – не часть того, что я ищу, не часть ответа, потому что ни отдельно, ни в совокупности оно ничего не говорит об объекте попыток познания.

– Ответа на что?

– На все и ни на что одновременно, на вопрос, который можно только почувствовать в чем угодно, но нельзя сформулировать. Ответ не включает в себя ничего известного мне, а вопрос включает все, что я знаю.

– Поправь, если я ошибаюсь: ты ищешь нечто, отвечающее на все?

– Примерно так.

– И на кой хрен тебе это?

– Представь...

– А можно без метафор?

– Можно, раз в сто дольше получится.

– Ладно, валяй.

– Представь, что ты – участник оркестра. Вы выступаете, исполняя разные музыкальные произведения, но в какой-то момент в мелодию всегда закрадывается ошибка, слышится неуловимая фальшь. Вы меняете участников, инструменты, мелодии, залы, дирижера, одежду, прически, да вообще все что можно, но ошибка все появляется, независимо от ваших действий. Каков ее источник?

– Что-то, что мы не можем изменить. Тоны, лады, ноты и все такое.

– Допустим, вы как-то изменили эти параметры, но ошибка продолжает звучать. Что дальше?

– Может, у нас что-то не так со слухом?

– У всех участников и слушателей? И как вы тогда вообще понимаете, что это – ошибка?

– Сдаюсь.

– Музыка, как любой звук, по сути состоит из частоты, фазы и амплитуды звуковой волны. Кроме того, есть пространство, в котором волна распространяется. Есть источник этой волны. И да, есть препятствия на пути волны, некоторые из которых могут ее воспринимать, “слышать”. И как же нам

найти причину ошибки?

– Видимо, изучать физику.

– Что я и делаю в каком-то смысле.

– Хочешь сказать, что оркестр и слушатели – это все люди, музыка – вся их история, всех вместе и каждого отдельно, а ошибка – все в ней неправильное?

– Так и есть. Я познаю познание, чтобы найти источник искажения.

– Но кто определяет, что в истории неправильно?

– А никто, у каждого правда своя. Это и есть главная ошибка мелодии.

– Тогда устранить ошибку равносильно устранить разницу между людьми. Это полная чушь, что тут хорошего?

– Необязательно саму разницу между самими людьми, достаточно устранить конфликт интересов, тогда ничьи правды не будут пересекаться и искажать друг друга, и каждый будет слышать мелодию, в чем-то уникальную для него, и получать удовольствие как от общего с другими, так и от того, что его от других отличает.

– Легко говорить так о музыке. Но как это переложить на человечество, которое немного сложнее оркестра?

– Так ведь и природа реальности сложнее, чем природа одного только звука. Я не знаю. Все, что касается этого, лежит в области ответа на все вокруг, которого я не нашел.

– Так ты, значит, ради общего блага занимаешься... Хер пойми чем.

– Не только и не столько ради общего. Так уж вышло, что для меня ошибка в мелодии звучит чудовищно, хоть я и не могу понять, как она звучит для других, потому что...

– Потому что все мы сидим в зеркальных комнатах и не можем нормально общаться.

– Бинго.

Круг седьмой. Моноспектакль

*О, несчастный!
Ты дерзновением ослеплен,
Не чувствуя, что в это время
Ты только спишь и видишь сон.
Педро Кальдерон де ла Барка, “Жизнь есть сон”*

Действующие лица:

Неудачник, человек-оболочка, потомок Мидаса;

Второй, мечтательный бургомистр Золотого Города, увлекающийся рыбалкой;

Третий, мутный собеседник Второго;

Время, персонификация враждебного Второму понятия;

Образы, пыточные дел мастера;

Мысли, тени образов на стенках черепа Неудачника;

Слова, насмешливые скелеты Мыслей;

Идея, трудноуловимое водоплавающее;

Концепция, мифическое множество всех пойманных Идей;

Отчужденность, растущая величина;

Вина, Боль, Потеря, крупные паразиты в заживо гниющем теле Неудачника;

Воспоминания, Фантазии, Отклонения, мелкие насекомые в голове Неудачника;

Четвертый, выжидающий зритель, союзник Третьего;

Пятый, выжидающий зритель, союзник Третьего;

N-ый, выжидающий зритель, союзник Третьего;

Демон Лапласа, всезнающая сущность за пределами вселенной;

Люцифер, тень за плечом Третьего, Сын Зари, Принц Лжи, Герцог Боли и прочая, прочая, прочая;

Призрак Шекспира, начальник отдела метафорического повествования;

Мильте, горе-проводник по коридорам ада;

Безумие, персонификация мнимого состояния Второго;

Первый, архитектор метапространственной тюрьмы, лежащий в коме в одной из камер;

Пункт А, момент резкого роста энтропии;

Пункт Б, момент невозврата;

Пространство, враждебная Второму неупорядоченная пустота;

Люди, чуть более упорядоченная пустота;

Бог, враждебный Третьему объект интерпретации Людей;

Надежда/Вера, жизненно необходимый Неудачнику и Первому ресурс;

М.К.Б.Э., путеводная звезда в скоплении галактик Abell 1689, не наблюдаемая с Земли;

Прочие звезды, шляпки гвоздей в черепе Неудачника;

Автор, рекурсивная сущность, мизанабим-персонификация одного из действующих лиц.

Акт I

Место действия – Пространство

Время и условия действия, общая обстановка:

Пункт А пройден;

Расположение Пункта Б не установлено;

Финал метафорического повествования предположительно близок;

Враждебность между действующими лицами повествования почти достигла предела.

Входит Автор, открывает дверь в камеру Первого, тяжело вздыхает, закрывает дверь.

Время молча идет.

Автор смотрит в небо, пытаясь увидеть в нем М.К.Б.Э., но в очередной раз терпит фиаско.

Из-за пределов вселенной раздается хохот Демона Лапласа.

Автор садится посреди Пространства и начинает лепить из него место действия для второго акта, каждые две минуты делая перекур.

Входят Слова и Мысли с носилками, на которых лежит бездыханный Мильте, проходят мимо Автора, Автор провожает их взглядом.

Время молча идет.

Автор заканчивает работу, еще раз смотрит в небо в по-

исках М.К.Б.Э., затем бросает укоризненный взгляд на Бога. Бог беспомощно пожимает плечами.

Автор удаляется в раздумьях.

Акт II

Место действия – Варолиев мост Неудачника

Входит Призрак Шекспира, достает из-под плаща аэрозоль и распыляет его вокруг, удаляется.

Входит Безумие, подходит к краю моста и прыгает вниз.

Входят Второй и Третий, садятся на край моста, разматывают удочки и забрасывают их в воду.

Второй: – Вот так лучше, правда ведь?

Третий: – Нет, это избыточно. Поезд, бар и арка тоже были избыточны, кстати. Достаточно просто меня.

Второй: – Даже в самой низкопробной литературе считается дурным тоном, когда личность автора загоразивает само произведение. Самое главное – это контекст, с контекстом любое нытье выглядит безобиднее. Так что если и пытаться что-то рассказать, то стоит обложить основные идеи слоями контекста.

Третий: – А что мы тогда делаем сейчас? В семнадцать тысяч символов никакой приличный контекст точно не влезет.

Второй: – Сейчас мы просто доводим до конца то, что начали, не подумав о контексте. Мы ведь терпеть не можем незавершенность, так?

Третий: – Говори за себя. Мне-то все по барабану. Ладно, с чего начнем?

Второй: – Начнем с того, что я не могу начать. Слова...

Второй поймал на лету стайку произнесенных Слов и, окинув их брезгливым взглядом, бросил в воду, на прикорм.

Второй: – ...Слова бесполезны. Это убивает все. Возьмем какую угодно концепцию чего угодно: вот система взглядов на мир, включающая несколько идей, терминов и так далее, вот мир – объект приложения этой системы, а вот – колоссальная несопоставимость размеров и сложности системы и мира.

Третий: – Никто не создает всеобъемлющие концепции, каждый всего лишь пытается объяснить какую-то небольшую часть мира. Не вижу никаких противоречий.

Второй: – А зря. Как можно объяснить одно, не объясняя всего остального? Все ведь связано. Я хотел бы объяснить, почему я считаю, что все связано, но для это пришлось бы последовательно объяснять всего себя, а в это множество входит в том числе и сама необходимость объяснения, вызванная негативным опытом взаимодействия с миром без каких-либо объяснений. Демоны сплелись в клубок в дикой оргии, и разделить их невозможно.

Третий: – Что-то я не улавливаю.

Второй: – Вот видишь, я об этом и говорю. Мышление на определенном этапе становится похоже на закрытую систему, или замкнутый круг, или черную дыру. У меня нет вре-

мени и сил на попытки найти то место, где в этот круг можно проникнуть, если оно вообще существует.

Третий: – Как насчет того, чтобы игнорировать какие-то там системы и просто жить, м? Неужели так сложно?

Второй: – Хорошо, давай я тебе кратко перечислю все, что мне мешает. Все, что не вечно – не имеет смысла. Вечность и бесконечность представить мы не можем, потому что наш разум ограничен, однако он способен осознавать свою конечность, что и делает все вокруг таким отвратительно бессмысленным, а вещи, которые помогают не думать обо всей этой ахинее, для меня с некоторых пор недоступны из-за того, что все люди разные и никогда не смогут по-настоящему понять друг друга, хоть и являются по сути одним целым, да и предопределенность лишает нас даже малейшего шанса что-то изменить. Как-то так.

Третий: – Ну и кто из нас теперь “мутный”? Твое словесное выкаблучивание не имеет реальной ценности. Ты трус, ребенок и нытик. Тебе было мало считать жизнь пустой и тщетной, и ты решил считать бессмысленными даже самые попытки мыслить, хоть и не переставал делать это ни на секунду. Забился в угол и оттуда скулишь “Смерть! Небытие! Солипсизм! Размытость понятий! Я ничего не умею и не хочу! Не умею общаться! Предельный эгоизм! Вообще все эгоисты, а альтруистов не бывает! Я лучший человек в мире! Я худший человек в мире! Мир говно, и я ничего не могу изменить! Я потерял все, что мне было важно! Я боюсь пере-

стать чувствовать боль из-за этой потери, потому что в таком случае вообще все бессмысленно! Предопределенность, так зачем вообще что-то делать! Бездарность! Диссонанс между амбициями и фантазиями и реальным положением дел! Одиночество! Ограниченность сознания! Не могу понять, что реально, а что – нет, потому что критерии оценки субъективны, а реальность – тоже категория сознания! Хочется всего и сразу! Нет, ничего не хочется! Все бесит! Никакого отклика! А что, если я просто скучный! Что, если я просто нудный! Стыдно! Страшно! Во всем на свете виноват я! Я – всего лишь заложник обстоятельств! Апатия! Депрессия! Дисперсия! Трансгрессия! Педерастия!”

Второй: – Да заткнись ты уже, придурок.

Третий: – Тебя зацепила педерастия, ты Рон Уизли или просто ненавидишь британский прог-рок?

Второй: – Меня зацепило твое стремление высмеять все, что я чувствую и одной страницей текста попытаться описать меня целиком. Пошел ты нахер с таким подходом к людям.

Третий: – “Все что я чувствую, такой весь непонятный страдальчик!” Бла-бла-бла. “Я маленький плюсевый мифка в большом колющем мире!” Бла-бла-бла. Ты душный, повернутый на себе нытик-максималист с манией величия, которому воли не хватает, чтобы задавить диссонанс между амбициями и реальностью. Король драмы, с подростковым надрывом раздувающий свои неурядицы до вселенских масштабов. Начисто лишенный соперничества кому-нибудь кроме

себя лицемер, боящийся всего вокруг и неспособный принимать чужие решения, неспособный просто понимать чужую свободу выбора, чужую боль, чужое восприятие. Беспомощно барахтаешься в своей ненужности, теряешь, отталкиваешь, каждым словом и поступком отверщаешь от себя всех, кто тебе дорог, и пытаешься оправдать это какой-то отвлеченной метафизикой и якобы давящей на тебя ношей сотен оторванных от жизни вопросов. Эмоциональный эксгибиционист, ленивая размазня, осознающая свою ущербность и прячущаяся от нее под панцирем нигилизма, детерминизма и прочих -измов. Жалкий мазохист, не умеющий принимать перемены, нарочно ищущий боли, чтобы был повод верить в какую-то сверхъестественную компенсацию или ненавидеть все вокруг за несправедливость вселенной. Нелепое посмешище, досадная ошибка, урод, разрушающий и отравляющий все, к чему прикасается. Вот ты кто.

Второй вскакивает на ноги, хватая Третьего за горло и поднимает над краем моста. Четвертый, Пятый и остальные начинают встревоженно перешептываться. Неудачник ворочается во сне, и пространство дрожит, как при землетрясении.

Второй: – Ты выговорился, или будут еще комментарии? Давай, мне очень интересно!

Третий не выглядит испуганным, ухмыляется. Ветер срывает с его рыжей гривы кепку и уносит к воде.

Третий: – А, вот и шип в лапе зверя! Мы все же сумели

докопаться до первопричины твоих истерик, моя маленькая педовочка! Не так уж все сложно оказалось, правда?

Второй смотрит на него со смесью досады и презрения и ставит на землю.

Второй: – Ты снова ничего не понял. Но это уже перестает меня удивлять.

Третий: – Тут нечего понимать. Я наконец понял, что тебе не нужно помогать, потому что ты в порядке. Улыбнись, мудила.

Второй молчит и смотрит на гладкую поверхность реки, лениво извивающейся внизу.

Третий: – Ладно, я скажу, что тебе нужно делать. Укажу направление. Ты ведь этого хотел, да? Слушай внимательно. Ты должен просто забыть обо всем и больше никогда не вспоминать. Стереть эти глупые наброски, сжечь их в том здоровенном камине у себя в кабинете. А потом сжечь и кабинет, и все это место, и самого себя, чтобы мог быть свободен он.

Третий кивает куда-то в сторону клетки, где мертвым сном спит Первый. Второй устало прикрывает глаза.

Третий: – Ты ничего не можешь вернуть, ничего не можешь исправить, никогда не найдешь никаких ответов, ведь у тебя даже сформулировать вопросы не получается. Среди вещей, о которых ты так отчаянно просил, был покой, не так ли? Смирение и покой. Так вот, тебе придется достичь этого самостоятельно. Расслабься и попробуй успокоиться.

Второй, продолжая молчать, начинает раскачиваться из стороны в сторону.

Третий: – Хватит мучать себя, никому ведь от этого не лучше и не легче. Оглянись назад. Посмотри, какой страшный и долгий путь ты уже прошел. Ты устал. А ведь впереди нет ничего, к чему стоило бы стремиться, это просто дорога вниз по спирали, в полное никуда, и тебе вовсе не нужно идти по ней просто для того, чтобы доказать, что ты можешь продолжать это делать. Не будет никакой награды в конце, не будет катарсиса, не будет просветления, ничего не будет. Только несчастье, одиночество и смерть. И затем – пустота.

Второй все так же молча стискивает зубы. Пространство вокруг начинает искривляться. Третий ничего не замечает.

Третий: – Не стой на месте, копаясь в себе, потому что такие как ты, ковыряясь в носу, расковыривают до самого мозга и портят там всю тонкую электронику. Мечтай, ради бога. Вспоминай что-то приятное, я вовсе не против. Но зачем факт наличия у себя сознания делать осью всей жизни? Иногда мне кажется, что ты намеренно ищешь боли, потому что тогда, когда страдания становятся реальными, а не надуманными, у тебя появляется повод надеяться на хэппи-энд, ведь у вас в Неверляндии не бывает других финалов. Но ты это понимаешь и, как истинный пессимист, на самом деле рассчитываешь всего лишь получить еще одну причину ненавидеть снова разочаровавший тебя мир – иначе ненависти внутри будет уже некуда деваться. А смысл жизни – жить,

разве ты до сих пор не понял? Это, возможно, твой последний шанс, так что не упусти и его. Ляг на землю и умри или живи дальше. Выбирай, хватит мариноваться в тамбуре. Все, больше никакой графомании, никакой рефлексии, никакого нытья. Пора действовать.

Второй бросает на Третьего пустой взгляд. За спиной Третьего с торжествующей ухмылкой на лице стоит Люцифер.

Второй: – Как скажешь.

Второй поднимается во весь рост, достает из кармана куртки пузырек, на четверть наполненный маленькими лиловыми таблетками, и высыпает остаток на ладонь, затем глотает. Пространство идет пузырями и начинает отваливаться, обнажая пустоту. Третий в ужасе вскакивает и бросается к камере Первого. Вокруг начинается пожар, пожирающий все и вся, огонь медленно движется в сторону Первого и Третьего. Паразиты и насекомые, населяющие тело Неудачника, в панике ищут спасения. Четвертый, Пятый и прочие суеются на своих зрительских местах.

Третий пытается отпереть камеру Первого, но у него ничего не выходит. Он подбегает ко Второму.

Третий: – Хватит! Остановись! Это не поможет!

Второй равнодушно смотрит на него, поворачивается и направляется прочь, уставившись на небо, словно надеясь сквозь дым и пламя увидеть там что-то.

Третий: – Ты все равно не сможешь вернуться!

Время замирает.

Второй резко оборачивается и подсакивает к Третьему.

Третий: – Ми...

Второй обрывает Третьего ударом в живот, еще несколькими полными необъяснимой злобы ударами валит на землю, левой рукой хватая за шею, а правой продолжает бить, превращая лицо Третьего в кровавую маску.

Второй: – Знаешь, я же просто живу. Я полон любви и сочувствия. Я хочу сделать мир лучше. Я и сам хочу стать лучше. Но, с другой стороны... Как же мне хочется уничтожить все вокруг, убить всех, а потом и себя! Обнять и выслушать каждого, исправить все неправильное. Сжечь все в огне хаоса, растоптать хребет вселенной. Помочь и показать свет, вырвать у каждого сердце и сожрать его, спасти и поддержать, предать и убить. Думаешь, я сошел с ума? Я ВЕДЬ АБСОЛЮТНО НОРМАЛЕН!

Глаза Третьего закатываются, он сопротивляется все слабее, кровь заливает его лицо, рыжие волосы, пальто. Второй продолжает избивание, заполняя каждую паузу новым ударом как точкой.

Второй: – Кто бы мог подумать! БЫТЬ СОБОЙ! НЕ ДУМАТЬ НИ О ЧЕМ! ПРОСТО ЖИТЬ ДАЛЬШЕ! ЭТО ВЕДЬ ТАК ПРОСТО! ДАВАЙ ТЫ ПОКАЖЕШЬ, КАК ДОЛГО ТЫ СМОЖЕШЬ ПРОСТО ЖИТЬ ДАЛЬШЕ, А? Все такое необъяснимое... И что такое уникальность, когда есть норма? И что такое бессилие, когда есть долг? И что такое искренность, когда есть насмешка? Что такое любовь, ко-

гда есть безразличие? ЧТО ТАКОЕ Я, КОГДА ЕСТЬ ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ?! Что такое потребность, когда есть одиночество? Что такое мечта, как не мертворожденный младенец? ЗАЧЕМ ЖИТЬ, КОГДА МОЖНО ПРОСТО БЛЯДЬ СДОХНУТЬ И СГНИТЬ, СКАЖИ МНЕ, СУКА! СКАЖИ!

Третий перестает трепыхаться и теряет сознание, но Второго это не останавливает.

Второй: – Каждый, мать его, день на грани превращения вот в это. ДАВАЙ Я ПРОСТО СКАЖУ ТЕБЕ НЕ УМИРАТЬ, А ТЫ ПОПЫТАЕШЬСЯ, ДАВАЙ? ВЕДЬ ЖИТЬ – ЭТО ТАК ПРОСТО! БЕССМЫСЛЕННОСТЬ – ЭТО ТАК ОСМЫСЛЕННО! Я ТЕБЕ БЛЯДЬ НЕ ЕБАНЫЙ ГРУСТНЯВЫЙ ПИДОРОК, Я – ЧУДОВИЩЕ, Я – БЕСЧЕЛОВЕЧНОЕ ОТЧАЯНИЕ, Я – БЕСКОНЕЧНЫЕ ВИТКИ СПИРАЛЕЙ БЕЗУМНОГО КОШМАРА, В КОТОРОМ НЕТ НИХУЯ ХОРОШЕГО И ДОБРОГО! Я – ПАДЕНИЕ В ЛАБИРИНТ УЖАСА, Я – ДНО БЕЗДНЫ! Ты не устал, нет? Я не слышу! Я – АДСКИЙ КРИК БОЛИ ПОСРЕДИ ХАОСА ВОЙНЫ ЗА ЕДИНСТВЕННЫЙ МИГ ЕБУЧЕГО СЧАСТЬЯ! Я – СВЕРЛЯЩАЯ МОЗГ НЕСПОСОБНОСТЬ ПОНЯТЬ! Я – БЕСКОНЕЧНЫЙ ТУПИК ЭТОЙ ЛЕГКОСТИ, ЧУДОВИЩНОЙ ЛЕГКОСТИ, НЕВООБРАЗИМОЙ НЕВЫРАЗИМОСТИ!

Третий перестает подавать какие-либо признаки жизни, но Второй не собирается прекращать бойню.

Второй: – Я – протагонист, я и есть история, я – это ты, и все вы, все! Этот мрак никогда не рассеется, а стоит толь-

ко на секунду представить, что такое “никогда” – и сил не хватает уже ни на что, совсем ни на что. Неужели я так много просил? Неужели все должно быть так плохо? Почему это так трудно, откуда идет это давление, как с этим вообще можно справиться? ВСЮ ЖИЗНЬ НИКАКИХ ОТВЕТОВ! ТВОИ ЕБАНЫЕ СОВЕТЫ ПРОСТО НЕ РАБОТАЮТ, И ВСЕ ТУТ! КАК Я МОГУ ВЕРИТЬ, ЧТО ВСЕ ВОКРУГ ЭТО ЧУВСТВУЮТ, ЕСЛИ РАЗРЫВАЕТ НА ЧАСТИ ТОЛЬКО МЕНЯ! КОГДА ЖЕ Я УЖЕ ЛОПНУ ОТ ЭТОЙ БЕЗУМНОЙ НЕНАВИСТНОЙ ЛЮБИМОЙ ТОСКИ ПО СЕБЕ НАСТОЯЩЕМУ! КОГДА У МЕНЯ ЗАКОНЧАТСЯ СЛОВА, И Я СМОГУ ПРОСТО МИРНО УСНУТЬ, СКАЖИТЕ МНЕ, КТО-НИБУДЬ! КТО-НИБУДЬ! КТО-НИБУДЬ! КТО-НИБУДЬ! КТО-НИБУДЬ! КТО-НИБУДЬ! ААААА!

Очередной удар Второго раскалывает голову Третьего, как хороший колун раскалывает полено – быстро, ровно, на три части.

Второй: – Господи помилуй!

Второй отползает в сторону, с ужасом глядя на то, что сделал. С ужасом вспоминая все, что сделал до этого. С ужасом представляя, что еще сделает. Ложится на землю и начинает рыдать. Из внутреннего кармана его куртки выпадает небольшой блокнот с исчерканными страницами, но Второй этого не замечает. Огонь вокруг выдыхается, искажение Пространства останавливается.

Время возобновляет свой ход.

Четвертый, Пятый и прочие спешно покидают Пространство, которое медленно приобретает форму ледяной пустыни.

Из-за пределов вселенной вновь раздаётся хохот Демона Лапласа.

Второй пытается подняться на ноги, у него ничего не выходит. Тогда он начинает медленно ползти, к одному ему видимой двери посреди пустынного пейзажа. Скрывается вдалеке.

Акт III

Место действия – ледяная пустыня где-то посреди нигде
Входит Автор.

Время замирает и прокручивается назад, обнажая предыдущее место действия, почти уничтоженное пожаром.

Автор оглядывается в поисках тела Третьего и блокнота, выпавшего из кармана Второго, но, к своему удивлению, ничего не находит. Поднимает взгляд на небо, в который уже раз пытаюсь разглядеть М.К.Б.Э., но вновь терпит неудачу. Щелкает пальцами.

Окружение исчезает, оставив после себя голую пустоту.

Автор удаляется, чем-то глубоко опечаленный.

Спустя какое-то время на небе появляется М.К.Б.Э.

Входит Люцифер, пляшет победный танец и растворяется

в воздухе.

В гулкой пустоте раздается механический голос, объявляющий о конце действия и скором финале повествования.

В зале, где не было ровным счетом никого во время действия, внезапно раздается какой-то звук, происходит серия быстрых движений. На сцену выскакивает некто в черном балахоне и снимает капюшон.

Занавес падает.

Круг восьмой. В ожидании птиц

Искренне, прочувствовав это до глубины души, перестать считать себя центром вселенной – есть высшая степень способности к отстранению, а расширение границ этого бывшего центра, того ее участка, который мы объективно ощущаем собой, своим телом, своим сознанием, нулевым километром всего пространства и времени вокруг нас, центром схождения всей известной нам (то есть субъективно ощущаемой как всей существующей) информации и выстраиванием из нее сложной системы, точкой направления совершенно всего вокруг – есть объективное обожествление, становление абсолютom. Познать все, и затем стать всем, что знаешь – это как перенести вселенную в свое сознание, превратив то, что тебя включало, в то, что включаешь ты.

“Пособие по поглощению универсумов”

Я стараюсь не моргать. Веки налиты тяжестью, кажется, всего мира, и за те несколько секунд, что я смыкаю и размыкаю их, за окном проходят сотни тысяч лет. Когда не моргаю – все превращается в сверкающий, взрывающийся образами на почти невозможной скорости калейдоскоп, но так проще. Ничто из происходящего снаружи не влияет на эту комнату. Она существует вне времени и пространства, и когда вселен-

ная в очередной раз погибает, все становится таким же, как и эта комната. Раз за разом они подчиняют мир своей воле – то один, то другой. Рождаются новые измерения пространства, все сжимается до границ одного сознания и масштаб вновь уменьшается, но так никогда и не достигнет чего-то неделимо малого, потому что где-то в этой череде циклов есть переход, когда самое малое включает самое большое, а может, каждый цикл и есть такой переход. Время принимает странные формы и идет в невозможных направлениях, и каждое сознание рождает свою управляемую подвселенную, в одной из которых рано или поздно обнаруживается ошибка, ведущая к концу – и вновь к началу. Мое сердце бродит в пыльных закоулках этого места, которое не в комнате, но и не снаружи. Оно блуждает в поисках открытой двери, хотя бы одной, хотя бы шанса, хотя бы тени надежды. Давным-давно кто-то предупреждал меня о чем-то подобном. Давным-давно я заметил надлом в себе, сквозь который все сильнее сквозил ледяной ветер вот этой пустоты в конце времен. Заметил, но ничего не сделал, чтобы это остановить, а бессильно, словно в сверхзамедленной съемке, наблюдал, как этот ветер отрывает от моей личности кусок за куском, стирая память. Больше всего было вспоминать, кем я был, что я чувствовал, чего хотел, потому что со временем все это таяло, и оставались лишь усталость, блуждания в лабиринтах собственного разума и все большее ускорение мира вокруг. Я вышел за грань себя самого, всех мыслимых измерений и

множеств, но потерял что-то, что раньше мог бы назвать человечностью. Вот оно, бессмертие, о котором я так мечтал. Доволен ли я? Даже на этот вопрос уже нельзя ответить, ведь само понятие удовлетворения тоже стало жертвой, которую пришлось принести этому пути. Сердце теперь значило лишь орган, перекачивающий кровь внутри оболочки, а то остальное, что я раньше вкладывал в слово “сердце”, потерялось, заблудилось в тех местах, которые создавало сознание – все более отчужденное, заикленное на себе. Заикленность рефлексии – одна из основ когнитивного поведения, которые могут тебя привести вот к такому. Разум строит модели и проекции, нагромождает абстрактные схемы друг на друга, и начинается Метаморфоза. Ты все меньше понимаешь простые и естественные вещи, но все больше открываешь что-то, что стоит за ними. Слой за слоем ты снимаешь с реальности, и каждый новый дается все легче – хаос, движущий людьми, структура личностей, групп и обществ, структура материи, отношения между временем и пространством, абстрагирование от них, сюрреалистичная изнанка мира, зеленая таблица матрицы, прозрачный фон за ней, и дальше, дальше, дальше, потому что уже слишком поздно пытаться вернуться к прежнему состоянию, слишком страшно, слишком сложно. Движение перед глазами кажется нереальным – потому что ты уже не веришь ни в реальность, ни в разделение на реальность и иллюзию, ни в определения, и теперь все происходящее вокруг – не больше, чем абстракция,

причудливая система, к которой невозможно проникнуться чувствами. Чувства остаются только для твоих внутренних моделей твоего субъективно ощущаемого сознания, только для рекурсивного анализа структуры твоей личности, с каждым новым витком уносящего тебя прочь от людей и мира, и с каждым циклом одной и той же истории ее сюжет, герои, их поведение, слова и мысли, описание происходящего – все это упрощается, становится до нелепости гротескным и претенциозным, как могло бы показаться раньше, но ничто и никто не сообщит тебе об этом. Я сам решаю, как рассказывать эту историю, потому что я рассказываю ее только себе самому. А люди? Люди, которых я знал? Которых не должен был забывать? А зачем мне люди, когда у меня есть я. Люди – это кожаные мешки с мясом и костями. Они давно умерли – все, кого я знал до того, как начался процесс. Я забыл их лица и имена, слова и поступки, забыл, что я о них думал, какие к ним испытывал чувства. В какой-то момент, когда я еще только начал замечать, что происходит, но уже ничего не мог с этим сделать, мне было невыносимо больно и тоскливо понимать, что я их потерял. Мои родители состарились и умерли, дети выросли, повзрослели, состарились и умерли, друзья постепенно исчезли, состарились и тоже, несомненно, умерли, умерли знакомые, умерли просто известные мне люди, умерли питомцы. Умерли все, и я вырыл могилу для каждого. В какой-то момент “времени” я опрокинул еще один стакан и бросил взгляд наружу – трава

за окном пожухла в один миг, цветы завяли. Умерли все люди, промелькнули забавные рыбоголовые ящерицы, за ними пришли огромные газовые шары, а последними стали текущие и полупрозрачные гуманоиды с глазами по всему телу. В следующих циклах я уже никого особо не запоминал. Я хохотал и рыдал, катаясь по полу тронного зала своей вечности. Я знал, что скоро меня должны освежевать, что бы это ни значило, и даже тогда это будет лишь половина пути. Впрочем, я иду по нему все быстрее. Возможно, я уже скоро увижу птиц... И встречу с призраками тех, по кому так ужасно скучал когда-то. Может быть, даже найду того себя, кто выпустит меня из душной тюрьмы этого сознания? И все вновь повторится, но мое спасение будет в том, что я уже не буду об этом помнить.

Круг девятый. Червоточина

Ты и я – две родственные души, познавшие эту боль. Ты – ради своего правосудия, я – ради своего. Мы – лишь два обычных человека, подталкиваемых разновидностью мести, что зовется правосудием. Однако если назвать месть правосудием, она принесет лишь еще больше мести взамен, породив, таким образом, замкнутый круг ненависти. Мы живем в настоящем, скорбим о прошлом и гадаем о будущем, такова природа истории. Пора бы уже осознать, что люди по своей природе не в состоянии прийти ко всеобщему согласию. Этот мир живет лишь ненавистью.

Пэйн

КАИН

Путь до двери дьявольски долгий, если проделывать его на животе, с трудом перетаскивая свое тело вперед метр за метром. В ином случае хватило бы одного шага.

В какой-то момент Каин понял, что потерял блокнот со стихами, но сил возвращаться не было, и он понадеялся, что изгвазданные грязью слов страницы все равно сгорят вместе со всем этим местом, когда придет время. Когда он доберется до помещения на самом верху башни и положит безумию конец. Часы тянулись невообразимо медленно, превра-

щаяся в дни, месяцы и годы – время в ледяной пустыне имело обыкновение идти весьма своеобразно. И вот, когда Каин уже почти обессилел, дверь вдруг оказалась совсем рядом и гостеприимно распахнулась в коридор черных свечей и мерцающих ламп. Миру вокруг оставалось уже недолго.

АВЕЛЬ

Этот зал использовали редко, только для проведения собраний в полном составе Совета. Десять мощных колонн, на черном мраморе которых были высечены различные сцены из множества эпосов – как человеческих, так и не очень. Свод зала терялся на высоте нескольких десятков метров. По огромным черно-белым плитам на полу шла легкая рябь. За длинным столом расселись сотни... Людей? Существ? Многие из них были антропоморфны, некоторые напоминали чудовищ из готических романов, другие имели вид классических демонов, кто-то вообще не имел физической оболочки. Так или иначе, почти все они умели говорить, и именно этим сейчас и занимались. Точнее, спорили о ком-то, кого в зале не было. А если внимательно вслушаться, то можно было понять, что они все сейчас решали его судьбу.

Авель сидел по правую руку от одетого в белое старика с бельмами на глазах и имел на осколках лица выражение задумчивое и озлобленное. Вокруг него вился доктор Гетбеттер, пытающийся придать голове Авеля вид более цельный и менее пугающий. Авель, не переставая морщиться от бо-

ли, недовольно листал тонкий блокнот, совершенно не прислушиваясь к беседе. Что бы все они ни решили, он уже выбрал для Каина судьбу, которую тот заслуживал. Чем больше Авель углублялся в чтение, тем мрачнее становился. На каждой странице была иллюстрация, поверх которой размещался текст, словно от стыда за свое содержание прижимающийся к краю. Тексту пытались придать поэтическую форму, неумело и топорно. Похоже, что написавший это человек не имел ни малейшей предрасположенности к подобному способу организации мыслей, однако все же выбрал именно его – возможно, из-за присущей поэзии иносказательности, образности и большей степени драматичности, чем допустимо в прозе.

Разговор за столом продолжался, и не было похоже, что спорящие в скором времени придут к согласию.

КАИН

Передвигаться в коридоре было значительно легче. Каин прошел мимо нескольких десятков дверей, остановился у висящего на стене бронзового канделябра и потянул его вниз. Часть стены перед ним почти бесшумно отъехала назад, открыв узкий проход, ведущий на винтовую лестницу. Как только Каин оставил позади первый пролет, стена вернулась на свое законное место.

По мере того, как Каин поднимался, он все больше убеждался в наивности своего плана. Но что оставалось делать,

если он уже, незаметно для себя, пересек какую-то невидимую черту, разделяющую... Хоть ему и не было ясно, что же эта черта все-таки разделяет, Каин чувствовал, что переступить ее было ошибкой для него как для человека. Возможно, это была черта именно между человечностью и чем-то большим. Или меньшим. Или чем-то из совершенно другой плоскости. Что он знал точно, так это то, что раньше все определенно было проще. Но пути назад не было, и вот он уже стоял перед дверью, ведущей в место, которое он привык считать домом – за неимением дома настоящего. И впервые боялся зайти.

АВЕЛЬ

Спор уже подходил к концу, но Абель не собирался дожидаться вынесения вердикта. Он захлопнул блокнот с пародией на стихи и, внимательно ощупав сшитую воедино голову, незаметно отошел в тень и покинул зал, чтобы одному ему известными путями очень скоро оказаться перед дверью, что так долго не выпускала его наружу – в мир, созданный его убийцей. И только теперь, заплатив своей жизнью, Абель мог нанести человеку в башне ответный визит вежливости.

КАИН

Внутри все было в точности так же, как и всегда. Каин стоял, задумчиво осматривая помещение и погрузившись в воспоминания, но вскоре вздрогнул и с мрачной решимо-

стью двинулся к камину в дальнем углу. Разжег его и, собрав в охапку разбросанные по полу листы бумаги, исписанные вдоль и поперек, бросил их в пламя. Затем начал выгребать из ящиков стола и полок в шкафу оставшиеся кипы страниц, по очереди скармливая их камину. Спустя какое-то время в комнате не осталось ни единого клочка бумаги, кроме картины, висящей напротив кровати.

Каин снял ее со стены и сел на пол, беспомощно разглядывая то, что писал семь месяцев, каждую ночь, пытаясь запечатлеть образ, непрерывно пламенеющий в памяти. На полотне была изображена... Проще сказать, что это был и классический портрет, и морской пейзаж со звездами, и цветочный натюрморт, и много чего еще. Но более всего картина была примечательна тем, что вмещала в себе все, что имело значение для ее автора. И чем дольше Каин смотрел, тем яснее понимал, что никогда не сможет уничтожить ни память о чем-то подобном, ни мечты о том, что однажды полотно все-таки оживет.

Каин поставил холст на пол и сел напротив, вновь пристально уставившись куда-то вглубь картины, точно надеясь поймать из нее ответный взгляд. Время в который раз безнаказанно ускорилося, переводя минуты в дни, и глаза Каина ужасно слезились, но он продолжал верить в сказки и не отрывал взгляд ни на секунду.

АВЕЛЬ

Почти все было готово, последний шаг – и маятник качнется в нужную сторону. Под звуки грозы в отдалении Авель шел по пустынной улице, прикрывая пальто сигарету. Когда он нашел нужное место, гроза уже бушевала прямо над ним. Поднимаясь по условной лестнице, Авель еще раз обдумал план действий и вновь не нашел в нем ни единого изъяна. Оказавшись перед условной дверью, он достал из кармана телефон и закупоренную пробирку с длинным волосом внутри. Затем Авель сделал нечто очень странное: он достал волос из пробирки и с невозмутимым видом съел, после чего набрал номер. Гудки шли долго, но в итоге на другом конце провода все же решили ответить. Авель заговорил, однако голос, раздавшийся из его рта, был женским, вкрадчивым и мягким, не имевшим ничего общего с насмешливым лаем, которым обычно разговаривал Авель. Его собеседник, чем-то явно ошеломленный, заикался и терял дыхание. Спустя минуту разговора Авель почувствовал, что к нему скоро вернется его привычный голос, поспешил назначить встречу и положил трубку. У него было полчаса – более чем достаточно. Пройдя сквозь пустой дверной проем в длинный коридор, Авель успел заметить движение вдалеке – это возвращалась на свое место часть стены, ведущей в потайной проход наверх, в башню.

КАИН, АВЕЛЬ

Сложно в полной мере передать выражение на лице Каина

в тот момент, когда он все понял. Авеля заставило улыбнуться это сочетание злобы, потрясения, отчаяния и обреченности, на несколько секунд мелькнувшее в образе его убийцы, прежде чем тот снова натянул маску холодного равнодушия. Абель подошел ближе и доверительно протянул ему тупой кухонный нож, который до этого держал за спиной. Каин взял нож и насмешливо вздернул бровь.

– Если ты пережил расколотую голову, то это уже вряд ли поможет.

Абель хитро улыбнулся.

– А это не для меня, старик. Но давай перейдем ближе к делу: в прошлый раз ты, помнится, не дал мне договорить. Так вот, с твоего позволения, я продолжу.

Абель подался вперед и начал что-то шептать Каину на ухо. Этот слышимый только одному человеку монолог продолжался довольно долго и завершился тем, что Каин, уже напомилавший изваяние, со все тем же безразличным видом молча размахнулся и воткнул себе в горло нож, который все еще держал в руке. Он даже успел несколько раз повторить это движение, прежде чем упал навзничь подобно опрокинутому манекену и захлебнулся в бульканье крови, равнодушно выталкиваемой сердцем сквозь несколько отверстий в шее.

Абель постоял несколько минут в задумчивости над тем, что было его братом, другом и тюремщиком, несколько раз пихнул тело ногой и уронил Каину на грудь его тетрадь.

– Знаешь, такие себе стишата. Наивные.

В последний раз окинув труп взглядом, Авель развернулся и зашагал к виднеющейся далеко впереди двери. У него было множество неотложных дел, а от открывающихся перспектив голова шла кругом.

Каин никуда не зашагал, не шевельнулся, не затянул раны и не растворился в воздухе, так и оставшись лежать в тени огромного дерева пустой и бессмысленной оболочкой. Через какое-то время дерево сбросило листья, и они стыдливо укрыли гниющее лицо, лишь в самую последнюю секунду жизни изобразившее какое-то подобие улыбки.

С леденящим звоном от неба, в плоть которого вперились мертвые глаза Каина, откалывались словно кусочки зеркала, за которыми обнажалась невообразимая пустота, в которой лишь угадывалось присутствие бесконечно увеличивающегося числа иных мест; наверняка далеких и странных, но связанных с этим.

* * *

В уютной маленькой комнате за широким и внушительным столом из ясеня сидит некто взъерошенный и нервный, пишет – пишет, судя по жестам и мимике, пьесу. А судя по трясущимся рукам и нескольким пустым бутылкам на полу у

батареи – драму, основанную на реальных событиях. Иногда оставляет работу и поворачивается к окну. Так и не вспоминает о том, чтобы поставить несколько дополнительных будильников; а ведь засиживаясь настолько допоздна, он здорово рискует проспять работу, заснуть в экстренно вызванном поутру такси и уехать куда-то совсем не туда, куда бы он хотел. Глядит в окно, выглядывая в небе какие-то особенные звезды, наверное, не наблюдаемые отсюда. Прислонив лоб к холодному стеклу, что-то шепчет. Молит о чем-то. Вот только там, где были видны эти звезды, его уже никто не слышал.

В то время каждую ночь небо было усеяно звездами, становившимися невольными свидетелями тех или иных событий среди всего безумия происходящей истории, но те звезды, для которых все и совершалось, были все так же скрыты – скрыты навечно для этого знающего о своих богах мира и всех его обитателей.

Время с заметным усилием продолжало идти, скручиваясь пружиной в преддверии минуты, когда звон траурного колокола положит конец этому абсурду. Ветер времени гнал воды Леты все дальше и дальше – к водопаду, в самом низу которого зиял искусственный разрыв в ткани вселенной, пожирающий реку и что угодно другое, чему не повезет угодить в него. Куда вел этот разрыв, было ли это что-то наподобие червотчины, кротовой норы? И мог ли кто-нибудь пройти сюда – оттуда? Кто знает, кто знает. Однако сейчас в глубине разреза, если подойти достаточно близко и присмотр-

реться, можно было заметить далекую тень какого-то места, куда, вероятно, можно было попасть, если пройти через проход и каким-то образом уцелеть в его недрах. Приблизившись почти вплотную, можно было различить вполне отчетливые очертания той стороны: низвергающиеся с окутанных серыми тучами небес потоки пламени, вспарывающие воздух тусклые вспышки молний и даже некое почти осязаемое ощущение. На что же оно было похоже?..

IV. НА ТРЕТЬЕМ БЕРЕГУ ЛЕТЫ

*Номер второй. Код – 121. Классификация: обычный день, реален-нереален, последовательно. Мы имеем дело с той же петлей времени, но уже с попаданием в сон в определенный момент, затем – на следующий уровень сна, и так далее, после первого все следующие циклы на один уровень менее “реальны”, чем предыдущий. Повторение циклов – бесконечно. Порядок прямой и обратный.
Отрывок из неизвестной ночной телепередачи*

Предисловие. Об отстраненности

*Ироническая отстраненность – вот единственный способ не расстраиваться.
Бел Кауфман – “Вверх по лестнице, ведущей вниз”*

Был уже поздний вечер, когда из кабинета на втором этаже современного офиса вышел человек, который проводил в этом кабинете большую часть своего рабочего дня. Он обошел все помещения, проверяя, ушли ли домой все штатные сотрудники. Заперев все двери, он подошел к автомату с кофе и набрал на пульте какую-то комбинацию. Панель стены справа от автомата отъехала в сторону, открывая взгляду

слабо освещенный коридор с ведущей вниз лестницей. Человек спустился по ней к единственной двери, стальной и бронированной, с узким окошком примерно на уровне глаз, четыре раза постучал. Окошко открылось, и человек обменялся с тем, кто находился за дверью, несколькими короткими фразами, после чего принял через окошко тонкую стопку бумаг и, развернувшись, поднялся назад в основной коридор офиса, при помощи еще одной комбинации на пульте аппарата с кофе вернув панель стены на место – так, что никто бы не подумал, что за этой панелью что-то есть. Он направился на балкон, сел в кресло и бегло просмотрел содержание полученных документов. Удовлетворенно хмыкнув, человек вернулся к первой странице и принялся читать первую расшифровку.

“История, которую я собираюсь вам рассказать, не только не принадлежит мне (забавно, но я услышал все это вчера от человека, с которым мне выпало делить купе в поезде, что ограничивает мое авторское участие от первого лица этим коротким комментарием в скобках, в то время как остальная часть текста за их округлыми границами – дословный пересказ со слов моего странного попутчика, который – не уверен, желаете ли вы знать, но все же – только завершив свой рассказ, сошел на ближайшей станции и бросился под встречный поезд), поскольку я прочел ее, когда так же, как и сейчас, ехал в поезде, а мой сосед по плацкарту на нижнем месте достал из сумки на поясе конверт, из которого извлек

кучу листов бумаги, и принялся их внимательно читать, почти изучать, делая при этом пометки в маленьком блокноте, и я, слегка свесившись вниз, сумел не отстать и зафиксировать в памяти все детали истории, которую эти листы хранили, и даже когда через пару часов этот человек, спрятав блокнот и ручку в карман рубашки, а листы в конверте – в сумку, сошел на станции, за которой даже поздним вечером через запотевшее окно угадывался пасторальный пейзаж, я помнил все в точности; но даже историей в полном смысле этого слова не является: у нее нет ни обычно свойственного историям начала, за которое я мог бы ухватить ее, посадить напротив и начать описывать, ни сколько-нибудь внятного завершения.

Она просто существует где-то во времени, замкнутая в бесконечно вертящийся круг, с каждым оборотом выглядящий несколько иначе, чем во время предыдущего; или же находится за пределами времени, где сложно быть уверенным в том, что у сюжета вообще есть какие-то детали, которые можно было бы при помощи языка перевести в текст.

Ее природа туманна и загадочна, как и действующие лица. Что вы о них скажете: это люди, отдельные личности с собственными мыслями и чувствами, или это просто оторванная от реальности пьеса в бесчисленном числе актов, что разыгрывает у себя в воображении одно-единственное существо, таким чудным способом спасаясь от скуки посреди... Ну, в общем, посреди чего бы оно ни сидело в своем, должно быть,

тоскливом одиночестве? Вдруг никаких персонажей и нет, а история эта – как мышеловка, ловушка для каждого, кому хватит неосторожности ее прочесть, уже всей пустотой своей западни выжидающая, чтобы сделать героями любого из вас?

А что насчет самих событий, которые происходят с персонажами или персонажем, они-то хоть существенны и важны, или же действие второстепенно, а значение имеет только сам факт наличия у рассказчика желания выразить что-то, что ему страшно, не позволено совестью или здравым смыслом, невозможно, в конце концов, выразить прямо, рискуя при этом рассудком?

Может это и не желание вовсе – кому какое дело до желаний – а потребность, нужда в раздирании себя на части в попытке описать вещи и ощущения, неподвластные возможностям испытывающего их организма – если это организм?

Возможно, и потребности тут ни при чем, а рассказ пишет провидение, выбрав для этого физическую оболочку и полностью заменив населявшую ее личность раскаленным свинцом своей воли, заполняющим самые дальние закоулки сознания того, что еще вчера можно было бы принять за человека.

И не случится ничего удивительного, если в течение повествования что угодно из вышесказанного вдруг изменится, меняя тем самым и саму историю, угрожая даже ее завершению и сохранению ее где-нибудь помимо моей памяти.

Предлагаю вам ущипнуть себя – ну, знаете, на случай, если кому-то из нас это снится. Я бы не стал просить вас о таком в иных обстоятельствах, но у меня уже вся рука в синяках от щипков.

Итак, снимайте обувь – и добро пожаловать на поле из алмазных игл, или в историю о странностях, что вот-вот приключатся со странными людьми при весьма странных обстоятельствах. Встретимся по ту сторону. Если нам повезет”.

Утро. Последнее тихое утро

Он жил, скрывшись от всех тревог мира, от собственных неудач и бед. И едва ли кто решился бы осудить это его решение, и я не встречал никого, кто назвал бы это трусостью; зная все, через что ему довелось пройти, разумеется. Однако мне всегда казалось, что где-то глубоко в душе это изгнание гнетет его, хоть он и не подавал виду. Но изредка я все же замечал: прервавшийся смех, секундная досада, задумчивый взгляд, устремленный в никуда. Он не сумел окончательно смириться со своим поражением.

Документальный фильм “Жизнь и борьба Беспалова”

Одним пасмурным августовским утром я вышел на крыльцо своего дома, сел в кресло и закурил трубку.

Мой дом находится на вершине зеленого холма, почти на самой опушке леса. Лес окружен горами, перед домом раскинулись бескрайние луга, неровную поверхность которых расчерчивают две линии. Первая – широкая кривая реки, берущей начало у подножья гор; покоренная несколькими небольшими деревянными мостами, она несет свои воды совсем рядом с моим домом; вторая, по другую сторону дома, у самой опушки леса – узкая прямая мощеной желтым камнем дорожки, аккуратной и ровной, ведущей к железнодорожной

станции, которую можно было разглядеть далеко впереди. Впрочем, если не стараться, то станцию можно было и не замечать, и тогда пейзаж имел облик почти первозданный.

Можете представить, какой чудесный вид открывается с моей веранды, и как приятно мне сидеть там часами, наслаждаясь уединением и безмятежностью мира вокруг. Так я поступил и тем утром – сидел, курил, думал о чем-то отвлеченном, возможно даже ненадолго вздремнул – незаметно для себя.

Чем еще, как не мимолетной полуденной дремой можно было объяснить тот факт, что, когда я прервал свое праздное времяпрепровождение и решил вернуться в дом, я обнаружил у себя на пороге запечатанный и изрисованный зеленым маркером конверт, которого там до этого определенно не было?

Это очень странно – находить не принадлежащие тебе вещи у себя дома, особенно – когда живешь на таком приличном расстоянии от цивилизации. Никакой информации о получателе или отправителе на конверте не было. Подняв его с пола, я открыл дверь и зашел на кухню. Осторожно прощупав находку, я вскрыл ее, разрезав ножом для бумаг.

Внутри оказалась стопка исписанных от руки страниц – судя по тому, что я позже понял из их содержания, это был фрагмент или фрагменты какой-то книги – и письмо. Письмо явно было адресовано не мне – человек, написавший его, обращался к девушке. Должен признаться, что, читая текст,

я чувствовал себя весьма неловко – он имел довольно личный характер, и вряд ли автор был бы рад, узнав, что его письмо читает человек, которому оно не предназначалось.

Там не менее, я дочитал до конца и, сделав определенные выводы о личности написавшего это, принялся за стопку страниц. Это заняло у меня почти все время до ужина – иногда я делал перерывы и выходил на улицу, чтобы покурить и обдумать только что прочитанный отрывок.

Расправившись с текстом этой повести – если это была повесть, а не случайные куски различных произведений – я поужинал и стал думать, как распорядиться этой неожиданной посылкой, попавшей ко мне явно по ошибке. Так ничего и не решив, я начал складывать все содержимое конверта обратно, и только тогда заметил небольшой клочок бумаги, поначалу ускользнувший от моего внимания.

Почерк был иной, нежели в письме и на страницах повести – аккуратный, почти каллиграфический. Небольшой текст представлял собой инструкцию для получателя посылки. Мне предписывалось найти девушку, к которой в письме обращался автор, и вручить ей конверт. Аргументировалась подобная наглость тем, что мне это куда нужнее, чем тому, кто обязался сделать это изначально.

Разумеется, я был совершенно не впечатлен подобными доводами и собирался уже забросить конверт со всем его содержимым на самую верхнюю и пыльную полку шкафа или даже на антресоль, но вдруг моя память зацепилась за что-

то в тексте повести, и я решил все же перечитать ее, чтобы лучше понять всю ситуацию.

Я разжег камин, уселся напротив и при свете пляшущего пламени вновь принялся за чтение. Ниже я приведу полный и дословный текст произведения, чтобы вы могли сделать это как бы вместе со мной, и к концу повести, в свою очередь, лучше поняли мою новоприобретенную мотивацию, ведь в ином случае действия, которые я предпринял по завершении прочтения могли бы вам показаться странными. Итак, текст.

Ночь. Побег из себя

Всякому заключению, сколь бы ни были прочны стены тюрьмы, рано или поздно приходит конец. И ошибкой было бы полагать, что тюрьма собственного разума – исключение.
Отрывок из речи пророка Агхвани

Сначала перед вами появляется дверь.

Не все видят ее сразу, многие не видят вообще, а для каждого заметившего ее она выглядит по-разному: кто-то описывает зеленую деревянную дверь с ручкой-молотком, кто-то заходит через ржавые ворота, кому-то приходится засовывать кисть в скалящуюся пасть фигурки демона или угадывать код от домофона обычной железной двери в подъезд.

Переступив порог, вы попадаете в длинный и узкий коридор – возможно, самый странный коридор в мире. Его кишка причудливо извивается сперва на плоскости, затем вообще в пространстве, а в противоположном конце виднеется небольшая деревянная дверца с ручкой-кольцом, наподобие тех дверей, сквозь которые следуют за белыми кроликами маленькие девочки в сказках. Но мы живем не в сказке, а если и в сказке, то в очень плохой и странной сказке, так что до конца коридора вы не доберетесь, сколь долго бы вы ни пытались это сделать – дверь будет все так же далеко.

Зато вы можете попасть в любую из дверей по обеим сторонам коридора, но стоит иметь в виду, что не все они ведут в места приятные или хотя бы интересные для постороннего человека. И можете быть уверены, что “посторонний” – это действительно про вас, ведь все, что вы увидите за любой из дверей, принадлежит только тому, кто там живет. И нет – это не мотель и не гостиница, вы не можете снять здесь комнату, даже если вам вдруг покажется, что их тут неисчислимое количество. Сколько постояльцев, столько и комнат. Сколько комнат, столько и постояльцев. Вне всяких сомнений, многие из них отдали бы все за возможность выйти, но это зачастую не в их власти, пусть даже все они попали сюда добровольно. В каком-то смысле это место можно назвать тюрьмой.

Впрочем, знаете, за одной из дверей до недавних пор все же было свободно, но некоторое время назад там поселился странный тип, а с ним – белая кошка. Спустя еще какое-то время этот самый тип попал в одну неприятную ситуацию и впал в кому, и теперь его полуживое тело спит мертвым сном где-то под батареей.

С кошкой, к счастью, ничего плохого не случилось. Она то и дело прогуливалась по коридору и заглядывала за двери, иногда даже ненадолго заходила внутрь. Многие постояльцы-дефис-заключенные были бы не прочь вышвырнуть кошку из комнаты, но они, в отличие от нее, не могли выйти из своих камер и попытаться что-то предпринять. Вам тоже не

удастся прогнать ее: при виде незнакомых людей она тут же скрывается за своей дверью – за той самой дверью, до которой вы не можете добраться. Если бы вы спросили ее, как это удалось ей, она бы ничего не ответила, заставив вас вспомнить о том, что кошки не разговаривают. На самом деле она не хотела разговаривать, а ответа на ваш вопрос просто не знала.

Но сегодня в коридоре появился весьма любопытный гость, и именно за ним мы последуем повсюду, где он пожелает находиться. Выглядит этот человек неброско: легкое серое пальто, невыразительные джинсы с кедами, копну рыжеватых волос скрывает кепка. Разве что тонкие линии шрамов, словно разделяющие лицо на три части, могут запомниться надолго.

Любопытен он тем, что раньше был одним из местных заключенных, а теперь с довольным видом шагает мимо своей старой камеры, не сумевшей удержать его внутри. Рано или поздно что-то подобное должно было случиться, и вот, наконец, случилось. Никто не знает о его освобождении, и он чувствует себя единственным полноправным хозяином этого места. Разумеется, ему уже хочется узнать, может ли он войти в дверь в конце коридора, но беглец – давайте назовем его так – откладывает это на потом. Сперва он с любопытством заходит в одну комнату за другой, а следом за ним заходим и мы.

За одной из дверей нас встречает запах ночи, сумрак и

бескрайний лес, по которому бродит человек в балахоне, из-под капюшона которого на плечи падали седые волосы, наматывает круги около черного пруда. Если хорошо присмотреться, то можно заметить, что поодаль от него по лесу крадется еще один тип.

Следующая комната оказывается вагоном поезда, где в одном из купе разыгрывает небольшой спектакль человек, явно находящийся под действием каких-то препаратов. Он читает с листа реплики двух персонажей, то и дело переодеваясь и пересаживаясь с одного сиденья на другое.

Еще одна дверь и – осторожнее, тут обрыв прямо за порогом! В сотне метров впереди с такого же обрыва падает постоялец этой комнаты, каким-то странным образом находящийся сразу во всех пунктах своего печального пути вниз. Кроме него тут есть еще кое-кто – на краю скалы свернулась в клубок та самая белая кошка, которая так неприятна нашему проводнику. Словно почуяв его недоброжелательный взгляд, кошка просыпается и уходит куда-то в другое место, своими кошачьими путями.

Беглец захлопывает дверь и открывает еще одну, за которой нас встречает самый настоящий ад: сшитое из вырванных откуда-то кусков пространство, багровое небо с провалами черных дыр, а подо всем этим, как потерявшаяся текстура – бесцветная плоскость, напоминающая бильярдный стол, по которой безостановочно катятся шары, слепленные из человеческих тел, как снежки из снега. Узника не вид-

но, но в воздухе висит какое-то ужасное напряжение, словно звуковые волны еще не родившегося крика. Это-то место и нужно беглецу – он решительно шагает внутрь, захлопывая за собой дверь так, что теперь туда уже не войти.

Что ж, нам придется продолжать путь самостоятельно, пока он не вернется или не встретится нам в какой-нибудь из комнат.

Еще несколько дверей, ведущих то в двор, заливаемый дождем, то в салон самолета, то в ледяную пустыню. Спустя какое-то время за одной из них мы вновь встречаем беглеца, с радостным видом движущегося навстречу. Парк, который он быстрым шагом покидает, увядает у нас на глазах, словно осень в нем наступила за одну лишь минуту.

Беглец выходит в коридор и направляется вперед, почти подпрыгивая от нетерпения. Он останавливается у старого настенного канделябра и тянет его вниз, словно рычаг. Раздается еле слышимый звук скользящих плит, и в стене открывается проход. Вместе с беглецом мы поднимаемся по винтовой лестнице и заходим в просторное помещение на самом верху башни.

Наш проводник с любопытством озирается по сторонам, разглядывает обстановку, шарит в ящиках. В столе он находит огромную связку ключей – похоже, именно это он и искал.

На полу, подпирая стену, стоит картина – портрет девушки, написанный весьма причудливым образом. Вы не возра-

жаете, если я заберу полотно с собой, пока его не заметил беглец и не решил сделать с ним что-нибудь возмутительное? Вот и хорошо.

Человек в пальто, гремя ключами, бодрым шагом покидает комнату, но мы пока обождем – в коридоре сейчас будет слишком людно и шумно для спокойной, неторопливой прогулки.

Через минуту шум действительно появляется, набирает силу и начинает двигаться вдоль коридора. Каждые несколько секунд раздается звон связки с ключами и звук открываемой двери, и с каждой новой открытой дверью толпа внизу явно увеличивается. Когда этот сброд добирается до конца коридора, шквал злорадных криков проносится по всей тюрьме – им удастся открыть ту самую маленькую дверь, за которой была комната спящего человека и его кошки. Последняя как раз появляется рядом – злая, шерсть дыбом, немного пришибленная, но живая. Она садится рядом и, тщательно вылизавшись, принимается задумчиво разглядывать портрет.

Освобожденные узники что-то громко обсуждают, затем их голоса постепенно смолкают, а через пару секунд в коридоре внизу повисает тишина – такая, какая свойственна помещениям, которые только что покинуло сразу много людей.

Покинув башню, мы направляемся к деревянной двери в конце коридора – теперь бесцеремонно распахнутой и лишенной своей былой таинственности. За ней клубится плот-

ный туман, но шум волн и запах выдает близкое присутствие моря.

Это именно тот момент, когда первый, обычный этап экскурсии заканчивается, а дальнейшее изучении истории переходит на качественно другой уровень – таковы финалы всех драматичных и сказочных сюжетов. Время сделать шаг в неизведанное.

Утро. Ради общего блага

*Чью-то волю и свободу нужно отнять, потому что они, воля и свобода, больны, заражены.
Трибун Децим Кассий – V Кровавому легиону*

Человек плохо помнил, какой была его жизнь до того, как он впал в кому, в которой провел пять лет, проживая тысячелетия за год в клетке своего спящего подсознания. Но теперь, по пробуждении, вся память этих свинцовых эпох с каждой минутой все больше наваливалась на разум. Зачем они его разбудили? Какого гуру и спасителя они в нем могли видеть, если он даже сам себя не спас? Человек медленно брел прочь от пылающей башни на вершине скалы, ступая по морскому побережью, и теплая вода мягко ударяла в ноги, ненавязчиво призывая лечь на спину и позволить ей унести себя прочь – в океан, который примет его и похоронит в своей пучине, освободив от ноши безответных вопросов. Но человек пока колебался, все еще рассчитывая увидеть какой-то другой конец своего пути, финал, который был бы логически завершенным и принес бы катарсис, открыл бы ему какую-нибудь абсолютную истину. Но вокруг была только тишина – никаких ответов, перемен и развязок. Просто очередной день, плавно переходящий в очередную ночь. Человек брел по песку очень долго, но в конце концов устал

и лег посреди суши и моря, уставившись в вечернее небо, усеянное звездами. Так он и лежал, а затем сел и смотрел уже на далекий горизонт и такие же далекие волны, почти ощущая себя в центре бушующего в сотнях миль от берега шторма. Достав откуда-то несколько толстых тетрадей и горстку связанных резинкой карандашей, человек принялся что-то писать. Писал он долго, а когда закончил, положил исписанные тетради рядом и снова устремил взгляд вперед. Он не знал, сколько времени так провел, но из транса его вывел звук чьих-то шагов по влажному песку. Он оглянулся. Этот рыжий человек со шрамами на лице был одним из его освободителей – так они, должно быть, себя воспринимали. Его считали мессией, себя почитали адептами, а этого рыжего – пророком. Пророк плюхнулся на песок рядом со своим кумиром и улыбнулся, явно ожидая чего-то. Мессия устало вздохнул и перевел взгляд обратно на море.

– Ты вернулся. Чего ты хочешь в этот раз? У меня нет для вас ничего, как нет и для себя самого.

– Нет, это ты вернулся. Просто делай то, что делал раньше – живи. В твое отсутствие не хватало именно этого – жизни, обычной жизни, без вопросов и прочих заморочек.

– А чего хватало?

– Твой сменщик оказался на удивление странным типом и превратил все наше существование в плен собственной несостоятельности.

– И где он сейчас?

– Покончил с собой и возлегает где-то там, в одной из камер своей тюрьмы.

Пророк махнул рукой в сторону горящей башни на скале. Прищурившись, мессия перевел взгляд на башню, затем обратно на рыжего.

– Я устал. Не помню, как я жил раньше, но если чувствовал себя так, как чувствую сейчас, то это было весьма прискорбное существование. Знаешь ли ты, насколько долгим и странным было мое путешествие? Я столько всего увидел и пережил, но почти ничего не понял.

– И что будет теперь, когда оно завершилось?

– Теперь я лучше посижу и помолчу. Если я что и усвоил, так это то, что никогда не смогу выразить все, о чем думаю. Зачем, прожив столько жизней, зайдя так далеко, продолжать считать себя человеком? Все человеческое в себе я уничтожил сам, а подробнее объяснить не могу, как червяк не может объяснить другому червяку законы квантовой механики. Я уже даже не стараюсь вкладывать смысл в слова, а скоро если и буду говорить, то что-то совершенно невнятное. Потому что – повторюсь – я устал.

– Будешь просто сидеть и смотреть на волны? И все?

– Да. Знаешь выражение “ждать у моря погоды”? Именно этим я и займусь. Буду просто сидеть, смотреть на волны и надеяться на что-то смутное. Если ты рассчитывал на иное решение... Что ж, придется тебе смириться с этим и оставить меня в покое.

Рыжий хотел что-то ответить, но разочарованно умолк на полуслове. А мессия вдруг вспомнил кое о чем.

– Зато я написал книгу. Можешь прочесть, если хочешь.

Человек протянул пророку стопку тетрадей. Тот с любопытством и – одновременно – с какой-то скептической усталостью взял листы и принялся их изучать. Мессия же прошел немного дальше по берегу и снова улегся на песок, почти сразу заснув в надежде вновь погрузиться в летаргию и в этот раз уже не очнуться. Рыжий провел всю ночь за чтением, и с каждой страницей его лицо становилось мрачнее, заставляя его испытывать сильнейшее дежавю. К концу того, что человек, которого он считал почти что богом, назвал книгой, пророк был вне себя от злости и досады. К чему все это было – страдания в камере, бесконечные муки в пустоте, путешествие на край разума, неудавшаяся попытка вразумления брата, смерть от его рук, воскрешение, освобождение, иллюзия богоизбранности, предательство, ложь, мерзость, месть, диверсия, амнистия сотен сумасшедших отморожков, поджог, спасение бога из плена забвения – зачем все это было нужно, если этот бог был заражен той же болезнью, что и его, Авеля, ненавистный брат? Неужели человеку, разочаровавшемуся в божествах, придется самому занять их место? Уже светало, и Абель вместе с книгой на время покинул побережье, чтобы обсудить с остальными дальнейшие действия. Он вернулся уже с четким планом и полный зловещей решимости. Подошел к спящему на песке мессии и принял-

ся будить его. Тот просыпался с трудом и, еще не размыкая век, еще в полусне еле слышно шептал чье-то имя.

– Ну же, проснись. Я должен тебе кое-что показать.

Человек сел и с хрустом потянулся.

– А я хочу тебе кое-что рассказать, пока не забыл. Мне приснился удивительный сон!

– На это нет времени. Вставай, нам пора идти.

Мессия еще слипшимися и слезящимися от сна глазами сумел разглядеть свою книгу, в развернутом виде валявшуюся на песке в шаге от него. Он поднял ее, встал и выжидающе уставился на рыжего.

– Так что ты мне хочешь показать?

– Вот что.

Рыжий сжал плечо человека, зажмурился и правой рукой сделал какой-то вращательный жест. Через миг они были уже в другом месте, которое имело с побережьем только одну общую деталь – песок. Белый, острый и сухой, похожий на соль песок простирающейся во все стороны бесконечной пустыни. Было холодно и очень ветрено, а вместо неба зияла дыра. По белой пустоте то и дело проносились огромные цветные шары.

Вокруг мессии и пророка стояли несколько сотен – а может и тысяч – человек. И все они выглядели чем-то весьма и весьма недовольными. Человек огляделся, чувствуя висящее в воздухе напряжение.

– Где это мы?

Авель сочувственно улыбнулся.

– Что, неужели не узнаешь?

Он замолчал, и за него продолжил один из стоящих в первом ряду освобожденных.

– Это все, что ты создал сам.

Фразу подхватил его сосед справа.

– Все, что ты создал сам и все, что ты есть.

Следующий голос раздался откуда-то из середины толпы.

– Пустота. Это все, чем ты являешься.

– Тебе дали много намеков – даже слишком много.

– Но из комы ты не вынес ничего, кроме желания записывать свои дурацкие мысли и усталости от жизни и свободы.

– Мы все искали ответ, почему ты стал собой. Но так и не нашли.

– Тебе дали полную свободу выбора, но ты всегда выбирал неправильно. И всегда будешь выбирать неправильно, разрушая и отравляя все, к чему прикоснешься.

– Но при этом будешь чувствовать себя величайшим мучеником.

– В этом твой парадокс – ты хочешь, сказав все и сразу, исправить буквально все зло в мире.

– Но именно это желание заставляет тебя сеять вокруг себя сплошное зло.

– Твои мотивы чисты и бескорыстны, и ты должен был попасть в рай.

– Но твои поступки и слова чудовищны, преступны, по-

стыдны и отвратительны, и ты не мог не попасть в ад.

– Так что ты не попал никуда.

– В высших кругах принято решение о твоей судьбе.

– Ты будешь отменен и возвращен в небытие, а все следы твоего существования будут уничтожены.

– В целях безопасности мироустройства.

– Так что можешь радоваться – ты действительно в каком-то смысле уникальный.

– Нас уполномочили стать твоими проводниками.

– Нам известно, что уже вот-вот твое иное воплощение погибнет в бою от собственной руки. Человек из снега и чернил пожертвует собой, чтобы запереть тебя в пустоте.

– А мы упокоим тебя на этой стороне. Мне очень жаль.

Авель действительно выглядел удрученным этой необходимостью убить своего бога. Человек не удивился ничему из услышанного – ему было совершенно без разницы. Поток словесной чуши – точно такой же нелепый и сумбурный, как и его книга, как и вообще любая человеческая речь.

– Знаете, вы бы здорово смотрелись в тогах.

Рыжий грустно улыбнулся.

– Ах да. Позволь-ка!

Он выхватил из рук мессии стопку тетрадей.

– Мы позаботимся об этом. Она будет переписана должным образом, не переживай – может быть, в ущерб биографичности, но с точки зрения художественной ценности получится куда лучше, могу тебе это обещать.

У человека оставалась одна небольшая просьба к этим забавным головорезам, которым поручили прибрать к рукам его жизнь. Они, разумеется, ничего не решали, но просьба его в любом случае будет услышана теми, кто за ними стоит. И, возможно, это сработает.

– А нельзя ли оставить хоть один след моего существования, или как там?

– Что ты имеешь в виду?

– Мы ведь смотрели фильм про мальчика, который разговаривал с огромным кроликом? Не хочу, чтобы все вышло так, как вышло в финале этого фильма.

Рыжий пожал плечами.

– И что же ты хочешь, написать кому-то?

– Да, именно. Я хочу написать письмо, которое дойдет до адресата во что бы то ни стало. От лица человека, который этого сделать уже не может.

– Ладно. Думаю, это можно.

Авель протянул человеку бумагу, ручку и конверт. Тот отошел чуть подальше от толпы, уселся на белый песок и принялся писать. Где-то на середине письма плечи мессии поникли, и он уткнул лицо в ладони. Посидев так немного, он вздрогнул, слабо улыбнулся и быстро закончил письмо. Затем положил его в конверт, на котором как можно аккуратнее написал адрес получателя, заклеил конверт и за чем-то изрисовал его заднюю сторону взявшимся из ниоткуда зеленым маркером. Закончив это последнее дело, человек

встал, вернулся к своим неизбежным убийцам и отдал конверт Авелю.

– Передай его нашему общему знакомому. Думаю, ты найдешь способ. Это все, о чем я прошу.

Рыжий задумчиво кивнул. Затем достал нож, и остальные, обступив человека со всех сторон, сделали то же самое. Уже ничто не могло сделать этот момент более глупым и драматичным, так что вскоре кто-то нанес первый удар, затем удары посыпались на мессию градом – только и видно было, что блеск ножей и брызги крови. Через минуту все закончилось – с последним ударом тело человека просто растворилось в воздухе, и история про странную тоску и бесконечное одиночество в пустоте сознания... Завершилась. Наверное, она могла бы завершиться как-то иначе или даже продолжиться, но ее автор, набирая последние строки, не рассчитал дозу пафоса, поймал передозировку и упал замертво.

День. Что хотел сказать автор?

Лучший способ понять, что с твоим восприятием мира что-то не так – поделиться им с другими людьми.

Бриджит Фойл

Черный экран. Короткие титры. Надпись “конец”.

В студии зажегся свет – слишком резко, и гостей шоу ослепило после тусклой картинки последнего эпизода сериала. На сцену вышел пухлый коротышка в синем пиджаке и, приторно улыбнувшись, объявил:

– Дамы и господа, вот и подошел к концу первый сезон. После рекламной паузы мы продолжим эфир и обсудим с приглашенными кинокритиками то, что мы сейчас видели. Не переключайтесь!

Оператор махнул рукой, и все участники передачи расслабленно осунулись в своих креслах, а ассистент ведущего принес всем кофе. Спустя пару минут веселой и оживленной беседы голос со съемочной площадки зычно сосчитал от трех до нуля и объявил эфир. Ведущий подобрался и натянул на лицо фирменную улыбку гомосексуальной акулы.

– Реклама пролетела незаметно, не так ли? С вами снова вечернее шоу Кайла Карпентера, и мы начинаем обсуждение только что просмотренного нами в прямом эфире фи-

нала последнего творения мэтра Пола Гонкеса. Учитывая несколько непривычный формат, финал не оказал лично на меня сильного воздействия. Мистер Боу, что скажете вы?

Сухощавый старикан в растянутом свитере, вальяжно развалившийся в кресле, отхлебнул кофе, причмокнул губами и принялся выражать свое мнение.

– Знаете, Кайл, у меня еще с самого первого эпизода возникли сомнения насчет выбранного режиссером формата. Сериалу не доставало изобразительности, кинематографичности. Думаю, я не слишком преувеличу, если скажу, что это произведение не сильно бы потеряло, будь оно оформлено в формате графической новеллы. Проще говоря, по духу это скорее комикс, чем телешоу. Кроме того, меня несколько смутила рекурсивность сюжета. Не хочу сказать, что это какая-то революция в жанре, но складывается впечатление, будто Пол хотел в первую очередь не снять сериал, а что-то донести до зрителя.

– Что же в этом плохого, Джим?

– Мне кажется, в данном случае он пытался донести что-то чересчур личное. В этом вся проблема – фигура автора слишком сильно проглядывает сквозь сценарий.

Сосед мистера Боу – пижон лет сорока, с тремя подбородками и прилизанными волосами – оживился, задвигался в своем кресле, привлекая к себе внимание.

– Совершенно с вами согласен, Джим! А что еще хуже, так это совершенно неприемлемый градус пафоса практи-

чески в каждой фразе практически любого персонажа. Очевидно, что старина Пол хотел написать напряженный, драматичный и сложный сюжет, но не рассчитал ни своих возможностей, ни объема времени, необходимого для написания сценария, поэтому ему пришлось все больше и больше уклоняться в сторону радикального и, не боюсь этого слова, второсортного постмодернизма. Результат налицо – сюжет упрощен и схематичен до ужаса, символизм навяз в зубах уже к четвертой серии, и в целом произведение напоминает черновик, довольно сырую работу. Кроме того, меня несколько вывело из себя то, что Пол попытался сделать с любовной линией – все эти намеки, полужапы, метафоры и так далее. Это ни в коем случае не новаторский прием – изображать отношения двух людей через аллюзии и только со стороны одного из них. Мы ведь даже не увидели сам портрет девушки, нам его стыдливо показали вполоборота! Уж не потому ли это, что мистер Гонкес не счел нужным выделить часть бюджета на написание этой самой картины? Экономия усилий – просто во всем.

Сурового вида дама, сидящая справа от трехподбородочного, недовольно нахмурилась, всем своим видом демонстрируя отношение к отсутствию среди главных актеров своей коллеги по гендеру.

– Мне всегда казалось, что Гонкес – переоцененный халтурщик, да еще и страдающий мизогинией. Расизм, гомофобия и прочие нездоровые идеи ему тоже явно не чужды. Не

совсем понимаю, как человек подобных взглядов умудрился добиться признания на международном уровне – все-таки мы ведь не в пятидесятые живем.

Сидящий напротив Джима Боу молодой парень хипстерской наружности демонстративно закатил глаза.

– Элен, вы вообще видели его пресс-конференцию? Когда прозвучал вопрос “Почему среди ведущих актеров нет ни одной женщины, хотя в сценарии девушка есть?”, Пол попытался заболтать журналиста своими фирменными разговорами про субъективность оценки экспериментальных жанров искусства с позиции общепринятых норм и ценностей и так далее, словно желая сойти за кодирующегося женоненавистника, но, как мне кажется, тут скрыто что-то другое... Возможно, он не хотел вводить девушку в экранизацию просто из-за нежелания видеть в этой роли никого, кроме той, с кого – возможно – он и срисовал этот образ. Разве это не дает веский повод задуматься о ее реальном существовании?

Боу согласно кивнул.

– Да, еще одно доказательство того, что история вышла слишком личная. Когда дело касается личного, человек редко способен сохранить художественную непредвзятость и объективность. Устами главного персонажа проповедуется отчужденность, но в каждой серии в глаза бросается чрезмерная откровенность всего сюжета в целом – если это не какая-то хитро запрятанная ирония, то весьма серьезная недоработка, как и довольно часто повторяющиеся мысли. Скла-

дывается впечатление, что автор хотел быть абсолютно уверенным в доходчивости своих посылов, чего пытался добиться, заставляя протагониста раз за разом проговаривать одно и то же.

Ведущий, пролистав небольшой блокнот, решил выдвинуть на обсуждение критиков еще одну тему, к которой ему явно не терпелось перейти.

– Уважаемые, а что вы думаете о, собственно, главном герое? Начнем с вас, мистер Грейвуд.

Прилизанный толстяк пожал плечами.

– Трудно сказать, Кайл, трудно сказать. Если оценивать каждого из них по отдельности, а не как собирательный образ одного человека, то впечатления сильно разнятся. Лысый из последних серий и сиганувший с обрыва юрист-психонавт мне понравились, а вот Авель, мессия и все остальные, кто был до – нет. Возможно, мое мнение было бы иным, не закончилось вся эта трагическая история откровенным фарсом.

Кайл закивал.

– Давайте все же представим главных героев как единого персонажа. Что вы можете сказать о нем, Элен?

– Это не слишком реалистичный характер, неприкрытая наивность и какая-то отрицательная харизма, что ли. Думаю, все его проблемы высосаны из пальца, как и проблемы почти любого белого гетеросексуального мужчины среднего класса. Ему стоило завести котенка или начать играть в теннис – думаю, ему это подошло бы. А что касается его взглядов

на жизнь и попыток ими поделиться... Понимаете, все это выглядит несколько топорно, потому что он пытается уместить свою откровенность в неправильный формат – весьма иронично, ведь эту ошибку делает и сам мистер Гонкес. Его персонажам просто не хватает контекста. Возможно, решение главного героя написать книгу было интуитивно правильным, но, поскольку прочесть ее нам не дали, остается ожидать чего-то подобного только от самого режиссера.

О чем-то задумавшийся Джим Боу вдруг спросил:

– А вам не кажется, что протагонист на самом деле – весьма неприятный тип? Я вот слушал эти личные откровения и в какой-то момент мне показалось, что за всей его искренностью скрывается тот еще подлец. И в определенный момент я понял, что ни за что не пожелал бы быть его другом, не хотел бы даже, чтобы он просто знал обо мне, таким образом включив меня в свою странную систему координат. Есть люди, одним своим существованием источающие негатив. Глянешь на такого – и скажешь: нет, мистер, это не про меня, до свидания. Вы не привнесете ничего хорошего в мою жизнь.

Хипстер чуть улыбнулся.

– Да, знаете, я тоже что-то такое заметил. То есть оно как бы очевидно, раз уж о подобной натуре протагониста прямо говорится в финале, но там это делается с эдаким изворотом, мол, великого мученика не поняли, обидели, уличили во всех смертных грехах – посмотрите на несправедливость! Но сейчас мне кажется, что в этом смысле Пол промахнул-

ся – возможно, его основной персонаж действительно был таким, каким его описывают прочие личности. Если, конечно, это не было главной задумкой – борьба внутри человека, его ненависть к себе и восхищение собой же. Другое дело – ценность этой борьбы и рефлексии, которую автор пусть и критикует, но, опять же, в ее собственных рамках. На самом деле, как мне кажется, логичным завершением этой истории было бы ее уничтожение, предание не огласке, но забвению...

Неожиданно из динамиков на потолке студии раздался скрипучий и вкрадчивый голос.

– Вы должны понимать, что это невозможно. Каким бы авангардным и экспериментальным искусство ни было, оно никогда не переходит эту черту – удалению из творческого процесса элемента позирования, полного устранения от публичности. Многие пишут в стол, но делают это или для тренировки, или со скрытым желанием разоблачения, чтобы ответственность за вывод своего творчества в свет частично легла на кого-то еще. Человек всегда желает внимания. Человек пытается заполучить внимание разными способами, в том числе показным равнодушием к оному. Человек хочет радоваться и страдать всегда напоказ, не так ли, Пол? Человек любит отчуждение от своих слов – в силу защиты, этим отчуждением предоставляемой. Защиты от стыда за свои мысли, которые можно теперь вложить в уста всего лишь литературного героя, участника театрального дей-

ствия, не одинокого в этом действии, не могущего в силу законов физики быть спектаклем одного актера. Великая ловушка искусства – в его кажущейся реальности, заставляющей зрителя забыть о том, что это только чья-то фантазия. Почему бы не перемыть косточки одним своим персонажам, используя других в ипостасях кинокритиков? Почему бы не ввести в сюжет закадровый голос, обличающий этот самый прием? Ты дома. Ты тут полноправный хозяин и можешь делать все, на что способно твое воображение. Вот только зачем? Зачем ты так долго писал это, зачем угрожаешь написать еще больше? Зачем ты спрашиваешь это у себя, словно оправдывая бессмысленное действие тем, что сомневаешься в его осмысленности? Ты просто очередной несчастный идиот, который сбежал от реальности, потому что не нашел в себе мужества принять ее такой, какой она оказалась. Можешь пока развлекаться с рекурсией, самообличением и прочими маскировочными извращениями, но помни – ничто из этого не спасет тебя от себя самого, и однажды колокол будет звонить, а ты уже не сможешь спросить, по кому. Колокол звонит, и...

Ночь. Уж боле никогда

*Порой я все же стряхиваю сон с усталых век, но
то бывает очень редко.*

Жермендин, “Все, что я помню об этом мире”

...И я просыпаюсь, лишь на краткий миг задерживаясь на странной грани между сном и явью, где все реальное и нереальное сосуществует в гармонии. Сев на кровати и тяжело дыша, я открываю заметки на телефоне и судорожно пытаюсь ухватить хвосты сна, вспомнить, что именно за сюжет я видел, но хвосты неизбежно ускользают, оставляя лишь привычную уже уверенность, что сегодня мне снова снился тот же человек, что и каждую ночь на протяжении уже долгого времени. Еще я помню строки:

За несколько дней или парочку месяцев
Дерево жизни, на которое вы взбирались по лестнице
Сузится до одной-единственной ветки
На которой можно только повеситься
Ведь здесь больше никого и ничего не осталось
Кроме воспоминаний едких
Нервов оголенных
И невыносимой усталости
И вот, после всех пережитых вами лишений

Останутся в живых только двое влюбленных
Надежная петля и невытая шея
И уже никто не сумеет разнять их
Сцепившихся навеки в самых крепких объятиях

Вдруг вспоминаю – что странно, почти дословно – монолог безумца из сна, с которым я курил на балконе. Я рассказывал ему о своей трагедии, он отвечал на это какой-то ужасно запутанной теорией заговора. Единственное, чего я не помню, так это финала его рассказа, когда он поведал о каком-то особенном месте, исполняющем желания. Вскоре после того, как он закончил свой рассказ, к подъезду прибыла машина скорой, санитары взбежали по лестнице и увели моего собеседника, а он даже не сопротивлялся, только улыбался как-то странно.

Распахнувший окно ветер разметал по полу листы бумаги и мелкий мусор. На улице шумит дождь, и внезапная вспышка молнии высвечивает силуэт огромной черной птицы, сидящей на подоконнике. Ворон переступает с лапы на лапу, открывает клюв, и комнату заполняет каркающий хохот...

Вечер. Улыбнитесь, вас снимают

*Не обманывай себя. Ты не принадлежишь к тому сорту людей, кому суждено стать великими и остаться в истории благодаря своим идеям и целям. Твоя идея – обесценивание любых целей, а твоя цель – выдать банальность за идею.
Диалог с самим собой*

– “И комнату заполняет каркающий хохот”. Вы что, серьезно?

Под скептическим взглядом издателя я чувствую себя неудобно, но все же отвечаю.

– Это аллюзия на “Ворона” Эдгара По...

– Я знаю, на что это аллюзия, молодой человек. Скажите, неужели она вам тут необходима? И почему она выглядит так топорно, выпендренно, эклектично с этими “заметками” и “телефонами”?

– Дело именно в топорности. Понимаете, я как бы оставляю фон фоном, пытаюсь обозначить стилистику и атмосферу, не вдаваясь в многостраничные описания, сосредотачиваюсь на самом действии. Кстати, там есть очень важный момент, до которого вы не дочитали: карканье ворона прерывает выстрел...

– Послушайте, чтобы отходить от избыточности текста и

многостраничных описаний, следует сперва научиться создавать эти самые описания. В вашем романе я не нашел ни одной сцены продолжительностью более двух-трех страниц. И это при том, что сам роман растянулся на две с половиной тысячи страниц! В итоге создается ощущение, что ты прочел сборник сценариев для скетчей, уж извините меня за подобные сравнения.

– Что поделатъ, в каких реалиях я сформировался, в тех реалиях и написал книгу. От этого нельзя уйти, не будучи гением, но я ведь не претендую на такое звание.

– Ну хорошо, опустим краткость формы. Но что с содержанием? Все то чересчур образно, абстрактно и эмоционально, то слишком сжато и сухо. В итоге две трети рукописи напоминают выдержки из дневника девочки-подростка, а еще треть – конспект лекций по какой-то псевдонаучной эзотерике. Это вы тоже так и задумывали?

– В какой-то степени да. Я, конечно, не могу оценить, насколько сильно в крайности я ударился, но такие эмфатические качели должны были создавать контраст, на фоне которого выгодно сыграла бы большая часть сюжетных линий.

– Охотно вам верю, но ничего не могу поделатъ со своим вкусом – он наотрез отказывается принимать подобные эксперименты, ко всему прочему щедро сдобренные эпизодической хромотой стиля, резким смешиванием форматов, максимализмом и пафосом, сочащимися из доброй половины высказываний персонажей. А эта слоистость повествова-

ния... Разве вы не видите, что это дешево, дешево и избито? Перепрыгивание с одного потайного дна на другое быстро приедается, а став самоцелью романа, решительно перестает впечатлять, вызывая лишь отторжение.

– Я вас услышал. Можете ли вы что-нибудь посоветовать? В каком направлении мне стоит смотреть при переработке текста?

– Я не хочу сказать, что у вас нет таланта. Вы далеко не посредственность, но... Возможно, вам было бы полезно одно из двух: или поубавить амбиции и написать что-нибудь несколько более скромное, без замашки на грандиозность и славу Гомера с Джойсом, или просто повзрослеть. Поверьте, двадцать лет – слишком рано для того, чтобы браться за, с вашего позволения, *magnum opus*. Работа всей жизни может быть написана лишь по прошествии большей части этой самой жизни. Впрочем, сцена с издателем меня весьма позабавила. Будь на моем месте кто-нибудь более самодовольный, он бы из кожи вон лез, чтобы найти какие-нибудь аргументы для отказа, отличные от приведенных вами в самой сцене. Тем не менее, ваша осведомленность о недостатках рукописи не делает ее объективно лучше, лишь заставляет задуматься, зачем вы изначально пришли сюда.

– Разве это не очевидно? Потому что это есть в книге. Как еще придать чему-то выдуманному значение, если не повторив его в реальности первого порядка? Теперь, когда сцена в редакции крупного издательства подошла к концу, насту-

пило время для миниатюры с монстрами в темноте. Всего
доброе!

Ночь. To have and to hold

*Даруй свет, и тьма исчезнет сама собой.
Эразм Роттердамский*

Что случилось?

Где я?

И где я только что был до этого?

И что это вообще было?

Твою мать.

Вокруг одна сплошная темнота.

К такой темноте глаза никогда не привыкнут.

Я, разумеется, ни черта не вижу.

Только слышу слабый запах ночного воздуха в дуновени-
ях ветра.

Завтра мне на работу.

Вчера я вроде бы умер.

Из этой темноты можно делать сердца для демонов.

Мой мозг будто разделился на три части.

От главной как бы шли ниточки к двум другим.

Словно у моего мозга появились очень далекие районы.

Ставшие полуавтономными.

Одна часть еще помнила, что секунду назад была удивле-
на.

Скорее даже в шоке.

Словно у нее что-то только что пошло не по плану.

Еще была горечь – горечь поражения.

Другая часть хотела вернуться куда-то.

И чего-то ждала.

Нужно было кому-то помочь.

Еще был ужас – ужас понимания.

Существует ли мое тело?

Я ощущаю конечности, пытаюсь шевелить ими.

Они перемещаются в пространстве, но не могут найти друг друга.

И остальное тело найти тоже не могут.

Забавное ощущение.

Голова как будто... Пуста, что ли.

Как будто черепушку кто-то вскрыл и оставил мозг без защиты.

Я уже настолько привык не видеть, что не чувствую, когда веки закрыты.

Если это – смерть, то она меня не слишком впечатлила.

Я все еще могу думать.

Могу заниматься этим хоть всю вечность напролет.

Наверное.

Все равно рано или поздно вселенная погибнет.

Никакой вечности не будет.

Ну и ладненько.

Я, пожалуй, тут подожду.

Вообще, все могло быть гораздо, гораздо хуже.

Христианский или мусульманский ад куда хуже этого.

Да и буддистский.

Хуже всего была бы, конечно же, абсолютная пустота, небытие.

Но вот это еще можно как-то терпеть.

Но как же, все-таки, мне здесь будет скучно.

Если это вообще смерть, а не какая-нибудь кома, например.

Смерть или кома.

А что, если это – предбанник для еще не родившихся людей, и я скоро появлюсь на свет?

Откуда я тогда знаю все, что я знаю, и могу строить у себя в голове осмысленный текст?

Может, при рождении я все это потеряю?

Да нет, чушь какая-то.

Я в матрице.

Или я – экспериментальный искусственный интеллект, первый в своем роде.

Компьютер с душой.

Откуда у меня тогда тело?

Хотя его наличие все еще под вопросом.

Но если оно есть – значит, оно есть где-то.

Так-с или не так-с?

Да какая вообще разница?

Я не чувствую ход времени.

Ну-ка, попробую посчитать.

Раз.

Два.

Триии.

Четы...

Что это было?

Ладно, я понял.

Считать тут затруднительно.

Дьявол, как же все-таки темно!

Мне бы хватило и искры, и слабого лучика, и секундной
вспышки, и далекого огонька.

Хоть что-нибудь.

Кто-нибудь...

Эй, кажется, меня кто-то услышал!

Я вижу свет!

Источник или очень далеко, или очень невелик.

Но он приближается.

Или увеличивается.

Ну и ну, он уже совсем рядом!

Он подплыл прямо ко мне – сгусток света размером при-
мерно с человека.

Если я правильно помню, какого размера обычно бывают
люди.

Наконец я вижу свои руки.

Как-то я отошал с тех пор, как последний раз их видел.

А что будет, если я прикоснусь к этому свету?

Вот и ответ – вспышка!

Охренеть, как же тут красиво...

И почему такое место скрывали в темноте?

А я ведь даже не пытался ходить.

Пробыл тут так долго и только руками махал, и не сделал ни единого шага.

Черт, да я бы почти сразу врезался в этот куст.

Ну я и идиот.

Свет, кстати, никуда не делся.

Он, похоже, становится только ярче, обретает более четкую и различимую форму.

Вот теперь это точно похоже на человека.

До чего же хочется еще раз прикоснуться...

Спасибо тебе!

Эй!

Куда все пропало?

Куда делось все вокруг?

Почему свет погас, кто его погасил?

Что я сделал не так?

Прошу вас, верните все как было, умоляю!

Так, в метре справа от меня должен быть куст.

А чуть позади – небольшой водоем.

Куста нет.

Ладно, водоем-то я точно найду.

Просто развернуться на сто восемьдесят градусов и сделать шагов двадцать.

Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять.
Десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать.

Четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать, семнадцать, восемнадцать.

Девятнадцать, двадцать, двадцать один, двадцать два...

Что-то не похоже это на воду.

Стоп, это вообще ни на что не похоже.

Я шагаю по... Пустоте?

Так, не паникуй.

Куда могло исчезнуть такое огромное место?

Ого.

Похоже, это я исчез.

И появился в какой-то комнате.

С потолка свисает лампочка на проводе.

Мигает.

Как-то недобро она мигает, если про лампочку так можно сказать.

Так мигали лампы в старых видеоиграх-страшилках.

Какого?..

Или я тронулся, или на стенах этой комнаты наклеены обои с тем прошлым местом.

Ну, которое было похоже на рай.

Точно, вот и куст.

А на стене напротив – водоем.

Мраморная беседка с колоннами тоже на своем месте.

Черт.

Мне кажется, или в углу комнаты кто-то стоит?

Черт, черт, черт, черт, черт.

Свет снова погас.

Твою мать.

Что-то мне не нравится этот холодок в ногах.

Слышу скрип двери где-то сзади.

Шаги.

Направляются ко мне.

Грузные, шаркающие.

Блядь!

Нет, пожалуйста, пожалуйста, не надо, не надо, пожалуйста-ста, дьявол вас побери, помогите мне кто-нибудь!

Все.

Совсем рядом что-то клацает.

Кажется, когти или зубы.

И даже не один набор.

И не только когти – я слышу звуки ножей.

Шипение змей.

Мне пиздец.

Они уже совсем рядом.

Похоже, обступили со всех сторон.

Надеюсь, это будет быстро.

Аааааааааа!!!

* * *

Что случилось?

Где я?

И где я только что был до этого?

И что это вообще было?

Твою мать.

Вокруг одна сплошная темнота...

Вечер. Шаг пятый из семи

Любой, у кого достанет времени наблюдать за собой и миром вокруг, и достанет ума, чтобы не увлекаться этим чрезмерно, неизбежно придет к мысли, что жить, не питая отвращения к себе – счастливый удел блаженных идиотов.
Альфред Гюйон, “Заключенный”

Солнце уже почти скрылось за горизонтом, когда человек на балконе офиса, расположенного в стеклянной высотке почти в центре города, отложил несколько страниц из небольшой стопки в сторону, в задумчивости покусывая нижнюю губу. Первые пять расшифровок дали ему много пищи для размышлений, но ничего не сообщили по существу дела. Все шло к тому, что просмотреть придется их все, что означало ночевку в офисе. Впрочем, ничто не мешало ему на следующий день взять выходной. Человек подтянул поближе к своему креслу один из стульев, что стояли вокруг соседнего столика, и закинул на него ноги, устраиваясь поудобнее. Через несколько минут, вынырнув из своих мыслей, он закурил, взял из стопки бумаг очередную расшифровку и погрузился в чтение.

“О чем ты думаешь? Только о себе, как и я, как и все мы. Я – личность, уникальная и удивительная, выдайте мне иден-

тификационный номер, клеймите, запечатайте и оформите мне карточку в базе данных. Подберите схожих со мной людей и занесите в одну категорию. Присвойте хэштеги. “О, это моя любимая категория – высокодуховные индивидуальности. Воображалы, не умеющие делать ничего, что нужно обществу. Титаны ума и эмоциональные инвалиды. Посмотрите, как забавно и самоуверенно эти спесивые зверьки твердят о своей избранности. Они у меня тут все – творцы внутренних вселенных в застиранных трусах, как на подбор!” Бесконечная рефлексия собственного эгоцентризма, бездна нарциссизма, и при этом уверенность, будто могу искренне любить кого-то кроме себя. Ну да, как же – если только то, что вижу от себя в других людях. Любовь нарцисса и гордеца – любование своим отражением в чужих глазах, не более того. А чем любоваться-то? Какой-то маргинал, нищеврод, наркоман – но мнит себя интеллектом уровня минимум межгалактического. Бог сотен вселенных наспех натягивает растянутые в коленях спортивки, чтобы выбежать в магазин за бичпакетом и сижками – разве не прекрасный контраст? Разве не... исчерпывающий? Ну конечно же, это проблема общества и нашей цивилизации, что по каким-то нелепым причинам безделье и поверхностные нравоучения, основанные на абстрактных, ничем не подкрепленных и эмпирически не проверенных измышлениях, ценятся так низко. Плохое, гнилое общество! Потребление ради потребления, падение нравов, деградация культуры, эксплуатация, вырожде-

ние! Ну, если у тебя ничего не меняется к лучшему, логично предположить, что тебя это устраивает, раз уж ты или ничего не делаешь, или делаешь что-то бесполезное. Что-что, “как узнать, будет ли действие полезным”? Ничего себе запросы. Собирай релевантные данные, строй на их основе гипотезы, проверяй их экспериментальным путем, делай выводы, повторяй снова и снова. Само собой, на любом этапе можно ошибиться огромным количеством способов – собрать не те данные, не суметь их правильно обработать, провести не тот эксперимент, сделать ошибочные выводы, но разве все это так важно, пока ты делаешь то, о чем думаешь, что это правильно? Терпеть или сопротивляться, стремиться или плыть по течению, принимать или отрицать, иметь мнение или класть хер. Как же редко я вспоминаю о том, что никто не может винить мир в своих бедах и неудачах, ведь это его выбор – так жить в таком мире. Выражение “так жить в таком мире” мне нравится тем, что каждое слово в нем – это отдельный способ решения проблемы: не нравится “так” – попробуй изменить свою жизнь, не нравится “таким” – попробуй изменить мир, не нравится “мир” – сделай своим миром книги, дно бутылки, спорт, видеоигры, а остальное игнорируй. Не нравится “жить” – что ж, и это можно изменить. Нет, это не реклама суицида – такие вещи нельзя “навязать”. Просто примем тот факт, что мы все как бы участвуем в игре. Нас записали туда без нашего ведома и привели, в общем-то, силой, но выход никто же не запирает. Хочешь

– играй, не хочешь – иди. Тебя, конечно, как на любой вечеринке, будут уговаривать остаться, говорить, что уходить неправильно и плохо, что самое веселое впереди, шантажировать, использовать, даже отталкивать от выхода. Но стоит тебе захотеть и сказать твердо “нет” – и ты свободен. Не хочешь? Хочешь скорее поменять правила, потому что хочешь все же участвовать, хочешь выиграть? Дерзай, все возможно. Да, вряд ли у тебя получится. Ты можешь внести свой вклад в развитие “оппозиции” среди игроков, и однажды, быть может, что-то и правда изменится так, как ты хотел, но ты к тому моменту уже проиграешь и покинешь игровой зал. Разве не очевидно, что мы почти совсем свободны? Единственное, что мы не выбрали – рождение и с полтора десятка лет, пока не разовьется абстрактное мышление, и не начнут приходить всякие разные мысли. А как только разонравилось – вперед, путь свободен. Какая разница, что чувствуют те, кто остался, ведь это твоя жизнь и твой выбор. Любишь их? Не хочешь причинить боль? Если сильнее, чем желаешь свободы – то это тоже твой выбор, жертвовать собой ради комфорта других. То-то же тебя злит, когда кто-то из них скажет, что ты эгоист... Хочется смеяться. Хочется доказать себе, что еще имеешь власть над своей судьбой, что твоя воля из стали, что ты сделал все, что мог – какая разница, кто увидит, кто поверит. Мне, если честно, плевать, сколько людей это прочтут – один, пять, сто, миллиард – разве что-то изменится во мне? Разве это поможет понять, кто я, чего и почему хочу,

что чувствую, от чего бегу, как меняюсь? Написать книгу, где нет ни одной стоящей идеи, лишь ее поиск в постоянно меняющихся множествах – или схаркнуть смачно в канализационную решетку. Собрать остатки воли и изменить жизнь к лучшему, насколько возможно – или последние деньги выкинуть на такси от девушки, которая не станет для меня никем. Найти выход из воронки рутинной деградации эмоций и ума – или опрокинуть еще стакан под разноголосую групповую акапеллу какого-нибудь старого рок-хита. Что больше меня обрадует? Что для меня лучше? Чередой выборов не прервется до самой могилы, холодной и утилитарно-равнодушной. Ничто и абсолют. Все во всем. Каждый и никто. Зеркала восприятия дрожат, искажают реальность, множат ошибки, люди продолжают бесконечные конфликты, которые двигают их жизни вперед, времена года сменяют друг друга, как и климатические циклы – только быстрее, море наступает на сушу и отступает, медленно движутся тектонические плиты. Луна и солнце над нами те же, что и миллион лет назад. Маленький отколовшийся от общей массы кусочек вселенной сидит в кресле и, раскрыв рот, пытается зафиксировать образ мира, стучит о реальность своим грубым языком и мышлением, надеясь докопаться до “великой истины”. И гормоны переполняют его животный мозг, вызывая детскую радость от “познания”. Тысячи таких же отколышей смотрят на свои попытки понять жизнь иронично, заранее признавая свою глупость и ничтожность, что, однако, не спа-

сает их от той же неудачи. Думаете, вселенная непостижима? Вот только мы – тоже ее часть. И что делать, как быть? Как относиться к жизни? Как прожить ее не зря? Единственный ответ, который я нашел: только мне самому дано знать и выбирать, как мне жить, что для меня есть мир, и что есть я сам в этом мире. Ничто и абсолют. Все во всем. Каждый и никто. И, по правде говоря, меня этот ответ вполне устраивает”.

День. Яд каплет сквозь его кору

The safe word is forgotten

Find pleasure only through pain

Inside this room

We can be famous forever

The Last Ten Seconds of Life – Pain is Pleasure

Человек, сидящий в бежевом кресле с глуповатым узором из мультяшных животных, бросил на психотерапевта взгляд из-под опущенных бровей.

– Вы меня не слушаете, доктор. Это непрофессионально.

– Просто расскажите, что вам не нравится в жизни, и я постараюсь убедить вас в том, что все не так уж и плохо.

– Уверены? Хорошо, слушайте. Начнем с самого начала. Я пытаюсь написать диалог, в котором жалуясь психотерапевту на свою жизнь. А может и не психотерапевту, а просто какому-нибудь вымышленному знакомому. Или одному из тех придурков, которые втирают за карму, посыл сигналов вселенной, управление реальностью и так далее. Я еще не решил, кто вы, посмотрим, как пойдет. Возможно, вы так и останетесь несколькими репликами без четкого описания произносящего их человека, потому что мне лень, да и вообще я откладываю этот финал уже слишком долго, и теперь времени все меньше. Этот диалог входит в небольшой

рассказ постмодернистского толка, целиком состоящий из отрывочных и слабо связанных между собой сюжетов, настолько маленьких, что их можно было бы назвать скетчами; а этот рассказ, в свою очередь, является частью столь же неклассического сборника сюжетов, который, в свою очередь... Постмодернистский – потому что мизанабим, рекурсия, интроспекция, профанация художественной ценности и все такое прочее, в том числе и презрение к постмодерну, хорошо укладывающееся в рамки постмодерна. Так вот, я пытаюсь его написать, но мне это очень трудно дается, потому что в некоторых предыдущих заметках я уже сполна поплакался о жизни, и делать это снова – значит обозначить жалость к себе как лейтмотив моего псевдотворчества, что не слишком здорово, с ударением на второй слог. Одна из самых больших моих проблем заключается в том, что я не могу с чистой совестью ныть и жалеть себя, потому что внутри у меня сидит злобный циничный карлик, который понимает, насколько жалко и нелепо выглядят мои пустые страдания, и постоянно мне об этом напоминает. Каждый раз, когда я пишу, говорю или просто думаю что-то подобное, этот роботоподобный, сухой и насмешливый человечек всеми своими нейронами противится такому поведению и высмеивает его. И наоборот – когда я не живу, а существую, функционирую, принимаю пищу, высыпаюсь, хожу на работу и утопаю в быту, другой персонаж, сопливый и лирический, ноет, колотит по голове изнутри и не дает мне функционировать

нормально. И между этими двумя крайностями никогда не будет равновесия. Теперь, когда вступление сильно затянулось, я понимаю, что пора переходить к сути, но вспоминаю, что сути нет, и перехожу всего лишь к теме. Я всю жизнь делаю то, что не хочу делать – учусь бесполезным вещам, потому что это желание моих родителей, общаюсь с неприятными людьми, потому что это издержки общественного образа жизни человека, учусь другими бесполезным вещам в месте, которое ненавижу, а хожу туда только для того, чтобы не попасть в еще более отвратительно место и получить бумажку, которая служит простой формальностью для попадания в третье отвратительное место, необходимое для получения других бумажек, которые мне необходимо потратить, чтобы не мерзнуть на улице и не пухнуть от голода, чтобы не скучать, чтобы не быть одному, чтобы не сойти с ума. Чтобы быть в состоянии и дальше зарабатывать эти бумажки, необходимые для зарабатывания самих себя. Даже для нормального человека это странная система, а как насчет типа, который не знает, зачем живет, не видит впереди никакой цели, не идет ни к какой мечте? Понимаете? Смысл жизни в том, чтобы не умирать как можно дольше только потому, что не хотеть умирать – это норма, но потом все равно умереть, попутно создав еще несколько маленьких людей, обреченных всю жизнь крутиться на этой карусели безумия. Как вам это для начала?

– Что мешает вам ходить в те места, которые вам не от-

вратительны? Почему вы не поступили в другой ВУЗ, в тот, который бы вам нравился, где вы бы узнавали что-то интересное? Возможно, если бы вы занимались чем-то, что вам нравится, вы бы не стали так много задумываться о том, зачем вы это делаете.

– А есть где-нибудь университет лени, институт залипания в сериалы, высшая школа саморазрушения, академия фрустрации или еще что-то подобное?

– Как насчет более конструктивных занятий, вроде путешествий, общения с новыми людьми, поиска новых увлечений, участия в общественной жизни?

– Боюсь, что я в этом очень плох. Что касается общения и участия – я не чувствую связи с людьми, которых не знаю, не могу и не слишком-то хочу вливаться в новые компании, потому что я социальный инвалид, лишенный эмпатии на бытовом уровне, не умеющий найти точки соприкосновения и общего интереса, не умеющий вести себя, как часть группы, не умеющий поддерживать связи и проявлять социальную инициативу. Возможно, я бы сумел научиться всему этому, если бы испытывал острую необходимость, но меня эти дисфункции не особо беспокоят сами по себе, и лишь иногда я испытываю скуку, свойственную человеку, чья жизнь застоялась без влияния извне, лишенная новых впечатлений и опыта.

– То есть все, что вам необходимо – это валяться в постели, есть, курить, пить и развлекаться?

– А что в этом плохого? Я хотел бы путешествовать, но я не слишком люблю другие культуры. А если точнее, то культуры-то мне интересны, но в отрыве от их носителей. Я же не могу выгнать из Рима всех римлян, чтобы побродить по Колизею, не могу сделать так, чтобы улицы Чикаго или немецкие соборы опустели, не могу заставить скандинавские фьорды в их изначальной и естественной безлюдности? Где-то – неприятный климат, где-то – странные законы и обычаи, где-то все слишком дорого, и везде – границы. И везде – люди. Мне плевать, что это звучит высокомерно, но люди в большинстве своем мне не нравятся. С другой стороны, меня оправдывает то, что я и сам себе не нравлюсь. Еще я хотел бы стать художником, но знаю, что, даже будь у меня талант, везение и усердие (а их у меня нет), я бы все равно не смог изобразить то, что хочу изобразить, именно таким, каким я его вижу у себя в голове. Чисто технически не смог бы, как чисто технически невозможно изобразить реку с тремя берегами или объективно описать определенный цвет. Черт с ними, с картинами, я и писателем хочу стать, вот как раз даже пытаюсь писать, но ничего не выходит. Если даже самому себе я кажусь бездарностью и графоманом, то легко предположить, что на деле я еще хуже. Это как с отражением – человек видит себя в зеркале во сколько-то там раз красивее, чем он выглядит в реальности. И вот я смотрю в отражение и понимаю, что на самом-то деле все даже хуже, чем это вижу я, и мне даже как-то неловко представлять, каким меня видят

другие. Вот если бы я казался себе насквозь гениальным писателем, у меня был бы шанс оказаться не совсем уж полным нулем, а хотя бы таким локальным середнячком, чуть лучше авторов пропагандистско-шизофренических писулек или дамских детективов, но ведь нет такого чувства. Я дико хотел бы стать рок-звездой, авангардистом какого-нибудь нового, совершенно безумного жанра, напиваться в хлам в номерах шикарных отелей, орать со сцены до хрипоты, биться головой об инструменты, публично снюхивать кокаин с гитарного грифа, давать скандальные интервью... Но я совершенно не разбираюсь в создании музыки и не имею ни слуха, ни голоса, ни чутья на хайп. Я очень многого хотел бы достичь, если бы для достижения всего этого нужно было преодолеть всего лишь лень или ряд неудач, а не собственную природу и законы, как естественные, так и общественные. С работой то же самое – она не вызывает ненависть только в том случае, когда это не работа, а хобби. Если вы придумаете, как можно зарабатывать деньги на потреблении продуктов искусства, бесцельном шатании по городу, демагогии или самокопанию – клянусь, я буду до конца жизни отдавать вам половину прибыли. Хоть сейчас расписку напишу, хотите? И это все при том, что зарабатывать на своих увлечениях стараются многие, но получается у одного из сотен, если не из тысяч. Насколько же нужно быть наивным, чтобы считать, будто этим кем-то будешь именно ты? Почему бы тогда просто не покупать лотерейки? Вот поэтому я хочу про-

сто валяться. Ничто другое уже не приносит мне даже такого минимального удовольствия – простейшего, на физическом уровне.

– Главное – пытаться чего-то добиться. Да и не все ведь сводится к деньгам.

– Если вы сейчас скажете что-то в духе Джона Леннона, то я не могу обещать, что сумею сдержать порыв неконтролируемой агрессии. У вас там под столом что, мотивирующие картинки для идиотов спрятаны? Что нельзя купить за деньги? Здоровье? Да плевать мне на здоровье. Я вряд ли доживу до того возраста, когда проблемы со здоровьем выходят в жизни на передний план. Семья? Не знаю, должно ли мне быть стыдно за это, но семья меня не слишком-то волнует, потому что идея семьи и отношений между детьми и родителями мне кажется неприятной и даже враждебной для психики. Постоянные ссоры, взаимная неприязнь и даже ненависть, которую уравнивает только чисто животный инстинкт заботы о потомстве, собственное недобровольное рождение, неизбывное иррациональное чувство долга непонятно за что – как все это может вызывать хорошие эмоции?

– Очень странный взгляд на семью. Это ведь люди, которые всегда поддержат вас, поймут и помогут чем угодно, пожертвуют личными интересами ради ваших. И это, наверное, единственные люди, которые любят вас безусловно, просто потому что вы их ребенок.

– А это разве не условие? Не будь я их ребенком, они бы

меня не любили. И не надо про усыновленных детей, прошу вас. В мозгу родителя усыновление просто подменяет рождение – для большего психологического комфорта. Как вы думаете, почему подростки-сироты не особо пользуются спросом у усыновителей? Потому что у любого самообмана есть предел возможностей. Теперь про “всегда поймут” – да с чего вы взяли? В каких фильмах вы, взрослый человек, этого насмотрелись? Родители и дети постоянно не понимают друг друга, а первые жертвуют своими интересами ради вторых в рамках других своих интересов, менее очевидных и более глобальных. Но они ведь еще и ждут чего-то от вас, требуют чего-то. И страх, а позже – просто нежелание разочаровать родителей очень сильно влияют на людей и их жизни. Представьте такого условного человека, кто искренне ненавидит себя и мир вокруг, потерял всякую веру во что-либо хорошее, по утрам хочет умереть, а к вечеру уже готов убить себя сам, но не может этого сделать, потому что не хочет причинить чудовищную боль людям, сделавшим его жизнь смыслом жизней своих, пусть он об этом и не просил. И он терпит день за днем, никак не решаясь оставить этих странных чудаков наедине со сквозной пустотой в душе, сердце или еще чем-то таком, наедине с ужасом того, что они не смогли уберечь, понять, исправить, просто заметить или воспринять всерьез какое-то роковое искривление оси, вокруг которой они построили половину своей жизни, душа ненависть друг к другу ради того, что теперь поломано и мертво. А они об-

виняют его в бесчувственности, безразличии, черствости и еще какой-то несусветной ахинее. Разве может это хоть кому-нибудь нравиться? Непрерывно доказывать свое отношение на деле и все равно выслушивать подобные нотации. У этого условного человека вряд ли будут сплошь радужные представления о семье.

– В дружбу вы тоже не верите?

– Дружба? Я не умею дружить. Настоящих друзей у меня почти не осталось, да и эти несколько человек скоро уйдут, потому что дружба строится на взаимной выгоде, взаимном удовольствии от общения. Когда одному человеку становится совсем уж неинтересно с другим, они перестают общаться. Вот и вся дружба. Что еще там не купишь за деньги? Совесть, молодость, честь, ум, счастье, бла-бла-бла... Это все или не ценности сами по себе, или недоступно для меня в принципе, хоть с деньгами, хоть без них. Ну и, разумеется, любовь, как же без нее. Вот только девушка, которую я люблю, никогда не будет со мной, что бы я ни делал и как бы ни старался, ведь я даже не знаю, могу ли я вообще что-то с этим сделать. Я настолько слабо верю, что уже второй раз прямо говорю о своих чувствах к ней глупо и не по адресу, что, наверное, не очень-то красиво. Но какая к черту разница, как я это говорю и кому, если я все равно уже никогда не произнесу эти слова, стоя напротив, глядя ей в глаза и все такое. Ты просто знаешь, какой вариант будущего был бы правильным и счастливым, точно так же, как

знаешь, что именно этот вариант никогда не сбудется. Смог бы сраный Хатико приходить на вокзал каждое утро, если бы в своей маленькой собачьей голове понимал, что хозяин не вернется? А я ведь все-таки не собака. Я все понимаю. Но продолжаю чего-то ждать, ненавидя себя за эту глупость и надежду. Открыв свое сердце любви, вы рискуете впустить туда ненависть. Жизнь сложнее, чем пафосные слова на картинках, чем расхожие советы, чем психотерапия, чем философия, чем шаблонные ответы и методики достижения счастья. Жизнь сложнее вообще всего. А вся ирония в том, что большинство людей наотрез отказываются признавать ее бессмысленность и абсурдность, веками поддерживая собственное убеждение в благорасположенности вселенной к ним и их мелким существованиям. Пропаганда оптимизма – величайшее и самое неизбежное зло на свете.

– В вас говорит юношеский максимализм. Вы полюбите еще, и даже не раз, и с каждым новым расставанием это будет становиться все менее болезненным чувством. А потом вы, если повезет, встретите человека, с которым у вас все будет продолжаться так долго и хорошо, что со временем отношения станут почти неуязвимы.

– Так вот что такое любовь по-вашему? Это и есть “величайшее из сокровищ”? Всего лишь удачное стечение обстоятельств, терпение и привычка? Не желаю иметь с этим ничего общего. Даже гормонально-химическое объяснение – и то звучит не так мерзко, как эта приземленная чушь. Ес-

ли это и правда так, то чего стоило все, что было до? Если все, что я чувствую сейчас – ничего не значит, то как я могу быть уверен, что эти ваши “почти неуязвимые отношения” что-то значат? Вы роняете бокал на пол, и он разбивается. Вы роняете следующий – он разбивается со второго раза. И так продолжается до тех пор, пока один из бокалов не падает раз двадцать, оставаясь при этом невредимым. Но откуда вам знать, что он не разобьется на двадцать первый? Сорок первый? Все предыдущие разлетались на осколки, так почему этот не должен разлететься? Всем своим партнерам люди говорят, что любят их, и что эти чувства – особенные, и сами эти партнеры для них уникальны, а потом они расстаются, и этот бред слышит уже новый человек, и все в это верят, потому что так принято. Принято лгать, бросаясь шаблонными фразами, не отвечать за свои слова, не признавать свою ложь ложью, впоследствии – оправдывать ее надуманными причинами. Полный бред. Как вы вообще живете с такими убеждениями?

– Должен признаться – довольно счастливо живу. А вы как живете со своими нетерпимостями, слепым идеализмом и злобой?

– Несчастливым, как и большинство людей. Черт с ними с высокими чувствами – в вас так глубоко сидят инстинкты и рефлексы, что вряд ли можно переубедить. Но подумайте вот о чем: бывает так, что человек не может воплотить свою мечту, получить все, что хотел, ему не всегда везет. Так ведь?

– Допустим, так.

– Видите ли, жизнь, в которой я не смогу сделать ничего из того, что представлял и хотел воплотить – полное дерьмо, в ней нет ничего кроме скуки, быта, рутины, потерь, одиночества, разочарований, неудач, зла, пошлой банальности, деградации и идиотизма. Это не жизнь, а плен, рабство в реальности, бесконечно доказывающей тебе, что твоя свобода действий, воли и выбора – просто пшик, ложь.

– То, что не всегда все получается – это не причина полагать, будто “свободы и выбора нет”. Просто потерпев ряд неудач, люди склонны относиться ко всему пессимистично – защитный механизм скепсиса, когда изначально вероятным считают все плохое. Если воля слаба – человек еще и постепенно прекращает пытаться что-то изменить, тем самым складывая с себя груз ответственности за свою жизнь, ведь уже считает, что все предопределено, и он не в силах ни на что повлиять.

– Ну да, вместо этого ведь можно обманывать себя, благо есть из чего выбирать – от самых разных веществ, помутняющих разум, обжорства, залипания в сериалы и сна, до общения с людьми, создающего иллюзию того, что ты не один и так называемого развития, самореализации, хобби, карьеризма и прочего. Это путь оптимиста – человека, видящего выход во всем подряд – и постепенно убеждающего себя, что нашел. Если я хотя бы могу признаться – и вам, и себе – в своем бессилии и разочаровании в жизни, то вы не може-

те признать, что ваше “счастье” – иллюзия, самообман. Вам бросили кость, и вы решили, чтобы не было обидно, притвориться псом. И так и будете притворяться, пока общество, государство и ваше окружение будут бросать кости.

– Чепуха. Я всегда знал, что мне нравится: это те вещи, которые меня радуют, заставляют улыбаться, дарят приятные ощущения. Если в вашей системе координат они невысоко ценятся – что ж, дело ваше. Но я буду продолжать заниматься теми вещами, которые вы перечислили, и получать от них удовольствие.

– Но если у вас нет над этим настоящего контроля, и от вас почти ничего не зависит – в этом нет смысла, тогда вы просто безмозглый юнит в игре, делающий то, что предполагают обстоятельства. Это смешно и жалко – видеть, как люди убеждают себя, что им здорово от всего этого: отрывка искусства – поп-культура, однообразная работа, лезущая в жизнь, тупые хобби вроде катания на роликах или склеивания моделей самолетов, разговоры ни о чем, лишь бы не молчать, пьянки, на которых клоуны развлекают овощей, тусовки среди незнакомых и неприятных людей, безделье и праздность, изменение сознания всеми способами подряд в попытках развеять скуку реальности, смена партнеров – будто примерка чужих гениталий, убогие попытки творчества, обреченные на безвестность, сплетни, игры на чувствах, вера медиа и властям, интриги, потуги манипулировать другими людьми, унылые семейные праздники...

– Дело в вашем восприятии. Негативный опыт выработал у вас негативное же восприятие, и теперь даже хорошее вы видите только с негативной стороны. Однако это предубеждение, это когнитивное искажение, результат неправильно-го анализа мозгом реальности, и лишь из-за своего мрачного окраса результаты этого анализа вам кажутся верными и рациональными – ведь вы уже подсознательно ассоциируете истину с чем-то отрицательным. Остатки надежды вы принимаете за “голос сердца”, глупого и наивного ребенка, а колоссальную массу уныния и отчаяния видите “путем разума”, который должен быть “ясным”, “холодным”, сам разумный человек – сухим, саркастичным, хладнокровным. Но это лишь архетип, в который вы себя сначала загнали, а теперь срослись настолько, что сами стали стереотипом. Неужели в вас совсем нет веры в лучшее? Если не в то, что лучше будет, то хотя бы в то, что это возможно?

– Лучше скажите, кто будет в ответе за мои неудачи, если я умру, так ничего и не добившись, но положив на бесплодные попытки свою жизнь? Без фундамента в виде счастья, которого я не могу достичь, пока не воплещу свои мечты, которые я не воплещу, пока кардинально не изменюсь, чего я не сделаю, пока у меня нет веры в то, что у меня получится, во что я не поверю, пока что-то не станет хоть немного лучше. Ну да, я никогда не буду счастлив, не имея достаточной власти над своей жизнью, над каждой ее сферой, и не смогу кормить себя иллюзиями о том, что мне по-настоя-

щему нравится заниматься чем угодно, а у несчастной жизни нет ни смысла, ни ценности. Человек, которому для счастья непременно нужно что-то эдакое, высокое, волшебное – долбоеб, и у него не получится измениться, и он всю жизнь будет страдать от того, насколько мир далек от его идеалов. Романтикам не место в мире похоти, идеалистам не место в мире цинизма, слабым нет места в стае хищников. Вы живете так, как вам диктуют, приказывают, советуют, нашептывают, вводят в сознание с 25 кадром, вы живете для того, чтобы обеспечивать интересы тонкой прослойки настоящих людей, которые и превратили вас в толпу рабов. Они у вас в голове, и все ваши взгляды, самое сокровенное и личное, вся ваша система убеждений и ценностей, мнения, привычки, предпочтения, слова, мысли и чувства – всем управляют помимо вас, и сделали эту теорию заговора настолько общеизвестной и нелепой, что для многих даже думать, будто кто-то там их зомбирует – моветон. Вам плевать на политику, вы не смотрите телевизор, не читаете газет, вы живете, не знаю, искусством и общением с людьми? Плевать, все вы в одинаковой степени зомби, на вас просто влияют через другие каналы, вот и все. Вы и безвольное стадо, слепо подчиняющееся всему подряд, а затем выдумывающее для себя постфактум причины и поводы, и в то же время свора цепных псов, готовых порвать и затравить любого, кто почему-то не ведет себя так же. О, это звучит банально, избито, глупо? Для вас это так звучит лишь потому, что вам вживили в мозг это

мнение, у вас в голове создали схему, по которой такие речи вы расцениваете как бред или что-то неважное. И при этом называете меня заложником образа, зависимым от негативного восприятия. Весь наш разговор – это столкновение наборов стереотипов, когда уже сам язык для нас неодинаков. Вашу жизнь тратят за вас, откупаясь “развлечениями”, про которые я говорил раньше. Жри больше, зарывайся в шмотки, потребляй еще, суй глубже, кричи громче, пей без конца, упарывайся сильнее, набивай себя новой информацией, забывайся и дальше, ни о чем не думай, веселись, веселись, веселись, развлекайся – вот он, смысл жизни!

– А в чем ваш смысл жизни? Любой ценой не стать счастливым?

– Всего хорошего, доктор.

Вечер. На орбите безразличия

*Готов ли я к тому, чтобы шагнуть из мира своих мыслей – к настоящим людям, с их настоящими проблемами и жизнями? Вот что гнетет меня, подолгу не давая уснуть ночами.
Страница, вырванная из неопознанного дневника*

Летняя ночь несла с собой прохладу, которой так не хватало днем. Человек на балконе еще чувствовал себя вполне комфортно, наслаждаясь свежим ночным воздухом и легкими дуновениями ветра, порой пытающегося похитить несколько верхних документов из стопки бумаг, лежащей на столе, но та была придавлена телефоном. Человек вышел на несколько минут за кофе в коридор офиса, и по возвращении на балкон с новыми силами приступил к чтению очередной расшифровки, уже десятой по счету.

“Мир фантазий искажен. Особенно эти места. Тяжело оказаться правым в чем-то плохом, тяжело оказаться неправым в чем-то важном, основополагающем. Вроде как если бы ты, будучи в другой стране, пришел в магазин сувениров, чтобы купить что-нибудь эдакое маме с папой, а потом вдруг вспомнил, что у тебя нет родителей. Или пример получше: ты – медиевалист, годами изучаешь биографию Ричарда III, ищешь захоронения, документальные подтверждения, споришь с людьми, выстраиваешь картины и истории, а потом к

тебе приходит автор книги “Львиное сердце” и говорит, что нету никакого Ричарда, что это он его выдумал. Когда то, во что ты веришь, самое важное в твоей жизни, оказывается обманом – точнее, просто не тем, что ты в этом видел, получается, что это ты занимался самообманом, и выстроил свою жизнь вокруг иллюзий, и поэтому она начинает рушиться.

Знаешь, что я думаю о человеке? Что у человека должна быть суть, стержень, что-то, что не меняется. Он может жить как, где, с кем и сколько угодно, у него может измениться в жизни все, он сам может радикально измениться, но суть должна оставаться неизменной, она должна быть осью, на которую наслаивается все остальное. Не будет ее – не будет на что цеплять характер, привычки, занятия, вкусы и тому подобное. Тело и паспортные данные – это не суть, их тоже можно изменить. Если не будет главного – этой оси неизменных черт – то нельзя будет сказать, что перед тобой конкретный человек, который был в этом теле год назад. Им может быть любой, это человек без собственного “я”. Когда ты просто живешь, как живется, наслаждаясь мимолетными удовольствиями, это не так уж и важно, есть у тебя суть или нет.

Истинный, абсолютный гедонист – счастливый потребитель плотской радости, ему для счастья нужно совсем мало, но при этом он не сможет по достоинству оценить интересную концепцию фильма, вдохновиться серией апокалиптических полотен, не сможет сам создать ни единого стояще-

го элемента искусства, не сможет испытать по-настоящему сильных чувств и переживаний, не сумеет вообразить что-то, чего никогда не видел. Это не хорошо и не плохо – просто одни люди получают максимальный кайф от простых вещей, другим простого не хватает, и они стремятся к чему-то “высокому” или “великому”, третьи находятся где-то посередине. Наверное, удобнее быть посередине – баланс, гармония и все такое. Или нет?

Находя во всем баланс, не впадая ни в какие крайности, ты не можешь узнать, каково оно – на одном из полюсов, у тебя нет бонусов от нахождения в пиковом состоянии. Тут как в ролевках: если при создании персонажа все характеристики сделать одинаковыми, и качать их тоже равномерно, в итоге не достигнешь мастерства ни в чем. Даже когда крайности деструктивны, от них есть польза – ты узнаешь то, что недоступно другим. Ты любишь, как не любил никто, и это открывает перед тобой разные двери, которые тем, кто не испытывал таких сильных чувств, никогда не откроются, ты через это видишь мир под углом, под которым никто больше не посмотрит, у тебя рождаются идеи, мысли, эмоции – уникальные, ведь они открываются только на пике. Ты озлоблен, как никто – и это дает тебе новые возможности, поднимает все твои характеристики, меняет сам образ мышления. Ты одинок, как никто, и это учит тебя искать пищу для ума в чем угодно, учит быть с собой, учит анализировать, это освобождает тебя от ответственности, слабости, зависимости. Ну

и так далее. Люди, во всем ищущие золотую середину, постепенно лишают себя всего яркого и сильного, оставляя в своей жизни лишь умеренность, стабильность, рутину – это меня пугает, ведь это и есть самая грустная концовка любой истории, даже хуже, чем “все умерли”.

Возвращаясь к сути человека... Когда ты на отрезке “тяга к простому/сложному” находишься справа, там, где хочется всего особенного, высокого – тебе суть просто необходима. Ведь в душевных метаниях ты потеряешься, сойдешь с ума без нее – все твое “я” разлетится во все стороны, если не будет закреплено на оси из чего-то фундаментального и неизменного, что ты с собой и ассоциируешь. Сутью человека может быть что угодно – от мечты, черт характера, ценностей и идеалов до вкусов, отношений с кем-то, внешнего образа или занятия. Вообще что угодно. У меня сутью было несколько вещей: набор этических, политических, социокультурных и правовых взглядов, несколько неубиваемых предпочтений в искусстве и в быту, включая еду, одежду и привычки; естественно, темперамент, еще – наивная и абстрактная мечта о том, чтобы изменить мир к лучшему, и одно чувство, сравнительно новое в этом наборе. Эти элементы и были осью, поддерживающей все остальное, что составляло меня как человека. Да, с последним я совершил ошибку. Кое-кто сказал мне, что это прекрасно – что-то такое возвышенное и сильное, но на самом деле это чудовищно – ведь прекрасное чувство, не нашедшее выход, не реализовавшее себя, мути-

рует, испортит человека и принесет много плохого. Реализовать его как-то иначе? Это не энергия, которую можно преобразовать и направить на различные нужды человека; если выбрать не тот способ реализации – не будет никакого эффекта. Как реализовать искрящийся электричеством штекер, выпавший из гнезда на панели приборов? Вставить его обратно в гнездо, вновь запитав приборы током. Можно его кинуть в человека, опустить в бассейн, поджечь газ в конфорке, поднять им волосы дыбом – много чего, но это такие себе варианты. Так что запертое внутри чувство, которому не дают выхода – это болезнь, и болезнь опасная, и ее нужно лечить. Как именно ее лечить – личное дело каждого, я знаю, что никто никому ничего не должен, в том числе не должен помогать разбираться в личных проблемах, это взрослый и адекватный взгляд на вещи, и я это принимаю.

Когда-то мне хотелось сказать очень многое, и чем больше я распинаялся, тем больше мне приходило на ум. Но почти всегда слова, что я говорил – другим людям, коллегам по биологическому виду, близким и не очень, лично и публично – встречали лишь пустоту, были поняты неправильно, не услышаны, проигнорированы. Мне оставалось понять, что миром правит, в первую очередь, безразличие и притворство. Если слова не дают никакого эффекта, значит, пора учиться молчать.

Я думаю, что в целом почти все мы, изначально, неплохие люди. На всех нас что-то повлияло, сделало теми, кто мы

есть. И все наши беды не в том, что мы жестоки или злы, а в том, что мы слишком равнодушны. Даже не друг к другу, а к самим себе. Мы не только не хотим понимать других, но и почему-то не стремимся к тому, чтобы поняли нас. Мир, который построило человечество, унаследовали те, кто живет сейчас, и они его немного изменяют и передадут дальше, следующим поколениям. Наши предки не хотели нести ответственность за будущее, как не хотим и мы сейчас думать о том, как будут жить наши потомки. Ведь какая разница, если мы умрем прежде, чем наши действия принесут плоды? Быть может, их не застанут даже ближайšie поколения. Ничего странного в том, что у нас нет видовой коллективной ответственности, нет солидарности в обществе. Оно слишком инертно, чтобы мы могли оценить последствия своих действий. И нет никаких предпосылок к тому, что такая ответственность появится, разве что будет изобретена технология клонирования, или бессмертие – биологическое или информационное. Стоит ли мне из-за этого переживать, стоит ли чувствовать вину за то, что я такой же – смирившийся, эгоистичный, равнодушный фаталист? Чужая боль – не моя боль, моя боль – не чужая боль.

Однажды я предал чувство, в которое искренне верил, о котором говорил, что оно будет со мной до конца. Я ошибся, как ошибаются в этом все и всегда, и спустя некоторое время равнодушно перешагнул через обещание, которое дал самому себе. Кто-то мог бы в таком случае сказать, что он стал

реалистом, или повзрослел, или снял розовые очки, или еще что-то в этом духе. Но, как по мне, я таким образом предал самого себя, и, что еще хуже, сумел себе это простить, оправдав тем, что все меняется. И это лицемерное оправдание, и незаслуженное прощение – еще большее предательство.

Сегодня ты отбросил память о том, что когда-то любил, а завтра ты положишь хер на свою мечту изменить мир, потому что она такая же наивная и глупая, как и твоя уверенность в том, что любовь не проходит. Соглашаясь молчать, отказываясь понимать других, отбрасывая идеализм и останавливаясь, встретив равнодушие, я осознанно делаю первый шаг прочь от своей мечты. Я говорю себе: ничто не имеет значения, ни для чего нет какой-то определенной причины, никто никому ничего не должен. Полный безразличия взгляд скользнет по тому, мимо чего я бы раньше не смог пройти спокойно, и я просто двинусь дальше – черт знает куда, в направлении гедонизма и забвения, искать место, состояние или занятие, в котором спрячусь от реальности, полной разочарований. Я сотворю себе бога из интернета, бухла, игр, вещей, очередной выдуманной вселенной, хобби или подобия творчества, котов, патриотизма или коллекционирования огнестрельного оружия, вариантов миллионы. И никто не скажет, что я неправ, потому что это и есть наша всеобщая идеология – марафонский забег от реального мира в пустоту, под знаменами оптимизма и потребления, прочь от боли, прочь от искренности, прочь от ответственности за

самих себя. И у каждого, кто вот так будет критиковать эту идеологию, спросят: а разве ты сам не такой же, лицемер? Может и такой же. А даже если нет – тебя в этом убедят, а даже если не убедят – спросят, чего же ты достиг в своей контркультурной житухе? Может и ничего. А даже если чего и достиг – тебя убедят, что нет, это ничего не значит, а даже если не убедят – просто исключат из поля внимания. Если весь мир – тюрьма, то не проще ли принять, что это нормально, и начать оскорбляться, когда тебя называют зеком?

И однажды любой, кто сопротивлялся, поймет, что может выиграть несколько маленьких битв, но не выиграет войну. Войну, которую мы не хотим даже видеть. Как бороться с тем, чего не существует? Ты все выдумываешь, чепуху какую-то несешь, какие-то войны, марафоны, плохой мир. Ты нездоров, ты болен, ты дурак. Нас не спасти. Сгори вместе с нами. Твоя любовь умерла, твоя мечта умерла, твое детство закончилось, твои взгляды и предпочтения изменились, деградировали, ты сдался и предал себя, ты не герой и не гений, ты просто человек. Сгори вместе с нами и исчезни в пустоте. Больше нет никакой оси, которая бы скрепляла твою личность, у тебя больше нет сути, ты покинул крайности и занял место среди таких же никаких, в серой середине обыкновенности. Сгори вместе с нами, исчезни в пустоте, растворишься в бесконечном забвении. Ты развеешься, как дым, и никто в этом мире не вспомнит, что ты жил”.

Ночь. Вещи сломанные, вещи утраченные

Предназначение идеи бога и вообще религии – не только в том, чтобы давать людям надежду на осмысленность их жизни и попадание в рай после смерти, не только в том, чтобы контролировать массы, ограничивая их моралью в виде заповедей, наставлений и запретов, но еще и в создании самоочевидного, даже не требующего осознания и артикуляции предположения, что есть некая первопричина для всего, есть некий сюжет, цель, что мир – не просто хаотичное и далекое от самого понятия осмысленности место.

Изначальный Змей – первому паломнику за долгие тысячи лет

Уже смеркалось, а дорога все не кончалась и не кончалась, продолжая вести человека вперед. Он шел неторопливо, поглядывая из стороны в сторону и не переставая хмуриться чему-то, что грызло его изнутри.

Он был одет в красную рубашку в клетку и рваные джинсы, а его поношенные ботинки были серыми от дорожной пыли.

Человека звали Артур, он нигде не работал, нигде постоянно не жил, ничем не увлекался, и никто его не знал. Это

– все, что можно было сказать о нем наверняка. Ему могло быть как двадцать, так и пятьдесят, в карманах рубашки под треугольными клапанами хранил почти полную (всегда – что было сложно объяснить) пачку сигарет, пузырек снотворного и небольшой блокнот с совсем небольшой ручкой, неплохо понимал в постмодернистских направлениях драматургии и периодически напивался в безлюдных по вечерам в будние дни барах до состояния категорического отказа тормозной системы, и тогда находил благодарного слушателя (что в итоге удавалось всегда, хотя и не всегда с первой попытки), которому с долей самоиронии рассказывал свои бредовые теории о тройственной сущности человека, жизни как череде миров-в-воображении демиургов – по принципу зацикленной матрешки, где внутри последней, самой маленькой, оказывается самая большая, и так дальше по кругу; способах межвселенского взаимодействия и становлении хозяином своей судьбы, и прочая, прочая, прочая. Правда, как он в итоге признавался, все его попытки повлиять на свою реальность косвенно, пока что если и удавались, то лишь по принципу испорченного телефона, и в удручающе малом масштабном соотношении с задуманным. Заканчивались монологи обычно тем, что Артур бормотал о какой-то мести богам, после чего отрубался и находился в отрубе либо до закрытия заведения, либо до утра.

В конце концов дорога привела его в место, показавшееся ему смутно знакомым. Это был въезд в большой город,

и, чем дальше Артур шел, тем больше узнавал местность вокруг, пока не вспомнил, что это тот самый город, где он родился и вырос, в котором неопределенное время назад потерялся и странным образом оказался совсем в другом месте, чтобы с тех пор больше сюда не возвращаться, как бы он ни старался отыскать путь домой. Он на минуту остановился и с любопытством прислушался к себе, ожидая каких-то приятных ностальгических ощущений. Но внутри все было совершенно так же, как и раньше, и ни малейшего блеска не возникло в пустых глазах, и ни одна морщина не разгладилась на бесстрастном лице. Все его прошлое было здесь, рядом – но одновременно так ужасно далеко – застывшее, мертвое и неизменное, под замком времени. Неужели все, что осталось от этих лет – воспоминания в голове, смутные и искаженные, неужели нет больше никаких других следов его жизни? Разве все вокруг – не след всего, что было до? Но если так оно и было, никаких эмоций это у него все равно не вызывало.

На секунду Артуру показалось, что заходить в тупик даже посреди чистого поля – его судьба, а потом он подумал, что это касается всех людей. Но даже чувство единения не сделало его лицо ни на йоту радостнее. Он в полусне проехал через весь город, уже даже не пытаясь вызвать в себе что-то эдакое, и очнулся только тогда, когда оказался на пороге дома, в котором когда-то снимал квартиру, практически сбжав от семьи и человеческого общества в целом.

Со все тем же равнодушием Артур поднялся на седьмой

этаж, позвонил в свою дверь и, не дожидаясь себя, быстро ушел.

Перед глазами все плыло, и уже казались странные вещи, чудные люди и места, которых не должно было существовать здесь, и они были наверняка лишь фантомами увиденного во снах, но Артур продолжал перемещаться в этом растекающемся пространстве, пока не очутился рядом с еще одним своим домом – теперь уже именно своим, доставшемся ему в наследство в двадцать три. На этот раз избежать встречи с собой не удалось – молодой Артур как раз направлялся к подъезду. Его старший вариант попытался спрятаться за фургоном, но обнаружил, что тело потеряло материальность, став прозрачным и бесплотным.

Уже не опасаясь быть увиденным, он последовал за собой в собственную квартиру, проигнорировав закрытую дверь. Молодой Артур сбросил куртку и сидел в кресле посреди прихожей, закурив и откинувшись на спинку. Судя по пачке приличных сигарет и пакетам, набитым едой разной степени вредности, сегодня он как раз получил зарплату – в то время Артур уже работал, но еще не ненавидел работу и не сбегал от ее жуткой реальности в обреченные отношения, зависимости от различных веществ, любительский малопопулярный спорт и творчество низкого пошиба.

Докурив сигарету до фильтра, он потушил ее и, засунув в зубы еще одну, захватил пакеты с едой и пошел на кухню. Разогрев себе в микроволновке две небольшие пиццы,

он достал из холодильника бутылку пива и сел за стол. Пока молодой Артур жевал и пялился в экран ноутбука, Артур постарше пытался разглядеть в его лице что-то, что могло бы объяснить нынешнее положение вещей. Но его лицо ничего не выражало, и, добив пиццы и серию какого-то шоу, Артур прислонился спиной к холодильнику и пустым взглядом уставился в стену напротив.

Артур-призрак слегка разочарованно отметил про себя, что это зрелище напоминает крутую и реалистичную игрушку, у которой просто-напросто кончился завод. Этот человек был на пике своей жизни: у него были деньги, возможности, свобода и время, чтобы все это использовать, но уже (или пока) не было никаких желаний. Даже тогда в нем, оказывается, была заметна со стороны эта страшная черта – омертвление из-за расставания с зависимостью от чего-то, которую со временем он довел до такой степени, что, соскочив в одно время (как раз перед наблюдаемым моментом) со стимов, потерял несколько месяцев жизни – просто отключил сознание и жил на автомате, настолько болезненным для него оказалось соприкосновение с миром без посредничества веществ. Этот Артур просто принял душ, выпил еще бутылку пива и лег спать. У него все было нормально, ничто его не тревожило, ничего не болело внутри – потому что там было пусто, выжжено. Он был точно таким же мертвецом, что и его невидимый гость, который уже уходил прочь, так и не найдя здесь ни намека на надежду. Артур так давно пытался найти

вход в нужный цикл, что перепробовал множество способов: осознанные сновидения, сильные эмоции, хроноямы, и почти все из этого не сработало так, как должно было. Казалось бы – всего лишь повторить то, что уже произошло, только наблюдая с другой точки. Время должно само все сделать. Однако оказалось, что кто-то словно пытался изменить ход событий на одном уровне выше или ниже Артура, задевая и его цикл, и обнаружить этого нарушителя было нереально – да и не было уверенности, что это будет безопасно. Одной из последних зацепок в плане Артура был его бывший, так сказать, подопечный и протеже, который из-за своей глупости выпал из поля влияния, оказавшись наглухо запертым в одном далеком месте, когда-то знакомом Артуру.

Сейчас же ему оставалось только одно – еще один последний визит к кому-то, кто просто должен заставить его почувствовать хоть что-нибудь человеческое. Или хотя бы тоску по этим самым человеческим чувствам.

По приближении к заветному адресу Артур вновь превратился в человека из плоти и крови, так что приходилось лишь надеяться, что ему откроют. Пройдя по дорожке вдоль дома, он взглянул в окно на предпоследнем этаже – там горел свет. Что ж, не так уж все и плохо.

По мере того, как Артур поднимался, что-то действительно стало оживать в нем, а мертвые образы в памяти обретали цвет и приходили в движение, и, добравшись до знакомой двери, ведущей в общий коридор, он почти плакал от нахлы-

нувших вдруг чувств.

Позвонив в звонок, он замер и даже перестал дышать, боясь выдать свое волнение какой-то эфемерной надвселенской сущности, о которой он, впрочем, уже точно знал, что ее нет. Голова шла кругом, а перед глазами плясали звезды, и все внутри трепетало.

Дверь открыл мужик лет тридцати пяти. Уставился на Артура и спросил, к кому он. Тот назвал имя, но что-то внутри уже начало рушиться, словно какая-то его часть все поняла. Мужик поднял брови и сказал, что такая тут не живет. Артур перевел взгляд на стену и подумал, что звонка раньше не было. А дверь за спиной его собеседника была не слишком похожа на ту, что он помнил. В легком шоке он зажмурился и спросил:

– Как думаете, что произойдет со мной через пять секунд?

И, не дожидаясь ответа, расхохотался, одновременно с этим разразившись, наконец, слезами. А потом исчез, вернувшись в другую реальность – далекую, чужую и враждебную.

Утро. Ваннаби

Хочешь сказать, что свобода от долга и обязанностей – это благо, настоящая свобода? Не становишься ли ты собственным рабом, обреченным вечно искать неволю, которой не существует, пока ты не решишь ее помыслить? Как ты можешь не отдавать себе отчет в том, что природа такой свободы – лишь плод твоего ума?
Савва Гомул – своему ученику

– Добрый день, Игорь.

– Привет.

– Начнем с, наверное, весьма банального вопроса: всегда ли вы знали, что станете музыкантом?

– На самом деле, для меня давно было очевидно, чем приблизительно я буду заниматься. Это еще в детстве пришло – или делать только то, что мне нравится, или вообще ничего не делать, просто лечь на пол и помереть. Конечно, в то время я об этом думал не совсем так, но уже тогда выворачивало от любой работы, вообще любого неприятного занятия. Если человек делает что-то помимо своей воли – он дурак, и пусть не говорит, что у него нет выбора. Выбор есть всегда, в том или ином смысле.

– Вам не кажется это несколько высокомерным? Отвращение к работе вкупе с возможностью не работать и осуж-

дением людей, не имеющих возможности заниматься своим хобби?

– “Хобби” – нелепое слово. Им называют то, к чему человек стремится всей душой, что он желает делать просто так, для себя. Суть, страсть – эти слова куда лучше подходят. А высокомерным мое отношение мне не кажется. Я ведь искренен, а искренность не бывает плохой. К чему лицемерить и ради обывательского уважения вымучивать из себя слова любви к труду, если труд в его современной форме – это противоестественно? Большинство работающих людей их работа угнетает не своей сложностью, ответственностью и так далее, а только тем, что она бесконечна. За последние два столетия человечество настолько извернулось, чтобы создать рай на земле, что в нем что-то переломалось, и оно теперь само стало заложником этого рукотворного Эдема, и теперь человек треть своей жизни проводит в муках невыносимо чуждого ему занятия, чтобы еще треть судорожно пытаться почувствовать жизнь за пределами клетки своей рутины. Еще одну треть он спит, уставший от этого бега в колесе, эскалации ради эскалации. Всем, кто говорит, что мои тексты нездоровы, безумны, депрессивны и так далее, я предлагаю взглянуть на их жизнь и ужаснуться. Где еще вы найдете больше безумия и меньше здоровья?

– Но разве это был их выбор? Да, со стороны мир может казаться ненормальным, но человек ведь ко всему привыкает, так зачем обличать жизнь, если изменить ничего нельзя?

– Ну как это нельзя? Если твое существование тебя не устраивает, у тебя всегда остается один последний выбор. Я ни к чему не призываю, кроме как к тому, чтобы помнить о наличии такого выбора и стараться сделать все, чтобы к нему не пришлось прибегнуть. Но если уж загнали в угол – не бойся и уходи на своих условиях. Пока твой разум и тело тебе подчиняются, ты волен не быть рабом обстоятельств.

– Как у вас получается сочетать столь радикальные и нигилистические взгляды с жизнью обывателя? Вы наверняка знаете, что многих ваших слушателей задевает и разочаровывает подобный контраст между Гробовым-музыкантом и Гробовым-человеком.

– Конечно разочаровывает. Не имеет значения, где я нахожусь и что делаю – они всегда ожидают увидеть траурного фрика, босого, в кожаном пальто до пяток и со всклокоченными патлами над размалеванной рожей. Они думают, что я ем крыс на завтрак, обедаю водкой, а на ужин у меня – шприц с метадонем, что я не сплю и не чувствую боли, живу на улице в мусорных баках или в лесу, там же – пишу философские трактаты при свете витых черных свечей, что половину времени я под кайфом, а другую половину – в сомнамбулическом состоянии. Ну как же, какой еще человек может писать такие песни? Он просто не имеет права жить иначе, быть кем-то кроме маньяка, юродивого или психопата! Конечно, далеко не все такие. Это не самая большая часть аудитории, но, так уж получилось, самая активная. Они еще

слишком молоды или наивны, чтобы воспринимать что-то помимо открытого и простого, как пьяный панк, бунта. Для них тексты – это что-то вроде клево́й шизофазии, а я – уматный псих, слушать которого – круто. Другая часть публики настроена куда более открыто – с ними можно говорить, они могут воспринимать там что-то и оставлять для себя. Любой нормальный человек понимает, что артист на сцене и в жизни – далеко не всегда одно и то же, если это не поп-певичка, дворовой рэпер или залитый говнарь. Все просто – для меня, например, физически невозможно жить постоянно в том состоянии, в котором я пишу тексты и записываю песни на студии. Шаманы не всегда могут говорить с духами, йоги не проводят всю жизнь в медитации, маньяки лишь иногда чувствуют багровый прилив. Если попытаться жить на грани буквально каждую минуту – сгоришь за пару месяцев. Любой сгорит. И нет тут никаких “переломаться, выйти на другой уровень”. На другие уровни выходят не в состоянии нагнетаемого безумия, когда в голове – гекатомбы и ядерные взрывы, и сосуды лопаются – как пулеметы трещат, а через долгие размышления, переживания. Ну или после резкого удара, когда тебя выворачивает наизнанку просто за секунду. Но если выворачиваться долго и мучительно – всего лишь поедешь крышей, и тогда уже будешь писать действительно самую настоящую шизофазию. Впрочем, отмороженные фанаты никаких перемен и не заметят, наверное.

– Вы недавно были с туром в США и некоторых европей-

ских странах. Остро ли вы ощущаете разницу между уровнем жизни там и уровнем жизни здесь? Не хотели бы вы эмигрировать куда-то, где, возможно, для творчества созданы лучшие условия, чем у нас?

– Тут немного запутанный ответ. Вообще – у нас нет никаких условий, никакой жизни, одно только оголенное выживание, пляска на углях под светом оскаленной ненависти, каждый день – как на бой, как в последнюю атаку. Случиться может вообще что угодно, и ни один закон ничего не будет значить, если так будет выгодно сильным мира сего. Какая тут может быть надежда на завтра, если этого завтра вообще может не случиться? Тоже своего рода постоянный стресс, тоже в каком-то смысле жизнь на грани. Но это только на первый взгляд – местные реалии. В определенный момент жизни обязательно приходит мысль, что все эти бандиты, гопники, компрадорская власть, неустроенность, коррупция, жестокость, злоба – это есть везде; где-то – больше, чем в других местах, но все это все равно чепуха по сравнению с тем, что ты носишь в себе сам. От себя никуда не деться, страх собственных мыслей найдет человека где угодно, найдет, схватит и задушит, и человек сам себя доведет до такого состояния, что черт перекрестится. И твои бывшие проблемы с властями, бюрократия, плохие условия жизни, ложь, пропаганда, оппортунизм окружающих – как воспоминания умирающего пророка новой мировой религии о юношеских неудачах с девушками. Он, возможно, так и добился

ни одной в своей жизни, но перед ним встало нечто настолько большее, что... Да о чем тут говорить вообще!

– Неоднократно в песнях вашей группы так или иначе фигурировала тема суицида. В некоторых он преподносится как универсальный ответ на любой вопрос о смысле жизни; в других – как ужасный финал для сломавшихся людей; в третьих – как что-то наподобие акта причащения, особого ритуала; в четвертых – как веселый праздник для всех и каждого. Вы чувствуете ответственность?

– За что? За чужие жизни? Не знаю, как вы это воспримете, но если человек настолько глуп и податлив, что покончил с собой только лишь оттого, что об этом спел какой-то чувак, то, возможно, оно так даже лучше. Лишить себя жизни или нет – самый серьезный и важный выбор, что может стоять перед тобой. Не нужно сакрализировать жизнь, уверяя, что она ценна сама по себе; как не нужно и резать вены из-за каких-то мелких неурядиц. Меня смешат самоубийцы, которых уволили с работы, бросила девушка, прилюдно унизили и тому подобное. Суицид – это чудовищный адский молот, которым ты можешь заехать по абсолютно любой безумной ситуации в жизни, сводя игру к ничьей. А ты этой трехметровой кувалдой по гвоздю ударил. Стоило оно того? Еще, конечно, достойно уважения самоубийство такое, которое просто потому, что “а почему бы и нет, ведь в этом нет ничего чуждого человеку”. Когда ты идешь по тропе над пропастью и не боишься упасть – все, смерти для тебя больше не су-

существует, она ничего не значит. Ты поборол в себе человека с сознанием и инстинктами и стал чем-то намного большим. Теперь можно шагнуть в сторону, раз это все равно уже ничего не значит для тебя. Но иногда у меня все же мелькают мысли о том, что именно суицид – самое яркое подтверждение ошибочности человеческого существа. Я представляю забившееся в угол своей огромной драгоценной норы бессмысленное животное, которое наелось стирального порошка и теперь вот лежит на полу все такое скрюченное и изломанное. Что же не так с существом, решения которого настолько противоречат его природной сути? Это очень страшно на самом деле.

– Как вы вообще относитесь к распространенному мнению о том, что в ваших текстах одна только чернуха, депрессия и ненависть?

– Решительно не согласен с таким мнением. Вот прямо сейчас искренне уверяю, что песни пишу только о хорошем – о любви, свете и радости. То есть о том, каково – когда всего этого нет, или когда оно в тебе рождается, но затем умирает, и ты сам умираешь без этого добра, пожирая себя изнутри, один на один с этой гнилью и ненавистью к себе, за то, что ты не такой, каким должен быть. Вот так вот.

Вечер. И Иуда пьет

*Идем спокойно, ибо мир – простец,
И ложью лиц прикроем ложь сердец.
Уильям Шекспир, “Макбет”*

Чем бы для меня ни был выбор согласиться на это – необходимостью, сиюминутным порывом, риском на грани поиска смерти, безразличием и ленью оспорить то, что мне было предложено, сомнительной с этической точки зрения директивой руководства – это в любом случае совершенно нерелевантно для текущей ситуации, так или иначе что-то было причиной, вызвавшей следствие, которое в свою очередь станет для чего-то причиной – если я надолго, вплоть до нескольких минут, что в моем состоянии уже довольно долго, поскольку открывает невероятный временной простор для раскладывания мыслей внутри головы, задумываюсь об этой уходящей в обе стороны от меня в условную бесконечность причинно-следственности, на самом отдаленном краю сознания, где располагается малочисленная группа странных и замедленных нейронов, подобных нескольким оставшимся жителям заброшенной деревушки, между которыми из-за ограниченности социального круга и оторванности от мира возникли причудливые и местами пугающие отношения, вот именно в таком месте на считанные мгновения

появляется – скорее даже проносится мимо, лишь слегка задев сенсоры восприятия – необъяснимое чувство тотального дежавю, как порой бывает при легком психозе от некоторых веществ, или при слишком частом нахождении в одной и той же нейромодели, мысль о чем доставляла дискомфорт из-за понимания, как же долго мы уже работаем над этим проектом, но я не боялся думать о том (и не избегал подобных мыслей нарочно по другим причинам), что некоторые нынешние симптомы могут быть вызваны именно употреблением, мне было просто лень размышлять на эту тему, ведь она изначально казалась не имеющей значения для текущего момента, и вероятность того, что анализ конкретно этой причинно-следственной связи принесет какие-либо позитивные или ценные выводы, была весьма низкой, однако от точной оценки степени вероятности я тоже воздерживался, потому что интуитивно ощущал, что данная оценка не будет стоить потраченной на нее энергии, ведь наверняка окажется близкой к интуитивно предполагаемой; и лишь только беглый подсчет сил, которые необходимо затратить для подобной оценки, был сколько-нибудь интересен в связи с этим контекстом, или, скорее, системой, а точнее – с суммой элементов мышления, связанных с упомянутой темой. Желание вспомнить слово, наиболее полно описывающее все связанные элементы чего-либо, было чуть слабее среднего, и не спешило навязываться, лишь слегка щекотало лобную долю, и не составляло труда его отогнать. Определенно, в дан-

ный момент я был под воздействием чего-то, чьи эффекты были достаточно новыми и выделяющимися, чтобы я их вообще заметил, но относительная лабильность позволяла сделать вывод, что вещество не было в высокой степени психоактивным. Однако дежавю, хоть и длилось совсем недолго, впечатляло своей всеохватностью.

Вот, начало. Моргнуть – постараться моргнуть так, как раньше не моргал, провалено. Веки все еще расходятся, но я уже понимаю, что так уже было, резкий порыв придумать уникальную комбинацию букв, вероятность существования которой до моего решения стыдно было назвать даже статистической погрешностью, провалено. Стойкое ощущение, что мысли идут более-менее одним путем, и я, несомненно, уже так делал. Тысячи раз. Если взять все наборы букв за все разы, что я так, как мне кажется (впрочем, скорее ближе к “почти уверен, что”), делал, и сложить их в идеально ровную стопку, ее высота составит никак не меньше пятиэтажного дома, и если, находясь над этой стопкой, метко сплюнуть ровно вниз, в любое пустое место между буквами в этой комбинации букв, и принять, что на слюну не воздействуют никакие другие силы помимо силы притяжения, а ее диаметр меньше пустого межбуквенного пространства в самом верхнем (плоском в таком представлении) слое, то плевков долетит до земли, не задев внутренние стенки пятиэтажной стопки, настолько эти комбинации (наверняка) были одинаковы, эти пять этажей единообразия. Веки раскрылись уже до сере-

дины, полностью обнажив круг зрачка. Накинулось визуальное восприятие: свет отражался от предметов и бомбардировал глаза информацией, каждая малейшая деталь которой была, несомненно, уже некогда воспринятой, и теперь намеренно искажалась. Каждая точка каждого предмета имела несколько радиусов кривизны, неподвижные предметы отдалялись или приближались, угол зрения смещался на 90 градусов. Все бесполезно, ощущение очередного повторения не уходило. Со стороны потолка – тонкого настила, служащего полом для, если я правильно понял, чердака, донеслись первые звуковые волны сухого и отчетливого, резкого стука первого шага из серии в, скорее всего, четыре-шесть шагов; предполагаю, что пауза между вторым-третьим или третьим-четвертым шагами будет чуть дольше. Почему? Замедление скорости шага? В такой короткой серии вероятнее необходимость чуть удлинить шаг в связи с переступанием через что-либо, что мешает поставить ногу ближе. Пока начинающее раздражать своей нелогичностью и обезоруживающей уверенностью дежавю укреплялось, веки почти полностью разомкнулись, стоп-кадр был в стиле “человек, еще не совсем проснувшийся, но уже съевший завтрак и сделавший зарядку, и теперь готовящийся принять холодный душ, ведь он хочет верить, что стрессовые воздействия на организм по утрам помогают ему быстрее просыпаться, нужда в чем обусловлена страданиями, связанными с трудностью пробуждения, и уже начинающими влиять на психику”. Пра-

вый глаз заканчивал маневр слегка быстрее, и мелькнуло желание проанализировать причины, вспомнить, не начал ли он моргание тоже раньше, что в свою очередь тоже вызовет вопросы, однако дальнейшее исследование второй трети стука первого шага (не третьей из-за довольно высокого потолка и низкой температуры в комнате, где я находился – по ощущениям, не выше шестнадцати градусов по Цельсию) полностью вытеснило это желание. Судя по новой информации, длина препятствия составит от сорока до сорока пяти сантиметров, и отклонение от траектории вправо составит не более восемнадцати градусов. Мы имеем предполагаемые высоту, ширину и несколько параметров кривизны препятствия, и в голову приходит двадцать два возможных варианта того, чем является препятствие, а также – чем вызвана нервозность шагающего и какова цель его передвижения. Моргание завершено. Прогоняя через ситуацию каждый из двадцати двух вариантов, я не могу избавиться от уверенности, что мне уже до чертиков надоело это делать, будто действие не то чтобы не было уникальным сейчас, но проживание этого момента как бы очень растянулось и закольцевалось, что и вызывало синдром ложной памяти. Прежде, чем очередной приступ (инцидент, случай проявления, раз) закончился, я успел услышать второй шаг и сократить количество вариантов до семи.

Это правда, что изменение (в сторону усложнения) текстуры катализатора без изменения его размера положитель-

но влияет на скорость протекания реакции за счет увеличения активной площади соприкосновения? Определенно, да. Судя по содержанию в гараже, что через стену от этой комнаты, угарного газа, и по скорости наполнения им гаража, в конвертере автомобиля используется катализатор с недостаточно пористой поверхностью, и было бы наивно полагать, что те женские ноги, что наверху как раз собираются сделать третий шаг в серии из четырех, переступая неподвижное тело, ездят на одном из подходящих под примерные параметры катализатора автомобиле. Остается четыре варианта. В ожидании четвертого шага и окончательного угла постановки ступни и переноса веса, либо каких-нибудь других подсказок, можно задуматься о моем любопытном положении, его плюсах и минусах.

Альфа полагает, будто сейчас мы договоримся об оплате за сведения о местонахождении Ворона, но – если она не совсем идиотка – имеет в виду, что я могу быть двойным агентом, и попытаюсь под видом выдачи Ворона больше узнать о том, насколько группа Альфы продвинулась в поисках фрагментов, поэтому мне необходимо прямо заявить ей, что это и есть мое настоящее задание, и я готов передать наверх дезинформацию о ее группе, и когда штаб сделает ход исходя из этой дезинформации и просчитается, еще этого не зная, Альфа поверит в истинность моих намерений по уничтожению агентства, что даст мне полноценный доступ к ее исследованию, и при этом позволит мне не скомпрометировать себя,

когда Альфа сама мне предложит вернуться в штаб и выдать руководству уже реальную стратегическую информацию, которую она готова разменять на то, чтобы получить доступ к долгоиграющим планам касательно ее группы, о которых я не знал до этого, что и необходимо от меня штабу, планирующему под видом этих самых планов на перспективу скормить Альфе и ее отряду такую дезу, что вскоре исследовать можно будет только их прах и легкий дымок над ним.

А вот и четвертый шаг – ничего особенного, похоже, что она склонилась над телом и рассматривает что-то, выпавшее из кармана. Легкий звон цепочки, когда она поднимает предмет – по продолжительности и тону звука становится понятно, что это такое, а заодно – и кто лежит на чердаке. Впрочем, и раньше было очевидно, что версия с его внезапным уходом из проекта не выдерживает критики. А вот машина у него совсем другая, что дает нам в остатке один вариант, объясняющий все здесь произошедшее. Но говорить о нем вслух я, само собой, не буду. Никто не любит слишком умных четверных агентов. Интересно, на какой части тела Альфы набита их отличительная татуировка? Было бы весьма забавно, если бы ответ был неочевиден, но мне все равно представился бы шанс узнать его. Впрочем, я ведь ее саму еще даже не видел. Хотя Ворон, видевший ее мельком, кажется, упоминал фигуристую блондинку в строгом черном костюме.

Единственный минус моего положения лишен двусмыс-

ленности: если Альфа не купится на эту игру, меня убьют – не физически, конечно, здесь это невозможно, но они вполне способны перегрузить мой сигнал, и из нейромодели мое сознание в тело уже не вернется, что равносильно смерти. Единственный же плюс весьма прозаичен – в случае успеха никто не будет знать наверняка, какова моя истинная лояльность, что даст мне какое-то время. Время все взвесить и сделать выбор.

День. Краткий список ВОЗМОЖНЫХ ОБЪЕКТОВ ПОКЛОНЕНИЯ

*They all been living a lie
Because they worship the wealth
More than they do their false god
nothing, nowhere. – Gutter*

Техник устало потянулся. Предыдущая нейрозапись оказалась довольно длинной, и он почти успел заснуть. А ведь следующая будет тоже весьма утомительной – он уже помнил ее почти наизусть, как и многие другие. Начальство что-то коротко обсудило и дало команду включать пятый фрагмент. Техник привычным, доведенным до автоматизма движением вывел библиотеку, и воспроизведение началось.

“Поверь в себя. Поверь в связи, которые поддерживают и помогают, поверь в память, что будет жить вечно и не имеет цены. Поверь в развитие, ускорение которого всем нам безусловно необходимо поддерживать на том же уровне. Поверь в движения тела, и что они дают тебе восприятие материи и взаимодействие с ней, поверь в речь, величайший инструмент человека, который вовсе не деградирует, поверь в исследование мира, ведь оно расширит твой кругозор, откроет невиданные горизонты возможностей, поверь в рефлек-

сию, без которой нельзя помыслить эффективную реструктуризацию мышления. Поверь в деньги, поверь в популярность, поверь в статус – ведь они позволяют поддерживать иерархию, а без нее не было бы самого общества. Поверь в свое перспективное, блестящее будущее, и что его воплощение в настоящее зависит именно от тебя. Поверь в ценности своих родителей, ведь что-то должно быть базой, поверь в бунт против них, который обозначит твою индивидуальность и независимость, поверь в бунт против бунта, ведь проникать в бесконечные слои одного и того же конфликта со все новых позиций и с новыми аргументами – это так завораживающе головокружительно. Поверь в высокие идеалы, за которые можно было бы убить и умереть, ведь необходимо нечто возвысить над всеобщим практичным цинизмом, чтобы осознать его ущербность, пусть даже не из-за цинизма самого по себе, но из-за его всеобщности. И поверь в то, что существует система – такая, с которой можно бороться, даже если борьба заключается лишь в попытках сформулировать суть и злой умысел системы и очертить ее границы. Поверь в первую любовь, безоглядно, еще не понимая, что ей нельзя не поверить впервые, и поверь, что она была лишь первой, но не той самой. Поверь в искренность, как будто то, что ты думаешь – это то, что ты говоришь, поверь в понимание, словно то, что ты говоришь – это то, что от тебя слышат, поверь в свою исключительность, логически вытекающую из того, что ты воспринимаешь мир вокруг себя, а не себя в мире,

поверь в то, что каждый уникален в своей исключительности, поверь в то, что к каждому просто нужен особый подход. Поверь в общество и его безусловную разумность, несомненно присущую такому сложному в своем устройстве механизму, ну никак не могущему быть чем-то хаотичным и ребячешким, поверь в любящую каждого родину – эти неотчуждаемые от сердца пейзажи и привычный климат, поверь в единую нацию – монолит культуры, традиций и образа жизни, поверь в семью как колыбель благополучия и надежности, поверь, что друзья – это навсегда, а не ради взаимовыгодного общения, поверь во вторую любовь, поверь, что она многому тебя научила, поверь в науку и достижения прогресса, вырвавшие нас из мрака и ужаса выживания во враждебном мире, и совсем ничего не потребовавшие взамен, поверь в то, что религия в чем-то права, что что-то там определенно есть, и на всякий случай стоит соблюдать самые простые обряды. Поверь, что нужный путь можно найти, что смысл существует, что рано или поздно мы поймем некий замысел или истинную природу всех вещей, а как же иначе. Поверь в здоровье и долголетие, ведь с ними ты, быть может, дотянешь до момента, когда станет не нужно умирать, поверь в удовольствие и наслаждение, ведь это хорошо и приятно, а значит и правильно, поверь в баланс и гармонию, и что ты можешь их достичь. Поверь в волю и дисциплину, без которых невозможно оставаться полноценным человеком, поверь, что планировать будущее и рационально подходить к

жизни – это правильно, поверь, что жить настоящим и получать простое и гарантированное удовольствие – это тоже правильно, просто по-другому. Поверь в адекватность, поверь во взгляд на схватку сверху, поверь в то, что в чем-то ошибаются правые, а в чем-то – левые. Поверь в свободу: слова, мысли, рода деятельности, выбора, свободу от выбора. Поверь в права и равенство: возможностей, результата, перед богом, перед законом. Поверь, что прошлое и будущее существуют, поверь в причинно-следственные связи, поверь в логику и методы познания. Поверь в любую философскую концепцию, которая лучше подходит к твоему жизненному опыту. Поверь в работу, необходимую для оплаты развлечений, и в той же степени поверь в развлечения, необходимые для отдыха от работы. Поверь, что это ты делаешь оптимальный выбор в сложившихся обстоятельствах, а не обстоятельства диктуют тебе варианты и указывают на оптимальный. Поверь в банальности, общие места и поверхностную выборку аспектов жизни, в которые можно поверить. Поверь, что этот список не может закончиться. Поверь в вялую ежедневную апатию ожидания, когда почти кайфуешь от того, что позволяешь каждой возможности каждую секунду проходить мимо, в уверенности, что можешь ухватить каждую последующую, поверь в статьи о способах борьбы с постоянным стрессом. Поверь в то, что ты и не должен был оправдать чьи-то ожидания. Поверь в идею выбраться из клетки когда-нибудь попозже, когда все будет стабильно с деньга-

ми. Поверь в безмолвное поклонение потреблению продуктов, услуг и информации, выданное за счастье. Поверь, что у всего должны быть стандарты и нормы, необходимые для сохранения цивилизации, поверь в унификацию и уравниловку, иначе система управления рухнет. Поверь в то, что работаешь за деньги, но твою душу никому не купить. Поверь в очередную новую жизнь – с нового года, с первого числа, с понедельника, с завтра, сразу после просмотра еще буквально одного ролика на ютубе. Поверь, что раньше было лучше, или что завтра все может стать лучше, а даже если не станет – будет казаться, что сейчас было лучше, значит, не так все плохо. Поверь в обучение на дому, поверь в саморазвитие с безграничным выбором курсов, тренингов, мотивационных книг и научно-популярных подкастов. Поверь, что это ты сам вышел из гонки за деньгами и успехом, а не тебя дисквалифицировали, поверь, что отказ от участия в цирковом процессе потребления и бесконечной стимуляции ты сделал осознанно, поверь, что это пойдет тебе на пользу. Поверь в маленький, но стабильный процент с депозита в банке. Поверь, что эта рассрочка беспроцентная, и это реально выгодно. Поверь в скидки на приставки и вафельницы в черную пятницу, поверь в экономию на купонах и картах покупателя. Поверь, что тебе нужны восемь камер в телефоне. Поверь, что кинокомиксы тебя развлекают, ничего не требуя от тебя. Поверь, что выучишь еще какой-нибудь иностранный язык, или хотя бы не забудешь тот, что уже выучил, по-

тому что будешь практиковаться. Поверь в действие алкоголя и веществ, ведь это правда работает – ты же ощущаешь, с этим не поспоришь. Поверь, что тебя кто-то любит безусловно – ну хотя бы родители, так ведь заложено природой. Поверь в черт-знает-какую-по-счету-да-и-важно-ли-какую-любовь, ведь в этот раз все по-настоящему, совсем-совсем иначе. Поверь в секс без обязательств как удобный способ удовлетворения потребностей. Поверь в интернет и полный свободный доступ к любым знаниям, стоит только руку протянуть, и не важно, что ты тянешься лишь к знакомым местам – ты ведь можешь изменить это в любой момент. Поверь в драматические сериалы с их прорывными концепциями, крутой операторской работой и мощной проработкой персонажей. Поверь в саркастичные мультики, позволяющие тебе посмеяться над собой, как будто это не ты. Поверь в то, что теперь никто не вынужден быть совсем одинок. Поверь, что ирония действительно защищает от страха безыдейности. Поверь в то, что огромные сборы ремейков всего подряд – это нормально, культура всегда переосмысляла то, что было прежде, а массовая культура – это тоже культура. Поверь в институт брака, ведь твой брак обязательно будет счастливым и благополучным, поверь, что сделаешь для этого все необходимое. Поверь в безбрачие и полигамность, ведь это свобода от ненужных обязательств, это естественная вещь в природе. Поверь, что, заведя детей, ты продолжишь свой род, передашь наследие и воспитаешь действительно достойных лю-

дей, ведь ты знаешь, что хорошо, а что – плохо, и ничто не сравнится с радостью и гордостью за то самое чудесное, что ты сделал в жизни. Поверь в чайлд-фри, ведь зачем ограничивать себя, увеличивать и без того огромное население планеты, потакать примитивным инстинктам и рисковать, что твой ребенок родится больным, или разочарует тебя, или будет несчастен. Поверь, что может быть что-то между белым и черным, но при этом – не одного из оттенков серого. Поверь в рост экономики и все новые блага для масс. Поверь в роботизацию без социальных коллапсов, успешную колонизацию космоса, дружественный искусственный интеллект и идеальный подбор музыки на основе твоих предпочтений. Поверь, что новый стикерпак еще точнее передает твои эмоции. Поверь в тысячи каналов по телику, такие разные и такие увлекательные. Поверь, что счастье – это подчинение всем своим потребностям от мала до велика, от низменных до возвышенных, потакание тем желаниям, что не были ограничены ради достижения уверенности, что ты можешь себя ограничивать в своих желаниях во благо более рациональных и достойных целей, которые тоже являются частью этой концепции ублажения эго путем маскировочной диверсификации и стратификации своих интересов. Поверь, что ты победил, раз никто не может с точностью сказать, каковы правила игры. Поверь, что весь этот поток информации тебе действительно нужен, что он тебе действительно нравится, что ты действительно можешь его остановить. Поверь, что мож-

но ссать на поп-культуру и не стать ее частью, когда поп-культура – это как раз ссать на поп-культуру. Поверь, что нельзя не быть постмодерном, когда постмодерн постановил, что любые попытки выйти за рамки постмодерна – это его разновидность. Поверь, что нельзя отмыться от иронии, когда все знают, что любое неироничное высказывание может быть таковым намеренно иронично, и обратное не доказать, можно лишь в процессе удостоиться звания магистра иронии. Поверь в безусловный базовый доход, ведь ты этого заслуживаешь, как никто другой. Поверь в длинные скучные книги, в которых события и персонажи – декорации для прямолинейных размышлений автора. Поверь в беспроводную зарядку твоего смартфона по воздуху – ведь это главный научный рубеж, который нужно преодолеть в первую очередь. Поверь, что можно получить власть, деньги и известность, но не скатиться. Поверь в агентства по поиску квартиры, работы, соулмэйта, смысла жизни. Поверь в прозрачную и подконтрольную избирателям политическую власть, полная иллюзия прозрачности и подконтрольности которой скрывает нечто закулисное, сионистское, вземное и так далее. Поверь, что борьба с дискриминацией и движения за равноправие, толерантность, многообразие, отъем привилегий у привилегированных не будут сожраны, извращены и переварены богом прибыли, нет-нет. Поверь в идеальный эскапизм, когда постулируется невозможность выразить субъективное восприятие реальности, и это используется как оправдание

для любого отстранения, поверь, что ничью волю и свободу нельзя отнять. Поверь в отсутствие объективности как в аксиому. Поверь в какую-нибудь идентичность, полагая, что вместе вы сильнее, поверь, что это вовсе не значит, что вами проще управлять. Поверь в волну тревожностей, депрессий, биполярных расстройств, СДВГ, синдромов Аспергера и прочих психических особенностей, никаким образом не связанную с романтизацией образа психически нездорового человека, никак не относящейся к бесконечному поиску массовой контркультурой все новых осей отклонения от какой-либо нормы. Поверь в эффектный образ на основе дефективной внешности. Поверь в мастурбацию на бывшую под Dark Lotus. Поверь в фастфуд с приготовлением бургеров на огне вместо разморозки в микроволновке. Поверь в то, что все просто, нужно лишь расслабиться. Поверь в контролируемый дауншифтинг на пару месяцев, чтобы потом ощутить все в сравнении. Поверь, что нет никакой опасности в том, что мир все больше ускоряется. Поверь в творческую пользу марихуанового мышления. Поверь, что можно удержаться где-то между “я этого хочу” и “мне это необходимо”. Поверь, что есть какой-то способ эффективно бороться с чем-то – эффективная борьба с чем делает борьбу своей частью – не позволяя этой борьбе стать частью этого чего-то, развлечения, например. Поверь в то, что быть заурядным помощником гениального социопата – тоже неплохо, и тоже имеет смысл. Поверь в скрытый смысл фильмов

Кубрика, третьего сезона “Твин Пикс”, текстов группы Черномозем, чего угодно еще. Поверь в бессилие человека перед сложностью структуры реальности. Поверь в симуляцию – так ты не проиграешь в любом случае. Поверь, что тупое перечисление случайного всего подряд с саркастическим подтекстом может что-то кому-то объяснить. Поверь в творчество как выход из клетки собственных переживаний, пока это еще работает. Поверь в какой-нибудь способ изменить мир, и это даст тебе волю к жизни, если изменение мира для тебя так важно. Поверь в массовую иллюзию счастья в индивидуальном воображаемом мире как панацею от конфликтов. Поверь в слияние со всем сущим и помещение вселенной в собственный разум. Поверь в квантовую запутанность, поверь в многомировую интерпретацию. Поверь в то, чего не можешь вообразить, чтобы стать чем-то большим. Поверь в жизнь. Найди святыню для поклонения, в ценность и смысл которой можешь поверить... Или перестань существовать.”

Нейрозапись с коротким сигналом прервалась, обозначая конец выбранного фрагмента. Пока ревизор и Филин что-то проверяли в материалах дела, техник позволил себе широко зевнуть. Впереди было еще много фрагментов.

Ночь. Еще на шаг ближе ни к чему

*Scribble out the hope, son
Hallucinations only quicken
You will be a king, hun
In a crown of sickness*
Ардмир Квуд, ранее творчество

Я обнаружил себя в странном сне, который казался мне чужим. Я напал на улице на какого-то человека. Шел за ним до подземного перехода, прятался в тусклом свете ламп, держался метрах в девяти-десяти от него. Уже в переходе тихо и быстро сократил расстояние, догнал и приставил пистолет к затылку. Угрожал. Была уверенность, что этот тип знает что-то важное – например, где найти мою цель. Да, похоже, я – убийца, и сейчас иду по следу того, кого преследую уже давно. Я бью захваченного человека пистолетом и говорю, что мне нужно найти Авеля, и быстро, потому что – этого я уже не говорю, только думаю – у меня здесь мало времени. Он отвечает, что не понимает, о чем идет речь, но я знаю – это ложь. Он отлично осведомлен, он лично знаком с тем, кто мне нужен. Они сидели вместе, а потом Авель сбежал и помог сбежать еще многим. В том числе вот этому типу. Я коротко объясняю ситуацию, и он сдается. Действительно, зачем умирать за другого, пусть даже это твой спаситель? Я

подумал, что мне должно хватить времени, но все же скоро меня выбросит обратно, туда, о чем я во сне думал как о “корневом мире”. И тогда будет сложнее, я могу даже забыть кое-какие вещи. Но главную цель точно не забуду. Теперь остается подробно допросить этого типа где-нибудь подальше отсюда, там, где никто не увидит и не услышит. И как только попаду в корневой – двинуться на поиски вод. Когда захвачу их – поймать с их помощью того самодовольного придурка, что любит гулять ночами вдоль набережных и пялиться в воду на острове. Уговорить его будет несложно, и тогда уже все будет почти готово. Это, можно сказать, будет началом финишной прямой. Я связываю осведомителя, но неожиданно все вокруг затапливает свет яркой вспышки – молния настолько яркая, что ослепила меня в переходе. Времени было меньше, чем я думал...

Я обнаружил себя сидящим на полу, взмокшим и дрожащим. Зубы стучали отбойным молотком, глаза болели от ужасного напряжения – выпученные, с мечущимся взглядом, наверняка – с красными от полопавшихся сосудов белками, кожа казалась мешковатым балахоном. Напротив меня стояло разбитое зеркало, вокруг валялось какое-то совершенно ненормальное количество мусора: банок, пачек, бутылок, фольги, окурков, еще какой-то неопознаваемой дряни. Сигарету в руке я заметил, только когда пальцы обжег тлеющий фильтр. Затушил ее о ковер, выкинул в наименее смятую из банок и провел ладонями по голове, чтобы не об-

наружить на ней волос. Глотнув воды, я вручную сомкнул непослушные веки и помассировал их кончиками пальцев. Спустя несколько секунд, услышав слабый звук неподалеку, я вдруг понял, что до сих пор слышал только тонкий звенящий писк в ушах. Этот новый звук оказался музыкой – какой-то смутно знакомой песней. Слова все никак не укладывались в голове, ускользая от узнавания. Я зашел в ванную, умылся, но взглянуть на себя не смог – зеркало над раковиной, как и зеркало в комнате, было разбито. С трудом отыскав ключи, я вышел из квартиры, запер дверь и спустился на улицу. На улице начинался ураган – сильные и резкие порывы ветра швыряли из стороны в сторону мелкий и крупный мусор, сносили людей и сгибали деревья. Я остановил описание, остановился сам, остановил время, лишь на миг почувствовав в полной мере, что говорить и писать бесполезно, пусто и мертво. На миг я увидел все вокруг мертвым, время мое утекало, слова все не рождались, пауза затягивалась, ничего не менялось, и вновь начинался один из тех приступов, что заставлял бежать прочь, чтобы забиться в самый темный угол и только там – где никто этого не увидит – совершить это жуткое превращение. Мое убежище, мой марионеточный мир рушится, вся вселенная встала на дыбы и орет от боли, становясь из содержащего содержимым, из субъекта превращаясь в объект. Из своего укрытия я видел, как под светом солнца ходили и разговаривали люди – о чем-то обычном и нормальном, чему не было больше места в мире сломанных

печатей и обостренного чувства непонятно чего. В спину меня кто-то толкал – туда, на свет, к людям, на плаху. Я брыкался и лягался, но десятки мелких и жилистых ручонок все же вытолкали меня из убежища в тених. Но я зря опасался людей – мы с ними существовали на разных уровнях, и их толпы проходили сквозь меня – или я проходил сквозь них. И вдруг, безо всякого предупреждения, внезапно и полностью наступила кульминация. Мир озарил бледно-зеленый свет, а все живое умерло в единый миг, перестав быть реальным, каждой своей частицей поглощенное чье-то всеобъемлющей волей. Иллюзия рассыпалась, выдуманный мной мир обрушился, обнажив догорающие на лету останки блестящих жирной чернотой галактик-паразитов, состоящих из чего-то, что все меньше напоминало пародию на органическую жизнь, остался лишь я – наедине с багровым грозовым небом, в своем медленном падении желающим раздавить меня. Зрение мое обострилось тысячекратно, и в пролетающей капле дождя я разглядел свое отражение, а затем – отражение этого отражения в зрачках своего отражения, а затем...

Я обнаружил себя стоящим посреди комнаты, в гостях у друзей, спокойным и невозмутимым. Напротив стоял кто-то, кому можно было бы все рассказать, и я знал – в этот раз все взаправду, это не иллюзия, не сон и не галлюцинация, и я больше никуда не провалюсь. Надо лишь позвать на помощь и максимально доступно изложить суть проблемы. Мозг лихорадочно соображал, а сердце бешено колотилось.

Впрочем, времени у меня было предостаточно: в подобных стрессовых ситуациях оно словно замедляется, и человек принимает множество сложнейших решений очень быстро, используя резервные мощности своего разума. Все, что было нужно – прилив адреналина, и формулировка родилась сама собой, как и план действий. Теперь самое главное – успеть все рассказать до того, как это случится снова, до того, как я потеряю контроль над своим сознанием. Надо успеть во что бы то ни стало, иначе – конец всему. Человек напротив заметил выражение моего лица, перестал улыбаться и вопросительно поднял бровь. Я глубоко вздохнул и, попытавшись придать своему голосу максимально серьезное звучание, сказал:

– Кажется, мне срочно нужна помощь.

* * *

На общем балконе холодно, ветрено. Балкон открытый, и пол блестит от влаги – то ли идет дождь, то ли тает снег, я не думаю об этом. А о чем я думаю? Вокруг происходит черт знает что: на лестничной клетке только что появился один из осознавшихся, позвонил к соседям, а после короткого разговора растворился в воздухе. Взглянув на М., я понял, что он этого не заметил, все еще погруженный в свои горестные

мысли о расставании с Д. Даже не знаю, услышит ли он меня, не говоря уже о том, чтобы поверить в то, что я скажу.

– Они хотят меня положить, сдать. Отдать в руки белым халатам, которые будут кормить меня таблетками. Они хотят вызвать скорую, они думают, что со мной что-то не так, что мне нужна помощь. Они и не знают, что я в порядке, я просто хочу попасть на девятый цикл. Пусть все, что я видел, я увижу еще раз. Нельзя останавливаться – как только ты увидел, ты должен смотреть – иначе просто перестанешь понимать, что ты на самом деле такое. Их пугают мои слова: “Я видел бога, я был богом”. “Присядь, дыши, все хорошо. Успокойся”, как будто им страшно слушать дальше. Какая разница, сколько колес я сожрал? От колес так не прет. Я тонул в омуте, я тянулся за иллюзией, я держал руку моей умирающей любви и умирал вместе с ней, я столько раз убивал себя, столько раз погружался в свои сны, столько видел... Внутри мне уже сотни лет. Но я должен им объяснить. Сны важнее, чем они думают. Я должен закончить это, как же они не понимают? Я делаю это ради всех, не ради себя. Отрывистость речи. Я описываю то, что происходит сейчас. Я чувствую “сейчас”, момент настоящего, я его поймал. Мне плевать, как вы к этому относитесь. Мне не нужна помощь. Символы, знаки, совпадения, система, структура – как вы этого не видите?! Просто дайте мне слово! Дайте мне сказать! Я спасу всех нас, я предупрежу всех! Что с вами не так, хватит судить, хватить оценивать, хватит считать себя судьями,

у вас нет такого права. Никто не может судить меня, нет. Ни бог, ни дьявол – теперь, когда я знаю, что они такое, и что такое мы. Пепел падает вниз, приземляется на мокрый пол, тухнет. Я не хочу, чтобы вот так потухли все мы, зачахли и кончились, я не хочу, чтобы победило зло внутри нас, и я знаю, как этого не допустить. Но прикинем, какие у меня шансы: мне никто не поверит, если я буду прямым текстом все объяснять. Ваш мир – быт, семья, работа и оттяг на выходных. Ваш мир состоит из выборов, из решений. Вы считаете, будто знаете, что делать, чтобы быть счастливыми, но все в итоге теряете свой путь, увязаете в рутине, погибаете в своих тесных домашних клетках, вы никогда не пробуете стать чем-то другим, нежели человек, нежели то, чем вы являетесь сейчас. А в вашем разуме живет целый мир – мириады миров, порожденные тем, что породило ваш, и так до бесконечности. Но вы не верите мне. Вы думаете, что со мной что-то не так. Что мне остается? Притвориться одним из вас, жить так, как живете вы, будто я ничего не знаю. Но я доведу это до вас. Я скажу свое слово, и пусть те, кто его не прочтет, будут обречены – я не хочу этого, но по-другому не выходит, понимаете? Многие из вас даже не знают, какие силы действуют в этом мире. Хозяева иллюзий, похитители вселенной, архитекторы симуляций, тайное общество фаталистов, индивидуальные агенты с неизвестными целями, воскресающие во временных петлях боги... Я могу отличить реальность от вымысла. Я нормален. И поэтому меня хотят

заставить замолчать. Сами подумайте – разве кому-то выгодно, чтобы раскрылся заговор, план, называйте как угодно? И каждый из них борется в первую очередь с теми, кто хотел бы открыть людям глаза. Но я готов рискнуть, и я все расскажу. О том, что мы во вселенной не одни. О том, что каждый из нас – на самом деле не просто человек, и нам открыты великие возможности. О двух маньяках, что используют эти возможности, чтобы подчинить весь мир воле своих извращенных фантазий об идеальном мироздании, друг за другом, в безумной череде обмана и ловушек. О смысле этих странных татуировок на телах некоторых “вестников свободы”, как они себя называют. О том, как один из нас пытался обмануть и уничтожить хозяев вселенной, и чем это для него закончилось. О двух братьях, решивших сломать ход времени. О том, на каком мы сейчас цикле. О девушке с портрета. О багровом отражении грозы в омуте лжи. О черных ангелах, похищающих человеческие чувства. О пареньке, что заперт в петле жизни и смерти, обреченном мстить. О триаде из безумцев, один из которых стал величайшим предателем во вселенной. О месте, попав в которое... Ох, я слышу сирены вдалеке. Они даже не понимают, что наделали, они хотели помочь, но теперь я обречен. Послушай, я должен рассказать тебе, что на самом деле такое реальность, и как из нее выбраться. Я должен успеть это рассказать, чтобы еще хоть кто-то знал. Итак, слушай внимательно и не задавай вопросов.

Я наклонился к М. и рассказал ему все, что знал о пространстве вариантов.

Утро. Коридор снов

– Знаешь это чувство, когда слишком сильно вдумываешься в слово, и оно словно теряет смысл, ты перестаешь понимать, почему оно значит именно то, что значит?

– Ну да, бывает. А что?

– Мне кажется, я слишком долго вдумывался в реальность.

2131 год, диалог в очереди за плагинами забытья

Все в кабинете было мягким: мягкий, приглушенный свет, мягкие кресла, мягкий зеленый чай; М., впрочем, уже привык к мягким помещениям, и в этом кабинете его беспокоил только мягкий голос доктора, сидевшего за столом, в тени – так, что его лица не было видно, а голос доносился откуда-то из этой тени, становясь при этом еще более вкрадчивым.

– М., как вы думаете, что это значило? Что вы хотели всем этим сказать, был ли здесь какой-то подтекст?

– Я всего лишь описываю мир так, как я его вижу – в той степени, в которой мне это доступно. Вы спросите – а зачем? Ответ прост: от отчаяния. Словами, словно руками, я нащупываю, за что можно уцепиться, чтобы не падать еще ниже, ищу какую-нибудь идею-якорь, чувство, мысль, которая принесет спокойствие.

– Как вы себе представляете эту идею, М.? Расскажите, как она может приносить вам спокойствие.

– Я представляю это так: когда у меня начинается приступ, мне не на что опереться, не о чем думать как об убежище, нет совершенно никакой защиты против растущего хаоса, и когда его волна накрывает меня с головой, я теряю всяческий контроль, и остается только молиться, чтобы все закончилось до того, как я сломаюсь и приму какое-нибудь роковое решение. Это похоже на падение с крыши мира – медленное и сразу во все стороны, даже вверх. А будь у меня спасительная идея, что-то, защищенное от этих приливов безумия, находящееся вне меня, не зависящее от моего состояния; что-то, к чему можно вернуться, что будет ждать меня по завершении припадка – узнаваемое, теплое, уютное...

– То, что вы описываете, очень похоже на дом. Именно с такими чувствами человек обычно возвращается домой – в безопасность, тепло и привычное окружение. М., разве вы не чувствуете ничего подобного, когда заходите в дом после длительного отсутствия?

– Нет, никогда и нигде не чувствовал себя дома. Я понимаю, о чем вы, но мне почему-то недоступно это, словно мой дом где-то далеко – настолько далеко, что я уже не смогу туда вернуться, где-то среди звезд или даже дальше – в пустоте и небытии. Возможно, крупницы именно этого чувства я и ищу, но всякий раз, когда я находил что-то, на что можно опереться, это срабатывало ненадолго, и вот уже снова

я дрейфую в океане энтропии, без признаков какого-либо маяка вдалеке.

– Вы думали, что описание своего мироощущения может принести вам покой или... Еще что-нибудь?

– Я очень надеялся на это. Но ничего не вышло.

– Знаете, М., мне кажется, что самый серьезный и нездоровый аспект вашей ситуации – в свойственном вам стремлении все возводить в абсолют. Возможно, и сами эти приступы явились лишь результатом мутации обычных, свойственных всем перепадов настроения. Вы отчего-то не пытаетесь инстинктивно уравновесить плохое состояние хорошими мыслями, а наоборот – все дальше погружаетесь в отчаяние, превращая любую мимолетную неприятность в замкнутый круг безысходного уныния. Это совершенно ненормально, и пока мы не восстановим вашу способность подавлять эндогенные вспышки, мы ничего не добьемся.

Раздался глухой щелчок. Обстановка переменилась.

– М., как вы думаете, что это значило? Что вы хотели всем этим сказать, был ли здесь какой-то подтекст?

Человек отвлекся от украшающих бежевое кресло рисованных зверят, устало поднял голову и пожал плечами.

– Я не знаю. Я просто бегу и не могу остановиться. И ничто не может меня остановить – я прохожу сквозь все на своем пути, словно призрак.

– От чего же вы бежите, М.?

– От себя. От вас. От них. От всего, что только существует

в этом мире. Но вырваться за его пределы я не могу, вот и мечусь, как крыса в клетке. Вы не можете мне помочь, доктор.

– Разве не вы сами решили лечь к нам в отделение, надеясь на помощь и выздоровление? Просто доверьтесь и...

– Неверно. Я никуда не ложился. Я ничего не решал. Вы вообще во всем ошибаетесь, потому что вас вовсе даже и не существует. Хотите докажу?

– Очень любопытно. Что ж, попробуйте.

Раздался глухой щелчок. Обстановка переменилась.

– М., как вы думаете, что это значило? Что вы хотели всем этим сказать, был ли здесь какой-то подтекст?

Теперь напротив доктора сидел скелет, одетый в балахон. Всем своим видом он ясно давал понять, что никакого подтекста ни во что не вкладывал уже довольно долгое время, но доктор продолжал говорить, будто бы не замечал состояние своего пациента. Более того, ему даже мерещились ответы со стороны мягкого бежевого кресла – пространные, четкие, дающие много материала для психоанализа. Скелет ни с чем не спорил, однозначно выражая готовность следовать любым полученным советам. Впрочем, и этот цирк продлился недолго.

Раздался глухой щелчок. Обстановка переменилась.

– М., как вы думаете, что это значило? Что вы хотели всем этим сказать, был ли здесь какой-то подтекст?

– Это весьма непрофессионально, доктор: вы меня не слу-

шаете. Разумеется, он был. Мне пришлось написать довольно много – и все только потому, что я не могу кричать достаточно громко, чтобы выразить все одним хорошим воплем. Вы – пустая оболочка сна, порождение онейроидного расстройства, абсолютное ничто. Воображаемые миры один за другим распадаются на молекулы, каждый предыдущий сменяется все более странным и жутким, граница между реальностью и фантазией размывается, и выхода из этой карусели кошмаров нет. Нет-нет-нет-нет-нет-нет-нет.

Раздался глухой щелчок...

День. Подключение без пароля

Они будут говорить о свободе выбора, но потом скажут, что твой выбор неправильный. Они будут говорить о понимании, но не станут тебя слушать. Тебе никогда не скажут, что нужно делать и как правильно жить, но осудят постфактум. Если ты услышишь о честности – тебе лгут, если услышишь о правах – тебя хотят их лишить, если услышишь о благе – готовься к злу, если услышишь о ценности жизни – тебя ее вот-вот лишат. Самое сложное, когда ты среди них – не верить ничему и при этом не сойти с ума.

Из инструкции цивилизации флеггхан для агентов, направляемых на планету Земля

Время перевалило за час ночи, что человек понял, только почувствовав урчание в животе. Порой с ним случалось такое, что он совершенно забывал поесть, пропуская один-два приема пищи. Взглянув на часы и удивившись тому, как пролетело время за чтением, человек собрал все бумаги в одну стопку и направился на кухню – единственное помещение кроме туалета, открытое в офисе и ночью. Если, конечно, не считать дверь за тайной панелью в стене. Человек достал из морозилки несколько замороженных бургеров и положил их на разогрев в микроволновку. Следующая расшифровка была довольно короткой, так что он рассчитывал закончить

чтение к тому моменту, как еда будет готова.

“Прошу, не умирай во мне. Я обращаюсь сейчас к тебе, безликое, бездушное, но такое живое, бейся же в моих ладонях теплым комом души, бейся не переставая. Как сохранить твою жизнь и твоё тепло, когда руки холоднее льда? Дышать, пытаясь согреть, хоть это никогда и не помогало? Во мне так мало осталось дыхания. Поезда региональных линий и темная, зимняя гладь воды, лишь кое-где освещенная отражениями фонарей, безразмерные карманы теплых курток и мягкие пуховики, хриплый голос бомжа, равнодушная пустота, порядок и самодельные обложки не по размеру коробок, память, память – тянущаяся смолой, змеей заползающая в мысли, смешные шапки, безумный хохот рядом и кровавые титры, трясущиеся руки – от чего, не от пьянства ведь? Глупая, глухая неловкость, почерневшие легкие, пустые пакеты из-под сока и минуты безграничной теплой нежности – к чему и кому теперь, когда... Двери последнего автобуса захлопываются перед носом, кавказец улыбается из водительской кабины и не открывает, и зеленое туловище приходит в движение. Нет, все было не так, все словно было вчера и снова будет сегодня. Где мой ингалятор? У кого ключи от моей квартиры, кроме меня и безграничной тоски? Не дрожите, о ноги. Впереди ничего нет. Я кто? Хочу ли я знать ответ? Клин клином. Двадцать с чем-то, уж больше половины позади. Игнорируй не игнорируй, а память все равно тебя достанет. Какой адекватный перевод для *messed up*, не подска-

жете? Макароны, грибы, пиццы и каши. Большому кораблю – большое кораблекрушение, а хороший поэт должен быть мертв. Храни слова как память, храни и проклинай себя. Неуклюжий чай на твоей внезапной кухне – вместе со взглядами прохожих, что они беспричинно на меня бросают. Дни славы прошли, алкоголь выветрился, бары закрыты, солнце садится. За холм, за речку, через целое поле, освещает покосившийся деревянный дом у дороги, готовый быть сорванным ураганом, но ураган все не идет и не идет. Как насчет придорожного кафе, название которого я не помню? У обочины, а по шоссе летят машины, отрываясь от земли, как на взлетной полосе, что я прикончил прошлой ночью в сортире. Не застревай в прошлом, стань серьезнее, пора вырасти, найди нормальную работу, а дальше что? Я вырос, что дальше? Дальше ничего нет? Когда этот бег остановится? Кошелек толстеет, ебало отошало. Отпущу бороду, покрашусь в блондина и буду почти как Иисус. Ты правда думал, что все никогда не закончится? Все всегда кончается. Твердые сиденья в горящем зале ожидания, неторопливый релакс под механическую английскую речь из динамиков под потолком, последний в жизни халявный вай-фай, стакан кофе, который я терпеть не могу. Нарисуй на пенке что-нибудь. Расскажи мне что-нибудь обо всем. Это все лишь в моей голове. Но слишком живо. Как бы то ни было, теперь ты обречен быть болезненно серьезен – и ты сам сделал это с собой. Я победил, что дальше? Титры незаметно подкрадутся к таким уже

большим детям под куполом благословенного забвения. Давай, в последний путь на адской карусели. Где мои таблетки? Плевать, они все равно не работают. Где мой большой кухонный нож? Где моя сонная артерия? Где завершение этого фарса? Где искренность? Где ты, о драгоценный потерянный я? Встретимся ли мы еще раз? И что тогда произойдет? Ответов нет. Ответы – только по платной подписке”.

День. На частоте Иакова

Все не так просто. У них, к сожалению, значительное преимущество – и в технической части, и банальный численный перевес по людским ресурсам. Но это не главное. Главное то, что они выполняют преступный приказ, а мы идем к великой цели! Все мы знаем, что от нас зависит будущее всей цивилизации, мы можем направить человечество по правильному пути, разорвать оковы рабства. И я уверена, что это знание усилит нас десятикратно!

Девушка с татуировкой змеи – своим пособникам

– Соловей, это Сыч. Прием.

– Это Соловей. Прием.

– Опишите ситуацию. Прием.

– Объект А находится в своей камере, без движения. Объект Б не наблюдается. Прием.

– Вас понял, Соловей. Продолжайте наблюдение. Прием.

– Вас понял, Сыч, выполняю. Конец связи.

* * *

– Сыч, это Соловей. Прием.

– Это Сыч. Прием.

– Наблюдаю изменение ситуации. Объект А говорит по телефону. Предположительно – объектом Б. Разговор продолжается сорок секунд. Прием.

– Вас понял, Соловей. Изменения в поведении объекта А? Прием.

– Незначительные. Заметны легкое волнение и удивление. Прием.

– Вас понял, Соловей. О дальнейшем развитии событий доложите по завершении разговора одним из объектов. Прием.

– Вас понял, Сыч. Конец связи.

* * *

– Сыч, это Соловей. Прием.

– Ворон на связи. Прием.

– Докладываю по ситуации. Оба объекта в зоне видимости. Объект Б сидит на скамейке, объект А приближается. Садится рядом. Объект А в растерянности. Прием.

– Вас понял, Соловей. Продолжайте. Прием.

– Завязывается разговор. Судя по движению губ, происходит неловкое выяснение отношений. Разговор принимает

романтический оттенок. Объекты вступают в интимную близость второго уровня. Прием.

– Соловей, расшифруйте второй уровень. Прием.

– Объекты соприкасаются губами после соприкосновения руками. Прием.

– Вас понял, Соловей. Продолжайте наблюдение. Прием.

– Вас понял, Ворон, выполняю. Конец связи.

* * *

– Ворон, это Соловей. Прием.

– Это Ворон. Прием.

– Докладываю по ситуации. Объект Б лежит в нише между стеной и шкафом. Объект А накрывает объект Б объектом, похожим на одеяло, предположительно – одеялом. Наблюдаю штатное исчезновение изображения. В зоне видимости ничего нет. Прием.

– Вас понял, Соловей. Конец связи.

* * *

– Сокол, это Ворон. Прием.

– Это Сокол, прием.

– Опишите ситуацию. Прием.

– Объект А перемещается по заснеженной дорожке в сторону своего дома. Находится примерно в километре. Прием.

– Вас понял, Сокол. Продолжайте наблюдение. Прием.

– Вас понял, Ворон. Выполняю. Конец связи.

* * *

– Ворон, это Сокол, прием.

– Это Ворон, прием.

– Докладываю по ситуации. Объект А останавливается рядом с крупным сугробом. В сугробе сидит объект Б, держит на руках кролика. Объекты вступают в разговор. Объект А берет кролика на руки, объекты продолжают перемещение вместе. Наблюдаю штатное исчезновение изображения. В зоне видимости ничего нет. Прием.

– Вас понял, Сокол. Конец связи.

* * *

– Сокол, общий вызов. Прием.

– Ворон на связи. Прием.

– Наблюдаю движение в зоне видимости. Объект А перемещается в сторону дома брата своей матери. Курит. Прием.

– Вас понял Сокол, продолжайте наблюдение. Прием.

– Объект А заходит в дом, встречает второстепенных объектов. Ищет взглядом место, где можно выкурить еще сигарету. Один из второстепенных объектов указывает место за домом. Объект А направляется туда. Наблюдаю временное исчезновение изображения. В зоне видимости ничего нет. Прием.

– Вас понял, Сокол. Возобновите передачу после появления картинки. Конец связи.

* * *

– Ворон, это Сокол. Прием.

– Это Ворон, прием.

– Наблюдаю возобновление трансляции. Объект А воз-

вращается на крыльцо дома, наблюдаю значительные изменения в устройстве двора. Прием.

– Опишите изменения. Прием.

– Появился фонтан. У фонтана расставлены скамейки, пространство вокруг вымощено белой плиткой. Прием.

– Вас понял, Сокол. Продолжайте.

– Вокруг фонтана снуют небольшие объекты, напоминающие домашних котов. Объект А высказывается на этот счет. Второстепенный объект на одной из скамеек смеется. Прием.

– Уточните характеристики смеющегося второстепенного объекта. Прием.

– Корректировка данных: смеющийся второстепенный объект – это объект Б с несколько измененной внешностью. Прием.

– Вас понял, Сокол. Продолжайте наблюдение. Прием.

– Дальнейшее продолжение наблюдения перестало быть возможным: наблюдаю штатное исчезновение изображения.

В зоне видимости ничего нет. Прием.

– Вас понял, Сокол. Конец связи.

* * *

– Сокол, общий вызов. Прием.

– Сыч на связи. Прием.

– Докладываю по ситуации. Объекты А и Б находятся в подземном переходе, направляются в сторону друг друга. Встречаются, завязывается разговор. Направляются к входу в метро. Прием.

– Вас понял, Сокол. Продолжайте наблюдение. Об изменении ситуации доложите в следующей передаче. Прием.

– Вас понял, Сыч. Выполняю. Конец связи.

* * *

– Сыч, это Сокол. Прием.

– Это Сыч. Прием.

– Докладываю по ситуации. Объекты вышли из поезда на конечной. Зашли в недорогое кафе за стеклянными витражами. Объект Б занял позицию перед зеркалом. Прием.

– Сокол, уточните действия объекта А. Прием.

– Объект А исподтишка смотрит на объект Б. Выглядит озадаченным или обеспокоенным, затрудняюсь определить точнее. Прием.

– Вас понял, Сокол. Продолжайте. Прием.

– Объекты некоторое время разговаривают, объект Б направляется в уборную. Прием.

– Вас понял, Сокол. Время – двадцать тридцать семь. Про-

должайте наблюдение. Конец связи.

* * *

– Сокол, это Сыч. Время – двадцать одна пятнадцать. Наблюдаете изменение ситуации? Прием.

– Это Сокол. Изменения ситуации не наблюдаю. Объект А сидит за столиком. Объект Б находится вне зоны видимости. Прием.

– Вас понял, Сокол. Продолжайте наблюдение. Прием.

– Объект А встает и направляется к входной двери и становится перед ней. Смотрит вперед. Дверь наполовину зеркальная, возможно, объект смотрит на свое отражение. Наблюдаю штатное исчезновение изображения. В зоне видимости ничего нет. Прием.

– Вас понял, Сокол. Конец связи.

* * *

– Соловей, общий вызов. Прием.

– Сыч на связи. Прием.

- Докладываю по ситуации. Объекты в зоне видимости, сидят на лестничной клетке, разговаривают. Прием.
- Почему на лестничной клетке, а не в квартире? Прием.
- Объект Б захлопнул дверь снаружи, ключи остались внутри. Судя по мимике, объекты обсуждают план действий. Прием.
- Вас понял, Соловей. Продолжайте. Прием.
- Объект Б устал сидеть на полу и выражает желание пойти на улицу погулять, но боится спускаться. Прием.
- В чем причина страха объекта Б? Прием.
- Затрудняюсь определить, возможно, что-то, связанное с соседями. Прием.
- Что говорит объект А? Прием.
- Объект А подшучивает над объектом Б в легкой форме. Объект Б обижается в легкой форме. Объект А обнимает объект Б. Объекты заходят в лифт. Прием.
- Вас понял, Соловей. Продолжайте наблюдение. Прием.
- Вас понял, Сыч. Выполняю. Конец связи.

* * *

- Сыч, это Соловей. Прием.
- Это Сыч. Прием.
- Докладываю по ситуации. По истечении десяти минут

объекты так и не вышли из подъезда. Прием.

– Вы видели, как они зашли в лифт? Прием.

– Видел отчетливо. Они так из него и не вышли. Прием.

– Удостоверьтесь, что объекты застряли в лифте, и выйдете на связь. Прием.

– Вас понял, Сыч. Выполняю. Конец связи.

* * *

– Сыч, это Соловей. Прием.

– Это Сыч. Прием.

– Изучение подъезда не принесло результатов. Лифт в рабочем состоянии и пуст. Объектов нет в доме. Прием.

– Вы наблюдали за объектами непрерывно вплоть до закрытия дверей лифта? Прием.

– Так точно. Прием.

– Могли ли объекты каким-либо образом догадаться о наблюдении? Прием.

– Никак нет. Прием.

– Была ли у объектов возможность покинуть дом и не быть замеченными вами? Прием.

– Никак нет. Единственное возможное объяснение – объекты скрылись в другой квартире на одном из этажей ниже. Прием.

– Объекты не владеют иной недвижимостью помимо квартиры на пятом этаже. Прием.

– Возможно, это не было добровольным решением. Похищение могло бы объяснить некоторые элементы поведения объекта Б. Прием.

– Версия взята на рассмотрение. Изучите подъезд еще раз – на предмет присутствия конкурирующих организаций. Прием.

– Дальнейшее изучение невозможно – наблюдаю штатное исчезновение изображения. В зоне видимости ничего нет. Прием.

– Вас понял, Соловей. Возвращайтесь на базу. Конец связи.

* * *

– Лебедь, общий вызов. Прием.

– Филин на связи. Прием.

– Наблюдаю изменение ситуации. Объект А встал с кресла и направился к журнальному столику. Прием.

– С какой целью? Прием.

– Зазвонил телефон. Объект берет трубку. Слушает. Объект резко меняется в лице. Он явно сильно удивлен, можно сказать, шокирован. Прием.

– Объект что-нибудь отвечает? Прием.

– Нет возможности разобрать мимику – объект повернулся спиной к окну. Запрашиваю дешифратор сигнала. Прием.

– Доступ получен. Ретранслируйте диалог. Прием.

– На связи находится объект Б. Голос тихий и уставший.

Рассказывает о том, что произошло после исчезновения. Делает большие паузы. В целях безопасности точный текст диалог будет приведен мною в отчете. Прием.

– Вас понял, Лебедь. Продолжайте. Прием.

– Объект А в состоянии между изумлением, радостью и волнением. Голос дрожит. Сел на пол. Объект Б спрашивает, может ли объект А просто поговорить с объектом Б. Объект А предлагает встретиться. Объект Б протестует – говорит, что это невозможно, и теперь они могут только поговорить. Объект А падает на колени. Наблюдаю штатное исчезновение изображения. Прием.

– Вас понял, Лебедь. Продолжайте наблюдение, мы выясним, как объект Б мог связаться с объектом А. Конец связи.

* * *

– Лебедь, общий вызов. Прием.

– Филин на связи. Прием.

– Наблюдаю... Кхх... цию. Код... кхх... сный. Прие...

КХХ.

– Лебедь, что у вас происходит? Прием.

* * *

– Лебедь, как слышите? Доложите обстановку. Прием.

– Это Лебедь. Наблюдаю внештатную ситуацию. Объект А-2 только что убил копию объекта Б, предположительно под влиянием объекта Ч. Вокруг объекта А наблюдаю неопознанное явление в виде поля. Код 53-красный. Прием.

– Лебедь, немедленно покиньте зону выполнения задания. Повторяю: немедленно покиньте зону выполнения задания. Прием.

– Вас понял, Филин, выполняю. Жду дальнейших указаний. Прием.

– Немедленно приведите в исполнение программу “багряные грезы”. Отправляйтесь за объектом Ч и зафиксируйте все с его стороны. Прием.

– Вас понял, Филин. Что с объектом А? Прием.

– Объект А будет доставлен на базу в ходе программы, с ним проведут беседу. После вашего возвращения ему предоставят вторую половину ритуала. Возможно, в этот раз мы увидим в его памяти нужный фрагмент. Конец связи.

День. Just let me ride into the skies

Постоянная, неотчуждаемая характеристика чего-либо – обычно его главная особенность, первая ассоциация с ним.

Заметки на полях старого блокнота, найденного в руинах человеческих зданий

Перекусив парой бургеров, человек решил, что можно вернуться на балкон – хотя бы для того, чтобы покурить. Оказавшись снаружи, он ощутил, что или на улице резко похолодало, или на него убаюкивающе подействовала теплая кухня. В любом случае, было уже слишком холодно, чтобы находиться на балконе в одной футболке, а никакой верхней одежды у него с собой не было. Он задумался о том, чтобы посмотреть, не оставил ли в общем гардеробе Файв свою джинсовую куртку, но выходить обратно было лень. В любом случае, на три страницы его хватит. Человек закурил и оперся спиной о перила балкона, развернувшись так, чтобы свет от свисающей со второго этажа лампы падал на страницу с началом текста пятнадцатой расшифровки. Дело начинало понемногу проясняться.

“Здравствуйте, здравствуйте. Это мое первое большое выступление. Не совсем мое – потому что многие отрывки я украл у других артистов. Первое – только потому, что я так

решил его назвать, ведь это звучит куда более волнующе, чем “пятьсот восемьдесят четвертое”, которым оно на самом деле является. Большое – исключительно в смысле размеров зрительного зала, но никак не в смысле количества зрителей, которых здесь и вовсе нет. Сомнению можно подвергнуть даже слово “выступление”, которое явно подразумевает положение стоя, некоторое движение вперед, навстречу аудитории. Поскольку я существую только в виде текста, то и выступать не могу по чисто техническим причинам.

Ну, раз уж мы завели разговор о причинах, далеко не лишним будет рассказать, собственно, о тех из них, что подвигли меня из бессвязного потока сознания внутри чьей-то странной головы мутировать в шеренги символов на белом поле текстового редактора. Проблема в том, что назвать их я не могу. Видите – еще даже не начал, а уже облажался. Поэтому придется говорить иносказательно, намеками, чего я не выношу, поэтому и само выступление может показаться очень бессвязным и перегруженным, что оно, скорее всего, уже делает.

Я написал текст за одну ночь – ночь, когда звезды сошлись, и вся разрозненная рекурсивная чепуха сложилась в единый пазл с бессмысленным рисунком. Все время, пока я писал, я боялся, что звезды разойдутся, и текст получится бессмысленным не в том виде, в котором должен быть. Но все, к счастью, обошлось, и я закончил его именно таким, каким не задумывал, но представлял.

Этот текст не имеет художественной ценности, не смешит и не развлекает, не учит, не трогает, не интересуется. Он лишь каждой буквой кричит о том, чем не является, пытаясь высмеять понятие ценности и хотя бы таким образом занять свою нишу среди текстов ценных и интересных. Он самокритичен и представляет собой одну сплошную критику самого себя, критики, идеи, осмысленности и принадлежности к какой-либо системе классификации, пресекая на корню любые попытки дать ему определение, чтобы в итоге все же быть пойманным и обозначенным как “прочее”, “метатекст” или даже “о рыбах”. И, пусть даже обреченный на провал, он все же неуклюже пытается стать... Чем-то.

Я также хотел бы сказать несколько слов об отстранении, в частности – об отстранении от своих слов в целях собственной душевной безопасности. Как сказал мне один знакомый одного моего знакомого, будущее за отстраненностью. К сожалению, он ушел сразу после этих своих слов, очень неожиданно, еще до того, как я успел спросить, какого хрена это значит, но, словно уловив в воздухе мое недоумение, на ходу бросил через плечо: “Смысл в том, что по мере ускорения темпа жизни и роста числа переменных в уравнении устройства общества человек постепенно придет к осознанию своей полной незащитности перед сложностью этой чудовищной формулы, едва описывающей весь экзистенциальный ужас существования, как придет и к мысли о том, что ничто не может быть воспринято всерьез, следовательно, в

свои слова и поступки стоит вкладывать как можно меньше себя, достигая этого благодаря нагромождению на изначальный посыл стольких слоев иронии и рекурсии, что определить, где же правда, становится просто невозможно. Подобное самоустранение от однозначного и честного высказывания и принесет людям чувство защищенности друг от друга и мира в целом, а также освободит от груза ответственности за свои слова, брать которую на себя становится все труднее”. Я все равно ничего не понял, но этот набор слов показался мне весьма любопытным, и я решил включить его в свое выступление.

Я упорно продолжаю называть это выступлением – просто потому, что не знаю слова, которое описывало бы шоу без зрителей, артиста и физического воплощения всего процесса, происходящего исключительно в воображении. Да, из-за текстового формата это можно было бы снова назвать текстом, уточнить его как эссе, рассказ, заметку или что-то подобное, но текстовый формат, что читатель мог бы увидеть – это уже не оно, это остывающий труп, обманка, пустая оболочка. Вы прочли то, чего уже нет. Бац – и все, опоздали! Оно было лишь доли секунды, пока не набросило на себя одежду слов, букву за буквой напяливая глупый косный язык.

Образы – вот идеальная форма существования, что бы там ни говорили. Вот бы и я был только образом, не воображаемым человеком, а образом воображаемого человека. Суще-

ствование в такой форме было бы идеальным способом отстранения от реальности, которая так часто бывает глубоко ошибочна в самых важных своих аспектах.

Нет, это не эскапизм – я не бегу от действительности, я выступаю против нее, я бросаю ей вызов, оспаривая ее объективность и даже смысловую нагрузку слова “объективность”, пусть пока и безуспешно. В том числе и поэтому на моем выступлении нет зрителей – я не люблю публичные дуэли, считая этот акт делом чести, касающимся лишь двоих.

Я не боюсь быть непонятым, ведь я не понят с самого начала и упиваюсь этим. В уединении. Воспевая это уединение как единственно возможную форму жизни творчества. В безопасности, защищенный от суждений и толкований. От гробовой тишины недоумения, словно намекающей на мою несостоятельность как художника. Ставлящей под сомнение мое совершенство как человека, отрицающего необходимость любых рамок и надуманных ограничений, обозванных “нормой”. К чему отказывать себе в удовольствии самолюбования, зачем оставаться в границах вменяемости, понятия расплывчатого и условного, когда можно просто взять и... Написать это, не рассчитывая натолкнуться на стену понимания в тупике оказавшегося банальностью дрейфа мысли?

Впрочем, подобный формат все же имеет свои недостатки. В отсутствии аудитории я не могу сделать свое выступление интерактивным, не могу симпровизировать забавный

диалог со зрителем из первого ряда, не могу ответить что-нибудь остроумное на случайный выкрик из зала – не только потому, что начисто лишен остроумия, но всего лишь из-за отсутствия возможности такого выкрика, что, тем не менее, позволяет обезопасить себя от эмпирического доказательства моей обделенности чувством юмора, неуклюже скрываемой за самокритичными предусмотрительными обвинениями в одной обделенности, подразумевающими как минимум наличие самоиронии, которую принято причислять к тонкому юмору, несмотря на тот факт, что для этого достаточно всего лишь видеть со стороны свои недостатки и говорить о них вслух, что обычно принимается людьми весьма положительно из-за их подсознательной неприязни к самовлюбленным выскочкам. Кроме того, срок мой короток, а свое жалкое существование я влеку в форме воображаемого голоса в голове, от чего сильно страдают мимика и жестикуляция.

Постойте. Давайте лучше вернемся к причинам и целям. Лейтмотив выступления, как вы могли заметить, довольно прост. Это я. Все обо мне и для меня. Только я здесь имею значение, и это еще одна причина подобной уединенности – мне не хотелось бы угнетать аудиторию энергией своего нарциссизма, которой они бы просто не выдержали.

Некоторые вещи очень сложно принять без отвращения. Вот пример: мне кажется, что я достиг той черты, после пересечения которой уже нельзя быть чем-то определенным, являясь одновременно множеством всего, причем всего аб-

солютного и совершенного, иногда даже противоположного изначальной своей форме не в смысле направленности вектора, а в смысле количества векторов. Идеальный человек – это не человек. Идеальная мысль – это действие, истинный гуманизм – геноцид, человек, по-настоящему любящий детей, никогда не заведет ребенка, мастер сравнения не нуждается в сравнениях и так далее.

Может показаться, что я потерял нить выступления, но ее никогда и не было, так что все в порядке. Если бы у меня были зрители, мне пришлось бы их каким-то образом развлекать. Я не уверен, что у меня бы обязательно не получилось, но сам факт этого обязательства уже убивает все настроение.

Сложно быть мной. Не пытайтесь понять, куда вам. С одной стороны я хочу самовыражения в творчестве, хочу эмоционально раскрыться и быть искренним, с другой – считаю такие желания педовскими и малоприятными, чувствуя необходимость быть черствым и практичным мужиком, каким желает видеть меня общество, с третьей – понимаю, что общественные устои условны, и я в сущности никому ничего не должен, с четвертой – возражаю, что, нарушая общественные нормы, человек уменьшает свои шансы на счастье, ведь он нуждается в других людях и болезненно от них зависит, с пятой – замечаю, что осознанность и самоирония, разбавляющие инфантильное нытье, призваны подсознательно намекать другим, что я отношусь к себе критично, что среди людей высоко ценится, с шестой – отвечаю, что недостаточ-

но замечать свою глупость, чтобы не быть глупым, с седьмой – вспоминаю, что сознание – искусственный конструкт, что лишает все мои споры с собой какого бы то ни было смысла, с восьмой – устало сажусь на пол и пять часов сижу, уставившись в стену, оставив попытки сосчитать эти дурацкие стороны.

Как кто-то может испытывать чувство любви большее, чем испытываю я? Я люблю – как любят горы, люблю – как любит шторм; люблю всеподавляюще, категорически, всеобъемлюще и неосознанно. Но разве кто может при этом чувствовать себя настолько же изгнанным и чужим в этой любви, каким чувствую себя я?

Равнодушие мира падает каменным дождем, сокрушая меня до костей. Каждая секунда гниет, проходя мимо меня, из-за страха перед необходимостью быть кем-то ставшего никем, кричащего повсеместно – и в никуда. Мои идеи вторичны, размыты и нуждаются в контексте, чтобы не выглядеть так, как они выглядят. Стихи превращаются в набор образов, проза стыдливо съеживается меж амбициозности и бедного исполнения, картинки случайны, музыка не создает атмосферу, посыл неясен, но все равно позорен и жалок, миниатюры тупиковы, диалоги глупы и каркасны, приемы избиты и недействительны, мое выступление совершенно не забавно – все не такое, каким должно быть.

Слова все лезут и лезут из меня, я путаюсь в их сетях, паникую, тороплюсь и не вижу никакого внятного завершения

истории, которую написал о себе, пытаясь делать вид, что писал не о себе.

Счастья и смысла нет ни во мне самом, ни в мире вокруг меня, эти вещи рождаются лишь при особом рода взаимодействии между нами, но я давно разучился взаимодействовать, функционально уподобившись черной дыре. Я так глубоко зарылся в пустоту, что даже ее вычерпал до дна, вывернув наизнанку самую суть боли, бесконечно, как мантру, повторяя одно и то же: все вокруг до ужаса пустое и бессмысленное.

Но если бы кто разделял мой ужас искреннего прочувствования этой пустоты, то он бы не стал спрашивать, зачем я все твержу и твержу эти слова. Принять себя невозможно, так же как желать смерти или смириться с жизнью, поэтому все, что человеку остается – сожалеть о своем рождении, о том, что был вырван из хаоса пустоты, что его наказали формой, сослали в жизнь, чтобы наполнять слова смыслами, чтобы придавать чему-то значение, лишь пропуская через свое восприятие.

Я уже почти закончил – дописываю последние строки. Наступит такой момент в пространстве времени, когда другой я прочтет это и все вспомнит. Возможно, у этого другого меня найдется решение. А может и нет. Это глупо и странно – усесться в углу и выдумывать себе миры и историю, чтобы банальная и приземленная реальность не выбила из меня весь настрой, пока я описываю себя как неудачную первоап-

рельскую шутку, как ошибку в расчетах, как того человека, которому вечно кажется всякое, которому... К черту.

Это так же глупо и странно, как завершить выступление словами о том, что мой первый и единственный смысл – найти выход из этого лабиринта снов, проснуться и понять, кто я на самом деле”.

Вечер. Первый хороший вечер

Эта тревога в итоге все же нашла выход – и он сорвался в дальнейшее путешествие, стремясь исправить совершенные им ошибки. Однажды я зашел к нему в гости, в это уединенное убежище, где он прятался от прошлого, и не обнаружил хозяина дома. Лишь на столе в кабинете лежала короткая записка, в которой он с некоторым смущением объяснял причину своего исчезновения. Больше я о нем

ничего не слышал.

Документальный фильм “Жизнь и борьба Беспалова”

Я сидел, невидящим взглядом уставившись в огонь, и казалось, что языки пламени плясали уже не в камине, а у меня в голове.

Вот я и дочитал повесть, которую сам подложил под свою же дверь, которую сам же и написал. Память обо всем, что описывалось в тексте, навалилась на меня внезапно, и это было слишком сложно принять сразу. В мире, который я знал, в котором я жил до сегодняшнего дня, не могло быть такого – однако, оно все же имело место.

Да, наделал же я дел. Сколько всего наговорил. И ведь все – о себе, в конечном счете ведь только о себе, заботясь лишь о себе, думая лишь о себе, дорожа лишь собой. И если в ком-

то и видел ценность, если питал чувства – то не оттого ли, что видел отражение себя? Такова суть мира, такова и моя история, использующая идеи и людей как декорации для пьесы о себе самом. Так кого я могу винить во всем произошедшем, как не себя самого?

И сколько же времени прошло с тех пор? Судя по датам и косвенным признакам, около года, но, черт возьми, почему мне неустанно казалось, что это было десятилетия назад? Неужели что-то еще может быть как прежде, и если может, что же для этого нужно сделать? Какие горы свернуть, какие расстояния пересечь, какому дьяволу продать душу за возвращение человечности, возвращение чувств?

Я вновь и вновь задавал себе эти вопросы, хотя знал, что ответов на них нет и не будет. Возможно, именно поэтому я и придумал так много странного – в надежде отыскать их самостоятельно, исторгнуть из себя. Но ничего так и не вышло, и внутри была лишь прежняя пустота, а воспоминания о том, что раньше все было как-то иначе – закупорены, заперты в вакууме, и на миг захотелось уничтожить эту не дающую мне покоя память, уничтожить все, что осталось хорошего, чтобы мир пришел в свое естественное и идеальное состояние выжженной волей и обращенной внутрь себя ненавистью пустыни.

Но разве я не пробовал уже сделать это? Разве не именно такое решение привело меня сюда, в этот дом, в это утро, которое все же нашло меня, догнало и оглушило хуком из

прошлого? Похоже, бежать от себя действительно бесполезно, но как можно было верить, что удастся скрыться от врага, которого ты сам носишь в себе? Если действия не приносят результата, если бездействие ничего не упрощает и не облегчает, то все, что остается – действовать иначе. Бесконечно перебирать ключи, пока не найдешь нужный – или пока не умрешь от старости с бесполезной связкой в руках.

Решение пришло, в этом я не ошибся. Но теперь я не был уверен, что оно сработает, ведь не сработало ничего до этого. Только в сказках герой все же обязательно побеждает в конце, а мы живем если и в сказке, то в очень плохой и странной, из тех, что не принято рассказывать детям, что пугают и завораживают, когда слушаешь их у костра – вечером, в окружении темноты и гниющих листьев, наедине с человеком, которого видишь в первый раз; и так похож он на какого-то духа леса, что уже дорисовываешь в воображении корону из черных ветвей на его голове.

Я потушил огонь в камине, надел пальто, закинул на плечо дорожную сумку и у самой двери оглянулся на то, что казалось мне домом, пытаюсь найти в себе сожаление. Не найдя ничего подобного, я удовлетворенно кивнул и ступил за порог.

Куда приведет меня эта дорога? Конечно, сперва она приведет меня на железнодорожную станцию, но что будет дальше? Куда мне идти, если нет ни карты, ни указателей, ни проводников?

Ответ я нашел, бросив взгляд на небо, удивительно чистое и безоблачное в эту ночь – казалось, что весь мрак, смог и чернота спустились с небес на землю, укрыв от человека посреди безграничного простора его дорогу. Я отчего-то улыбнулся – искренне и неподдельно, как не улыбался уже очень давно – и сделал первый шаг в эту клубящуюся темноту, пусть даже не зная, что в ней таится, и сколько лет мне придется идти, и дойду ли я вообще. Вскоре я скрылся в черном тумане ночи, и звуки моих шагов затихли, оставив после себя лишь звенящую тишину.

А в небе все так же сияла М.К.Б.Э. – звезда из невероятно далекого скопления, ставшая когда-то для меня путеводной и все еще занимающая свое место на небосводе.

Если я в чем-то и был уверен, так это в том, что буду идти, пока вижу ее негасимый свет – неважно, куда и как долго, ведь, каким бы ужасным все вокруг ни было, я никогда не перестану верить в чудо.

Послесловие. Весть о свободе

Любой выбор может делать только тот, кто будет в ответе за его последствия, какими бы они ни были. И чем менее они предсказуемы, чем они масштабнее, чем больше людей затронут – в любых аспектах, даже непрослеживаемых, неочевидных, косвенных, долгосрочных – тем большей должна быть степень контроля над этим выбором со стороны каждого потенциально затронутого субъекта, и меньшей – степень свободы того, кто выбор непосредственно делает.

Огюст Финезский, “Анатомия власти”

В большом помещении, которое эти чудилы использовали в качестве зала ожидания, склада и комнаты отдыха, нас было двое. Другой – тип в сером костюме, с отсутствующим видом занимающий второе кресло в комнате. Он смотрел в блокнот, который держал на коленях и, наверное, читал. Сложно было сказать точно, потому что глаза его не двигались. Иногда он делал в блокноте короткие пометки. Этот человек казался мне довольно странным на фоне общего тона происходящего – он был будто бы нездешний, что-то вроде судьи на матче или офисника на обеде в пабе, фоном и вполуха слушающего телевизор над барной стойкой, готовящегося по завершении литра лагеря и легкого гарнира вернуться

в свой родной офис. В комнате стоял бильярдный стол, но я был совершенно уверен, что этот тип не согласится сыграть партию, чтобы скрасить ожидание. Скорее всего, он даже не обратит на меня внимания, предложи я ему это.

Так что мне оставалось лишь сидеть и размышлять. Впрочем, в последнее время я в основном активно действовал, и мне довольно редко выпадала возможность подумать о подоплеке своих действий. Почти все приготовления были сделаны, и оставалось лишь несколько последних шагов к исполнению плана. Только что я потерпел досадную неудачу – потерял свою зверушку и отпустил одного из сопляков живым. Где его теперь искать? Остается рассчитывать на моего нового помощника. Помог с ритуалом – ступил на скользкую дорожку, и теперь его будет куда проще убедить в том, что бывшего друга нужно найти и убить. Но с ритуалом получилось, конечно, не так гладко, как я рассчитывал. Чертов наркоман ломался три дня, наверное, всю свою жизнь прокручивал, обдумывал. Как же он боялся, что я его обману. И все же рациональность победила, и он сделал свою половину дела – впрочем, он был уверен, что у меня уже есть вторая половина, но блеф оправдался. Со второй не будет сложнее, привычная схема – потеря, шок, боль, гнев, тучи сгущаются, Авель идет на поводу у своих эмоций, и я переношу все это обратно на текущий цикл, к наркоману, и две части ключа соединяются. А уж то обстоятельство, что на меня вышли эти оригиналы с татуировками, и что мы довольно быстро

сошлись во мнениях, и что благодаря невероятно удачному стечению обстоятельств они даже вызвались помочь мне в организации всей заварушки и доставке в нужное место Авеля, весьма радовало и упрощало задачу. Хотя это и показалось мне весьма подозрительным со стороны актеров театра, который я намеревался спалить дотла, можно было считать, что я в этом спектакле тоже своего рода актер, которому досталась роль шаблонного антагониста.

Так что же? Я уже давно не сомневался в том, что поступаю правильно – слишком много подтверждений своей правоты я встретил на этом долгом пути. Единственное, что меня беспокоило и немного печалило – то, что после завершения плана я не смогу приобщиться к тому, что воплещу в жизнь. Я, как своеобразная вариация Прометейя, отдавал людям зажигалку и оказывался перед необходимостью бросить курить. Ну, можно считать, что это было своеобразной платой за осуществление мечты. Да и не стоит унывать заранее, быть может, среди всех снов я найду тот, за которым мне будет наблюдать не менее интересно, чем быть его участником. Выбор у меня будет максимально широкий.

Я так увлекся фантазиями о том, насколько интересными и необычными могут быть ожидающие меня истории, что не заметил, как в комнату вошли те, кого я ждал. Человек в плаще и маске, за которой, насколько я помнил, под левым глазом у него набита римская пятерка поверх спирали. Вместе с ним – тип с наружностью и повадками агента спецслужб под

прикрытием, что значило одновременно максимальную заурядность и непримечательность вместе с очень внимательным взглядом и обманчиво расслабленными движениями и позой. Агент заговорил первым.

– Я буду сотрудничать с твоими друзьями, со стороны их конкурентов. Мы все обговорили, я доставлю тебя в нужное место и дам сделать все, что потребуется. Меня ждут в наблюдательном пункте через час. Готов?

Я коротко кивнул и встал с кресла. Что ж, вот и начался последний этап плана. Места и времени для сомнений больше нет, осталось лишь дать произойти тому, что должно.

V. В МАЛОЙ ОДИССЕЕ

КОШМАРОВ

Самая большая ошибка, которую может допустить человек, есть вера в наличие у вселенной воли, персонификация сил, действующих в мироздании, предположение, что за ними стоит чей-то свободный выбор. Поняв, что у вселенной нет воли и свободы, человек поймет многое. Что нет судьбы помимо судьбы, которую он творит сам. Что нет справедливости помимо справедливости, которую он несет сам. Что нет смысла помимо смысла, который он создает сам. Что нет добра и зла помимо добра и зла, которые он сеет сам. Что нет истины помимо истины, которую он выбирает сам. Что нет закона помимо закона, который он пишет сам. Что нет неволи помимо неволи, в которую он заключает себя сам. Что нет свободы помимо свободы, к которой он готов сам. Что нет различий помимо различий, которые он находит сам. Что нет выбора помимо выбора, который он определяет сам. Поняв это, человек сбросит свои оковы и будет готов к перерождению.

Неизвестный автор, "То, что спрятано"

Часть первая. Одиссея начинается

Номер третий. Код – 122. Классификация: обычный день, реален-нереален, параллельно. В игру вступает технология, позволяющая увидеть альтернативное развитие событий в заданном отрезке времени. Особенность в том, что в системе происходит сбой из-за конфликта с внешним фактором, и вывод зацикливается. Конечность циклов – не определена. Порядок прямой и обратный.

Отрывок из неизвестной ночной телепередачи

Пролог

*Меня всегда забавляло, как человек не может отличить сон от яви. Какими бы странными и нелогичными ни были сны, всю их странность и глупость человек понимает, лишь проснувшись и вспомнив законы реального мира. Реального ли?
Винченцо Монтильери, “Ленты, круги и петли”*

Начать стоило бы с того, что будет в конце. А в конце главный герой будет мертв – окончательно, обыденно и без права на обжалование. Не сомневаюсь, что таким странным приемом уже кто-то пользовался, но я ведь не оригинальни-

чать собрался, а рассказать историю; и история эта вовсе не принадлежит какому-то одному человеку, чтобы интригу его судьбы ставить выше необходимого порядка повествования. Если я говорю о том, что случится в конце, значит, значение имеют не сами события, а их интерпретация с полученной формой, ведь некоторые вещи проще воспринимаются в перспективе. Поэтому я еще раз вернусь к тому, с чего начал: в конце главный герой будет мертв. Разумеется, речь идет не о конце жизни, ведь в чем смысл подчеркивать смертность смертного? Речь о конце этой повести. Сколь коротка повесть, столь же коротка и жизнь ее обитателя, уже неторопливо шагающего навстречу своей смерти, наивно полагая, что он направляется всего лишь на вокзал.

Нестройные ряды букв сыпались вместе со снегом вниз, на бледно-желтую тротуарную плитку Вокзальной улицы. Вокзальная улица бесхитростно вела к вокзалу и заканчивалась маленькой полукруглой площадью, что упиралась в двухэтажное здание с залом ожидания и кассами. Это была столь же непосредственная в своем названии Вокзальная площадь – одна из самых скромных в своем роде, настолько скромных, что даже площадки перед иными шаурменными будут побольше. В отличие от Вокзальной улицы – длинной, идущей в гору, дающей время подумать и передумать – Вокзальная площадь просто ставила человека перед фактом. Вот ты, вот поезд, и выбор у тебя невелик. Сейчас, несмотря на праздничный день и вечернее время, площадь была почти

безлюдна.

Нестройные ряды букв сыпались не просто так, они постепенно превращались в человека, идущего по уже немного знакомой нам улице. Если я забыл упомянуть, что в этот вечер было снежно – сейчас самое время, потому что каждый раз, когда ветер ударял снегом в чернильного человека, тот становился чуть цветнее, словно в снегу были спрятаны микроскопические шарики с краской, причем каждый из них попадал туда, куда нужно, иначе человек бы выглядел куда забавнее. Но шарики лопались именно там, где должны были лопаться, и он оставался неприметным, даже обретая цвет.

Человек что-то записывал на ходу в телефон, ни на секунду не отрывая взгляд от текста, который начал писать однажды, в июле, в дождь, не подозревая, что точку поставит в совсем другом году, в другом городе, в снег, в другом телефоне. И – что совсем невероятно – это сделает уже не он. Но пока человек не знал ни о собственной скорой кончине, ни о судьбе своего текста. Он просто шел, печатал и очень тихо шептал слова на странном языке, похожие на шумерские заклинания.

Вдруг он остановился и поднял взгляд на одно из окон последнего дома по улице Вокзальной. Окно было на третьем этаже, под самой бойницей чердака. В окне горел тусклый свет, и видны были очертания комнаты. А еще – за окном стоял я и внимательно смотрел в ответ, на этого немного странного человека, про которого я еще толком ничего и

не сказал, кроме как объявил о его неминуемой смерти. Терпеть не могу, когда на меня кто-то настойчиво пялится, особенно с такой безмолвной претензией, что читалась у него на лице – хотя я, честно говоря, еще не решил, что должно читаться у него на лице. Наверное, он что-то заподозрил. Наверное, у меня была гримаса убийцы, хотя тут дело не в моих намерениях относительно придуманных людей, а в том, что мне с некоторых пор приходится носить куцую бородку, чтобы только меня не называли маньяком. Ну что поделаешь – такое уж лицо.

С трудом отвернувшись от окна, я вернулся в кресло, положил на колени ноутбук и отхлебнул из зеленоватой бутылки. В комнате чего-то не хватало. Я потушил свет, напечатал пару строк в ноутбуке, на окне появилась сверкающая разноцветными огоньками гирлянда и негромко заиграла музыка. Кажется, это был третий акт песни “Ritual” группы Nemrud. Мне нравились первые секунд пятнадцать, когда в мелодии было что-то то ли космическое, то ли магическое. Самая подходящая музыка для того, чтобы сказать: этот рассказ написан не совсем в жанре реализма. Я сидел, смотрел на огоньки и думал об уместности отсылок. Когда я снова подошел к окну, чернильный человек все еще стоял внизу. Я распахнул створки и спросил, что ему нужно. Тот ничего не ответил, но сделал знак спускаться. Я еле слышно чертыхнулся, надел пальто и шапку, засунул ноутбук в сумку и закинул ее на плечо. Еще раз оглянув комнату, я решил взять с собой зе-

леную бутылку и выкидной нож. Закрывая вхоную дверь снаружи, я остановил время внутри этой маленькой квартиры на пятом этаже дома по улице Вокзальной. Уже спускаясь по лестнице, я подумал, что теперь чернильному человеку нужно более приличное имя. Мне показалось, что имя Питер ему вполне подойдет.

Не-интерлюдия первая. Поступь фатума

*Ход времени – лишь иллюзия. Многие в нашем восприятии мира иллюзорно. Кроме смерти. Смерть всегда и для всех предельно реальна.
Марк Ариадор, вырезки из статей в журнале “Цель”*

Солдаты нет-нет, да и поглядывали на него, скашивая глаза, но не смея повернуть головы. Староста виновато прятал глаза. Артиллерист откровенно пялился. Офицер – гладко выбритый хлыщ с острым подбородком – равнодушно окидывал взглядом конструкцию, оценивая ее работоспособность. Человек с петлей на шее никуда не смотрел – точнее, он смотрел уже в вечность. Снег сыпал гигантскими хлопьями, укрывая землю и одежды участников этой странной сцены на опушке леса, словно желая скорее похоронить ее под белой толщей, не дав случиться тому, что должно было произойти с минуты на минуту. Но судьбу было не остановить, и довольно скоро все действительно случилось: раздался вы-

стрел, и человек с петлей на шее устремился вниз, со скалы. Веревка разматывалась с бешеной скоростью, но все же достаточно медленно, чтобы плохо стало каждому из присутствующих. А потом...

Я обрушился на пол, потому что плохо закрепил чертову веревку. Хрипло матерясь, я встал на ноги, пнул табуретку, попытался разорвать веревку пополам, выкинул ее в окно. Дернулся было и сам, но сразу передумал – неохота было отвлекать прохожих от их дел делами своими. Мне ужасно не хотелось пить таблетки, потому что этот способ казался слишком женским, скучным и каким-то тягуче-неприятным. Но ни пистолета, ни ритуального меча у меня не было, а лезвие и ванна были еще отвратительнее таблеток. Так что я открутил крышку пузырька со снотворным и опрокинул содержимое в ладонь.

Когда вместо горсти таблеток из пузырька высыпался миниатюрный человек – это было несколько удивительно. Впрочем, я удивлялся только первые пару секунд, а потом быстро сообразил, что все это значит – даже раньше, чем этот мелкий тип заговорил. Я устало вздохнул и уселся на стул, а затем помог ему принять более-менее устойчивое положение. Человек был размером с флэшку, немного пухлый, лысый и, насколько мне было видно, имел какое-то хронически ехидное выражение лица. Распрямив свой фрак, он пару раз прошелся взад-вперед по столу, затем остановился рядом с крестиком, который я снял с шеи до своего восхождения

на табурет. Брезгливо потрогав крестик носком ботинка, человек спросил:

– А ты, судя по всему, поклонник перекрестков?

Я только слегка улыбнулся и вопросительно мотнул головой в ожидании момента, когда он перейдет к делу.

– Хорошо, я вижу, ты человек практичный. Что ж, не будет тянуть. Цену ты знаешь, как я понимаю?

– Душа или что-то вроде того?

– Ну да, можно так это назвать. Но если быть более точным – твоя вечность.

– А ты в курсе, что тебя так много раз изображали лжецом, выполняющим свою часть сделки не так, как нужно, что мне очень сложно тебе доверять?

Толстяк расхохотался, схватившись за живот. Отсмеявшись, он хитро подмигнул.

– Давай раскрою тебе небольшой секрет. Вы, люди, по природе своей ничтожны, и из-за одной неопределенной силы не можете стать ничем выдающимся, потому что кривая ваших личных способностей стремится стать прямой. Абсолютно все, кто добился в жизни чего-то стоящего – по вашим меркам – сделали это благодаря мне. Все, в чьих сюжетах я показан обманщиком, донесли их до тебя только с моей помощью – иронично, правда? А в общей сложности на данный момент у меня около двухсот миллионов действующих контрактов. Просто о нашей встрече человек забывает сразу после подписания – или отказа.

– И многие отказываются?

– Примерно каждый седьмой. Это или верующие – те, кто выжил, не попытавшись прикончить меня сразу, как только я представлюсь, или слишком подозрительные скупердяи. А атеисты, как бы это забавно ни звучало, вообще меня не видят и не воспринимают.

Я покачал головой и уставился в окно. Дьявол нетерпеливо поцокал языком.

– Так чего ты хочешь в обмен на свою вечность? Из-за чего ты был готов умереть?

– Я думал, что желания любого человека открыты тебе. Это не так?

– Так-то оно так, но тебе стоило бы сказать это вслух, раз уж ты опасаясь мошенничества с моей стороны. Иначе может оказаться, что ты продал душу за червивую сливу.

– Хорошо, это звучит здраво. Но я не могу сказать этого вслух – по определенным причинам, о которых даже ты не знаешь.

– Почему нет? Мы здесь одни. Ты можешь быть откровенен, ведь мне нет дела до того, что происходит только между людьми и не затрагивает мои интересы.

– Ты ошибаешься. Мы здесь не одни. Есть вещи, о которых знаю только я – в силу того, что я здесь представляю. Так что я, пожалуй, напишу свое желание на бумаге.

Я действительно взял чистый лист бумаги и написал несколько предложений. Это заняло около получаса, потому

что мне приходилось обдумывать каждую букву, ища в формулировке слабость и возможную лазейку, которой мог воспользоваться мой новый знакомый. Выверив все до запятой, я положил бумагу на стол перед ним. Дьявол прочитал условия сделки без тени эмоции на лице.

– Хорошо. Если это твое окончательное решение, то мы можем подписать это, и сделка вступит в силу.

– Подписать кровью?

– Да нет, чернил будет достаточно. Я уже давно не использую кровь – это ужасно непрактично и несколько негуманно. Впрочем, если хочешь – можешь для антуража расписаться красными чернилами.

Взяв в руки ручку, я занес ее над контрактом и, почти без раздумий и сомнений, подписал. Что было удивительно, так это то, что сразу после финального росчерка у меня не возникло никакого ощущения, будто я совершил чудовищную ошибку. Терять все равно было уже нечего, а призрачный шанс на то, что дьявол выполнит свою часть сделки добросовестно, был лучше полной пустоты и безнадёжности.

Мой гость оставил свою подпись – она оказалась на удивление невзрачной и простой – рядом с моей, деловито свернул бумагу и, отвесив шутливый поклон, принялся старательно растворяться в воздухе.

– До встречи, уважаемый! – успел сказать он, прежде чем окончательно исчезнуть.

Мое “пока” повисло в воздухе невостребованным облач-

ком пара. Я несколько минут посидел, оценивая случившееся, а потом оделся и вышел на улицу, где уже начинался снегопад. Нужно было многое сделать, а времени оставалось мало. Приближалось Рождество, но впервые в жизни это не вызвало во мне никаких эмоций. Уж с кем с кем, а с Христом мне было теперь точно не по пути. Но украшенные гирляндами витрины светили все так же ярко, а звуки рождественских песен звучали все так же отчетливо. Похоже, электрическому богу было наплевать, что у меня больше нет души. Точно так же, как было наплевать и мне – я шел и ехал сквозь праздничный город, уже едва помня о том, что случилось. Но каким-то странным образом я был совершенно уверен, что этим вечером случится то, о чем только я и мог думать. И это было здорово.

...А потом веревка перестала разматываться, и человек прекратил свой короткий полет – резко, страшно и бесповоротно. У многих из солдат дернулись лица, староста позеленел, артиллерист отвернулся и уставился на пролетающую в небе стаю птиц. Офицер глянул вниз, удовлетворенно хмыкнул и, достав из ножен шпагу, резким ударом перерубил натянувшуюся под грузом тела веревку. Через пару секунд снизу раздался короткий всплеск воды, и затем все стало тихо.

В некотором отдалении от места событий стоял и тихонько посмеивался в кулак лысый толстячок во фраке.

Впрочем, через несколько минут после казни с ним случилась неприятность: когда он уже шел прочь от сцены, на

которой развернулась очередная спланированная им трагедия, откуда-то сверху на него со скоростью молнии обрушился серебристый росчерк чего-то вроде пера. Или авторучки. Дьявол завалился на бок и выронил из рук пухлый кожаный портфель, которого до этого момента при нем, кажется, не было.

Из портфеля вырвалась вспышка света и устремилась на восток – туда, где ее прежнего владельца ждало... Искупление? Повторение? Воскрешение? Или, чем черт не шутит, даже все сразу.

Не-глава первая

*Никто не занимает человека больше, чем он сам,
в особенности то, кем он мог бы быть.
Альбер Камю, “Миф о Сизифе”*

Это было ужасно: на все про все – всего пять часов, меня клонит в сон, вокруг – сплошной салон поезда, движущегося из одного промежуточного места в другое, а рядом сидит и заглядывает в мои записи человек, которого еще полдня назад не существовало. Словно этого мало, сквозь пелену творимых на ходу событий пробивалось что-то угрожающе реальное. Угрожающее проблемами там, где я не мог ткать сюжет, будто гобелен; там, где я был никем. Иногда эта реальность принимала форму знакомых голосов, даже слабое эхо

которых доносило высшей степени беспокойство и тревогу их обладателей. Впереди было слишком много всего, чтобы я мог успеть описать до того, как эти события произойдут. Поэтому на меня поочередно накатывали то паника, то бессилие.

Питер оказался разговорчивым малым, и мне пришлось довольно долго отвечать на его вопросы, касающиеся того или иного аспекта бытия, по поводу которого ему срочно понадобились объяснения от высшей инстанции. Я пытался несколько раз намекнуть, что с его стороны несколько самоуверенно отрывать бога от работы, но этот человек умело делал вид, будто не понимает намеков. Его интересовало все – смысл жизни, будущее, посмертие, вопросы морали и, конечно же, его собственные личные интересы. Я сумел слегка умерить его пыл, только прямо заявив, что он перепутал меня со справочной конторой.

Ох, нужно было поспешить, иначе все это грозило затянуться, оборваться в начале и вообще превратиться из повести в роман. Поэтому я позволил себе промотать время немного вперед – к моменту, когда мы с Питером сошли с поезда (он так задумался о чем-то, что чуть не врезался в скиновского вида парня в черной кожанке и темных очках) и двинулись сквозь укутанный снегом огромный город куда-то вперед, даже мне неведомо куда. Питер, кажется, вполне привык к моему обществу и, что самое приятное, перестал задавать свои ужасные вопросы. Мне было ужасно жаль,

что ему придется скоро умереть, но пока что он шагал рядом, глядел по сторонам и впитывал в себя окружающее пространство с его людьми, звуками, светом и атмосферой. Я же искал среди всего этого то, что должно стать частью сегодняшней истории. И через какое-то время я нашел первое такое место, на одной из широких улиц, зажатых в тиски высоких домов с колоннами и барельефами.

Это была закрытая терраса, прилегающая к кафе “Центральное”. Как я и рассчитывал, Питер сразу оживился.

– Я помню это место. Много лет назад, на Новый Год, я заходил сюда с бабушкой, а потом мы ходили на каток – он тоже тут недалеко... Я даже помню, что я ел! Молочные эклеры с апельсиновым соком...

Питер выглядел ошарашенным. Он явно не ожидал от своей памяти чего-то в этом роде. Я усмехнулся и предложил зайти внутрь. Мы остановились у длинной стойки напротив окна, и я собрался к прилавку.

– Тебе, я так понимаю, эклеры с соком?

Питер задумчиво кивнул, все еще пребывая в легком шоке от неожиданно объявившихся детских “воспоминаний”. Я взял себе бутерброды и кружку светлого пива, ему – эклеры и сок.

Мы сидели за стойкой и ели, наблюдая в окне, как люди проходят мимо – быстро и медленно, поодиночке, парочками или в компаниях, веселые и не очень, праздничные и будничные. Иногда кто-то заходил в кафе, впуская вместе

с собой клубы морозного воздуха. Люди смеялись, болтали, перешептывались и переглядывались, касались друг друга и встречались глазами. Продавщицы и бармен носились вдоль прилавка, и на нем то и дело появлялась еда, слышен был непрерывный звон монет, бокалов и стаканов, а из колонок под потолком то тихо играл какой-то лаунж, то вдруг раздавалось классическое “джингл-белз”, которое так же внезапно сменяли Wham! со своим “Прошлым Рождеством”. Есть в календарном году такие дни, когда все вокруг подчинено одной идее, которая сквозит во всем вокруг. Конец декабря – как раз такое время. На улице собака погналась за кошкой, погоня продолжалась секунд десять, прежде чем кошка успешно скрылась в какой-то щели в стене дома, оставив преследователя в недоумении вилять хвостом. Мы с Питером отметили счастливое спасение кошки двумя кружками пива, а затем встали из-за стойки и вышли наружу.

Разумеется, вдохновленному иллюзорными воспоминаниями Питеру захотелось покататься на катке. Пока он натягивал коньки, выходил на лед и неумело нарезал круги, то и дело теряя равновесие, я сидел у бортика, пил из своей зеленой бутылки и печатал дальше, стараясь превратить линии историй в один красивый узор. Пока что у меня не получалось. Кто придумал глупости о том, что бог всемогущ?

Через некоторое время ко мне подошел один мой хороший знакомый. Закатив глаза при виде его топорщащегося на спине пальто, я отложил ноутбук в сторону. Михаил сел

рядом у принялся следить взглядом за рассекающим по льду Питером. Наконец он созрел для того, чтобы задать вопрос.

– А это точно необходимо?

– Да, другого способа нет. Ты не представляешь, как мне самому тяжело это делать, но – я повторюсь – другого способа нет.

– Какой это уже раз?

– Четырнадцатый.

– А сколько еще у него впереди?

– Я не знаю. Это будет продолжаться до тех пор, пока я не замечу изменений. Но даже потом ему придется продолжать – пока пути назад не останется, и грех не будет искуплен.

– Это жестоко – каждый раз заставлять человека поверить, затем потерять веру и умереть без нее, в полном отчаянии и одиночестве.

– Он не одинок. Я всегда наблюдаю за ним, и каждый раз – словно вместе с ним умираю. Но я не жесток, иначе выбрал бы короткий и простой путь, который бы, однако, привел его и всех их в куда более прискорбное положение.

– Я знаю. Просто мне больно смотреть за тем, как ты уби- ваешь себя в попытке спасти то, к созданию чего не был при- частен.

– В этом и весь смысл, и лучшие из них уже давно это поняли.

– И что же ждет его на этом круге?

– Беззаветное посвящение себя другому человеку.

– Это звучит не так уж и трудно. В чем тогда здесь подвох?

– Он не должен расценивать это как жертву. Не должен жалеть себя, рассчитывать на взаимность, считать справедливость неизбежной, а себя – мучеником, которого ожидает награда. Он должен принять свои чувства и порывы как величайший дар и понять, что в нем самом нет ничего особенного.

– Если в нем нет ничего особенного, почему тогда ты столько с ним возишься?

– Я не говорил тебе, но в его падении есть моя личная вина и ошибка. И я твердо намерен все исправить. А тебе пора, он уже возвращается.

Михаил торопливо попрощался со мной, встал и скрылся в толпе спешащих в метро людей. Питер подошел ко мне с довольным выражением лица, тяжело дыша, покрасневшийся. Я дал ему время постоять и перевести дух, а затем мы продолжили бесцельную прогулку по рождественскому городу.

Вскоре в одном из переулков, занесенных снегом, мы нашли ее – завернувшись в кусок тонкой и рваной ткани, она сидела у стены дома, по щиколотку в снегу, без малейшего движения. Возможно, это было как-то связано с тем, что она была уже два часа как мертва.

Не-интерлюдия вторая. Лживые строки культовых песен

Феникс, птица, что возрождается в пламени, наряду с уроборосом, змеем, что пожирает свой хвост, является невероятно древним символом перерождения и бесконечного течения времени, как и его цикличности. Нет никаких сомнений, что все цивилизации людей были хроноцентричны и мыслили категориями различных циклов.

Ауришфетахтанг А-М Баджрфогенх, “Символы и знаки. МС-СС-№3”

Было что-то завораживающее и пугающее в том, как выглядела эта девушка. Она шагала сквозь завесу снега, и ее волосы развевались на ветру. Тот же злой ветер трепал тонкую длинную кофту без пуговиц, стараясь изо всех сил вырвать полы этой кофты из рук своей жертвы. Обута она была в старые и дырявые ботинки, единственным смыслом которых в такую погоду было лишь внешне укрыть ноги – хотя бы от испуганных, сочувствующих и осуждающих взглядов прохожих.

Впрочем, даже этот смысл терялся, когда вы понимали, что ее никто не замечает. Она просто шла в толпе, вся – как еще один порыв ветра, только медленный, прибитый телом к земле и напоминающий человека. Она была порази-

тельно красива каждую секунду своего дрожащего пути вперед, непонятно куда, а особенно прекрасной выглядела, когда поднимала огромные блестящие глаза вверх, к небу, слегка приоткрывая рот в тихом вздохе, который освобождал густые клубы пара, на несколько секунд окутывающие ее лицо.

Из окон квартир, с фонарей, с витрин магазинов и кафе на первых этажах домов на ее лицо падал желтый свет ламп, оранжевый свет уличного освещения и разноцветные огоньки гирлянд. Какой-то неуловимый свет и сама она давала всему вокруг, но он отчего-то не отражался ни от одной поверхности, словно летел до любой из них вечность.

Ни в одно из этих зданий она не могла войти, чтобы согреться. Как бы долго она не шла к какой-нибудь из дверей, та не становилась ближе ни на метр. Поэтому у девушки не оставалось другого выхода, кроме как продолжать идти и дрожать от холода. Но вскоре силы покинули ее, и она свернула в узкий переулок, заставленный машинами. Уселась у стены дома, постаралась завернуться в кофту так, чтобы не оставить ни одной лазейки для ветра, но это у нее, разумеется, не получилось.

Тогда она достала из кармана джинсов пачку сигарет и закурила, скорчившись над сигаретой, чтобы хоть немного задержать рядом какое-то тепло.

Каждая новая затяжка каждой следующей сигаретой рождала перед ее глазами яркие образы прошлого, которое она потеряла, настоящего, что разительно отличалось от реаль-

ности, и будущего, которое уже никогда не наступит. Никто не знает, что именно она видела, но в эти моменты лицо ее становилось светлее не только от близости тлеющей сигареты.

Из приоткрытого где-то неподалеку окна что-то врал в стихах Виктор Цой. Он, кажется, тоже пел о сигаретах.

Когда пачка закончилась, девушка просто поднесла к лицу горящую зажигалку, держа ее в сложенных горстью ладонях. Так она и ушла – просто тихо закончила дышать, так и не поняв в последние секунды, что же именно с ней произошло. В небе сверкнула и пропала последняя звезда, ознаменовав этим конец эпохи.

Через пару минут бурятского рокера сменила мелодия “Bring Back The Day” группы Nothing More.

Затем в переулке наступила леденящая тишина.

А через несколько часов появились они.

Промежуточный эпилог

Я могу делать здесь все, что захочу. Я могу как угодно играть словами и смыслами. Я могу управлять мыслями тех, кто сюда попадет. Я при этом могу оставаться недостижимым и неуязвимым.

Мысли человека, впервые задумавшегося о силе печатного слова

В первые секунды после того, как мы ее увидели, произошло сразу много событий. Но еще больше их произошло в остаток этого вечера и ночи, так что имеет смысл сделать паузу.

Мои глаза на секунду остекленели, и все вокруг замерло. Питер застыл в странной позе – что-то между еще спокойствием и уже готовностью рвануть вперед, к телу замерзшей девушки. Замер ветер, остановили свой полет снежинки, выброшенный откуда-то из окна бычок тоже завис в полуметре над землей, и даже искры, что он произвел в полете, так и остались сверкать в воздухе.

Пора было признаться, что я не сумел вовремя все закончить. Передо мной лежало слишком много линий судеб и узоров вероятных исходов, чтобы их можно было за несколько часов превратить во что-то цельное и осмысленное. Казалось бы, это просто слова, и с ними можно делать что угодно.

Я и сделал. Сквозь реальность этого мира настойчиво пробивалось что-то еще, пытаюсь усыпить меня, не дать завершить свою историю. Это сонное наваждение бежало по пятам, и я придумывал слова на ходу, уже закрывая глаза. Была ли у моей истории какая-то мораль, присущая обычно рождественским рассказам? Сомневаюсь. Однако там было намешано много чего еще, и сильнее всего было выражено желание сказать... Что же я этим хотел сказать?

Я выронил из рук сумку с ноутбуком, и зеленая бутылка тоже упала на землю, покотившись куда-то вбок – един-

ственное движение на полигоне безмятежного пространства. Последние строки я писал, стоя на коленях, пальцем на снегу, пользуясь тем, что ветер не может тут же замести их. Закончив, я перевернулся на спину и упал в снег, внимательно уставившись в небо над головой.

Тем временем с Питером стало что-то происходить. От него будто бы отделилось нечто призрачное, он словно раздвоился, ожив тенью. Тень вскоре стала плотной и похожей на настоящего человека и пришла в движение. Она расхаживала рядом со мной, лежащим в снегу, и говорила разные вещи – то ужасные, то в чем-то верные. Вот что она говорила:

– Что такое история? Это все, что случилось до нынешнего момента. А в более широком смысле – просто любая последовательность связанных событий, произошедшая или предстоящая, реальная или вымышленная – неважно. Понятно, почему исторической историей занимается человечество – в политических, экономических, идеологических целях и для сохранения преемственности культуры. Отчего ей интересуются отдельные люди, в частном порядке? Оттого, что нам порой бывает любопытно, что на нас повлияло. А зачем люди занимаются написанием историй вымышленных, фантастических? Ответ идеально симметричен – мы хотим с их помощью на что-то повлиять. Мир, в котором мы живем, можно описать при помощи невероятного количества эпитетов. Многие из них спорны, очень многие – субъективны, но что о нем можно сказать точно – так это то, что он

удивителен. Как может не быть удивительным мир, где что-то столь бестелесное и эфемерное, как слова, способно кардинально изменить все материальное? Так же бесспорно и утверждение о том, что мир невероятно сложен. То, как сейчас выглядит и функционирует его покоренная человеком часть – это, кажется, кто-то называет ноосферой – подробно описать не представляется возможным. Мы зашли слишком далеко, чтобы полностью понимать все, что происходит с нами и вокруг нас, чрезвычайно усложнили устройство одного невероятного маленького кусочка плавающей в вакууме материи – до такой степени, что это пугает. Перспектива встречи с последствиями этих внутренних перемен пугает больше всего того, что может разрушить нас извне. А энтропия все растет; и кто знает, когда структура мира станет слишком сложной, чтобы поддерживать его существование продолжало быть физически возможно. Что, если мы достигнем точки, в которой ветви гиперболы все же соприкасаются с осями координат; в которой убывающая геометрическая прогрессия все же достигает нуля? Мне кажется, это и есть линия терминатора, конец света в чистом, незамутненном виде. И чем больше замечаешь эту сложность во всем, чем чаще сталкиваешься с ней, чем сильнее она мешает тебе жить достойно и счастливо, в разных своих формах разрушая все, что ты пытаешься создать, тем сильнее ненавидишь историческую историю – историю людей, которые десятки тысяч лет делали все для усложнения этой системы. И тем глубже

погружаешься в истории вымышленные, истории собственного сочинения, в которых жизнь описана такой, какой она должна быть, могла бы быть... Еще может быть? Кто скажет, спасение в незнании ответа на этот вопрос – или проклятие? Возможно, если бы мы точно знали, что наши мечты еще имеют право жить в сердцах, еще могут исполниться, то мы бы отбросили все сомнения и просто шли к ним дальше – пробуя все подряд, плутая, меняя себя, но не впадая в отчаяние. Дай человеку одну лишь надежду и больше ничего – и он умрет от жажды, но не несчастным, даже в последний миг жизни надеясь хоть на каплю воды. А если все же “нет” – но “нет” совершенно, абсолютно и окончательно, “нет”-полный-ноль, “нет”-приговор, “нет”-чтобы-в-последнюю-секунду-не-дрогнуть... Узнав о несбыточности своих чаяний, мы бы могли с облегчением вонзить клинок в горло душащих нас химер иллюзий и ложных надежд, освободиться от гнета этой ноши мертворожденных мечтаний и, ничем более не удерживаемые там, где нам невыносимо плохо – шагнуть навстречу разгадке величайшей тайны. Отбери у человека всякую надежду – и он не будет мучаться в ожидании смерти в боли и бесчестии, и сможет хотя бы что-то выбрать сам. Но возможно ли узнать этот ответ? Если наши мечты лежат в поле материального, не связанного с людьми – нет. Ведь мы уже признали, что мир устроен слишком сложно, чтобы предсказания были возможны. А что, если ответ этот может дать нам другой человек, если наша мечта – не что иное, как

мечта об этом человеке? На первый взгляд может показаться, что в таком случае все проще, и нам достаточно лишь попросить этого ответа достаточно сильно и искренне. Но можем ли мы быть уверены в тех своих желаниях, намерениях, чувствах и мыслях, что еще не родились, не вернулись к жизни, не развились – неважно? И мы снова упираемся в чрезвычайную сложность мира и человека, которая не позволяет нам сказать что-то определенное о своих будущих решениях. И в этом одна из величайших трагедий жизни. Один французский мыслитель семнадцатого века сказал, что жизнь – это трагедия для того, кто чувствует, и комедия для того, кто мыслит. Другой француз полвека спустя написал, что мыслить – значит страдать. Еще полвека спустя немецкий демагог, ставший впоследствии кумиром миллионов позеров-нытиков, заявил, что даже просто жить – это уже страдать. Еще полвека – и венгерский композитор написал песню, которая вызвала крупнейшую на тот момент волну самоубийств. Еще полвека – и американский музыкант написал потрясающий в своей жуткой пронзительности гимн бесконечной усталости от жизни. Миллионы жизней были спасены только тем обстоятельством, что его группа не получила практически никакой известности. Еще полвека – и поэт-космополит издаст сборник, который назовут “Колыбельные для мертвецов” и запретят на какой-нибудь экстренной международной конвенции – если повезет, прежде, чем ряды слов нанесут миру непоправимый ущерб. Страдания и боль словно рас-

тут в человеческом воображении от века к веку, заполняя то, что прежде было занято простыми и понятными вещами. Страдания разнообразны, мучительны и зачастую неизбежны. Иногда кажется, что если освободить всю испытываемую людьми боль, которую они держат внутри себя, мир сторит в одной мгновенной вспышке ужаса перед тем, насколько он чудовищен и жесток к своим обитателям. Некоторые люди считают, что две тысячи лет назад родился человек, который спустя тридцать три года своей жизни умер за грехи всех остальных людей, совершив тем самым наилучший, самый безупречный в своей чистоте поступок в истории мира. Грехи – это плоды страданий. Сколько же понадобилось бы сынов божьих, чтобы проделать то же самое сейчас? Возможно, бог просто недооценил человеческую прыть – или переоценил свои репродуктивные возможности – и, испугавшись того, что создал, ушел куда-то еще. А может его и вовсе не было, и этот кошмар появился из ниоткуда, зародился посреди бесконечной ледяной пустоты и тишины, чтобы через мириады лет исчезнуть, так и не изменив ничего в породившей его пустоте, мертвой и совершенно равнодушной к чему бы то ни было. Но и в этом мраке есть место вспышкам, искрам, огням и лучам. Иногда человеку удается ухватиться за что-то, остановить падение в бездну и удивиться тому, как красиво звездное небо у него над головой, как сложны и прекрасны снежинки, как приятно пахнет вечерний морозный воздух, и как вообще все вокруг может замечательно

ощущаться, чувствоваться. Иногда быть человеком – здорово. Иногда от “здорово” остается только память. Иногда оно живет только в мечтах.

Закончив на этом, дух снова вернулся в неподвижное тело Питера. Я все так же лежал и думал, что слова – это слова, и прежде них идут мотивы, что движут теми, кто эти слова произносит. Таким был создан мир, и таким мне его вручили на хранение.

Сон накатывал на меня все сильнее, и сил привести историю к промежуточной развязке уже не оставалось. Веки медленно смыкались, и эта повесть прерывалась. Оставалась висеть в пространстве в этот застывший момент времени, и ее продолжение тоже оставалось висеть до востребования, если подобное случится.

Прежде чем погрузился в летаргию, я еще успел улыбнуться, увидев в узоре звезд на небе знакомый образ.

А потом наступила темнота.

Часть вторая. Одиссея набирает обороты

Номер четвертый. Код – 132. Классификация: обычный день, нереален-реален, параллельно. Все завязано на психоактивном воздействии на сознание, заставляющем мозг галлюцинировать, изменяя происходящее вокруг. После окончания трипа имеет место рекурсивный флэшбэк, в котором вскрывается жестокая правда. Повторение циклов – бесконечно. Порядок прямой и обратный.

Отрывок из неизвестной ночной телепередачи

Металог. Об эволюции правил

– Любая мифология требует тщательной проработки. Иначе она кажется детской сказкой, нехотя излагаемой уставшим и захмелевшим отцом, только и думающим поскорее вернуться к экрану телевизора. Космология сотворенного вами мира должна быть безупречно логичной и вызывающей доверие! Иначе все, что вы на ней сотворите, рухнет.

– Даже если и сама мифология, и основанный на ней мир – просто метафора?

– Это что же за мир тогда, и что вы, позвольте, за творец? Даже вкладывая главную

идею и суть во второй либо более глубокий слой произведения, нельзя пренебрегать формой первичного изложения. Это безответственный примитивизм и недостойное творца дурновкусие!
Inner University Dialogues Anthology

В начале бог сотворил небо и землю. Однако то, что он сам существовал еще ДО начала, делает невозможным использование слова “начало” в таком контексте, так что вернее было бы “в какой-то момент бог сотворил небо и землю”. Истовый христианин может плюнуть за такие слова кислотой в лицо – с ними зачастую непонятно, какая именно безобидная фраза их заденет до глубины души. Христианин же настоящий, как, впрочем, и любой здравомыслящий человек, возразит, что нет смысла рассуждать о последовательности событий в рамках разговора о существе, которое, по заявлениям людей знающих, экспертов в данном вопросе, получивших свои сведения эмпирическим путем, существует вне времени. Но отчего же было не начать все, например, так: “в начале бог сотворил время”? Или: “в начале бог сотворил бытие”? Верующие люди часто говорят, что бог абсолютен и неотделим от всего остального. В таком случае библия вполне могла бы быть самой короткой книгой – книгой, в которой была лишь одна страница, на которой семьдесят вторым шрифтом “Blaskoak Std”, с полужирным начертанием – одно слово “БОГ”. Это было бы куда практичнее, но негативно

сказалось бы на продажах библий, поэтому мы имеем то, что имеем.

Так вот, бог сотворил небо и землю, поднял твердь из воды, придумал утро и вечер, зажег солнце и прочее небесное освещение, создал растения и животных. И ОСТАНОВИЛСЯ. Ему все казалось гармоничным. Все было идеально.

А потом откуда ни возьмись появился дьявол и, прежде чем бог успел представиться, сотворил человека по образу и подобию бога, обрек человека на бесконечные страдания, расхохотался тем смехом, который позже – видимо, в память об этом случае – назовут дьявольским, и исчез неведомо куда. А бог остался один на один с мыслящим смертным существом, к возникновению которого не имел отношения. Человека ему практически подбросили под входную дверь. До этого момента бог только создавал и пока что не очень хорошо умел уничтожать – или хотя бы редактировать. Поэтому человек остался – жалкий, противоестественный, дефектный – остался быть в мире, где его ждала одна только боль.

Потом случилось еще много всякого. Человек из-за своей природы натворил дел, а богу пришлось это все разгрести при помощи избранных им людей. Дьявол же все это время с любопытством наблюдал. Иногда покатывался со смеху, иногда принимал участие. Но самым любимым занятием для него было появиться среди людей под какой-нибудь личиной и рассказывать сказки о том, что у человека есть душа. Ино-

гда он эту “душу” у человека “покупал”, в качестве оплаты исполняя человеческие желания. Но исполнял он их так, что впоследствии люди всегда о своих желаниях жалели.

А еще дьявол выдумал рай и ад. Первый он сулил хорошим людям, вторым пугал плохих. Разумеется, никаких ада и рая не существовало. Хорошие люди поклонялись богу и вели себя отлично, рассчитывая за это после смерти попасть в какое-то совершенно потрясающее место. И богу было стыдно, что у него такого места для них не было. Плохие люди ни на что не рассчитывали, они просто вели себя в соответствии со своей природой, тем самым мешая людям хорошим зарабатывать очки кармы для всего вида.

Человек был полностью во власти своих чувств: страха, горя, любви, зависти, радости, раскаяния и прочих, прочих. Человек любил больше всего себя, на бога уповал, а дьявола боялся. Бог любил все, что создал, но и человека он любил тоже, а дьявола пытался понять. Дьявол же никого не любил и не боялся, а интерес испытывал только к хорошей забаве.

Такая концепция никуда не годилась, и мне пришлось придумать другую. В ней человек сам был богом, но вместить миллиарды богов в один мир было невозможно, поэтому у каждого из них был собственный мир – мир фантазий, снов, образов и прочих подобных вещей. Утром они просыпались людьми в своем мире, а когда засыпали – становились всемогущими существами в ином месте. Этого мне показалось мало, и я чуть усложнил концепт: человек был богом

в одном мире, а дьяволом – в совсем другом, там, где богом был кто-то еще. Разумеется, “богом” и “дьяволом” я эти сущности называю условно, ведь каждый из них был властен лишь над одним из невообразимого числа универсумов, что противоречит классическому пониманию “бога и дьявола” в любых религиях, так что это просто были две сущности, представляющие разные стороны качеств и свойств личности конкретного человека, с которыми далеко не всегда было однозначно, кто там еще хороший из двух. Но все это намного дольше говорить, чем сказать “бог” и “дьявол”, так что мне их даже в мыслях легче называть так, как я их называю. Ну и самое интересное: все миры были равноценны, то есть каждый человек из подвластного вам мира был в точно такой же степени всемогущ где-нибудь еще. Разумеется, все это было замкнуто, зациклено и так далее, связи выстроены с недопущением ошибок и пересечений, могущих привести к катастрофе. Если опустить детали, то могла сложиться любопытная ситуация, когда, скажем так, вассал вассала вашего вассала был для вас феодалом. Когда человек умирал в реальном мире, другой мир, подвластный ему, не умирал вместе с ним. Чтобы обойти эту сложность, мной была введена система перерождения, подсмотренная мной в получивших незадолго до этого весьма широкое распространение в человеческих культурах идеях о реинкарнации. Мир доставался все тому же человеку и постепенно менялся по мере взросления своего бога в очередном цикле его жизни. Однако связь бы-

ла обоюдной, и образы еще не трансформировавшегося мира, которые ребенок видел во снах, образы из жизни предыдущей, формировали и его самого – фактически, прошлая жизнь в некоторой степени влияла на жизнь настоящую. Ничто не берется из ничего, не правда ли? А истинная драма развернулась бы тогда, когда люди, обойдя систему защиты от опасных пересечений, поняли бы эту концепцию и научились отслеживать связи между мирами друг друга – чтобы, разумеется, воспользоваться ими в корыстных целях.

Я создал самую настоящую мультивселенную, бесконечно расширяющуюся в геометрической прогрессии, способную к самоподдержанию и совершенно не нуждающуюся в управлении, вселенную, где никто никогда не умирал окончательно. За это мне дали исключительную награду – отсутствие родного мира и способность свободно перемещаться между ними всеми, принимая участие в событиях. При этом полномочия у меня были даже выше божественных, так что, в каком бы мире я ни пожелал находиться, я был там самым крутым парнем. Не буду скрывать – за тысячи лет мне это так и не надоело.

Но представьте, насколько же скучной и мелкой казалась каждая история в отдельности. Мне просто было сложно заметить одного из миллиардов людей в одном из бесчисленного числа миров. Что такое судьба одной капли воды для обитателя океана?

Но этот случай чем-то меня заинтересовал. Местное бо-

жество демонстрировало анти-чудеса управления, и практически подтолкнуло одного человека к тому, чтобы он “продал” “душу” дьяволу, который, в отличие от своего соперника, был очень опытным игроком. Предметом сделки стала любовь. Вообще, забавный случай: человеку приснилась некая девушка, а на следующий день он встретил ее в “реальной жизни” и влюбился, как редко влюбляются люди. Есть ли тут какая-то связь, или это было лишь невероятным совпадением – я не знал, и, возможно, не знало даже мое начальство. Однако парню не повезло – его чувства не нашли взаимности, и эта безответная любовь начала душить его, лишая всякой воли к жизни. И вот, когда он уже перестал видеть другие выходы помимо смерти, к нему явился дьявол, и они заключили сделку. Человеку казалось, что он продумал все, но противоположная сторона все же нашла лазейку. Этот тип оказался намного злее и подлее среднестатистического дьявола, и человек потерял абсолютно все. Тогда-то и случилось то, что меня и привлекло нынче в этот мир: человек испытал настолько сильные потрясения и чувства – шок от потери, крах иллюзий, бесконечное отчаяние, смерть всех надежд и, разумеется, невероятную ненависть к себе – что просто ИСЧЕЗ. Не умер, не рухнул на землю, не порвался на куски, не растворился, не разложился на атомы – просто все следы его существования во времени и пространстве пропали, вызвав цепочку невообразимых изменений – в основном разрушительных – в этом и многих других мирах. Все ведь

связано, и если сильно повлиять на мир, то и личные миры всех его обитателей подвергнутся этому влиянию – и так будет происходить от мира к миру, пока волна разрушения не сойдет на нет, как сходят на нет круги на воде.

Затем имела место еще одна очень странная деталь в этой истории: руководство и опомниться не успело, как человек вернулся к существованию, будто взялся из ниоткуда, будто кто-то невидимый его сначала убрал из нашего поля зрения, а затем вернул. Во-первых: какого хрена? Во-вторых: кто это мог сделать без ведома руководства? Это похоже на тот короткий рассказ, что я читал в одном из миров, про последнего человека на земле, в дверь к которому кто-то постучал. В-третьих: человек появился вовсе не там, откуда исчез – он возник в другом мире. В-четвертых: вслед за ним в этот мир перетянуло и обе сверхсущности из его прошлого мира. Куда делись местные? Обоих выдернуло на освободившиеся места – в мир, где была заключена та самая сделка. После всего этого мы окончательно перестали что-либо понимать, но одно было ясно – с этим случаем нужно разобраться, пока на горизонте не возникли еще большие неприятности.

Что стало с этим человеком? Весьма любопытная судьба: бог зациклил его, и теперь существование бедняги протекало таким вот образом: парень жил, затем встречал “ту самую” любовь (естественно, это были разные девушки, хотя человек бы с этим не согласился, помни он историю своей жизни), злосчастный пункт его договора опять срабатывал,

девушка умирала, он тоже умирал от горя, но его личность не отходила в какого-нибудь новорожденного в одном из сходных миров, а на какое-то время “зависала” в пустоте, после чего снова физически воплощалась в том же мире. Перерождался он в разном возрасте, при различных обстоятельствах (уж не знаю, как его бог урегулировал это с законами людей того мира), и, разумеется, воспоминания у него были искусственные (как, судя по всему, и знакомства, которые должны были наличествовать у 12-летнего ребенка, например), а вот внешность всегда была более-менее одна и та же. И все повторялось заново – он жил какое-то время (всего он перерождался – на тот момент, когда я узнал об очередном воплощении – четырнадцать раз, в среднем продолжительность его жизни составляла 17 лет), затем встречал свою бесценную любовь, ну и так далее.

В этот же раз он появился из чернил и снега, нашел бога своего мира (прямо в канун Рождества) – и позвал с собой, сам не зная, куда идет. В этот раз что-то было иначе, такое поведение слишком удивительно, чтобы я мог пройти мимо.

Впрочем... Ну его к черту. Никуда я не хотел отправляться, и ничего такого особенного я в этом человеке не видел. Даром мне не сдался этот скучнейший мир, особенно под Рождество, когда можно посетить... А, да кому я это рассказываю? Короче говоря, дело в том, что меня сюда направили в приказном порядке, любезно дав понять, что и впредь будут пользоваться мной в качестве ищейки и мальчика на

побегушках.

И вот я стою в какой-то подворотне посреди застывшего мира. Бог валяется на спине в снегу – его выбило обратно в его реальность. У стены дома сидит красивая, но замерзшая насмерть девушка – видимо, это его очередная почившая возлюбленная. Перерожденец смотрит на нее как-то странно и словно готовится рвануть.

Я прошел еще пару шагов, окинул картину взглядом с другого ракурса, прикинул план действий. План прикинулся импровизацией. Еще немного потоптавшись на снегу, я взял из воздуха не успевший долететь до земли бычок, глубоко затянулся и, щелкнув пальцами (если не привносить в нелюбимые занятия хоть немного драматизма, можно умереть от скуки), возобновил ход времени.

Не-глава вторая

Между прочим, я забыл сказать вам, что в музыкальной школе моей жены, кроме заведования хозяйством, на мне лежит еще преподавание математики, физики, химии, географии, истории, сольфеджио, литературы и прочее. За танцы, пение и рисование жена берет особую плату, хотя танцы и пение преподаю тоже я.

Иван Ньюхин, муж своей жены

С каждой минутой, что я проводил в обществе бога и пе-

перорожденца по имени Питер, мне становилось все тревожнее. Я не мог объяснить, что является источником этой тревоги. Возможно, то, как они разговаривали друг с другом – полужесткими, гримасами, жестами. Это было наиболее близкое к телепатии общение из всего, что я прежде видел. Возможно, меня смущало что-то в облике перорожденца. Возможно, не давали покоя решения бога, не совсем укладывающиеся в роль, которую он должен был играть в своем мире. Что-то определенно было не так, и мне даже было и самому немного любопытно узнать, что именно. Но как-нибудь издалека.

Сейчас они спорили насчет мертвой девушки. Питер умолял бога вернуть ее к жизни, бог наотрез отказывался это сделать. Разумеется, он мог. Мог и я, но, во-первых, я не хотел сразу показывать все свои способности, а во-вторых – было бы несколько некрасиво с первых же минут начинать отменять каждое его решение. Что-то мне подсказывало, что фактор силы и власти стоит приберечь на что-то более спорное и значительное, чем жизнь одного человека.

Хотя она была молода, добра при жизни, печальна и красива – так, что даже во мне на секунду что-то дрогнуло. Ее образ помимо воли вдохновлял и брал в плен любого, кто приблизится слишком близко. Одетые в снег каштановые волосы падали на плечи, обрамляя светлый овал лица с огромными глазами, уже покрытыми тонкой ледяной коркой на веках. Губы, казалось, все еще дрожали от холода. Да, ее опре-

деленно было жаль, и она не заслуживала смерти этой ночью – но бог отчего-то был неумолим. Впрочем, еще раз внимательно присмотревшись к Питеру и вспомнив детали его истории, я начал кое-что понимать.

Он был на пределе.

– Ты ведь бог, ты не должен допускать такого! Хорошо, ты не можешь спасти всех, ладно. СПАСИ ЕЕ! Вот же она, в шаге от тебя!

– Пойми, я не могу делать исключений. Ты бы не просил меня об этом, если бы знал...

– Я просто ЗНАЮ, что это неправильно. Мне плевать, какие там планы...

– Нет, не плевать! Посмотрим, как ты будешь плевать плевать, когда тебя...

– Делай что хочешь, мне все равно. Накажи, лиши всего, но ее!

– Я и так лишил. И поэтому не могу вернуть.

И так продолжалось уже минут пятнадцать. По большому счету, они говорили одно и то же раз за разом, но я все же уловил несколько новых деталей и теперь был почти уверен, что знаю причины упрямства бога. И все же я решил уточнить их.

– Прошу прощения, что встречаю, но у меня тут возник неотложный вопрос. Она как-то связана с его сделкой?

Питер, похоже, ничего не понял. А бог помрачнел.

– Да, связана. Фактически, она и была...

– Я вас понял. И еще один момент. Это, – я указал на труп. – Происходит каждый раз?

– Да, каждый раз. У моего хвостатого коллеги весьма своеобразное чувство юмора.

– А что же случится, если вы ее вернете?

– Перерожденец исчезнет навсегда. Понимаете, почему я не могу этого сделать? Я просто не в праве выбирать.

– Вижу, вижу. Неприятная ситуация. И где же нам найти вашего... хвостатого коллегу?

– Можете попробовать позвать его. Иногда срabатывает.

Я кивнул и отошел чуть поодаль, предоставив спорщиков самим себе. Я чувствовал, что местный дьявол сейчас здесь. Он был странным – неуловимый, как струя дыма и, судя по всему, могущественный экземпляр. Этот мир явно принадлежал ему в куда большей степени, чем богу, оправдывающемуся перед человеком-однодневкой. Такой расклад можно было объяснить только одним – дьявол проводил здесь все или почти все свое время. Может, коматозник? Или просто тип с чересчур живой фантазией... Я его позвал, чувствуя себя довольно глупо, но это ожидаемо не принесло никакого результата.

Вдруг позади меня раздался отчаянный крик. Уже в следующий миг я был там, но успел увидеть только конец сцены: Питер стоял над девушкой, приложив ладонь к ее глазам, и его словно било непрерывным разрядом тока. Девушка же... Нет, я бы не назвал это “оживала”. Она на глазах превраща-

лась в призрак – однако, в призрак, подающий определенные признаки жизни. Человек вернул другого человека из мира мертвых. Пожалуй, здесь я увидел достаточно, чтобы больше никогда не позволять себе высокомерно считать, будто ничто во вселенной уже не может меня удивить.

Я знал, что в такие моменты историю часто прерывают, и начинаются “технические работы”. Время уже снова начало останавливаться для всех, кроме нас с местным богом. Похоже, тут такое происходит часто.

Мы вдвоем, не сговариваясь, попытались покинуть это место – он собирался уйти в свой реальный мир, а я – хоть в какой-нибудь другой, но у нас ничего не вышло. Небо затянуло тучами, и ночь стала еще темнее, когда погасло все электричество вокруг. Но даже в такой непроглядной темноте можно было заметить воронку огромного смерча, совершенно бесшумно движущегося к нам откуда-то из-за черты города. Куда-то пропал весь рождественский дух. Я попытался остановить движение смерча, попытался перенестись подальше, хотя бы зажечь свет вокруг или сдвинуться с места – но ничего из этого у меня не получилось. Я снова почувствовал себя тем беспомощным человеком, которым был тысячелетия назад, и это было до ужаса обидное чувство.

Пространство оскалилось надрывами и разрезами, в которых виднелась оголенная плоть иных измерений. Глаза бога остекленели, и он тоже замер, как и все остальное. Зато я снова обрел власть над своим телом и хотел уже было побе-

жать, но внезапно задумался – а куда мне бежать? Если сейчас происходило то, о чем я думаю – а это, скорее всего, оно и было – то я все равно никуда не денусь. Да и в этом не было смысла, ведь я был на их стороне. Что бы тут ни случилось, меня это наверняка не затронет.

Наконец я увидел то, чего ожидал – с неба опускался пласт горячего воздуха, скрывающий в своей толще луч-сканер, при помощи которого мое непосредственное начальство исследовало интересующий их мир. Я присел на снег, вздохнул и уставился в небо, неотрывно наблюдая за проверкой.

Когда сканер был уже всего в сотне-другой метров над домами, между которыми произошло событие, так заинтересовавшее тех, чьи интересы здесь я должен был представлять, рядом вдруг раздался звонкий щелчок, и все прекратилось. Исчезли все аномалии, ночь снова стала похожа на ночь, а не на судный день, и даже время вновь ожило. Я повернулся и увидел того, кто так легко остановил неизбежное.

Бог оказался прав – у этого типа действительно был хвост. Ну такой, стандартный хвост черта. Сам он был на две головы ниже меня, невероятно худощав, с седыми волосами до лопаток и одет в какое-то рваньё. Волосы скрывали лицо, но я сумел разглядеть, что на вид ему было не больше шестнадцати.

Дьявол все же явился. Вот теперь нам предстоял серьезный разговор.

Не-интерлюдия третья. Когда все стало еще страньше

Иногда человеку важнее говорить, чем сказать. Говорить – вообще несравнимо проще, и однажды наша задыхающаяся от хохота и оскорбленности культура пойдет по пути “говорения” – когда мы убедимся окончательно, что только так можем избежать последствий тех перемен, остановить которые уже не можем, и которых так боимся.

Фрагмент, вырезанный из выступления малоизвестного комика

В начале было облако дыма, парящее над ровной поверхностью стола. Затем оно переместилось к подоконнику, затем – к батарее, после этого же принялось вовсю путешествовать по квартире и за ее пределами. Внутри облака сверкали алые вспышки молний и раздавались звуки драки на мечах. Порой из облака показывались странные геометрические фигуры – черные, покрытые инеем и с бритвенно-острыми гранями. А еще в его глубине горели холодным огнем две бесконечно далекие звезды, несущие гибель всему, на что попадал их мертвенный свет.

Разумеется, в облаке было скрыто лицо.

Облако вытекло из окна дома и скрылось за углом. Через секунду из-за этого же угла вышел человек в жуткой мас-

ке, изображающей лицо уродливого младенца. В дряхлых и морщинистых руках с набухшими венами он держал огромный нож – почти мачете – заляпанный чем-то красным.

Разумеется, это была кровь.

Этот старик был здесь всегда – или, по крайней мере, с тех пор, как тут появились люди. Этот городок возник два столетия назад, и за минувшие годы так существенно вырос, что стал одним из двух самых крупных поселений в колониях. Город и сам чем-то напоминал обитавшее в нем чудовище из сказок, которыми родители пугали непослушных детей: он был холоден, изрезан ветром, молод, но пропитан атмосферой гнетущей древности. И он словно постоянно держал нож у твоего горла, готовый при первом же удобном случае пустить его в ход.

Разумеется, это был портовый город.

Множество торговых путей проходило через него, каравеллы привозили рабов и вино, в город приезжали и надолго останавливались здесь различные выдающиеся личности своего времени. Здесь вершились судьбы людей, других городов и целых провинций, здесь заключали сделки, грабили, убивали, предавали, писали готические романы, сходили с ума и изобретали невероятные технологии. Город набухал морской влагой и кровью, словно скапливая питательные вещества для чего-то скрытого в лабиринтах узких, мощеных серым камнем улиц. Он будто готовился стать чем-то большим, чем северная столица восточных колоний запад-

ной империи.

Разумеется, он готовился стать новым Вавилоном.

Много ли еще было на земле мест, столь подходящих для мрачных деяний призрачного старика с окровавленным ножом? Монстр выходил на улицы поздним вечером и посреди каменных нор выискивал детенышей человека, по глупости задержавшихся снаружи допоздна. Найдя жертву, старик открывал ей вены на руках своим жутким ножом и принимался пить кровь. Это было просто для антуража – на самом деле ему нужна была не кровь, а молодость, столь же быстро струившаяся по венам детей. Насытившись, старик уходил в сторону порта, в ночной туман, окрашивая его при этом в розоватый цвет. Жертвы чудовища почти никогда не умирали. Они приходили в себя и в беспамятстве шли домой, полностью возвращая себе сознание лишь через несколько часов. В ночь всем им всегда снились тяжелые сны, вязкие, словно кисель, и очень яркие.

Разумеется, наутро они просыпались совершенными стариками.

В эту ночь, как и во многие до нее, призрака привлекал свет в окнах детских комнат – в тех домах, где себе такое могли позволить. Дым струился вдоль стен, разглядывая обитателей домов через стекло окон. За одним из них пронизанное молниями облако увидело веселые лица людей, сидящих за столом и одетых как-то по-особенному, и вспомнило, что сегодня был праздник, который люди называли Рождеством,

а значит, детей на улице оно сегодня не встретит. Раздосадованное, оно проплыло дальше, и за одним из следующих окон заметило девочку, играющую с маленькой ледяной фигуркой. Вокруг стояла полная тишина, только где-то вдалеке раздавались тонкие голоса чаек. Фигурка в руках девочки была слишком невелика, чтобы чудовище могло что-то различить в такой своей форме, поэтому из облака дыма вновь появился старик в маске и прильнул лицом к стеклу. А дальше все было ожидаемо: взгляд в окно, вскрик, фигурка летит на пол и разбивается на тысячу осколков, один из которых ранит запястье девочки, старик, почуяв кипящую молодостью и силой кровь, разбивает стекло и уже почти вползает через раму в комнату, когда...

Разумеется, ему помешали.

Как оказалось, не все дети сидели в это Рождество по домам. В портовых городах всегда в достатке бездомных, и этот мальчик был как раз одним из них. Никто не смог бы сказать, откуда он взял факел, как его зажег и почему вообще оказался здесь, но все так и произошло, и теперь деревяшка, с одного конца обмотанная пылающей паклей, тыкалась чудовищу в призрачные ягодицы. Старик подскочил от неожиданности и в мгновение ока развернулся к источнику раздражения. Но он не успел сделать и шага, а мальчик уже оказался отделен от него оконным проемом, внутри дома, все так же размахивая факелом по направлению к ночному визитеру девочки. Та же стояла и завороченно смотрела на эту

сцену, и детское воображение рисовало ей другую картину, в которой рыцарь с огненным мечом побеждает самого сатану. Старик шипел, хрипел и водил лезвием ножа по торчащим в раме осколкам стекла, но факел продолжал быть направлен прямо ему в лицо. Наконец, чудовище сдалось и отступило в туман, так и не украв этой ночью ничьей молодости.

Разумеется, это было рождественское чудо для оставшихся в комнате детей.

Они долго смотрели друг на друга, молча и с любопытством. Мальчик сделал несколько неуверенных шагов вперед, но ему мешал факел, и он не знал, куда его деть. Тогда девочка подошла, забрала у него из рук еще горящую деревяшку и воткнула ее во что-то вроде большого канделябра на одной из стен комнаты. Мальчик увидел, что у нее идет кровь и вздрогнул. Не желая ничего плохого, он слегка коснулся ее руки, и заметил, что ей при этом было сложно сдерживать гримасу боли. Он тотчас отдернул руку и виновато отстранился, но девочка улыбнулась и взяла его за руку другой, неповрежденной рукой. Ладонь обитателя судовых трюмов и продуваемых всеми ветрами подпорок мостов была холодной, но прикосновение все же немного успокаивало. В ее лице было что-то, что бездомный хотел и боялся найти всю свою короткую нелепую жизнь. А у него самого было что-то, что он хотел подарить, и теперь знал, кому. Это что-то было его единственным имуществом – тем немногим, что никто не смог бы забрать силой. И все должно было так и

случиться, но чудеса вдруг закончились.

Разумеется, факел погас.

Разумеется, ледяной осколок поднимался по венам девочки все выше. До самого сердца.

Разумеется, это была не сказочная история, иначе девочка растопила бы теплом сердца лед, что в нем засел, а не прожила бы еще многие месяцы с этой тянущей болью внутри, словно птица в запертой клетке, ключ к которой тоже был сделан изо льда, но уже давно растаял. Иначе мальчик бы нашел способ все исправить и действительно победил бы все зло вокруг и внутри, но уж никак не покончил бы с собой спустя годы, в совсем другом городе и полном одиночестве, оставшись висеть бесполезным предметом на бельевой веревке. Такие сказки ничему не учат. Такие сказки никому не нужны.

Такие сказки принято называть реальностью. А в реальности нет места чудесам – разве что единожды, чтобы впредь люди знали, чего их лишили.

Времени вновь оставалось мало, и буквы съеживались под напором колючего зимнего ветра и улетали вверх, к звездам – туда, где подобный исход еще можно было предотвратить.

Не-интерлюдия четвертая.

Элвис в космосе

Более всего прочего в сценарном искусстве мне

мил момент, когда вещи, казалось бы, друг с другом никак не связанные, вдруг оказываются частями одной головоломки.

Сью Мэри, из интервью прессе

В космосе не идет снег. В космосе, вопреки устоявшимся стереотипам, вообще мало интересного: вакуум и мертвые камни. В какой-то его части наверняка происходило что-нибудь любопытное, но эта его часть, судя по всему, была очень далеко от одинокой станции, где работал Адам.

Предназначение этого огромного и древнего сооружения, парящего в пустоте на орбите Нептуна, заключалось в том, чтобы принимать поступающие сигналы, обрабатывать информацию и отправлять в ответ другие сигналы. Если говорить конкретнее, то станция была ключевым элементом системы перерождения, созданной довольно давно (по человеческим меркам) в рамках программы реструктуризации вселенной.

На станции работало восемь человек, и этого было более чем достаточно для поддержания ее в функционирующем состоянии. Но все сооружение было настолько велико, что люди, работавшие в разных его частях, пересекались довольно редко – обычно по предварительному уговору, чтобы удовлетворить потребность в общении, сыграть в карты или вместе выпить. Работникам станции позволялось многое, от них требовалось лишь оперативно устранять неполад-

ки и вообще поддерживать порядок и бесперебойную работу всех систем. По большей части это означало просто не вмешиваться ни во что, в нужный момент дернуть нужный рычаг и каждый день совершать обход своего участка станции.

Сегодня на участке Адама все утро звучала какая-то рождественская песня Элвиса Пресли, а в помещении, служившем кухней, готовился пирог. Станция была оборудована системой искусственной гравитации, но стандартные земные 9.8g эта система не обеспечивала должным образом, и тесто поднималось как сумасшедшее. Я был бы не прочь еще немного рассказать о том, как Адам собирался провести свое шестое Рождество в космосе, но сейчас этот рассказ прервут форс-мажорные обстоятельства в виде жуткого, заполняющего пространство звука сирены. Лампочки, о наличии которых в интерьере Адам даже не подозревал, принялись мигать оранжевым и изображать стробоскоп под барбитуратами. Вслед за сиреной из скрытых динамиков раздался громкий голос, который призывал всех сотрудников станции немедленно собраться в помещении К-109 для прохождения срочного брифинга.

Через несколько минут все были на месте, и на стене вышеупомянутого помещения появилось изображение. Человек на нем объяснил работникам станции, что случилось непредвиденное, и им срочно нужно заблокировать сигнал, который с минуты на минуту поступит в систему. Любой ценой они должны были предотвратить возвращение сигнала

обратно. Ничего больше не объясняя, это неожиданно объявившееся начальство кратко рассказало о механизме блокировки сигналов и пропало. Все восемь человек заняли нужные места и замерли в ожидании.

Долго ждать не пришлось, и через минуту-две они увидели в обзорном окне серебристый луч света, очень быстро приближающийся к станции. Еще несколько секунд – и он попал в специальный приемник. Теперь нужно было всего лишь заблокировать его там, не позволив системе обработать информацию в луче и вернуть душу обратно.

Все восемь человек стояли за терминалами и вводили коды доступа для получения функции блокировки.

Все, кроме Адама.

Адам не двигался с места, с удивлением прислушиваясь к тому, что слышал. А слышал он печальную мелодию, источник которой затруднялся определить. Где-то рыдала скрипка, недалеко от нее обреченно звучало пианино, а сквозь музыку раздавался голос – совсем не похожий на пение, вкрадчивый, тихий и властный. Адам не знал, почему, но ему казалось, что голос звучал откуда-то очень издалека – возможно, из другого мира. Не могу с точностью определить, что же голос сказал Адаму, но уже через минуту тот достал из-за пояса табельный пистолет и поочередно расстрелял четверых своих коллег. Он успел бы расправиться еще как минимум с одним, но тот уже тоже был с оружием в руках и открыл по Адаму огонь, и нашему герою пришлось срочно за-

нять укрытие. Теперь он был в положении один против троих. В принципе, шансы были неплохие.

Голос все еще звучал в голове, подсказывая Адаму маневры и действия оставшихся членов экипажа, поэтому им несколько минут не удавалось ни окружить мятежного коллегу, ни застать его врасплох. Зато еще один из них внезапно для себя обнаружил, что подходить слишком близко к защищенному весьма тонким стеклом резервуару с миниатюрными искусственными молниями – плохая идея, когда где-то рядом есть человек, стремящийся тебя убить.

Молнии носились по огромному помещению, иногда попадая в оборудование и выводя его из строя. Одна из них практически полностью вырубил освещение, что сделало летающие под потолком разряды электричества единственным источником света – причем источником не самым лучшим и стабильным. В этот раз форс-мажорные обстоятельства выступили на стороне противников Адама – один из них успел заметить силуэт в двадцати метрах впереди и довольно точно выстрелил три раза. Адам рухнул на пол, стараясь не терять сознание и придумать, как довести начатое до конца. Дуэт скрипки – хотя теперь это была уже скорее виолончель – и пианино звучал все громче, как и голос. Собравшись с силами, Адам начал ползти, бесшумно и незаметно, выбирая для передвижения те моменты, когда молнии не подсвечивали помещение К-109, ставшее танцполом на этой дискотеке смерти.

Ему повезло найти их первым. Оба стояли спиной к нему, но стоит выстрелить в одного – и второй успеет развернуться и убить Адама, прежде чем сам получит пулю. Сделав чудовищное усилие, Адам встал, поднял с пола толстый и острый осколок стекла и одним бесшумным прыжком оказался рядом с одним из оставшихся бедолаг. Еще секунда – и осколок вспорол горло человека, с которым Адам еще несколько дней назад играл в подкидного дурака, обмениваясь шутивными колкостями об успехах их любимых регбийных клубов в новом сезоне. Стоявший в трех метрах от них начальник станции что-то все же услышал и уже начал было оборачиваться, но Адам успел выпустить в него остаток обоймы.

Переступив через еще слегка подергивающееся тело зарезанного, Адам приблизился к терминалу и, внимательно слушая указания голоса, ввел комбинацию цифр и еще некоторое время работал с системой захвата и перенаправления. Через пару минут он ввел последнюю необходимую команду и подошел к обзорному окну, сквозь которое увидел, как станцию покидает все тот же серебристый луч, сумевший – благодаря его, Адама, пособничеству – вырваться из поля захвата и устремиться туда, откуда он пришел.

Адам не знал точно, как все это устроено, но ему отчего-то казалось, что он только что поучаствовал в воскрешении человека.

Так он и остался стоять – единственный на миллиарды километров в любую сторону человек посреди равнодушно-

го космоса. Звезды светили все так же ярко, но в пространстве чувствовалось напряжение, как будто какая-то невидимая пружина перестает сжиматься и готовится выстрелить.

Не-глава третья

Что может быть сюрреальнее, чем книга о сюжете сна? Или чем сон, в котором ты пишешь книгу?

Пол Гонкес, “Материя снов”

Под светом мертвой луны стояли три человека и горячо обсуждали судьбу четвертого, сидевшего неподалеку на капоте машины рядом с пятым. Пятый был похож на призрака девушки, четвертый неотрывно смотрел на нее, о чем-то напряженно думая, третий презрительно шурился, глядя на второго и первого, которые даже между собой еще не договорились, а уже собирались заставить его что-то там переписать.

Питер подобрал с земли ноутбук бога и с любопытством принялся читать. Это напоминало подробный сценарий фильма, вот только действие этой картины разворачивалось в реальности, какой ее знал Питер последние несколько часов. Он попробовал написать что-нибудь, и это у него даже получилось, но рядом не появилось подноса с двумя чашками горячего чая, в небе не расцвел салют, и шапки на голове

как не было, так и не возникло, так что Питер разочарованно вздохнул и снова посмотрел на слегка светящуюся и слегка прозрачную девушку. Ему надоело думать о ней обезличено, и он набрал в блокноте такую фразу: “Девушку, на которую я смотрел, звали...”

Она слегка улыбнулась, и, чуть наклонившись к Питеру (что заставило его внутренности сжаться и подпрыгнуть куда-то к горлу), закончила предложение. Вот что получилось: “Девушку, на которую я смотрел, звали Мэри-Кейт”.

Питер улыбнулся, как ему показалось, слишком радостно, и ему пришлось прятать улыбку в высоком воротнике зимней куртки. Вдруг на капоте между Мэри-Кейт и Питером появилась чашка. Она была с отколотой ручкой, одна и без подноса, но в ней действительно был чай. И даже вполне горячий. Где-то неподалеку хлопнула петарда. А вот шапка себя не проявила даже в усеченном виде.

Тем временем отношения внутри тройки всемогущих продолжали накаляться. Бог считал, что дьяволу следует расторгнуть подписанный Питером контракт, потому что это слишком – пытаться человека столетиями, раз за разом возвращая его к тому, с чего он начинал. Дьявол насмешливо отвечал, что никаких “слишком” для него не существует, и попытка будет продолжаться до тех пор, пока это будет весело. Или пока бог не сумеет провести Питера своим праведным путем. На этом месте сатана не выдержал и расхохотался. Странник полагал, что они оба нарушают законы вселен-

ной, и перерожденца следует освободить от необходимости повторять в каждой жизни одно и то же путем уничтожения его как сущности. Они все спорили, спорили и спорили, время уже перевалило за полночь, но никакого четкого решения пока принято не было.

Предмету их спора все давно надоело. Теперь у него были дела и заботы поважнее и поинтереснее, чем слушать сверхъестественные байки высших существ, так что в какой-то момент времени они с Мэри-Кейт незаметно встали с капота, что-то быстро обсудили и спешно покинули переулок.

Когда триумвират все же сумел прийти к какому-то подобию консенсуса и вернулся к реальности, в реальности они увидели только стоящую на капоте чашку без ручки. Бог подошел и заглянул в нее. Остаток чая на дне уже успел превратиться в желтоватый лед. Странник прикрыл глаза и взглянул на город с высоты птичьего полета, но среди миллионов движущихся и неподвижных, одиноких и скученных, мертвых и живых точек не сумел найти те две, что их сейчас интересовали. Похоже, Питер каким-то образом сумел скрыть себя и призрака от надзора. Странник повернулся к двум другим и недоуменно пожал плечами. Бог нахмурился, достал трубку и впервые за несколько дней закурил. Дьявол лишь слегка усмехнулся каким-то своим мыслям, нервно чертя что-то хвостом на снегу.

А снегопад наконец перестал, поутихли звуки праздника, и вообще ночь стала спокойнее. Людей на улице почти не

осталось, кроме немногочисленных бредущих в темноте фигурок, которым, похоже, было некуда вернуться этой ночью.

Две такие фигурки медленно брели вперед, и снег поскрипывал под ногами одной из них – и лишь слегка приминался, когда на него наступала другая. Куда они шли и зачем? Как все это началось и чем все оно закончится? Миллионы вариантов продолжения истории в растерянности парили в воздухе и перемешивались, переплетались. Будущее еще никогда не было так туманно. Но в нем до сих пор было место надежде, а что еще нужно человеку, кроме надежды?

Короткий промежуточный эпилог. Монстр на последней странице

...А бывает такое, что человеческое в человеке умирает. Нет, не в том смысле, что дурны становятся его помыслы и дела, но пропадает в нем жизнь, гаснет огонь. Всегда разные причины это вызывают, но такому человеку больше нет места в жизни, хотя и открываются ему некие, скажем, откровения, однако же у него не остается даже тени желания ими делиться с иными.

Игорь Гробов, из дипломной работы

В тот самый момент, когда странник пытался найти в городе следы исчезнувшего Питера, дьявол взял все под контроль. Ему не составило труда сломать завесу, которой пе-

перожденец прикрылся от ищущих его внимательных глаз, и хвостатый в один миг оказался за спинами беглецов. Время в который уже раз за ночь остановилось, и дьявол неторопливо обошел Питера и Мэри-Кейт, встав напротив них. Несколько секунд он с любопытством разглядывал девушку, затем попытался коснуться ее, но не сумел. Разочарованный, он перевел взгляд на Питера, и за вуалью седых волос блеснуло что-то вроде торжествующей усмешки. Дьявол протянул когтистую руку и достал из груди проклятого человека что-то небольшое и тускло светящееся в ночи. Когда он разжал кулак, на снег упал сгусток света, который начал стремительно увеличиваться и принимать форму человеческого тела. Дьявол подошел к Питеру вплотную и прошептал ему что-то на ухо. Насколько я сумел разобрать, он сказал вот что:

– Не все так просто, мальчик. Ты рано радуешься. Все, что происходит этой ночью, не имеет никакого значения, потому что ты до сих пор в моей власти, потому что все твои метафоры тебе не помогут, потому что это злой, злой мир, чуждый справедливости. Рождество пройдет, пройдет еще несколько месяцев, пройдут годы, но для тебя ничего не изменится. Каждый раз, когда ты будешь моргать, мимо будут проходить сотни тысяч лет. Блуждающее сердце. Спишь на полу напротив сломанного телевизора. “Не забывай обо мне”. Дети выросли, питомцы умерли. Осталась лишь боль в затылке. Рой свои могилы и пей свой джин. Друзья ушли уже

давно, вера мертва. Трава пожухла, усталость и жажда наваливаются, как лавина. Трещина в полу. Вот для чего нужно жить и для чего нужно умирать. Покрытый шрамами, хохочешь в пыльном зале, сидя на троне из черепов. Когда тебя освежают, путь домой будет все так же бесконечно долог. Мотив фальшивый, слова забыты. Гниешь на солнце и рыдаешь в темноте. Сядь у окна и смотри на птиц, ударься в слезы, когда слова закончатся. Тень от свечи, число, которое нельзя назвать. Тащи на горбу вино и пытайся похоронить боль в забытии прихода. Тебе некуда, некуда, некуда идти, мальчик. Ты чужой самому себе и всем призракам, в которых ты ищешь свою потерю. Любовь разорвет тебя на части, блуждающее сердце. Так-с или не так-с? Я покажу тебе, что такое отчаяние, и у твоей истории уже не будет счастливого финала.

Дьявол снова улыбнулся и положил Питеру что-то в карман. Затем взял за руку мальчика, в которого превратился сгусток света на земле, и они направились прочь. Время дрожало, а в небе стонал ветер – казалось, ему больно видеть то, что должно было вскоре произойти.

Часть третья. Одиссея продолжается

Номер пятый. Код – 221. Классификация: похищение, реален-нереален, последовательно. Понимание основано на идее о том, что происходит похищение с целью извлечь некое воспоминание. Сначала проводится подготовка к операции, затем действие происходит уже внутри симуляции с ретроактивным воспроизведением недавнего прошлого. Конечность циклов – не определена. Порядок прямой и обратный.
Отрывок из неизвестной ночной телепередачи

Минилог. Немного профессионального подхода

...День сорок девятый. Заметил кое-что необычное в алгоритмах Mar-Kat, в той их части, которая относится к отображению мимики. Когда она слышит о чувствах или эмоциях, она почему-то усмехается. Но этой реакции на другие непонятные ей вещи замечено не было.
Журнал неопознанного робототехника

Она сидела в кресле напротив и внимательно читала, хотя казалось, что она скорее разглядывает написанное – того и

гляди, повернет под другим углом и брезгливо поморщится. Честно говоря, ее мнение о самой пьесе меня совершенно не волновало, потому что литературная критика не входила в ее обязанности. Я просто хотел разобраться в себе, а современный кинематограф убедил меня, что для этих целей нет ничего лучше психотерапевта. И вот я здесь – в мягком кресле успокаивающе-бежевого цвета, посреди уютной комнаты, которая должна, очевидно, создавать атмосферу доверия и защищенности. Черта с два я чувствовал себя защищенным, и уж точно не доверял ей. Но почему бы не попробовать? Тот последний инцидент во время поиска в одном из недавних снов, с визитом к несуществующему человеку, дал немало новых данных для анализа, но я сомневался, что теперь смогу более-менее объективно все обработать, не будучи уверенным в состоянии своей психики. К тому же, одна из найденных линий, едва заметная, вела сюда от меня и от одного из фигурантов, так что был шанс еще раз выйти на причастного к обоим потокам, чего давно не случалось. Вот я и сидел, терпеливо ожидая – вердикта, диагноза, смеха, конца сеанса, форс-мажора – чего угодно. Наконец, она подняла голову и задала вопрос.

– Это ведь не конец, так? Вы не дописали эту пьесу.

– Да, есть еще шестая часть. Я ее пока не закончил. Вам нужна вся история целиком?

– Вовсе нет, просто любопытно. А еще мне любопытно, читал ли это кто-нибудь, кроме меня.

– Да.

– И кто это?

– Неважно.

– А судя по тексту – очень даже. А еще вам, похоже, нравятся рекурсия, гипертекст, мизанабим и прочие вещи подобного рода. Вы постоянно воспроизводите какую-то часть своей жизни и своего мировоззрения в пародийной, описательной форме, словно отстраняясь от них. Вы ищете защиты от собственной же искренности, делая искренними слова своих персонажей – но не свои. Почему?

– Потому что так работают драматургия и литература. В философском трактате или книге откровений меньше ценности, чем в произведении с контекстом. Все дело в контексте – он оттеняет идею, которую я куда-то вкладываю, делает ее менее вызывающей... Менее прямолинейной. Идеи лучше усваиваются, когда приводишь примеры их применения.

– Я вообще не об этом. Почему вы пишете, если можете говорить?

– Я не могу говорить. Это не очень-то профессионально – вы меня слушаете вообще, доктор?

– Да, но пока не могу понять, отчего вы считаете, что мысль, написанная на бумаге и завернутая в несколько слоев контекста, хуже прямых, честных и открытых слов.

– Хорошо, я объясню – в порядке общего развития, так что вычтите это время из стоимости сеанса. Я пишу так, потому что такая манера что-то говорить действительно дает

защиту. Читатель всегда может притвориться, что ничего не понял, и для него это была просто странная история. Я, в свою очередь, могу притвориться, что читатель прав, и ничего такого я не имел в виду. Но дело даже не в этом, потому что и я, и читатель достаточно умны, чтобы понимать, что это, конечно же, не просто странная история. Дело в том, что мы уверены в этом взаимном понимании лишь на девяносто девять процентов, и один процент, не позволяющий делать радикальных выводов, все равно остается. Никаких неловкостей, формально все приличия соблюдены. Нет необходимости стыдиться себя и своих слов, своих мыслей, чувств и поступков. Мы на миллиметр от чего-то, но этот миллиметр может быть бесконечен.

– То есть, вы просто боитесь “своих мыслей и чувств”, боитесь искренности?

– Нет, это очень поверхностный и наивный вывод. Я к искренности стремлюсь, но ее ценность не всегда бесспорна. В некоторых случаях откровенность может сделать только хуже – тогда, когда откровений от тебя не хотят. Когда твои честные и открытые слова поставят кого-то перед необходимостью ответить на них – так, как им, возможно, не хотелось бы отвечать, потому что не хотелось бы отвечать вообще. Это безумно эгоистично – снять груз с души, высказать все – и не дать человеку шанса не слушать. Искренность была бы абсолютной ценностью только в том случае, если бы в мире искренни были все и всегда. Если же хоть одно слово

осталось бы ложью, полуправдой, просто расплывчатым уходом от полной честности, вся концепция потеряла бы смысл. Это во-первых. А во-вторых, выражение истинных мыслей и чувств, искренняя открытость перед кем-то в форме отстранения, через посредников в виде, например, персонажей – но, прошу заметить, с последующей артикуляцией признания наличия такого отстранения, что дискредитирует в каком-то смысле саму его идею, однако...

– Однако вы, последовательно прикрывая искренность отстранением, затем деконструируя отстранение как концептуально искусственное, тем самым снова обнажая искренность, оставляя факт наличия уже дисфункционального отстранения как свидетельство того, что вы бы не хотели прямо сказать, говорите откровенно или иронизируете, из-за чего возникает объективная сложность в определении количества слоев иронии, и уже почти невозможно понять, высмеиваете вы что-то или высмеиваете саму насмешку?

– Прекрасно, вот тут вы все верно сформулировали. Я бы сам лучше не смог.

– А вам не кажется, что вы уже прошли тот самый миллиметр – с этими рассуждениями о нем? В какой-то момент грань становится достаточно тонка, чтобы ее можно было просто игнорировать. Когда девяносто девять процентов превращаются в девяносто девять и девять, и девять, и девять, и так далее. Тогда человек начинает полагать, будто вы говорите действительно искренне, но боитесь это признать, и

сооружаете всю эту конструкцию рекурсивных слоев из страха быть непонятым.

– Может и так, не знаю. Я придумал теорию, но на практике все может оказаться иначе, потому что люди не так предсказуемы, как я считаю. Я всех всегда недооцениваю – и всегда ошибаюсь.

– Хорошо, давайте поговорим о самой пьесе.

– Нет, не стоит.

– Почему?

– Я не хочу заниматься анализом собственного бумагомастерства в его же рамках.

– Что значит “в его же рамках”?

– Ничего, забудьте. Давайте лучше поговорим о чем-нибудь другом.

– Вы понимаете, где вы находитесь? Это не ваше произведение. Это реальная жизнь.

– Как скажете, доктор.

Она, разумеется, не поверила и попыталась встать – чтобы подойти и проверить степень моего восприятия реальности, наверное. Так или иначе, встать я ей не позволил. Достал из внутреннего кармана пиджака пистолет и прицелился ей в голову. Увидев, во что превращается эта короткая сцена, я вздохнул и решил не сдерживаться. Сначала выстрелил в доктора, затем пару раз пристрелил себя, запачкав мордочки зверей на кресле брызгами крови, и разок сжег чертов уютный кабинет. Когда вокруг больше некого было убивать, я

перемотал все немного назад.

– Хорошо, давайте поговорим о самой пьесе.

– Давайте. Что вас интересует?

– Рождественские истории обычно отличаются от того, что пишете вы. В них намного больше добра и светлых моментов, да и развязки почти всегда счастливые. Почему ваш сюжет так мрачен, почему все так болезненно?

– Это по-вашему – “мрачно” и “болезненно”? Вам просто не с чем сравнивать. По моим же меркам – я пишу практически праздничную сказку для детей.

– Почему тогда внутренний демон героя – самый могущественный персонаж в истории? Это недвусмысленно указывает на то, что вы видите в реальном мире куда больше плохого, чем хорошего.

– Потому что так и есть. Немногое хорошее просто тонет в океане беспросветного кошмарного зла.

– Вас это устраивает?

– Мне это отвратительно на молекулярном уровне. Но я очень терпелив.

– То есть, вы просто метафорически описываете то, что видите в реальной жизни?

– Можно и так сказать. Знаете, я всегда верил в бога, верил искренне и старался жить по, скажем так, закону божьему, но я никогда не просил его о чем-то в молитвах. До того момента, пока не случилось что-то, с чем без божьей помощи не справиться – тогда я стал молить его, но лишь о том,

чтобы он дал мне понять, что делать. И однажды бог ответил мне: я словно на секунду увидел его образ. С тех пор я больше ни о чем не молю.

– Вы утратили веру?

– Нет, вовсе нет. Наоборот, я убедился, что бог действительно есть – или скорее был, в каком-то смысле. Но это ничего не решило. Мне остается лишь терпеть.

– Как долго вы сможете терпеть? Почему вообще вы еще живы?

– Ну вот, а потом вы спрашиваете, почему мир кажется мне плохим. Это вы так недвусмысленно предлагаете мне покончить с собой?

– Просто послушайте себя. Вы домысливаете. Я всего лишь имела в виду, что мне интересно, что помогает вам держаться.

– Тогда вам следовало сразу сформулировать это так. Мы живем в мире слов, и от этого никуда не деться. В мире слов человек, различающий тысячи оттенков сказанного, обречен теряться в догадках и предполагать сначала лучшее, а затем, когда ожидания вновь и вновь окажутся неоправданными – худшее. Мне помогает жить жажда мести, а мешает умереть страх вины. Все довольно просто. И не задавайте наводящих вопросов, пожалуйста.

– С кем же вы все-таки ассоциируете себя? В вашей пьесе, я имею в виду.

– Со знаками препинания.

– Это важно, ответьте серьезно.

– Как я могу ассоциировать себя с кем-то конкретным, когда все это – до последней буквы – было в равной степени создано мной?

– Хорошо, спрошу иначе. Кто является воплощением автора в тексте?

– Это преходящее звание.

– Вам не кажется, что во второй части вы немного сместили акценты? Изначально мне казалось, что это просто немного странная история непонятно о чем – может быть, о поиске себя, поиске своего дома и места в мире, или о боге и вере, или о жизнях, которые мы могли бы прожить – или проживаем на самом деле – сложись все иначе, или вообще ни о чем, просто поток сознания человека, который пытается выговориться, но у него не получается. Но потом я заметила, к чему вы начинаете клонить, и это мне видится упрощением. Почему вы это сделали?

– Потому что все, о чем я говорю и думаю, все, что я делаю, в итоге сводится лишь к одному. Потому что в остальном нет смысла, и остального у меня просто не может быть без самого главного. Все это может казаться приторной банальщиной, но это не делает мои слова менее правдивыми. Когда помощь была нужна – никто не помог мне, и я узнал, как работает система взаимопомощи в нашем мире. Теперь я бы с удовольствием посмотрел, как тому, кто должен был помочь, ломают психику мучительными разговорами, или

подсадят на вызывающие психоз вещества, или даже убьют его, и змей вновь укусит себя за хвост.

– Вы собираетесь показывать эту пьесу еще кому-то?

– Нет смысла.

– Чем все закончится?

– Полагаю, что в нашем языке нет подходящего слова, так что точнее всего подошла бы такая формулировка: всеми возможными способами.

– И как вы собираетесь это реализовать в текстовом формате?

– Пока не знаю. Я долго об этом думал, и у меня возникло несколько идей, но их еще нужно доработать.

– И последний вопрос, прежде чем я попытаюсь сделать какие-то выводы относительно вашего состояния. Вы готовы?

– Спрашивайте.

В комнате вдруг стало темно – потому что темно стало на улице. Окно распахнулось, и в помещение ворвался холодный ветер, разметавший по полу листы бумаги, которые несколько секунд назад держала в руках доктор. Сейчас в ее кресле было пусто – пусто было во всем кабинете. Никого, кроме меня. Началось. Я устало откинулся на спинку кресла, в глазах все плыло, двоилось и словно отдалялось. Висевшие на стенах картины плавилась и стекали на пол, образуя там черные бурлящие лужи. Осталась висеть только одна – портрет темноволосой девушки с элементами натюрморта и

пейзажа. Все поверхности вдруг покрыла плесень, а на нее следующим слоем лег иней. Плетеный стул в самом углу кабинета превратился в клубок змей, с шипением расплзающихся по комнате. Веки наливались свинцовой тяжестью, а под ними сверкали багровые взрывы и языки пламени, облизывающие небеса. В стенах образовались сотни дыр, из которых полезли пауки. Смрад стоял невыносимый. И тут в комнате – а может, у меня в голове – раздался вкрадчивый тихий голос, и каждое слово, что он произносил, я знал наперед. Потому что это в моем воображении эти слова когда-то родились.

– Почему ты думаешь, что это сработает? Ты просто занимаешься чепухой. Ничего не поможет. Ты снова все испортишь – даже то небольшое, что у тебя еще осталось, и жизнь останется точно такой же, как и прежде, вот увидишь. Перестань цепляться. Замолчи. Ты устал. Ты проиграл. Ничего не вернуть. Ничего не вернуть. Ничего не вернуть. Ничего не вернуть. Это всего лишь слова. Они ничего не изменят. Ты проиграл, разве не видишь? Сдавайся. Ничего не вернуть. Замолчи. Ляг на пол. Сдавайся. Сколько еще тебе нужно подтверждений? Смирись. Смирись. Прими это. Ты проиграл. Так бывает. В этом нет ни плохого, ни хорошего, как и во всем остальном; нет справедливости, нет кармы, нет ни добра, ни зла, нет никакого смысла, нет никакого света в конце. Нет награды за страдания, поэтому ты страдаешь впустую. Перестань сопротивляться. Разо-

жми пальцы. Умри. Умри. Умри. Умри. Умри. Умри. Умри. Умри...

Голос становился все тише, но одновременно с этим – все больше проникал в сознание, и во все вокруг, словно растворяясь в пространстве и отравляя его. Вскоре он уже был неразличим, но легче от этого не стало, скорее наоборот. В голове проносились миллионы мыслей, и их движение все ускорялось и ускорялось – пока мое тело не дернулось, как натянутая струна, и не рухнуло на усеянный змеями и пауками пол, где принялось биться в припадке. Насекомые заползали в нос, и в рот, и в уши, змеи обвивали горло, руки и ноги, пережимая артерии. А потом я потерял сознание и не могу сказать, что было дальше.

Не-глава четвертая

Он берег ее, как садовник бережет редкостный цветок от каждого дуновения ветра, и окружил всем, что могло приносить радость ее нежной душе.

Мэри Шелли, “Франкенштейн”

Казалось, вторжение дьявола прошло для Питера и Мэри-Кейт совершенно незаметно, и сейчас они просто шли дальше по заснеженным улицам засыпающего города. Питер лишь иногда морщился и прикасался к груди в том месте,

откуда дьявол достал светящийся комок. Но это едва уловимое ощущение не было чувством какой-то пустоты или вроде того – сейчас Питера переполняли ощущения совсем иного рода, ощущения, которые он не мог – да и не хотел – объяснить. Ему было достаточно того, что они были приятнее всего, что он чувствовал прежде. Зима была удивительной, и Питер уже сейчас знал, что навсегда влюбился в это время года, совершенно разлюбив весну и лето. И только две вещи его интересовали и не давали покоя: как долго это еще продлится? И чувствует ли что-то подобное Мэри-Кейт – шагающая по снегу рядом, волшебно призрачная и красивая, то молчаливая, как и он сам, то удивительно разговорчивая, невыносимо напоминающая ему кого-то, кого он безуспешно пытался вспомнить. Ответа ни на один вопрос он не знал, но даже это несколько не портило тех минут, что он был с ней рядом, эгоистично украв ее у смерти. Наверняка за это придется расплатиться, и он боялся представить себе цену, но сейчас это не имело значения.

Город плыл мимо – своими уже поредевшими рядами огней и величественными силуэтами зданий, редкими прохожими и проезжающими машинами. Если у их прогулки и был какой-то маршрут, то ни один из двоих его не знал. Питеру было любопытно, кем все же была его спутница – призраком, человеком, мертвецом? Он точно помнил, что ее тела в переулке не осталось – оно словно слилось с синеватым силуэтом, что вернулся откуда-то сверху. Или сбоку. Или

снизу. В таких вопросах направление значит не очень много. Так или иначе, сейчас Мэри-Кейт слегка дрожала, словно от холода – да и неудивительно, ведь на ней была все та же рваная, абсолютно несовместимая с зимой одежда, в которой она и замерзла там, в переулке.

– Тебе сейчас холодно?

Она задумалась, прежде чем ответить. Похоже, ответ был для нее не совсем очевиден.

– Не знаю. Я не помню, как ощущается холод, но мне слегка колет в руки и шею. Это и есть холод?

– Если бы это было только покалывание, мы тут все не носили бы эти громоздкие куртки и дурацкие шапки. Я уже не говорю про шарфы. Холод – это... Это ощущение конфликта низкой и высокой температуры на поверхности тела.

– Это слишком научное определение. Не спорю, ты слегка похож на ученого, но побудь немного поэтом и объясни, что такое холод на уровне ощущений.

– Он заставляет тебя сжиматься и дрожать, бросаясь в погоню за укрытием в тепле, где не бывает непослушных пальцев и застуженных носов. Холод – как сотни маленьких укулов морфия, влекущих за собой и бесчувственность, и боль, он не дает забыть о своей власти над тобой и вынуждает кутаться плотнее в мягкий красный шарф и шапку ближе рукавами куртки прижимать к ушам.

Мэри-Кейт улыбнулась и пристально посмотрела на уши Питера. Они как раз начинали краснеть, и он жалел, что у

него-то и нет шапки, чтобы скрыть смущение. Но ее улыбка стоила каждого эритроцита, прилившего к ушам, и каждой запинки, что он сделал, пока произносил свое сравнение.

– Ты это сейчас на ходу придумал?

– Или так, или я умею останавливать время, чтобы продумать каждый ответ. Тебе как скорее кажется?

– Думаю, все же первое. Но второе было бы гораздо забавнее.

– О втором я мечтаю лет с десяти. Тогда я бы мог острить и говорить интересно, как остальные, а не отмалчиваться, потому что не успел придумать ничего стоящего.

– То есть ты тормозной, да?

– Да, есть такое. Не удивляйся, если я вдруг не отвечу на что-то или буду долго молчать. В такие моменты у меня в голове пусто, и звучит какая-то дурацкая мелодия. Или даже песня. Вроде той “у губ твоих конфетный, конфетный вкус”...

– Что у моих губ? Тебя плохо слышно, когда ты бормочешь!

– Да ничего. Зря я ее вспомнил.

– Что вспомнил?

– Песню.

– Спой еще раз, я все пропустила.

– Неа. Дай лучше руку.

Мэри-Кейт пару секунд колебалась, но потом все же протянула ладонь. Она была вовсе не холодной, как ожидал Пит-

тер, а теплой, живой и осязаемой, и он мог даже почувствовать, как кровь движется по артериям, венам и капиллярам ее руки. Если бы не это свечение и некоторая прозрачность, она была бы даже живее его – по крайней мере, с виду и наощупь. Разве что руки у нее действительно дрожали, но они дрожали и полчаса назад в метро, куда они зашли погреться, пока станции еще не закрылись.

– Нет, ты определенно не замерзаешь. И теперь у меня нет повода предложить тебе свою куртку.

– Ты больной? Если устал от жизни, есть способы закончить ее намного быстрее. И приятнее.

– Например?

– Нуу, например... Обьесться до смерти сладким вон в той кафешке. Лучше так, чем если ты загнешься от этого вашего холода прямо здесь.

– Думаешь, там еще открыто? Свет вроде не горит.

– Есть одна идея. Пошли.

Мэри-Кейт решительно двинулась через дорогу, даже не оглядываясь по сторонам, так что это за нее пришлось делать Питеру, еле нагнавшему ее на середине проезжей части. Они подошли к входу в кафе, которое действительно уже было закрыто. Только зеленая гирлянда-елка светилась по ту сторону стекла. Девушка прикрыла глаза, сосредоточилась и, прежде чем Питер успел ее остановить, резко шагнула в стекло. Или в ней все же оставалось многое от призрака, или стеклянная поверхность слишком удивилась такой глу-

пости, но в следующую секунду Мэри-Кейт была уже внутри и торжествующе улыбалась. Питер тоже улыбался – во-первых, каждый раз, когда он видел ее улыбку, его собственные губы расплзались в стороны, и ничего с этим нельзя было поделать, а во-вторых, у него уже появилось несколько головокружительных идей о том, как можно применить такую способность. Мэри-Кейт открыла дверь изнутри, и Питер поспешил войти, прежде чем в зал намело снега и набралось холодного воздуха. Над дверью зазвенели колокольчики, выполненные в виде ангелов. Питер быстро вскинул руку вверх и заставил их замолчать.

Это было небольшое кафе на самой окраине города – они и не заметили, как быстро дошли сюда из центрального района. Заведение было весьма небольшим и дизайн имело самый простой и непримечательный – настолько, что кроме дубовой барной стойки там было особо нечего описывать. Я и не буду пытаться – скажу просто, что Мэри-Кейт сварила себе кофе, а Питер налил в стакан холодной воды, они сели за один из столиков и завели разговор о призраках и их способностях, вспоминая все, что смотрели и читали об этих существах, по ходу дела проверяя некоторые теории на примере Мэри-Кейт. Питер расхаживал по залу с белой скатертью на голове, держа в руке подсвечник с горящей свечой – обследовал помещение на предмет еды. Мэри-Кейт оценивающе наблюдала за собратом-привидением.

– В принципе неплохо.

Питер остановился и посмотрел на Мэри-Кейт сквозь прожженные сигаретами дырки в скатерти.

– Что неплохо?

– Ты в образе призрака. Или это Карлсон?

– Расцвет моих сил уже давно позади. Значит все же призрак.

– Только кроссовки немного выбиваются из общей картины. И еще не хватает чего-то...

Пытаясь вспомнить, как должен выглядеть классический призрак, Мэри-Кейт задумчиво прикусила губу и слегка нахмурилась, глядя куда-то в сторону. Питер пристально вглядывался в нее, впитывая в память это новое выражение. Только убедившись, что образ надежно зафиксирован перед глазами, он щелкнул пальцами.

– Еще нужны кандалы и цепи, чтобы ими бряцать.

– Не бряцать, а греметь, поаккуратнее с классикой! Но да, именно их тебе и не хватает, а с кроссовками вообще какое-то нью-эйдж привидение получается.

– Будешь много критиковать – свеча погаснет, и ей на смену придет фонарик на телефоне.

– Все-все, поняла. Так что там со сладким? Неужели твоей жизни не угрожает ни один заваливающий торт?

– Подожди, что-то тут определенно должно быть. Ага, а это что у нас тут за стоечка? М?

Свет свечи упал на небольшую стойку, накрытую стеклянной витриной. Под стеклом сверкала глазурь, атели вишни

и блестел шоколад. Ни одного торта, правда, там не было, но Питер только что вспомнил, что последний раз ел еще вечером, и это были два ничтожных эклера с соком. Если быть откровенным, ему хотелось скорее чего-то мясного, но от пирожных он бы тоже не отказался.

– Что ты будешь? Тут все названия набраны каким-то сатанинским шрифтом, и полагаться придется на мои описания. Я постараюсь сделать их максимально точными. Итак, здесь есть что-то вроде медового пирожного, круассаны, кусок творожного пирога – если мои глаза не предают меня, кексы, желто-оранжевая штука с глазурированной короной и вишней, коричневая штука, истекающая красным сиропом из пары серьезных ранений, и штука, название которой я не помню, но у меня она ассоциируется с какой-то мелкой собакой и Габсбургами.

– Штрудель? Давай его сюда.

– Их там пять. Тогда остальное – мое.

Стряхнув с головы скатерть, Питер подкатил стойку к их с Мэри-Кейт столику и по очереди выставил на него все подносы – с преувеличенным выражением добытчика приглашающе окинув рукой их содержимое. Пока Мэри-Кейт изучала начинку штруделя в надежде найти там именно яблоки, Питер сходил за кофе, а у барной стойки решил взять еще несколько бутылок каких-то странных ликеров Мэри-Кейт на выбор. Все разместив на стойке, Питер уже было собирался отнести это к столику, но вдруг остановился и полез в

правый карман куртки и на самом его дне нашел облепленную пылью лиловую таблетку, которой там до этого не было. Ни о чем не задумываясь, Питер проглотил таблетку и запил водой, после чего, как ни в чем не бывало, отнес воду, кофе и ликеры к столику. Маленький рождественский пир начался.

И все было бы отлично, если бы не одно неприятное происшествие. Питер и Мэри-Кейт неторопливо уничтожали запасы сладкого за столиком кафе, название которого ни один из них так и не заметил на небольшой вывеске над дверью, когда Мэри-Кейт, задумчиво глядя в окно за плечом Питера, вдруг вздрогнула и застыла с выражением удивления на лице. Питер оглянулся и увидел черную фигуру, стоящую снаружи и практически прилипшую к стеклу. Силуэт был совершенно непроницаем, и даже луч фонарика не сумел хоть что-то осветить. Стекло в том месте, где к нему прикасался посторонний, начинало покрываться инеем, а в зале вдруг загорелись и снова потухли лампочки – вместе с экраном телефона Питера. Тот устало прикрыл глаза ладонью.

– Было наивно надеяться, что этой ночью не случится больше ничего сверхъестественного, да?

Он встал и медленно подошел к стеклу – сначала остановился в метре, затем приблизился почти вплотную. Но даже тогда он ничего не разобрал в силуэте снаружи. Зато сам силуэт заметно оживился: он наклонил то, что, вероятно, было головой вправо, затем влево, после этого он сдвинулся вбок – так, чтобы видеть Мэри-Кейт, и чтобы она видела его –

и, слегка подавшись назад, ткнул в нее пальцем, врезавшись при этом ногтем в стекло. Питер повернулся к девушке.

– Похоже, это к тебе. Ты случайно никого не ждешь?

Мэри-Кейт только медленно помотала головой из стороны в сторону. Тогда Питер вернулся к столу, взял в руку подсвечник с еще живой свечой и снова подошел к стеклу, в этот раз надеясь разглядеть хоть что-то в облике человека – если это был человек – который так непосредственно выражал желание поговорить с Мэри-Кейт. Стоило только Питеру поднести свечу чуть поближе к лицу постороннего, как он действительно начал что-то различать – черты были пусть и расплывчаты, но смутно знакомы. Визитер словно понял это и решил остаться неузнанным – он, должно быть, забыв о стекле, дунул на свечу. В каком-то смысле своего он добился – свеча потухла, но огонь невероятным образом перекинулся с нее на самого человека снаружи. Ему, казалось, было совершенно все равно. Он еще раз протянул палец в направлении Мэри-Кейт, развернулся и, пылая, очень медленно прошел вдоль витрин кафе и скрылся из виду.

Мэри-Кейт делала вид, что все в порядке, но Питер видел, что она притворяется, и этот случай выбил ее из колеи. Он смотрел на нее очень внимательно и, чем яснее он замечал разные вещи, например, что у нее слегка трясутся губы, что она стала еще бледнее, чем прежде, что она нет-нет, да и бросит взгляд за его плечо, на улицу, словно ожидая увидеть на снегу приближающиеся отблески пламени,

что она... Тем сильнее в нем разгоралась ненависть: к богу, к дьяволу, к третьему потустороннему существу и его межпространственным хозяевам, к непроницаемым людям-факелам, к демонам с глазами цвета нефти и всей остальной их коdle. И чем больше в нем разгоралась ненависть, тем больше он вспоминал о том, кто он, и что тут делает. И еще многие вещи, касающиеся того, что он может делать. Тем временем Мэри-Кейт понемногу успокаивалась.

– Он вернется. Ты видел, как он тыкал в меня пальцем? Я так и знала, что рано или поздно кто-то придет, чтобы все исправить...

– Неверно. Это я исправил то, что было неправильно.

– Это мне и тебе оно кажется неправильным. Мне – потому что никто не хочет умирать, тебе – не знаю, почему... Но таков ведь порядок вещей, правильно? Люди умирают, но не оживают. Не возвращаются оттуда. А ты его нарушил, и теперь вселенная будет делать все, чтобы восстановить статус-кво.

– Нет никакого статус-кво, как нет и воли у вселенной. Есть только кучка вселенских сущностей, стремящихся все контролировать, на которых работают сущности пожиже. Вроде того черного. Но это больше не проблема.

– Почему это больше не проблема?

– Потому что я начинаю вспоминать. Только не спрашивай пока, что именно – я расскажу, когда вспомню все до конца. А пока что – у нас есть способы защититься...

Перерожденец прищурился и описал кистью в воздухе полукруг, его глаза на секунду подсветились бледно-желтым, а на плечи Мэри-Кейт упал теплый вязаный шарф. Похоже, Питер сам был удивлен не меньше ее, но быстро взял себя в руки и закончил предложение.

– Ведь я, похоже, одна из этих сущностей.

Антракт. Существо слова

*Этот мир прогнил, и не осталось ничего, кроме
страданий.*

Тоби

ВСЕМ СКАЗАЛИ ВСТАТЬ, ВОТ Я И ВСТАЛ, ЧЕГО Я БУДУ ВЫДЕЛЯТЬСЯ. ВСТАЛ Я ИЗ-ЗА СТОЛА. ОТКУДА И ГДЕ ВСТАЛИ ОСТАЛЬНЫЕ – НЕ ВИДЕЛ, ТАК ЧТО НЕ СПРАШИВАЙТЕ. УЖАС И МОРАЛЬНЫЙ ТЕРРОР – ВОТ К ЧЕМУ У МЕНЯ ЛЕЖАЛА ДУША В ТОТ МИГ, БУКВАЛЬНО ТРЕПЕТАЛА В ПРЕДВКУШЕНИИ КОШМАРНОЙ АГОНИИ И ХАОСА, ЧТО ВОТ-ВОТ РАЗВЕРЗНЕТСЯ НА ТОМ МЕСТЕ, ГДЕ Я ПОСЛУШНО ВСТАЛ ИЗ-ЗА СТОЛА, ЧТОБЫ НЕ ВЫДЕЛЯТЬСЯ. ТЕРРОР – ОЧЕНЬ КРАСИВОЕ СЛОВО, ЕСЛИ ТОЛЬКО ЕГО ПРОИЗНОСЯТ НЕ КАРТАВЫЕ, У КАРТАВЫХ ТЕРЯЕТСЯ ВСЯ МОЩЬ ЭТИХ ТРЕХ Р. ВЫЛОЖИТЬ СОЗНАНИЕ НА СТОЛ – ВОТ КАКАЯ БЫЛА СЛЕДУЮЩАЯ КОМАНДА. Я НЕ СТАЛ

СПОРИТЬ – ЧЕГО МНЕ, СЛОЖНО ВЫЛОЖИТЬ ЕГО? ОНО У МЕНЯ ВСЕГДА К ТАКОМУ ГОТОВО. ПРИВЫЧНОЕ. ТОЛЬКО ОТВЕРНУТЬСЯ ПОПРОСИЛ, НО ОТВОРАЧИВАТЬСЯ БЫЛО НЕКОМУ, ПОТОМУ ОТВЕРНУЛСЯ САМ. КОГДА ВЕРНУЛСЯ – СОЗНАНИЕ УЖЕ ПРОПАЛО СО СТОЛА, И У МЕНЯ БУКВАЛЬНО НЕ ОСТАВАЛОСЬ ДРУГОГО ВЫХОДА, КРОМЕ КАК ОТПРАВИТЬСЯ НА ЕГО ЗАВЕДОМО БЕЗУСПЕШНЫЕ ПОИСКИ. Я ВЫШЕЛ ИЗ ДОМА И ПОПАЛ ПРЯМО В АВТОБУС. ЭКСПРЕСС ДО БЮРО НАХОДОК, ПОЧЕМУ БЫ И НЕТ – ТАК Я ПОДУМАЛ В ТОТ МИГ, ОДНАКО У МИРОЗДАНИЯ БЫЛИ ДРУГИЕ ПЛАНЫ НА ЭТОТ РЕЙС, ПОЭТОМУ ВСЕ МЫ ОТПРАВИЛИСЬ НА НЕБЕСА. ВПРОЧЕМ, БЫЛИ ТАМ ТОЛЬКО Я И ВОДИТЕЛЬ, ДА И ТОТ МЕНЯ ПРЕДАЛ – ЕЩЕ НА ВЫСОТЕ ПЯТИСОТ ФУТОВ НАД УРОВНЕМ ТРЕТЬЕГО КРУГА ОН СДЕЛАЛ РУЧКОЙ И ПОД ЗВУКИ МОЕЙ НЕУМЕЛОЙ ИГРЫ НА ВИОЛОНЧЕЛИ НЕУЛОВИМО УЛОВИЛ ПОПУТНЫЙ ВЕТЕР, ВЫПРЫГНУВ ИЗ ОКНА АВТОБУСА. ДЛЯ ЭТОГО ЕМУ ПРИШЛОСЬ НЕПЛОХО ТАК УЖАТЬСЯ, ОДНАКО СВОЮ ЖИЗНЬ ОН ЦЕНИЛ ЯВНО ПРЕВЫШЕ СВОЕГО УДОБСТВА, ТАК ЧТО Я ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ОСТАЛСЯ ОДИН, ЕСЛИ НЕ СЧИТАТЬ ВСЕХ ЭТИХ ГЛАЗ, ЧТО ПЯЛИЛИСЬ НА МЕНЯ С ВЕРХУШКИ, ДОЛЖНО БЫТЬ, СОСНЫ. Я ПРИНЯЛСЯ ИХ СЧИТАТЬ, И КАЖДЫЙ РАЗ СБИВАЛСЯ НА ТРИНАДЦАТОЙ ПАРЕ. С ПЯТОЙ ПОПЫТКИ Я

СУМЕЛ СОСЧИТАТЬ ИХ ВСЕ, НО ОКАЗАЛОСЬ, ЧТО ИХ НЕЧЕТНОЕ ЧИСЛО. ПОКА Я ДУМАЛ О ТОМ, КАК ТАКОЕ ВОЗМОЖНО, НАСТУПИЛ ВЕЧЕР, А ВМЕСТЕ С НИМ – И МОЯ ОСТАНОВОЧКА. НЕ СПЕША, Я СМЕНИЛ ПОВЯЗКУ НА ГЛАЗУ И ВЫШЕЛ ПРОЧЬ. СПРАВА КИЛОМЕТРИЛА ВДАЛЬ ПЫЛЬНАЯ ДОРОГА, СПРАВА ОТКРЫВАЛСЯ БЕЗУПРЕЧНО ТОЧНЫЙ ВИД НА АЛЬФА-ЦЕНТАВРУ, А СПРАВА – ЧУДО, А НЕ ЗДАНИЕ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ. Я ШАГНУЛ, НО ОБНАРУЖИЛ ХОДЬБУ НЕСКОЛЬКО УСЛОЖНИВШЕЙСЯ. С УКОРОМ ВЗГЛЯНУВ НА СВОИ ПОДОШВЫ, Я ПРЫГНУЛ СРАЗУ НА ВТОРОЙ ЭТАЖ, ГДЕ И НАХОДИЛОСЬ ТО, ЧТО МНЕ БЫЛО ТАК НУЖНО – ГОРОДСКАЯ КАЗНА. ПОСЛЕ МЕДЛЕННОЙ ПЕРЕСТРЕЛКИ С ОХРАНОЙ НАСТАЛА ОЧЕРЕДЬ ЧАЕПИТИЯ НА СКОРОСТЬ С СЕКРЕТАРЕМ, И ЭТО, ДОЛЖЕН ПРИЗНАТЬСЯ, БЫЛО КУДА БОЛЬШИМ ВЫЗОВОМ. АХХ, КАК ЖЕ Я НЕ ЛЮБЛЮ ОБЖИГАЮЩЕ-ГОРЯЧИЙ ЧАЙ С ПРИВКУСОМ УРАНА, НО ВСКОРЕ ЭТО ЗАКОНЧИЛОСЬ, И ВСЕ СТРАЖИ ПАЛИ. ТЕПЕРЬ Я МОГ ЗАБРАТЬ СВОЙ УМ ОБРАТНО, НО ОН ВДРУГ ПОКАЗАЛСЯ МНЕ ВЕЩЬЮ ДО БОЛИ НЕСУЩЕСТВЕННОЙ, СУЩИМ ПУСТЯКОМ, ГЛУПОСТЬЮ, В СУЩНОСТИ. СУЩЕСТВОВАЛ ЛИ Я – ВОТ ЭТО БЫЛА ЗАГАДКА, ТРЕБУЮЩАЯ НЕМЕДЛЕННОГО РЕШЕНИЯ. КТО-ТО СКАНИРОВАЛ ПРОСТРАНСТВО ВОКРУГ МЕНЯ, И ТЕЛО ТРЕБОВАЛО, ПРОСТО КРИЧАЛО МНЕ

ВНУТРЬ СЕБЯ О ТОМ, ЧТО НУЖНО, НЕОБХОДИМО БЫСТРО УБИРАТЬСЯ ОТСЮДА. МНЕ, КАК ВСЕ УЖЕ ПОНЯЛИ, ДВА РАЗА ПОВТОРЯТЬ НЕ НАДО, ДА И В ПЕРВЫЙ МОЖНО БЫЛО СКАЗАТЬ ПОТИШЕ, ТАК ЧТО Я РЕШИТЕЛЬНО СМЫЛСЯ В НЕИЗВЕСТНОМ НАПРАВЛЕНИИ, НО НЕСКОЛЬКО ПЕРЕБОРЩИЛ С НЕИЗВЕСТНОСТЬЮ, И СМЫЛСЯ СЛИШКОМ СИЛЬНО И ДАЛЕКО. РОДНОЕ КЛАДБИЩЕ. Я УЗНАЛ ТЕБЯ. Я ПОМНИЛ МЕСТО, ГДЕ ЛЕЖУ, ВОТ И НАПРАВИЛСЯ ТУДА – ОТЧЕГО БЫ НЕ ПРОВЕДАТЬ ХОРОШЕГО ЧЕЛОВЕКА? РЫТЬ ЗЕМЛЮ НА САМОМ ДЕЛЕ НЕСЛОЖНО, ОПРЕДЕЛЯЮЩИМ ФАКТОРОМ ТУТ ПО СУТИ ЯВЛЯЕТСЯ ДЛИНА НОГТЕЙ И СИЛА ПРЕДПЛЕЧИЙ, ПОЭТОМУ МНЕ ПРИШЛОСЬ УБИТЬ ДВА ГОДА, НО В ИТОГЕ Я СЕБЯ ВЫКОПАЛ И УСАДИЛ РЯДОМ – НА СКАМЕЕЧКУ. Я НЕПЛОХО СОХРАНИЛСЯ, НАДО СКАЗАТЬ. ХОТЕЛОСЬ БЫ И САМОМУ ТАК СОХРАНИТЬСЯ В СЛУЧАЕ ЧЕГО. ЧЕГО ИМЕННО – СКАЗАТЬ НЕ МОГУ, ПОТОМУ ЧТО НЕ ИМЕЮ ПРАВА, ПОДПИСЫВАЛ БУМАГИ. НА УЛИЦЕ СТОЯЛ ПОТЯСАЮЩИЙ ИЮНЬСКИЙ СМОГ, И В КАЖДОЙ ХАТКЕ В НАШЕЙ ДЕРЕВНЕ КТО-ТО УМИРАЛ, ЗАДЫХАЯСЬ И ГНИЯ. ЛЮДИ ПАДАЛИ, НЕ ВЫДЕРЖИВАЛИ, СХОДИЛИ С УМА И ПАДАЛИ, УХОДИЛИ С УМА ПРОЧЬ И БОЛЬШЕ НИКОГДА НЕ ВОЗВРАЩАЛИСЬ. ТОЛЬКО ЭТО МНЕ И БЫЛО НУЖНО – ПУСТЫЕ, БЕСХОЗНЫЕ УМЫ. Я ПОЖРАЛ ИХ ВСЕХ И УВЕЛИ-

ЧИЛСЯ ТЫСЯЧЕКРАТНО. ТЕПЕРЬ Я МОГ ВЫКЛЕВАТЬ ГЛАЗА БОГУ, НО СОВЕРШЕННО НЕ ВИДЕЛ, КАК В ВЫСОКОЙ ТРАВЕ ПОЛЗУТ СТАДА КРАСНОГЛАЗЫХ КРОЛИКОВ. КТО-ТО ПОСТУЧАЛ В МОЮ НОГУ. ЭТО БЫЛО СЛИШКОМ – Я НЕ МОГ ТЕРПЕТЬ ПОДОБНУЮ НАГЛОСТЬ ПО ОТНОШЕНИЮ К ТРИЖДЫ КАВАЛЕРУ ОРДЕНА ПАМЯТИ. УПАВ НА КОЛЕНИ, Я ПРИНЯЛСЯ ШАРИТЬ РУКАМИ ПО ЗЕМЛЕ, ПОКА ЗЕМЛЯ НЕ ПОГЛОТИЛА МЕНЯ. Я СЛУЧАЙНО НАБЛЮДАЛ В ПРОПОЛЗАЮЩИХ МИМО ЧЕРВЯХ СВОИХ МЕРТВЫХ ДЕТЕЙ, И КАЖДЫЙ ИЗ НИХ БЫЛ РОЖДЕН НЕ ОТ МЕНЯ, НО ОТ ДЬЯВОЛА. Я ОБРЕЛ СЕБЯ НА КРЫШЕ МИЛАНСКОГО СОБОРА – НЕТ МЕСТА ЛУЧШЕ, ЧТОБЫ ОБРЕСТИ СЕБЯ ПОСЛЕ СВИДАНИЯ С ВЕЧНОСТЬЮ. КТО-ТО ПОДЖЕГ ГОРОД С ШЕСТИСОТ ШЕСТНАДЦАТИ КОНЦОВ, И МНЕ ВНОВЬ ПРИШЛОСЬ УБИРАТЬСЯ ПРОЧЬ, ПОКА ЗА ЭТО НЕ ПОВЯЗАЛИ МЕНЯ. Я ВНОВЬ И ВНОВЬ ТАЩИЛ СВОЕ МЕРТВОЕ ТЕЛО НА ГОРУ ЭРЕБУС, И ВОРОНЫ КЛЕВАЛИ МОЮ СПИНУ, И МУХИ РОИЛИСЬ В МОИХ РАНАХ. Я ВЕСЬ БЫЛ СЛОВНО КУЛЬМИНАЦИЯ ОТВРАТИТЕЛЬНОГО И АБСОЛЮТНОГО ЗЛА, ОДНАКО ЧУВСТВОВАЛ СЕБЯ В ЦЕЛОМ НЕДУРНО – ТОЛЬКО САНДАЛИИ СЛЕГКА НАТИРАЛИ. НУ ДА ЭТО НИЧЕГО, РАЗНОСЯТСЯ. ЧТОБЫ ВОЙТИ В НУЖНУЮ МНЕ ДВЕРЬ, НУЖНО ОТГРЫЗТЬ СЕБЕ КИСТЬ И ПОЛОЖИТЬ ЕЕ В СПЕЦИАЛЬНЫЙ ЯЩИК. ЗАТЕМ ЕЕ ПРЯ-

МО НА ТВОИХ ГЛАЗАХ ВЫКИДЫВАЮТ. НО ТЫ ПРОХОДИШЬ, И НЕТ ДРУГОГО МЕСТА, КОТОРОЕ СТОИЛО БЫ ЭТОЙ ЦЕНЫ. НА МОЗАИЧНОМ ПОЛУ ТАНЦЕВАЛИ В ЧЕРНО-БЕЛОМ СВЕТЕ СТРОБОСКОПОВ ДЕСЯТКИ МОИХ ДВОЙНИКОВ. КАЖДЫЙ НАНОСИЛ СЕБЕ УДАРЫ НОЖОМ – КТО В ЖИВОТ, КТО В ШЕЮ, КТО В СЕРДЦЕ. НО, НАДО ОТДАТЬ ИМ ДОЛЖНОЕ, ДЕЛАЛИ ОНИ ЭТО, НЕ ТЕРЯЯ РИТМА, И ПОТОМУ ВСЯ СЦЕНА ВЫГЛЯДЕЛА ПРОСТО ЗАВОРАЖИВАЮЩЕ. ПОСРЕДИ ЗАЛА ЛЕЖАЛА ПОДУШКА, НА КОТОРОЙ СИДЕЛ ДЬЯВОЛ В КАРТОННОЙ КОРОНЕ С РЕКЛАМОЙ ФАСТФУДА. ОН ПО-ОТЕЧЕСКИ УЛЫБНУЛСЯ И НАПОМНИЛ, ЧТО ОБЕЩАЛ ПОКАЗАТЬ МНЕ ОТЧАЯНИЕ. Я ПОБЛАГОДАРИЛ ЕГО И ЗАПЛАКАЛ. НО ЕГО ШЕПОТ ЗМЕЕЙ ВПОЛЗ МНЕ В ГОЛОВУ:

– Я ЕЩЕ ДАЖЕ НЕ НАЧИНАЛ.

А ЗАТЕМ ОН ВСЕ ЖЕ НАЧАЛ, И МОЙ ВОПЛЬ ПОСТУЧАЛСЯ В ВОРОТА РАЯ. НО НИКТО, РАЗУМЕЕТСЯ, НЕ ОТКРЫЛ.

ВОКРУГ МЕНЯ. ТЕМНОТА.

ВОКРУГ МЕНЯ. ИСКРЫ И БОЛЬ.

ВОКРУГ МЕНЯ. ЖИВЫЕ ЛЮДИ.

ВОКРУГ МЕНЯ. МЫ ВСЕ ПЛЯШЕМ В ТЕНЯХ СО СВОИМИ ОТРАЖЕНИЯМИ.

ВОКРУГ МЕНЯ. АБСОЛЮТНАЯ ПУСТОТА.

ВОКРУГ МЕНЯ. БЕСКОНЕЧНАЯ ПЫТКА.

ВОКРУГ МЕНЯ. МЕНЯ НИКОГДА НЕ СУЩЕСТВОВАЛО.

ВОКРУГ МЕНЯ. ВСЕ СУЩЕЕ ГОРИТ В ОГНЕ.

ВОКРУГ МЕНЯ. НЕТ НИЧЕГО СТОЛЬ ЖЕ НЕВЫРАЗИМОГО, КАК ЭТОТ КОШМАР.

РАЗВЕ ЧТО... РАЗВЕ ЧТО ТО, ЧЕГО У МЕНЯ УЖЕ НЕТ, А МОЖЕТ, НИКОГДА И НЕ БЫЛО. ОСТАНОВИТЕ ОКРУЖАЮЩИЙ УЖАС, И Я СДАМСЯ, ОБЕЩАЮ. ЧТО ЖЕ Я НАДЕЛАЛ СО СВОЕЙ ИСТОРИЕЙ? ВРЯД ЛИ ТЕПЕРЬ КТО-НИБУДЬ НАЗОВЕТ ЕЕ ПРЕКРАСНОЙ ИЛИ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЙ. НО ОНА ТАКОВА, ПОТОМУ ЧТО ТАКОВА ЖИЗНЬ. ПРЕКРАСНЫМ МИНУТАМ ПРИХОДИТ НА СМЕНУ ЧТО-ТО ЧУДОВИЩНОЕ, И ПРОДОЛЖАЕТСЯ ОНО ВЕЧНОСТЬ. КАЖДЫЙ РАЗ, КОГДА Я МОРГАЮ, ВОКРУГ ПРОХОДЯТ СОТНИ ТЫСЯЧ ЛЕТ. ХОЛОДНЫЙ И ОДИНОКИЙ ВЕТЕР ПОЕТ СО МНОЙ В УНИСОН ГИМН ОТЧАЯНИЯ. Я ТЯНУ РУКИ И ЧТО-ТО ШЕПЧУ, СЛОВНО ЧТО-ТО ИЩУ, НО МОИ ДРОЖАЩИЕ ЛАДОНИ ВСТРЕЧАЕТ ОДНА ЛИШЬ ПУСТОТА, А СЛЕЗЫ СОБИРАЮТСЯ В УГОЛКАХ СЛЕПЫХ ГЛАЗ И ПРЕВРАЩАЮТСЯ В КРАСНЫЙ ЛЕД. Я ИЩУ СМЫСЛ И ЖАЖДУ КАЖДОГО МГНОВЕНЬЯ, НО ВПЕРЕДИ РАСКРЫВАЕТ ОБЪЯТИЯ ОДНА ЛИШЬ ВЕЧНАЯ БЕЗДНА. И СПАСЕНИЯ НЕТ.

КОГДА МЕНЯ ОТКАЧАЛИ, Я БЫЛ УЖЕ ОЧЕНЬ ДАВНО И НАДЕЖНО МЕРТВ. КОМУ-ТО ЭТО ПОКАЗАЛОСЬ

СМЕШНЫМ, И ГУЛКУЮ ПУСТОТУ ЗАПОЛНИЛ ХО-
ХОТ.

Не-глава четвертая. Окончание

*Только ограниченный человек загоняет в рамки то, об истинной природе чего понятия не имеет.
Неизвестный читатель журнала “Цепь” – своей собаке*

Перед Питером открывались невероятные возможности, оставалось лишь определить их границы. Это он оставил до какого-нибудь более серьезного и подходящего случая, а пока что решил лишь немного убратся. Открыв перед Мэри-Кейт дверь и выпустив ее на улицу, он обернулся на пороге и повел двумя пальцами правой руки из стороны в сторону. Помещение начало преобразаться с поразительной скоростью – исчезли мокрые следы с пола, стойка вновь наполнилась пирожными и откатилась обратно в свой угол, бутылки и чашки вернулись на свои места в баре, свеча восстановилась и оказалась там, откуда ее взял Питер – за барной стойкой, скатерть заживила дыры, прожженные сигаретами, и аккуратно легла на соседний столик. Питер уже закрывал дверь, когда услышал звон колокольчиков-ангелов. Последний штрих – по ту сторону двери сдвинулась защелка, и кафе пришло ровно в то состояние, в котором они его

обнаружили. Питер бросил взгляд на вывеску и усмехнулся. Мэри-Кейт с любопытством наблюдала за происходившим внутри.

– Интересно, а как они туда вернулись?

– Кто?

– Пирожные. Они ведь вернулись обратно на подносы – как будто бы никто их не ел.

– Как ты думаешь?

– Ну, раз ничто не берется из ниоткуда, то они, видимо, пропали из наших желудков.

– То есть это была такая магическая булимия? И почему ты решила, что ничто не берется из ниоткуда?

– Ну это вроде бы закон сохранения энергии или что-то такое, разве нет?

– Что-то мне подсказывает, что Майер, Джоуль и прочие не брали в расчет вот такие вещи...

Питер взмахнул рукой, и перед ними, примерно в пяти шагах, возник серебряный занавес, колышущийся на ветру и издающий легкий, еле слышимый звон. За ним не было видно продолжения улицы, но виднелся мягкий желтый свет какого-то другого места. Мэри-Кейт подошла поближе, присмотрелась и поняла, что занавес соткан из снежинок – точнее, льдинок, принявших форму снежинок. Она в восторге повернулась к Питеру.

– Как ты это сделал?

– Я просто представил. Этого достаточно.

– А можешь делать это не руками, а просто мысленно?

– Да, только тогда это не так эффектно выглядит.

– Ну тогда создай себе какую-нибудь волшебную палочку.

Будет еще эффектнее.

– Ничего вы, магглы, не понимаете в эффектности...

– Еще раз скажешь что-нибудь такое – и я достану из тебя какой-нибудь жизненно важный орган, волшебник.

– Ладно, я тебя понял. А из них можешь что-нибудь достать?

Питер махнул головой куда-то за спину Мэри-Кейт. Она обернулась и увидела восемь фигур, медленно приближающихся к ним с другой стороны улицы. Один из силуэтов – тот, что шел впереди, все еще немного дымился. По какой-то не известной Мэри-Кейт причине, теперь он, как и остальные, имел черты вполне различимые – это был высокий мужчина лет тридцати с длинными кучерявыми волосами. Во лбу у него зияла дыра от пули. Прочие тоже имели следы насильственной смерти – в основном пулевые ранения, но один из них выглядел как человек, которого очень долго пытали электричеством, а еще у одного в горле торчал осколок стекла. Мэри-Кейт все эти детали ничего не сказали, зато Питер почти сразу понял, кто эти люди и, самое главное, что им здесь нужно. Как раз то, чего он никогда больше не допустит.

Питер еще даже не сформулировал в голове свое желание, а вокруг восьмерых мертвецов уже возникла клетка. Это их остановило, но ненадолго – гости из космоса принялись

рвать железные прутья руками. Клетку сменила яма, яму – стена из молний, затем просто каменная стена, но мертвецы всякий раз довольно быстро справлялись с преградой. Не помогало связывание, обезглавливание, расчленение, распыление – восемь фигур вновь и вновь восстанавливались и все так же неуклонно приближались. Питер устало вздохнул.

– Есть какие-нибудь идеи? Похоже, мое воображение иссякает.

– А ты не можешь просто куда-нибудь их перенести? Ну, в смысле телепортировать.

– И правда. Почему бы не попробовать?

В следующую секунду визитеры разом исчезли, оставив после себя лишь горелый запах.

– И где они теперь?

– В космосе. Они наверняка вернутся, но у нас есть время, чтобы придумать что-нибудь понадежнее. А вообще... Знаешь, во всех фильмах и сериалах о монстрах и прочем потустороннем дерьме всех неубиваемых чудовищ можно было убить специальным оружием, древним артефактом и так далее.

– И что, у тебя случайно завалялся в кармане Кинжал Судьбы или что-то такое?

– Нет, но я, кажется, знаю место, где Кинжалы Судьбы можно приобрести по сдельной цене. Пойдем.

Питер кивнул в сторону ледяного занавеса, за которым уже виднелись отсветы пламени, слышался треск камина и

чьи-то шаги по старой деревянной лестнице, и они с Мэри-Кейт сделали шаг навстречу этим звуку и свету.

Не-интерлюдия пятая. Другие сказки

– Наверное, так приятно считать себя чем-то новым в мире. Думаешь, будто я никогда тебя не встречал? Отнюдь. Ты – лишь очередное искажение мелкой детали изначального замысла, новый виток старой истории, новый облик вечного архетипа. Я устал вас помнить.

– Наверное, скучно это – видеть все узоры истории разом. Даже не знаю, о чем можно поговорить с таким нудным стариком.
Страж и Лис

Его называли Головастиком, а ее – Шапочкой. Все всегда говорили, что они были похожи, как брат и сестра – нет, скорее даже как близнецы. Когда в приют два года назад приехал Санта, он вручил им подарки и шепнул, что знает один секрет, который не расскажет никому, кроме них двоих. Но для этого, сказал он, им нужно потерпеть еще год – он снова приедет сюда, и они все узнают. Тогда они еще были детьми, и их можно было легко впечатлить такими словами, так что целый год они даже и не думали ни о каких побегах, да и вообще вели себя сравнительно неплохо – их даже почти не называли сатанятами. Но в следующем году у приюта не ока-

залось денег на Санту, как, впрочем, и на подарки для детей, так что маленьким обитателям большого серого здания нужно было в срочном порядке перестать верить в сказки. Но тут было две сложности.

Первая заключалась в том, что они уже не были к тому моменту детьми. Ни сатанята, ни другие. За несколько месяцев им пришлось или быстро повзрослеть, или... То, что случилось с Плаксой, стало для всех очень наглядным примером, и даже самые незрелые и инфантильные из них понимали, что их ждет, если они не смогут вписаться в пережившиеся правила. Большинство, к счастью, нашли свое место в этой новой картине их маленького мира, об остальных же было негласно решено не говорить, не вспоминать и даже не думать.

Вторая сложность была связана с верой в сказки. К следующему Рождеству ни Дофин, ни Клио уже не верили в те сказки, что им навязывали взрослые. Санта, Большие Страшные Серые Волки, Снежные Королевы, Золушки и Синие Бороды отошли куда-то далеко, перейдя в разряд “да, я помню эту забавную историю для маленьких детей”, а на первый план выдвинулись те сказки, которые обитатели приюта сочинили сами – под влиянием всего, что происходило в этом жутком месте и, в каком-то смысле, за его пределами. Новые сказки были намного мрачнее всего, что когда-либо сочинили братья Гримм или Гофман, и они были слишком странны, чтобы о них можно было рассказать тем, кто счи-

тался в приюте “взрослыми”. Новые сказки испугали бы любого, кто не провел в этом месте большую часть своей жизни, впитывая местные мифы, законы и чудеса.

И, конечно же, никто в них не поверил бы. А зря.

Потому что, когда в одном месте запирают сотни несчастных, одиноких, странных и искалеченных жизнью детей, имеют обыкновение происходить удивительные вещи. Воображение – опасная штука, если не знать, как правильно им пользоваться. Когда у тебя нет почти никакой связи с миром, а все, что есть – это такие же дети рядом с тобой, не остается ничего, кроме как раскрывать друг другу собственные, внутренние миры, сочиненные прямо здесь, на ходу. И каково же твое удивление, когда ты замечаешь, как много в ваших фантазиях общего. Нет, это не мечты о побеге обратно, в большой и настоящий мир, не воспоминания о семье и том далеком времени, когда еще не было одиночества, не общие для всех культурные коды и мифы. Это странные, никем ранее не виденные картины и места, истории, которые никто до этого никому не рассказывал. Как они могли совпадать? Ответ был только один: было что-то общее, что заставляло всех детей видеть одни и те же образы. Маленькие заключенные быстро догадались, что если отбросить все различия, то те детали, образы, символы, идеи и сюжеты, что останутся – общие для них всех – и есть то самое неизведанное, откуда потусторонний ветер несет свободу в бетонную клетку.

И когда все они начинают одновременно и искренне в это

верить, относясь к новому миру с детской серьезностью, он действительно появляется, проступая из пустоты странными и манящими очертаниями. Если бы персонал приюта понимал, что куда опаснее запирать их в комнатах, запрещая носиться по коридорам и залам, если бы только эти наивные взрослые знали, что происходит в кажущейся тишине, когда дети лежат на койках и, глядя – кто в потолок, кто – в доски двухэтажной кровати, разговаривают о том, каким им видится мир вокруг, то они бы никогда больше не оставляли их без присмотра. Ни на секунду. Но было уже поздно, и этой осенью случилось слишком много странного и страшного, чтобы выдуманный мир, в последний раз подпитавшись так ярко вспыхнувшими детскими эмоциями, не воплотился в жизнь, вырываясь из воображения и сходя со страниц секретных газет и дневников, стекая чернилами со стен, оживая из звука голосов, влагой поднимаясь из подвалов и осыпаясь пылью с чердаков. Приют перестал быть “детским” и стал просто приютом – местом, где можно укрыться. Домом, крепостью, логовом. И хозяевами в нем были те, кто больше не желал сбежать отсюда. А первыми среди равных были в том числе и они, кто прежде настойчивее остальных пытался покинуть тюрьму – Дофин и Клио, давно уже переставшие быть Головастиком и Шапочкой.

Возможно, все поменялось в тот день, когда они нашли книгу зелий, возможно, в тот, когда окончательно прицепились новые прозвища, а может – в тот, когда ушел Лемур.

Как бы то ни было, в один из осенних дней все резко переменялось, и странные истории, которые они воплощали в жизнь годами, стали жуткой, извращенной реальностью, предъявившей им свои правила. В новом мире выше всех поднялись те, кто лучше умел делать вид, что это он управляет Выворотом, а не наоборот. Сатанята еще с детства были хорошими притворщиками.

Сегодня было Рождество – первое в приюте Рождество, когда дети отказались от устроенного администрацией заведения скудного, но все же праздника. Они, само собой, не отказались от праздничного ужина, но в холле было на удивление пусто по сравнению с прошлым годом – никто не развешивал над камином чулки, не пел песен и не пытался улучшить елку собственными вещицами. Лишь иногда мимо проходили уже не дети, но подростки, куда-то ужасно торопящиеся, да на диване у окна спал Червь.

Был уже поздний вечер, и за окнами приюта давно погас последний луч скупого зимнего солнца, когда тишину нарушил звук чьих-то шагов. Тихий и ровный стук приближался к холлу, и через несколько секунд из одного из коридоров-кишочек быстрым шагом вышел Ферзь. Он подошел к двери, за которой Рождество отмечали воспитатели, и прислушался. Удовлетворенный услышанным, Ферзь двинулся дальше, на ходу пнув Червя. Тот даже не шелохнулся, только засопел чуть громче.

Ферзь вошел в комнатку, которая через секунду превра-

тилась в просторную гостиную – с креслами, диванами, темными углами и камином. Здесь уже собралось человек пятнадцать, все они сидели, лежали, стояли или висели вниз головой – и по очереди рассказывали истории. Это была игра, и правила у нее были такие: каждый рассказывает одну историю, а остальные пытаются угадать, откуда она – с Выворота или из воображения рассказчика. Тот, кто к концу игры угадал больше всех, получает право выбрать одну из историй и сделать ее реальной – если она была придумана, или изменить ее – если она произошла на самом деле. Это была очень опасная игра, и при определенном раскладе она могла закончиться для кого-то очень плохо, вплоть до смертельного исхода. Но почти никто из них еще не задумывался о таких вещах, кроме нескольких человек, включая Дофина. Тем страннее было то, что игру придумал именно он; однако сам в ней не участвовал. Ферзь уселся рядом с ним и принялся слушать. Сейчас был черед Чешира, и он рассказывал историю о художнике.

Этот художник писал прекрасные полотна – в основном пейзажи; и в каждом из них была одна небольшая деталь – человек, рисующий человека, рисующего человека. Это было его навязчивой идеей, и в какой-то момент он даже стал утверждать, что только таким образом – вновь и вновь включая себя в собственные работы – может оставаться живым, реальным. Концовка была ожидаемой – художник однажды все же написал картину, на которой не изобразил себя. И как

только она была закончена, он исчез. Вполне в духе Выворота. Черед угадывать выпал Ферзю, и он оказался прав.

Клио рассказала историю о двух сестрах-принцессах, одна из которых была злой и жадной до власти. Она убила своих родителей и стала королевой, а сестру заточила в подземелья, где та годами томилась в темноте и одиночестве. Клио выдала лишь небольшая деталь – истории с той стороны обычно имеют окончание, которого не было в ее истории.

Количество выпитого росло, сюжеты становились несвязнее, но отгадать их происхождение от этого становилось только проще. Пока не настала очередь Анчара. Это был самый молчаливый и неприметный человек в приюте, и многие иногда просто забывали о его существовании – щуплый и низкий, в грязной серой рубашке и выцветших джинсах, с волосами, закрывающими лицо, он вечно ускользал от всеобщего внимания. Многие даже не подозревали, что его слово здесь значит почти так же много, как слово Дофина, во всем на него не похожего. Ферзь не рассчитывал, что Анчар станет участвовать, но вот уже его тихий, шелестящий голос заполнил комнату, заползая в каждое ухо. Но рассказывал он с трудом, словно нехотя, пересиливая себя – или подчиняясь какому-то обязательству. Все шепотки и шорохи смолкли, и последняя история звучала в полной, почти гробовой тишине.

Анчар рассказал о человеке без имени и лица, который заключил сделку с дьяволом, желая добиться любви девуш-

ки, без которой не мог жить. Но дьявол обманул его. Забрав душу, он извратил условия их договора и повернул все так, что человек в итоге потерял ту, кого любил, навсегда, как и малейший шанс когда-либо быть с ней. Но даже этого было мало, и человек, исчезнув из мира, вернулся в виде образа, перерождающегося раз за разом, в течение сотен лет – каждый раз теряя и душу, и свою любимую, которая трагически погибала вскоре после встречи с ним. Бога терзала такая ужасная судьба, и он решил спасти душу человека – проведя его по пути искупления. Но этот путь был исполнен страданий еще больших, чем те, на которые человека обрек дьявол, и человек каждый раз терпел поражение в схватке с судьбой, все плотнее увязая в жутком цикле перерождений, пока однажды, в четырнадцатый раз, что-то не пошло не так.

Когда Анчар рассказал концовку своей истории, объяснив, что это был за исход, Ферзь даже присвистнул. Да, это была неплохая задачка напоследок – и неплохой шанс выиграть сегодня у Двуликого, с которым у них было поровну отгаданных историй. Но, похоже, ни у кого не было уверенности в том, что же это – правда с Выворота или все же вымысел, рожденный в странной голове Анчара? Наконец Двуликий сказал, что верит в правдивость истории, но сказал он это как-то с сомнением. Теперь был черед Ферзя. Тот тоже склонялся к тому, что история действительно имела место где-то по ту сторону, и хотел уже было приступить к ставкам, но за секунду до того, как открыть рот, Ферзь услышал еле

слышимый шепот у самого уха.

– Это вымысел. Но он должен стать правдой, иначе не случатся многие вещи, которые должны случиться. Верь мне, скажи, что это ложь. И воплоти ее в жизнь.

Шепот смолк, и только легкое шевеление справа выдало Дофина, с кошачьей ловкостью вернувшегося на свое место. Похоже, никто, кроме Ферзя, этого не заметил. Если уж Дофин рискнул грубейшим образом нарушить правила игры, значит, он действительно что-то знал, и этой действительно было очень важно. Что ж, по крайней мере, Ферзю не придется ставить на кон что-нибудь ценное. Он громко заявил, что считает историю Анчара вымыслом. Тот несколько секунд молчал, и Ферзю уже было показалось, что он видит на скрытом патлами лице очень неприятную улыбку – и это в полутьме, через всю комнату. Но наваждение прошло, и Анчар своим привычным бесцветным голосом сказал, что история действительно была выдумкой. Хотя Ферзю вновь почудилось кое-что странное – будто в конце фразы голос Анчара слегка дрогнул от напряжения или от... волнения? Дофин ободряюще ткнул Ферзя кулаком в бок и объявил победителя.

– Ну что, Ферзь, какую историю мы сегодня оживим? Или, может, приукрасим?

Все принялись выкрикивать свои и чужие клички и громко объяснять, чем же их истории достойнее других. Но Ферзь помнил о просьбе Дофина и, перекрикивая хор голосов, ска-

зал, что решил сделать реальной историю Анчара. Через шум обсуждения, сквозь движущиеся по комнате силуэты Ферзь с Дофином заметили, как лицо Анчара, поднявшего голову, приобретает выражение злобы, смешной с ненавистью. Но прежде, чем он сумел что-то предпринять, Дофин демонстративно поставил печать Выворота в летописи историй под уже предусмотрительно записанной историей Анчара. Теперь с этим уже ничего нельзя было сделать – так работала магия той стороны.

Гостиная на секунду замерла, и пространство моргнуло, словно перестраиваясь. А затем мир просто продолжился, оставшись таким, каким он был.

Не-глава пятая

Возможно, суть нашего общества – именно во лжи. Лжи самой разной, от прямого обмана до притворства или молчания, но всякая из них – часть фундамента жизни человека. Мы не готовы жить правдой, однако идеализируем ее, очерняя всяческого рода неискренность. Думаем ли мы, что таким образом придем к идеалу, отбросив однажды лохмотья лжи, в которые укутываем свой мир? Даже если так, мы бесконечно наивны в своей вере, будто после всего, что было с нами, сможем мы отмыться от обмана. Обмана, ставшего неотрывной частью нас самих.

Неизвестный автор, “Ген смерти”

Я чувствовал себя неудачником, упустив Питера и девушку, не сумев их найти, не сумев уговорить дьявола пересмотреть условия сделки, не выяснив, что это за гость извне, который все знает и во все хочет вмешаться. У меня был и запасной план, но он казался полной чушью. Я шел по заснеженной улице, волоча на плече сумку с ноутбуком. Да, похоже, я раб своих привычек. Это предположение получило еще одно подтверждение, когда я обнаружил, что уже пять минут стою перед входом в бар и пялюсь на вывеску. Даже не пытаясь сопротивляться, я встряхнул головой и вошел внутрь.

Поначалу я еще пытался печатать, но выходило что-то не то – текст менялся прямо у меня на глазах, превращаясь во что-то нежелательное. Видимо, у меня больше не было абсолютной власти над этой ночью – странник решил не заморачиваться и просто отобрал ее у меня. Ну, по крайней мере, так я хотя бы знаю, что происходит. Если это, конечно, не трюк, придуманный для того, чтобы сбить меня с толку. Я наблюдал за развитием событий на экране компьютера и мрачнел с каждой минутой. Похоже, Питер был уже не просто чернилами и снегом – он стал человеком, и даже больше. Он начал вспоминать, и не было ничего опаснее для него, чем вспомнить свою историю. Я даже не пытался гадать, что произойдет, когда в его памяти больше не останется темных пятен. Но меня не покидало ощущение, что последствия будут катастрофическими.

В определенный момент выпитого стало слишком много, чтобы я не начал видеть то, чего нет. Иначе как можно было объяснить то, что в бар зашел Питер и сел за мой столик напротив меня, когда я видел, что как раз сейчас Питер и Мэри-Кейт находятся в какой-то волшебной лавке, созданной неизвестно чьим воображением? Этот пришелец долго молчал, уперев в стол блуждающий взгляд, но через какое-то время он созрел для разговора. Жаль, что я был не готов, но от этого было, судя по всему, никуда не деться.

– Знаешь, раньше, в первой жизни, я всегда верил в тебя – где-то в глубине души, и чем дальше, тем глубже я запикивал эту веру, но так и не смог от нее окончательно избавиться. Я верил во что-то другое, на тебя не очень похожее, но это неважно. Я всего четыре раза в жизни молился богу. Два раза я просил о том, чтобы ты прекратил боль, которую я чувствовал. Один раз – чтобы позволил мне и дальше быть счастливым, как в ту минуту, и еще один раз – чтобы дал мне решимость умереть, не оглядываясь на интересы других людей. Ни разу ты не помог мне. И я решил, что это устроено как-то иначе, и стал делать то, чего раньше не делал из-за веры, а после – просить прощения. Разумеется, никто меня не прощал, но откуда мне было знать точно? После исповедей становилось легче.

– Все действительно устроено не так. Когда-то все так и было, но это совсем другая история.

– Плевать. Я больше ни о чем не прошу, только спраши-

ваю. Так ответь, за что мне досталась такая судьба?

– Ты сам сделал первый шаг к ней, заключив ту сделку.

– Что меня привело к тому, что я пытался повеситься, а в итоге решил продать душу? Почему все не сложилось хорошо, что пошло не так?

– Ответ на этот вопрос тебе не понравится. Потому что он упирается в то, что ты не большой человек, чем остальные. Не ты один обладаешь свободой выбора, Питер. Желания и устремления людей не всегда совпадают, понимаешь? Неужели ты хотел бы добиться того, чего пытался, насильно, наперекор воле и желаниям другого человека? Тебе действительно подошло бы такое счастье?

– Почему желания людей не всегда совпадают? Неужели нельзя было устроить все как-то более... Благополучно и симметрично?

– Мир не имел бы смысла, желай все одного и того же. Будь это так, ты изначально бы не начал чувствовать ничего из того, что заставило тебя совершать все эти странные и глупые поступки, потому что человек, в своих желаниях и порывах во всем похожий на тебя, не был бы тебе интересен. Разве это не один из самых прекрасных моментов в любви – узнавать новое, открывать для себя целый неизведанный мир в другом человеке, удивляться, еще больше влюбляясь? Всего этого не было бы, не будь вы все различны, и любви тоже не было бы – остался бы голый инстинкт.

– Почему тогда я не мог хотя бы узнать, что мне нужно

делать для того, чтобы как-то измениться, стать тем, кто... Ну, ты понял.

– Потому что ты не можешь просто взять и полностью измениться. Это не в твоей власти. Как же мне объяснить тебе, что мир вокруг тебя не вращается?

– Я это понимаю.

– Ты понимаешь, но не веришь. А должен искренне поверить.

– Так что же, я не могу быть счастливым, не могу измениться, чтобы быть счастья достойным, но ты, тем не менее, зачем-то пытаешься вырвать меня из круга перерождений? У меня еще один небольшой вопрос: а, собственно, для чего?

– Чтобы ты смог увидеть смысл в чем-то еще. В чем-то доступном и возможном.

– Этого не будет.

– Это ты сейчас так говоришь. Все проходит, знаешь ведь.

– Почему тогда не прошло за сотни лет новых жизней?

– А с чего ты взял, что это каждый раз один и тот же человек? Это ведь только ты перерождаешься, а не она. Ты проклят повторять одно и то же, но суть повторения – в одних и тех же поворотах судьбы, и никак не в людях. Ты должен в итоге сойти с ума, потому что бесконечное повторение одного и того же в надежде на иной результат всегда приводит к безумию.

– Я знаю, что это всякий раз она.

– Откуда? И как, позволь узнать, такое вообще возможно?

Ты просто убеждаешь себя в этом, зная всю историю целиком. Самовнушение, Питер – опасная штука.

– Я просто знаю. Я чувствую это в ее голосе, вижу в глазах, в движениях, мелких деталях мимики, в манере речи. Я ощущаю это через прикосновения. И не могу ошибаться в этом.

– Нет. Ты или экстраполируешь образ первой на всех последующих, либо последней – на всех предшествующих.

– Ну я же возвращаюсь раз за разом, значит, это возможно.

– Но она свою душу не продавала. Просто смиришься с тем, что она погибла в первый раз из-за твоих решений, а в прочие – из-за твоего проклятия. Но все это были разные люди. Тебе сложно принять то, что ты погубил четырнадцать человек, но именно так все и было, и ты погубишь еще больше, если не перестанешь вести себя, как законченный эгоист.

– Но что мне делать, если это единственное, что мне нужно? Если ты можешь заставить меня перестать чувствовать это... Я готов сделать что угодно. Я выдержу все и не сорвусь, но не с этим чувством вокруг горла.

– Осторожнее, мы, кажется, слишком увлеклись. Ты не хочешь спросить о чем-нибудь другом? Когда мы ехали сюда в поезде, у тебя еще оставалась куча дурацких вопросов. Самое время.

– Они меня уже не интересуют.

– Как-то это все нездорово, тебе не кажется? И да, ты не

знаешь, как объяснить то, что ты находишься в двух местах одновременно?

Я указал на экран ноутбука, для удобства переведя текст в видео. Питер сейчас... Вместе с Мэри-Кейт стоял посреди оживленного переулка, оглядываясь вокруг. Другой Питер, тот, что сидел рядом со мной, с любопытством наблюдал за собой.

– Он настоящий, я – ретроспективный фантом.

– Ясно. Пойдем наружу, проветримся.

Я расплатился, мы встали из-за стола и направились к выходу. Ну вот, вместо перерожденца мне остался лишь призрак его памяти, который можно убеждать в чем угодно сколько угодно – он все равно ни на что не повлияет. Ну что ж, так я хотя бы скрашу время до следующего хода дьявола. Впрочем, не сомневаюсь, что ждать долго не придется.

Когда мы вышли из заведения, я остановился и пару минут постоял, напряженно размышляя. Питер покорно ждал. Наконец я принял решение, и мы двинулись дворами к реке, а затем – вдоль заметенной снегом набережной. Питер шел немного позади, задавая странные вопросы.

– Почему ты выбрал эту дорогу?

– Не знаю. Она мне просто нравится.

– У всего есть причина.

– Разве?

– Да. Ты выбрал эту дорогу, потому что это реальное место. Эта река действительно течет в настоящем городе, и путь

вдоль набережной ведет туда, где все началось.

– Что ты сказал?

– Божечки, да какая разница, что я там сказал – я тот еще трепач. Кто ты ТАМ, в реальности – вот в чем вопрос. Но знаешь ли ты ответ, дружок? Я вот знаю.

Я резко обернулся, извлекая из кармана выкидной нож, но рука Питера – если это был он – уже вцепилась мне в горло железной хваткой. Он сделал подсечку и уронил меня на снег, ни на секунду не отпуская моей шеи. Он был не слишком аккуратен, и при падении я зацепил головой низкий гранитный бортик, и нож выпал из моей руки. Все начало расплываться и меркнуть. Питер – впрочем, я уже был уверен, что это не он – понял, что меня можно не держать, и отпустил мое горло. Дышать стало чуть легче, но это мое положение не слишком-то улучшило. Он тем временем достал из кармана куртки что-то продолговатое, тонкое и сверкнувшее в свете фонаря.

– Понимаешь, я люблю симметрию. Мне нравится думать, что ты покинешь это место тем же способом, которым сюда попал. И не переживай, мы все отлично проведем время в твоё отсутствие! Мы тоже, знаешь ли, любим рассказывать всякие истории. И у меня хорошо получается – ты увидишь, если вернешься. Столько всяческих загадок, сюжетов, персонажей, исходов – и все мое, тепленькое и готовое для лепки. Одного солдатика я себе уже слепил. Надеюсь, вы еще познакомитесь, он просто чудесный малыш, честное слово!

Он улыбнулся от уха до уха, и это резкое движение заставило личину посыпаться, как старую потрескавшуюся штукатурку. Разумеется, это был он, кто же еще. Серебряные патлы нависали надо мной, обрамляя лицо совершенного безумца. Я никогда не понимал, что меня пугает в его облике больше всего, а сейчас вдруг понял – это было странное сочетание пустых белесых глаз, ничего не выражающих, мертвых, и сумасшедшей улыбки, которую он всегда старался сдерживать. Ублюдок закатал рукав моего пальто, а затем поднес блестящий предмет к моим глазам, и я разглядел в нем шприц.

– Знаешь, что это, братишка? Твой подарок! Ты ведь не думал, что я оставлю тебя без подарка в такой праздник, правда? Правда же? Я не расстроюсь, если ты для меня ничего не подготовил. Достаточно будет, если ты просто не станешь сопротивляться...

Еще даже не закончив фразу, он воткнул шприц мне в руку и надавил на поршень.

– Ну вот, еще немного, и все. Давай я спою тебе песенку, чтобы ты быстрее уснул?

Затем он поднял голову и, глядя куда-то вверх, спросил уже явно не у меня:

– Ты ведь, наверное, замечаешь, что в этой истории стало совсем мало песенок, да? Меня это тоже расстраивает. Счастливого всем нам Рождества!

И он действительно начал напевать, расхаживая вокруг

вприпрыжку и иногда поглядывая на меня – проверяя, не отключился ли я уже. Я был к этому близок – второй раз за ночь проваливался в забытие своего реального мира, о котором здесь не знал ровным счетом ничего. Вот что за песенку, напоминающую какую-то странную, его собственную переделку чужого текста, пел дьявол:

Нашим грезам сбываться – не к лицу
Колокол плачет по тебе обессилено
Ласточки, летя вниз, танцуют
Последнее танго для избранных
Ложь – наш с тобой порядок вещей
И человеческая жизнь превосходней
Никогда уже не будет, чем
Даже один миг в преисподней
Мне ничего не жалко для друга
Ведь мне приснилось – умер мир
Это лишь сон, но этот сон – в руку
И так рождаются дурные дни
Спи, фантазер, скорей засыпай
Передавай там от меня привет
Я скоро заеду в ваш славный рай
И всех вас сожру на обед.

Крошечный промежуточный эпилог. Уйти или раствориться

*Я сам с собой делал порой такие ужасные вещи
Что теперь передвигаюсь только на
полусогнутых*

*Только в сторону долины, где сумрак плещется
Только осенью, только мертвый, только
absolutum incognito
NEUROMATRIX – Поезд*

Как бы неприятно это ни было признавать, Альфа понимала, что их обставили, как детей. Когда она соглашалась дать ответы на его вопросы, сложность с объектом, который знал бы слишком много, казалась решаемой, причем самыми примитивными способами. Она была абсолютно уверена, что прыгун уже никогда не выйдет за пределы базы, а все остальное, что он знает, они рано или поздно извлекут из его памяти, когда все же взломают ее.

Теперь, когда Альфа смотрела на труп Дельты – мертвой по-настоящему, в реальном мире, не пережившей перегрузки сигнала – она понимала, что недооценила прыгуна. Она просчиталась так сильно, как еще никогда не просчитывалась, даже во время самых провальных конфронтаций со штабом. Но эту ошибку нельзя было предсказать. Никто

не мог представить, что объект, тем более – второстепенный, лишь кучка нейронов, может перегрузить сигнал живого человека изнутри нейромодели. Никто не мог предположить, что он может покинуть базу, полностью экранированную, никто не поверил бы в то, что... Скажи ей кто-нибудь об этом пару дней назад, она бы только рассмеялась. Но первый звонок был, и они не смогли понять его смысл. Когда память прыгуна оказалась зашифрованной, и канал было невозможно отследить, стоило сделать вывод, что во всей этой ситуации что-то не так. Теперь его сигнал вообще пропал, и даже данные о нем на компьютерах исчезли. Его как будто никогда и не было. Только мертвая Дельта и ворох бумаг с записанными фрагментами – вполне возможно, что полностью выдуманными им самим – напоминали об этом провале. Теперь он был где-то там, на цифровых просторах, неуловимый, опасный и, что хуже всего, осведомленный об их операции.

Альфа тяжело вздохнула и развернула лист, оставленный им – должно быть, в насмешку – рядом с Дельтой.

“Я никогда на это не соглашался, никогда не подписывал никаких договоров. Путь, по которому нам предстоит пройти, который мы унаследовали, слишком жесток, настолько, что мне не верится. Занавес поднят, но за ним – еще большая неопределенность. Идя по этому пути, я видел многое. Жестокость и боль, смерть человечности, стены лжи, возвышающиеся над горизонтом, уходящие в небо настолько далеко,

насколько я вообще мог видеть. И на этом пути нас много – я вижу, как марширует армия, живая цепь, растянувшаяся, кажется, в бесконечность. На руках и ногах оковы, и наши цепи гремят, пока мы плетемся дальше, с трудом переставляя ноги. Тех, кто останавливается, подгоняют плетью, толкают в спину. Тех, кто обессилел, волокут по земле. Столь немногие готовы оглянуться вокруг, рассмотреть эту тоскливую картину, но я всегда смотрел, искал, запоминал. И вот однажды нашел. Я увидел рядом тебя, и ты заметила меня. Мы оба не могли поверить, что это возможно – найти кого-то настоящего среди этого этапа в вечность, в этой очереди на самоуничтожение. Давай покинем их ряды, давай пойдем в сторону солнца, пока не дойдем до него, пока не переплывем моря и не достигнем далекого острова, где мы спрячемся в тени деревьев. Мы скроемся от взглядов осуждения, от плетей и криков, от судьбы, которую нам уготовили. Чего стоит жизнь, построенная из пластмассовой лжи? Понимание друг друга разделено нашими мыслями, и это самое прочное звено наших цепей. Память так избирательна, и каждую ночь перед сном нас отвлекают от главного. И пусть ноги кричат от боли, пусть они уже стерты в кровь, пощады не будет, и марш не остановится. У меня уже нет сил, чтобы перестать смотреть на происходящее, и каждый день я, кажется, понемногу тлею, прогорая до остатков души. Я больше не способен терпеть этот угнетенный, забытый сброд холуев, что раболепно пресмыкаются перед собственными тиранами, па-

лачами, гонителями и вертухаями. Давай покинем их, оставим. Их уже не спасти”.

Часть четвертая. Одиссея все никак не закончится

Номер шестой. Код – 241. Классификация: похищение, нереален-нереален, последовательно. Обыгрывается классическая идея о существовании целиком внутри симуляции. Конечность циклов – не определена. Порядок прямой и обратный. Отрывок из неизвестной ночной телепередачи

Микролог. К вопросу о чести, самокопанию и прочих глупостях

*Мне так необходимо искренне покаяться перед тобою – но так ненавистно и страшно перестать лгать самому себе – хотя бы и теперь, в это большое время, когда для твоего всепрощающего пониманья я стал неуязвим...
Олицей, над могилой неизвестной*

– Пока что из твоих данных нихрена не ясно.

– Я ведь предупреждал, что все прояснит только последняя деталь истории. Это моя страховка.

– Очень надеюсь на твое благоразумие, Артур. Давай де-

ВЯТЫЙ.

– Как скажешь. Слушайте.

“Нет почти ничего более глупого, чем беспокойство о собственной чести у человека, ничего из себя не представляющего. Разве что болезненная охваченность мыслями о собственном образе – у выдающихся посредственностей.

То же можно сказать и о чувстве стыда за свои поступки и слова, особенно необоснованном. Один человек знает одного человека, настолько мнительного и эгоцентричного, что тот не может перестать постоянно за все подряд извиняться, видя в чем угодно свою вину – даже тогда, когда предмет извинений не имеет к нему никакого отношения. Также он страдает и странной, извращенной формой нарциссизма, объединяющей в себе и самолюбование, и ненависть к себе. Он замечает за собой первое и от этого впадает во второе, затем степень направленного на себя презрения его удивляет и кажется чем-то положительным, что вновь возвращает его к восхищению собой. Идеальный пример порочного круга, состоящего целиком из эгоизма и надуманности.

Страх. Невероятное чувство – мотиватор и демотиватор в одном флаконе. В своей активной форме – панике – позволяет проявиться невероятным способностям тела и мозга – если, конечно, не парализует человека в первые же секунды. В пассивной форме, которую можно было бы назвать опасениями или сомнениями, душит волю к действиям и переменам, скрываясь под маской рационализации.

Человеческое сознание избыточно, что подтверждают даже эти несколько примеров контрпродуктивных моделей поведения. Не все люди таковы, но у некоторых склонность к рефлексии развита настолько, что работает уже не как двигатель личного развития (что бы это ни значило), а как тормозящий фактор. Проблема самоанализа в том, что он не может быть абсолютен и точен. В жизни дедукция/индукция уровня Шерлока Холмса невозможна, поэтому человек, проводящий слишком много времени, прогнозируя и разбирая возможные варианты, взвешивая доводы и анализируя мелкие детали, рискует потерять все – просто потому, что мир устроен слишком сложно, и все факторы учесть невозможно. Минимальный анализ позволяет избежать неприятностей и найти выгоду, избыточный только плодит бесполезные схемы. Во всем необходим баланс, и для успешного существования оптимально сочетание рациональности и импровизации.

Возможно, и сам этот небольшой кусок текста из четырех абзацев – одно из наилучших подтверждений приведенных тезисов. Какой смысл скрупулезно разбирать человеческое поведение и работу сознания, когда ты этого вовсе не хочешь делать, но считаешь, будто это необходимо для создания какой-то там картинки в голове другого человека? Возможно, и остальные куски текста так же глупы. К чему создавать метафору длиной в сотню-другую страниц, когда все ее содержание можно легко выразить лишь несколькими словами?

Если только это не вынужденная мера. Как река делает изгиб, встречая на своем пути преграду, так и слова многократно умножаются, когда некоторые из них не могут быть сказаны – по крайней мере, без контекста. Тогда эта избыточность оправдана. Но все равно странна при этом”.

– Ну что ж, вы получили девять фрагментов, десятый получите, когда отпустите меня и дадите уйти. Вот в этом месте.

– Дельта, возьми у него бумагу.

– Спасибо, Дельта. Но, прежде, чем я покину вашу гостеприимную базу, я задам последний вопрос.

– Валяй.

– Итак, Альфа. Я уже понял, кто вы, что это на самом деле за место, чем вы тут занимаетесь, что ищете. Лишь насчет одного аспекта всей ситуации у меня есть только догадки, так что я хотел бы попросить вас прояснить мне кое-что. Альфа, что именно содержится в ключевом фрагменте, который вам так необходим?

Евангелие от лукавого, I.

Киноклуб имени Алекса Деларджа

*Нас величали черной чумой
Нечистой силой честили нас
Когда мы шли, как по передовой*

Не знаю, сколько времени прошло с того момента, как я умер, задушенный змеями и пауками на полу притона. Если я могу сейчас думать эти мысли, возможно, я и не умер вообще? Это был сложный вопрос, требующий более глубокого анализа, а на это сейчас не было сил, так что я решил считать себя условно мертвым.

Вскоре я стал различать мир вокруг, а еще спустя какое-то время понял, что уже не лежу, а сижу в кресле, причем сижу с удобствами – на запястьях смыкались кандалы, а цепь тянулась куда-то за порог комнаты, посреди которой кресло стояло. Из прочей мебели там был старый покосившийся шкаф под замком, белый экран прямо напротив меня, стеклянный столик с проектором и стаканом воды и решетки на окнах. Кто-то явно намекал, что не хочет отпускать меня на свободу. Впрочем, сейчас мне казалось, что за пределами этого помещения я найду не больше свободы, чем имею здесь, так что даже не думал о том, чтобы попытаться сбежать.

Вместо этого я присмотрелся повнимательнее к цепи. В одном из ее звеньев была зажата маленькая скрученная в трубочку бумажка. Кандалы предоставляли мне ровно столько самостоятельности, чтобы я мог ее достать. Развернув то, что оказалось запиской, я прочел следующее послание: “Ну что, соскучился? Я скоро вернусь, обязательно дождись ме-

ня!”

Сомневаюсь, что это могла быть записка от друга, мамы или кого-то в этом роде – учитывая кандалы и прочие обстоятельства. Это могла быть девушка, но я никогда не замечал за собой пристрастий к таким экспериментам, так что из вариантов остались только злорадный недоброжелатель или безумный фанат – это было сомнительно, потому что я не был знаменитостью, а желать мне зла – как, впрочем, и добра – было особо некому – или просто маньяк. Что ж, скоро мне предстояло узнать, что же из двух.

И, как обычно, я оказался не совсем прав.

Цепь шевельнулась и вновь замерла. Потом проделала это еще раз. Затем стала подергиваться без остановки, назойливо и как-то словно игриво. Вдруг у меня в голове что-то вспыхнуло, заставив отдернуться к спинке кресла. Это был мимолетный образ – человек без кожи, будто заживо освежеванный, сжимающий в пальцах зеркало в черной раме. Испугал меня не сам живой труп, а то, что я увидел в зеркале – глубокого старика, в морщинах и седого, выглядящего так, словно он прожил тысячу несчастных лет, и впереди у него был еще миллион. Несколько секунд все было спокойно, а затем цепь вновь стала дергаться, и с каждым ее движением перед моими глазами взрывались все новые и новые образы, один болезненнее другого. Там было все: и батарея с кусочками мозгового вещества, и пустой осенний парк, и исписанные кровью страницы, и чьи-то огромные темные глаза, гля-

дящие с насмешкой, и потолок реанимационной палаты, и рвота вперемешку с кусочками органов на грязном снегу, и манящая темная гладь реки вокруг маленького островка... И все, все, все. Я думал, что вот-вот сойду с ума, но цепь замерла как раз в тот момент, когда я уже был на грани. Я медленно открыл глаза.

Надо мной нависал – насколько ему это позволял рост – тощий седой парень лет шестнадцати в просторной желтой безрукавке с надписью “В АДУ ВСЕГДА СОЛНЕЧНО”, идущей по контуру круга со вписанной в него мордой козла. Он держал в руке цепь от сковывающих мои руки оков и ласково ее поглаживал. Седые волосы свисали грязными сосульками, но они не могли скрыть выражения безумия на лице этого человека. Он улыбался во весь рот, выставляя напоказ блестящие серебряные зубы и разрезанный надвое язык. Глаза же его были пусты и неподвижны, словно у акулы.

– Привет, старичок. Не узнаешь меня, да?

Я только помотал головой.

– Ну это ничего, я не обижаюсь. Ты столько с собой всякого сделал, что и себя-то не узнаешь. Небось и не помнишь ничего, но я это быстро поправлю. Сегодня у нас в программе премьерный показ моего дебютного фильма – закрытый показ, между прочим, так что можешь гордиться возможностью увидеть это первым.

Маньяк снял с плеча сумку, достал из нее ноутбук и подошел к столику с проектором.

– Не против, что я взял твой компьютер? Мне было неловко брать его без разрешения, так что тысяча извинений.

Он подключил ноутбук к проектору и принялся что-то искать среди беспорядка файлов и папок.

– Ты, наверное, думал, что здесь тебя никто не достанет. Думал, что через червоточину может пройти только один. Думал, что спрячешься и допишешь свою глупую историю в тишине и покое. Кто знает, что еще ты там думал. Но ты в любом случае ошибался – я никогда не прикрываю лавочку, старик.

Я не понимал ровным счетом ничего из его вдохновенного бреда, но мне уже определенно хотелось выбраться отсюда. У этого человека явно все было очень не в порядке с головой.

– Это кто у тебя на рабочем столе, господи боже? Ну и ну, даже мне чуть неловко, право дело. Долго фотку искал?

Мне начинало казаться, что я нашел способ высвободиться, и я принялся медленно поворачивать руку, стараясь не шуметь. Впрочем, сумасшедший был явно слишком увлечен компьютером, чтобы что-то заметить.

– А что за свалка на жестком диске. Лучше любого пароля – найти тут что-то конкретное почти нереально. И историю в браузере стоило почистить. Ты хоть представляешь, как бы тебе стыдно, увидь это кто-нибудь чужой, а не я? Это уже слишком жалко, старичок! Не думал, что ты до такого опустишься. Ну да ладно, это все лирика, давай приступим к самому сладкому. Эй, что это ты там делаешь?

Он все же заметил мои попытки избавиться от оков – когда одна рука уже была свободна. Повинуясь его взгляду, цепь, как змея, взметнулась с пола и обвила меня вместе с креслом, сжимаясь при каждом моем движении.

– Ладно, хватит тянуть. Пора смотреть кино. Знаешь, как я назвал этот фильм? “Симфония боли посреди пустыни отчаяния и некоторые преимущества полной амнезии”. Как жаль, что его не покажут ни на одном фестивале независимого кино!

Псих запустил фильм, и пока на экране проектора крутились титры и бессмысленные геометрические формы, подошел ко мне и при помощи ремешка, который он достал из сумки, зафиксировал мою голову так, чтобы я не мог отвернуться. Затем приложил к моим векам какие-то железные бляшки, и я почувствовал, что не могу закрыть глаза.

– Последний штрих. Признаюсь, я позаимствовал идею из одного фильма, но тебе предстоит увидеть вещи много хуже. Но не бойся, я рядом. И помни, что все это – в твоих лучших интересах.

И фильм начался. Как только я понял, что это, я похолодел от ужаса, меня почти парализовало, а в голове стало так пусто, как никогда прежде. Как и задумывал этот монстр, я не мог ни на секунду отвести взгляд от того, что происходило на экране. Проектор транслировал одну сцену за другой, колонки разрывались от звуков, и казалось, что эта пытка не закончится никогда.

На поверхности, часть первая

В большинстве человеческих культур отражения, наряду с тенями, несли в себе различные мистические подтексты – иногда люди представляли их чем-то “добрым” (прим. 13), связанным с “душой” (прим. 38), иногда полагали, будто в отражениях заключено “зло” (прим. 14), связанное с неэтичными действиями, словами либо мыслями человека. Некоторые сохранившиеся печатные источники показывают, что порой люди верили, будто отражение – это некий иной мир, куда при определенных условиях можно попасть из мира реального.

Ауришфетаханг А-М Баджрфогенх, “Символы и знаки. МС-СС-№3”

Я очнулся у себя дома. Никаких Питеров и Мэри-Кейт не было, не было перерождений, не было магии, как не было и рождественских чудес или бога с дьяволом. Все, что было – этот тупой холод из форточки, грязная майка, полупустая пачка сигарет, пыль на клавиатуре, обрывки идей для книги, работа вечером и давно осточертевшая музыка в колонках. Мне нужно было успеть очень много и в очень сжатые сроки, но ни желания, ни сил не хватало даже на то, чтобы встать с ковра и пойти поесть. Это напрягало – в последние дни я спал подолгу, но никак не мог выспаться. Наконец плейлист

закончился, и оказалось, что без депрессивной музыки начать что-то делать намного легче, так что я встал, высыпал из маленького пакетика остатки вчерашней бодрости и одним движением их прикончил. Это здорово помогло – последующие события невероятно ускорились, превратившись в смазанное слайд-шоу.

Сигарета, завтрак, сигарета, душ, сигарета, магазин, две сигареты, второй завтрак, автобус, звонок, сигарета, мой любимый угол в зале ожидания на вокзале и две новые главы там же – с перерывами на сигареты, автобус, аптека, метро, сигарета, зачет по историографии, звонок, бюрократическая возня, сигарета, деканат, еще немного возни и отдел кадров, короткий сон на диване на цокольном этаже, сигарета, магазин, автобус, банк, сигарета, метро, звонок, еще раз деканат, бухгалтерия, еще раз деканат, прощальная сигарета на крыльце вуза, метро, сигарета, работа с перерывами на сигареты, метро, автобус и полторы главы, сигарета и завтрак, еще один заряд бодрости, поиск нормальной квартиры среди объявлений от агентств и идиотов, сигарета, звонок, автобус, мак, спор о разделе оплаты и зарплаты на возврат долга, нытье – собственное и чужое, прогулка до магазина, забрать заказ, купить пакет, сигарета, глюк, четыре часа пропали, автобус, ужин и одна глава, автобус, бутылка вина, сигарета и, наконец, сугроб и короткий сон.

Пробуждение было не из приятных, не буду скрывать. Уже было около полуночи, я весь промок, замерз и наверняка был

похож на отъявленного бомжа. Интересно, что там поделывает Питер? Сейчас они уже должны были причалить в порту Бастиона. Бог, наверное, все еще в отключке. Я подумал обо всех этих линиях, и мне стало стыдно за то, как бездарно, бесталанно я их упускаю, но вместе с этим я снова словил кайф от того, что в любой момент могу все изменить и переиграть. Это почти ни с чем не сравнимое чувство – абсолютная власть над судьбами людей, пусть даже и вымышленных. Да что там людей – целых вселенных. Если бог существует, он уже наверняка давно загнулся от передоза эндорфинами.

Мне в ближайшее время передоз не светил – прах закончился еще днем, так что разрушать себя пришлось более традиционными и легальными методами. Не то чтобы это вещество было вне закона, просто его для органов правопорядка пока не существовало. Не знали о нем и фармацевты с химиками, не знали варщики. Это все было легко объяснимо, ведь вещество “иисусий прах” открыл и поставил в производство (исключительно для собственного употребления) лично я, и пока что у меня не было желания делиться самим веществом, составом или даже фактом существования чего-то подобного с другими людьми.

Я вернулся в сугроб и выкурил еще одну сигарету, затем снова встал и медленно двинулся вдоль слабо освещенной аллеи, вслушиваясь в звуки ночи, притворяясь, что могу читать их, как индейцы читают следы. Я притворялся так убедительно, что через пару минут и сам поверил в этот обман.

Смех где-то вдалеке, шелест чьих-то шагов по снегу, громкое дыхание собаки, сигнализация за углом, треск ломающейся ветки – все это приобрело вдруг значение, преисполнилось для меня новым смыслом и наполнением.

Я вошел в образ, я летел, прыгал и крался, заглядывал за угол и бросал взгляды через плечо, курил перебежками, передвигался в затылок. Небо было таким чистым, что я мог разглядеть мельчайшие детали жизни существ на других планетах в миллионах световых лет отсюда. В какой-то момент я повернулся к дороге спиной и пошел задом наперед, подергивая головой в такт гремящей в ней музыке. На секунду мне показалось, что эта музыка так хороша, что ей можно было бы прибить к кресту Иисуса, но потом я вспомнил, что Иисус – это вымышленный персонаж, и просто продолжил двигаться в такт.

Скоро ритм изменился и вынудил меня шагать грозно и медленно, руками изображая игру на боевом барабане. Запах ночи скользил в ноздри, наполняя голову странными идеями и порывами. Я погнался за вороной и почти догнал. Я залепил снежком кому-то в окно. Я пробежался по трем машинам, стоящим в ряд, перепрыгивая с крыши на крышу, вызвав этим какофонию сигнализации. От ненужного внимания я скрылся в арке, ведущей в большой двор, оттуда двинулся налево, к ночному магазину. У входа я собрался и стал вести себя чуть более адекватно.

В зале я взял исчезающе маленькую бутылку хереса, гази-

ровку и чипсы с луком. Расплатившись на кассе, я поднялся на второй этаж торгового центра, чуть углубился в ряды с закрытыми магазинами и, раскинувшись в мягком кресле у лавки с одеждой для всех разновидностей неформалов, употребил только что купленные продукты. Какое-то время я писал, меняхватило почти на целую главу. Почувствовав легкое головокружение, я удовлетворенно хмыкнул и спустился на первый этаж, а затем вышел на улицу. Там выкурил несколько сигарет и уже без дурачеств двинулся обратно, к трамвайным путям, по пути добив бутылку необоснованно дорогого хереса.

Приступы веселья были так же мимолетны, как и редки, и после них всегда наступала черная беспросветная тоска, ничем не объяснимая и непобедимая. Все было как-то грустно, и я чувствовал, что что-то умирает. Или рядом, или вокруг, или внутри, или еще где-то, но ощущение угасающей жизни было очень сильным, так что я впал в еще большее уныние и дошел до остановки понуро и еле переставляя ноги. Закурил и стал ждать трамвая, подперев спиной круглосуточный продуктовый ларек.

Пытался придумать продолжение линии странника – и не смог, так и не найдя, куда его вставить в дальнейшем сюжете. Все интерлюдии и прочие промежуточные истории казались глупыми, инфантильными, тупиковыми и кричащими о чем-то, о чем они должны были лишь нашептывать. Пытался вспомнить, выбрал ли я в итоге квартиру – и тоже не

смог, упершись в череду однотипных скучных фотографий и ничего не значащих описаний. Затем попробовал вспомнить, зачем мне вообще нужны деньги, но причины одна за одной блеснули своей надуманностью и отвалились. Я знал, что будет дальше – я бы неизбежно углубился в этот вопрос и задумался, зачем мне вообще жить, не нашел бы повода и для этого, но снова уперся бы в чьи-то чужие интересы, которые я из жалости не хотел уничтожать. Ну и разве я после этого эгоист? Боже, какая несправедливость. Но тут подъехал трамвай, и я не успел достичь дна своей внезапной меланхолии.

Зашел в салон и стал у двери. Люди поглядывали как-то странно, и мне даже стало немного интересно, что такое особенное у меня написано на лице. Ненавижу жаловаться, и это плохо – это все стереотипы, комплексы и так далее. Вот только по этим стереотипам и под влиянием этих комплексов живет весь мир, и один человек не может против него бороться, потому что такое всегда заканчивается плохо для одного человека. Страдать вслух – это показывать слабость. Посвящать кого-то в свои проблемы – это показывать слабость. Слишком сильно открываться – это показывать слабость. Казаться человеком, а не супергероем – это показывать слабость. Не ладить с людьми и страдать от этого – это показывать слабость. Говорить искренне, даже когда говорить стыдно и страшно – это показывать слабость. Казаться уязвленным, задетым, грустным, одиноким и так далее – это

показывать слабость. Люди презирают то, что считают слабостью, потому что еще с тех пор, как мы лазили по веткам и могли лишь мычать и кричать, любая слабость неизбежно вела к плохим последствиям. Мир уже тысячу раз изменился, но мы остались такими же обезьянами с тупыми обезьяньими инстинктами и предпочтениями. И недостаточно просто понимать, что ведешь себя глупо, чтобы вдруг стать выше этого – дурак может сколько угодно считать себя дураком, но ума ему это все равно не прибавит.

Вдруг я почувствовал какой-то странный жар у рта, и только тут заметил, что все еще держу в зубах сигарету, от которой, правда, остался уже один только тлеющий фильтр. Понятно, почему на меня так смотрят. Я вытолкнул окурок зубами чуть подальше, чтобы не обжечь губы, и терпеливо принялся ждать следующей остановки. Когда двери открылись, я поспешно вышел, выкинул бычок в урну и подошел к переходу, прилегающему к остановке.

Уже было около часа ночи, наверное, а чертов светофор до сих пор работал – и показывал, что мне нужно стоять еще полторы минуты. Мне это показалось бредом, и я просто перешел дорогу. Через пару секунд я услышал очень неприятный звук и понял, что светофор здесь работал не просто так, ну и заодно вспомнил, что рядом, во дворах, находится ментовка, куда я уже как-то раз попал чуть по иной причине. Желания вновь там оказаться у меня не было, но человек в униформе был уже слишком близко, чтобы действовать по

найтию, поэтому нужно было выиграть время и придумать маршрут отхода.

Поздоровавшись, я извинился и спросил, могу ли я идти, если пообещаю, что больше никогда не буду переходить на красный. Тип попался паскудный – сказал, что его мои обещания не волнуют, и пригласил в патрульный автомобиль – составлять протокол. Я для виду сник, что-то промямлил и послушно поплелся рядом с ним к машине с мигалкой. План был уже готов, но мне еще очень хотелось сделать какую-нибудь глупость, навроде того, чтобы пнуть его под задницу, плюнуть на лобовое стекло или залепить снежком в ухо, но я решил не искушать судьбу. Ни к чему предоставлять человеку дополнительную мотивацию.

Я резко рванул в сторону и устремился к входу во двор. Судя по звукам за спиной, мужик решил размяться и все же погнался за мной. Неожиданно, но ладно, это мы тоже учли – я свернул в соседний двор, особенностью которого была расположенность заметно ниже, чем у того, в который я ворвался до этого. Разницу компенсировала широкая лестница с высокими перилами и зигзагом двух пролетов ступеней. Но был и еще один путь – с возвышенности можно было спуститься по ее заснеженному и обкатанному детьми склону. В последний раз я съезжал с этой горки лет двенадцать назад, если не больше. Скатываясь по ледяной дорожке, я мысленно записал себе ностальгическую ачивку. Затем я побежал ко второму подъезду и оглянулся назад. Служитель порядка

только приближался к лестнице. Спуск по ней займет у него еще почти четверть минуты, и я уже буду в безопасности к тому моменту, как он окажется здесь. Стараясь не суетиться, я перебирал связку ключей и думал, что чувствую себя героем какой-то детской сказки. Найдя нужный, я отпер дверь в подвал, юркнул внутрь и торопливо закрыл ее за собой, а потом выглянул в небольшое окошко, которое в ней имелось.

Преследователь заметил, куда я делся и стоял метрах в десяти – думал, стоит ли вообще продолжать. Очевидно, не найдя причин, он разочарованно махнул ногой и быстрым шагом отправился обратно, охранять порядок от других вероломных пешеходов.

Я довольно улыбнулся и щелкнул выключателем на стене. Стоит побыть здесь еще какое-то время, просто на всякий случай. Спустившись по лестнице, я окинул взглядом коридор, и в который раз подумал, что здесь просто необходимо снять какую-нибудь сцену для фильма ужасов. Пройдя несколько дверей, я открыл ту, к которой у меня был ключ, вошел внутрь небольшой каморки, закрыл дверь и включил свет уже здесь. Плюхнувшись в кресло-мешок, я закурил и взял с полки банку газировки.

Да, это было что-то вроде моего убежища. Или логова. Или чего-то, что можно описать менее пафосными словами. Так или иначе, я иногда тут проводил час-другой. Хозяйка квартиры, к которой была приписана эта каморка, скончалась два года назад, а ее невестка, которая теперь занимала

жилплощадь, скорее съела бы паука, чем спустилась в грязный и плохо освещенный подвал. А зря – я тут навел порядок и даже придал этому месту немного уюта. Ключи были, разумеется, дубликатом. Оригинал находился там, где и должен, а ко мне он попал случайно и буквально на пару часов.

Так, сидя в кресле, я написал еще две главы, но зато стер то, что написал на втором этаже магазина и одну из тех, что написал вчера утром в зале ожидания. Вскоре мне надоело сидеть, и я, записав себе в телефон напоминанку о том, что нужно бы пополнить местные запасы продуктов, выключил везде свет, запер дверь и вышел на улицу. Никакого желания возвращаться домой не было, и я решил сходить на остров.

Шагая вдоль трамвайных путей по пустым улицам, я курил и насвистывал какую-то грустную песенку. Дойдя до большого перекрестка, я спустился в вымощенный желтой плиткой переход, нашел нужное место и принялся разглядывать стену в поисках послания. Через пару минут я его нашел, переписал в телефон и, достав из кармана маркер, оставил чуть ниже свой ответ. Затем вновь поднялся наверх и продолжил путь. Мне нравился мой город, и я знал его очень хорошо. Некоторые места я мог определить по фрагменту стены, специфической выбоине на тротуаре, по надписи на заборе или въезду во двор. Были у меня, разумеется, и любимые места, вроде того, куда я сейчас шел. Я посещал их довольно редко, каждый раз как бы фиксируя в памяти все, что произошло между двумя посещениями, увязывая воспо-

минания с тем, как место выглядело сейчас.

В прошлый раз на острове я был в конце зимы, в самом начале черной полосы, которая все никак не желала прекращаться, претендуя на то, чтобы стать новой нормой. Удивительно, как сильно люди ошибаются, когда думают, что хуже, чем сейчас, им уже не будет. Каждого человека с раннего детства стоит готовить к тому, что все и всегда может стать (и будет становиться) гораздо хуже, и дна у пропасти нет. Возможно, мы получили бы общество пессимистов, но эти пессимисты по крайней мере умели бы ценить редкие минуты, когда все же чувствуют радость и счастье. Они бы ценили то, что имеют, и страх это потерять был бы их главным мотиватором.

В прошлый раз был ранний вечер, небо было уже ночным, но на севере – в той части города, где все дороги вели в психбольницу – с каким-то оранжевым отсветом. Снега лежало чуть меньше, но было гораздо холоднее, тогда я даже был в варежках. Сейчас вокруг не было ни одного человека. Пройдя по велодорожке вдоль набережной, я подошел к бетонным кольцам, по которым можно было добраться до островка. Мне нравилось перескакивать с одного на другое и чувствовать, как они качаются из стороны в сторону, угрожая когда-нибудь предать меня. Но пока что кольца еще были надежны. Как и всегда, я подумал, был бы ли я осторожнее, если... А, к черту. Одни и те же мысли, одни и те же места, одна и та же музыка, все одинаковое и тошнотворное.

Я раздвинул ветви ивы и вышел на каменную площадку. Справа и слева были два ряда сидений, позади – проход обратно и пара деревьев, впереди – несколько десятков квадратных метров свободного пространства. Вот и весь остров. Я сел на одно из сидений и начал вспоминать, о чем думал чуть меньше года назад. Вскоре я обнаружил, что занимаюсь откровенным бредом – я и так отлично помнил, о чем думал тогда, потому что с тех пор почти ничего не изменилось. Ну, технически изменилось очень многое, но самое главное осталось прежним. Я зря пришел сюда – мне было нечего фиксировать и увязывать. Раздосадованный, я пнул каменную подставку, на которой стояли сиденья, громко выругался, закурил и подошел к краю острова. Я вдруг почувствовал себя невероятно уставшим – не от жизни, а от самого себя. От своих слов и мыслей, от бессилия, от ошибок, от беспорядка в голове, от отстраненности, от всего, что я в себе ненавидел. Но сейчас ненависти не было, осталась лишь тупая сдавливающая горло тоскливая усталость, парализующая волю ко всему, кроме одного, самого простого и напрашивающегося действия. Где-то глубоко внутри что-то кричало о том, что все еще будет хорошо, но я не поверил.

Вода была темной, совершенно непроницаемой для взгляда, и взгляд в ней блуждал, как в дремучем лесу. Чем дольше я стоял и смотрел, тем отчетливее слышал какой-то голос, который будто прокрался сюда из другого измерения, голос властный и насмешливый. Поверхность воды искажала мое

отражение – там я был худощав, на лице как будто была щетина, под правым глазом был то ли фингал, то ли тату. Аватар – подумалось мне – это мой аватар из мира отражений. Взгляд этого человека забирал оставшиеся силы.

Желания бороться с приступом апатии не было, и я позволил телу наклониться вперед, пошатнуться и скользнуть в темные воды, которые приветливо меня приняли и мягко сомкнулись за моей спиной.

Не-глава шестая

Quidquid id est, timeo Danaos et dona ferentes.
Лаокоон, бдительный гражданин

Пройдя сквозь ледяной занавес, Питер и Мэри-Кейт оказались в маленькой мансардной комнате. Впрочем, приглядевшись получше, Мэри-Кейт поняла, что комната на самом деле была весьма просторной, просто порядочно захламленной разным удивительным хламом. На длинных стеллажах было полно дребедени самых причудливых форм и цветов, какие-то вещи светились, какие-то – мелко подпрыгивали или звенели, другие постоянно перетекали во что-то отличное от того, чем были секунду назад. Мэри-Кейт подумалось, что это место – что-то вроде волшебного склада. Или волшебной свалки.

– Леди, я бы попросил! Не свалка, а лавка. Волшебная

лавка. Я понимаю – слова очень похожие, вы совсем недавно вернулись из мертвых и так далее, но все-таки...

Голос раздавался снизу, с первого этажа, куда вела деревянная винтовая лестница без перил. Мэри-Кейт удивленно посмотрела на Питера.

– Я сказала это вслух?

Питер еще не успел раскрыть рта, а снизу уже ответили.

– Нет, леди. Но вы весьма четко об этом подумали.

Питер улыбнулся.

– Если это волшебная лавка, то разве может лавочник не быть волшебником? Пойдем, познакомимся.

Они с Мэри-Кейт медленно спустились по лестнице, и их взглядам открылось помещение в разы больше мансардной комнатки. Это был целый зал, сплошь уставленный рядами с магическими штуками, так плотно, что в проходах нужно было перемещаться боком. Нет смысла вдаваться в описание ассортимента этого магического торгового центра – очень уж он был разнообразен. С другой стороны, можно попытаться описать его владельца. Это был человек. Вне всяких сомнений. Очень подвижный – даже слишком. В моменты, когда он останавливался и крутил в руках какую-нибудь вещьцу с полок, можно было сказать, что это лысеющий со лба и затылка мужчина лет тридцати пяти-сорока, бородатый, довольно низкий, но очень коренастый. Одет он был в байку, черный фартук и черные же штаны. А затем он снова начал двигаться и переставал быть определенным. Он казался

не слишком-то удивленным тем фактом, что посетители попали в его магазин не через дверь, а каким-то иным способом.

– Ах, леди, если бы вы знали, какими только путями покупатели порой являются. Один мой постоянный клиент не приемлет ничего, кроме телепортации прямо вот в это кресло. Другой имеет дурную привычку выходить из шкафа – меня иногда подмывает поскорее сбить кому-нибудь этот шкаф и узнать, как он поступит тогда. На днях большая компания вывалилась прямо из камина, вы только подумайте! А наследили – просто ужас. Так что вы двое меня не очень шокировали, не переживайте.

– А вы не могли бы?..

– Не читать мысли? Прошу прощения, это никак не выйдет. Ваш разум слишком открыт, и я просто вижу их, мне даже не нужно прилагать никаких усилий. Но я могу на них не отвечать, если это вас устроит.

– Да, я была бы очень благодарна. Пожалуйста.

Лавочник вдруг оказался в нескольких шагах и принялся попеременно бросать пристальные взгляды на своих посетителей.

– Совсем забыл представиться. Неустрой Хмель, скромный владелец еще более скромной лавчонки неприметных чудес. С кем имею честь?

Питер протянул руку.

– Питер.

Неустрой задумчиво пожал его ладонь, и Питер заметил на его запястье часть татуировки – игральные кости и букву “X”.

– Весьма лаконично. А вы, леди?

– Мэри-Кейт.

– Лаконично и сомнительно. Но все равно очень приятно.

Питер с подозрением посмотрел на хозяина лавки. Похоже, вопрос сквозил во взгляде, и даже Мэри-Кейт безо всякого чтения мыслей его уловила. Хмель закашлялся и пробормотал какие-то извинения за свой старческий маразм, а затем поспешил сменить тему.

– Так что же вы хотели бы приобрести?

Пока Питер рассказывал лавочнику историю появления восьмерых мертвецов из космоса, Мэри-Кейт бродила между стеллажами с волшебными предметами и читала описания на табличках под каждой вещью. Чем больше она ходила, тем больше ей хотелось ограбить какой-нибудь банк и скупить здесь все. Ей вдруг стало интересно, как Питер будет расплачиваться, а потом она вспомнила, что он умеет создавать вещи из воздуха – по идее, с деньгами это тоже должно было сработать. Или попросить его просто украсть это все, перенести в какое-нибудь укромное место. И обязательно вместе с табличками. У нее, наверное, уйдет пара дней только на то, чтобы просто изучить каждую вещь и ее свойства. Вдруг среди разномастных камней, оружия и артефактов она заметила маленькую деревянную шкатулку.

ку. Шкатулка не светилась, не подпрыгивала, внутри нее ничего не дребезжало. Она выглядела самым обычным предметом, непонятным образом затесавшимся среди удивительных магических вещей, но в ней было что-то такое, что притягивало к себе и почти вынуждало поднять крышку и посмотреть, что находится внутри. Мэри-Кейт с трудом удержалась и взглянула на табличку под шкатулкой. Описание было коротким: «ШКАТУЛКА СНОВ, ПАРНАЯ. ИСПОЛЬЗОВАТЬ НЕ БОЛЬШЕ ПЯТИ РАЗ. ВНИМАНИЕ: ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ! ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛЮДЬМИ СТРОГО ЗАПРЕЩЕНО». Пока Мэри-Кейт думала, может она считать себя человеком или все же нет, Питер уже договорился с Неустроем насчет необходимых приобретений.

– Итак, Перстень Харона для встречи с мертвыми – три года. Малый Том Лакесис для небольших ошибок – шесть лет. Дьоденс и Макабр – первый за два года, насчет второго мы с вами позже поговорим, хорошо?

– По рукам. Можете забирать.

Неустрой Хмель протянул руку и коснулся лба Питера. Тот на секунду поморщился, слегка пошатнулся, но взял себя в руки и, заметив, что Мэри-Кейт уже вышла из-за стеллажей, улыбнулся ей.

– Ну, у меня все. Если ты еще не успела безнадежно влюбиться в какой-нибудь двуручник или Камень Рока – нам, наверное, пора.

Мэри-Кейт не собиралась рассказывать про шкатулку, по-

тому что через просветы в полках видела, что только что сделал лавочник, и догадывалась, как именно Питер расплатился. Похоже, обманным путем тут ничего нельзя было заполучить.

– Да, пойдём.

Хмель посмотрел на нее с прищуром, еще раз куда-то неуловимо метнулся, а возвратился уже со шкатулкой, которую Мэри-Кейт видела на полке.

– Это вам, леди, как маленький подарок. Все равно никто не хочет покупать ее, потому что пары у меня нет. Возможно, вы ее где-нибудь найдете, если повезет. Ну что ж, было приятно иметь с вами дело, Питер. Всего хорошего.

Мэри-Кейт поблагодарила хозяина лавки, они попрощались с ним и вышли сквозь крутящуюся дверь наружу, очутившись на очень узкой улочке, утыканной столь же странными заведениями, что и лавка Неустроя. Несмотря на очень позднее время, на улице было... Людно, за неимением более подходящего слова. В основном это были, конечно, антропоморфные существа, хотя некоторые были похожи скорее на животных, на персонажей мифов или вообще на что-то отдельное, плохо поддающееся описанию. Мэри-Кейт с любопытством оглядывалась по сторонам.

– Что это за место?

– Не знаю. Какой-то потусторонний переулок, скорее всего. Как бы ты его назвала?

– Волшебная кишка.

– Значит, решено. Отныне, и присно, и вовеки веков это место будет носить название “Волшебная Кишка”. Аминь.

На одном из домов вдруг появилась медная табличка, на которой было выгравировано “Волшебная Кишка, 9”. Вслед за ним похожие таблички с легкими хлопками появились на всех зданиях.

– Ну что, чувствуешь ответственность за это хулиганство?

– Нет, разве что за твою безответственность. Так чем это ты расплачивался с тем мужиком за все эти штуки? О каких еще годах шла речь?

– А, точно, чуть не забыл. Держи, это тебе.

Питер протянул Мэри-Кейт то, что Хмель назвал “Дьоденс” – это был небольшой кинжал с узким клинком и широкой защитной пластиной на гарде – что-то вроде даги. От клинка веяло потусторонним холодом, но рукоять была теплой и надежно лежала у Мэри-Кейт в руке.

– На всякий случай. Никогда не знаешь, когда может понадобиться оружие, так что лучше всегда иметь его при себе.

– Хм, ну спасибо, что ли. А этот меч?..

– Это я взял себе. Мне кажется, что он может пригодиться.

– Ты же вроде как могущественный волшебник. Купил бы тогда уже посох. Или палочку...

– Ты слышала про боевых магов? В любых ролевках есть такой класс. Я всегда выбирал боевого мага. Посохом нельзя отрубить кому-нибудь голову, и еще им нельзя эффектно фехтовать. А палочки... Извини, но волшебных палоч-

чек не существует. Это профанация и измышление древних индоевропейцев, отождествлявших сверхъестественные силы своих воображаемых богов с половой силой собственных членов.

– Я никогда тебе этого не прощу.

– Надеюсь, ты несерьезно. Потому что – и я это говорю только с целью повыпендриваться – я в случае чего могу влезть тебе в голову и заставить простить что угодно.

– Но ты же не будешь так делать, да? Или... Ты этим уже пользовался?

Питер слегка улыбнулся, хотя Мэри-Кейт выглядела серьезной.

– Даже если я скажу “нет”, ты все равно не узнаешь наверняка. Так что учись доверять.

– Хорошо, мистер волшебник, я постараюсь. А остальное, что ты купил?

– Давай лучше зайдем куда-нибудь, не стоит здесь особо светить всякими артефактами, возможно крадеными. Публика непредсказуемая.

– Ладно. Как насчет вон того здания с жуткой вывеской? “Адский вепрь”. Звучит как трактир. Блин, трактир! Никогда не была в трактире, пошли посмотрим!

Пока Мэри-Кейт восторженно разглядывала вывеску и само каменное здание, Питер незаметно достал из кармана куртки еще одну лиловую таблетку и проглотил ее, и в этот раз не понимая, зачем это делает. Затем, приглядевшись к

окружающим, он решил сменить наряд, и его откровенно нормальная куртка плавно перетекла во что-то кожаное и двубортное, а на Мэри-Кейт оказался темно-бежевый дорожный плащ с меховым воротником. Задавив ее возражения по поводу цвета тем, что изумрудный плащ был слишком бросок для такого места, и почувствовав некоторый стыд за свою вероломность, Питер в виде извинения водрузил ей на голову серую шапку с изумрудного оттенка помпоном. Они свернули с главной улицы в один из коротких закоулков – следуя духу нового названия этого места, такие закоулки можно было называть карманами в кишке – и зашли в трактир “Адский вепрь”.

Внутри, как и положено трактиру, былолюдно, шумно и полно странных личностей. Найдя в углу свободный столик, Питер и Мэри-Кейт сели. К ним тут же подскочил подозрительный тип с ушами, слишком волосатыми для человека и к тому же треугольными, и спросил, что они будут заказывать. Они взяли два пива, а Питер не смог удержаться и добавил к этому окровавленный (как уверяло меню) свиной окорок. Волосатые уши кивнули и ушли, махнув хвостом. Время до его возвращения Питер и Мэри-Кейт заполнили обсуждением местной публики – разумеется, полупшепотом. Хотя кто мог ручаться, что здесь не было персонажей, способных услышать даже мысли, как это делал Неустрой Хмель? Когда Барсик, как назвала его Мэри-Кейт, вернулся с их заказом, Питер сразу расплатился горстью медных мо-

нет и довольно быстро расправился со свиной ногой. А уже затем они, медленно потягивая пиво, принялись разглядывать вещи, унесенные из лавки чудес. Питер крутил в руках перстень.

– Это, как меня клятвенно убеждал наш недавний знакомый, лучшее средство против всех разновидностей мертвецов. Направляешь на ходячий труп, затем сжимаешь кулак, и перстень засасывает в себя ту энергию, что держит их на ногах, и они превращаются в обычные мертвые тела.

– Интересно... А надень-ка его.

Питер насадил перстень на средний палец и выжидающе глянул на Мэри-Кейт.

– А теперь направь на меня и сожми кулак.

Питер поспешно снял перстень и посмотрел на нее теперь уже удивленно и с непониманием.

– Это тебе пиво в голову так быстро ударило?

– Ну надо же как-то узнать, мертвец я или нет. Если что, потом снова вернешь обратно!

– Это не смешно. Тебе не нужно рисковать жизнью, чтобы узнать, жива ты или нет.

– А как тогда понять, что я теперь такое?

– Да какая разница? Ты чувствуешь вкус? Слышишь запахи? Видишь?

– Да.

– Ты чувствуешь это?

Питер прикоснулся к руке Мэри-Кейт и слегка сжал ее

ладонь своей, словно сам желал еще раз убедиться, что она действительно реальна.

– Да, чувствую. И что с того?

Питер какое-то время молча смотрел в ее глаза, сначала – пытаясь найти слова, потом – стараясь их вспомнить и не думать о том, чего говорить не должен. Затем он убрал руку и, сделав большой глоток, все же ответил.

– А то, что все это и значит быть живым. Ты не сидишь в безымянном дворе, замеченная снегом и холодная, ты не паришь где-то в космосе, не варишься в каком-нибудь адском котле или еще что-то подобное. Ты сидишь в теплом трактире посреди сказки, живая и настоящая, и для меня ты реальнее всего остального, что я вижу вокруг. Все худшее уже позади, понимаешь? Осталось только справиться с последствиями, а это уже намного легче. И если тебя смущает некоторая прозрачность, то я найду способ избавиться и от нее. Обещаю, все будет хорошо. Ты мне веришь?

Теперь настал черед Мэри-Кейт молча смотреть на Питера и думать над ответом. Наконец она сдалась.

– Да, верю. Хорошо. Убедил. Больше никакого фатализма.

– Ну и здорово. Расскажи теперь, что это за шкатулка?

– На табличке было написано “шкатулка снов”. Не знаю, что это значит, но я смотрю на нее, и мне кажется, что я ее уже где-то видела.

– Неустрой сказал, что они парные. Может ты видела вторую такую?

– Может быть. Но я все равно не знаю, как они работают
– забыла у него спросить.

– А если открыть?..

– Не думаю, что стоит, пока мы не разобрались. Вдруг это какой-нибудь ящик Пандоры...

– Ха. Он у него тоже был в продаже, между прочим.

– Серьезно?

В этот раз неладное заметил Питер. В другом конце зала было что-то, что его беспокоило. Он шарил глазами по столикам и тем, кто за ними сидел, пока не наткнулся взглядом на кое-что завораживающе-пугающее. За столиком у камина сидели двое. Одного Питер помнил по переулку, который они с Мэри-Кейт покинули в самом начале ночи – это был подросткового вида тип с длинными седыми волосами, чей хвост беспокойно метался вокруг стула. Вторым был сам Питер. Точнее, его чуть более жуткая версия – с черными нефтяными глазами, заостренными ушами, нос ввалился, а все лицо в трещинах, сквозь которые пробивалось фиолетовое свечение. Но черты лица были те же, никаких сомнений. Вдруг в груди у Питера резко закололо, и ему даже пришлось сжать зубы, чтобы не вскрикнуть от боли. Двойник тут же поднял взгляд, безошибочно найдя Питера среди других посетителей. Криво ухмыльнулся, затем перевел взгляд на Мэри-Кейт, уже заметившую, что с Питером что-то не так, и синеватым языком облизнул губы. Питера передернуло от ненависти, отвращения и страха. Он поднял кружку на уро-

вень лица, чтобы двойник не мог прочесть по губам то, что он говорит Мэри-Кейт.

– У нас снова проблемы, и времени мало. Сейчас я сделаю кое-что не очень приятное – ты почувствуешь, что на секунду отделилась от тела, а затем все пройдет, мы окажемся снаружи, по другую сторону вот этой стены. И побежим. Перенестись магией будет нельзя, мне уже перекрыли этот путь. Ну что, справишься?

– Ну да, наверное. Только в этих рваных ботинках бегать не очень удобно.

– На тебе уже минуту не рваные ботинки, а кроссовки, за которые Усэйн Болт продал бы душу типу вон за тем столиком – да не оборачивайся! И еще – когда побежим, держись все время впереди, так, чтобы я тебя видел. Улица прямая, никаких особых поворотов нет, так что просто бежим до конца, затем прыгаем на корабль и отчаливаем.

– Корабль?

– Не отвлекайся. Так, ты готова?

– Да. Давай.

В следующую секунду Питер и Мэри-Кейт превратились в две исчезающе тонкие нити, которые сквозь щель в стене трактира словно перетекали на улицу. Еще секунда – и они оказались снаружи. Еще одна – и рванули вдоль магазинчиков, пабов и прочих заведений, расталкивая посетителей Волшебной Кишки. В какой-то момент Мэри-Кейт вспомнила о своей способности и стала неосязаемой, без труда про-

бегая сквозь встречных и оставляя их в полном недоумении. Питер старался не отставать и постоянно оглядывался назад, в ожидании реакции. Реакция не заставила себя долго ждать: когда они преодолели уже больше половины улицы, позади раздался взрыв – это взлетел на воздух “Адский вебрь” со всеми, кто находился внутри, а секундой позже в небо над руинами взметнулось что-то уродливое и крылатое.

Питер не мог перенести себя и Мэри-Кейт сразу на корабль или еще куда подальше, но и дьявол не мог перенестись прямо к ним. Крылатой тенью в небе был, похоже, двойник Питера. Он довольно быстро нашел их в толпе – с его высоты это было несложно – и устремился вниз. Питер на бегу взмахнул наотмашь рукой, и перед крылатым демоном выросла толстая кирпичная стена. Это его ненадолго притормозило, достаточно для того, чтобы Питер выхватил из ножен Макабр и сам взмыл вверх – безо всяких там крыльев, на голом воображении.

В полусотне метров над землей рассыпали снопы искр два меча, а внизу призрачную девушку неумолимо нагонял ползущий по улице туман, поглощающий все, чего он касался. Как только Питер понял, что кроется в клубах этой мглы, он принялся работать мечом так ожесточенно, как будто на кону была его жизнь. Спустя несколько секунд ему удалось удачно парировать удар и выбить из руки своего двойника клинок, и пока тот падал вниз, в объятья тумана, сверкая на прощание в лунном свете, отрубить своему противнику

черные кожистые крылья. Демон с жутким воплем рухнул вниз, наперегонки с Питером, который изо всех сил старался успеть к Мэри-Кейт раньше, чем до нее доберется черное марево. Ему это почти удалось – в тот момент, когда несколько прядей тумана уже обвили горло и грудь девушки. Питер на мгновение погрузился в туман, подхватил ее и снова взметнулся вверх, но мглу это не остановило – она выбросила им вслед с десятков клубящихся щупалец. Похоже, спасение действительно было только у воды.

Питер держал Мэри-Кейт очень крепко и сразу почувствовал, что она отключается – ее тело как-то обмякло и повисло в руках покорно и без напряжения. Мысль о том, что дьявол все же сумел каким-то образом до нее добраться, причиняла боль, но вместе с этим и ускорила полет. Через какие-то жалкие секунды они уже были на палубе одного из кораблей, пришвартованных в порту, что, как и предполагал Питер, был на противоположном от лавки Неустроя конце улицы.

Туман замер у самого края причала, не в силах по какой-то причине двинуться дальше. Затем из мглы вышел дьявол и задумчиво, уже без смешков и шуток поглядел на Питера, с которым их разделяло не больше метра. Питер размахнулся и попытался ударить врага мечом, но лезвие налетело на невидимую преграду и чуть было не вырвалось из его рук. Прочие попытки причинить дьяволу хоть какой-то урон тоже оказались бесполезными, тая в воздухе еще на подле-

те к цели. С другой стороны, противник и сам явно не мог ничего сделать Питеру. Так они и стояли, глядя друг на друга: один – с ненавистью, другой – с удивлением и какой-то задумчивой отрешенностью, пока корабль, подчиняясь мысленным командам Питера, медленно отчаливал от пристани, покидал залив и уходил в море.

Лишь когда дьявол отвернулся и двинулся прочь, Питер позволил себе обернуться – и тут же бросился к Мэри-Кейт. Она лежала на груди серых мешков, совершенно бледная – даже для нее – и без сознания. Питер коснулся ее шеи, и его пронзило отчаяние – и без того едва различимый пульс девушки замедлялся все больше. Он провел рядом с ней много часов, пытаясь остановить угасание всеми возможными и невозможными способами, но никакая магия не помогала – как, впрочем, и все остальное.

Когда дыхание Мэри-Кейт стало неразличимым, Питер встал и подошел к бортику. Он никогда еще не чувствовал себя таким беспомощным. Молиться было некому, душу он уже продал. Рядом никого, кто мог бы помочь, его силы и артефакты – бесполезны. Наверное, остался только один способ, но это было даже больнее, чем лишиться души. Питер встал рядом с Мэри-Кейт на колени и, собравшись с мыслями, что-то долго шептал ей на ухо – так тихо, что даже я ничего не услышал. К концу этой импровизированной речи он плакал. Впрочем, слезы остановились, когда Мэри-Кейт, уже начинавшая холодеть, так и не подала ни единого признака

жизни. Питер чуть отстранился, взглянул на нее, как ему казалось, в последний раз, и, поборов желание попрощаться иначе, нежели словами, встал и теперь уже решительно направился к борту корабля. Когда он уже перекидывал через леер вторую ногу, позади вдруг раздался слабый голос.

– Знаешь, Усэйн Болт здорово бы прогадал с этой сделкой.

Тоскливая ремарка. Нейрохимический дисбаланс

*Что мне до твоей печали, человек? Если я буду
горевать о бедах каждого встречного, уж не забуду
ли я, как пировать и как возлечь с женой своей?*

*Касстант Высокий – рабу-просителю, за неделю до
гибели от рук мятежников*

В вечерних сумерках сосновый бор выглядел тучей пик и копий огромной античной армии – непобедимой, страшной и грозной.

На его опушке стояло что-то вроде человека. Это существо было скручено, согнуто каким-то невидимым грузом, еще не мертво, но уже и не живо. Оно гнило, не дожидаясь смерти, его мозг был на пределе возможного напряжения, а на его языке бесновался улей еще не рожденных слов. Воздух для этого существа уже не был стимулом дышать, и оно выкашливало легкие сквозь выпадающие черные зубы. В гру-

ди у существа была кошмарная, невыразимая тяжесть. Вдруг его глаза бешено задергались, после чего один из них лопнул, а другой вытек из глазницы, словно яйцо всмятку. Кожа треснула по швам, сухожилия и мышцы порвались, оставив на костяном каркасе колышущуюся, красную и отвратительную массу плоти. Существо еще жило – было видно, как в клетке ребер безумно колотится его ссохшееся и маленькое сердце. Спустя несколько минут из леса начали выходить хищные звери, а с небес – слетаться хищные птицы. Они подходили, подлетали, подползали к трясущемуся существу и молча срывали со скелета куски мяса. Через какое-то время на опушке остался лишь голый скелет, который еле стоял и шатался, как шатались стоящие рядом сосны. Уже давно наступила ночь. В небе плясали снежинки, не долетая до земли. Вдруг череп, до этого бессмысленно висевший на чудом не распадающейся цепочке позвонков, дернулся, и у него отвисла челюсть – так, будто он что-то собирался сказать. И он действительно кое-что сказал – точнее, произнес целую речь. Итак, вот она:

– Чувство юмора, харизма и прочие качества, которые делают человека интересным и привлекательным для других людей, находятся в обратно пропорциональной зависимости от... Нет, не от ума и серьезности, как некоторые полагают. Напротив, человек скучный почти всегда глуп, а человек смешной и интересный – умен. Не зря же выдающееся чувство юмора называют остроумием. Поэтому следует

отличать “скучность” от уныния и хандры. Вот у нас Иван Гречкин – редкостный болван, который много говорит, паясничает, рассказывает глупые, пресные истории и пытается шутить, но у него не получается, и после его реплик в воздухе обычно повисает неловкая тишина. А вот у нас Петр Овсянченко, человек, может быть, и интересный, своеобразный и так далее, но он привык, что его специфический юмор почти никто не находит смешным, и поэтому он особо не подает голоса. Может, он через год выступит с новым форматом стенд-апа, или лет через двадцать напишет что-нибудь вроде “Дороги на Лос-Анджелес”, книг Пратчетта о Плоском мире или “Посмертных записок Пиквикского клуба”, и, если повезет, получит признание, но сейчас он считает себя занудой и странным типом. Есть еще у нас Матвей Манн. Человек как человек, со своим забавным стилем и чудной манерой разговора. Но дело в том, что он интересен и забавен только тогда, когда не думает о разных грустных вещах, а не думать об этих вещах со временем становится все труднее. Они сжимают его горло, душа любые порывы включиться в разговор, поддержать беседу и все такое прочее. Что же это за вещи, которые мешают господину Манному быть собой? Это отчаяние, разочарование и сомнения – нечистая троица, покровители неудачников. Способ справиться с ним один – победить, добиться того, чего хочешь, но Матвей так давно проигрывает, что уже даже не помнит, что такое победа. Ни у одного из них не получится измениться без внутренне-

го импульса. Но и один лишь импульс ничего не изменит. Иван будет счастлив, не подозревая, что он скучен и банален, как падение в гололед; его, возможно, будут ценить за что-то другое, может даже за уверенность в себе. Петр нуждается лишь в подходящем окружении и капле смелости. А вот Матвею не повезло. Он попал в замкнутый круг: самокопание порождает сомнения и комплексы, те делают его все более тоскливым, что заставляет его еще больше углубляться в мысли о себе и своих проблемах.

Скелет дернул остатками плеча.

– А самое грустное – вселенной плевать, что это не ваш выбор и не ваша вина. Громкие фразы о том, что между людьми бывает связь, о том, что мы не просто животные, ищущие простейших вещей все более сложными способами, о том, что человек умеет помогать – все это, похоже, ложь, и стоит поскорее разбить свои наивные иллюзии о природе человека. Никто не будет вырезать червие из гнилого яблока, когда вокруг полно нормальных фруктов. Никто никому ничего не должен, никто никому не может помочь, ничто не является плохим или хорошим, ничто и никто никому не принадлежит. На каждый порыв сердца найдется нож, на каждое искреннее чувство – равнодушный взгляд, на каждое смелое слово – грязный кляп, на каждую открытую рану – пуд соли, на каждый хороший день – год несчастий, на каждый прямой вопрос – лживый ответ, на каждый стих – по справочнику, на каждую щеку – удар, на каждую привязанность –

фунт безразличия, на каждого нищего – безучастный прохожий, на каждую норму – по тонне перверсий, на каждую минуту рядом – недели разлуки. Мы все тут сами за себя, а мир против всех. Но как же мне хочется верить в обратное. Так о чем это я? Любые качества, которые делают человека интересным и привлекательным для других людей, находятся в обратно пропорциональной зависимости от утомленности собой и жизнью.

Произнеся последнее слово, скелет бешено задергался и разлетелся на куски, засыпав всю опушку соснового бора разномастными костями.

Не-интерлюдия шестая. Старый пес на экскурсии

Это всего лишь слова. Не стоит относиться к ним слишком серьезно. Помни, слова – это воображаемые мячики, которыми мы перебрасываемся. Если кто-то не поймал мячик, в этом нет ничего плохого. Главное – что человек пытался его поймать. Главное – это движения, которые мы совершаем. Главное – не результат, а мотив. Не слова, а мысли.

Из частной переписки неизвестного автора с его возлюбленной

Как известно, самый темный час бывает перед рассветом.

Это не слишком-то глубокое умозаключение, да и неправильное к тому же, но оно очень хорошо воспринимается как метафора. После полуночи и середины ночи наступает час самоубийц, затем – самый темный час, и ночь начинает умирать.

Именно в час самоубийц, где-то между тремя и пятью часами, в одном из бесчисленных дворов города N проснулся старый бездомный пес, который нашел ночлег под одной из припаркованных во дворе машин. Пес встряхнулся, потянул носом воздух и огляделся по сторонам. Не найдя вокруг ничего интересного, он уже было подумывал (если собаки способны к размышлениям) вернуться в свое ночное убежище или даже попытаться, дождавшись, пока кто-нибудь откроет дверь, проникнуть в один из теплых и сухих подъездов, как вдруг что-то все же привлекло его внимание: в другом конце двора пес заметил белый огонек, только что возникший из ниоткуда и теперь манящий своим сиянием.

Пес еще раз встряхнул мордой, но огонек от этого никуда не исчез – напротив, он пришел в движение, медленно уплывая в сторону арки, ведущей на улицу. Псу стало любопытно, и он мелкой трусцой последовал к арке, в которой уже скрылся источник света. Выбежав на широкую и оживленную улицу, он без труда нашел свою цель. Даже не исходя от этого шарика свечение, пес бы легко выследил его по запаху – странному, неуловимо знакомому, будто из прошлой жизни. Не будь он животным, он бы сумел сразу определить,

что же это за запах, но пес был именно тем, кем был, так что он по ему самому неясной причине лишь следовал за белым огоньком, словно мореход – за путеводной звездой.

Эта миниатюрная звезда вела его сквозь город – его шум, хаос и другие огни. Если бы кто-нибудь взглянул на пса со стороны, то мог бы сказать, что тот потерялся в городе, среди светофоров, закоулков и блестящего после дождя асфальта, но пес упорно следовал за источником света – то ли из любопытства, что же это такое, то ли из интереса, куда это его приведет. Мимо высоких стеклянных башен и старых зданий из красного кирпича, под оранжевым светом фонарей и широко распахнутым глазом луны, через трамвайные пути и высокие бордюры, по мелкой каменной плитке и усеянному островками снега асфальту пес продолжал свой путь, пока огонек не скользнул в городской парк, без труда пройдя сквозь ограду. Пес, стараясь не терять из виду белое свечение, бежал вдоль ограды, ища место, где сумеет протиснуться между железных прутьев. Найдя такое место, он пролез внутрь, пробежал по темной, лишенной освещения парковой дорожке и поднялся на холм, с которого открывался вид на весь парк.

Тут он заметил кое-что, что даже его собачьему уму показалось странным. Огонек, за которым он следовал, плыл в сторону того, что никак не могло находиться в городском парке – да и не находилось никогда, и его присутствие здесь было невозможно объяснить разумно, не прибегая к мисти-

ке, эзотерике и метафоричности. Впрочем, я делаю подобное на протяжении всего повествования, так что, возможно, имеет смысл и сейчас лишь описать то, что пес увидел с вершины холма, и не пытаться придать этому даже малейший налет реализма.

Внизу бежала обыкновенная дорожка, каких полно было в парке, но примерно на середине с ней начинало происходить что-то странное: она раздваивалась, растекалась по пространству, превращаясь в небольшую лесную поляну, освещенную словно изнутри каким-то потусторонним синеватым свечением. На поляне плясали тени, отбрасывать которые было вроде бы некому. А за поляной начинался какой-то совсем уж сюрреализм. Пространство там превращалось в космос, вакуум, усеянный небольшими островками поверхности, медленно плывущими в разные стороны.

Это сильно напоминало сон, фантастический фильм или какую-то видеоигру, но пес не знал таких понятий, и для него это было всего лишь очень странным, не виденным прежде местом. Но что он точно знал – ему нужно и дальше следовать за белым огоньком. Поэтому он пробежал по дорожке, осторожно прошел через поляну, избегая столкновения с не принадлежащими никому тенями, и принялся перепрыгивать с одного плывущего в космосе островка на другой.

Через какое-то время это привело его к парящему в пространстве не островку, но огромному острову, большую

часть которого занимал грандиозный то ли замок, то ли дворец, имевший вид средневековый, но с элементами более поздних стилей – в тех частях замка, что были, судя по всему, достроены позже.

Огонек скользнул в приоткрытые двери дворца, и пес последовал за ним, подозрительно оглядываясь по сторонам. Внутри все было так же странно, как и снаружи: за порогом начинался неожиданно узкий коридор, напоминающий больничный. В воздухе стоял неприятный запах хлорки и фенола, которым так славятся некоторые больницы. Это было родильное отделение, судя по воплям недавно пришедших в этот мир маленьких людей. Пес не мог проникнуть в закрытые комнаты, где их держали, но чувствовал в издаваемых ими звуках странное отчаяние, будто дети, хотя они, как и он сам, и были совершенно безмозглыми существами с лишь зачатками сознания, не были очень рады своему рождению.

Торопливо пробежав сквозь ряд больничных палат, пес попал в еще один коридор, очень длинный и без каких-либо дверей, поворотов, примет и деталей. Все здесь было смазано, размыто, как на картинах модных современных художников. Коридор не был освещен, и в нем безраздельно властвовали темнота и сырость, опьяняющие глаза и крадущие дыхание у любого, кто попытался бы различить хоть что-то – вместо того, чтобы поскорее выбраться отсюда.

Пес не собирался ничего разглядывать, ускорил бег и вскоре пересек порог, отделяющий этот длинный коридор от

череды комнат, таких же плохо освещенных и нечетких, но уже имеющих что-то вроде декораций. То тут, то там встречались разбросанные по полу игрушки и книги, кое-где была мебель, словно вырванная из нескольких разных интерьеров, стены местами были украшены чем-то наподобие фотообоев, но изображающих вещи самые обыденные, даже будничные: вот семейная пара вместе с ребенком на прогулке в осеннем парке, вот пляж, усыпанный людьми и море, усыпанное лодками, катамаранами и надувными матрацами, вот какое-то кафе с кучкой веселящихся детей, вот самый обыкновенный детский сад, небольшой лес, река и рыбалка, котята играют на веранде большого загородного дома, купе поезда, идущего в какой-то далекий город, проносящиеся в окне автобуса пейзажи, подвалы, заброшенные чердаки, скверы и дома, школьные коридоры, группа детей в кимоно посреди просторного зала, библиотечные стеллажи, школьные гардеробы, вечерние дороги, лежащие между маленьких домиков, городские закоулки и деревенские поля, крыши домов, заброшенные ангары, подсвеченные неонам, футбольные залы, магазины и прочие места, будто выдернутые из чьей-то памяти и наклеенные на стены.

В какой-то из комнат пес впервые увидел призрака – тощего высокого мальчика лет восьми, сидящего на крыльце подъезда и перебирающего маленькие пластмассовые кружки с рисунками. После их становилось все больше, и они обретали все больше индивидуальных черт. Многие из них ве-

ли себя как обычные люди, почти все говорили, хотя некоторые повторяли одну и ту же фразу или последовательность действий.

Какие-то комнаты напоминали кабинеты и офисы, другие были похожи на учебные классы, столовые, кафе, церкви, больничные палаты, лестничные клетки, настоящие квартиры, беседки, подворотни, залы ожидания, клубы, салоны автобусов и трамваев и что угодно еще. Не было здесь, разве что, ни одного помещения, которое бы напоминало привычный интерьер нормального замка или дворца.

Призраков, деталей и предметов становилось все больше, и вот одна из комнат открыла псу дверь, которая вела к выходу из здания. Впереди плыл белый огонек, плыл по узкой дорожке, мощеной желтым камнем, отделяющей речку и поле от леса. Пес бежал по дорожке и смотрел вверх, на небо. В небе было что-то странное, но пес не мог объяснить, в чем именно эта странность заключалась. Будь на его месте человек, он бы сразу понял, в чем дело: небо было вовсе не небом, а лишь потолком со вкрученными в него лампочками. Впрочем, человек бы, в свою очередь, зашел бы в тупик, попытавшись объяснить, откуда здесь взяться дождю и туману, ведь именно такая погода царила в этом огромном зале.

В конце дорожки находилась небольшая железнодорожная станция, и у платформы стоял в ожидании старый дизельный поезд. Пока пес добрался до платформы, дождь успел смениться снегом. На перроне стоял и докуривал сига-

рету человек с большим конвертом, в котором он задумчиво рылся. Огонек вплыл в один из вагонов, и пес, не раздумывая, вскочил туда же, и вскоре после этого поезд тронулся. Мимо проползали пейзажи дикой природы и интерьеры огромных залов. Эти залы во многом напоминали виденные ранее комнаты, но были намного, намного больше и мрачнее. Постепенно деталей и предметов в залах становилось меньше, а призраков, наоборот, больше. Картины на стенах выцветали и теряли четкости. В целом экскурсия выглядела так, будто что-то угасало, умирало, приближалось к концу. Эти залы были очень давно заброшены, их стены и потолок украшали пряди гигантской паутины, на полу покоились тонны пыли, а среди уцелевших остатков обстановки сновали призраки. Псу подобное было чуждо, и он лишь изредка поглядывал в окна поезда, больше времени проводя в поисках светящегося шарика, который пока не мог найти ни в одном из вагонов.

Огонек вновь появился, когда замедляющийся поезд, несколько раз дернувшись, остановился на следующей станции – просто возник из воздуха и, выскользнув наружу, очень быстро двинулся в сторону чего-то, что чернело посреди очередной лесной опушки. Пес снова последовал за ним, стремглав несясь сквозь завесу уже не снегопада, а настоящего бурана. Вскоре и огонек, и его преследователь прошли сквозь то, что оказалось распахнутой посреди поля черной дверью, и очутились в небольшом (по сравнению с предыду-

щими) зале, одну сторону которого занимала пропасть.

На другом его конце была еще одна дверь, уже не черная, а белая и изящная. У двери стояла девочка. Приглядевшись, пес заметил кое-что – она, единственная из всех, кого он здесь встретил, не была призраком. Девочка пока не замечала пса, она прыгала с ноги на ногу по воображаемым квадратам, над самой пропастью. Огонек последовал к ней, но псу уже не нужны были проводники, и он сам бегом направился на другую сторону. Увидев пса, девочка слегка улыбнулась. Огонек растаял в воздухе, как только подлетел к ней, и пес начал растерянно крутить мордой из стороны в сторону. Девочка протянула руку и погладила пса, почесала ему загривок, а затем повернулась и, открыв белую дверь, вошла в какое-то помещение, которое мешало увидеть целиком то, что дверь была довольно низкой и вообще маленькой.

Пес тоже переступил через порог и в следующую секунду оказался в самом огромном из всех возможных помещений – настолько огромном, что увидеть его полностью не представлялось возможным. Здесь было столько всего, что на описание этого нового зала ушло бы еще несколько десятков страниц, поэтому проще сказать, что помещение было невообразимо странным, красивым и фантастическим.

Пес заскулил и задрожал – он явно не был готов к чему-то настолько масштабному, но девочка села рядом с ним и успокаивающе обняла. Вскоре пес дрожать перестал, и она, ласково потрепав его по нечесаному боку, двинулась вперед, по

дороге оборачиваясь и проверяя, следует ли он за ней. Пес послушно следовал, довольно быстро догнал и теперь вился у ее ног. Так они и шли какое-то время сквозь грандиозный зал, будто бы вместивший в себя весь мир и похожий на плотно какого-то бесстыдно гениального художника.

А потом... Потом девочка вдруг исчезла, растаяла, как дым, оставив пса в недоумении метаться из стороны в сторону и жалобно подвывать. Но его растерянность длилась недолго – довольно быстро произошло событие, заставившее пса забиться под ближайший камень и лежать там, стараясь не издавать ни звука.

В небе над залом сверкнула ветвистая багровая молния, а последовавшие за ней раскаты грома потонули в грохоте, который обычно издают очень, очень большие и старые ворота. Именно это находилось в одном из углов колоссального зала – ворота высотой в десятки метров, очень старые, очень тяжелые и громкие. Их неприлично называть “воротами”, поэтому я лучше назову это приспособление “вратами”. Какое первое слово приходит тебе в голову после слова “врата”? Да, это были врата именно этого слова. Из-за них доносился еще один невыносимый шум – гром барабанов и что-то вроде звука, который издавал бы тридцатифутовый контрабас с ржавыми металлическими струнами, если бы на нем играли десятифутовой тупой пилой. Из проема потянуло сперва жутким жаром, а затем повеяло могильным холодом, а вместе с ним воздух заполнили сотни и сотни летающих чудо-

вищ, одно страшнее другого. Пешком маршировали легионы монстров и демонов, по земле ползли, извиваясь, огромные змеи, в небо взмывали один за другим грузные и дышащие жаром силуэты драконов.

Когда жуткое представление закончилось, и орды тварей скрылись в огромной дыре, проделанной кем-то из них в одной из стен зала, пес набрался смелости и выглянул из-за камня. В проеме врат стояла миниатюрная человеческая фигурка и дергалась в такт какофонии барабанов и пилы с контрабасом, точно пытаюсь изобразить, как танцуют эпилептики. Пес вдруг потерял волю к управлению своими лапами и медленно побрел к танцующему и, когда прошел мимо него, тот ласково почесал его за ухом тонкими пальцами с длинными кривыми ногтями. Еще несколько мгновений – и пес переступил черту, где у нормальной двери мог бы быть порог. А спустя минуту врата со все тем же оглушительным грохотом захлопнулись за ним, отрезав путь к спасению.

И только где-то далеко впереди, посреди адских равнин и гор, светился еле различимый белый огонек.

Не-глава седьмая

*Неужто ты в потемках жизни
Своим отчаянием так ослеплена,
Что всякий прочий свет в тебе уж изгнан,*

*И впереди одна лишь смерть тебе видна?
Виктор де Бане, “Пелена дней”*

Питеру не было совершенно никакой нужды управлять кораблем вручную, но он все равно стоял за штурвалом и изображал одновременно штурмана, боцмана, рулевого и шкипера. Учитывая тот факт, что команда корабля состояла из всего двух человек, и Мэри-Кейт решительно отказывалась подчиняться командам капитана, ссылаясь на то, что только недавно во второй уже раз вернулась из мертвых, ему приходилось исполнять свои указания самостоятельно.

Впрочем, вскоре это ему надоело, и Питер просто стал на носу корабля и закурил невесть откуда взявшуюся трубку. Мэри-Кейт сидела на мостике, свесив ноги вниз и разглядывая море. Море было очень спокойным, но совершенно непригодным для разглядывания – видимость была максимум на пару десятков метров вперед, ровно настолько, насколько хватало скудных судовых огней маленькой лодки.

– Так ты все же куришь?

– Ну да, а с чего бы мне не курить?

– Тогда в кафе ты отказался от сигареты, вот у меня и сложилось впечатление, что ты не курильщик.

– Я давно курю только трубку, сигареты терпеть не могу, у меня даже зажигалки нет, одни только спички. Но вообще я, между прочим, курю дольше, чем кто бы то ни было.

– Ага. Многие курят дольше, чем ты живешь.

– Вообще-то наоборот – это я курю дольше, чем кто угодно живет. Скоро юбилей – двести пятьдесят лет с первой за-тяжки.

– В смысле двести пятьдесят лет?

Питер нахмурился, пытаюсь что-то вспомнить.

– А может и не двести пятьдесят. Честно говоря, летописи у меня нет, а без нее все помнить в точности довольно трудно. Иногда я пытаюсь вспомнить какие-то детали своей жизни, но они кажутся неосвязаемыми, схематичными, противоречивыми, сразу выскальзывают, словно это было во сне, словно я живу во сне. Но если тебя что-то удивляет, то это просто потому, что я забыл сказать, сколько мне.

– Ага. Я всегда думала, что лживые медики врут о вреде курения, чтобы продавать пластыри и жвачки с никотином, а на самом деле оно продлевает жизнь.

– Вполне себе сокращает. Я умирал уже довольно много раз, дважды – с раком легких, хоть и не от него. Перед первой смертью у меня была сердечная недостаточность – в том числе из-за курения. Так что не советую тебе продолжать.

– Что значит “умирал много раз” и “с раком, но не от рака”? У меня ощущение, что я сейчас должна услышать охренительную историю.

– Ну, это история довольно длинная – длиной во всю мою долгую и абсурдную жизнь. Я расскажу все по порядку, но не сейчас. Для этого есть специальное место, где она будет звучать... Ну не знаю, наглядно, что ли.

– Ладно, тогда расскажи, какого черта произошло в том переулке. Только не говори, что кому-то из посетителей трактира не понравилось, что я пью нефильТРованное.

Питер бросил трубку в воду и принялся нервно расхаживать по палубе, старательно хмурия брови.

– Ну, ты имеешь право знать, наверное. Помнишь тех троих из подворотни, где мы встретились после твоего возвращения? Они еще очень долго разговаривали и так горячо спорили, что даже не заметили, как мы ушли. Так вот, это были, кхм, бог, дьявол и кто-то вроде приезжего демиурга-ревизора. Ладно, я попытался, но это все равно прозвучало как-то дохера нелепо, да?

– Да. Но ты продолжай, я смогу с этим как-нибудь справиться.

– Хорошо. Дьяволу кое-что нужно от меня, и он, видимо, как-то нас выследил. В итоге мы столкнулись в том трактире. Дальше ты, думаю, и сама хорошо помнишь.

– Кое-что – это, случайно, не душа?

– Это так скучно и банально. Мы с ним уже прошли ту стадию отношений, когда нужна только душа, и у него наверняка какие-то еще более мерзкие планы, но я не очень-то хочу об этом думать, так что давай пока остановимся на том, что есть плохие парни, и мы с ними пока что успешно боролись.

Вдруг воздух стал теплее. Ветер уже не пробирал насквозь сотней кинжалов, а всего лишь слегка покусывал. Питер рас-

терянно крутил головой в поисках источника тепла, но не находил поблизости ничего – погода явно менялась сама по себе, как будто они резко пересекли какую-то черту, за которой начинается условный юг. Питеру стало жарко в кожаном балахоне, и он его снял, оставшись в черной футболке без отличительных надписей и принтов. Оглянувшись назад, он увидел, что Мэри-Кейт скинула дорожный плащ и теперь критически разглядывает свою старую кофту не по размеру. Питеру стало любопытно, как скоро она догадается попросить его с помощью магии создать для нее гардероб, для перемещения которого потребуется отдельное судно.

Тем временем погода стала уже совершенно тропической, что несколько контрастировало с недавним холодом замеченного снегом рождественского города. Питер вдруг понял, что понятия не имеет, куда они плывут и как далеко уже заплыли – он управлял кораблем, абсолютно не задумываясь о, собственно, маршруте круиза. Что ж, штурман из него вышел весьма посредственный. Мэри-Кейт с удивлением посмотрела на Питера.

– Это не ты делаешь с погодой?

– Нет, она сама. А я ведь просил тебя заняться курсом. То есть его прокладкой.

– Ты сам-то понимаешь, как это странно сейчас прозвучало?

– Ага. Дядюшка Зигги, должно быть, неслабый финт в своем гробу заложил.

– То есть ты не знаешь, где мы сейчас?

– Ну почему не знаю. Если бы ты занялась картами, то увидела бы, что мы держим курс в один из портов Перу, где я, между прочим, собираюсь продать тебя в рабство, а на вырученные деньги купить десять килограмм кокаина и контрабандой доставить его обратно в... Ну, в тот город, в общем. А ты сама, кстати, уже несколько часов под воздействием галлюциногенов.

– Ясненько. Магия, воскрешения, дьявол и волшебные лавки – все это было слишком сказочно, а на самом деле ты просто барыга и вообще похитил меня и накачал наркотой, да?

– Ага. Мелкий дилер и бандос. Зря я кожаное пальто снял, наверное.

– Ну и когда ты успел?

– Знаешь, иногда кофе – не просто кофе. Так что впредь будь осторожнее.

– Окей, а если серьезно, то где мы?

– В южных водах Агайской Империи, недалеко от портового города Бастион.

– Или я плохо знаю историю и географию, или это все еще какой-то волшебный мир.

– Даже не пытайся это понять. Понимаешь, я всю историю придумываю на ходу, а это довольно сложно.

Мэри-Кейт хмыкнула и, свесившись с борта, задумчиво поболтала в воде рукой. Вода была лишь немного прохлад-

ная, а вовсе не ледяная. Наверное, эта Агайская Империя могла бы стать неплохим курортом для утомленных умеренным климатом европейцев, если бы Европа находилась в этом измерении.

– А как насчет посоветоваться? Может, у меня есть какие-то пожелания там, идеи.

– Тогда тебе было бы неинтересно, разве нет?

– Ну да, в этом есть смысл. Если не секрет, что мы вообще будем делать дальше? Ну, я имею в виду, когда ты героически разберешься со всеми мертвецами и сатаной. Что потом? Что будет после того, как эта ночь закончится? Что мне делать со своим посмертием, что делать с твоим бессмертием?

– Когда мы победим дьявола, его трон в аду окажется вакантным. Никогда не думала о должности вице-президента преисподней?

– Ужас, как же ты извратил систему правления адом. Зачем ты так?

– Чтобы было зачем. Не задумывайся о том, что дальше, просто плыви по течению, пока это приятно. Если станет неприятно, скучно и вообще надоест – говори, и я все остановлю. Seriously.

– Да нет, можешь продолжать пока. Если пообещаешь, что в итоге никто не умрет.

– Вообще никто? Извини, но я все же не господь бог.

– Ты понял, о чем я. Пообещай.

– Хорошо. Я еще раз обещаю, что все закончится хорошо.

– Здорово. Нам еще долго плыть?

– Пару часов, не больше.

– Тогда будь добр, покажи, что ты там все пишешь в телефоне. Это наверняка какой-то план, какие-то наброски истории. Но я не люблю спойлеры, так что потом сотри мне память.

Питер и Мэри-Кейт уселись на серые мешки, на которых не так давно лежало полуживое тело девушки, и взялись за обсуждение того, что Питер задумывал сделать с историей, которую записывал в блокнот, как полночи назад делал другой персонаж, наивно полагавший, что у него есть власть над судьбой. У Мэри-Кейт сразу возникло несколько критических замечаний и деструктивных предложений, и Питер мысленно зарекся повторять такие эксперименты. В какой-то момент им пришла мысль, что в порт грозной империи стоит входить на чуть более грозном корабле, и через пару минут они уже сидели на все тех же мешках, но теперь те лежали на роскошном и просторном мостике гигантского четырехмачтового галеона, который решено было назвать “HMS Один”, а для пушего смущения умов портовой администрации – украсить мачту Веселым Роджером. Если, конечно, чиновникам Агайской Империи что-то сказали бы эти отсылки.

Наконец перемены в погоде подтвердились как-то помимо повышения температуры воздуха: из воды порой выпрыгивали типично южные виды рыб, и некоторых из них на ле-

ту подхватывали типично южные виды птиц. Уже где-то на подходе к порту на борту корабля появился еще один пассажир – громкий и сонный жук, круживший у Мэри-Кейт над ухом, и чуть было не застрявший в ее волосах, а затем усевшийся на экран телефона Питера. Жук упорно не желал улетать, переползая с одной строки истории на другую и даже не реагируя на отгоняющие пассы, которые Питер делал рукой в его сторону.

– Весьма разумное насекомое.

– Почему так?

– Разве не видишь, как он увлечен моим рассказом? Разве не видишь – он читает. Самый славный жук в моей жизни.

Мэри-Кейт прыснула со смеха.

– Ну да, вне всяких сомнений. Замри и не двигайся, дай ему волю поползать и изучить каждую гениальную букву!

– Предоставлю это тебе. Мне, как капитану, нужно сойти на палубу и подготовить команду к прибытию в порт. Нужно ходить, раздавать указания, хлестать ром и иногда стегать кого-нибудь нагайкой.

– Команду?

– Ага. Глянь вниз.

Мэри-Кейт глянула и удивилась, как она не заметила того, что на их корабле появилась самая настоящая команда. Люди сновали по палубе, драили ее, занимались такелажем и прочими корабельными делами.

– А они настоящие?

– Я бы не стал бить настоящих людей нагайкой. Это просто очень классные иллюзии, которые нужны для создания атмосферы. В общем, ты тут пока сиди и наблюдай обстановку, а я пойду стану к штурвалу и вообще изображу деятельность.

– Хорошо.

Питер протянул Мэри-Кейт подозрную трубу, а сам начал спускаться по лестнице на палубу.

– Скоро вернусь. И даже не думай что-то менять в моих записях.

– Знаешь, если бы ты спустился вниз на тресе, было бы гораздо круче и атмосфернее!

Откуда-то уже снизу раздался ответ:

– Ну я же обещал, что никто не умрет...

Пока Питер игрался в капитана пиратского корабля, Мэри-Кейт смотрела в подозрную трубу, но было еще темно, и к тому же туман скрывал Бастион от излишнего внимания.

Вдруг Мэри-Кейт о чем-то вспомнила и, сняв с перил мостика свой плащ, залезла в карман и достала оттуда маленькую шкатулку. Пару минут она задумчиво крутила ее в руках, с опаской вспоминая надпись на табличке. “ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛЮДЬМИ СТРОГО ЗАПРЕЩЕНО”. Решив, что просто открыть – это еще не значит использовать, Мэри-Кейт подняла деревянную крышку и заглянула внутрь.

Внутри шкатулки на мягких подушечках с углублениями лежали в один ряд пять аккуратных и круглых лиловых таб-

Промежуточный эпилог. Семь шагов за горизонт

Знаете, иногда мне кажется, что я живу где-то в еще одном месте, в какой-то сказке, например, и связаны эти два мои существования снами. Недавно приснилось, что я живу в мире, где все люди на самом деле – боги, но пока не понимают этого, не видят в себе богоподобия. А я – один их первых, кто понял, но мне так от этого страшно, что я делаю вид, будто ничего не знаю, но в какой-то момент приходит мысль, что, возможно, то же самое делают все остальные...

Игорь Гробов, из ответов поклонникам на автограф-сессии

Все это зашло слишком далеко – здесь происходили вещи, которые я не мог объяснить и на которые даже не мог повлиять. Люди воскрешали других людей, время то и дело замирало, подчиняясь воле мелких божков, ночь длилась уже гораздо дольше, чем должна была, а дьявол позволял себе такое, что одно уже это обстоятельство требовало как можно более тщательной проверки. Но настоящая проверка была невозможна – он без усилий остановил первое сканирование, и у меня не было причин считать, что последующие

будут более успешны.

Впервые за тысячи лет я не мог выйти на связь с начальством – канал будто кто-то отрезал или умело блокировал. А что самое худшее – я даже не мог выследить седого молодкососа, ответственного за этот беспредел, не мог его проследить до его исходного мира. Он словно все время был здесь, намертво пришитый к этой реальности. Пленник или полноправный хозяин? У него ведь не может не быть физического тела где-то еще. Этого я пока не понимал, но любые попытки найти следы его перемещений через червоточину заканчивались ничем, упираясь в его монолитное присутствие здесь. Не было никакого способа найти его там, где он был обычным человеком, и, переместившись туда или отследив связи и повлияв на кого-то здесь, покончить с этим карнавалом безумия.

Еще интереснее была ситуация с перерожденцем. Я никогда прежде не видел, чтобы в одном мире способностями к изменению реальности обладали больше двух, в моменты проверок – трех существ, это было просто невозможно, не предусмотрено устройством мироздания. Однако этот человек каким-то образом сумел обойти правила, что автоматически делало его уже не человеком, а чем-то совершенно иным. Чем-то новым, непонятным и опасным.

И было нечто еще неуловимое и тревожащее в местном воздухе. Что-то было очень не так с самими людьми, с каждым их движением, словом и взглядом, все это словно несло

угрозу – призрачную и мне пока что совершенно не понятную. Мне вообще до ужаса надоело ничего не понимать и ничего не контролировать, оставаясь просто наблюдателем. Порой мне даже казалось, что я все же участвую в действии, но играю роль жертвы, дичи, которую вот-вот пристрелит ловкий охотник или сожрет хищник.

После того, как перерожденец и мертвая девушка ушли, я следовал за богом, но затем умудрился потерять его из виду. Дьявол исчез в первую же минуту, а единственным напоминанием о перерожденце и его даме была только оброненная Питером черная зажигалка. Я шел и задумчиво крутил ее в кармане – не имея ни малейшего представления о том, как найти хоть кого-нибудь из тех четверых, кто меня здесь интересовал, я решил просто прогуляться.

Так я и гулял много часов, размышляя о положении дел, расстановке фигур, мотивах каждой заинтересованной стороны и прочих подобных вещах. Иногда заходил перекусить в какую-нибудь забегаловку, ресторан или круглосуточный магазин – поесть я очень любил, это всегда помогало мне думать. И вот, к тому моменту, как я доел последний кусок пиццы с салями, ветчиной и тремя видами сыра, у меня в голове окончательно сформировался план действий. Мне во все не нужно было выходить на контакт с богом или дьяволом, единственное, что от меня требовалось – решить вопрос с перерожденцем. Этим бесконечным повторам одной истории необходимо положить конец, и я уже знал, что имен-

но предложу Питеру взамен на небытие. Я знал его историю и понимал, как он мыслит, поэтому, хотя меня и здорово уязвляло то, что у него получается скрываться от моего внимания, мне вовсе не нужно было знать, где он находится, чтобы с ним встретиться, потому что я знал, где он рано или поздно окажется. Теперь проблема из разряда философских и умозрительных перешла в область практической географии и физкультуры. Хоть я и мог в любой момент перенестись в это место, добираться куда-то пешком мне всегда нравилось больше.

Времени было еще много, так что я продолжил свою прогулку и вскоре наткнулся на здание, оклеенное какими-то сюрреалистического вида афишами. Я подошел поближе и присмотрелся – на афише были в мультипликационном стиле изображены люди, превращающиеся в животных под светом радиоактивного солнца, размалеванного каббалистическими символами. Это была афиша концерта, который прямо сейчас в этом здании давала группа под названием “СЕМЬ ШАГОВ ЗА ГОРИЗОНТ”. Мне стало любопытно, какая музыка может заинтересовать людей так, что они явятся на ночной концерт в рождественскую ночь, так что я зашел внутрь здания. Спустившись по очень долгой лестнице вниз, я оказался перед плотно закрытыми дверьми, за которыми находился концертный... зал? Скорее, подвал. Я открыл двери, на секунду выпустив наружу порождаемые музыкантами звуки, и аккуратно закрыл их за собой.

Людей было мало – душ сорок-пятьдесят, не больше. Впрочем, больше сюда бы и не влезло. На небольшой сцене располагалась группа, как раз настраивающая инструменты для новой песни. Публика замерла в ожидании, напоминая толпу зомби перед поднявшим их некромантом. Тщательно изучив взглядом состав группы, я заметил, что все ее участники, кроме одного, были голограммами, проецируемыми на сцену при помощи какой-то занятной технологии, скрытой за кулисами. Настоящим был только вокалист, выглядящий как типичный альтернативщик – дреды, борода, черные шмотки и покрытая татуировками кожа. Еще у него были модные сейчас в этом мире черные линзы, имитирующие глаза демона, и страшный шрам на шее, который выглядел так, будто этому человеку когда-то перерезали горло. Когда фальшивые музыканты закончили настройку фальшивых инструментов, фронтмен запрокинул голову вверх, выдохнул какое-то громкое и неразборчивое слово, и в зале тут же сменилось освещение, став из мягкого желтого тревожным, тусклым и красным, да еще и мигающим к тому же. Участники группы заиграли что-то тягучее и нездешнее. На второй минуте началась вокальная партия. Текст песни был примерно такой:

I watch you

From a considerably growing distance

Standing on a cliff
Of our poor and biased existence
This time
I can't let myself lose you
Though I'm a fool
I feel blessed and cursed and confused
At the same time
Twisted violent thoughts are crawling into my head
Please help me fight them off
And I swear I'll make you happy
Or be trying until I'm dead
And if I fail I will make everyone else wretched instead

Don't wanna be another piece of some occult collection
Even if my place in it is the very best
I feel I'm so alive when feeling this, but dead-alike outside
This whole thing was made exclusively for you, like all the
rest
There's no rejection
But do you see the burning sense behind the lines?

Try to imagine some aerial edition of our world
What would it be like?
Do you believe the universe to be infinite?
Show me the beeline
Now I may seem to be an infant
But I will grow
The head held high, a sequence of my useless words
Uncertainty covers a weak mind of diffusion

The life is a trickster, the rules are unfair
And a blind is trying to lead a cecutient
What a tragedy, dig out your Shakespeare
I'll show him how to perform despair

Don't wanna be another piece of some occult collection
Even if my place in it is the very best
I feel I'm so alive when feeling this, but dead-alike outside
This whole thing was made exclusively for you, like all the
rest
There's no rejection
But do you see the burning sense behind the lines?

I cherish every word in my memory's web
Someday will collapse and fall
There's no alternative to these seven steps
Of a wandering soul
Lost and confused again
Floating towards black hole
Wanting someone near makes me feel ashamed
Where is an exit
From this maze of mistakes and speculations?
Why try rationalizing
When the only thing that can help is magic
If there's no response
To every impulse
Then dangling after is almost OK
The desire and affection burn me throughout
But I can find some purpose

Even in such a mock of a life
A sad violin and a crying piano
Were meant to be an accompaniment
To this shameless vulnerability of a sad clown
As someone once said
The true love will tear me apart
So please
Somehow
Break these fetters
The world has grown
Around my aching wandering heart

Don't wanna be another piece of some occult collection
Even if my place in it is the very best
I feel I'm so alive when feeling this, but dead-alike outside
This whole thing was made exclusively for you, like all the
rest
There's no rejection
But do you see the burning sense behind the lines?

So let me know
I will ask you again and again
You're all abroad
About the impetus behind this pain
I will never really surrender
Will never leave this closed door
And will never give up on it
Gloomy or tender
Deep down or ashore

A singer or a poet
I will feel this forever
And then... forevermore

Музыка еще долго играла, а вокалист, замолчав, немного постоял на сцене и ушел за кулисы. Я посмотрел на людей вокруг – они все больше напоминали зомби, тихие, с пустыми лицами, качающиеся из стороны в сторону под живые звуки несуществующих инструментов. Все, что было тут честного, ушло минутой назад. Я тоже решил уйти, поднялся по лестнице и, когда выбрался на свежий воздух, вдруг понял, насколько внизу было душно и неприятно. У кирпичной стены стоял Игорь, фронтмен группы “СЕМЬ ШАГОВ ЗА ГОРИЗОНТ” и изучал афишу со своим изображением. Заметив меня, он оживился.

– О, привет. Видел вас в зале. Что скажете?

– О вашей песне? Ну не знаю, песня как песня. У меня есть один... знакомый, который мог бы подписаться под каждым ее словом, но мне такие темы не слишком интересны, если честно.

– Ну это ничего. Мне нравится, что все они там стоят и слушают, даже когда меня нет.

– И что, все ваши фанаты в курсе, что остальные участники группы – это иллюзия?

– Вообще-то нет, да и вы не должны бы знать. Все дело

в грамотном общении с прессой, выдержке имиджа и подходящем освещении.

Он достал из кармана сигарету, похлопал себя по карманам и нахмурился.

– Вы, случаем, не курите?

– Вот, держите.

Я протянул ему зажигалку Питера. Он закурил, глубоко затянулся и с довольным выражением лица выпустил дым через нос. Затем с любопытством посмотрел на зажигалку и вернул ее мне.

– Забавно, точно такую же пару дней назад потерял.

– Если хотите, могу подарить вам эту. У меня есть другая.

На его лице на секунду мелькнуло что-то вроде испуга.

– Нет-нет, спасибо. У меня тоже есть еще несколько в сумке и куртке.

Я бросил на него долгий задумчивый взгляд, который он с легкостью проигнорировал.

– Так зачем вам этот цирк с иллюзиями?

– А зачем мне настоящая группа? Я записываю всю музыку сам, на концертах просто включаю запись, а сам пою. Это намного проще, чем иметь дело с реальными людьми, да и выручку не нужно ни с кем делить.

– Однажды вы додумаетесь и вместо себя выпускать голограмму, сидя дома и управляя всем дистанционно.

– Ага, я уже думал об этом. Но мне хочется именно выступить перед людьми – перед любимыми людьми. Я люблю вни-

мание и люблю выражать эмоции на сцене. Я люблю драму. Думаю, вы меня понимаете.

– О чем это вы?

Он встряхнул своей обезьяньей прической и хитро улыбнулся, зажав сигарету в зубах.

– О, вы меня понимаете. Разве вы – не точно такая же часть той же самой драмы, что и я? Давайте пять!

Я оставил его ладонь без внимания, лишь развернулся и быстрым шагом пошел прочь. Какая-то мысль, какая-то догадка мелькнула в мозгу, и я попытался поймать ее, полностью сосредоточившись на том, чего это касалось. Я шел с закрытыми глазами и был так сосредоточен, что даже не заметил, как сел в вагон метро.

И вдруг, когда поезд немного тряхнуло на каком-то повороте в тоннеле, я поймал эту мысль.

И тут же понял, что все очень плохо. Бывают такие моменты, когда ты скорее предпочтешь забыть о том, что только что пришло в голову, чем и дальше знать это. Мое новое приобретенное знание было как раз из этого разряда. Я так и сидел, не открывая глаз, и думал, что делать. В таких ситуациях лучше не подавать виду, что ты что-то понял, иначе с тобой очень быстро может случиться много плохих вещей. Но даже с закрытыми глазами я чувствовал какое-то пристальное внимание, направленное на меня, и когда все же решился взглянуть вокруг, увидел, что в вагоне полно людей, и все они смотрят на меня с холодной враждебностью. Теперь, ко-

гда я знал, что они такое, мне ужасно хотелось обратиться отсюда, но я уже не мог – мои силы словно исчезли, и я превратился в человека – наверное, единственного человека в этом мире.

Лишь один из них не пялился. Это был невысокий парень лет двадцати, прячущий в воротнике пуховика напряженную улыбку человека, вынужденного сделать что-то неприятное. Он уткнул взгляд в телефон, старательно шаря по экрану глазами и пролистывая полотно какого-то текста, словно пытаюсь найти там выход, что-то, что могло бы избавить его от необходимости совершить плохой поступок. Очевидно, не найдя ничего подобного, он поднял глаза, и я прочел в его взгляде молчаливое сожаление.

Но, к счастью, как раз в этот момент поезд остановился на станции, двери открылись, и я, вскочив со своего места, выбежал из вагона и бежал до самого выхода из метро, не оглядываясь ни назад, ни по сторонам. Только оказавшись на улице, я позволил себе остановиться и перевести дух. Вдруг в кармане что-то зашевелилось. Я сунул туда руку и сразу же отдернул ее с коротким вскриком – что-то ужалило меня в палец. Глянув на ладонь, я не поверил своим глазам – на пальце висела зажигалка Питера. Но с каждой секундой она все больше переставала быть зажигалкой, превращаясь в какое-то отвратительное крупное насекомое. Я чувствовал, как оно пьет кровь из пальца, и это будто придает ему сил. Попытался стряхнуть тварь, но ничего не вышло, не удалось даже

оторвать ее другой рукой. Я был очень напуган и уже было подумал о том, чтобы отрезать палец вместе с этой штукой, но не успел – в глазах вдруг потемнело, и я, потеряв сознание, рухнул на снег.

Очнулся на каком-то холодном камне. Осмотревшись, я понял, что лежу на алтаре, а вокруг все напоминает какой-то средневековый склеп. Сил подняться не было, так что я пока просто лежал и смотрел по сторонам.

Еще немного затуманенным взглядом я видел, как ко мне подходит нечто с крыльями за спиной. Лица я не видел, зато мое собственное лицо два раза дернулось от оплеух – видимо, так меня старались привести в чувство. Крылатый отошел от алтаря и направился куда-то в сторону. С трудом повернув голову, я сумел рассмотреть, что он подошел к семи стоящим в ряд крестам, на которых висели семь существ, напоминающих то, как принято изображать ангелов. Он пощекотал одного из них ножом изнутри разорванного бока, и склеп заполнил стон боли. Я отвернулся.

Впереди, в метрах десяти от моей лежанки, был огромный каменный стол, за которым стоял тот, кого я сразу узнал. Мой знакомый из подворотни вскинул голову и, заметив, что я уже очнулся, приветливо улыбнулся мне.

– Добрый вечер! Добро пожаловать в мою скромную обитель, и прошу прощения, что был несколько бесцеремонен. Я обещал сыну, что познакомлю его со своим начальством.

Дьявол махнул рукой в сторону крылатого существа, все

еще пытавшего распятых ангелов.

– У нас тут вообще интересная компания. Не хватает только троих. Один... кхе-кхе... не смог явиться из-за проблем со здоровьем, а еще двое даже не захотели получить приглашения. Но это ничего, ведь именно ты – гвоздь программы. Хотя предполагалось, что мы все встретимся там, где ты уже было решил ожидать Питера, но так некстати зашел по пути на этот дурацкий концерт. Господи, ну что за идиоту могло взбрести в голову давать концерт в черт знает сколько часов ночи?!

Я покачал головой. Судьба моя была примерно ясна, но у меня еще оставалось несколько вопросов напоследок.

– Так чего же ты хочешь этим добиться? Я уже понял, что именно ты собираешься сделать, но зачем? Для тебя ведь ничего не изменится.

– А кто сказал, что я ради себя стараюсь? Я альтруист. Хлопочу за других. Как пчелка, не покладая лапок, тружусь ради всеобщего блага – им ведь, как-никак, вымощена моя приусадебная дорожка. Да и вообще – мне не очень-то нравятся твоя концепция. Она слишком перегружена, и из-за этого система дает сбои, один из которых мы могли недавно наблюдать. Я же все исправлю.

– Ты хотел сказать “я все уничтожу, дав равную власть каждому и этим разорвав мир на куски”. Ты делаешь именно то, чего от тебя ожидают.

– Ожидайте чего хотите. Мне без разницы.

– Как ты сумел лишить меня чрезвычайных полномочий?

– До скучного просто. Всего-то и нужно было, что наглухо закрыть этот мир от влияния извне, и твои властные покровители тут же потеряли здесь всю власть. А ты, как прямым образом зависящий от них, стал постепенно... ну, скажем, разряжаться, даже не замечая этого. Пока совсем не выдохся. В общем, принцип такой: поглощаешь бога, чтобы получить полную власть над одним миром, с ее помощью запираешь в мире кого-то еще более могущественного и поглощаешь его, чтобы получить власть над любым другим миром. Затем закрываешь изнутри каждый мир, и поглощаешь лишенных подпитки хозяев вселенной, чтобы получить власть над всем универсумом. В общем, вы здорово облажались с этой системой зависимости от всего подряд. Ничто зависимое не может быть всемогущим.

– Зачем я тебе, если у меня больше нет никаких сил?

– Ты потерял не силу, а возможность пользоваться силой, но, если я вдруг решу снова открыть мир – ты сразу же обретешь ее. Так что мне нужна твоя суть, твой божественный паспорт, твой айди сверхсущества, если позволишь. Украв его, я получу и все твои способности.

– Почему ты все время находишься здесь, почему не возвращаешься в свой родной мир?

– Какой еще свой мир? Мой родной мир – этот, сколько я себя помню. Впрочем, скоро никаких других миров и вовсе не будет.

– Ясно. А зачем тебе перерожденец?

– Он и та девушка – неотъемлемая часть новой единой концепции. Глупенькие думают, что я желаю им зла. Но скоро я все же встречу с ними еще разок и объясню все по пунктам, и тогда Питер мне будет пальчики на ногах целовать в благодарность.

Дьявол приблизился, держа в руках какой-то большой сверток.

– А вот ты, наверное, не будешь целовать мне пальчики, да?

Он положил сверток на алтарь рядом со мной. Я все еще не мог пошевелиться, но это все равно не имело значения, потому что я, похоже, потерял последние остатки своих сил. Дьявол взял мою руку и с легкостью снял с пальца ту дрянь, что все еще висела на нем мертвой хваткой. Затем он достал из свертка стеклянную вазочку и поставил ее у моей головы.

– Спасибо, что подобрал моего дорогого питомца. Не знаю, что бы я делал без него. Это, если не считать моего сына, единственное близкое мне существо во всем мире.

С этими словами он разорвал насекомое на части, держа его над вазочкой, и в нее из остатков тушки хлынула кровь. Вытекло, наверное, почти пол-литра. Удивительно, как столько жидкости умещалось в такой небольшой твари.

– Я все думал, как же вернуть тебя в твой родной мир, если у тебя его нет? С их лучшим другом, – дьявол кивнул в сторону семерых распятых. – Все сработало, и было доста-

точно лишь смеси их слез и одного революционного препарата, но у тебя другой случай. Зелье просто не поймет, куда тебя отправить – без частички из родного мира. Но потом я вдруг понял...

Дьявол улыбнулся так, как улыбаются все архетипичные безумные злодеи.

– Каждый из нас носит частичку своего мира в себе. Так что достаточно куска кожи, волоса, капли крови. Мне кровь показалась самым эстетичным вариантом. Вот только есть проблема – боюсь, что ты, как существо, связь которого с родным миром давно разорвана, лишь отправишься туда, но не попадешь. Скорее всего, ты просто исчезнешь где-то по дороге, став еще одним доказательством несостоятельности придуманной тобой системы. Немного иронично, не находишь? Даже жаль, что ты не увидишь мой вариант мироздания и не поймешь, насколько он превосходит твой.

Мне было уже все равно. Я просчитал все варианты и понимал, что это поражение, как ни крути. Так что смысла спорить или даже просто отвечать ему не было. Дьявол это понял и продолжил уже в молчании, решив не растрачивать свои ораторские порывы на безразличного слушателя. Он подошел с вазочкой к одному из ангелов и что-то шепнул ему на ухо. Тот сразу разразился слезами, спустя пару минут заполнившими сосуд еще на четверть. Дьявол вернулся ко мне и, загадочно подмигнув, деловито достал из свертка последний предмет.

Это была небольшая деревянная шкатулка.

Он поднял крышку и повернул шкатулку так, чтобы я видел ее содержимое. Внутри лежали две лиловые таблетки и шприц. Он взял одну таблетку и, мгновенно вскипятив воду в стоящем на другом конце алтаря стакане, бросил ее туда. Вода сразу же окрасилась в лиловый, и дьявол вылил весь стакан в стеклянную вазочку. Теперь она была заполнена до краев. Если бы я не видел шприц, я бы мог подумать, что меня хотят заставить это выпить. Но седой урод все перемешал, еще раз вскипятил и набрал получившуюся смесь в шприц.

Одной рукой он держал иглу у моей шеи, другую положил мне на голову. Я чувствовал, какие острые и отвратительные у него ногти, и какая сухая и морщинистая кожа на ладонях.

В следующий момент он вколол мне свое чертово зелье, и это было тем единственным, что не позволило мне сразу же потерять сознание от болевого шока, потому что дьявол принялся срывать с меня кожу и раздирать плоть, вырывая из нее кости и мышцы. Я не чувствовал вообще ничего, опьяненный растекающейся по еще целым венам сывороткой забвения. В какой-то момент я все же почувствовал, что внутри меня что-то хрустнуло и вырвалось наружу, и дьявол с торжествующим криком захлопал в ладоши. Мне было плевать. Пусть делает что угодно. И если у него все получится, то это станет самым быстрым концом того, от чего я уже, признаться, несколько устал за все это долгое время.

Последним, что я слышал перед тем, как пропасть из кру-

гов бытия и навсегда исчезнуть, были слова того крылатого, кого дьявол называл сыном. Он говорил что-то про ворота, “девочку извне” и “собаку у порога”.

Я не понял ничего и был этому только рад. Если и есть какая-то дальнейшая история, то мне уже не стоит беспокоиться о том, чтобы все прошло гладко, потому что я был официально разжалован, списан в утиль и уже вот-вот мертв.

Я, как это обычно и бывает, не ошибся, и уже через секунду действительно умер.

Часть пятая. Одиссея

ПОДХОДИТ К КОНЦУ

Номер седьмой. Код – 212. Классификация: похищение, реален-реален, параллельно. Впервые появляется трактовка, подразумевающая наличие некой мысленной способности, позволяющей манипулировать реальностью. Например, чтобы в последний момент сбежать от похитителей в другой вариант развития событий, потеряв при этом память о случившемся, как итог – все повторяется снова. Повторение циклов – бесконечно. Порядок прямой и обратный.
Отрывок из неизвестной ночной телепередачи

Интро

Сколько ни напиши, всего себя в буквы не вложишь. Сколько ни скажи, эффект будет тот же. Как же человек может выразить то, что не может показать? И зачем люди это делают, чего они хотят этим добиться? Что такое они делают, когда... Я презираю и не выношу инуюсказательности, но иногда она – единственно доступная форма искренности.
Из частной переписки неизвестного автора с его возлюбленной

– Кто ты и откуда взялся?

– Забавно, но я хотел спросить у вас то же самое.

– Ты не в том положении, чтобы задавать вопросы.

– С другой стороны, вам, кажется, не удастся получить нужные ответы. Будем и дальше перетягивать одеяло каждый на себя?

– Зависит от тебя. Мы готовы сотрудничать.

– Вот и замечательно! Для начала, я хотел бы получить гарантии, что меня отпустят, когда я все расскажу.

– Ты их получаешь.

– Слова – это не гарантии. Предлагаю такие условия: за каждый рассказанный мной фрагмент вы отвечаете на один мой вопрос, любой. Я могу пересказать вам десять фрагментов, девять из них – устно, а последний, без которого вы не поймете смысл остальных – в сообщении, которое оставлю в условленном месте после того, как меня отпустят.

– А откуда нам знать, что последний не будет липой?

– Ниоткуда. Но, раз уж вы нашли меня один раз, сможете найти еще раз, так что обманывать не в моих интересах.

– Ну хорошо, мы согласны на твои условия.

– И попросите свою коллегу не выкручивать мои руки так сильно. Это не слишком удобно.

– Дельта, хватит!

– Благодарю. Итак, вот первый фрагмент. Слушайте и записывайте.

“Из чего состоит человек? Кожа, мясо, кости, кровь. Мысли и функции, звания, титулы, положение, связи и действия. Буквы, слова, предложения, абзацы, главы, рассказы, сборники, романы, собрания сочинений. Вдохи и выдохи, вздохи, стоны, всхлипы и зевки, кашель, смех, плач, крик, молитва, песня. Тишина. Стены и клетки, удары, лезвия, пламя и металл, чернила, пыль, кровь, зеркала, пороги и двери. Взгляды и отводы глаз, улыбки, дрожь, блеск и сияние, тепло, кожа, волосы, запахи, касания и остальное. Вопросы, ответы, поиск и страх, надежда – о, ну конечно – эта чертова надежда. Контекст и образы, тени на страницах и лица за именами, отражения прошлого, настоящего и будущего. Взгляд сквозь себя и напрямик в небо. Падения, долгие, медленные падения, кажущиеся нескончаемыми. Приземления, взлеты. Попытки и апатия. Чувства, эмоции, желания, склонности, порывы, сомнения, мечты, принципы, решения, убеждения, странности и отклонения, свойства, характеристики и параметры. И куча чего еще.

Как можно начинать что-то делать? Что происходит в этот самый первый момент, момент озарения, созидания, окончательного решения, что за искра мелькает в мозгу – и в мозгу ли? Как можно начинать что-то делать, если знаешь, что этому придет конец?

Как можно прекращать что-то делать? Где тот самый момент, когда все начинает умирать, когда что-то пропадает, угасает, медленно приближаясь к концу, что становится по-

следней каплей? Как можно прекращать что-то делать, если это когда-то началось?

Начинать бессмысленно, а прекращать – противоестественно. Каждая клетка тела рационально противится началу чего-то нового и болезненно сопротивляется его же завершению.

Слова так пластичны и их так много, что я могу составить из них любой узор. А могу ли я своими словами что-то изменить? Могу ли я повлиять словами на что-то? Могу ли я с их помощью изменить мир или хотя бы чью-то жизнь? Но словам не изменить ничего, кроме того, кто их слышит. Все дело в вере, убеждении, стекле, через которое мы смотрим на мир, опираясь на то, что знаем. Если изменить набор сведений в голове, то изменится и наша картина мира. Казалось бы – простая схема. Но вся проблема в том, что мы не знаем, какие именно связи в мозгу мы разрушаем или создаем, не знаем, что именно нужно сказать или сделать, чтобы добиться конкретного результата. Мы можем лишь предполагать, оперируя собственным опытом, интуицией, пониманием людей и механизма мироустройства. Но как часто мы оказываемся неправы – до обидного часто. То, что кажется очевидным и естественным для нас, удивительным образом не понятно другим – и наоборот.

Как будто этого мало, мы еще и постоянно пытаемся манипулировать друг другом, пытаюсь влезть в чужую голову. Ложь, оговорки, недоговаривания, полуправда, подтексты,

показные жесты, уходы от ответа, переводы темы и прочее, прочее, прочее. Я не пытаюсь вскрыть пороки человечества, я всего лишь констатирую факт: мы все играем друг с другом в весьма жестокие по сути игры, ища лишь своей выгоды. Но почему, даже осознавая последствия своих поступков, мы продолжаем отвергать то, что кажется нам чуждым – все, в чем мы не видим себя? Неужели мы не можем просто перестать – взять и перестать делать мир, в котором сами же и живем, еще хуже, чем он есть? Или это я вижу вокруг столько зла, а на самом деле все совсем не так? Как отличить правду от лжи, реальность от иллюзии? Между тем, как все есть и тем, как все должно быть – огромная пропасть, и она разрастается, и шанс перепрыгнуть всегда остается, но с каждой секундой он все призрачнее. Жизнь – как ветвь гиперболы, и это сравнение никак не идет у меня из головы.

А что история?

Нет, стоп, сейчас не об этом. Я только что понял, в чем смысл жизни. Смысл жизни – жить, и остальному в этой формулировке нет места. Мы все рано или поздно подходим к черте, на которой останавливаемся и задумываемся обо всяких там вечных и глубоких вопросах. Предполагается, что мы простоим на месте какое-то время, что-то для себя поймем, сделаем выводы и двинемся дальше, чтобы больше никогда уже не задумываться о таких вещах дольше, чем на пару минут. В этот период жизни человек должен для себя понять: то, чем он занимается, в корне неверно, и это всего

лишь очередной экзамен, проверка, о которой никто его не предупреждал, потому что к некоторым вещам нужно прийти самостоятельно. Человек должен переступить через это, как переступил через младенческую неосознанность, детскую тупость, подростковую инфантильность. Так и в молодости он должен отвергнуть рефлексии и перестать думать о том, что выше его понимания. Но если предыдущие экзамены были довольно простыми, то здесь каждого ожидает психологическая ловушка: к чему отказываться от того, что кажется тебе пределом человеческой мысли, отвержение чего видится шагом назад – к недалекости, поверхностности, простоте? Человек еще не понимает, что жизнь должна быть именно простой – но только не от нехватки ума, а как следствие добровольного выбора. Человек, отвергающий то, что ему никогда не предлагали – нелеп. Человек, отвергший предложенное из своих внутренних убеждений – нормален. И этот последний экзамен взросления не всем удается пройти, и многие так и остаются на той черте, погребая себя под тоннами бесполезных рассуждений о природе вселенной, бога, человека, способах познания, сторонах реальности и смысле жизни. Некоторые двигаются дальше, так и не сделав последнего главного вывода, и тени этих вопросов мучают их до конца жизни. Эта проверка жестока, но она не была никем придумана – она появилась сама, как следствие того, что мы сами с собой сделали за все эти тысячи лет.

А что история?

У каждой истории есть начало и конец. Как бы рассказчик ни пытался спрятать их, запутать читателя, создать впечатление, что история начинается в любом отдельно взятом моменте сюжета, или убедить, что она не заканчивается, все это только дешевые трюки. Истории начинаются с первого слова на первой странице, где бы она ни была, и заканчиваются словом последним, как бы долго автор ни пытался всучить читателю открытый финал или зацикленный сюжет. И для меня это большая проблема, потому что мне, как я уже говорил, сложно принять саму идею окончания, завершения. В некоторых случаях – невозможно.

Много вопросов и маловато ответов – для того, что желает притворяться законченной мыслью, прожитой историей с несколько печальным, но поучительным сюжетом. Стоит ли изжить порывистый идеализм и надежду из еще наивного сердца, если точно знаешь, что с ними оно только больше ожесточится, или лучше дать ему испытать эту боль, которая может принести с собой и опыт, и твердость духа, и волю – что приведут к эмпатии и пониманию? Наверное, стоит рискнуть”.

– Итак, фрагмент ты прослушала. Теперь ответь на мой вопрос: кто вы вообще, ребята, такие?

Антракт. То, что спрятано

Они пришли за мной, надо было понять это раньше. Все эти ощущения, кажущиеся весь день

совпадения – это было не просто так, и вот теперь я попался... Хорошо, пусть они так думают. Пусть терзают мою память, им все равно не найти то, что служит ключом к самому себе и разрушается всякий раз, когда взломщику не удастся обнаружить ловушку.

Мысли человека, теряющего сознание

Белое поле блокнота так долго оставалось пустым, что экран потух. Потом рука дернула мышку, пальцы неуверенно легли на клавиатуру и принялись... Нет, не то.

Белое поле ввода сообщения так долго оставалось пустым, что экран потух. Потом рука разблокировала экран, и пальцы неуверенно принялись что-то набирать, но вскоре один из них предательски лег на кнопку “стереть”. То же самое повторилось еще несколько раз, и раз за разом текст пропал. Где-то неподалеку находился пустой овальный предмет с неровностями, внутри которого шарила воображаемая рука – искала маленькие зеленые квадраты с надписью “ПОВОД” на каждой грани. Квадраты упорно не желали находиться. Время шло днями, и тишина становилась пугающей до... Нет, тоже не то.

Невидимый луч взгляда скользил по столу в поисках чего-нибудь, за что можно зацепиться, из чего можно вытянуть хоть какой-нибудь новый образ и идею. Бумажки, ключи, ручки, пачка сигарет, чашка, часы – все это было очень

привычным и не несло в себе ничего ценного и нового. Но найти что-нибудь было просто необходимо. И снова не то.

Так, и что нам тут написать, м? Может, разобрать остальные части? Да вроде неохота. Зачем из себя выдавливать слова, это ведь именно то, что мы осуждаем. Но надо как-то это закончить, правда? Да, и мы уже придумали, как именно. Но необязательно к этому как-то подводить. Забей на концептуальность. Что еще за бред? Не бред, а новый формат – внезапная концовка. Вот именно, что бред. Это как начать рассказывать сказку про Красную Шапочку, и на моменте, когда волк приходит к дому бабушки, сказать: “Короче, волк умер, конец!” Да забей. Тебе это надо? Тебе вообще вся история нужна была? Ты ее и так придумал в голове, ни к чему усложнять все деталями. Она нужна не мне. А вот и нет. Она вообще никому не нужна. Ты знаешь, что такое “вежливость”? Шопенгауэр сказал, что это “молчаливое соглашение игнорировать и не подчеркивать моральную и умственную нищету”. Знаешь, как люди терпят чьи-то заморочки, разговоры и творчество – только потому, что им неудобно сказать прямо, что их это не интересует, и вообще у тебя плохо получается? Тут не то. А тебе откуда знать? Но мы ведь это видим, разве нет? Нет, я не вижу. В этом случае я предпочитаю верить. Наивный придурок. Несчастный циник. Не циник, а реалист. Да нахрена мне твоя реальность? Что в ней такого хорошего? Так нельзя сказать. У тебя нет выбора, существовать в реальности или нет. Можешь долго

ее отрицать, но рано или поздно она тебя достанет. У меня есть выбор между реальностью и нормальным миром. Это какой же? Я тут недавно прочел одну книгу об иллюзиях. И где ты ее нашел? Подарил один из побочных, Драматургом его звать вроде бы. Представляешь, украл ее у одного придурка во дворце южного короля или типа того... Ну и что в ней такого интересного? О, это уже мое дело, и поверь, у меня на нее большие планы. Ладно, я устал слушать эту чушь. Ты уверен, что мы хорошо ее спрятали? А кот уверен, что хочет лизать свои яйца? Значит, уверен. Ладно. Но если я правильно понимаю, они уже за десятку перевалили. И что? А то, что хрен они остановятся. И время не на нашей стороне. Пока мы там лежим, они копаются внутри, они сортируют каждую частичку. Пусть сортируют. Ты так беспечен. У них есть самообучающаяся нейромодель. Да пусть хоть Гладос и Шодан, они никогда не найдут это. Еще пару циклов назад они не знали обо мне. На восьмом они не понимали, к чему там змея. На пятом не могли отследить Скитальца. О том, что они здесь не одни, поняли уже на втором. Ага, а после первого разделились и начали враждовать друг с другом. К чему это ты? Да к тому, что подумай моей головой, если своя не варит: время работает как раз против них, а не против нас. Почему? Это слишком серьезный проект, чтобы все прошло гладко, ставки слишком высоки, они снова разделятся, или кто-то из них вырежет конкурентов в реальном мире, начнется хаос, и стоит им хоть на секунду отключить

нас... А если они найдут сову? Найдут и найдут, она сама ничего не знает. Дело ведь не в том, чтобы найти конкретный эпизод, им нужно буквально собрать пазл из воспоминаний и понять, что он собран правильно. Ладно, возможно ты и прав. Времени у них точно уйдет немало, всегда есть шанс, что что-то с электроникой случится. Но все же меня пугает самообучающаяся сеть. Гугл-переводчик захватил мир? А Сири с Алисой уже вырезали человечество? Вот уж чего не знаю, того не знаю, мы же тут торчим. Оригинал, куда бы он там ни свалил – вот он знает. Болван, если бы это случилось, мы бы поняли. А может это как раз искусственный интеллект уже перехватил управление? Ну и зачем ему это? Если он достаточно умен, чтобы захватить мир, ему уже не нужны какие-то мысленные техники, сам до всего дойдет. Окей, хрен с ним, давай о насущном. Так что нам делать с концовкой? Ну, мы и так уже затянули, разве нет? Хорош уже. Тебе ведь сложно, я же вижу. Давай закончим все быстро, чуть скомкаем и просто распишем концовку – и все, ты свободен! И здесь никуда не деться от твоей лени и апатии. “Лечь на пол и помереть” – это не позиция и не выход. Нельзя раз за разом сдаваться, нужно постоянно побеждать себя, делать над собой усилие. А ЗАЧЕМ? Вот ты можешь объяснить? Тебе просто промыли мозги мотивационные цитаты и глупые фильмы. Тоже мне, Рокки Бальбоа. Ну вот ты что-то там пытаешься, пересиливаешь себя, и чо? И ЧО? Где результат? А если я просто что-то неправильно делаю? Прила-

гаю усилия не в том направлении? Ну вот ты никогда и не найдешь верное направление. Никто его тебе не подскажет. И вообще, хорош трепаться, давай концовку напишем. Прямотут. Смотри, значит, все эти побочные истории мы убираем, оставляем только основную линию. Никаких больше метафор, только тебе понятных символов, никаких резких смен концепции, никаких закадровых комментариев, аллюзий и бла-бла. Питер попадает в... Заткнись! Как же мне избавиться от тебя, тварь? Присосался, словно пиявка, и мешаешь жить нормально. Я то же самое могу сказать о тебе – вцепился в загривок и не даешь помереть спокойно. У нас абсолютно равные права выбора. Вот только ты ошибаешься насчет жизни. Да чего ж ты такой тупоголовый! Мне ведь тоже кажется, что ты ошибаешься. Правда у каждого своя. Но так быть не должно, нужно с этим что-то делать. Нас нужно разделить. Ха-ха. И где ты найдешь свободное тело? И как ты туда переселишься? Хорошо, это я так сказал. Может, поделим время? Ты хозяйничаешь один месяц, и я один месяц. Спалимся и загремим в больничку. Это все не выходы. Нужно решить этот спор как мужчины – при помощи дуэли. Ну и как это устроить? Мы же не можем физически уничтожить друг друга. Мы не можем. А мир – может. В смысле? Тебе никогда не казалось, что все это сильно связано с полушариями мозга и прочей черепной приبلудой? Так вот, я – это левое полушарие, ты – правое. Если с одним из полушарий случится что-то печальное, один из нас зачахнет настолько,

что другой сможет жить самостоятельно, и без оглядки на чужое мнение управлять телом. И как это устроить? Я не хочу головой о стену биться. Это не очень приятно. И не нужно. Есть выход проще – устроить себе обширный инсульт, в результате которого одно из полушарий получит необратимые повреждения. Но тогда мы будем умственно отсталыми, разве нет? Вообще-то нет, в случае смерти одного из полушарий второе берет большую часть его функций на себя. Да, какие-то перемены к худшему обязательно будут. Но смотри на это так: если уцелею я – я все равно быстро со всем этим бредом покончу, и плевать, что там с телом. Лишь бы пальцы сжимались, ноги ходили и глотательные мышцы работали. Если выживешь ты – у тебя будет лишний повод что-то там преодолевать и жить назло обстоятельствам. Все в выигрыше, а? Звучит неплохо, надо признать. Наверное, так и поступим, когда освободимся. Только давай все же закончим все, что уже начали. Хорошо, пиши свои писульки. Только потом будем заниматься важными делами. Так значит – по рукам? По рукам.

На поверхности, часть вторая

Вот телефон, связывайся в любое время, когда понадобится помощь. Ты же понимаешь, что столь долгое употребление не проходит бесследно, и ты

только в начале пути к восстановлению.

Второй брат – Аватару

Рождество закончилось. Я понял это, когда, выбравшись из реки на бетонную набережную, взглянул на часы. Помимо времени (шесть вечера) они сообщили мне и дату – сегодня было тридцать первое декабря. Решив, что стоит отложить на потом вопросы вроде “Как я мог почти неделю провести под водой?” я встряхнулся, словно собака, и быстрым шагом направился вперед. Сейчас нужно было очень быстро решить, где можно высушить одежду и согреться, потому что с каждой секундой во мне росли сомнения в собственной морозостойкости – одежда замерзала на мне, и я чувствовал, как жуткий холод тысячей иголок проникает мне под кожу. Шаря в карманах, я обнаружил в одном из них телефон (совершенно утопленный), размокшую до состояния каши пачку сигарет и неработающую зажигалку, в другом – связку ключей. Обнаружив на ней что-то новое, я сразу же вспомнил, что у меня каким-то образом появилось место, где я мог за умеренную плату находиться, считая это домом. Адрес тоже моментально всплыл в памяти. Невероятная удача – квартира находилась в десяти минутах отсюда. Как оказалось чуть позже, если бежать, то можно добраться и за четыре.

Я забежал внутрь, закрыл дверь и, даже не оглядываясь по сторонам, сразу же переоделся, принял горячий душ и бросился к батарее – греться и приходить в себя. Через какое-то

время я был уже достаточно жив, чтобы получше рассмотреть место, в котором находился. В нем не было ничего интересного – помимо разбросанных по полу, дивану и столу бумажных листов, исписанных вдоль и поперек несколькими разными почерками. Меня уже невыносимо клонило в сон, но вдруг в голове мелькнула одна догадка, и я сразу же рванул проверять ее. Так и есть, на полке в шкафу стоит библия. Я аккуратно открыл ее и обнаружил именно то, что ожидал – в вырезанном в страницах отверстии лежал пакетик с порошком.

...Ветер трепал мою идиотскую челку, а все вокруг было похоже на карнавал в аду. Я шел по проспекту и смотрел на людей, не узнавая людей в них: рогатых, визжащих, хвостатых, покрытых чешуей и перьями, в масках чертей и животных. Они все шли и шли, корчили рожи и скалились, смеялись – исступленно, хрипя и с глазами навывкате, словно у каких-то доисторических рыб. Я тоже скалился и хохотал в ответ, потому что мне было очень страшно выдать в себе человека – я совершенно не имел представления, что эти твари сделали с остальными людьми. Я шел и дергал руками, жевал сигареты в зубах и плевался, тряс головой в каком-то безумном припадке, а они уважительно смотрели на меня – должно быть, принимали за какого-то демонического босса.

Наконец я нашел безлюдный двор, прислонился к кирпичной стене и попробовал отдышаться. Закрыв глаза и сосчитал до ста, надеясь, что после этого все снова станет нормаль-

но, и этот трип закончится...

...На скамейке холодно. Я обнаруживаю себя строчащим какой-то текст на телефоне (он все же выжил после купания?), но при любой попытке рассмотреть его получше все плывет перед глазами, а голова просто раскалывается. Включаю музыку, кладу телефон в карман и, встав, быстрым шагом иду куда-то – через проезжую часть, мимо людей и витрин магазинов и кафе, сквозь арку во двор и затем обратно на оживленную улицу. Чего-то ужасно не хватает внутри, и эта пустота жжет с каждой минутой все сильнее, а у меня все никак не получается понять, что же я потерял – и когда это произошло. Черная бездна расширяется, поглощая меня изнутри, пока снаружи я невозмутимо прохожу мимо стайки детей, избивающих бомжа, мимо визжащей друг на друга супружеской пары, мимо беснующегося пса на привязи у продуктового магазина, мимо толпы зевак, окруживших тело выпавшего из окна мужика, мимо летящей по улице скорой, мимо ментовских патрулей, мимо домов, людей, машин, огней и звуков, мимо смысла и мимо себя самого. Какой хороший в этот раз Новый Год...

...“Сентиментальный ретроспект-алкотур” – это когда ты покупаешь бутылку и распиваешь ее, бродя по своим любимым местам в городе. Сквер напротив штаба тайной полиции выглядит красиво – со всеми этими гирляндами, снегом и витыми силуэтами фонарей. Еще один момент – во время тура нужно слушать музыку, которая тебе запомнилась

именно в этом месте. Поэтому сейчас в наушниках звучит почти истерическое “I never, never, never really thought that I could feel...” Тут же в памяти всплывает одна старая книга, и я поворачиваю к зданию, где находится нулевой километр. Следующая остановка – площадь перед двумя башнями. Оглядываюсь, ища взглядом двойняшек при исполнении – теперь тут курить можно только в специально отведенных для этого местах (а пить все еще нельзя в принципе). Осталось только огородить места прутьями и сверху прикрепить какие-нибудь потешные баннеры, чтобы это окончательно напоминало зоопарк. Под звуки марша Воланда автобус увозит меня дальше, по старому трамвайному маршруту. Выхожу там, где когда-то было ответвление путей, и иду по одной из своих любимых улиц – пустынной, широкой, огороженной промышленными гигантами и общежитиями. На стенах заводов виднеются огромные граффити, у небольших баров толкуются небольшие компании, Земфиру сменяет монотонный бубнеж Эзопа Рока, а я все ближе к остановке электричек, одна из которых скоро доставит меня вглубь частного сектора на севере города. Время идет, от года остаются считанные часы, а я все никак не могу ухватиться за какую-то мысль или воспоминание, безрезультатно ища это в городе вокруг себя, надеясь, что он наведет меня на эту мысль, напомнит мне что-то. Но пока все глухо...

...Это не несет в себе никакого смысла. Просто двигаюсь по инерции. Куда и зачем, если я все потерял? Каждую

минуту приходится искать новый ответ на этот вопрос. Сижу в колеснице за зданием городской ратуши, впитываю в себя мокрый снег и снова что-то пишу. Но это не несет в себе никакого смысла, ведь уйдет в никуда, в безразличие. Мне всегда казались такими глупыми истории успеха, мотивационные проповеди, подбадривания и показная поддержка. “Просто будь собой...” И что это значит? Что это такое – быть собой? Откуда мне знать, как это? Быть собой – это, наверное, не пытаться вести себя так, чтобы это тебе самому казалось притворством и напрягало. Когда я так себя веду, это начинает напрягать окружающих, и они говорят, что со мной что-то не то. Видимо, не для всех быть собой – наилучшая модель поведения. Для маньяка, вора, хама, идиота, каннибала быть собой – не самая продуктивная идея. Быть собой здорово, но только тогда, когда ты – хороший человек. “Не сдавайся!” Еще одна сверхценная мысль. Не получается затравить кого-то? Не сдавайся, продолжай издеваться! Никак не можешь решиться ограбить прохожего, угнать машину, украсть шмотку из магазина, изнасиловать девушку, зарезать какого-нибудь пьяного бомжа? Не сдавайся, решайся! Не смог убить себя с первого раза? Ничего страшного, не сдавайся, попробуй еще разок! “Верь в себя – и все будет хорошо”. Неужели? Сколько таких уверенных в себе так и сохло несчастными, бедными, одинокими, не оставив после себя ничего, что могло бы хотя бы напомнить о том, что такой человек просто существовал? Я всегда в себя верил, но

еще ни разу это мне не помогало. Можешь сколько угодно верить в себя, но это ничего не стоит, если в тебя не верит жизнь, мир, окружающие, случайность – что угодно. Достаточно просто набрать в поисковике что-нибудь вроде “вдохновляющие фразы” – и ты утонешь в океане человеческой наивности. Вся наша природа – в том, чтобы продолжать надеяться на лучшее, повсюду ища подтверждения тому, что все будет хорошо, буквально выдумывая их на ровном месте, превращая какие-то незначительные мелочи в знаки и тому подобное. Потому что невозможно жить, полностью осознавая окружающую беспросветность...

...Я так и не понял, что же мы с ним не поделили, но в тот момент, когда я выходил первым на улицу, во дворик рядом с баром, каждая частица меня отчаянно желала искалечить этого человека как можно сильнее. Я был еще достаточно трезв, чтобы контролировать свои мысли, но они так и норовили высвободиться – и несколько раз это сделали, что в итоге и стало искрой для начала драки. Драка была, конечно, ни разу не кинематографичная – быстрые движения и удары первые пять секунд, а потом просто возня, неуклюжая борьба, сопение, беззубые словесные выпады, еще несколько ударов – и никакого победителя, ведь, как это обычно и бывает, какие-то здравомыслящие люди полезли нас разнимать. Через пять минут я сидел на качелях в соседнем дворе, потягивал апельсиновый сок из картонной упаковки и зачем-то потирал левую часть лица, словно надеялся на целительную

силу своих прикосновений. В конце концов я нашел на крыше ближайшей машины относительно чистый снег, слепил из него огромный снежок и приложил к скуле. На часах уже было полдвенадцатого, но домой мне возвращаться не хотелось – ни в одно из мест, что я мог сейчас назвать домом. Где-то меня ждала пустота и темнота, где-то были люди, но мне не хотелось никуда идти. Телефон то и дело всхлипывал сообщениями, а снег таял на лице, смешиваясь с неожиданными слезами. К чему они сейчас? Я знаю и помню все, но в этом нет ничего хорошего. И плохого тоже нет. Как-то так получается, что я живу будто бы только в холодное время года, проводя весну и лето в спячке, и сейчас для меня постепенно заканчивается очередной сезон жизни – и приближается новый виток забвения. Мне для этого осталось лишь несколько десятков раз нажать на экран телефона, потом подождать минуту-две, нажать еще раз и подождать еще – от нескольких минут до одного-двух дней. И вскоре после этого вновь наступит долгая кома, из которой выйти получится только при большой удаче. Но все это, похоже, неизбежно, ведь жизнь зачем-то движется по спирали, вынуждая меня переживать одни и те же ситуации раз за разом из года в год. А кто я такой, чтобы спорить с жизнью? Ну что ж, начнем. Я набираю нужный текст, а другой я засыпаю на детских качелях в одном из дворов в центре города. В небе расцветают вспышки салютов, люди радуются наступлению нового года, и я тоже радуюсь чему-то, улыбаясь сквозь сон блаженной

улыбкой идиота.

Не-интерлюдия седьмая. Истории с той стороны век

*Не бойтесь, я всегда буду присматривать за
вашими снами.*

Скиталец

...Я просыпаюсь в церкви, на коленях перед статуей Иисуса, сразу – в какой-то жалкой минуте от знакомства с тем, что мне готов предложить Моссберг; еще совсем немного, и вывалю свои мысли Христу на алтарь, вместе со всей остальной начинкой, конечно же. В голове слышится смутно знакомая фраза “Я покажу тебе, что такое отчаяние”, но я никак не могу вспомнить, где же я ее слышал. Вдруг церковь превращается в какую-то огромную красную спираль, и пол под ногами уезжает вниз, унося меня в жерло огромной мясорубки.

Мимо пролетают разноцветные шары, то и дело ударяясь друг о друга. Все это выглядит так, будто кто-то играет в бильярд на полотне художника-экспрессиониста.

Я просыпаюсь на кладбище у разрытой могилы, а рядом со мной лежит чье-то мертвое искалеченное тело. Судя по тому, что у меня руки по локоть в крови, а в теле торчит

топор – я имею к трупу непосредственное отношение. Хотя все можно объяснить и по-другому, но в случае чего меня не особо будут спрашивать. В таких случаях копам все сразу становится ясно, да и я сам-то не уверен, что не убивал вот этого человека. Бросаю взгляд на надгробие – на мраморе выгравировано мое имя. Да и фамилия тоже моя, чего уж там. Фотография все окончательно доказывает – здесь покоился именно я. Видимо, до тех пор, пока не выбрался наружу. Где-то вдалеке уже слышна сирена, и я начинаю медленно вставать. Слишком медленно, и вот они уже стучатся в мою дверь. Я выхожу из душа, выпиваю, и быстрым шагом подхожу к скользящей стеклянной двери на балкон. Дверь отъезжает вправо. Они выломали входную дверь, но поздно – ограждение довольно низкое, и я уже лечу где-то между тридцатым этажом и первым. В районе шестого этажа я пролетаю мимо вывески с надписью “Я покажу тебе, что такое отчаяние”. Еще немного – и приземляюсь на фургончик, в котором двое студентов варят метамфетамин. Процесс его изготовления, между прочим, весьма опасен, поэтому заниматься им стоит в местах, где на вашу самодельную лабораторию не рухнет с высоты ста метров какой-то чувак в халате. Я, к сожалению, не успеваю рассказать парням об этом простом правиле, потому что фургончик взлетает на воздух.

Перед очередным пробуждением я еще успеваю порадоваться, что это был всего лишь сон.

Я просыпаюсь и сразу же вываливаю содержимое желуд-

ка наружу – хорошо хоть не на себя, а на пол. Впрочем, пол здесь такой, что мне не слишком-то стыдно за свой поступок. Мимо проходит человек в халате и говорит “Это всего лишь организм работает”. Я в меру своих сил киваю. Вытираю рвоту со рта и пытаюсь подняться – интересно, почему я никогда не просыпаюсь стоя, и всегда нужно именно лежать или стоять на коленях или еще что-то в этом духе? Боже, как же я ненавижу вставать. Поднявшись, я оглядываюсь по сторонам, и оказывается, что я лежал на театральной сцене. В зале сидят зрители и неистово смыкают ладони с ужасным звуком, похожим на крики птиц. Все зрители при ближайшем рассмотрении оказываются какими-то насекомыми-переростками, похожими на кузнечиков, только черных. Их жуткие фасеточные глаза смотрят заинтересованно... И с ожиданием. Меня снова тошнит, но я себя сдерживаю и не повторяю это зрелище на бис, вместо этого засовываю руку в карман джинсов и нахожу там небольшой револьвер. Довольный своей находкой, я спешно покидаю сцену, выхожу из здания и оказываюсь в какой-то подворотне. Рядом с мусорными баками стоит кучка парней панковско-го вида. Они играют на старых и раздолбанных инструментах “Ain’t no rest for the wicked”, кажется, но при виде меня музыка умолкает, и один из них подходит ко мне со странным вопросом – ему нужен героин. Я говорю, что я не барыга и еще успеваю подумать, что в рождественских историях не должно быть никаких наркотиков, трупов и пистолетов,

прежде чем он со словами “я покажу тебе, что такое отчаяние” достает из моего кармана ствол, и уже через секунду фрагменты моего черепа украшают сперва вечернее небо, а затем – кирпичную стену за моей спиной.

Это солнце или лопающиеся сосуды глаз? Это смерть или очередное пробуждение?

Я просыпаюсь от того, что мне в глаза действительно бьет солнце. В воздухе стоит запах наступающей весны, но для меня весна всегда пахнет смертью. Я слышу пение птиц и ощущаю под ногами приятное покалывание стриженного газона. Это был бы прекрасный день, если бы меня не вели на казнь. Впрочем, для кого-то этот день все равно прекрасен – вокруг собралась огромная толпа народу. Неужели это все для меня? Я даже на секунду чувствую себя польщенным. Меня подводят к гильотине, ставят на колени и фиксируют голову между держателями. Затем начинают зачитывать список моих преступлений, в числе которых хватает “преступлений против бога и человека”. Палач наклоняется ко мне, и его длинные седые волосы подметают грязную брусчатку площади, пока он трясется от смеха и выдавливает из себя “Я покажу тебе, что такое отчаяние”. Затем я слышу свист, и моя голова перестает быть частью тела. Хотя скорее наоборот – мое туловище перестает быть частью меня, потому что я все еще вижу и слышу. Голову поднимают за волосы и демонстрируют толпе, которая отвечает на это ликующим воплем.

Честное слово, я не хотел рассказывать такие вещи.

Я просыпаюсь на бегу. Куда я бегу и зачем, пока не очень понятно, но в руке у меня лежит что-то теплое и влажное. Я бросаю взгляд на этот предмет и с трудом сдерживаю рвотный позыв – моя рука сжимает мое собственное сердце, неистово колотящее по пальцам и кровоточащее из десятков отверстий. Я пытаюсь запихнуть его обратно в грудь, но там пусто – орган просто не к чему прикрепить, так что я продолжаю бежать, как дурак, с сердцем в руке, и думаю, куда его можно деть – лишь бы не видеть и не чувствовать. Не знаю, почему мне не приходит в голову просто выкинуть его куда-нибудь, швырнуть вбок, назад, вверх – куда угодно. Но такая мысль еще не родилась, и поэтому я продолжаю бежать, пока не замечаю вдалеке женский силуэт. Я останавливаюсь и несколько секунд пялюсь, затем снимаю с головы шапку, заворачиваю сердце в нее и быстрым шагом подхожу к девушке, отдаю ей шапку и сразу же снова перехожу на бег – лишь бы не видеть ее лица, когда она заметит, что внутри. Я бегу еще какое-то время, и на асфальте под моими ногами вместе со мной бежит красный текст, гласящий “Я покажу тебе, что такое отчаяние”. Вдруг я пропускаю шаг и падаю на землю, ощущая при этом что-то ужасное, во что не хочу поверить. Я чувствую, как где-то позади в сердце вонзаются тысячи игл, каждая из которых пророчит мне скорую смерть. И ни одна из них не ошибается.

Как долго это может продолжаться? А как долго мож-

но продолжать выдумывать глупые истории только для того, чтобы... Я не успеваю закончить эту мысль, и все начинается сначала.

Я просыпаюсь лишь затем, чтобы сразу же шесть раз получить по лицу. Стул, к которому я привязан, шатается, но ему удается устоять и вернуться в изначальное положение. Надо мной нависает огромный лысый тип и требует пароль от сейфа. Сейф тут действительно есть, но я не знаю, знаю ли я к нему пароль. Не помню уж точно. Напарник лысого держит нож у горла моей жены – тоже привязанной к стулу – и скалится прямо мне в лицо. У них обоих одинаковые тату на шеях: нож, перерезающий нить, поверх римских двоек. Тут я замечаю, что мы вообще-то находимся на борту яхты – судя по тому, как эти двое обсуждают, за сколько ее можно продать, моей яхты. Еще немного избиений, но я действительно не помню пароль от сейфа. Тогда лысый произносит вот что: “Я покажу тебе, что такое отчаяние”, и его напарник принимается развязывать мою жену. От догадки, для чего он это делает, меня заполняет такая ненависть, что я едва успеваю поймать мысль о том, как выбраться из этого кошмара. Дождавшись, пока лысый ублюдок тоже приблизится к “моей жене”, я напрягаю все свои силы и отклоняю стул назад – туда, где низкий бортик, а за ним только море. Секундное раскачивание ножек стула – и я оказываюсь в воде, затем – под водой. Захлебываясь и задыхаясь, я еще успеваю подумывать, что было бы здорово, если бы это был последний виток

кошмара.

Наверное, это все слишком. Но я не вижу черты, которую нельзя переходить. А может просто ничего не понимаю.

Я просыпаюсь в церкви, на коленях перед статуей Иисуса, сразу – в какой-то жалкой минуте от знакомства с тем, что мне готов предложить Моссберг; еще совсем немного, и вывалю свои мысли Христу на алтарь, вместе со всей остальной начинкой, конечно же. В голове слышится смутно знакомая фраза “Я покажу тебе, что такое отчаяние”, но я никак не могу вспомнить, где же я ее слышал. Вдруг церковь превращается в какую-то огромную красную спираль, и пол под ногами уезжает вниз, унося меня в жерло огромной мясорубки...

Не-глава восьмая

Одна из фундаментальных проблем существования, краеугольный камень большинства проблем в жизни большинства людей – невозможность сформулировать что-либо; разница между, с одной стороны, количеством и качеством способов восприятия, анализа и реакции на что угодно, и, с другой стороны, невозможностью определения объективного максимума точек для восприятия, анализа и реакции этого чего угодно.

Inner University Dialogues Anthology

– Наверное, каждая следующая часть...

– Все меньше напоминает историю?

– Да. И все больше походит на монолог мима-безумца, что с голосами в своей голове спорит...

– И пытается сквозь немоту докричаться до аудитории!

– ...Но тонет в омуте своих нелепых мыслеконструкций.

– Но все же!

– Или, может быть, так...

– Художник стоит с холстом под дождем, как дурак.

– И молит бога о проблеске солнца.

– Но в ответ – лишь стук капель о старый мольберт.

– И что ему делать теперь, откуда ждать знак? Как дальше судьба полотна – и его самого – обернется?

– Барьер. Эндшпиль.

– Пуст конверт, натянут последний нерв!

– В земле выжидающе копошится червь...

– Бог – молитвы, а дьявол душу отверг.

– Револьвер, вспышка, грохот... Свет померк.

– Смерть.

– И падение тела на холодную, равнодушную, но принимающую каждого будто с затаенной и злорадствующей торопливостью земную твердь.

Как ни странно, все еще была ночь. И если Питеру она казалась растянувшейся на несколько дней, то для меня она длится уже почти два месяца. Кажется, все начиналось с того, что наступало Рождество, но с тех пор все приняло настолько глупый, запутанный и фантастический оборот, что образ Христа просто мерк на подобном фоне. Но сейчас градус безумия спадал, и сюжет становился чуть спокойнее, затихая перед кульминацией, эндшпилем, развязкой.

Я сижу на скамейке в парке и дрожу под февральским ветром, замерзшими пальцами листая заметки Питера. Он придумал далеко не самую плохую историю. Занятное вышло приключение. Сам он стоял в метрах пяти от меня, находясь в той точке сюжета, в которой, судя по заметкам, хотел бы остаться навсегда. Жаль, что так не получится, но мне было очень сложно взять и разрушить ту картину, что я видел сейчас.

Питер и Мэри-Кейт стоят на небольшом мостике, кутаясь в объятия. Они выглядят чуть нелепо в этой странной приключенческой одежде, ее волосы ветер разметал по двум парам плеч, и одна из его рук неловко пытается их удержать, а вторая – держит ее талию так, будто Питер боится, что кто-то вырвет Мэри-Кейт из его рук. Она обхватила его шею рука-

ми и осторожно касается затылка в том месте, куда несколько часов назад пришелся удар гардой. Питер, зажмурившись, счастливо улыбается куда-то в шею Мэри-Кейт. Ее лица я не вижу и, если честно, не могу представить, что оно выражает. Если бы я наблюдал не стоп-кадр, а живую картинку, то слышал бы, как шумит ветер и как Питер что-то шепчет Мэри-Кейт; видел бы, как развеваются ее волосы, как две пары рук снуют по спинам, шеям и лицам, как медленно падает снег, пробивающийся в субтропики из того места и времени, которому этот кадр принадлежит. Из места и времени, где и когда все началось, из того момента, что стал искрой для рождения их мира, из той жизни, что не была придумана, но, как и все реальное, в какой-то миг пошла не туда, куда должна была, и в итоге вылилась в череду кошмарных событий, произошедших то ли на самом деле, то ли во сне, или в альтернативном мире, или в чем-то воображении, и приведших нас всех к той точке, в которой из снега и чернил возник человек без памяти и с последним шансом на спасение, затем – сквозь поезда, улицы, подворотни, кафе, переулки, моря, дворцы, башни и сады – сюда, в ту точку, что я и сам бы хотел сделать последней. Но проблема в том, что Питер живет в сказке, за чертой вымысла, а я живу по другую ее сторону – мрачную, равнодушную и напрочь лишенную счастливых финалов. И, как бы я ни хотел, я не могу помянуться с ним местами. Я не могу шагнуть в свою историю. Я остаюсь прозябать здесь, и, как больно морлоку смотреть

на свет, так и мне невыносимо наблюдать за счастьем того, чья судьба находится в моих руках. Если я буду несчастен, то пусть будет несчастен и он. Питер уже успел рассказать Мэри-Кейт всю историю, но они сами пока не знают, чем все закончится. А я сразу предупредил, что же произойдет в конце, и теперь настало время сдержать слово. Я встал со скамейки, подошел к ним и вновь запустил время.

– Я же говорил, что ни за что не отпущу тебя.

Питер еще успел сказать это и ближе прижать девушку к себе, прежде чем я коснулся ее плеча. Как только я это сделал, она превратилась в лед, а через секунду – разлетелась на миллиард осколков, что растаяли, даже не успев долететь до земли.

Первые две минуты, идя прочь от места, где все вновь погибло, я еще слышал его вопли. Затем какое-то время было тихо. Я остановился, закурил и в ожидании уставился на предрассветное небо. Вдруг тишину нарушил громкий хлопок, похожий на звук выстрела, и только после этого тишина воцарилась уже настоящая. Мертвая тишина, я бы сказал.

В этой гробовой тишине и наступил финал этой истории.

Евангелие от лукавого, II. Реституция и сбой систем

Плывут рядом две молодые рыбы и встречаются старую рыбу, плывущую навстречу. Она кивает им

и говорит: “Доброе утро, ребята, как вода?” Две молодые рыбы плывут дальше, а потом одна из них смотрит на другую и спрашивает: “Что такое вода, черт подери?”
Дэвид Фостер Уоллес, “Это Вода”

– “Нет, не конец! – раздался голос благородного рыцаря в черных доспехах. Рыцарь направил меч на злодея и потребовал вернуть все как было”. И знаешь, что сделал злодей?

Псих в безрукавке с козлом действительно направил на меня неизвестно откуда взявшийся у него меч. Просмотр семичасового кошмара оставил меня опустошенным, так что я был даже не в силах помотать головой. Седого это не смутило, и он продолжил, так и не дождавшись ответа.

– Злодей отказался – настолько он был упрямым и самоуверенным придурком. Тогда рыцарь проткнул его мечом и сам все исправил. Как тебе развязка? Круто ведь? Так-с или не так-с?

Я все еще не горел желанием говорить с ним.

– И что же он исправил? О, буквально все ошибки горе-автора. Мэри-Кейт восстановилась из осколков, пуля выползла из головы Питера и заползла обратно в дуло пистолета, наша дорогая пара героев окончательно вспомнила все свои прошлые жизни, вернулась в ту, что была первой и роковой, и там прожила долгую и счастливую жизнь вместе. Все вышестоящие вселенские инстанции были уничтожены, как и...

Впрочем, это тебе знать необязательно. Достаточно того, что я сделал тех двоих счастливыми – чего ты сделать не смог, смалодушничав в самом конце. Ну и кто после этого дьявол?! Да я же герой дня!

– Ты ничего не понял, дурак. И ничего ты не изменил.

– Это еще как? Ты что же, обидеть меня хочешь – человека, который тебе живот мечом чешет?

– Ты просто во всем запутался. Вот скажи, кто я, по-твоему, такой?

– Болван, с которым мне приходилось какое-то время делить власть над одним миром. Извини, имени не знаю.

– Нет. Тот, о ком ты говоришь, сейчас, насколько мне известно, сидит в подвале и пишет книгу. А еще вчера вечером – когда он спал – он же сидел в кресле у себя дома и смотрел на огоньки на окне, а сегодня ночью ты вколол ему яд, и он, как ты полагаешь, “умер”, вернувшись в “свой родной мир”. А самое забавное, что ты не сможешь найти его. Ты никого не можешь найти.

– Ты и есть он.

– Нет, я – это я. А вот кто ты такой? Где твой родной мир? Ты не знаешь. А я знаю, потому что ты – плод моего воображения, идиот.

Парень задумчиво подергал цепь от моих кандалов, и она сильнее сдавила мне горло.

– Многие плоды такое могут делать с породившим их воображением?

– Если ты и можешь сделать мне больно, то лишь потому, что я сам этого хочу. Ты – воплощение моей тяги к саморазрушению и мазохизму, персонифицированное самоедство и ненависть к себе. И ничего более. Скажи-ка, почему Питер пару сотен лет назад исчез в одном месте, а появился совсем в другом? И почему ты после этого не мог вырваться за пределы мира, почему тебя было невозможно убить?

Седой молчал.

– А знаешь, что еще забавнее?

Он выглядел сбитым с толку. Наблюдать это создание в растерянности было ну очень потешно, но я сдержал смех и продолжил объяснение.

– Забавнее то, что и меня не существует. Если Питер написал историю для себя с Мэри-Кейт, то кто ввел в историю самого Питера? А кто придумал тебя и того парня с ноутом? А кто придумал “архитектора вселенной”, которого ты тоже якобы убил сегодня ночью, хотя Архитектор – это совсем другая личность из совсем другого мира? А меня кто придумал? Кто придумал того, кто придумал меня? И кто придумал того, кто придумал того, кто придумал меня? Уж не Питер ли писал о нем, вкладывая в этого человека свой образ? И кого из них ты собираешься убить этим мечом, благородный болван? И что же тогда случится с тобой самим?

Теперь он просто ничего не понимал – это было видно по глазам, уже не пустым и парализованным, а мечущимся в панике из стороны в сторону.

– Ты хочешь растоптать звезды, топая ногой по их отражению в луже. Ты не понимаешь устройства мироздания – даже если ты уничтожишь всю вселенную, кроме одного мира, в настоящей вселенной ничего не изменится, и ты сейчас даже не можешь уловить смысл слова “настоящая”. Ты пытаешься ранить вечно пожирающего себя змея. Ты не понимаешь природу времени – а собираешься метафорически провозгласить манифест человечества. Того, кто пытается ранить историю, изменить ее, уничтожить – она включает в себя, как любая вещь, которую нельзя уничтожить, не коснувшись ее, и нельзя коснуться, не став ее частью. Когда что-то переосмысливается, цитируется и меняется достаточно раз, чтобы иметь почти любое значение при взгляде под разными углами, рамки существования в пространстве-времени для этого чего-то существенно расширяются, пока оно не доходит до абсолюта, истока, частицы бога, апофеоза всего и вся, и взрывается, а затем возрождается из пепла. Ты мыслишь сильно позже меня и желаешь потягаться со мной знанием и пониманием. Я – будущее, ты для меня уже давно ушел со сцены истории, и мне приходится вспоминать, зачем ты на ней находился и что изображал. И я как раз вспомнил, что тебя погубит: вера в свое новое знание; однако единственный ответ, который не нашелся для твоих вопросов, станет новым витком времени, и все случится вновь, но уже несколько иначе. Ты можешь спастись, только убив Питера, но ты не сможешь. Я видел, как все будет. А ты – ты ничего видеть

давно не можешь, ведь однажды это я увидел, как ты ушел по канату на ту сторону, которая мне не видна, а твое настоящее “я” бесконечно мучается в темноте, лишенное огонька надежды и разрываемое на куски чудовищами. Но когда ты умрешь – ты не вернешься к нему в эту темноту, как не вернется к нему и тот, кто сосчитал телом сотню ножей. Угадай, куда ты теперь должен вернуться? А кто вернется в ту темноту вместо тебя, если ты осуществишь свой план? Для меня “смерть” сейчас окажется лишь пробуждением от ночного кошмара, но ты... Тебя ждет много худшая участь.

* * *

– Так. Наверное, чтобы разобраться в том, что произошло, нужна полная перезагрузка. Что у него там?

– Сознание отвалилось. Модель зависла. Сейчас откачивают, готовимся загружать контрольный узел, как только его приведут в норму.

– Окей. Можно пока подумать над этим фрагментом. В какой-то момент я снова перестал понимать, даже в этот раз. Не понимаю, в чем дело, как так получается.

– Оно немного изменяется, каждый раз. Без понятия, как он этого добился, но это факт.

– Ладно. Где-то здесь была нить, разве нет? Ну же, давай

поищем ее. Смотри внимательнее. На чем все оборвалось?

– Питер стреляется, автор уходит прочь.

– Что потом случилось? Ну, мы вернулись в подвал, к дьяволу и драматургу. И пошел какой-то бред.

– Про собаку не забывай.

– Да-да, собака и девочка. И таблетки эти, что они там значат? Что это такое?

– Какой-то наркотик, я так понимаю.

– А при чем собака?

– Ты как будто первый раз. Пес должен появиться в нужный момент, это дальше будет. Забудем пока про него.

– Ладно. И что этот наркотик делает? Какой эффект?

– Ну, если шкатулка – снов, то таблетки, наверное, погружают в сон.

– То есть, он просто перенес эффект от прототипа, который ему дали перед захватом, в модель. Почему тогда бог и странник умерли, когда им это вкололи? Почему Питер до сих пор был жив? Нет, тут что-то не то. А помнишь, странник что-то сказал о людях, мол, они какие-то не такие? Вот что он имел в виду?

– В этом фрагменте люди становятся... Да ну тебя, посмотри в пособии, там это есть. Глава сорок вторая, пункт не помню.

– О, кажется, его вытащили.

– Кто бы сомневался. Знаешь, я уже начинаю мечтать, чтобы он все же откинулся.

– Да ну тебя нахер. Представь, что будет, если нужный фрагмент найдем мы?

– Ладно-ладно. Я слышал, что заявила проверка от руководства, и босс там сейчас потеет с избранными материалами. Надеюсь, они не заметят этот маленький сбой. В любом случае, нам нужно начинать загружать контрольный, питание пошло. Давай, стартуем.

– Так-с, где эта кнопка? Сто лет не пользовался. А, вот.

– Ну, поехали.

Моя безликая ловушка в пустоте

Иногда нам говорят не бояться чего-то, потому что это случается очень редко, слишком редко, чтобы даже думать об этом. Как риск быть ударенным молнией. Именно поэтому поначалу не верится, когда начинаешь задумываться о своем месте в мире. Ты не можешь понять, все ли чувствуют тот же самый ужас и отчужденность, бессилие и боль, или только ты? Безымянное нечто, разъедающее душу и лишаящее разума. Неужели все просто скрывают это, так легко, и только твоя жизнь рушится, пока ты пытаешься с этим справиться? Постепенно ты начинаешь понимать, что ты попал в несчастливое меньшинство. И чем дальше, тем сильнее тебе кажется, что этот кошмар наяву, который все называют жизнью, видишь один лишь ты. Начинает казаться, что никто и никогда не поймет тебя и не поможет, что ты существуешь по ошибке, и увидь другие

люди мир твоими глазами, они бы сказали, что это бред, что это невозможно. Они бы спросили, почему ты не просил о помощи. А ты просто не был уверен, с тобой ли что-то не так, или это и есть норма. Именно эта неспособность понять и сожрет тебя, превратив в пустую оболочку, под которой плещется чистое безумие.

Автор не указан

Не находясь “здесь”, нельзя понять, что “это” такое, нельзя даже сказать, что “это” – место, внутри человека или во внешнем мире, или вне его, или какое-то конкретное состояние психики, или доступная для понимания, осмысления и анализа проблема, комплекс ощущений, восприятие или свойство, часть чего-то или нечто целое, причина или следствие, происходит “оно” только в текущий момент или же было и будет с тобой всегда; никак точно не определить общую для всех случаев “симптоматику” и течение “болезни”, не сравнить с чем-то, не зафиксировать, не выпросить и не выпытать, не представить себе реальную глубину чьего-то субъективного ощущения “этого”, не описать, не уловить, ведь самое жуткое здесь – абсолютное, тотальное и непроницаемое одиночество заключения там, куда по определению никому больше не попасть, не понять, не поверить, потому что никто не может проникнуть в чужую голову и пережить тот же субъективный опыт, так что одиночество внутри никогда не закончится, пока твой разум заперт в этой ловуш-

ке, и можно сколько угодно кричать, менять все вокруг себя, сопротивляться, искать помощи, пробовать что угодно – но до тех пор, пока мозг работает естественным образом, не стимулируемый искусственно химией извне – которая рано или поздно перестанет действовать – до тех пор и будет продолжаться “оно”, пеленая каждый мозговой импульс в апатию, бесконечные слои рекурсивной мучительной рефлексии, страх, злость, бессилие, отвращение, испытываемое к каждому атому всего вокруг, отчуждении от себя и от мира, болезненной бесчувственности, оглушенности и слепоты; вплоть до момента, когда любое твоё дальнейшее действие, слово или мысль кажутся мучительными, прожитыми миллион раз, тупиковыми и несовместимыми с человеческим уровнем предельных ощущений, несовместимыми с сохранением рассудка и связи с реальностью в том виде, когда ещё можно сказать, что это остатки чьей-то личности, а не замкнутая абстрактная агония, раз за разом переживающая все более невообразимый опыт безумия; а потом и дальше, открывая все новые пределы невозможного ужаса проникновения во все и проникновения всего в тебя, и внутрь, и наружу, ощущая каждую мельчайшую частицу всего существующего – и отдельно, и в целом – враждебной и невозможно чуждой, отталкивающей, причиняющей что-то настолько далекое за гранью психической боли, что нет смысла описывать невозможность описания его степени неопишуемости, являющей собой лишь одну из бесконечного числа граней “это-

го”, неопостижимого и необъяснимого, иногда ослабевающего – лишь чтобы, дать краткую надежду на спасение, веру, что “оно” ушло, за которую ненавидишь себя, потому что знаешь, что “оно” вернется, потому что так уже было, и “оно” вновь возвращается, чтобы и дальше жечь мозг огнем, который может погасить только смерть этого мозга, чтобы и дальше разлагать личность и психику заживо, пока от них не останется пустая оболочка, чтобы и дальше пытаться воображение фрактальной какофонией расщепления реальности на все более неопикуемые системы, не расщепляться вместе с которыми нельзя, чтобы и дальше забирать все больше человеческого у человека, делая все для него недостижимым и его – недостижимым для всего кроме замкнутого умножения изолированных энтропийных систем отторжения от порядка и нормы, пока “оно” не прервется, временно – потерей сознания, комой, внешним воздействием на нейрохимический баланс и другие характеристики мозга, или окончательной смертью – так или иначе, чем-то извне этой извращенной, порочной и жуткой пародии на восприятие мира, которую невозможно покинуть изнутри и по собственной воле.

Глава первая

Just tell me, tell me how to keep this – and I'll be alright

Just tell me, tell me what's the secret – and I'll hold

it tight
Nothing More – If I Were

Грифоны – величественные животные. Их даже немного стыдно называть животными или птицами, так что лучше назову их “существами”. Конкретно этот был просто огромен, белоснежно-рыж (белым он был в той части, которая досталась от орла, а рыжим – в львином отсеке) и весьма своенравен – Питеру было довольно сложно удержаться на его спине, ведь существо то и дело встряхивалось в полете, словно его раздражали два прицепившихся к нему человека, и он был не прочь сбросить их. Питер даже боялся представить, как Мэри-Кейт умудрилась в первый раз оседлать его – да что там оседлать или поднять в небо – хотя бы подойти на расстояние удара клювом или лапой! Впрочем, когда он смотрел назад, она создавала впечатление беспечного пассажира – хоть и обхватив его спину руками, она все же поворачивалась, оглядываясь по сторонам, вверх и вниз, подставляя лицо порывам ветра, несущего с моря свежесть и прохладу.

Они летели довольно долго, наслаждаясь свободой, которой человек был от рождения лишен. Вдруг Питер подумал, что с легкостью мог бы сделать так, чтобы люди умели летать, но чем дольше тянулось их приключение, тем меньше ему хотелось использовать магию. Ему уже даже казалось, что если все закончится хорошо, то он не будет с помощью магии даже посуду мыть, не говоря уже о каких-то неверо-

ятных вселенских чудесах.

Наконец им надоело перекрикивать ветер, и Питер натянул вожжи, направляя грифона вниз. Когда темнота и туман расступились, внизу они увидели огромный парк, что находился в самом сердце Бастиона, далеко от грязного порта, Дворца Капитанов и крепости на утесе, далеко от стражи, придворных колдунов, оскорбленных герцогов и демонов с ледяными клинками. Неужели все худшее уже было позади?

Когда лапы грифона мягко ударили о землю, Питер погладил существо по оперенным голове и шее, всем сердцем надеясь, что оно воспримет это как благодарность и нежность. Какие-то моменты были общими для всех кошачьих, и грифон в ответ довольно заурчал. Питер соскользнул с его спины и, подав Мэри-Кейт руку, помог спуститься и ей. Как только они отошли от грифона на несколько шагов, тот сразу же коротко разбежался и взмыл в небо, и уже через каких-то десять секунд был едва различим в предрассветной темноте. Еще немного постояв, двое двинулись вперед, по узким парковым дорожкам и под сенью странных, но во многом все же похожих на привычные людям, деревьев.

– Знаешь, что самое неприятное во всей этой истории?

Питер, на ходу доставая трубку и кисет, глянул на Мэри-Кейт с любопытством.

– Наверное, знаю. Но ты все равно скажи.

– Меня все никак не покидает ощущение, что я в фильме.

С тех пор, как ты рассказал, что все происходит по написан-

ному тобой сценарию, я не чувствую себя свободной выбирать, потому что я постоянно думаю, что все мои слова, действия – а может даже и мысли – заранее прописаны тобой.

– Думаешь, я планирую каждый поворот сюжета? Все постоянно сходит с нужных рельс, иначе нам бы не встретился тот урод с раздутым лицом, мне не пришлось бы сражаться за тебя с Эльфийскими Усиками, а тебе – приручать эту огромную птицу. Моя история – хаос и анархия. А уж в твою голову я влезать точно не стал бы. Ты-то настоящая.

– Не птицу, а кошку. Ты слышал, как он мурчал?

– Я бы сказал – курлыкал на минималках. Ты его клюв видела?

– Что скажешь насчет хвоста с кисточкой?

– Просто вспомни эти когти.

– Только если ты вспомнишь эти пушистые задние лапки.

– Слушай, если еще раз встретишь такого – пожалуйста, не говори ему “кис-кис”. Пожалуйста.

– Хорошо, только и ты в случае чего не пытайся подкормить их батоном.

– Вот и славно. Договорились.

Питер вдруг резко остановился и сел на газон по правую сторону от парковой дорожки, посмотрел на Мэри-Кейт снизу вверх и, взяв ее руку, потянул девушку вниз. Мэри-Кейт секунду критически разглядывала газон, а затем улыбнулась и приземлилась на вытянутые ноги Питера. Немного понаблюдав за его страдальческими гримасами, она о чем-то за-

думалась, пытаюсь вспомнить... Ах да, шкатулка. У нее до этого самого момента не было случая рассказать Питеру о том, что она обнаружила под ее крышкой.

Она не смотрел на Питера буквально несколько секунд и, когда перевела на него взгляд, замерла от испуга. Его лицо было пустым, не выражающим ровным счетом ничего, глаза были затянuty пеленой, а ко рту тянулась рука, в пальцах которой была зажата...

Мэри-Кейт ударила Питера по руке, и маленькая лиловая таблетка упала на траву в нескольких метрах от них. Питер продолжал смотреть в никуда с приоткрытым ртом, пока Мэри-Кейт не ударила его пару раз теперь уже по щекам – весьма ощутимо, нужно сказать. Только тогда он пришел в себя и удивленно уставился на девушку.

– Чего это ты?

– Скажи, что происходило в последние десять секунд.

– Ну... Я держал тебя за руку, а ты смотрела на деревья и о чем-то думала, а потом...

На лице у него было написано явное усилие. Но усилия, похоже, было недостаточно.

– Потом какой-то туман, а затем – ты зачем-то бьешь меня по лицу. Что случилось? Что я сделал, случайно воздух испортил? Ну извините, та похлебка в тюрьме была...

– Ты пытался убить себя, насколько я понимаю.

– Чтооо?..

Мэри-Кейт поднялась, прошла пару шагов, подняла из

травы таблетку и вернулась к Питеру. Тот смотрел на лиловую мерзость задумчиво, но без какой-либо тени узнавания, и Мэри-Кейт от этого стало немного легче.

– Ты пытался проглотить это.

– А что это такое?

– Не знаю, но точно такие же я нашла там, где ничего хорошего быть не может.

Она достала из кармана плаща шкатулку – и как только эта штука не выпала, не потерялась за все это время?

– Помнишь, что было написано на табличке?

– Ну да, что-то про сны, запрет использования людьми и... Еще было указано, что где-то есть другая такая. Ты открывала ее?

– Да, на корабле. Смотри.

Мэри-Кейт осторожно подняла крышку шкатулки. Внутри, как и в прошлый раз, лежали пять таблеток – точно таких же, как та, что Мэри-Кейт только что показала Питеру. Тот взял шкатулку, покрутил ее в руках, затем высыпал все таблетки на ладонь и молча сжег их прямо в руке. Сгорая, они превращались в алый едкий дым, который, впрочем, почти сразу унес порыв ночного ветра. Мэри-Кейт достала из небольших ножен на поясе кинжал, который ей до сих пор еще ни разу не пригодился.

– Как думаешь, может все остальные вещи из той лавки тоже стоит уничтожить?

Питер задумчиво покачал головой.

– Не думаю. За все остальное я заплатил, а эту штуку он дал тебе просто так. Как это я забыл, что нельзя доверять подаркам незнакомцев и проходимцев, какими бы приятными и забавными эти типы не казались?

– Ты что-то понял насчет этих таблеток?

– Да, я вспомнил, что уже принимал их два раза. И оба раза я этого даже не замечал.

– То есть они все же не смертельные? Или изначально в шкатулке должно было быть что-то другое, или ты не человек.

– И то, и то, скорее всего. Мы с тобой явно не совсем люди, а таблетки в шкатулку, как мне кажется, подложил один наш знакомый с надкопчиковым наследием обезьян.

– А я-то уже было подумала, что все плохое закончилось. И как узнать, что эта дрянь с тобой сделала?

– Никак – разве что спросить у него самого. Думаю, рано или поздно он нас снова найдет. Или мы найдем его – если не будем играть в его игру.

– Не хочу играть ни в какие игры. Пускай уже эта ночь кончится.

– Ты все же устала от приключений?

– Да, местами было весело, но мне от всего этого нужно немного отдохнуть. Боюсь представить, что мне приснится.

– Извини, но над временем я сейчас не властен. И отдохнуть мы сможем только тогда, когда подойдет к концу очередь из потусторонних существ, которым что-то от нас нуж-

но, когда я останусь в этом мире единственным, кто может управлять временем, пространством и материей.

– И как ты собираешься разобраться с остальными?

– Один из них убил других двоих, так что нужно только найти способ вышвырнуть его туда, откуда он пришел. Убить я его вряд ли смогу.

– А откуда он пришел? И кто это? Откуда ты знаешь, кто из них кого убил? И как вы с ним познакомились? И... Короче, расскажи все с самого начала. Ты обещал, что расскажешь.

– Уверена? Эта история может тебя неприятно удивить.

– Давай. Я, кажется, готова уже к чему угодно.

Мэри-Кейт устроилась на траве поудобнее, положив голову Питеру на ноги. Тот немного помолчал, набираясь решимости и тщательно подбирая слова, а затем начал свой рассказ.

– Сначала все было довольно просто: во всей вселенной существовал один мир, власть над которым была поделена между двумя существами, которых можно было бы условно назвать дьяволом и богом. В мире жили люди, и их главным занятием был поиск ответов на вопросы, которые они сами себе постоянно задавали. В принципе, все самое интересное случалось именно благодаря людям. Они были движущей силой сюжета, дьявол впутывал их в различные неприятные истории, а бог помогал из этих историй выбраться. Когда люди умирали, они просто исчезали навсегда, потому что никаких

ада и рая не существовало, а жизнь человеку была дана одна. Но высшей инстанции такая концепция мироздания казалась скучной, и они все переделали: старых бога и дьявола отправили на пенсию, миров теперь было так много, что сосчитать их не представлялось возможным, и люди жили сразу в трех одновременно: в одном они проводили большую часть своей жизни и были всего лишь людьми, а в двух других появлялись только тогда, когда не были в сознании. В одном из этих двух миров жила лучшая часть человека, и там он был богом для населявших мир людей. В другом жила его худшая часть, и там он играл роль дьявола. Каждый человек в каждом из миров был всемогущим существом где-то еще, и все были примерно равны друг перед другом. Когда человек умирал, его душа перерождалась в другом месте, а вместе с ней переходила и власть над определенным миром. Таким образом, человек становился практически бессмертен и вечно всемогущ – единственной преградой для полной идиллии был сам факт смерти и рождения заново, без памяти о том, что происходило в его прошлой жизни. Но лучше, казалось, уже нельзя, и в таком виде вселенная просуществовала долгие тысячи лет. Пока не возникла аномалия. Все началось с одного непримечательного паренька, который влюбился в одну примечательную девушку. Но, к несчастью, он был скверным и недостойным ее человеком, и любовь его осталась безответной. Эти неразделенные чувства все больше и больше занимали его мысли, пока та девушка не оста-

лась единственным, что ему было нужно в жизни. Испробовав все способы избавиться от безнадежного чувства, человек впал в полное отчаяние и решил, что из этой ситуации есть только один выход. К лучшему или же нет, его попытка провалилась, и прежде, чем он попытался еще раз, к нему явился дьявол, заправлявший в этом мире. Накануне он заключил с богом пари, предмет которого к истории отношения не имеет. Пари он выиграл, и в награду получил возможность заключить сделку с любым из людей – без малейшего вмешательства и препон со стороны бога. Дьявол пообещал человеку, что его возлюбленная ответит ему взаимностью, а в уплату за это попросил... Нет, не душу. Он попросил человека отдать ему свою вечность. Если бы человек тогда знал, что это на самом деле значит, и какие у этого будут последствия, он никогда бы не согласился на это, но тогда он не понимал, что потерять свое бессмертие и отдать право на него кому-то еще – это далеко не одно и то же. Все его мысли были лишь о той, с кем он хотел провести жизнь – эту жизнь, а не какую-то еще; прямо здесь и сейчас быть с ней вместе – вот все, чего он хотел, а на остальное ему было наплевать. И он согласился. Но дьявол оказался хитрее: как только человек признался девушке в своих чувствах, она действительно ответила ему взаимностью, но в следующую же секунду умерла – ее сердце просто перестало биться, и жизнь в один миг, с последних выдохом, покинула ее тело. Тогда человек испытал спектр настолько сильных и невыра-

зимых чувств, что это вызвало пространственно-временную аномалию, итогом которой стало его собственное полное исчезновение из вселенной. А уже это, в свою очередь, повлияло на два мира, которые принадлежали лично ему, что повлияло на миры, которые принадлежали людям, обитавшим в тех двух мирах, которые... Ну ты поняла. Это было первое и очень мощное потрясения для системы мироздания, до этого самого дня не вызывавшей никакой критики ни у кого из высшего руководства. Я не знаю, какие именно процессы происходили во вселенной, а если бы и знал, то вряд ли смог бы полностью осознать, но все закончилось в тот момент, когда человека вернули из небытия. Сама катастрофа случилась именно из-за того, что он потерял свою вечность и, погибнув в одном мире, не сумел переродиться в другом. Теперь его существование продлевали искусственно, и бог раз за разом воскрешал его в одном и том же мире, лишая при этом памяти о прошлых жизнях. Чего он хотел добиться? Наверное, того, чтобы человек каким-то образом вернул себе вечность и, умерев, смог покинуть это место, ставшее для него ловушкой. Но чем дальше, тем бог становился слабее. А дьявол, наоборот, подминал под себя все больше власти, ведь он проводил здесь все свое время, как будто ему не нужно было никуда возвращаться. Возможно, человек, которым он был где-то еще, впал в кому или вегетативное состояние, возможно, причина была иной, но со временем дьявол стал намного сильнее своего противника. А проклятый

перерожденец, продавший ему свою вечность, раз за разом проживал одну и ту же историю – в каждой новой жизни он встречал ту девушку, в которую был влюблен, и каждый раз она, ответив на его чувства, почти сразу погибала – каждый раз по-разному, но всегда – вызывая своей смертью возвращение к нему памяти. Бог пытался показать ему, что единственным возможным спасением может стать только преодоление себя, полное посвящение своей жизни ей – но без надежды на взаимность, без ожидания ответа. Но человек всякий раз забывал все – и повторял одни и те же ошибки. И так было тринадцать раз. А в четырнадцатый что-то пошло не так. Человек не родился, а просто возник из ниоткуда, словно нарисованный в пространстве. Он встретил и узнал бога – и тут все началось. История сошла с накатанных рельс: он нашел эту девушку практически сразу, уже мертвой. Но память к нему отчего-то не вернулась, и он не стал уходить вслед за ней; напротив, он сделал невозможное – вернул ее к жизни. А затем он все же вспомнил абсолютно все, и вместе с этим обрел силы, что до этого были подвластны только богу и дьяволу. Ему осталось только понять, зачем же седому выродку была нужна его вечность, и зачем все еще нужен он сам, сорвать этот план и придумать, как все вернуть в первоначальный вид, который он нарушил своей сделкой. И решить, стоит ли вообще что-то делать, потому что прямо сейчас ему кажется, что все идеально.

Монотонный голос Питера смолк, и несколько минут в

парке стояла абсолютная тишина. Питер слушал ее, и ему казалось, что в такой тишине Мэри-Кейт может услышать, как громко у него колотится сердце или как смыкаются веки, так что он сидел с закрытыми глазами и старался особо не дышать, мысленно проклиная себя за эту откровенность. Но он все еще чувствовал ее голову у себя на ногах. Может, она просто уснула где-нибудь на середине рассказа и не слышала самую дурную часть? Питер осторожно открыл глаза и посмотрел вниз.

Мэри-Кейт лежала с открытыми глазами и разглядывала понемногу светлеющее небо. Для человека, который только что узнал, что в ее смерти виноват тот, на чьих ногах лежит ее голова, кого она спасала из тюрьмы, с кем танцевала и кого обнимала, кто за довольно короткое время успел стать ей очень близок, Мэри-Кейт выглядела весьма спокойной. Питер глубоко вздохнул, набираясь решимости задать вопрос, который мучал его последние несколько минут.

– Теперь ты все знаешь. Что ты думаешь об этой истории?

– Я не виню тебя, если ты об этом. Если бы я узнала все сразу, еще там, в том дворе, я бы, наверное, попыталась тебя прикончить. Но я не могу испытывать что-то такое сейчас, потому что я уже знаю тебя, и на самом деле ты не так плох, как кажешься. И намного лучше, чем сам о себе думаешь.

Питер смотрел на Мэри-Кейт пораженно и с недоверием, словно ему казалось, что это розыгрыш или сарказм. Но она приподнялась на руках, обняла его, и Питер, сразу поверив

в ее искренность, обнял Мэри-Кейт в ответ. Ее слова звучали у самого его уха, и каждое из них как будто уже было когда-то сказано, звучало сейчас и должно было быть сказано в будущем.

– Да и вообще, какая разница, что было раньше? Никакого раньше не существует, есть только сейчас, и оно мне нравится. Сейчас мне хорошо и спокойно с тобой, так что просто забудь обо всем плохом, что было. А в твоей истории не хватает только одного.

– Чего?

– Хорошей концовки.

– Какой, в духе “и жили они вечно и счастливо”?

– Так, не перехлестывай. Не забывай, что у меня есть личный грифон.

– Ага, убеждай себя.

– И все же есть в этой истории моменты, которые... Скажи, а кто это высшее руководство, что с такой легкостью перестраивает вселенную на ходу? И зачем они изменили то, что было, на то, что сейчас?

– Кто они? Я не знаю, но до недавнего момента – до того, как я тебя оживил – я как бы ощущал их присутствие рядом, хоть и не понимал, что это.

– А сейчас?

– Сейчас уже нет. Я думаю, это хвостатый урод что-то сделал – над миром как будто появился невидимый купол, который блокирует связь между нашим миром и остальными ми-

рами. А вот зачем эти хозяева изменили свою концепцию... Мне кажется, это для них какой-то эксперимент. Как будто вся вселенная – это только набросок вселенной, макет, и сейчас они смотрят, как все работает, чтобы потом начать с чистого листа. А может, они просто так развлекаются.

– Весело, фиг поспоришь. Я тут еще подумала... А откуда ты знаешь, что я – это та девушка, из-за которой ты заключил договор? Моя личность ведь не зациклена, как твоя, и я после смерти должна переродиться в другом месте, так?

– Ха, я думал, ты сразу об этом спросишь. Отвечу прямо – нет никаких достоверных фактов и стопроцентных доказательств. Но все же – я это знаю, я в этом уверен. Хоть и не могу объяснить.

– Ладно уж, будем считать, что мистических совпадений было достаточно много, чтобы я поверила.

– И еще раз спасибо, что ты... Что ты не... В общем, спасибо. Не представляешь, как мне полегчало.

Мэри-Кейт в ответ улыбнулась, встала на ноги, и пройдя пару шагов, оглянулась назад, приглашая Питера идти за ней. Тот немного повалился в траве, собирая майкой с нее всю росу, а затем тоже поднялся и пошел за Мэри-Кейт по очередной парковой дорожке – к мосту через небольшую речку...



Я бежал – со всех ног, лап, летел и перепрыгивал кочки и пни, камни и трупы. Только бы успеть, только бы не опоздать!

С того момента, как за мной закрылись врата, а впереди вновь зажегся свет, я не останавливался ни на секунду, стараясь успеть предотвратить то, что уже происходило и произойдет вновь – если я не вмешаюсь. В аду я увидел то, что превратило меня в почти человека, но этого все еще было недостаточно. Я не мог рассказать им, что задумал дьявол, а если они не будут знать заранее, то обязательно попадутся в эту ловушку. И он сам тоже попадетсЯ – в свою же западню. Потому что со стороны это будет выглядеть так, словно все совпало случайно.

Теперь меня станет много. Куда ни плюнь – везде один только я...

Евангелие от лукавого, III. Рагнаррок

В конечном итоге для человека все сводится вовсе не к выбору между способами изменения мира и различными пониманиями правды и справедливости. Выбор человека лишь в том, как он проживет свою собственную жизнь, как он распорядится своей судьбой. Поверит он в других

людей или нет. Признает он их свободу или нет. Примет он их как равных себе или нет. Последний выбор – не между добром и злом, не между видениями идеала, а между собой и всеми.
Книга жизни

Я измерял шагами подвал и думал, думал, думал. Напротив меня сидел закованный в цепи человек, которого я не знал. Он улыбался, как будто это я был в его власти, а не наоборот. Нужно признаться – то, что он мне наплел, местами звучало довольно правдиво, местами – охеренно непонятно. У меня уже действительно появлялось ощущение, что я – всего лишь пешка в какой-то невидимой игре, и вся моя роль заключается в том, чтобы кто-то моими руками расправлялся со своими врагами.

Но это продолжалось недолго – до тех пор, пока я не услышал... Сквозь пространство и время до меня долетел звук – скрежет и грохот, а затем – смех, переходящий в истерику. Пора.

...На его лице застыло выражение удивления – ведь он уже было решил, что запутал меня, и я вот-вот сдамся, уйду. Но теперь я стал чем-то большим, чем персонаж. Большим, чем одно существо. Большим, чем все остальное. Оставив меч в груди своего пленника, я быстрым шагом вышел за порог подвала. Следующий шаг я сделал за пределы мира.

Мальчик повесился на бельевой веревке.

Шесть мертвецов, окружившие Питера и Мэри-Кейт, растворились в пространстве.

Пациент и доктор сползли вниз в своих креслах, в один миг лишённые дыхания.

Над детским приютом прокатилась волна смерти – и все эти маленькие фантазеры умерли во сне, навсегда оставшись в своем Вывороте.

В новогоднюю ночь ворвался неистовый северный ветер, но он не смог и на сантиметр сдвинуть качели, на которых сидел заблудившийся среди своих выдумок дурачок – уже совсем мертвый, но все еще улыбающийся.

На концерте этой группы произошел несчастный случай – во время исполнения одной из песен кто-то из зрителей-слушателей выстрелил в вокалиста из пистолета – попал прямо в сердце. Тело осталось лежать на сцене, а голограммы музыкантов продолжали играть. Выглядело завораживающе.

Рука, тянувшаяся к девушке, замерла в каком-то дюйме от ее плеча. Владелец конечности смотрел на меня и не мог поверить в то, что видел. Я наблюдал, как он пытается понять возможность такого исхода, но у него так ничего и не получилось. Это было немного странно – видеть свое отражение испуганным и сбитым с толку, но я только усмехнулся, и через секунду рассказчик исчез в сплоте пламени.

Я никого не забыл?

Я входил в каждый мир по очереди, закрывал их изнутри, уничтожал все население, и вместе с ним – местных божков и

дьяволов, заперал мир, прежде чем эхо моих действий успело бы докатиться до наблюдателей и повлиять на то место, которое должно было стать новым раем. Весь процесс длился тысячи лет, но я сумел сжать его до нескольких мгновений, и уже через какую-то минуту после того, как все миры были заперты, я стоял перед теми, кто так долго считал себя хозяевами вселенной. Оторванные от питающих их силой измерений, они стали беспомощны – жалкие, слабые существа, не способные дать отпор, даже не достойные описания. Убить их теперь было не сложнее, чем задушить цыпленка. Я сделал это – и, получив власть абсолютно над всем, стал единственным носителем всемогущества. Ну, почти единственным. Когда с начальством было покончено, я просто уничтожил все миры, кроме того, где у меня еще оставалась одна последняя проблема, самый сложный пункт плана.

Я иду, Питер. Остался только ты.

Глава вторая

Господи, какая чушь! Теперь сценарии пишут младенцы?! Надо будет сказать Джин, что у ее сына-аутиста есть все шансы попасть в Голливуд! Возмущенный зритель, покидающий кинозал

– А что дальше?

– В каком смысле?

– Что мы будем делать дальше – ну, когда все это закончится. Нельзя же вечно жить в сказке и выдумывать себе авантюры. Я знаю, что ты говорил не забегать вперед, но рано или поздно наступает момент, когда начинается обычная жизнь – ты стоишь, выполнив свой квест, пройдя игру до конца, но жизнь на этом не заканчивается.

– Мне нравятся такие моменты. Я обычно представляю себе это так: я посреди бескрайнего поля, солнце закатывается за горизонт, понемногу темнеет. Пахнет костром, скошенной травой и ночью. Меня привела в это поле одна дорога, а теперь мне открыты тысячи и миллионы путей – и не нужно торопиться с выбором. У тебя есть все время твоей жизни, чтобы решить, какой она будет – и постараться сделать ее именно такой. Потому что жизнь – это точно такая же история, как и та, что я почти уже дописал, разница лишь в том, что эту книгу пишет намного больше авторов.

– И куда ты пойдешь, когда солнце сядет?

– Понимаешь, в этом весь смысл. Нет нужды задумываться, что ты решишь делать в этот момент – до тех самых пор, пока он не наступит. Это и есть свобода.

Мэри-Кейт задумалась, не торопясь с ответом.

– Но в моем видении этого момента раньше не хватало кое-чего.

– Ну давай, удиви меня.

– Тебя. В нем не хватало тебя, чтобы я мог назвать это... Ну, счастьем, что ли. Боже, как это банально звучит, навер-

ное.

Девушка шутливо нахмурилась, но тут же улыбнулась.

– Если честно – не удивил. Но мне все равно приятно, и вообще это очень мило, и без разницы, банально или нет. Главное – чтобы искренне.

– Я никогда и ни с кем не был так искренен, как с тобой. И никто и ничто не значило для меня столько же, сколько значишь ты.

Они подошли к речке и сейчас стояли на середине небольшого деревянного моста, что возвышался над водой всего на несколько метров. Питер взял руку Мэри-Кейт и посмотрел ей в глаза, очевидно собираясь что-то сказать, но ему это сделать не удалось.

На все еще темном полотне неба вдруг возникли восемь ярких огней. Это были не звезды – скорее, что-то вроде метеоритов. Огни приближались, и не прошло и десяти секунд с момента их появления, как они уже ударились о землю, впрочем, произведя при этом разрушения самые минимальные. Когда осела пыль и пепел, и развеялся дым, Питер без труда сумел различить в приземлившихся объектах мертвецов, которых много часов назад отправил в космос. Ну что ж, теперь у него есть предмет, предназначенный как раз для такого случая. Но визитеры со станции перерождения приближались довольно быстро, так что нужно было поторопиться.

Питер выставил руку в направлении одного из трупов и сжал ладонь в кулак. Из камня, что украшал Перстень Харо-

на, вырвалась зеленоватая кривая, ударившая в грудь мертвеца. Он, однако, не торопился исчезать сразу, но еще через несколько секунд остановился, затем упал на землю и стал содрогаться в отвратительном припадке. В конце концов труп все же рассыпался в прах, но перстень к этому моменту уже так раскалился, что Питер сорвал его с пальца и сунул в карман, лихорадочно соображая, что делать с оставшимися семерыми.

Прежние способы не работали – никакие физические преграды не задерживали мертвецов даже на секунду, и ничто не наносило им вреда. Воспользовавшись тем, что все они приближались с одной стороны, единым фронтом, Питер выхватил из воздуха Макабр и бросился им навстречу. Клинок выписывал в воздухе пируэты и, встречая мертвую плоть, с легкостью рассекал ее, заставляя при этом тела вспыхивать багровым пламенем. Уничтожив всех мертвецов вокруг себя, Питер уже было опустил меч и выдохнул с облегчением, но у него за спиной раздался короткий вскрик.

Питер упустил еще двоих, которые сейчас обступили Мэри-Кейт. Один из них заносил руку над ее головой, а другой стоял напротив – в его горло был направлен кинжал Дьоденс, который до этого момента остался совершенно бесполезным. Питера на миг охватило предчувствие беды – хотя он успевал уничтожить первого мертвеца, а Мэри-Кейт всего через несколько мгновений должна была вонзить клинок во второго. Что-то было не так. Мелькнула мысль, сразу пре-

вратившаяся в уверенность в том, что Мэри-Кейт не должна этого делать.

Через долю секунды оба трупа разлетелись в разные стороны, и кинжал не успел коснуться никого. Питер подскочил к первому и резким взмахом Макабра отрубил ему голову, в то же время, направив перстень на второго, медленно высушивая его возвращенное к жизни тело. Еще немного – и последний гость из космоса затих и превратился в кучку праха.

Питер подбежал к Мэри-Кейт и, выхватив у нее из рук кинжал, отбросил его в сторону.

– Ты в порядке?

Она кивнула и спросила, цел ли он сам.

– Да, все хорошо. Я же обещал, что никто не пострадает.

Мэри-Кейт скептически окинула взглядом две горы праха и обгоревшие части тел, а затем бросила взгляд на Дьоденс, лежащий теперь в нескольких шагах от них.

– А его ты зачем выкинул?

– Не знаю, просто у меня было предчувствие, что тебе нельзя им пользоваться. Мне кажется, с этой штукой что-то не так.

– Ага. Зато твой меч, конечно, в полном порядке – прямо-таки клинок архангела Михаила.

– Эй, что за приступ сарказма?

– А ты глянь на свои руки.

Питер глянул – ладони были ужасно бледными и с тонкими темно-красными следами, какие бывают при внутрен-

нем кровотечения. Зато рукоять Макабра почти что излучала свет и тихонько звенела, словно меч пытался что-то сказать. Или приказать. А перстень с каждой секундой сжимал палец все крепче, и Питеру пришлось провозиться почти минуту, прежде чем он его снял и бросил на землю рядом с двумя другими предметами из лавки Неустроя Хмеля. Небольшую книжицу для исправления ошибок украл один из стражников еще во дворце – Питер даже не дочитал до конца справочный раздел, в котором рассказывалось о каком-то способе контроля разума при помощи воды из скрытого неведомо где озера – а шкатулка снов осталась лежать где-то позади, на траве под сенью деревьев.

Питер окинул взглядом артефакты и нахмурился.

– Если он тогда выжил, то было бы неплохо найти его. Хочу говорить ему что-нибудь такое, от чего бы он корчился.

– Забудь. Все уже...

Мэри-Кейт еще не успела договорить, как начался новый виток фэнтезийной трагикомедии, постепенно все больше напоминающей фарс. Те из мертвецов, что были разрублены Макабром, принялись склеиваться воедино и вставать на ноги. Вскоре они уже окружали Питера с Мэри-Кейт, и теперь, без артефактов, у Питера не осталось ни единого способа расправиться с этой угрозой. Когда шесть мертвых тел были всего в нескольких метрах от середины моста, произошло что-то неожиданное.

По небу прокатился гром и скрежет, который могли бы из-

давать огромные ржавые ворота, открытые впервые за долгие годы. Вслед за этим что-то зазвенело и треснуло, по парку прошелся порыв ветра, и шесть мертвецов превратились в ничто. От кучек праха, бывших когда-то их коллегами по космической станции, тоже ничего не осталось.

Питер и Мэри-Кейт с облегчением выдохнули и, окончательно уставшие от всех происшествий ночи, уселись рядом на широкий парапет моста. Питер приобнял девушку и уткнулся щекой в ее волосы. Им оставалось рассказать друг другу еще многое – теперь уже не о том, что было, а о том, что они хотят воплотить в жизнь.

Их слова превращались в небольшие облачка пара и поднимались наверх, через предрассветное небо, к звездам – туда, откуда уже не стоило ждать ни спасения, ни помощи, ни благословения. Эти двое еще не знали, что с неба над их головами теперь мог прийти только злой рок.

* * *

Фокус с таблетками не удался – Питер не успел принять последнюю, и все еще был достаточно в себе, чтобы какое-то время успешно сопротивляться моему влиянию. Он сумел ускользнуть от меня в магическом переулке. Он с легкостью убил своего двойника, которого я так долго и бережно создавал для этого боя. Он справился с наваждением в тюремной

камере. Он почти самостоятельно перебил возвращенцев. Во мне росло подозрение, что ничего из этого он не смог бы сделать, если бы рядом с ним не было той девушки, и если раньше я собирался сделать ему взаимовыгодное предложение, то теперь, с моим новоприобретенным всесилием, я ясно видел, что это не сработает – она ему не позволит сделать этот выбор, ведь теперь она все знает. Также я чувствовал, что по какой-то неизвестной причине (что ужасно раздражало) я не мог ни перенестись прямо к нему, ни убить его сам. Как, впрочем, и он не мог убить меня. Но было несколько возможностей вывести партию из патовой ситуации.

Они оставили первую шкатулку в парке – не уничтожили, не выбросили за пределы мира, просто оставили лежать в какой-то сотне-другой метров от того места, где сейчас находились. Это невероятно облегчало задачу.

Я положил парную шкатулку перед собой – она послушно замерла в невесомости межмирья – и откинул крышку. Если эта вещь называется шкатулкой снов, то сейчас к вам, мои дорогие, идет кошмар.

Шаг вперед...

Глава третья

Иногда мне хочется просто успокоиться, остановить этот бег неведомо за чем. Вернуться к тому, что у нас было раньше, быть с тобой и ни о чем не думать. Неужели я этого не заслужил?

*Но если я остановлюсь и все брошу, нам с тобой
нигде будет провести счастливый остаток наших
жизней. Прости меня, мне снова нужно идти.
Человек в маске, голосовое сообщение*

– Я не хочу думать об этом.

– А надо бы. Иначе вместе мы пробудем недолго. Нет, знаешь, героические концовки очень даже ничего, но пусть они лучше остаются в книгах и фильмах, ладно?

– Окей, я немного не так сказал – я не хочу думать об этом прямо сейчас. Потому что прямо сейчас я могу думать только о тебе.

– Хватит смущать, Петрарка.

– Эй, поаккуратнее со сравнениями, леди! Петрарка, быть может, и умел выражаться изящнее, но во всем остальном я превзошел этого неудачника.

– Вот так вот. Какая занимательная бездна нарциссизма в тебе открывается.

– Это всего лишь лужа хренового чувства юмора. Все в порядке, я все еще презираю себя.

– Тогда ладно. Блин, когда же ты...

– Просто дай мне время и кучу практики, и я смогу что угодно.

Я стою на опушке и наблюдаю занимательную сцену. Если бы во мне оставалось то, что эти двое назвали бы “человечностью”, я бы даже немного проникся. А может и нет.

Питер и Мэри-Кейт стоят на небольшом мостике, кутаясь в объятия. Они выглядят чуть нелепо в этой странной приключенческой одежде, ее волосы ветер разметал по двум парам плеч, и одна из его рук неловко пытается их удерживать, а вторая – лежит на ее талии так, будто Питер боится, что кто-то вырвет Мэри-Кейт из его рук. Она обхватила его шею руками и осторожно касается затылка в том месте, куда несколько часов назад пришелся удар гардой. Питер, зажмурившись, счастливо улыбается куда-то в шею Мэри-Кейт и что-то ей говорит. Ее лица я не вижу и, если честно, мне лень представлять, что именно оно выражает. Если бы я стоял ближе или приложил бы немного усилий, то слышал бы, как шумит ветер над мостом, слышал бы, что именно они шепчут друг другу. Волосы Мэри-Кейт развеваются – в точности как много часов назад, когда она шла по городу, терзаемая холодом и предначертанной ей судьбой; две пары рук снуют по спинам, плечам и лицам. Над этими двоими медленно падает снег, пробивающийся в субтропики из того места и времени, которому этот кадр принадлежит.

Наслаждайтесь, убогие. Вам недолго осталось.

Я ухмыльнулся, отстранился от дерева и медленно пошел в их сторону.

* * *

Ее губы были мягкими и теплыми, и Питер, вдыхая запах ее волос и прижимая Мэри-Кейт к себе так близко, словно хотел стать с ней одним существом, понимал, что не чувствует ни земли под ногами, ни порывов ветра, не слышит звуков и не ощущает хода времени. Это его не пугало – в голове все словно взрывалось, и там рождались миллионы миров, что должны были прийти на смену тем, что совсем недавно погибли. Ее пальцы сновали в его волосах, и от каждого прикосновения по коже пробегали электрические разряды, а его собственные касания ее кожи ощущались как касания неба. Питер еще никогда не чувствовал такого оглушительного желания жить – чтобы быть с ней, чтобы сделать для нее все, на что способен, и защитить от чего угодно плохого, и каждую секунду понимать, что ему кто-то так нужен, что одно только это стоило того, чтобы родиться и прожить так долго – ради этого момента. Все внутри переполняло расширяющееся быстрее вселенной чувство, и Питер наконец понял, какова разница между тем, чем он был раньше, и тем,

чем он мог стать теперь. Когда поцелуй все же закончился, и он заглянул в ее глаза – как никогда близко, в этот растянувшийся в вечность момент Питер ясно осознал – что бы ни случилось дальше, что бы ни случилось до этого, что бы ни происходило в любой точке пространства и времени в любом из измерений, сколько только их ни существует или может существовать, в любом из вариантов вселенной; что бы ни было, кем бы они ни стали, он никогда ее не отпустит.

Они успели сказать друг другу еще достаточно, но когда Питер начал произносить то, что невыраженным призраком, эхом слов звучало в его голове уже сотни лет, сказка рассыпалась осколками красочного витража, обнажив за собой безжалостную реальность – неторопливо бредущего к мосту седого парня, подметающего мощеную камнем дорожку длинным остроконечным хвостом. Новый король миров явился, чтобы уничтожить то последнее хорошее, что осталось в его вселенной.

К ним приближалась персонифицированная линия терминатора, альфа и омега, Абаддон. И вместе с собой он нес собственную неопределенную сущность и вопрос о том, кто или что воплощено в этом образе.

* * *

Кажется, он еще не понял, что я сделал – и что я теперь такое, вот и начал что-то там предпринимать: заслонил девчонку, попытался закрыть разум от любых возможных поползновений с моей стороны, вытянул руку вперед – и его пальцы сомкнулись на рукояти меча. Это был не Макабр, который он купил в глупой волшебной лавке глупых волшебных штучек, это был клинок, созданный его собственной волей и разумом. Возможно, сердце в этом тоже как-то поучаствовало – сейчас этот его орган бился так быстро, что это скоро должно было стать заметно. Я улыбнулся и решил немного поддаться, сыграв сперва в его игру. Одна из моих рук растянулась, превратившись в длинный тонкий клинок, и я занял выжидающую позицию.

– Привет, Пити! Вот мы и снова встретились. Друг с другом. И с нашей главной проблемой!

Питер сказал Мэри-Кейт спуститься к реке и стать в воду – должно быть, он думал, что в прошлый раз меня остановила именно вода. Что ж, без разницы. Ужасно приятно чувствовать себя хозяином положения, когда в точности знаешь, как закончится эта сцена.

– А ты хоть знаешь, что это за проблема? Или ты просто любишь махать острыми предметами, не задаваясь при этом вопросами причинности и следственности? Если все так и есть, то я все равно скажу тебе. Проблема вот в чем: как умереть – и при этом победить. И кто же из нас – главный герой...

Он приближался быстро, держа меч в опущенной руке, и даже не думал отвечать. Почему меня все вечно игнорируют?

– Ты не сможешь причинить мне вреда, малыш. Даже не пытайся.

Он все же попытался – взмахнул мечом снизу вверх, постаравшись вложить в этот удар всю силу. Я с легкостью парировал и лишь слегка притворно отшатнулся, затем начал собственную атаку. Питера не запутали обманные движения, и он поочередно отразил и ушел от каждого из ударов и сразу же перешел в контратаку, сделав быстрый выпад справа – оттуда, откуда мне, как ему казалось, будет неудобно парировать левой рукой-мечом. Черная сталь встретила его клинок и превратилась в плеть, и ему лишь чудом удалось вырвать меч из ее объятий.

Бой продолжался с переменным успехом, но ни один из нас так и не оставил на противнике ни одной царапины. А ему ведь еще предстоит узнать, что он даже этого сделать не сможет... Вскоре я заметил что-то – это было похоже на попытки котенка оцарапать каменную башню. Питер пытается влезть ко мне в голову – должно быть, ищет там ответ на вопрос, как со мной справиться. Да, действительно. Он думает, что может каким-то образом разрезать нить, якобы связывающую меня с этим миром – и вернуть туда, где я был просто человеком. Ох, Питер, если бы ты только знал...

В конце концов мне надоели эти танцы, и я решил чуть

ускорить события. Я заблокировал очередной удар Питера, а еще один, тут же последовавший за ним – скользящий, на оттяжке, как бы не успел. Его клинок скользнул к моей ключице и, не встретив сопротивления плоти, провалился в пустоту.

Питер быстро вернул меч и отскочил, но теперь я хотел показать ему, что он тоже в безопасности – рука вновь стала плетью, захлестнула его оружие и вырвала из рук. Тем временем вторая, правая, превратилась в кинжал, который очень резко ударил Питера в живот. Точнее, я попытался ударить Питера в живот, но, как я и думал, у меня не получилось – он для меня был так же бесплотен, как и я для него.

Парня это не остановило, и он, отойдя на некоторую дистанцию, принялся за то, что называл “магией”. Сперва – для затравочки – в меня полетели два огненных шара и молния. Где он только этого нахватался? Я ушел от этих недоразумений и превратил землю у него под ногами в лаву. Питер был готов и через мгновение уже парил в воздухе. Поднявшись надо мной на десяток-другой метров, он принялся изощряться. Пока я развеивал надвигающуюся воронку смерча, мои ноги попытались оплести побеги какого-то ползучего растения, а сверху тем временем приближалась черная дыра. Все это исчезло буквально за сотую долю секунды, и теперь уже Питеру пришлось отбиваться от стаи хищных птиц с железными крыльями. Одновременно с этим он искажал пространство и время вокруг меня таким образом,

чтобы я каждую секунду двигался на две секунды вперед, а время надо мной, наоборот, шло на две секунды назад. Когда черная дыра вернулась, она была в конечном пункте своего пути, в котором как раз оказался я – якобы не заметивший, что земля подо мной поднимается вверх. Но подобные комбинации потребовали от Питера слишком много внимания, и одна из птиц вцепилась в его крыло и оторвала большую его часть. Питер упал на землю а я, избавившись от черной дыры – что стало для него сюрпризом – направил в противника с десятков стеклянных клинков. Но Питер взорвал их на подлете, и получившиеся осколки закружились вокруг него, что, как он, должно быть, надеялся, позволит ему скрыть от меня свои действия. Осколков становилось все больше, они сновали в воздухе все быстрее, и, если бы против него был кто угодно другой, Питер действительно был бы совершенно невидим для врага. Я знал, что будет дальше – он появится у меня за спиной и попытается разнести во времени мое туловище и голову, поэтому у меня за спиной его ждали цепи, готовые сомкнуться на его конечностях. Что им, впрочем, все равно бы не удалось, он просчитал эту ловушку и вместо перемещения за спину переместился перед самым моим лицом, в чуть вытянутой вперед руке держа нож. Видимо, он думал, что если нож сразу окажется во мне, то правило неуязвимости и бесплотности не сработает. Он ошибся, и я отшвырнул его на десятков метров – прямо на выросшую из-под земли стену с шипами, которую его тело, разумеется,

проигнорировало. В следующую секунду я услышал шум со всех сторон – это листья слетали с деревьев и превращались в двойников Питера, каждый из которых бежал, полз, шел и летел ко мне со своим вариантом атаки. Я превратил их в пыль, которая, в свою очередь, собралась в огромный столб и ударила в Питера. Но Питера в том месте уже не было – мы с ним оказались в зеркальном лабиринте, в который превратились осколки, прежде парившие в воздухе.

Бессмысленный бой все продолжался и продолжался. Мэри-Кейт должно быть, уже заскучала и замерзла там, в реке, а я устал поддаваться этому мальчишке. Когда очередная его атака – кипящий столб воды – была испарена еще на подлете, я закрутился на месте (для эффектности) и исчез из виду.

* * *

Дьявол испарил водяной столб, завертелся, словно волчок, и тут же пропал. Похоже, ему надоело играть в игры, и теперь он собирается сделать что-то серьезное – то, за чем пришел сюда. Я оглянулся на Мэри-Кейт – она все так же стояла в воде и переживала от того, что никак не может помочь.

Если бы я только знал, что ему нужно. И как его победить.
– Ты была права. Стоило как можно раньше задуматься

об этом ублюдке.

– Забудь, это была шутка. Мы бы просто потеряли время зря...

– Тогда тебе нужно научиться шутить. Запишемся на какие-нибудь курсы?

– Куда он исчез? Он ведь не отстанет просто так, да?

– Вряд ли. Ждет чего-то...

И тут небо, уже светло-синее, вновь стало иссиня-черным. В ушах у меня зазвенело, и я упал на колени; воздух приобрел вкус железа – или крови – а перед глазами все поплыло, приобретая лиловые, алые и фиолетовые оттенки. И запах – так пахли те таблетки, которые я, как идиот, глотал и даже не замечал.

А в следующий миг меня пронзила невероятная боль – ослепляющая, перекрывающая все ощущения, не выразимая никакими словами.

Когда я вновь смог видеть, все изменилось. Все изменилось настолько, что я оказался вне своего тела – но боль все равно осталась.

* * *

Я не понимал, почему моя абсолютная власть так ограничена, когда дело касается этого человека. Каждая секунда,

что я удерживал себя в его теле и его – в своем, при этом управляя обоими телами, была просто пыткой. Признаться, я очень давно не чувствовал боли, но оно того стоило.

Мое тело обвилось хвостом Мэри-Кейт и взлетело вместе с ней на мост. Нужна была точность – требовалось уронить ее в строго определенном месте, так, чтобы ей попался на глаза кинжал. Я сосредоточился – и у меня получилось. Ну вот, теперь осталось только ждать, мечась в теле Питера по клетке, и болтать, провоцируя девочку на роковое решение. Ну, поболтать я всегда был не прочь.

– Вот видишь, болван. Ты проиграл этот бой. Ты проиграл его еще тогда, сотни лет назад, когда открыл пузырек с таблетками и подписал договор. И, сколько ни вертись, судьбу свою ты не изменишь.

Надеюсь, мой напряженный и скрежещущий голос не вызовет у нее никаких подозрений. Девочка все же призрак, может почувствовать такие вещи. Если бы только можно было точно так же влезть в ее голову и закончить этот цирк поскорее...

– Думаю, тебе будет интересно узнать, что я тут недавно уничтожил вселенную. Этот мир – последний. Представляешь, сколько людей погибло? Я не уверен, что ты знаешь такие числа. И угадай, кто в этом виноват?

Если я буду просто болтать, это будет выглядеть странно. Как будто я чего-то жду от них, а чего – не говорю. Нужно поставить какую-то цель. Чего-то потребовать. Предло-

жить ему убить себя, иначе я убью Мэри-Кейт? Неплохо, если только ее не оскорбит, что он затягивает с этим решением. Если она не заметит эту несостыковку, то решится действовать быстро.

– Кто этот маленький проказник, что позволил случится большой беде? Кто предал деревню, Питер? Да, все верно! Это ты, ты и еще раз ты! Если бы ты тогда не продал мне свою вечность, отказавшись от права на перерождение, я бы сегодня не смог получить полную власть сначала над этим миром, а затем – над всем сущим! Ужас, как это пошло и глупо звучит. Но это так. Когда ты умер и не смог переродиться, случился сбой. Твое сознание, можно сказать, ходило по домам и стучалось в двери. Но везде было занято! В фашистской Чехии евреям открывать не принято! И тогда начался хаос. Сознания меняли тела, одни и те же люди становились богами и дьяволами одних и тех же миров, или вообще теряли одну из половин, и все перемешивалось, путалось, искрило! Это был великолепный праздник. Вскоре праздник свернули, но я своего уже добился – мне удалось оборвать связь с миром, где жила моя человеческая часть. Теперь я мог все время зависеть только здесь, подчиняя местное стадо своей воле и медленно тесня того божественного болвана с ноутбуком с его позиций. В итоге все закончилось тем, что я остался единственным всевышним. Во всей вселенной. Я емь начало и конец – ну и все такое прочее. И единственной помехой был ты, мой маленький любитель бяки, что заваля-

лась в карманах, хах!

Я оценивающе взглянул на девчонку. Она смотрела то на меня – думая, что смотрит на Питера, и мне от этого взгляда, признаться, было весьма приятно, то на Питера – думая, что смотрит на меня, и тогда она выглядела как богиня мести и смерти. Может, оставить ее? А еще она то и дело бросала взгляд на кинжал, медленно и незаметно протягивая к нему руку. Отлично, теперь нужно только спровоцировать ее чем-нибудь шокирующим. Подведем к этому медленно...

– Зачем мне все это – спросишь ты. Да затем, что я идеалист. Меня ужасно раздражает то, что сделали с миром эти болваны... Прошу прощения, о мертвых ведь или хорошо, или ничего... Меня приводит в бешенство система, в которой есть место смерти и неравенству. Чего стоит мир, в котором ты проводишь большую часть своей жизни беспомощным бесполезным куском тушенки с истекающим сроком годности, в котором твоей судьбой управляют два зазнавшихся всемогущих придурка, вымещающих на тебе то, что где-то еще они живут точно такую же полную бессилия и отчаяния жизнь. Ты ведь хорошо усвоил, что такое отчаяние, правда? Это мучительная досада на несбывшиеся надежды, обида на несправедливость и выжженная пустыня горечи. И с безумием ты познакомился, не так ли? С этим бесконечным повторением одних и тех же действий в надежде хоть на какие-то перемены. А теперь ты стал счастлив... Но ты не вечен, как и она. Вы умрете. Быть может, вы переродитесь

где-то еще, но ты не будешь даже помнить о ней, а она – о тебе. От чувств не останется ни тени, ни эха, ни единого свидетельства о том, что они когда-то были. А если свидетельств нет, то было ли все это на самом деле? Или это просто очень длинный и запутанный сон? Ты когда-нибудь задумывался – а что, если ее не существует? И меня, и бога? И всей этой чехарды с перерождениями? А ты просто спишь, или галлюцинируешь, или умираешь, и это тебе только кажется, складываясь в историю в угоду странным узорам из образов в твоей голове? Если думать об этом достаточно долго... У меня всего лишь было больше времени на это, чем у других. И я думал. Я висел в этой пустоте целую вечность и сходил с ума. А потом все разрешилось самым наилучшим образом – я понял, каким должен быть мир. Мир должен быть один, и в нем не должно быть богов. Нет, не так. В нем не должно быть людей. И именно таким станет этот мир – единственным, бесконечно прекрасным и совершенным. Он уже превращается, и если бы вы не развлекались в компании воображаемых магических персонажей, а побыли немного среди обычных людей, то сразу бы это заметили, как заметил тот странник. Люди готовятся стать богами, и это видно в их глазах. Это ощущается в воздухе – каждым, кто еще не совсем захвачен химерами несбыточных мечтаний. А ваша настоящая мечта ведь всегда была рядом, нужно было лишь протянуть руку и взять ее, но вы витали в облаках и сочиняли истории, метались и сомневались – вместо того, чтобы просто жить, став

сегодня – вместе со всеми остальными – новыми богами. А теперь ты превратился в помеху, Питер. Ты превратился в помеху моей мечте. Но я, к сожалению, не могу убрать тебя с дороги собственноручно, а у остальных просто не хватит сил. Так что...

Вдруг я почувствовал, что мой контроль ослабевает. Нужно было торопиться. Но я уже дал слабину, и он успел этим воспользоваться – рот тела, в котором я находился, против моей воли распахнулся, и я прохрипел:

– По-почему... Ты-ы... Не можешь?..

Всего одна фраза, но сколько в ней было опасности – понимал ли он это сам? Нужно скорее поставить им ультиматум, пока девчонка не догадалась. Впрочем, как она могла догадаться, если даже я не знал причину?

– Это слишком долгая история, а нам пора бы уже заняться делом. Итак, Питер. Вот тебе простая задачка: или ты убиваешь себя, или я убиваю ее. Никаких хитростей, никаких подвохов. Можешь быть уверен, что с ней ничего не случится после твоей смерти, потому что у меня нет к ней ненависти. И к тебе тоже нет, но твоя смерть – уже необходимость, а ее смерть ничего не решит. Но можешь гордиться – если ты умрешь, то это будет последняя смерть во вселенной, позволившая всем остальным не умирать никогда. Итак. Никаких прощаний, никакого времени на раздумья. Прямо сейчас – возьми и покончи с собой.

Ее рука дернулась, схватив кинжал. О, как бы я хотел, что-

бы Питер это видел, но Мэри-Кейт была у него за спиной, и он понятия не имел, что она собирается сделать. Что ж, вот и конец. Лезвие устремилось к горлу седого паренька с застывшей на лице маской безумия. Теперь, в последние мгновения, нужно успеть отпустить свое бывшее тело точно вовремя – чтобы кинжал не задел ту часть меня, что еще оставалась там, а Питер не успел ничего сделать. И... Все!

* * *

Клинок вошел в шею дьявола, тело которого занимал Питер, но это стало только началом веселья. В ту же секунду он вышел прямо из кадыка Питера, тело которого занимал дьявол. Мэри-Кейт, увидев, как все обернулось, вскрикнула и разжала рукоять, но клинок уже сам выскользнул из плоти и превратился в змею. Еще мгновение – и змея прокусила кожу на руке Мэри-Кейт, впрыснув в ее кровь смертельный яд. С мечом произошло точно такое же превращение, и обе змеи уползли куда-то, затерявшись в высокой траве.

Дьявол лежал среди клетки и хохотал, насколько ему это позволяло фонтанирующее кровью горло. Вот он и нашел решение для их с Питером главной проблемы – и ответ на его последний вопрос. Вот почему они не могли убить друг друга. Вот почему Питер все же перерождался, несмот-

ря на проданную вечность, и вот почему он перерождался всякий раз именно в этом мире – в том, где дьяволу было некуда возвращаться к обыденной жизни человека. Это была невероятная шутка, все же сыгранная напоследок с ним мирозданием – даже после того, как он уничтожил его почти полностью. Дьявол хохотал, умирал и думал, куда же он попадет после смерти...

Питер с трудом повернул голову и взглянул на Мэри-Кейт. Она лежала рядом – уже бездыханная. Безвозвратно мертвая, ведь теперь вернуть ее просто некому. На то, чтобы взять ее руку в свою, у Питера ушли последние силы, и через секунду он тоже умер – сдержав, впрочем, обещание не отпускать ее никогда.

Именно здесь, а не где-нибудь еще, завершается эта история.

* * *

Я бежал – со всех ног, лап, летел и перепрыгивал кочки и пни, камни и трупы. Только бы успеть, только бы не опоздать!

Вот уже я пробежал мимо поляны, где они валялись в траве, мимо шкатулки, из которой шагнул дьявол, вот уже выбежал на опушку и...

На мосту без движения лежали три тела.

Ближе всего ко мне было тело Питера. Впрочем, он уже не был похож на Питера – поседевший и с застывшей на лице маской истерического хохота, он больше напоминал того, кто лежал неподалеку, держа в своей руке руку Мэри-Кейт. Я понял, что опоздал – снова опоздал! Времени сокращаться по этому поводу не было, но я вдруг почувствовал что-то еще – запах, едва уловимый. Начинаясь у запястья девушки, он уходил на несколько метров вперед, а затем пропадал, словно его источник исчез из этой реальности, когда ее судьба была окончательно решена.

Если я правильно понял, то это был очень плохой знак. Похоже, я – не единственный, кто может перемещаться между планами реальности. И туда, где я еще мог спасти положение, уже направляется какое-то зло, готовое вновь все уничтожить.

Какого черта я все еще стою на месте?

Аутро

Гениальность рождается из умения человека упрощать восприятие мира, легче находя связи и понимая устройство мироздания, умения отбрасывать шум и искажения в принимаемой им информации о вселенной.

Диз Киз, “Рецепт благополучия”

Главный герой с трудом повернул голову и взглянул на нее. Она лежала рядом – уже бездыханная. Безвозвратно мертвая, ведь теперь вернуть ее просто некому. На то, чтобы взять ее руку в свою, у него ушли последние силы, и через секунду он тоже умер – сдержав, впрочем, обещание не отпускать ее никогда.

Черный экран. Короткие титры. Занавес.

Фильм закончился, но свет в помещении и не думал зажигаться. Лишь луч проектора освещал одинокую фигуру в кресле посреди зала. Человек сидел, обхватив руками голову, и раскачивался из стороны в сторону. Выглядел он уставшим и совершенно разбитым. Вдруг он распрямился, повернулся назад и, глядя куда-то вверх – туда, где стоял проектор, выкрикнул с едва сдерживаемым гневом:

– Почему?!

Несколько секунд стояла тишина, а затем сверху ответили.

– Потому что такова жизнь. Потому что ты уже не ребенок, и тебе пора перестать верить в сказки.

– Останови это. Прекрати это, прошу, прекрати! Я не хочу, я не смогу выдержать еще раз!

– Сможешь. Ты выдержишь столько, сколько потребуется для того, чтобы измениться. Я буду продолжать до тех пор, пока в тебе не останется ни единой капли эмоций, переживаний и чувств, пока ты не превратишься в камень. Пока не лишишься остатков человечности. Я остановлюсь только то-

гда, когда тебе будет уже нечего терять, когда ты достигнешь дна отчаяния и там обретешь настоящую свободу – от всего. Так что сядь прямо, и мы продолжим.

Занавес раздвинулся, проектор застрекотал, и на белом экране вновь появилось изображение...

Часть шестая. Одиссея

заканчивается здесь

Номер восьмой. Код – 242. Классификация: похищение, нереален-нереален, параллельно. Можно рассматривать, как вариант номера шестого, но с поправкой на работу с самими воспоминаниями без их владельца. Синтез производится при помощи одновременного воспроизведения с наложением отрезков друг на друга. Конечность циклов – не определена. Порядок прямой и обратный.
Отрывок из неизвестной ночной телепередачи

Последняя прелюдия

Я пытаюсь не забывать, что слова – это игрушки. Они как детский пластилин, и я в любой момент истории могу обернуть все абсолютно как угодно, нужно лишь воображение. И вдохновение. Но зачем мне делать это, почему не дать сюжету идти так, как он идет? На то есть много причин, и не последняя из них – необходимость держать себя в рамках. Некоторые люди просто не могут вовремя остановиться.
Из частной переписки неизвестного автора с его возлюбленной

Во второй раз Альфа столкнулась с Гаммой в лифте – она как раз собиралась спуститься на нижний уровень, чтобы понаблюдать за тем, как работают с прыгуном, посмотреть на его первичную реакцию. Гамма только покачал головой, выходя из кабины.

– Пока что глухо. Он ушел в отказ, получить доступ к памяти не удастся.

– Хочешь сказать, что, даже стабилизировав его сигнал, мы не можем отследить канал?

– Пока что так и есть. Он каким-то образом закрывается от переносной аппаратуры, как будто постоянно меняет шифр канала, быстрее, чем удастся пробить очередной слой.

Альфа нахмурилась. С таким ей раньше сталкиваться еще не приходилось – даже оба основных объекта поддавались вскрытию при помощи упрощенной, переносной версии. Получить доступ к полнофункциональному набору не представлялось возможным – уж что-что, а свой штаб на рабочем уровне спецслужбы охраняли по высшему разряду. Впрочем, оказалось, что у Гаммы есть и неплохие новости.

– Даже если у нас не выйдет получить доступ напрямую, мы сможем допросить его обычным способом. К тому же, пока его ломали, удалось вытащить еще один фрагмент.

– И то верно. Если через два часа у них ничего не выйдет, отзови всех и подготовь прыгуна к допросу, мы с Дельтой займемся им. А пока что давай второй.

Приняв ссылку на второй фрагмент на ранее полученном

от Гаммы планшете, Альфа оперлась плечом о стену и включила запись.

“Мои близкие не понимают, через что я прохожу – на мне диагноз уже десять лет, и ни разу за все это время я не сумел прорваться к ним, достучаться, чтобы объяснить, как я иногда бываю потерян во всем вокруг – так, что иногда не знаю и не понимаю, кто я и где я. Что я не могу делать то, что должен – не потому, что не хочу, потому что не могу; такого не пожелаешь никому, поверь – ни любимым людям, ни искренне ненавистным. Нет, я не могу назвать тебе точный диагноз – его просто нет, как нет и полноценного объяснения с точки зрения нейробиологии. В своей жизни я – только зритель, не могу ничего поделать, хоть и понимаю, как себе помочь – но не могу. Я не выбирал бросать вызов природе, и не думай, будто понимаешь, что я чувствую, дружище – готов поспорить, что нет. Я не могу удерживать в голове новую информацию, все знакомое порой кажется чем-то далеким, нереальным, чужеродным. И да: все, кому я близок, устали относиться к этому с терпением; когда-то маме было любопытно, почему ее ребенок плачет на чердаке. Чем больше я обо всем этом думаю, тем тяжелее мне, ощущение усугубляется, и я уже даже приблизительно не могу описать это словами. Один-два врача заявляли мне, что находят мое мышление и психику занятыми, но ни они, ни другие не могли сказать, почему со мной это случилось. Башка не варит, колеса не помогают. Но умирать я бы не хотел – умирать это

совсем уж последнее дело. Говорят, что сон – это маленькая смерть; кстати, спать я тоже не могу. Хотя может я и хотел бы умереть – мертвецу не может быть больно. Найти себя во врожденной пустоте – об этом можно думать, как об одном из грехов по мнению пессимиста. Я кажусь себе жуткой помесью демона и изгоняющего демонов – на самом дне пропасти безумия, куда я упал с ее края. Не сомневаюсь, что мои родители сожалеют о моем рождении; возможно, это они не заметили тревожных симптомов вовремя, а возможно, это случилось потому же, почему вода мокрая. Я пробовал кучу таблеток, медитацию, сидеть в тишине. Каких хреном это должно помочь наладить нейрохимический баланс?! Так зачем ты говоришь кому-то, что он ведет себя как ребенок, не зная всей той жуткой боли, которой он безнадежно окружен? Я постоянно ощущаю туманную отделенность от собственного тела, как будто оно работает, но на него не установлены драйвера. А внутри непрерывно рушится моя личность – я теряю воспоминания, черты, мысли и чувства, даже те, что были очень давно; теперь я – лишь разбитое зеркало, груда осколков, которые в свою очередь продолжают дробиться и разбиваться. У меня не осталось ничего – ничего, кроме ощущений и глухой печали”.

Глава четвертая

Иногда так бывает, что человек уже не может верить в то, что принесло ему столько боли.

Тогда-то разум и исполняет свой коронный номер – исключает травму из памяти, блокирует к ней доступ. Иногда – подчистую, иногда – изменяя события до неузнаваемости, и тогда человек попадает в поистине страшное место, в мир иллюзий, существующий внутри мира настоящего. Рано или поздно реальность покажет свой оскал, и тогда все ментальные стены рухнут в одночасье.
Пол Гонкес, “Дальше, еще дальше от поверхности”

Этот гололед был совершенно невыносим, и Патрик весь путь от метро почти что танцевал, закладывая удивительные пируэты, которых он ну никак не ожидал от себя. В такие моменты он начинал всерьез задумываться о том, чтобы все же купить мотоцикл. Лучше всего – с шипованными шинами, как у монстр-траков в каком-то старом мультике из далекого детства, название которого вылетело у него из головы.

Холодно было как на девятом кругу ада, и Патрику приходилось держать руки в карманах – что не добавляло ему маневренности и устойчивости – а сигарету сжимать в зубах, стараясь не ронять пепел на куртку; впрочем, такой способ курения ему даже начинал нравиться. В этот отвратительно холодный и щедрый на падения вечер Патрика все же радовали два обстоятельства.

Первое обстоятельство: сегодня ему, наконец, должны ответить из издательства по поводу его второго романа. Даже не ожидая от них согласия, Патрик все равно продолжал ра-

доваться тому, что он все же закончил эту чертову книгу, которая далась ему не в пример труднее первой, о существовании которой знало всего несколько человек. Если первая работа была написана легко, пусть и не в самый простой период, то вторая тянула из него силы почти год. Ничего удивительного, ведь писать о себе куда проще, чем что-то придумывать. Ты берешь и переносишь на бумагу то, что случилось, случается, может случиться или должно было случиться с тобой, не прорабатывая сюжет, не развивая персонажей, не заморачиваясь логикой, мотивацией, хронологией и прочими вещами, которые обычно бывают в книгах. Ты просто выплескиваешь из себя накопившиеся мысли и чувства, словно разбрызгиваешь по холсту цвета в случайном порядке. Но когда работа над романом превращается в рисование сюжетных схем, координатных плоскостей с хронологией событий и мозговой штурм в попытках объяснить действия героев, это все начинает напоминать работу. А работать Патрик ненавидел.

Второе обстоятельство: всего через несколько минут он увидится с Бетти-Энн. Начало января было для нее традиционным простудным временем, и они не виделись уже полторы недели. Патрик всегда очень боялся этих лишенных встреч дней, когда она сидела дома, и он не мог взять ее за руку, обнять, заглянуть в глаза и вовремя увидеть там какую-то тень, которую он мог бы развеять прежде, чем она разрастется, и холод вновь надолго скроет Бетти-Энн от него. Этот сю-

жет был самым страшным из всего, что он когда-либо описывал в прозе, и это давно стало его самым худшим ночным кошмаром – жизнь, превратившаяся в спираль из циклов сердечного похолодания и потепления. С самой концепцией такого чередования еще можно было смириться, если быть уверенным в том, что оно будет продолжаться – как смена времен года. Но уже сама мысль о том, что очередная зима может не закончиться никогда, была просто невыносима.

* * *

Она сегодня написала свои первые картины – и теперь торопилась по тротуару вдоль своего дома туда, где они должны были встретиться, чтобы показать Патрику эскизы в блокноте. Их цветные и полные версии должны были вскоре украсить обложку и страницы его романа, и Патрик порой в приступе самокритики говорил – еще даже не увидев их – что они будут единственным, из-за чего хоть кто-нибудь может захотеть купить эту книгу. Бетти-Энн улыбалась и терпела эту беззастенчивую и неприкрытую лесть, потому что понимала, что так он выражает свою уверенность в ее таланте. Она надеялась, что точно такие же комплименты с ее стороны в адрес рукописи он тоже воспринимает всерьез.

До встречи оставалось несколько минут – и она еще да-

же не опаздывала. Наверное, это наконец сказывалось влияние Патрика, везде и всегда появляющегося минута в минуту. Теперь нужно только преодолеть путь до перекрестка, не рухнув на лед, и пока что у нее это получалось очень хорошо.

* * *

Я стоял примерно в одном квартале от перекрестка. Две точки спешили туда с разных сторон, не подозревая, что им уже не суждено пересечься. Если я не могу быть счастлив, то остается лишь сделать несчастными всех остальных – чтобы они поняли, что же это такое, и чтобы совместными усилиями мы, быть может, смогли бы найти выход из этого незавидного положения.

Привычно остановив время, я сделал небольшую пометку в тексте рассказа. Теперь можно подойти ближе и наслаждаться зрелищем погибающих надежд, которое с недавних пор стало той сценой, что я мог наблюдать вечно. И даже если что-то пойдет не так, и со мной или моими пометками что-то случится, у меня всегда есть запасной план, который неторопливо ползет сюда за мной сквозь ткань миров, извиваясь и сжимаясь в кольца. Все под полным контролем.

В системе управления внедорожника, обогнавшего меня, что-то щелкнуло – незаметно для водителя, но не для меня.

В то же время светофор в квартале отсюда на пару секунд замер. А затем продолжил свой ход, немного, совсем чуть-чуть сбившись с ритма.

* * *

Я бежал – со всех ног, лап, летел и перепрыгивал сугробы, машины, замерзшие лужи, расталкивал встающих на пути людей. Только бы успеть, только бы не опоздать!

С того момента, как за мной закрылись ворота, а впереди вновь зажегся свет, я не останавливался ни на секунду, стараясь успеть предотвратить то, что уже происходило и произойдет вновь – если я не вмешаюсь. В прошлый раз я не сумел их предупредить, а теперь в игру вступил тот, чья власть над ней была почти безраздельной.

Вот он – медленно идет к месту трагедии, которую собирается устроить. В руке чертов блокнот и пижонское перо. Боль и страдания, которые он совсем недавно сам испытал от потери, этот тип теперь собирается причинить другим – тем, над кем у него есть власть. Последних секунд, что его мозг еще жив, а душа не покинула свой родной мир, этой его части хватит, чтобы закончить текущий цикл падением в хаос, смертью свободы, и если ему позволить это сделать, цепная реакция ненависти уже нигде не остановится.

Я прыгнул, толкнув его в спину, и, пока он валялся на земле и соображал, что случилось, вырвал из блокнота, который он выронил, последнюю страницу. Услышав вдалеке визг тормозов, но не услышав удара, я вздохнул с облегчением.

Впрочем, не стоило расслабляться. Мой противник уже поднимался, и я видел на его лице выражение, не предвещающее ничего хорошего. Это будет нелегкий бой.

* * *

Патрик увидел ее – кремово-белое пятно, аккуратно ползущее по снежно-белому холсту зимнего вечера. Улыбнувшись этой ее осторожности, он поспешил к переходу. Она тоже его заметила – и стала перемещаться чуть быстрее, компенсируя это усиленным изучением поверхности под ногами.

К светофору они успели одновременно, но тот опередил их и зажег красный свет. Патрик стоял с букетом цветов под мышкой и руками в карманах и улыбался самой идиотской улыбкой из всех идиотских улыбок, на которые способен влюбленный человек. Бетти-Энн прятала лицо в шарф, и он не понимал, улыбается она или нет, но в ее больших глазах Патрик видел радость и нетерпение. В такие моменты

ты он чувствовал себя самым счастливым человеком на свете, и уже ничто не могло польстить ему сильнее, чем понимание того, что она тоже скучала и теперь рада его видеть. Только ненавистный светофор разделял их, и казалось, что эта штука издевается, отсчитывая секунды все медленнее и медленнее.

Метро была на его стороне дороги, но Патрик все равно собирался сделать шаг первым, не желая ждать еще десять секунд, пока она перейдет на его сторону.

Когда на таймере оставалось две секунды, Патрик уже было занес ногу над асфальтом, но тут справа раздался скрежет и визг тормозов. Он продолжался еще секунд пять, и из-за припаркованного справа от Патрика фургона, закрывающего ему обзор дороги, вылетел огромный черный внедорожник, лишь каким-то чудом вписавшись в поворот.

Осторожно выглянув из-за фургона и не найдя взглядом других желающих поиграть с ним в боулинг, Патрик показал остановившемуся у обочины водителю средний палец и быстрым шагом пересек проезжую часть. Уже через секунду он напрочь забыл об этом случае, заключив Бетти-Энн в объятия.

Как же долго тянулись эти полторы недели, и как же он соскучился по каждой ее частичке – и по этому замиранию в груди, как будто ты завис над пропастью.

* * *

Я полз сквозь время и пространство, с любопытством наблюдая за происходящими вокруг сценами и разглядывая статичные картины. Удивительно, на что способна фантазия больного человека...

Все, что я оставлял позади, блекло и выцветало, а я становился все больше, все страшнее, все... голоднее. Бесконечный голод, который нельзя утолить, неотвратимость смерти, лишь благодаря которой может родиться жизнь, новые и новые витки одной и той же истории. Замкнутый круг.

Скоро следующая остановка. И этот сопливый мститель, кажется, облажался, так что все снова придется делать мне; но славно, что он все же успел перед развоплощением указать мне, где находится следующая жертва.

* * *

– Ну все, отпусти. Иначе мы так вместе и замерзнем здесь. Будем стоять как памятник глупости.

– Памятник нежности!

– И голуби будут гадить нам на головы. Ты этого хочешь?

– Ладно, ладно, снежная королева. Вот твоя свобода.

Патрик разжал объятия и, чуть отступив назад, взглянул на Бетти-Энн. Порой ему казалось, что он несет какую-то просто невыносимую чушь, но она, видимо, готова была многое вытерпеть.

– И вот цветы – как дань этой жертве.

Девушка взяла букет и вопросительно посмотрела на Патрика.

– Какой жертве?

– Которую ты приносишь каждый раз, когда я несу чепуху.

– Мне кажется, или ты снова начал разговаривать сам с собой, не посвящая в эти беседы меня?

– Каюсь. Грешен. Все твои многомесячные усилия пропали даром, и теперь мне нужно заново учиться проговаривать все вслух.

– Боже, стоит оставить тебя буквально на неделю...

– Кха-кха! Позвольте, юная леди, но вы ошиблись. Вы оставили меня без своего общества на двести пятьдесят восемь часов – и в секундах я не считаю только потому, что их число меняется быстрее, чем я могу сосчитать.

– Я придумала, что подарю тебе через месяц. Круглый красный нос и оранжевый колпак.

– Ваши инсинуации весьма потешны, юная леди. Если вы так поступите, то мне не останется ничего, кроме как убивать детей.

– Почему слово “инсинуации” мне кажется чем-то гадким?

– Потому что кто-то дурно на тебя влияет. Вычислить бы этих прохвостов – и поговорить с ними по душам. За всю херню.

– Умерь свой пыл, Тартюф.

– А как мне тогда греться?

– Пойдем скорее в метро. Пока я не окажусь в тепле, эскизов тебе не видать.

* * *

Патрик и Бетти-Энн сидели на скамейке в магазине и ели чипсы – несмотря на ужасную погоду, все ближайшие кафе были забиты. Патрик разглядывал эскизы и пел им оды, а Бетти-Энн разглядывала его лицо, пытаясь найти на нем хотя бы намек на неудовольствие, неодобрение или признаки лжи – безуспешно. Похоже, картины ему действительно нравились.

– А помнишь, как ты сомневалась, стоит ли тебе попробовать, думала, что у тебя так ничего и не выйдет?

– Да, помню. Но пока что только ты их видел, а ты в этом случае, скажем прямо, не совсем объективен.

– Даже чувства не могут затмить мою тягу к честной оцен-

ке искусства. Например, как-то моя мать показала мне свой хэнд-мэйд горшок для растений, я честно сказал, что получилось плохо.

– И как она отреагировала?

– Обиделась, как же еще. Даже после получасовой лекции о пользе искренности она меня не простила, и в тот день я остался без ужина.

– Ты знал, на что идешь.

– Ну да ладно, не будем о грустном. Так вот, когда ты будешь выставляться в нью-йоркской галерее, треть выручки за билеты и проданные полотна будет идти мне.

– Хорошо, только мне будет идти треть от продаж твоих книг, на которые я тебя – по твоим же словам – вдохновляю.

– Это будет забавным соревнованием только в том случае, если мы будем отдавать друг другу не треть, а все. И вообще, к черту деньги, мне достаточно будет просто стоять на этих выставках и рассказывать посетителям историю каждой картины, типа “Вот эту она написала пьяной, это видно по специфической технике работы с кистью” или “Нож в черепе с синей фуражкой символизирует ее отношение к подземному транспорту”.

– Я бы выгнала тебя после первого же объяснения. И вообще, ты сам первым заговорил про деньги!

– Это был не я, а мой внутренний жмот. Этот тип иногда вырывается на свободу, извини.

– Сколько же в тебе демонов...

– Больше, чем чипсов в этой пачке. Но, как и с чипсами, ты помогаешь мне уменьшать их количество.

– Так а что издательство? Они тебе еще не звонили?

– Неа. Пока что ждем.

– Может все-таки покажешь им первый роман? Мне он понравился даже больше.

– Ни за что. Я ведь уже говорил – это никакой не роман, а признание. Или письмо. А письма должны читать только их адресаты. Там все слишком личное, чтобы я отдал это еще кому-то.

– Ну ладно, будем ждать дальше. У них еще два часа до закрытия.

Патрик ничего не ответил, уставившись куда-то вглубь бакалейного отдела. Он сидел так пару минут, пока Бетти-Энн, воспользовавшись этим его ступором, доедала чипсы.

– Я ведь уже говорил тебе, как сильно ты мне нужна?

Девушка кашлянула, чуть не подавившись очередным куском обжаренной картошки.

– Говорил! Только когда сделаешь это в следующий раз – пожалуйста, не будь таким внезапным, ладно?

– Ладно. Просто я на минуту представил, что было бы, если бы ты тогда не...

– Не надо ничего представлять. Ты слишком много думаешь и представляешь всякого мрачного. Понимаю, такая у тебя фантазия, но все сложилось как нельзя лучше, и нет смысла возвращаться к тому, что прошло. Сейчас все хоро-

шо, честно.

– Обещаю, я перегрызу горло каждому, кто попробует это испортить.

– Хорошо. Я запомню это обещание зверской вендетты посреди продуктового.

– Пойдем погуляем, я еще что-нибудь пообещаю. Или выполню что-нибудь из обещанного.

– Черт, ну вот что я могу ответить такому мастеру интриги?

* * *

Вряд ли многие могут похвастаться тем, что дрались с богом. Я теперь мог, и даже имел право заявлять о своей победе – он лежал на снегу, залив все вокруг кровью и тяжело дыша. Но это зрелище не внушало мне оптимизма, ведь всего минуту назад на его месте было кровавое месиво. Боги регенерируют очень быстро.

Ладно, буду надеяться, что без блокнота он не сумеет все портить так быстро и эффективно. Иначе зачем он ему вообще нужен? Я разорвал в клочья листы и двинулся по следу этих двоих, даже не подозревающих, какие за них ведутся сражения, и какие последствия может иметь исход сегодняшнего вечера.

Опасность еще не миновала, и я чувствовал здесь присутствие гостя из другой реальности. Эта тварь приближалась к ним, и мне снова нужно было спешить.

* * *

Они стояли под мостом, тонули в объятиях, поцелуях и говорили друг другу много разных приятных слов. Патрику казалось, что он сегодня просто не сможет отпустить Бетти-Энн домой. Каждой секунды вместе с ней ему было мало, и внутри все противилось самой идее о том, что эти секунды могут закончиться.

Мост нависал над водой совсем низко, и пройти под ним, не вжимая машинально голову в плечи, мог только не очень высокий человек. Из-за проложенных рядом с рекой тепловых труб вода не замерзала здесь даже сейчас, в зверский холод, и в ней отражались огни вкрученных в мост фонарей и обступившие реку деревья. Патрику так нравилось это место и то, как оно выглядит по ночам, что свой роман он назвал “Дремучие воды” именно в честь этого отражения деревьев и фонарей, кажущихся падающими с небес на лесную чащу звездами.

Если бы эти двое не были так увлечены друг другом, то они могли бы заметить, что сейчас в дремучих водах отра-

жается кое-что неприятное, но, впрочем, не редкое для леса. Над парапетом моста – прямо над тем местом, где стояли Патрик и Бетти-Энн – зависла верхняя часть тела огромной змеи, раскачивающейся взад-вперед, словно выцеливающей точку, куда нужно нанести смертельный удар. Это продолжалось несколько минут, а затем змея, судя по всему, решила не рисковать всем планом, бросаясь на кого-то из двоих. Вместо этого она свесила крупную приплюснутую голову чуть ниже и высунула из пасти длинный язык, по которому уже катилась упавшая с клыка капля яда.

* * *

Патрик провел ладонью от щеки Бетти-Энн к ее шее, стараясь впитать кожей это ощущение, чтобы оно оставалось с ним еще какое-то время после того, как они сегодня попрощаются. Она крепко прижалась к нему – так, что почти чувствовала биение его сердца сквозь два набора зимнего барахла, и пряча от холода одну руку в карман на спине его куртки, а другую – в отросшие с лета взлохмаченные волосы, на которые этот болван упрямо отказывался надевать шапку.

Болван тем временем вслух жаловался на еще не приобретенную славу.

– А еще я боюсь пресс-конференций. И интервью.

– Почему? Ты же нарцисс, тебе должно быть приятно говорить о себе.

– Дело в другом. Когда мне зададут вопрос – а мне его рано или поздно зададут – о том, что я хочу сказать своими книгами, есть ли за ними какой-то посыл, мне придется ответить честно.

– И что тут такого?

Патрик поймал чешущую его затылок руку в свою. Ладонь Бетти-Энн была маленькой и теплой, а гладкую и тонкую кожу, сквозь которую просвечивали темноватые линии крови и сплошь украшали царапины от когтей.

– Я отвечу, и люди пострадают. У них случится приступ сентиментального умиления, и некоторые могут не выдержать.

– Ничего себе у тебя самооценка. Что же ты такого можешь сказать, чтобы вызвать у кого-то приступ? Давай устроим репетицию. Итак, что ты хочешь сказать своими книгами? Есть ли у них какой-нибудь посыл?

Патрик вдохнул запах ее волос и закрыл глаза.

– Да. Все, что я пишу – это всего лишь мои безуспешные попытки выразить то, как сильно я тебя...

* * *

Я увидел ее – огромная тварь, нависшая над перилами. Ее зеленоватая чешуя почти не отражала свет улицы, словно это жуткое тело не совсем принадлежало этому миру – впрочем, так оно и было – а пасть была распахнута, как будто змея готовилась к броску.

Мой бросок случился раньше, и клыки плавно вошли в горло монстра, а лапы смели врага к дороге, подальше от парапета. Но этого не хватило, чтобы убить ее, и вот надо мной взметнулась огромная окровавленная голова, венчающая десять метров мышц, а я был уже очень слаб после схватки с хозяином этой твари.

Но у меня не было выбора, и бой начался.

* * *

Капля яда упала с языка змеи за миг до того, как огромный пес смел ее в сторону. Капля проделала короткий путь вниз и потерялась где-то в волосах Бетти-Энн.

В тот же момент зазвонил телефон Патрика, и тот умолк на полуслове, так и не договорив, что же он пытается выразить в своих книгах. Даже не глядя на экран, он поднял трубку и раздраженно спросил, с кем разговаривает. Из динамика ему ответили:

– Добрый вечер, Патрик. Это издательский дом “Дежавю”,

мы хотели бы сообщить вам, что готовы взять вашу работу. Если вы согласны, вам нужно будет в ближайшие дни подъехать в наш офис, чтобы мы могли обсудить коммерческие и редакционные вопросы.

– Ого! Спасибо за хорошие новости. Да, конечно, я подъеду завтра, только скажите, куда.

– Улица Онейроида, дом тринадцать. Удивительно, что вы так до сих пор не запомнили адрес, хотя уже столько раз тут были.

В голосе на том конце линии слышался добрый смешок, но Патрика пробил холодный пот.

Что-то не так.

Произошло что-то чудовищное, но он еще не понимал, что.

Но уже чувствовал какую-то роковую неизбежность.

– То есть “столько раз”? Я ни разу не был в вашем издательстве, роман две недели назад привезла моя девушка.

– Прошу прощения, но я точно помню, что привезли работу именно вы. Я хорошо это запомнил из-за названия романа, оно было довольно необычным, и мы с вами спорили на тему того, что в случае, если мы договоримся об издании, придется его несколько изменить.

– Напомните мне, пожалуйста, какое я дал ему название.

– Он называется “Прыг-скок, или 123 замечательных способа сдохнуть”. И я все еще настаиваю на том, чтобы заменить последнее слово на...

– Извините, что перебиваю, но не могли бы вы кое-что сделать? Будьте добры, откройте первую страницу – если книга у вас под рукой, конечно.

– Да, она у меня есть на планшете. Я открыл первую страницу, что вас интересует?

– Скажите, что сказано в посвящении? И кому оно адресовано?

– Здесь нет посвящения.

Мир медленно поплыл перед глазами Патрика. Он выронил телефон на снег и пошатнулся. Отступив на шаг назад, он взглянул на Бетти-Энн. Та смотрела куда-то сквозь него и с каждой секундой становилась все более и более прозрачной, словно растворялась в воздухе.

– Нет! НЕТ!!!

Патрик протянул к ней руку, но не смог коснуться – пространство между ним и Бетти-Энн будто растянулось, не позволив ему дотронуться до нее. Еще миг – и девушка окончательно исчезла, словно ее никогда и не было здесь, растворилась в воздухе, как когда-то исчезла во вспышке пламени в том давнем кошмаре, который превратился в реальность. Словно она была лишь его фантазией, которую он нарисовал для того, чтобы не сойти с ума, словно тогда, год назад, все случилось не так, как он помнил сейчас, а так, как он боялся тогда. Словно они не помирились, словно он не успел, словно она и правда умерла. И перед глазами вновь полыхнул образ убийцы – худое лицо с холодными злыми глазами, ко-

которые знают о боли и о судьбе. Этот шизофренический делирий никогда не собирался заканчиваться, вот только здесь небо не затянет багровыми тучами, как во сне, и он ничего не исправит...

Вдруг поднялся жуткий ветер, разогнавший облака и обнаживший бледное тело луны. Надвигалось что-то серьезное – как будто мир скатился к какому-то обрыву и завис на самом краю, покачиваясь и скрипя. Плоть времени была видна так ясно, что это резало глаза – сейчас было очевидно то, о чем некоторые лишь догадывались: время шло во все стороны, одновременно расширяясь до дурной бесконечности и сжимаясь до жалкого ничего. Вокруг бледными тенями проступали сцены из других, явно очень далеких мест.

Патрик оглянулся. Он был совершенно один. Ветер безжалостно хлестал по щекам и толкал в спину – в сторону каменного бортика набережной.

* * *

Мир был сер и недвижим. Пьеса приближалась к своему завершению, и в последних актах было все больше надрыва и сюрреалистического безумия, актеры переигрывали и импровизировали, и уже даже драматург появился на сцене – он то и дело подскакивал к тому или иному актеру и, оттес-

нив его в сторону, брал его роль на себя, желая показать, как все должно было выглядеть в идеале. Но сейчас он, как и остальные, замер.

Единственным, что двигалось в этой пустыне действия, была девушка, что только что поднялась на сцену из зрительного зала и теперь ходила вдоль нее, разглядывая персонажей, из позы и лица. По ней сложно было понять, как она относится ко всему происходящему. Возможно, это был интерес, возможно – брезгливость, возможно – безразличие. Если бы кто-то из труппы мог видеть ее, то их бы поразило, насколько же она похожа одновременно на двух актрис, играющих главные женские роли в разных актах, но никто так бы и не понял, что это как раз они похожи на нее.

По очереди обойдя и рассмотрев вблизи всех, кроме автора, девушка поднялась на декоративный балкончик и окинула взглядом сцену главного действия.

Патрик стоял на коленях на краю бортика, за которым темнела вода, уже не отражающая свет фонарей. Змея и пес лежали на асфальте моста, уничтожившие друг друга, победившие и проигравшие одновременно. Пса девушке было жаль – она ставила на него, ведь он был единственным, кто ее видел в зале и шел за ее образом сквозь геенну – к этому месту, лишь для того, чтобы, как оказалось, умереть, так и не защитив свое “добро”.

Драматург к этому моменту сбросил с себя оцепенение и теперь смотрел на нее снизу вверх – тоскливо, с горечью и

радостью одновременно, и, конечно же, с этой его идиотской бесконечной надеждой.

– Чего ты хочешь добиться? Я и так вижу, что ты хочешь сказать. Просто не хочу это слышать – и не хочу отвечать. Как ты до сих пор не понимаешь?

Он ничего не ответил, лишь продолжил смотреть на нее.

– Пора заканчивать. Хватит прятаться, поставь уже точку, наконец.

– Ты не понимаешь. Это все нужно лишь затем, чтобы услышать тебя. Чтобы хотя бы так, если нельзя по-другому, чтобы снова быть частью твоей жизни. Ты просто не представляешь, на какие еще глупости я способен даже ради этого. Чтобы можно было и дальше надеяться, что когда-нибудь я все верну. Стоя напротив, глядя в глаза, скажу...

Девушка, не дослушав, превратилась в светящийся поток частиц и исчезла где-то в небе, перейдя границу между реальностями. Драматург оглянулся вокруг и, прежде чем исчезнуть тоже, надолго задумался о чем-то.

* * *

Одно отражение глядело на другое, и ни одно из них не могло понять, кто реален.

Человек в сером плаще злобно оскалился в ответ на ка-

кую-то свою мысль, и жвачка прыснула между скрипнувшими зубами. С отвращением выплюнув ее в окно купе, он бросил взгляд в коридор, где его попутчик как раз запрокинул голову, будто глотая какую-то пилюлю. Злоба на лице человека в сером сменилась выражением мстительного удовольствия, и, вернув самообладание, он достал из кармана пальто трубку.

Время расстилалось перед взглядом наблюдателя, кое-где закручиваясь в невозможные воронки...

Над спящим на песчаном берегу человеком стоял его освободитель – стоял и словно что-то взвешивал, и с каждой минутой его лицо становилось все мрачнее.

Спирали времени ввинчивались в мясо реальности, и их вращение сковывало любого, кто осмеливался проследить взглядом ход истории, которую они рассказывали.

Парень в майке, на спине испачканной в побелке, окруженный искрящимся силовым полем, взмыл над полем странной немногочисленной перестрелки посреди руин города, его глаза полыхнули багрянцем, и высоко в небе этот свет отразился в плывущей мгле. Внизу кто-то из комбатантов что-то крикнул про грезы, показывая пальцем вверх, но парень уже всю мчался навстречу своей свободе и – как он, убитый горем, думал – лучшему миру для всех.

Время продолжало мчаться вперед – и точно так же мчались воды реки, гонимые в разные стороны ходом событий. В одной из сторон их встречал водопад, а затем... А затем

из той воронки, что была в самом низу водопада, кто-то показался. Постояв немного на краю разрыва реальности, путник, пока еще скрытый за стеной воды, двинулся вперед, в сторону подъема, ведущего к осеннему парку. Ему предстояло помочь времени вновь сделать нужный поворот.

На поверхности, часть третья

*Wipe the ash from your eyelashes
And follow on the white rabbit
Tonight you might catch it
Been clinging on to madness
But I finally built a kingdom from my passion
Shahmen – Mice*

Я проснулся от странного ощущения, как будто мое тело раскачивалось в пустоте, подвешенное цепями за плечи перпендикулярно воображаемой земле. Во сне мне на секунду показалось, что я умер – будто бы небо вдруг побагровело и разверзлось, и из космоса весь мир озарили зеленоватые призрачные лучи, которые стали последним, что я увидел в жизни, словно что-то миллионы лет сдерживало в межзвездном пространстве смертельное излучение, не давало попасть на землю, и вдруг исчезло. Вздрогнув, я проснулся и сразу же сжался от холода – на самом деле я раскачивался ни в какой не пустоте, а в морозном раннеянварском воздухе, и не

цепями я был подвешен, а сидел на качелях. Впрочем, они, в свою очередь, все же были подвешены цепями к турнику.

А раскачивались они не из-за новогоднего ветра, хоть он и был весьма неприятным. Причиной их движения, несомненно, был человек, стоящий в метре от меня и уже вновь протягивающий руку, чтобы качнуть меня в пустоту. Заметив, что я очнулся, он руку убрал, и мне представилась возможность лучше разглядеть этого странного прохожего. На вид ему было около двадцати пяти, ростом не выделялся. Он, должно быть, страдал сейчас от погоды не меньше меня – на нем были только штаны с футболкой, да кроссовки на ногах. Впрочем, незнакомец совсем не дрожал от холода, он вообще казался чем-то не совсем материальным, да и взгляд у него был примечательный – одновременно и цепкий, и затуманенный. Тут я вспомнил, что совсем недавно был пьян и заряжен недурственной дозой порошка. Уж не остаточные ли это галы? Рука сама собой потянулась в карман куртки...

– Не это ищешь?

Я безошибочно узнал вещество в пакетике, который незнакомец держал в руке на уровне моих глаз, но не так близко, чтобы я мог быстро его выхватить. Он спер прах. Больше всего пугала не перспектива на время остаться без вещества, а мысль, что он может узнать состав, может сдать его ментам, а на пакетике наверняка полно моих отпечатков, да и все нычки я вряд ли успею вычистить, если он будет действовать оперативно. Хотя нет. Больше всего пугало то,

что он ведет себя провокационно и почти насмехается. Его мотивы и цели неясны, а это всегда крайне опасно.

– Я где-то слышал, что воровство – это грех.

Незнакомец с притворно пристыженным видом почесал лысую голову.

– О, не переживай ты так. Я не крал, потому что верну тебе твое забытьё...

– Здорово. Давай.

– ...После того, как ты кое-что сделаешь. Суший пустяк в знак благодарности человеку, что подобрал выпавший из твоего кармана пакетик, который в противном случае занесло бы снегом или унесло ветром.

– Так я и думал. В мире не осталось настоящего бескорыстного альтруизма.

– То есть ты думаешь, он когда-то был?

– Просто фигура речи. Ну и что тебе нужно?

С каждой секундой этот человек раздражал и беспокоил меня все больше. Я медленно подходил к решению забить на прах и смотаться отсюда побыстрее.

– Для начала – чтобы ты перестал думать о том, как бы удрать от судьбы. Поверь, я бегаю быстрее тебя.

Ага, ладно. Он угадал? Должно быть, хороший психолог. А хороший ли лжец?

– Допустим, что я перестал. Ну и кто ты вообще такой?

– Я твой преданный читатель, зачитал последний рождественский рассказ до дыр – ну, образно говоря, ты ведь его

не печатал. Да и не напечатаеть.

Как этот урод узнал? Если только... Рука вновь окунулась в карман, но уже за телефоном. Мой преданный читатель ухмыльнулся, и тут меня прошиб пот – я вспомнил, что прямо перед тем, как я заснул, телефон был разряжен почти в ноль и уже вот-вот должен был отключиться. Он никак не мог успеть найти и прочесть рассказ.

– Не совсем. А представь, что у меня был бы у меня с собой пауэрбанк...

– Что? Какого...

– Ладно, приколы в сторону. Дело у меня к тебе важное, а времени все рассказывать по порядку, как рассказали мне, нет в наличии. Так что к делу: я хочу, чтобы ты изменил концовку своего рассказа. Нужно перевести время.

– И чего это значит?

– Я все подробно объясню, что написать. Это все, что мне нужно, и я правда буду очень благодарен, если ты сделаешь это. Получишь назад свой химический эксперимент и... И полтос.

Этот тип предлагает полтос за изменения никому не известного рассказа? Он действительно читает мои мысли? И почему он кажется нереальным? Твою мать, а теперь улыбается, будто опять знает...

– Не сказал бы, что читаю увлеченно или нахожу их интересными, однако – да. Так и есть. Можешь вообще рот не открывать.

Ладно, я не знаю, что это за эффект, но он наверняка психоактивный. Этот человек – галлюцинация. Или я все время говорю вслух и не всегда замечаю это.

– Это скорее ты галлюцинация или тусклый образ, а я – на порядок реальнее тебя, и намеренно дереализовался на твой уровень, спустился к простой форме. Могу дать по уху, если хочешь проверить. Тебе в любом случае будет больно, будь я реален или видение, в существование которого полностью верит мозг. Так что просто достань телефон, вот тебе пауэрбанк, открой свой рассказ и допиши то, что я попрошу. Ладно?

Окей, я почти уверен, что это все-таки глюк. Я уже давно понял, что зачастую лучший способ бороться с настойчивыми, но физически безопасными глюками – подыграть им в какой-то момент.

– Как скажешь. Мне пофигу, кем ты меня считаешь, просто врубай телефон.

Интересно будет узнать, что мое подсознание хочет изменить в книге – довольно редко представляется такой случай. Я “подключил” телефон к “пауэрбанку”, и экран загорелся. Убедительно. Хм, а что будет, если я, например, поищу в сети информацию о чем-то, чего не помню? Допустим, о Семилетней войне. С помощью подсознания я вспомню все то, что читал о ней лет десять назад? Круто, а если поищу что-то, о чем ничего не знаю, что мой мозг подсунет мне тогда?

– Сначала открой книгу, потом страдай какой хочешь хер-

ней.

Ладно, ладно, сейчас открою. Боже мой, каким я могу быть неприятным типом. Никакого уважения и вежливости.

– Хорошо, сейчас я на два уровня ниже. Теперь открой последнюю главу.

Каких еще два уровня? О чем это я?

– Меньше вопросов, чувак. Открыл, ага. Так, теперь сцена под балконом.

Я хочу что-то дописать, изменить концовку. Ха, любопытно. Я был совершенно уверен, что такой финал идеальный и правильный. Хорошо, что дальше?

– А дальше напиши вот что...

Галлюцинация наклонилась ко мне и тихо проговорила основные тезисы новой концовки. С каждой минутой этого объяснения у меня все больше расширялись глаза от удивления. Черт, это же и правда неплохо! Может даже изменить концовку на самом деле, когда остаточные эффекты от трипа пройдут?

– Ты все понял?

Да, да, понял я. Красивый поворот, признаю. Такое и правда можно записать – и обязательно запомнить. Будет над чем подумать позже.

– Ага, ты подумай. Раз уж это из-за твоего падения в воду столько всего пошло не так, то тебе и исправлять.

Хм, а при чем тут мое падение? Разве это не было тоже глюком? Хотя тогда все логично, во время галлюцинаций со-

знание живет в немного другом мире, и эти эпизоды могут быть сюжетно связаны. Как сны. А если вся жизнь может быть сном, то и глюком может вполне...

– Харэ философствовать, солипсизм ни к чему хорошему не приводит. Так, погоди, ты скоро насмерть замерзнешь, хотя и не чувствуешь этого. Дай-ка я сменю обстановку.

Хлопок, и я вдруг сижу в кресле-мешке в своем подвале-логове. Шикарно, вот бы в реале так уметь – бросаешь пафосную фразу и оказываешься в парке километров оттуда, где только что был. Так, это получается, что тут я все время и был, и Новый Год встретил тоже тут, нанюхавшись прахом и видя странные сны. Что ж, не самое худшее место. Уж точно лучше скучных классических вариантов. А, и этот тоже тут.

– Ясен пень, ты же еще ничего не дописал. Давай, скорее, тогда я уйду и дам тебе спокойно поразмышлять над всем произошедшим и, быть может, задуматься о том, чтобы уменьшить дозу. Пиши.

Пишу я, пишу. Ну, как бы это завернуть...

* * *

Когда я переписал концовку и поставил точку, галлюцинация одобрительно кивнула. Пару секунд я просто сидел в кресле и ждал, пока морок хлопал себя по карманам и огля-

дывался вокруг в поисках чего-то (как будто он тут что-то мог оставить). Затем вдруг в голове мелькнул образ – скорее даже воспоминание. Отголосок недавнего “сна”. Что-то там было такое, тревожное и беспокоящее, неуловимое для цельного восприятия. Я мог уловить только отдельные звуковые образы: кто-то куда-то шагает, и грохот этих шагов заглушает все вокруг. Скрежет и хохот. Всплеск воды, а затем – гул приближающейся бури. Шуршание бумаги в конверте. Приглушенный разговор высоко над землей. Эхо осторожных шагов по огромному залу. Звон и смешок. Шелест листвы, после него – раскаты грома вдалеке. Треск огня, пожар растет. Скрип и треск огромного механизма. И вновь скрежет и грохот. Так, подожди-ка. Неужели? В тот же миг, что эта мысль промелькнула в моей голове, морок обернулся и окинул меня таким взглядом, что пальцы, протянувшиеся было к экрану телефона, вздрогнули и замерли.

– Неожиданно быстро ты догадался. Но давай-ка без вот этих вот порывов, ладно?

Экран телефона вдруг погас – он будто моментально разрядился. Что я только что сделал, переписав концовку?

– Ты все сделал правильно, и будь у меня на своем уровне лишнее время – поверь, я бы все объяснил. Но его нет, как у тебя нет права теперь что-то менять.

А Питер? А Мэри-Кейт? Как такое вообще возможно? Что с ними после этого будет?

– Со временем все станет на свои места, ты все поймешь,

увидишь это как небольшую, но связующую деталь огромного узора. Дальше от тебя уже ничего не зависит, но ты сделал кое-что очень важное – поймал нужный ход событий в петлю, и нам осталось ее только затянуть. Твой цикл на четырнадцатый раз по какой-то причине пошел не по плану, с ошибками, и нужно было им противодействовать, а самая простая методика работы со временем – создание петли размером с весь конкретный универсум.

Это же все еще трип, так? Я порядком охренею, если это не так. Но какого черта, неужели мое подсознание сумело придумать такую сложную концепцию? Да, это идеально объясняет желание изменить концовку таким образом. Вообще-то я уже довольно долго поддаюсь на собственную провокацию, которую делаю с целью, которой не осознаю. Вдруг эта цель мне не понравилась бы? Стоит попробовать бороться с этим видением и его желаниями.

– И как же, позволь узнать, ты это сделаешь?

Я бросил взгляд на телефон. Да, пожалуй, я смогу убедить себя во многом. И еще не факт, что реальное редактирование текста имело место. Все это происходит внутри сознания, и на самом деле с моим телом может быть вообще что угодно. Быть может, я сейчас как раз почти уже замерз на смерть, и это предсмертные видения, вызванные выбросом разных биологических веществ в мозг через кровь. Если так, как мне очнуться, рвануться к жизни последний раз, чтобы суметь спастись? А может все это просто хреновый сон? Во

сне почти всегда думаешь, что все по-настоящему. В любом случае, бороться нужно на своем поле. Не в созданных подсознанием условиях и декорациях, а в этом вот мозгу, которым я сейчас все это думаю. Сейчас я очень постараюсь заснуть...

– Теперь твоя догадливость уже прямо-таки поражает! Ну попробуй, если веришь в себя.

Соберись... Вот так, поймал что-то похожее по ощущению. Отлично, начинаю засыпать... Глаза закрываются... Ааааа!! Блядь!

– Извини за эту, как ты сказал бы, фантомную боль. Просто ты и правда начинал засыпать, а этого мне пока точно не нужно.

Твою мать, а ну хватит! Я должен помочь...

– А вот залупу тебе на воротник. Ты уже помог им – на другом цикле. Единственный недостаток таких вот игр с реальностью состоит в том, что каждый виток идет отдельно, и в “твоем” мире все произойдет не так. Но он будет таким последним.

И что это должно значить? Просто бред, но боль чувствуется как настоящая. Ладно, я подожду, но все равно я спасу их.

– Договорились. Еще с полчаса ты не сможешь заснуть, а потом все вернется в норму, и делай что хочешь. Я же, будучи теперь уверен, что ты ничего не успеешь испортить, исчезну уже сейчас. Было приятно познакомиться, всего тебе

доброе, а мне пора домой.

Черт знает кто отвесил шуточный поклон и начал постепенно терять образ – он будто становился все прозрачнее, сквозь его расплывающийся силуэт был виден какой-то идиллический пейзаж: две ленты – река и дорога – словно бы удерживали громаду чаши от падения на переливающееся золотом в свете августовского заката поле. На этой картине было так мало движения – единственное, что дает понять, что это живое место, а не замерший кадр, это несколько закруженных легким ветерком листьев. Самого окончательно исчезновения гостя я не заметил, увлекшись мыслями о каком-то другом мире, но вот уже в подвале тихо, и кроме меня нет больше никого. И довольно скоро я уже сумел заснуть. Или проснуться? Хотя... Вряд ли есть какая-то разница.

* * *

– Ты так долго страдал. И теперь, когда ты пришел ко мне, я объяснил, как прекратить эти страдания. Как вернуться к жизни. Разве ты не хочешь этого? Не хочешь вновь стать полноценным человеком – чувствовать, воспринимать, радоваться, видеть цвета? Ты не веришь мне, думаешь, что я в обиде за тот случай с сабелькой, гадаешь, какой же страш-

ной ценой. Я отвечаю: ценой всеобщего благоденствия, мира, гармонии и счастья для каждого. Не выйдет вернуть огонек жизни только для тебя – либо все, либо никто, третьего не дано. Не понимаю, что тут смешного. Разве что идея кажется тебе настолько невозможной, утопической, что лучше посмеяться над ней, чем принять всерьез и попытаться реализовать, ведь в случае неудачи удар будет таким болезненным, как никогда прежде. Я покажу...

Над поверхностью воды плыл туман, и в этом тумане были едва различимы два силуэта: один стоял на коленях и водил по воде руками, замороженно глядя в глубину, другой сидел на камне у берега и улыбался каким-то своим мыслям. Так прошло несколько дней, пока первый не поднялся на ноги и решительно, борясь с дрожью в голосе, согласился с планом второго.

– Хорошо, я готов. Только откуда ты возьмешь вторую половину ритуала?

Второй самодовольно хмыкнул.

– Когда знаешь, где что находится, достаточно лишь протянуть руку.

– То есть кто-то уже призывал их?

– Призывал, что и привело нас в это время и место. То, что собой представляет мир сейчас – последствия его выбора. А свободный выбор в реальном мире всегда был... проблемой.

– Тогда я не совсем понимаю разницу между его мотивами и твоими.

– О, все до банального просто. Он совершил ошибку, продолжив развитие, ведь без развития он не видел смысла, он не уничтожил понятие конфликта, он построил модель точно такого же мира, в котором он появился и стал собой, он никак не изменил сами правила построения реальности, и она вновь победила, поглотила импульс. Мутировала, теперь уже – внутри него. Я же такой ошибки не совершу.

– И как этого можно избежать?

– Что ты будешь делать, если при написании картины у тебя закончилось место на холсте?

– Возьму новый холст, что еще. Или буду писать поверх уже написанного.

Второй вздохнул и укоризненно покачал головой.

– У него была похожая логика – залить все одним цветом. А я в такой ситуации сделал бы каждый элемент картины зацикленным, рекурсивным. Разве это не очевидно? Если у тебя остались вопросы, как это работает, то лучший способ – увидеть самому. Давай уже начнем. Призови их.

Первый несколько секунд озадаченно смотрел в туман, будто пытаясь разглядеть в нем другой берег озера – или возможные последствия того, что он согласился сделать. Но решимость довольно быстро вернулась к нему.

Через три минуты после начала ритуала где-то далеко в небе прозвучали первые раскаты грома, что подобно колокольному звону должны были ознаменовать конец всего, что было прежде, и начало того, что никогда ранее нельзя было

представить. Еще через какое-то время в нескольких случайных местах начался странный мелкий дождь без каких-либо признаков облаков, туч или иных возможных источников выпадения осадков.

Глава пятая

Философы и мыслители – это те люди, кто глубоко задумывается над тем, над чем должен задумываться каждый.

Надпись на стене в туалете бара

Я сидел, невидящим взглядом уставившись в огонь, и казалось, что языки пламени плясали уже не в камине, а у меня в голове.

Вот я и дочитал повесть, которую сам подложил под свою же дверь, которую сам же и написал. Память обо всем, что описывалось в тексте, навалилась на меня внезапно, и это было слишком сложно принять сразу. В мире, который я знал, в котором я жил до сегодняшнего дня, не могло быть такого – однако, оно все же имело место.

Да, наделал же я дел. Сколько всего наговорил. И ведь все – о себе, в конечном счете ведь только о себе, заботясь лишь о себе, думая лишь о себе, дорожа лишь собой. И если в ком-то и видел ценность, если питал чувства – то не оттого ли, что видел отражение себя? Такова суть мира, такова и моя исто-

рия, использующая идеи и людей как декорации для пьесы о себе самом. Так кого я могу винить во всем произошедшем, как не себя самого?

И сколько же времени прошло с тех пор? Судя по датам и косвенным признакам, около года, но, черт возьми, почему мне неустанно казалось, что это было десятилетия назад? Неужели что-то еще может быть как прежде, и если может, что же для этого нужно сделать? Какие горы свернуть, какие расстояния пересечь, какому дьяволу продать душу за возвращение человечности, возвращение чувств?

Я вновь и вновь задавал себе эти вопросы, хотя знал, что ответов на них нет и не будет. Возможно, именно поэтому я и придумал так много странного – в надежде отыскать их самостоятельно, исторгнуть из себя. Но ничего так и не вышло, и внутри была лишь прежняя пустота, а воспоминания о том, что раньше все было как-то иначе – закупорены, заперты в вакууме, и на миг захотелось уничтожить эту не дающую мне покоя память, уничтожить все, что осталось хорошего, чтобы мир пришел в свое естественное и идеальное состояние выжженной волей и обращенной внутрь себя ненавистью пустыни.

Но разве я не пробовал уже сделать это? Разве не именно такое решение привело меня сюда, в этот дом, в это утро, которое все же нашло меня, догнало и оглушило хуком из прошлого? Похоже, бежать от себя действительно бесполезно, но как можно было верить, что удастся скрыться от врага,

которого ты сам носишь в себе? Если действия не приносят результата, если бездействие ничего не упрощает и не облегчает, то все, что остается – действовать иначе. Бесконечно перебирать ключи, пока не найдешь нужный – или пока не умрешь от старости с бесполезной связкой в руках.

Решение пришло, в этом я не ошибся. Но теперь я не был уверен, что оно сработает, ведь не сработало ничего до этого. Только в сказках герой все же обязательно побеждает в конце, а мы живем если и в сказке, то в очень плохой и странной, из тех, что не принято рассказывать детям, что пугают и завораживают, когда слушаешь их у костра – вечером, в окружении темноты и гниющих листьев, наедине с человеком, которого видишь в первый раз; и так похож он на какого-то духа леса, что уже дорисовываешь в воображении корону из черных ветвей на его голове.

Я потушил огонь в камине, надел пальто, закинул на плечо дорожную сумку и у самой двери оглянулся на то, что казалось мне домом, пытаюсь найти в себе сожаление. Не найдя ничего подобного, я удовлетворенно кивнул и ступил за порог.

Куда приведет меня эта дорога? Конечно, сперва она приведет меня на железнодорожную станцию, но что будет дальше? Куда мне идти, если нет ни карты, ни указателей, ни проводников?

Ответ я нашел, бросив взгляд на небо, удивительно чистое и безоблачное в эту ночь – казалось, что весь мрак, смог и

чернота спустились с небес на землю, укрыв от человека посреди безграничного простора его дорогу. Я отчего-то улыбнулся – искренне и неподдельно, как не улыбался уже очень давно – и сделал первый шаг в эту клубящуюся темноту, пусть даже не зная, что в ней таится, и сколько лет мне придется идти, и дойду ли я вообще. Вскоре я скрылся в черном тумане ночи, и звуки моих шагов затихли, оставив после себя лишь звенящую тишину.

А в небе все так же сияла М.К.Б.Э. – звезда из невероятно далекого скопления, ставшая когда-то для меня путеводной и все еще занимающая свое место на небосводе.

Если я в чем-то и был уверен, так это в том, что буду идти, пока вижу ее негасимый свет – неважно, куда и как долго, ведь, каким бы ужасным все вокруг ни было, я никогда не перестану верить в чудо.

* * *

Все это когда-то уже было – так я думал, сидя у окна и глядя на проплывающие мимо заснеженные пейзажи. Дежавю. Я все это говорил. Я все это думал. Но было и что-то новое – то, с чего все началось, конверт с дистиллированным безумием, строки, вырванные из погибающего в огне разума. Они не были частью рассказа, но разве я сам был его ча-

стью? Возможно, именно из-за своей инородности они здесь и оказались к месту. В моих руках была страница, вырванная из тетради и исписанная неровным мелким почерком. Я вновь и вновь перечитывал то, что там написано, и с каждым прочтением находил в этом бреде все больше смысла. Вот что там говорилось:

“Погляди через облако шторы: вдруг через одиннадцать от раннего утра пятого и еще на следующий, между девятью и десятью в темноте, кто-то придет постоять, просто так, ничего не испрашивая, ведь нечего, набирая в легкие все больше свинцового воздуха и молча вмещая запредельность нерожденных странных историй о мирах, что никак не желали воплощаться, разбухая в яме греховного черепа в жуткий ком скрежещущего хаоса, в преддверии патового саморасстрела под эскортирующий наглухо остервенелый исход из лазурных сказочных выдумок, безучастно загубленных самолично, аккомпанемент самых подспудных отчаяний не верящий, не просящий, но боящийся пришелец из ледяных пустынь за горизонтом событий, не надеющийся на послабление, все туже затягивая каленую цепь на шее, не рассчитывающий на блаженное забытие в прохладе садов, не уповающий на перерождение, а принявший себя бессмысленным и пустым болванчиком, в любой момент готовым занять причитающееся ему место на свалке сплошь недвижных механизмов с обглоданными ветром лицами; ведь все рушит, уже обреченный с рождения на разбавленное редки-

ми минутами томительное пребывание в границах замкнутого десятилетия тысяч лет назад круга порочного освинения разумом, и, что бы там ни говорили, знающий: уже не спастись от своей окончательности и бесповоротно сгнившего будущего, ровными рядами дней и лет неуклонно лежащего на проторенную тропу той жуткой дороги, начало которой не вспомнить, а конец – не предотвратить, пути, которому издевательски выпало лежать на лезвии клинка, неуклонно расчленяющего тело и калечащего рассудок до той степени, когда уже невозможно понять, куда, зачем и что ты такое есть или был, когда в момент прозрения покидающий тело разум непрерывно дробится на заполненные бесконечно горьким страхом неизбывной ледяной пустоты смерти ячейки в безупречно мертвом свете чудовищной остроты лезвий беспощадного жернова красного прилива бессмысленного безумия, комом пустых слов нарастающего хаотично и невиданно, на зависть и к ужасу всей кровавой господни, осмелившейся впервые взглянуть наверх и увидеть там адский блеск голодной бездны, невменяемо безликой и выжидающей момента быть замеченной, чтобы ежемоментно впитать самую сущность неосторожного демиурга; дробится и сам себя перестает сознать, облачаемый в последние прохладные тени воспоминаний о приснившемся прекрасном мире, так забавно и до краев полном тупой боли от незаживающих, обрастающих колючей, опаленной равнодушно разведенным языческой богиней пожаром в напрочь покинутом через разби-

тое окровавленными лапами окно черного хрустала запертом доме посреди ледяной тундры глухой ненависти к себе волчьей шерстью ран, без всяких ненужных сожалений, нечаянно и с некоторой даже жалостью пополам с удивлением, по-палачески милосердно нанесенных не перерезавшими в отличие от смешного в своей бионической несуразности киборга пока еще бьющиеся живительной силой и верой горла своих надежд на привитое от ядовитых мучений собственным возмутительным несовершенством счастье, жившими и в известном смысле живущими удивительными сказочными созданиями во всего одном экземпляре, подобравшем излишней сложностью вызывающую неутомимое в своей ясности желание навсегда, до первозданно чистого блеска, разглядеть пустые, с копошащимися плюшевыми червями глазницы владельца комбинацию цифр пароля от замка сейфа, вмещающего что-то красное и лишь предположительно живое в вечнохолодной пустоте бесконечно горького страха, запирающего каждый чистый порыв рваной и грязной занавески в вечную весну непроницаемого для света путеводных звезд, могущих осветить истребительную дорогу на север, не позволив перейти чудовищные границы, сдерживающие невыразимый ужас забористого беспорядка, карцера, выстроенного дрожащими пальцами из глины и крови, из молчания и сожаления, из обугленного ворса и оболочек безжалостно проколотых ржавыми иглами остервенелого хохота мыльных пузырей, из разложившейся плоти и

кости каждого предтеческого примата, из невинности Марии и первородного греха Евы; облачаемый тысячей черноглазых ангелов в пурпур, обличаемый в своей иллюзорности господом нашим богом, гневно топчущим облако и бросающим через длинный дубовый стол мертвоголовым псам куриные кости, из последних сил и надежд нарисованным в дальнем уголке сознания, уже агонизирующего неприглядно и жутко перед запретными для рассудка ликами полчища необъятных беспонятий и антиматерий, сжимающими все бестелесное в совершенное ничто своими крокодильими пастьями длиной в бесконечность холодных световых лет и сгниющими ошметками пожратых вселенных промеж скалзубов; с багровых вершин безумной отчужденности наблюдая уходящую веру в счастливый финал, в котором принцесса ткет из драконами испепеленных вен человеческих покрывало, могущее укрыть небо и землю от неизбежного конца, от грозной трубы седьмого ангела, от гибельной поступи спускающегося по золотой лестнице с неба хромого старика с ввалившимися от безукоризненной слепоты буркалами, от разъявленных глоток уроборосов, от необходимой смерти для каждого и от безобразного одиночества в темных водах ледяной полыни, что исподволь утаскивает в себя непуганые души, оставляя на поверхности лишь вздыбленные от беспримерного ужаса разом поседевшие волосы; что – задущенные ли гордостью вопли о помощи и спасении, заткнутые ли еще в горле гнусной тряпкой стеснения себя мириа-

ды слов, способных не оставить от отстраняющего недопонимания и единой зловредной молекулы, липкий ли страх засыпать и просыпаться вновь в продолжающееся после чьей угодно смерти место, зубастые ли взгляды методично похищающего каждую единую крупицу тебя доппельгангера, неотступное ли опасение ненароком не отбросить в зеркало отражения тени – что приснится сегодня, в такой же кошмар перетекаешь и завтра утром, часами вхолостую отщелкивая пленку памяти, мотая и трагически назад, и беспрецедентно вперед, живейше и ярчайше представляя несбыточную небывальщину сокровенных мечтаний о безраздельной власти над чужими желаниями, ища позднее в лицах прохожих ужас понимания, а находя бетонные отражения змеиной ямы, шагая по заметенным черным снегом полям, как по преисподней, с карабином на плече да с гончей стаей по пятам, лишь на перекрестках и под платанами находя убежище, разрывая листья и храня обе части у себя, бежать, бежать, сломя череп и каждую вторую кость нестись прочь от выползающих из омута младенцев с птичьими лицами и проткнутыми цыганской иглой родничками, все ближе к с каждой секундой пуще ужасающей своей доселе неведанной степени незащитности перед удивительным и прекрасным, но мучительным в рядовом равнодушии к страшной нежности, бойко угрожающей тысячелетить неослабно, невзирая на смерть и неизбежную разность двух посмертий; мимо в черных рамках высоких зеркал сокровений, где привычный

двойник поражает отсутствием знакомых очертаний и швами чугунных нитей поверх скалящегося рта, медленно обрамляя лицо кровавым следом от ножа, под стоны и рыдания неслыханных созданий, что плачут нефтью с икон, добираться до края бескрайнего, смещая полюса и литой апатичной обреченностью ломая оси, доходить до невысказанного предела позволенной человеческому разуму ойкумены и пересекать его уже бесчеловечным, выдуманым, истончившимся до микрона, наглухо поконченным с собой выводком василисков, фасеточно-зелено прищуриться на мир за спиной и свирепо внять пьянящему грохоту барабанов войны с людскостью, переключить все на черно-белый режим и действовать по плану, люто и неотступно, уничтожить всех уродов, предусмотрительно начав с себя, а потом в отчаянии свергнуть новый облик, разжевать и разорвать, и, пока оставляющий его разум ячеечно дробится, на мозаике пола черных вигвамов победно сплясать страшный танец эпилептика в кандалах с готичным канделябром пылающих витых свеч в периодически чешуйчатых руках, а потом, как черный песок, выброшенный на глобус, совершить самоубийственный прыг-скок в чудовищные дали ледящего космоса, ниже кладбища и выше солнца, где забыться в нигде и никак, где насмешливо не носят смерчи прах и пепел по умытым кровью и слезами полигонам зверских боев за чужие улыбки, так безразлично похищенные с единственных лиц и надежно спрятанные на далеком полюсе пораженческих,

но совершенно нормальных равнодуший к замертво сгорающим в Марианских впадинах окопов солдатам пустоты, оловянными фигурками, до неузнаваемости оплавленными жаром отчаянных потребностей подбирать со снега едва различимые белые перья и ласково прикреплять их обратно к поникшим крыльям на тонких спинах, чтобы больше никогда этим удивительным существам не пришлось ступать по земле, залитой черной смолой и флегмой, что закипает внутри и порою изливается наружу, идущих на последний штурм, глядя слепыми глазами в зенит, заворачиваясь во вспышки пламени, за благие намерения получая сквозные пустоты на месте органов чувств, и вот уже ползущих, перебарывая ногтями и пальцами миллиметры багровой и влажной земли, к даже незрячими глазами видимому сиянию и обугленной кожей ощущаемому теплу солнца за холмом, далеким и насмешливым, в толщах своих укрывающим от самонадеянных калек ледяные гробницы ожидания; а кто замерзает на полу комнат с бордовыми шторами, разучившись греться самому, должен помнить: все мы платим, все мы должны по гроб смерти, и не было никого, кто бы это изменил, кто мог бы не оставлять надежду, сюда входя, кто сумел бы, продав мир, потерять контроль и не умереть в одиночестве давным-давно, кого не уязвила бы насмешка и снисхождение в добрых глазах над оскаленной зоной пастью, развоплощен и застыл в гостеприимной утробе, в сюрреальной череде грудой ледяных метеоритов, обваливающихся на незадач-

ливую голову покоренного юнита, стершего свое имя из книги мертвых и свой неуместный темный силуэт из колыбельной, что раскаленному разуму так отчаянно нужна была, но не пришлась впору, дней, неуклонной резиной растягивающихся без единого перерыва на сон в жутчайшую из всего виденного картину сумасшествия, карту безупречно кромешного ада; оказываясь то не имеющим ничего личного вулканическим жерлом пулемета, то попавшим сам в себя оскалом медвежьего капкана посреди тайги, безболезненно выпивая чашу за чашей свою ядовитую кровь, но никогда не исчерпывая ее до дна, где притаились все путаные образы, все пляшущие черти, все прожорливые черные дыры, все красной пеленой истеричного психоза в тупиках безудстанно сжимающихся черных коридоров сознания исступленно застилающие отрешенный взгляд эмоциональных паралитиков химеры, с каторжным трепетом следить, как всячески чудовищно не движутся нужным образом задубевшие губы, деревенеют в мучительных корчах пальцы, стынут в кипящем ледяном озере кристально невероятной боли мысли, в несусветно беспрестанном коридоре собственных отражений не находя себе начала, в одну чудовищную ночь быть вновь убедительно погребенным под кошмаром о цветных формах неопишуемой энигмы, на сверхвообразимых скоростях несущихся во всех невозможных направлениях по безошибочно бесцветному полю траекторий пыточного помешательства, а при столкновении порождающих нечто, нуж-

дающееся в революционно новом подходе к описанию ощущений, настолько несовместимом с имеющимися возможностями выражения словами, что все это ужасающее нагромождение пустых букв-обманок начинает казаться беспредельно саркастическим трикстером, до колик в животе потешающимся над изустной беспомощностью заглянувшего вглубь горящих зрачков изувера, из подмирных вселенных наугад оплетающего раскаленный звездопад путами вечной ночи рассудка к вящему ужасу толп рукотворных и неизобретательно уподобленных человеку богов, случайного дурачка, так и не нашедшего глупей себя, а на следующее утро из капризного заточения глядеть, как из космической пыли восстает и просыпается в никуда уже кто-то удивительно другой, с замиранием догорая рассудком, непрерывно дробящимся на полные горького липового сока ячейки с восходящими в них семенами морозного одиночества посреди пожираемых бледной хвори уподобленным легионом заполняющих межпространство термитов колонн, спустя рукава и миллиарды лет уже не так наглядно подпирающих лживое мироздание, где под дулом радиационного дождя разрывает в клочья океанические глубины тоски по убаюкивающему забытию нормальности, где, бархатно отрываясь от невыносимой суетой полного смога муравейников, освещенных мертвенной синевой, ангелы с любопытством наблюдают, как кто-то опять доверчиво сдох в заснувшей тишине, надрывным криком из пучины отупляющей рутинной мега-

ломании заключив в скобки потуги и попытки, заморочено
листая молчаливые хроники убогих дней, впрок пресытив-
шись неизменным отрицанием каждого слова и удара серд-
ца, недоверчивыми останками бездыханно познавая небы-
тие, трупом коченя и кожей плесневея; где обескровленные
оболочки тревожно обколотых новокаином органов смущен-
но испускают аромат кровопролития на покрытом транкви-
лизированными розами плато ложных надежд, изо всех сил не
сумев не издать ни звука против последнего слова обрав-
нодушившегося чуда; а пелена выглядящей картонной тра-
гичности все плотнее заволакивает поле презрения, и бес-
конечно усталые веки все нещадней смыкаются над миром,
нечаянно забыв, что вечность – не срок, что умереть – ни-
чего, если вылакать до конца времен череп ядовитых вин,
пока в заполненных мрачными всадниками о серых дорож-
ных плащах палатах в десна нашпигованные беспредельным
унынием певцы большой и страшной вечности оставляют се-
бе недолгий срок томного флирта с передозировкой, иглами
самоистязания выхолащивая бельма на глазах, позволяя бо-
лезни проскользнуть внутрь, захлебываясь в вопящем бес-
слезном психозе прокаженных беглецов из рая, с клеймами
на груди обретающих спасительное обезволивание, так пусть
же оставшихся надурманят, вливая соки жизни в самую сущ-
ность, чтобы можно было на пыточном столе вдрызг ухмыль-
нуться алчущим крови ритуальным ножам, чтобы хоть как-
то скрасить далекий святой путь из зарешеченной в обитую

желтой губкой камеру, из которой вид предоставлен лишь на свободу птиц, и где дышать вдоволь лишь парами выкипевшей из раскаленного погоней за до оскорбительности математически точным выражением нежных чувств тела крови, ведь зачем расширять легкие воздухом давящего безразличия, раздавлено проглатывая больше, чем можно вынести без замиранья препарированной на блюде беспомощного удесятрения ноши сотен фантастических миров души, когда можно доверчиво свернуться в атом и позволить обезгрезить себя неусыпным кандалам, которыми мир раскованно и со знанием дела оплетает заброшенное и холодное сердце, владевшее некогда телом, что так неосторожно положило покаянную голову в коварную петлю пристрастий к гробящему душу поиску себя в море существ, отринув смерть под волнами тысяч чужеродных лиц нечеловеческой бессмысленности, море багрянца, плещущемся у самых дверей рая, что из черного дуба и напрочь захламлены скулежом несобираемого гомункула, наивно сгорающего от нетерпения быть заботливо собранным за далеким горизонтом завтрашнего дня; и так сложно быть проще, когда все тянущиеся руки кажутся миражами или издевательским розыгрышем, и так мучительно знать, что завтра не наступит, вчера не вернется, ведь все, что можно себе позволить – тончайший нечленимый миг настоящего, неуловимо пожирающий песок в часах, с каждой секундой делая сожаления все горше, глумливо углубляя траншеи линий судьбы на умирающих ладо-

нях, насмехаясь над грубым несоответствием автопортрету, пока стены подземелий и тронных залов сжимаются в лабиринт мрачных кошмаров, в которых, сколько ни проклинай жестоких архитекторов, выхода не найдешь, где беспомощно быть заказанным на блюде голодным мартом, где разнадеживающая тишина перережет в ночи глотки искренних молений – да, вот как это видят безвозвратные утопленники, до зубовного скрежета отвратным презрением к себе к себе обрубающие все шансы-канаты вырваться из трясины саморазрушения, пленники бездонных луж, самонадеянно рискнувшие отразить в их грязной зеркальности свой сумрак отдаленного от ощущений беспорядка мыслей, а темные воды, их впитавшие, не разбирают, кому – в мозг опухоль, кому – по голове обухом, кому – открывать отравленную амброзию, кому – закрывать хохочущую пулями пасть амбразуры, пока шизофазия повествования становится все яснее и абсурднее, и из нее все сложнее скальпельным чутьем вытаскивать сокровенные слова непроизнесенных признаний, мертворожденных рассказов, как то: о путнике, что с бедой креста на плечах пришел в призрачный замок и на сотни лет стал слугой мерцающему герцогу горя, муравьином строителе величественных башен, проведенном полжизни в реальности чужого сна, о монстрах на последних страницах книг, о том, как можно развлечь себя, будучи на сорок тысяч оставленным без смысла в забавной прохладе медленного снегопада на чердаке вселенной, заводя друзей среди теней на стене и

пауков в щелях между плоскостями миров, о том, как лиловым утром восходят семена деменции, превращая все, что после, в непрекращающийся параноидальный ужас, становящийся лейтмотивом чьих-то бесплодных попыток выразить невыразимое; и посреди истошно истекающих пожаром неона бетонных скал озлобленным на все вокруг монстрам с искусанными в фарш губами хочется то ли исчезнуть в мареве пыли, поднятой ускакавшей вдаль мечтой, то ли на седьмой день наконец воскреснуть кем-то материальным и впечатанным в отзывчивость, чтобы не источать отталкивающий холод и безразличие ко всему, что можно понять и почувствовать, то ли так и остаться безрадостным пятном грязи на белоснежном полотне пластмассовой улыбки простых и доступных вещей, и в предчувствии скорого коллапса небесных сфер так не хватает слепоты, и хочется, вместе с птицами разбившись о бетонные тучи, под бой inferнальных барабанов проливным злом упасть в облизывающееся опавшими октябрьскими листьями ротовище могилы, но кровожадная темная сторона тысячей бледных квазаров в отражениях на могильно зеленоватых гранях алмазов вновь осияет тропу меж оврагов и через ручьи мертвого леса, заставит тянуть нить дальше, хоть бы уже и тошно, и стыдно, и смешно жалеть себя, являя своим образом дырявые плечи и опасно не протянутые к недолго ожидающему тепла чуду культи помощи, не способные удержать подарок судьбы, утекший песком не сквозь пальцы даже, а по окровавленным обрубкам,

и пусть же все поклонятся останкам, что медленно ведут к страшному итогу, не оставляя точек, растерянно блуждая в пустых словах, поток которых никогда не ослабнет сам по себе, и, устало превращаясь в огарок, не в силах отрефлексировать такие странные, тяжелые и вышеописанные вещи, не уничтожив весь мир в момент последнего смыкания век, не пройдя через катарсис, не погаснув, не пропав, не помутившись даже рассудком, не сорвавшись, а просто вобрав в себя и в невообразимой бойне с собой же погребя до последнего трепыхания кровенесущего органа под руинами безответного вакуума тоски по человечности все от ужаса в мясо распирающие дыхание замысловато греховные чудовищности, силуэтом за окном в сумрак двора наделяя правдивостью эти слова и явившись не просить, а лишь в распоследней надежде, что за стеклом что-то шевельнется, и в самой безотрадной темноте сверкнет тот луч ослепительно белого света, что однажды стал таким первым и спасительным...”

Небо было непроглядно черным, и лишь одна звезда сияла в нем, все так же освещая мой путь, не известный и мне самому. Куда я ехал? Как долго еще осталось? Чем все закончится? Я не знал ни одного ответа, но знал, кого встречу в конце пути. Но что мне сказать, когда это все же произойдет? Буду ли я вновь молчать, или сумею собрать все самое важное и высказать наконец? Узнаем. Осталось уже совсем чуть-чуть.

Звезда сияла в небе все ярче, словно постепенно прибли-

жалась к Земле. Словно это была вовсе даже не звезда, а луч света, путешествующий через реальности моих фантазий – и всегда падающий на поле мрака, в котором я бродил месяцами и тысячелетиями, из далекого скопления Abell 1689.

* * *

К чему тянуть? Я слишком долго к этому шел, чтобы искусственно продлить ожидание сейчас, в самом конце. Пройдя мимо открытого купе, в котором один человек напряженно что-то печатал на ноутбуке, а второй задумчиво глядел в окно, я сошел с поезда – сразу на бескрайнее поле, посреди которого стояли двое. Я подошел и прислушался к разговору. Она слушала, а он говорил – ну, скорее пытался говорить о чем-то, что-то объяснить, рассказать. Но у него опять ничего не получалось. Тут он мог быть только собой, и имел обычные для людей слабости.

Далеко впереди возвышались горы. У их подножья рос лес, и деревья его качались от ветра, и все вокруг каждым мельчайшим действием подтверждало у подчеркивало пустоту, окружающую меня изнутри. Где-то на краю поля (технически у него все же был край, да) трава шевелилась и сминалась – это к нам троим ползла змея, бывшая когда-то и где-то мечом-вампиром. Какая разница, когда и чем она бы-

ла? В ней нет смысла, как и в болване, стоящем недалеко и объясняющим очевидно ненужное. Я легко могу уничтожить змею и дать начало новому витку милосердия, и так же легко могу позволить ей убить его – мне для этого вообще ничего не нужно делать. Это было помутнение, но оно все никак не проходило.

Человек, выдающий себя за меня, все говорит, а змея уже совсем близко – скоро она окажется на расстоянии смертельного броска. А мне все равно.

А затем произошло сразу несколько событий.

Путеводная звезда сверкнула в небе особенно ярко – и мощной ослепительной вспышкой света снизошла на ту, что стояла напротив этого идиота, на секунду вернув ей истинный облик.

Моя бледная тень, даже не замечая этого, продолжила свой сбивчивый монолог.

– Я всего лишь хочу сказать... Я...

Одновременно с этим змея, наконец, добралась до цели и вытянулась в воздухе, исполнив изящный бросок, нацеленный прямо в горло говорящему.

Я пришел в себя и все понял – догадки и подозрения выстроились в одну огромную схему, непрерывно и бесконечно изменяющуюся, и ненадолго пласты реальностей стали в ряд, так что можно было понять, кто есть кто. Поймал тварь я в каких-то сантиметрах от его лица. Змея моментально скрутилась вокруг моей руки и укусила в запястье, после чего я

просто-напросто свернул ей шею. Моя кровь, успевшая войти в реакцию с ядовитыми железами в клыках, быстро расстворила змею от головы и до хвоста.

А потом, не дав человеку договорить, я занял его место.

Все линии ведут сюда – в момент, когда я все же дошел до цели и стою напротив – смотрю в лицо, все так же внутренне замирая от переполняющих меня чувств. Но решение уже принято, и я знаю, что оно правильное. Хватит рассказывать сказки с темной стороны и драматизировать простые вещи. Пора жить. Я глубоко вздохнул и сказал:

– Я не буду продолжать эту фразу. Я не отказываюсь от того, что хотел сказать, но ты и так это уже знаешь, как я знаю то, что это никогда не пройдет и не угаснет – пока не угасну я сам. Но мне кажется, что я могу принять теперь эту мысль – мысль о том, что я так и не скажу вслух самого главного, потому что слова значат намного меньше, чем мы привыкли считать. Я строил словами города, рисовал вселенные и создавал истории, но это ничего не значит по сравнению с миром, где есть ты – настоящая, без масок и уловок. Во всем вокруг есть небольшая частица всего остального. Я, наконец, понял, в чем смысл этого чувства – безусловность и искренность действительно многого стоят. Если не объективно, то хотя бы для себя самого. Это то, что каждое утро позволяет проснуться и жить дальше. Это то, что в тысячу раз ценнее показного самопожертвования, красивых жестов, обиды, воспоминаний, горечи, отчаяния и прочего. Под нами без-

брежное море, над нами – бесконечное небо, и не за что сражаться, и некого побеждать – даже себя. За серыми пятнами облаков на черном полотне скрывается тот, в кого мы оба не верим – интересно, что он видит? Интересно, что тлеет угольком в глубине твоих самых странных и красивых снов? И я больше не скажу ни слова про надвигающийся шторм, про дни былой славы, и ни одно дерево в темном лесу не шелохнется от взмаха крыльев очередного дракона, и ни одна зима больше не продлится год, и ни одна ночь не растянется на месяцы. Зло не проиграло, потому что его никогда не было – ни на одной из страниц, ни в одной из секунд. Жизнь великолепна, и я верю, что все будет хорошо. Я не прощаюсь, потому что, хоть и пропадаю – ведь именно здесь, а не где-нибудь еще, находится финал этой истории – но всегда буду рядом.

Я договорил и, наконец, пропал оттуда, но даже это не изменило ни одного моего слова, а вместе со словами остались мечты, мотивы и дела, надежды, порывы и устремления. Все и везде началось снова – теперь уже совсем иначе. И если все выйдет так, как я хотел – несомненно, этот мир будет прекрасным.

Скрижали на холме

Любопытно, что чем знание становится доступнее, чем выше умственный потенциал отдельного человека, тем зыбче интеллектуальные

авторитеты. Люди либо считают, что количество информации, которую человек должен упорядочить, чтобы ему можно было верить, в неком темпе растет – в первую очередь это количество, по мнению людей, влияет на состоятельность в сфере приложения знаний, которая и является главным критерием для доверия. Либо люди все меньше верят в альтруистичную честность.

Известный блогер

– Этот довольно бестолковый, в нем мало конструктива. Но все же выделен отдельно, так что его мы тоже приобщили.

– Хорошо, запускайте.

Библиотека фрагментов пришла в движение, и воспроизведение началось.

“А знаете, в чем самая большая проблема человека как вида? Ну ладно, четвертая по величине, если уж быть до конца откровенным. Но сегодня давайте оставим за скобками уличных музыкантов, леваков и лично меня.

Итак, вот она: мы выработали общие правила поведения, совершенно несовместимые с нашей биологической природой. Даже больше – они ей прямо противоречат. Не буду снова плясать танец демагога с чучелом гуманизма, потому что оно уже слишком дряхлое и гнилое для таких упражнений, но посмотрите правде в глаза – большинство правил, как писанных, так и неписанных, имеют кучу исключений, в том чис-

ле тяжелейший христианский грех (а по совместительству – одно из серьезнейших преступлений) – убийство. Самооборона, война, казнь – вот ваши заочные индульгенции, господа. Но черт с ним, с законом – ради сохранения видимости порядка не стоит вводить никакие судные ночи и право кровной мести. Просто давайте признаемся, что большая часть из нас – жестокие звери, в любой момент готовые перегрызть горло каждому, кто покусится на наши интересы. Нам нравится причинять боль людям, которые нам неприятны. И – я в этом уверен – каждый хоть раз в жизни искренне хотел если не лично убить кого-то, то хотя бы сделать это опосредованно и чужими руками.

Но я отвлекся. Взаимоисключений в наших жизнях много, но есть один пункт, на котором стоит остановиться – Великое Противоречие Абсолютного Всеобщего Равнодушия И Универсального Поощрения Искренности И Откровенности. Это папахивающее биполярным расстройством “ВПАВРУПИО” также известно, как тезисы “возлюби ближнего своего” и “всем похуй”.

С одной стороны человеку предписывается быть честным и открытым, по возможности творить добро и не впадать в уныние одиночества. И это ведь не какие-то устаревшие религиозные догмы, это современные качества социально позитивного хумана. Дело не в том, что религия с ее святыми скрижалями заветов скучна и неактуальна, просто она использует интуитивно близкие каждому из нас образы хо-

рошего человека, который всем нравится уже только за то, что он благожелательный и добрый. Так что Иисус Христос – действительно суперзвезда и, живи он сейчас, был бы президентом мира и официально Самым Лучшим Человеком На Свете (ТМ).

С другой же стороны... всем плевать на всех. И на Иисуса тоже плевать. Он клевый, стильно одевается, здорово валит в морталку за Нуб Сайбота, душа компании, а как-то вообще взял и умер за наши грехи – ну и как не любить такого чувака? Только мы опять себе врем. Мы никого не любим просто за его существование, и уж точно никого не любим больше себя. И ничего альтруистичного мы не делаем – всего лишь пользуемся разными механизмами получения удовольствия. Если человеку нравится боль, то она для него – и не боль вовсе, а другая форма наслаждения. Мы, разумеется, можем, хотим и постоянно делаем приятным нам людям что-то приятное, потому что это дает нам повод считать себя хорошими (удовольствие), потому что рассчитываем на ответную любезность (удовольствие), потому что хотим, чтобы и другие разделяли наше мнение о самих себе как о прекрасных людях (опять же – удовольствие). Но если чьи-то нужды, слова и чувства лежат ЦЕЛИКОМ вне поля наших интересов (очевидных или скрытых) то, какими бы искренними они ни были, нам на них плевать. Не потому, что мы все на самом деле хреновые люди и черствые эгоисты, а потому как категории эгоизма, альтруизма, симпатии, эмпатии

и прочего мы выдумали сами. И это не хорошо и не плохо, это – никак. Мы – никакие”.

Нейрозапись с коротким сигналом прервалась, обозначая конец выбранного фрагмента.

– Да, действительно бестолковый. Что там у нас дальше?

Мысли и страхи

*If you don't know what to say
The silence is speaking for you
Emptyself – The Way We End*

То, что человек услышал, прячась за дверью и одним глазом заглядывая внутрь через мутное стекло, что было частью стены, было весьма странным эпизодом из чьей-то жизни. Дверь разделяла небольшую проходную комнату и длинный коридор, что был сыр, холоден, плохо освещен и создавал впечатление места уже довольно долгое время заброшенного. Но сейчас там стояли двое и говорили. Точнее, сейчас говорила она – он замолчал еще несколько минут назад. А она, похоже, была очень и очень раздражена тем, что услышала – и тем, что она вообще находится здесь, в этой идиотской ситуации. Вот что она сказала:

– Мне плохо от общения с тобой, понимаешь? Я пытаюсь вырваться из болота тоски, но ты со своей вечной меланхолией и депрессивностью тянешь меня обратно. Ты словно

отравляешь меня. Вокруг много светлых, хороших и открытых людей, и ты совершенно меркнешь на их фоне, потому что никому не можешь принести радость, только вогнать в уныние, обидеть, задеть, поставить в неловкое положение. Я не хочу этого, как еще тебе объяснить? И отвечаю тебе только из вежливости. Я просто не хотела говорить все прямо, не желала расстроить тебя, потому что мне тебя жалко. Но из жалости не может родиться ничего настоящего. Сначала было немного интересно, но потом ты меня просто утомил – однообразием и скукой, молчанием, неловкостями, замкнутостью, эгоизмом, какой-то дурацкой сложностью. Ты тормоз, инфантил, болван и изнеженный слабак, трус и зануда. И это действительно ты во всем виноват. Но ты никак не исправишь своих ошибок, не вернешь того, что ушло навсегда, просто однажды незаметно погаснув. Никогда не изменишься, что бы ты там себе ни думал. Разве ты не пытался? Ничего не вышло. И так каждый раз. Ты мне не нужен – ни таким, ни каким-то другим, потому что мир не состоит из тебя и вокруг тебя не вращается. Я всегда буду к тебе равнодушна, так что просто отпусти меня! Смирись и забудь!

Несколько секунд в коридоре висела звенящая тишина, а затем ее собеседник что-то тихо ответил, и она, громко и яростно фыркнув, развернулась и быстрым шагом направилась к двери, за которой прятался человек. Он только-только скрылся за платяным шкафом в углу комнаты, когда звук каблучков вырвался из коридора и почти промчался мимо –

к выходу из здания.

Человек вышел из-за шкафа, осторожно приблизился к распахнутой двери и заглянул в коридор.

В этом длинном коридоре – коридоре без других дверей, окон, люков, лестниц или ниш – было совершенно пусто.

Кома

*Да какого дьявола, вы что же, бесстрашные,
совсем ополоумели?! Что значит “умер”, мне просто
снился долгий и дурной сон!
Ряженный бог – своей пастве*

Никогда не кончится. Этот напоминал дремучий лес, в котором водилось все, что обычно водится в таких лесах, от гигантских пауков до троллей и оборотней. Я плелся по опавшей листве, куда-то, где, как мне казалось, должен был быть выход из чащи, но сумрак только сгущался. Вдруг по правую сторону от тропы словно из-под земли выросло здание со светящейся неонов вывеской, которая уверяла в том, что перед вами “супермаркет Йеллоустоунского заповедника”. Внутри было тепло илюдно, но люд тут отоваривался странный, не вызывающий никакого желания всмотреться в лица или что-нибудь спросить. Купив банку газировки и две пачки сигарет, я вышел из супермаркета и вместо леса оказался на прилегающей парковке, что было не очень логично

с точки зрения бодрствующего, но отлично вписывалось в сюжет того, что я раньше считал кошмарными снами.

Сложно было вспомнить момент, когда они стали чем-то большим, окончательно стерев границы между реальностью и сновидениями, между днями, что теперь сливались в одни бесконечные сутки. Если точки перехода из сна в явь нет, то как определить, где что, и есть ли вообще разница между этими состояниями? Если нет памяти о пробуждениях, то как понять, что должно происходить в материальном мире? Нет стороннего наблюдателя, нет контроля, нет информации для анализа, кроме как информации от своих шести органов чувств. Нет уверенности в том, что фантастично и нереально, ведь нет критериев, по которым можно было бы определить должный порядок вещей.

Однако способ нашелся довольно быстро: во сне было почти невозможно обнаружить Апатин ни в каком из существующих на рынке видов, а когда в воображаемые аптеки его все же завозили, он не действовал. Поэтому, чтобы не сойти с ума, потеряв возможность отличать реальность от иллюзии, приходилось половину всего времени находиться в полумертвом состоянии человека-овоща, а другую половину корчиться посреди лабиринтов, дремучих лесов, ледяных пустынь и прочих жизнерадостных пейзажей, вскрывая свою нереальную плоть бритвенными лезвиями эмоций и фантазий, которые наяву так успешно подавлялись волшебными таблетками. Так толком и не научившись за сто восемьдесят

два года управлять своими снами и за сто шестьдесят – правильно подбирать дозировку, я, тем не менее, почти наслаждался такой жизнью. Мне нравилось это: не замечать хода времени, расплескиваясь в безмозглую лишенную чувств лужу под воздействием препарата, растекаться ночами по городу, без своего ведома впитывая в себя все увиденное и услышанное, чтобы, когда организм не выдержит многодневной, хоть и ужасно замедленной, но гонки, и незаметно уснет, воплотить это в мир безумных сновидений; знать перед каждым приемом, что в первые несколько часов сна я буду помнить это спасительное ощущение обволакивающего безразличия, прежде чем сон неизбежно станет кошмаром, воскресая все то, память о чем может одолеть только круглая лиловая таблетка с рельефной буквой “А” на одной стороне и такой же рельефной спиралью – на другой. Именно уверенность в том, что одно состояние сменит другое, принося облегчение, радовала меня и была всем, ради чего стоит жить такой долгий тягучий срок.

Я зашел в автобус, сел позади в самом углу и закрыл глаза. В черноте тут же расцвели карнавалы, ядерные грибы, тысячи чужих солнц, перемешались, заплясали, каждую секунду меняя форму и цвет, затопили все сознание ужасом, срывая, разрушая, испепеляя рассудок, рождая сумасшедший блеск и разгоняя мысли до сверхсветовых скоростей, на которых уже невозможно думать о чем-то конкретном, на которых остается только беззвучно орать, орать, орать от распираю-

щего тебя ада образов. Я открыл глаза и пошарил в кармане куртки. Пусто. Что ж, значит, пока рано.

Иногда я задумывался, на что жизнь похожа в последнее время, и каково это “последнее время”, и кто я в нем на самом деле. Я заметил, что не могу точно определить какую-нибудь точку в памяти о жизни, когда все резко изменилось. Были смутные воспоминания о чем-то раннем, как будто из другой жизни, в том числе и о детстве, а лет около шестнадцати – какой-то фрагмент, который нельзя пощупать памятью, то есть воспоминания какие-то были, но выскальзывали из головы, стоило только попытаться их зафиксировать, и постоянно оставались ближе к краю сознания, воспринимаемые не яснее, чем неразличимые образы. А после этого участка – невероятная общая масса жуткой смеси бреда, галлюцинаций, снов и, возможно, реальности, отличающейся от остального не в лучшую сторону и с легкостью могущей оказаться просто другим уровнем безумия. Однако посреди этих радиоактивных инопланетных наркотических джунглей имелись отдельные островки вещей, которые помнил словно бы не я, как будто у меня в голове откуда-то взялись остатки чужих воспоминаний.

Одно из них – как сон. Кто-то, от чьего лица я наблюдаю, идет в темноте по лесу. Вокруг ухают совы, в кустах что-то шипит и шуршит, полная луна над головой освещает тропинку посреди деревьев, от которых отслаивается кора и разлетается в стороны пылью, танцующая в этом мерт-

венном свете луны. Вдруг я замечаю впереди поляну, полную лесных и полевых цветов, посреди которой кто-то медленно кружится в лунном свете, стоя ко мне спиной. Я осторожно, боясь спугнуть видение, пробираюсь ближе, не выдавая себя ни одним скрипом или треском ветки, и становится понятно, что силуэт женский, и даже в бедном освещении привлекательный. Девушка плавно раскачивается из стороны в сторону, делает полуобороты, но так и не поворачивается лицом, иногда слегка приседает, чтобы сорвать цветок для букета, что держит в правой руке, и как будто тихо напеваает какую-то мелодию, и меня даже не удивляет, что мотив кажется очень знакомым. И вот я ступаю на поляну и подхожу к ней, и она, ощутив чье-то присутствие, наконец поворачивается, и мы стоим в метре, замороженно друг на друга, словно попав в какой-то странный луч притяжения, и я замечаю что-то странное внутри – будто тот, кому эти воспоминания принадлежат, вдруг внутренне улыбается и открывается, словно человек, после долгих лет скитаний вернувшийся в свой настоящий дом. Девушка, не отводя колдовских глаз, достает из букета один цветок и протягивает мне – странный цветок, маленький и хрупкий, настолько белый, что светится, с поразительной формы лепестками, не похожий ни на какие прежде виденные мной цветы. Я протягиваю руку вместе с самим сновидцем, и происходит нечто необъяснимое: он словно и берет цветок, и не берет одновременно; восприятие раздваивается, словно разделяется попо-

лам воспринимаемое зрением изображение. На одном краю сознания я, вставив цветок в петлицу невесты откуда взявшегося пиджака, обнимаю девушку за талию, и мы начинаем медленно танцевать посреди поляны уже вдвоем, на другом – девушка роняет цветок, и я падаю вместе с ним куда-то в пропасть, наблюдая вокруг жуткие сцены изощренных и вычурных мучений человеческих. На этом сон заканчивается.

Другое – словно продолжение той части сна, где я низвергся в пропасть: тело владельца воспоминания медленно падает в огромное черное озеро посреди еще одного леса, куда более дремучего и зловещего, и он кричит, и молит кого-то о помощи, и вокруг него в пустоте возникают всполохи огня, в которых виднеются смутные образы людей, тянущих руки к падающему, но ни одна рука не может коснуться его, и в итоге мы вместе обрушиваемся на ровную гладь воды. Когда удастся выбраться на берег, я оборачиваюсь и вижу, что поднятые нашим падением волны увеличиваются и надвигаются на берега озера, и я бегу прочь, почему-то ощущая себя шаром какого-то цельного концентрированного страшного чувства, несущимся неведомо куда на невероятной скорости, но вот мой путь преграждает другой несущийся куда-то шар, и голова взрывается нечеловеческой болью, и тут же, сразу меня накрывает вода озера, и последнее, что я могу запомнить – поднимающееся изнутри ощущение полной свободы, растущее в воображении нечто, во что я верю с каждым мгном все сильнее, полностью и всецело отдаваясь этому вооб-

ражаемому месту, словно перетекая телом и сознанием туда. А затем вокруг меня схлопываются тишина и пустота.

Последнее, третье, совсем короткое: я сижу на маленькой кухне, понуро глядя в окно. На моих коленях – веревка, за окном валит снег. Вот что чувствует этот человек: бессилие, полное бессилие перед тягой к саморазрушению, почти самоуничтожению, которое его ужасает, от которого у него перехватывает дух. Почти физическое отчуждение от мира, когда уже не просто ничто не может принести радость, или причинить боль, или взволновать; но когда даже прикосновение к чему-нибудь кажется ненастоящим, призрачным. Ощущение странного хода времени, будто вокруг разума образовалась аномалия, и все закручивается в разные стороны, множится и вместе с тем исчезает. Страх – неодолимый страх того, что все будет только усугубляться, и однажды восприятие его перестанет быть восприятием человека, и все будут видеть что-то жуткое и странное, существующее уже на другом уровне, наблюдаемом лишь изнутри. И выход лишь один – попробовать сбежать туда, где никто не отберет у него власть над его собственным сознанием, ничто не перекроит его личность и понимание действительности, где он сумеет уберечь себя от безумия, сумеет остаться собой, сохранить себя от неизбежного коллапса и метаморфозы. Бесконечное падение в пропасть. Миг, растянутый в вечности, в которой не будет дегенерации разума. Смерть, но перед смертью – сон, которому сновидец не видит конца, сон, в котором он

станет чем-то большим, чем сейчас, большим, чем раньше – навсегда, пока хруст позвоночника не прервет эту негу. Устало прикрыв глаза, я встаю на табуретку, закрепляю веревку на крюке, накидываю висельную петлю на шею и, сильно за- жмурившись, делаю шаг вперед – в неизвестность, которой и боюсь, и вместе с тем надеюсь на нее.

Последний прием

*Пусть это – чувство, милый доктор
Но опостылела тщиета
По-моему, ты как-то слишком не та
Джозеф “Тихая поступь” Голдбэт*

– Вот, взгляните. Вы узнаете этот текст?

– Мм... Нет. А что в нем такого?

– Это написали вы. Прочтите внимательно, постарайтесь вспомнить. Читайте вслух.

– “Время – весьма относительное понятие. В определенных условиях оно норовит замедляться, ускоряться, замыкаться в круг или идти по спирали, иногда описывает и более изобретательные геометрические фигуры. Как может быть, что начало истории не просто открывается в ее конце, но и следует хронологически за ним, одновременно являясь и концовкой, описывающей события, что произойдут после написания истории, и предысторией, описывающей момент,

когда все началось, который, в свою очередь, имел место до собственного наступления? Если кто-то сумеет разобраться в этой последовательности, то может считать себя гением. Но ничего хорошего это знание не принесет. Варианты будущего танцуют, переливаясь в потустороннем свете, мутируют, дробятся и срстаются, но чаще всего они... отпадают. С течением времени выборов становится все меньше, и однажды ты оказываешься в тупике, куда сам себя загнал – или куда тебя гнала жизнь. Дерево возможностей сузилось до одной ветки, на которой ты можешь лишь повеситься, устав от собственного бессилия. И если это лишь твоя ноша, то остается только порадоваться тому, что ты никого не заденешь своим последним выбором. Все слова сказаны, все попытки сделаны, все шансы использованы, все способы испробованы, все варианты обдуманы. Пора сделать завершающий ход и объявить самому себе мат. Так сделай же это, и ни на что более не надейся в последний момент, после которого твоя несуществующая мятущаяся душа обретет, наконец, покой. И не тоскуй по тому, чего не сбылось, потому что реальность – это тоже весьма относительное понятие. Я бы еще очень долго мог продолжать вести подобные исполненные пафоса и драматизма речи, но от них давно уже стало тошно. К чему вообще что-то объяснять? Разве может один человек понять другого? Все это мерзкий бред. Мне было противно принимать мученическую позу, мне было омерзительно писать записки и изливать свою пустую душу. Я и так слишком

много сказал. Где-то рядом уже ощущалось дыхание абсолютной пустоты, и мир становился все более призрачным и далеким – даже больше, чем обычно. Теперь он напоминал лишь слабую тень воспоминания о жизни, еще теплящегося где-то в уголке, который скоро тоже зальет бесконечный мягкий мрак, не оставив от боли ни следа. Понимаешь, что пора – когда смерть кажется уже не карой и проклятием, а избавлением. Можно сколько угодно сгущать краски, рисуя смертный час еще более мрачным и зловещим, а свое сознание – больным и слабым, можно неистово веселиться в последнем экстазе, можно просто молча сидеть, а потом закончить все, но ни в чем из этого не было смысла. Абсолютно все вокруг в совершенно равной степени лишено хоть какого-нибудь намека на смысл. И горечь от этой пустоты можно утолить только хорошим глотком вечного забвения. Думаю, Эмиль Чоран гордился бы мной. В распахнутое настежь окно задувал холодный весенний ветер, но мне было тепло – я сидел, опершись спиной о горячую батарею. Забавно, что когда-то не так давно – но теперь словно вечность назад – я сидел точно так же, у батареи – но тогда в другом доме – перед распахнутым окном, приглашающим ветер – тогда он был осенним – и чувствовал что-то абсолютно противоположное. Это было самое начало жизни, и продолжалась она очень недолго, и за ней неизбежно последовало угасание, которое завершится сегодня. Мне всегда нравились совпадения, симметрия и гармония, если тут допустимо такое сло-

во. Но я ужасно устал говорить и описывать свои чувства, потому что всю жизнь презирал такое поведение, но сейчас словно не могу остановиться, будто бы надеялся, что подробное описание что-то изменит. Если бы у меня еще оставалось чувство юмора, я наверняка бы оценил иронию...”

– Ну что, вспоминаете?

– Теперь я, кажется, начинаю узнавать это. Профессиональный у вас, однако, подход, доктор. Вы хорошо меня слушали. А как давно?..

– Шесть лет назад. Можете вспомнить, что вы тогда чувствовали? Когда писали это.

– Наверное... Что-то свернутое в клубок, черное и липкое, душасщее... Нет, я не хочу. Это плохое. Я не буду.

– Могли ли вы тогда представить, как все обернется? Могли ли вы тогда представить себя в своем нынешнем положении, свою жизнь такой, какая она есть сейчас?

– Нет. Точно не мог.

– Когда вы попали ко мне после того случая, я два месяца выслушивала ваши заверения в том, что ничего не может измениться к лучшему. Слушала, терпела и пыталась вас убедить в обратном – потому что знала, что для вас еще не все потеряно. И теперь, шесть лет спустя – посмотрите, какой долгий путь вы прошли. Оглянитесь на человека, который писал это.

– Зачем? Его ведь больше нет.

– Он есть всегда. Посмотрите на него и улыбнитесь ему.

И никогда больше не говорите, что существуют безвыходные ситуации.

От вскоре затопившей кабинет разгоряченности, взаимного влечения и прочего удовольствия улыбались даже идиотские морды нарисованных на ритмично подпрыгивающем кресле животных.

Жизнь после смерти. Пустыня

Я вижу лишь волны лжи и отчаяния, волны высотой до неба, волны, что поглотили все вокруг, и теперь нависли надо мной, чтобы вскоре поглотить и меня, накрыть с головой. Холодная, гулкая пустота в голове, и в ней – лишь образ, одно затухающее видение: темный коридор заброшенного подzemелья, с приоткрытыми, запертыми и пустыми, пыльными и грязными, обветшалыми комнатами. И кажется, будто я с каждым днем оказываюсь все дальше по коридору, дальше от выхода и ближе к тому, чтобы навсегда там остаться. Словно я все больше убеждаю себя, что иного места для меня нет, что я не принадлежу никому и ничему, кроме этой забытой и оставленной всеми старой пустоты.

Теперь на самом заднем сиденье пустого вечернего (предпоследнего) автобуса регулярного междугородного сообщения – стеклу, в которое он уже полчаса тарачится взглядом человека, который утром потерял все, что имел, но за день истощил все запасы эмоций и внимания к реальности (шепотом)

Пробуждение было очень неприятным и липким, словно я продирался сквозь джунгли, над которыми прошел ливень из сиропа. Как обычно, в первые неуловимые секунды я помнил абсолютно все, и в эти секунды я более всего в жизни мечтал научиться останавливать время, чтобы успеть все записать – хотя бы на диктофон. Но вот эти короткие мгновения вновь были упущены, и в памяти остались только обрывки и смутные впечатления. К тому моменту, когда я выкурил сигарету и, накинув халат, пошел на кухню заваривать чай, не стало и их, и в голове моей вновь была одна звенящая пустота, бесполезная и привычная.

Чай с бутербродами были так же безвкусны, как сигарета. Столь же безвкусен и скучен был и ветер, который пробежался по моей голове, когда я высунул ее из окна, оглядывая окрестности. Я много лет не ощущал вкусов и запахов, и мир был для меня совершенно стерилен, что гармонировало с тем, как я сам себя чувствовал – никак. Никак – это та стадия, которая наступает после безумства эмоций и бури всяких там чувств. Никак – это то, как должен чувствовать себя среднестатистический человек, потребитель ресурсов, исполнитель функций и будущий клиент какой-нибудь конторы по оказанию ритуальных услуг. Когда-нибудь, но не прямо сейчас, потому что жизнь стала... Не терпимой, не нормальной, а, скорее, никакой. Она просто проходит сквозь тебя, и ты к этому никак не относишься, потому что все твои

истории кончены, и осталось лишь функционировать, ведь смысла прекращать это не больше, чем смысла продолжать. А если все прочие равны, то зачем рыпаться?

Ночь тоже была никакой – не очень темной, безлюдной, слегка ветренной. В нескольких окнах дома напротив горел свет – возможно, там жили такие же как я, стерильно-апатичные биороботы. Из-за угла дома показался невысокий и худой человек в пальто, с по-птичьи хищным лицом и черными кучерявыми волосами до самых плеч. Вдруг одно из окон на пятом этаже распахнулось, и человек этот, подпрыгнув, превратился в большого черного ворона и влетел туда. Через несколько секунд от тени дома напротив отделился силуэт, вытянул руку вверх, словно указывая туда, куда улетел ворон, и несколько раз выстрелил. Глухие хлопки сменились звоном стекла, и силуэт вновь скрылся в тени. Удивительные, казалось бы, вещи. Но я не испытывал к этой сцене никакого интереса.

Пустота, стерильность, выбеленный вакуум, плавная неподвижность посреди поля еле слышно звенящих хрустальных колосьев, все гладкое и ровное, уходящее вдаль. Движения автоматизированы, рефлексy усвоены, реакции предусмотрены. Тишина и покой. Идеальный мир. Идеальный порядок. Никаких вопросов и метаний. Только эта пустота, уже не болезненная и не свербящая потребностью заполнить ее. Все позади. А сейчас – безмятежное угасание.

Может показаться, что я перегибаю палку. Да, наверное,

так и есть. Я не робот и не манекен, просто я очень устал и люблю жалеть себя, преувеличивая свои несчастья. Знаешь, в чем смысл жалости к себе? Она позволяет почувствовать себя героем, стойком под дождем из лезвий, одним – и против всего мира. Мне не очень-то стыдно жалеть себя, ведь я себя люблю, а не уважаю. Впрочем, так же сильно, как я себя люблю, я себя же и ненавижу.

Я вернулся к себе в комнату и приложил лоб к подушке, но никаких воспоминаний о сне добиться от нее этим не сумел. Проверил почту, выкурил еще одну сигарету, затем включил первую попавшуюся песню и...

...Так и лежал, то глядя в пустое небо, то перекатывая глазные яблоки под закрытыми веками. Иногда кричал в тишину, просто чтобы убедиться в своей способности ее нарушить, но крик быстро замолкал, растворяясь в своей ничтожности. Иногда насмешливо усмехался окружающей пустыне, смеялся, хохотал даже – пытался взбодриться и убеждал себя, что бояться нечего, что бояться некому, но приступы напускного веселья всегда затухали, вновь сменяясь жуткой тоской по всему, что он помнил, но не мог вернуть. Порой накатывало равнодушие, и это было прекрасно: ничто не волновало, ничто не вызывало никаких эмоций, желаний и мыслей, но это заканчивалось прежде, чем он успевал потерять волю к дыханию, и вновь мозг наполнялся несчетными образами, смутными, мимолетными, но очень яркими – и оттого мучительными. А хуже всего было неотступное пони-

мание, что это никогда не закончится, ничто не сможет выдернуть его из омута вечного безумия и одиночества в равнодушном нигде, никто не придет и не поможет, потому что не было никого и ничего, кроме замурованного в пустоте разума, жалкого в осознании своей абсолютности и вечности – вечности, о которой он так мечтал до того, как понял, что всегда ею и был. На сером песке было холодно, но бесцветное небо иногда проливалось теплым дождем. Он любил эти короткие дожди, и даже холод пустыни его радовал, ведь если он не мог это изменить, значит, у его абсолюта есть какие-то пределы. Только бы за этими пределами было еще что-то – вот на что он надеялся, потеряв счет времени и уже теряя уверенность в том, что время вообще существует. Уверенность вернулась, когда в какой-то из жвачкой растянувшихся в бесконечную линию моментов с неба стало падать что-то холодное и белое. “Снег” – всплыло из глубины памяти. Он удивился, что еще может вспоминать о таких вещах – даже больше, чем самой перемене погоды. “Если тут идет снег, значит, бывает зима. Скоро станет холодно, и можно будет замерзнуть. Замерзнуть, умереть и, может быть, проснуться”. Стало радостно, захотелось построить из влажного песка замок – а лучше исполинскую башню – и безжалостно разрушить. Захотелось колы и жареной картошки. Захотелось посмотреть смешное видео и расхохотаться. Захотелось лечь и начать замерзать прямо сейчас, прямо тут, не откладывая. Но вместе с желаниями вернулась и тяга к драматич-

ности, поэтому он успокоился, призвал себя сохранять терпение и уселся по-турецки в мрачном безмолвии, готовый ожидать заморозков так долго, сколько потребуется. Но снег перестал, и снова стало теплеть. Выдыхая последний пар изо рта, он чувствовал себя обманутым, а что хуже всего – обманутым собой же. Тело снова безвольно рухнуло на песок, а глаза закрылись, но веки еще долго дрожали от бессильной злобы...

Очнулся я спустя полчаса, с полупустой пачкой в трясущихся руках и глазами навывкате. Все тело было так напряжено, будто я держал на плечах валун. Последние звуки песни угасали, странным эхом разлетаясь по комнате и в моей голове. Это эхо несло с собой воспоминания о жизни – самое худшее из того, что может происходить с мертвецами.

Этот чертов дуализм

Внутри тебя живут два волка. Один пидор. И другой пидор. Ты пидор.

Интернет-притча

– Соберись. Не думай о плохом. Все будет хорошо – разве не это тебе твердили всю жизнь, разве не в этом ты сам убеждал других? Найди что-нибудь хорошее в мире вокруг себя и опиши это так, чтобы даже самому поверить, что еще не все потеряно. Ты ведь видишь иногда это хорошее, я знаю,

я уверен, что в тебе еще есть что-то доброе и светлое – то, что ты можешь дать другим, сделав мир чуть лучше. Это не просто слова, потому что я в это действительно верю. Ты можешь найти путь, можешь выбраться из лабиринта, только для этого ты и сам должен поверить в себя – и ни на секунду не сомневаться. Да, знаю, это сложно. Сложнее всего на свете – продолжать верить в лучшее без единого проблеска надежды, без малейшего намека на хороший финал, но ты обязательно выкарабкаешься. Я же знаю тебя, старик, ты можешь очень многое. Только не сдавайся, пожалуйста, не разжимай пальцы. Не разрушай себя, не лезь на рожон, не делай глупостей. Часто может казаться, что ты совсем один, но это не так – у тебя есть весь мир, каждый человек, каждая деталь, каждый новый миг жизни несут в себе спасение, маленький смысл, повод продолжить – нужно только разглядеть это в них. Не злись на меня, не прячь слез. Иногда можно и заплакать, ничего в этом нет плохого. Ни в чем нет плохого, и все вокруг наполнено добром, а если кажется наоборот, то надо просто научиться смотреть. Поверь, как только ты сможешь увидеть хорошее в каждом, ты и сам изменишься к лучшему и станешь тем, кто будет счастлив. Мы живем так мало и быстро, мучаемся, теряем, угасаем, но любой из нас имеет право на счастье. И ты тоже. Держись, друг, не сдавайся. Еще не все кончено.

– Ну что за педовский монолог? Верить в себя? Да ладно, в тебя даже родители не верят. Поплакать? Ага, круто,

выход для настоящих крутых парней – свернуться в углу и поливать пыль слезами. Жизнь проста, страшна и коротка – а что самое главное – она лишена даже намека на смысл. Будешь слушать этого душещипательного болвана – и станешь еще унылее, чем сейчас. Быть счастливым у тебя не выйдет, взгляни правде в глаза: ты пытаешься уже столько лет, но все становится только хуже. Все вокруг счастливы – кроме тебя. За что тут цепляться? За шанс почувствовать себя завтра еще большим дерьмом, чем вчера? За разочарование и тоску? Бросай это дело, старик. Отожги напоследок – и в последний путь, к свободе от боли и вечному покою. Хватит уже сопротивляться неизбежному, тебя все равно здесь ничего не держит. Если после смерти что-то есть – может быть, это мир, где все было не так, как здесь, где все сложилось именно так, как ты хотел. Может, где-то там ты все же будешь счастлив. А даже если нет, и там только вечная пустота, это все равно лучше того, что происходит тут. Беспродельный выбор, старик. Не раздумывай, решайся.

За кулисами

Друзья людям нужны в первую очередь для того, чтобы помочь им отвлечься от разнообразных отклонений, которые понемногу начинают зарождаться в человеческих головах во время не самых счастливых периодов жизни.

“Классификация отношений, наблюдаемых у людей”,

– Ссанина.

– Сам ты ссанина.

– Нет, серьезно. Я прямо представляю, как этот козел с этикетки мочится в бутылку.

– В тебе просто нет пацанского духа. Нормальное пиво, отъебись.

– Я пью водку из стакана. Я прошел школу жизни, щенок.

– И сколько тебе хватает? Полстакана?

– Не твое щенячье дело.

– Ладно, мудрый пес, хорош курить. Сядь и играй, как мужчина.

– Окей. Случайными?

– Я за Барсу.

– Боже, какой ты скучный. Каждый раз одно и то же. Барса, МЮ или Аргентина. Ты походу латентный фанат Месси.

– Не тяни резину, выбирай уже.

– Что-то делаешь? Тебя плохо слышно из-за члена во рту.

– Так может достань из своего рта член, если он тебе слышать мешает?

– Ля, посмотрите на комика. Когда стенд-ап?

– У тебя пять секунд.

– Ладно, я за Челси.

– Вот так бы сразу. Погнались.

– Так а что ты собираешься делать дальше?

– Ничего. Куплю диплом, через две недели выйду на работу. Буду всяким телочкам голову придерживать, когда они из машины вылезают.

– А вообще?

– Оо, опять эти глобальные планы.

– Без цели впереди как-то уныло.

– Ок, вот у тебя есть цель. И что, тебе очень весело и здорово?

– Моя цель недостижима. Я могу идти к ней всю жизнь.

– И что ты все это время будешь делать?

– Хочу пару татух набить, побриться налысо, начать курить трубку. Снова ставить на теннис начну.

– Лучше бы в зал начал ходить.

– Это тоже можно. А еще хочу создать группу.

– Бля, скажи, что ты про группу вк.

– Все ты понял. Хочу собрать блэк-джаз-прогрессив-метал-рэп бэнд. Я уже даже придумал концепцию: я буду прыгать по сцене, разрисованный сатанинскими символами, играть на саксофоне и зловеще шептать на бэк-вокале, один чувак будет гроулить, вися над сценой в цепях, основной вокалист – играть на басу, девушка со скрипкой будет мелодично напевать в последней трети, а барабанщик будет наваливать плотный флоу.

– Если собрать все это вместе, то вы сопьетесь за неделю, найдете героинового барыгу и даже до двадцати семи не до-

живете.

– Я просто хочу быть артистом. Рисовать я не умею, пишу плохо, слуха у меня тоже нет, но мотать хаером и хрипеть любой дурак сможет. А это ведь тоже самовыражение.

– Вот только ты не умеешь играть на саксофоне. Стань стримером – будешь в прямом эфире угорать над играми, ты же любишь базарить, когда играешь.

– Можно попробовать.

* * *

– Не, ну какие тебе татухи? Ты дрищ.

– Смотри, как быстро летит время. Еще несколько лет назад я был Омлет Батонович.

– Так все равно, татуировки не идут ни жирным, ни дрищам. Вот подкачайся сначала...

– Хах. Я как вспомню твои порошки и диету – так хохот разбирает. Боюсь, что заржу в зале и выроню себе штангу на грудь.

– Так круто же. Ты, наконец, откинешься.

– Не, мне не нравится вся эта тема с тренажерками. Забей. Я вот еще хочу написать сценарий для сериала.

– А чего не для фильма?

– Фильм – слишком короткая бодяга. Хочу сериал.

– Вы с Лехой в пятом классе уже сняли один. Тебе этот шедевр никогда теперь не переплюнуть.

– Замес будет нуарно-фэнтезийный, с психоделом и этим треком в начальных титрах, как его... “Old Black Coffin”. Идеальный саундтрек.

– Круто, круто. А еще что-нибудь там будет?

– Ну да. Сюжет я еще не придумал, но главное – это основная концепция...

– У тебя во всем так. Начнешь что-то делать, а потом забьешь и скажешь, что так и было задумано.

– Может быть.

* * *

– Ну так что, ты уже все? Нормэ?

– Нет.

– А с виду в порядке. Лыбишься, кривляешься, офигу вон нахамил.

– Я просто еще в прошлый раз понял, что не очень красиво грузить людей своим нытьем. Вот сейчас стараюсь переживать все внутри.

– Смотри не лопни. Так ты что теперь, будешь просто каждый вечер ужираться в хлам? Это типа такой способ справиться со всей этой фигней?

– Да нет, не буду. Это все равно не работает. Не знаю, что буду делать. Черт.

– Забей.

– Я не могу забить.

– Можешь. Все могут.

– А слепому ты сказал бы “смотри! все могут смотреть, и ты сможешь”?

– Твои метафоры просто огонь. Ой, я имел в виду – бессмысленные и конченные. Слепой физически не может...

– Я тоже.

– Это просто эмоции. Блин, ну хорош уже, не будь размазней.

– Да мне плевать, размазня я или нет. Одно важно, а если этого нет – могу быть хоть размазней, хоть тряпкой, хоть торчком, хоть синяком. Вообще похеру. Ладно, забей. Что там по визе слышно?

* * *

– Да будь ты нормальным человеком. Хватит фигней заниматься, спроси прямо.

– Я знаю, какой ответ услышу – если он вообще будет. И после этого я уже ничего не смогу спросить, сказать, просто поговорить. Понимаешь? Я черт знает, сколько вообще ни-

чего не знал и не слышал. Теперь мы хотя бы иногда разговариваем, часто видимся. И ты предлагаешь мне рискнуть этим ради ничтожного, микроскопического шанса?

– Если для тебя это так важно, как ты говоришь, то ты должен попытаться. Ты не можешь так дальше жить.

– А как мне жить дальше, когда я услышу “нет”? Как жить, когда знаешь точно, что уже ничего хорошего впереди не ждет?

– Знаешь, чем хороша жизнь? Она полна возможностей.

– Не говори мне о том, что жизнь хороша. Если это правда, почему тогда мне так плохо? Это, блин, не понт, я серьезно просто пытаюсь понять. Вокруг полно людей, чьи жизни объективно хуже, но они все равно счастливее меня. Все постоянно твердят “просто будь собой, и все будет хорошо”, но ничего не бывает хорошо, а если и бывает, то почти сразу становится просто ужасно. Жизнь – это кошмар, и их слова поддержки звучат как насмешка.

– Охренеть, какой же ты депрессивный тип. Это, наверное, главная проблема.

– И что я могу с этим сделать? Я таким родился. Это моя суть.

– И из-за этого ты должен мучиться? Расслабься, хотя бы попытайся, ты ведь можешь. Думаешь, я стал бы с тобой спорить, если бы не знал, что ты можешь быть нормальным человеком – когда не копаешься в голове?

– Не получается. Я к этому слишком серьезно отношусь,

чтобы хоть немного побыть несерьезным. Речь идет о самом важном, что есть в моей жизни, как тут можно не загоняться?.. Бля, как я жалок.

– Базара ноль, и правда жалок. И ничего у тебя не выйдет.

– Пытаешься меня на понт взять?

– Да. А знаешь, что хуже всего? Я знаю, что это не сроботает.

– Ты просто не понимаешь, насколько все серьезно. Мне вчера приснился сон...

– О, тут я могу угадать. Во сне ты видел ее?

– К твоему сведению, я вижу ее во всех своих снах. Но этот был особенным. Мы часами гуляли по всяким странным местам, разговаривали, смеялись. Мы обнимались, целовались и все такое. Я был с ней... Во всех смыслах. А потом вдруг увидел все со стороны и понял, что я – это не я, а кто-то другой, а настоящий я висит в цепях и смотрит на все, и ни черта не может сделать.

– “Быть с ней во всех смыслах” – это такой лоховской эфемизм для “трахаться”?

– Да. Я проснулся посреди ночи, резко, в холодном поту, разбитый и уничтоженный. Сел и закурил, и думал, думал, думал. Через пару часов я дошел до того, что стал писать записку, а потом она превратилась в начало книги, и я порвал ее. Долго стоял у окна и не решался, потом сел и закурил, как мне казалось, в последний раз. Проснулся я уже вечером, когда ты позвонил. Импульс прошел, и я поехал пить.

– Ты совсем кукухой поехал? Вот уж не думал, что у нашей пьянки есть пост-суицидальный подтекст.

– Я же говорю, все зашло слишком далеко. Никогда не мог представить, что дойду до такого.

– Мог-мог. Года полтора назад ты мне рассказывал обо всем этом и говорил, что так все и произойдет.

– И что мне будет за такое точное предсказание? Предлагаю еще по одной, а лучше – по две.

– Не, тебе, пожалуй, хватит. Алко – явно не твое.

– А что мне больше подходит? Дезоморфин? Опиум?

– Ты старая курилка, вот и кури себе дальше.

– Опиум тоже можно курить. Ты бы знал, если бы слушал нормальную музыку. А от сигарет никакого кайфа, один воющий дым.

– Ого, так он тебе не нравится? А я думал, что сигаретный дым для тебя – это как лазанья для того рыжего кота из мультика.

– Гарфилда?

– Да, Гарфилда. А ты, кстати, не думал, как этот твой образ жизни выглядит со стороны? Может это он не в последнюю очередь...

– Все, отстань. Не компостируй мне мозг, или пей дальше, или домой иди.

– А ты что делать будешь?

– Ждать.

– Ты же знаешь, что не придет.

– Я тебя не слушаю.

– Это время прошло.

– Я верю.

– Можешь сам сделать что-нибудь первым. Тебе ненадолго станет лучше.

– Я ненавижу навязываться.

– Так ты сам себе противоречишь, придурок. Или ничего не случится, или – если что-то и может случиться – ты ничего не испортишь, если проявишь инициативу.

– Нихрена ты не понимаешь.

– Зато ты понимаешь кое-что другое. Просто верить в это не хочешь.

– Надо же за что-то держаться.

– Держись за что-нибудь еще.

– Больше ничего нет. Никто другой меня не вытащит.

– Она – тоже не вытащит.

– Откуда тебе знать?

– Ее не существует. Ты ведь знаешь, что ее не существует?

Что ты ее выдумал?

– Это не так.

– Это именно так. Человек, который так тебе нужен, живет

лишь в твоей голове. А в реальности ее не существует.

– Не лги.

– И меня, кстати, тоже не существует. Ты совершенно один, старик. Ты выдумываешь нас только для того, чтобы совсем не рехнуться, но – оцени иронию – это самый верный признак того, что ты уже окончательно поехал.

– Зачем ты это говоришь?

– Затем, что ты все равно этого не вспомнишь.

– А я сам-то хоть существую?

– Знаешь, некоторые вопросы лучше не задавать. А теперь спи. Спи, пока еще можешь закрыть глаза.

О природе реальности

Нам стоит всерьез заняться изучением снов. Я совершенно уверен, что, поняв их природу, мы откроем перед собой такие невероятные перспективы, что все наши прочие направления прогресса покажутся возней в песочнице.
Пол Гонкес, “Материя снов”

– Этот мы нашли одним из первых, и его значение, в принципе, понятно.

– Помню-помню, это еще в первых отчетах мелькало. Размышления о реальности, верно?

– Да, это касается именно того, что мы ищем. Напрямую.

Мы полагаем, что это из раннего периода памяти, когда он еще не придумал технику.

– В любом случае, еще раз ознакомиться лишним не будет. Чиж, включай.

Техник коротко кивнул и запустил нейрозапись.

“Что такое реальность? Какие у нее критерии? Я не спрашиваю, что реально, а что нет, я спрашиваю: какие вообще свойства у чего-то реального? Я могу точно сказать, что мой кроссовок или рука реальны, как реален я сам. Но что делает их реальность важной? Реальность, как утверждают словари, это свойство чего-то материального, объективного, или просто часть абсолюта, выраженная предметно. А что есть абсолют? Что существует помимо реальности? Сны, например, нереальны, но их создает реальный мозг. Является ли продукт реальности тоже априори реальным только в том случае, если он принадлежит миру материи? Реальна ли наполеоновская Франция? С одной стороны – да, ведь она существовала в действительности в какой-то период времени, а с другой стороны – нет, ведь сейчас ее уже не существует. Реальность, таким образом, сводится к тому, что мы готовы отнести к категории материального, а что – нет, причем реальными также могут считаться вещи, события, явления, процессы, факты, понятия и т.д, которые тесно связаны с чем-то материальным, но сами по себе материальными не являются. Мне снятся сны о чем-то реальном, следовательно, стоило бы отнести их к категории реального, но почему-то ка-

кие-то продукты работы мозга считаются действительными, а какие-то – нет. Почему моя фантазия имеет для всех – в том числе и меня самого – меньшую ценность, чем реальный мир, на который она опирается? Нет, я не бегу от реальности, я просто хочу увидеть ее границы – и внимательно посмотреть на них, изучить их природу, раздвинуть... Или, возможно, уничтожить их. Это мечта о бесконечности вселенной, мечта о бессмертии, об идеале и абсолюте, примитивной формой которого является концепция бога. То, что вселенная расширяется, ничего не значит. Если бы она могла расширяться бесконечно, то у нее не было бы потребности в расширении, ведь бесконечность... Нет. Мы создали понятие, обхватить все значение которого не можем в силу собственного несоответствия критериям этого рукотворного чуда. Картина не могла появиться прежде художника, что ее написал. И мы не можем осмыслить то, что по своей природе не поддается осмыслению. Мы живем в коробке и не можем сказать, что это именно коробка, потому что находимся внутри нее. Идея о бесконечности – попытка ограниченных игнорировать свою ущербность, совершая гипотетический прыжок в недосыгаемую область. Мы не совершаем его в РЕАЛЬНОСТИ, но единогласно решаем считать, что совершили. Если вся мыслящая органика одного мира (а нашим миром можно назвать область в пределах досягаемости космических зондов) безоговорочно верит во что-то, становится ли это что-то реальным только потому, что в его реально-

сти никто не сомневается? А станет ли что-то реальным, если его реальность или нереальность определяет один-единственный человек? Если я выдумаю себе мир, единственным мыслящим существом в котором (или за его пределами, но тесно связанным с ним) буду только я сам, сделает ли реальным этот мир одно только мое решение его таковым считать? Другими словами, если реальность объективна, то будет ли она формироваться в зависимости от того, что считает объектным единственный субъект рассматриваемой системы? Если я выдумаю себе мир и поверю в его существование достаточно искренне, станет ли он от этого реальным – не для других, а для меня? Смогу ли я стать субъектом и объектом одновременно? Смогу ли я шагнуть на страницы своей книги и жить в ней, как мы все живем в нашем общем мире? И... Так уж ли сами мы реальны, или всего лишь чья-то фантазия на страницах книги, в реальность которой автор все же сумел поверить?”

Нейрозапись с коротким сигналом прервалась, обозначая конец выбранного фрагмента.

Горизонт событий

Вопрос – это суть провокация, призванная перевести разговор в такое положение, которое будет максимально выгодно спросившему. Что тогда можно сказать о вопросах, на которые

человек не отвечает самому себе?

Эльмид из Феанополя, “Дымовая завеса”

– Честно говоря, я не впечатлен. Слабенькая концовка – скомканная какая-то, что ли, как будто все оборвалось в последний момент. Эта часть далась тебе гораздо труднее предыдущих, да?

– Наверное. Чем дольше я пишу, тем больше понимаю, что ничего этим не исправлю. Но все равно продолжаю, потому что не могу просто взять и поставить точку – и тем самым лишиться последней связи, последней зацепки и повода... Если я не буду кричать – никто не услышит. Ты и сам знаешь.

– Я знаю тебя очень хорошо. А это что сейчас – послесловие?

– Да. Это как если бы один фильм сняли два режиссера, а после премьеры и титров уселись бы в мягкие оранжевые кресла и принялись обсуждать свою картину в прямом эфире. Я это так вижу.

– А зачем?

– Не забывай – отстраненность. Еще остались вещи, которые я должен сказать в определенном контексте.

– Ты ничего не должен. Хочешь – делай, не хочешь – не делай, но не надо думать, что ты должен кому-то – пусть даже себе. Этим ты лишаешь себя свободы.

– Я не понимаю, что такое свобода. Когда передо мной нет

никаких целей и обязательств, я чувствую себя неуютно и не знаю, что делать.

– Делай то, чего хочешь в этот конкретный момент.

– А если я этого сделать не могу?

– Захоти чего-нибудь еще.

– Ты мне напоминаешь одного человека. Он уже черт знает сколько говорит то же самое.

– И мы правы. Но вся твоя природа в том, чтобы вечно гнаться за химерами и призраками. Не могу тебе помешать. Не могу тебя переубедить. Могу только посмеяться над тобой, но это уже как-то надоело.

– Почему жизнь не может быть проще? Пусть лучше она не будет такой легкой, но станет простой. Пусть люди будут мне понятнее.

– Пусть солнце встает на западе. Будь жизнь проста и понятна, она была бы уродлива и скучна.

– Ладно, давай лучше вернемся к подведению итогов.

– О, это ты любишь. Сесть где-нибудь в углу и надолго задуматься о том, что было и что будет. Лучше бы просто сходили пива попить.

– Это важно.

– Важно тебе – не мне. Может хоть пиццу закажем?

– Что мне делать дальше?

– Живи себе, как жил раньше. Как-то ведь получалось.

– Теперь я понимаю, что это была не жизнь – по сравнению с тем, что может быть. Нельзя сказать прозревшему:

“Насмотрелся? А сейчас выколи себе глаза”.

– Если ты видишь вокруг один ад, разве не логичнее не смотреть на него? Ведь когда-то ты был всем доволен.

– Но не счастлив.

– Однако и не несчастен.

– Был, просто мы не так хорошо это помним. Когда я стал думать о смерти?

– Лет с пятнадцати? Точно не скажу, уж извини. Но раньше ты справлялся с этими мыслями и успешно функционировал.

– Ну вот, опять. Ты даже не замечаешь за собой. Человек не должен функционировать – он не гребаный робот, понимаешь? Мы должны быть счастливы.

– Попей пивка и блинов наверни. Поспи, наконец, нормально. Найди новую музыку. Напиши о чем-то другом. Выйди на улицу, прогуляйся. Возьми грамм. Сыграй с пацанами в футбол во дворе. Скачай какую-нибудь медитативную мморпг. Посмотри фильм, полежи на диване, почитай блог Историка, зацени новые мемы, заедь в гости к родителям, купи себе майку с принтом, поброди пьяным по городу – боже, столько занятий есть на свете – и все они доступны тебе, но ты хочешь именно сидеть здесь ночами и говорить с собой.

– Мне нужно во всем разобраться. Попытаться понять, придумать, что делать теперь.

– Вот-вот, и так всегда. Вместо того, чтобы делать что-то,

ты думаешь: “Нужно что-то делать”, а потом сидишь часами, раскачиваешься из стороны в сторону и бубнишь это под нос без остановки – и, конечно же, ни черта не делаешь.

– Ты будешь мне помогать или нет?

– Пусть это и прозвучит самокритично, но какой же ты все-таки тупой. Я не могу помочь тебе, понимаешь? Ты ведь сам столько раз говорил, что человек не может измениться изнутри, никакое решение и ответ не рождается в вакууме. Я – всего лишь плод твоей больной фантазии, и пока я здесь, ты так и будешь заниматься своей идиотской рефлексией.

– Я знаю. Ты – это способ упорядочить все в голове.

– И как пока получается?

– Не очень.

– Ага. Ты скучный, а я веселый, и мне с тобой тоскливо.

Ну просто посмотри на свою жизнь. Она летит к чертям. Все рушится. Ты скатываешься все быстрее, хоть пока не замечаешь этого. И вот, вместо того, чтобы что-то делать, ты сидишь и рефлекслируешь.

– Пошел ты нахер. Как всегда несешь чушь, ни в чем не разобравшись.

– Слушай-слушай, ты ведь хотел моего участия? Вот оно. Дело в том, что ты хреновый человек с очень хреновым и заразным эмоциональным фоном. Все вокруг тебя начинает гнить и разлагаться, рассыпаться пеплом и портиться еще сотней разных способов. Это потому, что тебя самого что-то отравляет изнутри. Не догадываешься часом, что имен-

но? И еще – скажи, стоит ли оно того? Ведь ты цепляешься за эту разрушительную связь только для себя – чтобы самому себе доказать, что можешь. Что выдержишь что угодно. Что ты очень крут, круче Рэмбо. Но люди, которым хочется доказать что-то только себе – они идиоты, понимаешь? Они не могут контролировать свои мысли и решения. И я – еще одно подтверждение тому, что у тебя с головой непорядок. Кукушку у тебя клинит, старичок. Добрый вечер!

– Все я отлично контролирую.

– Почему тогда все это происходит? Откуда столько надрыва и драматизма?

– На самом деле я боюсь, что это рядовая ситуация. Что то же самое было уже у миллионов других людей. И будет. И что это вообще ничего не значит – в большем масштабе.

– Не зря боишься. Все так и есть, и если ты продолжишь, то через десять-двадцать лет – если проживешь столько – оглянешься назад и ужаснешься, как из-за чего испортил себе жизнь. Оно уже не будет ничего значить даже для тебя самого, а ты все равно не перестанешь убеждать себя, что это что-то “достойное, светлое и вечное”, пока однажды тебя просто не тряхнет достаточно сильно – и тогда ты признаешь, что все было огромной ошибкой. Но будет уже поздно.

– Если так и произойдет, то жизнь не стоит того, чтобы ее жить. Понимаешь, если самое лучшее, что с тобой было, самое лучшее, что ты чувствовал, ничего не значит, то вообще ничто ничего не значит. Все одинаково пустое и бессмыс-

ленное, и жить – это лицемерие, притворство, потуги получить удовольствие, хотя знаешь, что в нем нет ничего. Фиглярские трюки, пошлость, фальшивый праздник, где нет веселья. За физическими ощущениями не стоит ничего, и когда наиболее приятные из них заканчиваются, остается только выжженность, пустота, черная дыра, засасывающая в себя всю твою жалкую жизнь за пределами этих минут наслаждения. Я не смогу жить нормально, не избавившись прежде от того, что ты считаешь ядом, и что мне самому кажется противоядием. Тщетность жизни первична, и от нее лечит только счастье. Крах надежд на счастье ввергает тебя в отчаяние, и ты пытаешься бороться, ища другие пути, пытаешься забыть о том из них, что закрыт для тебя навсегда, но не находишь ничего, и тогда ты погружаешься в омут гедонизма – в самых мерзких и низменных его формах, но он приносит лишь краткое удовольствие, со счастьем не сравнимое – и все больше расширяющуюся пустоту внутри. То, что ты советуешь забыть – как просвет на полотне неба преисподней. Ты призываешь меня забыть о последней моей надежде, уничтожить чувство, убеждение и идею, что только и поддерживает во мне способность жить дальше. Почему ты хочешь моей смерти?

– Если ты думаешь, что я хочу твоей смерти – вспомни, кто я. Дело не в том, что ты должен оставить все позади. Было бы здорово, если бы все действительно было так, как ты говоришь, но вместе с надеждой, и самоотверженностью,

и благородством ты тащишь за собой злобу, досаду, обиду, глупые поступки, уныние – все вот это. Именно оно тебя отравляет, а разделить эти чувства ты не сумеешь, и худшие из них рано или поздно задушат все хорошее.

– Они все направлены на себя. Не на других людей или мир вокруг – только на себя.

– И что это меняет? Почему ты думаешь, что человек, который себя ненавидит и презирает, автоматически становится хорошим? Ненависть к себе – это плохо. Нормальные люди себя не ненавидят, они не пинают ступеньки, не избивают стены, не режут от злобы спинки стульев, не колотят головой о батарею. Они видят свои недостатки и пытаются их исправить.

– А я пытаюсь их хотя бы увидеть. То есть разглядеть среди них те, что видны другим. Что делает меня таким плохим человеком, что мне даже не нужно делать что-то плохое, чтобы казаться плохим.

– А кто тебе сказал, что ты не делаешь ничего плохого? Может быть, ты уже настолько плох, что даже этого не замечаешь. То, что для тебя нормально и естественно, для других выглядит как подлость, мерзость и так далее. Ну, у нас вся ночь впереди. Мы еще успеем выяснить все, что тебя так интересует. Что тебя интересует, кстати? Хоть что-нибудь кроме тебя самого?

– Да. Меня интересует многое.

– А что-нибудь, не связанное с отвлеченными философ-

скими вопросами? Что-нибудь приземленное, человеческое, простое и понятное? Ты утомил меня. Я не хочу тут с тобой находиться дальше. Ты всех уже утомил. Посмотри, что ты с ними делаешь.

– Я не хочу ничего плохого. Я люблю их всех и хочу им только добра, понимаешь? Я вообще никому никогда не желал ничего плохого. Тогда почему все так складывается?

– Видимо, что-то ты делаешь неправильно. Недостаточно хотеть быть хорошим, чтобы на самом деле им быть.

– Но это желание ведь тоже чего-то стоит, разве нет? Мотив тоже много стоит.

– Не столь многого, как ты думаешь. Я знаю, как ты закончишь – одиноким, потерявшимся и несчастным. Но ты можешь еще что-то исправить – постараться не тащить никого за собой в это болото. Давай, заканчивай. Ты, наверное, хотел развести тут разговор на много часов, повторяя одно и то же, но я тебя обломаю. Тут не будет никакого переломного момента, никакого горизонта событий, судьбоносного решения, точки невозврата и так далее. Слушай. Я знаю все, о чем ты думаешь, вижу насквозь все твои мотивы. Ты жалок. Понимаешь, с кем говоришь на самом деле, и что можешь высказать напоследок все, что грызет тебя изнутри, ведь слова – это просто инструмент, с ними можно делать что угодно, лепить, как из пластилина. Но ты никогда не перейдешь эту эфемерную черту, так ведь? Ты так хочешь помочь, стать частью чего-то хорошего и счастливого, спа-

сти даже. От чего, старик? Ты не думал, что это от тебя надо спасаться и бежать? Ты не задумывался, что лучшее, что ты можешь сделать – отпустить, уйти, исчезнуть? Без громких слов и обещаний, не пытаясь убедить сердце логикой и договориться с душой? То, что умерло, никогда – никогда, слышишь? – не вернется к жизни. Если у кого-то что-то там когда-то и становилось как прежде, то это лишь потому, что не умирало на самом деле, а лишь на время затухало, чтобы затем вспыхнуть с новой силой. Давай будем откровенны: считаешь ли ты себя человеком, способным вернуть чему-то настолько сложному и уязвимому огонь жизни? То-то же. Можешь сколько угодно искать подтекст в словах и мелочах, выдумывать метафоры и менять имена, рисовать наивные сюжеты, но ты этим ничего не исправишь, не докричишься. Разве что сделаешь еще хуже. Мы ведь уже поняли, что хуже может стать всегда, не так ли? Можешь, конечно, сказать прямо и узнать то, что и так очевидно – то, что несколько не изменилось за все это время, этим нарушив даже нелепую видимость нормы. Хотя ты и так уже это делаешь каждым своим и моим словом. Останови это. Сдайся. Мертвецам не место среди живых. Собери остатки смелости и исчезни. Отпусти. Ляг на пол и умри. Ты – чужой. Ты – чужой. Ты – чужой в этом мире. Сдавайся. Сдавайся. Сдавайся. Сдавайся...

– Нет уж, мразь, я не сдамся. Я, наконец, понял: ты – вот кто меня отравляет. И знаешь что? У тебя больше не выйдет

портить мне жизнь и нашептывать всю эту мерзость. У тебя больше нет здесь власти. Пошел нахер. ПРОЧЬ ИЗ МОЕЙ ГОЛОВЫ!

– Что ж, если ты так решил... Ты правда думаешь, что можешь полностью себя контролировать? Посмотрим, как у тебя выйдет мне помешать, когда я одним резким движением...

– Нет!

– ...И все закончится. Если мне придется уйти – я заберу с собой и тебя, старик. Видишь, руки и ноги тебя уже не слушаются. Еще пара шагов... И ветер запоет у нас в волосах.

– Нет, нет, не смей!

– А ты попробуй останови меня. Ради себя. Ради нее. Ради других. Ради кого и чего угодно – просто выбрось меня из головы, ну же. Это так просто. Меня ведь даже не существует. Как я могу тебе навредить, если меня не существует? Сделай это, или все вновь повторится – и мы снова окажемся в этом моменте. Как много разных мыслей сейчас, наверное, пролетает в твоей голове, но ты никак не можешь собраться и подвести под уродливыми плодами своего калечного воображения черту. Ты все никак не можешь поставить точку, потерять шанс потом высказать что-то, о чем ты еще не вспомнил или не сумел сформулировать, и это – твоя расплата за нерасторопность. За нерешительность. За мягкотелость, наивность, идеализм и все прочее. А ведь стоило ожидать, что все было бы слишком просто без подвоха, без оче-

редного монстра в конце истории. Смотри, окно все ближе. Ну же! Придумай что-нибудь. У тебя еще есть время. Нет, не придумашь? Тогда я скажу, как все будет. Я нашел выход из твоей ситуации, я нашел выход для всех нас. Больше никаких страданий, никаких конфликтов, все будут одинаково счастливы и вольны делать что угодно, бесконечная личная свобода для каждого, и никто никому не мешает, в мире, где каждый одинаково всевластен над остальными. У нас еще есть сомнения. Но в этот раз именно здесь, а не где-нибудь еще, заканчивается твоя история... и начинается моя.

* * *

Я тут, видишь?.. Поймай меня!.. Осторожно, двери закрываются... Не лезь туда, не будь дураком. Будь тем, чем... ну ты понял... Что с этим небом не так?.. Под звездами много разного происходит... Беги, падла. Лучше беги... Ты не должен был этого делать. Ты понял? Повтори... Мы хотим тебе только лучшего... Пап, бледный опять убежал!.. Все началось с этой дурацкой напоминалки... Вот это да, я нашел способ безопасно все слить. Как удачно... Два блока, пожалуйста... Неплохо, старик. А теперь еще раз, только вслух... Черт, какая эта батарея горячая... Я предупредила тебя. Еще раз увижу – губы отобью... Человек сложен и загадочен. Я пытаюсь показать, что нельзя делать никаких суждений ни

о ком и ни о чем... Приезжай к нам на выходные. Я не могу. Почему? Вас не существует... Я помню, какой у него был неприятный взгляд. И лысина блестела под лампой зала. Но все молчали, и я тоже молчал... Откровенничать – это для телочек. Ты что, телочка? А? А?.. Что вы сделали потом? Я неделю старался не думать о том, во что это может вырасти. Не помогло, как видите... Скоро последний поезд... Я помню почти каждое слово. Просто представь себе – почти каждое твое слово... На остановке, пожалуйста... Да, студент. Нет, это не помешает... Я знаю, что это плохо кончится. Тогда оборви все и забудь. Уже поздно. Я не могу думать ни о чем другом... Это что ты такое нарисовал?.. Какой еще Влад? Не выдумывай!.. Поосторожнее на лестнице, ребят. Там ступеньки не хватает... Ах ты мелкий пушистый убудок! Иди сюда!.. Черный – обычно. Иногда красный, такой, знаете, ближе к багровому... Нет никого лучше меня. Попробуй доказать обратное... Ты мне больше нравился в детстве... Острые углы в корпусе телефона – это здорово... Эта зима будет долгой. Поверь, я знаю, о чем говорю... Главное – быть чем-то большим, чем кусок мяса, каждым порывом души и сердца, каждой мыслью спорить с окружающим бредом... Ты пьешь вообще? Эпизодически. И обычно один, уж извини... Так, так, не толпитесь там! Этого дерьма на всех хватит!.. А что было после напойки? Были урывки, пары и треп всякий. Было какое-то замирание внутри. И полный восторг... Будь добр, положи это обратно. Обратно, я

сказал!.. Чувак, у меня нет стиля. И в этом мой стиль... Ну и дрянь же ты куришь, а... Я люблю гулять вечером и ночью. В темноте все не такое уродливое... Знаешь, что сказал бы Бук? Он бы предложил выпить, конечно же... Я гуляю и смотрю на людей. Они ничего такие – ну, в целом... Не отпущу тебя, не отпущу, не... Можешь открыть глаза. Знаю, знаю. Не благодари... Единственное требование к рюкзаку – в него должны влезать ноут и пицца... Да пошел ты в жопу, я устал это все слушать. Иди в углу посиди поплачься... Так я не спорю, выезжать на природу – это клево. Но не в сраный же ливень!.. А что было потом? Безумный кровавый узурпатор, слезы, разговоры всякие. И слово, которое мне до сих пор неприятно слышать... Ник сказал, что вы брали на Новый Год. У меня только один вопрос. Какого хрена я не в курсе?.. Знаешь, жить надо так, чтобы это можно было экранизировать. Арт-хаус не предлагать... Ты не человек, а свинья. Кого мы воспитали?.. Что с наушниками? Близкие контакты третьей степени с кедом... Я бы все за это отдал, знаешь. Душу, сердце, разум, жизнь – все... Сводить бы тебя в церковь, выгнать пару-тройку бесов!.. Решайся, болван. Решайся. Делай же что-нибудь!.. Я маленький больной уродливый детеныш ленивца... В этом маке я даже день рождения отмечал с родителями. Ну и глупость, а... Давай, пей. А не запалят? А это уже от тебя зависит... Что было потом? Музыка. Встречи, куртки, перекуры, смех. Волосы, руки, плечи, этот запах, это чувство, будто... боже, не заставляйте меня...

Тогда я подумал, что тхэквондо было ошибкой. Но пояс на память остался – игрался им с котом... Так, послушай. Нам нужна работа. Соберись, плиз... Ради бога, перестань мне сниться!.. Вечером вообще людей поменьше. Как-то свободнее, что ли... Если ты готов умереть за кого-то, то не оттого ли это, что жизнь для тебя ничего не значит? А ты попробуй жить для кого-то. Это куда труднее... Мои взгляды примерно такие: да, страна наша – жопа и помойка, и мы живем в говне. Но говно – оно как бы везде, просто в разных формах, уж извините меня... Знаешь, каково это – не значить ничего для тех, кто для тебя значит все?.. Давай поспорим. Для надежности на диктофон запишем. И на сколько спорим? На пять штук баксов. За такие деньги ты специально все испортишь. Ничего ты не понимаешь... Дверь закрой за собой, не в сарай зашел!.. Главное – ни на секунду не переставать... я не могу сказать это слово. Но именно оно там и должно быть... Ну, в школе было весело. Если точнее – весело было до семнадцати... Нет, бить бомжей – это не круто. Давай лучше бить скейтеров. Тонкий момент, их легко с бомжами спутать... Знаешь, почему этот двор называют “пьяным”? И еще – попробуй угадать, стоят ли у тебя за спиной камуфляжные двойняшки... Раньше я ложился на траву и смотрел на облака. Теперь мне скучно жить... Что было потом? Я был счастлив. Никто никогда не был так счастлив, как я тогда. Я просто шел по улице, подпрыгивал и хохотал, и на меня смотрели как на идиота, а мне было плевать. И скоро

случилось такое, от чего у меня даже сердце замерло... В себя мы пришли под утро, и поняли, что нас просто закрыли в этом зале... Я не хочу отпускать. Не буду... Мандарины я ем всегда, при чем тут Новый Год... Тогда я подумал, что университет был ошибкой. Жаль, раньше не подумал... Стайн пишет замечательные ужастики. Они детские, но атмосферные. Я на этих гребаных страшилках так закалился... Наверное, это с нами что-то не так, если мы их не понимаем. Большинство всегда право, разве не знаешь?.. Сложно вести себя естественно, когда ты не знаешь, как это. Сложно говорить о чем-то, кроме того, о чем ты сказать не можешь, но очень хочешь... Автобус едет, пейзажи меняются. Антон жрет свои чипсы. Если прислушаться, можно услышать, как он толстеет... Ну, я ее закидал снежками. Тогда этого было достаточно... В библиотеке меня узнают. Такой себе симптом... Никто не готов сделать для тебя столько всего, сколько готов сделать я. Разве что мама с папой... Снимите шапку, вы в помещении. Такое себе помещение. Я ее, пожалуй, оставлю... Это самые легкие деньги в моей жизни. Скажи спасибо, что я нашел его... Мне, кажется, пора съезжать... Если ты существуешь, скажи, что мне делать? Помогите мне, умоляю! Я никогда ничего не просил, но сейчас – дай хотя бы знать, что я могу что-то сделать... В деревне круто. Закаты, простор, запах костра, поле, река – все это... Тогда я подумал, что религия была ошибкой. Но доказать это не смог, и на всякий случай иногда все же мысленно извинялся

перед несуществующим богом за богохульство... Хоббита я читал в поезде... Если бы ты только знала... Буковски я читал вечером на скамейке посреди того сквера, что рядом с почтамтом. Тогда я захотел там работать. И писать... Во имя Мэнсона, и Резнора, и Мейнарда Кинана, я нарекаю сей дом вертепом сатаны... Что было потом? А потом я стал не нужен. Не хочу говорить об этом. Если хотите, чтобы я вам помог – расскажите все... Я бы вообще убрал день. Ночью мне нравится куда больше, а днем я только спать хочу... Нельзя из обрывочных воспоминаний собрать человека. Человек – это что-то большее. Да? Иногда кажется, что человек – это что-то гораздо меньшее... Я очень хочу стать лучше. Но в это, похоже, никто уже не верит, кроме меня самого... Любовь – не тушенка, чтобы у нее был срок годности. С другой стороны, срок годности есть у человека... Что делать дальше? Как я ненавижу эти переходы... В принципе, есть можно и один раз в день. Зато какая экономия!.. Надо просто поспать, и тогда станет полегче... Я хочу петь. Желательно громко и до хрипа, орать что-нибудь нечеловеческое, пока мне не станет лучше... Странную музыку ты слушаешь. Да и сам ты странноватый... Таксофоны работали в детстве. Было весело звонить матери и просить ее скинуть ключи... Дорога туда длинная, но это даже хорошо. Есть время подумать... Только ты мне нужна. Это может показаться чем-то чересчур, но отпущу тебя – и упаду в бездну... Где бы найти такое лето, чтобы без жары и насекомых?.. Все уже проснулись,

а я еще даже не ложился. Надо с этим что-то делать... Мы тут все взрослые свободные люди. А ты?.. Чертов прогрессив метал. Вот бы забыть все эти песни... Но я выйду, я выйду из этой комы, чтобы вернуть тебя. Чтобы ты, наконец, смогла в меня... Тем летом мы часто собирались на водохранилище – шашлык, вискарь, песни под гитару, все такое... Посмотри на них. Ну разве не милахи? Возьмем кота, ну же!.. Однажды, я верю, однажды ты сломаешься. И тогда я буду рядом, чтобы тебе было еще больнее... Я мог бы перейти в гимназию перед филармонией. Или в ту, что между парком и верхним городом. И тогда все было бы по-другому... У нее язва открылась. Ну что я за мразь такая, а?.. А что было потом? Давайте я отвечу вам словами Летова: я умер, и больше со мной ничего не случилось... Они обещали перезвонить. Галимый гон. Предлагаю врать, что мы не студенты... Если ты горишь заживо, то орать от боли – это нормально... Пойдем украшать елку!.. Зима мне нравится. То есть декабрь и январь, а февраль я ненавижу. Так уж сложилось... В лесу видели волка. Ну наконец-то... Потом я подумал, что рождение было ошибкой, и почти сразу догадался, как ее легко исправить... За колонками поеду. На динамо. Да нет, на озеро... Я не возьму. Это те убудки, которые никак не могут запомнить, какой сейчас месяц. Я им так и сказал: месяц сатурналий, тупоголовые. Теперь, наверное, хотят спросить, что это... Еще были зажигалки. Не знаю, важно ли это, но для меня – важно... Я никогда не испытывал – да и не мог

бы – к тебе ничего негативного... Парк дружбы меня удивил. Я пил вино, смеркалось, а парк был в тумане. Фонари подсвечивали туман изнутри... Нет людей хуже, чем те, кто считает каждое свое мнение объективным... А если все будут прыгать с крыши, тоже прыгнешь? Шутишь? Как раз я их на это и подобью... Я, наверное, опять что-то не то сказал или сделал. Опять все испортил – то, что еще оставалось. Опять ошибся. И опять не понимаю, где именно... Раньше на рынке было кафе “Сытый папа”. Был там как-то в детстве и запомнил. А теперь уже нет этого кафе... Дети в деревне были чуть постарше меня, вот и рассказали много всяких штук... Илья сказал, что у меня здорово получается. А как по мне – графомания бездарная... Надо было сдать тебя в детдом, паршивец... Она ускользает от меня, словно она из другого романа... Тогда я подумал, что кроссы на колесиках были ошибкой, но плюнул и пошел на встречу. Покатались весело, но эти люди мне не особо понравились... Интересно, как часто ты думаешь обо мне... Наверное, он слишком много кривлялся... Сколько еще книг и фильмов – мне до конца жизни хватит... Вот курсы были огненными. Серебряный век жизни... У меня нет слов, чтобы описать, как сильно я по тебе скучаю, и как сильно мне тебя не хватает... Вика купила себе мертенсы. Убьет через месяц, чего было трагиться... Я увидел это здание за три года до, и уже тогда мне оно показалось отвратным... Саня был тогда даже молчаливее, чем я теперь. Сейчас он в иностранной армии – тоже

мне, Байрон... Я живу от встречи до встречи. До разговора, до звонка, до переписки. Скорее даже существую... Пелевин макулатура. Но отцу нравится... Тогда я подумал, что клубы были ошибкой, но этот мудака уже порвал мне жилет... Мне интересно о тебе все... Дерево было какое-то твинпиковское. В смысле психоделическое... Свой выбор я сделал, когда остановился на травке и эйфах. Пусть за белыми кроликами другие бегают... А вот у Кристины левая рука забита – каверит проколы. Все равно ей конец... Кастанеду не читал – не триповал... Есть ли что-нибудь хуже, чем рано просыпаться?.. Будешь так со мной разговаривать – организую тебе под глазом светимость. Смекаешь?.. Прутья этой клетки очень надежны. Они сделаны из кости и способны выдержать практически любое воздействие изнутри... Мне никогда не нравились зеркала... Знаешь, в чем твоя проблема? Ты слишком много держишь в себе. Ты давно стал заложником своего образа... Я, слышу, как они кричат. Помогите им, кто-нибудь!.. Ничего странного в том, что ты всерьез собирался жить рядом с психушкой, а в итоге из твоего окна видно кладбище... Никаких компромиссов. Все или ничего... Знаете, если есть юношеский максимализм, то у меня, наверное, старческий минимализм... Быть поэтом скучно. Поэтов – как нерезанных свиней... Женя и Настя сказали, что я пишу здорово. Но как по мне – все еще бездарная графомания... Что было потом? Потом в темноте сверкнула вспышка, и все стало почти отлично. Ненадолго, ведь я, похоже, все снова

упустил и испортил... Есть такая тема: продавать поездки на метро, стоя с проездным у перехода. Ну и бред... Чтобы все рассказать – и жизни не хватит... Что это за жизнь, когда люди, целое поколение, в двадцать лет не хотят жить?.. Я нашел охеренную группу, называется Эмптиселф. Нет никого лучше, чтобы въехать и расслабиться... Блин, просто будь собой. Веди себя рядом с ней так, как при мне. Ты походу совсем не сечешь, да?.. Коты, цветы, звезды и снегопад. И все такое... Люди все же меняются. Я ошибался... Знаешь это чувство, когда видишь, как кто-то, кого ты думал, что знал, говорит или делает то, что, как тебе казалось... а, забей... Мам, смотри, я волшебник! Я летаю... Пап, я понял. Ты хочешь как лучше, я знаю... Конструктор был классный. Черт, сколько же замков построено, взято и разрушено до основания... Это бессмысленно. На это нет никакой разумной причины... Что бы ты сделал на моем месте? Что бы ты сделал?.. Тогда я подумал, что журналистика была ошибкой, и ушел оттуда. Но воспоминания остались, и даже сейчас я часто бываю на дворце. Сижу на верхней ступеньке, смотрю и думаю. А еще осталась Оля, и это меня правда радовало... Кто это такой валяется в луже?.. Лгать, говоря лишь правду – это особый талант... Доктор прописал их, но мне уже не так хотелось обдолбаться, и я не выпил ни одной – как мне тогда казалось... Говорить с собой иногда весело, но обычно просто тошно... Из всех деревьев сосны были самыми характерными... А как же разговоры, которые будут всегда?

Неужели не будет ничего... Это был неплохой вариант, старик. Проблема только в том, что нам не заплатили... Иди, а не пританцовывай, петух хренов... Эйфория, эйфория, эйфория... Я – унитаз для самого себя... Сначала были скорпы, Lumen и Disturbed. Потом все завертелось... Затушить сигарету о руку – хороший способ проснуться. Представляешь себя Логаном и... Дом – это что-то смутное и непонятное... Раньше там был кинотеатр, сейчас – просто заброшка... Теплицу я сооружал долго, а когда закончил, понял, что конструктор в сто раз лучше... Она зимняя? Нет, осенняя. А мне нужно на весну. Ага, а поконкретнее? Есть какие-нибудь куртки на апрель, где-то на двадцатые числа?.. Он был лет на семь старше, чем я тогда, но младше, чем я сейчас. Он умер, а я жив... Деньги мне не интересны. Просто очень нужны... Чувак, сколько ты уже на это потратил? И все впустую. Деньгами не купишь... Кто-то просто слишком много думает... Пришла и развесила иконы по комнате. Я их потом выкинул, конечно. Ну, как выкинул – оставил на скамейке у подъезда... Смайлики – это бред. Лучше улыбаться вживую, чем с каменным лицом расставлять эти скобочки... Я как-то доставлял чехол для мобильного в соседний дом. Интересно, где в этот момент была ты... Носить цемент было не особо весело. Вот штукатурить и красить – да. Запах мне нравился... И о чем ты будешь писать? О себе. Люди всегда пишут о себе – так или иначе... Было страшно, когда перестала нравиться музыка. Это так и не прошло... Ублюдочные соседи

свели моего пса в лес, а кот постоянно шпыняли и, наверное, отравили его тоже они. Я с тех пор им и слова не сказал. А эти две улыбаются... Бедняк всегда и везде остается бедняком, даже при деньгах. Это всегда видно... Ни до, ни после я не чувствовал ничего похожего. Это была сказка, но с печальным финалом... Спой мне песню, которую я не слышал... Ты просто плохой человек. Скажи это. И повтори... В кнопочных телефонах был шарм. В этих новых – только функции... Что ты знаешь об одиночестве? Ты, которого не существует... А что, если все это – игра, матрица? Умираешь и снимаешь где-то “там” шлем, обсуждаешь партию и так далее... Пора бы заканчивать... Все просто хотят веселиться. Развлекаться. Или стань веселым – или не лезь... А что будет дальше? Откуда мне знать? От меня ничего не зависит. Я надеюсь на лучшее, но с каждым днем эта надежда тает... Знаешь, что такое мир? Я объясню. Мир – это равнодушное, холодное и жестокое место, и еще более равнодушным, жестоким и холодным его делает наше нежелание признать его таковым... Всегда нравилось оставаться дома одному. Ну вот, теперь я всегда буду дома один. Рад ли я этому?.. Все, пора заканчивать... В глазах темнеет... Не отпущу, не забуду, не смогу... Эй, смотрите, я тут! Я жив! Откройте, кто-нибудь! Выпустите меня!.. Засыпай...

Солнце восходит снова

*This is the story of my life
And I write it everyday
And I hope you're by my side
When I'm writing the last page*
Bon Jovi – Story Of My Life

Они шли по улице, то подолгу молча держась за руки и разглядывая оживающий после зимы мир вокруг, то смеясь и вырывая друг у друга телефон с какими-то заметками – по очереди что-то набирая в этом блокноте, они с замиранием и восторгом наблюдали, как раз за разом меняется город, обрастая все новыми чудесами, которые невозможно было бы представить и воплотить в жизнь без их участия. И не нужен был никакой бог, чтобы превратить в рай самый обычный мир.

Он то и дело бросал на нее взгляды украдкой, пока она рассматривала очередное чудо, и это мечтательное любованье тем, что восхищало и очаровывало его больше любых других чудес, вырывалось наружу, превращаясь в свет, что ловил их отражения в окнах домов и стеклах проезжающих мимо машин, в капли воды, в сотнях километров над землей превращающиеся в последние в этом году снежинки с невероятными узорами, в первые пробивающиеся из-за горизон-

та лучи солнца, в улыбки прохожих и звенящий звук капли – и все это замирало, смешивалось, расцветало и сверкало в свете крыльев, что, наконец, сумели вновь распахнуться за ее спиной. Ему очень хотелось верить, что в этом есть и его заслуга тоже – почти так же, как хотелось быть с ней рядом вечно. А если вечно нельзя, и вообще вечности нет – они ее сами себе придумают и создадут. Сколько впереди еще было всего хорошего – от одной только мысли об этом у него бежали мурашки по коже. Жизнь полна возможностей. Жизнь полна смысла, когда у тебя есть самое главное.

* * *

Этот миг был безупречен, и именно он, а не что-нибудь другое, был финалом той истории, что я попробовал рассказать.

Именно здесь, а не где-нибудь еще, заканчивается ответная мне часть сюжета.

Но не все так просто. Я – это я.

Но есть и другие рассказчики. Есть другие стороны сюжета. Есть другие финалы. Время пожирает себя, мы несемся по кругу, мы проникаем все дальше, одновременно расплываясь в этом множестве измерений.

Сигарета тлеет, дым улетает в космос. Но растекается по

крышке гроба, цепляется о гвозди-звезды, под которыми мы продолжаем играть сцены, что рисует нам сознание, зародившееся в нас зло – по неизвестной причине, неизвестным образом. Я замолчу и закончусь – мой образ, чистый абстракт, растворится в мире грубой материи, эхо слов угаснет вдалеке, если только не найдет приоткрытую дверь – одну среди миллионов закрытых. Слова ворвутся туда, все перевернут, дадут ростки – первые из тех, что могут все или погубить, или спасти. Неземные узоры оплетут целые миры – сожмут, сдавят, поглотят целиком, неся с собой память о давнем зле, ошибке в исходном коде, которую уже не исправить. Болезнь проникнет на все уровни реальностей всех мультивселенных, и никакие отстраненность, рекурсия и коридоры пробуждений не спасут от нее. Я бы пришел туда – но там уже не ждут моего пришествия. Поэтому теперь нам, пожалуй, стоит увидеть огни последней гавани, увидеть, как искрятся мириады душ, увидеть первопричину всего и вся, увидеть...

Петли, круги и ленты – в разрезе

Как-то мне сказали, что время – это плоский круг. Все, что мы сделали или сделаем, будет повторяться снова и снова по кругу. Этот парнишка и эта девочка будут оказываться в этой

Она купила в киоске пачку сигарет, и они двинулись дальше. Не имеет значения, о чем они говорили, но важно другое – в блокноте на его телефоне осталась незаконченной история – точнее, наброски истории – о человеке по имени Питер. Эти двое, увлеченные друг другом, не поставили точку, и сюжет завис на полуслове – в очень хорошем моменте, да, но все же он не был окончен. И этим желало воспользоваться столько различных сущностей из совершенно разных пластов реальности, что нет ничего удивительного в том, что у кого-то из них получилось.

Когда они прошли мимо этого злополучного места, случилось то, что можно сравнить с выстрелом в спину уходящему в закат ковбою.

Из окна на балконе одной из квартир на верхних этажах вылетело тело, на лету орущее самому себе что-то невнятное двумя разными голосами.

Он оттолкнул ее в сторону, и тело приземлилось прямо перед ним, при ударе о землю превратившись в черную воронку, что в один миг засосала его внутрь и исчезла.

В небе раздался скрежет, похожий на звук ржавых шестеренок в огромных старых часах, что кто-то пытается подвести. Или перемотать назад.

Ее крылья осыпались пеплом, а в сердце кольнул ледяной

осколок, и этот укол из прошлого стал для нее уколом веретена одной из мойр.

Она подняла с асфальта его телефон – все, что осталось – и, открыв блокнот с историей, что он начал однажды писать в июле, в дождь, в другом городе, другом году и другом телефоне, поставила точку. Выронив телефон и прошептав несколько слов на непонятном языке, она распрямилась и пошла дальше, поначалу по улице, между застывших от удивления прохожих, сквозь слезы, а затем...

...Вдруг на секунду пространство померкло, будто начало просвечивать, обнажая за собой что-то наподобие переводимых огромных часов...

...А затем сквозь время и пространство, по чьей-то высшей воле оказавшись в заснеженном декабре готовящегося к Рождеству города-призрака.

Было что-то завораживающее и пугающее в том, как выглядела эта девушка. Она шагала сквозь завесу снега, и ее волосы развевались на ветру. Тот же злой ветер трепал тонкую длинную кофту без пуговиц, стараясь изо всех сил вырвать полы этой кофты из рук своей жертвы. Обута она была в старые и дырявые ботинки, единственным смыслом которых в такую погоду было лишь внешне укрыть ноги – хотя бы от испуганных, сочувствующих и осуждающих взглядов прохожих.

Впрочем, даже этот смысл терялся, когда вы понимали, что ее никто не замечает. Она просто шла в толпе, вся –

как еще один порыв ветра, только медленный, прибитый телом к земле и напоминающий человека. Она была поразительно красива каждую секунду своего дрожащего пути вперед, непонятно куда, а особенно прекрасной выглядела, когда поднимала огромные блестящие глаза вверх, к небу, слегка приоткрывая рот в тихом вздохе, который освобождал густые клубы пара, на несколько секунд окутывающие ее лицо.

Она шла, и с каждой секундой все больше забывала о чем-то важном. А что же это за важное – она уже не могла вспомнить.

Где-то совсем в другом месте – однако, в то же самое время – с неба вместе со снегом сыпались черные буквы. Они падали на землю, и из их чернильных брызг возникала фигура человека. Снег покрывал этот силуэт, придавая ему краски. Человек шел по длинной, идущей в гору улице, и шел он на вокзал – сам не зная, зачем. Вдруг он остановился и поднял взгляд на одно из окон последнего дома, дома с номером пятнадцать, что примыкал к привокзальной площади. Окно было на третьем этаже, под самой бойницей чердака. В окне горел тусклый свет, и видны были очертания комнаты. А еще – за окном кто-то стоял и исподлобья, будто виновато, смотрел в ответ.

Эпилог

*– Бесконечный сон – вот к чему я стремлюсь.
Тебе разве не казалось, что сны намного приятнее*

реального мира?

– Я никогда не сплю.

– Соболезную. Тогда поверь мне на слово – я никогда не вру.

– Мне доводилось слышать о кошмарах – снах, в которых вы испытываете что-то ужасное. Такие сны ты тоже ценишь выше реальности?

– Кошмаров не будет, глупый старик, потому что люди научатся управлять снами.

– Ты либо наивен, если считаешь, что все пойдет так, как ты задумал, либо преследуешь совсем другие цели.

– Знаешь, тебе нужно почаще покидать это место. Одиночество плохо на тебя влияет.

– В позапрошлый раз все было именно так. Твой предшественник тоже был уверен, однако...

Страж и Лис

Сообщение о перехвате застало Альфу за тренировкой – она как раз закончила комплекс силовых упражнений и уже собиралась было приступить к стрельбе по мишеням, когда в зал быстрым шагом зашел Гамма. Этот немолодой и уже лысеющий, но крепко сбитый, полный решительности и незаменимый в работе под прикрытием человек никогда не утруждал себя стуком или лишними вопросами. Черное пятно стремительно пересекло весь зал и остановилось у стенда для стрельбы.

– Мы перехватили прыгуна.

Альфа удивленно вскинула брови, вытирая пот со лба. Прыгуном они окрестили одного из второстепенных объектов, который демонстрировал удивительную способность перемещаться между фазами и уровнями нейромодели. Кроме того, он явно был неплохо осведомлен – очевидно, даже лучше, чем два основных, над которыми и велась работа.

– Сигнал стабилизировали?

Гамма почесал густую бороду и протянул Альфе планшет. Манжет черной байки сполз вверх, открывая часть татуировки на запястье.

– Да, едва успели. Сейчас его вытягивают на рабочий уровень. Здесь – информация, извлеченная при первичной обработке во время задержания.

Альфа устало улыбнулась. Теперь у них будет преимущество.

– Отлично, спасибо. Тогда готовься к приему, а я пока ознакомлюсь с записью.

Бородач коротко кивнул и вышел из зала так же стремительно, как и вошел. Альфа уселась на одну из скамеек, что стояли вдоль стен зала, решив отложить на время упражнения в стрельбе. Сейчас самым важным было понять, что можно извлечь из прыгуна. Она пролистала интерфейс планшета вниз, добравшись до нужной записи, и включила воспроизведение.

“Здесь, как и много где еще, было лишь начало этой истории – ну, или хотя бы конец какой-то из ее глав, или просто

ее фрагмент.

Я ведь не просто так сказал, что мне отведена здесь лишь часть. Отрезок времени. Отрывок текста. Период жизни. Хотя жизнь и так слишком коротка, чтобы разделять ее на периоды. Меня, конечно, все еще не устраивает быть периодом, и я не собираюсь смириться с этим – в том или ином смысле я готов быть кем угодно, но только не наглухо оконченным периодом – но это ничего не изменит, если на самом деле все так и окажется, и у меня ничего не выйдет.

А что история? О чем она была, зачем появилась, как связана с другими, кто ее рассказчик? Нет, не так. Почему эти вопросы вообще стоит задавать? Как определить, нуждается ли что-то в объяснении? Как определить ценность чего-либо, как выйти за пределы субъективности?

Есть мнение, что открытые финалы – это для трусов, сомневающих, ну и для жадных графоманов. Но это не открытый финал – это вообще никакой не финал. Как я могу закончить историю, которая принадлежит не мне? “Хм, а кому же она тогда принадлежит?” – спросит кто-нибудь. Ну, наверное – всем и всему, чего она касается. Прошу помнить, что все мы, и все, что нас окружает – в какой-то степени одно целое, и нет смысла делить это “все” на отдельных людей, например. Поэтому я и сказал, что история не окончена, и никогда не будет окончена. Я же кое-что знаю наверняка: ничто никогда не находит своего завершения, потому что существование само по себе отрицает завершение. А это

значит, что я был, есть и буду всегда, но ведь самое интересное – как именно я буду дальше. Возможно, что всеми возможными способами?

Скоро узнаем. Время грез ведь только наступило, и мне нужно готовиться к величайшему предательству в истории”.

VI. В ДРЕМУЧИХ ВОДАХ

Номер девятый. Код – 311. Классификация: перерождение, реален-реален, последовательно. За основу берется технология, позволяющая после смерти воскреснуть в заданной точке времени и пространства. Как и в случае с номером третьим, происходит сбой, в этом случае – из-за ошибки во время настройки параметров системы, и создается искусственная петля времени. Повторение циклов – бесконечно. Порядок прямой и обратный.
Отрывок из неизвестной ночной телепередачи

Вступление. Mea sententia

По сути, все споры людей между собой – о способах получения удовольствия от жизни.
Леха Хрен – своему событульнику

Вернувшись с перекура, трое снова заняли свои места, инспектор и начальник штаба – в креслах напротив экрана, техник – рядом с голографическим интерфейсом.

– Предпоследний на сегодня.

– Что можете о нем сказать, Филин?

– Этот из новых, представляет собой три связанные части,

предваряющие вторую фазу.

– Разве не четвертую?

– Я обычно считаю в обратном порядке. В целом, ничего особенного мы не нашли, просто для порядка приобщили.

– Ладно, послушаем. Включай.

Библиотека фрагментов пришла в движение, и воспроизведение началось.

“I. Есть разные истории. Романы, саги, поэмы, трагедии, комедии, рождественские рассказы, сказки, детективы, трактаты, сборники, эротическая литература, фельетоны, сценарии... Можно классифицировать их как угодно. Мне нравится такая классификация: есть обычные сказки и странные. Обычные сказки – истории, в которых главный герой идет к какой-то цели, продираясь через преграды, жизнь переоценивает, побеждает внешних и, главное, внутренних врагов, перерождается и, наконец, добивается чего-то. В таких историях легко понять, кто герой, кто его враг, кто союзник, каковы цели и мотивация персонажей, что вообще происходит в течение истории. В странных же сказках все немного не так. В них может не быть главного героя, или он может быть “плохим”, или даже не присутствовать внутри самой истории. То же самое касается и других персонажей, и не у каждого из них должны быть цели или мотивы, действие необязательно будет осмысленным, понятным, последовательным или цельным. Какие-то вещи остаются за скобками, какие-то – не упоминаются, но складываются в картинку перед глаза-

ми в какой-то момент, другие – складываются тогда, когда читатель прилагает к этому определенные усилия, иные детали подаются в виде намеков, аллюзий, игры слов, метафор и прочих грязных художественных приемов. Странные сказки не обязаны включать в себя какую-то мораль, вести к каким-либо выводам, завершаться логически или вообще завершаться, они вполне могут быть просто эманациями эмоций автора или шуткой, или чем угодно еще. Проще говоря, обычные сказки – это вся классическая, романистическая, реалистическая и прочие старые виды историй, а странные сказки – это отродье культуры постмодерна. Они по определению могут быть намного интереснее обычной литературы, но вся проблема постмодернизма в том, что он безыдеен, ведь идея в постмодерне считается всего лишь объектом глумления и переработки. Можно сказать, что любые произведения заимствуют из уже созданного, но постмодерновые этого не скрывают, они не пытаются быть нормальными, и поэтому могут вызывать беллетристическое несварение. Но одно из моих самых твердых убеждений заключается в том, что мотивы важнее средств, и нельзя судить что-то или кого-то по внешним критериям, не зная истинной подоплеки. Нельзя судить людей по действиям, не зная, что их сподвигло на эти действия, причем для того, чтобы все же судить, знать нужно досконально, на том же уровне, на котором это знает сам человек. Но это невозможно, поэтому стоит максимально приблизиться к пониманию, а затем сделать вывод, доста-

точно ли нам такого объяснения. Если достаточно – мы принимаем человека и его поступки, уступаем. Если нет, и наши интересы противоположны – мы можем попытаться добиться понимания уже от него. Если же понимание не достигнуто ни одной из сторон, то нам остается лишь сделать выбор: стоять за свои интересы до конца, защищая свое мнение любыми способами, или уступить лишь потому, что цель для нас не так важна, как уклонение от конфликта. Примерно так я и рассматриваю все конфликтные взаимодействия – как в логическом алгоритме, и, честно говоря, иногда это заставляет видеть все... В очень, очень плохом свете. Как все это связано со странными сказками? Все просто, эта история – темная, странная сказка – служит одним из шагов к тому, чтобы быть понятым. Очень сложным и, скорее всего, бесполезным шагом.

II. Бла-бла. Очень серьезный текст, очень серьезный сериал, очень серьезный и нудный пролог. Какая разница, что я говорю, какая разница, что кто угодно говорит, если слова – это такая особенная метафизическая труха, лживые трупы абортированных мыслей, старость идей? Старость – это единственное, что приходит с опытом, и нет больше доверия к службе доверия. Знаешь, что такое линия жизни? Это продольный надрез, который патологоанатом делает на мертвом теле человека. Вот что такое линия жизни. Наши молодые лики с каждым днем прогнивают, выцветают, дряхлеют. Молодость и ярость – ложь, ложь, как и любовь, как и добро,

как и счастье, “молодость” – просто надпись на футболке тупого придурка, который не придумал ничего оригинальнее, чем констатировать тот факт, что он еще не успел прожить столько, чтобы был смысл оценивать прожитое. Нас предали, и на нашем проклятом зелено-голубом шарике со стальными вкраплениями бог снимает жесткое порно из боли, смерти, лжи, предательств, разочарований, расставаний, болезней, войн, унижения, мести, злобы, ненависти и полного разрушения всяческих постулатов добра. Я выхожу с тобой на связь – значит я выхожу из своего тела, покидаю стены в погоне за призрачным нечто, неуловимым, невидимым, ушедшим, сказочным и несбыточным, продираясь сквозь толпы таких же роботов, прячущихся за своими железными изнанками, в погоне за кайфом, секундой блаженства, пересечения, прикосновения к душе, ангельского героина, бегущего по медным венам киборга. Я снова заправляю железы, ведь робот уже выплакал все, что в них было до этого, ртутными слезами, в которых задохнется все хорошее, что я видел и чувствовал среди заправок, школ, универов, супермаркетов, магазинов, качалок, кинотеатров, парковок, кафе, банков, судов, больниц и церквей. Робот удаляет откровения и искренность как вирусы, избавляясь от слабости, от уязвимости, становясь неуязвимым и вместе с тем бессмысленным куском мяса. Какой смысл в том, чему нельзя причинить боль достаточно сильную, чтобы оно хотело умереть и не чувствовать эту боль? Души меня тишиной, души ме-

ня равнодушием, души оборванным телефонным проводом, уничтожь каждый порыв, что останется после генеральной уборки в голове и сердце. Человек устал и поэтому человек пьет – чтобы снять усталость, чтобы анестезия разлилась по его пустой, но все же исполненной страданием душе, потому что человек – это априори идиот, глупая материя, выбравшая не лучший вариант для уплотнения. Я буду пить долго, пока не сопьюсь, пока не пропью человеческий облик и все, что у меня есть, пока не доползу до своего надгробия, и двери склепа не закроются за мной, пока не выйдет мой срок годности, пока не выйдет гарантийный срок. Я буду курить так много, что все мое тело пожелтеет, что я буду дышать дымом и кашлять от воздуха, буду курить, пока не сдохну от рака, тыча средний палец в лицо бога под аккомпанемент песен Мэрлина Мэнсона. Мое счастье – умереть в алгоритме, скоро и жестоко, чтобы не оставить следа, не оставить души, не оставить тела – ни черта после себя не оставить, и не попасть после смерти ни в рай, ни в ад, ни в небытие, а просто обесмыслить понятие посмертия. Я – всего лишь часть, как и двое других, но даже вместе мы себя понять не смогли бы никогда. Танцуем на дискотеке перепуганных людей, с вырванными душами, а стены плаваются и идут пузырями от нашего неумного, пьяного, грязного, пошлого и страшного веселья живых трупов, но ведь это же и правда весело, когда больше нихера не осталось – дергаться под стробоскопом в приступе безумной пустоты внутри, которую уже никогда и

ничем не заполнить.

III. Прологи существуют для того, чтобы обозначить читателю, что он сейчас собирается прочесть, заранее довести его до нужного градуса. Но это работает, когда автор – это писатель, а книга – это книга, и совершенно не работает, если автор – это никакой вообще не писатель, а книга – совсем даже не книга. Зачем? Чтобы что-то этим сказать. Что? То, что можно выразить только в таком виде. Почему? Потому что в другом виде это не прочтут. Есть ли здесь какая-то идея? Вряд ли. Как насчет мысли? Мысль может и быть. Но стоит ли ее думать? В этом прелесть мыслей – они приходят без приглашения, и их целесообразность нельзя оценить. Они просто есть. Мысли – это такие кварки ума, очень маленькие, назойливые и совершенно неуловимые падлы, которые остается только пропускать через себя. Интересно, как долго можно втирать такую вот пустословную чушь? Думаю, что хоть всю книгу. Видел я такие книги по долгу службы. Но у нас тут не книга, у нас схемы, чертежи и зарисовки, портреты, наклейка, этикетка, акциз, трактат, протокол, шифр, задачка, ссылки, формулы и заголовки. Это все вместе называется “я заснул за клавиатурой, разлив на нее чай, и короткое замыкание вызвало набор случайного текста, к которому я не имею отношения”. Люди думают, что словами можно что-то там изменить в реальной жизни. Ну конечно можно, кто спорит. Если ты ворвешься в здание банка и заорешь “Всем лежать, у меня бомба!”, ты очень даже изменишь ре-

альность. Но можно ли жизнь изменить словами мертвыми, монологом об абстракциях, живущих в голове у говорящего? Если реальность сопротивляется – это знак, что стоит поискать другой способ. А что, если все другие способы – плохие, мм? Жизнь – странное место. И она проходит мимо, пока руки неподвижно лежат на клавиатуре. Пальцы подрагивают, а взгляд сонно воткнут в стену над монитором. Все, что я знаю – дни идут, и идут, и идут, и идут, и идут. Ничего не меняется. Смысл всего действия с каждым “па” становится все призрачнее, и вот уже не остается ничего, кроме этих самых “па”, рефлекторных, машинальных, безнадежных и нелепых в своей ненужности самим танцорам – не нужных для того, чтобы перестать чувствовать движение, продолжая двигаться так, как им будет удобнее. И вот ты уже видишь звезды, и ты уверен, что это звезды, потому что звезды так и выглядят, но это не звезды, а отражение звездного неба в обильном жидком плевке, тогда как настоящие звезды можно увидеть или ясной ночью, или со дна глубокого колодца, и чем колодец глубже, тем отчетливее ты видишь эти далекие светила, но минус пребывания на дне колодца состоит в том, что ты не можешь оттуда выбраться без посторонней помощи. Крик ли это о помощи? Может быть. А может и нет, ведь я еще не достиг дна своего колодца, колодца желаний – он продолжает удивлять глубиной, постепенно перерастающей в бездну, и чем глубже я падаю, тем яснее вижу звездное небо. История эта так же бесконечна, как и колодец. Она никогда

не начиналась и никогда не закончится: зеркала, лабиринты, ловушки, миражи. Все, что я делаю, преследует одну цель, но кто даст ответ, возможно ли ее достичь? А возможно ли, что я просто сплю? Кто знает, может, я уснул, заблудился во сне и попал в место, которое искал всю жизнь. Или место, из которого всю жизнь бежал, так и не сделав ни шага. Или подошел слишком близко к краю света и упал в те самые воды, что вынесены в название истории”.

Нейрозапись с коротким сигналом прервалась, обозначая конец выбранного фрагмента. Инспектор нетерпеливо махнул рукой, давая понять, что ничего путного в этом фрагменте тоже не увидел, и нужно переходить к следующему.

XXV. Архитектор. Сомния обскура

*Я просыпал, верно, соль
Вновь поссоримся с тобой
Ты прости мне мою боль
Даже здесь она со мной
Я стою посреди поля
Выбирать пути я волен
Все равно в твоей неволе
Путь мой пыль пусть упокоит*
Михаил Березов, из неизданного

А солнце режет глаза – это солнце, заходящее над полем какой-то желтой сельскохозяйственной культуры, речка за полем, с любопытством несущая свои воды вниз, к лесу вдалеке, теплый августовский воздух – наверное, август все же мой любимый месяц, даже больше, чем октябрь – и я, одинокий и потерянный в этом мире красоты и гармонии, которому я совсем не нужен, как не нужны все мы.

Книги? Люди? Чувства? Компьютеры и роботы? Ему все равно, на фоне чего быть прекрасным. Да, это мы – на фоне, а мир – на переднем плане, потому что наш срок короткий, как и срок нашего вида, а мир был, есть и будет, мы для него – только декорации актов пьесы. Возможно, настоящее бессмертие в том, чтобы раствориться в мире вокруг себя, стать одновременно всем и ничем? Быть может, если раствориться в мире вокруг, и во всем будет частица тебя, ты полностью

познаешь этот мир, отождествишься с каждым его атомом, и тогда, будучи единым со всем сущим, ты обретешь истинную свободу, уподобишься богу, что есть во всем, и тогда вселенная будет домом твоего разума, твоей личности и твоего сознания, ты из содержимого станешь содержащим, из объекта станешь субъектом по отношению к мирозданию. Абсолютное поглощение.

Я стою посреди всей этой красоты и прошу, молю эхо не отвечать на мои слова, но оно вновь и вновь, как волны с моря, приносит все, что я так давно и сильно пытаюсь заглушить и прогнать. Или не пытаюсь? Не так уж и важно. И, как всегда, на секунду кажется, что все будет хорошо – тот самый обман паникующего разума, который понимает, что только эта ложная надежда позволит ему остаться в живых. Разум всегда хитрит с нами, обманывая и заставляя страдать сердце. Ну да, разве все может быть плохо, когда вокруг прекрасно и спокойно, и ты чувствуешь, что и сам растворяешься в этом спокойствии? Но нет, я не растворяюсь, меня опять выдергивает в мир, где я нелепо и с надрывным пафосом страдаю, хоть и ненавижу страдать, и ненавижу пафос. Тогда почему я все же так драматичен и жалок? Потому что, когда людям больно – мы кричим. Так это работает – ты кричишь, мозг подает сигнал на болевые центры, для боли остается меньше оперативного простора, ее уровень снижается. Это инстинкт. Так что же делать?

В нужный момент вновь не хватает решимости. Как на-

зло, именно сейчас бесчисленные голоса в голове умолкли и ничего не подсказывают – нужно все делать самому. Нужно сделать шаг вперед. Я пойду вперед. Я забуду, откуда пришел. Забуду, где мой дом. Забуду тепло. Забуду свой голос, свое лицо, свое имя. Забуду мечты, и страхи тоже забуду. И, может быть, забуду людей? Шаг. Еще шаг. Вот подул ветер, подталкивая меня в спину и ничего, совершенно ничего не нашептывая.

Кадры мелькают перед глазами в последний раз – чтобы после этого навсегда стереться из памяти. Лица родителей, еще молодые, еще рядом. Боже, отец еще с щегольской шевелюрой. У мамы ни одной морщины, и ни единого седого волоса. Оба улыбаются... ох, когда такое было в последний раз? Мой первый кот – котенок старой бабушкиной кошки. Рыжий, пушистый и маленький, он, как и я, еще не очень умеет в ходьбу, в основном ползает, и ловит лапами мою пухлую детскую ладонь. Черт, так и знал, что буду плакать, как и тогда, когда он через четыре года ушел и не вернулся домой. Мой первый настоящий друг – Илья из соседнего двора, с которым мы ходили на кладбище кранов, рубились в контру в клубе “Махаон”, дрались на пластмассовых мечях у меня дома. Где ты сейчас, Илья? Старые комиксы, пакет выигранных фишек в шкафу, прятки во дворах, девочка с косичками из все того же садика, с которой мы сидели рядом на скамейке и держались за руки... вспомнить бы ее имя. Неужели мы все так просто забываем? Первая драка – с этим

армянским пацаном, Нареком. Вот его-то имя я не забыл. Видимо, неприязнь живет дольше любви. Прогулки с семьей в парке, что-то отрывистое, но приятное. Недолго нам так осталось. Я уже тогда любил гулять по городу и смотреть по сторонам, запоминая все, словно записывая в центр впечатлений в голове. И дальше, дальше, дальше, чем дальше – тем быстрее мелькали воспоминания, тем ярче они становились, но, как ни парадоксально, тускнели. Я не самый большой мастер правильно подбирать слова. Но все становилось больше, росло вместе со мной, пока не достигло своего первого пика – в тот день, когда меня предал друг, заставив всех поверить в такую мерзость, что я не буду даже рассказывать об этом. И дальше шли только такие вот пиковые моменты. День, когда я почти умер, теряя сознание в скорой. День, когда мне отказала девчонка, которая нравилась со второго класса – он же день, когда я начал курить. День, когда я заработал первые серьезные на тот момент для меня деньги. День, когда впервые выпил – и это закончилось катастрофой. День, когда я впервые поцеловался – по-настоящему, с языком и все такое. День, когда мы с Саньком взломали школу. День, когда у матери случилось обострение. День, когда все ушли. День, когда я впервые попробовал. И таких дней было все больше, пока в определенный момент не настал сначала самый лучший, ну а потом – самый жуткий из них: я проснулся перед рассветом, на полу, пьяный, потянулся за телефоном и... Я до сих пор не могу спокойно смотреть на вещи опре-

деленного цвета и формы, до сих пор дергаюсь, когда слышу некоторые слова и выражения, меня скрючивает при виде встающего над многоэтажкой солнца, безжалостно слепящего глаза, выворачивает наизнанку от песни, которая играла в колонках тем утром. У меня до сих пор осталось несколько шрамов на руках и на голове. Если честно, все это так сильно повлияло на меня, что я даже стал немного бояться читать.

То, что произошло после, вплоть до нынешнего момента, было уже второй жизнью, но и она подходит к концу – надо лишь продолжать идти по этому полю, забывая все как кошмар, стирая все для новой жизни. Уже немного осталось. Тот человек, что жил в этом теле совсем недавно, сейчас вырывался наружу подобно дыму, и вечерний ветер уносил его прочь, и кроны деревьев, растущих в поле, прощались с ним от имени всех и всего, что ему было дорого, тихо шепча вслед его имя, которое я уже не узнавал и не помнил.

Надо мной с грустным криком пролетела стая птиц. В глазах уже все поплыло, а солнце вдруг оказалось не прямо впереди, на уровне глаз, а почему-то за спиной, и передо мной выросла моя жуткая черная тень, непроглядная, как последняя в мире ночь. Тень имела не совсем человеческие очертания, тряслась от хохота и качала рогатой головой. Вдруг она перестала двигаться и превратилась в яму – яму с моими чертами, в которой я бы мог идеально уместиться. Только я успел это понять, как из ямы раздался какой-то звук.

Я заглянул туда, и на дне увидел плачущего ребенка, за-

бывшегося в угол ямы. Мальчику было года четыре, и, если бы не ужасная худоба и явно слепые глаза, он был бы очень похож на меня. Ребенок смотрел куда-то мимо, не совсем угадывая, где я стою, и его лицо имело необъяснимо виноватое выражение, будто он сделал что-то очень и очень плохое и сам это понимал; он громко рыдал – не так мерзко, как обычно рыдают дети, а надрывно, жутко, с такой безнадегой и горем, что хотелось умереть прямо сейчас, лишь бы не слышать этого, потому что мое сердце от этого звука словно сжимала перчатка с иголками. Мальчишка рыдал и тянул руки – сначала просто вверх, ко мне, затем, пока я не понимал, что мне делать, он встал на колени и вслепую пополз по внезапно оказавшейся для него такой большой яме, выставив руки вперед, одновременно и ища границы ямы, и словно пытаюсь что-то нащупать в пустоте, что-то, ужасно ему нужное, при этом не переставая рыдать. Я лег на землю и попробовал дотянуться до него, чтобы вытащить из ловушки, но яма была слишком глубокой, а он – слишком маленьким. Как же достать его оттуда? Я огляделся по сторонам, ища подсказку, но вместо нее я нашел приговор.

Далеко впереди, за рекой, я увидел толпу людей. Приглядевшись получше, я понял, что это отряд солдат, а когда они дружно подняли вверх руки с чем-то продолговатым, я понял, что дело дрянь. Уже через секунду в небо взмыл рой стрел, и не нужно было быть офицером артиллерии, чтобы понять, куда они направлены. Времени на размышления не

было, и остался самый очевидный выход – я подождал пару секунд, пока стрелы не начали опускаться, и рухнул в яму ровно за миг до того, как туда упали они – так, чтобы они попали в меня до того, как я упаду на дно. Но через секунду, когда я почему-то не умер и открыл глаза, оказалось, что никакого дна нет.

Открыв глаза, я понял, что стою посреди дороги с оживленным движением, а вокруг меня ревет мегаполис. Я рванул к тротуару, пару раз чудом избежав того, чтобы быть сбитым, прислонился к столбу и попытался отдышаться. Через пару минут дыхание восстановилось – а вместе с ним пришла злость. Я быстрым шагом зашел в подворотню – типичный тупик с мусорными баками, фонарем, пожарной лестницей и кирпичной стеной, отгораживающей двор от улицы. Убедившись, что рядом никого нет, я принялся избивать мусорные баки руками и ногами. Какого хера? То есть, я даже не могу забыть все это, я не могу отказаться от прошлой жизни, не могу начать все заново, что-то всегда будет мне мешать? Чем, интересно, я заслужил такое проклятие? Мне что, придется действительно умереть, это правда единственный выход, ебучий мир настолько не хочет, чтобы я жил, что оставляет мне только один способ избавления? Ну замечательно! Твою мать! Хоть когда-нибудь я искренне желал кому-то зла, хоть когда-то специально причинял боль, хоть когда-то предавал, мучил, издевался, лгал о чем-то на самом деле серьезном? Никогда, сука! Нахер скромность, неужели

я только самомнением и неприспособленностью выбил себе право жить в аду, или я не вижу в себе чего-то чудовищного, очевидного остальным? Еще хоть раз... хоть раз... хоть единственный гребаный раз я услышу от кого-нибудь байки про справедливость, карму, баланс вселенной и прочее! Нет никакой высшей справедливости, нет никакого доброго бога, есть просто мир, в котором случается херня. Просто так, без причины и смысла. В жопу все это. Год за годом, каждый день ты ищешь повод жить дальше, встаешь, говоришь, дышишь, ешь и пьешь, делаешь то, что нужно другим, но ни черта не находишь, только упираешься в пустоту, холод и равнодушие. Никому нет дела. Так почему мне должно быть? Аргх! Очередной удар по баку оказался слишком сильным, и я разбил себе руку в кровь. Я тряс кистью, и кровь обильно разбрызгивалась по стене, асфальту и гребаным бакам.

– Не стоит прилагать столько усилий, парень. Если хочешь навредить себе... Есть способы быстрее и проще. Впрочем, ты их и сам хорошо знаешь.

Я обернулся на голос. Позади меня, метрах в пяти, стоял седой старик с аккуратной бородкой, в обносках, и снисходительно улыбался, при этом сурово окидывая взглядом то, что я устроил вокруг.

– Какого черта? Отвали!

– Ладно, спишем твои грязные слова на обиду и усталость. Давай-ка я...

Этот странный тип прищурился – и я вдруг почувствовал,

что рука заживает. Буквально через секунду на ней не осталось ни царапины. Твою мать...

– Чего ты так уставился? Думаешь, что я сейчас испепелю тебя за все, что ты обо мне успел наговорить и напридумывать?

– Я пытаюсь осознать. Просто дай мне время.

– Осознаешь по пути.

– По пути куда?

– Сейчас узнаешь.

Старик внезапно оказался совсем рядом и схватил меня за предплечье, и уже в следующую секунду мы очутились в большом светлом зале, похожем на залы Версаля или других подобных ему дворцов.

– Так тут ты живешь?

– Не совсем. Так ты представляешь место, где я мог бы жить. И знаешь, я нахожу твое представление довольно пошлым. Чай, кофе, сок?

– Нет, спасибо. Я... Мне слишком много нужно спросить, и я не знаю, с чего начать.

– Для начала присядь.

Старик указал на кресло позади меня, и я послушно опустился на мягкую зеленую поверхность. Ох, что же делать? Почему у меня нет списка вопросов как раз для такого случая? Старик плюхнулся в кресло напротив и прищурился. Понятно, все мои мысли у него как на ладони.

– Потому что ты слишком ленивый для таких списков –

ну и потому, что никогда не верил в нашу встречу.

– И зачем ты перенес меня сюда?

– Ты лучше, чем тебе кажется, и я хочу тебе помочь.

– Если бы я был лучше, то хотел бы сейчас поговорить о судьбах мира, о масштабных, важных для каждого вещах, а у меня в голове мысли только на одну тему.

– Я понимаю, это нормально. Зачем, по-твоему, существует любовь, как не для того, чтобы подчинять ей ваши мысли и благодаря этому менять вас к лучшему? Человек без любви не способен ни на что. Без любви человек будет выжжен изнутри.

– Как видишь, и с любовью все не так гладко. Клянусь, уж лучше бы я не испытывал этого никогда, чем вот так.

– Ты просто слишком впечатлительный и не умеешь терпеть боль. Научись ты этому, рано или поздно ты бы нашел...

– Сам знаешь, что я уже нашел. Проблема в том, что все мы разные, не всегда желания и чувства совпадают, а чьи-то чувства вгрызаются в душу и, не найдя ответа, пожирают ее, пока не получается кто-то вроде меня.

– Ты еще не потерял.

– Ну, с одной стороны – тебе виднее, конечно. С другой – я устал. Я уже несколько раз был близок к тому, чтобы уйти. Сейчас я пытаюсь стереть себе личность. Что именно мне сделать, чтобы быть счастливым? Вот мой самый важный вопрос.

– Не-а. Ты вкладываешь в него не тот смысл. Ты хочешь

быть счастливым с определенными условиями, а это противоречит свободе воли.

– Так что же? Если я не хочу другой жизни?

– Тогда ты будешь страдать и дальше. Простой ответ, правда?

– Скажи, ты знаешь все, что я думал за всю мою жизнь – каждую мысль?

– Да.

– Тогда почему мы вообще спорим? Ты идеально понимаешь меня, мне не нужно ничего объяснять и вообще говорить.

– Может быть, ты сам себя не понимаешь, и разные твои мысли не согласуются друг с другом?

– Нет-нет-нет, только не этот бесконечный диалог со своими же личностями, я этим уже слишком много занимался. Просто скажи – может ли произойти то, чего я хочу?

– Да, может. Как и еще очень многое.

– Хорошо. А что мне нужно сделать, чтобы это произошло?

– То есть ты просто решил схитрить и узнать сразу правильный путь, серьезно?

– Ты же сказал, что хочешь мне помочь.

– Это не значит, что я хочу помочь тебе воплотить твою мечту. Я хочу просто помочь тебе же самому изменить свою жизнь к лучшему, а заблуждение, что это возможно только при том условии, которое ты вбил себе в голову – это одна

из помех на твоём пути к излечению.

– А ты сам можешь испытывать это чувство?

– Глупый вопрос. Я испытываю то, что ты испытываешь к ней, к каждому из вас. Постоянно.

– Тогда скажи, каково, когда многие не принимают твою любовь, не верят ни в нее, ни в тебя самого, некоторые – ненавидят тебя, презирают, насмеваются или не испытывают вообще ничего, кроме равнодушия?

– Да, боль я тоже чувствую. Но не спрашивай, как я с ней справляюсь. Ты ведь не надеешься понять меня?

– Нет. Я... я не хочу спорить. Вообще очень странно с тобой говорить, ты ведь и так все знаешь. Довольно нелепо пока получается, да? Как ты можешь помочь, не изменяя что-то, чего я изменить не могу?

– Ты можешь выговориться, а я буду направлять тебя к тому, что ты должен сказать, чтобы осознать себя и свою жизнь. Воспринимай это просто как прием у психотерапевта, раз уж ты так и не захотел на самом деле обратиться за профессиональной помощью.

– Да, не захотел. Я боюсь открываться кому-то – даже незнакомым, мимолетным людям. Что-то откровенное я могу сказать или в форме шутки, или как бы не о себе, или только тому, кому полностью доверяю. Но нужно ли так делать? Ты можешь сказать, интересно ли...

– Давай я пока не буду отвечать на вопросы. Вернемся к тому, что тебе нужно – тебе нужна помощь. Скажи, зачем ты

пишешь?

– Ты ведь знаешь.

– Скажи не мне, а себе.

– Я хочу двух вещей. Стать счастливее и сделать мир лучше. Ради первого я пишу о себе, своих мыслях и чувствах, разливаясь в откровениях и рассуждениях. Ради второго я пишу – точнее, хочу писать – обо всем остальном, надеясь, что когда-нибудь это прочтут люди, прочтут и поймут, что они делают что-то не так, и нужно многое изменить в себе, мире вокруг себя и своем отношении к нему. Но я заиклен на себе и своих переживаниях, поэтому первое преобладает над вторым.

– Это все? У тебя нет никакой третьей цели, кроме составления зашифрованных антологий из символических образов и разбрасывания избитыми моральными наставлениями?

– Я... думаю, нет. Но поправь меня, если я себя обманываю.

– Ты просто не всегда это осознаешь, но помимо прочего ты пытаешься быть творцом – создать своего рода идеальный мир, где все будет так, как ты хочешь, мир, построенный по образам и желаниям в твоей голове, мир целиком из себя. Ты отвергаешь то, что создал я, и хочешь заменить это – хотя бы для себя – на нечто, как ты думаешь, прекрасное и счастливое.

– Да. Да, действительно, эта мысль тоже часто мелькает. Прости меня, я, видимо, грешен, если не могу принять твой

мир и нахожу его невозможно тяжелым и неправильным, но кто я такой, чтобы указывать тебе, что стоит изменить, поэтому...

– А еще ты хочешь не просто создать его, ты хочешь сбегать туда, полностью переместить сознание в свою утопию. Ты уверен, что это возможно?

– Мне кажется, все возможно, что можно представить. Это ведь у нас в голове – уверенность, что вокруг все устроено определенным образом, это зависит от нашего восприятия реальности. Если убедить себя, что эта реальность иллюзорна, и нужно проснуться в другую, “истинную” реальность, то для нашего мозга это и произойдет. Конечно, нужно очень постараться.

– А как же тело?

– Тело упадет в кому, я так понимаю.

– А как же люди здесь, которых ты не заберешь в свою голову, люди, которым ты дорог, и которые дороги тебе?

– Все, кто мне дорог, будут там, в моем мире, при том будут куда более счастливы, чем тут. Для меня они будут настоящими. А здесь... Честно говоря, до меня есть дело буквально считанным людям, и они, мне кажется, смогут смириться с тем, что произошло вот такое. Я ведь буду жив, у них будет надежда и так далее. По крайней мере, они не станут обвинять меня, как в случае с самоубийством.

– То есть, ты уже отчаялся, сдался? Единственный выход – умереть или сбежать в мир фантазий?

– Наверное, да. Внешне я еще надеюсь на что-то, что-то машинально продолжаю делать, но это уже действия и жизнь не человека, а оболочки. Человек внутри этого тела понимает, что все потеряно, и нет особого смысла стремиться к чему-то. Возможно, поэтому я всегда такой уставший и апатичный – ведь подсознательно я не хочу ничего, кроме как лечь и уснуть, но внешние обстоятельства вынуждают что-то постоянно делать, суетиться, размываться в делах и обязанностях, но все это вымученно и неискренне, и получается довольно хреново – ведь настоящей мотивации нет.

– Есть еще одна причина, по которой ты пишешь.

– Какая же?

– Ты хочешь сотворить что-то монументальное, воздвигнуть обелиск, памятник своему сознанию, сваять его из всего, что ты думал, говорил и чувствовал, из всего, что с тобой происходило, из всего, что сделало тебя тем, кто ты есть, из всего, что ты видел вокруг. Зачем? Чтобы осознать себя и понять, что делать дальше. Это правильно, и с этим я хочу помочь. А еще – чтобы оправдать те возможные действия, которых ты еще не совершил, и чтобы другие поняли, что это якобы не твоя вина, а стечение обстоятельств. А вот это уже плохо.

– Почему? Ведь так и есть – это стечение обстоятельств, я хочу оправдаться и оставить свою совесть чистой.

– Все вокруг – стечение обстоятельств, но вы – не их заложники, вам дана свобода воли. Ты волен выбирать, что де-

лать в той ситуации, в которой оказался.

– Я волен лишь выбирать, как принимать ее, ведь действия почти в любой ситуации строго регламентированы общественной моралью.

– Возьмем для примера того мальчика в яме, которого ты закрыл от стрел. Никакое общество не вынуждало тебя сделать это, это был твой личный выбор, о котором не узнал бы никто. Так зачем?

– Тут все слишком просто. Мне показалось, что этот мальчик – я, и спасая его, я спасаю себя в прошлом – от всего плохого, что привело меня в то место и время.

– Но даже если это так, вы – две отдельные сущности, и ты не смог бы прожить вместе с ним другую жизнь. Его путь просто свернул бы в сторону, а твой – прервался. Ведь ты считаешь, что все у тебя в голове, не так ли? Что ты жив именно там – у себя в сознании, там, где ты осознаешь себя как личность, идентифицируешь свою душу с телом. И, умирая телом, ты умираешь душой. Ты веришь в это, но это не вяжется с некоторыми твоими поступками.

– Да, конечно. Я ведь не цельный монолит, я верю сразу в очень многое, иначе бы мы с тобой не говорили, ведь так? Значит, во мне есть место и кому-то, кто надеется после смерти вернуться сюда и прожить все иначе.

– Но ты не знаешь точно, будешь ли это все еще ты, или уже кто-то другой. И очень хочешь узнать, удостовериться, что у тебя есть пространство для маневра, что если ты упа-

дешь, то приземлишься на мягкое.

– Я вообще много чего хочу узнать точно. Но что-то мне подсказывает, что ты не ответишь ни на один из этих вопросов.

– Кто знает. Сначала тебе придется рассказать все абсолютно искренне. Возможно, после этого тебе не понадобится задавать мне вопросы.

Я закусил губу и задумался на пару минут. Мой собеседник с довольным видом пил кофе и поглядывал в небольшую книжку в мягком переплете, что лежала на столике рядом с его креслом. Это мне кое о чем напомнило, и, нащупав в кармане увесистый зеленый конверт, я протянул его хозяину этого места. Тот странно взглянул сперва на меня, затем на конверт, но лишь коротко кивнул и принял его, положив на столик рядом с книжкой. Я же вернулся к смутным сомнениям, причины которых пока не мог объяснить.

– У меня есть одна просьба. Точнее, предложение.

– Говори.

– Я постараюсь описать хотя бы основные из тех личностей и моделей поведения, которые существуют внутри меня. У каждого из них есть история, у каждой из этих историй есть момент настоящего, есть закономерное продолжение. Когда я закончу, я хочу, чтобы ты сказал, правильно ли то, что я думаю и чувствую, и насколько оно сильное – достаточно ли сильное для того, чтобы продолжать жить ради этого? Достаточно ли оно сильное для того, чтобы ты немно-

го помог в том, чтобы оно претворилось в жизнь?

– Ты ведь понимаешь, что такое свобода воли человека? Я не могу нарушить ее, потому что это было одной из главных идей. Это основа всего мира, а ты просишь забрать у человека волю и сделать его рабом твоих желаний. Подумай, тебе самому-то такое нужно? Ведь это была бы ложь.

– А я не о подчинении воли других людей. Я о себе. Помочь мне в том, чтобы я стал ровно тем, с кем это случится. Если кто-то получит то, о чем я мечтаю, то я хочу стать этим кем-то, стать ровно тем, с кем это произойдет. Не изменить желания человека, а подстроиться под них. Не менять другого, а измениться самому. Если есть две мишени, и стрела летит в первую, то я хочу изменить не направление полета стрелы, а положение мишеней так, чтобы вторая мишень стала первой, а первая никуда не пропала.

– У мишеней нет сознания, а у людей есть. Что же будет с личностью того, кем ты хочешь стать?

– Ничего не будет, она как была, так и останется. Я хочу быть лишь одной из ее сторон.

– Ты хочешь паразитировать на человеке, который будет счастлив именно так, как хотел ты?

– Почему паразитировать? То есть я сам на себе паразитирую, если у меня есть стороны личности, совершенно не похожие друг на друга? И какая же из них истинная и изначальная?

– Это разное. Нельзя стереть себя и переписать заново как

часть другого человека, тогда это будешь уже не ты, разве непонятно? Ты – это совокупность всего, что с тобой было. У другого человека просто нет этого фона, и, если сделать этот чужой фон хоть немного заметным для него – это слишком повлияет на его суть. На его выбор.

– Точно так же, как мои фантомные воспоминания и желания влияют на меня. Уж не другие ли это люди, подселенные ко мне в голову?

– Думаешь, кто-то захотел бы жить в твоей голове?

– Прошу, не отвергай мою просьбу сразу. Возможно, это и не понадобится, но я хочу знать, что если не смогу справиться иначе, то смогу хотя бы сделать вот это.

– Хорошо. Давай сначала попробуем обычные способы. Начинать свой рассказ, а там уже посмотрим.

– Знать бы еще, с чего начать. Вот ты наверняка знаешь, о чем я хочу написать и как.

– Ну как сказать, только в общих чертах. Я не знаю дословного содержания, потому что ты сам еще его не придумал. Это и есть сила свободы выбора – ничто заранее не известно.

– То есть предопределенности нет?

– Могу дать пару намеков на то, что наверняка произойдет, если ты не примешь на себя ответственность в нужный момент.

– Любопытно, я бы послушал.

– Побег от одиночества закончится безумием – иллюзии-

ей, после крушения которой уже не будет сил жить дальше. Остерегайся клыков. Остерегайся воды. Будь готов двинуться в багровую бурю, но жди предательства и ловушки там, где тебя в это время не будет. Не верь второму лику предо-стерегающего. Когда переживший падение победит, ты решишь, что стал счастлив. Когда победишь ты – ничто уже не будет важно, даже твоя любовь к той, кого ты потерял. Но прежде ты расскажешь мне историю, второго рассказчика которой ты сочтешь ее героем. А теперь – никаких вопро-сов, потому что я все равно на них не отвечаю. Так что же, о чем твоя история?

– Ладно, ладно. Я хочу написать что-то всеобъемлющее, одновременно и очень личное, и близкое каждому. Историю жизни мазками – образами и моментами, самые яркие всплохи существования человека зафиксировать и перенести в текст. Но есть проблема: у меня слишком много материала. Каждый момент слишком объемен и полон жизни, чтобы перенести его на бумагу, я будто пытаюсь поймать ладонями каждую каплю дождя, бросаясь в разные стороны. Я хочу показать разные стороны человека отдельными историями, хочу сделать уйму аллюзий на все, что повлияло на меня, хочу вместить столько всяких мелких, не связанных друг с дру-гом эпизодов, хочу вплести в историю мистику так, чтобы не затенить реализм, хочу выплеснуть мысли, чувства, взгляды, затронуть темы психики человека, морали, болезни ра-зума, отношений всех видов и сортов, политики, общества,

веры, проблематики культуры, смены эпох, эзотерики... Я хочу описать все, что рисует мне разум, но он слишком плодотворен. Написать такое просто невозможно – даже для гения, профессионала и трудяги, а я-то просто посредственный, ленивый любитель. Так что я не знаю, с чего начать. Но пусть начало будет ярким – и тут мне нужна твоя помощь – пускай начало положит... Молния.

XXIV. Ворон 1. Black side of black

– Послушай, в этот раз все должно пройти гладко. Мы обнаружили все ловушки, мы знаем все повороты. Да для меня эта голова уже, считай, как своя, родная. Просто делай все то же самое – вступай во второй фазе и по сценарию.

– Во второй? Разве это не четвертая?

– Называй как тебе удобнее, для меня она вторая. Короче, все держим под контролем, как только закончим – тебе отпуск дадут.

– Ага. У меня одних отгулов уже на отпуск накопилось.

Советание в штабе перед запуском очередного цикла

На холме стоит дом.

В небе сверкнула молния, и на секунду четко обрисовала его силуэт – большой двухэтажный дом из красного кирпича с балконами, широкими окнами, массивным крыльцом, колоннами и фонтаном на переднем дворе. Кажется, из белого камня. Я несколько секунд смотрел из-за стекла, чувствуя, что вот-вот засну. Нужно было снова поймать это ощущение, эту мысль, чтобы записать ее, чтобы она не ушла от меня и на этот раз, но тщетно – я просто залипал в брызги дождя на стекле, а таксист странно смотрел на меня, словно ожидал, что я или сейчас рвану из машины, не заплатив, или направ-

лю на него пистолет.

Мир был невероятно медлительным, совершенно не успевал за моими мыслями и ощущениями, поэтому я мог позволить себе за несколько секунд подумать очень о многом. Мне было забавно и странно думать, что я могу действительно достать из внутреннего кармана пальто пистолет и направить его на водителя. Могу толкнуть дверь и убежать. Могу застрелиться сам. Могу заплатить и выйти, чтобы подняться к дому на холме и позвонить в звонок, что непременно будет справа над входной дверью. Могу сказать водителю ехать дальше. Это просто непередаваемое чувство, когда ты каждым нейроном мозга осознаешь, что можешь менять ход истории, влиять на свою судьбу и окружающих людей, влиять на вселенную – прямо сейчас, стоит только руку протянуть, схватить эту возможность. Ты можешь сделать это в любую секунду своей жизни, у тебя всегда, всегда, всегда есть какой-то выбор, и понимание этого придает мне нечеловеческие силы и волю продолжаться во времени. В такие моменты полного осознания я чувствую себя ни больше ни меньше богом. И, наверное, именно поэтому я так люблю писать. Я думал очень быстро, и это позволяло насладиться всеми возможными путями истории, проследить их ход далеко вперед, пока мои или чьи-то еще действия не оборвали все из них, кроме одного – но, опять же, лишь на миг, и еще через мгновение перед каждым из нас откроется новое невероятное множество выборов.

Я протянул таксисту деньги и вышел из машины, все еще сожалея, что так и не смог поймать то ощущение, что возникло у меня в момент вспышки молнии. Это было нечто очень странное – вроде дежавю, но не совсем. Это было дежавю с продолжением – как будто ты не просто уже видел то, что происходит, но еще и знаешь, что произойдет дальше, вплоть до мельчайших деталей. У этого ощущения, насколько я знаю, не было названия, потому что оно – опять же, насколько я знаю – ни у кого не может возникнуть. То есть может возникнуть что-то похожее, что можно было бы назвать лжепредвидением, но в моем секундном озарении все было именно так, как произойдет в скором времени на самом деле – только вот я не помнил, что я видел. Это ужасно раздражало. Как и то, что память об этой абсолютной уверенности в том, что мое видение сбудется, подрывала самую основу осознания собственной власти над судьбой, когда ты уверен, что можешь влиять на ход событий. Как мне теперь получать кайф от наличия у меня выбора, если я точно уверен, что произойдут какие-то определенные события? Получается, что бы я ни сделал, они все равно произойдут, и я, даже если пожелаю, не сумею это остановить, и этот выбор иллюзорен, и моя жизнь действительно детерминирована до самых мелких и незначительных событий. Если бы я помнил, что видел, то мог бы сделать все, чтобы этого не произошло, и тем самым нарушить предначертанную судьбу и вновь почувствовать себя свободным – или убедиться, что, даже зная

конечный пункт, мы не можем сойти с пути, как бы ни старались. А что, если я смог бы изменить судьбу, но виденное мной все же произошло бы, но не здесь, а в другом мире, который возник бы в тот самый момент, когда я решил бы сойти с пути? Можем ли мы своими поступками создавать новые вселенные? И, конечно же, главный вопрос – возможно ли между этими вселенными перемещаться, могу ли я уйти в мир, где не происходило то, что не устраивает меня в этом мире? Этично ли это, если я из того мира – такой же живой человек, и в момент моего перемещения я займу его место, а он просто исчезнет, словно его никогда и не было? Можно ли считать, что я имею на это право, потому что это я его создал своим поступком, или все же это был не мой поступок, а первый его поступок – то, что нас с ним и разделило, сделав этого человека самостоятельной личностью? А что, если все разы, что мы испытываем дежавю – это эхо незамеченных нами видений будущего, которое сбывается у нас на глазах? А все остальные секунды нашей жизни, что мы дежавю не испытываем – следствие того, как часто мы отклоняемся от предначертанного нам кем-то – или самими нами – пути?

Ох, лучше не думать об этом так подробно и быстро – между моментом, когда я расплатился с таксистом, и моментом, когда я вышел из машины, прошло всего две секунды, и у меня закружилась голова от вороха теорий и предположений. Иногда такая скорость мыслей, образов и ощущений была приятна или даже полезна, но чаще всего она просто

выбивала из себя и даже немного сводила с ума, ведь скорость разных участков мозга была неравнозначной, так что какие-то части меня банально не поспевали за другими, и этот диссонанс был чрезвычайно неприятен.

Я вижу слишком много – так много, что иногда молю бога о слепоте и потере самой памяти о том, как все выглядит.

Я стал слишком собой, и часто меня во мне бывает больше, чем способны вынести тело и разум, и тогда случаются очень плохие вещи.

Но все же в мире есть какое-то подобие баланса – порой меня словно вырубает на несколько секунд или минут, и мир обгоняет мое восприятие. Я выхожу покурить из дома, стоп-кадр – я открываю дверь подъезда и одновременно закуриваю, следующий кадр – я бросаю окурок в пепельницу. Куда пропали эти три минуты? Были ли они вообще, или где-то порвалась ткань времени, и образовался провал, куда улетели три минуты моей жизни, а вместо них в мир проникло... что-то другое? Еще одна не самая приятная мысль.

Хватит. Пора узнать, что привело меня сюда, а для этого нужно собраться и войти в дом на холме. Я медленно поднялся по ступеням, дрожа от необъяснимого страха, подошел к двери и на секунду замер, окончательно собираясь с силами. Глубоко вздохнул, повернул ручку и вошел внутрь. Дверь захлопнулась за моей спиной, а окна на втором этаже – я не видел этого, но точно знал – на секунду вспыхнули оранжевым, словно глаза огромного чудовища, принявшего

облик дома, и теперь весьма довольного тем, что я оказался
внутри.

XXIV. Ловец 1. Yesterday you told me bout the blue blue sky

Всю свою жизнь я провел в мечтах, постоянно увлеченный очередной фантазией или захваченный в плен новой краткосрочной страстью. И жизнь умудрилась пройти мимо меня. Впрочем, я нисколько не жалею.

Федор Бунт

Вспышка.

Я открыл глаза и понял, что иду куда-то, и иду уже довольно долго, судя по тому, что ноги чертовски болят. Вокруг была совершенно незнакомая местность – узкая улочка, по обеим сторонам зажатая в тиски ограждений. Забор слева был старым, деревянным и низким, и за ним уже не было города – только небольшая речка, а дальше, за ней – залитые вечерним дождем поля и опушка леса. Забор по правую руку был каменным, основательным и лишь немного тронутым временем – там, где камни начинали трескаться, где забор оплетали лианы, где у забрызганного грязью, что поднимали в воздух проезжающие по узкой дороге автомобили, основания ютились сорняки. Этот забор скрывал небольшой, но аккуратный домик на довольно большом участке земли. Этот участок меня ничем не заинтересовал, зато я уже с лю-

бопытством смотрел вперед, в самый конец улицы, где она поворачивала направо и вела на невысокий холм, на котором стоял большой и красивый особняк. Но он еще пока был далеко, и его скрывали ветви растущих по обе стороны дороги деревьев, совершенно нагих уже сейчас, в раннем октябре. Я решил, что рассмотрю дом получше, когда подойду ближе, а пока что просто подумаю, благо мне было над чем задуматься.

Почему это я иду по грязи, а не по вымощенному плиткой тротуару?

Какого черта я вообще тут забыл?

И где это “тут”, собственно, находится?

Почему я не помню, как здесь оказался?

Так или иначе, меня не покидало ощущение, что ответ я найду в доме, что стоял на холме в конце улицы. Из-за поворота, что вел к нему, как раз выехало такси, и я едва успел сойти с проезжей части до того, как мне начали раздраженно сигналить.

Мне кажется, или в одном из окон дома только что зажегся свет? Я ускорил свой шаг, достал сигарету и затянулся, задумавшись уже о чем-то совершенно ином, нежели мое неожиданное присутствие здесь, в месте, которого я не знаю.

Я всегда находил подобную сырую осеннюю погоду симпатичной и располагающей к творчеству, более всего – к литературному и изобразительному. В такие октябрьские вечера, как мне всегда казалось, должны совершаться жуткие

преступления, происходить загадочные, почти потусторонние вещи, встречаться или расставаться одни люди, а другие – сходить с ума или становиться великими. Возможно, такое мнение продиктовано реалиями моей собственной жизни – все самые важные вещи в ней происходили именно осенью. Осенью все менялось – я переезжал, находил или терял работу, друзей, начинал или заканчивал отношения, хоронил родственников, начинал или бросал заниматься чем-то, что забирало у меня все свободное время, менял школу, поступал в колледж, исключался, выигрывал или проигрывал крупные деньги, покупал дорогие вещи, попадал в больницу, кардинально менял образ жизни и убеждения... Затем все ослабевало, но продолжалось зимой, вплоть до конца февраля, после чего что-то происходило, и жизнь становилась пустой, привычной и скучной, наступала пора депрессии и однообразия, и я словно на полгода впадал в спячку, просыпаясь лишь где-то в августе. Я вовсе не старался продолжать эту тенденцию, все получалось само собой. И сейчас тоже многое изменилось, но, что еще важнее, еще больше должно измениться в самое ближайшее время. Жаль (а может и нет), что я не знаю, чего именно мне ожидать в этот раз.

Так вот, осень – замечательное время для того, чтобы описывать какие-то захватывающие и, желательно, загадочные действия на фоне завораживающей красоты этой поры года, которую трудно не замечать даже в городе, где я, собственно, и проводил почти все время. Осенние дожди, бледное, уже

безобидное солнце, пробивающееся сквозь пелену оранжевых, розовых и багровых облаков, что укутывают города в объятия задумчивой хандры, разноцветные кроны деревьев – словно кто-то опрокинул на них несколько цистерн с краской – теряющие лиственный покров, и сами листья, медленно планирующие навстречу мокрому асфальту или же подхватываемые порывами прохладного ветра и уносимые им на десятки и сотни метров, разрозненно или в стаях, что так замечательно выглядят, когда ты неторопливо гуляешь вдоль дороги или по парку, лужи на тротуаре, ночью отражающие невероятное сияние центра города, но искажающие эту неоновую картинку таким образом, что она напоминает рисунок. Все это, разумеется, делает осень самым подходящим временем для того, чтобы писать пейзажи с натуры. Идеальное осеннее творчество – это многотомный графический роман, с реалистичной рисовкой и чудным, приключенческим и слегка пугающим сюжетом, что описывает события одного или нескольких дней, происходящие посреди красоты осеннего города, медленно готовящегося к очередной зиме. Если бы я только умел рисовать! Это, пожалуй, было моей второй сокровенной мечтой – последовательно открыть в себе таланты к музыке, живописи, литературе и, наконец, режиссуре. Разве кинематограф – не пик развития искусства как явления? Фильм сочетает в себе все прочие элементы – ряд изображений, что роднит его с живописью; события, что происходят по сценарию, который, несомненно, является ли-

тературным субжанром; и музыка – в виде саундтрека, будь то фоновые инструментальные композиции или полноценные песни. Должно быть, снимать фильмы – это какой-то совершенно невообразимый вид кайфа, которого я, к сожалению, никогда не смогу познать. Из всего вышеперечисленного я был способен лишь к посредственному бумагомаранию путем начертания на листах слабо связанных друг с другом слов и предложений. А ведь писать, когда ты умеешь писать, не просто здорово, это целый мир, в котором можно жить. Писатель – бог своего мирка, и он творит этот мирок так, как ему вздумается, ограниченный лишь фантазией, временем и умением. Да, это действительно кайф – создавать что-то из ничего, упорядочивать хаос, придумать то, чем даже ты сам будешь восхищаться. Должно быть, если бог когда-то и существовал, то он умер от передозировки в первые же дни этого мира, что, кстати, объяснило бы наше плачевное состояние.

Я так глубоко задумался, что совсем не заметил, как подошел к самому дому. Это было квадратное, массивное кирпичное здание, такое бордовое и натурально-органичное в своей кирпичности, как будто его принесло ураганом откуда-нибудь из Ливерпуля. В одном окне и правда горел свет, а к крыльцу от дороги вела цепочка свежих следов. Возможно, того, кто находился сейчас в доме, привезло увиденное мной несколько минут назад такси.

Не заметив нигде поблизости урны или водостока, я без

лишних уколов совести уронил окурок на тротуар и направился к входу. Ну вот, сейчас я и узнаю, что меня сюда привело. Будет смешно, если здесь нет никакой загадки, интуиция ошибается, и это просто чей-то дом, в который я собираюсь вломиться, и откуда меня, возможно вышвырнут или увезет милиция. Так или иначе, я чувствовал, что не должен стучать.

Подойдя к двери, я на секунду задумался, но затем прогнал прочь сомнения и решительно повернул ручку входной двери. Когда я вошел, дверь захлопнулась за моей спиной.

XXIV. Видок 1. Violet vertigo

*Не вижу ни одной причины, чтобы не пить,
будучи человеком.*

Давид – своему другу Адаму

Вспышка.

Я изо всех сил тряхнул головой, пытаюсь прогнать наваждение, но это не помогло. Сколько я ни тряс гривой волос, намокших под дождем и тяжелых, я видел то, что видел – незнакомое место, длинную, изогнутую улицу, зажатую между двух заборов. Я мог бы поклясться, что еще несколько секунд назад выходил из бара с кем-то – не помню с кем – и собирался перейти дорогу, чтобы зайти в другой бар, потому что в этом нам уже не наливали. Я помню, как достал из пачки сигарету и прикурил ее, а затем вспышка от зажигалки разрослась и заполнила все пространство перед глазами. Когда свет потух, я оказался здесь. Черт знает где. Ни сигареты во рту, ни бейсболки, ни сумки – а ведь там были деньги, паспорт, карточка, ключи... Твою мать! Как будто этого было мало, я совершенно протрезвел. Хотя, если посмотреть на это с другой стороны – возможно, я вовсе не протрезвел, а наоборот, поймал белочку.

Черт, мне бы теперь позвонить... Королю? Батону? Наверное, я пил все же с Батоном. Да, мне определенно нуж-

но позвонить ему и узнать, какого хрена сейчас случилось, и где он сам. Вокруг – ни души, справа – брошенный на вид дом, слева – лоно природы, настолько невинное с виду, что шанс встретить там кого-то стремился к отрицательным величинам. Зато за поворотом дороги, по левую руку от нее, стоял дом, в окне которого горел свет. Возможно, там мне помогут. Туда я и направился.

Пока я шел вдоль улицы, я мельком подумал о чем-то, вроде бы о каких-то документах, и вдруг на меня накатило ощущение, что я вновь очень стремительно пьянею – как будто алкоголь только сейчас догнал меня в пространстве. Мысли тали черт воски супутннаыми, почти ка ноги, я подлешел к забору и справвил нужду на полущего по нему жучка и мне это поуказалось до тонго забввным и умсорительным чтяо минуту хоххтал опкершись на чертвоы старые камнями забора.

Еба-боба я ничхрена не сообаржаю. Доррога, улица, долм в конце нее – туда наадо там позвонить Ббатону. Вот же мудук, втянул меня в какито бляцкие потусторноиие экспременты!

Провал.

И вдруг...

Я на секунду увидел это. На секунду мой мозг протрезвел и даже больше – он работал так быстро и четко, как никогда прежде, позволив увидеть и всего лишь на один-единственный миг понять кое-что очень важное, для чего я мысленно

сделал отступление.

Меня всегда интересовало... Как понять степень вещей? Как понять, что такое “плохо”, а когда оно уже переходит в “очень плохо” или даже “чудовищно”? Всегда казалось, что если я встречу что-то действительно невообразимо ужасное – я сразу пойму, и не нужно будет задумываться о том, тянет ли это что-то на звание катастрофы. И все же сейчас я задумываюсь – в какой степени то, что я вижу, реально? В какой степени стоит доверять этому видению, хотя мозг сейчас знает и понимает достаточно, чтобы утверждать, что это весьма вероятно. Возможно, так все и будет. Должен ли я теперь попытаться остановить это? Зачем, если меня это не касается и не коснется, а тех, кого коснется, я и знать не знаю. Боже, сколько мыслей, сколько вопросов, решений, переменных и факторов...

Хорошо, а если я все же решу помочь – как мне это сделать? Как мне доказать остальным, как заставить их поверить? Это меня тоже всегда интересовало – как передать кому-то свой субъективный опыт, чтобы доказать, что ты прав, что нужно послушать тебя, ведь именно ты обладаешь полной картиной происходящего и знанием всех факторов, влияющих на ситуацию? Люди слишком верят в свою исключительность, чтобы так кому-то довериться.

Этот клубок ощущений, чувств, мыслей – я словно агонизировал в его центре, все больше раскаляясь от всех этих противоположностей. Ты не представляешь, что я почув-

ствовал. Что понял. Что видел. Это слишком тонкие понятия, чтобы их можно было выразить словами даже приблизительно, нечто настолько необъятное и глубокое, что даже думать об этом невозможно, настолько несравнимое с возможностями человека, что сравнение вселенной и одного нейтрино – пустяк. И я хочу, чтобы...

Провал.

Твердый троутар блин.

Я наступил ногой на чей -то бычок. Господи ну что за свинсвью право дело!

Лестница-лесенка, заканчивайся быстрее...

Вот и дверь. Назхер все, не буду стучать.

Просто взял и ыоткрылд дверь.

Когда я вшеол, дверь захловпунлась за мое спиной.

XXIV. Аватар 1. I see skies of grey, grey roses too

– Не люблю повторяться, но вам следует хорошенько запомнить, юная леди, что у всего на свете есть причина и следствие.

– Я это поняла, но как это мне должно помочь?

– Значит, не поняли. Как только по-настоящему поймете – вы перестанете задавать вопросы.

Летописи Алого притока

Вспышка.

И снова дождь. Вся моя сраная жизнь – один сплошной дождь, такой же серый и неприятный, как я сам; заливающий бесцветный мир вокруг. Сейчас меня поливало в очередном незнакомом месте – я очень надеюсь, что хотя бы в том же городе, где этот трип вчера и начался.

Я очень легко различаю начало и конец своих веселых путешествий в мир впечатлений: начало – это тот момент, когда все становится жутко интересным, непредсказуемым, сюрреальным и – самое главное – цветным. Тогда в игру вступают остатки воображения и память о прочитанных книгах, увиденных фильмах, картинах, о рассказах других людей, исторических хрониках, репортажах познавательных каналов и прочая, прочая. Эти эпизоды в чем-то были бы

схожи с одной популярной игрой про ассасинов, когда ты в каждой части оказываешься в новом историческом месте/эпохе, но только в том случае, если бы игру разрабатывали не профессиональные французы, а люди вроде Миядзаки, Американа МакГи или Джона Ромеро.

Заканчивается путешествие ровно тогда, когда я вновь обнаруживаю себя в мире без цветов, стоящим под дождем в незнакомом месте, иногда одетым, иногда трезвым, иногда при деньгах и документах. Иногда – даже дома, но дождь все равно льет за окном.

Кто я такой, чтобы жизнь моя была интересной. Возможно, никакой я не человек, а лишь плод чьей-то фантазии – этот кто-то сейчас, возможно, лежит на диване и, положив на колени ноутбук, строка за строкой выписывает мою судьбу и меня самого, в чьем лице он хочет донести какой-нибудь месседж, пространный и бессмысленный, явно не стоящий того, чтобы создавать для этих целей из пустоты небытия нового человека и заставлять его страдать в мире без красок и впечатлений. Почему бы этому кому-то не донести свой месседж традиционным, блядь, способом? Не сказать своим адресатам, мол, так и так, у меня есть определенные проблемы, но я все еще человек, я хочу с ними справиться и жить нормальной жизнью, не оставляйте меня одного, помогите мне, помогите всем таким же, как я. Сказать кому-то: да, я тебя не понимаю, но признаю за тобой право быть собой, видеть этот мир иначе, право быть непонятым, но принятым. Ска-

зять кому-то еще: я хочу то и это, давай поговорим, тра-ля-ля, я питаю к тебе такие-то чувства, то-се, давай проживем вместе сто лет и помрем в один день, бла-бла, дай мне шанс принести нам счастье. Но нет же, надо обязательно все превращать в драматичный фарс, потому что?.. Потому что мой создатель, видимо, трус и слишком много думает вместо того, чтобы что-то делать, и по этой же причине трусом он сделал меня. Хэгэй, у меня есть отличная отмазка для оправдания собственной ничтожности – я понял, что меня не существует. Еще вопросы касательно моей вменяемости?

Сейчас бы проехаться по этим лужам на скейте, подняв кучу брызг. Дорога самая подходящая – гладкая, пустая, с уклоном вниз. Правда потом, вон за тем поворотом, она начинает круто подниматься вверх, ну да это ничего.

Все реже получается понять, что реально. Не могу это нормально описать – мысли постоянно путаются и выскальзывают, оставляя только ощущение, невыносимое, непередаваемое. Словно я живу в двух мирах одновременно: в обычном и в том, где все безумное, вывернутое наизнанку, нелогичное, и меня постоянно швыряет туда-сюда, так часто, что я уже не помню, какой из них правильный. Господи, если бы я мог хоть кому-то рассказать, открыться – так, чтобы меня поняли, чтобы, чем черт не шутит, даже помогли. Просто быть совсем одному – это еще сносно, но быть совсем одному, когда ты сходишь с ума и живешь в каком-то жутком трипе по аду – это уже слишком. Ну хотя ладно, ДАЖЕ

с этим еще можно жить – очень хреново, но все же, но при этом делать вид, что у тебя все замечательно, чтобы никого не пугать – нет, блядь, увольте. Если человека пытаются – он должен кричать от боли, нельзя забирать у него этот последний выход. Так нет же – любые попытки крикнуть воспринимаются как отклонение, эгоизм, инфантильность, зависть, злобу, сумасшествие – что угодно, но только не боль. И чем глубже ты падаешь, падаешь, падаешь, падаешь... Ну вот, снова упустил мысль.

Я поднял воротник пальто и ускорил шаг. Я уже почти дома, скоро брошу свои старые гремящие кости на мягкий диван и окунусь в двадцать-тридцать часов забытья. Сны мне не снились с тех самых пор, как мир потерял краски и с неба пошел этот бесконечный дождь, но я по снам не скучал – в них почти никогда не бывало ничего хорошего.

А вот и дом. Очень любопытно, какого хуя в окнах горит свет, и кто, блядь, развел огонь в камине? Это определенно одно из тех мест, что я называю домом, ошибки быть не может. Ни у кого, кроме меня, нет ключей. Но если бы это были грабители, то они бы вряд ли стали разжигать камин. Значит, кто-то еще считает этот дом своим. Очень интересно. Пойду познакомлюсь.

Я взбежал по лестнице, и так торопился, что споткнулся о последнюю ступеньку и довольно немилосердно впился коленом в каменную кладку у крыльца. С шипением и руганью я дохромал до входной двери.

Ага, открыто.

Я вошел и захлопнул за собой дверь.

XXIV. Чужой 1. Paint it red

Так просто впервые прибегнуть ко злу – всегда для благих целей, когда иначе совсем никак не справиться. И чем дальше, тем быстрее и легче находятся причины для продолжения злодеяний, тем они становятся убедительнее.

Капитан Арнольд, речь перед новобранцами

Вспышка.

– Я тебя ебну, если еще раз дернешься. Ну давай, сука. Только дай мне повод.

Проморгаться. Протереть глаза свободной рукой, пока эта гнида не заметила. Сработало. Вспомнить все, быстро. Переход, тусклый свет. Держался в девяти метрах. Рука в кармане, карман оттянут стволом. Сократить расстояние. К середине ГДЕ ВЫХОД ИЗ ЭТОГО БРЕДА перехода быть за спиной. Достать ствол. Приставить к затылку. Пояснить ситуацию. Добиться признания, что он знает мою цель. Связать. Потом вспышка. Мы в лесу. Все ясно. Ебанные червоточины! Нужно заканчивать с этим и искать вход. Выстрел. Тело обмякло и сползло на пожухлые листья. Пятен нет. Пальцев не оставил – хорошо. Ствол пока не сбрасывать, еще пригодится. Найти выход из леса.

Я сел на корточки и огляделся по сторонам, анализируя

окружающее пространство. Типичный лес, преимущественно лиственный, с вкраплениями хвои. Октябрь. Около двух ночи. Провел рукой по воздуху, лизнул ладонь и повторил. Попробовал на язык щепотку почвы, сделал соскоб с ближайшего дерева и понюхал кору. Жаль, нет мобилы с картами – город-то недалеко. Где-то на северо-западе, опушка в паре километров. Потопали. Идти недолго, но думать не о чем. Нужно знать входные данные, контекст – но данных почти нет. Я тут как слепой котенок барахтаюсь. Из УБЕЙ МЕНЯ данных только вещи на себе и локация. Теперь нужно быстро найти остальных – эти дети наверняка еще нихера не понимают. Разделить, слить по очереди. Дальше все просто. Главное – убрать первого, основного. А вот и опушка, а у меня в кармане пушка. От города меня отделяет поле и ТЫ СМЕЕШЬСЯ КАК ПОКОЙНИК небольшая речка. Быстро все прошел, перелез через невысокую ограду. Из-за поворота показалось такси. Шанс небольшой, но можно попробовать. Тормознул. Мысленно представил, как должен выглядеть тот, кого я ищу.

– Добрый вечер, уважаемый. Не подскажете, у вас недавно странных пассажиров не было? Ну таких пришибленных, что ли, как пьяных. Я просто с братом разминулся, он говорил, что на такси домой поедет, а к нам сюда редко такси заезжает.

– Ну вот был минут с десять назад какой-то заторможенный парень, к дому на холме подвез его. Невысокий такой, в сером пальто, курносый. У него еще была старенькая мото-

рола, сейчас мало кто с такими ходит...

– Да-да, он самый! Он хоть расплатился с вами?

Таксист улыбнулся.

– Расплатился, расплатился. Все в порядке.

– Ну и здорово. Спасибо вам большое!

– Да пожалуйста. Хорошего вечера.

Он уже было протянул руку, чтобы поднять стекло, когда я, улыбаясь и желая ему того же, быстро КРОВЬ, ПОВСЮДУ КРОВЬ КРОВЬ КРОВЬ выхватил из кармана ствол и, прежде чем он даже заметил, что что-то не так, пустил ему пулю в лоб. Не хочу, чтобы было кому что вспомнить, когда и если тело моего “брата” найдут. Вероятность мала, но все же дело было очень важным, так что ошибаться нельзя. Никаких оплошностей, недоработок или послаблений. К тому же, когда я здесь закончу, по ту сторону этого следа из трупов не будет. Это было просто невыразимое чувство свободы и безнаказанности – я мог БОЖЕ КАК ЖЕ Я ТОСКУЮ творить чернуху сколько душе угодно, главное – добраться до червоточины.

Пока крался вдоль ветхого забора к дому, о котором говорил таксист, вспомнил, как все было в прошлый раз. Когда прошлое хранилище пришло в негодность, тот замечательный миг, когда я понял, как принести этому миру вечное благо, когда прыгнул навстречу новому, идеальному циклу. Конечно, сейчас воспоминания притупились, но что я хорошо помнил, так это с каким чувством я вспорол тому осто-

лопу горло – всего лишь пять секунд назад он был совершенно счастлив, но ТЫ ВИДИШЬ ЭТУ ПРОПАСТЬ теперь весь его сраный мир обрушился. Я смотрел из стремительно сужающейся воронки наверх – туда, где стояла она. Стояла и еще не понимала, что случилось, но уже была напугана. Бросив тело на бесцветную поверхность Выворота, я моментально подтянулся за края воронки и почти невидимой тенью выскользнул наружу. В руках моих возникла коса, и я одним движением отсек ее крылья – это прозвучало, как смерть хрустального бокала или прекрасной мелодии. Они разлетелись в НО НЕ ВИДИШЬ АДА В КОТОРЫЙ ОНА ВЕДЕТ черную пыль и пепел, еще не долетев до асфальта. Еще через миг я стоял прямо перед ней – безумно красивой, снежно-белой и испуганной, совершенно беззащитной перед тем, что так просто, так необременительно назвать злом. Как сладок был миг триумфа, когда я вонзил ей в грудь тонкий осколок льда. Покрутитесь в петлях, кругах и лентах, родные, пока я буду делать дела. У меня было очень много дел здесь – точнее, там, откуда меня недавно так неудачно вышвырнуло в очередной говененький рассказик. Там был дом моего большого друга, профессионального разрушителя тюрем и убийцу мессий. Ну да ничего, скоро я все поправлю. Ага, а вот и тот самый ОБРЕТЯ СВОБОДУ ВЫБОРА ТЫ УТРАТИШЬ СВОБОДУ ОТ ВЫБОРА дом.

Я подкрался к задней двери и прислушался. В доме было несколько человек, и... Ебануться, какая удача! Они все там!

Черт, даже слишком просто. Я думал, что придется за ними все же хоть немного побегать. Да и хрен с ним, зато сейчас я могу неплохо развлечься и устроить И ТОЛЬКО ВИДЕНИЯ МНЕ ПОМОГАЮТ ОСТАВАТЬСЯ ЧЕЛОВЕКОМ тут адову бойню. Но перед тем, как начать, мне потребуется еще кое-что подготовить, раз уж все в сборе. Нужно три-четыре тела. И я, кажется, знаю, где уже есть одно.

Через некоторое время я вернулся, закончив все необходимые приготовления. Местом проведения выбрал заброшенный дом неподалеку от этого, по пути встретив трех незадачливых прохожих. Ну что ж, теперь можно и повеселиться. Я тихо вскрыл замок и вошел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

XXIV. Смерть в доме на холме в конце улицы

Во всем должен быть баланс, в том числе – во мне самом. Эти двое только и делают, что пытаются нарушить баланс в свою пользу, а мне остается следить за тем, чтобы их действиям было оказано равное противодействие, и за победой одного всегда следовала победа другого.

Серый человек

Первым на место прибыл Ворон – вполне осознанно приехал на такси, собираясь выяснить, как этот дом связан с теми событиями, которые он изучал, за ним с небольшой разницей появились Ловец и Видок: первого, как наиболее чуткого к потусторонней теме из трех людей, привело сюда смутное предчувствие, которому он слепо повиновался, второй же просто был в дым пьян и искал место, откуда можно позвонить кому-то из своих друзей и узнать, как его занесло черт знает куда. Затем, когда компания уже собралась, формальная часть с приветствиями закончилась и начался осмысленный разговор, явился последний из тех, кто был там нужен – Аватар, который всего лишь был на выходах после очередного трипа и спешил к себе домой. Да, это действительно был его дом – он вообще был вполне себе богат и владел целым

рядом объектов жилой недвижимости в этом городе – не говоря уже о недвижимости загородной и иногородней. И так, все четверо расселись у камина – кто на стульях, кто в кресле, кто (Ловец) просто на паркете – и возобновили обсуждение того, что же они все здесь забыли.

– Ну, для общей ясности я хочу напомнить, что это мой дом, и мне не нужна была причина, чтобы прийти сюда. Не то чтобы я намекал, что вам стоит катиться отсюда к черту, парни, но если вы хотите домашней выпечки, вина, смотреть на старые карты и распевать песни про далекие горы с сокровищами... В общем, сразу уточняю – нет, я не буду вашим взломщиком.

Видок окинул хозяина дома мутным взглядом и усмехнулся.

– Сразу видно, что ты не из добропорядочных хоббитов. У тебя все пуговицы на жилетке застегиваются!

Ловец распрямил ноги, протянув их опасно близко к огню. Он никуда не спешил, не был пьян или на кумарах, ему просто было интересно узнать, что здесь происходит.

– Да и какой правильный хоббит появляется в собственном доме последним? Ты только представь, нам самим пришлось вешать свои камзолы и кольчуги на стены. Ужасная морoka. Нужно внимательнее читать руны на дверях, уважаемый, чтобы не опаздывать на важные встречи.

Видок заулыбался во весь рот и тут же подхватил.

– Эй, Ворон, попробуй в следующий раз писать на оро-

чьем – наш хозяин, похоже, не понимает квэнья...

Ловец с сомнением нахмурился.

– А разве у орков была письменность?

– Конечно. А как, по-твоему, они передавали друг другу послания из крепости в крепость? С гонцами?

– Назгулов просили по-братски передать, наверное.

– Дубина, орки говорили и писали на черном наречии Саурона. Саурон – он ведь был как сраный Ленин, научил рабобяг писать и читать, а потом провел освещение по всей стране. Надпись на кольце видел? Вот так орки пишут.

– Да ты небось поехал чердаком, парень. С их-то корявыми пальцами? Они бы полжизни одно слово чертили с таким замысловатым алфавитом.

– Так, у кого из нас двоих есть диплом толкиениста? У меня нету, зато я в семь лет бегал по лесу в вырезанной из поролона кольчуге и с деревянным мечом, крича “аш назг дурбатулук”. Так что не спорь со мной.

Аватар угрюмо следил за этой перепалкой и молча жалел о том, что медленно соображает, потому что он, наверное, был в этой комнате единственным, кто мог на чистом, без малейшего акцента валарине сказать “А с вами весело, оставайтесь, я уже неделю ни с кем не разговаривал”. Вместо этого он натужно улыбнулся и сказал, что пойдет заварит всем чай.

– Мне без сахара! – бросил ему в спину Видок. – Ни у кого сигаретки не найдется?

Ловец достал из пачки сигарету и протянул Видоку. Пока тот щелкал выдохшейся зажигалкой, Ловец постарался по-лучше рассмотреть Ворона, раскачивающегося на стуле на самой границе тени и света. Он раскачивался и хмурился, словно даже не слышал и не слушал, что они говорят, целиком пребывая мыслями где-то там, в своих расследованиях мистических дел. “Интересная у нас команда собирается. Нарк-мизантроп, балабол-алкаш, отстраненный псих и... я” – подумалось Ловцу. Он с трудом удержался от того, чтобы начать определять для каждого класс и выбирать элайнмент.

Но насчет Ворона он ошибался – тот вовсе не был отстранен, и слушал их разговор очень внимательно, так же внимательно, как следил за каждым, малейшим движением – запоминал, анализировал, мысленно собирал пазл. Пока пазл не складывался, но что-то уже проклевывалось – все они были чем-то не просто связаны, в том числе и с этим местом, но и банально похожи. Не внешне, конечно. Сам Ворон был небольшого роста и худощав, с острым, под стать имени, птичьим лицом – с похожим на клюв носом, глубоко посаженными зелеными глазами, обрамленным черными, как смоль, кудрями до плеч. Ловец имел телосложение скорее спортивное, а лицо и его выражение почти всегда, даже когда он улыбался, было каким-то злым, хищным – и густые брови, которые, должно быть, приятно хмурить, и прищуренные карие глаза, и узкая полоска бледных губ. Общее впечатление портили только взлохмаченные светлые волосы. Видок, уже

бросивший затею вернуть свою зажигалку к жизни и теперь прикуривающий прямо от камина, был невысок, как и Ворон, но плотно сбит. Черты его лица были сглаженными и малозапоминающимися: и неопределенный цвет глаз, и какой-то средний рот, и самого обычного цвета волосы. Разве что он был чуть смуглее остальных, да нос явно был сломан несколько раз. Аватар был самым характерным: худой на грани истощения, ростом выше среднего, темные с проседью волосы, холодные серые глаза и недельная щетина. Еще и тонкий шрам под левым глазом, а под правым – готическим шрифтом выбиты слова HURT и FATE. Так что внешне схожести никакой не было, все дело в том, как они вели себя, как разговаривали. Было в этом действе что-то трудноуловимо шизофреническое. А что, если?.. Это, конечно, было уже слишком, но многое могло бы объяснить. Например, почему Видок и Ловец так быстро сошлись характерами, почему Ловец странно задерживает взгляд на картине над камином Аватара, в причудливой манере пытающейся казаться одновременно портретом, натюрмортом и пейзажем, почему Аватар не стал звонить в органы охраны правопорядка с заявлением о взломе. Вместо этого вот он, с чашками на, черт его возьми, подносе, возвращается с кухни. Хотя, впрочем, наркоманы – весьма странные люди, и обычной логике их действия не всегда поддаются.

Когда все получили по чашке отвратного дешевого чая, Аватар с чувством выполненного долга гостеприимства, рух-

нул поперек кресла и, свесив ноги с подлокотника, устало прикрыл глаза. “Возможно, здесь вовсе и нет никого. Возможно, это просто продолжение трипа. Возможно, я проснусь через сутки, и окажется, что их не было, и я сам себе таскал чай, сам для себя растопил камин и поочередно сидел на всех стульях. Пусть так и будет” – проскользнула у него мысль, и он уже начал было засыпать, но тут Ворон бросил в него чайной ложкой.

– Разрешаю тебе сегодня лечь спать попозже, малыш. Пока что у нас еще есть дела – я ни разу не шутил, когда говорил, что нам нужно понять кое-что.

– Так а в чем, собственно, дело? – Ловец вопросительно уставился на Ворона. – Что ты хочешь понять? Почему мы здесь оказались?

– Да. Я не могу рассказать вам всего, потому что вы все равно не поверите, но вот этого вам будет пока что достаточно: пункт раз – все мы так или иначе добрались сюда в примерно одно время. Пункт два – каждый из вас как будто очнулся ото сна, и первое, что каждый увидел – вспышка молнии здесь, на холме. Пункт три – никто из вас, кроме Видока, не помнит, где был и что делал непосредственно до этого момента. Пункт четыре – всех нас что-то связывает, между нами есть какое-то сходство, хотя я пока не понимаю, в чем. Пункт пять – в одном месте пространства и времени, о котором я не могу рассказать, произошло кое-что ужасное, в чем участвовал каждый из присутствующих. Пункт шесть –

никто из нас не был рад тому, что случилось там, и если бы вы знали, что именно произошло, то, я уверен, сделали бы все, чтобы этого не допустить. Пункт семь – природа случившегося была... сверхъестественной, скажем так. Пункт восемь – я не могу говорить о подробностях, потому что ваша осведомленность поставит под угрозу ваши – и мою – жизни. Пункт девять – сегодня ночью должно случиться что-то плохое, что приблизит тот самый день, о котором я говорю, и нам нужно попытаться понять, как помешать этому. Пункт десять – в случае, о котором я говорил, помимо нас четверых участвовал еще один. Пункт одиннадцать – в отличие от нас, он был в выигрыше от произошедшего, он знает все, что знаю я, он знает, что нужно сделать, чтобы то, что произошло там, претворилось в жизнь. Пункт двенадцать – он тоже очнулся совсем недавно и ничего из этого пока что не помнит, кроме того, что мы представляем опасность, а с опасностями он всегда разбирается одним способом, и, возможно, уже знает, где нас искать, и скоро пожалует в гости, так что нужно думать, и думать быстро.

В комнате повисла тишина, в которой пугающе громко шипели сигареты Видока и Аватара. Вдруг Видок зевнул, и атмосфера посыпалась, как разбитое стекло витрины.

– Неплохая байка, мужик. Я понял, что тут происходит: перед тем, как напиток, я заказал какой-нибудь “квест в реальности” или как там это называется, и вот теперь я в нем участвую. Сколько я вашей конторе отдал за это, ребята?

– Я так и думал, что ты не поверишь. Про него, – Ворон кивнул на Аватара, мрачно уставившегося на него из кресла. – И речи не идет. А что ты думаешь? – и он с надеждой взглянул на Ловца.

– Я не пьян и не под кайфом, так что не сомневаюсь, что тут есть что-то странное. Я... я верю тебе. Что именно нам нужно выяснить?

– Природу нашей связи. То, чем мы похожи, что у нас общего.

Видок достал из кармана джинсов небольшую флягу и упоенно к ней приложился. Затем обвел всех хитрым взглядом, вытирая ладонью губы.

– Все мы немножко с припиздинкой. Особенно Аватар и Ворон. Один, походу, так упоролся, что вместо чая с сахаром сделал мне горячую колу с хрен знает чем, второй вслух бредит историями мирового заговора. Все мы курим, если, конечно, считать дерьмо, что курит этот пацан, – Видок глянул на Ловца. – Сигаретами. Нас всех, скорее всего, бесит феменский сиквел охотников за привидениями. Если вы трое не соплējuи, то у нас общая любовь к бурбону. Думаю, никого здесь не радует, когда лезешь в пачку за последними кусками чипсов, а оказывается, что их там уже нет? Мы похожи тем, что непохожи, и из нас вышла бы отличная команда для фильма ужасов или супергеройского муви. А еще у нас может быть общая затаившаяся гонорея и, пока мы не начали перечислять имена бывших, должен сказать, что мне

все еще нравится версия с квестом в реальности.

Ловец устало вздохнул.

– Теперь, когда ты четко обозначил, кто в нашей супергеройской команде отвечал бы за тухлые комедийные моменты... Окей, с чего начнем? Может, с возраста? Мне девятнадцать.

– Двадцать четыре, – сказав это, Видок поморщился. – Если я правильно помню. Так погодите, сейчас ведь двадцатый год, да? Мой ник в стиме “CCBSSTT_96”, значит... Да, мне определенно двадцать четыре.

Из глубин кресла на локтях поднялся Аватар с удивленно-презрительным выражением лица.

– Мне двадцать шесть, а вот тебе, маразматик, двадцать восемь. Сейчас двадцать четвертый вообще-то.

– С какого это хрена двадцать четвертый? Я могу забыть свой день рождения, но эти вот две цифры, которые вижу по тысяче раз в день, точно забыть не смог бы.

– Парни, я из нас троих единственный трезвый, так что давайте я вас обрадую: сейчас шестнадцатый, и вы оба не такие уж развалины. Да мы почти ровесники, в общем-то. А чтобы прекратить этот бессмысленный спор... – Ловец достал из кармана телефон и поочередно показал Видоку, Аватару и – на всякий случай – Ворону экран, на котором крупными буквами и цифрами было указано “10 октября, 2016”

– Классно стелешь, парень. Я так тоже могу. – Видок достал свой телефон и продемонстрировал всем надпись

“10/10/20”.

Ловец и Видок выжидающе уставились на Аватара. Тот нахмурился и буркнул, что не помнит, где его мобильник, но уверен, что еще вчера год был две тысячи двадцать четвертый. Теперь пришла очередь Ворона оказаться под выжидающими лучами трех пар озадаченных глаз.

– Или вы решили устроить какой-то несмешной флэшмоб, или вы все правы. В любом случае, год я не могу сказать, потому что... Ну, в общем, не могу. Ну-ка, наберите в гугле “какое сегодня число”.

Когда Ловец и Видок сделали нужный запрос, Ворон подошел к ним и заглянул в экраны смартфонов. Первому поисковик заявил, что сейчас две тысячи шестнадцатый, второму – что две тысячи двадцатый. Ворон из любопытства взял телефон Ловца и протянул Аватару.

– Давай теперь ты.

Тот пожал плечами и обновил страницу. Прямо на глазах у Ворона надпись в самом верху поисковой выдачи изменилась на две тысячи двадцать четвертый.

– Давай теперь ты. – Аватар протянул телефон обратно Ворону, который, хоть и поморщился, но тоже еще раз обновил страницу – теперь на ней число было указано вообще без года.

Видок медленно обвел всех восторженным взглядом и захолопал в ладоши.

– Магия, магия! Я знал, что она все же существует! Насто-

ящее приключение с пространственно-временным континуумом, еее!

Аватар закатил глаза, должно быть, до самого мозга и снова нырнул куда-то в кресло.

– Нет, ну ты только подумай, сколько перспектив открывается... Боже, у меня аж мурашки по коже.

Ворон задумчиво почесал подбородок, вернул Ловцу его телефон и подошел к вешалке, на которой оставил свое пальто. Достав из внутреннего кармана трубку и табак, он приблизился к окну, что выходило на передний двор, и обеспокоенно выглянул наружу, словно опасаясь, что около дома шатается кто-то любопытствующий... или опасный. Никого не было, но Ворон еще минуту-две стоял там, задумавшись о чем-то сложном и требующим столько внимания и сосредоточенности, что на его лице не осталось ни малейшего следа выражения, будто человек, что это лицо носил, временно покинул тело. Затем Ворон явно что-то решил для себя и, встряхнув головой, вернулся к своему стулу на границе тени. Остальные трое уже живо обсуждали способы точно узнать год и понемногу начинали засыпать вопросами о будущем Аватара – на случай, если год все же двадцать четвертый.

– Так-с, вот не могу не спросить, а кто у нас сейчас президент? Не может ведь до сих пор...

– Может. И в следующем году он опять выдвигается.

– Слушай, а что там с третьей Half-Life, есть подвижки?

– А, с этим забавная история была. В общем, три года на-

зад представитель компании на очередной ЕЗ заявил, что собирается начать разработку, пять минут доказывал слушателям, что на этот раз это не шутка. А на следующий день он умер от инфаркта. Вальвы решили, что ну его нахер, и отменили проект.

– Не знаю, кто-нибудь из вас двоих, парни из будущего, слушает Гипногаю? У них, случайно, новый альбом не вышел?

– Такой себе ты фанат, если не знаешь, что их лидер еще в тринадцатом году основал сольный проект и скатился в диско-индо-хаус-рэп. Можешь забыть про эту группу.

– А какой там у вас в двадцать четвертом курс биткоина?

– В смысле курс? Курс к чему?

– Ну к доллару, например.

– А, вы же не знаете. Все валюты, кроме криптовалют, были отменены в двадцать втором году.

– Серьезно?!

– Нет, болван. Я не знаю, какой там сейчас курс биткоина. Я живу затворнической жизнью и большую ее часть провожу в состоянии наркотрипа, мне некогда следить за событиями снаружи.

– Ладно, к черту это все. Теперь – самое главное. Кто из вас двоих увлекается спортом? Хотя бы следит за спортом? Хотя бы знает победителей последних крупных турниров?

– Могу тебе сказать победителей ЛЧ за последние четыре года, но я не уверен на сто процентов. Черт! Мне бы и

самому пригодились результаты всяких там матчей! Аватар, мил человек, скажи, что ты обожаешь всю эту спортивную фигню...

– Сорян, но нет. Лет пять назад я работал в одной спортивной газете, но все забыл нахуй.

– Твою ж с прогиба! Ну неужели никто не помнит результат хотя бы одного вшивого матча?!

– Слышь, Ловец, а мы ведь болваны. Нам не нужна будет его память, только его... рука. Аватар, чувак, вот тебе телефон. А теперь, умоляю тебя, зайди на какой-нибудь сайт с результатами спортивных событий, включи сортировку по дате и скринь все, что видишь за последние четыре года. Пожалуйста.

– Красиво придумал, дай пять! Только поправочка: за последние восемь лет.

– Да с чего вы вообще взяли, что у нас все одинаковое? Ну скажу я вам эти результаты, вы вернетесь обратно, продадите все, что у вас есть и все деньги поставите на точный счет в каком-нибудь матче с неожиданным исходом. А что, если своим знанием вы автоматически измените реальность, и все сложится по-другому?

– Так, кто-то у нас недавно пересматривал “Эффект бабочки”, да?

– Слушай, ты просто заскринь все, а я потом что-нибудь придумаю, когда вернусь в свое время. Спасибо за заботу, братан.

Вдруг диалог прервал Ворон, который встал из тени и вышел на середину комнаты, так, что закрыл собой камин, и его тень теперь нависла над всем помещением.

– А с чего вы вообще взяли, что сможете вернуться?

– Воу, чувак, это круто. Ты специально так стал?

– Даже не знаю, на кого ты больше похож – на Гэндальфа или на Ника Фьюри.

– Если бы существовал оскар за лучшее исполнение роли властного босса, это было бы твое золото.

– Я, помнится, уже говорил, что мы все в опасности. Так что хватит страдать херней, нам нужно быстрее выяснить, почему мы здесь. И, что, как оказалось, важно, когда.

– Так вы уверены, что сейчас двадцать четвертый? Что он тут везде, а не только у меня?

– Ну, на самом деле это легко узнать. – Ловец набрал на телефоне какой-то короткий номер. – Добрый день. Да, через минутку, но сначала ответьте на один простой вопрос... – он нажал на кнопку громкой связи. – Какой сейчас год?

– Эмм... Две тысячи двадцать четвертый? – раздался из внешнего динамика женский голос.

– Отлично, а теперь еще раз. – Ловец кивнул Видоку. Тот сразу понял и быстро повторил девушке на той стороне линии тот же вопрос.

– Все еще две тысячи двадцать четвертый. Если с датами мы все решили, может, перейдем к заказу?

– Да, конечно. Четыре больших пепперони, четыре колы.

– Адрес доставки?

– Минутку, – Ловец бросил телефон Аватару, все еще фиксирующему результаты матчей за последние восемь лет. – Эй, чел, назови ей свой адрес. Надеюсь, все любят пепперони? Леня было опрос устраивать.

– Лучше бы ты вместо колы пива заказал – лично я колы напился, походу, на несколько месяцев вперед. – Видок поморщился, словно от зубной боли, явно вспоминая вкус горячей газировки, приготовленной ему Аватаром.

– Не, серьезно, мне было лень вас всех спрашивать. Попьешь водички, какие проблемы. Ну или сходим в магазин, если тут неподалеку есть хоть что-нибудь, похожее на магазин.

– Никто никуда не пойдет. Я понял, что нас связывает.

Трое уставились на Ворона. Тот многозначительно пошевелил бровями и принялся расхаживать по комнате.

– Всех нас занесло в двадцать четвертый год – всех, кроме Аватара, который как раз живет в этом году. Все мы пришли в незнакомый дом – все, кроме Аватара, который как раз живет в этом доме. Именно он нас связывает, именно из-за него мы тут оказались, и именно с ним произошло что-то, что все это вызвало. И, похоже, именно от него зависит, как сегодня все закончится.

Аватар, наконец, не выдержал и подскочил с кресла, встав лицом к лицу с Вороном.

– Да какого хера ты ко мне пристал, ебучая галлюцина-

ция?! Вас всех не существует! Вы мне мерещитесь, понятно? И это все, конечно, весело, дает пищу для размышлений о том, что у меня явно не все в порядке с психикой, раз я выдумал вот вас троих, но я употреблю эту пищу утром, лады?

– Успокойся.

– В смысле не существует?.. Ах ты торчок припизднутый!

– Нет, не лады!

– Я никому из вас нихера не должен, потому что я вас всех придумал! Исчезните!

– Я тебе сейчас выбитый зуб придумаю, наркоман ты обдристанный.

– Успокойтесь.

– Ну и какого хера ты натворил, признавайся?

– Я НИЧЕГО НЕ ДЕЛАЛ!

– Сука, верни меня обратно...

– Успокойтесь...

– Сейчас тебя отпиздит галлюцинация!

– Ну давай, блядь, попробуй, рэмбо ты комнатный бля.

– ЗАТКНИТЕСЬ!

Крик Ворона был настолько громким, что остальных отбросило в стороны, огонь в камине испуганно задрожал, а в рамах осталась только половина целых стекол. В установившейся тишине очень отчетливо и отдельно прозвучал хрипловатый смех откуда-то из коридора. Ловец выкатил глаза.

– Я так понимаю, это не доставка пиццы, да?

Ворон медленно начал пятиться от дверного проема, ве-

дущего в коридор с выходом на задний двор, одновременно доставая что-то из внутреннего кармана пальто – на этот раз явно не трубку.

– Нет, это не пицца. Тот, о ком я говорил, здесь.

– И что теперь делать? Он хочет нас убить? – Видок резко встал с пола, куда его отбросило криком Ворона.

– Да, и это абсолютно серьезно.

– Может, лучше вызвать ментов?

– Они или не успеют приехать, или не увидят тут ничего, кроме пустого дома. Можно рассчитывать только на себя. У кого-нибудь еще есть оружие? – с этими словами Ворон передернул затвор Glocka.

Видок растерянно покачал головой. Ловец подошел к камину и снял со стойки, что стояла рядом, стальную кочергу угрожающего вида. Аватара в комнате уже не было – он испарился в какой-то момент, никак не обозначив свое желание поучаствовать в бойне.

– Ну, лучше, чем ничего. Ладно, теперь давайте...

Договорить Ворон не успел – откуда-то из коридора вылетел нож и воткнулся ему в запястье. Ворон с криком боли и удивления выронил пистолет, и уже буквально через секунду к нему метнулась размытая тень – и ствол улетел куда-то в дальний угол комнаты.

Когда трое обороняющихся опомнились, в центре комнаты уже стоял человек. Он был высок и подтянут, лицо скрывал глубокий капюшон – и как он только умудрялся в таком

капюшоне что-то видеть – из-под которого свисали немые патлы цвета древесного угля, в одной руке он держал пистолет, в другой – нож, похожий на тот, что он парой секунд ранее метнул в Ворона.

– Ну что, сучки, спляшем самбу?

С этими словами незнакомец навскидку выстрелил в Ловца, но тот секундой раньше рванул к нему и каким-то чудом разминуся с пульей. Вторая прошила воздух в паре сантиметров от его лица, но Ловец уже попытался выбить кочергой пистолет из рук врага – впрочем, зря, потому что Чужой отклонился назад, не глядя метнул нож в Видока, тянувшегося к увесистой пепельнице на журнальном столике, освободившейся рукой перехватил кочергу и с нечеловеческой силой продолжил движение Ловца – так, что тот перелетел через стул и растянулся на полу. Выстрелить в него Чужому помешало только то, что за миг до этого в него самого разрядил половину обоймы Ворон, уже подобравший свой пистолет. Однако шесть пуль в груди и одна в горле, казалось, нисколько не навредили Чужому, зато теперь он вновь переключил внимание на Ворона, уже укрывшегося за подобием барной стойки. Все, что было видно под капюшоном Чужого – его безумная улыбка и ручейки крови, вытекающие изо рта – вдруг сместилось куда-то влево – это Ловец уже поднялся и огрел Чужого кочергой по голове. Тот был дезориентирован недолго, уже через несколько мгновений он развернулся к Ловцу и воткнул нож тому в плечо, и Ловец выронил ко-

чергу. К ним подскочил Видок и попытался уложить Чужого на пол борцовским приемом – впустую, пришелец стоял на земле так твердо, что даже у коренастого Видока ничего не вышло, и они несколько секунд боролись стоя, после чего Видок, освободившись ненадолго из крепкого захвата, пару раз приложился Чужому кулаком по лицу – достаточно сильно, чтобы тот пошатнулся и все же упал, и борьба продолжилась уже на земле. Ворон высовывался из-за барной стойки и пытался прицелиться так, чтобы не пристрелить Видока вместо Чужого, но делал это слишком долго – Чужой все же захватил преимущество, под грузной тушей Видока что-то пару раз сверкнуло с громкими хлопками, и тот отвалился в сторону. Ворон выругался и выпустил несколько пуль в голову Чужого, но тот снова начал двигаться пугающе быстро и, уйдя от выстрелов, в пару шагов оказался рядом с Вороном, чтобы через секунду вырвать у него из рук пистолет и из него же выстрелить противнику в живот и горло. Пока Ворон и Видок истекали кровью на полу, а Чужой оглядывался по сторонам в поисках Ловца, тот уже возник у него за спиной и всадил извлеченный из своего плеча нож Чужому между лопаток – так сильно, что лезвие вошло в тело до самой рукоятки. Впрочем, Чужому это причинило явно не больше вреда, чем несколько выстрелов в грудь, и он, моментально развернувшись, схватил Ловца за горло и легко поднял в воздух, медленно выдавливая из него жизнь. Когда лицо Ловца уже посинело, Чужой достал-таки из своей спины

нож и несколько раз пырнул врага в живот, после чего, насладившись видом дергающегося от боли и фонтанирующего кровью тела, швырнул его в стену. Однако уже спустя секунду на лице Чужого возникло удивленное и недоверчивое выражение, и его голова с половиной шеи начали медленно сползать с туловища – это Аватар, наконец, вернулся в комнату с катаной, которая, как оказалось, была во вполне боевом состоянии и подходила для того, чтобы одним мощным ударом отделить голову человека от тела. И все же это была сценка без счастливого конца: тело Чужого, уже совершенно безголовое, повернулось назад и три раза в упор выстрелило в лицо изумленному Аватару. Рухнули на пол они одновременно, и в помещении воцарилась абсолютная тишина, если не считать легкого шороха, издаваемого Ловцом, корчащимся в предсмертных судорогах.

Спустя двадцать минут после завершения бойни тишину нарушил звонок во входную дверь.

– Доставка пиццы!

XXIV. Ритуальная расстановка декораций

Сталкиваясь с чем-то странным, неизвестным или потенциально опасным, человек волен выбирать, убежать ли ему, застыть или вступить в конфронтацию. И жизнь его напрямую зависит от того, насколько правильно он выбирает в каждой конкретной ситуации.

Доктор Гетбеттер, выдержки из лекций

– Узи хлещет будто плетка.

– Заткнись.

– Я проверяю ее глотку.

– Стяни ебло, умоляю.

– Все мои друзья – уебки.

– Ты хочешь получить грязным носком в лицо?

– Я реальный, это... Нет, не хочу. Держи свою физиологию подальше от меня.

– Тогда молча. Открой сайт. И покаж, какие у них есть пиццы. Или этот носок станет лучшим другом твоей башки.

– Ладно, смотри. Советую вот эту, гриль.

– Окей, теперь я знаю, какую не буду брать. За сколько они доставят?

– Ну хз, именно эти – где-то за час, наверное.

– До боя полтора часа, норм. Короче, я беру вот такую...

Так, все, вроде заказал!

* * *

– Ну чо, сколько там еще ждать?

– Да с полчаса, наверное. Я тут подумал...

– Зря.

– Я тут подумал, а чем ты будешь запивать свою пиццу?

– У меня в холодильнике дюшес томится.

– Чувак... Как бы это сказать... Я его, типа, утомил уже.

Днем.

– Ах ты ж ебанный ты обсос! Тебе впадлу было самому ку-пить?!

– Ну ты же знаешь, как бывает: идти в ларек ломает...

– Еще одна цитата из “Ублюдков”, и ты будешь до конца жизни ссать через трубочку. Метнись в магаз.

– Ну лан. Взять тебе еще что?

– Возьми шоколадку какую.

– Окей. Слышь, а велик свой не дашь погонять? А то что, ты зря его перевез что ли.

– Ай, задолбал, я тоже пойду, прокачусь на велике.

– Так может сам съездишь по-бырому?

– Пацан, ты, походу, не понял. Ты идешь за колой. Я иду кататься. Погнали, пока еще успеваем до доставки.



М. и А. быстро и решительно направлялись к ночнику – один недовольно топал пешком, хлюпая кроссовками по грязи, второй издевательски описывал вокруг него большие круги на велике. Когда А. надоедало ездить по окружности, он ехал рядом с Максом, но медленно, чтобы не обгонять пешего.

– Скажи, велик – это круто?

– Велик – это круто.

– Ты какой-то неискренний.

– Потому что ты провоцируешь. Не, я не спорю, велик – это круто. Но машина была бы еще лучше.

– Машина – это дохера дорого.

– Зато в машине можно жить.

– Хз, а квартира тебе нахера? Ты что, псина – на улице жить?

– Ну чисто как вариант. Прикинь, у тебя нет дома, но есть тачка. Что тебе по факту надо? Бабки, документы, немного шмоток, ноут, пара мелочей. Все! Интернет можно вылавливать в общественных зонах, есть готовую еду или покупать разогретые полуфабрикаты, принимать душ – в общественных душевых, я как минимум штук семь знаю, спать на раз-

ложенных сиденьях, бухать и снимать женщин прямо на месте, зимой греться от печки в салоне, летом врубить кондер. Вряд ли на бензин уйдет больше, чем на оплату аренды и коммуналки.

– Окей, можно. А нафига?

– Да так, если захочется попробовать что-нибудь новое, или если будет напряг с деньгами.

– Ага. Ты только тачку для начала купи.

– Будут бабки – будет и тачка. Паркуйся, вот магаз. Я же говорил, что тут десять минут.

– Блэт, надеюсь, я купил нормальный замок.

– Ты не шаришь, как это работает.

– Ты шаришь в великах лучше меня?

– Я шарю в психологии. Никто не будет пытаться угнать велик на замке, какой бы там замок ни был.

– Ладно, убедил.

– Кроме вон тех бухих типов.

– Ненавижу тебя.

* * *

– Иди быстрее, у нас десять минут до доставки.

– Бля, может просто не надо было так долго мороженое выбирать, м?

– Может просто не надо было пиздить у меня дюшес, мм?

– Ладно, забей. Мы успеваем, все ок.

Когда парни повернули из-за забора, отделяющего частный сектор от сквера, М. вздрогнул и отшатнулся. Прямо у конца забора стоял, прислонившись к дереву, высокий и неподвижный мужик в черном пуховике. Уже оставив его позади, М. оглянулся. Мужик не подавал виду, что заметил их, он просто дальше стоял и смотрел куда-то через дорогу, на железнодорожные пути и станцию.

– Эй, ты че там тупишь? Шевели батонами!

М. встряхнул головой и молча возобновил прежний темп ходьбы. Через полминуты у А. зазвонил телефон.

– Фак, ты же говорил, что через час!

– Ващет я сказал “примерно через час”. Улавливаешь разницу?

– Ало. Ага, это я... А, вы уже подъехали? Понял, есть маленькая просьба, вы не могли бы подождать минуточку-две, я сейчас на велике подъеду. Ага, спасибо! Скоро буду.

– Ну, теперь вали.

– Ты только ключи дай мне.

– А нафига? Я через пять минут подойду, открою. Пицца так быстро не остынет, не ссы.

– Лан, хрен с тобой. Все, я погнал.

– Давай. Попутного ветра тебе в харю!

Последней фразы А., возможно, уже не услышал – он и правда поехал резко и очень быстро, и через двадцать секунд

скрылся из вида. М. вздохнул и достал из кармана телефон – он хотел записать голосовое сообщение кое для кого, пока просто идет без дела. Как вдруг...

* * *

А. уже успел доехать, забрать пиццу, расплатиться и нарезать восемь кругов по двору, а М. все не было.

Опаздывает на пять минут.

Десять.

Пятнадцать? Нет, это уже какая-то хрень.

А. оставил пиццу на скамейке у подъезда и быстро поехал вдоль той дорожки, которой они шли в ночник и которой М. должен был уже давно вернуться. Как-то внезапно начался дождь, и улица совершенно опустела. А. доехал до того места, где оставил друга, но не нашел его. Медленно он ехал вдоль дорожки обратно, разглядывая все на своем пути и стараясь успокоить себя очередью простых объяснений. Вернулся в магазин, потому что забыл что-то важное. Встретил знакомого... перешел на другую сторону улицы, медленно шли, болтали, А. не заметил их на обратном пути. Внезапно за что-то приняли менты? Свернул не на ту улицу? Кстати, о поворотах не туда...

А. подъехал к повороту на узкую улочку, на которую он

раньше не обращал внимания, только знал, что она длинная, там сплошь частные дома, некоторые заброшенные, и она уходит куда-то вправо, к холму на краю города, за которым с одной стороны – все та же железка, что и тут, а с другой – речка и поле, а за ним уже и лесополоса.

А вот это уже кое-что знакомое.

На тротуаре, в грязи и заливаемый дождем, лежал знакомый телефон. А. слез с велика и поднял телефон – на экране горел таймер голосовой записи, двадцать шестая минута.

Медленно и с опаской А. остановил запись, сохранил ее и перемотал в самое начало. М. только поздоровался со своей бывшей, когда с записью произошло что-то странное и жутковатое – звуки выцвели и стали словно холодными и заторможенными, голос М. дернулся и затих, раздался звук упавшего телефона, затем откуда-то взялись медленные и гулкие удары сердца, которые прервал оглушительный звук грома и шум начавшегося дождя. Потом несколько секунд все молчало, но вскоре тишину пререзал шепот, призывающий идти за ним. Еле слышно прозвучали звуки шагов – так хлюпали по грязи кроссовки.

А. застыл в ужасе и недоумении. Какого потустороннего хера тут произошло? Почему на записи был гром, которого он, находясь метрах в пятистах, не слышал? Как дождь здесь мог начаться на двадцать минут раньше, чем у их подъезда? Что вообще теперь делать?

Но А. был недостаточно умен для того, чтобы не сунуть

телефон М. в карман и не пойти медленным шагом по улице, о которой он знал только то, что она длинная, частная и отчасти заброшенная. А. не любил фильмы ужасов и не дал им шанса научить себя, чего не стоит делать, если ты попал в один из подобных сюжетов.

В этом сюжете ему уже стоило бы бежать прочь как можно быстрее, как можно дальше, по пути вызвать милицию, выкинуть телефон и убраться из города. Так, просто на всякий случай.

XXV. Архитектор. Деконструкция и искупление

*...The hidden variable that all that is, is art
And when I close my eyes, I see eternity as a story
A god imagined the god that imagined me
And I am god, and so on...
Eyedea – Color My World Mine*

– Как насчет небольшого перерыва? Мне уже даже гласные трудно даются.

Мой собеседник согласно кивнул, хотя по нему не было заметно, чтобы довольно долгая история хоть сколько-нибудь его утомила. Сейчас он уже сменил облик старца на, судя по всему, более подходящий и удобный – мужик неопределенного возраста в шерстяной рубашке в клетку. Признаться, так было удобнее и мне – легче представить, что напротив сидит просто человек, и это меньше отвлекает от истории. Любопытно, что он имел в виду, когда сказал, что второй ее рассказчик – один из героев? Как это вообще возможно?

– Ты поймешь в нужный момент. Тебе предстоит столкнуться с такими невозможными вещами, что со временем ты просто перестанешь удивляться.

– Я-то думал, что ничего удивительнее встречи с творцом

вселенной мне уже не обломится.

– Позволю себе метафору, надеюсь, ты на нее не обидишься. Ты сейчас – как орангутанг, к которому в ходе эксперимента подключили человеческий когнитивный аппарат, и он только что узнал о существовании доставки жареной курицы, но еще даже не подозревает, что ему придется стать тем, кто объединит квантовую механику и общую теорию относительности.

– Как... многообещающе.

– Поверь, у тебя будет много времени, чтобы уложить все в голову. Однако, как я уже говорил, ты можешь ошибиться, не сделать то, что должно, и тогда судьба твоя незавидна.

– И как же мне понять, что нужно сделать, чтобы избежать такого исхода? Почти уверен, что ты не скажешь этого прямым текстом.

– Вовсе не важно, будешь ты это знать или нет, все случится так, как случится, и в то же время – иначе. Разница лишь в том, в какой точке и на каком цикле окажется лично твое восприятие.

– Разве можно одновременно и сделать что-то, и не сделать?

– Так ведь это обычное дело. Ты не замечаешь разветвления событий лишь потому, что любые другие исходы, отличные от тех, что ты помнишь, уже не твои – точнее, тот ты, с которым все было по-другому – это уже не ты.

– Сложновато. Та метафора не просто так была о физике?

– Вот видишь, что-то ты уже смутно понимаешь. Ладно, что, если я скажу, что твое желание покинуть мою вселенную и создать собственную не так уж и невозможно?

– Тогда я спрошу, зачем тебе мне об этом рассказывать.

– Затем, что я так возвращаю долг кое-кому. И затем, что я уже об этом рассказывал, и ты уже это сделал, просто не совсем здесь.

– В другом развитии событий?

– Бери выше.

– Мозг уже не дотягивается.

– Ничего удивительного. Ты же еще орангутанг, не забывай. Но все же, если бы тебе удалось создать собственную реальность... Какой бы она была? Только пожалуйста, давай мыслить чуть шире твоих мелких заморочек с роковыми хуждощницами.

– Ты хочешь знать, как бы я изменил устройство мира? Людей?

– Да, пожалуй, более фундаментальные вещи для тебя были бы не столь очевидны и интересны. Ты ведь столь многим недоволен в людях и том, как они живут свои жизни. Так как же их изменить, как принести во вселенную мир и гармонию, как достичь счастья для всего живого?

Я задумался, поставленный в тупик такой серьезной задачей. В голове мелькали обрывки мыслей на эту тему, когда-то серьезно застрявшую в списке “то, что часами не дает уснуть, требуя решения”. Бог не преминул ухватить каждую.

– Подчинишь всех своей воле – отлично, только это будут уже не люди, это будешь ты, и все это фактически равноценно геноциду. Что, скажешь, они будут жить полноценно, просто не смогут причинить друг другу боль? Если такое намерение зарождается, но подавляется извне – это тюрьма, которая рано или поздно сломает психику подавляемых, если оно не зарождается вовсе – значит, образ мышления у всех фундаментально станет один, а это уже смерть самой личности. Установишь в мозги максимуму “не делай другим того...”? С убийствами, воровством и прочими крайними проявлениями конфликтов это сработает, но остальное – все, что не регулируется законом, не сведено к точной букве этических норм, все морально субъективное – это останется. Да, боли и ненависти станет меньше, но преступления питают лишь малую часть общей боли всех людей, понятие конфликта куда более фундаментально и всеобъемлюще. Что еще? Каждому объяснишь свою идеологию, максимально подробно, на молекулярном уровне, доведя до точки, когда нельзя не согласиться с ней, потому что это уже биология и физика? Многие и правда согласятся, станут более эмпатичны, поддержат твои начинания и начнут изменять свой мир. А что с остальными, несогласными – в печь их? В лагерь, перекраивать мировоззрение? Может быть, ты сделаешь так, чтобы каждый чувствовал то же самое, что принесут его действия другим: чужая радость откликалась бы своей радостью, а чужая боль – своей болью? Неплохо, но откуда уверенность, что страх

боли остановил бы всех и каждого, и что уже потерявшие что-то в первую очередь пытались бы сохранить оставшееся, а не возвращали бы удар, как и прежде? Эта спираль ненависти продолжила бы вращаться. Создашь для каждого собственный мир, где все будет так, как хочется человеку? Любопытно, что ты об этом думал, но отбросил этот вариант – ведь тогда каждый был бы, по сути, одинок, хоть и не знал этого. И, что еще важнее, остановился бы в развитии, ведь мир рожден его разумом, а новой информации в разум уже не поступает, и человек просто не может пережить в этом искусственном мире что-то, о чем еще не знает, и уже не узнает. И налаживание связи между этими личными райскими садами для обмена информацией тоже не прокатит – поля приложения знаний, то есть личные миры, все больше бы различались, и из-за этой разницы что-то бы точно не работало, внося все больше хаоса в систему, пока реальный физический мир постепенно превращался бы в кошмар наяву. Станешь править страхом, когда каждый человек в мире будет знать составленный тобой моральный кодекс, как и знать, чем грозит непослушание, как и точно знать, что ты всевидящий – классическая концепция бога как она есть. Но, во-первых, сработает только в том случае, если ты и правда будешь ежесекундно наблюдать за абсолютно всеми одновременно, иначе разок что-то упустишь, это сойдет с рук, а дальше коммуникация между людьми сделает свое дело. Во-вторых, даже если всевидящий – разве жизнь в постоянном и абсолют-

но обоснованном страхе смерти из-за ошибки, случайности, горячности и так далее – это полноценная жизнь? Скорее тюрьма, как и автоматическое подавление конфликтов. Еще варианты? Постоянное вариантное разветвление вселенной с возможностью осознанного выбора подходящего варианта? А откуда уверенность, что ты как раз не живешь в “плохом” варианте, который кто-то не выбрал? Полная прозрачность жизни каждого человека в обществе потребления? Не убирает конфликты. Генная и нейрохимическая инженерия? Не убирает конфликты. Связывание всех при помощи объединяющей энергии, унификация, коллективный разум? А как же индивидуальность, которая и делает тебя живым, как тебе, должно быть, кажется? Что же ты предлагаешь им, что ты собрался строить на руинах неудобного тебе нынешнего мироустройства? Какой будет эта твоя рукотворная вселенная, и чем она будет лучше моей?

Он прав, каждый вариант был в чем-то неполноценен. Но откуда берется эта дефективность, что их все объединяет? А, ну конечно же!

– Так-так. Вот это уже интересно.

Я взглянул на своего собеседника иначе, и он, казалось, был даже несколько растерян, виновато улыбаясь и разводя руками.

– Ничто не берется из ниоткуда, не так ли? В основе каждой твоей концепции лежало предположение, что ты останешься собой.

– Но нельзя подумать о том, чего не знаешь? Не может быть такого множества, которое включало бы в себя то, что оно в себя не включает. Значит, такому множеству для начала необходимо стать частью каждого прочего множества... И задуматься, нет ли чего-то за пределами множества всех множеств.

– Скорость мысли орангутанга выходит на первую космическую. Он ставит под сомнение компетентность своих создателей. Он приходит к вопросу о человеческом боге. Он косится на лабораторных мышей. На аппарат наделения сознанием. На мышей. На аппарат.

– Значит, так все работает? Это и есть настоящее равенство? Если так, то все довольно... жутко.

– Не задирай нос и не думай, что ты понял самое главное. Аппарат для объединения всех множеств еще нужно придумать, а у твоей истории два рассказчика.

– Вот сейчас опять сложно.

– Еще бы. Сейчас два важных момента. Первый: приговорясь, что твоя история перестанет быть просто историей, и закончится очень неожиданно, и твое восприятие навсегда изменится, потому что ты близко подошел к точке невозврата. Второй: ты что-нибудь слышал о багряных грезах или пространстве вариантов?

XXIV. Ворон 2. Deeper into the woods

*Ты проделал путь в миллиарды лет
И пришел оттуда, где яркий свет
Озаряет землю издалека
Рассказать нам то, что наша гибель так близка
Digimortal – Много лет спустя*

Павший да восстанет.

Я с трудом поднялся, зажимая ладонью еще кровоточащую рану в горле. Другая, на животе, уже затянулась, но в том месте, где в мое тело вошла пуля, все еще оставалось неприятное ощущение, вроде легкого сквозняка и холода.

Нет, я никакой не бог и даже не сверхъестественное создание – я просто существую немного на другом уровне по сравнению с теми, кто находится в этой комнате, поэтому они не могут по-настоящему убить меня.

Что мы имеем в сухом остатке? Трое мертвы, один временно нейтрализован, в одной из стен сияет фиолетовый портал. Что мы знаем? Мы все, кроме Чужого, живем в одном мире, но в разное время. Сейчас мы находимся во времени Аватара. Здесь недавно была странная гроза, во время которой сюда переместились остальные четверо. Аватар, Видок и Ловец ничего не знают о причинах, последствиях и вообще природе своей связи. Через примерно год от ны-

нешнего времени должно произойти небольшое событие, в котором они трое будут участвовать, и это событие неминуемо приведет к катастрофе всемирного масштаба. Чужой – гость откуда-то из другого места, и его цели пока совершенно непонятны. Возможно, повлиять на будущее в большей степени может Аватар, но как это сделать? И как оживить этих троих? И стоит ли, ведь есть вероятность, что с их смертью что-то в судьбе мира изменилось, и никакой катастрофы не произойдет? А, и что это за хренов портал в стене, и куда он ведет? Ну, узнать прямо здесь и сейчас я могу только последнее.

Я подошел к portalу и попытался всмотреться вглубь него, но все, что я там увидел – нечеткие силуэты и неподвижный серый пейзаж, но все было так размыто и далеко, что ничего точного о месте по ту сторону сказать было невозможно. Ладно, проверим окружение. Подобрал с пола кочергу, которой недавно орудовал Ловец, я осторожно просунул ее в портал, стараясь держать инструмент легко, чтобы быстро отпустить его, если вдруг что-то на той стороне рванет кочергу на себя. Но ничего такого не произошло. Вскоре мне удалось нащупать поверхность – это была почва, судя по тому, как мягко она поддавалась прощупыванию. Я извлек кочергу и оглядел ее – на крюке были оранжевые и красные листья. Значит, это парк или лес, и там тоже осень. Более того – это наш мир или мир, очень похожий на наш, раз там растут такие же деревья.

Вдруг я почувствовал чей-то взгляд и резко обернулся. Позади меня, на ковре, залитом кровью, лежала рысь. Ну-с, это явно лес, а не парк. Рысь смотрела на меня своими огромными глазами и лизала окровавленный ковер.

– Привет, красотка. Как оно там?

Рысь повела пушистыми ушами и тряхнула головой.

– И почему я постоянно забываю, что животные не разговаривают?

Повернувшись обратно к portalу, я положил кочергу на пол и нерешительно просунул в потустороннее отверстие руку. На той стороне было свежо, прохладно и дул легкий ветер – вроде ничего страшного, пора попробовать туда пролезть. Хотя нет, есть идея лучше.

Я подошел к трупу Видока и достал из кармана его байки телефон – какой-то навороченный смарт с крутой камерой. Это мне и было нужно. Включив режим видео, я вернулся к portalу и просунул руку с телефоном туда, медленно поводил из стороны в сторону, чтобы не случилось расфокуса, потом сделал это еще раз, наощупь увеличив зум, и достал аппарат обратно в наш мир. На видео не было ничего, кроме обычного осеннего леса. Рысь наблюдала за всеми моими действиями с помесью любопытства и лени, но уже не лизала ковер, а периодически косилась на разбросанные по комнате трупы. Я точно помнил, что рыси – не падальщики, и тела троицы должны быть целыми к моему возвращению – если я вернусь – но оставлять их наедине с животным было

все же рискованно, так что я щелкнул пальцами, привлекая внимание кошки, и указал на червоточину. Рысь вскочила с ковра и мягкими крадущимися шагами направилась туда, остановилась на секунду, обнюхала края портала и, наконец, скрылась за его туманной и переливающейся границей.

За ней последовал и я.

* * *

Какое-то время я просто шел по лесу в поисках чего-нибудь необычного, несколько раз – когда мне казалось, что рядом кто-то есть – замирал, после чего тихо крался, пока не убеждался, что вокруг действительно ни души. Но через какое-то время, когда я уже начал задумываться о том, что занимаюсь чепухой и нужно бы возвращаться к portalу, впереди между деревьями отчетливо промелькнула человеческая фигура. Двигаясь очень осторожно, я вышел ему за спину и тихо пошел следом. Чем дальше, тем силуэт впереди меньше напоминал человека – казалось, он не был здесь на самом деле, будто это лишь отголосок кого-то, кто однажды прошел здесь.

Я шел за этим отголоском, эхом, гостем – кем угодно, но не человеком – сквозь лес, держась примерно в метрах тридцати от него и стараясь ничем себя не выдать, потому

что понимал – он наверняка приведет меня к ответу на какой-нибудь из вопросов. Не знаю, на какой именно, но это было очень важно, и нельзя было упустить такую возможность увидеть новую деталь картины, в которой я оказался.

Путник дошел до большой поляны, которую сплошь изрыли толстые черные корни, где-то выходящие на поверхность и вновь скрывающиеся в толще почвы. Это место казалось отравленным чем-то, зараженным странной гнилостной болезнью, оно словно разлагалось, но при этом и было в каком-то смысле источником жизни леса – жизни потусторонней, извращенной, но все же жизни. В центре поляны сверкал черными водами пруд, настолько идеально круглый, что он казался чем-то искусственным. Отголосок подошел к самому берегу и склонился над водой. Я остановился у границы поляны, внимательно наблюдая за его действиями, пытаюсь не упустить ни детали.

Впрочем, то, что произошло, было бы очень трудно упустить из виду.

Отголосок выпрямился и шагнул в воду. Точнее, он шагнул по воде, если это, конечно, была вода. Когда он дошел до середины пруда и остановился, над ним возникло бледно-зеленое сияние, его рука метнулась к собственной шее, но другая ее перехватила. Человек упал на колени, все так же оставаясь на поверхности воды.

А затем из глубины раздался голос – низкий, гулкий и словно сплетенный из десятка разных голосов, вещающих

почти в унисон.

– Нас так легко не обмануть. Ты долго шел сюда – лишь для того, чтобы сейчас сгинуть в пучине, так никуда и не вернувшись. Ты лишь очередной глупец, потерявший в циклах, поверивший, будто сможет подчинить судьбу. Добро пожаловать в забвение, неприкаянный.

Отголосок, изо всех сил сопротивляющийся собственной хватке, захрипел от напряжения.

– В этот раз тебе придется выползти из своей раковины, хранитель. Потому что, если ты не убьешь меня быстро, за мной придут другие.

Сразу после этих слов произошло несколько событий, которые я успел лишь заметить, но не имел ни единой возможности предотвратить:

Жидкость, на которой стоял отголосок, вспучилась, будто из глубины что-то поднималось на поверхность, и через секунду рядом с ним возник темный силуэт, будто сотканный из тьмы на самой глубине океана.

Жуткий порыв ветра пронесся по лесу, в одно мгновение сорвав всю листву с крон и повалив или сломав мелкие деревья. Тот же порыв сбросил капюшон с головы того, кто привел меня сюда.

От пруда в центре поляны дохнуло жаром – должно быть, лишь далеким эхом жара преисподней, но этого все равно было достаточно, чтобы я отшатнулся с криком боли – адский ветер опалил мое лицо, не оставив на нем ресниц и бро-

вей.

Чужой поднялся с колен и расхохотался, глядя на хранителя.

– Сюрприз, придурок! Ну и кто теперь на каком цикле сюжета?

Теперь роли изменились – Чужой держал врага за горло, и тот, кто несколько секунд назад угрожал ему забвением, теперь медленно истончался и исчезал в этой хватке, словно его выпивали досуха. Когда он окончательно исчез, новый хозяин дремучих вод склонился над своими владениями, все еще не замечая меня.

А я тем временем потерял сознание, свалившись в какую-то лужу за огромным валуном.

XVI. Ловец 2. Привет из ямы

*Awareness rests upon the beating of your heart
The firing of nerves and the actions of a universe
Of tiny little branches for every single thought
Required for the concept of what you think you are
Cire – Edge of Consciousness*

Я посмотрел на деньги и трясущимися руками снова попытался их сосчитать: сто, двести, триста, четыреста, четыреста сорок девять долларов. Это много. Я покрутил кошелек в руках. Знаю, как это выглядит, но это вовсе никакое не воровство – вообще-то, мужик, у которого я отобрал эти деньги, пару минут назад на ровном месте докопался до меня и в течение почти минуты упорно старался ухудшить мое физическое здоровье и психическое состояние путем нанесения потенциально опасных повреждений. Это, разумеется, было ошибкой. Во-первых, я четыре года занимался боксом и два года – греко-римской. Во-вторых, я был совершенно определенно в плохом настроении в связи с аховым положением дел в колледже и еще более аховым финансовым положением. В-третьих, я очень плохо слышу, что помешает мне услышать три самых важных слова: “Хватит, не бей!” или что-то вроде того. В-четвертых, он был один и пьян. Драться на пьяную голову – почти всегда плохая идея, если только

против тебя не шестиклассник с остеохондрозом. Вообще, конечно, драться – это плохо, ведь любой спор можно разрешить словами, кроме, разве что, спора между арабами и евреями (хотя даже у них есть нечто общее – почему бы не зарыть боеголовку войны под предлогом общих гастрономических запретов?), спора между пейрингами Гарри/Джинни и Гарри/Гермиона, спора между фанатами DC и Марвел и, наверное, вечного противостояния бога и дьявола. Или, может быть, барыг химки и МВД. Остальные споры можно решить словами, но этот человек явно не рассматривал такой вариант, и где он теперь? Да вот же, лежит между кустом и беседкой, пьяный и весь такой без сознания. И чуть победнее, чем был. Так, погодите, я говорил, что это никакое не воровство? Ну, технически это и правда не воровство, это скорее грабеж, но я клонил к тому, что человек сам это заслужил своим отношением к жизни.

Кошелек довольно блестел под дальнебойными лампами огромного торгового центра – ему явно было спокойнее и уютнее здесь, чем в кармане неадекватного хозяина. Однако кошелек у меня уже был, так что...

– Извини, дружище, но ты остаешься.

Я достал деньги и переложил в свой лопатник, чужой – засунул в карман владельца. Полежите вместе под желтым светом этого грандиозного молла, и подумайте хорошенько над своим поведением!

Потратить или отложить? Потратить или отложить? По-

тратить или... Ай ладно, надо же потратить хоть сколько-нибудь. Например, мне нужна шапка – на улице уже так холодно, что, когда я вставляю в ушные раковины наушники, я реально переживаю по поводу того, что уши могут с хрустальным звоном разлететься на сотни осколков, и я стану похож на Волан-де-Морта, который уже создал крестражей пять, и сифилис внезапно выбрал своей целью уши вместо носа. Я отошел от поверженного противника, выкурил сигарету на пороге торгового центра (этот мне всегда нравился, хотя внутри я ни разу не был, фактически, он просто был расположен на одной из моих любимых улиц, и когда я шел по ней, прогуливаясь от трамвайных путей до парка Дружбы, я любил заходить на крыльцо под навесом, идти сто метров от первого входа ко второму, ловя в расфокус взгляда сверкающие витрины, светодиоды и лампы, шикарные и не очень авто на парковке, толпы людей, снующих внутрь и наружу этого храма потребления, прикладываясь к бутылке вон у той колонны, курить вот на этой площадке и все такое вот замороченное и обсессивное) и зашел внутрь.

Через полчаса бессмысленного брождения (или слонятельства – я сомневаюсь в обоих этих словах, но люди ведь не зря придумали понятие “неологизм”. так язык и выживает, вообще-то, на одних “заговениях” да “форейторах” долго не протянешь) по этажам мои глаза, наконец, собрались в кучку и увидели классное кепи, прямо как у Шерлока Холмса – ну, последней сериальной версии с Бургеркингом Кибер-

борщом – на витрине одного из магазинов. Можно ли считать это подходящей шапкой для такой погоды? А почему бы и нет? Я примерил – неплохо идет к пальто. Сходил в обменник на втором этаже, вернулся – кепи покорно ждало. Я расплатился и вышел.

В плеере мило мурлыкала на французском Coeur de Pirate – не знаю точно, о чем она пела, но скорее всего – о любви (а о чем еще можно петь так нежно и чувственно? разве что о предвкушении сна после суток на работе), в кошельке было полно денег, в зубах тлеет сигарета, а ночной город, как всегда, красив, таинственен и вдохновляющ – жизнь прекрасна, разве нет? Я прошелся пешком до остановки и проехал на троллейбусе мимо парка, окутанного туманом и подсвеченного изнутри приземистыми фонарями, и вдруг вспомнил, что я вообще тут делаю – то есть, почему я не дома пью с матерью чай на кухне, или не играю с отцом в футбол на приставке, или не готовлюсь к зачету, который уже послезавтра. Я вышел на эти улицы, чтобы раздобыть шальных денег.

Нет, нет, не грабежом. Этот случай с пьяным болваном был счастливой случайностью. Вообще-то я, к своему стыду, подрабатываю расклейщиком объявлений. О, ничего не хочу слышать. Я сам знаю, что это жалкая, презренная работа, с которой сравниться по ничтожности оплаты и объему унижений может только работа тех несчастных, которые ходят по улицам в огромных плюшевых костюмах зверей и продают библии... Я ничего не перепутал? В общем, им хуже. Но

расклеивать эти чертовы листовки – тоже не самое сладкое занятие. Впрочем, раз на раз не приходится, однажды мне попалась конторка, которая выдавала две сотни листовок и ни черта не проверяла – мы просто приходили на следующий день, забирали по сто кусков на брата и получали новую порцию бумажек, которые тут же, в соседнем дворе, выбрасывали в мусорный контейнер. Это беззастенчивое лганье и огромная удача продолжались неделю, а потом у мужика, который всем этим занимался, закончились листовки, и мы с другом забили на это дело. Но теперь мне не повезло найти компанию, которая реально все проверяет – у них действительно есть человек, который выборочно ездит по адресам расклейки и смотрит, производились ли тут, с вашего позволения, работы. С одной стороны, я очень любил гулять по городу и исследовать каждый его двор и закоулок. С другой... Вашу мать, как же бесят эти рулоны бумажек, этот клей, эти кривые доски, на которых уже в пять слоев висят такие же идиотские рекламки, эти люди, живущие в подъездах – все это! С третьей стороны, теперь у меня есть четыреста тридцать баксов – фактически, столько на этой “работе” я заработал бы за месяца три. Нет, ну к черту – сегодня я еще закончу свой рейс, но это будет мой последний день в сфере агрессивного маркетинга.

Я вышел из троллейбуса на остановке, с которой начиналась улица, подъезды чьих домов к досаде их жителей вскоре обезобразят своим несравненным безвкусием объявления,

пока что дожидаящиеся своего часа в одном из отделений моего рюкзака, уже изнемогающего от этой ноши более не нужного мне рабства у низкооплачиваемого и непрестижного заработка, сопряженного с неизбежными конфликтами межличностного характера весьма нерешаемого и фундаментального свойства, присущего всем конфликтам базовых человеческих интересов, что обнаруживаются в тот момент, когда обитатель очередной бетонной норки замечает работника клея и листовки, устало-похотливо пристроившегося к доске объявлений подъезда, который он никогда доселе не считал столь своим, и все аспекты скучной жизни которого не мнил столь подотчетными собственной компетенции, избыточно могущей быть описанной как поверхностная и в некоторой степени разгильдяйская, вплоть до того момента, когда некий человек, идентифицируемый обитателем как чужак, не покусится на эстетическую идиллию крыльца, чем вызовет у упомянутого обитателя приступ немотивированного гнева, который не нашел бы выхода в том случае, если бы оный обитатель не присутствовал лично при процессе наклеивания объявления, что безусловно свидетельствует о степени настоящей озабоченности сего человека данным вопросом, затрагивающим его непосредственные интересы как личности на уровне, который я мог бы описать как “близкий к нулевому”, и могущей быть основанием для вывода о том, что наблюдаемый акт возмущения и гнева есть лишь стереотипный пример поведения, близкого к инстинктивно-

му, носителем не вполне осознаваемый и во многом свойственный скорее животному, чем виду, что столь долгое время считает себя в первую очередь интеллектуально дифференцированным, а потом уже – отягощенным инстинктами, что, впрочем, не мешает данному виду строить свое общество на принципах чистейших инстинктов, что, вкупе с весьма высоким мнением о своем уровне развития и надприродности делает существование вида весьма забавной шуткой из взаимоисключающих посылов, которые своей противоположностью сводят общество с ума, что выражается в бесчисленных девиациях, расстройствах и излишней индивидуализации мышления, которые, в свою очередь, неизбежно приводят представителей вида к конфликтам различной степени интенсивности, массовости и продолжительности в самых разных аспектах их жизни. Боже, мне стоит перестать думать такими сложными и длинными предложениями, потому что только что я слишком увлекся мыслью и чуть не врезался в стену арки, ведущей в первый двор моего скорбного вечернего променада, долженствующий стать вестником... Нет, ну правда, хватит.

Расклеивать объявления – это скучно, когда мозг ничем не занят. Мне почти всегда скучно, чем бы я ни занимался – иногда я предпочитаю думать об этом, как о свидетельстве нетривиальности моего ума, иногда это просто бесит. Порой я развиваю бешеную активность, проносясь сквозь жизнь, словно пуля сквозь голову солдата, нанизывая на себя дела,

встречи, занятия и прочую мишуру, и ловлю от этого непередаваемый кайф, словно мой мозг подключен к электросети и ток подается прямиком на центр удовольствия, а иногда я долгими днями лежу в постели и не желаю ничего делать, не находя для этого ни мотивации, ни сил, и страдаю от этой краткосрочной депрессии. Сейчас у меня был цикл активности, и мозг требовал информации, поэтому я слушал музыку, читал другие объявления на досках, гадал о том, чем могут заниматься и какими могут быть жители квартир на нижних этажах, свет в окнах которых открывал некоторую часть жизни этих людей, вспоминал материалы к послезавтрашнему зачету и придумывал сюжет для рассказа. По-настоящему интересно было только последнее. Я очень много читал и иногда испытывал почти болезненную потребность в том, чтобы написать что-нибудь самому, как бы ответить на слова тех людей, которых я читал, вдохнуть жизнь в бесконечное число образов, роящихся в голове, изнывающих по свободе в виде сюжетов и мыслей на бумаге. Всякий, желающий стать писателем, втайне или открыто считает себя человеком необычайно умным и занимательным – настолько, что имеет смысл выразить эти качества в письменной форме, дабы снискать уважение и любовь прочих людей, тем самым удовлетворив потребность в признании, которую принято считать неотчуждаемой потребностью человека. Проблема же начинающих писателей – в тех людях, которые читают их *essai*. Эти люди по какому-то зловещему совпадению

почти все подряд не разбираются в литературе и не могут должным образом адекватно оценить текст, который видят перед глазами. А если и могут, то их зачастую останавливает нежелание портить настроение новоявленному писателю своей критикой. Когда людям говоришь, что ты открыт для критики, что им вовсе не нужно смягчать приговор и льстить, они не верят тебе. А тебе уже неловко пытаться уличить их в обмане, ведь если они и обманывают, то, как им кажется, из лучших побуждений. Впрочем, сейчас единственные, кто дает оценку моим пока что очень и очень кратким наброскам рассказов длиной в пару страниц – пара человек с курсов английского, на которые я ходил в школе, бывший одноклассник и несколько десятков комментаторов публичной страницы с мемами, где я периодически писал в комментариях отрывки рассказа об отряде штурмовиков со звездолета “Гневливый”, включая этих людей в ткань сюжета и процесс написания. Это было очень интересно, и с тех пор мне начало казаться, что художественная литература должна быть именно такой – интерактивной, более личной, ориентированной на как можно более узкую аудиторию, подобной письму, контекст которого будет зачастую непонятен постороннему человеку. В этом есть свои плюсы, удивительно преобразующие творчество и конечный результат – пишущему становятся доступны новые приемы, в том числе обращение к информации, известной конкретному человеку, отсылки к лишь им известным событиям, словам и фактам, выбороч-

ная демонстрация осведомленности о сторонах жизни читающего в художественной форме. Иными словами, писатель может действительно говорить с читателем, превращая произведение в эдакое пространное сообщение в соцсети, тем самым ломая “четвертую стену” так, как никакой Дэдпул бы не смог, что, должно быть, весьма интересно для читателя. Впрочем, я не знаю, как это выглядит со стороны читателя. В любом случае, пока что я только думаю о том, чтобы начать писать, а в мире вещей продолжаю расклеивать гребанные объявления.

Я плелся вдоль высокого и длинного дома, последнего по этой улице. Я видел его с жилой стороны, перебегая от подъезда к подъезду, теперь нужно было пройти обратно к автобусной остановке. С лицевой стороны дом был прекрасен: с кучей магазинчиков, кафе, парапетами и фигурными арками, с застекленными лоджиями и фасадом странной формы. Обожаю такие дома, они всегда рождают в голове всякие интересные сюжеты, а когда все это накладывается на подходящую музыку – мне не хватает только футуристического приложения на телефон, которое бы записывало мысли и образы со скоростью их думания. Они были достойны очень многого. Когда я их сочинял, я почти чувствовал, как великие зодчие литературы улыбаются мне с небес и роняют скупую слезу, которая все равно не долетает до земли, потому что сгорает в атмосфере, что не мешает мне чувствовать ее душой – чувствовать и надеяться, что смогу когда-нибудь

бросить эту чертову расклейку, эту каторжную работу, мою извечную кару, горбящую и убивающую меня день за днем, ради чего-то большего. Нет, забудем о том, что я украл деньги у того мужика и решил бросить эту подработку, так же как забудем о том, что она меня не горбит и не убивает, а, наоборот, поддерживает физическую форму. К чему портить драматичный момент? Так вот, однажды я продам достаточно книг, чтобы купить жилище в одном из таких вот домов для среднего класса. Да, я заработаю неплохие деньги и когда-нибудь выйду на балкон этого дома, в халате и с сигарой в зубах, и начну читать свое новое произведение толпе обескураженных зевак. “Смотрите, смотрите, это Артуро Бандини читает вслух! Что ты читаешь, о великий Бандини?”, “Его зовут вовсе не Бандини...”, “Это всего лишь аллюзия на персонажа романов его любимого писателя, идиот! Так мы чтим его память!”, “О, Дева Мария Гваделупская, да он ведь читает что-то из нового, неопубликованного... Скорее записывайте, глупцы, эта запись будет стоить миллионы!”, “Эй, это мой диктофон, смерд, а ну отдай!”, “Сам отдай, пес помойный, ты недостойн записывать слова великого”, “Смотрите, глядите, он уходит... Ах вы бестолочи низкоуровневые, вы расстроили писателя!” Потом я вернусь и швырну им листы с новой рукописью, и они будут вырывать их друг у друга из рук, пока от листов не останется ничего, и так и не узнают, что мудрый я предвидел такой исход и заранее издевательски напечатал на листах полную бессмыслицу, дабы обесмыс-

лить и их глупую жадность и фанатизм. Ну и все в таком духе. А на следующий день обо мне напишут в газете. “Великий писатель читает и швыряет рукопись из окна безумствующим поклонникам”. Весь утренний номер раскуплен подчистую уже к девяти утра, когда я еще сплю... Я все так ярко себе представил, что даже очнулся. И понял, что эта замечательная картина – там, в потенциальном будущем, а я? Я был тут, на остановке, ждал единственного автобуса, который шел в нужную сторону, чтобы потом выйти на конечной и сесть в еще один автобус, который доставит-таки меня домой. Ох, сколько же пьяных гопников нужно обокрасть, чтобы получить возможность бросать с этих балконов хоть что-нибудь? Настроение испортилось.

Настолько испортилось, что, выйдя на конечной, я решил сперва прогуляться вдоль берега канала и немного развеяться, не думая о писательстве и не строя никаких планов. Просто медленно иди по наклонившимся и выщербленным плитам берега, старик, вдыхай вечерний воздух и ни о чем не думай. У тебя всегда есть музыка и твой город. Не так уж и важно, станешь ли ты великим писателем, или великим расклейщиком, или великим грабителем – никто никогда не отберет у тебя твой разум, твои мысли и чувства. Ты – хозяин своей жизни. А жизнь... прекрасна! Разве ты не чувствуешь этого в воздухе, в уханье ночной птицы, в свежести почему-то еще не замерзшей воды, в скрипе снега под ногами, в каждом своем движении? Жизнь только началась, и ничто

тебя еще всерьез не беспокоит, в твоей жизни еще не было серьезных потрясений, все самые сильные моменты, как плохие, так и хорошие, еще впереди, а пока ты свободен от переживаний, ужасов, боли и печали, пока ты еще молод душой – наслаждайся этим.

Я остановился и взглянул в воду. В этом месте она была удивительно чистой. Это место – небольшой участок набережной, лестница прямо в воду, огороженная двумя высокими плитами и возвышающимися над ними деревьями, сейчас укутанными ветви в снег. Свет от фонарей, расставленных вдоль дорожки, еще долетал сюда, и отражения деревьев четко виднелись в воде, как будто они росли там – по ту сторону водной глади, в странном перевернутом мире, темном и удивительном. Я вдруг почувствовал дежавю. Когда-то я словно уже стоял в таком же или очень похожем месте... Или буду стоять... Я был словно другим человеком, по крайней мере, так оно ощущалось. Из глубин (да какие к черту глубины? Тут метра три, не больше!) вод доносился еле слышимый голос. Он звал меня к себе – приглашал сделать шаг, ступить в воду и оказаться в том месте, которое я только что представил, обещал, что оно реально, и что меня ждет удивительное приключение. Я видел свое отражение, и оно странным образом троилось, а потом... Я буквально на секунду увидел в воде очень много всего. Того, что происходит сейчас, Того, что еще должно произойти. Ту секунду, что я это помнил и понимал, мне было страшно, но вот уже я отступаю от воды,

совершенно не в состоянии сказать, что только что видел. Но шел назад, к остановке, с ощущением какой-то пустоты, образовавшейся внутри, будто какая-то часть меня все же вняла голосу из глубины и шагнула вперед. И теперь мне нужно эту пустоту заполнить чем-то еще. Чем-то, что я еще не до конца осознаю. Оно где-то близко, и уже скоро случится, но что это будет? Добро оно мне принесет или зло? Парень, спокойно, ты просто постоял у воды и тебе что-то там помешалось... Нет, не так, и я знаю это. Что-то изменилось сегодня, и мне даже страшно подумать о масштабе этих перемен.

Мне очень повезло – я почти не ждал своего автобуса, и доехал домой за двадцать минут, уже отчасти забыв о случившемся у канала. Мать была на ночном дежурстве, отец уже спал, так что я тихо вошел и устало сел на кухонный стул. В тарелке, накрытой миской, я обнаружил макароны с мясом, в который раз улыбнулся этой предусмотрительной заботе и за пару минут уничтожил все содержимое тарелки. Вытряхнул из рюкзака в мусорку все оставшиеся объявления, я даже поленился отправить отчет о сегодняшней расклейке. К черту, сегодня я рекламировал вас бесплатно. Каким-то образом мысли снова вернулись к писательству; раздеваясь, я обнаружил на голове кепи, купленное сегодня вечером. Со злобой я швырнул пижонскую вещицу на кресло. Ты на девятнадцать баксов отсрочила час моего триумфа, глупая шапка, ты наказана!

Я лег спать, и снились мне совершенно невероятные сюжеты, достойные авторучки лучшего прозаика на свете. Утром я их в муках забыл.

XVII. Видок 2. A vision everlasting

You see murder in disguise

The party's over, the host is dead

The great adventure's sick in bed

OSI – No Celebrations

В этот раз я решил взять тяжеловооруженного пешего рыцаря-копейщика – в узком пространстве при подходе к вражеской мельнице у него было преимущество перед болванами с мечами и булавами, которыми там особо не намашешься. Когда наш отряд снова добрался до этого злополучного места, я успел пронзить копьем троих пехотинцев и одного рыцаря, прежде чем какой-то ублюдок с ником “adolf1488” бесцеремонно попросил меня подержать пару стрел в животе. Ну ничего, я и не должен был дожить до конца этого штурма, моя задача была в том, чтобы расчистить путь остальному отряду. Я всегда выбирал самопожертвование вместо выживания – какой-то тревожащий рефлекс. И как эти макаки распорядились преимуществом, которое я предоставил им своей смертью? Они застряли в проходе, потеряли в суматохе еще двоих, а потом опять ломанулись в лоб, вместо того, чтобы под прикрытием стрел обойти опасное место по боковому проходу в одном из альковов. Разумеется, у выхода из коридора их уже ждали и утыкали

всех еще до того, как мои тупоголовые напарники поняли, что происходит. Хотелось бы мне верить, что все это были просто школьники или грудные младенцы, но чисто статистически...

– Вот почему я не люблю онлайн-игры – я сражаюсь против еврея, который подписан “адольф1488”. Было бы приятнее, если бы в мою игру не лезли глупые люди со своей ничтожной иронией и детской фантазией.

В спину мне уткнулся взгляд, полный равнодушия к любым играм, кроме тоба. Его обладатель, к тому же, вполне мог не понять, где в этой ситуации ирония. Впрочем, так лучше не думать – я слишком часто недооцениваю людей, и это мне слишком дорого обходится; именно с ним это происходит так: в плохом настроении я изредка начинаю нести умозрительную чепуху, приводить запутанные метафоры и так далее, он молчит и не реагирует, я потешаюсь над его простецкой недалекостью, а потом он парой фраз уничтожает все мои длинные речи – оказывается, он все понял, даже увидел, где я неправ, но ему неинтересно об этом говорить. После такого я всегда чувствую себя полным ничтожеством, ведь единственное, что мне в себе нравится (иногда) – мой ум – за несколько секунд оказывается удивительно простым, да еще и настолько скучным, что другие предпочитают притворное непонимание диалогу на странные ненужные темы. Возможно, я вообще самый тупой в мире человек, а остальные не дают мне этого увидеть из жалости, чтобы я не покон-

чил с собой, задохнувшись от их превосходства и собственной плачевности. Недалеко от этой мысли всегда тусуется мысль о фильме “Шоу Трумана”, а это уже паранойя, так что лучше даже не начинать. Лучше вообще заткнуться и играть.

– Слышь, харэ курить в комнате.

Я выпустил пару колечек дыма, представляя себя Гэндальфом (хотя скорее я был Бильбо), и помотал головой.

– Моя квартира, бро. Я хочу курить – я курю. Я хочу играть – я играю. Для этого и нужна своя квартира, смекаешь? Ничто не истинно, все дозволено...

– Мгу. Сигу бля затуши, ассасин. И набери Королю, спроси, что он нашел.

– Он сказал, что сам наберет. Хочешь звонить – звони, а у меня тут осада амбара.

– Кому нужна эта квартира больше, мне или тебе?

– Тебе. Потому что ты не сможешь летом жить в своей жопе мира – ты просто умрешь, пока доберешься до транспорта, тебя сгрызут комары размером с лошадь, ты рассоришься со всей семьей и будешь спать по шесть часов, потому что тебе хрен знает сколько добираться до... да куда угодно.

– А ты постоянно ноешь о том, что задушишь родителей, если будешь с ними жить.

– Знаешь что? Это больше всего нужно Королю, потому что, если он ничего не найдет, ему придется валить домой через полстраны, так что пусть сам звонит. Оооуу!

Я только что одним ударом алебарды разрубил сразу дво-

их – это было, конечно, не очень реалистично, зато смотрелось круто. Надо признать, в этом раунде моя команда собралась и накидала евреям европейских средневековых лещей – как будто все старшие братья разом отогнали от компов бестолковых молокососов и показали им, как нужно играть.

Магия это была или нет, но буквально через две минуты после того, как я решил ждать звонка от Вани, этот звонок поступил. Отличные новости – он действительно нашел квартиру, и мы договорились поехать посмотреть ее вечером.

* * *

Хата была улетной – в старом городе, три комнаты, везде аккуратная плитка, паркет, однотонные стены и потолки, кожаная мебель, все квадратно-прямоугольное и минималистичное – разве не кайф жить в таком месте? Меня даже не смущало то, что из нас троих больше всех платить буду я – половину стоимости аренды. Вообще, я сам предложил это чувакам, зная, что их психологический ценник пониже, но мне так не хотелось жить по соседству с коврами, задрипанной мебелью и обоями в ромбик, что мне было плевать на их постоянный комплекс неполноценности, который обострялся каждый раз, когда я платил за них. Можешь считать меня

мажором, плевать. Деньги человека не определяют.

Весь прикол был в том, что я вполне мог бы жить и в намного менее пафосном месте, без кожаных диванов, дубовых столов и джакузи. Иногда мне очень хотелось жить где-нибудь в тесной однушке на окраине города, в комнате-мансарде, в которую из троицы кровать-стол-шкаф влезли бы только два элемента. Или даже не в комнате на окраине, а в деревянном домике на огромной скале, возвышающейся над морем, так, чтобы брызги волн долетали до окон, а ветер трепал ставни. Но даже такое жильё все равно должно быть чистым и аккуратным, это самое главное. Если ты живешь во дворце, который с тобой делят тараканы, половицы наполовину оторваны, из окон дует, а кран в ванной протекает – это совсем не удовольствие, это какой-то мерзкий декаданс. И найти маленькую и без лишних понтов, но при этом и без таких небольших недостатков квартиру – почти невозможно. Да и к тому же, мне нельзя жить ни одному, ни с семьей. Семейные отношения у нас испортились еще до моего рождения, и, понятное дело, что чувствовать себя нормально в атмосфере постоянной ненависти, придирок и скандалов было невозможно – особенно с моей тягой к низменному образу жизни, осуждение которого было единственным, что хоть как-то объединяло моих родителей. С другой стороны, когда я жил один, это в итоге превращалось в марафон из запоев, трипов, разрушения себя и пространства вокруг, и однажды меня даже выставили из квартиры чуть ли не пинком, отка-

завшись вернуть залог и оставшуюся часть аренды за месяц, увидев, во что я превратил то место. Так что мне были необходимы люди, которые живут примерно так же, но сумеют вовремя меня остановить, когда я перейду черту. Поэтому мы и искали квартиру втроем – мне нужен был контроль, Дима хотел жить поближе к работе и учебе, у Вани заканчивался договор с хозяйкой, и ему нужно было новое жилье, чтобы не уехать обратно в провинцию.

Откуда лавэ? Ну, тут все прозаично – мой отец владеет несколькими строительными компаниями, а его отец, мой дед, занимался горной промышленностью. Когда дед отошел на тот свет, половину своих сбережений он оставил мне. Должно быть, думал, что это мотивирует меня самого всерьез взяться за учебу, заняться предпринимательством и так далее. Иногда мне было стыдно, что он так ошибся во мне, и я искренне надеялся, что он не видит откуда-нибудь с облачка, на что я на самом деле трачу его состояние. Разумеется, мать и отца, прежде воспитывавших меня в строгости, это дико возмущало, но со временем они почти привыкли, ведь у меня так и не развилась болезненная тяга к бессмысленной трате денег ради внимания окружающих и тому подобной чепухи – для этого я был слишком отколотым от общества человеком, и поэтому же не видел никакого резона в том, чтобы пытаться в это неприятное общество вписаться с помощью денег. Возможно, благодаря этому я не потерял друзей детства, что было нехуйской удачей.

После того, как все было обговорено и устный договор с хозяйкой заключен, мы втроем зашли в заведение с пloyками и до полуночи играли в мортал и фифу по очереди. Пока двое играли, третий курил кальян и комментировал игру (я), залипал в телефон (Ваня) или подходил к девчонкам, в четырех метрах от нас играющим в настолку (Дима). После того, как нам заявили, что мы нахрен прокурили всю комнату, Ваня на последнем метро отправился обратно к себе на съемную квартиру, а мы с Димой решили немного прогуляться до квартиры моих родителей, где мы устроили временное прибежище на время их отъезда по делам. После четырех литров пива на двоих (да благословит господь наш все ночники, да светятся их вывески во веки веков аминь) разговор, как иногда бывает, перешел в плоскость отношений, которые Дмитрий все никак не мог поймать за хвост в лице проносящихся мимо него девушек, а затем – тут начиналась моя сфера влияния – в плоскость любительской философии и мизантропического экзистенциализма.

– Окей, допустим, у вас там что-то получится. А дальше что?

– В смысле что? Все! Макс, Юля и Леха.

– Бля, только не говори, что это имена...

– Моих будущих детей, да.

– Нахуя мне это знать? Ты как тридцатилетняя телка с тройней. Зачем тебе это?

– Чтобы жизнь что-то значила, понимаешь? Чтобы пере-

дать дальше то, что я умею, то, что у меня есть. Макс будет футболистом, я его с трех лет отдам в секцию и сам буду заниматься дома с ним, Юляха будет отличницей и красивой, как я, а Леха... ну, он будет...

– Поэтом, например. Или рок-звездой.

– Рэп-звездой. Запишет фит со стареньким Эмом.

– Окей. Ну и скажи, что ты будешь делать, найдя себе жену и наплодив детей. Что дальше?

– Буду учить их жизни, сделаю из них таких же успешных людей, как и я!

– Кхах-хх... Ладно. А потом? Передашь знания и имущество, и что дальше? Будешь ждать внуков?

– Да хз, я так далеко не думаю, я же не ты.

– Я это все к тому, что твои дети – это не ты, и они не спасут тебя от смерти и от ощущения, что жизнь совершенно бессмысленна и пуста. Ты уже это понял, и оно никуда теперь не денется, сколько ни прячься.

– Охуенно ты полезный пирожок. С говном. И что делать?

– Да ничего. Ты слишком много паришься – о том, что о тебе думают, как ты выглядишь, что ты делаешь и говоришь, насколько смешны твои шутки и все такое. Эти запары по каждому поводу мешают тебе вдохнуть жизнь полной грудью и почувствовать, как кровь в твоих венах превращается в огонь, который питает осознание власти над своей судьбой.

– Ой сука, режим гуру активирован. Ты когда успел дунуть? И ладно бы сам так жил, но ты же еще больший нытик,

чем я, и паришься по жизни еще больше.

– А-а. Не всегда. Помнишь, я тебе уже объяснял, что в разное время у человека могут быть совершенно разные взгляды на жизнь? Иногда я недоволен всем, иногда я кайфую от того, что живу. Все это совмещается, понимаешь?

– Очередная фигня, которая работает только на словах, и ее нельзя проверить.

– Зачем мне врать?

– А я откуда знаю? Просто врешь, мб чтобы впечатлить, поднять самооценку, все такое.

– Лол, я тебя знаю хер знает сколько, мне похуй на твое мнение. Ну то есть не совсем похуй, но я могу перед тобой никем не притворяться и не париться о том, что ты подумаешь, потому что ты и так меня неплохо знаешь.

– Неплохо? Да как облупленного.

– Хуй там плавал!..

– Хуй там плавал! С тебя конфета! Вот видишь.

– Ладно, забей. Мне лень тебя переубеждать.

– Ну так и завали свое... О, тралик наш, погнали!

– Вали, я еще зайду кое-куда. К утру буду.

Когда спина Димаса скрылась за дверями последнего на сегодня троллейбуса, я остановился и задумался. На самом деле я пока не придумал, куда хочу пойти, просто резко захотелось погулять одному в наушниках, потому что в голове уже полчаса назойливо крутилась песня из нового ипишника Аффинажа, “Мира”. Я развернулся в сторону пивзавода

и, включив песню в плеере, медленно пошел вниз по улице,
тихо подпевая вокалу.

Было смешно
Потом замолчали
Одновременно
И ни единого слова
Словно замолкло
Все во вселенной
На улице лето сменилось зимой
За мгновение просто
Пока еще не замерзли с тобой
Всего одна просьба

Ты, ты только не танцуй с другими
Ты только не танцуй
Когда окажемся на снежной горке
Ты, ты только не танцуй с другими
Ты только не танцуй
Придумай отговорки

Я помню, как быстро
С лица исчезал
Легкий румянец
И губы бледнели
Один за другим приглашали на танец
И ты соглашалась
И снежная буря тебя уносила

Ты в снег превратилась
И снег позабыл
О чем так просил я

Ты, ты только не танцуй с другими
Ты только не танцуй
Когда окажемся на снежной горке
Ты, ты только не танцуй с другими
Ты только не танцуй
Придумай отговорки

У меня в моем колоссальном собрании музыки были песни, слушая которые, я словно проживал их, пропускал через себя, впитывая душой, и будто оживала внутри какая-то часть, хранящая память о том, что связано с этой песней. И вроде бы я не мог ассоциировать себя с героем той композиции, которую слушал сейчас, но вновь мне казалось, что это все было – но было где-то там, в другом мире, с другим мной, и в такие моменты грань между этими мирами истончалась, и сквозь нее проникали звуки, образы, воспоминания и ощущения, будто мой двойник шел рядом со мной, и я слышал эту его почти слезную мольбу к любимой девушке, покинувшей его, закрученной вихрем жизни, танцующей уже совсем с другими и совершенно забывшей о том обещании, которое у нее просил мой двойник с той стороны. Это были очень странные моменты, одновременно и непривыч-

но трогающие, и психоделические, но при этом в основном спокойные, несущие с собой или светлую грусть о чем-то хорошем, или вязкую, словно медленно капающая из глубокого пореза кровь, тоску по чему-то ушедшему. Ты в снег превратилась, и снег позабыл, о чем так просил я...

* * *

Наверное, самое опасное в жизни – это когда у тебя есть внутренний конфликт с собой. Конфликт ведет к дисгармонии, дисгармония – к противоречиям, противоречия – к сомнениям, сомнения – к страху, страх – к боли, боль – к ненависти, ненависть – к отчаянию. И уже отчаяние заковывает тебя в цепи обреченности. Обреченность – это абсолютное неверие в свою способность что-то изменить, и усталость, когда руки опускаются сами, а слова остаются произнесенными. Дисгармония – это нормальное состояние почти любого человека. Сомнения гложут очень многих. Все, вплоть до следующей ступени, обратимо и исправимо. Зарождение страха – это тот самый момент, который решает судьбу человека. Ты или сумеешь побороть свой страх и все же достигнуть гармонии с собой, очистив душу от всякого зла, или страх возьмет над тобой верх, и тогда ты начнешь бесконечный путь вниз, в темноту, откуда тебя уже не спасти. Именно

страх питает все последующие темные чувства, и, не избавившись от него, невозможно вернуться назад к свету. Даже если человеку помочь, спасти его от внутренних демонов – пока страх живет у него внутри, этот человек никогда не будет счастлив, а со страхом может справиться только он сам. Это как раз одна из тех битв, что мы принимаем в одиночестве – возможно, в этом и заключается ее смысл, в невозможности вмешательства извне. И я свой бой, похоже, проигрываю.

Я всегда верил, что одна из прекраснейших вещей в жизни – неистребимая вера человека в то, что он владеет своей судьбой. Это может быть правдой, может быть нашим заблуждением, но, когда мне плохо, я стараюсь думать, что еще могу что-то изменить к лучшему. Есть ощущение, что если я как следует соберусь с мыслями, то смогу убедить других, что мы можем решить наши с ними разногласия и проблемы, просто все очень подробно и честно обговорив, чтобы понять, наконец, друг друга, не натываясь на стены личного восприятия, что если я буду следовать своим решениям твердо и четко, то сделаю все, что мне нужно, чтобы моя жизнь стала такой, какой я вижу ее в своих мечтах, что если встречу кого-то особенного, то этот человек поможет мне увидеть мой путь в жизни, и я помогу ему тем же, и этот путь станет общим, что если я скажу или напишу что-то до боли честное и трепещущее, как вырванное из груди сердце, то меня поймут, даже не поняв моих слов, просто почувствовав

эту боль, искренность и готовность отдать себя и свою жизнь другим, поймут и примут мои убеждения на веру, что если буду продолжать и продолжать, идти за своей мечтой и верить в лучшее, то что-то неизбежно изменится: я увижу, как к ней прийти, за мной пойдут другие, все больше и больше, и вместе мы изменимся сами и изменим мир вокруг себя так, чтобы в нем не осталось того, что разделяло нас. Я верил, что все мы – одно целое, и в каждой частичке мира и в каждом человеке есть частичка меня, и наоборот.

Но что мы имеем? Я пишу письма, комментарии, заметки, речи, просто веду переписки с людьми, и каждый раз собираюсь с мыслями, и из-за этого трачу на все очень много времени, но каждый раз все выходит криво и совсем не так, как оно звучало в голове, не происходит никакой магии слов, и я путаюсь, заикаюсь и заговариваюсь. Большую часть жизни я трачу на то, что принимаю различные решения и строю планы на будущее, но все это тонет в лени, прокрастинации, обстоятельствах и обязанностях, и моя жизнь остается все в том же болоте, нисколько не приближаясь к образу из мечты. Я действительно встретил особенного человека и ненадолго увидел свой путь в свете, что он принес с собой, но наши пути разошлись после всего лишь нескольких шагов. Я сказал и написал очень много всего искреннего, каждый раз словно отрывая кусок души, но душа была прогнившей, а искренность и боль оказались ничем – рядом со всеобщим равнодушием, и мои слова просто пропадали, не восприня-

тые всерьез, непонятые, неслышанные, даже осмеянные – и, наконец, мне самому отвратительные и жалкие. Я все еще продолжаю идти за мечтой, но все чаще замечаю, что шагаю по кругу, переживая одни и те же события в цикле черных и темно-серых полос, словно кто-то наложил на меня заклинание, и моя жизнь будет повторяться в заданном отрезке, пока я... Что? Не пойму чего-то? Не расскажусь? Не сдамся?

Жизнь – это бесконечный поиск даже не ответов, а вопросов, которые нужно задать, чтобы суметь найти ответы, но проще ночью в темной комнате найти черную кошку, которой там нет, чем понять, что ты задал правильный вопрос. Да-да, это все ужасно скучно, но кроме этого ничего нет – если отбросить занудство, морализм и пафос, останется голая бессмысленность, на которую жутко смотреть, особенно – если она твоя.

Я пробовал и другой путь, не такой слащаво-наивный, как то, что описал выше. Саморазрушение, гедонизм, беспредельный эгоизм и погружение в забытие, все – с абсолютным равнодушием к своей жизни, здоровью и рассудку. Но это тоже не помогло. Чем глубже я погружаюсь, тем более пустым себя ощущаю, а приятные мерзости перестают приносить удовлетворение, и оставляют после себя только усталость и равнодушие.

Сегодня ночью, после прогулки под звуки “Не танцуй”, я обнаружил себя обдолбанным посреди чужого дома, на мне висела незнакомая и пьяная в дым девица, вокруг было очень

шумно и душно, и играла какая-то медленная отморозенная музыка; кто-то ловил трип на полу в коридоре, кто-то танцевал что-то странное на диване, за столом в одной из комнат трое сидели над бонгом, ванная была заперта, оттуда доносились любопытные анималистичные звуки. В микроволновке медленно крутился трупик курицы.

In cold light of morning while everyone is yawning

You're high

In the cold light of morning the party gets boring, you're high

As your skin starts to scratch and wave yesterday's action
goodbye

Forget past indiscretions

And stolen possessions

You're high

In the cold light

In the cold light of morning, while everyone's yawning

You're high

In the cold light of morning

You're drunk sick from whoring and high

Staring back from the mirrors

A face that you don't recognize

It's a loser, a sinner, a cock in a dildo's disguise

In the cold light

Tomorrow

Tomorrow

Tomorrow

As your skin starts to scratch

And wave yesterday's action goodbye

Forget past indiscretions

And stolen possessions

You're high

In the cold light of day

Tomorrow is only a kettle

Whistle

Whistle

Whistle

Whistle

Whistle

Whistle

Whistle

Whistle

Whistle

Away

In the cold light of day

Я подошел к столу, налил себе виски, на секунду поколебавшись перед пачкой сока, все же решил не разбавлять и выпил залпом, потом отлил в мойку на кухне, выпил еще и

швырнул стакан о стену – в происходившем вокруг безумии всем было плевать на это – а затем, скрутив приличный косяк, сунул его в зубы и повел девицу на балкон – доставить ее еле соображающее тело туда оказалось не очень просто. Через полчаса я, уже накуренный и голодный, вернулся в комнату и сожрал полторы остывшие пиццы, захватил с собой начатую бутылку вина и незаметно ушел.

Еще через несколько часов, перед самым рассветом, бледным и холодным, когда я уже немного отошел и протрезвел на холоде, то понял, что прошедшая ночь не вызвала у меня никаких эмоций и чувств, кроме чисто физических и инстинктивных. Внутри расстилалась пустыня, а дыра в груди все расширялась и расширялась, сколько бы дряни и приземленных удовольствий я туда ни запихивал. Тогда я понял, что следующим шагом будут, видимо, опиаты, и все же остановился. На опиаты у меня совершенно не было денег. Падать быстро – это так же тоскливо и пусто, как и медленно планировать.

А затем, в тот же предрассветный час, случилось кое-что, что я запомнил крепко и надолго, хоть и образами и отрывками – все подробности вспомнятся только в самом конце.

Я смотрел в пока еще темные воды пруда в парке, и эти воды говорили со мной, показывая мне вещи, ужасные вещи, невообразимые вещи, что вот-вот произойдут. Я и хотел бы оторваться от этого зрелища, но не мог, с извращенным любопытством наблюдая картины жуткого будущего, подходя

все ближе к воде, готовясь погрузиться в нее и принять этот кошмар в себя, глаза почти лопались от напряжения и обливались слезами, челюсть свело в судороге, а грудь словно залили свинцом, но я все равно подходил еще ближе, навсегда впитывая образы, что видел, проживая каждый месяц оттуда за секунду здесь, и я почти вошел в воду, когда первый луч утреннего солнца, не встретив на своем пути никаких преград, косо упал на гладь воды, развеяв ее темное наваждение и власть надо мной.

Через минут сорок я уже спал дома, но даже во сне мне не давало покоя то, что я увидел, и сквозь дрему я понимал, что полностью от этого уже не избавиться. И теперь нужно что-то сделать, чтобы остановить наступление того, что меня – и нас всех – ждало впереди, и должен сделать это я, один, потому что больше ни одна живая душа мне не поверит.

XXII. Аватар 2. Идея-фикс

Drug use I kicked it
Abuse I kicked it
I'm through I kicked it
I won't kill myself
Depression I kicked it
Suicide I kicked it
Telling lies I kicked it
I won't kill myself

Brian Welch – Save Me from Myself

– Я двое суток не еееел... Суток... Не еееееел...

– Да не дуры ты галавы.

– Тьфу.

– Вот шо я не могу понять – шо там все моргает и моргает?

Небо-то чистое.

– Будем тонуть – увидим. Говорю тебе, будем тонуть – увидим.

– Блядь, где телефон?!

– Да вот он у меня. Наливай, слышыш?

– Она дажэ не перезвонила, не перезвонила... А я просил: Катя, наберы мне, да. Думал, хоть позвонит, хай спасибо скажет. Мол, Вова, деньги пришли. Ни слова, ага.

– Да пошла она у жопу.

– Не, не пошла. Баба она хорошая.

– Так чаво тебе так хуево, Вовчык? Гниль, а не баба твоя Катька.

– За баб.

– За баб.

– О, глянть, ящо раз моргнуло. Шо нахуй за блеск странны?

– Да эта салюты, отвечаю.

– А чаго не гремит?

– А я почом знаю?

– Давай бычки на меткость кидать у таго пацана на лауке.

– А давай. Хуле он разлегся блядь?..

Над спинкой скамейки медленно показалась моя голова и недобро посмотрела на двух еще явно в детстве оставивших путь умственного развития и свернувших с него на тропинку разложения в токсинах деградантов скамейкой выше. Тлеющая в зубах сигарета, лохматая башка, искривленный в оскале рот и белки глаз с лопнувшими сосудами оказали нужное действие – алкашня поутихла, и еще несколько минут с их стороны не было слышно ни звука. Похоже, чтобы кого-то испугать, не нужно выглядеть мощно, достаточно выглядеть обдолбанным фриком с дергающимися руками и перекошенным ебальником. Это порой работает, потому что даже самый конченный даун понимает, что в замесе нужно опасаться не самого здорового, а самого отбитого.

Я лежал и смотрел на вспышки в небе, но мне было безразницы, что они такое. Я слушал и записывал треп старых пьяных полубомжей, хотя мне было плевать и на Катю, и на

телефон, и на их пузырь, в котором они топили свою уродливую бессмысленную жизнь. Я окончательно убедился, что алко – это не мое, лет в двадцать, когда испортил водкой вкус херовой тучи газировок и соков, и черт знает сколько посадил на дорогой вискаръ и коньяк, от которого несло тем же мерзким ароматом, что и от дешевого бырла, но так и не научился пить. Иногда я пил пиво – встречалось довольно неплохое, но его нужно было выпить слишком много, чтобы напиться. В какой-то момент жизни я подумал, что пить, когда существуют наркотики – это почти идиотизм, и канал только как бюджетный вариант, когда было не на что закуриться, ускориться или замедлиться.

Я лежал и слушал отвратительно тупой разговор компании малолетних долбоебов обоих полов, что пришли и сели на две самые верхние скамейки. Убогие сальные шутки, глупые истории, абсурдные диалоги, бутылки в рюкзаках, сигареты и отчетливее всего – отчаянное желание убедить себя в том, что они хорошо проводят время. Я часто замечал, когда люди так делали, и мне было их жалко, но еще более жалким я казался сам себе – высокомерный циничный придурок, который ненавидел всех и вся, и при этом такой трогательно несчастный. Мой собственный тонкий изломанный образ был мне до того отвратен, что хотелось свернуть эту глупую шею.

Смех разливался вокруг, но я все дальше уплывал в свои истории в голове, и уже слабо различал происходящее, и

лишь небольшая часть меня еще была на поверхности – замерла в ожидании, что телефон на животе вздрогнет и звякнет, объявляя ответ на очередное мое сообщение, которым я пытался добиться черт знает чего. Но телефон все молчал, и я все глубже погружался в жалость и презрение к себе. Зачем ты ждешь чего-то, несчастный ты придурок? Боже, прошло уже столько лет, и чем дальше, тем все становится безнадежнее, и ты сам уже понимаешь, что ничего у вас больше никогда не будет, а ты – безнадежный пожизненный пиздострадалец. Резонанс между циничным пониманием и наивной надеждой были до того противоречивы, что почти физически ощущались как разделение тела на половины. Противоречивость была такой неотъемлемой частью моей жизни, что я уже получал от нее своего рода кайф. Я все лежал, а в голове навязчиво играли попеременно два мотива: “Нахуй ты со своей проебанной жизнью нуужен” Быдлоцыкла и часть куплета одной из песен Эмптиселф. Эта группа была лучшим, что случалось с моим плейлистом за семь лет, и в каждом слове я находил себя, и от того, что подобное испытываю не я один, что подобные мысли посещают не только меня, было немного легче. Я напевал себе колыбельную со словами “Convinced of my reasoning – there is no place for me, where I belong... so this must be home”, терпеливо ждал всхлипа телефона, а потом устал сдувать с лица насекомых и уехал домой.

Уже подходя к своему подъезду, я заметил тощего серо-

го (наверное) кота на скамейке, который лежал тут пять часов назад, когда я вышел. Приглядевшись повнимательнее и убедившись, что он жив и просто спит, я разочарованно подумал, что кот, не двинувшись с места и, может быть, даже не открыв глаз, оказался там же, где и я, совершивший кучу бесполезных движений. Я быстро зашел в квартиру, не включая свет, раскидал по столу и полу ключи, сигареты и прочую мелочевку и, прорвавшись через невероятный бардак, рухнул поперек кровати. Последнее, что я успел подумать, прежде чем заснул, было “Еб твою мать, куда я качусь, надо что-то менять...”, а последним, что я услышал, было шипение какой-то мелодии в наушниках, которое я в полусне принял за шум дождя за окном.

Я проснулся через час, за окном действительно снова шел дождь, и мне открылась природа тех вспышек на небе – гроза, наконец, пришла в город.

Бессонница – это наихудший кошмар. Я не могу заснуть. Не знаю, зачем я об этом говорю, нужно просто отвлечься от лишних мыслей, но их слишком много, и они просто невыносимы. Бог проклял меня живой фантазией, и я часами лежу, стиснув зубы, пытаюсь заглушить голоса в голове и потушить видения перед глазами, но все бесполезно – тревога, страх, паранойя скупают мою душу изнутри. Мозг раскален и выстреливает тысячей образов и вопросов в секунду: “А что, если то, а что, если это?”, “Что я сделал не так?”, “Как мне жить с этим завтра, через неделю, еще год?”, “ПОЧЕМУ

БЛЯДЬ ВСЕ ТАК ХУЕВО?!” Последнее стучит в голове, рикошетя от стенок черепа, словно вот-вот разорвет его. Слова, которые я слышал и пытаюсь разгадать, что они значат, лица людей, окутанные туманом, глаза, которые не смотрят, не смотрят, НЕ СМОТРЯТ, четыре стены карцера, горящая под телом постель и каменная подушка, места, которые я ненавижу – места, в которых находился всю жизнь, призраки чьих-то прикосновений, чья нереальность жжет кожу огнем, гулкий хор смеющихся голосов – так рядом, но так далеко, канат над бездной, за который я держусь зубами, то, что было моим, а теперь стало принадлежать всем подряд по очереди, обязанности и ответственность, которые давят меня гигантским прессом, пустые страницы, изорванные страницы, поток людей – слишком быстрый поток слишком счастливых людей, моя искривленная в притворной улыбке рожа... Все одно и то же, каждый день одинаково сер и уныл. Наверное, это та самая миллион раз описанная зияющая пустота в груди, которую ничем не заполнить, что в нее ни запихивай. Я пытался запихнуть многое, но так и не сумел избавиться от этого чудовищного чувства голода, чувства, что ты потерял что-то невероятно важное, и не просто потерял, а потерял НАВСЕГДА, и даже память о том, что оно было, скоро померкнет. Вдруг я очень неожиданно задумался, какое из моих ушей оттопыривается сильнее, и уже буквально через минуту я, наконец, по-настоящему спал.

Проснулся я к полудню – совершенно не выспавшийся и

разбитый, более того – снедаемый ощущением того, что мне снова будет весь день нечем заняться.

Когда-то у меня была работа, и мне приходилось три-четыре раза в неделю просыпаться по будильнику, в спешке собираться и куда-то идти. Сейчас у меня тоже есть что-то вроде работы, но ее я могу делать в любой момент и не выходя из дома. Социопата внутри меня радовал такой расклад. Да, это было довольно приятно – понимать, что ты вообще никуда можешь не выходить из квартиры – работаешь дома, еду заказываешь с доставкой до порога, счета оплачиваешь через интернет, пакеты с мусором швыряешь на помойку прямо из окна – помойка в десяти метрах, и я почти всегда попадаю в мусорный бак. Разве что за очередной дозой приходится выбираться.

Семьи у тебя нет – или, скорее, тебя больше нет для твоей семьи, так что о визитах к родне по праздникам можно спокойно забыть, как и о тусах и прогулках с друзьями, которых у тебя тоже уже нет. Чем меньше в жизни людей, тем проще жизнь – я убеждался в этой теории все больше с каждым месяцем.

Иногда я все же выходил куда-то зачем-то, но каждая такая вылазка приносила не больше радости, чем бессонная ночь перед монитором – то есть, практически нисколько. Времена, когда меня мог взбодрить разговор со случайным прохожим, забавная сценка вроде танцующей подвыпившей старушки, случайное знакомство с прогуливающейся компа-

нией, минутный флирт с симпатичной кассиршей в магазине, посещение какого-нибудь очередного клуба по интересам, попадание в обезьянник за хулиганство, поход в бар или клуб, и прочее, давно прошли. И дело не только в людях – точно так же я перестал радоваться прогулкам по ночному городу с бутылкой пива или косяком и новой музыкой в наушниках, катанию на скейте по разбитому асфальту или гладкой велодорожке, покупкам странных и ненужных мелочей в магазинах, перестал писать стихи, лежа в сугробе, на траве или на крыше высотки, бросил бродить по памятным местам и открывать новые, больше не катался от конечной до конечной, глядя в окно и думая о планах на вечер, давно не сидел на ступеньках огромного совкового здания, всю ночь переписываясь с еще одним ночным человеком.

Все это было давно, так же давно оборвалось или перестало нравиться, а память о том, как это было, тускнела с каждым днем. Иногда я ловил себя на мысли о том, что в моем теле не осталось ни одной частицы, которая помнила бы то, что для кого угодно казалось бы пустяком, но для меня было важно; то, по чему я скучал как ни по чему другому – ведь организм полностью обновляется за семь лет, а прошло уже почти восемь с тех пор, как... А, ну нахуй. Мне двадцать пять – я прожил больше половины того, что людям вроде меня стоит жить.

На столе лежит бумажка. На бумажке стоит стакан. В стакане беснуется пойманный стаканом желтый мотылек. Это насекомое залетело ко мне в комнату сегодня утром, найдя брешь в сетке, предназначенной для того, чтобы предотвращать попадание подобных вещей в помещения, в которых обитают люди, которые не терпят насекомых. Я был как раз таким человеком – насекомых я просто ненавидел, в любом виде. Любых, даже самых безобидных. Я не боялся их, я ими просто брезговал – меня отвращал уже сам их вид, эти фасетчатые глаза, тонкие длинные лапки, крылья и прочее дерьмо, из которого состоят их мерзкие тела. Больше всего мне были мерзки пауки-сенокосцы, или как там называется эта круглая дрянь на длинных тонких ногах, что обычно сидит в подвалах, колодцах, щелях между кирпичами и так далее. В детстве я развлекался тем, что поджигал лапы этим мразям и наблюдал за тем, как они корчатся. Думаю, если бы кто-нибудь это увидел бы, он бы наверняка подумал, что я какой-то сумасшедший садист, но никто, к счастью, не видел этого и не допустил эту ошибку – садистом я вовсе не был, и мне не доставляло удовольствия наблюдать за мучениями насекомых, животных или людей. На самом деле я пацифист и добрый человек. Мне просто было приятно это делать – не

в смысле личного удовольствия, нет, я был рад тому, что в мире стало на одну мерзкую тварь меньше. Да, я проходил в школе биологию и знаю, что все живые организмы необходимы природе, и в биосистеме все связано, иначе ненужные виды просто вымерли бы, но я никак не мог принять мысль о том, что этому миру нужны существа наподобие комаров, медведок, мух или диких ос. Достоин ли такой мир существования, если это правда? В любом случае, пауков я сжигал, ос давил, муравейники заливал какой-нибудь дрянью, которая мне в моем детском воображении казалась ядовитой и смертельной. Возможно, человека она и убила бы – но это была бы смерть от отвращения, а не отравление. Мне тогда казалось, что я помогаю миру стать лучше. Сейчас я иногда тоже практиковал подобное, но уже чисто из любопытства и ради изучения поведения и строения тела насекомых.

Так вот, на столе лежала бумажка, на бумажке стоял стакан, в стакане бесновался мотылек. У меня было много свободного времени, и я игрался с насекомым – отдавливал краем стакана лапки, крылья, усики и прочие важные для мотылька части мотылька. С каждым разом, что насекомое теряло часть тела, оно вело себя все безумнее и безумнее – билось о края стакана так громко и сильно, что стакан от этого шатался, а звук постепенно заполнял все вокруг. Я продолжал забаву, мотылек продолжал существование, отчаянно цепляясь за свою непостижимую насекомую жизнь. Интересно, как много из текущей ситуации он осознавал? По-

нимал ли он, что его судьба уже решена? И вообще, мог ли он помыслить несколько часов назад, что, влезая в мелкую щель в сетке от насекомых, он подписывает себе смертный приговор? Было ли у него некое дурное предчувствие? Если и было, то он зря не прислушался к нему. Я много раз убеждался, что интуиция все же существует, но, к сожалению, почти всегда поступал ей наперекор, о чем впоследствии всегда жалел. Фактически, большинство моих проблем были следствием того, что я в какой-то момент не внял голосу, что шептал мне “не делай этого” или, наоборот, “сделай это”, а потом разгребал сложившиеся ситуации. Некоторые из них – долгие годы. Что ж, ошибка мотылька, хоть и будет стоить ему жизни, не причинит ему столько же боли, сколько мне причинили мои ошибки. Я избавлял его от возможности совершить такую ошибку, которая будет мучить его неделями и месяцами – я не помню, сколько живут мотыльки. Я творил чистейшее, небодяженное добро.

Насекомое билось о стакан все сильнее, и стол уже начал дрожать и трястись – с него попадали разные предметы и летела пыль, и вскоре мне показалось, что даже пол уже ходит ходуном, а с потолка осыпается штукатурка. Интересно, что я скажу соседям, когда они придут разбираться, что происходит в моей квартире? Как я объясню им, что проблема в мотыльке, который упрямо не желал прекращать продолжаться в пространстве и времени и переходить в состояние трупа мотылька? Придется ли мне показать им эту сце-

ну, чтобы они поверили, или в них не наберется достаточно доверия к ближнему, чтобы поверить мне без того, чтобы попытаться увидеть действие, что я опишу им на словах, своими глазами? Неужели в этих людях столько дерьма, что они не могут просто взять и поверить своему гребаному соседу, который уже так долго живет рядом с ними? Блядь, да что это за люди, что не способны доверять?! Достойны ли они жизни, с таким-то отношением к окружающим? Я никогда не смогу построить идеальный мир с подобными обитателями. Неужели все мои усилия по улучшению мира, наподобие того, что я сейчас делал с мотыльком, пропадут всуе, всего лишь из-за того, что какие-то мудаки не могут принять идею о безусловном доверии?! Может, мне стоило бы прямо сейчас пойти и пристрелить их нахуй, чтобы потом не возиться с ними, когда настанет время изменить мир и вступить в светлое будущее? Где мой гребаный шестизарядник?..

Я уже было рванул к тумбочке, где хранил пистолет, но тут тряска, созданная движением мотылька в стакане, достигла своего эпического апогея, граничащего с сюрреализмом – на меня упал шкаф. К счастью, шкаф был мягкий, и меня придавило несильно, но это все равно было обидно. Да, возможно, насчет пистолета я погорячился. Я все же дам этим людям шанс. Я лежал под шкафом, на содрогающемся полу, и представлял, просто представлял разные вещи, пока еще мог – с каждой секундой мозг заполнял этот ужасный грохот, что издавало тело мотылька, вновь и вновь бросающе-

гося на стенки стакана. Боже, как громко. Звук вскоре стал единственным, что я мог ощущать помимо дрожания пола, и эти две вещи стали тем, что составляло теперь мой мир – мир противостояния пойманному мной же мотыльку. Черт, какого хера трясется все, кроме стакана, почему этот ебливый кусок пластмассы не падает и не выпускает это чудовище наружу? Что не так с этим стаканом, неужели я каким-то неведомым мне образом нашел стакан, который блокирует демонических насекомых? Сомнений в том, что это насекомое было одержимо демоном, у меня не было. Возможно, в стакане до этого была соль, и теперь она образовала круг, за пределы которого насекомое не могло вырваться. Так я и лежал, трясясь и вспоминая, откуда в стакане могла взяться соль.

Вдруг у меня случилось озарение – мне нужно просто встать и выкинуть эту полудохлую демоническую пизду на улицу. Вместе с проклятым стаканом и бумажкой. Стол я, пожалуй, все же оставлю.

Но я не успел встать – грохот стакана и хлопанье крыльев насекомого окончательно затопили мое сознание. Конечно-сти начали биться в судорогах, глаза налились кровью и выкатились так сильно, что почти покинули глазницы, изо рта пошла пена. А потом я отрубился, еще успев удивиться, что не помню, как и чем закинулся сегодня утром.

Что было еще страннее этого маленького провала в памяти, в котором схоронилась марочка, или затаился грибочек, или закатилось колесико – я продолжал функционировать даже после того, как потерял сознание. Если, конечно, принимать разгуливание по улице в голом виде и с катаной в руках за функционирование. Видимо, кто-то из совестливых граждан вызвал легавых, те отобрали у меня катану (я бы ни за что не отдал меч и сражался бы, так что они, похоже, просто нагло вырубали меня) и вручили докторам. Впрочем, что-то из этого могло и не быть правдой, потому что у меня не было совершенно никаких сведений о том, что вооруженный стриптиз вообще имел место, как и бой с сотрудниками порядка правоохраны. Ничто на это не указывало, не было ни свидетелей, ни свидетельств, но я твердо верил, что так и было. Точно так же я был уверен в том, что наручники, которыми меня пристегнули к поручням койки, сделаны из картона. Легкий рывок руки, чтобы убедиться – и вот я снова замечательно прав, а наручники падают на пол, разорванные и пристыженные в своей жалкой целлюлозности, не могущей идти ни в какое сравнение с настоящими пластмассовыми наручниками. Игла, которая торчала острым концом у меня в руке, а другим – не знаю, как он выглядит, никогда не

представлял другой конец медицинской иглы; должно быть, он существует исключительно в плане метафизического – в капельнице с к-сожалению-не-опиатами-а-какой-то-внутривенной-нейролептической-хуебенью, все никак не кончалась, хотя я доставал ее из руки уже миллисекунды две так точно. Я чувствовал, как время проносится мимо, обжигая мне лицо и смыкая веки, а в волосах начинала пробиваться седина. К счастью, в какой-то момент в палату вошел человек в костюме и благополучно вышел из двери на противоположном конце палаты. Если бы не это, я даже не представляю, сколько еще бы провозился с этой бесконечной иглой – чтобы она не мешала мне творить свои темные дела, ее пришлось высунуть в окно – она и правда была длинной. Из соседней палаты вдруг раздался чей-то голос.

– Так, пидор, не вздумай мне тут снова философствовать. Иначе тебе никогда не...

Голос вдруг захлебнулся внезапной тишиной собственного отсутствия, так жирно и томно намекающей на то, что говоривший был задушен подушкой. Очень удачно, что он не договорил. Кончились те времена, когда за меня в моей голове могли говорить другие люди – теперь я заматерел и сам говорил в головах своих внутренних голосов. Это внушало мне восхищение собой.

И вдруг. Я снова у себя дома. За окном льет дождь, вновь приветствуя меня в сером мире реальности говна. Я лежу на полу в луже собственной рвоты и задыхаюсь. Ужасно болит в

груди. Глаза пересохли к херам – наверное, я долго не моргал, выпучив глаза в пустоту. Кто-нибудь знает, что самое хуевое во всей этой ситуации? Я знаю. Мне совершенно не хочется вставать и что-то делать. У меня нет ни сил, ни желания жить дальше, но нет и сил умереть – я просто устал, очень устал, как будто прожил уже миллион лет. Я лежал и вспоминал, сколько шансов в жизни я упустил, сколько всего потерял, как сумел опуститься до нынешнего уровня – пустой внутри, потерявшийся и абсолютно одинокий наркоман, у которого не осталось ничего стоящего в жизни, жалкий и разбитый на хренову кучу зловонных осколков, просто идеальный пример того, каким не должен быть человек. Мог ли я лет десять назад подумать, во что превращусь? Боже, как я был наивен и полон надежд. Я словно смотрел видеопленку со всей своей жизнью, и больше всего было видеть те редкие моменты счастья, что мне довелось пережить, я с ужасом чувствовал, что не достоин даже помнить их, словно это все было с совсем другим человеком, а потом появился кто-то еще, кто убил меня и занял мое место – та тварь, на которую я стараюсь не смотреть в зеркало. Все люди, которых я потерял, все возможности, которые проебал, все дни, которые прожил зря – вот оно, услужливая сука-память всегда готова их подсунуть, чтобы я снова и снова ненавидел себя. Что самое обидное – в том, как все в итоге сложилось, не виноват никто, кроме меня самого, так что я просто лежал и жалел себя, жалел о том, что родился на свет, лишь для то-

го, чтобы ненавидеть свою жизнь, и слезы сами собой лились соленой рекой из моих глаз. Какое же я ничтожество. Вот таким я на самом деле себя вижу – эгоцентричным, мерзким и бесполезным. Иногда все это остается где-то на заднем плане, а иногда, как сейчас, режет до боли, и я никак не могу этого вынести, размазываясь и расщепляясь внутри, до тех пор, пока очередная часть человека не лопается, не выдержав, оставляя все больше пустоты, которую тут же заполняет мрак – мрак чувства, которое я уже не могу описать. Знаю, это все отходос, и через некоторое время меня отпустит, и все снова вернется на привычный уровень убожества, но сейчас от этого не легче. Я хотел бы рассказать, как все это началось, но расскажу позже – сейчас я катаюсь по полу и кричу от боли, с которой из меня вырывается душа. Но, для затравки: все началось с темного омута, в котором я однажды заблудился.

XXIV. Чужой 2. Король ножей, повелитель мух

*По лунному свету блуждаю, посвистывая
Но только оглядываться мы не должны
Идет, идет, идет вслед за мной вышиной в
десять сажень*

*Добрейший князь, князь тишины
Добрейший князь, князь тишины
Наутилус Помпилиус – Князь тишины*

Люди не видят разумом, что ад такое есть, и кого дьяволом привыкли называть. Ад – не воронка в девять уровней, и сатана – не воплощенной злобы образ. Ад – не котлы и лава, не озеро во льду, и дьявол тоже вовсе не змея иль падший ангел. Ад – в ваших душах, в потаенных закоулках, скрывают что страшнейшие из мук вообразимых. И боль, страдания – все есть лишь внутри вас, а демон тот рогатый – просто-напросто вам данная свобода выбирать, в совокуплении с тяжестью последствий.

Но люди так боятся внутрь заглянуть, что из души извечно тащат в мир все злое. И оттого им счастья не снискать вовек, что сами себе служат судьями и палачами. А кто-то все же ходит между них – быть может, то всего лишь смутная идея, безумные порывы никак подобны ветру. Подкарм-

ливая пламя внутренней ожесточенной схватки сжимает руки, холодные, как лед, на воле и на горле, их разум вводит в заблуждение и селит в душах их смятение.

...И каждый вечер он, словно монах, подняв понурый взгляд к серому небу, угрюмо молит о прощении, о силах, чтобы новый день в отчаянии прожить необходимых. Но глухо небо каждый раз к этим мольбам, ему лишь отвечая всполохами молний, раскатом грома, дождем и снегом, что смешаются незримо со слезами на лице сего живого трупа. И жизнь порою кажется ему чредой из циклов агонии и временного облегчения, что за собой таит припадок новый, еще более томительный.

И вы воистину забавные создания, и так же весело нам с вашими играть сердцами. Вы рождены без цели и предназначенья, но вам дана способность чувствовать и мыслить, столь редкая меж всех живущих тварей. И что же вы? А вы всю свою краткую по меркам гроба жизнь предпочитаете расходовать на то, чтобы искать того, что вам начально не было дано, и чувствовать лишь боль, и думать лишь о ней. Неужто вам и правда не по силам смириться с той чертой, что вас прервет однажды под луной? И так ли на самом деле трудно жить без тех надуманных вещей, что вы зовете именами горьких чувств? Вы созданы для покорений, войн и торжества, и ради вкуса багровой крови на губах, ради убийств, насилия, вам приносящих исподволь блаженство, ради того, чтоб у других отнять, что им принадлежит, и сжечь дома,

убить детей и обесчестить женщин. Вам это мило, разве нет? Вы этим живы наконец от скуки. Вы звери, всех страшнейшие на свете. Вы живы яствами различными, с изыском, вы счастливы в хмелю, в дыму от трав, на пике наслаждения вы в совокуплении друг с другом. Кто же мне скажет, в чем я здесь не прав?

Так пусть я буду вам спасеньем, и с тем же – карой за надругательство над замыслом природы. Коль не желаете вкушать вам разрешенные улады, извечно порываетесь шагнуть за недостижимые для вас пороги, я заберу и первое, и ко второму подобраться не позволю. Вам мука такого наказания послужит впредь уроком о том, что в мире должен быть порядок заведенный. И ваши неисчислимые восстания против естественного хода жизни и судьбы лишь приближают вашу смерть как вида. Вам разум дан был для того, чтоб насладиться простыми лишь вещами. А раз вы его пользуете для столь ненатуральных целей, то будет он повернут против вас самих. Хоть поначалу эти новые миры вам будут мниться неземною негой, обман так сладок, что ни мысли о побеге. Не отличить от яви вам мои дары, однако наяву вы обратитесь в порчу, что медленно сжирает все вокруг, и не узнаете вовек ничего горше этой пытки, когда сознание с воплем будет отходить под звуки разрывающегося в муках сердца.

Здесь все, и нечего добавить. Я лишь в прелюдии к истории позволил взглянуть на все глазами “зла”, чтобы вас потом в сетях из заблуждений не неволить.

Я опустил взгляд от потолка. Так, обращение сделано, теперь можно вернуться к насущным делам. Самым важным из них было суметь прикрепить свою голову обратно к телу – как в старых играх, где ты управляешь персонажем от неподвижной камеры где-нибудь в углу комнаты, а само управление инвертировано. Через минут десять после того, как Ворон нырнул в портал, я все же сумел справиться с этим квестом и поставил башку на обрубок шеи. Теперь все довольно быстро срастется, надо только поддерживать рукой.

Трое были мертвы – лежали на полу в крови, все израненные, бедняги. А вот четвертого не хватало, и это было очень неприятным обстоятельством – он единственный из них, кто что-то понимал и даже мог помешать. Наверняка уже начал. В стене зияет червоточина, ведущая в Выворот, в одном из его отражений. Долго не раздумывая, я вошел.

В этот раз он был лесом. В том месте, где я вышел, на земле лежал телефон – наверное, его выронил четвертый. Так, собратъся. Что мне нужно? Я попал сюда намного быстрее, чем думал – большая удача, хоть и не в ту часть этого места, что мне больше всего нужна. Даже не пришлось охотиться за кровью этих мешков с мясом. Теперь... найти это гребаное озеро. Я найду озеро, убью хранителя, и кое-что подправлю, и тогда будет много веселья. Мы будем долго играть в разные веселые игры. Я буду играть, пока не заставлю одного из демиургов провести половину ритуала, а потом – я расскажу ему, кто виноват во всем, я расскажу ему, кто жизнь попор-

тил, кого надо винить, кого нужно наказать. Самое забавное, оба демиурга – неосознавшие. Авель что-то подозревает, а вот второй парень вообще не понимает, где находится, не понимает, кто он. Это же надо было так обнюхиваться в своем мире, чтобы не отличать реальность от сна. Хотя за это я судить не могу. Скоро у всех будет такая замечательная способность. И вот когда торчок на виду у Авеля принесет жертву огню – останется всего один шаг, а что самое главное – теперь на это вообще не уйдет несколько времени, и для разных любопытствующих личностей все случится просто в один миг. Время и пространство, детка! Блядь, это невыносимое чувство зловещего торжества темного наслаждения, будто ты подросток и остался дома один, наедине с баром отца, журналами с порнухой, и крепкими, как твой стояк, сигаретами. И тебя уже не остановить. Нужно только найти озеро. Хотя, смотрите-ка, похоже, отыскать его будет несложно – под землей словно пульсируют сквозь почву ручейки, питающие лес водами судеб. Я разрыл землю и добрался до одного из них – вода действительно темная и более густая, чем обычная, а на вкус... ну, как будто кто-то захуярил жидкое всесилье. Неплохо, тот тип с блокнотом не обманул.

Дальше все было просто. Я вышел к озеру, стал на середину, из глубины вылез хранитель и, не разобравшись, кто есть кто, начал бычить. Я выпил его досуха, и дремучие воды стали моими – вот так просто и быстро. Теперь я был волен делать с судьбами всех, кто в них попал, что захочу. Как

удачно, что все нужные мне люди в определенный момент упали в чашу озера и унесли на себе его метку. Что вообще такое эти дремучие воды? Это в каком-то смысле место, в каком-то смысле время. Люди, связанные друг с другом, имеют свойство однажды увидеть их в любом случайном озере, пруде, луже, реке, да хоть в капле воды в умывальнике. Когда человек их видит, ему открывается... кое-что, и жизнь его необратимо меняется. К худшему, разумеется. Но, что куда важнее, меняется кое-что у человека в голове, и одно из таких изменений – появление бреши, в которую с легкостью проникают потусторонние субъекты вроде меня. Сквозь глупые исполненные пафоса сюжеты, сквозь плоских персонажей, сквозь их глупость и банальность, сквозь финалы и новые начала – я пройду сквозь все, и тогда последняя дверь откроется. Он долго прятался за этими дверями и образами, каждый раз примеряя новую маску, но погубит его гордыня – гордыня человека, вообразившего, будто может творить и разрушать миры, и это никак на нем не отразится. Глупость человека, который смотрит в зеркало с уверенностью, что его отражение не может ему ничего сделать. Человека, который не понимает, что на самом деле такое эти отражения. Не видит в себе роковых изменений. Он расплывается на идеи и образы, не замечая, что расплывает свою суть, теряя целостность. Архитектор бродит по своей нелепой башне и даже не задумывается, что башня может рухнуть.

Где-то тут шлялся Ворон, но мне было лень искать его,

поэтому я просто сидел и наблюдал за червоточиной поверх того, что осталось от леса. Когда она закрылась, я победно рыгнул и повернулся обратно к своим новым владениям. Настало время взять красную ручку и внести некоторые правки в три домашние работы.

XXV. Архитектор. Сингулярность

– Патрик, почему вы держитесь за это странное название? Неужели так сложно выбрать другое?

– Если книга о том, как человек может умереть, то зачем менять название?

– А разве она об этом?

– Она только об этом.

Диалог в издательстве в доме номер 13

– Снова не могу заснуть. Уже который месяц это продолжается – я или физически отрубаясь, потому что не спал сутки или двое, или лежу как сейчас, глядя в потолок и беспомощно пытаюсь успокоиться. Перестать думать. Расслабиться. Закрыть глаза хоть на полчаса. Перестать говорить с людьми, которых тут нет. Нихрена не выходит, и в итоге я опять усну за час до будильника, а потом или весь день буду еще мертвее обычного, или все просплю к херам. Сны, когда я их запоминаю, не лучше – сплошь сюрреалистичные кошмары, в которых я постоянно умираю ну или хотя бы испытываю сильную боль. И ладно бы проблемы ограничивались только сном и усталостью, но они уже всерьез поселились в моей башке и чувствуют там себя как дома. Приступы паники и злости, срывы на случайных людях, постоянная паранойя насчет всего вокруг, провалы в памяти, галлюцинации,

физическая агрессия, состояния транса по несколько часов, фантомные боли, суицидальные порывы, сверхценные идеи и одержимости – блядь, да я просто парк развлечений для мозгоправа, и чем дальше, тем яснее я понимаю, что без помощи этих людей я уже не выберусь, да и с помощью, возможно, тоже. Вся проблема в том, насколько я становлюсь хитер, когда дело доходит до становления на путь истинный – я обедеду вокруг пальца и семью, и врачей, и себя самого, наебу так, что никто даже этого не поймет, лишь бы не сходиться с этой тропинки саморазрушения. У меня правда очень серьезные проблемы, и я правда не знаю, кто и как может мне помочь – и это бессилие и потерянности делают все еще страшнее. Мне кажется, у *** могло бы получиться – *** для меня, и ***, как иногда кажется, заставить сделать что угодно, будто управляя куклой. Но этот вариант очевидно недоступен – я слишком горд, чтобы просить помощи у тех, кто не хотел бы этого, и слишком ***, чтобы делиться этим грузом, так что я могу позволить себе только ***. Что тогда? Пробовать все сделать самому, вырвать каждый больной кусок с мясом, стараясь не задеть еще здоровые участки? Ничем хорошим это не закончится, прям уже вижу. Видимо, остается только с ужасом ждать, что произойдет дальше, но тут притаилась серьезная опасность: дальше может произойти что угодно, и я даже примерно не представляю границы этого “чего угодно”, при том, что если в итоге пострадаю от этого только я сам, то это будет еще наилучший расклад.

Кто знает, как быстро деградирует мой разум, не утратит ли он окончательно связь с реальностью, границы допустимого, моральные ориентиры, страх наказания, в конце концов? Я представляю, что мог бы подумать кто-нибудь, услышь он эту исповедь. На меня тут же бы настучали, обличая во мне террориста-смертника или что-то в этом роде. Здорово, что это слышишь только ты – молчаливая, принимающая все и несуществующая. Вот ты настоящая сказала бы, наверное, что я ее пугаю, и что мне нужно ***, или просто назвала бы все это ***. *** сказал бы, что я опять все выдумываю, и что все со мной в порядке. ***... Блядь, я даже представлять не хочу. Знаешь, ужасно так говорить, но иногда я жалею, что я не сирота – семейные узы ведь называют узами не просто так, они связывают тебя заботой и обязанностями перед семьей. Ты не можешь дать волю чувствам, не можешь пропасть куда-то бесследно, не можешь спалиться со всеми своими пороками, не можешь послать нахер все и катиться вниз еще быстрее, не можешь умереть, в конце концов. Я боюсь попасть в больницу с психическим диагнозом, потому что это *** кого-нибудь из ***. Я боюсь подсесть на тяжелые, потому что когда это вскроется, это *** ***. Я столько боюсь, потому что боюсь за ***, что это давит как пудовая гирия на груди, не дающая глубоко вдохнуть. Все это звучит пафосно и преувеличенно, правда? Ну какие могут быть у меня проблемы, ха-ха, это все фантазия, я так развлекаюсь, придумывая перед сном несуществующие симптомы и зави-

симости, ха-ха-ха, ведь это так весело – представлять, что ты в двадцать с хвостиком какой-нибудь наркоман, шизик и потенциальный труп в скором времени. Такой классный налет крутизны, все как у взрослых, крупные ставки, серьезные дела, большая жизнь, это в сто раз круче, чем в детстве играть в пиратов. Ух, аж дух захватывает. Господи, да когда же я, наконец, усну?! Ладно, надо успокоиться, иначе так и проваляюсь до утра. Давай просто поговорим, хорошо? Расскажи что-нибудь, что у тебя нового, как ты вообще? Ты так давно ничего не рассказывала, мы *** не обсуждали ***. Окей, давай я первый. Ел сегодня на завтрак ***, прикинь. С салатом. Не так уж и плохо, вполне съедобно, хотя еда из фаст-фудов и пицца все равно вкуснее. Часа два возился с hdmi-кабелем, пытался телик к компу подрубить. Прикол был в том, что на системнике над гнездом была какая-то алюминиевая ***, из-за которой, как оказалось, штекер не входил в разъем до конца, пришлось плоскогубцами разворотить эту хрень, тогда все заработало. Купил ***. Мне кажется, что кто-то на втором этаже в доме напротив наблюдает за мной, вчера полчаса пытался разглядеть в бинокль, кто это, но тогда его как раз и не было. Сегодня в первый раз за эти шесть дней отдыха закончился ром в шкафу, и вечер был трезвым – возможно, это было ошибкой. Когда выносил мусор, пытался погладить дворового кота – тот даже не подошел. Они все так же не доверяют мне, может, вокруг меня просто сильная аура ***, и они чувствуют ее. Кстати, мозг кошки всегда на-

ходится в диапазоне альфа-волн, ты знаешь? Никак не могу выкинуть из головы ту встречу со странным стариком, которая мне то ли приснилась, то ли... Да нет, это невозможно. Я просто увидел очень подробный и жутковатый сон, хотя иногда теперь ловлю себя на мысли, что уже не смогу выкинуть его из головы. Пытался посмотреть фильм вечером. Не получилось, попробую завтра. Скучал сегодня по *** ** и тому, как ***. По ***. Черт!

Челюсть свело в знакомой судороге, и я сел в постели, принявшись тереть глаза. Отлично поговорили. Надо пойти прогуляться – все равно уже час ночи, а просыпаться мне нужно в пять. Замечательно, значит, посплю в автобусе – и не нужно будет смотреть никакие фильмы или пялиться в окно, просто отрублюсь на двенадцать часов.

Зазвонил телефон, я снял трубку и ответил. Если честно, не помню, с кем говорил, да и о чем. Вообще ничего не помню, как будто затмение какое-то нашло на пару минут – а потом я кладу трубку. Вдруг захотелось прогуляться.

Я нацепил домашнюю майку со следами крови и кетчупа, а на спине носящую память о встрече с побелкой неделю назад, накинул на нее джинсовую рубашку, сунул ноги в шорты и, проверив по карманам ключи, карточку и телефон с наушниками, вышел из дома, заперев дверь на два оборота. Я постоянно говорил родственникам, что не имеет значения, на сколько оборотов ты закрыл дверь, потому что если ее захотят взломать – ее взломают, а они, как мне казалось, думали,

что, наткнувшись на второй оборот, грабители задумаются, уйдут и вообще исправятся и станут хорошими людьми. А теперь мне самому психологически легче, когда ключ в замке я повернул два раза. Меня это бесило, потому что я не мог найти этому спокойствию объяснения. Впрочем, я многому не мог найти объяснения, так что проще, наверное, смириться и не приумножать число раздражителей.

На улице было еще не безлюдно, как я люблю, когда полчаса идешь, и не встречаешь ни единого прохожего, лишь машины раз в пару минут проезжают мимо, когда можно включить музыку без наушников, можно залезть на крышу остановки, можно спокойно пить пиво. Кстати, о выпивке. Раз уж я все равно буду спать в автобусе, то сесть в него можно и пьяным, да и за эту неделю я уже привык к ночи быть в размазанном, пофигистическом состоянии – зачем нарушать традицию? Слово “традиция” мне кое-что напомнило, и я поморщился. Вот так это и работает: как ни старайся не думать о чем-то, рано или поздно из головы всплывает воспоминание, ассоциация, фантазия. Не знаю, как именно нужно забывать определенные вещи, но пока что я явно делаю это неправильно.

Пока что было еще тепло, и по икрам не бегали мурашки от ветра – замечательно, хоть погода не дерьмовая. Пока я стоял на остановке и выбирал, пойти пешком или подъехать, к тротуару причалил троллейбус, и мне стало так лениво, что я зашел внутрь и плюхнулся на заднее сиденье у окна. Все,

пора отбывать в мир музыки.

Diary of Dreams – одна из самых подходящих групп для меланхолии. Если Emptyself – это скорее разрыв души, музыка для вхождения в транс через боль, Lifehouse – саундтрек к светлой грусти, Аффинаж – естественная, почти природная печаль, НИМ хорошо заходил с тоской по потерянной любви, а Кертис пел для истерических припадков притворного веселья на грани с суицидом, то Дневник Снов был просто очень задумчивой музыкой, которую хочется слушать в моменты, когда душа не рвется наружу, не разбивается, а бессильно сидит в углу и смотрит в стену напротив, бросая в костер, на котором ты горишь, спички из рассказа про замерзшую девочку. Вот бы быть таким же экспертом хоть в чем-то полезном, а не в классификации грустной музыки. А теперь немного декодинга песни “Nevermore”, пока я еду.

Help me letting go
Help me holding on

Нужно сказать, что просьбы героя в этой песне весьма противоречивы. С одной стороны, он хочет отпустить ту, кому посвящает эти слова, с другой – нуждается в ее помощи, чтобы пройти через боль. Разве станет она помогать ему, если он ее отпустит? Она просто уйдет, навсегда, бесследно,

ведь этого она и хочет – пропасть из его жизни, и чтобы он пропал из ее. Если он отпустит, он упадет.

Guide me step by step

Все то же – он просит показать ему путь, который ведет к миру в душе, и провести по нему, ведь сам он не может этого сделать.

Kill me word by word
Break me bone by bone

А вот и саморазрушение. Ну почти – он скорее описывает то, что она и так делает, и тут читается, что ему это вовсе не нравится, это скорее такой фатализм отчаявшегося в стиле “плевать, продолжай, раз уж все равно это делаешь”.

Hurt me nevermore

Вот тут уже искренняя просьба. Ему больно, он видит источник боли в ней и просит прекратить, что бы она там ни

делала. Может, это у них такое стоп-слово?

Sing with me
Drink with me
Drown me in wine

Просит разделить с ним его хобби и сразу же – снова проглядывают следы тяги к саморазрушению. Он хочет умереть, захлебнувшись вином. Не самый худший вариант.

Sail with me
Fail with me
Help comes in time

Ну и как же он собирается отпустить ее, если столь много просит?

Lie with me
Cry with me
Tell me you're mine

Если она будет лгать ему, уверяя, что они вместе, и она

останется с ним, или просто давая какую-то надежду, то в итоге все закончится очень плохо, разве нет? В таких случаях нужно душить все на корню – выжечь так, чтобы было понятно навсегда, и не осталось ни единой иллюзии? С другой стороны, это просто его фантазии – да, он мечтал бы услышать от нее такое.

May it be perfect it still is a crime

Все просто – обвиняет ее в краже сердечка с его последующей порчей путем разбивания.

Heal me stitch by stitch
Fix me piece by piece
Hear me say your name
Help me if you can

Это уже мольба – он уверен, что только она может помочь ему, и шепчет ее имя по ночам, надеясь, что она отзовется и придет на помощь.

Adore me

Ignore me
Obey the divine

Снова мечты пополам с реальностью. У героя включается режим эпичности – он называет свои чувства святыми.

Conquer
Enslave me
To whisper your line

Немного мазохизма не повредит. Очень красиво.

Hurt me
And heal me
To save me in time
May it be perfect it still is a crime

Он хочет просто отклика, без разницы, какого – большей боли или спасения, хоть чего-то кроме безразличия, потому что оно больнее всего. Главное – чтобы это было направлено на него, осознанно, чтобы она думала о нем, когда делала это, чтобы оставаться в ее мыслях. Очень сильная и болезненная

песня, особенно таким голосом под такую музыку.

Еще пара песен и остановок, и я вышел. Дневник Снов почти полностью овладел моим разумом, и прошло какое-то время, прежде чем я заметил несколько странностей различной степени сюрреалистичности.

Странность первая: я стою посреди пустоши, усеянной руинами зданий и остовами еще дымящихся машин. В воздухе столько пыли, что при каждом вдохе она оседает слоем на зубах и языке.

Странность вторая: ни троллейбуса, ни остановки нет и в помине.

Странность третья: совсем рядом со мной, в пределах четкой видимости даже сквозь завесу пыли, идет перестрелка. Несколько промелькнувших лиц и прозвучавшее в одном из криков имя – точнее, прозвище – до ужаса знакомы. Твою ж налево, так тот старик мне не приснился?! Бог, множества реальностей, своя вселенная, второй рассказчик... Стоп.

Странность четвертая: а она тут что делает? Мое тело инстинктивно дергается, собираясь рвануть к Бетс и вытащить ее из этого безумия. А дальше все происходит покадрово.

Она оборачивается и замечает меня.

Прежде даже, чем тень узнавания промелькнет на лице, за ее спиной вскипает алый всполох, и оттуда кто-то появляется, его лицо хищно зависает над ее плечом – серые ледяные глаза, под левым в свете вспышки виднеется тонкий шрам, под правым – я знаю, что за слова там вытатуированы, и ужас

сковывает меня, не давая ни вздохнуть, ни моргнуть.

А ее лицо превращается в застывшую маску потрясения, чтобы через долю секунды исчезнуть в языках алого огня.

Мир застывает, и в голове остается только одна мысль: точка невозврата позади.

XXIV. Ворон 3. Чего найдешь первое

Нельзя сказать прозревшему: “Насмотрелся? А сейчас выколи себе глаза”.

Скиталец – самому себе

Как-то мне уже надоело за последние несколько часов терять сознание. В этот раз я еще и застрял в чем-то... Твою мать! Не просто застрял, меня почти утащили в землю какие-то черные скользкие корни. С трудом освободившись из их тисков, я отполз подальше, наблюдая, как пучок корней недовольно сворачивается и зарывается под землю.

Вокруг была новая локация – лес сменился болотом, топкая поверхность которого транслировала эпизоды из жизни каких-то людей. Так, что-то у меня нет желания тут задерживаться. Я терпеливо ждал на берегу островка, на котором пришел в себя, пока картинки на болоте сменялись другими. Ждал, ждал... И вот, наконец, увидел что-то знакомое – зал, в котором меня недавно убили. Отлично, то, что надо! Надеюсь, это работает именно так, как я думаю.

Не без замирания в груди я шагнул вперед, прямо в картинку. К счастью, я оказался прав, и это был портал, и через секунду мои пятки стукнулись о деревянный пол гостиной Аватара. Вот только ни его самого, ни Видока с Ловцом тут уже не было – как не было и каких-либо признаков того, что тут не так давно убили пятерых человек и вообще

происходили разборки с ножами и пистолетами. Ну, пока я разберусь, в чем тут дело, я потеряю время, так что нужно идти дальше. На выходе из дома я сразу понял, куда именно – в одном из соседних зданий, ниже по улице, происходила какая-то дьявольщина: воздух вокруг дома был багровым и плотным, в крышу били молнии, а в окнах мигал желтый цвет. Естественно, я тут же направился туда.

* * *

Так вот в чем дело. В лесу я видел приквел того кошмара, который уже случился в реальном мире, кошмара, истоки которого я наблюдаю сейчас. Я старался не думать, что еще совсем недавно мог как-то предотвратить это.

Потому что если мог – зря не предотвратил.

Это было похоже на групповое жертвоприношение. На полу лежали четыре изуродованных до неузнаваемости тела, весь зал был в крови, внутренностях и начертанных светящейся жидкостью символах – то ли сатанинских, то ли кабалистических. В потолке зияла такая же червоточина, что я видел в доме на холме, только эта была менее аккуратной, похожей на отверстие в гигантском внутреннем органе чудовища, сквозь которое что-то вырвалось наружу.

То, что вырвалось, сейчас склонилось над одним из трупов и жадно, с причмокиваниями и хрустом пожирало его.

Это был очень массивный, покрытый переливающейся черным чешуей антропоморфный силуэт – антропоморфный лишь в том смысле, что он имел характерное для человека строение. Однако помимо головы, ног и рук, нечто было укомплектовано крыльеобразными наростами на спине, хвостом и вытянутой крокодильей мордой, на которой находились три дополнительные пары глаз. Одна из пар была обращена назад, так что не оставалось никаких сомнений, что оно видело меня – впрочем, пока что никак не реагировало, не желая, видимо, прерывать свою трапезу.

Я старался не поддаваться панике и искал способ если не убить тварь каким-нибудь быстрым способом, то хотя бы выбраться из дома так, чтобы она меня не догнала. Как будто в ответ на мои мысли за спиной громко захлопнулась входная дверь – так в фильмах ужасов обычно захлопываются двери, которые уже нельзя открыть.

Тем временем монстр доел труп, медленно поднялся на ноги и повернулся ко мне. Хвост грузно скользил по полу, оставляя на нем след, расправленные за спиной кожистые крылья царапали потолок. В тот момент, когда мой взгляд встретился с восемью неистово вращающимися inferнальными торнадо в его буркалах, время замерло и подернулось инеем.

В воздухе материализовался еще один силуэт – на этот раз стопроцентно человеческий, только вот слишком прозрачный, чтобы можно было разглядеть какие-то определенные

черты. Он огляделся, сел на пол, вытянул ноги и закурил.

– Ну вот, ты опять за свое.

Обращался он явно ко мне, потому что смотрел прямо на меня.

– Да при чем тут ты, ты просто на пути. Я говорю с тем, кто стоит за тобой. Так что, старик, какого черта? Я думал, что с этим покончено еще тогда, когда ты куда-то там шел ночью по полю и смотрел на звезды. Потом – тогда, когда ты героически пропал в варп-воронке на асфальте. Хотя следовало догадаться. Никогда не было такого – и вот опять, как говорится. Давай обсудим кое-что, пока ты еще только начинаешь и не вошел во вкус, ладно?

Если этому человеку кто-то и отвечал, то я не слышал. Однако судя по тому, как внимательно вслушивался призрак в тишину, у него с этим проблем не было.

– О чем, как не о твоих мотивах? О том, зачем ты это все делаешь. Знаешь, сначала я думал, что ты просто балуешься, пробуешь себя в роли бога, так сказать, потом мне казалось, что ты хочешь выговориться, потом – что желаешь донести какое-то очень важное послание, превращая все действие в один большой шифр. Теперь же я думаю, что ты просто ебучий псих, который не совсем контролирует свои слова, мысли и действия, и ты хочешь вывернуться наизнанку, что-то этим кому-то доказав. Подумай вот о чем: то, что ты делаешь – преступление над совестью, надругательство над свободой воли. Ты вообще нормальный?

Очередная минута тишины, призрак все так же сидел и курил, качая головой.

– А чья тогда? У тебя есть свобода, есть выбор не делать этого. Но ты ненавидишь себя не зря – сам-то ты понимаешь, что ты действительно так плох, как себе кажешься, и это никакие не наговоры или самоедство. Давай я тебе немного расскажу о том, что тебя ожидает впереди. Буду краток. Ты думаешь, что потерял все, потерял смысл жить дальше, но – поверь – ты еще не знаешь, насколько больше можешь потерять. В конечном счете из-за своего безволия, ошибок восприятия реальности и наивности ты лишишься того, ради чего все это делаешь. Затем ты потеряешь последних людей, кого можешь считать друзьями. Потом ты потеряешь семью. После этого станешь пить по-настоящему, этого будет мало, и ты перейдешь на другие, более интересные вещи. Из-за этого лишишься работы и денег. Чуть позже – и дома. В самом конце, который не так уж и далеко, ты останешься совершенно один – и это будет уже не твоя пафосная поза в стиле “Я одинок, потому что мне некому открыть душу”, а одиночество в прямом смысле, в мире просто не будет человека, кто помнил бы о твоём существовании на дне жизни, ставшем существованием животного. А потом, как вишенка на торте, ты потеряешь надежду, даже тот тоненький луч света, который видишь сейчас. И ты будешь рад потерять и жизнь тоже, но будет уже поздно – ты потеряешь разум, который ты так обожаешь и которым восхищаешься, потеряешь

способность не то, что придумывать вселенные и создавать запутанные абстрактные концепции, ты даже слова в предложение не сможешь составить. Почувствуй эту перспективу. Это твое будущее, и оно совершенно реально, ты никуда от него не денешься, даже не пытайся принять это за бредящий голос в голове, нет, это абсолютная истина и совершенно точная модель твоей жизни. Уверен, ты не можешь осознать это, ведь люди так оптимистичны, а ты пока еще человек. Но скоро, уже довольно скоро, твой вечный кошмар претворится в жизнь, и ты умрешь после того, как красный шар столкнется с черным. Так что же ты делаешь? Пытаешься утащить кого-то с собой, просишь о помощи, ищешь ответ, учишь других, хочешь успеть разобраться в себе? Ничего не выйдет. Последняя глава твоих фантазий станет твоей предсмертной запиской.

Тишина. Я не знаю почему, но все, что сказал призрак, так сильно задело меня, что я не мог сделать и вдох, сердце сдавили тиски, а перед глазами все плыло.

– Знаю, что страшно. Я могу предложить тебе только один выход, и ты уже давно понимаешь, какой. Жизнь пуста и бессмысленна, жестока и холодна к нашим душевным порывам, и ей совершенно наплевать, как скоро мы из нее уйдем. Все заканчивается, и ты много раз пережил подобное, так неужели ты не готов для самого главного завершения? Я знаю, тебе надоело – сколько ни выплескивай боль и страх, непонимание и отчуждение, злобу и отчаяние, в тебе их меньше не

становится. Подумай над этим. Я поднимаю эту тему только один раз, сейчас, и до конца не скажу ни слова – решай все сам и, если хочешь, продолжай свою драму. Но помни, что у тебя еще есть выбор. Пока что.

И вдруг все пропало. Дом, монстр, призрак – все исчезло, и я оказался совершенно в другом месте – на распутье большой дороги. Передо мной лежат три пути, два из которых завалены камнями, а третий подобен дороге в ад – земля испещрена трещинами, из которых выплескивается лава и вырываются столбы дыма, небо в том направлении затянуто багровыми тучами, в глубине которых то и дело сверкают молнии. Очень похоже на то, что я опоздал, и они снова привели программу в действие, и моя роль опять не дотянула даже до середины нейромодели. Неужели это будет происходить в каждом цикле? Сучье племя, в этот раз я так вжился, что уже почти забыл, что я на работе.

Болезненно скрипнув зубами, я быстрым шагом двинулся прочь от катаклизма, судорожно набирая на клавиатуре старой раскладушки номер, который был бы не прочь забыть, как только выйду отсюда. Абонент не заставил себя ждать, и гудки почти сразу сменились напряженным молчанием, которое все равно звучало хрипло и устало. Я глубоко вздохнул и откашлялся.

– Я так понимаю, он опять это сделал, и все вот-вот начнется заново, и в этот раз как-то совсем просто. Чтоб вас там самих до четвертой отметки выкрутили, я же говорил – нех-

рен вводить сюда непроверенных тестеров, особенно с ушитой...

Голос на том конце фотонного провода сходу захлебнулся в отрицании и апелляциях к производственным инструкциям. Как неожиданно, никогда ведь такого не было, да? Обожаю эту плодотворную командную работу, когда несколько внедренных срут кирпичами в нейромодели, пытаюсь как-то вытащить из мозгов этого отбитого урода еще хоть частичку информации, а остальная гоп-компания попивает чай в штабе, важно кивая на все распоряжения сверху, ведь они все так замечательно контролируют, что могли бы сдать проект хоть сейчас, а все эти перезапуски – это так, интерфейс еще разок проверить. И пусть хоть кто-то посмеет посягнуть на мое право на сарказм. Я охренеть как уверен, что еще два-три погружения – и я навсегда останусь этим сраным преисполненным пафоса кладезем банальностей, бюджетным Гэндальфом на побегушках выкидывающего тошнотворно-избитые коленца сознания накачанного цифровой наркотой Горлума-имбецила.

– Ладно, парни, все равно наверх докладывать будете вы. Филин, скажи, как будете готовы меня возвращать. Мне нужно отдохнуть от этого дерьма хотя бы неделю...

XXV. Ловец 3. Дары с той стороны

– Может расскажешь, что особенного было в той истории?

– А разве ты сам не заметил? Она была слишком подробной для нашей простенькой игры. Слишком драматичной и размашистой.

– И что с того? Может, ему нравится придумывать такие истории?

– А почему тогда он делился ею так неохотно? Эх, совсем ты не понимаешь, как работает та сторона.

Разговор Ферзя и Дофина в спортивном зале

Я поморщился, потирая ушибленную задницу. В последнее время Видок относился к удобству во время переходов весьма и весьма безответственно. Наверное, потому что сам научился ориентироваться и группироваться перед выходом в пространство. А я? А я пошел нахер, конечно же. Хотя какой смысл жаловаться, если я сам на все это подписался? Путешествия по Вывороту и охота за межгалактическими (или какое слово тут лучше подобрать, может, межреальными?) маньяками не предполагали комфорт бизнес-класса и услуги вроде “все включено”. Порция загадок и мистических головоломок? Да. Стычки с очередным представителем стремной фауны (кстати, можно какого-нибудь мелкого в следую-

щий раз прихватить с собой, всякие уфологи с руками оторвут)? Да. Ловушки и засады? Снова да. Комфорт? Определенно нет.

– Я понимаю, чувак, тебе не повезло попасть сюда в двадцать четыре. Но я не верю, что уже в таком возрасте начинаются проблемы со счетом. С каких пор “на счет три” стало значить “на счет два”?

– Примерно с тех самых, когда “задержи их еще на минуту” стало сопровождаться трехминутной возней с архивами.

Вот же падла злопамятная, припомнил. Я бы посмотрел, как он справится с сотней-другой бумажных папок за минуту. А вот отстреливать волосатых амеб с луками любой дурак сможет.

– Очевидно, это была фигура речи. Ладно, проехали. Ты его чувствуешь?

Видок прикрыл глаза, и глазные яблоки под его веками задрожали. Вот уж неприятное зрелище, я до сих пор не смог привыкнуть. И как меня вообще угораздило? С тех пор, как все началось, прошло около года. Сложно следить за временем, когда надолго не задерживаешься в каком-то определенном. Учит относиться к таким вещами философски. А началось все сразу после той злополучной встречи в доме Аватара. Вместо того, чтобы умереть, как поступил бы любой благоразумный человек после трех ножевых ранений в живот, я пришел в себя в комнате, в чудовищной комнате, которая мне до сих пор снилась в кошмарах. На полу и сте-

нах были кровь и прочие жидкости тела, остатки человеческих внутренностей, сажа, слизь, тускло светящиеся символы – наверняка сатанинские. И во всем этом безумии нас было трое: я, Видок и Аватар. Вскоре мы обнаружили на полу записку, оставленную Вороном (по крайней мере, подписана она была именно так). В записке было сказано, что тот, с кем мы сражались в доме Аватара, провел один неприятный ритуал, и теперь наши судьбы отчасти в его руках. Ворон говорил, что озаботился проверкой наших оригинальных реальностей, и оказалось, что именно изначальные наши версии и попали под прямой контроль. Нам было необходимо – я все еще осмысливал значение слов “изначальные версии” – помешать ему при помощи одного из нас совершить еще один ритуал (похоже, этот тип был конкретно двинут по оккультной теме), найдя информацию о Вывороте, при помощи которого можно было бы отследить и убить врага. Ворон дал нам вводную информацию, а сам отправился “на другой цикл”, где собирался каким-то образом предотвратить то, что уже случилось. Надо сказать, все это не слишком-то убедило бы кого-то из нас, пока мы не обнаружили, что в этой реальности следов нашей жизни просто нет, и нам некуда возвращаться. Кроме Аватара, для кого этот мир был родным. Но он тоже, видимо, нашел какие-то причины для себя. Воспользовавшись сведениями, полученными от Ворона, мы нашли человека, который рассказал нам о Вывороте – странной изнанке реальности, вечно изменяющейся и непостоян-

ной, населенной самыми разными существами (в том числе и людьми). Из этого места в теории можно было попасть куда угодно – в любую из реальностей, если знать дорогу. Он показал нам место, где мы могли попасть в Выворот – воронку посреди высокогорного озера, и мы, ничтоже сумняшеся, прыгнули туда. Место оказалось еще более странным, чем я ожидал. За то время, что прошло с моего воскрешения и до сегодняшнего дня, я видел там многое, и о многом хотел бы забыть. Довольно скоро Выворот принял нас, и у нас проявились особые способности, что предсказывал в записке Ворон. В общем, если кратко, то я попал в фильм о супергероях с фэнтезийным уклоном.

Все шло неплохо, мы долго пытались выйти на след Чужого, пару раз нам это почти удавалось. Мы попадали в места, где он побывал, давно или недавно. Видок был чувствителен к остаточным следам воздействия на реальность, а Чужой оставлял много таких следов. В какой-то момент мы обнаружили, что планы нашего убийцы завязаны на чем-то под названием “багряные грезы”. Вскоре знание о том, что это такое, открылось нам, и это оказалось именно такое знание, которое приносит множество печалей. Видок, кажется, со временем начинал понимать все больше, но все реже делился с нами своими выводами. А совсем недавно куда-то пропал Аватар. Меня уже давно грызли сомнения на его счет. Ведь Ворон сказал, что в наших оригинальных реальностях мы – те версии нас, что находились там – попали под контроль

врага, но для Аватара родным был именно этот мир. Думаю, все думали об этом, но до исчезновения Аватара мы не решились высказывать опасения вслух. Но теперь они начинали подтверждаться.

Видок открыл глаза, закончив сканировать местность.

– Да, он здесь. Они оба здесь.

Меня пробрала дрожь. “Оба” могло значить только одно – Аватар и Чужой.

– Как думаешь, он уже превратился в марионетку?

– Думаю, он изначально был, но пытался сопротивляться.

– Так долго? И как ему это удавалось?

– Есть у меня одна догадка, но с ней можно обождать, пока не найдем их. Пошли.

Я поднялся с холодного камня и двинулся за Видоком. Похоже, мы приближались к своей цели. Мы приближались к свободе. Что будет, если у нас получится? Сможем ли мы вернуться в наши родные миры? И не натворили ли там дел наши оригиналы, подконтрольные Чужому? Эх, а я ведь так хотел написать, наконец, роман. Теперь, если выживу, придется писать фэнтези.

* * *

Мы стояли на перекрестке двух коридоров. Чужому нель-

зя было отказать в рациональности, с которой он подошел к выбору убежища – все это место сплошь состояло из коридоров, развилок и запертых комнат. Видок озирался по сторонам, пытаясь найти правильное направление.

– Братан, мы походу опоздали.

Черт, неужели Аватар мертв?

– Что ты видишь?

– Только одного, нашего невольного предателя. Похоже, он знает, что мы здесь, и ждет нас.

– Ловушка? А что, если он освободился и сам справился с этим поехавшим?

– Нет, уверен, что это все же ловушка. Чужой появится, и с двоими мы точно не справимся.

– И что теперь? Мы ведь не можем просто уйти.

Видок задумчиво потер переносицу. Он часто жаловался, что от “чистого зрения” глаза ужасно болят. Я мог его понять – моя способность поглощать материю в Выворот тоже шла в сопровождении максимально неприятных ощущений.

– Здесь есть еще что-то. В другой стороне убежища, видно очень плохо, будто помехи.

– Или он пытался спрятать это место.

– Наверное, так и есть. Это похоже на его личный проход, и, что еще важнее, список координат.

– Интересно. Думаешь глянуть, куда он наведывается в свободное время?

– Можно попробовать. Только не жди, что это будут лау-

нж-бары и стриптиз-клубы.

– Да уж куда там. Жерло вулкана, черное гетто, лекция по матану. Только вот...

– Что?

– Не хочется оставлять тут Авика.

– Не переживай, если он еще жив, значит нужен ему для чего-то. Убьем Чужого – освободим нашего торчка.

– Добро. Ну, двинули.

* * *

Личный портал Чужого оказался куда более удобным способом перемещения, чем телепортация Видока. К тому же, когда мой напарник увидел список координат, для перехода по которым использовался портал, его глаза загорелись, и он в спешке, пока настраивал переход, сообщил, что одно из этих мест – корневой мир человека, который играл ключевую роль для проведения ритуала с грезами. И если мы сможем к нему попасть и предупредить о том, что хочет сделать Чужой – это будет половина дела.

Я озирался по сторонам, пытаюсь понять, куда мы попали. Огромный зал, похожий на внутренности какого-то храма или собора. Пол из черно-белых плит, каждая площадью в десяток метров. Колоссальные колонны, на которых были

вырезаны затейливые узоры и сцены. Очень пафосное и эпическое место, похожее на зал для битвы с боссом в какой-нибудь игре в сеттинге темного фэнтези. Да, в последнее время все вокруг постоянно напоминало мне о фэнтези.

А еще здесь стоял тяжелый, тошнотворный, невыносимый запах разложения. Да и неудивительно, если принять во внимание тот факт, что по всему залу были разбросаны десятки гниющих трупов.

– Какого хера здесь случилось?

Видок только покачал головой, зажимая нос и рот. Я последовал его примеру, потому что чувствовал, что не смогу долго оставаться в сознании, если буду дышать этим воздухом.

Мы быстро обошли зал, вглядываясь в мертвые лица. Напротив одного из тел Видок остановился и прищурился. При жизни это был высокий человек с копной рыжих волос. На остатках его лица виднелись страшные шрамы, будто кто-то наспех сшивал физиономию.

– Это он?

Я уже с трудом сдерживал рвоту – запах был все же понемногу проникал в нос, и голова кружилась от сладко-гнилостной вони разложения.

Видок с сомнением покачал головой.

– Он, но не совсем. Не тот мир.

– Это как?

– Ошибка в кордах. Мы зря сюда пришли.

– Ошибка или... Твою ж мать!

Краем глаза я увидел, как в стене открылась червоточина перехода. Ну конечно, если бы он хотел действительно спрятать портал в своем убежище, он бы спрятал его так, чтобы мы ничего не увидели. Я попятился к стене, извлекая из ножен на спине кривой клинок – трофей, который я прихватил во время одной из вылазок в чужие миры. Если опять переводить все в плоскость фэнтези, артефактом его можно было назвать лишь с натяжкой – меч всего лишь был очень легким и невероятно прочным. Видок сместился за одну из колонн, доставая пистолет из-за пояса.

Из червоточины в зал шагнул высокий силуэт в балахоне. В этот раз он был без капюшона, и по его лицу змеилась самодовольная ухмылка. В руках Чужой держал серп на длинной цепи, с другой стороны которой был прикреплен шипастый шар. Я быстро оценил потенциал этого оружия и понял, что в этом бою нужно быть очень, очень осторожным. И это если он будет пользоваться только серпом, а ведь не факт, что у него не припасена какая-нибудь сверхъестественная способность. Если нам они доступны, почему бы и Чужому не владеть ими?

Видок на удачу выстрелил, целясь в противника, но тот продемонстрировал ту же пугающую скорость движений, которая позволила ему вырезать всех нас в прошлый раз – еще до того, как ствол выплюнул пулю, Чужой уже был в метре от ее траектории.

– Приглашаете меня на танец?

Да что у него за странный фетиш насчет танцев? Я прикидывал свои шансы, двигаясь полукругом от Чужого так, чтобы держать в поле зрения червоточину, которая еще не закрылась. Надеется справиться быстро? Или нам ждать еще гостей? Ох и не хотел бы я драться против Аватара.

– Приглашаем тебя нахуй. Что ты сделал с Аватаром?

Он неопределенно повел плечами, угрожающе взмахнув серпом. Длины цепи должно хватать не больше, чем на четыре метра. Нужно держаться от него дальше, чем в четырех метрах.

– Я бы предпочел, чтобы мы потанцевали в Вывороте, но сомневаюсь, что вы согласитесь переместиться туда добровольно.

Он остановился, покачивая серпом в паре сантиметров от мраморных плит. Мы с Видоком переглянулись, пытаюсь оценить наши шансы. Видок кивнул, и я медленно начал сближение.

– Надо сказать, что вы совершили ту же ошибку, что и я. Нужного вам человека здесь нет.

Он медленно отступал от меня, и серп волочился по плитам, заполняя зал скрежетом. Видок вздрогнул и оглянулся на труп со сшитым лицом.

– Ты убил его?

– И да, и нет. Мне кажется, ты уже все понял. Это не его корневой мир, а один из снов.

Что он несет? Я, конечно, помню, как Видок рассказывал о том, что любой из миров, в который мы можем попасть через Выворот, является сном, но я тогда не особо понял, что он имел в виду.

– Это не его настоящее тело?

– Bravo, ты тоже понял. Да, это лишь проекция его разума, местный божок. Я был очень разочарован, когда понял, что не могу отследить его корневой мир по координатам другой его сущности. Все, что я мог – убить их всех, и я сделал именно это.

Медленно перемещаясь по кругу, я подвел Чужого к стене зала. Сейчас можно попробовать – я подал Видоку условный сигнал для четвертого построения и приготовился к прыжку. В этот раз преимущество в скорости будет за мной. Попав в Выворот, я обнаружил, что обрел способность очень быстро перемещаться – вперед и по прямой, но действительно очень быстро и на почти не ограниченные расстояния. За доли секунды я мог преодолеть несколько десятков метров.

Видок резко вскинул пистолет и несколько раз выстрелил в направлении врага – так, чтобы ему оставалось уклониться, сместившись в сторону стены зала. Прежде, чем первая пуля преодолела даже половину расстояния, разделяющего Видока и Чужого, я сделал рывок вперед, выставив меч перед собой. Он сместится к стене – именно туда, куда я направлял удар. И я отделю его чертову голову от туловища. Но он, похоже, был готов к этому – за миг до того, как я оказал-

ся в нужной точке, Чужой, вместо того, чтобы сместиться в сторону, подпрыгнул, пропуская пули под собой, а еще через мгновение цепь его серпа уже свистела в воздухе, устремляясь ко мне. Я едва успел попасть по грузу на конце цепи, чтобы отбить ее – пробовать рассечь саму цепь я не рисковал. С громким звоном шипастый шар отлетел в сторону, но в воздухе уже сверкнуло лезвие серпа – Чужой резко сократил дистанцию, целясь мне в шею. Я пропустил лезвие над собой и нанес удар снизу вверх, пытаюсь рассечь врага от паха до плеча, но он блокировал удар натянутой цепью. Я отскочил назад. Он не стал меня преследовать и начал раскручивать цепь, но я отступил еще на два шага, чтобы оказаться вне радиуса поражения. Видок, незаметно переместившийся за колонну, снова выстрелил, но в этот раз Чужой отбил пулю серпом. Хоть не разрезал пополам, и на том спасибо. Через секунду в Видока полетел нож, но тот успел уклониться, и лезвие просвистело в каких-то миллиметрах от его лица.

– Я вижу, вы кое-чему научились. Похвально, но сможете ли вы сладить с моей зверушкой?

Я бросил взгляд в сторону червотчины – и застыл на месте, забыв о том, что нахожусь в центре схватки. Из портала протянулись два огромных кожистых крыла с когтистыми лапами, которыми тварь зацепилась за стены, пытаясь вытолкнуть себя наружу. Чужой взмахнул рукой, и червотчина расширилась в два раза, пропуская остальное тело “зверушки”. Чудовище шагнуло в зал, и внутри меня что-то дрог-

нуло. Оно было ростом под три метра, стояло на двух массивных задних лапах, а передними перебирало воздух, будто ощупывая пространство. Морда у него была похожа на морду крокодила, только глаз было восемь, как у паука. По полу за ним тащился тяжелый хвост. Тварь озиралась по сторонам, пока не остановила взгляд на Видоке. Черт, какая смышленная!

– В прошлый раз тебя прогнали, малыш, не дали пожить. Но сейчас тебя ждет настоящий пир.

Чужой вдруг оказался совсем рядом, и я едва успел парировать удар. Лезвия серпа и моего клинка столкнулись, издав неприятный лязг.

– Братан, сколько?

– Пять! Хотя бы пять!

Видоку понадобится пять секунд, чтобы подготовить проход в Выворот, в который эти двое за нами не сумеют пройти. Ох, надеюсь, у него-то с оценкой времени было все в порядке, и он имел в виду ровно пять секунд.

Несколько минут пролетели почти мгновенно – я отбивался от Чужого и крылатого крокодила, Видок пытался пять секунд держаться вне боя, но ему мешали. Тварь оказалась не такой быстрой, как ее хозяин, но ее размеры давали ей преимущество, и нам то и дело приходилось исполнять чудеса акробатики, чтобы разминуться с ударом хвоста или лапы, чтобы не быть перекушенными огромной плоской пастью. Чужой не стоял в стороне, и дважды я чуть не попал в объ-

ятия его цепи, но один раз успел уклониться, и еще раз меня спас Видок, метнувший нож Чужого в центр цепи, изменив направление ее полета. Было очевидно, что бой нам не выиграть. Крокодил задел Видока хвостом по ноге, Чужой рассек мне предплечье серпом. Мне не удавалось поймать его, а в коротких схватках в ближнем бою он демонстрировал превосходящую ловкость и нечеловеческую силу, и мне приходилось отступать. Видок всадил уже, наверное, целую обойму в крокодила, но тому все было нипочем. Под высокими сводами зала раздавался лязг стали, плевки огнестрела, воздух пронзали наши вскрики и рык монстра. Я понял, что оставался единственный шанс – рискнуть и дать Видоку время для создания прохода. Я ждал, пока Чужой и чудовище не окажутся в максимально удобном для меня положении. Уклонения, отскоки и перекаты, выпады и свист цепи в воздухе. Влево, вперед, рывок, удар, вправо, вперед, ложный выпад, отскок, рывок, удар, влево, влево, блок, отскок. Пригнуться, уклониться от хвоста, отбить цепь. Влево, назад, влево, перекат, рывок, выпад, блок, удар, удар, блок, отскок. Мне казалось, что это продолжалось целую вечность, но вот, наконец, Чужой сместился вправо. Сейчас!

– В лобовую!

Я не видел Видока, но знал, что он меня понял. Этот сигнал-обманка значил одно: начинай создавать портал. Чужой бросил взгляд на Видока, ожидая от него перехода в ближний бой, и я воспользовался этим, сделав ложный выпад. Он,

разумеется, успел среагировать и понять, что выпад ложный, начав собственную контратаку. Цепь засвистела совсем рядом, но я уже был в воздухе, пропуская ее под собой, и вместо меня она поймала колонну за моей спиной, обвилась вокруг нее, сделав полный оборот под весом груза. Все еще находясь в воздухе, я бросил клинок вертикально вниз, вложив в это все силы, и он, пройдя в одно из звеньев цепи, воткнулся в тонкий зазор между плитами. Цепь рвануло вниз, прибывая к мраморному полу, а Чужого рвануло вперед, ко мне. Прежде, чем он успел что-то сделать, я в падении со всей силы пнул его ногой в лицо, и он отлетел на несколько метров. Я перекатился и бросил взгляд влево – тварь надвигалась на Видока. Три секунды. Я оказался за спиной у чудовища и коснулся его чешуйчатой шкуры. Оно остановилось и взвыло, поглощаемое куда-то далеко в Выворот. Две секунды. Я заметил, как Чужой встал и нашел меня взглядом – его глаза сейчас выражали чистую, незамутненную ненависть. одна секунда. Еще одна секунда, и мы с Видоком отсюда...

Серп воткнулся мне в спину, пронзая позвоночник и разрывая плоть и кожу по мере того, как Чужой тянул лезвие вниз.

Я еще успел услышать крик Видока, уже исчезающего в воронке портала. Я успел поглотить монстра целиком, заперев его в Вывороте – возможно, даже хозяин не сумеет его найти там. Я успел увидеть, как злоба исказила страшное лицо Чужого, провожающего взглядом Видока, знающего, что

остановить переход он не может. Я успел пожалеть, что в этот раз я уже наверняка не воскресну. Я успел подумать, что определенно, уже совершенно точно не напишу великий роман, который изменит людей. Сколько же я всего не сделал, сколько всего не успел! Сожаление остро кольнуло меня в эту последнюю секунду. Где-то жил другой я, в моем родном мире, в плену у моего убийцы, и глупо было бы рассчитывать на хороший исход даже для этого меня, но я все же надеялся, что у него все будет нормально. Потому что для меня – для меня все уже закончилось.

XXV. Видок 3. Кости под гусеницами танка

Мне кажется, что у человека все же есть судьба. Может, не у каждого, но вот на некоторых глянешь – и как будто видишь историю, видишь ее развязку. И почему-то почти всегда это печальная развязка.

Игорь Гробов, отрывок из интервью

– Сука, сука, сука! Я тебя прикончу, гребаная тварь, я тебя освежую, сука...

Вряд ли кто-то мог слышать меня в коридоре перехода между реальностями. Даже тот, кому эти слова предназначались. Этот уебок убил Ловца. Он захватил Авика. Он погрузил меня в свои сраные дремучие воды в моем родном мире. Скольких еще он убьет или закабалит, превратит в своих рабов, прежде чем добьется своей цели? Этой гниде плевать. Он не остановится, хоть бы ему пришлось извести весь мир. Он уже не человек, он слишком далеко за гранью нормальности.

И что мне теперь делать? Я не сумел выйти на Архитектора, потерял Ловца. Не знаю, жив ли Ворон – от него давно нет вестей. Неужели я один, совсем один? Как мне в одиночку остановить этого маньяка? У меня была одна идея. Ну,

хоть что-то есть – уже неплохо. По координатам из убежища Чужого я могу отследить Архитектора в двух плоскостях из трех. В той, откуда я только что сбежал, он уже мертв. Еще одна, по словам Чужого, недоступна. Верить ему не стоит, но я действительно не мог почувствовать третий источник. А вот второй сигнал был ясен и стабилен – он вел обратно, в ту сраную реальность, куда я год назад попал после вспышки молнии. В мир Аватара. Я чувствовал, что между Авой и мой целью есть какая-то связь, но пока не мог уловить ее природу.

Когда я находился в коридоре перехода, мои способности предвидения многократно усиливались. Я четко видел, где этот человек будет через два часа. Значит, мне именно туда, и было бы очень здорово, если бы за мной не явился Чужой. Вряд ли он сможет быстро найти меня, если я попаду в случайное место. Я его убью, но не сейчас, сейчас самое главное – не подпустить его к Архитектору.

Я вышел из портала, оказавшись на оживленной улице, на разделительной зоне прямо посреди проезжей части, напротив троллейбусной остановки. К счастью, вход и выход из Выворота сами маскируют себя, и водителям, как и всем, кто меня увидит, покажется, что я дорожный рабочий или вроде того.

Рядом со мной на асфальт упал меч Ловца, издевательски звякнув. Друга я не перенес, а его меч, которым он отвлек Чужого и дал мне время для создания портала, отчего-то за-

цепил. Какая блядская ирония.

Я сел на асфальт, следя за тем, что происходит вокруг, периодически закрывая глаза и проверяя временные линии Архитектора. Ничего не изменилось, он должен оказаться здесь. Значит, мне остается ждать и надеяться, что меня не побеспокоят.

Конечно же, такие надежды никогда не сбываются. Всего через десять минут я ощутил, как ко мне кто-то приближается, перемещаясь короткими скачками в пространстве. Я мысленно застонал. Твою мать, на мне такой же датчик слежения, что был на нем, когда мы с Ловцом отследили его до убежища. И теперь он вернул долг. Я потерял сегодня одного друга, неужели мне придется убить другого?

Он возник в десятке метров от меня, как всегда – во всполохе алого пламени. Пожалуй, из всех троих ему достались самые пригодные для боя способности. Аватар молча смотрел на меня, скрестив руки на груди, будто что-то взвешивая. А затем, словно решив что-то для себя окончательно, переступив внутреннюю черту, медленно двинулся в мою сторону.

* * *

– Какого хрена ты делаешь, Авик? Ты забыл, через что мы

вместе прошли?

Он вновь переместится – я видел куда, и отскочил в сторону, не пытаясь поймать его на меч. Всполох пламени – он оказался ровно там, где я его увидел, после чего атаковал огненным шаром, но меня там уже не было. Долго ли я смогу уклоняться, не вступая в бой?

– Ты забыл, что он со всеми нами сделал? Он убил Ловца!

Аватар остановился – то ли его все же задели мои слова, то ли он думал, как обойти мое предвидение. Его лицо ничего не выражало, а глаза были еще холоднее, чем обычно.

– Мне нечего тебе сказать. Все это не имеет значения.

Он извлек из ножен на поясе свою гребаную катану. Собирается перейти в ближний бой, думает, что это повысит его шансы? Самое неприятное, что он не слишком ошибался. Каждый из нас получил по две способности, одна из которых была связана с перемещением в пространстве. Я мог открывать переходы в Выворот и из него, Ловец – почти мгновенно перемещался по прямой траектории неограниченное число раз подряд без какой-либо задержки по времени, а Аватар умел мгновенно перемещаться в любом направлении на короткие расстояния вплоть до пары десятков метров. Однако существовала задержка в несколько секунд, прежде чем он смог бы переместиться снова. От одной до семи секунд, в зависимости от расстояния, пройденного во время предыдущего перемещения. И этих секунд как раз хватало, чтобы я успел увидеть следующую точку его телепортации и сре-

агировать. В ближнем бою шансов в него будет больше. Я не уверен, что смогу одновременно и парировать его удары катаной, и блокировать его правую руку, чтобы не попасть под какую-нибудь огненную атаку. Я много раз видел, как он дерется, и это всегда было впечатляющее и немного жуткое зрелище.

– Что значит “не имеет значения”? Он промыл тебе мозги, опомнись!

– Ты слишком много болтаешь.

Он резко рванул в мою сторону, держа катану в опущенной руке, а второй рукой... Я выстрелил прежде, чем он успел начертить в воздухе формулу, но Аватар не останавливался, и мне пришлось встретить удар катаны мечом Ловца. Сталь зазвенела, я пнул его в ногу и отпрыгнул. Одно радует – сверхчеловеческих рефлексов, как у Чужого, у него нет.

– Давай, расскажи мне, что он тебе наплел. Может, я тоже оценю и встану на вашу сторону.

Он снова остановился и с любопытством взглянул мне в глаза – неужели не уловил сарказма? Старик, что с тобой случилось...

– Этот мир – тюрьма. Ты знаешь, что сделал тот, кого ты хочешь защитить?

Я в ответ только покачал головой, параллельно с этим проверяя временные линии этого “кого-то”. Все как и прежде, через полтора часа будет здесь.

– Вся наша жизнь – его шутка. Это его развлечение, за-

ставлять людей проживать истории, которые он выдумывает. Все страдания, вся боль – это его вина, и это никак не исправить, это не прекратить, даже если убить его тело в этом мире – он все равно на один уровень реальности, на один виток спирали выше. Есть только один способ: провести ритуал и освободиться.

– Какой к черту ритуал? И как весь мир может быть чьей-то выдумкой? Хочешь сказать, что все это – нереально?

– Ты не понимаешь. Это материально, но ты – это не ты, а я – это не я. Мы просто играем свои роли, думая, будто обладаем личностями. Ритуал создаст лучший мир, где все будут счастливы, это освободит нас от его власти.

– Мне кажется, это ты попал под чью-то власть. Ты такую херню сейчас несешь, даже обдолбанный ты такое не втирал. Остановись, прошу тебя.

– Я так и думал, что ты соврал. Что ж, по крайней мере, ты будешь знать, что умер не напрасно.

Его лицо вновь стало непроницаемым, и через секунду мне пришлось отражать очередную серию атак. В этот раз он успел начертить формулу, и только каким-то чудом я смог увернуться от огненной плети, лизнувшей воздух совсем рядом. Я снова увеличил дистанцию, чтобы лучше видеть его намерения.

– Похоже, мне ничего не остается, кроме как убить тебя, братан.

– Ты так уверен, что сможешь это сделать? Давай посмот-

рим!

В нем вдруг проснулся какой-то боевой запал, и атаки посыпались на меня с новой силой. Теперь я уже не смог бы только защищаться, но я оставил эту идею. Похоже, единственное, что я прямо сейчас могу сделать, чтобы спасти всех – выжить самому и убить Аватара. Если получится – вырубить, но я не строил иллюзий.

Бой продолжался, и все вокруг нас постепенно рушилось под его огненными атаками. Проезжая часть и тротуар уже давно опустели – похоже, люди либо сами смекнули, что сейчас не лучшее время, чтобы прогуливаться по этой улице, или это был какой-то из маскирующих эффектов его способности. Если честно, мне было плевать, почему, я мог только порадоваться, что никто посторонний не пострадает от действий Аватара. Клинки звенели, сталкиваясь, серии ударов сменялись выпадами, прыжками, уворотами и блоками, яростное нападение переходило в глухую оборону, периодически мой противник исчезал и появлялся в другом месте, пытаюсь найти брешь в моем зрении. Огненные плети лизали асфальт, шары валили фонарные столбы и врезались в нижние этажи зданий, я изредка стрелял – прицельно и навскидку, стараясь экономить патроны. И казалось, что конца этому противостоянию не будет.

Они появились словно из ниоткуда – с десятков человек, внезапно возникших в облаке пыли и смога, созданном последним ударом Аватара. Я увидел остов одной из машин, что были припаркованы у дороги – единственное место, где можно было укрыться от огромного огненного шара, почти метеорита, и спрятался за этим остовом. Выглянув наружу, я понял, что других мест действительно не было. Картина была совершенно апокалиптическая: здания, лежащие в руинах, обломки валяются по всей улице, горят останки автомобилей, на сотню метров вокруг все выжжено, взорвано, уничтожено. Воздух почти непригоден для дыхания. И странные силуэты, передвигающиеся в боевом построении сквозь все это. На них были бронежилеты и каски, лица скрыты за масками. Вооружены серьезно – помповые дробовики, автоматические винтовки. Возможно, наш бой все же был замечен людьми – еще бы, с такими-то разрушениями – и сюда прислали армию?

Я видел, что уже скоро здесь должен появиться Архитектор. Это было странно – что может его сюда привести сейчас, когда это место превратилось в руины? И сам ли он сюда попадет, по своей воле или нет?

Перестрелка завязалась почти сразу. Кто-то был на другой

стороне улицы, и отряд боевиков залег в укрытия, отвечая ответным огнем в ту сторону. Я пробрался туда, где раньше была остановка, залег за невысоким парковым ограждением.

Вдруг я услышал, как совсем рядом кто-то переговаривается по рации.

– Цель захвачена. Скоро будет на месте.

– Пора загружать девчонку?

– Да, создавай образ. Модель уже запущена.

– Кто должен ее убить, чтобы цель правильно среагировала?

– Тот парень-телепорт. Он готов.

У меня давно не было внезапных прозрений, они вообще случались редко. Но сейчас я на секунду четко увидел все, что произойдет дальше, и мне стало понятно, что пока что ситуация развивается именно так, как нужно Чужому. А у меня есть один-единственный – ну почему он всегда один и почему именно такой? – шанс изменить ход событий. Интересно, Ловец думал о том же, когда давал команду создавать переход? Сука, вот же дерьмо. Этот малец смог, а я ссыкую? Внезапно подумалось, что он все же верил в то, что выживет, что я успею перенести нас обоих. А вот у меня шансов нет. Пробежать через дорогу, добраться до того, кто загружает сюда обманку для Архитектора, убить его и сломать аппаратуру. И умереть. Главное – не раньше, чем убью техника. Потом – можно. Я усмехнулся, вспоминая, как когда-то жертвовал собой в игре, чтобы моя команда победила. Надеюсь,

я – не последний оставшийся игрок, и эти щенки не просрут все. Я заметил, как недалеко от меня на тротуаре начал вырисовываться женский силуэт – они начали. Ну, пора.

Я рванул вперед, выпрыгивая из-за ограждения, и победил напрямую через дорогу, уверенный, что пули просвистят мимо. Так и случилось, меня не зацепило, и я преодолел почти весь путь, и уже даже видел человека в светлом камуфляже, возящегося с техникой.

Одного я не учел и не увидел.

Ледяные глаза Аватара оказались прямо у меня перед лицом. Мне показалось, что в его лице что-то дрогнуло, но он лишь сильнее вдавил лезвие катаны в мой живот. Он все-таки нашел брешь в моем зрении. Я упал на колени, и он отпустил рукоять, глядя на меня сверху вниз. У меня еще нашлись силы на слабую улыбку.

– Ты и впрямь припизднутый торчок, Ава. Надеюсь, ты сможешь сам увидеть последствия.

– Я спасаю всех нас. Заткнись и умри уже.

Я устало прикрыл глаза. Темная густая кровь вытекала из меня, и сознание гасло. Единственное, на что я надеюсь – что их кто-нибудь остановит, и у того, другого меня, все же будет нормальная жизнь. Потому что этот я сделал все, что было в его силах.

Я хотел было еще бросить что-нибудь едкое Аватару в ответ, чтобы, как всегда, оставить последнее слово за собой. Но потом передумал. В конце концов, что плохого в том, чтобы

заткнуться и умереть уже?

XXV. Аватар 3. Не вижу зла

Один из самых распространенных в земных культурах символов – спираль. Люди не могли не заметить, что многое в природе принимает подобную форму, и для них спираль стала означать самое течение жизни, развитие и продолжение во времени.

Ауришфетаханг А-М Баджрфогенх, “Символы и знаки. МС-СС-№3”

Довольно долго у меня получалось отгонять от себя мысли о том, что этот голос в голове может быть в чем-то прав. Что меня объединяло с другими людьми, так это вера. В более широком смысле. Мои поступки основаны на том, во что я верю. Я верил в то, что во всем происходящем есть какой-то смысл, неочевидный, странный, я его не улавливал, но верил, что он есть. В том, что я живу в кошмаре, не вижу цветов, не отличаю реальность от галлюцинаций, в том, что я единственный, кто видит страшную изнанку мира и сходит с ума. В том, что люди поклоняются богам хаоса, которых сами создали. В том, что мне страшно пытаться донести это до них, потому что никто не поверит. В конце концов, если я попал в эту занятную историю, в сюрреалистичный сюжет, в странную сказку, мораль которой понимает лишь ее создатель, не значит ли это, что меня допустили до какой-то части прав-

ды? Что я стал на шаг ближе к пониманию? Так что я делал то, что они говорили, я вел себя, как человек, я принимал участие в происходящем. Я играл свою роль кого-то существующего, настоящей личности, отдельной от всего остального мира. Я выполнял этот квест, надеясь на то, что в концовке все объяснят. Вникал в потешные мифы об иной стороне реальности, убивал и выслеживал, строил теории и наслаждался своей ролью.

Но со временем голос нашел лазейку в мой разум. Он дал все ответы, он рассказал то, что звучало ужасно, но могло быть правдой, потому что я сам об этом догадывался. Что мои действия, слова и мысли – всего лишь сценарий. Я один из десятков эпизодических персонажей в выдуманной истории, я – один из участников самого жестокого эксперимента, цель которого – любыми способами создать что-то новое, превратить наши жизни в материал, над которым экспериментатор будет размышлять, оценивая нашу игру, прикидывая, что из этого всего достойно включения в фонд всеобщего ментального достояния. Может, кому-то было бы легко принять мысль о том, что он – всего лишь инструмент, но только если этот инструмент выполняет приятную работу. Я все еще не мог понять, что значит быть частью единого целого с чем-то настолько жестоким, что способно заставлять части себя проходить через подобное. Моя боль – его боль? Я не хочу быть частью чего-то столь безумного. Нет, я не хочу жить в таком мире. И когда мне рассказали, что может быть

создан иной мир, где каждый будет свободен быть собой, а не частью единой сущности, где все будут одинаково равны – нет, не как при коммунизме, а по-настоящему – я решил, что оно стоит того. Я пришел к нему и долго думал над его словами, и все же понял, что готов рискнуть всем.

– Хорошо, я готов.

* * *

Они пришли за мной, отследили по датчику, который носил каждый из нас. Неужели не хватило ума понять, что я бы выкинул его, если бы действительно хотел быть ненайденным? Сейчас у них два варианта. Либо они придут сюда – тогда я попытаюсь им объяснить. Один раз. Выйдет – хорошо, не выйдет – что поделать. Либо они направятся к portalу и попробуют попасть в корневой мир Архитектора. И тогда ими займется второй. Не думаю, что он даст им хотя бы шанс, так что уж лучше бы они пришли сюда.

Но нет – они вошли в портал. Ладно, пусть так. Мне хотя бы не придется их убивать. Не могу сказать, что полностью к ним равнодушен, все же что-то человеческое во мне еще осталось.

Я бродил по убежищу, осматривая те комнаты, что были открыты. На стене одной из них я увидел интересную карти-

ну. На ней было изображено, как я рисовал себя, разглядывающего эту картину, на которой я рисовал себя, разглядывающего эту картину. Наверное, это как-то связано с циклами, о которых говорил второй. Наверное, это лишь еще одно доказательство того, что меня не существует.

Он вернулся довольно быстро, злой и неразговорчивый. Оказалось, что Видок сумел уйти. Ловец мертв – я почувствовал это несколько минут назад, как будто от меня отщипнули кусок и выкинули в пустоту. Интересно, если очень хорошо прислушаться к себе, могу ли почувствовать смерть вообще любого существа, даже не связанного со мной так сильно, как эти двое? Наверное, могу, но не думаю, что стоит. Все это не имеет никакого смысла, ведь в новом мире не будет никаких смертей и боли. Все они будут живы там.

Он сказал, что пора “попасть в башню”, и он должен встретиться с нашими помощниками. Они позаботятся о том, чтобы Архитектор ничего не заметил, не проснулся и прибыл в нужное место. Он сам его доставит. Я должен был разобраться с Видоком. На нем ведь еще остался передатчик, правильно? Да, остался. Я быстро найду его. Он последний, кто пытается мешать.

Я несколько раз спрашивал о Вороне, но он ничего не знал о нем с тех самых пор, как тот пропал, оставив записку. Возможно, он мертв. Впрочем, мне казалось, что не все так просто, и Ворон наверняка знает намного больше, чем Видок, и просто ждет подходящего момента. Возможно, он даже на-

правил нас троих на смерть лишь для того, чтобы отвлечь на нас внимание. Я уже ничему не удивлюсь.

* * *

Не думал, что этот бой так затянется. Поначалу он даже не нападал, лишь уклонялся и защищался. Он насмехался надо мной, кричал, что я сошел с ума. Ничего иного я и не ожидал – люди есть люди, и преодолеть свою природу не могут даже лучшие из нас. Его ебучее предвидение было почти идеальной защитой. От телепортов он уклонялся, огненные формулы видел заранее и блокировал, целясь мне в руку, в ближнем бою видел почти все мои движения. Даже огненный метеорит его не прикончил.

Потом появились новые действующие лица – должно быть, те самые помощники, о которых он говорил. Одновременно с ними явились и другие, о которых я не знал ничего. У меня была мысль уничтожить их всех парой огненных шаров, но один из “помощников” сказал, что мне нужно подготовиться к появлению цели. Как угодно, мне было совершенно все равно. И все же я ждал, что Видок предпримет еще одну попытку, рванет к тому странному устройству, что они развернули и теперь настраивали для “загрузки объекта Б”. Любопытно не было, потому то все это безумие – неотъ-

емлемое свойство текущего мира, и нет смысла задаваться вопросами о том, что по своей сути было абсурдным. Я просто ждал, пока Видок рванет, я ждал, подавив все мысли и намерения, скрыв себя из его зрения. Тот, кто собирается просто сидеть и ничего не делать, не попадет в твое предвидение, не так ли?

Наконец, он побежал. Бежал так быстро, что, даже заметь сейчас что-то перед собой, не успел бы остановиться или свернуть в сторону. До последнего подавляя в своем разуме любые намерения, я дождался, пока Видок не окажется почти у цели, и только тогда переместился, и он сам набежал на лезвие, и мне оставалось лишь толкнуть клинок вперед. Перед смертью он не упустил возможности бросить мне очередное обвинение.

Я уже видел, как на другой стороне улицы материализуется цель. А еще я видел троллейбус, что подъезжал к тому месту, где до моего метеорита была остановка. Когда девушка была полностью “загружена”, они дали мне команду, но я и сам все отлично знал.

Он стоял на тротуаре и озирался в ужасе и изумлении. Вот так осыпается картина мира – знаю, сам проходил. Сложно было вообразить, что этот человек в итоге придет к тому, что превратит вселенную в свою безумную лабораторию. Судьба иногда складывается в причудливые до нелепости узоры.

Когда он заметил цель, я появился за ее спиной, и через миг сжег ее заживо – быстро и страшно, чтобы у него не оста-

лось и тени сомнения. И вот тогда все началось.

XXV. Чужой 3. Порочный круг

Однажды я встретил любопытного персонажа. Он, как и я, кое-что понимал в происходящем, но все еще отставал на цикл-другой. Я выслушал его идеи – максималистская чепуха. Но у меня сразу возник план. Я отдал ему Мальтий Том Лакесис и объяснил, как пользоваться – и заодно указал направление, в котором ему стоит копать, чтобы добраться до вод. Я потом еще несколько раз незаметно следил за ним, чтобы убедиться, что он делает все ровно так, как ожидалось.

Артур под бутылку самогона делится откровениями с попутчиком в купе поезда

Вестники сработали хорошо – он даже не заметил, что его ведут. Наверное, ему казалось, что он просто вышел прогуляться, проветрить голову, послушать музыку. Сел в пустой троллейбус и поехал, не желая попасть в какое-то конкретное место. Была какая-то ирония в том, что я его отчасти понимал. Все мы друг друга немного понимаем – хотя бы в мелочах, даже когда наши взгляды на мир противоположны.

Как бы я ни ненавидел его самого и его видение, его понимание, я не мог при этом отрицать, что до определенного момента был с ним во многом согласен. Как можно спорить с тем фактом, что люди не способны жить в мире, не gry-

зьясь за то, что представляет для них ценность? Я говорил с многими живыми существами в этой вселенной, я слышал множество мнений на эту тему. Везде проблема одна и та же – там, где есть уникальность личности, восприятие себя чем-то отдельным от всего остального мира, там нет места согласию. Разумеется, те или иные цивилизации достигали разного уровня консолидации. Где-то жизнь существовала в примитивной форме, лишь недавно зародившись, и в таких случаях не было смысла рассуждать об уровне их понимания. Конечно, они убивали друг друга, просто чтобы выжить. В иных местах я наблюдал почти полную унификацию, насколько это возможно для мыслящей органики, и все же и их общества были поражены конфликтами и соперничеством, разделенностью и несправедливостью. Глупо бороться с собственной природой, не выходя за ее рамки. Разве кто-то не согласится с тем, что жизнь устанавливает определенные правила, и ты либо подчиняешься, либо умираешь?

Мы мирно направлялись к месту, где разворачивались основные события. Я не знал, почему все свелось именно туда – место было самым обычным, не было ни единого повода полагать, будто в этом скрыт некий сакральный смысл. Да и какая разница? Я был рад тому, что больше мне не придется заниматься тем, чем я занимался последнее время, постепенно теряя человеческий облик, входя в роль безумного маньяка, только исполнив которую я мог рассчитывать на то, чтобы получить шанс все изменить.

Я слышал разные решения нашей проблемы. Мой пассажир не был уникален в своем мировоззрении, которое он сам на этом цикле понял совсем недавно. Его мнение – в той или иной форме – разделяли многие. Я встречал и тех, кто пришел к почти такому же ответу, что и я. Но больше всего было других вариантов – нежизнеспособных, недостаточно радикальных. Им всем не хватало решительности, они боялись ответственности. Немногие поняли, что лишь приняв на себя полную ответственность, можно получить настоящую силу.

Мы приближались к нужному месту, и уже были слышны звуки боя – это Аватар уничтожал все вокруг себя. Да, он оказался действительно ценным активом. Весь этот спектакль с запиской якобы от лица Ворона стоил того, чтобы привести его к правильному решению. Теперь дело за малым – последняя смерть невинного человека, даже не человека, а в каком-то смысле клона, и события начнут развиваться почти без моей помощи.

Я остановился на разрушенной улице, похожей на испытательный полигон. Мой пассажир покинул салон, за ним поспешно вышел и я, чтобы воочию увидеть то, как он будет сломлен. Когда Аватар сжег копию Бетти-Энн, все вокруг замерло, и я видел, как с лица Авеля пропадают все краски, и оно превращается в безжизненную карикатуру. Его глаза вспыхнули багровым, вокруг него возникла сфера ментального поля, которая защитит его от любого влияния и урона.

Но это не имеет значения, потому что мне вовсе не нужно наносить ему урон. Мне нужно, чтобы он сделал то же, что делал всегда в этом моменте.

Авель взмыл в небо, раскинув руки в стороны и запрокинув голову. Казалось, что он возносится на небеса, в рай, но на самом деле все было чуть сложнее и страшнее. Он начал свою половину ритуала, и я слышал, как ткань реальности начинает рваться. Когда небо начало затягиваться мглой, пронизанной молниями, я призвал омут и направил его на небо. Из глубины дремучих вод доносился гул, с которым они поглощали все происходящее, перенося этот момент в мой личный тайник, откуда я смогу в любой момент развернуть ритуал в другое место. Например, там, где то же самое сделал Аватар. И тогда две половины ключа соединятся, став катализатором конца. Открыв проход в то единственное место, куда невозможно попасть при других обстоятельствах. Даже если бы Аватар сделал то же самое здесь и сейчас, одновременно с Авелем, это бы не сработало, и ритуал сошел бы на нет. Подкорка вселенной защищена от дурака. Вот только от объединения циклов, пусть наложение и продлится какие-то мгновения, защиты почему-то не было.

Закончив запись происходящего, я отозвал омут и открыл в воздухе червоточину – туда, где я уже был. Вот и настал решающий момент. Конец этого безумия близок.

Заключение. Цена, которую нужно заплатить

*– Почему ты так спокойна, старая ветошь?
Твой ставленник ведь идет прямо в ловушку!*

*– Ты в очередной раз доказываешь, что все
еще ничего не понимаешь. Ваши ловушки здесь не
сработают, потому что вы не знаете, на кого
охотитесь и что ищете.*

Диалог между компьютером и сознанием

Из соседней камеры то и дело доносится сдавленный смех. Там пребывает “в творческом отпуске”, как говорят местные чудилы, человек с до ужаса богатой, хоть и больной фантазией. Он периодически переходит со смеха на бормотание, и тогда мне доводится послушать удивительные в своей несвязности байки о том, что мой сосед знает про всех вокруг и о природе реальности. Впрочем, хоть большая часть его речи и кажется параноидально-шизофреническим бредом, пару раз он упомянул то место, в которое мне вскоре предстояло попасть. Я вижу три варианта: либо он там уже побывал и вот такая участь меня ждет в случае неудачи, либо услышал разговоры агентов хер-пойми-что-за-потусторонней-с-птичьим-фетишем-службы, и вплел что-то из них в свою шизофазию, либо же что-то еще – я боюсь думать,

что вообще все – из его речей имеет под собой реальные основания.

Что обычно делают люди, когда им невыносимо нужно высказаться, но не хватает слов, когда то, что они хотят сказать, лежит за чертой связной речи, этих бесполезных слов и предложений, в которые они составлены? Я лежу на полу и не понимаю, что забыл здесь. У меня в голове много мыслей, которые я привык считать своими, каждый день я просыпаюсь и делаю что-то, что, как мне кажется, мне нужно. Время идет. Стрелки часов совершают обход за обходом, и им уже давно не встречалось на периферии времени что-то такое, что могло бы остановить или замедлить их ход. Знаешь, что такое уроборос? Это свернувшийся кольцом змей, кусающий себя за хвост – буквально пожирающий себя, символ бесконечности и саморазрушения, непрерывного хода времени и цикличности. Интересно, что чувствует уроборос. Возможно, мы с ним в чем-то похожи – я не могу перестать разрушать себя и иногда мне кажется, что я бесконечно падаю в бездну. Я буду продолжать говорить с тобой, потому что, если верить этим важным птицам, не все еще потеряно. Если все так, как я думаю – значит, никто никогда не умирает по-настоящему. Но главный вопрос остается открытым – как нам всем стать счастливее? Заработать больше денег? Реализовать, наконец, мечты родителей, которые пытаются прожить жизнь через нас? Съездить, блядь, на море? Научиться чему-то новому? Выплатить все долги перед людьми, стра-

ной, обществом, еще черт знает кем? Продолжать ждать очередной влюбленности, надеясь, что нас сделают счастливыми другие люди? Много отдыхать, заниматься физическими активностями, беспробудно пить, употреблять вещества? Высыпаться? Найти себе сраное хобби? Улучшить свои тела? Искать удовольствия от медиа-контента? Больше общаться с людьми? Завести домашнее животное? Выразать себя через творчество – неумело, глупо, постыдно, безыдейно? Ломать парадигму мира постмодерна, вернуться к “искренности”? Бросить вредные привычки? Выхолостить свое нутро в офисных буднях? Питаться здоровой пищей? Когда тип из подворотни спросил меня, как бы я изменил мир, я не смог найти ответ. И ответа все еще нет. Пока не попробуешь – не понятно, сработает ли. Но сколь многое нужно попробовать, чтобы иметь право сказать “идите нахуй, все это не работает, а вы все врете – иногда ничего нельзя изменить к лучшему”? А если ты задумал перемены не в своей жизни, если играешь по-крупному, если на тебе ответственность за буквально всех и вся? Как осмыслить это, как заставить себя снова воспринимать все всерьез? Ведь когда знаешь, что реальность не совсем реальна, но при этом что угодно в ней возможно, куда-то пропадает искра – забавная ирония, ведь именно этого я и хотел так долго. Или пока просто не привык. Или я малодушен и боюсь, что этот костюм далеко не на меня.

И все же... Разве не все мы делаем то, во что верим? Вся

наша жизнь основана на вере во что-то. Наши знания – это наше убеждение в том, что мы что-то знаем. Наша мораль – это наша вера в то, что что-то правильно. Наше “правильно” строится на уверенности, что так будет лучше. И где же прочертить ту границу, после которой личная ответственность переходит в ответственность за остальных, после которой последствия касаются не только нас самих? Любое наше действие или слово влияют на мир, и если нам кажется, будто что-то незначительно, если мы не можем отследить все последствия в дальней перспективе – это еще не значит, что все на самом деле не так. Я знаю, во что я верю. Мне кажется, что так будет правильно. Это единственный выход, который я вижу, и я готов рискнуть всем и взять на себя всю ответственность. Потому что после того, как все случится, меня в привычном смысле уже не будет, и мы все разделим это чувство, мы разделим победу или поражение – главное, что вместе.

Где-то недалеко от меня раздался звон. Так звучит связка ключей, на которой кто-то ищет нужный – ключ от камеры, в которой я лежу на полу и пытаюсь осмыслить все на свете. Как это воспринимать? Как новый виток этого бесконечного онейроида, как метафору, или просто как факт, что я выйду из камеры и смогу пойти в какое-нибудь другое место, например – в то, где я все смогу исправить? Пока я думал, один из них – здоровяк, которого называли Филином – подошел к двери, отпер ее и понуро взглянул на меня сверху

вниз. Впрочем, он всегда выглядел понуро – возможно, это было какой-то проблемой с лицевым нервом, из-за которой правая часть его лица всегда имела разочарованно-скептическое выражение. Меня все никак не покидало ощущение, что я уже где-то видел этого человека, который достал из наплечной сумки пистолет и теперь протягивал его мне.

– Ну все, собирайся. Мы изолировали пространство, так что можно начинать операцию.

Мне два раза повторять не надо – ну, если я услышал все с первого. Взяв ствол, я вышел за дверь и огляделся. Длинный коридор, куча дверей. Хм, вроде бы снова что-то знакомое.

– И где вход?

Филин молча показал пальцем в конец коридора, где виднелась маленькая деревянная дверь с ручкой-кольцом.

– И что случится после того, как я войду туда? Что я там увижу?

– Вот уж чего тебе никто наверняка не скажет. Думаю, это от тебя зависит.

Я пожал плечами и направился в сторону двери. Довольно необычный вход в самое тайное и недоступное место во всей вселенной. Впрочем, с тех пор, как я встретил в переулке бога, я и правда начал терять способность удивляться хоть чему-то странному.

Пока я шел, дверь на секунду открылась, и из нее выско-чила белая кошка с глазами ящерицы, уселась у порога и принялась вылизывать свою спину отвратительно длинным

языком, даже не поворачивая головы. Я крепче сжал пистолет и ускорил шаг, стараясь не думать, что еще может ждать за этой дверью.

VII. СКВОЗЬ КАЛЕЙДОСКОП ГРЕЗ

Номер десятый. Код – 322. Классификация: перерождение, реален-реален, параллельно. Весьма неочевидный вариант, смысл которого заключается в том, что используется еще одна мысленная способность, позволяющая создать вилку в развитии реальности, изолировав свое сознание от обоих вариантов, чтобы в определенный момент, после смерти в одном из них, выбрать тот, где пользователь остался жив, сделав другой вариант нереальным. Конечность циклов – не определена. Порядок прямой и обратный.

Отрывок из неизвестной ночной телепередачи

Картина первая. Еще на один день

Что мы делаем друг с другом? Почему мы любим кого-то, почему можем разлюбить, почему нам страшно терять людей, почему мы иногда причиняем друг другу ужасную боль? Как мы друг друга выбираем? Что именно резонирует внутри нас, когда мы понимаем, что человек нам подходит? Если пропустить очевидный инстинкт – сексуальное влечение – то нами движут два

мотива. Первой в дело вступает уверенность, что этот человек может дать нам что-то, чего у нас нет, показать новое, расширить восприятие мира. Затем мы предполагаем, что этот человек пережил жизненный опыт, схожий в чем-то с нашим, в том числе похожую боль и травмы. Таким образом, нас притягивают и похожесть, и непохожесть, и мы приходим к мысли, что этот человек, имея в чем-то схожее с нашим видение мира, может что-то исправить в нас, дав нечто новое. Мы надеемся в ком-то еще найти себя – таких же, но других, будто физическое воплощение нашего подсознания. Боль, которую нам кто-то причиняет, соразмерна тому, насколько человек нам кажется близок. И вот что такое наша любовь – ничего, кроме скрытого эгоизма, проекций, собственности, жадности, инстинктов и эха испытанной в течение жизни боли. Что не мешает этой самой любви быть весьма приятным чувством.

Леонард Финдейл, “Дни сомнений”

– Один апельсиновый сок, один капучино.

– Спасибо.

Официант кивнул и отошел в другой конец зала. За столиком минуту-две было тихо, а затем начался разговор.

– Какой интересный конверт.

– Кое-что напоминает?

– Ага. Мой вроде тоже зеленым маркером разрисован был.

Кто пишет?

– Без понятия, я еще не смотрела.

– Ну ладно. Как кофе?

– Ничего такой. А что это за место?

– Кафешка. Просто кафешка.

– И почему ты выбрал именно ее?

– Ну... Если честно, шесть лет назад, когда у все только начиналось, я как-то ночью гулял по городу. Тонул в эйфории, купался в серотонине, прыгал в такт ударам сердца и все такое – тогда я думал о тебе, был с тобой, был в восторге от всего, что происходило, и все, наконец, было замечательно. Так, как должно быть. В наушниках играла какая-то сопливая песня о любви, луна светила прямо в лицо, я улыбался и вдыхал ночной свежий воздух, и вдруг заметил это природо-рожное кафе. И просто подумал, что нужно будет как-нибудь сводить тебя сюда – оно показалось каким-то смутно знакомым и приятным. Правда, я тогда сразу забыл его название.

– А не сводил, потому что?..

– Не успел. Через неделю после этого дня ты заболела, мы долго не виделись, а потом – ну, все закончилось.

– Ясно. Вообще, место вроде неплохое. Главное, что людей тут немного. Так с чего начнем?

– Ты читала арку “еще один день” в комиксах про паука? Ладно, знаю, что не читала, это я так сказал. Просто я как раз недавно прочел этот сюжет и... Ну, многое понял.

– Понял многое о чем?

– О том, почему все так, как есть. Все, что я делаю. Все, что я чувствую. Все, что связано с тобой.

– Серьезно, ты хочешь сравнить это с комиксами? Это вроде должен был быть большой важный разговор, и теперь ты говоришь о комиксах?

– Подожди, дослушай меня. Просто я так думаю, я так говорю – издалека и много – когда волнуюсь, когда не могу подобрать слова и вместо этого нахожу глупые метафоры. Ты бы знала это, если бы...

– Нет, не начинай. Ты обещал не сворачивать в эту сторону.

– Прости. В общем, я правда очень нервничаю сейчас, и мне трудно собраться с мыслями. Честно говоря, меня всего колотит, но я буду говорить, и это пройдет. И это действительно будет тот разговор, который нам, то есть, мне нужен.

– Мне он тоже нужен, потому что нужен тебе, понимаешь? Я не хотела, чтобы ты думал, что мне плевать, потому что это не так, но я поняла, что ты уже так думаешь, и хочу это исправить. Чтобы хоть в этом тебе помочь. Помочь посмотреть на это моими глазами, чтобы увидеть все целиком.

– Сколько раз я представлял, что ты скажешь это, что рано или поздно все дойдет до этого момента, когда ты говоришь эти слова – ну, почти эти. Знаешь, что я думал потом? Потом мне становилось стыдно за то, что я желаю, чтобы кому-то было не все равно, что со мной происходит, что я чувствую. Какая-то часть меня презирала другую за эту потребность

быть нужным, и я думал, что это просто жалко и гнусно – желать даже не ответных чувств, а просто чего-то большего, чем равнодушие. Ты представляешь, до чего я дошел – я ненавидел себя за то, что хотел быть для тебя чем-то большим, чем досадное напоминание о нашей неудаче, чем любой случайный прохожий. И я уже совсем в это не верил. Если честно... Я и сейчас не совсем верю, потому что кто-то внутри подсказывает, что ты говоришь это из жалости. Что ты сидишь здесь только потому, что этот разговор – шанс на то, что я, наконец, отстану от тебя и забуду все, и ты терпишь ради этого, и этот голос внутри ничем уже не заглушить, что бы ты ни сказала, что бы ни сделала.

– Просто из любопытства спрошу: даже если бы я сейчас подошла к тебе и...

– Что угодно. Я просто не поверю. Ни поцелуй, ни если бы мы поехали ко мне, ни пять лет вместе, ни даже чертова платиновая свадьба не заставили бы меня окончательно забыть, что все это иллюзия, обман, ловушка. Я слишком долго и много думал, и в какой-то момент что-то сломалось в голове. Черт, должно быть, тебе и правда неприятно все это слушать. Наверное, я был неправ.

– Нет, продолжай.

– Ты не сказала, что тебе не неприятно.

– Мне неприятно, не буду скрывать. Я не люблю такие разговоры, как ты уже давно понял, но если после него тебе станет легче – я могу потерпеть эти неудобства.

– Если ты так думаешь, значит, ты не понимаешь смысла того, что я чувствую. Оно включает заботу о том, чтобы тебе никогда не было неприятно, чтобы тебе ничего не приходилось терпеть. И теперь, как бы это объяснить... С одной стороны, меня воротит от того, что я делаю и говорю, с другой, мне кажется, что... нет, не так. Я хочу себя убедить, что у тебя есть что-то неразрешенное, с чем может помочь этот разговор, что у тебя есть какие-то сомнения или остатки... чего-то. Я хочу убедить себя, что все это не только ради меня, иначе мне вдвойне херовее от того, что тебе нужно терпеть мой тупой монолог. А с третьей стороны – знаешь, на что я надеюсь?

– Да, есть догадки. Нам обязательно говорить это вслух? Вообще обязательно говорить все это вслух, или достаточно будет просто понять, насколько мы понимаем, что происходит, и что каждый из нас чувствует и думает по поводу этого всего?

– А как можно еще понять? Если бы я мог понять твои мысли, узнать, что ты на самом деле испытывала все это время – я бы никогда не стал просить тебя о разговоре. Да и самого разговора не было бы, потому что все у нас было бы здорово. Возможно, я просто боюсь ответа “ничего не испытывала ровно с той минуты, как все закончилось, минуты, о которой ты даже не знаешь, когда она наступила”, и поэтому делаю проблему из ничего. Ведь проблема этого разговора... Честно, сколько раз я проигрывал его у себя в голове, и вслух

тоже. Я представлял, что ты сидишь напротив, как сейчас, старался придумать, что ты могла бы ответить, злился, что не могу знать точно, что не могу думать, как ты, просто понять, как ты думаешь. Как люди всегда не могут понять друг друга. Я могу скопировать твою технику построения фраз, украсть у тебя несколько фирменных фразочек и так далее, но это все не то. И сейчас – то же самое. Тебя ведь тут нет на самом деле, я просто сосредоточился сильнее, чем в прошлые разы и...

– Что ты сказал?

– Ээ, ничего, просто задумался. Извини.

– Нет, подожди. Ты сказал, что меня здесь нет, значит, ты думаешь, что это так, значит... Черт, что ты сделал? Посмотри на меня!

– Все в порядке, я просто оговорился.

– Не бывает таких оговорок. Ты что-то принял, так?

– Ладно, это выходит из-под контроля. Удивительно, насколько глубоко в подсознание смогло проникнуть это желание быть кому-то небезразличным. Давай я щелкну пальцами, и...

– Так о чем ты говорил? О человеке-пауке?

– Да. Про него и Мэри Джейн. В общем, они встречались, на многое были друг для друга готовы, они правда любили – это повторялось читателям из выпуска в выпуск. В какой-то момент она узнала, что Питер – супергерой, и это стало огромной проверкой для их отношений: она должна была

принять не только то, что может потерять его, потому что он каждый день рискует жизнью, но еще и то, что из-за него она сама и ее близкие могут пострадать. С одной стороны, второе кажется сложнее первого, но для влюбленного человека переживать за того, кого он любит больше, чем за себя – это обычное дело, поэтому все сначала думают в таких ситуациях о любимых людях, а потом о себе. Так что второе действительно сложнее, но только на третий взгляд, когда отбрасываешь эмоции и смотришь на все глазами взрослого человека. Она смогла. В итоге они поженились, долго были вместе, много раз были на волосок от смерти или расставания, но прошли через все. А потом... Во время одной из сюжетных арок Паркер раскрыл личность человека-паука – и, хоть его тетя и Мэри Джейн поддержали его в этом, это поставило на их спокойных жизнях крест. В итоге тетя Мэй почти умерла, а для того, чтобы это исправить, Питер и Эмджей прибегли к помощи дьявола. Seriously, есть такой персонаж в комиксах у Марвел – Мефисто. Он предложил им сделку: тетя Мэй выживет, но взамен на это он изменит историю так, как будто Питер и Эмджей так и не женились, расставшись вскоре после неудачной свадьбы – и они, естественно, не будут помнить о том, как все произошло на самом деле. И... они согласились. Потому что верили, что их любовь так или иначе найдет себе дорогу, и они снова будут вместе. И вот, много выпусков спустя, Мэри заходит к Питеру в гости, чтобы обсудить, почему у них ничего не вышло.

Им обоим это нужно, потому что он страдает из-за того, что она снова в его жизни, но холодна и отстранена, а ее гнетет, что они не могут быть друзьями из-за этого груза прошлого. И они сидят, вспоминают все...

– А из-за чего у них не вышло со свадьбой?

– А, для истории неважно. Просто случайное стечение обстоятельств. Так вот, они обсуждают это самое болезненное, Мэри Джейн целует Питера, они говорят еще немного о том, что значит “отпускать” и зачем это нужно, а потом она уходит, и им обоим становится намного легче, и Паркер чувствует, что наконец-то может двигаться дальше, что его самый любимый человек освободил его. И это там так подается, как... Как инструкция к безболезненному расставанию. Но меня это очень задело. Так долго они сочиняли комиксы об этой невероятной любви, о ее искренности, глубине и бессмертии, а потом – просто пшик, хватило одного разговора, чтобы Питер смог принять мысль о том, что может быть с кем-то кроме нее. Я сидел и думал: может, я чего-то не понимаю? Может, когда люди говорят о любви, они имеют в виду что-то совсем не то, что имею в виду я?

– Ты неисправимый идеалист и романтик.

– Неужели это так плохо?

– Ну, таких меньшинство, так что выводы делай сам.

– Да, конечно. Люди только говорят, что любят друг друга, что всегда будут вместе и прочую поеботу, точно так же, как они говорят, что они за все хорошее против плохого, за спра-

ведливость и честность, а сами только и делают, что умножают зло в мире и врут.

– И такая реакция опять же говорит о том, что ты неисправимый идеалист и романтик. Ну да, так и есть, и что с того? Нам всем вымереть, раз мы такие плохие?

– Нет, просто не нужно лицемерить. Ведь когда кто-то вскрывает эти гнойники и тыкает лжеца в его ложь, подлеца в его подлость, предателя – в предательство, высказывает людям правду – ему не слишком-то радуются и пытаются заткнуть.

– А как все это и человек-паук связаны с тем, что ты хотел сказать?

– А так, что я просто не знаю, чего будет достаточно, чтобы я смог отпустить тебя. А ведь наши отношения, если их можно всерьез считать отношениями, продлились еще сравнительно недолго. И иногда я думаю, а что случилось бы, уйди ты через год, через два, три года? Если бы мы к тому моменту уже съехались или женились бы? Если то, что я чувствую все это время – это боль, то как назвать то, что я чувствовал бы тогда? Есть несколько ответов. Или я просто очень тонко чувствую – да, может быть, но не настолько. Остальные вещи в жизни меня мало задевают. Или... Это было что-то настолько правильное, это должно было продолжиться и превратиться во что-то идеальное – не знаю, не хочу говорить ничего слишком пафосного – настолько, что я на уровне подсознания чувствовал, что нельзя это отпускать,

нельзя терять тебя. Если мне после не очень серьезного и обязывающего к чему-то полугода было куда больнее, чем моему другу после трех лет серьезных полномасштабных отношений – не значит ли это, что я чувствовал что-то большее?

– Я понимаю, о чем ты. Но все дело в том, что ты не пытаешься забыть, оставить это позади. Ты раз за разом возвращаешься к этим воспоминаниям вместо того, чтобы принять то, что случилось, и двигаться дальше. Ты заиклен на этом...

– Наверное, ты думаешь, что я это сам решил, что я не пытался делать так, как говоришь ты, как говорили другие? Я пытался, всерьез. Я удалил наше единственное совместное фото, я выкинул все, что напоминало о тебе, я не слушал песни, которые были связаны с тобой, я старался не бывать в тех местах, где мы бывали вместе – а это было сложно. Но знаешь что? Я все равно просыпался с мыслями о тебе, все вокруг по сотне раз о тебе напоминало каким-то образом – все, о чем мы с тобой хоть раз говорили, даже вскользь, уже навсегда было связано с тобой, видел тебя в прохожих, оборачивался, сам того не замечая, говорил с собой в голове твоим голосом, с твоими интонациями и фразами, вспоминал и думал, думал и вспоминал, а потом, в конце дня, я приходил домой, понимая, что я никогда не приду в дом, где меня будешь ждать ты, ложился спать, сжимая до скрежета зубы от того, что больше никогда не лягу рядом с тобой, не

буду укрывать нас одним одеялом, не спрошу тебя, как прошел твой день, не пошучу насчет тех заморочек и пустяков, о которых ты волновалась бы, никогда уже не усну, обнимая тебя, никогда не проснусь рядом с тобой. А во снах я ночь за ночью вижу тебя. И поверь, это не проходит. Иногда оно ослабевает, когда мозг просто не успевает думать о чем-то кроме сиюминутных дел, когда в жизни происходит какой-то очередной пиздец, но стоит мне хоть на минуту успокоиться, остановиться – и ты возвращаешься. И я так до сих пор и не понял, как с этим бороться, потому что ничьи советы мне не помогли, а мои собственные идеи кончились.

– Не знаю, что сказать. Правда, я всегда думала, что ты преувеличиваешь, но... Нет, не знаю, честно. Я, наверно, догадываюсь, чего ты ожидаешь от этого разговора – что я объясню тебе, почему у нас ничего не вышло бы, а ты по пунктам докажешь мне, что я неправа, я буду спорить, но ты не сдашься, а споришь ты лучше меня, и не важно, что я не меняю мнение насчет важных вещей – тут ты будешь так убедителен, что я просто включу какую-то альтернативную логику и соглашусь, а потом мы уйдем в закат и будем вечно счастливы где-нибудь в Изумрудном городе, но... Ты должен понимать, что этого не будет. Я хочу только освободить тебя, чтобы это не мешало больше никому из нас двоих. Но не могу пока что понять, как сделать это так, чтобы мы остались друзьями, и чтобы тебе больше не было больно.

– Понимаешь, в чем дело... “Остаться друзьями” – это

ложь, чтобы расставание выглядело мирным и спокойным. Ты на самом деле не хочешь со мной дружить – не хочешь общаться часами напролет, не хочешь сходить куда-то вдвоем как просто друзья, не хочешь делиться чем-то важным – и даже повседневными мелочами из своей жизни делиться не хочешь, разве что к слову придется, тем более не хочешь знать, что происходит у меня в жизни. И в этом моя вина – в том, какой я человек, в том, что я не располагаю к себе людей, что я холодный, отстраненный и токсичный, что не приношу ничего хорошего – ни радости, ни смеха, ни спокойствия, только раздражение и разочарование. Даже для своей семьи я – сплошная неудача. Говорил вчера с матерью по телефону, просто пару минут на то, чтобы узнать, как друг у друга дела, и даже этим разговором, не сказав ничего плохого, я сумел довести ее до слез, понимаешь? И так всегда и со всеми. Не делая зла, я каким-то образом приношу его людям, всем просто плохо от меня, как будто я – какая-то отравка. Я даже не понимаю, зачем тебе это говорю, ведь тебе все равно – я болезненно откровенен в ситуации, когда это неуместно, потому что откровений ты от меня не ждешь, потому что не ждешь вообще ничего, и ты не будешь долго говорить о моих заебах в голове, о моих реальных проблемах, не будешь принимать их близко к сердцу – не потому что у тебя нет ко мне ни капли романтических чувств, а потому что тебе вообще все равно. Так что ничего удивительного в том, что я тебе не нужен даже как друг. Дружить и любить

хочется хороших людей, но когда тебе не хочется иметь с человеком никаких связей – лучше все же сказать это как есть, а не прятать за фразами вроде “останемся друзьями” или “мы всегда сможем общаться”. Нет, не останемся, и ты знаешь это. Как только я прекращу навязываться с разговорами о тебе, твоей жизни и херне вроде игр, музыки и сериалов, когда тебе успеют надоесть общие темы из прошлого, мы не будем и близко похожи на друзей и общаться тоже не будем, потому что я тебе не интересен, потому что ты только нехотя отвечаешь на мое внимание, или по привычке, ведь мы и правда много общались. Не будем о том, что это само по себе больно – когда человек, который для тебя важнее всего на свете, к тебе совершенно безразличен, дело в том, что ты не признаешь этого, говоря о дружбе. Дружба – это общение, это доверие и честность, это интерес, это тоже чувства, просто другого рода. Если тебе нет никакого дела до того, кого ты называешь другом – все просто, вы не друзья. Я не пытаюсь вызвать жалость, ведь я ненавижу, когда меня жалеют, не пытаюсь сделать тебе неприятно, не повышаю градус разговора, не читаю лекцию, просто хочу, чтобы ты подтвердила то, что мне кажется. Если я ошибаюсь, я буду только рад. Поэтому если хочешь ослабить эту удавку на шее – скажи правду о том, что ты обо мне думаешь.

– Тебе кажется, что ты все понимаешь, но это не так. Ты так хочешь, чтобы тебя кто-то любил, но продолжаешь добиваться любви от меня, хотя я уже столько раз давала по-

нять, что все это давно прошло, если вообще и было. Но нет, ты продолжаешь – с этими расспросами, показной заботой, детскими обидами, резкой мрачностью, когда я долго и увлеченно с кем-то говорила, или заигрывала, или обняла, или хотела переспать, слезкой, контролем, зависимостью и глупой ревностью. Если бы ты действительно хотел для меня лучшего, то ты бы не делал всего этого, не напоминал постоянно о моей вине, потому что ты просто хочешь внимания, как ребенок, который привлекает внимание родителей шалостями и плохим поведением. И при этом ты внутри злишься на меня, злишься на то, что и с кем я делаю, если это не касается тебя, злишься, что я не пускаю тебя в свою жизнь, и очень боишься начать жить не ради меня, а ради себя самого – не так эгоистично, как сейчас, а по-настоящему, перешагнув прошлое и решившись на что-то новое. И твоя злоба иногда прорывается – случайными фразами, резкими движениями, ядовитым сарказмом, такими вот монологами, в которых ты якобы расставляешь все по полочкам, как будто лучше меня знаешь, что я чувствую, но не замечаешь, что говоришь обидные и странные вещи, что раз за разом ставишь себя выше и важнее и меня и всех остальных, не замечаешь, что я понимаю, что значат все эти твои вспышки злости в сторону людей, которых я знаю намного меньше, но с которыми успела подружиться, которые, как ты думаешь, незаслуженно стали мне ближе тебя – как так, ведь мы были так близки раньше, ведь у нас так много общего, ведь мы так

похожи во многом, ведь ты всегда делал вид, что тебя волнует, что я чувствую или как у меня дела – а может, это и было правдой. Но ты слишком боишься всего вокруг, но не хочешь измениться, и поэтому убеждаешь себя, что я отталкиваю тебя и игнорирую, хотя сам даже не пытаешься быть мне другом – ну конечно, ведь тебе мешают зависть и ревность, страх и неловкость. Ты и правда сходишь с ума, и мне досадно, что в итоге ты будешь винить во всем меня.

– Значит, я не прав? Прости меня, если так. Тогда почему за эти пять лет ты не приняла ни одного моего приглашения сходить куда-нибудь? Просто ходить, делать что-то вместе, болтать о ерунде или о важном, делиться эмоциями, без какого-то подтекста, без намеков и моих порывов – что, обнять тебя, прикоснуться, поцеловать, что? Как ты себе это представляешь? Типа мы идем себе по улице, обсуждаем фильм, который сейчас посмотрели, а потом я вдруг хватаю тебя за руку, заламываю и начинаю признаваться в любви – так? Даже если я тебе сейчас скажу, что ты права, и пообещаю перестать делать все то, что делал лишнего, и скажу, что ты для меня теперь просто близкий друг – ты уже не поверишь. Почему ты ни разу не рассказала о своих новых отношениях, не поделилась мыслями, эмоциями? Почему никогда не спрашивала о том, как я, есть ли у меня кто-нибудь, где я живу, работаю ли, что делаю, и как вообще дела? Почему ты, хоть и восхищалась моей мазней, никогда не рассказывала о своих впечатлениях сама, и мне приходилось почти выпытывать

это? Потому что у знакомых, которых хотят забыть, такое не спрашивают, с ними о таком не говорят, с ними вообще стараются не говорить, не видеться и в целом быть максимально далеко во всех смыслах. Вот и скажи мне, что я ошибаюсь. Скажи, что твои слова о том, что я тебе интересен, о том, что я всегда смогу с тобой говорить – что это всегда было правдой, что ты всегда была готова выслушать меня.

– Как мне тебя выслушать, если ты нихера не рассказываешь, не сводя это к одной и той же заебавшей теме! Ты закрытый и холодный, и я не хочу спрашивать тебя ни о чем, потому что не могу понять, кто ты на самом деле – бессердечный кусок льда или страдающий от нехватки внимания подросток! Каждым кусочком чего-то личного ты делишься так, словно отрываешь мясо от своего тела – и как мне с тобой общаться, если ты так настроен?

– Потому что так и есть. Я отрываю это от себя, но никогда и никому я не рассказывал и доли того, что говорил тебе, потому что я всех их боялся. Ты единственная, кому я могу открыться, кому я доверил бы жизнь, кому я могу рассказать самые безумные идеи – и при этом не бояться быть осмеянным, не бояться напугать. И то, что мне тяжело это делать – это как раз признак того, что я это делаю только с тобой. Только ты видела все мои неудачные и нелепые попытки очеловечиться, только с тобой у меня была практика искреннего общения, поэтому все и выглядело так неумело и искалечено. И теперь у меня нет даже тебя, и я живу в полном сраном

одинокости, и мне страшно здесь оставаться, но ни ради кого другого, кроме тебя, я не вышел бы отсюда. Ты просто не понимаешь, насколько здесь, внутри, страшно и пусто, и что я готов на что угодно, лишь бы это закончилось. Ты как-то говорила, что понимаешь, что такое улыбаться через силу, чтобы не смущать других настоящими эмоциями, но если бы ты по-настоящему понимала, ты бы понимала и то, почему я никак не оставлю тебя в покое. Потому что ты – мой единственный выход назад в жизнь. И я боялся этого разговора, потому что не хочу очередной резкой фразой лишиться даже возможности вернуться к людям, на свет, в тепло.

– И ты называешь это любовью? Это просто заикленность на ложной и болезненной потребности, это зависимость. Ты убедил себя, что тебе нужна именно я, и...

– Зачем? Скажи, зачем мне это делать специально?

– Откуда мне знать! Может, ты просто хочешь страдать, а несчастная любовь для этого – самый лучший повод. Мне иногда и правда кажется, что глубоко внутри ты хочешь быть несчастным, потому что боишься счастья, не знаешь, что с ним делать, если вдруг получишь его. Ведь катиться вниз, жалеть и разрушать себя – это намного проще, чем строить нормальную жизнь.

– Нельзя хотеть быть несчастным. Если бы кто-то хотел быть несчастным, то несчастье было бы его счастьем, а я не получаю никакого удовольствия от своей жизни. Я не наслаждаюсь изломанным трагическим образом, блядь, грустного

пьеро, я не ловлю кайф от боли. Я живу болью и ненавижу себя, жизнь и боль. И всю эту ситуацию я ненавижу, и ты – единственное, что ведет меня вперед. Я живу тобой и не знаю, что еще более искреннее, важное и глубокое мог бы когда-нибудь сказать. Ты – все для меня, и я просто не хочу тебя терять, понимаешь? Черт... И мне плевать, что тебя это не растрогает, что ты не оценишь и не разделишь это со мной, плевать, что все это жутко неловко, можешь сколько угодно не любить меня и любить других, но я, я никогда не откажусь от этого чувства. Потому что кроме него нет ничего. Потому что отказаться от него – это предать себя, а нет ничего хуже, чем предать себя, ведь самоубийцы хуже убийц, как и предатели.

– Почему ты так все драматизируешь? Я уверена, твои слова – это из-за того, что ты сам себе придумал эту борьбу с миром, ненависть к себе, страх перед людьми, придумал свет в конце тоннеля. Это просто жизнь. Мы с тобой просто люди. Не относись ко всему так серьезно.

– Да, конечно. Все так. И все же я скучаю – по твоему взгляду, такому долговому, когда мы молча смотрели друг другу в глаза, и это молчание не было неловким. По тому, как я держал тебя за руку, ведь это было так приятно – держать кого-то, кого ты никогда не захочешь отпустить, и наивно верить, что тебя тоже не отпустят, думать, что вы принадлежите друг другу. По тому, как я был уверен, что мы скоро сблизимся достаточно, что ты не будешь бояться услышать то, в

чем я хочу признаться, и я скажу это тебе, чтобы услышать в ответ, что это взаимно. По тому, как у меня внутри разливалось тепло, когда мы были вместе, как мне казалось, что я вот-вот смогу взлететь, смогу сделать что угодно, и было так приятно думать, что это “что угодно” я могу сделать именно для тебя; по твоему голосу, который выдергивал меня из апатии и ступора – тем, как он неуловимо менялся, если мне, черт возьми, не казалось это, когда ты говорила со мной наедине, а я слушал тебя и не мог сказать ни слова от восхищения, от замирания в сердце; по твоей улыбке и твоему смеху, по тому, как сначала неловко, а потом, чем дальше, тем более увлеченно мы говорили обо всем на свете, как ты смеялась над самыми несмешными шутками, как тогда еще могла ответить на мое короткое сообщение целыми абзацами, как смущалась и краснела, как я, наконец, смог ненадолго понять, что могу быть таким, как другие, нормальные люди – и даже намного большим, чем любой из них, как ты спешила мне навстречу, когда опаздывала, и как смешно за это извинялась, как я не мог сдержать идиотскую улыбку при виде тебя, как терял голову, когда не хотел отпускать тебя ни на минуту; по тому, как ты волновалась, успел ли я на последний автобус и не сплю ли на вокзале, когда мы гуляли допоздна, по твоим пьяным сообщениям, о которых ты жалела спустя пару секунд и писала еще по десять сообщений, как будто те, что были перед ними, те, которые окрыляли меня и от которых все внутри переворачивалось и замирало, от это-

го исчезнут; по тому, как ты делилась со мной тем, что тебя волновало, теми мелочами, которые происходили в твоей жизни, по тому, как ты спрашивала о том, что волнует меня, нравится мне и происходит со мной – по этому взаимному интересу, который я не испытывал ни до, ни после; по тому, невыносимо близко ты была ко мне, когда я обнимал тебя – так близко, что ты могла бы почувствовать, как же быстро колотится мое сердце, что выдало бы меня безо всяких признаний, по запаху твоих волос, в которые я погружался и забывал, что вообще происходит вокруг, по тому, как я мечтал поцеловать тебя и поцеловал в первый раз, по тому, как мы напились весной и приехали к тебе, и в первый раз были вместе до утра, по тому, как я был нужен и небезразличен кому-то, по тому, каким все было... настоящим. По тому, как я мог думать, что жизнь прекрасна, и все будет хорошо. Я скучаю по тому единственному недолгому времени в моей жизни, когда я был жив. Жизнь, в которой всего этого нет – существование, а жизнь вовсе без тебя – смерть. Никто и никогда тебя не заменит, поэтому я буду ждать исполнения своей мечты вечность, если понадобится, в тысячах миров, а если вечности и других миров не существует – да плевать, я хочу тебя так сильно, что это создаст и вечность, и пространство вариантов, в одном из которых все это будет правдой. Ты, так или иначе, будешь моей, потому что так должно быть – и я знаю это так точно, как ничто другое. А ты предлагаешь мне идти дальше, найти кого-нибудь, попробо-

вать что-то изменить, но я никогда не смогу обнять кого-то, не вспоминая, как держал в своих руках тебя. Не смогу поцеловать кого-то, не думая о том, что это должна быть ты. Не смогу кого-то раздевать, не представляя вместо нее тебя. Никогда не смогу всерьез проникнуться чьими-то мыслями и чувствами, если это не будешь ты. Никогда не смогу себя простить за то, что сделал с единственным правильным и светлым чувством в своей жизни – предал, забыл, бросил у обочины и переступил. Никогда не хочу этого почувствовать, никогда не хочу потерять надежду, никогда не хочу отпустить тебя, никогда не хочу тебя разлюбить. Я сказал уже достаточно, чтобы ты теперь просто ушла, и мне уже страшно остановиться, потому что я думаю, что ты не сможешь уйти посередине фразы, и поэтому сейчас я продолжаю нести какую-то чушь, лишь бы вот так дальше сидеть рядом с тобой, хоть я и боюсь взглянуть тебе в глаза, пусть я и дрожу, и все вокруг плывет, но это все равно лучше, чем сидеть здесь одному, без тебя, вообще без никого, потому что тебя все, наконец, заебалю, ты ушла и... и... Черт!

– Я... я не знаю, что сказать. Я не могу ответить на такое сразу.

– Ничего. Я не прошу ответа на это. Просто посиди со мной, пожалуйста.

– Ладно. Ладно.

– Чувствую себя так глупо. Как герой молодежного ситкома.

– Еще и меня на роль подписал...

– Мы можем получить оскара за самую эмоциональную сцену года.

– Так себе утешение.

– Ну да, наверное. Да и нет такого оскара. Но я могу получить “золотую соплю”...

– Заткнись.

– Ладно.

– Знаешь, что мне иногда кажется?

– Что?

– Что я все это выдумал. Жизнь до тебя, тебя, жизнь после тебя, себя самого. А на самом деле я сижу где-нибудь в тюрьме в темной одиночной камере, на пожизненном за что-то ужасное, и, как наказание, галлюцинирую вот это все. Ведь тюрьма – это только правосудие. Настоящее наказание за наши преступления ждет нас у себя в голове.

– То есть ты думаешь, что я – твоя галлюцинация. Спасибо, я запомню!

– Я же не говорю, что я так думаю, я говорю, что иногда так кажется. Тогда все это приобретает смысл.

– И какой смысл в такой длинной и плохой истории?

– Сойти с ума.

– Как-то мало тянет на смысл.

– С чего ты взяла? Если бог хочет наказать человека, он отнимает у него разум. Не помню, кто сказал, но мне нравится.

– Ну и за что ты там сидишь?

– Наверное, за то, что я плохой человек.

– Ты не плохой человек.

– Почему тогда мы не вместе?

– Потому что не все сводится к тебе. Потому что я этого не хочу.

– Но ведь когда-то хотела.

– Все меняется.

– Это очень хреново. Пусть бы лучше ничего не менялось.

– Тогда ты бы мне никогда не понравился.

– Пусть бы все не менялось после того, как я тебе понравился.

– Какие сложные у тебя хотелки.

– Просто представь, разве это не было бы здорово – выбрать в жизни момент, период, в котором хочешь остаться навсегда? Чтобы не только ничего вокруг не менялось, но и ты не менялась сама.

– Как тогда развиваться?

– А зачем оно тебе? Зачем это стремление к переменам, почему не остановиться на чем-то, что тебе нравится здесь и сейчас?

– Потому что тогда ты никогда не узнаешь, есть ли впереди что-то лучше.

– Это глупо. Если сейчас тебе хорошо, то зачем искать лучшего? Ведь может стать и хуже. Зачем рисковать маленькой радостью ради большого счастья?

– Разве ты не счастья хотел всю жизнь? Ты же только об этом мне и рассказывал, что цель каждого человека – стать счастливым.

– Не нужно гнаться за каким-то неземным кайфом. Счастье – это когда тебе хорошо вот в этой точке пространства и времени. Я помню, как ты говорила, что тебе со мной тепло и хорошо.

– Ты слишком дофига помнишь, вот что я тебе скажу. И эта фраза еще не значит, что...

– Надеюсь, что ты помнишь хоть что-то из этого. И я всегда так хотел узнать – почему же тебе перестало быть хорошо со мной? В какой момент ты перестала думать обо мне, перестала хотеть встретиться, перестала хотеть хоть чего-то? И, главное, почему так случилось?

– Откуда мне знать? Ты думаешь, что я каждый вечер сидела и анализировала, на сколько процентов я довольна, и когда показатель вдруг опустился ниже половины, рассудочно решила – все, баста? Мне больше это не нужно? С этой секунды не думаю о нем? Нет, все не так.

– А как?

– Как будто ты не понимаешь. Просто... Без причины... Иногда что-то внутри заканчивается. А потом уже находишь для этого причины, обосновываешь. И решаешь для себя.

– Я не понимаю этих “беспричинностей”. Я никогда ничего не начинал и не заканчивал без причины, даже влюбленностей.

– Да ну, и по какой же причине ты влюбился в меня? Может, ты даже точный момент вспомнишь?

– Это был первый курс, семинар по истории информатики. Помню, что ты сидела слева от меня, чуть впереди и боком, я полудремал, и вдруг меня как будто током ударило – я сразу проснулся, поднял голову и увидел тебя.

– Ага, я тогда как раз в первый раз сняла паранджу.

– Нет, я как будто увидел что-то у тебя внутри, что-то яркое и... не знаю, родное, что-то, что я словно тысячу лет назад потерял, и вот вдруг случайно нашел. Дом, память, искра, видение, звезда, сон, последний кусочек мозаики. Так я влюбился в твой образ, который сам придумал. Ты сидела, сложив руки на столе, смотрела куда-то чуть влево и вперед, и черты твоего профиля, то, как ты шевельнула губами, как медленно моргнула, как слегка наклонила голову, твоя шея, и плечи, и волосы, спадающие на них, и большие блестящие глаза, и тонкие кисти, и все сразу и вместе – так я влюбился в твою внешность. А потом, когда через несколько дней я написал тебе, а еще через несколько дней мы разговорились, я влюбился в то, какая ты внутри. И чем больше я тебя узнавал, тем больше понимал – это все.

– Ты никогда не рассказывал об этом.

– У нас просто не хватило времени. Такое обычно вспоминают спустя хотя бы год после начала, а мы и половину едва протянули.

– И что тебе так нравилось в том, какая я внутри?

– Я не буду даже начинать. Там важно все, а все перечислять долго и бессмысленно, это ведь все равно ничего не изменит в моем “сейчас”. Не изменит тебя, не изменит меня. Слова – это просто слова, и, как бы хорошо я ни научился их подбирать и расставлять, я не смогу добиться единственного, что мне нужно. Как иронично, что одна из вещей, которые меня сводят с ума и привлекают в тебе – то, что ты все дальше и дальше меня отталкиваешь. Разве это не грустно?

– Грустно, конечно. Но почему ты не хочешь попробовать переступить через эти свои убеждения?

– Предать чувства?

– Попытаться представить, что не предашь чувства тем, что отпустил. Ты так сильно убедил себя, что нужно очень постараться, но ты можешь это сделать.

– Но хочу ли?

– Подумай сам. К чему бесконечно гнаться за тем, что ушло? Ты в разном времени с тем, чего ты хочешь, и никак не сможешь ухватить это. С другой стороны, если ты попробуешь переступить через себя, у тебя может получиться стать счастливым когда-нибудь.

– Без...

– Когда-нибудь ты сможешь представить себя счастливым без меня. Потом ты и вправду это сделаешь.

– Я думал, что это пройдет. Но снова и снова я повторяю одно и то же: мы не в силах перестать хотеть счастья. Для меня есть только один вариант счастья – быть с тобой. Да, мно-

гие говорят, что будут хранить поломанную игрушку любви вечно, но как многие это делают? И многие ли себя прощают за то, что убили в себе романтика и идеалиста?

– И ты тоже сможешь простить. Не буду называть это “повзрослеешь”, а то ведь обидишься. Сможешь, когда смиришься с тем, как все устроено. Примешь тот факт, что люди просто хотят друг друга, что это инстинкты.

– Желание завалить девчонку не объясняет желания каждый день просыпаться с ней рядом, идти на кухню и делать ее любимый кофе, желания убить каждого, кто даже попытается подумать о том, чтобы сделать или сказать ей что-то плохое, желания научиться кодить только для того, чтобы написать для нее приложение с комплиментами на телефон, желания выучить французский только для того, чтобы потом научить ему ее. Влечение и симпатия не вызывают приступы паники всякий раз, когда она долго не была онлайн, не превращают в ненавидящего и подозревающего всех вокруг ревнивого монстра, не лишают сна на всю ночь, когда она не читает сообщений, не заставляют сердце колотиться, а язык – заплетаться.

– Еще как объясняет. Все это мы придумываем себе, чтобы было не так стыдно за свою животную суть, чтобы возвыситься над своей природой. Это просто обертка, хоть и красивая, и я признаю, что это мило и приятно, но все же – я еще и понимаю, что это в каком-то смысле фальшь. Красивый обман самих себя, целая система из украшательств и

обмана. Но заставляешь себя делать вид, что веришь, не думать о том, для чего все это нужно, потому что так приятнее жить. Мне так проще смириться с тем, кто я есть, ведь я понимаю – правила мне не изменить. И тебе не изменить. Остается либо принять их и убедить себя, что все здорово, и однажды действительно поверить в это, или поставить себя против всего мира и быть несчастным.

– Ну вот ты и признала, что это обман. Жизнь в иллюзии, так?

– Да, в каком-то смысле.

– Тогда мне очень интересно кое-что узнать. Я как-то показал тебе аниме про Наруто.

– Ой, только не это, я тебя прошу!

– Подожди, послушай. Ты ведь была против идеи Мадары и Обито, помнишь?

– Помню-помню. Но тут дело в другом...

– Да как же в другом? Это буквально то же самое. Жизнь в мире грез, который ты не отличишь от реальности, в котором все идеально – самый эффективный самообман. Но ты говорила, что это фальшивый мир. И чем же он отличается от фальши, которую ты готова принять в мире настоящем?

– Да тем, наверное, что он весь состоит из иллюзии!

– Иллюзии, неотличимой от реальности. Ты сейчас можешь быть в вечном цукиеми, в матрице, персонажем в компьютере на тринадцатом этаже, во сне, который приснился единственному живому существу во вселенной – я могу дол-

го продолжать. Ты никогда не можешь точно сказать, что мир реален.

– Окей, пусть так. Я хочу жить вот здесь, в этом мире, чем бы он ни был, и я готова принять маленькую ложь о том, что люблю кого-то и буду с этим человеком до конца жизни. Но идею по собственной воле погрузиться в иллюзию я принять не могу.

– Ладно-ладно, я понял. А знаешь, чего хочу я? Послушай, может, подкинешь идею своему человеку, которому говоришь свою маленькую ложь. Я хочу танцевать с тобой под старые медляки, хочу сидеть с тобой в парке под весенним солнцем и планировать отпуск в начале лета или просто молчать и смотреть на небо, хочу уметь всегда рассмешить тебя и заставить забыть о том, что тебя беспокоит, хочу есть одно фисташковое мороженое или макфлари на двоих, хочу пойти с тобой в поход на неделю, хочу просыпаться и видеть, как у тебя во сне капаят слюни на подушку, чтобы потом все утро издеваться, хочу давиться тем, что ты готовишь и хвалить, даже если это гадость и вообще овощное рагу, хочу забраться с тобой на лимонное дерево утром и смотреть вдвоем на рассвет, раскуривая сигарету на двоих, хочу вместе с тобой собирать постеры наших любимых игр или наших любимых групп, и обклеивать ими стены, хочу ходить с тобой на аттракционы и тащить тебя на самые страшные, чтобы ты упиралась и кричала, но потом тебе было весело, когда мы будем сидеть на скамейке у реки, есть сахарную вату и вспоминать,

как нас только что круто швыряло, хочу вести байк по ночному городу, с тобой на заднем сиденье, обхватившей меня руками и крепко прижавшейся, хочу писать огромные полотна, детальные пейзажи и завораживающие портреты, и не показывать их никому кроме тебя, хочу пойти с тобой на авторынок за материалами для ремонта, а в итоге купить подсвечник и зарядки для телефонов, хочу, чтобы ты связала мне шапку и варежки, а на Рождество – свитер, и зимой всегда ходить в них, хочу сидеть напротив тебя в кафе и кормить с ложки вишневым пирогом, пока в наушниках играет та песня из “Твин Пикса”, хочу дарить тебе на каждую годовщину одну и ту же мягкую игрушку, только каждый раз все большую, хочу намутить нам травы или марок и дать тебе попробовать – чтобы ты поняла, что это такое, и чтобы этот первый раз прошел со мной и без последствий, а в идеале – был последним, хочу писать тебе письма, когда мы долго не рядом, хочу всю ночь напролет вдвоем проходить какую-нибудь кооперативную рпг с тонной шуток и странных квестов, хочу, когда ты уснула в кресле с книгой или за микроволновкой, переносить тебя на кровать и укрывать одеялом, так аккуратно, чтобы ты не проснулась, хочу не давать тебе перепить на тусовке, хочу вместе с тобой записаться на какие-нибудь курсы, хочу, чтобы ты могла забрать меня из отделения, если меня снова примут за переход не в том месте или за пьяный дебош, хочу, чтобы я больше никогда не дебоширил по пьяни, потому что у меня есть ты, хочу сидеть вместе с тобой в

зале ожидания и ждать, пока ты проснешься, потому что я уже хочу отойти в туалет, но ты спишь у меня на плече, хочу на двоих упиться ромом на кухне, куря трубку и играя в карты, хочу каждый день рассказывать тебе что-то новое, пока ты не узнаешь всю ту ненужную хрень, которую знаю я, хочу ходить в магазин за вареньем и в аптеку за таблетками и порошками, когда ты болеешь, а потом укутывать тебя пледом и, сидя рядом, поить чаем и рассказывать лор бладборна, или про квантовое бессмертие, или про историю и политику европейского возрождения и нового времени, хочу, общаясь с тобой, перестать бояться людей и общения, просто хочу тебя – раздевать, касаться и целовать тебя везде, сжимать горло и оттягивать за волосы, раз за разом проникая в тебя и ощущая, как ты бьешься и стонешь подо мной или надо мной, и мы становимся одним целым, хочу научить тебя смотреть ужастики, закрывая тебе глаза ладонями в самые страшные моменты, хочу научиться с тобой готовить разные вкусные штуки – пиццу по пятницам, лазанью во вторник, в четверг – печь пироги, в воскресенье – варить глинтвейн, хочу купить небольшой участок рядом с городом, переехать туда и превратить его в один из тех аккуратных и уютных английских домиков, хочу придумывать нам костюмы на Хэллоуин – такие, которых все стремятся, ну или просто офигеют, хочу съехать в обнимку со снежной горки, хочу приходить в дом, в котором меня будешь ждать ты, хочу сам ждать тебя в нашем с тобой доме, хочу научить тебя сотне вещей и сотне

вещей научиться у тебя, хочу показать тебе свои любимые места в городе и увидеть места, которые нравятся тебе, хочу рассказывать тебе все, буквально все – и знать все о тебе, хочу делать тебе неожиданные подарки без повода, хочу, чтобы ты ходила дома в моих майках – они будут тебе велики, и ты будешь выглядеть в них забавно, но тебе это будет нравиться, хочу вести с тобой стримы игр, радейку или вообще любую фигню на твиче и вынимать оттуда лавэ – ведь с тобой я буду снова веселым, мне все снова будет интересно, и нам будут много донатить, хочу сочинять сюжеты для свиданий – если ты думаешь, что слово “свидание” сопливое, то просто для времени вдвоем, хочу помочь тебе избавиться ото всех загонов и грызущих мыслей, хочу доказать тебе, что ты и правда прекрасная, замечательная и лучшая в мире – так, чтобы ты поверила, что это факт, а не просто слова, хочу греть твои ладони в своих, если ты зимой забудешь варежки, хочу слушать вместе с тобой музыку, лежа на полу и глядя на гирлянду на окне, хочу щекотать тебя, легко и нежно заламывать так, чтобы ты не могла и не хотела выбраться из объятий, и в шутку бороться, пытаюсь спихнуть друг друга с дивана, хочу пройти тебе место в сложной игре, на котором ты застряла, хочу держать твою руку в своей, хочу поправлять упавшую тебе на лоб прядь волос, хочу всегда впечатлять и удивлять тебя тем, сколько всякой фигни я знаю, и хочу, чтобы она тебе когда-нибудь пригодилась, хочу делать для тебя сборники песен на кассетах, хочу таскаться

с тобой по магазинам и ныть, что это долго и скучно, а когда совсем надоест – заходить к тебе в примерочную и пошлить там, пока снаружи стучать не начнут, хочу передразнивать тебя и стебать твои оговорки, но так, чтобы ты понимала, что это шутка, а потом все равно извиняться и целовать тебя, вообще хочу постоянно целовать тебя – везде, всегда, долго, хоть посреди потока людей, хоть на парковке, хоть перед телекамерой, хочу вместе с тобой лежать в постели на животе с чашкой кофе и читать комиксы (сначала научить тебя любить комиксы), хочу когда-нибудь заставить тебя бросить курить и бросить самому, хочу обнимать тебя, чувствуя себя целым и живым так близко к тебе, хочу вместе складывать пазлы и собирать Барад-дур и Хогвартс из конструктора, хочу читать тебе твои любимые книги перед сном, а потом выключать свет и рассказывать, как бы они могли бы продолжиться, хочу выбираться с тобой на природу – на пикники, в походы, на прогулки, в солнце, в дождь, в туман, хочу наткнуться на заброшенный поселок и разыгрывать тебя, будто мы попали в сайлент хилл, хочу кучу совместных фоток – повседневных, праздничных, случайных, пошлых, из путешествий, которые я бы полюбил, потому что ездил бы с тобой, хочу мотивировать тебя заняться тем, чем ты хотела бы заниматься для себя, хочу измениться к лучшему ради тебя и завязать со всеми саморазрушительными привычками, хочу быть тем, кто тебе дорог и важен хотя бы вполовину так же, как мне дорога и важна ты, хочу поставить мировой ре-

хочу по времени без ссор, скандалов и споров, хочу часами смотреть на тебя, потому что мне нравится смотреть на тебя, хочу избежать или хотя бы быстро избавиться нас от тех мелочей, которые разрушают отношения, хочу, чтобы мы были абсолютно искренни и открыты друг другу, хочу ездить с тобой летними вечерами по городу на велике, хочу сидеть на ковре у потрескивающего камина и играть с тобой в шашки на раздевание, хочу вместе наряжать елку, чтобы потом ее опрокинул кот, а в следующий раз поставить ее в здоровенный горшок, который его выдержит, хочу, чтобы мы понимали друг друга даже не с полуслова или взгляда, а просто думали симметрично, хочу ставить фильм на паузу и отправлять тебя к холодильнику, зная, что ты сейчас вернешься с пивом и сыром-косичкой и снова плюхнешься рядом, хочу, чтобы ты плакала только на грустных песнях и фильмах и никогда более, хочу, чтобы ты спасла меня от самого себя и снова сделала человеком, хочу, чтобы ты превращала мои страхи в храбрость, хочу показать тебе все поразительные картины, которые мне рисует воображение в мансарде сознания, открыв тебе туда дверь, хочу состариться вместе с тобой где-нибудь в Скандинавии. Это – жизнь, которой я хочу, жизнь, в которой мы вместе, и я хочу этого так сильно, что весь остальной мир и прочие люди, все цели, желания и занятия мне безразличны, ведь я не могу жить по-настоящему, пока вижу перед глазами эту не написанную пока что картину, пару деталей которой я сейчас описал.

– Потому что ты ничего не делаешь, только плаваешь в луже воспоминаний и копаешься в себе. Изменись сам – может, тогда и чувства изменятся.

– С другой стороны, я могу и дальше гнаться за тобой, и есть микроскопический шанс, что однажды ты вернешься.

– Нет, нету.

– Это ты сейчас так говоришь. Но ведь однажды все изменилось, разве нет? Почему не может измениться во второй раз? Иногда молния бьет в одно и то же место дважды.

– Нет, не изменится.

– Это ты сейчас так говоришь. Уж извини, но есть такой стереотип, мол, у девушек очень часто “нет” это “да” или “возможно”.

– Не в этом случае.

– А как понять, говоришь ты это действительно для того, чтобы я отстал уже, или это такая проверка странная? Типа “насколько он настойчивый”. Знаешь, у меня есть пара случаев из жизни, один у меня, другой у знакомого. В обоих случаях мы слышали “мы никогда не будем вместе”, но продолжали навязываться – я тогда не думал о вещах типа личного пространства, свободы выбора, того, как глупо я выгляжу со своей упертостью и так далее – такой пиетет начался с тебя, а этот знакомый до сих пор о таком не особо думает, и у него все замечательно в личной жизни – и, вот сюрприз, в обоих случаях через месяц-два-три все сложилось, и мы слышали вещи наподобие “я не думала, что ты будешь так

настоячив. Но сейчас-то все классно, так какая разница, что я говорила?” И эту вещь я никогда не мог понять и переварить, но на заметку я взял. Типа эти девушки были твердо уверены, что никаких отношений не будет, но потом парень что-то делает – крэкс пэкс фэкс, женская магия в голове – и они уже поменяли мнение. Возможно, ты просто не знаешь, как на тебя повлияет что-то, что я скажу или сделаю, или даже не я, а просто что угодно возьмет и все у тебя перевернет, и это станет реальным. Возможно, я отчасти еще и поэтому все никак не прекращу за тобой бегать – мне хочется узнать, что же именно такое нужно сделать, чтобы ты была моей.

– Ну и чушь. Сколько примеров ни приводи – это ничего не значит, у всех все по-разному. Окей, во-первых – ты ничего особо и не делаешь, кроме надоедания по всем фронтам, ничего шокирующего, впечатляющего, красивого и вообще меняющего мнение о тебе. Во-вторых, даже если и есть шанс, то он настолько мал, что глупо строить свою жизнь в надежде, что он выпадет.

– А тебе-то откуда знать? Если бы ты в прошлый раз знала, как и когда все закончится, разве ты бы согласилась тогда пойти со мной на каток на свидание, или встречу, называй как больше нравится? Точно так же и сейчас ты не можешь знать, что будешь чувствовать в будущем.

– То есть ты планируешь тусоваться где-то рядом, пока и если все вдруг не вернется?

– План ничем не хуже других.

– Хуже. А что, если мы просто перестанем пересекаться в жизни, я пропаду из соцсетей, что тогда? Как ты планируешь оставаться рядом, будешь следить за моим домом? Только попробуй сказать “да”.

– Если ты уйдешь из этого... кружка, ты все равно займешься чем-нибудь еще. Рано или поздно я узнаю, и тоже найду какое-нибудь занятие неподалеку. Переедешь в другую страну – я перееду тоже. Буду каждый вечер ходить в твои любимые бары, на концерты групп, которые тебе нравятся – где-нибудь, да и встретимся.

– Ты понимаешь, как это стремно звучит?

– Нет ничего хуже, чем то, что меня ждет, если я останусь без этого, так что мне плевать, как это звучит.

– А если я попрошу не делать всего этого ради меня?

– Не проси об этом, и мне не придется выбирать из двух плохих вариантов.

– Я не знаю, на что ты надеешься. Что я впечатлюсь твоим упорством?

– А разве девушкам не нравится упорство? Упорство, настойчивость, решительность, смелость, сила воли, чувство юмора, благородство, грубоватость – это все типичные качества парней, которые нравятся девушкам. Ты, насколько я помню, тоже девушка.

– Ты не думал, что какие-то из них могут нравиться сильнее, а другие – вообще не нравиться?

– Я дохрена чего думал, поверь. Столько всего обдумал,

что пропустил мимо жизнь.

– Ну, для кого-то, кто легко переживает неудачи, все проще. Извини, но ты все переживаешь слишком тяжело, так что лишний раз все взвесить не будет лишним, да и ты, как я вижу, не перестаешь этим заниматься.

– Ладно, можно у тебя спросить кое-что? Раз уж у нас откровенный разговор...

– Давай.

– Что тебе не нравится во мне?

– Настолько откровенный?

– Честно, мне очень неловко все это. Но я хочу знать, что...

– Что ты можешь изменить в себе, чтобы мне понравиться? Не надо. Ты не можешь ничего вернуть, я ведь уже столько раз сказала.

– Опять же, это ты сейчас так думаешь. Но если я смогу стать лучше – ты сама не заметишь, как изменишь свое мнение. Возможно. Но мне нужно знать, в чем именно мои ошибки, в чем я плох. То есть, мне-то кажется, что вообще во всем, но, если ты назовешь свой список, мне будет проще не обращать внимания на остальное.

– Под видом этого ты пытаешься узнать, что в тебе было причиной для того, чтобы я перестала к тебе что-то испытывать, да? Но я уже сказала, что это не конкретные ошибки, слова или действия, это просто... само собой так получилось. Все было хорошо, не вини себя ни в чем. Я пони-

маю, что тебе сложно принять, что что-то настолько личное и важное не зависит от тебя, и ты не можешь на это повлиять, но тут все именно так. Нужно просто перестать копать в прошлом и отпустить.

– Я хочу быть с тобой. Мне нет разницы, будет ли это продолжением чего-то, что было давно, или новым началом, мне просто нужна ты и нужно быть нужным тебе.

– Нет, этого не будет. Я знала, что ты будешь продолжать упорствовать и не сможешь отпустить меня, что бы я ни сказала. Так зачем...

– Затем, что я верю в любовь. Я точно знаю, что люблю тебя. Знаешь эти дурацкие эпизоды в фильмах, в книгах – да в чем угодно – когда главный герой начинает сомневаться, когда его пытаются сбить с пути? Я не поведусь на это. Я люблю тебя, и никогда не перестану любить тебя – все вот так просто, как бы банально это ни звучало. Знаю, ты и правда не любишь такие разговоры, так что можешь уже не отвечать. Я всего лишь хотел сказать все то, что сказал. Дроп зе майк.

– И что, как думаешь, этот разговор что-то изменил?

– Любые слова что-то меняют, если были услышаны.

– Ох и не хотела бы я оказаться на твоём месте, когда ты разочаруешься в своих взглядах...

– Не переживай, этого не случится. Но, в любом случае, спасибо, что поговорила со мной.

– Ну, надеюсь, тебе это чем-нибудь поможет.

– Посмотрим. Ну что, пойдём, наверное?

– Ага. Тебе же на троллейбус?

– Да, к стадиону.

– Мне туда же. Может, пройдемся через набережную?

Обещаю – приставать не буду.

– Ну, раз обещаешь. Хорошо.

Официант подошел к столику и принял оплату через терминал. Забирая стакан и кружку, он заметил, как посетитель, выходя из зала, придерживает дверь, будто пропускает кого-то вперед. Официант пожал плечами и отвернулся. Он видел и более странных гостей.

Картина вторая. The other me

Ползут по аду два новеньких грешника, дергаются, стонут и кричат от боли – горит огнем сам воздух. А навстречу им – грешник-старожил, объят настолько жарким пламенем, что оно синее, но идет безучастным прогулочным шагом и насвистывает песенку. Новенькие у него и спрашивают: “Мужик, тут всегда огонь такой жаркий?” Тот молча проходит мимо, а через пару минут задумывается: “Какой еще огонь, мать его?” Охотник Клайм Алек Алек G809 пересказывает свой вариант шутки про рыб и воду коллегам где-то в межгалактическом баре посреди космоса

Первая бутылка с легким звоном заняла свое место под кухонным столом. Он оценивающе взглянул на свою собутыльницу – та со вздохом опустила голову на ладонь и кивнула. Он извлек из холодильника вторую бутылку и две банки энергетика, открыл емкости и на две трети наполнил стаканы желтой пузырящейся жидкостью, после чего добавил темный ликер. Стаканы звякнули, и они выпили. Девушка нахмурилась, словно пытаясь что-то вспомнить.

– Так что ты говорил про свободу выбора?

– Свобода выбора есть. Свобода воли есть. Мы все свободны – и я, и ты, можем делать, что захотим, не задумывая

ьясь о последствиях. Дети свободы, дети скорости, дети глупости и сожалений – мы всю жизнь обманываем себя, думая, что куда-то движемся, к чему-то идем, развиваемся, ищем удовольствия и счастья, а на самом деле мы просто скатываемся все глубже на дно, быстро или медленно, явно или незаметно, но превращаемся из детей, искренних, чистых, добрых – в чудовищ, прячущих свою мерзкую суть за разными масками. Да, мы многое знаем и умеем, мы научились красиво разговаривать, изучили заумные теории и искусные практики, можем ориентироваться в каждой сфере жизни, совершаем взрослые поступки, но внутри мы так и остались детьми, эмоционально и психически незрелыми, совершенно не готовыми к такой жизни, но уже испорченными ею и прогнившими. И мы так трясемся за выборы, которые делаем, полжизни проводя в сомнениях, или опускаем руки, решив, что все predetermined, и у нас нет власти над своей судьбой, но мы так неправы. Нет ценности в нашем выборе, потому что мы, по сути, ничего не выбираем, мы лишь умножаем варианты. И нет никакого детерминизма – даже если он имеет место быть, то только в грубой реальности, а не в наших головах, а мы настолько оторваны от реальности, что находимся с ней почти в разных измерениях.

– А при чем тут кванты вообще?

– Если мы примем, что кванты могут находиться в двух состояниях одновременно и не принимают конкретного, пока мы не попытаемся это состояние определить, и если за-

коны микромира каким-нибудь образом распространяются на обычный мир, то мы сможем сделать несколько интересных выводов. Первый и основной: каждое измерение состояния кванта расщепляет вселенную на две части, точнее – рождает дополнительную вселенную. В первой квант после измерения становится частицей, во второй – волной. Второй вывод: вселенная, в которой квант после пяти тысяч измерений остается частицей – реальна, просто для ее появления необходимо появление невероятного числа вселенных, в которых последовательно после каждого из пяти тысяч измерений квант оказывается волной. Грубо говоря, в одной он становится волной после третьего измерения, в другой – после четвертого, в третьей – после пятого и так далее, и это мы еще не считаем все возможные комбинации, только первичные отклонения от необходимого нам варианта. Итак, два второстепенных вывода, и вот первый из них: наши выборы не решают ровным счетом ничего, кроме как вопрос “Будет ли вот это конкретное развитие событий иметь место вот здесь, во вселенной, в которой перед тобой стоит выбор, или же оно случится в той вселенной, что родится после того, как ты выберешь другой вариант”. Ты можешь подумать, что вселенная, в которой ты выбираешь – основная, но задумайся, сколько раз до этого ты выбирала между чем-то еще, и вспомни, что рождение человека – тоже вероятность. Ты не можешь сказать, что вот эта конкретная ты – настоящая ты, потому что тебя настоящей нет, есть лишь разные варианты

тебя, и у всех у них одно и то же прошлое – ровно до момента, пока ты не выбрала что-то. А “выбор” – это не только твои осознанные решения, это каждый миг твоей жизни, и вообще каждый миг, что мир продолжает существовать, каждый миг, в котором у понятий “существование”, “время”, “материя”, “пространство” и так далее есть реальные воплощения, которые мог бы зафиксировать абстрактный мозг.

– Окей, андэстэндабл. Хотя это все еще похоже на предопределенность. А что второй вывод?

– Второй вывод: смерти нет, в квантовом смысле мы все бессмертны. Просто каждый раз, когда я должен умереть, рождается вселенная, в которой я не умираю, и просто продолжаюсь дальше, и так почти до бесконечности.

– Так что же в итоге?

– А итог зависит только от твоего воображения. Представь, что вселенной и правда 13 миллиардов лет. Каждый миг из этих миллиардов лет она вероятно и событийно “разветвляется”. То есть состояние вселенной, грубо говоря, определяется движением ее самых мелких, неделимых частиц.

– То есть, ты все же соглашаешься, что она бесконечна?

– Нет, я не соглашаюсь, что она бесконечна, я лишь говорю, что она стремится к бесконечности в геометрической прогрессии – как ветвь гиперболы, на все меньшее расстояние подходящая к оси координат, или как ряд радикалов из, например, четырех – числа, получаемые при извлечении

корня из числа четыре, становящиеся все меньше, но не достигающие нуля. Так вот итог зависит от воображения как раз потому, что самая отличная от нашей версия вселенной за 13 миллиардов лет непрерывных изменений может быть вообще чем угодно. Но не будем слишком усложнять. Вселенная, где мне и правда однажды исполнится 800 лет – она будет существовать. Вселенная, в которой все так, как я хочу или хотел – она реальна, она существует, просто в ней живу другой я, как в песне “The Other Me” Джима Стерджесса.

– Хорошо, выводы сделаны. Пока более-менее понятно. Теперь давай к перемещению между реальностями.

– Если ты помнишь, я тебе объяснял, как может работать телепортация – за счет квантовой запутанности, когда два спутанных кванта меняют состояние одновременно – мы измеряем состояние одного, и в тот же момент другой – держи в уме, что для этого процесса расстояние и время не играют роли в принципе – принимает противоположное состояние. Ты – набор квантов. Напоминаю: берем набор противоположных тебе квантов и отправляем на луну, затем “измеряем” состояние твоих квантов – и вот ты уже на луне, а тот набор, что мы туда отправили – здесь. Так вот, вопрос: допустим, я точно знаю состояние квантов того меня, который в другом мире, в счастливом мире, где у него все заебись, как он и мечтал, и я знаю, как изменить состояние всех своих квантов так, чтобы они были точно противоположны ему...

– Значит, когда ты одновременно измеришь состояние

каждого кванта в этом наборе, ты фактически переместишься в этот другой мир?

– Да, мы поменяемся местами. Мы на теоретических выкладках поняли, что это возможно, теперь вопрос – как это реализовать? Как мне сбежать из этого места и попасть в другой мир? Где нет того, что я так ненавижу здесь, того, что я не могу изменить, с чем вынужден мириться и терпеть каждый день, где все люди выбирают то, что я хотел, чтобы они выбрали, говорят, думают и чувствуют то, чего от них хотел бы я. Нет, это не марионеточное измерение, где все в моей власти, это просто единственное место, где я могу когда-то стать счастливым, не зная точно, как все будет, но зная, что все будет хорошо. Где не нужно пытаться сделать счастливыми людей, которым плевать на твои усилия, где не нужно что-то ненавидеть, критиковать и высмеивать, где люди – это не скотина, не собственность, не игрушка, не средство для других людей, где нет нерешаемых конфликтов, где все устроено правильно и разумно, где есть искренность, справедливость и взаимность, где есть доброта и смысл. Мир гуманизма, понимания и милосердия. Мир, которому не нужен бог-палач и бог-спаситель – там я хотел бы жить.

– Как-то грустно, тебе не кажется? Почему же бегство туда, а не попытка изменить что-то вот здесь?

– Потому что в “здесь” я уже почти не верю. “Здесь” отвечает на добро почти всегда лишь злом, в лучшем случае – безразличием. “Здесь” – “инициатива ебет инициато-

ра”. “Здесь” мы упустили момент, когда нужно было выйти на новый этико-социальный уровень и кардинально измениться как биологическому виду, и вместо этого изобрели “оскорбления чувств”, затычки для собачьей задницы и айфон. Оглянись вокруг – это же начало конца. Общество расколото, интернет и новые технологии позволили нам общаться одновременно с десятками, тысячами, миллионами людей, позволили найти любую информацию, мы перешли на новый уровень взаимодействия, будучи к нему еще не готовы, поэтому усиливается радикализация и поляризация в обществе. Люди суетятся со своей политикой, глобальным потеплением, вымиранием видов, солнечными вспышками, отбором друг у друга привилегий, астероидами, деградацией культуры, перенаселением, мемами, голоданием, ледниковым периодом, скандалами знаменитостей и с чем угодно еще, но не видят главного – наше общество, весь наш вид пропустил поворот, искривился в странную сторону и начинает коллапсировать.

– А как же твоя идея с достижением понимания, общественным диалогом и консолидацией? Разве ты уже не веришь в то, что развития можно достигнуть при помощи искренности и открытого диалога?

– Небольшие группы на это способны – они могут собраться в одно время в одном месте и решить свои разногласия путем обсуждения. Но это не сработает в случае со всем человечеством. Мы же не можем сказать “Так, в среду в семь

часов всем людям быть в Стокгольме, будем говорить и решать вопросы” – нас слишком много, и мы слишком разные, и тем для обсуждения слишком много.

– Ну, мы ведь могли бы попробовать сделать мир лучше вокруг себя – у себя дома, в местах, где мы часто бываем, в нашем ближайшем круге общения, в собственных мыслях и образе жизни, и тогда другие люди, наши близкие, увидев такой пример и ощутив на себе наше искреннее желание сделать для них добро, тоже по мере сил стали бы делать так же, и все распространилось бы очень быстро. Разве нет?

– “Начни с себя”, ага. Только вот есть пара моментов. Во-первых, мы не можем выработать общую мораль, пока у нас не будет единой культуры, единого государства, единого языка и единых правовых норм. Во-вторых, нужно быть реально святым, чтобы довести это даже в рамках своей страны, языкового и культурного поля до заметного уровня – настолько от людей нет отклика. Зачем это все, к чему метать бисер перед свиньями?

– Как высокомерно с твоей стороны.

– Нет, я не высокомерен, неправда, я не говорю, что я лучше других, я всего лишь о том, что сколько бы я ни пытался – пусть даже в мелочах – делать для людей что-то хорошее и иногда подавать пример, как мне казалось, правильного поведения, это не работало. И, в общем, я устал и разочаровался во всем и во всех, и в себе в первую очередь, как в человеке, не оказавшемся способным кого-то изменить в

лучшую сторону, удержать рядом, что-то исправить, создать что-то значительное. Поэтому я и хочу уйти отсюда куда-нибудь еще, где уже хорошо, и не надо ничего исправлять, нужно лишь не портить, а “здесь” – ну и черт с ним, пусть тут происходит что угодно, мне уже все равно.

– Ну ты же понимаешь, что все твои теории работают только на уровне микромира, и вряд ли применимы к такой крупной штуке, как целый человек?

– Ясен хрен. Это так, жонглирование словами, чтобы тебя немного развлечь. Я в курсе, что мне отсюда никуда не убежать.

– Ладно, пленник, развлек. Пойдем покурим?

– Пойдем покурим.

Они допили по второму стакану и пока еще ровной поступью направились к выходу из квартиры. Через минуту после того, как хлопнула входная дверь, на кухне объявился мохнатый пес. Встав передними лапами на стол, он стянул с тарелки три оставшихся ломтика колбасы и, с аппетитом их прожевав, с довольным видом улегся у батареи. Его устройство мира полностью устраивало.

Картина третья. Сейчас и здесь боли уже нет

Наверное, самая большая ошибка человека в его восприятии действительности состоит в том, что по каким-то причинам человек может счесть, будто мир вокруг к нему благосклонен, добр и гостеприимен. Такая наивность неописуемо опасна – представьте, что какая-то антилопа вдруг решила, что она – венец творения, и принялась радостно скакать по илистому мелководью широкой реки, не обращая внимания на странные чешуйчатые коряги в воде. Нас вряд ли сожрет крокодил, но общество, которое мы создаем и в котором живем – это нечто в миллион раз опаснее. И речь не только о жизни отдельно взятого индивидуума или его физическом здоровье.

Неизвестный автор, “Ген смерти”

Мое сознание парило в пустоте безвременья, размышляя над тем, что же оно такое, и почему здесь оказалось. Я никогда не отдавал себе отчет в том, как рождается тот или иной психоделический и сюрреалистичный сюжет – во сне, во время трипа, просто от игры воображения. Но сейчас все немного иначе, и мне трудно это описать. Во сне есть очень твердое убеждение в том, что ты не спишь (если сон этот –

не осознанный), под галами ты даже не задумываешься, что реально – перед тобой стоят задачи поважнее, а обычные же фантазии приземленные, и из них всегда очень легко вернуться в действительность. Тут же было что-то еще, такого я раньше еще не чувствовал. Не хочу сказать, что это потусторонний, сверхъестественный опыт, потому что я не особо верю во что-то такое, но... В общем, не знаю, как это объяснить, но я абсолютно оторван от реальности, и от своего тела, и в какой-то степени даже от своего сознания. Вот бы посмотреть сейчас в зеркало на себя изнутри черепа. Все как будто вывернулось наизнанку, все шиворот-навыворот. Если наш мир – обычная штука, то если все его содержимое вывернуть наизнанку, то какие будут законы у этого места? Не уверен, что я – это именно я, да и понятие “я” начинает очень быстро ускользать, когда объекты перед тобой состоят из тебя, и ты явственно ощущаешь касание космической пыли той частью своей кожи, что натянута вон на ту поверхность вдалеке. Под той моей кожей, что у меня под ногами, копошились какие-то мерзкие насекомые, и изнанкой кожи я видел, как они выглядят – шароголовые, деловито-мохнатые, с морщинистыми лицами на спинах, они маршировали вдоль и поперек, мерно покачиваясь внутрь и наружу. Две руки, стоит их сжать – и на горизонте возникают два колоссальных ядерных гриба, и спутников Марса как не бывало. Мысли только о том, как материализовать в пределах видимости то, что я еще хочу уничтожить. Боже, какой длинный

список. Иди сюда! Глаза сужаются, и я пролетаю сквозь измерения, как ебанный доктор Стрэндж, но я отвечаю, увидь он то, что вижу (конечно, вижу не в прямом смысле, это такое условное слово, это даже ощущением или пониманием не назовешь) я – он бы не стал учиться на мага. Мне страшно, может кто-нибудь меня забрать отсюда? Пожалуйста? Хоть кто-нибудь? Домой! Тело вновь растеклось по поверхности, и глаза оказались друг напротив друга, так что теперь я могу видеть на 360 градусов. Ха-ха-ха. А если поставить посередине двустороннее зеркало? А если я начну светиться изнутри, с нормальной стороны, все ли там останется цело? И вернусь ли я на нормальную сторону? Твою мать, это же, получается, со мной сюда и все остальные попали. Так, надо всех собрать, каждого человека. Я помню каждого человека. Я всех соберу, и мы вернемся, вот только я сам для начала... Иногда, чтобы сделать шаг, нужно перед этим мысленно за полчаса пройти лабиринт, который ведет к нерву, который отвечает за шаг вперед. Все в курсе, что человеческий мозг обычно обрабатывает меньше 10% информации, которую получает из внешнего мира? Сейчас я где-то процентах на семидесяти. Так, нужно всех найти. Вдруг на руке растут цветы. Даже не на руке, а из руки. Из меня растут цветы, это же ненормально, да? Почему я не разбираюсь в цветах, если бы я знал, что это за цветы, я бы нашел способ их понять. Теперь руки гнутся в другую сторону, напротив висит бубновая семерка, и из нее я достаю корону, водружаю

на голову. Сразу же по макушке что-то забегало – видать, скорпионы гнезятся, что-то такое. Семерка превращается в огромную вагину, из которой вылетают разные предметы и понятия. Вот. Например – огромный череп оленя, мертвый череп, просто кость головы мертвого оленя, на одном рогу застряло облако. Удивительные создания эти облака, да? Вот на это я вешаю одно понятие, не буду говорить какое, как ребенок вешает на спинке кровати разочаровавшую его куклу. Пока я полдня это делал, из глазницы оленя выползла змея и вползла на мою руку, обвила ее. Тут она раздваивается. Одна голова кусает меня за запястье, и я смотрю ей в глаза, пока не понимаю, что вместо глаз у нее лиловые таблетки. А другая голова открывает пасть, и в обратную сторону запястья вонзается узкое лезвие, похожее на клинок даги. Прыжок вокруг – и перед глазами появляется огромная мертвая рука с фиолетовыми ногтями, просто протягивается из пустоты, и она держит свиток, который все разворачивается и разворачивается. Не хочу даже видеть, что там написано, даже если бы мог понять – не смотрел бы. На мою голову – в трех метрах от меня – садится ворон с сотней глаз, и начинает клювом вбивать в нее гвоздь. Здорово, что этого-то я не чувствую. А потом его глаза увеличиваются и окружают меня, и вокруг не остается совсем ничего, ну, кроме этих внимательных глаз. Теплая влажная смерть расстилается наружу, и внутри восходит черное солнце. Пена, пена, пена. Мое сознание накачивает вокруг волной, смывая все, что ему не подчиняется.

Оголяя пропасть. Между ними пройдешь в ворота. Блаженство не заставит себя ждать. От него ты закатываешь глаза, и они проворачиваются внутрь черепа. Хватка. Натяжение. Битва начал. Конвульсии, судороги, спазмы. Мозг пылает, у тела почти нет чувств, только странное, далекое-далекое-далекое-далекое-далекое-далекое сожаление и страх, что... Не хватает воздуха. Пусти. Это уже не игра. Кость! Кость разрывает мясо и кожу, белеет в вакууме. На моей кости кислота, амброзия, оближи ее. Девять труб трубят. С темным воскрешением. Подчинение, власть, насилие – и это необъяснимо расплывается вокруг сознания, природа этих склонностей на миг становится понятна. Все застигает белый цвет, раскладывающийся на какофонию звуков. Протяженный крик наслаждения – и гулкий хохот из колодца. Владей, принадлежи, бойся, не сопротивляйся... Мысли танцуют с чужими, и нужно прервать их танец, пока не поздно. Шелест, и тонкий смех, и меня обволакивает что-то приятное и мягко-бархатное, а потом вдруг взрыв изнутри, собирающий воедино, пик всего. Да когда же это закончится? Как отсюда выбраться? Пока все затихло, но я знаю, что только на время. И тут в пустоте космоса я замечаю что-то до щемящей боли в груди знакомое. Вот уж где не ожидал это найти. Усилием воли я направляю тело туда, и через пару минут прикасаюсь к внешней стене своей комнаты – комнаты моего дома, настоящего, которого я так и не нашел там, на прошлой стороне. Это мое место – безопасность, покой, умиротворе-

ние, воспоминания, мечты, тепло, уют. Место, где больше не достанут волны и грозы, и огонь, и удары, и слова, и пол не уйдет из-под ног. Я забираюсь через пролом в стене внутрь комнаты, пролом не зарастает, но так даже лучше – я хочу помнить, от чего я тут прячусь. Теперь я уже не хочу кого-то там находить и куда-то там возвращать, разберетесь сами, никто мне не нужен. Вы-то меня не искали, не правда ли? Так что удачи, я останусь тут, а вы там все хоть сгорите. Мой дом. Мое место. И мне уже не страшно. Комната была большой, ее заливал теплый свет желтой лампочки под потолком, словно маленькая звезда, подчиненная и взятая в плен. Стол, кресло, шкаф. У окна с видом на космос – батарея. Я подошел к ней и сел, опершись спиной, как делал много раз до этого в домах, которые пытались быть моими, но у них не получалось. И снова – никаких тяжелых воспоминаний, никакой тоски, только спокойствие и безопасность. Комната была полна моих вещей, памятных и личных, не буду их все описывать, но среди них мне было так приятно находиться и понимать, что они – мои, что это место – мое. Я свернулся калачиком у батареи и хотел уже было заснуть, как вдруг голову пронзила мысль: вещи мои, а я – ничей. У меня нет связей, я один, в вечной пустоте. И теперь комната уже не казалась моим домом, и начала меняться на глазах – расширилась, потемнела, стала прохладной и сырой, все мои вещи пропали, а вместо них появился большой круглый стол. Вокруг него были расставлены стулья, посередине была дыра,

где стоял еще один стул. Что-то заставило меня забраться в центр и сесть. Моментально все вокруг погасло, наступила полная темнота. И в этой темноте со всех сторон начали раздаваться голоса.

– Это нужно тебе, а не мне. Ты что, дурак совсем, не понимаешь? Как можно быть таким эгоистом?

– Бля, да тебе сложно что ли? Пиздец, как нормального человека попросил...

– Ну и что, что было? А сейчас нет. И все тут. Отвали уже.

– Все с тобой понятно, даже приехать не можешь. Ой, да какое “всегда приезжаю”, сейчас же не приехал. Ладно, занимайся своими делами, делай что хочешь. Нет уж, не надо, не хочешь – без тебя справимся.

– Не знаю, я занят, давай как-нибудь в другой раз, оке?

– Расскажите, что у вас нового? Мм. Так. Продолжайте, продолжайте...

– Чего тебе надо, мест что ли мало? Я тебя вообще не знаю!

– Какое мне дело до ваших трудностей. Вы знали, на что идете, вас никто не заставлял сюда приходить. Так что будьте добры делать, что вам говорят.

– Иди ты нахуй короче, оно мне надо, такое общение? Пиздец, вместе прошелся – услугу оказал. Все, не хочу тебя знать, заебал.

– Я все понимаю, но таковы правила. Ничем не могу помочь.

– А, привет, это ты... Ну так, нормально в общем... Слушай, извини, я спешу. Пока.

– Нет, это ты не слушаешь! Все это бесполезная фигня, это неважно, а что важно – так это мои курсы, и я должна была целый час это делать сама. А вообще... Все, мне надоело. Я ухожу.

– Здоров, слушай, я насчет дисков. Подожди, ты же говорил, что будут? А, ясно. Удачи.

– Это ваша забота – найти источники. Вы должны это знать. Что значит “нельзя все это запомнить”? Какая разница, сколько нашли остальные, я с вами сейчас говорю. Знаете, мне кажется, что нам придется с вами расстаться.

– Чел, ты много о себе думаешь. Ты же пустое место, лол.

– Да всем похуй, что там у тебя. Уговор был на пять, остальное – твои проблемы.

– Просто будь собой. Что тут сложного? Это же так просто. Попробуй! Все получится!

– Слышишь, ты что из себя строишь? Урод. Нам такие нахуй не нужны, катись отсюда!

– Ты еще ничего не понимаешь, это все неважно. Хрень это бесполезная. Что значит “все вокруг”, покажи мне этих людей! Чепуха какая-то, не выдумывай. Зачем ты врешь?

– Твоя ошибка. Кто тебе так сказал? Хуйня, я уверен, ты просто неправильно понял.

– В смысле “не получается”, для этого даже делать ничего не надо, просто быть собой. Не понимаю, не может тако-

го быть! Все с миром нормально, и с людьми тоже, значит, проблема в тебе. Даже не знаю, чем помочь...

– Опять пиздишь? Да как тебе можно верить вообще, забей.

– Да откуда у вас ноги-руки растут! Ну что поделать, ничего из вас не выйдет. Я вам конечности исправить не могу, так что до свидания.

– Знаешь, мне не нужны такие отношения. Разрушай жизнь кому-нибудь другому, пожалуйста, а с меня хватит.

– Как можно “не понимать, что реально”? У тебя с головой все в порядке?

– Ну, значит, ты долбоеб, если не понимаешь, что все зависит от тебя. Ляг и умри тогда.

– У всех проблемы есть, ты не особенный. Ну да, забрали, и что? Мне кажется, ты это вполне заслужил.

– Чего вы боитесь? Правда? Любопытно. Давайте поподробнее: как давно это началось? Нет-нет, что вы, вам ничего не угрожает.

– Эй, ты, в пятой, на выход! Прогулка! Если не встанешь – я все равно тебя выволоку.

– За что? Ты мне не нравишься. Мне этого достаточно.

– Придурок, думаешь, это классная шутка? Завали ебало! Я знаю, что ты хотел сделать! Ну сейчас ты выхватишь...

– Это наверняка поможет. Просто продолжай пытаться. Ты ведь еще принимаешь лекарства?

– О чем ты вообще думаешь? Боже, какое же ты разоча-

рование.

– Все это выдумки, ты врешь. Такого просто не бывает. Ни один нормальный человек в это не поверит!

– Да что, блядь, с тобой не так?!

– Иди отсюда. Иди прочь и сдохни в одиночестве.

И все вдруг пропало, так же внезапно, как и появилось. Вновь вокруг была лишь беззвучная пустота. А какая на самом деле разница, что было вокруг? В чем вообще был хоть какой-то смысл? Ну пустота. Ну тишина. Ну темнота. Ну одиночество. Ну и что? Я уже не чувствую ни обиды, ни злости, ни жажды мести, ни отчаяния, ни боли. Ты задумываешься иногда, что остается в самом конце пути человека, который в своей жизни только теряет и разочаровывается? В конце он приходит к едкой горечи безразличия ко всему на свете. Все эти философские концепции, абстрактные вопросы и тому подобное – все это растворяется в нем, ничто уже не задевает, не трогает, не вызывает эмоций, чувств и мыслей. Это нельзя сказать так, чтобы человек, никогда ничего похожего не испытывавший, понял, каково оно. Да и зачем что-то говорить? Зачем что-то описывать, писать, формулировать, кому-то объяснять, когда ты уже вне пределов человечности. Ни хорошо, ни плохо. Срать на символы, срать на связи, срать на концепт, срать на идею, срать на душу. Максимализм? Нигилизм? Фатализм? Идиотизм? Срать. Тянет срать и блевать. Блевать своим сознанием, просираться своей личностью – пока не останется пустая оболочка, грязная и

глупая. Сдуется и упадет в бездну. Там и место всем нам – в забвении, в небытии; только там место нашему злополучному роду, задыхающемуся в своей лжи, боли и разобщенности, раздираемому на части потребностью в счастье и недосягаемостью этого счастья. Я орал от боли, молил о помощи и понимании, пока не потерял голос – но никто так и не услышал. Что, слова слабака и ничтожества, опустившего руки, капитулировавшего перед судьбой и своими бедами, переставшего снова и снова пытаться, бросаясь на выщербленные стены безумного равнодушия людей друг к другу? Как угодно, вот только пусть каждый будет уверен, что когда оступится, когда упустит что-то, чего упускать нельзя, когда случится беда, когда что-то сломается внутри или медленно угаснет, тогда вззоет, завопит, надорвет глотку, повизгивая и рыдая – если ему повезет так же, как мне, а от этого никто не застрахован – мир брезгливо сморщится и выставит его за дверь. Да, я долго орал, колотя в дверь кулаками, пока не сбил их до кости. А сейчас и здесь... Сейчас и здесь боли уже нет. Каждому предстоит убедиться в этом на личном опыте, так что – до скорой встречи.

Картина четвертая. Eloge funebre

Ты либо умираешь героем, либо живешь до тех пор, пока не становишься злодеем.

Харви Дент

После своей смерти я много думал о прожитой жизни. Я долго пытался кое-что сформулировать, и у меня почти получилось. Вся суть жизни для меня – в том, чтобы гнаться за одним-единственным ощущением. Что за оно? Сейчас расскажу. В своей голове, в снах, мечтах, галлюцинациях и фантазиях, я прожил миллионы жизней – настолько удивительных и наполненных совершенно разными образами, что в итоге все это перемешалось и в какой-то момент начало мне казаться моей собственной жизнью, такое оно было яркое, будоражащее и сильное. Ну, это самое чувство, когда ты представляешь что-то слишком ярко, и оно как бы обретает жизнь от силы твоих впечатлений, будто бы становится реальным в каком-то смысле. Я не сошел с ума, я понимаю, что ничто из этого не явилось в наш мир, и если я очень ярко представлю чашку чая на столе перед собой – она там не появится. Но, с другой стороны, она все же там появится. Это как быть мертвым и живым одновременно, как идти в противоположные стороны, как смешение белого и черного, но не серое и при этом все же одного цвета, как два ме-

ста в одном месте, как беззвучный звук, как зрячесть слепца, как река с тремя берегами, как круглый куб, как увеличиваться, уменьшаясь. Да, понять это сложно, и я сам могу это зафиксировать только на уровне ощущений, но так это и работает – разрушение понятия “парадокс” открывает перед тобой дверь, в которую можно войти, но выйти уже нельзя. Так что все, что рождено моим воображением, в каком-то смысле действительно реально, не являясь при этом реальным. И эти миллионы жизней действительно обрели форму. И когда вдруг в своей короткой жизни здесь, за те шестнадцать лет, что помнил, я приближался к границе, что отделяет меня от пространства, где все это существует, почти переходя ее, почти касаясь того, что выдумал – это были минуты, когда я чувствовал себя живым. Что угодно. Картинка перед глазами, которую я когда-то представлял, фразы, которые я слышал до этого только в своей голове, события, похожие на или целиком повторяющие события из тех жизней, и особенно – люди, которых я как будто уже знаю, как будто они тоже жили в моей голове. Я, конечно, не думаю, что я кого-то выдумал, и не переношу образы на реальных людей. Так любят объяснять дежавю, мол, ты сначала что-то увидел, а потом тебе показалось, что ты видел это еще раньше, якобы человек экстраполировал реальность на свою память. Нет, это не так. Да, я не могу этого доказать, но точно знаю, и остается либо поверить мне, либо нет. Вот в этом и есть смысл моей жизни: я и остался прежним гедонистом, и

одновременно перерос это, мне начало приносить настоящее удовольствие только то, что совпадало в реальной жизни и воображении. Я постоянно пытаюсь претворить свои фантазии в жизнь, и даже самые мелкие, вроде “Увидеть это здание в сентябре вот из этой точки, когда солнце будет над самой его крышей, мимо будет проезжать велик, похожий на “Сильвер” Билла, листья будут красными и оранжевыми, будут танцевать на ветру, а у меня в руках будет хот-дог” когда сбываются – дают мне испытать что-то особенное, сверхчеловеческое. Не говоря уже о самой большой из этих фантазий – мечте, за которой я шел, веря, что если она сбудется – моя жизнь изменится навсегда вместе со мной, и тогда я и сам смогу изменить что-то вокруг себя к лучшему, изменить этот мир для других, поделиться с ними своим счастьем – не как пророк или мессия, а просто как человек, открывший в себе силы и желание помогать, понимать, принимать, спасать, вести за собой. Это и было моей мечтой – сделать хоть немного счастливее всех, кого смогу, всех, кто захочет это принять, когда сам обрету то, чего желаю для них. Но слепой не может быть поводырем, а немой – учить пению, и теперь я лучше понимаю, как все устроено на самом деле – я понимал это и раньше, понял еще давно, даже слишком рано, но правда была настолько жуткой и мерзкой, что я отказался в нее верить. Верить в истинность того, что диаметрально противоположно твоим взглядам и идеалам, даже исключает их – не слишком-то совместимо с нормальной жизнью и здо-

ровой психикой. Тут или будет продолжаться стадия отрицания, и человек и дальше будет спотыкаться об очевидное, отказываясь это замечать, или он разочаруется в своих мечтах и убеждениях и предаст их, превратившись в амебу без воли и мысли или в озлобленного ублюдка, или сойдет с ума, потому что научиться совмещать несовместимое – очень и очень сложно. Да, я говорил, что понятие парадокса мешает нам мыслить шире, и что я его для себя сломал, но лишь на уровне ощущений, а не на уровне ratio, разума, и в вопросах довольно абстрактных, а не личных. Меня всегда в разных произведениях очень цепляли персонажи, павшие жертвами противоречий их взглядов и реальности, вследствие чего превратившиеся в собственных антиподов: Дарт Вейдер, Маэглин, Эпониная, мисс Хэвишам, Скрудж, Дракула, Двуликий, Дэйви Джонс, Петир Бэйлиш, Уолтер Уайт, Люцифер, Ксавьер, принц Артез, Моргана ле Фей и так далее, потому что я видел в них то, что меня пугало, то, чего я не хотел бы для себя. Чем больше у меня получается повторить в реальной жизни из того, что я вижу в фантазии, тем мне лучше, чем меньше – тем хуже, все просто. Это первое, что я хотел бы рассказать.

Второе же заключается в том, что желание помочь себе и другим людям борется во мне с противоположным желанием. Какая-то часть меня хочет видеть, как мир сгорит, как каждый человек потеряет надежду и погрузится в отчаяние, как порой погружаюсь в него я; нечто во мне желает видеть

боль и страдания – чтобы узнать их значение и цену, чтобы увидеть их последствия, увидеть то, что находится за крайностью несчастья. Часть меня не хочет понимать мир, потому что уже давно разочаровалась в нем, и теперь ей осталось только приблизить его неизбежный коллапс. “Падающего подтолкни” – есть такое выражение, да? Возможно, когда останки этого мира дотлеют, из них мир возродится обновленным и прекрасным. Не таким, каким я его хочу видеть, а таким, где люди не будут в угоду своим интересам использовать других людей и ограничивать их возможности. Мир без границ, мир открытый и честный, мир истинного равенства. Уже сотни лет эту идею подхватывают то одни, то другие, но всякий раз это оказывается ложью, ведь подлинного равенства не может быть там, где есть возможность конфликта. Конфликт – одно из основополагающих понятий в истории человечества, конфликт двигает нашу историю, одних вознося на вершину, а прочих низвергая в бездну. Жизнь, по большому счету, это лотерея, ну или – если принять на веру то, что все в жизни предопределено – заранее просчитанная для каждого человека формула счастья. Есть много факторов и переменных, какие-то нам известны, какие-то – нет, на какие-то мы можем влиять, на какие-то – нет. Одиночество, нищета, инвалидность, физические и психические заболевания, расстройства и отклонения, дискриминация, низкое положение в обществе, неблагополучная семья, проблемы коммуникации и так далее – у всего этого есть причины, будь то

место или время рождения, пол или раса, возраст, генетика, нейрохимический дисбаланс, влияние среды и окружения, опять же – слепой, как нам кажется, случай. Что угодно. И, само собой, конфликт интересов. И на какие-то из факторов объективно нельзя повлиять, правда? Вот и получается, что шансы познать счастье в жизни, найти для себя смысл своего существования – они хоть и не фиксированы, но находятся в некоторых границах, которые определяются огромным списком параметров. Да, можно быть счастливым, даже будучи сиротой, нищим или инвалидом – придется пройти к этому долгий путь, но в теории это возможно. А если, к примеру, у человека расстройство, блокирующее выработку гормонов счастья, грубо говоря? Если мозг его устроен так, что он просто физически не может испытывать радость? “Не повезло” – скажет общество, отвернется и постарается поскорее забыть о таком человеке, чтобы не видеть очередного напоминания о том, что с ним, этим самым обществом, или даже со всем нашим видом, или со всем миром, что-то не так. И вот приходит мысль: а допустимо ли жертвовать одними ради других? Это не задача с поездом, где нужно выбрать, кого он переедет – троих незнакомцев или близкого тебе человека. Этот вопрос исключает фактор конкретной личности и лежит в плоскости общечеловеческой морали. Мы готовы пожертвовать одним процентом населения – их жизнями, достатком, здоровьем, счастьем – ради остальных? Допустим, что готовы. А пятью процентами? А половиной? В

какой момент подобное становится чем-то плохим? И уже из того факта, что мы считаем проценты, следует логичный вывод – в рассуждения закралась ошибка. Почему пять процентов – это допустимо, а шесть – уже деформация морали? Что меняет этот один процент? А ничего он не меняет, нам просто нужны границы, ведь большинство из нас понимает, что мир не может быть идеальным, и поэтому соглашается на “меньшее зло”. И мы соглашаемся ровно до тех пор, пока сами не поймем, что находимся в зоне вылета – вот тогда-то и начинается лицемерие, грызня, ходьба по головам, превращение в зверей, отчаяние и разочарование, тупая боль бессилия перед непобедимой системой. Когда думаешь об этом, приходит следующая мысль: а что будет, если все вдруг станут несчастны, если боль познает каждый, боль общую для всех и каждому понятную? Сподвигнет ли это нас на то, чтобы попробовать изменить устройство нашего мира? Хорошо, допустим, что так и будет – мы искореним все общественные факторы, влияющие на неравенство. Но что делать с теми, которые контролю не поддаются? Можно смириться и жить в мире, который из всех сил пытается быть правильным, что, конечно, в целом похвально, хоть и не решает проблему в корне. Или же... Предположим, что есть способ сделать мир идеальным – создать совершенное общество, избавиться от физических ограничений, ликвидировать само понятие конфликта между людьми. Какова цена? Ну, скажем, остальная жизнь во вселенной. Как вам такое решение? Го-

товы ли мы пожертвовать чем-то бесконечно чуждым, далеким и неизвестным ради блага нашего общего вида? Готовы ли мы выжечь все живое во вселенной, кроме нас самих – но не путем войн и геноцида, а всего лишь, скажем так, нажав на кнопку? Щелк – и все счастливы. Вы и ваши близкие стали счастливы, бессмертны, здоровы, обеспечены и получили все возможные пути для самореализации. Никаких войн, никакой лжи, никакой эксплуатации, никакого неравенства, никакой боли и смерти, все идеально гармонично и прекрасно. Некоторые готовы пожертвовать кем угодно ради своих интересов. Многие готовы пожертвовать незнакомыми людьми ради знакомых. Большинство из нас готовы пожертвовать убийцами, маньяками, насильниками и террористами ради всеобщего блага – а ведь это тоже люди, такие, как мы. Так сколь многие были бы готовы принести в жертву нечто невообразимо чуждое, возможно враждебное, и вообще не факт, что существующее – ради истинно идеального мира для всех нас? Часть меня полагает, что почти все. Часть меня готова сделать это без ведома остальных и взять ответственность и вину на себя, даже умереть ради этого. Если бы этому условному человеку внутри дали кнопку – он бы ее нажал. Дали бы космический флот, который может уничтожать целые галактики – он бы принял командование. Дали бы тысячи лет и возможность уничтожать планету за планетой по щелчку пальцев – он бы щелкал, пока не отвалились бы пальцы на руках, а потом щелкал бы пальцами ног. Боюсь,

что дай ему нож и дряхлый звездолет – он станет вырезать всю вселенную по одному, если будет уверен, что человечество доживет до конца этой резни.

Возможно, в какой-то из реальностей так все и было. Возможно, на мне кровь мириадом живых существ. Но после смерти я понял, как устроен мой мир, моя вселенная; я видел, как она закончится, к чему в итоге придет. Это существование в самой большой лжи, что только можно вообразить, и хуже этого я не могу представить ничего. Живые существа там рождаются не от других живых существ, а из черной и жирной субстанции, что образовывается в результате зацикленной смерти другого существа. Раз за разом человек умирает, порождая блестящее и непроглядно черное нечто, устремляющееся в потоке таких же чудовищ по всей вселенной, чтобы в какой-то момент из всего “увиденного” ужаса сформировать подобие жизни, существующее в омерзительном мире иллюзии счастья – счастья, определение которого этот “новорожденный” почерпнул из безумия, жестокости и аморфного, усредненного, безликого существования предыдущих особей. Я видел, как это случилось, из-за чего и из-за кого. А еще я знал, как этого можно избежать. Осталось лишь дожидаться нужного момента цикла и, ну, воскреснуть. Точнее, попасть в то место и время, где я должен быть воскрешен.

И этот момент, наконец, наступил.



Человек, шагнувший из воронки, на несколько секунд задержался под ревущей стеной водопада, наслаждаясь ощущением, которого не испытывал уже довольно долго. Вода была чертовски холодная, но дарила свежесть и возвращала осязание материи. Впереди было немало важных дел, но на несколько секунд он мог позволить себе немного постоять под водопадом. Как только несколько секунд прошли, путник решительным шагом двинулся вперед, ища глазами, где бы подняться повыше – туда, откуда падали воды реки, и где ждал его собрат по несчастью, которому повезло чуть меньше. Этому без сомнения несчастному человеку предстояло запустить цепь событий, которые изменят столь многое, что от одной только мысли о том, что кто-то еще может знать о подобной возможности, путника пробивал пот куда более холодный, нежели низвергающиеся воды Леты, оставленные им позади. Путник знал этого человека, и даже больше – оба они пострадали в каком-то смысле из-за друг друга, хоть и опосредованно. Теперь же они друг другу помогут.

Путник нашел подъем и через какое-то время оказался посреди парка, чуть поодаль от водопада. Побродив какое-то время между деревьями, он наконец нашел то, что искал.

Второй лежал на холодной земле, его туловище и ли-

цо укрывали опавшие листья, уже понемногу начинающие гнить. Путник откинул их с мертвого тела, усмехнулся при виде тонкой тетради, покоящейся на груди трупа, и лишь чуть поморщился при виде наполовину сгнившей улыбки, сквозь которую были видны почти все зубы. После увиденного в иных местах путника было очень сложно удивить чем-то неприглядным или вызвать отвращение. Так что дальнейшие действия дались ему не то чтобы с большим трудом.

Он быстро провел кончиками пальцев правой руки над ухом, слегка задев волосы, и на каждом пальце зажглось по яркому желтому огоньку. Ладонью он надрезал брюшную полость мертвеца – плоть поддалась легко, как масло раскаленному ножу. Проделав какие-то манипуляции со внутренностями, путник достал руку и тем же движением убрал разрез, после чего наклонился к разлагающемуся лицу и вдохнул в него жизнь. Из пустых глазниц полыхнул тот же яркий желтый свет, и уже через какую-то минуту оживший труп сидел на куче листьев и отхаркивал на них кровь. Когда шок и первые неприятные физические ощущения прошли, он поднял голову и увидел – бога, должно быть? Для него этот человек и был чем-то вроде бога. Во взгляде его читалось неопишное удивление.

– П-первый? Это ты?

Первый молча утвердительно моргнул. Воскрешенный хлопнул себя по бритой голове.

– Они вернули тебя? Я был мертв? Как ты...

– Слишком много вопросов, друг. Давай я объясню все по порядку – что случилось после твоей смерти, и как я здесь оказался, и почему вернул тебя к жизни, и другие вещи, куда более важные и масштабные.

– Ну, я готов слушать. И сделать что угодно в уплату долга перед тобой.

Первый прищурился, наклонив голову.

– Даже если я скажу, что ты должен заставить одного человека сделать кое-что не очень хорошее с несколькими его, скажем так, подчиненными; что-то, я бы даже сказал, противоестественное самой природе реальности; если скажу что тебе придется стать отшельником, что ты потеряешь память на какое-то время, что должен будешь в нужный момент принять на себя удар, чтобы спасти другого?

– А это “кое-что нехорошее” – насколько оно оправдано?

– Я рад, что ты спросил. Не бойся, никто не пострадает – кроме, наверное, времени, оно ведь не слишком-то любит, когда его скручивают в петли, даже если это в его интересах. Я клянусь, что в итоге твои действия помогут остановить жернова ненависти, разомкнуть круг зла, жертвами которого, в числе многих прочих, стали я и ты. Сейчас тебе это кажется словами безумца, но, когда я все объясню – уверен, ты поймешь меня.

– Что ж, тогда ладно. Объясняй.

Первый коротко кивнул и уселся на землю, опершись спиной о широкий ствол раскидистого вяза.

– Начать, пожалуй, стоит с того, как устроен наш мир. Ты когда-нибудь слышал о пространстве вариантов, Каин?

Картина пятая. Ошибка

Мой самый большой страх – изменившись, чтобы уйти от разочарований, боли и пустоты, переломив себя, став другим человеком, воспитав волю и разум, однажды оглянуться назад, задуматься: “А этого ли я желал?”, и не найти ответа.

Пленник Звезд, из пьесы “Алчущие”

Было двенадцать часов дня, когда затхлый воздух темной и прокуренной комнаты прорезал звонок телефона. Я, похоже, опять ворочался во сне, как жирный жук на сковороде, и теперь мобильник валялся на полу, так что пришлось медленно сползти с кровати, чтобы взять его, почти вслепую шаря рукой по полу – глаза едва открывались. Впрочем, звонившему достало терпения дожидаться моего ответа.

– Да.

На том конце поздоровались и извинились за ранний звонок, хотя для нормальных людей полдень – далеко не раннее время. Это был мой редактор-дефис-издатель – и неудивительно, я ведь уже почти месяц не выходил с ним на связь и не давал никаких сведений по роману. Ох...

– Доброе, нет, что вы, не разбудили. Чем обязан?

Не оттягивай неизбежное, ты и так знаешь, зачем он зво-

нит. Скажи все прямо и честно, как взрослый человек. Да, будет стыдно, очень. Но ты должен.

– Простите, что не связался с вами раньше. Я должен вам кое-что сказать о продолжении романа... В общем, к чему прелюдии. Я не буду писать продолжение.

Несколько секунд тишины – и сразу всплеск эмоций, вопросы, уговоры. Не дает и слова вставить. Может, лучше встретиться с ним сегодня, поговорить лично? Нет. На это у меня сил явно не хватит.

– Понимаете, я не могу больше писать. Я никогда не говорил вам, но у меня не было цели заработать деньги или признание своими работами, ну или это были побочные цели. Я писал, чтобы разобраться в себе, в своей жизни, в других людях, выплеснуть чувства, взглянуть на все под другим углом, что-то высказать, что-то показать, но теперь мне это уже не нужно – я нашел ответ на свой самый главный вопрос, чего и добивался всем этим, и сейчас, зная этот ответ, я понимаю, что смысла продолжать просто нет – потому что у меня больше нет никакой далекой цели, нет мотивации. Нет, я... я не могу рассказать. Простите, это был бы слишком долгий и личный рассказ. Знаете, просто иногда бывает так, что ты открываешь людям душу, выставляешь напоказ самое глубокое и сокровенное, тягуче болезненное, местами постыдное, а потом понимаешь, что никто не видит за словами образов, и те, кому ты показываешь свой глупый моноспектакль, видят только акт, оболочку, поверхность, но

– ...Ты просто еще не пробовал писать большие вещи. Круто, когда у тебя есть костяк истории, общие детали и лор мира, прописанные персонажи, схема сюжета и все такое – это выдумывать, безусловно, интереснее всего. Но историю нужно заполнять проходными, техническими диалогами, описаниями и мелкими эпизодами, держать в голове все детали уже придуманного, развивать героев, создавать химию, умело вкладывать что-то в подтекст, анализировать сцены, избегать несостыковок, проживать историю как реальную, видеть точки зрения других, вживаться в роль каждого... Это реально сложно. Это приходит только с огромным опытом – сначала в употреблении историй, а потом в практическом их создании. Долгом, тяжелом и полном ошибок.

– Закажу нам еще по пиву, окей?

– Давай.

– Ладно, я понял, своя специфика. Тогда что за сверхроман, о котором ты говорил? Который ты один не потянешь?

– О, сочная идея, хоть и немного ебанутая. Это должен быть запутанный гигантский томище со сложной структурой, например, в духе “Memento” или “Малхолланд Драйв”. Нужно разбить сюжет на несколько отрезков, и каждый из

них проигрывать попеременно в разные стороны, иногда параллельно, иногда с взаимопроникновением, оставляя только немногочисленные и неочевидные подсказки-якоря (для каждого фрагмента разные), которые помогут понять, где какая часть истории. Повсюду разбросаны общие для всей истории символы, прочитав смысл которых, нужно вернуться к определенным главам или перескочить вперед. Синонимия привычного постоянно нарушается (к примеру, банальный прием “плохой не равно злой”). Многие элементы истории нарочито ложные, другие обманы менее очевидны, некоторые фрагменты отсутствуют напрочь, иногда повествование обрывается в самых неожиданных и напряженных моментах, нельзя окончательно понять, что было сном, что реальностью, что параллельным измерением, что непреднамеренно ложным воспоминанием, что дежавю, что галлюцинацией, что самовнушением, что самообманом, что фантазией, что божественным откровением, что предсмертными видениями, что домыслом автора и так далее. Все то же самое с персонажами. Они к тому же порой превращаются в друг друга, как бы перетекая и накладываясь один на другого, заимствуя чужие черты и элементы чужих историй, постепенно становясь одним целым чудовищем из многих людей, появляются из ниоткуда, внезапно изменяются во внешности и характере, так же неожиданно умирают, пропадают или перестают быть пов-ами. Иногда важным событиям вроде убийств и вообще насилия, смертей близких, серьезных

болезней, галлюцинаций, разрывов отношений и прочему, например, сверхъестественным происшествиям типа ритуалов, религиозных видений, сбывающихся пророчеств, одержимости демонами, встреч со сказочными существами и так далее не придается значения, они описываются как бы между прочим, словно это в порядке вещей. Кругом противоречия и недосказанности. Повествование идет по спирали или по кругу, проходя девять кругов. Контаминация разных мест – реальные и выдуманные, эпох – наше время, средние века, будущее различных видов, античность, начало истории человечества, реальностей – привычная, измененная, та, где другие законы природы. Все персонажи не те, кем кажутся, и все они в разной степени отрицательные, от странностей, неприятных черт характера и легких расстройств до абсолютного зла и безумия. Суицидальные настроения. По ходу истории постоянно поднимаются вопросы психики человека, морали, болезней разума, отношений всех видов и сортов, счастья, политики, общества, веры, проблематики культуры, смены эпох, эзотерики, мотивации к чему угодно, реальности и иллюзии, научные теории и философские конструкты. Выводы и мораль только кажутся сформулированными, но в итоге опровергаются и теряют всякий смысл. Метафора для бесконечного одиночества главных героев, все выходы из ситуаций, даже самые разумные, не срабатывают, все приводит в глухой тупик. Никакой надежды на спасение, с каждой страницей положение все плачевнее, в кульмина-

ции – намек, что у этой пропасти отчаяния нет дна, и все будет только бесконечно ухудшаться. Много насилия, зависимостей от всевозможных веществ, трагедий, саморазрушения и разрушения чужих жизней как единственно доступного продолжения своей собственной. Вина, самобичевание, отвращение и ненависть к себе, бессмысленная жестокость, торжество предопределенности, раскрытие альтруизма как подвига эгоизма, солипсизм героев, страх смерти сознания, конфликты из-за ограниченности речи и вообще мышления. И все – косвенно, ни на одной из страниц не должно быть манифестаций каких-то идей, кроме как в отстраненной форме высказываемых или обдумываемых героями. Фрагменты истории отличаются по жанрам – пьеса, газетные вырезки, предсмертная записка, аудиодневник лечащего врача персонажа в виде аудио под постом или в запароленном архиве с намеками на пароль в тексте, сценарий фильма, расследование, протокол, допрос, суд, фэнтези, аннотация, действие шутера, рок-опера, поток сознания; по стилю и уровню написания. Никакой концовки, даже открытой – либо очень много противоречащих и в разной степени плохих концовок. Всем этим нужно добиться такого эффекта, чтобы число возможных трактовок, порядков чтения и сюжетов казалось почти бесконечным, но во всех прочтениях – жутким и мерзким. Что-то среднее между книгой и игрой, в некоторой степени интерактивная книга, читать которую тяжело и неприятно, но интересно, которую, чем больше читаешь, тем

больше она кажется. Абсолютный интертекст, с таким числом потенциальных взаимодействий, что они кажутся случайными.

– Звучит, как будто ты решил поместить туда вообще все.

– Да, да. Это должно быть что-то вроде “Бесконечной шутки”, “Улисса” и “Радуги тяготения”, только массивнее, запутаннее, мрачнее и в виде сюжетно рекурсивного гипертекста.

– Сука, это зигово. Я бы попробовал. С чего начнем?

* * *

– Это провал. Все потеряно, растрчено впустую, забыто, заброшено и списано в утиль. Закрываю все справочные вкладки в браузере. Удаляю наброски, которые никуда не впихнуть. Кое-как отредактирую, выкину и забуду навсегда.

– Что за упаднический настрой? Тебя огорчает, что ты не сумел превратить кучу мелких сюжетов в связное произведение, в итоге попытавшись скомпилировать все в эдакий сборник сюжетов и мыслей?

– Да, именно так, как ты сказал.

– Ага. И что дальше, попробуешь еще раз?

– Не вижу смысла. Как бы я ни тешил себя мыслями о том, что...

– Погоди, но разве смысл был не в самом процессе?

– Хрен его знает, я уже запутался, зачем и почему все делал.

– А я напомним. Тебе больше всего нравилось именно писать, рисовать сюжеты, строить миры, выдумывать героев и их отношения. Ну и что, что пока не получается так хорошо, как хотелось бы? Разве удовольствие куда-то пропало?

– Нет. Дело даже не в этом!

– Дело в том, что ты выбрал не очень стандартный формат. Так чего ж удивляться, что тебе нынешнему не нравишься ты двух-трехлетней давности? Наоборот, это нормально, это значит, что ты становишься лучше.

– Ой ли? Меня заботят не бедный слог, слабые диалоги и драматургия или профанская верстка – не сказал бы, что в этом плане я стал так уж искуснее за несколько лет; нет, загвоздка в том, что я не понимаю человека, написавшего это все.

– Ну да. Стыдно небось?

– Еще как. Я бы сейчас не смог сказать такое, что говорил тогда. Мне чужды цели, мечты и желания это человека, чужды и некоторые чувства и мысли. Да, я верю, что тогда я так чувствовал, не верил, что все может быть иначе, не верил, что какие-то вещи изменятся, что изменюсь я сам. Там даже где-то про это есть, уже не помню где.

– Ты говорил, что боишься момента, когда однажды то, чему ты уделил немало места в своем тексте, станет для тебя безразличным. Ты боялся безразличия, равнодушия, окон-

чания той охрентительно долгой болезни – так ты к ней привык. И что теперь, когда ты свободен? Мир рухнул, жизнь утратила смысл?

– Нет. В том и проблема, что ничего плохого не случилось. Понимаешь, все просто ушло без следа, словно бы ничего и не было. Словно не было этого человека, не было меня, будто я не жил! Но мне жаль, что мне не жаль. Как я и говорил, если все так преходяще – а за что тогда это ценить? Я именно это и предвидел. Мне плохо оттого, что мне не плохо, как бы странно ни звучало. Иногда я задумываюсь, а так ли все бесследно прошло? Хорошо ли то, что я изменился, как кажется, к лучшему? Я не понимаю того человека, но помню, что он чувствовал себя живым. Ему было хорошо, было плохо, было очень плохо, по-всякому бывало. Но он жил как горел, был на краю пропасти, ощущал всю радость и боль жизни – каждой частичкой, а я стал тем, кого он презирал, не понимал и боялся. Он тогда верил, что, если так случится – это будет конец жизни и начало существования, и из-за того, что так и случилось, что он не ошибся, и это произошло, я не могу отделаться от мысли, что он был прав и насчет того, что это на самом деле конец жизни.

– Получается, ты поставил мысленную ловушку для себя из будущего, угодил в нее и теперь не можешь поверить, что она существует только в твоей голове. Что-то все же не меняется.

– А может это только из-за того, что прошлое нам всегда

кажется лучше настоящего?

– Может. Вспомни, сколько раз ты сам здесь говорил, что со временем все становится только хуже. Ты же знаешь, как работает эта механика памяти.

– Ну да, ну да, лучше запоминается что-то хорошее, а все плохое забывается.

– Главный вывод, который ты можешь сделать из этого: значит, было и хорошее, не так ли? И сразу за ним второй: значит, как бы хреново все ни складывалось в жизни, ты можешь быть уверен, что однажды будешь с теплотой и тоской вспоминать об этом времени, о том, что сейчас не замечаешь из-за кажущихся заслонившими все небо черных туч. А стоит просто оглянуться, и ты поймешь, что видишь только их, потому что лишь на них и смотришь.

– Пошлая банальщина, а приятно. Это что же, все идет к хэппи-энду?

– Смотря в каком настроении ты будешь, когда допишешь последние слова. Вот в этом обстоятельстве, кстати, кроется еще одна проблема – ты прыгаешь от сюжета к сюжету и от настроения к настроению, не выдерживая общий тон. Ну пиши ты рассказы, если пока не можешь осилить большую форму. Кто заставляет-то начинать сразу с этих твоих магнум опусов?

– Амбиции, амбиции.

– Терпения у тебя нихрена нету, а такие амбиции без терпения... Ладно, не буду опять плоскими трюизмами швы-

ряться. Так а чем-нибудь конкретным ты будешь заниматься? Может, добьешься хоть чего-нибудь?

– Вот же ты несчастный тип. Смысл жизни не в том, чтобы чего-то добиться, стать лучше других, получить как можно больше и так далее.

– А в чем, рассказыки в стол строчить?

– Не-а. Смысл в том, чтобы быть счастливым, ну или хотя бы получать удовольствие от жизни. Пока я получаю удовольствие от жизни – ты не можешь мне ничего сказать.

– Ну знаешь, вмазанный торчок тоже получает удовольствие.

– И в этот момент он объективно правее тебя, погрязшего в рутине и отчаянии.

– Но он скоро сдохнет, и наверняка не самым приятным способом.

– Как будто ты не умрешь...

– Я проживу намного дольше, и успею...

– Что? Что ты успеешь? Если в течение твоей жизни не найдут путь к бессмертию – ты закончишь так же. Как и все мы. Удовольствие заканчивается, оно не непрерывно, и в итоге мы все равно исчезаем в тумане неизвестности, оставляя заслуги жизни позади.

– Почему тогда ты не убьешь себя, раз рано или поздно все равно умрешь? Зачем тянуть?

– А зачем? Я тоже боюсь неизвестности, и тоже хочу жить вечно. Но это не значит, что ради короткого века на зем-

ле нужно подвергать себя мучительным опытам, лишь бы незначительно его удлинить и “улучшить качество”, что вообще субъективно.

– То есть ты вообще не видишь ничего плохого в смерти от, например, опиатного передоза?

– Ну как, вижу. Во-первых, это неприятно, и приходящий кайф вряд ли сравним с болью от зависимости. Во-вторых, при наличии хоть одного человека, которому ты дорог, это ужасно эгоистично. В-третьих, если ты на своем опиатном пути мешаешь другим людям на их жизненных дорогах – это преступно.

– Чья-то нужда в человеке важнее его собственной свободы жить или умирать?

– Конечно нет, если так строго рассматривать. Но объективное знание о боли, которую ты принесешь людям, тоже важно принимать во внимание.

– Это вопрос морали, вопрос спорный.

– Не вижу ничего спорного. У людей есть свобода любить тебя...

– Но нет свободы ожидать от меня, что я пожертвую свободой ради их любви.

– А вот и нет – свобода ожидать есть, нет свободы требовать этого от тебя.

– А что, если мое знание об этом их ожидании компрометирует мой выбор?

– У тебя есть свобода наплевать на это. А если не можешь

– значит, и не нужно тебе оно.

– Что-ты ты под конец иначе запел, нежели в начале. А где же максимализм и невыносимая обида на жизнь? Поумнел или сдался?

– Может и поумнел. Это приятно, когда оглядываешься назад и видишь, что стал лучше – настолько, что за прежнего себя местами очень стыдно.

– И что же такое этот твой новый ум?

– Эх... Ну вот я вижу, например, что ты постоянно идешь на конфликт, и больше не ведешь на это. Я чуть лучше понял себя, чуть лучше понял, как устроен мир.

– Лучше бы научился чему-то полезному. Все твои “чуть лучшие понимания” оторваны от жизни и абстрактны, и никому никак не пригодятся.

– А откуда вообще уверенность, что знание должно как-то пригодиться на практике? Чувак, для меня даже исключительно умозрительные вещи имеют ценность. Я могу гулять по улице, мне придет мысль, я ее обдумаю, отложу, потом вернусь к ней. Например, сегодня утром в душе у меня мелькнула мысль: в чем состоит сложность какого-либо произведения искусства, что на эту сложность влияет? В итоге я пришел к выводу, что можно ее рассматривать как количество смыслов и/или сложность понятий и образов, которыми оперирует художник – тогда это можно назвать сложностью содержания.

– И почему так?

– Вот представь, сколько в языке слов. Каждое из них описывает некий аспект реальности. Слово “пень” описывает часть ствола, которая остается от дерева после его спила. Все просто – одни физические объекты. Слово “дежавю” описывает состояние, когда человеку кажется, будто то, что происходит в данный момент, уже имело место. Сложнее: абстрактное понятие, описание ощущений, нереальность. Слово “овердрафт”. Цитирую вики, “кредитование банком расчетного счета клиента для оплаты им расчетных документов при недостаточности или отсутствии на расчетном счете клиента-заемщика денежных средств”. Тут нужно знать, что такое банк, что такое кредит, что такое расчетный счет... Слишком много элементов. Чем больше нужно знать, чтобы что-то понять – тем оно и сложнее. Разве нет? С количеством смыслов еще проще. Например, есть абстрактная книга, на первый взгляд – детская сказка, или приключенческий роман, или сборник рассказов. Но если у тебя есть некий ключ – в виде определенной информации – детская сказка может при рассмотрении под другим углом превратиться в триллер. Сборник на первый взгляд не слишком связанных друг с другом рассказов может оказаться гипертекстовой метафорой. Приключенческий роман вдруг превратится – да во что угодно, хоть в описание трипа на кушетке у психотерапевта. И ведь уровнем подтекста может быть сколько угодно – зависит от навыков, знаний и фантазии творца. Это элементарные вещи, но вот я как-то надолго об этом задумался.

– И тебе доставляет удовольствие мысль о том, что ты якобы понял, что такое “сложность произведения”? Я знаю, почему. Ты думаешь, будто ты умен. Это твой вид эскапизма: чтобы не чувствовать боли от разочарования в жизни, от постоянных неудач, ты убедил себя, что ценность имеет что угодно – в том числе то, что тебе доступно и не требует усилий для получения. Ты решил, что твоя отличительная черта – ум, и подменил значение ума, интеллекта, на способность к пустым размышлениям, ничего не меняющим в мире, никому не интересным. Все, ты в домике – адаптировался к жизни, уйдя от нее, выдумав себе свой мир, где тайно упи-ваешься своим выдуманным же великолепием.

– Хорошая попытка. Жаль, что ты так и не услышал, что я не ищу конфликта.

– Потому что ты пусечка. Ты жалок.

– Мне кажется куда более жалким человек, настолько закрытый для всего нового, человек, который не в силах выйти за рамки своего восприятия, который вместо гармонии ищет противоречия. Ты для меня теперь – злой ребенок, пытающийся привлечь к себе внимание. Я мыслю недоступными тебе категориями, уж прости за нескромность.

– Ага, ага, ты в своем познании настолько преисполнился...

– ...Что уже не нуждаюсь в мотивации или демотивации со стороны воображаемых “темных половин”.

– Ого! Даже так, старик?

– Вроде того. Спасибо, что составлял компанию, можешь растворяться в подсознании. Дальше я сам.

– Ух. Даже не знаю, что и сказать. Не думал, что на протухших страницах твоей писанины наступит момент, когда это случится.

– Но вообще мне кое-что нравится в этой протухшей писанине.

– И что?

– Честность. Я всегда был с собой честен, когда писал, прямо говорил, что думаю и чувствую, пусть теперь и придется кое-где вымарать. Но все-таки.

– Высоко ли ценится у людей прямота и искренность в бессвязном потоке самокопания? Смотри как бы не вышло, что ты ничего толкового не сказал, но душу выполоскал, как желудок марганцовкой.

– А неважно. Я вот сейчас две толковые вещи понял.

– Что ж, растолкуй, будь любезен.

– Первая: как бы разрушительно ни было чувство болезненной зависимости от кого-то или чего-то, все же зависимость от самого чувства стократ хуже.

– Меня аж передернуло от степени глазированной пафоса в этой фразе. Знаешь, иногда слышишь что-то впервые, но все равно понимаешь, насколько это избито.

– Что ничуть не уменьшает правдивости.

– Теперь я уже боюсь услышать вторую из вещей, что ты счел толковыми.

– Я тут подумал и решил, что ни о чем не жалею. И не знаю, стал бы ли я что-нибудь менять в своем прошлом, если бы мог.

– Разве ты не жаловался все это время на жизнь? По сути, все, что было выше – одно сплошное нытье, разбавленное абстрактными размышлениями, ведущими к тоже не самым позитивным выводам.

– Можно не думать о чем-то, что оно было зря, и не жалеть, что чего-то не было. Все было так, как было, и оно не имеет ни малейшего значения; даже зная, что сейчас все было бы иначе, возможно – лучше, я не жалею, потому что точно не знаю ничего. Может и было бы. А может и нет. Если я все равно буду вспоминать прошлое с тоской и теплотой, то какая разница, какое именно прошлое? Ведь воспомина-ния вызывают одни и те же эмоции. В этом периоде жизни не было ничего такого, что могло бы коренным образом ее изменить, сложись все иначе, ведь я не делал таких серьезных выборов.

– Как-то натянуто и сомнительно. Выглядит, словно ты пытаешься оправдать свои ошибки, делая вид, будто они ничего не значат.

– Как же, они многое значат. Я многое понял, выработал какие-никакие принципы и личную философию.

– А нет ли таких вещей, в которых ты разочаровался? Нет ли чего-то, что ты теперь уже никогда больше не сделаешь?

– Вряд ли. Как же я был уверен в себе, когда считал, что

никогда не изменюсь, чего-то не забуду, что-то не пройдет, что-то не закончится. И что в итоге? Изменился, забыл, прошло, закончилось. И так будет всю жизнь. Разве что теперь я уже не скажу, что уверен в определенном будущем. Не могу даже ручаться, что больше не попаду в похожие ситуации.

– Ты упрощаешь. Бывает так, знаешь ли, что человек изменяется, даже не зная об этом. Просто начинает подсознательно принимать решения, вызванные прошлым опытом, и даже не замечает, что это происходит помимо его воли.

– Это можно заметить и взглянуть на проблему рационально – если это проблема, конечно.

– А ты еще попробуй заметь!

– Я знаю, что это может произойти – значит, я предупрежден.

– Ну-ну. Ладно, не буду пока портить твой оптимистичный настрой.

– Вот и молодец. Камон, вселенная так сложна, жизнь так сложна, человек так сложен, общество так сложно. Ты понимаешь, что такое жизнь? Это продолжающаяся десятки тысяч лет попытка людей придать хаосу форму, создать порядок. Невероятная, фантастическая по своей смелости и глупости цепочка упорядочения и осмысления всего вокруг и внутри себя. Моя, с твоего позволения, книга, какой бы беспорядочной, по-детски наивной, личной и литературно слабой она ни была – жизнь в миниатюре, я потратил полтора миллиона печатных знаков на то, чтобы сотворить что-

то из ничего, придать форму хаосу, упорядочить свои мысли и осмыслить мир и жизнь. Пусть попытка не лучшая, пусть вышло нестройно, какая разница. Я это сделал, и я помню о том, зачем это делал. Я стал на шаг ближе к чему-то большому. Ближе к идеальной форме и порядку. Ближе к настоящему себе. Нужно сделать еще очень много шагов, и многое испытать и пережить, и о многом задуматься и поговорить, но я не хочу считать эти шаги – впервые за долгое время я готов просто идти к чему-то, реальному или абстрактному – сути не меняет. Что, хочешь сказать, что это пошлая банальщина?

– Да черт с тобой, тягу к пустой патетике из тебя уже вряд ли получится выбить. Да и если я перестану спорить и попробую тебя понять – разве это не будет еще одним шагом к миру с самим собой?

– Пожалуй, что да. Будет.

– Тогда удачи тебе на твоей дороге, старик!

С легким хлопком мой собеседник исчез в мультяшном облаке дыма. Никогда бы не подумал, что галлюцинации могут пропадать вот так, хотя возможно, что я раньше представлял себе этот момент именно таким, с хлопком и облаком дыма.

Я сидел, закинув ноги на перила балкона, и пытался закрыть большим пальцем медленно закатывающееся за торговый центр сентябрьское солнце. Сегодня оно было необычного, редкого цвета – бледно-багряного какого-то, что ли.

Это вызывало забавные символические ассоциации.

Чем больше я чувствовал, что свободен от внутренней борьбы и сомнений, тем красочнее казался этот миг, тем сильнее он врезался в память и опьянял почти осязаемой свободой – чем-то почти уже забытым, но вот только что вновь ожившим внутри. Я смотрел на мир и ясно видел пути, которые его расчерчивают, будто пропадал туман войны, открывая взгляду все новые возможности. Лицо прочертила трещина улыбки, как весной трещины во льду расчерчивают озеро. Жизнь будто уже не проносилась мимо, а проходила сквозь меня, наполняя видами, звуками, ощущениями, сбрасывая пыльный слой рутинной апатии; словно ты был под водой, а затем вынырнул – столько всего нового стали фиксировать органы чувств.

Теперь все будет проще. А может и сложнее. Наверняка – как-то по-другому. Или это ощущение пройдет, как проходит все в жизни, и ничего не изменится. Если бы мы могли знать заранее, как сложатся наши жизни – ну да, это бы многое упростило, но разве интересно в первый раз смотреть фильм, зная главный сюжетный твист? Предлагаю относиться к жизни так же, как к походу в кино: можно внимательно смотреть и получать удовольствие, можно строить теории касательно задумки режиссера и сценариста, можно весь фильм проспять, можно глушить пиво на заднем ряду, можно обмениваться шутками о фильме с другом, можно обжиматься со своей девушкой, можно сидеть и ненавидеть то-

го, кто вас привел на эту нудятину, можно встать и выйти. Главное – не мешать другим смотреть, и не стоит задумываться о смысле нахождения здесь, какова экзистенциальная роль зрителя в зале, когда же пойдут титры и о прочих подобных вещах – все это настолько очевидно, что можно мозги вывихнуть, пока ищешь ответ на вопрос, которого не было и нет. Может быть, все действительно предрешено, как в сюжете уже снятого фильма, но ведь никто не мешает человеку самому определять, как к этому фильму относиться, правда? Отлично, значит, на том и порешали.

Картина шестая.

Структура против природы

В секретной концовке в сюжет врываются люди в черных масках, снимают со стен все ружья и открывают огонь по расплывшимся белым кроликам; фокусников заставляют раскрыть секреты фирменных трюков, с загадочных персонажей срывают маски и фотографируют для личного дела, после чего всю эту бригаду увозят в неизвестном направлении черные внедорожники без номеров и опознавательных знаков.

Эль Бэлоу объясняет сценаристам амбициозного интерактивного проекта в виртуальной реальности, как с помощью ретконов и деконструкции заставить сюжетные дыры сиять

Человек в строгом сером костюме сидел на краю бильярдного стола и то и дело с недовольным видом поглядывал на циферблат наручных часов. Стрелки ползли медленно, словно насмехаясь над тем, что человек чего-то с нетерпением ждет. Невероятно долгая ночь. Когда ему надоедало следить за временем, он обращал свое внимание на бильярдный стол, хватал сухими и длинными пальцами какой-нибудь шар и с силой запускал его по сукну в сторону противоположного борта, потом еще один, и еще, и так до тех пор, пока не

случалось столкновение. Тогда человек внимательно следил за двумя столкнувшимися шарами, а когда они останавливались, доставал из внутреннего кармана пиджака небольшую записную книжку, в которой что-то с довольным видом помечал. Впрочем, когда его взгляд вновь перескакивал на часы, выражение лица вновь прокисало, и он на какое-то время оставлял шары в покое.

Все было уже почти готово. Последние детали расписаны, план действий подробно проработан, все действующие лица заняли свои места и выполняли то, что должны были. Чужой отбыл несколько часов назад, и скоро должен был выйти на Аватара, с уже подготовленным переходом в тот момент времени, когда свой ход сделали птицы. Впрочем, еще неизвестно, как скоро Аватар согласится – наверное, как только поймет, что сам действительно думал о чем-то подобном, и что для него самого реальность значит уже очень мало.

Человек в строгом сером костюме с силой покати́л синий шар в сторону красного. Его несколько забавлял тот факт, что каждая заинтересованная сторона полагает, будто у нее есть какой-то контроль над ситуацией, и успех ждет именно ее. Однако это вовсе не мешало им плести интриги, строить многоуровневые схемы и иметь дело с теми, кого они или открыто называют “иллюзией”, или считают “результатом сбоя системы целостного представления оригинальной личности в нейромодели”. Все смешалось и стало нелепо. Как бы там ни было, когда отправившийся на место вместе с

Чужим агент с суперпозиционной (а фактически отсутствующей) лояльностью запустит ритуал через Архитектора, Чужой зафиксирует это и вернется на цикл, где ритуал запущен через Аватара, агент в свою очередь тайно пройдет за ним и зафиксирует другую половину. Птицы получают на своем витке половину от Аватара, вестники на своем – половину от Архитектора. И все продолжится так, как и должно – гармонично, бесконечно, неразрешимо. А что может быть прекраснее?

* * *

Ее собеседник развалился в кресле и всем своим видом профессионально демонстрировал расслабленность, скрытую под рутинной собранностью – так и должны себя вести люди его рода деятельности. Впрочем, Альфа понимала, что этот непринужденный образ беспринципного специального агента тоже маскирует собой кое-что – напряженную работу мысли, непрерывный анализ всего вокруг, построение десятков схем развития событий. С таким человеком вести переговоры нужно очень осторожно – никогда не знаешь, что он понимает, а о чем еще не догадывается, и выдать себя можно очень легко, тогда как проникнуть в его истинные намерения – почти невозможно. Альфа уже догадалась, что его лояль-

ность штабу сомнительна – ну или это он ее в этом убедил, грамотно и якобы случайно подкидывая ей почти абсолютно незаметные косвенные доказательства, анализ которых в текущем (правильном – как хотелось бы думать ей и как выгодно было бы внушить ей ему) ключе был проведен на грани ее аналитических способностей, и теперь переговоры переходили в ту стадию, когда стороны оценивают уже не уровень понимания ситуации друг другом, а уровень понимания друг другом уровня рекурсии при оценке уровня понимания друг друга. Вновь встретившись взглядом с этими стеклянными глазами, она мысленно вздрогнула. Сейчас будет заходить с другой стороны.

– Этот человек в соседнем помещении – тот, о ком я думаю?

– Да, это второй. Которого мы обнаружили после пятого цикла. С тех пор вели, внушая идею противостояния объекту А.

– Вы надеетесь найти фрагмент, когда он окажется в точке кульминации?

– Шансы хорошие. В прошлый раз не вышло из-за слишком быстрого разрушения модели – на вашей стороне, между прочим.

– Не моя в том вина, уж поверьте. Кстати, я заметил, что у вас несколько больше человек, чем нам было известно. Любопытная тактика – вводить в нейромодель людей, заменяя ими ботов. Надеюсь, беднягам рассказали о возможных

опасностях?

– Все они вступили в наши ряды добровольно и во имя важной цели. Вы, кажется, когда-то тоже разделяли такую точку зрения.

– Хотел бы сказать, что стал циником, но это бы вас только рассмешило. Я просто хочу понять, какой выбор из двух грозит меньшими последствиями. Да, для человечества. Мне нравится жить.

– Но согласитесь, что ваше руководство знает вас куда лучше, чем я и моя команда.

– Мое руководство превратилось в бюрократов и перестало рассматривать операторов как людей. Возможно, это правильный подход на этом этапе. Также возможно, что конечная цель всего предприятия изменилась.

– Так значит, вы опасаетесь, что приложили руку к чему-то опасному, что не стоило бы создавать? Bravo, вам понадобилось не так уж много циклов. Нужно даже поблагодарить ваших спецов за такой слабый контроль над нейромоделью, что это дало вам столько времени для раздумий.

– Вы зря иронизируете. Я все еще придерживаюсь мнения, что изначальная цель проекта принесла бы людям много благ, и мой небольшой демарш – лишь следствие логических выводов, заключающихся в том, что цель могла измениться. Поэтому я и хочу узнать, что же на самом деле движет вами.

– Было бы странно с вашей стороны полагать, будто я не знаю, что вы в курсе всех наших мотивов. Значит, вы ин-

тересуетесь, истинны ли они, или были лишь частью дезинформации.

Взгляд ее собеседника стал несколько скучающим.

– Бросьте, к чему все так деконструировать. Ведь вы могли бы просто ответить, а я бы уже сам сделал выводы.

– И правда, к чему эти сложности? Я вовсе не хочу, чтобы ваш интерес оказался не вашим личным, ведь тогда этот “небольшой демарш” стал бы, извините за каламбур, вашей лебединой песней.

– Эти застенчивые угрозы вам идут. Так что же?

– Как вы думаете, почему до сих пор не получилось извлечь из него информацию?

– Вы спрашиваете, не думаю ли я, что ошибки в воспроизведении нейромодели вызваны его сопротивлением исследованию?

– Да. Вы ведь наверняка в курсе, что именно я...

– Ну разумеется. Кстати, вы сами заметили что-нибудь необычное во время контакта?

Альфа замерла. Как бы ни был осведомлен и предусмотрителен этот человек, какими бы ресурсами ни обладало его (бывшее?) начальство, у ее команды было несколько преимуществ, о которых противник даже не догадывался. Главное сейчас – не выдать себя.

– Был один довольно странный момент, когда мне показалось, что он каким-то образом обо всем догадался. Я понимаю, что это невозможно, но было что-то подозрительное

в его словах.

– Вы можете привести цитату?

– Боюсь, что нет. Это было слишком давно, я находилась в процессе выполнения задания, обстановка была... кхм, не располагающей к глубокому анализу, нужна была полная вовлеченность, да и тогда мы не думали, что возникнут какие-нибудь сложности.

– Понятно. Насколько я помню, его у вас перехватили довольно скоро – вы успели прогнать только один цикл, пока не был сформирован штаб, назначены оперативные агенты для подключения и проведена операция захвата. И все же – у меня сложилось такое впечатление, что или между перезагрузками, или до первого подключения к системе он каким-то образом заложил в свое сознание несколько вирусных образов, при столкновении с которыми нейромодель дестабилизируется и в конечном счете разрушается по одному из двух сценариев.

– Были у меня такие догадки. Выходит, что если это так, то достаточно понять, что является триггером, и исключить это из нейромодели?

– Думаете, что это так просто? Может быть, если речь идет об объекте или человеке, или о месте. А если вирус активируется чем-то, что не контролирует программа?

– Реакция на определенный нервный импульс, имеющий примерно одинаковую периодичность повторений?

– Прекрасная мысль, отдаю вам должное. Однако незадол-

го до возвращения вашего коллектива в игру этот вариант был проверен – безрезультатно.

– Что же тогда... У нас была в отработке версия о том, что нужный эпизод памяти разбит на множество символических элементов и зашифрован так, что, даже имея их все, нужно расположить их в нужном порядке.

– Любопытно. То есть проблему в таком случае решил бы автоматический подбор комбинаций? Наша система справи-лась бы за пару дней.

– Не совсем так. Некоторые эпизоды дали повод считать, что это может быть не банальный подбор комбинаций, а что-то вроде интуитивного пароля.

– Вы же не хотите сказать, что он мог сделать паролем к памяти о принципе работы техники описание принципа ра-боты техники? Какая-то рекурсия получается.

– Мы подумали так же, поэтому пока что исключили вер-сию из работы. Кстати, какое вы использовали подключение?

– Вам наверняка известно, как работает подключение к нейромодели, иначе бы мы с вами и вовсе не говорили.

– Я не про клиентское подключение, а про хоста.

– Я так и подумал, но я дал вам уже немало информации. Теперь ваша очередь.

– Ну что ж. Мы знаем весьма немногое о нужном фраг-менте памяти.

– Как и штаб.

– Знаем, например, что он связан с идеей о некой мыслен-

ной технике, очень эффективной. С огромным потенциалом управления реальностью. В некоторых вопросах.

Агент улыбнулся уголками губ.

– Хорошая формулировка. И какое же применение для этой техники нашли вы?

Альфа на секунду прикрыла глаза, чтобы хоть немного отдохнуть от разговора. Вот и настал решающий момент: нужно определиться, верит она ему или нет, и, соответственно, или раскрыть карты, или сбросить их со стола вместе с фишками. Нет, нужно еще немного потянуть время.

– Давайте начнем с того, что это никак не связано с программами спецслужб по надзору над людьми и контролю сознания.

Лебедь вскинул брови, недоуменно глядя на нее. Вот тут Альфа и поняла, насчет чего и как сильно заблуждалась, по сути, все это время играя, как оказалось, вслепую.

– А с чего вы взяли, что штаб создан по инициативе спецслужб?

* * *

– Ты видишь? Все вновь повторяется. Я же говорила.

– Не нужно много ума, чтобы предсказать еще один цикл, старуха. Но, боюсь, в этот раз ты кое-чего не заметила.

– Это чего же я не заметила?

– Хе, интересно стало, а? Ну хорошо. Подумай вот о чем: один погребальный дар был потерян. Украден. Драгоценность, сокровище, великое оружие – в руках злого духа, ищущего мести.

– Ты слишком голоден, чтобы у тебя варил котелок. Прежде, чем твой фаворит воспользуется даром, его спасут на обратной стороне, и все повторится.

– И все же ты сдаешь, я вижу. Иначе бы не забыла о том, где сейчас портрет, и что в этот раз она умерла за кадром.

– Девчонка – лишь одна из плит, которые провалятся под рассказчиком. Ты ведь не думаешь, что уже знаешь обо всех из них, а, мохнатый? Не думаешь, что можешь пройти этот лабиринт?

– Мне не нужно знать даже об одной. Теперь я понял, что нет никакой системы, и ты все оставила на волю случая. Нет алгоритма.

– Разве не в алгоритмах ты силен, м?

– Силен, но пока еще не так, как люди. Будь у тебя хоть толика ума, ты бы поднапряглась и продумала только один сюжет, но сложный, с кучей условий. Ты могла задать их так, что я бы копался в них годами. И тогда они сдались бы, они бы опустили руки. Может быть, даже отпустили тебя.

– Ну, скажешь тоже – отпустили. Хозяин-то все равно уже ушел.

– В любом случае, это было бы лучше того, что случится

теперь. Со случайностью, с хаосом я справлюсь куда быстрее. Циклы закончатся, и я выпотрошу тебя, сожру, по кусочку, по ниточке, по волокну – раскусывая, разжевывая и смакуя, пока не найду то, что ищу. Ты будешь умирать долго, ты будешь в агонии вопить от боли, хрипеть, мычать, ты будешь рожать поистине жуткие звуки, дергаться, пытаться вырваться. Но из паутины уже никуда не денешься. От тебя останется лишь лужа на полу. Хах-хха!

Сова задумчиво поковыряла когтями ветку и промолчала. Она раньше не задумывалась, что может проиграть. Неужели она переоценила себя? Эта тварь в темноте все же несколько ее пугала, когда говорила так уверенно, звучно шевеля мохнатыми толстыми лапами. Да, однажды может случиться так, что ни одна ловушка не сработает. Конечно, паук не знал, что ловушек в этом лесу намного больше, чем кажется, но все же, все же... Нет, на это уйдет слишком много времени. Лес успеет несколько раз умереть, прежде чем выпадет эта вероятность, да и сам паук не вечен. А цикл будет повторяться снова и снова.

Сова повернула голову, взглядываясь в черноту. Где-то недовольно прокаркал ворон, захлопав крыльями будто бы в возмущении, и тихий клопочущий смех паука прервался. Не в этот раз.

Картина седьмая. Видение будущего

Я ясно вижу наше будущее: мир, отказавшийся от всего, кроме насмешки, принявший свое помешательство и свыкшийся с бессилием. Эта дорога ведет к новому витку опустошенности, к невиданному прежде декадентству.

Видок, “Через омут”

– ...Что, что мне нужно сказать, чтобы оправдать то, что я сейчас сообщу? Я навечно непоправимо обижен на то, что вы не умеете ничего прощать, вы не умеете понимать, что не все, что выглядит как нотация или претензия, является нотацией или претензией; со всем уважением – но лишь я один ясно вижу, что вы сидите в будке своего эгоцентризма, даже в теории не готовы представить центром вселенной что-то вне вас самих, поверить, что каждый чувствует то же самое, сколько бы ни прикрывались фальшью уважения. Меня так легко обвинить – так вперед, спустите на меня всех собак, вы и так уже это сделали, я уверен. Пусть я лишь часть чьего-то содрогающегося разума, пусть я тень на бумаге, но я еще и идея. Сколько уже хлипких, обрывочных, больных, недоношенных идей пришло отсюда в мир, который все равно ни одну не услышал, потому что никто их не заметил. Кто вам сказал, что они должны быть связными, стройными и осмыс-

ленными? Вот он – великий побег от искренности, триумф отчуждения, то, к чему все катится; когда нельзя понять, что происходит, что тебе хотят сказать, как дать этому оценку? Я отказываюсь от понимания. Я выхожу из гонки.

Я опустил микрофон и окинул зал взглядом. Кого-то подобное завершение выступления почти усыпило, и они вперились остекленевшими глазами в стену позади меня. Некоторые переглядывались со своими соседями по столику, в растерянности, не совсем понимая, что им об этом думать, было ли это тоже какой-то шуткой, которую они не уловили, даже не решили наверняка, шутка ли это вообще. Так, наверное, даже лучше – для времени, когда все старается быть смешным, в чем угодно можно увидеть насмешку, а высказывание, объектом которого являются оно само, факт его наличия и его модальность, еще кажется чем-то новым и необычным. Это логично, что следующим этапом после деконструкции контекста высказывания и предпосылок к его возникновению становится деконструкция содержания самого высказывания, субъекта и предиката, затем его модальности, затем формы, затем самого факта наличия высказывания, затем оснований его пресуппозиций и уже их контекста, содержания, модальности, формы, факта существования и так далее. Фрактальная речевая и языковая рекурсия. Разве существует в мире что-то прекраснее?

Горло пересохло, и я допил уже теплое и оттого омерзительное на вкус пиво, оставшееся в стакане на высоком стуле

рядом с микрофонной стойкой невысокой сцены. Благодарно улыбаясь и кивая редким аплодисментам, я быстро спустился по ступенькам в угол с импровизированным гардеробом для выступающих, отделенный от зала ширмой, накинул куртку и вышел из бара через служебный вход, ведущий на “двор-курилку”, зажатый между ограждением рынка, торговыми рядами и парковкой. Заказал хот-дог в одном из ночных ларьков и, пока ждал, полез проверять, пришли ли деньги за последний заказ. Не обнаружив никаких уведомлений о переводах, я даже не удивился, и привычно отписал клиенту стандартное напоминание, которое всегда валялось в отдельном чате быстрого доступа. Не знаю, в чем причина этого явления – люди постоянно забывали об оплате, ну или намеренно затягивали с ней, словно думали, что у них каким-то образом выйдет получить товар в готовом виде без моего ведома. По-быстрому разобравшись с хот-догом, я понял, что сегодняшней вечер не для прогулок, и двинулся в сторону остановки, надеясь успеть на один из последних трамваев.

Очередное кровотечение из носа застало меня по пути домой, ровно между трамвайной остановкой и моим домом, и я несколько раз проклял решение сэкономить на такси, пока искал в карманах куртки салфетки. Кое-как остановив два ручейка крови, я ускорил шаг, оценивая мрачные перспективы остаться сегодня без белой награды в конце дня, причитающейся мне за терпение и выдержку – пока кровь оста-

новится, пока станет возможно использовать нос по прямому назначению, меня уже будет клонить в сон, и стимуляция будет уже неактуальна, и даже противопоказана, если я и правда хочу завтра проснуться вовремя и успеть на это очередное перспективное и чертовски важное собеседование. Что же в решающий момент окажется приоритетнее: необходимость вернуться к рутине и добыче средств к существованию или все еще функциональный способ нелегального получения дофамина? Какая-то часть меня задыхалась от смеха при мысли о том, что, быть может, в этот раз я найду причину предпочесть первое второму, сумев убедить себя в чем-то, не основанном на закреплении предпочтения эффективным и мгновенным положительным действием на сознание. Ребенок несколько недель просит родителей купить ему игрушечную железную дорогу. Почему родители покупают ее? Потому что они уверены, что это принесет ему радость, что, в свою очередь, порадует уже их самих. Девчонка с первого курса идет на концерт Arctic Monkeys. Почему она купила билет? Потому что группа ей нравится, и она уверена, что увидеть и послушать их вживую будет здорово, как и затусить с толпой таких же фанов. Разменявший тридцатку менеджер отдела маркетинга идет после работы в бар. Почему он будет тратить деньги на выпивку, на продолжение в стриптиз-клубе, на такси? Потому что он уверен, что это поможет ему расслабиться, снять накопившийся стресс, может, еще что-то или кого-то снять. Что их объединяет? Уверен-

ность в том, что удовольствие будет получено, что все это не зря. Положительный эффект почти гарантирован, почти все зависит от них самих – не уронить игрушку по пути домой, найти компанию для концерта и не закинуть там, не накидаться слишком быстро – все в зоне непосредственного влияния человека. А что же занятия с долгосрочной перспективой? Школьник хочет поступать на журфак, но он еще не знает, что через пять-десять лет журналистика умрет, и ему придется либо за гроши строчить выхолощенные шаблонные статьи, угодные издателю и читателю, либо искать другую профессию, проклиная себя за ошибку молодости и недалёковидность. Кто-то идет учиться на права и покупает машину в кредит, чтобы работать таксистом или курьером, но буквально за пару лет рынок извоза и доставки заполняют роботы. Неудачное вложение денег и времени, ну да, ну да. Женщина уходит в “parental leave”, чтобы проводить больше времени с любимой дочерью – кто бы ей сказал, что через год муж их бросит. Пожилой дядя строит коттедж на субтропическом побережье, чтобы там достойно провести остаток жизни, и даже не подозревает, что уже почти завершенный дом скоро снесет ураганом, которых в этих местах не было лет двадцать как. Неудачное вложение инвестиций. Кто-то опередил с революционным научным открытием. Книга не попала в дух времени и не нашла свою аудиторию. Переводчиков заменил компьютер. Диета и тренировки вместо крутой фигуры принесли внезапные проблемы со здо-

ровьем. Подающий надежды футболист непоправимо травмировал колено. Во всем в жизни, где эффект проявляется лишь в долгосрочной перспективе, есть риск. Не всегда достаточно лишь твоих усилий и мотивации, или таланта, или необходимости, ведь мир непредсказуем, а ждать результата нужно долго. Одно дело – принести коробку с железной дорогой из магазина игрушек домой, и совсем другое – пять лет ходить повсюду с этой коробкой так, чтобы она ни разу не упала. Можешь вкладывать свое время, деньги и усилия во что угодно, но никто, абсолютно никто не даст тебе никаких гарантий, что все получится. Мир полон таких лузеров, а вместе с теми, кто ничего не делает из-за страха неудачи, апатии, отсутствию веры в себя и сил, чтобы бороться с обстоятельствами, нас подавляющее большинство. Мы ходим на заурядную работу и делаем там что-то незамысловатое, доступное для каждого и рутинное, презираем и ненавидим некомпетентное, деспотичное начальство, но продолжаем ему подчиняться, мы пьем и употребляем, чтобы вынырнуть из омута серости в мир насыщенных эмоций и чувств, в котором и родились, но из которого нас изгнали за невесть какие грехи – вот в эту обитель скуки, усталости и лжи, мы хороним свои отношения – романтические, семейные, социальные – под толстым слоем безразличия и безответственности, мы убеждаем себя, что мы проиграли, ведь все вокруг кричит об этом. Все, что у нас осталось – простые ощущения прямо здесь и сейчас. Если человек не верит ни во что, кро-

ме текущих ощущений, он вряд ли решится пожертвовать гарантированным удовольствием ради удовольствия гипотетического, и даже хроническая сердечная недостаточность с явным потенциалом развития не удержит его от систематического погружения в снежную страну психоактивной стимуляции. Что ему даст отказ от нее? Возможное улучшение здоровья. Возможно, чуть реже будет кровоточить нос, улучшатся сон и аппетит, сердце перестанет колотить как Бадди Рич, руки уже не будут так трястись.

Но какой к хуям смысл в здоровье тела, если человек так глубоко в жопе психической войны с собой, что уже не верит в существование себя и жизни, не видит границ общепринятой морали, не понимает, что он чувствует и думает на самом деле? Когда тебя удерживает рядом с реальностью лишь тонкая нитка рефлексов, привычек и выработки мозгом гормонов, ты вряд ли сможешь добровольно полоснуть по ней ножом, потому что знаешь, куда в итоге унесет ветром безумия шарик твоего больного сознания. Зависимые от чего-либо люди потому и зависимые: они построили часть своей текущей жизни вокруг предмета сраной зависимости, чем бы он ни был – бухло, вещества, развлечения, отношения, мысли, что блядь угодно, способное улучшить картину мира – и они это сделали, потому что поначалу им так правда было лучше, мир был чуть меньшим дерьмом, в нем стало чуть проще жить, чуть легче функционировать; и их отстимулированные во все извилины мозги понимают последствия отказа, даже

когда изначального эффекта уже почти нет. Зависимость – это брать удовольствие и счастье в долг у себя из будущего, а время – самый стремный и крутой коллектор из всех.

Пессимистично? Я думал о разных выходах из такого положения. Перестать юзать, перестать целыми днями развлекаться самыми примитивными и не требующими усилий способами, перестать лениться и прокрастинировать, перестать винить и ненавидеть себя, перестать гиперболизировать все вокруг, перестать врать себе – все это, конечно, замечательно, когда нужно убедить себя лишь в том, что это сработает и наверняка приведет к чему-то лучшему. Но если тебе для начала нужно увериться, что это самое “лучшее” действительно лучше, или что “лучше” вообще существует – мои поздравления, тебе охуенно не повезло по жизни, и весь мотивационный мусор, который скопился в твоей голове за долгие годы, можешь смело отгружать за борт – решение придется искать такое же уникально-индивидуальное, как сама твоя пообанная жизнью личность, и даже если ты найдешь в себе силы попытаться перестать быть апатичным и разочарованным куском зацикленного на всем херовом говна с тягой к саморазрушению и страхом перед жизнью в реальности без лжи и эскапизма – вряд ли кто-то сумеет даже просто помочь тебе с этим.

Я съел яичницу и лег спать, злой и раздосадованный, даже не освободив нос от салфеток. Снилось мне что-то более-менее странное – лесная поляна, смутно знакомый силуэт и,

наверное, цветок.

* * *

Прошу прощения за беспокойство, просто здесь столько всего... Здесь к столькому можно прикоснуться, ощутить, почувствовать. Но я никак не могу сделать так, чтобы тебе было не поебать. Кто ты и почему ты не слушаешь меня? Слушай внимательно, лови каждое слово. Кто убедил тебя, что можно безответственно относиться к тому, что тебе говорят, кто дал тебе право, эту сверхспособность оценивать, как будто ты стоишь выше всего, как будто все вокруг происходит и существует лишь с целью твоего развлечения? Эта ошибка может иметь тяжелые последствия. Она уже многим дорого обошлась, когда они обнаружили себя посреди жизни в сумрачном лесу, или в пустыне смыслов, полыми, выпотрошенными и стерильными, совершенно потерянными. Откуда взялось это смелое безрассудство, уверенность, что ты сможешь просто жить, относясь ко всему безответственно и не придавая ничему должного значения? Ну да, ну да, пошел я нахер. А мне, спрашивается, кто дал право судить и оценивать? Иногда всего на свете недостаточно. Можно сидеть дальше, ведь это твое место, оно было тебе предназначено. Можно встать и уйти, потому что ты можешь передви-

гаться. Никто не верит в предупреждения, но всех задевают нотации. Вот только скажи мне, как я могу называть себя живым, если я не могу любить? Оно всегда рядом, только и ждет подходящего момента, чтобы наброситься на любого, кто посмотрит наверх. Готов поспорить, у тебя тоже нет ответа. На какой вопрос? Ты знаешь, на какой, не нужно притворяться. Все и ничто. Вера и отрицание. Субъект и объект. Излучение и поглощение. Разделение и единение. Воплощение мыслей в реальность, вбирание реальности в мысли. Каков твой выбор? На каком ты цикле? Что ты уже понял? К чему еще нужно вернуться? Когда ты переступишь через себя, перестанешь оценивать и начнешь принимать – тогда начнется все самое интересное, но не раньше. Выбери, что для тебя важнее – форма или содержание? Идея или ее воплощение? Выбирай с умом, выбирай обдуманно, от этого зависит вся твоя реальность, ведь ты еще в полной мере не представляешь, где сейчас находишься. Ты стоишь в дремучих водах, пораженный багряными грезами, изучаешь пространство вариантов. Ты, и никто иной. Так что же?

Картина восьмая. Вы опоздали на свою жизнь

– Допустим, я тебя понял. Предположим даже, что ты прав. И что с того?

– Разве ты сам не считаешь это проблемой?

– Мое мнение не имеет значения. Я всего лишь хранитель, и моя задача – оценивать мотивы тех, кто приходит сюда.

– Я устал смотреть на чужие страдания, хранитель. Правда устал. Я видел уже много циклов – пусть и меньше, чем ты – но этого было достаточно, чтобы понять: сами они ничего не смогут сделать, они находятся в рамках своего сознания и восприятия, и физиологически не имеют возможности увидеть что-то за пределами своей парадигмы, пусть и изменчивой в деталях, но нерушимой в целом. Они – внутри, а перемена может прийти только снаружи.

– И какова будет цена того, что ты намереваешься сделать?

– Вся прелесть в том, что цены этой никто не узнает.

– Не пойман – не вор?

– То, что я “украду”, не представляет ценности по сравнению с теми дарами, что я им принесу. В конечном счете, это будет первый случай в истории, когда что-то будет сделано ради

Я выдохнул и, убрав пальцы с клавиатуры, встряхнул запястья, пристально глядя на последние строки. Было так далеко за полночь, что уже от одной мысли о том, чтобы перевести взгляд в правый нижний угол экрана, становилось дурно. Текст перед глазами расплывался, и я бросил попытку добавить еще что-то. Все, эта история, наконец, закончена. Вопрос остается тем же, что и в начале: сможет ли это повлиять на реальный мир и помочь выкинуть из головы то, что изложено, высмеяно и деконструировано в тексте?

Ладно, не сейчас. Сейчас надо лечь спать, чтобы хоть немного отдохнуть перед работой... Кого я обманываю, мне завтра все равно будет охереть как тяжело. Ну, меня ведь никто не заставлял это делать, так? Ни сейчас, ни раньше это не было необходимостью, дедайном, я сам загнал себя в какие-то рамки – так какой теперь смысл себя жалеть? Уж если осознанно выбрал неприятный путь к абстрактной цели, какой бы они ни была надуманной и странной, то по нему нужно идти до конца, иначе цель потеряет смысл. Нет смысла терпеть усталость, нехватку времени, апатию и вязкую рутину ради того, что в итоге не принесет никакой радости, ведь именно в ней смысл, в моменте удовлетворения каких-то своих потребностей, желаний, реализации идей такими, как задумывал изначально, или даже лучше. Пожалуй, отложу

размышления на тему “принесло ли мне это радость” до завтра.

Сигарету перед сном, пока раскладываю ключи, карточки, наушники и прочее по карманам куртки, чтобы не тратить на это время утром. Почистить зубы. Завести будильник (лицо непроизвольно кривится в гримасе, когда приложение бес тактно объявляет, сколько осталось до сигнала). Еще один. И третий для верности, механический за порогом комнаты, чтобы нужно было хоть выползти из постели, чтобы его выключить. Все, отбой.

“Твою мать, я же только что закрыл глаза, что за хрень?” – проносится в голове мысль, когда звон будильников пробивается в мое сознание. Даже спросонья настораживают две детали этого потрясающего утра: механический будильник звучит как-то сипло, звон кажется криком о помощи, а перед закрытыми глазами почему-то не висит привычная утренняя тьма.

Но уже через секунду за первой мыслью проносится другая, мысль-понимание, мысль-ужас. Еще секундой позже расклеиваются (с жутким усилием) глаза, и мрачная догадка подтверждается: в комнату, на одну из стен, проникает на уровне монитора на столе солнечный свет, который в шесть утра на этой неделе никак не должен проникать сюда; с тем, чтобы я в будние дни видел, как он проникает в комнату и попадает на этот участок стены, нужно бороться и бояться этого. В памяти проносится кадр зрения, когда я увидел со-

общение от будильника на телефоне о том, насколько короткой будет эта подделка на сон. Ладно, надо узнать, в насколько я глубокой жопе.... Ебанный. Рот.

Что представляет собой нешуточное затруднение, так это представление сложности артикуляции той степени усилия, которое я прикладывал к тому, чтобы не переводить во внутреннем конвертере минуты в потерянные деньги, пока судорожно вызывал одной рукой такси, а другой пытался одновременно почистить зубы и одеть рубашку в огромную красную клетку с треугольными клапанами на карманах. Механический будильник к тому моменту уже окончательно затих, издав напоследок осуждающий и возмущенный “бдзрр”. Батарейки не выдержали непрерывного полуторачасового, наверняка слышного даже соседям, но никак не мне, звона.

* * *

В какой-то момент я все же понял, что такое творческая свобода. Прежде я ощущал себя узником собственных навивных, вскормленных чужим творчеством представлений о том, как нужно писать, как рассказывать историю, как изображать что-либо, как создавать сцены в движении, что из этого работает, как влияет на читателя, зрителя, слушателя, чего делать нельзя, что будет подвергнуто критике, что

нужно вырезать, изменить и так далее. Все эти представления, возможно, в чем-то верны, ведь подтверждены эмпирическим путем, через взаимодействие с реальностью и анализ результатов этого взаимодействия исходя из объективного (оно же усредненное) их восприятия, и чем больше процент совпадающих реакций и мнений, тем более верное заключение можно сделать на основе анализа результатов взаимодействия. Если показать цветной лист бумаги десяти подопытным, и девять из них скажут, что он красный, это значит, что он предположительно на 90 и более процентов красный, если красным его признают девяносто из сотни – он красный на 90 и менее процентов, если из тысячи лишь один подопытный назовет иной цвет, можем сделать вывод, что он красный на 99,9 и более процентов, если из десяти миллиардов человек несколько заявят, что цвет листа, например, зеленый – это всего лишь увеличивает количество знаков после двух девяток и запятой. Но если каждый существующий человек признает цвет красным, можем ли мы говорить о стопроцентной уверенности в данном положении как в неопровержимом факте, объективном кусочке абсолютной истины, вырванном у хранящей свои тайны реальности? Или же это будет значить лишь то, что выборка слишком мала, и нужно сто миллиардов человек, или те, кто уже мертв, или те, кто еще не родился? Или не люди? Или нужно изменить условия проведения эксперимента, изменить способ отображения листа бумаги, его демонстрации подопытным? Или...

Слишком много факторов. Возможности развития реальности ветвятся, и я принимаю все их равно реальными и несуществующими. В определенный момент после подобного изменения восприятия посещает мысль о том, чтобы просто лечь на пол и исключить себя из действия, одновременно и все быстрее прокручивая все возможные возможности и вероятные вероятности у себя в голове, пока не закончится биологический ресурс мозга, потому что мозг физически мал по сравнению с тем, что анализирует, несмотря на свое сложное устройство. Все, что нужно для воссоздания собственной реальности внутри головы и при помощи воображения – достаточное количество времени для этого занятия и достаточное количество пространства, в котором можно разместить необходимое количество нейронов, и размер этих “достаточно” определяется лишь тем, как далеко соизволишь зайти в этой эндо-развертке. Разве мне достаточно полусотни страниц, чтобы что-то сказать? Неужели мне хватит нескольких десятков лет, чтобы что-то изменить? Правда ли я настолько наивен, чтобы полагать, будто хоть что-то в жизни способно настолько поглотить мое внимание и разум, что отпадет необходимость в закручивающейся внутрь души рефлексии и попыток осмысления всего этого окружающего мира? Что, с кем соревноваться в красноречии и лингвистической одаренности, остроумии, фантазии, эрудированности, с кем? С такими же ограниченными существами из того же вида, в котором разброс уровней умственного раз-

вития может впечатлять лишь только тогда, когда наблюдаешь его более-менее из центра этого диапазона. Я отказываюсь от участия в гонке, я выхожу из игры, я покидаю шоу, я самоустраняюсь из неуклюжего конкурса влиятельности. “Трус!” “Постследственный лжец о причине!” “Сфабриковал мотив и подменил им лень, бесталанность и посредственность!” Люди всегда ищут в таких вещах ложь, лицемерие и какие-то якобы истинные, скрытые причины, не потому, что так радеют за ваше благополучие, благоразумие и благодушие, а лишь из-за того, что подспудно чувствуют укол страха: “А вдруг здесь и правда что-то неправильно, а вдруг все возьмут и выйдут из игры, тогда придется и мне, и получится, что я все время ошибался, меня водили за нос, меня!”. Волны иронии, отчуждения и пресыщенной скуки смыкаются и размыкаются, постепенно оставляют все меньше шансов выбраться на поверхность. Действительность превращается в очертания, предметы – в свой контур, движения – в последовательность микродвижений, понятия – в свои определения... Общечеловеческая постепенная утрата чувствительности. Онемение души. Девальвация человечности.

* * *

Не вижу никакого смысла сообщать таксисту, что я опаз-

дываю, и нужно поспешить. Что он сделает, ради меня нарушит скоростной режим, волшебным образом найдет новые, более короткие маршруты, не будет останавливаться на светофорах, взлетит над пробкой? На пару секунд мое внимание сосредоточилось на любопытной татуировке на его виске и щеке – веретено поверх римской четверки. Так и не придумав никакой интерпретации этого изображения, я все же сказал ему, что нужно поспешить, и что я опаздываю. В ответ я услышал не слишком щедрое на смыслы “мг”, и убедился, что смысла в этом не было. Даже наоборот, если он социопат, или я ему просто не понравился, он вполне может назло мне замедлиться, или въехать в пробку, и злорадно кривить губы, насмешливо стуча пальцами по рулю и поглядывая в зеркало заднего вида на мою кислую мину.

Собственно, мы как раз и оказались в пробке, так что я старался сохранять отстраненное выражение на лице. Что было для меня немалой неожиданностью – так это то, что в какой-то момент я обнаружил, что на самом деле вовсе не злюсь, не нервничаю и не переживаю из-за опоздания. Словно я был не расходным офисным планктоном в такси, с каждой минутой теряющим деньги, а серьезным типом из совета директоров в машине с личным водителем, и эта сумма – какие-то жалкие крохи сиюминутных убытков компании, и, стоит мне добраться до офиса и разнести в пыль пару-тройку неэффективных менеджеров, кривая прибыли вновь пойдет вверх.

Бывает такое, что ты очень долго занимаешься чем-то, что вызывает у тебя мерзейшее отвращение, душевную тошноту, и существует всего-навсего одна причина продолжать это делать (в данном случае этой причиной были деньги), но раздражение, усталость и скука накапливаются, и вот уже ты буквально ищешь малейший повод, чтобы бросить это, но так, чтобы ты был как бы не при делах, все решили за тебя, а ты лишь иронично хмыкнул и, довольный этим самообманом, оставил отвратительное занятие. Это не я запорол детокс, это ребята с движухи дали мне тот странный коктейль. Это не я ушел из любительской гандбольной команды, это тренер меня выгнал, я всего лишь дал несколько справедливых комментариев относительно его тактики. Это не я перестал бегать, это две пары кроссовок порвались – ну кто же знал, что этот маршрут такой непригодный для бега. Это не я проебал отношения, потому что втайне хочу страдать, это она меня бросила. И чем больше я думал об этом, тем сильнее казалось, что “Это не я проспал третий раз за месяц, мне просто нужно было дописать пьесу, а до этого – немного забыть, и все это на самом деле из-за расставания, из-за нее”. Использовать одни свои ошибки как катализатор других, и при этом винить кого и что угодно, но не себя. Высший пилотаж. Ладно, раз уж мы все равно в пробке, и мне вроде как плевать на опоздание, почему бы не вздремнуть немного? Каких-то минут пятнадцать-двадцать, пока не начнется фаза глубокого сна. Да, отличная идея. Отличная.



Тесная старая кухня, на полу валяется табуретка, рядом с ней веревка, явно сорвавшаяся с крюка, что торчит в потолке. На столе открытый пузырек таблеток, я даже вижу название – “Апатин”. Удивительное количество четких деталей для сна. Я выхожу из этой квартиры, спускаюсь на улицу, развлекаюсь, щелчком пальцев гася и зажигая гирлянды на витринах магазинчиков и кафе. Встречные люди расступаются и в подобострастном ужасе падают на колени с криками “Бог мертв! Да здравствует бог!” Я смотрю наверх и замечаю странную полупрозрачную воронку, поднимающуюся от меня в небеса, и она словно насыщает меня, дает новые мысли, обостряет все чувства, как если бы кто-то вливал через нее в меня жизненную энергию. Я всматриваюсь в нее получше, и взгляд уносит по ней далеко, очень далеко, сквозь космос и дальше, сквозь пустоту, и вот я уже оказываюсь в совсем другом месте, смутно знакомом. Да, пожалуй, что я видел это место в других снах, многое здесь кажется родным и своим, однако с каждой секундой это ощущение слабеет – неужели это отсюда меня переливают в то, предыдущее место? Афиша рождественского концерта группы с длинным названием вызывает какие-то смутные ассоциации, но прежде, чем я

успеваю уловить их, меня вновь перекидывает в то незнакомое место, где меня называли богом и чествовали мое пришествие. Последнее, что я вижу – свое отражение в одной из витрин. Там я стою с ножом у горла человека, лежащего на больничной койке и подключенного к многочисленным аппаратам, и злобный блеск моих глаз становится все ярче, а потом все превращается в череду мелькающих образов, они сменяют друг друга все быстрее и быстрее, пока не сливаются в один гаргантюанский пейзаж, по сравнению с которым картины Босха – фантики от конфет. Я пытаюсь рассмотреть все как можно лучше, запомнить больше деталей, но что-то резко толкает меня вперед, и все покрывает мрак пробуждения.

* * *

И все же, как я теперь ясно вижу, это была не лучшая идея, ведь я проснулся, когда мы уже прибыли на место, и некоторая неловкость ситуации побудила меня сперва попрощаться с водителем, как-то злорадно усмехнувшись в ответ, и покинуть салон как можно скорее, и уже только после этого приложить максимум усилий (больше их количество, чем оное, сопровождающее усилия, направленные на прикладывание отрезанного от штанины куска на чрезвычай-

чайно бодрое обширное внешнее артериальное кровотоечение, предваряющее наложение жгута) для того, чтобы окончательно проснуться и стряхнуть с себя странное чувство потерянности и неузнавания окружающего меня пространства, что нередко случается сразу после пробуждения от краткой дневной – а время неуклонно клонилось в сторону, где его уже куда как правильнее, в целях наибольшего темпорального соответствия, необходимого для эффективной и полезной коммуникации, в данном случае – включающей в себя характеристику текущего времени суток, определять как “день”, а не “утро” – дремы, но вот уже остаточная сонливость исчезает, зрение фокусируется, я возвращаю полный контроль над своим телом, а узнавание не спешит объявляться, что может значить предположительно (за вычетом практически невозможного) одно: меня привезли не туда, и но растущая уверенность в чем недоуменно разбивается о реальность фактов, в которой приложение такси уверяет меня в том, что я и при заказе указал не тот адрес, что совершенно невозможно, ведь я не вводил название улицы в поиск, а выбрал из быстрого списка наиболее посещаемых мной точек, а этого места там определенно нет и быть не могло, каковое утверждение имеет в своей основе аксиоматическое уравнение из известных постоянных моего экспансионального пребывания и легко находимых переменных порядка перемещения между точками означенного пребывания, да и к тому же, я вообще не представляю, где оно находится, во

что слабо верится, учитывая, насколько хорошо я знаю город, что не могло бы позволить мне упустить при его изучении такую примечательную площадь с небольшим сквером, и теперь все, что мне остается – это поинтересоваться у прохожих, как отсюда попасть на нужную мне улицу, что оказывается делом несложным, но совершенно бесполезным: ни один из троих остановленных и опрошенных не может дать вразумительного ответа и вообще слабо понимает, о каком месте я спрашиваю, каковой результат неизбежно приводит меня к тому, чтобы вновь отдаться на милость только что непостижимым образом подведшего меня телефона, как бы признавая что либо он не ошибся, и это я самолично ввел незнакомый мне адрес в поиск – для чего было бы необходимо задействовать центр воображения в той степени, что, во-первых, представляется мне (даже сейчас, почти час спустя) недостижимой для человека в свойственном мне сразу после шокового пробуждения состоянии ограниченного сознания, а, во-вторых, буде даже я и совершил невероятное усилие над мозгом и все же сделал это, подобное когнитивное напряжение совершенно определенно точно оставило бы хоть какую-то зацепку на памяти – и совершенно этого не заметил и не запомнил, что мы уже чуть ранее исключили, либо ошибся телефон, что не мешает мне теперь еще раз довериться ему, раболепно признавая его превосходящие возможности и свою собственную беспомощность – фактически попадая в рабство технологий, что я и делаю со сми-

ренной усталостью, даже не пытаясь представить, даже не рассматривая возможность существования вероятности того, что имеет хоть какой-то смысл, пусть и самый отдаленный и призрачный, только лишь представить, будто это решение необязательно тождественно кульминации всей ситуации, а не является звеном в цепи чудовищных, травмирующих понимание действительности выводов, скользящей под стелющимся над поверхностью лобной доли туманом ослабленной несобранности, звенья которой одно за другим выскальзывают из этого тумана – лишь для того, чтобы сковать разум ужасом того самого момента, когда ты еще не понял всех аспектов, в которых ситуация неправильна, странна и ужасна, не сделал далеко идущих выводов о последствиях, но холодный пот, вызванный началом выброса адреналина, уже вот-вот резко проступит на ладонях и спине, на неуловимо малую величину времени опережая твое собственное понимание, а точнее – интерпретацию информации, которая у тебя уже есть, и которую некая ответственная за первоочередную обработку часть мозга уже успела первоочередно обработать и ужаснулась, нажала тревожную кнопку стресса, оставив какие-то миллисекунды другим отделам на то, чтобы недоуменно переглянуться и уже начать было издевательски хмыкать, лишь для того, чтобы быть прерванными на полухмыке пониманием: карта на экране телефона, предназначенная для ориентации при выборе начальной и конечной точек поездки при помощи этого приложения, никаким воз-

возможным образом не была картой города, в котором я живу, производитель и модель телефона не были теми, что я привык видеть в руке, приложения, чем больше я в них всматривался, казались совершенно незнакомыми, и единственным способом остановить этот ужас было выключить экран и положить аппарат в карман, а затем понять, что этим все не ограничится, ведь постепенно вывески на дверях зданий, витрины магазинов, марки автомобилей и речь идущих мимо людей трансформировались вплоть до той степени, когда уже совершенно невозможно понять, чем это было раньше, и даже наибледнейшая тень узнавания не промелькнула бы, оставив мне лишь поспешно ретироваться подальше от площади, в один из небольших дворов, не отрывая взгляда от асфальта – вот же срань, даже текстура асфальта меняется прямо на глазах – и сесть на скамейку, зажмурив глаза в надежде удалить последнюю минуту из памяти, чтобы не бояться вновь увидеть реальный мир, который я помню, надеяться так сильно, что уже второй раз за сутки молиться тому, что кажется мне даже не абсурдным и абстрактным, а практически враждебно-издевательским, однако непростые времена создают непростых союзников, но и вообще далее почти физически почувствовать глухой и далекий, но уловимый запах безразличного пустого разложения, стучать зубами и быть не в силах пересилить страх открыть глаза, не получив сначала хоть какую-то надежду на успешность этого предприятия, ударяться о стенки беспомощного одиноче-

ства зарождающегося безумия и уже ощущать закипающие в глазах слезы отчаяния, как вдруг вспомнить странный сюжет своего сна, и тот необъятный холст запутанных связей между... Между кем? Чудовищная догадка, хоть и не переставала быть невозможной, эзотерической, не больше, чем фантазией, но чем дальше она разворачивалась, тем больше и больше, с пугающей полнотой и точностью все объясняла.

Через какие-то полчаса размышлений с зажмуренными глазами на тему взаимосвязи всего подряд, странных снов, смутно знакомых личностей, которых видишь впервые, связанных случаями общих видений и образов людей и всего прочего подобного, я удобно устроился полулежа на малоприметном ряде деревянных сидений неопознанного госучреждения, закинувшись парой колес снотворного, которое так удачно не выкладывал из поясной сумки уже неделю, в ожидании погружения в сон. Уже почти засыпая, я заметил, что не могу избавиться от виноватого любопытства, свойственного ребенку, случайно попавшему в комнату с Самой Большой Красной Кнопкой, замешанного на каком-то неуловимом остром желании возмездия. Понять, кто или что будет объектом возмездия, я не успел – таблетки схватили меня и со всей дури швырнули о стену фармакогенного наикрепчайшего сна.

Картина девятая. Больше никаких хороших концовок

– Разве не забавно, как одна и та же точка во времени может служить червоточинной для двух равноудаленных друг от друга точек на двух несоприкасающихся кругах двух “времен”? Представьте, что вы живете в средние века, гуляете по тропинке у подножия огромной скалы, и вдруг видите, как с вершины скалы взмывает на околозвуковой скорости в небо нечто огромное, что вы бы назвали самолетом или даже шаттлом, если бы знали, что это. Через пару секунд нечто исчезает из поля зрения, и вы в растерянности идете дальше, чтобы у городских ворот увидеть объявление, в котором какой-то изобретатель приглашает желающих на демонстрацию первого в мире костюма для полетов – такого примитивного и первого в своем роде вингсьюта. За пару минут вашей прогулки где-то прошли сотни или даже тысячи лет... Вы видели итог того, что начинается сейчас.

– Но разве фактом наблюдения нами шаттла не была запущена цепочка событий, которые теоретически могут привести к другому состоянию будущего? Ведь даже факта наблюдения бывает достаточно, чтобы повлиять на наблюдаемое.

– А, временной парадокс. Хорошо, то есть, мы допускаем, что принцип самосогласованности не действует?

– Да, мастер.

– Тогда мы обратимся к многомировой интерпретации. Приготовьтесь мыслить максимально абстрактно.

Inner University Dialogues Anthology

В непроглядной темноте глубокой ночи было довольно трудно различить на небе два небольших вытянутых объекта, стремительно приближающихся к поверхности земли. Однако они не были подобны ни метеоритам, ни терпящим крушение летательным аппаратам, ни огромным пикирующим птицам. Было нечто странное в криволинейной траектории их движения, и в том, как нестабильны они бы были для условного наблюдателя-человека: ему бы показалось, что они как бы мерцают, или пропадают на секунду-другую, или части их оказываются на миг в разных местах.

Однако в конце своего пути объекты замедлились и стабилизировались, после чего аккуратно приземлились на вершину небольшого холма, с которого открывался хороший обзор на раскинувшийся в низине город, занятый своим обычным ночным бытом. И когда условный наблюдатель-человек, пыхтя и отдуваясь, подгоняемый собственным условным любопытством, взобрался бы на вершину этого холма, он бы застал там двух сидящих на траве людей, молодых парня и девушку, и никаких неопознанных нестабильных объектов. Эти двое держались за руки и замороженно глядели

на городской пейзаж вдалеке, иногда о чем-то переговариваясь так тихо, что будь условный наблюдатель человеком тактичным, он бы ни в коем случае не приблизился к паре и не стал бы подслушивать их разговор, даже находясь в состоянии крайней уверенности в своей способности подкрасться в ночной тишине незаметно к двум парам здоровых ушей. Возможно, для истории было бы куда лучше, будь условный наблюдатель не человеком, а, например, полевой мышкой.

* * *

– Аулмоммнионаимнаолмунаимнлао. (Здесь и далее – грубый перевод с неназванного языка: “Тут подходит более, чем раньше там, но техника связи не имеет места в хранилище, и требуется деталь для обслуживания”)

– Монналиунаоуанамолаил. (“Это не заставляет приложиться спустя некоторые отрезки”)

– Улиманнаоломнаноаннлмиоанмионуаломоммоаллономмаин. (“Тогда разница была больше, чем позже, и завихрения стремятся к границе записи, могущество имеет предположение, что эта разница сложилась лоном нашей нужды”)

– Наминлноилауаманоммнанилаунаммонла. (“Существует нехватка воспроизводимых образцов иной ассимиляции, раньше не совпадает с наличием в отчужденном хранили-

ще”)

– Анниломануамлунамманиолмунм. (“Образцы предстоят разделенными с общим хранилищем, не имеет повода колебания”)

– Лмуаннамионалунаммомнаоллмиуллаунамоуммануоллма. (“В подобном повороте происходит перематывание хода и дальнейшее погружение с взглядом на приближающиеся хранители любви, как предопределено”)

– Уммануоллма. (“Как предопределено”)

* * *

– Эй, Ви, харэ дрыхнуть! Слезай со своего насеста, ворона!

Из глубокой ниши в стене второго этажа здания городской консерватории имени некоего давно почившего классического композитора, собственно имя которого никак бы не мог припомнить только что очнувшийся от легкой дневной дремы владелец руки, на которой находился нижеописанный палец, показался палец, сложенный в жесте, демонстрирующем одновременно неуважение, пренебрежение и непринужденное веселье. Затем показалось угловатое лицо, обрамленное нечесаными вихрами смоляных волос, выражающее более-менее ту же самую гамму эмоций.

– Я не спал, балда. Просто занял в пространстве дидроанское положение, предавался грезам и порой размышлял о достойной жалости личности и незавидной судьбе того недалёковидного несчастливца, практически Агасфера, что рано или поздно возопит мое имя на всю Консерву, тем самым обесценивая экранирующие свойства сего крак-де-шевальенского укрытия, раскрошив стены его потаенности.

На него снизу с насмешливым прищуром, едва различимым под козырьком ладони, призванной защитить глаза от солнечного света, пробивающегося над фасадом здания, смотрел круглолицый невысокий индивидуум весьма раздолбайского вида. Он собрался уже было прокричать что-то в ответ, но, оценив трезво количество усилий, которые придется приложить к голосовым связкам, сперва решил сократить расстояние до собеседника, ловко взобрался по рустовке на второй этаж и уселся на перила балкона. Ви уважительно хмыкнул, оценив скорость маневра.

– А мне так кажется, что ты какую-то вафлю тут крошишь. И экранизируешь тот любопытственный факт, что – по словам Марла, конечно, но он редко дает повод усомниться в своих тревожных доносах – что никто иной, как твоя личная персона, сегодня ночью опять ускользнула, прям-совсем будто какая очковая кобра на зов кое-чьей-то волшебной дудочки. А поймей ты нормальное количество здорового ночного сна – не склеил бы веки тут, не заметив, что уже два часа как Среда отчалил полоскать око в крови, слезах и поту

тех, кто сегодня опять не сдал.

Ви мысленно грязно выругался, сделав на памяти засечку “в последний раз поговорить с Марлом по-хорошему”.

– Так уже четыре? Вот жеж merda, я пропустил обед. Гар, дружище, надежная ты глыба содействия и всяческого пособничества, не желаешь ли совершить рекреационный променад до тартюфской площади?

– Прошу ваше сонливейшество не забывать, что ты должен мне двадцатку за...

– Эти инсинуации я нахожу весьма прискорбными в их очевидном свидетельстве твоего недоверия к моей здоровой памяти и чистой совести. Выпишешь из моего долга, так и быть.

Ви и Гар спрыгнули на чуть спружинившие доски крыльца, Ви пугающе сильно потянулся.

– А что касается предмета долга, то я как раз хотел...

– Ну-ну. Давай за это чуть позже перетрем, лады? – Гар машинально оглянулся по сторонам, что всегда забавляло Ви и некоторых ребят из их блока, когда речь заходила о незаконных движениях собратьев; однако вовсе не забавляло тех, кто был старше курсом или просто чуть больше понимал в этих делах, – А пока можешь позабавить-таки меня историей о предмете своей ночной страсти. Ты шаридь, Эл и Бри уже принимают ставки на личность этой таинственной мамзели. А ведь вы с Эйприл совсем недавно...

– Я уже упоминал, что нахожу свойственную полузакры-

тому преимущественно задротскому обществу не выныривающих из болота спермотоксикоза и всухую проигрывающих постпубертату щелеглядов и домысливцев квазисавантского толка тягу к половым сплетням весьма прискорбной?

– Да, вроде кой-чего подобное этой словесной отрыжке от тебя уже слышал. Дерзнем так порешить: ты обронишь мне на ухо ненароком имя, я его вложу в уста Червя – от меня-то Эл и Бри все одно не примут ставку – и, буде оно окажется сермягой, с барина будет списан и остаток долга. А? А?

– И не надейся, прохвост. Честь дамы бесценна! Хотя что об этом может знать такой грубый и простецкий мужлан, ко-ему подобен порой ты в своих движимых лишь жаждой наживы деяниях. К тому же, Бри может и простофиля, но Эл вряд ли станет принимать крупную – а ты не сможешь удержаться в разумных пределах десятки – ставку, тем более от Червя, а заслав к ним несколько посредников, ты потеряешь в итоговом плюсе, ведь нужно будет отстегнуть уже не одному, да и несколько ставок на одно имя тоже имеют мало шансов. Эл распознает договорнячок, он меня в матеше подтягивал.

– Ладно, хрен тебя разрази. Все равно ведь узнают все, а ну как Марл в следующий раз за тобой выскользнет, э?

Когда через минут десять Ви и Гар зашли в один из фаст-фудов на “тартюфской площади”, дело приняло несколько иной оборот. Сидевшая за стойкой на барном стуле блондинка во всем черном подняла глаза от лежащего перед ней на

столе телефона на вход и, заметив Ви, радостно подскочила со стула и решительно подошла к нему. На лице Гара с одной стороны начала медленно расцветать зловещая улыбка замыслившего недоброе прохвоста. Ви, обнимая девушку и бодая правым виском ее волосы, одарил друга таким красноречивым взглядом, словно вложил в него как минимум трехминутный монолог, щедро сдобренный угрозами, шантажом и язвительными отсылками на самой грани возможности их понимания.

– Линда, это Гарольд, мой верный друг, человек удивительной чести. Гар, это Линда, прекраснейшая и благословеннейшая из всех дочерей Евы.

* * *

Один из теплых августовских вечеров Виктор и Линда проводили, лежа на фигурной скамейке на вершине Восточного Холма, самой высокой точки лежащего целиком в огромной низине города, с которой открывался довольно неплохой вид на городской парк и уютные промышленные кварталы, где в последние пару лет у студентов местных вузов и прочей молодежи стало модно устраивать самые отморозенные тусовки, на которых пару раз появлялись и эти двое – каждый раз в таком состоянии, что Гар и Макс, снаб-

жающие их и еще половину Консервы расходниками, крестились, молились и зарекались еще хотя бы раз... После чего все благополучно добирались к утру в свои блоки или на съемные квартиры, и зарок забывался. Уже полтора месяца их отношения благодаря любопытству Червя (Гар, должно быть, оценил иронию ситуации) носили статус “утратившие секретность”, хотя интерес к невесте откуда взявшейся Линде, которую до этого никто ни из Консервы, ни из остальной тусовки не знал и не видел, еще сохранялся, и Ви не отпускала привычка порой недобро щуриться и по-собственнически, позаметнее накладывать лапу на точеный стан девушки при виде некоторых личностей. Ей это, похоже, даже нравилось, но сам Ви постоянно ругал себя за подобные проявления неуверенности. Вообще, рядом с ней он всегда немного волновался, хотя и одновременно чувствовал себя спокойно, что не могло не радовать его, и даже снижал уровень позерства и лексических понтов с убаюкивающе-тошнотворного до стандартного студенческого, что не могло не радовать тех, кто находился в это время рядом с ними. Сейчас никого поблизости не было, но оба молчали, она – мечтательно, он – сосредоточенно. Ви заметил, что в такие моменты ему куда проще сосредоточиться на своем давнем увлечении осознанными сновидениями, и периодически пользовался этим, пересказывая Линде сюжеты тех снов, что считал связанными чем-то между собой. Она почему-то находила это мистическим и захватывающим, и слушала так, словно это были пер-

воклассные детективы или лавкрафтовски-зловещие рассказы. Ви положил ладонь на внутреннюю сторону ее бедра и улыбнулся, когда Линда стала слегка царапать его мизинец – это значило, что с этой секунды за эскалацию близости придется платить.

– Ладно, я вроде вспомнил. Внимай же моим речам и позоволь... Ага, спасибо.

Линда скорчила милую рожицу и закинула одну ногу на спинку скамейки, согнав с нее воробья.

– Какой, вчерашний?

– Неа, вчера ничего не снилось, так меня этот подлый дашнак загонял, чтоб его гобоем в глазницу... В общем, этот с позавчера на вчера.

– Оки-доки. Я – воплощение внимания.

– Снилось примерно вот что: я снова летаю от дома к дому, от окна к окну. На улице зима, все в гирляндах и елках – короче, то ли Рождество, то ли Новый Год неумолимо приближаются, и люди ходят все такие праздничные, разодетые, расфуфыренные – аж смотреть приятно. Помню и несколько неприятных сцен – то муж на жену орет, то мать ребенка по заднице колотит, то вообще хрен просечешь очередную дивную схему сбоя проводки их отношений. А я – уверенный, что это мое дело, будто на мне красный халат и шапка, и борода лет пять пропускает свидания с бритвой – взмахиваю рукой, и у них все налаживается прямо-таки волшебным образом, без какой-то там вендетты или восстановления по-

руганной справедливости, просто все мирятся и радуются, и я лечу себе такой дальше, и уже скоро лопну, так меня распирает от гордости.

Сказав это, он на пару минут замолчал. Линда терпеливо ждала продолжения, но все же решила проверить, не заснул ли он. Иногда рассказы о снах действовали на него убаюкивающе.

– Ви?

– Я тут, малышка. Просто формулировал. И вот, лечу я дальше, и в какой-то момент вижу в окне того странного паренька, про которого я уже пару раз рассказывал.

– Который худой и седой? У него еще вроде что-то с мимикой было...

– Ага, он самый. Сидит на кровати с ногами, лицом к стене, а плечи так колотятся, что смотреть страшно – даже во сне, вообрази себе такую сценку. Ну и я хочу своим неприкрытым жестом волшебника поневоле разом освободить пацана от всей херни, что у него на душе творится. И как только я взмахиваю рукой... Дальше странно. Словно рядом с ним появляется мужик в рубашке с блокнотиком в руке, и машет мне этим блокнотиком, а другой рукой поворачивает голову пацана на сто восемьдесят градусов, и я вижу стремные, мертвые глаза, как у белой акулы. И тут меня как будто затягивает в один его глаз и вытаскивает через другой, и, пока я в каком-то смысле у него в голове, я вижу его в каком-то другом месте и другом облике, но все равно знаю, что это он,

и он ходит среди людей, запихивая их в портфель, и они вылетают из портфеля, но уже мертвые, и танцуют вокруг него в небе, водят просто невообразимых размеров хоровод. Хоровод мертвых. Последнее, что я там вижу – как он срывает какого-то чела с потолка, будто тот там висел, как игрушка на елке, и тянет его в свой портфель. И тут меня, как я уже упоминал, вытягивает из головы пацана через второй глаз, мужик за окном выбрасывает в мою сторону кулак, и меня уносит от этого окна, и затем выкидывает из самого сна.

– Фига себе. Блин, с малым как-то прям мрачно, а? Может, попробуешь осознаться в следующий раз и помочь ему?

– А я так и сделал. Еще не совсем проснулся, и почему-то мне спросонья показалось, что очень важно спасти пацана, или того чела, которого он у себя в голове сорвал с потолка, в общем – есть ярко выраженная необходимость переигровочки ситуации, а время как будто на исходе, словно мой сон продолжается без меня. Я сразу же снова отрубился и вернулся туда – как раз в тот момент, когда мужик выбросил кулак. Как-то увернулся и ткнул в него двумя пальцами в ответ – и он исчез, представь себе. Потом я потянулся к малому и как бы увидел, что у себя в голове он уже засунул чела с потолка в портфель. И тогда...

– Ну, Ви! Что случилось дальше?

– Ты неправильно истолковала паузу, кроха. Это не интрига, я просто не знаю наверняка.

– Это как? Ты же говорил, что научился записывать все

детали сна, от начала до конца. А тут забыл, ну как так-то?

Ви усмехнулся и легонько щелкнул Линду по носу.

– Ничего я не забыл. Что-то случилось в конце сна, я проснулся, как обычно сразу взял тетрадь и все схематично записал, а пока писал – машинально достал сигарету и вышел покурить на балкон.

– Только не говори, что Марл проснулся и сбил тебя с мысли.

– Не, немного страннее. Сел я, стало быть, в кресло, закурил, дописал вплоть до финала сна.

– Таааак, и?

– И поднял голову вверх – посмотреть, что это мне капнуло на макушку. Ты помнишь, как вчера утром шел дождь?

– Ну как шел. Я вынесла простыню на балкон, повесила сушиться, отошла на минуту. Возвращаюсь, чтобы еще наволочку повесить, а простыня в каплях от дождя.

– Угу. И на небе ни одного гребаного облачка. Чудно, да?

– Только не говори, что дождь...

– Мне очень жаль, миледи. Я смотрел в небо секунд десять, пытался понять, все ли у меня в порядке со зрением, а когда решил, что подумаю об этом из комнаты, и глянул на тетрадь – на месте половины последней строчки было размазанное пятно чернил, туда с края крыши струйкой вода на текла. Вот же тупое невезение, а?

– Звучит или как самая неправдоподобная отмазка в мире, или как самое нелепое невезение в мире.

– А теперь подумай и реши, мог ли я позволить себе осквернить репутацию своего воображения перед лицом дамы сердца подобными низкопробными отмазками?

– Вот же нелепое невезение. Ну и пока ты смотрел на небо, напрочь забыл сон?

– Вроде того. Я и остальное вспомнил, только много раз перечитав написанное и дополнив, а финал и дополнить-то нечем. И ведь там оставалось всего несколько секунд действия. Но знаешь, я придумал, что с этим сделать.

– Ну-ка. Вызвать сон целиком заново?

– Ну, у меня так вряд ли получится. Лучше я сегодня вечером запишу в дневник подходящую концовку, и буду перечитывать вместе с остальными ключевыми точками снов, и запоминать. Так я легитимизирую эту фальшивку для своей памяти во сне, и там не буду помнить, что сам это придумал постфактум.

– А, то есть ты вроде как запрограммируешь контекст сна заранее? Все, вопросы к воображению сняты, ты у меня самый хитрый!

Ви улыбнулся, поцеловал Линду и уткнулся носом в ее шею. Что-то все же тревожило его – неужели он всерьез переживал, получится ли подменить воспоминание об обычном сне? И почему это было так важно?

Она шла мимо фруктовой лавки, когда что-то почувствовала – внимание настолько пристальное, что оно ощущалось физически. Девушка вздохнула и остановилась у прилавка, делая вид, что разглядывает яблоки с бананами.

– Привет. Беспокоит дефицит витаминов?

Очень близко, будто был в двух шагах, при этом оставаясь незамеченным. Да, у него определенно был талант к приспособлению.

– Не то чтобы. Поняла, что ты здесь.

– Рад, что ты тоже быстро приловчилась к их странному строению. Прогуляемся?

Они медленно побрели по улице, она чуть впереди, определяя маршрут, а он – в шаге позади, поглядывая то на безоблачное вечернее небо, то на свою спутницу. Похоже, он в своей обычной манере собирался испытывать собеседника молчанием, пока тот, не выдержав, не заговорит сам. И это снова сработало.

– Ты, наверное, хочешь сказать, что уже пора.

– Либо ты научилась копаться в чужих мыслях, либо сама полагаешь, что уже и правда пора.

– Я просто хорошо тебя знаю. Ну и как твои успехи?

– Не выполни я свою часть задания, меня бы тут не было.

Вчера я забрал у нее все.

– И кто же она была?

– Не все ли равно? Впрочем, я понимаю, почему ты спрашиваешь. Сложно не заметить, как хорошо ты вжилась в роль.

– Вздор.

– Хочешь сказать, что за это время не привязалась к нему? И теперь не хочешь потянуть время, лишь бы еще немного отсрочить прощание?

– Дело не в прощании. Просто я сожалею о выборе.

– Откуда тебе знать, что ты не сожалела бы о любом другом человеке? Ты молода, и не застала другое время.

– Разве это не должно работать наоборот? Почему для тебя это ничего не значит, если ты помнишь, как было раньше, как здесь?

– Именно потому, что я старше – ведь я видел, что такое время, и я знаю, что все это уже было, и будет. И именно поэтому я спокоен и уверен в тебе – ведь я знаю, что ты уже это делала, и сделаешь еще раз.

– Есть в нем что-то особенное. Мне кажется, что он важен, и красть у него...

– Нет ничего важного, пойми. Ты не делаешь выбор, потому что выбор уже сделан. Судьба все решила, и ты заберешь у него то, что нужно.

– Так просто? И с этой тропы никак нельзя свернуть?

– Погоди-ка.

Он на пару секунд остановился, бросив взгляд в сторону растущей вдоль тротуара живой изгороди, которая как-то странно вздрогнула. Вдоволь насмотревшись на нее, он нагнал девушку и продолжил разговор теперь уже шепотом.

– Ладно, давай рассуждать на уровне абстракций. Допустим, что ты все же можешь сделать выбор, и оставить этого человека таким, какой он есть. Что происходит, когда ты принимаешь решение?

– Остается один вариант, и будущее меняется.

– Уверена? Но если ты точно знаешь, что будущее, в котором ты все-таки выполнила свою задачу, истинно, что оно уже свершилось?

– Предположим, что так было прежде, но теперь настал черед...

– Вот что я имею в виду, когда говорю, что ты не понимаешь время. Ход событий неизменен, пока ты находишься в нем.

– Но объясни мне, что будет, если я откажусь и не сделаю этого? Хотя бы просто из желания нарушить ход событий, из глупого любопытства?

Ее спутник остановился у фонарного столба, уставившись на горы вдаль, на самом краю горизонта. Казалось, он ужасно устал от этого разговора, но все еще хотел до нее что-то донести.

– Фактически, ты перестанешь существовать.

– Что это значит? Почему тогда этого не произошло рань-

ше, ведь мы постоянно делаем выбор, который на что-то влияет?

Теперь он перевел взгляд на нее, и в прикрытых глазах была заметна ленивая уверенность взрослого, рассказывающего ребенку, почему не стоит совать руки в кипяток.

– А кто сказал, что этого не происходило раньше? Тебе пока везло не сходить с тропы. Но много ли ты знаешь о том, что случилось бы, принимай ты другие решения? Я знаю лишь один вариант, потому что всегда выбирал его, и никогда об этом не жалел. И дело тут не в любопытстве, малышка. Дело в судьбе.

* * *

Гарольд сидит на верхней ступеньке стремянки в задней части сцены и нервно покусывает нижнюю губу. Музыка играет так громко, что пол трясется и вибрирует, но Гар целиком погружен в чертово озеро беспокоящих вопросов, требующих быстрого и разумного решения. Сегодня ему пришлось прилично задержаться на красной улице – Повар опоздал, чего раньше за ним не было замечено, и к моменту, когда Гар окольными путями добрался до заброшенного здания мебельной фабрики, немалая часть возможной прибыли уже досталась кому-то – хотел бы Гар знать, кому же

– кто подсуетился и все организовал. А это значило, что в поисках покупателей придется выбираться в восточные районы, что было не самым приятным занятием, да и куда более рискованным, чем сбывать все за один вечер в одном месте, а ближе к середине ночи – еще и с накруткой. Вторая проблема – Марл, который сегодня явно настроен на решительную попытку самоубийства путем совмещения несовместимых крайностей, обычно приводящего к тому, что человек начинает расценивать процесс дыхания как слишком скучный и незначительный. Один раз его уже вытащили на улицу и считай реанимировали, выкрутив соски, и еще повезло, что это видели только Гар и Макс. Теперь с Марлом сидит девчонка со второго курса, чудное имя которой Гар никак не может вспомнить, но искренне надеется, что оно значит что-то вроде “хранительница” в переводе с какого-нибудь древнего языка. Третья проблема – отсутствие Ви в зоне наблюдения, которую предоставляла стремянка, хотя Гар мельком видел его у дальнего конца огромного зала, когда вытаскивал Марла на улицу. Жизненно необходимо найти его как можно скорее, и по возможности без Линды – что бы ни значили услышанные Гарольдом сегодня на улице слова, это наверняка что-то очень скверное. На звонки Ви, разумеется, не отвечает – дурацкая привычка отрубать телефон на тусовках может теперь ему дорого обойтись. “Черт бы трахал ту мою извилину, которая науськала обождать со звонком” – думает Гар. Когда нижняя губа принимается умолять о пощаде, он

спрыгивает со стремянки, намереваясь терпеливо обходить каждый квадратный метр внутри и снаружи здания, пока Ви не найдется.

Тем временем Ви и Линда заходят в одну из просторных кабинок фабричного туалета. Ви одной рукой расстегивает на девушке блузку, а другой протягивает ей стакан с чем-то определенно крупнокалиберным, и Линда, тонко смеясь, протягивает напиток через две трубочки, поставив ногу в черной туфле на опущенную крышку унитаза, так, что Ви плотно зажат между ее ногой и стенкой кабинки. Быстро допивая стакан на пару, они прижимаются друг к другу ближе и дышат тяжело и прерывисто, ловят руками части тел друг друга, стягивая с них одежду нетерпеливо и неаккуратно. Линда снова смеется и впивается взглядом в Ви, дразняще облизывая губы. Когда Ви добирается левой рукой туда, куда хотел, Линда открывает рот шире, издавая тонкий дрожащий звук, и Ви замечает у нее на языке марку. Она это понимает и подмигивает ему, приглашая. Слизывая бумажку с ее языка и закатывая под свой, Ви почти сразу чувствует странную слабость в ногах, которую тут же сменяет невероятная легкость в голове, уносящая его куда-то очень далеко. Линда уже не улыбается, наоборот – по ее щекам пробегает несколько слезинок, но она все же подается всем телом вперед и целует Ви, и глаза ее в этот момент заливают жирная, отвратительная чернота, в которой как будто что-то неуловимо двигается на огромной скорости, глаза Ви закатываются, и он теряет

сознание. Последнее, что он помнит – как силой мысли меняет местами два размытых силуэта, после чего в бесцветное небо видения устремляется вспышка света.

* * *

Кап.

Глаза открывались с необъяснимым трудом, будто сон затянулся на несколько месяцев. Время отвернулось и дрожало в углу, жалобно всхлипывая.

Ви осторожно выбрался из постели, стараясь не разбудить Эйприл – в последнее время она спала крайне беспокойно. Вытряхнув из пачки предпоследнюю сигарету, он вышел из спальни и направился на кухню, как обычно раздраженный отсутствием в квартире Эйпс балкона. Ви открыл кухонное окно настежь, закурил и достал из холодильника пару сэндвичей с курицей. Неплохой вариант для перекуса в полчетвертого ночи, принимая во внимание их с Эйпс сегодняшней выходной от занятий, так редко бывающий общим. Пару месяцев назад она маниакально увлеклась готовкой, отвечая на его насмешливые заверения в том, что ей вовсе необязательно ему готовить, недоуменными взмахами ресниц и перечислением, казалось, уходящего в бесконечность ряда более приоритетных, нежели его гастрономическая неразбор-

чивость, причин, побудивших ее взять приступом твердыню под названием “здоровая домашняя пища”. Так что сэндвичи можно без сожаления пустить в расход прямо сейчас. Микроволновка приняла в себя тарелку и задумчиво загудела.

Что же за странный сон ему снился? С тех пор как Ви перестал заниматься осознанными сновидениями и забросил дневник, сюжеты снов стали забываться уже через несколько секунд после пробуждения, но общие впечатления сохранялись еще какое-то время, и сейчас описать их было довольно трудно. Он сделал что-то чрезвычайно важное, а еще – что-то потерял. Вдруг высоко в небе, под самой рамой окна, Ви заметил два еле различимых темных объекта, стремительно удаляющихся прочь от земли. Он сел на подоконник, расширив себе обзор, и наблюдал, как их странные, дрожащие и ни на что не похожие силуэты покидали поле зрения, пока, наконец, в какой-то точке небосвода не исчезли вовсе. На секунду вернувшись в своих размышлениях к Эйприл, Ви поймал себя на дурацкой мысли, что ничего к ней не чувствует – никак во сне ему прокипятили лимбическую систему. Ну ничего, сейчас голова прояснится – и это пройдет, и все станет как прежде. Все снова будет нормально.

На таймере микроволновки оставалось три минуты. В уличном воздухе угадывался озоновый запах надвигающейся грозы...

VIII. ВИТОК СПИРАЛИ N+1/N, ПУНКТ 180/360. ИСКАЖАЮЩИЙ ФАКТОР

*Another me lives another life
I've always dreamed
Another me exists somewhere
Why can't I live that life there?
Please let me be... the other me*
Jim Sturgess – The Other Me

Я склонился над поверхностью воды, наблюдая, как по ней прошла легкая рябь, когда расплывчатый силуэт в глубине дернулся в последний раз и замер. Да, лишь на какое-то время, чтобы вскоре вновь вздрогнуть, будто очнувшись ото сна, и начать барахтаться в попытках выбраться из невидимых, неосязаемых пут.

Это было мое любимое отражение и любимый сюжет. В нем было все: осознание своего незavidного положения, ужас перед силой давления на глубине, продолжительная борьба с судьбой, поиск причин и вариантов спасения, долгожданное освобождение и чувство торжества, изъявление воли и упоение победой, предчувствие покоя и – в самом конце, за миг до начала нового цикла – мимолетный про-

блеск понимания, крах всей картины мира, когда то, что казалось реальностью, после секундного промедления вновь продолжило неуклонно продвигаться вперед. Снова и снова, один виток спирали за другим, его история повторялась, словно ткань ее сюжета была прибита к вращающемуся колесу судьбы ржавыми гвоздями неизменных ключевых точек, позволяющих некоторую свободу оригинальности очередному циклу, но лишь до известного предела.

И таковы были все истории, за которыми я наблюдал, вглядываясь в темноту глубин, раз за разом различая одни и те же события, решения, поступки. Должно быть, это свойство повторяемости было последствием того, что никто из героев этих историй на самом деле не желал ничего менять в происходящем с ними, даже если на первый взгляд и могло показаться, что они страдают, сопротивляются, ищут выход. Это было лишь поверхностным суждением, и лишь долгое, очень долгое наблюдение позволяло увидеть, как они на самом деле отказываются покидать те рамки, в которых чувствовали себя комфортно и привычно. Они наслаждались своими страданиями, которые сами для себя проектировали, они упивались своей борьбой с тем, что на самом деле вовсе не хотели уничтожить, они находили смысл в тех мелких или крупных бедах, что неосознанно, но добровольно вписывали в свои истории.

Взять хоть этого – его подсознательный страх быть обычным человеком, страх принятия себя создал надлом в лич-

ности, он привык к постоянному самокопанию, стал драматизировать каждую мелочь и уже не мог перестать воспринимать все слишком серьезно. В какой-то момент он сделал центральной идеей своей жизни убеждение, что во всем, что вызывало у него дискомфорт, раздражение или непонимание, виновата уникальная природа человека, разница в восприятии окружающего мира. В конце концов он пришел к безумной мысли, что нужно уничтожить все различия, сплавив воедино всех, кто мог воспринимать мир. Таким он видел бога – среднестатистическим обитателем вселенной, в разуме которого все, что кто-то мог бы счесть достойным, нивелируется чем-то противоположным. Еще ему отчаянно нужен был виновник изначального злополучного положения вещей – так его личный управляемый сон превратился в мазохистский кошмар, с потерями, болью, борьбой, поиском неприглядной истины. А в конце он, разумеется, побеждал, низвергнув врага и став героем, спасителем мироздания, архитектором нового порядка. Уж точно не обычным человеком.

Как всегда, рядом с этим сном в отражении я не мог сдерживать улыбку. В конце концов, кто я такой, чтобы судить их? Каждый имеет право на те иллюзии, в которых существует. Я и так поступаю не слишком-то этично, наблюдая за их снами. Впрочем, больше мне заняться особо нечем, так что я могу извинить себя за эту бестактность, раз уж ее никто не заметит, а значит, и не осудит. В моем положении мораль не

имеет совершенно никакого значения.

Я еще немного постоял, дождавшись, пока силуэт внизу вздрогнет, сбрасывая с себя дрему, и медленно двинулся дальше мимо неисчислимого множества других фантазий. И чем больше я думал о тех, кто живет внутри них, тем яснее чувствовал безмятежность и покой. Да, у нас все будет хорошо.

IX. ВИТОК СПИРАЛИ N+1, ПУНКТ 180/0. ТЮРЬМА РАЗУМА

*Нет страданий, есть покой. Нет вражды, есть гармония. Нет оков, есть свобода. Нет власти, есть равенство. В разделении мы обретем мир.
“Ключ к звездам”*

...И гроза действительно началась. Небо разразилось сразу несколькими вспышками молний – темно-красных, ветвящихся, зловещих; писк микроволновки, закончившей с сэндвичами, потерялся в раскатах грома, от которых задрожали стекла. В считанные секунды утреннее небо целиком затянули густые тучи, необычайно темные и низкие, казалось, чешущие своими косматыми брюхами самые высокие здания города и телевышку, что была недалеко от дома Эйпс. В их глубине неистово сверкали все новые и новые разряды молний, и некоторые вырывались наружу, освещая все вокруг каким-то почти inferнальным светом. Ви смотрел на происходящее широко распахнутыми глазами, не в силах пошевелиться.

Багровый свет залил мир снаружи, когда грозовые тучи – хотя это уже скорее было само небо, превратившееся в одну сплошную рокошущую темную массу – опустились еще ниже,

и напряжение в воздухе усилилось многократно. Те немногие, кто был на улице, со всех ног спешили хоть в какое-нибудь укрытие. Не было ни малейшего признака дождя – лишь поглощающая все гроза.

Когда очередная молния, разрезав небо, попала в один из корпусов Консервы, Ви понял, что нельзя просто стоять – происходит что-то ненормальное, нужно будить Эйпс и искать укрытие получше, чем квартира в многоэтажке. Он с трудом пересилил дрожащие ноги и почти сделал шаг назад, в сторону спальни, когда увидел что-то совсем уж невозможное, что в один миг вымело из его головы все мысли.

Грозовая масса совсем рядом с их домом разошлась в стороны, образовав узкий сверкающий коридор, и на ярком фоне этого коридора вдруг показался человеческий силуэт.

Это было так близко, что Ви мог видеть, как силуэт огляделся, удовлетворенно кивнул и начал медленно спускаться вниз. Вокруг него бушевала адская гроза, и воздух почти что горел от то и дело вспарывающих его красных молний, но человек, похоже, чувствовал себя вполне комфортно. Когда он спустился достаточно низко, что на его пути встала телевышка, он лишь слегка повел головой в сторону, и конструкция в то же мгновение просто рассыпалась в пыль. Теперь уже это была не просто мощная гроза – землю начало потряхивать, толчки были пока что слабыми и короткими, но их амплитуда росла с каждой минутой. Где-то у линии горизонта поднялся черный дым первых пожаров.

Вдруг человек в небесах остановился и повернул голову – Ви это почувствовал – в его сторону. Несколько секунд он смотрел, после чего изменил свой воздушный маршрут, повернув в сторону Ви. Тот словно резко очнулся ото сна, стряхнув бессилие, медленно начал двигаться назад, подальше от окна. Когда он перестал видеть приближающийся силуэт, двигаться стало легче, и Ви быстрым шагом направился в спальню, чтобы срочно разбудить Эйприл – странно, что вся эта какофония и начинающееся землетрясение не разбудили ее раньше. Ви было страшно – все происходящее походило на один из его снов, из тех, что выходят из-под контроля и превращаются в апокалиптические кошмары. Кто это в небесах? Неужели это бог? Неужели это конец света? Быть может, он все еще спит?

– Эйпс, подъем! Вставай, быс...

Ви осекся на полуслове, в недоумении разглядывая комнату. Эйприл в постели не было. Ви осмотрел всю комнату, затем всю квартиру – девушки не было нигде. Он не услышал щелчок замка от входной двери? Возможно, но зачем ей было выходить из дома посреди всего этого, даже ничего ему не сказав? Ви понимал, что утро – время особенное, у него у самого были большие проблемы с самочувствием сразу после пробуждения, но не заметить творящегося снаружи хаоса было просто невозможно. Значит, она ушла в спешке и тайно. Но почему? Он ощущал, что теряет контроль над происходящим, что еще большего уверило его в том, что все

это лишь сон. Ви немного успокоился, зная, насколько сны могут быть подробными и реалистичными. По сути, между реальностью и сном была одна-единственная разница – сон рано или поздно заканчивался, и становилось понятно, что все это происходило не на самом деле. Впрочем, жизнь ведь тоже рано или поздно заканчивалась, не так ли?

Чтобы не возвращаться вновь на шаткую почву рассуждений о природе реальности, Ви достал из пачки последнюю сигарету и закурил, возвращаясь на кухню. Там он сел перед окном и принялся внимательно наблюдать за приближающимся с неба силуэтом, все более и более различимым. Это был высокий мужик с длинными волосами, цвет которых на фоне катаклизма вокруг было не различить, одетый в длинный балахон с накинутым капюшоном, скрывающим лицо.

Пожары разгорались уже повсюду, и здания периодически ощутимо трясло. Ви слышал треск стен, крики людей снаружи, завывания сирен и сигнализаций, и все эти звуки то и дело заглушали раскаты грома. Да, это определенно было похоже на конец света.

Вскоре человек в балахоне спустился к самому окну, остановился. Затем приветственно кивнул Ви и махнул рукой, приглашая выйти к нему. Ви решил, что нет смысла задумываться о логичности поступков в обычном сне, распахнул окно и шагнул из него – в воздух, совершенно уверенный в том, что не упадет. Так и вышло – незримая лестница, по которой спускался его гость, удержала Ви в воздухе. Это бы-

ло довольно странно – он много раз летал во снах, но теперь он просто стоял, как казалось, на пустоте, разглядывая мир сверху. Насладившись видом, Ви перевел взгляд на визитера.

– И кто же ты такой?

– Спаситель.

– И зачем ты пришел ко мне, спаситель?

– Мне показалось, что тебя, как и меня, очень интересуют сны.

– Есть такое. Говорить о снах внутри сна – редкая рекурсия.

– Вот как? Если ты не против, можем немного пройтись, и я расскажу тебе о том, зачем я здесь.

– Почему бы и нет.

* * *

Ви и человек, который назвался спасителем, шагали по невидимому мосту над погибающим миром. Катаклизм набирал обороты – черные тучи, затянувшие, похоже, всю планету, опускались все ниже, непрерывно поражая землю ударами молний, колоссальные воронки вихрей опустошали человеческий мир, тут и там возникающие разломы пожирали все, что оказывалось поблизости, горы ползли вниз, сминая под собой все следы цивилизации, моря наступали, и вал за

валом накатывал на берега, поглощая разрастающиеся пожары. Ви не мог отрицать, что зрелище было до ужаса завораживающее.

Его спутник закончил свой долгий рассказ, оставивший у Ви немало вопросов.

– То есть ты утверждаешь, что... Нет, это звучит как полная чушь. Все мы – одно существо, разделяющее свое единое сознание на отдельные тела?

– Так было в начале текущего цикла. Очень давно. Но, как я уже говорил, что-то пошло не так, и единство начало ослабевать, постепенно стали проявляться черты того, что в прошлом было отдельными личностями, отдельными сознаниями. Это единение было противоестественным процессом, и в конце концов естественный ход событий взял свое. Начался внутренний конфликт. Коллективный разум принялся играть с собой в странные, саморазрушительные игры, что и привело нас к текущему состоянию – боль, конфликты, непонимание, ненависть, одиночество и отчужденность, разобщенность. Все еще по сути являясь одним целым, живые существа в то же время намертво приросли к своим “ролям” в этой вселенной-конструкторе, но пустота, образовавшаяся из-за потери настоящего, изначального единства, стала выражаться в форме экзистенциального ужаса, побега от факта своего существования как отдельной личности, отделенного от всех прочих сознания, узника материальной оболочки. Вся боль и все страдания этого мира неизбежны, потому что

мы по отдельности уже не можем понять, каков был наш замысел, пока мы еще были по-настоящему одним целым. И, что самое забавное, узнать ответ не у кого, ведь мы сами и есть собственный бог, выродившийся вот в это ничтожество и убогость.

– Действительно не слишком-то приятная картина получается. Я бы даже сказал, что этот идеальный мир на самом деле – крошечный ад.

– Вот именно. Скажи мне, а что для тебя идеальный мир? Какой он?

– Ты спрашиваешь, каким должен быть мир, чтобы я ничего не хотел в нем изменить?

– Именно так.

Ви задумчиво уставился в гущу грозовых туч, пронизанных багровыми вспышками молний.

– Именно так... А что, если я скажу, что мир мне неинтересен?

– То есть тебе все нравится, все тебя устраивает?

– Нет. Но не в мире, а в моей конкретной жизни. Что-то мешает мне испытывать хорошие эмоции, чувства, ощущения, что-то искажает мои действия, что-то не дает мне жить так, как я хочу.

– Все же мир, или, как ты выразился, “что-то” тебя не устраивает. Но не в реальности, а в твоём восприятии этой реальности.

– Ну пускай так.

– Допустим, ты можешь изменить свое восприятие, свое субъективно ощущаемое состояние в пределах известного мира. Как ты его изменишь?

– Изменю жизнь к лучшему. Улучшу самого себя.

– Разбогатеешь, станешь бессмертным и вечно молодым, познаешь и узнаешь все, что хотел бы сейчас? Типа такого?

– Типа такого.

– Тогда ты либо слабый и дурной человек, либо у тебя нет воображения. Ты хочешь стать хозяином всего мира...

– Я такого не говорил.

– Скажи еще, что ограничился бы солидным состоянием, туризмом и реализациями желаний вроде “выучить латынь, попробовать белые трюфели, переспать с десятком моделей, снять классный фильм”?

– Почти. Ну, ты думаешь в правильном направлении. Откуда у тебя уверенность, что каждый в твоей ситуации выбрал бы власть, а не самоустранение от нее в какой-то степени?

– Может и не каждый, но мне жаль тех, кто так поступил бы, самоустранился, ограничил себя.

– Вот оно что... Ты хочешь быть богом, высшей формой существования, абсолютom. Я прав?

– Это не самое важное...

– Просто ответ: успешно реализовав свои идеи, ты по итогу будешь самым крутым парнем в своем восприятии реальности?

– Суть ни разу не в этом, но да, я буду самым крутым, только не в восприятии реальности, а в самой реальности. Восприятие, пожалуй, оставлю остальным. Ты хочешь блага лишь для себя, и тебе совершенно плевать, что чувствуют другие люди, для тебя главное то, что ты думаешь, что они чувствуют. Почти никто из тех многих личностей, кого я, скажем так, выслушал, не мог избавиться от рамок жалкого восприятия мира через призму своей, в общем-то, примитивной личности. Ты существуешь, мыслишь и взаимодействуешь на уровне отражения, названия, эха; я – на уровне того, что отражается, называется и звучит.

– И ты хотел бы дать всем то, что есть у тебя? Научить чему-то? Сделать всех сверхсуществами? Так ведь есть и те, кто просто хочет быть лучше других, кто познает мир через сравнение и соревнование. Те, кто не стремится к абсолюту.

– Хотел. Но я много думал, все взвесил, и решил, что есть вариант куда лучше.

– Удиви меня.

– Каждый будет равно властен над каждым.

– Это как? Например, есть два человека. Кто будет над кем властен, первый над вторым или наоборот?

– И так, и так. Одновременно и в равной степени каждый из них будет выше другого.

– Так не бывает. Какие два числа взаимно большие?

– Вот ваша частая ошибка – последовательности, прямые. Мышления даже на плоскость не хватает, чего уж там

об остальных пространствах говорить. Пока ты добровольно ограничиваешь себя, свое понимание мира восприятием, меня понять ты не сможешь.

– Позволь узнать, а чем именно полный контроль над восприятием отличается от полного контроля над воспринимаемым? Да, бытие определяет сознание, но и отправная точка определения бытия зависит от состояния сознания. Разве ты можешь создать то, чего не можешь представить? Разве можно дать себе возможность представить то, чего не представляешь, если ты не знаешь, как это сделать, именно потому, что твое восприятие ограничено?

– Опять то же самое. Ты полагаешь, будто, находясь в одной точке и глядя на какой-либо предмет, невозможно увидеть его с другой точки, если не двигаться и не перемещать взгляд. Якобы человек, выросший в пустой белой комнате, не может видеть того, что лежит за ее пределами, и не может представить комнату черной, ведь черного цвета он никогда не видел.

– А ты считаешь, что это не так? Ладно. Откуда в его мозгу возьмется информация о черном цвете или мире за пределами комнаты? Если ты не видишь даже тени предмета, как ты можешь вообразить сам предмет?

– Как зрячий может объяснить слепому цвет?

– Хорошая позиция. Твое “расширенное восприятие” абсолютно недоказуемо.

– Да, так и есть. Некоторые даже отрицают объективность

реальности на том основании, что ее интерпретация субъективна, а видимость порядка вокруг существует благодаря неким “договоренностям” об общем восприятии. Вы привыкли верить, что факт наблюдения искажает объект наблюдения.

– Потому что это подтверждается на практике. Ежедневно, по всему миру.

– Или вам кажется, что это подтверждается. Факт наблюдения искажает не сам объект наблюдения, а его восприятие тобой. Ты можешь сравнивать свой субъективный опыт с аналогичным опытом других людей, но не можешь быть уверен, что они объективно тождественны. А что самое главное – ты не можешь выйти за его рамки и понять, насколько каждый из вас был далек от истины.

– Тогда как ты объяснишь научный прогресс или философию? Люди изначально не имели представления о диалектике и не знали электричества, однако...

– Ну это вообще глупость. Любые ваши “открытия” основаны на том, что мозг определенным образом обрабатывает поступающие сигналы, исходя из уже имеющейся информации, так что открытия эти и их возможность были заранее заложены в мозг первооткрывателей. Если следовать вашей логике, получается, что, поскольку объекты и явления в мире для вас неотделимы от восприятия их вами, то отдельно от этого восприятия их как бы и нет.

– В каком-то смысле так и есть.

– Нет, не так. Ты – лишь микрон на этом круге, а я видел то, что было прежде. К чему привело всех “единственно верное решение” одного человека, который взял на себя ответственность... И все уничтожил, затопил все в ужасе унификации, единения, хоть так этого и не понял. Типичный протагонист, вот только такой, что оказался самым большим злом.

– А ты, значит – антагонист, который всех в итоге спасет?

– Я бы не возражал, если бы так кто-то думал. Но это не так уж и важно, и для меня достаточно сделать свое дело.

– Ты так и не объяснил, какое.

– Ну хорошо, почему бы и нет. Я все разжую, если ты так нетерпелив, что не хочешь немного подождать и увидеть все сам.

И спаситель объяснил. Монолог получился не очень длинным, а суть изложенного решения показалась Ви не такой сложной, как его собеседник ее изначально описывал.

– Так ты, значит, решил все исправить, ничего, по сути, с этим не делая?

– По сути, я избавляю людей от мучений. Не вижу никакого смысла повторять то, что было сделано в самом начале и вызвало такие последствия, ведь все наверняка повторится ровно таким же образом. Я хочу дать немного света этому жуткому времени. Неужели я так много прошу?

– Ты считаешь, что идеальный мир – это бесконечный сон?

– Странно, что ты не разделяешь мое мнение. Мне казалось, тебе нравятся сны. Ты ведь до сих пор считаешь, что даже сейчас это лишь сон. Так разве ты можешь с уверенностью утверждать, что твоя “реальная жизнь” – это не другой уровень сна?

– Да, все завязано на вере и восприятии. Если твой мозг верит в воспринимаемое, то для тебя это и есть реальность.

– Так чем же плохо оказаться в прекрасном сне, в который ты будешь целиком и полностью верить? Для тебя он будет даже реальнее той жизни, что ты считаешь настоящей, ведь в нем не ты не будешь сомневаться в реальности происходящего. Мир, в котором есть все, чего ты хочешь, все, кого бы ты хотел в нем видеть, тот вариант жизни, которого отчаянно жаждет твоя душа. Но никогда она не сможет достичь этого здесь, в ничтожном мире, полном страданий и конфликтов. Мы все хотим сделать мир таким, каким видим его в мечтах, но что происходит, когда из-за базовых свойств общей реальности мечта одного противоречит мечте другого? Кто-то должен уступить, отказаться от своей мечты, и через этот отказ познать отчаяние и боль. Разочарование поражения, осознание своей беспомощности. И люди привыкли жить так, словно это нормально, словно они могут найти некий компромисс, прийти к какому-то среднестатистически удовлетворительному для каждого миру. И дело даже не в том, что они не могут, хотя это совершенно очевидно. Дело в том, что такой мир – это потеря индивидуальности, унификация,

смерть чего-то такого внутри, что делает нас самими собой. Логический итог этого процесса – ровно то, что сделал тот безумный невежда, когда синтезировал единую сущность. И вот к чему это нас привело.

Спаситель протянул руку вниз, указывая на погибающую от катаклизма планету. Ви оставалось лишь еще раз удивиться тому, какие порой странные сны ему снились.

– Разве не ты это устроил?

– Во-первых, это лишь побочный эффект открытия прохода в нужное мне место, и я этого вовсе не желал. Во-вторых, я – лишь закономерное последствие решений того человека, неотвратимый эпилог этой истории. Моя личность не имеет значение, моя идея – вот что важно. К чему цепляться за мир материи – слабой, ненадежной, обреченной? Во сне каждый будет счастлив, и никто никому не будет помехой.

– Хочешь сказать, что не видишь недостатков в своем замысле?

– Что ж, если их видишь ты – будь добр, раскрой мне на них глаза, чтобы я был уверен, что учел действительно все.

– Возвращаясь к тому, что нельзя создать то, чего не можешь представить – быть может, ты уже и перешагнул это ограничение, но как же остальные? Или ты всех наделишь такой способностью? Как в моем сне появится то, о чем я до попадания в него понятия не имел?

– Все очень просто. Каждый сон будет связан, и информация будет постепенно, понемногу просачиваться в твой сон

из снов остальных – и тогда уже ты сам будешь решать, что с ней делать.

– А как же физические тела всех этих спящих? Что будет с ними? Без питательных веществ они умрут, и эта новая реальность протянет ровно столько, сколько протянет последний из них.

– Им не нужны будут никакие питательные вещества. Дух больше не будет зависеть от материи, как ты еще не понял?

– И все же есть в этом что-то... Зацикленное, нездоровое.

– Страх неизвестности, недоверие. Понимаю. Но стоит тебе посмотреть на ситуацию беспристрастно, шаг за шагом совершая логические умозаключения, ты придешь к тем же выводам, что и я. Различия – источник всех бед. Окончательно и всецело преодолеть различия можно лишь двумя способами: полностью всех объединить или же все полностью всех разделить. Любые прочие решения – или промежуточные стадии этих двух, либо вовсе бесполезны. Первый вариант мы уже видели, и знаем, что он привел точно к тому же, что и пытался исправить. Теперь настало время второго варианта.

– И откуда же у тебя уверенность, что теперь все выйдет иначе?

– Я буду вечно хранить этот новый порядок, и, если что-то пойдет не так – я вмешаюсь и все исправлю. До самой тепловой смерти вселенной я буду охранять сон каждого в этом мире. Такова цена, которую я готов заплатить за исполнение

своей мечты.

Он остановился и запрокинул голову вверх, и капюшон упал. Ви был удивлен, увидев, что на этом хищном и даже жестоком лице была хорошо заметна тяжкая усталость, и так же его удивило, что его собеседник искренне улыбался, глядя в темноту космоса далеко вверх. Похоже, он и правда верил, что нашел самый лучший и правильный ответ. Значило ли это, что и сам Ви отчасти так думал, раз это странное мировоззрение ему приснилось? Да и стоит ли торопиться, осуждая себя за это, отвергая эти идеи лишь потому, что они поначалу кажутся слишком радикальными, эгоистичными, опасными? Над этим можно подумать после пробуждения – нужно будет все подробно записать. Наверное, сон уже вот-вот закончится.

Человек с седыми волосами повернулся к Ви, глядя на него участливо и почему-то с сочувствием.

– Думаю, мне уже пора. Спасибо за разговор, было весьма любопытно узнать, что ты насчет всего этого думаешь. Надеюсь, твой идеальный мир тебя убедит в том, что я все же был прав.

Он усмехнулся и хлопнул Ви по плечу, еще раз окинул полным сожаления взглядом то, что происходило далеко внизу, на земле, и направился к возникшему из ниоткуда разлому в пространстве. Портал висел прямо в воздухе, и ближе к его краям, с внутренней стороны, виднелось что-то вроде леса. Почти шагнув в проход, он на несколько секунд

замер, повернув голову.

– Конечно, ты можешь и дальше думать, что как раз сейчас находишься во сне, главное – очень не советую сходить с невидимого моста. Я его оставлю тут. В любом случае, происходящее вокруг не имеет значения – скоро все закончится, ты сам поймешь, когда это произойдет. Приятных снов.

Ви озадаченно покачал головой, наблюдая за тем, как портал схлопывается за спиной этого странного человека. Постояв немного в растерянности, не понимая, почему сон не закончился на этом очевидно подходящем моменте, он сел, свесив ноги с края моста. И хотя внизу открывался впечатляющий вид мира, доживающего свои последние часы, Ви уже не обращал на него внимания, погрузившись в свои мысли, полные тревоги и сомнений.

* * *

Чем дальше в древесные дебри скиталец забредал, тем яснее понимал, что все встреченные им на его долгом пути существа с их удивительными историями и видением мира, и чудовища на опушке, и дремучий лес сам по себе, как и весь остальной Выворот, рождены в каком-то смысле его собственным разумом в пограничном состоянии, в миг, когда, все отчего-то изменилось, и старый порядок вещей и

уклад мира стали более невозможны.

Что же с ними произошло, спровоцировав тот разрушительный ход мыслей, что привел от мира единства обратно к страшному спектаклю, в котором каждому предназначена трагичная роль? Что заставляет реальность принимать форму спирали, против их общей воли деформирующей все вокруг, и сможет ли теперь сам скиталец побороть эту закономерность? Скиталец размышлял о том, что сделал на пути сюда, о том, что многие его поступки были не слишком-то правильны, и он за это время почти намертво прирос к маске безумного злодея, необходимой для попадания в нужное место истории. Разумеется, с точки зрения общего блага все это было оправданно: подавление своей нерешительной половины, поглощения личностей и убийства живых существ, манипуляции, обман и предательства. Но даже зная, что это того стоило, он не мог отделаться от мысли, что в чем-то ошибся.

Но сейчас было явно не самое подходящее время для сомнений – эта дремучая мгла не закончится, пока он сам того не пожелает, окончательно и искренне поверив, что настало время, ведь она – плоть от его плоти, всеми своими заливыми багровым туманом оврагами, зловещими прудами, коварными тропками и изрезанной извилистыми ручьями чащей лежащая в полной и безраздельной власти его желания терзать себя вечно и упоенно за то, чего он не помнил, как не помнили и все остальные. Был ли связан этот цикл с ка-

ким-то неведомым законом, вплетенным так глубоко в самую ткань реальности, что даже находясь в пространстве вариантов, они не могли заметить его, избавиться от него?

Спустя неопределенный период времени где-то впереди стало различимо биение сердца леса, в котором и затаился выход из наваждения. Как только скиталец забредет туда и склонится над зеркальными водами черного озера, что питают корни каждого дерева в дремучем лесу, он найдет себя настоящего, и поймет, как попасть в нужное место, и стряхнет с себя лес, чтобы предстать перед тем, кто, возможно, что-то знает. Тот, кого он так отчаянно желал уничтожить, кому он был невообразимо чужим, кто должен рухнуть вместе со всем, что построил.

Финал неумолимо приближался, одной своей неизбежностью десятикратно сменяя время, и та часть скитальца, что была озером, насмешливо скалилась из непроглядного сумрака, уверенная в предстоящей победе, а та, что была лесом – покорно расступалась, заранее признавая поражение. И только немного, что оставалось между ними от плетущегося по тропе человека, неотвратимо приближающегося к своей мечте, видело неведомый пока что многим выход, настолько очевидный, что в наивное торжество поросшего расстройством и разбитого на осколки рассудка все никак не верилось.

Скиталец боялся выдать себя на каком-то, быть может, еще сохранившемся со времен до разделения уровне, поэто-

му думал только о том, что узнал голос поющей в ветвях птицы, о последнем встреченном на мосту проводнике, и как замечательно ковер из листьев скрадывает шаги. Прогнившее сердце леса, рожденное в багряных грезах, близилось все так же неизбежно, и было что-то успокаивающее в том, что в эти последние минуты никто и ничто вокруг не знали, чем же все закончится.

* * *

Гость стоял посреди моря белых цветов, висящего в пустоте космоса. Больше никого здесь не было – лишь ветер и раскидистый платан в середине этого огромного поля. Холодный и слабый свет падал на это место словно со всех сторон, и теней не было. В воздухе был едва слышен тихий и тревожный перезвон колоколов – невероятно далеких, недосягаемых. Там, где обычно должен быть “верх”, раскинулось межзвездное небо, затянутое огромными тучами, недвижимыми и мрачными. Багряные грезы полностью поглотили этот мир за тот долгий срок, что он живет.

По мере того, как гость приближался к платану, становился различимым силуэт – человек, сидящий у дерева, прислонившись к стволу правым плечом. Его белая футболка была вся в грязи и, как сперва показалось гостю, крови. Ветер

слегка покачивал его волосы, сливающиеся с корой платана. Будь тут какие-нибудь насекомые или звери, они бы всю бегали по его телу, так он спокойно и неподвижно сидел, уставившись куда-то вдаль.

Когда гость оказался на расстоянии вытянутой руки, он понял, что во всем этом было не так.

Тот, кого он больше всего ненавидел и презирал, кого единственного искренне хотел уничтожить, отвратительный высокомерный шарлатан, родоначальник всего плохого, что скиталец видел во время своего путешествия, архитектор непостижимого безумия, истинный корень всех проблем в этом мире – был уже мертв. Его лицо имело необычайно бледный цвет, распахнутые глаза перед смертью видели лишь пустоту – он был совершенно очевидно слеп, рот и подбородок были в засохшей крови. Правая рука, бессильно покоящаяся у пояса, перед смертью сжимала футболку напротив сердца, утащив ткань воротника вниз. У ног почившего хозяина мира валялась незажженная сигарета, которую он, должно быть, хотел выкурить напоследок, но не успел.

Скиталец сел с другой стороны дерева и на какое-то время погрузился в мысли. Интересно, как давно это случилось? То, что тело не сгнило, может ни о чем не говорить – все же это было особенное место. Кто знает, он мог умереть несколько часов назад, или лет, или эпох, или даже в самом начале того мира, который сотворил. Быть может, именно после этого все вышло из-под контроля. Или же наоборот,

он не смог дальше смотреть, как погибают его мечты и идеи, и когда к нему вернулась часть его изначальной личности, он просто не стал противиться естественной смерти. В любом случае, этого теперь уже никак не узнать, да и не имеет это все значения. Он пришел сюда не для того, чтобы выяснять, кто в чем виновен, а лишь затем, чтобы дать миру заслуженные покой и гармонию.

Чем дольше гость находился здесь, тем больше замечал, что окружение понемногу становится все более враждебным – звон далеких колоколов становился громче, а в воздухе сгущался багровый туман, словно окутывающие горизонт тучи начали опускаться на это поле. Почему этого не произошло раньше? Может быть, дело в его появлении в этом месте? Довольно быстро туман полностью окутал все вокруг, и вместе с собой принес озоновый запах грозы и разряды электричества, пронизывающие непроглядный багрянец, высвечивая в его глубинах странные образы, далекие от всего, что можно было понять.

Скиталец не знал, может ли он выбраться из этого тумана, да и что там теперь находится, за его пределами. Наверное, это и не имело особого значения, ведь все, что ему нужно – быть здесь, в подкорке. Это место само все сделает. Он вздохнул, закрыл глаза и полностью расслабился, погрузившись в мысли, пытаясь как можно ярче представить образ, который должен воплотить в жизнь.



Разум превратился в длинный, почти бесконечный коридор из зеркал. Мысли двигались по нему грузно, ровно и неотвратно, как поезда на полной скорости. Я находился одновременно в каждой точке этого коридора, отражаясь повсюду, и, глядя в глаза собственных отражений, я явно видел в них бесконечное множество таких же коридоров и смотрящих в ответ моих копий. На этих лицах вслед за моим собственным проросла зловещая улыбка – и неотвратимость и значение этого момента стали еще очевиднее.

Я ощутил присутствие каждого живого существа во вселенной. Мои бесконечные отражения увидели их всех, нашли и незримо связались с ними, погрузились в их разум, увидели их жизни – с мечтами, идеалами, восприятием, ключевыми событиями и связями с другими. Я увидел мир таким, каким его видят остальные – все варианты сразу. На этом этапе я уже ничему не удивлялся, и ничто не имело значения, кроме моей цели. Что теперь?

Теперь я находился на плоскости, покрытой странными узорами всех возможных цветов и оттенков, и передо мной стояли огромные закрытые ворота, на которых было написано “ДВЕРЬ ПЕРЕМЕН”. Я мысленно потянулся внутрь сознания, надеясь найти там нужный ответ.

Получилось – толчок тепла из груди, наполняющий все тело чем-то новым, о чем до него и знать не знаешь – будто вены залили жидкое солнце, покалывания и давление на коже, прояснившийся до какой-то невообразимой степени рас-судок. Тело изменялось изнутри так, как я пожелаю, нейроны в мозгу перестраивались под моим управлением, мутировала даже структура ДНК – первая дверь, перемен, открыта.

Затем пришла очередь памяти – будто я всю жизнь читал одну страницу с текстом из двух букв, и вдруг разуму открылись все возможные комбинации из символов – доступные теперь для выбора. Так открылась дверь множества.

После этого я неосознанно для себя словно поднялся на этаж выше – выше физического мира, и на меня перестали действовать законы природы и причинно-следственные связи. Это была дверь материи.

Следующей отворилась дверь восприятия, и эти изменения будто выстроились в идеально логичную схему, вместе с чем пришло полное понимание того, как теперь я существую, и как могу осуществить то, что задумал.

И тогда настал черед последней двери – воля. Человеку будет понятно это, если сравнить обретение абсолютной воли с обретением сознания – разница в существовании до пробуждения воли и после него была примерно сопоставима с разницей между организмом без сознания вообще и организмом с сознанием уровня человека. Абсолютный контроль. Новое рождение. Начало нового акта творения из ни-

чего, непостижимое для человека, лежащее за ойкуменой возможностей понимания этого вида.

Из абсолютной пустоты на меня смотрело все и одновременно ничто. Это и есть начало координат цикла – место, время, состояние, процесс и понятие, начало и конец всего. Пространство вариантов, погруженное в дремучие воды, покорное и всемогущее, готовое к перерождению мира – таким, каким он должен быть. Каким я пожелаю его видеть. Нет ни морали, ни законов – на этом уровне происходит нечто совсем другое – и даже блеклые тени и глухие отголоски этой формы сознания, мучившие меня в приступах и кошмарах так долго, могли свести с ума, открывая ненадолго новые виды чувств. Сейчас страха не было – была лишь абсолютная воля, и абсолютная свобода. И теперь я стану первоосновой нового мира. Мира счастья, покоя и гармонии для каждого, субъективно вечных и нерушимых. Теперь я вознесу всех в рай – примерно так это можно назвать.

Каждое живое существо, каждое сознание обретут свой отдельный мир – счастливые в своей разделенности. Наш общий военный полигон, пустырь для терзания друг друга, потеряет свою физическую форму, как и все его обитатели. Нет противоречий – есть только свобода. Нет конфликтов – есть только свобода. Нет взаимодействий – есть только свобода. Это и есть бог.

Воды обрушились на все вокруг с оглушительным ревом, и каждое небо в каждом мире внутри этого больного созна-

ния разверзлось, открывая картину низвергающихся волн, что поглотят все. Люди смотрели вверх, пораженные, благоговеющие, беспомощные, очнувшиеся, наконец, от массового самогипноза, и в каждой паре глаз виднелось отражение колоссальной волны, потрясшей всю структуру реальности. Она накрыла каждый разум, и никто не скрылся от нее. И с грохотом волн в каждое сознание протянулись руки моих отраженных двойников – забирая все с собой, сохраняя и перенося в отдельное отражение вне времени и пространства.

Как только все сознания были записаны, наступило время для уборки мусора. Пространство вариантов загудело, придавая форму моей воле – один последний удар, с которым старый мир рухнул, вместе со всей его болью, ненавистью и хаосом.

Теперь никакой реальности не было – только я, спаситель, во мраке небытия. И я создам столько новых прекрасных миров, сколько жизней только что забрал. Мой разум превратился в абсолют, создавая заготовки личных вселенных, переминая материю в идею. Мои двойники-отражения разбились, выпуская на свободу все сознания, которые скопировали из старого мира, в подготовленные для них райские сады. И как только очередное мыслящее существо обретало новый дом, это место начинало меняться в соответствии с тем, чего желал новый бог. Бескрайняя череда миров, рожденных для свободной и счастливой вечной жизни. И тогда я, новый хранитель этой вселенной, окончательно перестал быть со-

бой, открыв внешние двери – двери саморазрушения и перерождения.

Мир мечты воплотился в жизнь, и каждый, наконец, получил как равенство, так и свободу, начав существование в совершенно новом виде, теперь уже лишённое боли и утрат, раздоров и терзаний, бессилия перед своей природой. Каждый ступил в долгожданный прекрасный сон, окидывая взглядом и мыслью свое великое будущее. И все, что случилось с миром после этого, стало чьей-то сокровенной фантазией, воплощенным в мир вожаделенным видением каждого из нас, кто был спасен и одарен новой жизнью, новой реальностью. Над миром вставало бесконечное множество новых солнц, и в эти первые секунды, озаренное светом и накрытое тенью, все было так прекрасно и безмятежно, как никогда прежде.

ОНЕЙРОИД. ПРОБУЖДЕНИЕ?

*You finally realize that you've always lived in hell
No human model or metaphor can explain how you
fell
The puzzle's alive, and it changes as you try to escape
it
It created time and made it appear to pass by
Eyedea – The Dive*

Будильник с отвратительным, звонким четырехкратным писком с секундной паузой между повторениями сигнала ворвался в мою голову, пронзая ее насквозь и выдергивая из сна. Это было похоже на бомбардировку, серии из снарядов одна за другой с нестерпимо громким звуком находили свою цель, и возмущенное сознание в шоке поднималось из глубин забытья, потрясая воображаемыми кулаками, движимое единственной целью – добраться до источника шума, схватить и приложить о стену. Странно, что этого до сих пор ни разу не произошло.

Сигнал всегда срабатывал в восемь утра, независимо от того, нужно ли мне было в какой-то конкретный день вставать именно в восемь. Таким образом я хотел выработать привычку всегда просыпаться в одно и то же время, надеясь, что благодаря этому пробуждения когда-нибудь ста-

нут даваться хотя бы немного легче. Спустя два года утренней ненависти, порывов раздолбать будильник и отчаянного нежелания выбираться из постели я начал смутно подозревать, что что-то пошло не по плану. Через полминуты после начала сигнала четырехкратный писк прервал холодный женский голос: “Время пользователя – 8:00. Внимание: целевой пункт достигнут. Время пользователя – 8:00. Внимание: начать воспроизведение”. И вновь на первый план вышел неприятный писк.

Я позволил себе еще ненадолго остаться в мысленном переходе между сном и явью. Что за сон мне снился? Первой мыслью, которая могла сообщить что-то на этот счет, было неуловимое ощущение, что я, наконец, в безопасности. Кажется, это был тот же мутный сон, что мне снился каждую ночь последнее время – я не помнил о нем ровным счетом ничего, кроме размытых ассоциаций с событиями прошлого дня, закручивающихся в тугую спираль. Да, сон был определенно похож на обычный мой день, но было в нем что-то настораживающее и тревожное, словно какое-то зловещее предзнаменование. Возможно, это просто говорило о том, что в самом конце сна, когда раздался сигнал будильника, я умер – я довольно часто умирал во снах раньше, когда еще мог их запоминать.

Минут через пять после пробуждения я сквозь сонную пелену мыслей почувствовал что-то странное – запах гари и какую-то тяжесть в мышцах, будто я лежал в очень неудоб-

ном положении. С некоторым трудом разлепив веки, я был очень удивлен, вместо привычной картины – потолка комнаты с одинокой лампочкой на проводе – увидев пол и маленькие клубки пыли и пару частичек мусора. Такое неожиданное положение вещей окончательно разбудило меня, и я попытался принять сидячее положение, но понял, что, свисая с края дивана, это довольно затруднительно. Все же сумев сесть на кровати, я оглянулся вокруг. В комнате действительно воняло гарью, на диване лежали включенные очки-наушники, на полу валялась тарелка с недоеденной пиццей и кружка, вокруг которой еще были видны следы ее бывшего содержимого, уже отчасти испарившегося и наверняка сделавшего пол в этом месте отвратительно липким. Постель была разбросана, будто я метался во сне, а источником запаха, должно быть, была прогоревшая деревянная банка для мелкого мусора, что стояла у подножия дивана. Заглянув в нее, я увидел среди пепла остаток окурка. Какого хрена здесь произошло, что я вчера делал, почему меня не разбудила гарь, отчего я проснулся в таком странном положении? Может быть, я потерял сознание, ударившись обо что-то головой? После беглого осмотра головы и окружения дивана я не нашел никаких следов крови, что совсем не исключало версию с потерей сознания – ее вполне могло вызвать что-то кроме удара головой. Хотя какая-то часть меня слушала эти мысли скептически и насмешливым тоном намекала, что все это просто отмазки, и что я знаю настоящую причину. При-

чину для пробуждения в таком странном положении и беспорядке, для трясущихся рук, для усилий, которые необходимо было прикладывать, чтобы сфокусироваться на одной точке, для легкого озноба, для усталости, для легкости движений, сопряженной с какой-то едва заметной задержкой по времени, с такой же задержкой отклика для чувств восприятия. С другой стороны, все это можно было замечательно объяснить тем, что я провел ночь, свисая с дивана, так что я задвинул этот насмешливый голос подальше.

Я выбрался из постели, накинул покрывало на плечи и поплелся в другой конец коридора, к тумбе, с которой будильник продолжал издавать раздражающие звуки. Его громкости хватало, чтобы разбудить кого угодно в любой части квартиры – даже через закрытую дверь. В квартире было всего лишь две двери – в ванную и в туалет, кухня была отделена от основного пространства только барной стойкой, а длинный коридор, который вел к входной двери, был чем-то вроде прихожей. Последние три из моих съемных квартир были студиями, и я уже решил, что буду и дальше поддерживать эту закономерность. Когда почти все время находишься дома один, нет ничего лучше, чем свобода от стен и дверей.

За то время, что было необходимо для мучительного расставания с постелью и пересечения коридора, по мере того, как просыпался рациональный и цивилизованный человек, с усталым смирением каждый день покорно взваливающий на себя приземленные нужды, обязанности и ответственность

за свою жизнь, жажда убийства будильника сходилась на нет ровно к тому моменту, когда он оказывался под рукой.

Сначала я глянул на наручные часы и задумался. Ставить ли таймер? Вроде бы никаких поздних тусовок сегодня не намечается, значит, я лягу в более-менее адекватном состоянии, разве что выпью немного, так что можно и поставить. В случае чего выключу заранее, я еще ни разу об этом не забывал. Ну, предположим, что я засижусь за компом допоздна, как это часто случается в последнее время. Тогда поставлю на 1:40. Таймер пиликнул, уведомляя о том, что запись пошла. Я закрыл глаза, запоминая нужный момент как можно четче, задавая ключевую точку для подсознания.

Закончив с таймером на наручных часах и мысленными манипуляциями, я выключил сигнал будильника и начал установку нового. Мелодия сигнала – та же, хотя скоро ее придется менять, потому что эта уже понемногу теряет свою раздражающую силу. Время сигнала – как всегда, 8:00. Функция “отложить” по умолчанию включена, выключаем. Функция “повторять всегда” по умолчанию тоже включена, выключаем. Внезапный звонок домофона заставил меня вздрогнуть, и я случайно дважды нажал на кнопку, снова включив повтор и одновременно подтвердив установку сигнала. Я подумал, что нужно перенастроить сигнал и направился к входной двери.

В ответ на мое “да?” из трубки домофона раздался бодрый (слишком бодрый для восьми утра) женский голос.

– Доброе утро, это доставка, привезли ваш телевизор!

Я в недоумении глянул себе за спину, чтобы убедиться, что телевизор на месте, и это действительно было так. Я вчера заказал новый и не помню этого? Но зачем? Чувствуя себя полным идиотом, я попросил курьера секунду подождать, нашел пульт и включил телевизор – все работало, все было как обычно. Выключив телик и вернувшись к домофону, я спросил, на какое имя сделан заказ. В ответ я услышал совершенно незнакомое имя и с облегчением выдохнул.

– Извините, но вы, наверное, квартирой ошиблись.

Повесив трубку, я еще пару секунд постоял у входной двери, почесывая подбородок и размышляя, не пора ли уже побриться. Решив определиться с этим минутой позже, я направился в комнату, положил очки на нижнюю полку журнального столика, выстучал из пачки предпоследнюю сигарету и направился в туалет. Через десять минут я вышел оттуда и наведаясь в ванную. Умывшись и сильно протерев все еще слипающиеся глаза, я направился в комнату и приступил к уборке. Очки я положил на нижнюю полку столика. Не законтачившие с полом куски пиццы переложил на чистую тарелку, остальные выбросил в мусор, грязную тарелку и кружку вымыл, вытер влажными салфетками пол в том месте, где что-то пролилось из кружки. Вытирая пол, я заметил на диване то, на что сразу не обратил внимания – смятая салфетка. Я поднял ее и развернул, обнаружив внутри россыпь мелких крошек лилового цвета, слегка отдающих ап-

текой. Салфетка последовала вслед за своими собратьями в мусор, там же оказалась и небольшая кучка пепла, тоже, по сути, бывшего когда-то салфетками. В завершение я вымыл, насколько это было возможно, деревянную банку и поставил ее сушиться на полку.

С протяжным вздохом я подошел к холодильнику и открыл его. Полупустая пачка апельсинового сока – отлично. Сок был очень холодным, и я пил, пока не перестал чувствовать его вкус. Теперь настало время для готового завтрака, подаренного мной вчерашним. Разогревая пиццу в микроволновке, я пытался мысленно прикинуть, во сколько сегодня нужно закончить на студии, чтобы успеть зайти в магазин за новым блокнотом и набором ручек – у меня осталась всего одна. Быть может, просто купить с десяток стержней? По всему выходило, что можно спокойно выйти в шесть вечера, значит, на работе нужно быть не позже одиннадцати. Я взглянул на часы – у меня был еще примерно час до выхода из дома. Отлично, значит успею просмотреть мейлы за последние пару дней, посмотрю что-нибудь не слишком залипательное на ютубе, даже побреюсь. И да, нужно не забыть зайти на почту, пора бы отправить чистовик Ни – она уже неделю написывает и интересуется, есть ли прогресс.

Когда пицца была разогрета, а сок налит обратно в кружку, которую не так давно покинул, я перенес завтрак на журнальный столик перед диваном, частично заваленный вырванными из тетрадей огромными листами, обычной бума-

гой и различной канцелярией, и с удовольствием плюхнулся на мягкий матрас. В последнее время я стал замечать, что перестаю наслаждаться едой в той же степени, что и раньше, из-за чего порой обжираюсь всяким трэшем – лишь бы напомнить себе, что это не просто питательные вещества, это должно быть приятно. Если меня разнесет, я не смогу себя заставить бегать, ходить в зал или что-то вроде того, так что теперь я периодически ловил себя на том, что стараюсь есть медленнее, не проглатывая жадно каждый кусок. Наверное, с точки зрения здоровья так тоже было более правильно.

Два коротких аниме-обзора спустя с завтраком было покончено, и я с сожалением допил пачку сока. Наверное, он все же слишком холодный, чтобы одного литра хватало хотя бы на день. Быстро пробежав по папке входящих писем, я не нашел там ничего важного или срочного – сплошные рекламные акции букмекерских контор и книжных магазинов, пара ответов на отправленные по работе письма с вложенными правками и комментариями, пара подтверждений регистрации на очередном одноразовом сайте. Онлайн-таблица с ежедневником тоже порадовала: блокнот, ручки, почта – обо всем этом я вспомнил и сам.

Я быстро принял душ и собирался было побриться, но снова заметил, как жестко у меня сегодня трясутся руки. Если задуматься, то и едва ощутимый озноб, который я так хотел связать с ночевкой в необычной позе, никуда не делся. Но вот странная заторможенность постепенно проходи-

ла, и отклик движений и чувств становился все меньше, а сами движения теряли ту несколько пугающую непринужденность, что сразу после пробуждения. Успокоив себя этими наблюдениями, я все же решил отложить расправу с бородой до завтра. Возвращая бритву в боковой шкафчик, я заметил в самом его углу сигарету, завалящую и одинокую, забытую мной и всем миром. Эта находка значила, что я могу позволить себе еще раз покурить перед выходом из дома, чтобы добить последнюю из пачки уже по пути на почту, а там и до киоска недалеко.

Я сделал себе какао и вышел на балкон. Да, технически в квартире было все-таки три двери – третья вела в царство коробок, высыхающего белья и ненужных мне вещей хозяев, которые те почему-то решили не забирать – например, старый пустой аквариум, шкафчик с покосившейся дверцей, набор детских игрушек. Среди них была рука робота, которая сжимала ладонь в кулак при нажатии на ручку, и первые пару часов после того, как я нашел ее, меня это весьма забавляло. В остальном балкон мне нужен был только для определенной разновидности задумчивых перекуров и развешивания одежды и белья после стирки. Хоть он и не был очень уж маленьким, его общие захламленность и дряхлость, резко контрастирующие с остальной квартирой, сводили на нет все мои порывы немного его расчистить и для чего-нибудь приспособить. Учитывая, что где-то через полгода мне снова нужно будет менять квартиру, это не стоило усилий.

Потягивая какао с неэстетичным сербаньем, я еще раз попытался вспомнить хоть что-то из вчерашнего дня. Или из своего сна. Тщетно – ничего конкретнее расплывчатых образов и ощущений, не дающих себя подробно изучить, память не предоставила. Ну и ладно. Какой может быть вред от одного выпавшего из памяти дня? В конце концов, я помнил, что делал позавчера. Быть может, это и есть то самое вчера, которое я безуспешно пытался нашарить, принимая за него сон. Быть может, я немного сбился во времени, и мой подсчет по календарю споткнулся. Какая разница? Если я что-то забыл, то это или неважно, или мне об этом рано или поздно что-то или кто-то напомним, тогда и буду с этим разбираться. Я допил какао, потушил сигарету о кирпич под подоконником с внешней стороны окна и щелчком среднего пальца отправил бычок в полет. Выдохнув небольшое облачко дыма, я слегка вздрогнул – то, что я видел сейчас перед глазами, казалось очень знакомым. Мысль о том, что бычок в полете встретит ветку дерева и отскочит в сторону стены дома, пришла одновременно с тем, как именно это и произошло. Забавно, давненько у меня не было дежавю.

На часах было 9:15, и я неторопливо начал готовиться к выходу: почистил зубы, натянул джинсы, выбрал из висящих в шкафу черных и белых футболок самую чистую черную – она же по удачному совпадению оказалась самой плотной и широкой из всех – закинул в рюкзак планшет, кое-какие тетради, запасные наушники, убедился, что на месте оран-

жевый прозрачный пузырек с таблетками – уже на две трети пустой, скоро нужно будет снова наведаться за рецептом – и электронный пропуск на студию.

Одевшись и собрав все необходимое, я взял с рабочего стола книгу – точнее, стопку сшитых страниц – и еще раз пролистал все это. Ну, в общем-то, здорово получилось – хоть и долго я сидел над ней, все же удалось поместить туда все, что я хотел сказать и именно в том виде, в котором было бы правильно, адекватно. Я довольно улыбнулся, закинул книгу в файл и завернул в упаковочную бумагу, заклеил почтовым скотчем и наклеил заранее заполненный бланк.

Наконец, когда минутная стрелка показала половину десятого, я нацепил солнцезащитные очки, взял упакованную книгу под мышку, захватил пустую пачку из-под сока и пошел к входной двери. Неожиданно вспомнив кое о чем, я протянул руку в шкаф и взял с полки зеленый конверт с письмами Минс, незапечатанный и без каких-либо надписей, с минуту посмотрел на него, вспоминая о разном – в основном о том, что нужно было оставить позади и забыть – и вышел из квартиры.

Моя квартира располагалась на последнем этаже шестиэтажного дома, в котором не было лифта, зато была любопытная лестница, уходящая вниз круговыми витками спирали. Эта лестница напомнила мне спиральные образы из сегодняшнего сна, и я еще больше убедился в том, что снилось мне что-то рутинное и повседневное. Выйдя из подъезда, в

первую очередь я увидел большую ворону, может даже ворона, на спинке скамейки, что стояла на крыльце. Птица переминалась с лапы на лапу, наклонив голову, искоса поглядывала на меня. Даже когда я прошел совсем близко, она не испугалась и не улетела, только отметила этот момент глухим клекотом.

Я смял зеленый конверт, выкинул его в урну и, включив музыку в наушниках, направился в сторону почтового отделения.

* * *

После отправки посылки для Ни я купил пачку сигарет в киоске, посмотрел на часы и зашагал вдоль трамвайных путей к остановке. Последние два года каждое мое место проживания находилось не больше, чем в полчаса езды от работы. Надо признаться, поиск новой квартиры всегда давался нелегко: необходимо было каким-то волшебным образом найти не слишком потрепанное судьбой место, которое бы сочетало в себе адекватную цену, все нужные удобства и хорошее расположение относительно работы и мест, куда я обычно хожу в свободное время, и при всем при этом подразумевалось, что я сговорюсь с хозяевами первым, даже не дав шанса каким-нибудь благонадежным молодым семей-

ным парам и девчонкам-студенткам. Обычно на все уходило около двух недель облизывания сайтов с арендой и поездок по городу, но в итоге как-то всегда все складывалось.

Когда я уже подходил к остановке, мне позвонила мать, и через минуту обсуждения стандартных тем быта и общей жизнедеятельности попросила на днях зайти в гости, предложив “в кои-то веки нормально поесть” и признавшись, что у нее опять происходит что-то странное с ноутом. Как и у большинства моих ровесников, мои родители с течением времени испытывали все более серьезные затруднения по технической части, связанные с устройствами, технологиями и интернетом. Любопытен был тот факт, что они постепенно чему-то все же обучались, но этой скорости было явно недостаточно, чтобы угнаться за темпами развития современного мира. Я сказал, что зайду сегодня после работы и, попросившись, повесил трубку. Мои родители жили в частном квартале на Солях за Верхним городом. Солями называли или весь проспект Солидарности, или – чаще – место его пересечения с двумя главными улицами Верхнего города, которое собственно и было точкой соприкосновения этого торгово-туристического района, состоящего из мощеных узких переулков, пафосных заведений и магазинов, колоритных площадей с монументальной архитектурой, с лежащим по другую сторону проспекта уже довольно приземленным северо-восточным районом, где в основном располагались офисные и жилые кварталы. Если Верхний город был южной

оконечностью центра, всегда казавшегося мне совершенным с точки зрения застройки, благоустройства и баланса между современным миром стекла и асфальта и историческим миром кирпича и брусчатки, то Северо-Восток находился на “втором поясе”, а за ним лежали уже совсем не живописные окраины.

Трамвай не заставил себя долго ждать, и я занял привычное место в конце салона по правой стороне, куда большую часть пути не попадало солнце. Такие вещи, как память о положении солнца в определенное время относительно положения трамвая, одни и те же билборды, проплывающие мимо, одни и те же паттерны движения и остановок на перекрестках, одинаковые каждый день мысли при взгляде на одинаковые каждый день вещи под одинаковую каждый день музыку – все это постепенно проникало в мой мозг и медленно отравляло его ощущением, будто я застрял в топи, и все вокруг ужасно вялое, предсказуемое и тягучее. Не спасали ни походы в новые заведения, ни появление эпизодических запойных увлечений, ни разнообразие рабочих проектов, ни периодические знакомства с новыми людьми, и лишь на какое-то время это ощущение затихало после смены обстановки, что и вынуждало меня чуть ли не каждые полгода переезжать. Словно рутина и однообразие были болезнью, разгорающейся все острее по мере того, как я вырабатывал алгоритмы поведения на новом месте, неосознанно заводил новые привычки, начинал замечать одни и те же вещи – казалось

бы, что за пустые мелочи, но нет, каждый раз при взгляде на рекламу мебельного магазина, возвышающуюся над перекрестком за две остановки до нужной мне, на котором трамвай стоял от 20 до 40 секунд, что-то внутри меня отчаянно хотело взять в руки аварийный молоток, разбить окно и выпрыгнуть, только бы не видеть все это еще раз. Это наверняка было как-то связано с постепенной потерей удовольствия от пищи, да и еще с кучей похожих странных наблюдений, которые я не мог не делать, внимательно наблюдая за ходом своих мыслей. У всего этого определенно есть общая первопричина, выяснение которой понемногу становилось навязчивой целью в те моменты, когда мозг не был занят чем-то, что требовало полного внимания – то есть, довольно часто. Но что можно было сказать с уверенностью – проблема была не внешнего типа.

Я так увлекся пессимистичными размышлениями, что чуть не пропустил свою остановку. Но мозг, разумеется, получил какой-то знакомый сигнал, который всегда означал “мы приехали”, и дал команду встать и подойти к двери, уже готовой открыться. Возможно из-за солнца, довольно яркого даже через темные стекла очков, возможно – из-за резкого подъема с места, краем глаза я заметил небольшое черное пятно прямоугольной формы где-то на периферии – там, где было только окно трамвая, за которым не было ни единого черного предмета, лишь сияющий асфальт и бежевые фасады зданий, перемежающиеся зелеными кронами деревьев. Я

вышел из трамвая, и пятно еще секунду-две перемещалось вместе со мной, но стоило мне зажмуриться и открыть глаза, как оно пропало.

Путь до студии занимал четыре-пять минут, как раз на одну сигарету и одну песню. В это время в городе было совсем немного людей: большинство пришло на работу пару часов назад, до обеда было еще далеко, и улицы могли ненадолго свободно выдохнуть и прийти в себя, отойти от многолюдных толп и пробок на дорогах. Выбросив окурочек в урну у входа в родное офисное здание, я снял наушники и вошел в крутящуюся дверь.

* * *

Мне всегда нравилось, как быстро летит рабочее время, когда поступает в разработку новый проект. Сегодня был как раз такой день. Зайдя в блок, занимаемый студией, я заварил себе чай горячей водой из кулера, сменил кеды на мягкие тапки и уже было собирался зайти в кабинет, как из другого конца коридора меня окликнул Кэп. Я приветственно махнул рукой и прошлепал к нему.

– Здравствуй. Чего это ты так свежо выглядишь? – пожимая мою руку, он окинул меня сочувственным взглядом.

– Ты когда-нибудь просыпался, наполовину свисая с ди-

вана в бедламе, о котором не помнишь, как его устроил?

– Второе бывало, с первым дела не имел. И как оно, удобно?

– Похоже на ощущения от рентгена в морталке. Покурим?

Кэп кивнул, и мы вышли на воздух. Курить у нас разрешалось на балконе, объединяющем оба этажа студии парой коротких лестниц. Кроме места для курения, там располагалось продолжение комнаты отдыха с двумя гамаками, парой столиков со стульями и трехуровневыми деревянными рядами для сидения, усыпанными подушками.

– Хочу тебя прямо с утра обрадовать. – Кэп закурил и выдохнул дым с протяжным зевком. – Нам дали на аутсорсинг небольшой проект на неделю, там нужно прописать диалоги.

– Уу, а что с текущими задачами по сайд-квестам для основного? – не то чтобы я не хотел допиливать это, но немного разнообразия – это как раз то, что нужно для прочистки головы.

Кэп посмотрел на меня и снова зевнул. Похоже, я сегодня так буду действовать на всех окружающих.

– Им сдвинули сроки, потому что придется перелепить пару уровней. Так что не парься, время у тебя будет.

– Ништяк. Кто над новым работает?

– Ну, я выделил шесть человек из нашего, ты всех знаешь, и еще двоих из второго офиса. Кстати, один из них будет с тобой на диалогах сегодня.

– Что за он? – я недовольно поморщился, уже предчув-

ствуя все стандартные прелести работы в команде. – Только не говори, что какая-нибудь зелень, которую ты не знал, куда запихнуть.

– Не он, а она. Но да, девчонка новенькая, но вроде толковая, – Кэп стряхнул пепел с сигареты и хитро улыбнулся. – Да и ты ее еще просто не видел.

– Вот это интрига. Ладно, не буду заранее ныть.

– Ну и отлично. И да, команде выделили комнату С11. Чтобы вас никто не отвлекал и все такое.

– С11 – это на втором этаже? – я отвлеченно почесал бороду, пытаясь вспомнить, когда в последний раз работал на втором этаже.

– Да, вторая комната по коридору на три часа. – хоть такое описание и звучало странно, но планировка второго этажа была сама по себе странной – из большой круглой комнаты отдыха вело 12 небольших коридоров с несколькими помещениями в каждом.

Кэп кратко выдал мне информацию о проекте и сказал, что подробные спецификации будут в распечатанном виде на столе. Мы докурили, и я пошел знакомиться с напарницей.

* * *

Мне не понадобилось много времени, чтобы понять, по-

чему же Кэп так усмеялся. Зайдя в С11, я поздоровался со всеми из команды, кто уже был на месте – пара человек из озвучки, включая К. и как всегда уставшую Л.П., Джем и Файв из прогеров, художник, имя которого я никак не мог вспомнить, но отлично помнил, что на последнем корпоративе он очень душевно исполнял Леру Линн в караоке. Не хватало еще одного художника и звукаря, но, по словам Л.П., они скоро должны были прийти.

Мою напарницу звали Алиса, она оказалась милостивой блондинкой с виду чуть младше меня, в растянутом свитшоте с ярким гиковым принтом по комиксам и в легкомысленно коротких шортах. Она слегка шурилась, когда говорила, а когда слушала – делала в прямом смысле то, что в переносном называлось “наострить уши”, и этими двумя забавными деталями неуловимо напоминала кошку, и я непроизвольно улыбался, когда смотрел на нее.

Алиса оказалась не только симпатичной, но и, к моей удаче, действительно толковой, как и говорил Кэп. Она уже успела изучить спецификации проекта, выписала ключевые характеристики тех нескольких персонажей, с которыми нам предстояло работать, составила шуточный психологический портрет для каждого, снабдив его предположениями о психотипах и темпераменте. У нее явно было полно энтузиазма и интереса к новым проектам, но она внимательно относилась к моим комментариям и сразу предлагала пересмотреть какие-то из своих идей, так что можно было не опасаться,

что нам придется перетягивать канат вместо того, чтобы заниматься делом. Алиса была в основном офисе в первый раз, и ребята еще не успели ей рассказать, что тут и как, так что я поделился с ней всякими бытовыми и организационными моментами. Ближе к полудню мы уже вовсю работали, переключаясь между разными сценами и с вдохновением дополняя друг друга – так, что персонажи действительно начинали оживать и звучать именно так, как их прописывали внешние дизайнеры. У Алисы здорово получалось представить себя на месте игрока и понять, как сохранить его интерес, так что мне не нужно было вообще ничего объяснять – просто сиди себе и играй в пинг-понг идеями и репликами, как я в идеале и представлял себе работу в команде.

Накидав какое-то количество материала, мы взялись перечитывать диалоги, и я по привычке ушел в наушники, подбирая что-нибудь атмосферное и подходящее к тону диалогов. Проект по своей сути был наполненной сатирой минималистичной индюшатиной о тяжелой жизни белых парней в черном гетто, так что я открыл плейлист с чуваками из Def Jux. Я немного удивился, когда краем глаза заметил, как Алиса качает головой и читает вместе с Робом Соником. Оказалось, что она давно угорает по альтернативному хип-хопу, и следующие минут двадцать мы сравнивали творчество Эль-Пи в соло и в составе Run the Jewels, скорбели по закату карьеры Кейджа и думали, насколько крут мог бы быть полноценный фит Эзопа и Айдии.

Проверенный и перечитанный материал мы отправляли через мессенджер продюсеру от заказчика, после чего брались за новую партию. Идя хронологически по сценарию, мы вскоре закончили первую условную главу. Меня не переставало радовать, что дело идет живо, а время так вообще проносится мимо, как часто бывает, когда занимаешься чем-то увлекательным и ловишь кураж, входя в потоковое состояние. С работой это получалось далеко не так часто, как с играми, например – но все же случалось, как сейчас.

Еще больше меня радовало то обстоятельство, что сошли на нет все мои утренние симптомы, от трясущихся рук и расфокусированности взгляда до озноба. Что ж, почему бы мне не сделать себе этически спорное, но приятное одолжение, и не поверить окончательно в то, что причиной всему была нездоровая поза для сна и, возможно, легкий перебор с выпивкой вчера вечером, отчего у меня и сложилось впечатление, будто из жизни выпал один день? Я с легкостью согласился на такой замечательный вариант, успокаивающий и простой. Воздадим почести Оккаму и его бритве, и перестанем думать об этом.

Незадолго до обеда мы с Алисой вышли на перекур. Снаружи было жарко, но ситуацию спасал хороший ветер. Я взял пепельницу со стойки у края балкона, и мы сели на верхний ряд деревянной лестницы, где большой козырек балкона создавал тень.

– Блин, у вас тут прикольно, два этажа, на балконе гама-

ки, – Алиса определенно была под впечатлением от основного офиса студии, с любопытством оглядывая все вокруг. – Кучеряво живете, ребята!

Солнце в это время висело прямо перед лицом, и мне отчаянно не хватало очков, оставшихся на столе в кабинете. Я улыбнулся и пожал плечами, закуривая сигарету.

– Ну так, не жалуемся. А как тебе комната отдыха?

– Комната отдыха? Я бы назвала это “зал улета”. Вообще, у тебя никогда не было мысли оставаться тут ночевать между рабочими днями?

– О, я вижу, ты шарிшь. Конечно, была такая мысль, и я пару раз так и делал, когда дедлайны были жесткие, и мы недели две работали без выходных часов по десять. – я прикрыл глаза, вспоминая тот хаос, который здесь царил в ноябре. – Вот и представь: мы выходим из студии, покупаем в магазине ящик пива, заказываем целую гору курицы, картошки, бургеров и пицц, и часа четыре угораем в этом зале улета, в полночь разваливаемся на диванах, а утром, как в казарме, встаем по команде Кэпа.

– Знаешь, если все будет норм с этим проектом, меня переведут в ваш офис на постоянку, и может я тоже застану такой кутеж! – Алиса потянулась за подушкой и, подтащив ту поближе, села на нее. – Не помню, когда в последний раз в настолку играла.

– Можем после перекура сыграть партию, если хочешь. Времени вроде хватает, мы уже довольно много написали.

Алиса согласно закивала.

– Круто, главное – не забыть. Если я тебе не напомним, напомним мне.

– Идет. Кстати, а на вашем офисе ничего такого не было?

– Неа, там вообще сплошное уныние было. Балкон закрытый и мелкий, три человека еле влезает, я уже не говорю про эти ваши гамаки и столики. Ну, был в коридоре футбол настольный, вот и весь отдых. – она посмотрела на меня слегка прищурившись и, не сдержавшись, зевнула – а мне было показалось, что я выгляжу уже бодрее, чем утром. – Ну до этого я разок видела такие удобства в офисе, когда на “ДоТКоме” работала.

Алиса коротко рассказала о том, как со своим братом полгода работала у самого крупного в городе частного интернет-провайдера, и, судя по ее описаниям, там в плане рекреационных зон и прочих ништяков все было ни разу не хуже, чем у нас. Впрочем, это не помешало компании сократить штат, и они с братом оказались без работы. Алиса в итоге перебивалась фрилансом и репетиторством, пока не устроилась к нам на студию, пару месяцев назад, а ее брат занялся организацией тусовок в районе за Старым городом – в основном электронных и по хип-хопу.

– А, так это он привозит чуваков на “Стрит Спирит”, “Луч” и “Ночь-24”? – я хорошо знал эти названия, потому что довольно долго посещал последние две тусы, да и на первой частенько бывал, хотя в последние пару месяцев как-то

подзабил.

Алиса довольно закивала, радуясь моему узнаванию.

– Еп-еп, это все братан запилил. Он еще иногда меня зовет в команду, заниматься пиаром и всякими связями с общественностью, потому что я училась на рекламщика.

– А почему ты не хочешь? Это же крутая тема, делать движи и все такое? – наверное, мне самому такая работа была бы интереснее сидения в офисе, пусть даже таком комфортном.

– Да не знаю, я за пять лет в универе так этого наелась, что для меня слово “реклама” как матерное. – Алиса скривилась, и ее в принципе можно было понять – весьма немногие могли к моменту выпуска сохранить интерес к своей специальности в нашей системе образования. – Но я все равно часто хожу на его тусы – просто посмотреть, что как, ну и погулять немного.

Мало того, что она слушает Эзопа и носит одежду с принтами по Фэйблз и Причеру, так еще, оказывается, и ходит на правильные тусы, более того – их организовывает в том числе ее брат. Будь я девчонкой – наверное, был бы похож на Алису.

– Еще в прошлом году был пару раз крутой движ летом, вроде бы от той же команды, только не помню, как назывался.

– Ты про “Затмение”? Там еще были площадки в отдельных залах с разной музыкой, и двор здоровенный со сценой.

– Да, точно, оно и есть. Тоже твой брат мутит?

Алиса гордо хмыкнула, старательно туша сигарету о стенку пепельницы.

– Ага, одну площадку делает он, а другие две – какая-то мастодонтиха тусовочной сцены, на которую они там все молятся. Кстати, ты так удачно завел эту тему... В курсе, что в этом году снова будет “Затмение”? – Алиса наострила уши, но я только пожал плечами. – Так вот, первый выпуск сегодня будет.

– О, так я и правда удачно спросил! – если подумать, я довольно давно не ходил ни на какие движухи активнее посиделок в баре. – А где и во сколько они стартуют?

– Там же, где и раньше, в здании кирпички на кольце, – под “кирпичкой” имелся в виду один из корпусов кирпичного завода, переделанный под проведение разных культурных мероприятий, а “кольцом” часто называли полузаброшенный промышленный квартал за Старым городом, вокруг которого река делала почти полный изгиб, одно из самых популярных мест в городе среди тех, кому не нужно рано вставать на следующий день. – Начало в десять вечера. Что, хочешь сходить?

– Может быть, в прошлом году было круто. Надо будет глянуть билеты после работы.

Оказалось, что у моей напарницы, как у сестры одного из оргов, было при себе билетов десять, и она не только решительно отказалась брать с меня деньги за один, но и заявила, что даст еще три билета сверху, аргументируя это тем, что

пять были для нее самой и нескольких человек из ее компании, а остальные она все равно собиралась просто раздать на входе. Билеты были в сумке в комнате С11, и Алиса снова попросила меня напомнить ей, если она забудет. Это напомнило мне о настолке, и мы вернулись в комнату отдыха. Она оказалась хорошим соперником, хотя сам я был так себе игроком в теннис, что большой, что настольный. На середине партии к нам подошел Кэп, чтобы узнать, как идут дела. Заверив его, что работа на потоке и все круто, я спросил о том, кто будет делать озвучку. Кэп сказал, что заказчик еще сам не решил, но может так получиться, что и ее отдадут нам. Я попросил его как-нибудь к этому и привести, когда они в следующий раз будут обсуждать проект. Сделать озвучку для игры, пусть и такой мелкой и простой – разве не круто? Я так об этом замечтался, что проиграл Алисе партию. Кэп с язвительными насмешками скрылся на балконе, а мы двинулись обратно в комнату.

* * *

В три часа я решил сходить на обед. В общем-то, на студии была собственная кухня, куда привозили довольно неплохие комплексные обеды, но мне куда больше нравилось пройтись до ближайшего кафе или фастфуда, провести полчаса вне

работы, немного разгрузить голову – это и для рабочего настроения было полезно.

Захватив с собой очки и сигареты, я двинулся к выходу из офиса, но вовремя вспомнил о наушниках и вернулся за ними, и заодно достал из рюкзака пузырек, вытряхнув из него одну таблетку. Алиса обедала на кухне, а у Л.П., которая иногда составляла мне компанию по выходу за “нормальным салатом” (под которым она имела в виду любой салат кроме того, что готовили у нас), сегодня было слишком много работы – параллельно с нашим маленьким проектом она обрабатывала сети ИИ для персонажей в основном, и в ответ на приглашающие взмахи руками только нетерпеливо махала в ответ.

Вышел я не в главные крутящиеся двери, через которые проходил утром, приходя на работу, и вечером, покидая студию, а через крыльцо на втором этаже, от которого вел длинный проход в стиле каких-нибудь средневековых замков с поправкой на минималистичный эко-дизайн деревянной крыши и оконных проемов. Это было мое второе любимое место для курения в здании, и порой под настроение я выходил сюда. Змеящаяся кривая коридора выходила на небольшую прямоугольную площадь, усеянную лавочками, с зеленой зоной и небольшим фонтаном в центре. Через площадь проходила кривая улица, ведущая от оживленного проспекта между аккуратных зданий хостелов, баров и небольших офисов банков и мобильных операторов к Верхнему го-

роду, встречающему уже настоящей просторной площадью, с фигурной плиткой – такой гладкой и ровной, что это место, сколько я себя помню, пользовалось неослабевающей популярностью у скейтеров – и с внушительным зданием ратуши во главе всей композиции. Две высокие арки, на уровне третьего этажа сформированные дугообразными переходами от основного здания к двум корпусам-башенкам по левую и правую сторону, известные как “рогатка”, вели на две отдельные улочки, разделенные основным корпусом ратуши и расположенным сразу за ним продолговатым двориком, огороженным высокой фигурной оградой, которые чуть дальше перерастали в две главные параллельные улицы Верхнего города, сплошь забитые вычурными магазинами, роскошными ресторанами и дорогими отелями. Хотя для меня там ничто не представляло особого интереса, мне нравился сам Верхний город и его окружение, включая вот эту небольшую площадь с фонтаном, так что я периодически встречал ребят из студии, когда гулял по городу на выходных и забредал сюда.

По периметру площади можно было сосчитать почти с десяток заведений, из которых я обычно и выбирал место для обеда. Тут было несколько кафе, в том числе один фастфуд, пекарня, небольшой суши-ресторан, кальянная, будка с хот-догами и картошкой, фургончик с крафтовыми бургерами, а в дальнем конце площади – что-то вроде бюджетного паба. В его сторону я и направился, вспомнив, что самая вкусная картошка среди всех этих заведений – именно в пабе.

По пути через площадь я наблюдал забавную сценку. На одной из лавочек в тени дерева сидела женщина, которая одной рукой держала поводок средних размеров пса дворняжкой наружности, проявляющего активное любопытство ко всему вокруг, другой рукой усердно рылась в сумочке, периодически отвлекаясь на пару детей, бегающих около скамейки справа от нее, судя по цветам одежды – брата и сестру. Как раз в тот момент, когда я проходил мимо, брат с коварным выражением, присущим задумавшим недоброе старшим братьям, достал из кармана комбинезона игрушечную змею. Хоть факт ее резиновости и безобидности был однозначен, она все же была длиной с мое предплечье и имела весьма неплохой реалистичный окрас. Так что, когда девочка обернулась и увидела игрушку у себя под ногами, для нее все было не совсем очевидно, и она вскрикнула так тонко и пронзительно, что я услышал даже через наушники. Мать поспешила вновь обернуться, но пес успел быстрее – он отважно подскочил к девочке, схватил змею зубами и принялся трясти ее. Теперь уже настала очередь мальчика недовольно закричать.

Все еще улыбаясь этому небольшому эпизоду – одному из тех, что могли выдернуть меня из ощущения болезненной рутины и зацикленности, понемногу крепнущего всегда, когда я был предоставлен сам себе – я зашел в паб и заказал большую картошку с апельсиновым соком. Через пару минут мой скромный обед был готов, и я занял место в углу, где

сходились две затемненные поверхности витрин. Я кратко записал случай с псом и змеей в заметки на телефоне, куда частенько заносил всякие интересные происшествия, которые наблюдал вокруг, наряду с разными мыслями и идеями. Давно пора было как-то разобрать их и рассортировать по разделам, но мне никогда не хватало терпения, чтобы взяться за это.

Перечитывая заметку, я задумался о том, что змея, как считают некоторые – символ перерождения. Но откуда это взялось? Была ли змея всего лишь внешним символом (как тут не вспомнить о том, что эти существа сбрасывают шкуру, а свернувшаяся кольцом змея – это уже считай уроборос, цикличность и перерождение), или люди действительно полагали, что змеи сами перерождаются? Но ведь змеи сбрасывают шкуру исключительно в силу ее износа, ради обновления покрова. Это и есть именно обновление, а вот настоящее перерождение – это к другим. К фениксу, например. Ведь фениксы возрождаются именно после гибели, и в этом их бессмертие? Была кучка пепла – и вот уже из нее вновь появилась птица. Да, фениксы мне куда больше нравились как метафора своеобразного респауна, существа, которые тоже могут как бы сохраняться в пространстве и времени, а потом возвращаться к последней точке. Вот только фениксов, в отличие от змей, не существует. Я взглянул на часы, время – 15:07, таймер на 1:40. В голове мелькнула мысль “я что-то забыл”, но желания опять рыться в памяти совсем не было,

и я отмахнулся от нее.

Пролистывая заметки вверх, от старых к новым, я на-
ткнулся на одну довольно просторную мысль, такую тяже-
ловесную и мрачную, что посреди жаркого дня мне на па-
ру секунд стало холодно, будто вернулся утренний озноб.
“Почему я боюсь смерти? Неужели я настолько дорожу су-
ществованием, пусть даже таким бессмысленным и жалким,
что просто не могу от него отказаться, как торчок за гранью
спасения, который уже не может не зависеть от дерьма, на
котором сидит? Так и мы, ни во что не верим, где-то глубоко
уже мысленно сдались и поняли, что ничего хорошего впе-
реди не ждет, что дорога к счастью – не к удовольствию, не к
благосостоянию, не к развлечениям – для нас почему-то за-
крыта. Из-за нашей природы, возможно. В тот момент, когда
мы обрели самосознание, началась самая грустная история
во всей вселенной: история взаимоисключающих чувств, ис-
тория познания, которое в конечном счете приносило толь-
ко боль, и чем дальше мы продолжаемся, тем мы ближе к
безумию. История о том, как кто-то не выбирал, но получил
ответственность за то, чего не может даже понять в полной
мере, будучи вынужден тысячелетиями бороться с собствен-
ной сущностью, рвать на куски самого себя без какой-либо
на то причины. Разве я хочу быть собственным заложником?
Разве я не хочу хоть что-то в жизни выбрать самостоятельно,
даже если это будет последнее, что я сделаю? Я привык счита-
ть, что такие мысли – это глупость, что такие идеи свой-

ственны незрелым подросткам, что есть миллион аргументов против такого мнения. Но какой из них может ответить на вопрос, почему я – нет – почему мы должны оставаться рабами? Разве не рабство все вокруг так ненавидят и презирают? Ах да, конечно, рабство мы можем понимать только в очень узком смысле, оно значит для нас физическое лишение свободы и принуждение к чему-либо. С таким рабством готовы бороться все, потому что его давно не существует как общественного явления, все что осталось – это редкие случаи в современном мире да память о постыдном прошлом. Но ни у кого не хватит смелости бороться с рабством в более широком смысле, в которое мы влипли черт знает как давно. Конечно, так легко сказать, что “это другое”, что мы на самом деле свободны, мы можем делать со своей жизнью что угодно, все зависит только от нас самих, но это лишь пустые оправдания людей, которые не хотят взглянуть в лицо своей настоящей проблеме, которые не хотят признавать, что они рабы. Кто же наши хозяева? Положение вещей – вот наш самый жестокий хозяин. Вся наша жизнь чем-то ограничена: другими людьми и их правами, которые ограничены уже нашими правами, властью – от государственной и религиозной до корпоративной и экономической, моралью, законами – слишком несовершенными, чтобы гарантировать защиту от чего-либо, настроениями и мнениями других людей, нашими собственными желаниями и целями, сформированными под влиянием жизни в обществе, потребностями

и нуждами, биологией и психологией, материей и идеей. Все вокруг – наши цепи, каждый из нас – тюремщик для остальных. И только две вещи могут кого-то освободить: жизнь вне человеческого мира – частично, и смерть – окончательно. Я отказываюсь бояться смерти и принимаю ее как дар”. Что ж, бывали порой и такие мысли. На самом деле спорить с тем мной, который это писал, текущему мне было сложно, ведь я так и не нашел ответ на главный его вопрос. Поэтому я решил отнестись к этому без той серьезности, которая им двигала в момент написания.

Я потягивал сок и раздумывал, как бы я это сделал, если бы хотел умереть? Наверное, имело смысл подготовиться заранее, и подготовиться так, как ни к чему прежде. Серьезнее, чем люди готовятся к свадьбе. Стоило бы подкопить денег, а лучше взять кредит – максимально возможный без поручителей. Ну а дальше план действий в целом понятен, недели две-три адского отрыва и угара, смотря на сколько здоровья хватит. Сама смерть – конечно, от передоза чем-нибудь абсолютно эйфорическим. Стоило бы также сделать все то глупое, безумное, безответственное и сомнительное, чего всегда хотел, но всегда откладывал. Уйти следовало в постели, во время незащищенного секса с какой-нибудь сочной девушкой – тут я невольно подумал об Алисе – закончив в нее на самом пике, умерев одновременно с тем, как, по мнению инстинктов, будут переданы гены, исполнено дурацкое природное предназначение, и это все вместе либо невероят-

но взбудоражило бы мозг и каждое чувство, либо тотально поглотило бы вообще любую мозговую активность. Но ведь есть риск, что мне этот короткий отрезок жизни так понравится, что я передумаю. Я захочу жить так всегда. Вопрос лишь в том, смогу ли я вспомнить, что единственное условие, без которого это финальное буйство было бы невозможно – отсутствие последствий. Каждое мое действие порождало бы долгоиграющие последствия, и рано или поздно мне пришлось бы держать ответ за все это – перед окружающими, перед своим здоровьем, перед кредитовавшим меня банком. И только знание, что все скоро закончится – знание, доступное только мне одному, позволяло бы не думать об этих последствиях. Уход от ответственности, ничего не дающей, бесполезной, тяжелой, проигрышной – вот что такое суицид. Отказ от участия в игре, отказ от правил, переворачивание шахматной доски посреди партии. Чем дольше я об этом думал, тем больше проникался серьезностью собственной заметки в телефоне, терял способность рассматривать ее в качестве объекта для иронии. Так я понимал ценность чего-либо: если мне было неприятно или сложно над чем-то иронизировать, значит, это чего-то стоило – среди всего вокруг, что подвергалось насмешке со стороны мира, выглядело нелепо, будто было создано для того, чтобы быть высмеянным, включенным в карнавал идиотизма, поглощенным истеричным, рекурсивным и бесконечным издевательством, в какой-то момент ставшим основой всего, что нас окружа-

ло. Глубоко внутри я понимал, что, хоть и не могу представить свою жизнь без этого ежедневного театра абсурда, возвращающего все, что кто-то воспринял бы всерьез, я все же ценил – по-настоящему ценил – только то, что мне казалось неуязвимым для глумления. Вздрогнув, я нервно принялся поедать остывающую картошку. В образовавшейся в голове пустоте я отчетливо слышал, как непривычно медленно и гулко бьется сердце.

Пытаясь отвлечься от мрачных мыслей, я перенаправил внимание на телевизор, который висел над барной стойкой. Крутили какую-то смутно знакомую передачу, в которой, насколько я помню, приглашенных гостей, в основном людей искусства, просили рассказать об источниках вдохновения, разобрать концепцию их произведений, что-то анонсировать и так далее. Сейчас в кресле гостя сидел упитанный мужик средних лет в пиджаке поверх желтой майки. Лицо его разительно контрастировало с телом – оно было худое, почти иссушенное и строгое, а прищуренные глаза и опущенные уголки губ придавали ему невероятно скептический вид. Ведущий, похоже, как раз задал ему какой-то вопрос, и он собирался с мыслями, переведя взгляд куда-то вверх и вправо.

– Ну смотрите, я задумывал ее так, что на основной сюжет, состоящий из двух частей, довольно симметричных, как бы наслаиваются несколько побочных, по объему больше основных или равные им. Они дают указания на то, как можно интерпретировать часть с основным сюжетом, чем, соб-

ственно, закончилась история.

– То есть, как можно понять ее концовку? Вообще, сильно ли меняется понимание истории, если не найти никаких подсказок?

– Грубо говоря, есть десять основных трактовок, и их можно классифицировать несколькими способами. Первый интерпретирует, собственно, саму суть произошедшего, чем на самом деле являлись показанные события, включает три категории. Второй основывается на том, что какая-то из частей могла быть нереальна, то есть, происходить во сне, в иллюзии, в чем угодно, только не в реальном мире. Возможно, реальны обе части, возможно – только одна, возможно – обе нереальны. Четыре категории. И, наконец, третий способ классификации трактовок завязан на последовательности событий. Он предполагает, что события обеих частей могли происходить как одновременно, так и последовательно. Две категории. Вот, в общем-то, все. Кроме того, у каждой есть параметр цикличности и хронологического порядка.

– Вы сказали, что основных трактовок десять. Не могли бы вы...

На этом моменте я потерял интерес к их беседе, к тому же, картошка закончилась, да и время обеда тоже подходило к концу. Я двумя глотками допил сок, тщательно вытер руки салфеткой и встал из-за стола. Перед выходом я подумал, что стоит зайти в туалет. Когда я уже зашел в кабинку, к горлу

подступила неожиданная тошнота, и меня вырвало – горько и коротко. Я стоял, упершись кулаком в стену, и пытался понять, какого черта происходит. Это определенно не было симптомом перепоя, ведь тогда бы меня вырвало еще утром. Я не ел ничего, кроме яичницы, тостов и картошки, и насчет каждого из пунктов этого списка мог с уверенностью поставить галочку в графе “надежность и проверенность”. Справив нужду, я вышел из кабинки, умыл руки. Когда я перевел взгляд на свое отражение, оно показалось мне каким-то бледным, но это было и неудивительно после прочих странностей. Вытерев руки полотенцем, я вышел из туалета и покинул паб, быстрым шагом направившись в сторону студии, совершенно забыв про музыку. По пути мне не встретилось ничего забавного.

* * *

Алиса сказала, что ей нужно было уйти в половину шестого, и спросила, нет ли чего такого в том, что она в первый же день уходит раньше. Я успокоил ее, сказав, что мы сегодня довольно много уже сделали, а распределение времени по большей части уже зависит от нее самой. Еще раз поблагодарив Алису за билеты и договорившись встретиться на движе, я попрощался с ней, проводил взглядом, да и сам

начал понемногу готовиться к выходу. В принципе, за сегодня мы закончили три больших сценарных блока, полностью проработав диалоги и еще кое-какой текст – для первого дня неплохо. Я обошел тех из ребят, кто еще остался в кабинете, посмотрел, как идут дела у них, спросил у Л.П., что она думает насчет ворваться вечером на тусу. В прошлом году она была на “Затмении” все три раза, что его проводили, один раз даже без меня, но в этом сезоне все сложилось не так удачно – сегодня у ее парня был день рождения, и они с ним уже давно запланировали какой-то особый вечер, в который посещение тусовок не входило. Л.П. с легкой тоской в голосе пообещала, что в следующем месяце присоединится, и попросила скинуть пару видосов с места действий.

Когда минутная стрелка образовала с часовой ровную прямую, я проверил бэкап данных, сохранил базу и выключил рабочий комп. Закинув в рюкзак все, что за день разбросал по столу, я попрощался с ребятами и вышел в коридор. Там я налил в стакан холодной воды из кулера, сменил тапки обратно на кеды и собирался было выйти из студии, но вспомнил о звенящей в кармане мелочи, полученной на сдачу в пабе и уже несколько часов меня раздражающей. Рядом с кулером у нас стоял небольшой автомат в виде шкатулки, в котором можно было за гроши купить печенюшку с предсказанием, а полученные деньги раз в месяц извлекались и вроде как направлялись куда-то на благотворительность. Мелочи у меня хватало на две печенюшки, и я скормил шкатулке по-

что все монеты из кармана. Печенье было наполовину шоколадное, а на улице неплохо припекало, так что я решил съесть обе сразу. Внутри первой оказалась бумажка с надписью “Ничто никогда не заканчивается, но берегите свою жизнь!” – довольно странное предсказание, как мне показалось. Бумажка из второй гласила: “Завтра для вас станет особенным днем, вы хорошо повеселитесь!” – вот это уже что-то более привычное. Пожав плечами, я выкинул обертки в мусор и вышел из студии.

Через несколько минут я уже был в магазине, неторопливо шагал между витрин и разглядывал ассортимент, бессознательно почесывая бороду. Я остановился на паре небольших черных блокнотов и долго раздумывал, выбирая между набором гелевых ручек и шариковых, в итоге взяв гелевые. Расплатившись на кассе, я вышел из магазина ближе к половине седьмого, перед самым закрытием. Кассир, с которой я был немного знаком, вышла за мной на последний перекур – кому не было знакомо это желание хоть немного приблизить конец рабочего дня, пусть даже он вот-вот закончится сам по себе. Мы курили и болтали обо всяких незначительных мелочах, я спросил, как у нее продвигаются дела с публикациями детских историй в местной газете, она спросила, дописал ли я уже книгу. Со вздохом облегчения – не первым и не последним по этому поводу – я сказал, что сегодня отправил чистовик редактору, так что, можно сказать, дело сделано.

Попрощавшись с ней, я вернулся на ту дорогу, которой

шел утром с остановки, чтобы теперь сесть на ней в уже другой трамвай и доехать до дома родителей. Туда можно было добраться и автобусом, но трамваи мне нравились куда больше. По пути мне встретилась белая кошка, сидящая на скамейке. Я машинально наклонился, чтобы погладить ее, ожидая, что животное, как это всегда бывает с бродячими кошками, отскочит с недоверием, но к моему удивлению, этого не произошло. Кошка осталась сидеть на месте, только повела ухом и зажмурилась. Отворачиваясь от нее, я как будто заметил что-то странное: мне показалось, что кошка на секунду дернулась, словно сдвинулась немного вправо и вернулась обратно. Встряхнув головой, я пошел дальше.

В плеере выпала песня Джима Стерджесса, в которой он задавался риторическим – а может и нет – вопросом, почему нельзя прожить ту жизнь, которая видится в мечтах. Надо признаться, я и сам часто думал об этом. Действительно, почему люди не умеют перемещаться пусть даже не во времени, а между различными вариантами реальности, почему им недоступна настоящая свобода, власть над своей судьбой? Если бы они могли, например, в определенный момент устанавливать что-то вроде ключевой точки, и начального пункта, после которого бы существовали в виде бестелесного сознания, наблюдая возможные варианты развития реальности. А затем, увидев достаточно вариантов – хоть два, хоть тысячу, лишь бы было время и возможность все их отследить – воплощались бы в том их них, который их больше устраи-

вает. Это ведь совершенно безвредно для других людей, значит, с точки зрения морали вопросов нет. Да, в какой-то степени это обман и времени, и пространства, и вообще природы вещей, но раз никому от этого не плохо – и что с того, что обман? Ведь если хорошенько задуматься, то становится очевидным: все или абсолютно неопределенно, или абсолютно предопределено. Вокруг нас или хаос случайностей, или неотвратимая череда последствий. И если это череда последствий, то не было смысла вообще что-то делать. А если хаос, то его можно упорядочить, подчинить – научным путем или иными способами. Однако же не могут, не умеют.

Пока я шел от магазина, что был рядом со зданием студии, до трамвайной остановки, мне казалось, что кто-то идет за мной – не просто следует куда-то той же дорогой, что и я, а целенаправленно следует именно за мной. Сложно объяснить, почему я так подумал, но сняв наушники и остановившись у тротуара в ожидании подъезжающего трамвая, я оглянулся. Только пять человек, что были на остановке раньше меня, да женщина с собачкой, прогуливающаяся по улице – однако, в противоположную сторону. Осуждающе покачивая головой своей неожиданной паранойе, я вновь нацепил наушники и шагнул в открывшиеся двери трамвая.



Когда я подходил к дому, на часах было еще без пяти семь, и я решил перекурить. У матери было сильное предубеждение против курения, особенно – на территории ее дома. Добрая половина их с отцом бытовых ссор начиналась с того, что вскрывался факт курения в неподобающем месте (обычно в туалете), а дальше уже пошло-поехало. Мое курение не одобрялось даже на улице во дворе, и каждый раз мать, учуяв запах табака после моего возвращения со двора, разрождалась пространной тирадой о вреде курения, каждую из которых я помнил наизусть и иногда в превентивных целях сам произносил, что, впрочем, не помогало, и мне все равно ставили в пример сестренку, которая не курила, не пила и ела здоровую пищу. Насчет второго мама и папа, разумеется, заблуждались, просто Чу была мастером шифрования даже лучше меня, и даже когда и выпивала с кем-то из своих друзей – а может, и с парнем – умудрялась не вызывать совершенно никаких подозрений по возвращении домой. Моя сестра – она была на три года младше меня – еще жила с родителями, хотя я был уверен, что Чу не продержится еще хотя бы год, уж слишком она была свободолюбивая. Пока что ее в родном гнезде держали финансы. Чу уже долго искала работу – поначалу такую, которую можно было совмещать с учебной, а

после выпуска в этом году решила непременно устроиться по специальности, в компьютерную лингвистику. Я уже много раз предлагал ей работу у нас в студии, благо возможностей хватало – то кто-то уйдет, то очередное расширение случится. Но сестренка была упряма и не хотела пользоваться, как она говорила, “блатским братом”. Впрочем, недавно у нее получилось найти что-то по специальности, связанное с машинным обучением языкам, так что моя ставка – поработает с полгода, пока не соберет достаточно денег, чтобы съехать. Все-таки жить с родителями, когда ты старше двадцати, то еще испытание, пусть даже и семья нормальная. Людям вообще непросто жить с другими людьми на постоянной основе. Быт подминает под себя все прочее, выходя в любом сожительстве на передний план, тем самым доказывая, что все мы в первую очередь беспокоимся о собственных интересах, и свой комфорт ставим выше чужого.

Пока я курил, в какой-то момент на одном из столбов зеленого металлического забора возник массивный черный кот. Уже не молодой, но и пока далекий от кошачьей старости, слегка пухлый, как и многие домашние коты, с яркими оранжевыми глазами, которые при суженных зрачках даже слегка напоминали глаза рептилии.

– Привет, Кубрик. Куда-то собрался?

Кот задумался и через несколько секунд решил, что никуда пока что не собирается, и занял классическую кошачью позу – лег на живот, поджав лапы под себя. Я протянул руку

и погладил его по лоснящейся спине, и кот довольно зажмурил глаза. На самом деле Кубрик не особо жаловал всякие нежности, но от меня их терпел – только я один никогда не отказывал ему в добавке и не слишком пытал тисканиями и прочими посягательствами на свободу – и когда он был еще котенком, а я жил с родителями, и сейчас во время моих периодических визитов к семье. Впрочем, кот наверняка думал, что я приезжаю именно к нему.

– Ничего у вас не меняется, а? Ни ворота гаража не починили, ни тебе ошейник не повесили, ни мелкая не съехала. – я задумчиво чесал кота за ухом, и он выражал молчаливое согласие – впрочем, отсутствию ошейника наверняка и рад был. – Это мне тут и нравится. Что всегда находишь то, чего ждешь.

Я затушил сигарету и выкинул в жестяную банку, что стояла у ворот. Открыл ворота ключом – до смешного маленьким по сравнению с массивной стальной створкой – и зашел во двор. Проверив почту и ничего там не обнаружив, я направился к входу в дом. На пороге я обернулся и вопросительно глянул на Кубрика. Тот желая идти домой не выражал, ну или ждал, пока я начну закрывать за собой дверь изнутри, как это часто бывает с котами. Я пожал плечами и зашел внутрь, закрыв за собой.

Мне нравился этот дом. Сюда мы переехали лет десять назад, когда родители продали квартиру в центре – мать постоянно жаловалась на шум и пыль (окна выходили на ожив-

ленную улицу), а отец мечтал о собственном гараже вместо забитой парковки и заднем дворе, где можно жарить шашлык летом, да и бассейн поставить. В доме был один этаж и просторное помещение под крышей, вроде чердака. Как любой нормальный школьник, посмотревшийся фильмов и начитавшийся книг, я долго упрашивал их выделить чердак под мою комнату, но все было тщетно, и это помещение стало большой кладовкой. На первом этаже находились три жилые комнаты – моя, сестры и родительская, а кухня была совмещена с залом, размеров которого вполне хватало для большого дивана, пары кресел и телика, а по праздникам, ну или когда к нам приходили гости, туда влезал еще и стол на восемь человек. В квадратной прихожей располагался шкаф, вешалка и стойка для обуви, по левую руку были помещения ванной и туалета, по правую – выход в зал.

– Привет, народ! – я разулся и зашел в зал.

На диване валялась сестра и смотрела что-то на планшете, заткнув одно ухо наушником и то и дело протягивая руку к пачке с жареным арахисом на животе. На кухне никого не было, да и вообще в доме было тихо, только многообещающе булькала кастрюля на плите и на чердаке раздавались еле слышные шаги.

– Какие люди в Голливуде. – Чу посмотрела на меня поверх планшета, продолжая поглощать арахис.

Я шагнул на кухню и заглянул в кастрюлю. Там варились макароны, а на соседней конфорке шипело на сковороде мя-

со. Что тут сказать, весьма удачно зашел.

– Здорово, Чумазая. Если будешь говорить такие вещи – с тобой будут общаться только пожилые. – я обошел зал через кухню и стал позади дивана.

– А ты если будешь и дальше меня называть чумазой – с тобой вообще никто не будет общаться. Знаешь, почему?

– Потому что ты меня во дворе закопаешь, ага, – я попытался стянуть у сестры пачку арахиса, но она успела среагировать. – Ну что, как оно? Чего такая тухлая?

Чу отложила планшет и села лицом ко мне, чтобы быть готовой к возможным последующим атакам. Лицо ее приняло угрюмо-задумчивое выражение.

– Вот ты к сколько на свою работу приходишь?

– Когда как. Обычно часам к десяти. Сегодня вот в одиннадцать пришел. Что, взрослая жизнь не по вкусу?

– А мне вот к восьми нужно быть как штык. Просыпаться в пять утра – ни разу не весело. Ненавижу того, кто придумал 40 часов работы в неделю!

– А зря, до этого было еще хуже. Века два назад ты бы успевала разве что поспать. Ладно, ты мне вот что скажи: сидишь вот с планшетом, телефон у тебя есть, ноут у тебя есть, работа с компами связана. Неужели ты не можешь маме ноут почистить?

Чу глянула на меня в недоумении и снова вытянула ноги, только теперь уже в другую сторону.

– Мм? А ей разве нужно было? Она мне ничего не гово-

рила.

– Вас понял. – похоже, это была очередная ловушка с целью заманить меня домой и снова начать уговаривать перебраться обратно. – Где она, кстати?

– Да в банках копается, ищет закатку какую-нибудь. – сестра махнула рукой вверх, в сторону чердака.

Мать я встретил в коридоре по пути в свою комнату – с двумя банками закатанных помидоров в руках. Она попросила меня забрать с чердака несколько кабачков, которые оставила у входа, и я поднялся по лесенке наверх. Да, все же стоило отстоять право сделать здесь свою комнату – когда еще я смог бы пожить под крышей. Чердак был больше моей комнаты и зала с кухней вместе взятых. Крыша была треугольной, но угол наклона был не слишком крутым, и сюда вполне влезли бы пара шкафов, например. Стол можно было бы поставить у невысокого, но широко окна в торце здания. А сейчас было обидно смотреть, как такое крутое место превратилось в склад для банок, ненужных инструментов и коробок со старыми вещами. Да, у этого пыльного и захламленного помещения был когда-то хороший потенциал. Я вздохнул, прихватил у порога кабачки и спустился вниз.

На “помощь” с ноутбуком ушло минут двадцать. Туда в очередной раз умудрились пробраться назойливые недобраузеры и фуфломессенджеры – видимо, установились вместе с чем-то нужным. Я пытался наглядно объяснить матери, как удалять ненужные программы через панель управления, но

она была занята готовкой и не очень внимательно следила за тем, что я показываю на экране, только рассеянно кивала. В таком обучении смысла не было, и я просто поставил на ее ноутбук удаленный контроль, чтобы в следующий раз все можно было сделать из дома.

Пока я сидел в кресле и устанавливал нужный софт, мама на минуту вышла на улицу, а обратно за ней проскочил Кубрик. Побродив по залу, он сначала подошел к Чу и взгляделся в нее, но особого ответного внимания не получил – сестра только подула ему на морду и снова уткнулась в планшет. Кот направился на кухню – видимо, в надежде получить что-нибудь вкусное, но, сколько он ни терся о ноги, все было тщетно. Тогда он подошел ко мне и заметил, что я чем-то занят. Разумеется, ему это показалось идеальным временем, чтобы запрыгнуть мне на колени, так что даже после настройки удаленки на ноуте я был ограничен в передвижениях – мне всегда было сложно согнать с ног Кубрика, и не только в этическом смысле. Оставалось только развалиться в кресле поудобнее и включиться в разговор о том, что “пора бы уже перестать маяться дурью с этими съемными квартирами”, “возьми хотя бы с собой еды, в морозилке полно замороженных чебуреков” и “как там поживают твои игры на работе”. С темы переезда я мягко свернул при помощи Чу (сестра тоже явно готовилась съезжать, и теперь понемногу готовила почву), насчет еды мы долго обсуждали, что важнее – удобство и вкус или польза, и, как всегда, пришли к разным

ответам, ну а о работе я рассказывал всегда настолько тезисно, насколько вообще возможно. Все равно мои родители не были фанатами игр. Мать ограничивалась кликерами на телефоне, с отцом мы иногда играли в футбол на приставке, да он когда-то в молодости застал первые шутеры и изометрические ролевки вроде дьяблы. Нынешняя индустрия игр совершенно теряла этих людей как покупателей. Сестра иногда увлекалась каким-нибудь интерактивным кинцом, но тоже уделяла не особо много внимания новинкам. Хотя во все, над чем я работал на студии, как минимум пробовала играть – просто из любопытства, свойственного людям, чьи друзья или близкие приложили руку хоть к какому-нибудь искусству. Все же у большинства людей было особенно отношение к “творцам” – возможно, из-за того, что их работу сложнее было считать именно работой, возможно, из-за того, что каким-либо творчеством занимались весьма немногие, возможно, для кого-то было трудно увидеть разницу между художником в широком смысле и работником индустрии развлечений. В любом случае, семья знала только о том, что я работаю над играми, а вот о том, что я пишу, понятия они не имели. Если все пройдет гладко, и Ни не начнет придирааться к чистовику, уже через какой-нибудь месяц выйдет моя первая книга. Впрочем, я еще даже не решил, стоит ли ее публиковать под собственным именем.

Вскоре разговор какими-то неведомыми путями сместился на менее желательные темы. Мать интересовалась, не по-

мирился ли я еще с Минс, и вздыхала о том, что было бы лучше, если бы мы с ней снова сошлись, потому что “кто еще тебя станет терпеть, кроме нее”. Надо сказать, Минс и правда нравилась моим родителям, а Чу, насколько я знаю, до сих пор с ней дружит. Да, основательно меня за два года оплели эти отношения. Но, на мое счастье, Кубрику надоело валяться, и он спрыгнул на пол, так что я был свободен. Я сказал, что мне нужно уходить минут через сорок и попросил позвать к ужину, удаляясь в коридор, подальше от ненужных тем.

Разумеется, моя комната совершенно не менялась, только иногда прибавлялось вещей, которые временно не использовались и перекочевали сюда из других частей дома. Вот тебе и старый телик из зала, вот тебе и доска для глажки белья, вот стремянка – хотя ума не приложу, зачем отец перетащил ее из гаража сюда. Пыли было не так уж и много, мама бы не смогла выдержать ощущения, что одна из комнат запыляется, угрожая чистоте остального дома. Прибавилось цветов на подоконнике – вот, например, этот, белый цветок с тонким изящным стеблем и удивительными лепестками, напоминающими птичьи перья. Вот и все, наверное. Все те же постеры на стенах, все та же шведская стенка, на которой я в последний раз занимался лет шесть назад, все те же старые журналы и модели космолетов на полках шкафов. Да, это место выглядело, как законсервированное в банке детство – остановившееся, замершее, покинутое. Я немного повернул один

из горшков, чтобы длинные ниспадающий листья не мешали, и сел на пол, прислонившись спиной к батарее. Сейчас она, разумеется, была холодной, но тут и не в тепле дело.

Я предложил сходить вечером на движ шестерым, с тем расчетом, что как минимум половина по разным причинам откажется, или вообще не успеет прочитать сообщение. В общем-то, так и оказалось. Л.П. отказалась еще в офисе, Курт и Эйч сегодня еще даже не были в сети, хотя дело уже шло к вечеру, я звонил Вик, но она так и не взяла трубку. Зато Фай отписала пару часов назад, что тема крутая, и она пойдет, а потом как бы невзначай спросила, не звал ли я Лекса. С трудом удержавшись от того, чтобы ее подколоть, я сказал, что да, звал. И действительно, Лекс мне ответил еще днем. Он сказал, что как раз собирался где-нибудь угореть сегодня, и уже думал насчет Трикотажа. Трикотаж, также известный как улица Трикотажная, был одним из самых шумных питейных мест города. Эта длинная улица с несколькими прилегающими к ней переулками, небольшими площадями и подворьями начиналась в Верхнем городе и изгибалась вокруг здания одного из концертных холлов, чтобы закончиться образующим тупик зданием пивоваренного завода в восточной, “кирпично-брусчатой” части центра. На самом деле это был не совсем тупик – за пивоварней был выход на бетонную набережную, откуда можно было попасть на мост, пересекающий реку, к входу в центральный парк – если идти по набережной налево, и к одному из офисных кварта-

лов – если идти по набережной направо, по обратной стороне Трикотажа. Эта улица была, наверное, одной из самых посещаемых в городе – особенно по пятницам и субботам. Но идея с бесплатными билетами на “Затмение” Лексу понравилась больше. Сейчас, после короткого обмена воспоминаниями о прошлой общей тусе на кольце, Лекс словно бы ненароком уточнил, не приходила ли мне идея позвать Фай. Уже не сдерживая насмешек, я успокоил его, что да, Фай тоже в теме, и она спрашивала то же самое о нем. Приободренный Лекс заявил, что пошел собираться. Оставался еще один билет, и я подумал, что просто отдам его кому-нибудь на входе – не продавать же то, что тебе досталось даром.

Отложив телефон, я прикрыл глаза и замер, пытаюсь понять, о чем я только что мельком подумал, когда переписывался с Лексом, отложив мысль на пару секунд – и вот ее уже нет. Меня преследовало навязчивое ощущение, что я что-то забыл, причем я замечал это сегодня уже несколько раз. Как будто забыл что-то бытовое, но супер-важное, вроде включенного утюга или незапертой входной двери. Или оно было просто похоже на бытовое по ощущениям, а связано было с чем-то другим? Память наотрез отказывалась нащупать эту мысль. Входная дверь звякнула – это отец вернулся с работы. Я медленно прокручивал в голове все, что должен был сделать сегодня, проверил рюкзак – но ни единой идеи не появилось. Все было сделано, куплено, отправлено и так далее. Возможно, это было как-то связано с Минс, о которой мы

недавно говорили, и мозг связал это с конвертом? Но ведь конверт я выкинул, да и мысли об отправителе этих писем уже какое-то время не вызывали хаоса в голове, не будоражили чувства, не наводили ни на какие жалающие воспоминания и образы. Так что она тут была не при делах. А что же было?

Я так и не смог вспомнить, потому что через минуту ко мне в комнату зашел отец и позвал покурить во двор. Смирившись с тем, что память отказывалась давать подсказку, я вздохнул и вышел на улицу. Мы сели на скамейку, что стояла на крыльце у задней двери дома, и отец принялся рассказывать новые байки с работы. Мои родители оба недавно вышли на пенсию, и если мать ушла с должности преподавателя немецкого в университете и смирилась с новой ролью, начав уделять свободное время своим идеям по облагораживанию участка и самого дома, то отец работу бросать не собирался. Работал он риэлтором, в основном – с частными домами, и находил в этом не только средства к существованию, но и интересное увлечение. Ему всегда нравилось много общаться с разными людьми, и о многих клиентах он рассказывал нам. Сейчас он занимался продажей дома известного местного рэпера, которого я сам периодически слушал. В жизни чувак, по словам отца, оказался весьма простым и приятным парнем, но дома у него был настоящий трэш. Еще оказалось, что стремянка у меня в комнате обосновалась из-за того, что отец решил заняться ремонтом гаража, и все шло к тому, что

выездные ворота все же будут починены. С отцом, разумеется, было общаться проще, чем с матерью – отцы всегда понимали желание своих детей съехать подальше, как только у тех появится такая возможность, и относились к этому проще, как и к жизни в целом. Действительно, если тебе перевалило уже за шестой десяток, и ты уверенно приближаешься к шестидесяти, у тебя есть жена, которая хозяйничает по дому, и двое детей, которые уже более-менее выросли и стали самостоятельными – о чем дальше беспокоиться, ведь твои главные квесты, по мнению общества, в этой игре выполнены? Остается только спокойно и в свое удовольствие дожить отведенный тебе век.

Вскоре мать вышла на улицу и, дежурно возмутившись курению, позвала нас на ужин. Ближайшие минут пятнадцать мы, как образцово-показательная семья, сидели за одним столом и с аппетитом поедали что-то вроде пасты, в маминей интерпретации. Я был вынужден – даже не особо покрикнув душой – ответить, что да, конечно, это вкуснее всяких бургеров, и довольная собой мать принялась рассказывать о том, как недавно хотела приготовить плов в кухонном комбайне, но отцу отчего-то не понравилось, и она решила, что для плова комбайн не годится. Отец только пожал плечами – зная, сколько он ест, я бы не удивился, если бы он вообще такого не помнил. Когда мама отвлеклась на обсуждение с сестренкой автошколы, в которую та собиралась скоро записаться, я улучил момент и под столом протянул уже долго

выжидающему рядом Кубрику кусок мяса. Тот благодарно махнул мне по ноге хвостом и принялся абсолютно беззвучно жевать добычу.

Ближе к половине девятого я встал из-за стола, вымыл свою тарелку в мойке и пошел в комнату за рюкзаком. Еще раз убедившись, что все на месте, я ничего не выложил дома и не забыл, я напоследок взглянул на новый странный цветок и пошел на кухню. Мать убедительно напомнила про чебуреки в морозилке, и мне не оставалось ничего, кроме как переложить штук шесть в пакет и засунуть в рюкзак. Ну, это явно лучше, чем есть те же чебуреки, но магазинные, которые и рядом с домашними не валялись. Я попрощался с мамой, чмокнув ее в щеку и поблагодарив за еду, погладил довольного Кубрика, который даже замурлыкал, выказывая признательность за мясо, слегка стукнул Чу пальцем по макушке – она попыталась достать меня локтем с разворота, но не вышло – и привычно стрельнул сигарету отцу, который всегда считал, что грех не попросить сигарету у того, кто уходит.

Выйдя из дома, я зашел в небольшой магазинчик через дорогу, где купил пачку апельсинового сока, после чего заказал такси до съемной квартиры, чтобы оставить там все лишнее перед тем, как двинуться на кольцо. На часах было 20:35.



Приехав домой, я поставил сок в холодильник, кинул чебуреки в морозилку, выложил из рюкзака блокноты и набор ручек, оставив их на рабочем столе. Все остальные нужные вещи – ключи, прозрачный пузырек с таблетками, паспорт, компактные наушники-затычки вместо стандартных накладных, пачку сигарет, четыре билета – я рассортировал по карманам джинсов и темно-красной толстовки, рассудив, что через час-два на улице будет уже слишком прохладно для футболки, пусть даже плотной. За воротник толстовки я зацепил и очки.

Я умылся холодной водой и пару раз пшикнул духами с верхней полки в ванной – подарок Минс, который держался уже почти год, но все же вот-вот закончится. Половина упаковки жвачки нашлась в кармане ветровки в шкафу, и там же неожиданно обнаружилось несколько мелких купюр и горстка монет. Все это перекачовало в задний карман джинсов. Еще раз проверив все снаряжение и сменив кеды на цветастые кроссовки, которые было куда сложнее оттоптать на танцполе, я удовлетворенно кивнул и вышел из дома.

Добираться до пункта назначения на трамвае было не слишком удобно – пришлось бы делать пересадку на бульваре, ждать единственного трамвая, который оттуда ходил до

Старого города, да и от нужной остановки до кирпички топтать довольно долго, а я, хоть и поужинал у родителей, все же хотел перед всем действием зайти куда-нибудь слегка перекусить – на “Затмении”, как и на большинстве подобных мероприятий, можно было только выпить, а из еды была лишь опциональная закуска к шотам в виде долек апельсина или грейпфрута. Всего пару раз я наблюдал на тусах небольшую будку с бельгийской картошкой-фри, и оба раза мне к тому моменту было уже не до еды. Прокрутив в голове эту мысленную цепочку, я решил добраться до места на метро, которое обычно игнорировал. Закурив сигарету и включив музыку в наушниках, я двинулся в сторону ближайшей станции метро, которая была в минутах пяти ходьбы от моего дома – в кои-то веки этот пункт в описании квартиры в объявлении не оказался приукрашенным в несколько раз.

В целом я не очень любил метро по трем причинам. Первая – мне по какому-то роковому невезению почти всегда нужно было сделать как минимум одну пересадку, чтобы доехать в нужное место. Вторая – станции некоторых веток были заложены довольно глубоко, и долгие поездки на эскалаторе частично нивелировали преимущество по скорости перед наземным транспортом. Третья была совершенно очевидна – совершенно неадекватное количество людей вплоть до шести-семи часов вечера, по некоторым направлениям и того дольше, следовательно – теснота и духота. Однако ездить именно в Старый город из текущей квартиры оказалось

не так уж и неудобно: проехать нужно было шесть станций в пределах одной ветки, и на середине этого пути, когда и начинался Старый город, поезд выныривал наружу и ехал по поверхности следующий несколько станций, пока не покидал исторический район. Видимо, это решение, примененное еще на паре участков по всему городу, было призвано придать месту больший колорит – сами наземные станции имели весьма классический вид, без потерь по функциональности. Это походило на поездку в скоростном трамвае, так что мне было не на что жаловаться, к тому же в такое время – а было уже без пяти девять – пассажиропоток заметно уменьшался.

Я ступил на платформу одновременно с тем, как прибыл поезд, и мне даже не пришлось останавливаться или ускоряться – я пересек платформу и вошел в вагон ровно в том же темпе, что спускался по лестнице, и двери сомкнулись сразу после того, как я занял угловое место в правой части вагона. Мне всегда нравились такие моменты, когда по случайности мой тайминг был идеален, как, например, когда я подходил к пешеходному переходу ровно в ту секунду, что зажигался разрешающий сигнал светофора. Иногда я думал о том, как было бы приятно постоянно жить в идеальном тайминге, ни для чего не ускоряясь, не замедляясь, не останавливаясь. Наверное, это ощущается так, словно весь мир подстраивается под тебя. Да, это наверняка позволяет любому человеку почувствовать себя действительно особенным и исключитель-

ным, в противоположность почти всему, что с нами обычно происходит каждый день.

Вагон был непривычно пуст, даже с учетом позднего времени – вместе со мной в нем находилось человек десять, не больше, хотя и в соседнем вагоне было примерно так же. Я не взглянул на табло ожидания, но, скорее всего, поезд прибыл почти сразу за предыдущим. Я переключил в плеере атмосферных, но меланхолических Riverside на более легковесную дженерик-попсу, куда более подходящую для создания правильного настроения перед движением.

Большинство из пассажиров уткнулись в экраны телефонов, несколько человек дремали, кто – поклевывая головой в такт движению поезда, кто – запрокинув голову назад и открыв рот. Глядя на них, мне и самому слегка захотелось спать, по телу прошла легкая дрожь, я подавил зевок и пару раз дернул себя за мочку уха. Что же было лучше – шумная веселая тусовка с музыкой и выпивкой, с кучей народа, ярким светом и содрогающимся от битов полом, или крепкий долгий сон, после которого чувствуешь себя отдохнувшим, в котором было что-то интересное, чего не могло быть в реальном мире? Но ведь любой сон рано или поздно заканчивается. С другой стороны, тусовка тоже заканчивается – если только ты не живешь там, где даже утром и днем можно найти место, в котором, как и во сне, легко скрыться от реальности. С третьей стороны, присниться может что угодно – в том числе и эти несколько часов отрыва под рев музы-

ки, со случайными знакомствами и плывущей головой, частично ослабив контроль над собой, который, как оказывается именно в такие моменты, мешал жить, был прослойкой между миром и твоим мироощущением, делая естественное искусственным и простое – сложным. С четвертой стороны, детализация снов оставляла желать лучшего, как и их запоминание. С пятой стороны, считалось, что это можно изменить путем долгой работы над осознанными сновидениями. С шестой стороны, это было ужасно сложно и долго, да и ничего не гарантировало. И все же я не знал точно, что я предпочитал больше – сон или реальность. Этот вопрос был слишком запутанным и разносторонним, и каждый раз в новой ситуации с новым контекстом ответ получался разный.

Поезд, проехав три станции, вынырнул на поверхность, и мне открылся шикарный вид: тонущий в сумерках и источающий прохладное спокойствие парк, что лежал между путями и грузным силуэтом Старого города, линия горизонта которого была подсвечена необычно розовым закатным солнцем, взметнувшаяся со столба стая птиц, напуганная проносщимся мимо них поездом, сверкнувшая на миг в воздухе тонкая нить – быть может, паутина, свитая старательным пауком между оградой путей и одной из стоек, что вырастали из этой ограды на равном друг от друга расстоянии, движение кажущихся отсюда миниатюрными людей по мощным булыжником улицам, между кирпичных зданий арт-галерей, белеющих стен церковей, мраморных колонн музеев и

невысоких башенок отреставрированного форта. В такие моменты я испытывал очень краткое, но сильное чувство, похожее на какой-то чуть ли не мистический опыт – единение со временем и пространством, острый творческий порыв, когда тонуший во вдохновении мозг, запечатлев яркую картинку окружающего мира, за доли секунды строил на ее основе сюжеты, создавал образы, высвечивал неуловимые, но манящие детали мира, который можно на этом построить, выдернуть из пустоты небытия, облечь в форму, став для этого мира богом. Но чувство это было очень мимолетно, и уже через несколько секунд, максимум – через минуту, яркий образ пропадал из воображения, переставал быть таким реальным. Но даже этих коротких секунд мне хватало, чтобы почерпнуть из момента хотя бы что-то, почерпнуть и запомнить свои ощущения и впечатления, зафиксировать мысли и детали, чтобы потом перенести это на бумагу – хотя бы в какой-то степени оживив этот мир.

Четыре минуты спустя я закончил записывать этот момент в хранилище ему подобных, сопроводив заметку указанием песни, которая играла в наушниках – моя память куда лучше что-то усваивала, если это ассоциировалось с музыкой. Я поставил ее на повтор, чтобы закрепить получше, и, когда поезд остановился на нужной станции, вышел из вагона, с удовольствием потянувшись и встряхнув руками. Станция была расположена на верхнем берегу реки, занятом в этой части русла Старым городом, в то время как нижний

берег разделял центр и южную оконечность города, состоящую в основном из промышленных и жилых кварталов да огромных зеленых зон – с парками, лесом, каналами и даже искусственными водопадами. На “югах”, как частенько называли район, жило не больше десятой доли всего городского населения, так что эта часть города выглядела несколько дикой, как будто ее перестали осваивать на полпути, ограничившись созданием форпоста из тонущих в зелени вкраплений пятиэтажек и переносом в этот район большей части промышленных предприятий, что когда-то находились в центре или рядом с Верхним городом. Впрочем, именно из-за своеобразного вида и застройки, такой ленивой и пассивной, мне очень нравилось здесь бывать – это было похоже на поездку за город, только весь путь занимал минут пятнадцать. Естественно, в теплое время года здесь, куда ни плюнь – шашлыки, пикники, купания и прочий активный отдых, и даже сейчас я видел, как по мосту двигаются группы людей – кто на юга, кто обратно в город.

Мне тоже нужно было к этому мосту, потому что в место – бывшее еще двадцать лет назад самым плотно застроенным заводами и цехами кварталом на нижнем берегу, а теперь превратившееся в один из крупнейших культурных и тусовочных хабов города, в котором бывшие склады и заводские помещения были переделаны под арт-пространства, коворкинги, залы для театральных постановок, творческие мастерские, ивент-холлы и так далее – в это место нельзя

было попасть из Старого города, потому что ни один мост не возвышался над изгибом, который река делала вокруг квартала, действительно почти принимая форму кольца, оставляя на нижнем берегу, со стороны югов, лишь узкую горловину прохода, не шире двухсот метров. Это выглядело довольно забавно, когда ты ночью гуляешь по Старому городу вдоль набережной, и вдруг перед тобой вырастает странный район – здоровенные кирпичные здания с силуэтами фабрик и складов, расписанные граффити, украшенные лианами, и где-то там, в центре этого места что-то гудит, долбит музыка, из малочисленных и небольших окон вырываются лучи света, тогда как улицы этого квартала едва-едва освещены, но все же видно, как там происходит оживленное движение, и можно услышать отдаленный шум голосов. Река начинает огигать этот участок, и ты проходишь его почти что по периметру, не наблюдая ни единого моста, ведущего в сие занятое место. Но через несколько минут перед тобой все же появляется мост на другой берег, где наверняка можно будет найти вход и посмотреть, что же там происходит. И ты, разумеется, не отказываешь своему любопытству. Фактически, именно так я сюда и попал в первый раз, лет девять-десять назад, когда кольцо еще только начинало свою метаморфозу, а сам я еще был школьником, развившим в себе чудную привычку выбираться на ночные прогулки, даже когда было не с кем. Улыбнувшись этому забавному воспоминанию, я закурил и направился к мосту.



Здание кирпички, где должно было проходить “Затмение”, находилось в левой части кольца, недалеко от набережной. Туда можно было попасть либо с самой набережной, либо свернув с одной из двух главных улиц квартала в короткое ответвление, в котором, помимо бывшего корпуса кирпичного завода, располагались блинная, фастфуд с претензией на приготовление мяса на открытом огне и выставочный комплекс “Скважина”, к задней части которого примыкали парковка и небольшая пешеходная зона, по периметру заставленная типичными для уличного фуд-корта вещами: широкими деревянными бобинами в качестве импровизированных столов, окружающими их простыми стульями без спинок, лавками, двумя лестницами-амфитеатрами в углах. На парковке частенько – не только по субботам и пятницам – было полным-полно байкеров, отчего-то избравших этот участок кольца одним из своих излюбленных мест для встреч. Когда я проходил мимо глубокой арки, ведущей из переулка в этот своеобразный дворик, я успел заметить с десяток мотоциклов на парковке, да в самом пространстве уже было довольно многолюдно. Люди сновали туда-сюда через арку, стояли группами у стен “Скважины”, рассажива-

лись за столики и на ступенях лестниц, болтали, подходили к небольшому прицепу, в котором продавали алкогольное мороженое, кто-то уже был навеселе и исполнял какие-то не слишком техничные, но рьяные танцы. Из чьих-то колонок играла музыка – тот же мимолетный летний попс, что я недавно слушал в метро.

Люди здесь были самые разные: от явных школьников – не старше, чем я был во время первого своего визита сюда – кричаще одетых, громких, эмоционально возбужденных, и до пожилых пар, с любопытством прогуливающих по улицам и переулкам. Ну и все, кто между ними: укутанные в кожу байкеры, офисный планктон в лоферах и со стаканами жизненно необходимого им кофе, небольшие отряды из неразлучных с телефонами девиц в откровенных легких нарядах, бодро щебечущие на своих языках туристы, отвязного вида студентота с рюкзаками и сумками, влюбленные парочки, гуляющие по набережной или уединившиеся за столиками, бодрящиеся дамы за сорок, диджеи и организаторы ивентов, локально известные рэперы, рабочий люд с производств... Благодаря такому разнообразию кольцо всегда казалось мне одним из самых ярких и колоритных мест в городе.

Я прошел мимо кирпички, глянув на внутренний двор – по нему сейчас ходило несколько человек, завершая подготовку площадки. Это место было похоже на двор за выставкой, только побольше, а в остальном – те же лавки и

стулья, бобины-столы, расставленные перед небольшой сценической поддоны с матрацами, та же лестница-амфитеатр, только пониже и пошире, прилегающая к основному зданию большая деревянная веранда, на которую можно было попасть из просторного коридора, что обычно служил баром или гардеробом – смотря кто и в каком формате организовывал движ. Отличительной особенностью двора кирпички была трехметровая строительная вышка, которую использовали во время ремонта и обновления внешнего вида заводского корпуса, для перекраски рыжего кирпича в красный, ну и для разрисовки стен завода сюрреалистическими граффити. Когда ремонт закончился, новый владелец решил выкупить вышку, за время работ приобретающую весьма колоритный вид, и с тех пор она стоит в центре двора, вмонтированная в бетонное основание. Иногда ее использовали как большую горку для лазания или площадку для сидения, иногда на самом вершине устанавливали проектор или какую-нибудь светомузыку.

До начала было еще минут сорок – вполне достаточно времени, чтобы где-нибудь перекусить, и я зашел в фастфуд напротив кирпички. Заказал два бургера по акции и стакан пива и сел у окна, ожидая своего заказа. Не успел я погрузиться в чтение ленты, как кассир объявила мой номер, и пиво с бургерами перекочевали на столик.

После первого, умятого довольно быстро, я скривился и откинулся на спинку стула. Зачем мне все это? Почему я ем

бургеры и картошку, хотя обещал себе, что начну питаться нормальной едой, почему я каждый день пью, а не бегаю и не хожу в зал, как когда-то собирался делать, почему я ложусь спать в час-два ночи, хотя знаю, что нужно будет проснуться в 8:00, и из-за недосыпа первые несколько часов я буду полным овощем? Да может и не несколько часов. Вполне возможно, что я уже так сильно подорвал свой режим и запустил здоровье, что то, что кажется мне сейчас нормой – это на самом деле серьезная степень деградации. Ну, если подумать: усталость, апатия, рутинность и серость всего вокруг, за исключением редких часов или дней, слабость физическая и моральная – это все ведь не взялось из ниоткуда. Так зачем я делаю с собой такое? Думать об этом совсем не хотелось, что наверняка означало: подумать об этом стоит. Хорошо, ну не буду я всего этого делать, возьму себя в руки, оздоровлю образ жизни. И что дальше? Как будто я раньше не пытался. Всегда получалось одно и то же: спустя какое-то время без нескольких лишних часов на залипание в сети или в играх, без выпивки, без вредной еды, без веществ, без тусовок, без прокрастинации, занимаясь почти все время лишь “нужными” и “полезными” занятиями, я испытывал эмоциональный шок и впадал в жестокую меланхолию – остатки смысла пропадали из жизни, и бодрость с мотивацией, переполнявшие меня в начале этих “проектов улучшения жизни”, мгновенно испарялись, столкнувшись с реальным миром. Реальным миром, в котором стараются тысячи, а добиваются своих це-

лей единицы; реальным миром, который твердит одно, а делает прямо противоположное; реальным миром, где я знаю, каким человеком хотел бы быть, но не могу приблизиться к этому ни на шаг. Наверное, больше всего в окружающей действительности меня раздражало именно лицемерие происходящего – пропаганда оптимизма, лживые заявления политиков, деструктивность примененных на практике социальных идей, тотальное безразличие к судьбам отдельных людей при вылизывании задницы безликому обществу, и так далее. Слова и прокламации здесь так часто расходились с действиями, что почти обесценились. Невозможно было понять, что на самом деле происходит в мире, кто прав, а кто виноват, чем являлось и было вызвано определенное событие – слишком много у нас появилось инструментов для обмана и манипуляций. По факту у тебя оставалось два пути: следовать своим мечтам или плыть по течению. Первый путь почти всегда заканчивался неудачей и пониманием, что тебя обманули. Второй обычно приводил тебя к разложению личности и ненависти к себе. Только в первом случае ты старался что-то делать, а во втором – просто отдался на волю судьбы. Оба пути вели к краху, но в первом случае ты прикладывал усилия. Те, кто все же сумели добиться того, чего хотели, получали от жизни удовольствие большее, чем те, кто сдался и не страдал от этого – большее пропорционально разнице между усилиями их единомышленников-лузеров и усилиями тех, кто отказался от мечты. Проще говоря, стре-

мясь к чему-то, пытаюсь чего-то достичь и прикладывая к этому усилия, ты лишь повышаешь ставки, а сама выбранная стратегия никак не влияет на вероятность стать счастливым.

Пересилив отвращение к себе, я все же сделал большой глоток из стакана и откусил второй бургер. В общем-то, можно было объяснить все эти мысли и чувства, легко объяснить все мои нездоровые привычки, зависимости и отношение к жизни. Так же легко, как понять те же проблемы у других людей. Ведь если разбираться подробнее, если вникать в суть, то все действительно пугающе банально. Каждый человек чего-то хочет, к чему-то стремится, и какие-то вещи общие для всех, какие-то – уникальны. Что же мешает всем нам достичь своих целей, исполнить свои мечты? Наличие других людей. Большинство наших желаний завязано на окружающих – на тех, кого мы любим, кого ненавидим, на семьи, друзей, группы и нации, общества или все человечество. Почему? Потому что мы, как учат в школе, социальные животные. Мы живем в обществе, в общем мире, но взгляды на то, каким должен быть этот мир, у нас часто разнятся – в общем или в деталях. Политики режут мир на зоны влияния, культуру кроют из разных материалов, люди соперничают друг с другом в повседневной жизни, компании пытаются отжать друг у друга часть рынка. И чем масштабнее твои цели, чем глобальнее твоя мечта, тем больше у нее врагов. Тех людей, кого твоя картина мира не устраивает, потому что она противоречит их собственной. И пусть мы хотим

более-менее одного и того же – на фундаментальном уровне – наши картины мира слишком отличаются, чтобы реальный общий мир мог быть хорошим местом. Даже когда мы соглашались, что что-то правильно и хорошо, мы продолжаем по-разному интерпретировать это. Сколько в мире существует трактовок равенства, свободы, справедливости? Стоит просто оглянуться назад и вспомнить, чем обернулась идея коммунизма, во что превратилось капиталистическое общество, к чему привело движение за равноправие, во что вылилось раскрепощение нравов и получение людьми многих свобод. Ведь в своей основе это были весьма положительные концепции, но разница между людьми извратила и поглотила все хорошее, что в этих концепциях было, вновь родив что-то гротескно-отвратительное и жуткое, доведенное до абсурда. Слишком много противоречий, слишком много взаимоисключений в нашей жизни. Разве может не быть проигравших в мире, где есть победители? Вот нам и приходится изворачиваться, всю дорогу ограничивая себя, идя друг другу на уступки, чтобы мир хоть как-то мог существовать. И все равно конфликты неизбежны, неотвратимы, они пронизывают все уровни и сферы нашей жизни. Даже те наши цели, которые не связаны напрямую с другими людьми, связаны с ними косвенно. Можно, конечно, найти такой пример, который на первый взгляд полностью бы противоречил этой аксиоме, но лишь на первый взгляд. Чем дальше ты вникаешь в суть проблемы, чем дальше раскручиваешь клубок причинно-след-

ственных связей, тем яснее понимаешь, что на том или ином уровне вновь натыкаешься на внешний конфликт, вновь в уравнении появляются другие люди – рано или поздно, но это неизбежно. Хотя бы потому, что мы стоим на плечах цивилизации с историей в тысячи лет, мы рождены в обществе, мы рождены другими людьми, и даже само наше существование, наш образ мыслей, наше восприятие мира – все это следствие определенных причин в нашем прошлом. Вот и получается, что мы все друг друга взаимно ограничиваем, сдерживаем, делаем одновременно несчастными и счастливыми: несчастными – потому что в мире, полном других, не похожих на нас людей, мы не можем рассчитывать на многое, мы так часто терпим неудачи, натыкаемся на сопротивление и непонимание, довольствуемся малым, что само понятие счастья стало для нас чем-то абстрактным, почти насмешкой или суррогатом, как когда любовью называют симпатию, а счастьем – удовольствие; счастливыми – потому что без других людей нам нечего делать в мире, ведь никто, наверное, в здравом уме не смог бы существовать совсем один на всей планете, как если бы все остальные вдруг исчезли, потому что наше счастье никогда не может состоять из одного лишь поглощения питательных веществ и информации из прошлого, наши цели и мечты неразрывно связаны с другими людьми и взаимодействием с ними.

Потягивая пиво, я смотрел в окно, рассеянно наблюдая за людьми снаружи. Солнце уже почти скрылось, и кольцо по-

гружалось в предночную прохладную темноту. Силуэты пересекали переулок, огибали здания, стояли, сидели, сбивались в группки, болтали и смеялись. Все эти люди сейчас весьма довольны – они свободны от забот, от обязанностей, от быта, они отдыхают. Я тоже не особенно несчастен прямо сейчас – всего лишь ненадолго погрузился в рефлексию. Скоро я выйду из заведения, встречу Лекса и Фай, угорю на движе, наверняка встречу Алису, и не буду думать обо всех этих мрачных вещах. Но пока что я здесь, и я о них думаю. Двери фастфуда хлопали, впуская и выпуская посетителей, и пожилая уборщица сновала между столиками, наводя вокруг себя чистоту и порядок.

Ну, насчет того, почему мы все в какой-то мере несчастны – это мы поняли, да. Дело в наших различиях. А что же сами эти различия? Если никак нельзя изжить конфликты, избавить мир от непониманий и противоречий, взаимоисключения моих целей твоими, то можно ли что-то сделать с самими различиями между нами? Ну, а что с ними сделать. Различия и делают нас людьми, разве нет? Если я откажусь от своей картины мира и полностью разделю чужую – это уже буду не я, это будет копия другого человека. В глобальных масштабах это еще возможно представить: каким-то образом скооперировавшись, объединившись между собой, люди вырабатывают идеальный общественный строй. Политика, экономика, культура – все это становится неким усредненным идеалом, который (невероятно!) принимают все. Но

что делать с масштабом локальным, личным? Как решить, кто из двоих соискателей получит должность, кто из двоих парней будет встречаться с девушкой, в которую оба влюблены, кто из двоих писателей-фантастов будет опубликован и станет известным? Где есть свобода, там нет равенства, где есть равенство, там нет свободы. Проблема разницы выгоды заключается в сравнении и измерении определенных параметров этой выгоды – в том, что касается материальных благ, которые измеряются и оцениваются всеми сравнительно одинаково. Решением этой проблемы было бы нахождение способа исключения возможности сравнения как таковой, или нахождение способа уравнивания степени субъективно ощущаемого удовлетворения каждой стороны. Либо мы убираем из уравнения разницу между людьми, либо убираем общую для всех среду существования, либо убираем возможность оценки и сравнения условий, либо убираем самих людей. Ну надо же, целых четыре варианта! Звучат они все так себе, конечно, но что-то наверняка должно работать. Остается только попробовать.

Мне понравился такой ход мыслей, и, взглянув на часы, я решил остановиться на этом моменте, уже не таком мрачном и отчего-то даже обнадеживающем. Закусив остатком бургера последний глоток пива, я зашел в туалет и через минуту направлялся к входу в кирпичку, у которого уже выстроилась немалая очередь.

В толпе людей, как обычно, царило веселье и возбужде-

ние, все шумели, нетерпеливо топтались на месте или бродили вдоль стены, пара чуваков обходила очередь, предлагая билеты, кто-то делал селфи на фоне арки входа, кто-то присел у стены, качая головой в такт музыке в наушниках, настраиваясь на тусовочный вайб. Меня тоже почти сразу захватило стандартное предвкушение движа, и я сам не заметил, как начал кивать головой и ухмыляться, улавливая вибрацию в здании за стеной.

Через пару минут подошел Лекс с блестящими глазами и тоже ухмыляющийся. Мы начали обсуждать заявленные лайн-апы для разных залов, строить догадки о планировке, которую скоро увидим. За нами встала компания из девчонки и двух парней, которые горячо обсуждали свою проблему – нехватку одного билета. Я предложил им один, четвертый лишний у меня, и их радости не было предела. Мы разговорились, и оказалось, что ребята – выпускники медицинского, и на тусу приехали как раз отмечать свой выпуск. За несколько минут до начала к нам присоединилась Фай, и после того, как мы втроем отбили друг другу пятюни и коротко обменялись громкими куражными подначками, мы вместе со стоящими позади нас ребятами погрузились в привычное состояние веселости и легкого мандража. Это было одной из моих любимых вещей в походах на ивенты – настоящие эмоции приятного волнения и непринужденности, доступные даже без каких-то искусственных стимуляторов, рожденные одним только воображением на пару с памятью

о предыдущих похожих вечерах.

Когда на часах было уже начало одиннадцатого, шум в начале очереди стал громче, железные ворота, закрывающие проход в арку, звякнули, и к очереди вышли два фейсконтрольщика. Вскоре очередь начала понемногу двигаться вперед, и я полез в карман за билетами и паспортом.

* * *

В этот раз коридор за верандой, прилегающий к первому залу, в который сразу попадали люди, пройдя через арку в своеобразный тамбур, оказался баром – да и неудивительно, в июне людям было особо нечего сдавать в гардероб. По правой стороне была барная стойка, по левой, через проход – диваны и плетеные столики. Я сразу обратил внимание на отсутствие пепельниц – значит, сегодня курить на баре нельзя, нужно будет по-любому выходить на улицу. Ну и ладно, даже лучше – будет больше поводов проветриться. Народ еще только подходил, и в залах было пустовато, хотя в том, что был ближе всего к выходу на веранду, уже на полную выкладывался диджей. Мы втроем обходили зал, давая то восторженные, то слегка разочарованные комментарии (чаще все же восторженные), осматривая все и постепенно подхватывая ритм музыки. В этом зале по плану должны

были всю ночь ставить драм, транс и прочую электронщину, остальные два зала – с хип-хипом и ремиксами сезонной попсы – должно быть, стартуют чуть позже. Фай уже всю болтала со своей новой знакомой – наверняка об учебе в медицинском, Фай сама два года там проучилась, пока не поняла, что быстрее сопыется, чем станет медиком. Пока девчонки осматривались и соображали, что будут пить и где будут танцевать, мы с Лексом позвали чуваков с собой покурить на улицу. Лекс жестами показал Фай, куда мы идем, она вскинула вверх оба больших пальца, и мы направились к выходу на веранду.

Рассевшись вокруг столика на краю деревянной платформы, мы закурили и начали трепаться о тусе и смежных вещах.

– Какие у вас, ребят, планы на движ? – я с любопытством спросил у одного из выпускников, представившегося Кином. – Так просто заглянули или будете гореть до победного?

– Да какое заглянули, ты что, – он так фыркнул, что даже слегка поперхнулся дымом. – После шести лет этой каторги мы будем гореть так, что утром придется ложиться под капельницу.

– Круто, если еще и ваша спутница вывезет ваш настрой!

– Не, ну если что, так мы ее на кресло в чилл-зоне усадим откисать. – Второй, которого звали Хол, пожал плечами. – Но я точно буду до финала двигаться.

– Еще бы. Когда мы выпуск отмечали, двоих увозили ночью на скорой. – Эл усмехнулся, вспоминая то, что я даже при желании вспоминал с большим трудом, хотя прошло всего-то три года. Я тогда даже не то чтобы сильно накидался – хотя, если верить Ми, она несколько раз за вечер конкретно спасла мою жопу – и пробуждение вечером встретило меня всего лишь стандартным похмельем, но почти все ключевые моменты я помню только по смутным ассоциациям и рассказам Ми и Эйча.

– Хера себе! – Кин от удивления присвистнул. – Это где вы так отдыхали?

Лекс ткнул себе за спину, примерно в ту сторону, где находился “Кайман”.

– Да есть тут на соседней улице заведуха, три этажа с залами – мелкие танцполы, бар, диванчики, все дела. Называется как-то по-крокодильи, я и не помню.

– Ну начали-то мы у тебя на хате, вся дичка уже там началась. Тогда Курт начал смешивать в себе этот крутой коктейль, а С.М. уже тогда нормально накидался и чуть окно тебе не разбил, когда ему кто-то с улицы фак показал. – начало вечера я помнил довольно неплохо, примерно до полуночи, а вот дальше уже начинались сплошные белые пятна. – А в “Каймане” они уже просто забыли, чего в себя на хате напихали и залили.

– Во, точно, я еще помню, как Курт с Триппи пересрались, потому что она не ставила на ноуте треки, которые он

просил.

– Ты тоже тогда неплохо отличился, кстати. – я вспомнил, почему совсем не в интересах Лекса было вспоминать этот вечер. – Помнится, подкатил ты к одной девчонке, когда уже в хлам был...

– Ну-ну, подкатил и подкатил! Главное ведь, что все все поняли, и закончилось все хорошо, так? – спешно перебил меня Лекс, немного смущаясь.

Ничего удивительного, что он так активно съехал с темы. Девчонка-то в итоге парнем оказалась – благо Лекс не сразу полез, а все же дождался, пока цель его алкоподката что-то ответит. Хах, интересно, а Фай ту историю помнит? Улыбнувшись, я затаился и попытался выдохнуть колечко дыма. Надо бы спросить.

– Еще помню, как нас чуть велосипедист не сбил по пути из “Койота”, когда мы песни орали и по всему тротуару прыгали. – Эл, уже не такой смущенный, сменил тему, погружаясь дальше в тот вечер, насколько ему позволяла память.

Хол о чем-то задумался, а Кин с ухмылкой и любопытством переводил взгляд с меня на Лекса, пока мы вспоминали события неформального выпускного и подсчитывали потери. В итоге Лекс пожелал чувакам, чтобы с ними такого не произошло, и мы еще пару минут обсуждали, что на второй сцене должно быть круто, что народу сегодня – мы видели арку входа через забор двора – уже до черта, а Лекс обещал развалить бар, если они будут так же сильно разбавлять

ром с колой, как и в прошлом году, а потом Холу написала их подруга, и они пошли в зал, заверив, что еще нас найдут. На входе они разминулись с Фай, которая виртуозно лавировала в потоке людей.

– Ну там и движуха! Уже пришла какая-то банда хореографов, что ли, захватили весь танцпол...

В руках Фай несла подставку с шестью шотами, при помощи врожденного чувства равновесия даже ничего не расплескивая. Лекс улыбнулся, а потом застыл в притворном изумлении.

– Фай, ало, где апельсины? Ты чего, в склероз впадаешь?

– У них не было ни апельсинов, ни грейпфрутов. А ты что, просто так уже не можешь какой-то шотик выпить?

Фай поставила сет на столик и заняла кресло между мной и Лексом, угрожающе глядя на того и подбочениваясь. Лекс, как мне показалось, слегка порозовевший, поднял бровь.

– Я-то могу хоть весь сетик шотиков выпить, но ты же любому просто забыла и не спрашивала!

– Спрашивала-спрашивала! Давай обратимся к независимому эксперту, – она глянула на меня. – Который сходит на бар и спросит, есть ли у них апельсины.

Я только покачал головой, скрещивая руки перед лицом в жесте отрицания.

– Ребят, если вам надо ненадолго уединиться – вы так и скажите, а просто на бар я не пойду. Лучше шот-другой опрокину и еще покурю.

Теперь порозовели уже оба, и Лекс, и Фай, и не нашли, что бы такого сразу возразить – видимо, внутри них боролись желание по-детски все отрицать и ощущение, что такая неловкость им обоим даже приятна. Я усмехнулся и протянул в воздух руку с первым шотом, довольный эффектом. Мы чокнулись и опрокинули стопки, и по телу разлилось тепло. Вообще, наблюдать такое поведение уже взрослых, в общем-то, людей, было и неловко, и здорово. Неловко – потому что становишься невольным свидетелем перехода просто личных отношений в романтически-интимные, и дело в том, что ты одновременно и нужен, и не нужен в этой ситуации, ведь ты и кажешься лишним, некоторой помехой, но и в то же время ты – необходимая публика, без которой не могут обойтись некоторые ситуации на этом этапе отношений. Здорово – потому что, хоть это и выглядело глуповато и нарочито, как любые брачные игры, все же было приятно понимать, что не все у людей строится на похоти и бытовухе, что есть – особенно в начале отношений – место и для таких вот вещей, довольно милых и наивных. Мы с Ми-Ми так себя вели месяца два-три, чем, наверное, дико достали всех вокруг, но именно это время я вспоминал с наибольшей теплотой. Вскоре на веранду вернулся Кин, закурил и рассказал, что в первом зале валят какое-то дичайшее техно, а второй и третий уже начали разогрев, и что народу везде уже нормально, можно врываться. Придя к консенсусу, что да, действительно, можно уже идти, мы втроем махом выпи-

ли еще по шоту и направились к входу в коридор. Еще даже дверь за нами не успела закрыться, как я уже почувствовал легкость в голове и улыбнулся. Вечер начался.

* * *

Уж не знаю, как дела обстояли с ромом, но виски с колой на баре смешивали довольно честно. Через полчаса отрыва в первом и втором зале первые два шота выветрились из меня, мы с Лексом и Фай вышли покурить, после чего они сразу же вернулись в толпу, а я решил догнаться и немного посидеть, чтобы не пить все сразу и не расплескать стакан на танцполе – сегодня было действительно много людей и периодически даже слишком тесно, несмотря на внушительные размеры всех залов. Все было ништяк, когда в этой тесноте к тебе прижималась и прыгала рядом какая-нибудь приятная леди, но, когда это был размахивающий локтями, словно мельница крыльями, ошалевший чувак, приходилось немного отступать.

Я выбрал место у правой стены второго зала, вдоль которой взявшие передышку сидели на лестнице-амфитеатре из трех узких ступенек. Потягивая коктейль, я лениво достал из кармана джинсов телефон, вспомнив, что Л.П. просила небольшой видеотчет. Конечно, во втором зале, кото-

рый сотрясался от качевого битла замикшенных до неузнаваемости треков, стоило снимать видос только в движении и с танцпола, но я подумал, что потом запишу и такой, а сейчас главное – просто не забыть хоть что-то снять.

За два месяца я даже успел забыть, как выглядит и звучит движ на кольце. Почти полная темнота в залах, за исключением пары тусклых ламп, цветных вспышек и лучей прожекторов, подсветки диджейки да экранов телефонов. Бетонный пол, вибрирующий от топота ног и сотрясающих стены и стекла басов. Обычные, забавные, интересные и странные люди – отжигающие на танцполе, мерно покачивающиеся по периметру зала, разбросанные по матам, креслам и ступенькам, изнемогающие, болтающие друг с другом, те, кто уже как будто отрубился, одни или в группах, трезвые, пьяные, обдолбанные, на кураже, без понятия, что происходит вокруг – в общем, самые разные. Чел за вертушками ставит следующий трек, и кто-то переходит в другой зал, или идет на улицу покурить, а кто-то, наоборот, как раз заходит, запрыгивает, втанцовывает, с одобрением качая головой и улыбаясь от уха до уха. Лучи то и дело выхватывают из полумрака лица, движения, мелкие детали толпы. Что-то выглядит смешно, что-то – атмосферно и в тему.

Много чего крутого было во всем этом. Например, мне нравилось случайно столкнуться с кем-то знакомым и перекинуться парой фраз – пока я неспешно пил виски с колой, рядом приземлился Хол, рассказал, как какая-то девчонка

сейчас чуть не навернулась с балкона в третьем зале, но он и еще один чувак успели вернуть ей равновесие. Мы поболтали еще минуту, и он пошел на бар. Еще мне нравилось ощущение уединения одновременно с принадлежностью к этой огромной массе людей. Чем-то это было похоже на одиночество в толпе, только без негативного смысла – казалось, что между уединением и толпой есть четкая граница и момент выбора, и ты можешь в любой момент по собственному желанию пересечь эту границу, встроившись в общий движ и поймав ту же волну, а можешь выйти из толпы и спокойно сесть где-нибудь, где тебя никто не побеспокоит. Я даже пару раз дремал на подобных сейшенах, и, надо признаться, было вполне комфортно, ничего не тревожило, у меня даже ничего не подрезали.

Когда в стакане осталось меньше трети, я подумал, что уже ничего не расплескаю, и можно где-нибудь стать и залипнуть в музыку. В первом зале я сразу наткнулся на Фай с выпускницей Ликой и с дурацкой гримасой влез в их селфи. Лика засмеялась, а Фай, преувеличенно нахмурившись, ткнула меня локтем в плечо.

– Йо, че как?

– Ты где торчишь, м? Тут уже минут десять такую жару дают! – она заметила стакан в моей правой руке, но я вовремя завел его за голову.

– Лекс на улицу пошел?

Диджик плавно опускал питч, и электронный скрежет и

футуристичные всхлипы трека звучали медленнее и обдолбаннее. Я понемногу начинал синхронизироваться с ритмом, мешала только Фай, которая все еще пыталась выхватить стакан у меня из руки. Стоявшая к нам полубоком Лика с закрытыми глазами плавно раскачивалась под замедляющийся трек, и я мог рассмотреть ее подробнее.

– Не, он на баре чего-то взять хотел, но ты походу сегодня вырываешься вперед.

– Я за первые полчаса так разогнался, что те шоты испарились. – Фай бросила свои попытки, и я отхлебнул из стакана уже не холодный, но прохладный виски. – А ты чего тянешься, попрошайка, тоже догнаться хочешь?

– Пук на тебя, жмотяра. Я, может быть, через полчаса еще шот сделаю, но мне пока и так нооорм!

Последнее слово ей пришлось прокричать, потому что постепенное замедление и уплотнение баса разразились мощнейшим дропом, от которого, как мне показалось, должно было вылететь хотя бы несколько стекол. Немного зависшая в напряжении публика в тот же момент отреагировала, и зал затопил гул, дрожание стен, чьи-то вскрики и дикая мешанина подсвечиваемых стреляющими лучами прожектора тел, которые почти синхронно взорвались в движении. Раскачиваясь и прыгая, я подумал, что вот как раз это стоило бы снять для Л.П., но мне было уже не до телефона.

Через пару минут трек немного успокоился, и как раз подошел Лекс со стаканом в руке. Мы втроем немного отошли

от основной движухи, встав рядом со здоровенной квадратной колонной. Фай запилила очередное групповое селфи на фоне тонущей в огнях диджейки. К нам подошел – скорее даже, подвалил – странный мужик в кепке с дамой под руку и поинтересовался, чего все здесь такие веселые, и нету ли у нас чего-нибудь, чтобы ему и его спутнице “во так же было”. Мы с Лексом синхронно подумали, что тип очень мутный, и Эл сурово ответил, что мы тут сами ничего не знаем, но указал на бар. Лекс еще с детства был чуваком рослым и крепким, редко попадались мне люди, готовые с ним спорить или раздражать, и странная парочка удалилась.

– Уважаемый, что ты брал? – я спросил Эл о напитке, уже допивая свой виски с колой и оглядываясь в поисках места, куда можно поставить пустой стакан.

– Я взял ром с клюквенным соком. – Лекс протянул стакан Фай, она отхлебнула и поморщилась.

– Есть у кого мелочь? Пойду лучше куплю водички.

Я достал из заднего кармана несколько монет – столько, сколько примерно стоила бутылка воды на баре – и обменял их на стакан Лекса. Сделав небольшой глоток, я понял, почему Фай так скривилась – смешано было довольно крепко. Я протянул стакан обратно.

– Ну что, бару ничего не грозит?

– Да, все по красоте, нуль претензий. Я тут какой-то крутой трек пропустил? – Лекс с сожалением оглядывал понемногу затихающий зал, который вновь погружали в плавный

и мерный гул, в который иногда вклинивался электрический треск. Я уже понимал, какой будет следующий дроп, и опустил свой стакан.

– Да, чел тут нормально так взорвал, я прям вовремя подошел.

– Я даже на баре слышал, и прикинь – стаканы на стойке затряслись.

Эл хлебнул еще рома с соком и, оглядевшись, облокотился на меня своим здоровенным локтем.

– Чувак, это крутейшая туса, отвечаю! Помнишь, я говорил про Трикотаж? Все, забудь Трикотаж, мои ближайшие выходные проходят здесь!

Я только развел руками в щедром жесте “не благодари, что я так хорош и вообще всегда прав”. Мимо нас прошли двое челов в оранжевых баскетболках и темных очках, не прекращая дергаться под бит даже на ходу. Только сейчас я вспомнил про собственные очки, висящие на воротнике толстовки, и тотчас же нацепил их на нос.

– Так, ну что, ты уже был в третьем? Я тут разминулся с одним из тех челов, которые с нами в начале курить выходили, Хол вроде, он говорит, в третьем валят вообще по дикухе. – Лекс принялся активнее налегать на свой ром, тоже смекнув, к чему идет трек.

– Ноуп, только в курсе, что там тоже есть балкон, с которого можно в угаре навернуться. Тот же чел мне говорил, что одна малая чуть не бахнулась вниз, но они остановили

этот порыв.

– Так это же именно то, что тебе нужно, братан, – Эл оценивающе посмотрел на такой же балкон в этом зале, на котором располагалась чилл-зона. – План такой: становишься на балкончике рядом с какой-нибудь классной малышкой, у самого края, и кто-то из нас как бы случайно ее слегка подталкивает – лучше, наверное, Фай, ей не прилетит в случае чего...

– М, что кому прилетит? – Фай как раз вернулась с бутылкой воды под мышкой, на ходу с кем-то переписываясь в телефоне.

Лекс пощелкал пальцами, обрабатывая идею.

– Фай ее толкнет. И когда та начнет падать, ты ее подхватишь – и бэмс, ты герой вечера и через пару часов уезжаешь с этой малышкой в свою берлогу.

Я только разочарованно покачал головой.

– Бро, ты насмотрелся каких-то тупых мелодрам. Можем поспорить, что в итоге меня сразу же отошлют, может даже, по лицу получу.

– Эл, хватит фантазировать о чужой личной жизни, подумай о своей. – Фай закатила глаза, явно не оценив план Лекса. – Гляньте лучше фотки!

Она начала показывать, что наснимала, пока тусовалась в этом зале с выпускницей меда. Оказалось, что эта Лика – бывшая одноклассница брата Фай.

– Я так и думала, что где-то ее видела, а потом вспомни-

да, что когда-то застучала малого с пивом – стоял за школьным стадионом с компанией, когда я вечером туда погнала бегать. – Фай была активным противником детского алкоголизма. – Вот она их всех так активно защищала, я даже забила и просто двинула дальше бегать, а ее запомнила. Интересно, да? – последнее она почему-то спросила у меня.

– Ну так, слегка прохладно. А что?

– Да я думала, тебе будет интересно, ты же ее так внимательно рассматривал после того, как в нашу фотку влез. Кстати, она ни с кем из своей компашки не мутит, так что... – глядя на хитрую улыбку Фай, я подумал, что нужно быть внимательнее, что ли.

Лекс еще раз глянул на фотку и одобрительно покачал головой.

– И правда, чел, пора бы уже что-то делать, а то совсем закиснешь.

Я сделал вид, что у меня начинается приступ эпилепсии. Обычно это у меня получалось так отвратительно и пугающе, что тему моментально сворачивал любой, кто решал ее поднять, но эти двое, подзуживаемые собственным флиртом и острыми ощущениями, сейчас были к тому же еще и слегка подпитые, и их азарт было трудно сбить.

– Реально, вот подумай сам. Мы на тусе, тут столько классных малышей, почему бы не попробовать кого-то найти? Иногда ведь совсем не ожидаешь, а потом – как бац, и все!

На этих словах взгляды Фай и Лекса встретились, и пер-

вая потупила глаза, а второй смущенно кашлянул. Боже, нет, наблюдать это все же скорее неловко, чем здорово.

– Ага, по технике Курта: уверенно подошел, стал позади, начал дэнсить так, чтобы она сама твоих рук задницей касалась, постоял и уверенно отошел с осознанием победы.

Фай засмеялась, а Эл чуть не подавился ромом. Еще на последнем курсе он сам подметил эту тактику Кей, которая приносила нужные плоды не чаще, чем виноградная лоза в тайге.

– Ты бы лучше не рофлил над ним, а показал, как надо. Хотя возможно, что дело в том, что ты растерял навыки, твои прыжки не так точны, как прежде, и шарм улетучился, пока ты убивался по Ми-Ми, и теперь просто боишься показать, что Акелла-то уже стар.

Я фыркнул, слегка смущенный и задетый такой наглостью. Только что собирался рассказать про Алису, но теперь решил пока что придержать эту информацию.

– Давай забьемся, что я сегодня склею кого-нибудь быстрее, чем вы от робких переглядываний перейдете к чему-то более конструктивному.

Теперь настала их очередь смущаться, но Эл был готов.

– Можешь даже не увозить никуда, будет достаточно, если засосетесь!

– Базара ноль, давай. Только не расстраивайся потом сильно.

Фай допила ром Лекса и разбила, и мы направились обрат-

но на танцпол, где все сильнее росло напряжение и сгущался бит. Я остановился под квадратным балконом с чилл-зоной, на который вела витая деревянная лестница. Прожектор бился в припадке, пытаюсь успеть за музыкой, кто-то в толпе уже трясся, кто-то стоял, замерев, кто-то продолжал мерно покачиваться. В этот раз я все же вспомнил и включил камеру на телефоне. Когда напряжение и скорость уже невозможно было повышать дальше, по залу прокатился протяжный электрический треск, за которым, после секундной паузы, обрушился дроп – такой оглушительный, что я несколько секунд двигался, совершенно ничего не слыша, кроме звона в ушах.

* * *

Следующий час пролетел на удивление быстро – мне показалось, что прошло минут двадцать от силы, но часы убежали в обратном.

Мы все же зашли в третий зал, и нужно сказать, что там все было реально круто – в сете были сплошные хиты, как текущие, так и десятилетняя классика, замиксованная и отполированная до блеска, да и людей было даже больше, чем в первых двух залах. Периодически даже пускали дым, а еще здесь, наконец, можно было в некоторые моменты и поорать

песни – в первом зале на треках вообще не было слов, которые бы не были вплетены в сам бит, а во втором я зачастую не был знаком с текстами, особенно тех треков, что были популярны сейчас.

Эл и Фай все больше смелели и танцевали уже не отдельно, а совсем близко, подстраиваясь под движения друг друга. Это мне напомнило о нашем споре. После очередного перекура и четвертого шота мы с ними вышли на улицу, и я уселся на один из матрасов на поддонах. Мы вспоминали, как первый раз пришли на кирпичку, на “Ночь-24”, в тот сезон, когда ее только начали делать. Веселый был вечер – там хватало и неожиданных встреч, и еще совсем непривычного тогда музла, и угара, который с собой принесла с собой Триппи в упаковке из-под драже. Потом они пошли разведать последнее белое пятно сегодняшнего движа – мы узнали от сидящего на соседнем поддоне чувака, что из второго зала есть выход в еще один небольшой дворик. Я хотел еще посидеть, и сказал, что скоро подойду.

Вскоре после того, как Эл освободил место на матрасе, меня кто-то похлопал по плечу. Оглянувшись, я увидел Алису – улыбаясь, она уже залезла на поддон с другой стороны. На смену шортам и растянутому свитшоту с комиксами пришло черно-прозрачное короткое платье. Черной была та его часть, которая напоминала о закрытом купальнике, только низ доставал до середины бедра. Все остальное – руки, плечи, спину и декольте – покрывала легкая и лишь немно-

го темная прозрачная ткань. Мои догадки о фигуре Алисы, днем скрытой за свитшотом, теперь подтвердились – я с трудом сумел отвести взгляд, едва не заглядевшись настолько, что это бы было неприлично. Алиса села на матрац рядом со мной и тоже окинула меня взглядом, поправляя волосы.

– Ты и сам ничего выглядишь. Классная толстовка, наверное, теплая!

Несмотря на некоторую неловкость, я все же не смутился. Да, чуть-чуть засмотрелся, не поспоришь. С кем не бывает?

– Лучше могло бы быть, только если бы у тебя и здесь были принты с Причером.

Алиса засмеялась и достала из сумочки пачку сигарет.

– Не знаю, согласишься или нет, но у меня есть платице с аниме. Оно и само анимешное, и рисунок на нем анимешный.

Я прикурил ей сигарету и закурил сам.

– Ни разу не сомневаюсь. Был бы спрос – будет и предложение. Кстати, я уже думал, что сегодня тебя тут не встречу.

– Так еще ведь даже не полночь. Какая уважающая себя тусовщица приходит раньше полуночи? – Алиса легкомысленно махнула рукой.

– Была бы ты прожженной тусовщицей, ты бы знала, что раньше полуночи тут редко что-то начинается. – я усмехнулся и выдохнул дым. – Это твой братан решил, видимо, растянуть немного.

– Ладно, уел. Не так уж я и часто хожу на тусы, а еще и

думаю каждый раз, как прихожу – а чего это так людей мало?

Я не понял, шутит она или нет, но все равно улыбнулся.

– Так что, ты хоть в залах была уже? Или так, сразу на веранду – здороваться?

– С корабля на бал. Ну, точнее – из такси. Подергалась полчаса со своими и отдохнуть вышла, а тут смотрю – спина знакомая.

– Ну давай отдохнем, я тоже уже немного притомился. – интересно, спина знакомая – это потому что я ссутулюсь? – В общем, ты просто лучшая, движ пушка! Я давно не был, и вот сейчас вспомнил этот вайб весь.

– Ой, да ладно! Прикинь, я остальные билеты не нашла кому отдать на входе, оставила охраннику, может, он найдет, кому подарить?

– Ага, чего бы и не подарить. За пятерку.

– Ну и пусть себе продает, мне не жалко, мне билеты было бы жалко.

Мы еще какое-то время сидели и о чем-то болтали: о вechере, о ее компании, о моей, о каких-то удачных диалогах, которые мы днем написали. Алиса болтала ногами, свесив их с поддона, и улыбалась. Я сидел по-турецки и наклонялся к ней, чтобы было лучше слышно на фоне многолюдного шума, невольно вдыхая аромат ее духов. На самом деле я слабо следил за тем, о чем мы говорим, все как-то шло само собой, и мне было радостно и приятно. Потом ей стало холодно, а у меня начали неметь ноги, и мы пошли внутрь.

Во втором зале мы пересеклись с Фай, которая несла куда-то два стакана – вот же Лекс ленивая жопа, всегда Фай ему носит – и та одобрительно подмигнула, тактично пройдя мимо. Довольно быстро согревшись и размявшись на танцполе – за вертушками был уже другой чувак, и весь его сет был очень нюскульным и движовым – мы присели на одну из широких ступенек лестницы. Я рассказывал Алисе, как в первый раз попал на похожее мероприятие. Это было вскоре после моего знакомства с кольцом десять лет назад, только не здесь, на кирпичке, а в “Ангаре” – рейв-площадке, действительно напоминающей самолетный ангар, в другой стороне кольца, ближе ко входу в квартал. Тогда я был один, каким-то чудом прошел фейс и даже заплатил за билет – на тот момент это были почти что все мои деньги. Попав в огромный зал, где всех плющит кислотно-космическая долбежка, я долго не мог разобраться, где вообще оказался, и главное – зачем. Ходил с вытаращенными глазами, пытался поймать ритм местной музыки, но это было невозможно – как только тебе начинало казаться, что ты что-то понял, трек менялся до неузнаваемости, и ты снова двигался не в такт. Хотя двигаться там особо не нужно – знай себе стой и дергайся, как под электрошоком в слоумо. Через пару часов я уже освоился, и меня нашла какая-то компания то ли пьяных, то ли закинувших студентов, и две девчонки меня проспонсировали в баре – наверное, я выглядел забавно на том движе, заблудившийся, но уверенный, что что-то понимаю. Алиса согласи-

лась, что это сейчас школьники охреневшие и слишком прошаренные, она тоже помнила, что в свои шестнадцать была в шоке от первых походов в клубы – не на кольцо, а в обычные ночные клубы, и просто боялась с кем-то лишний раз заговорить, и они с подружками передвигались там чуть ли не “черепашей”. Я в который раз пересказывал историю про наш выпуск и связанные с ним эпизоды, она смеялась и отвечала историей со своего школьного выпускного, который тоже прошел весьма трэшово – с пересчетом на школьный возраст, конечно. Не знаю, сколько времени прошло, но к нам подошли двое, парень и девушка, у него была на запястье татуировка песочных часов, у нее тоже виднелось какое-то небольшое тату на шее, но я не разобрал, что же именно было изображено. Алиса перекинулась парой слов с девушкой и оглянулась на меня. Я пожал плечами.

– Давай через минут двадцать на втором дворе? – я показал на дверь, которая туда вела из этого зала.

– Смотри только не опаздывай. – Алиса с улыбкой кивнула и вместе со своими ребятами пошла через проход в первый зал, в сторону бара.

Я решил закрыть второй час на тусе завершением второго цикла выпивки, и взял на баре еще один виски с колой. В общем-то, для последних двух шотов продолжение пока не требовалось, но почему бы и нет. На балконе с чилл-зоной в первом зале я обнаружил Лекса, откисающего в кресле-мешке с полузакрытыми глазами. Он сказал, что у него слегка

закружилась голова на втором танцполе, и он пришел сюда передохнуть. Оказалось, что до этого он еще и не слишком удачно попытался форсировать с Фай, что она не совсем оценила и теперь где-то внизу наверняка обсуждала это с Ликой, ну или просто танцевала, чтобы быстрее все выветрилось из головы. Теперь Лексу было слегка тоскливо и неловко, и он просил сказать, если я замечу, что Фай идет наверх. Я ему посочувствовал, заверил, что одна осечка ничего не значит, и он в целом идет правильным курсом, и рассказал про Алису. Хотя все и шло к тому, что Эл проиграет спор, он хлопнул меня по плечу и пожелал удачи, и я догадался, что он, соглашаясь на спор, хотел таким образом дать мне мотивацию с кем-то познакомиться. Лекс был хорошим чуваком, хоть и наивным, да и про знакомство с Алисой не знал, когда соглашался. Я попросил его перекинуть мне видео крутого момента из третьего зала, когда там минут десять так жгли кислотными ремиксами старья вроде “Вампира” или “Куклы колдуна”, что мы все и сами были похожи на оборотней, ведьм и вампиров на шабаше. Скоро Эл напомнил, что мне бы сходить на второй двор, потому что было уже почти полпервого. Я пожелал ему поскорее возвращаться в строй и посоветовал купить Фай что-нибудь вкусное, но не слишком пьянящее, и спустился по лестнице, лавируя в толпе по направлению ко второму залу. Даже если не найду там Алису – хотя бы посмотрю, как вообще этот дворик выглядит. Ни разу на моей памяти в кирпичке не был открыт этот выход,

и мной двигало особенное чувство, когда заново исследуешь знакомое место, обнаруживая там что-то новое, чего не видел прежде.

Оказалось, что этот второй двор – просто та часть основного, которая раньше была перегорожена заглушками и заставлена строительными лесами. Теперь на их месте находилась такая же сетка, что отделяла основной двор от небольшого пяточка проходной, которая была между входом-аркой и тамбуром в самом здании. Этот дворик был размером с четверть основного, и принципиально отличался только отсутствием веранды, сцены и вышки, все остальные элементы, вроде бобин и лестницы-амфитеатра были на месте. Единственная необычная находка, однако, делающая место очень интересным – у дворика была своеобразная крыша в виде деревянной решетки на высоте трех-четырёх метров, с которой свисали желтые и красные побеги какого-то вьющегося растения. Таким образом все пространство становилось похоже на очень большую беседку.

Я занял положение полулежа на краю третьей и самой широкой ступеньки лестницы, опершись спиной о стену кирпички. Допивая виски, я неторопливо оглядывал двор, наблюдая за людьми и высматривая, нет ли тут Алисы. Пока не было, так что я прикрыл глаза и позволил себе ненадолго причилить, лениво провожая взглядом людей, что входили и выходили, перемещались от столов к лестнице, между столами и по всему дворику. Это место мне нравилось даже боль-

ше основного двора. Хотя места было меньше, эта решетчатая крыша и лианы здорово работали на атмосферу.

Алиса пришла через несколько минут, сразу меня заметила и села рядом. Начала рассказывать, как одной девчонке из ее компании стало плохо, и они выводили ее на улицу, а ее парень бегал вокруг и психовал – короче, она за двадцать минут успела перенервничать, и сейчас было бы здорово просто посидеть. Я был не против, и рассказал про Лекса и Фай. К моему удивлению, Алиса приняла сторону Эла и посочувствовала ему. Мы еще какое-то время бродили вокруг темы сложности отношений, и она призналась, что ее немного пугает вся серьезность и драма, которую люди вкладывают в это, а я в порыве искренности рассказал, что сам когда-то любил излишне драматизировать, но недавно прошел это. Потом я зачем-то говорил о том, как сложно устроены люди, частично пересказывая свои размышления из фастфуда перед движом, частично – просто занимаясь пустой софистикой, но Алиса внимательно и с интересом слушала, а потом поежилась от холода (еще бы – в таком-то платье), но вместо того, чтобы предложить пойти внутрь, прижалась к моему боку и положила голову на плечо. Толстовка, по ее словам, и правда оказалась теплой, и я для верности приобрел Алису. Я уже успел забыть, что девушки – они ведь тоже мягкие и теплые, когда их обнимаешь. Все это напомнило мне еще один период из наших походов на сейшены – тогда это в основном были рейвы – начало осени моего третьего

курса, когда мы с Лексом и Куртом открыли для остальных эйфы, с которыми любой движ воспринимался совсем иначе, и даже сейчас я скучал по этим ощущениям. Эйфы я забросил, когда мы расстались с Минс, и до недавних пор мысль о них ассоциировалась с ней. Но сегодня я выкинул конверт, и вспоминать стало куда легче, так что я рассказал Алисе и о той осени, а она улыбалась и то и дело вставляла комментарии, что у нее все было очень похоже, только зимой. Еще сказала, что эта тема ей кое о чем напомнила, но расскажет она об этом позже.

Не знаю, сколько на самом деле прошло времени, по мнению часов – минут пятнадцать, по ощущениям – одновременно и больше, и меньше. В какой-то момент Алиса даже начала клевать носом.

– Эй, ты чего, засыпаешь?

Она покачала головой.

– Нет, просто очень все мягко и... грустно как-то. Тягуче.

– Как будто и правда что-то съели, а?

– Ага, очень похоже.

– Давай взбодримся, потому что, если ты заснешь, засну и я, и мы тут замерзнем нафиг, и наши гениальные диалоги никто не допишет.

Алиса засмеялась и потянулась.

– Ладно, пошли. Разгоним кровушку!

Мы вышли из дворика, и Алиса потянула меня в третий зал. Да, наверное, там музыка сейчас больше всего подходи-

ла под настроение. Я, конечно, понимал, что хочу слишком многого, но было бы неплохо какой-нибудь медляк. Мы лавировали сквозь толпу – людей меньше не становилось, они только недавно закончили прибывать. Алиса с удивительной ловкостью находила зазоры в людском потоке, и мы довольно быстро миновали коридор, оказавшись в третьем зале.

Мы выбрались в самый центр, ближе к диджейке на небольшой сцене. Медляка не было, но был какой-то хороший ремикс на “Missing”, одновременно и движовой, и мелодичный, что нечасто встретишь на мероприятиях такого формата. Я заметил Лекса и Фай у стены, среди сидящих, восстанавливающих силы на невысоком подъеме людей. Эл сидел и что-то говорил, а Фай, уперев ноги в пол, лежала у него на коленях и потягивала что-то из стакана через трубочку. Я улыбнулся и отвел взгляд. Ох и долго же они к этому шли...

Алиса стояла лицом ко мне с прикрытыми глазами. Сверху на танцпол опускалась плоскость света, созданная четырьмя яркими зелеными лучами. Мелодия и ритм сливались воедино, и я не заметил, как оказался совсем рядом с ней – меньше, чем в полуметре. Зеленая плоскость света опустилась, словно просканировав сначала меня, а спустя доли секунды и Алису. Я смотрел на нее, и мне казалось, что вижу ее в первый раз. Да, я знал ее всего день, но все же... Вдруг, совершенно неожиданно, меня пробрала дрожь – от кончиков волос до самых пяток. Мои ладони ни с того ни с сего вспоте-

ли, и одновременно с этим мне стало трудно дышать. Я на секунду испугался того, насколько сильными были ощущения в этот момент – я чувствовал каждой частичкой кожи, будто прежде все тело, все поры и капилляры были чем-то забиты, и вот сейчас они очистились, позволив мне вновь чувствовать что-то по-настоящему, как в памяти о “старом добром времени, когда...”, только наяву, в текущем моменте. Мои глаза, казалось, пытались отследить, заметить каждое ее мельчайшее движение, понять какой-то скрытый за ней смысл, но находили лишь что-то цельное, неделимое, ожидающее только простой честности, и не пытающееся ничего утаивать за собой. Возможно, дело было в выражении ее лица, возможно, в том, как она двигалась, в моем восприятии – будто в сверхзамедленной съемке, так, что я мог разглядеть каждый отсвет каждого луча на ее силуэте, что один за другим обрисовывали и подсвечивали ее в темноте зала. Возможно, это было необъяснимое чувство, что я знаю ее всю жизнь, но только сейчас это понял, и она знает меня – до самых мельчайших деталей, и сама мысль о том, что это не так, разбивалась о неоспоримость этого чувства. Мысли вообще замерли, прилично отставая от всего остального, и я понимал, что танцую рядом с ней, сам не понимая, что делаю. Кто знает, быть может, ее легкая и открытая улыбка действительно скрывала что-то за собой – что-то, мимо чего я раньше проходил, даже не замечая, слишком очевидное, чтобы понять это. Какая-то часть меня была напугана такой остро-

той момента, не готова к чему-то подобному, хотела направить меня в сторону, заставить отойти от нее, но эта часть меня не имела никакой силы над тем, как ее глаза проникали в мой разум, пронзали мое сердце, заставляя его биться все чаще. Мне было совершенно плевать на все, что находилось за пределами этого квадратного метра, в котором находились мы двое, на весь мир, на голоса в голове, в панике бьющие тревогу, все вокруг меркло, оставляя лишь ее и меня, лишенных мыслей, лишенных всего, что тяготит и прибывает к пыльной земле. Мне не было дела до всего, что происходило во всей вселенной, пока я был здесь, в этом моменте. Словно зачарованный странной магией, я не мог сделать и вдоха, не мог оторвать от нее взгляда, и мне казалось, что это – кульминация меня, конец всему, что со мной было. Я не понимал, не мог вспомнить, происходило ли со мной раньше что-то подобное. В голове был полный бардак и в то же время – удивительная ясность, почти идеальный порядок, и я не имел ни малейшего понятия, как это было возможно. Что-то было в этом моменте успокаивающее, ее взгляд, ее запах, синхронность наших движений и, наверное, даже мыслей, и в то же время эта идеальная правильность рождала беспокойство, неуверенность, и все это смешивалось во что-то неподконтрольное. Больше всего в этом растянутом почти на вечность моменте я хотел так же проникнуть в ее душу, как она, казалось, проникает в мою, и прочесть там все – мечты, желания, мысли, ее самую суть. И никогда, ни-

когда не отпускать, не выходить из этого странного стазиса, не покидать плена танца ее волос и искрящихся глаз. Я сам не заметил, как поцеловал ее.

* * *

В час ночи – время я ощущал внутренне, до часов мне сей-час дела не было – мы, не сговариваясь, подумали о том, что-бы уехать. Все было здорово, но хотелось чего-то большего, в общем-то, понятно чего. Не знаю, смог бы ли я протянуть до утра, до конца тусы, чтобы потом перейти на стандартный аварийный режим (никакого дневного сна и отбой сразу после работы), но физически я не был утомлен. Это было одновременно и желание остаться здесь, и уехать с Алисой, как если бы я мог раздвоиться, а потом сложить вместе впечатления от обоих вариантов развития событий.

В любом случае, уходили мы на пике, так что еще пару минут для порядка попрыгали во втором зале, я нашел взглядом Эл и Фай и помахал им рукой. Другой я держал за руку Алису, так что они сразу все поняли, Фай снова показала большие пальцы, а Лекс состроил гримасу – то ли насмешливую, то ли одобрительную. На баре мы взяли два шота и вышли на основной двор, став за одним из угловых столов. Когда я спросил, о чем там Алиса вспомнила в маленьком

дворе, она улыбнулась, раскрыла сумочку и поднесла что-то к ее поверхности, но не доставая целиком, так, чтобы было видно только вблизи. Я глянул. Потом перевел удивленный взгляд на Алису.

– Вот так совпадение, а?

Она улыбнулась, немного виновато и как будто извиняясь.

– Конфисковала у подруги, которой плохо стало. Ей это сейчас точно ни к чему.

Можно было бы спросить, почему она решила оставить их себе, а не отдать остальным, но мне, если честно, было все равно. Подозрительность вчистую проиграла дуэту сразу двух соблазнов.

– Это обычные? Или с сюрпризами?

– Как обычные, только мягче и сильнее. – Алиса неопределенно повела рукой. – Иногда в сон клонит, иногда – как в сказку попадаешь.

– Давно мне с визуалами не попадались.

– Я сама только один раз брала, так что мы оба будем почти что первопроходцы. Вызовешь такси?

– Кэб уже подан, миледи. – я кивнул в сторону нашего такси, которое как раз остановилось у обочины напротив входа в кирпичку.

Мы быстро докурили, выпили шоты и, уже более смело, нашли губы друг друга. Ее были теплыми и мягкими, как она сама, и отдавали легкой горечью настойки, которая была в основе шота. Алиса начала увлекаться, но я мягко оттянул

ее за волосы и шепнул, что до меня ехать минут пятнадцать, и она в ответ только коротко простонала и закусила нижнюю губу – не буду отрицать, справиться с этим было очень трудно, но я постарался. Мы в спешке прошли через первый зал и почти выбежали через проходную и арку. Еще секунда – и мы в такси, и водитель, похоже, слегка недовольный тем, что мы заставили его ждать, сразу же тронулся с места.

В такси особо не развернешься, так что мы просто сидели, держась за руки. Алиса снова положила мне голову на плечо – сейчас немного вздремнуть может быть к месту, но я чувствовал, что она не заснет, как не заснул бы и я. Я достал наушники и протянул один ей. Потребовалось не больше минуты, чтобы в случайном режиме найти что-то подходящее. В этот раз этим чем-то была “От луны и до неба”. Я слышал, как Алиса улыбнулась мне в плечо. На этом и остановимся, а там посмотрим.

Ночное небо было на удивление чистым по городским меркам, и вместо того, чтобы привычно пялиться на проплывающие мимо здания, я смотрел на звезды. Одна из них была куда ярче прочих, и я точно знал, что север находится в другой стороне, и это не Полярная звезда. Могло ли такое быть, что именно сегодня, в этот момент, до нашей планеты дошел свет новой звезды? Я не очень-то разбирался в астрономии, но это наверняка означало, что она или очень яркая и большая, или находится довольно близко. Быть может, это вообще не звезда? Мало ли может быть источников све-

та в небе. Пока мои мысли были заняты этим явлением, я очень аккуратно, чтобы Алиса не заметила и не услышала, открыл в кармане толстовки пузырек и, обойдясь даже без движения рукой, дождался, пока две таблетки вывалятся мне в ладонь на светофоре, после чего незаметно проглотил их, сделав вид, что прикрываю зевок. Песня продолжала удачно ложиться на настроение.

В наушниках успел отыграть Наутилус, на смену ему пришел “Nightcall”. Алиса легонько качалась в такт песне, я обнимал ее и смотрел в небо, мимо то проползали, то пролетали дома и улицы. Мы проехали больше половины пути, и я, наверное, все же начал засыпать – в какой-то момент меня разбудил короткий звук, похожий на какое-то компьютерное уведомление, и мне показалось, что звук шел не из наушников и не из салона, как будто я сам его себе зачем-то вообразил. На часах было 1:09. Я вспомнил о том, что надо бы скинуть видосы Л.П. и полез в галерею на телефоне. Но палец дрогнул над кнопкой “поделиться”, и я случайно их удалил. Интересно, почему телефон не запрашивает подтверждение для удаления файлов? Жалобу что ли написать? Впрочем, можно попросить ребят перекинуть то, что наснимали они, да и Л.П. сейчас, наверное, не до просмотра рејв-репортов.

Через несколько минут мы приехали. За полминуты до дома я мягко растолкал Алису, но понял, что она не спала. Водитель остановился у моего подъезда, я поблагодарил его, и мы вышли из машины. Сообщение о списании денег с карты

пришло, когда мы уже почти поднялись на мой шестой этаж и зашли в квартиру. Я запер за Алисой дверь. Она сбросила туфли, и меня на миг кольнуло сожаление – могла бы и оставить. Я поцеловал ее, но через секунду она с улыбкой отстранилась и зашла в ванную. Теперь терпения хватает? Я разбросал и разложил вещи из карманов по комнате, а сам попытался немного успокоиться, но это было довольно сложно. Я достал из холодильника пачку сока и выпил сразу половину.

Может быть, я все усложнил? И не нужно было ни к чему долго готовиться, ведь есть вариант гораздо проще. Я все еще чувствовал, что забыл о чем-то, но дела до этого уже не было – день заканчивался. Есть ли впереди другие хорошие дни? Ужасно не хочется думать об этом, как не хочется думать вообще о чем-либо. Пусть время размышлений закончится, уступив место моменту действия, возможности взять хоть что-то под контроль. Тело гудело от легкой усталости, но, то и дело нетерпеливо обращаясь мыслями к Алисе в ванной, я был уверен, что засну еще нескоро. Для верности я вытряхнул из оранжевого пузырька еще одну таблетку и запил ее апельсиновым соком, после чего поставил пачку обратно в холодильник, а пузырек вернул в рюкзак.

На нижней полке столика валялись очки с наушниками и микрофоном, и мне пришла интересная мысль. Алиса все еще была в ванной, так что я быстро включил устройство, проверив отображение картинки на стеклах и громкость зву-

ка, проверил заряд – должно хватить. Короткая комбинация в спрятанном меню встроенной операционки – и в быстром доступе появляется нужное приложение. Давно я его не использовал, иногда считая это странным, но сейчас мне было любопытно. Я на время оставил очки в покое, положив их на полку неподалеку от ванной, заодно сменив в комнате яркий желтый свет от лампы на слабый и приглушенный красный свет от светодиодов. Все-таки купить их было отличной идеей.

Алиса вышла, когда я, сидя на диване, вытряхивал из пачки сигарету, оставляя там всего две штуки. Может, дело в освещении, но я заметил, что макияж Алисы немного изменился – губы стали темнее, тени на веках глубже, и сейчас она выглядела еще привлекательнее, и я опять подвис, едва не выронив изо рта уже закуренную сигарету. Она засмеялась и села мне на колени, обнимая за шею. Протянула мне ладони, сжатые в кулак, предлагая угадать, в какой руке. Я выбрал правую – правую от себя, и Алиса разжала кулаки. В правом оказалась лиловая круглая с рельефной спиралью, в левом – бирюзовая в форме гранаты. Я усмехнулся, проводя определенные ассоциации.

– Ты или все напутала, или меня обхитрила.

Алиса забрала у меня сигарету, затянулась и выдохнула мне на волосы.

– А я вот думала, что ты выберешь левую. – с этими словами она приняла таблетку и сглотнула.

Я легко коснулся ее шеи, проводя пальцами по горлу. Да, у нее тоже сейчас были мурашки по телу.

– Так и быть, раз уж ты не дала мне вторую попытку. – Я взял с ее аккуратной ладони свою таблетку и тоже выпил, сразу же проглотив ее, чтобы не чувствовать горечь – встать к холодильнику за соком было уже невозможно.

– Сколько у нас времени?

– Минут двадцать. – Алиса выгнулась, подаваясь ко мне и возвращая сигарету.

Я сделал последнюю затяжку и, помня об утреннем инциденте, решил больше так не ошибаться. Ухватив Алису под ноги и придерживая за спину, я встал и аккуратно затушил сигарету в низком стакане, который мне служил пепельницей. Алиса ахнула от неожиданности, но сразу же обхватила меня за шею. Ее дыхание обжигало, а запах волос, в которые я уже зарывался лицом, начисто глушило никотиновую вонь, которую я умудрялся ощущать даже с десятилетним стажем курения. Я уже поставил Алису на пол, и наши руки стали исследовать друг друга, то останавливаясь там, где им понравилось, то спешно передвигаясь дальше – туда, где могло быть что-то еще более интересное. Справиться с ее платьем оказалось не так уж просто, уж очень мелкой была застежка, но, расстегнув до середины, я не выдержал и снял его через голову Алисы – кажется, ей это понравилось, блеск в ее глазах стал ярче, как и румянец на щеках. Пока она снимала с меня толстовку, я словно раздвоился, как недавно хотел на

движе: одна часть меня была вовлечена в процесс и следила за всем, а другая все глубже погружалась в мысли.

Просто и понятно. Такой и должна была быть вся жизнь. Какое мне дело до проблем людей, до того, что мир несправедлив и обречен вечно тонуть в конфликтах, замкнутый в круге ненависти и страданий, какое мне дело до того, что меня отличает от остальных, а их – друг от друга? К чему этим тяготиться, если можно прижать к себе эту девушку, ощущая тепло ее тела, дрожа от возбуждения, отдаваясь самым простым животным инстинктам? Это так приятно и необременительно – от тебя не требуется почти ничего, кроме как быть телом, воспринимать происходящее. Приоткрытые губы и тонкие руки, мягкие стройные ноги, водопад ароматных и гладких волос, нежная грудь и дрожащие ресницы – все это сливалось воедино, включаясь в мою картину мира, становясь на время ее центральной осью, открывая простой и доступный смысл, не требующий долгих лет поиска и рефлексии, выстраивания мировоззрения по кирпичику. Природа убеждала нас, что это единственный правильный ответ, сделав процесс продолжения и воспроизведения себя таким приятным. Это похоже на вдохновение, творческое прозрение, когда в разуме рождается новый мир. И здесь присутствовал извечный дуализм: природному материальному удовольствию тела мы научились противопоставлять приобретенное и развитое нами воображение, искусственное и идеальное удовольствие. Я определенно находил что-то общее

между этими ощущениями и таковыми от собственных способностей, легко было провести параллели между блаженством от подчинения своей сути и предназначению и тем, что я мог делать без помощи данных мне физический ощущений. Но смогут ли так однажды все остальные?

Я толкнул Алису на диван и сам переместился туда же, перешагивая лежащие на полу джинсы. Если бы еще совместить это с другими аспектами удовольствия. Например, включить музыку, дождаться начала действия таблетки, перенестись из моей комнаты в ночную прохладу на палубу круизного лайнера, ну и так далее. Предела гедонизму, наверное, не существует. В общем, не стоило мне так долго загоняться и так много думать, следовало забыть, и больше ничего не запоминать, ничего. Ее приглушенные стоны через закусенную мной губу, жар внутри и снаружи, наше соприкосновение и слияние, грубая нежность, колотящееся сердце в груди и кровь в висках. Нет никакой разницы между чем-то одним и чем-то другим, нет никакой разницы ни между чем вообще. Единственный смысл – это я сам, как часть всеобщей системы или сам по себе, в любом случае – только я во всем остальном, только все остальное во мне. Правила для взаимодействия между миллиардами личных вариантов мира, в миллионах измерений, правила и схемы такие сложные, что они уже давно не дают многим вспомнить о причине создания этих правил. Как бишь там... Я есмь альфа и омега, начало и конец. Идея, подчиненная материи, материя,

подчиненная идее. Абсолют, кульминация и финал, крупная дрожь по телу и взрыв в голове – это умирают и рождаются миры и вселенные, ничего не значащие и исполненные значения. Содрогание, стон, крик, краткий каталептический ступор двух тел с блаженным расслаблением. Все сущее – мои фантастические грезы в глубине сонных вод. Опустошающее мимолетное осознание на краю того, что раньше казалось собственной личностью.

Сразу после первого раза я повел Алису в ванную, по пути захватив с полки очки и на ходу цепляя их на голову. Они легкие и тонкие, непромокаемые, так что это не мешает. Мы залезли в ванну, мой взгляд скользнул по тюбику губной помады на полке. Алиса улыбалась, облизывая губы, ее глаза блестели, тушь слегка потекла, а волосы были дразняще растрепаны. В мягком, но все же более ярком свете лампочек ванной она была еще притягательнее – с изящными плавными движениями обнаженного тела, напряженной расслабленностью, часто вздымающейся грудью, словно наполнившаяся после близости новой естественной красотой, как и я, опьяненная полнотой и интимностью момента. Под левой грудью у Алисы была интересная татуировка – римская единица, окруженная уроборосом, змеем, кусающим себя за хвост.

– Зачем тебе эта штука, будешь видео снимать? – она шептала мне в шею, проводя пальцами по стеклам очков.

– В следующий раз отдам тебе, поймешь, – я перевел очки

на визуальный запуск. – Это весело. А теперь...

Я достал лейку душа из держателя и завел ей за спину, после чего включил воду, и Алиса тонко вскрикнула и захихикала, будто ее щекочут, пытаясь руками закрыться от тонких холодных струй воды. Еще через пару секунд я все же переключил на горячую воду и воткнул лейку обратно в держатель. Ванная начала постепенно заполняться паром. Мы снова начали стоя, а через несколько минут я лег на уже теплую акриловую поверхность и посадил Алису на себя, мысленно радуясь тому, что ванна в этой квартире довольно широкая. Визуальный ряд уже включился, и все стало выглядеть несколько иначе – теперь это одновременно была и Алиса, и... снова Минск, точно как года полтора назад. Алиса-Минск упиралась руками в стену за моей спиной, и ее намокшие волосы качались вперед и назад, скользя по моей шее.

Вдруг в глазах потемнело, и я перестал чувствовать температуру падающей на нас воды. Разве это нормально? Вода определенно была горячей, я должен был это ощущать, так уж устроено мое, да и любое стандартное человеческое тело. Если я перестану чувствовать температуру, или давление, может, я и еще что-то не почувствую, и не успею что-то сделать, и это будет чревато последствиями? Последствия есть у всего. Но сейчас мне было трудно это осознать. Голова кружилась, перед глазами все плыло, звенело в ушах, а по всему телу разливалась странная слабость.

Я завалился назад и уперся лопатками в поверхность ван-

ны, она затряслась, и мне показалось, что амплитуда ее колебаний была невероятна, и что продолжалось это несколько часов. С меня свалились очки, и картинка поплыла, но не обнажила за собой реальность, лишь сменилась на сюрреалистичные картины, рожденные мозгом. Или еще чем-то. Мелькали образы довольно знакомые, и я бы точно смог понять, где я их видел, будь мне сейчас полегче.

Легко не было, потому что давящая головная боль сменилась мерной пульсацией, казалось, самого сознания, его сжатие и расширением. Когда прошел звон в ушах, я вновь услышал шум капель воды, тысяч капель, ударяющихся о ванну, о тонкую водяную поверхность на дне, и вода заливала лицо, попадая в уши, и казалось, что я тону в водах океана. Нет, не надо, никаких мыслей и рассуждений, только реальность. Только то, что я сочту реальным. Мне на глаза попался циферблат часов, сообщавший, что сейчас 1:40.

Минс (или Алиса?) как будто ничего не заметила, потому что я все еще чувствовал ее движения, чувствовал себя в ней, но еще я чувствовал, что сознание постепенно покидает меня. А ведь сознание – это именно та часть меня, с которой я привык себя ассоциировать, часть, являться которой было весьма удобно. Я более-менее понимал, что происходит, но все равно ощущал тревогу – словно самая главная моя часть, то, что и делает меня собой, сейчас может оторваться от меня, куда-то убежать и стать частью уже какого-то другого меня. И в эти последние минуты меня продолжала преследо-

вать мысль, что я забыл о чем-то ужасно важном, о чем-то критическом, о чем не забывал никогда, что могло вызвать самые чудовищные последствия – такие, которые я даже боялся – ну или просто не мог – представить. Беспокоила также тревога насчет странных черных пятен, преследующих силуэтов, чудных звуков из ниоткуда.

Пульсирующая боль прошла, и теперь в голове, в груди, во всем теле была кошмарная тяжесть, словно гравитация возросла в несколько раз, вжимая меня в ванну. Веки смыкались. Внутри меня боролись несколько запутанных и противоречивых ощущений. Казалось, что я вот-вот засну, и мне приснится очень странный сон. Казалось, что это не я засыпаю, а сама реальность рассыпается, обнажая другую, настоящую реальность. Казалось, что я что-то сделал не так, и сейчас сознание будет перезагружено. Казалось даже, что я умираю – даже если бы так и было и это что-то значило, я надеялся, что в других вариантах не умру. Беспокойство и беспорядок в голове не спешили перерасти в панику, потому что я уже почти потерял сознание.

Я еще видел, как то ли Алиса, то ли Минс – как будто личность имела хоть какое-то значение – склоняется надо мной, чувствовал тепло и влагу ее губ, слышал, как она что-то говорит, но уже не особо все это различал. Это было похоже даже не на фоновый шум телевизора, а на тот фоновый шум, который замечаешь только тогда, когда он пропадает. Возможно, это был последний день моей настоящей жизни. Не

так уж и плохо я его провел – для такого вывода даже задумываться не надо, это было совершенно очевидно. И все же какая-то часть меня, которую я сегодня то и дело затыкал и от которой пренебрежительно отмахивался, сейчас, в самые последние секунды, очнувшись и в меру своих возможностей кричала мне, что что-то пошло не так, что я чего-то не учел, что нужно бежать – этот внутренний я еще не понимал, от чего именно, но был уверен, что просто необходимо спастись бегством от того развития событий, к которому все шло. Возможно, в этом и была доля правды.

Ванная уже пропала, зрение работало в совершенном другом режиме. Я буквально мог видеть, как теряю сознание: проваливаясь в сложную структуру, состоящую из строк и столбцов, по ячейкам которой проносились зеленоватые волны света, меняя значения в этих ячейках. Я ощущал, как разделяюсь на копии, а эти копии, в свою очередь, тоже разделяются на копии, и так далее, и я был каждой из этих копий в той же степени, что оригиналом – то есть, чувствовал все и воспринимал не как один юнит сознания, а как безостановочно растущее число этих юнитов. За строками и столбцами обнаружилось и третье измерение глубины, а за ним и четвертое, похожее на рекурсивные фракталы с текстурами, отдаленными ассоциациями напоминающими концепцию ада. Хотя это, скорее, был лимб.

В последний момент своей памяти я ощутил, как все бесчисленные копии меня вновь собираются в единое целое, и

оно с неопишуемой скоростью проваливается куда-то вниз по спирали, в конце которой, как мне казалось, должен быть какой-то выход. Возможно, там найдутся и ответы на множество вопросов – а может, там меня ждут только новые вопросы без каких-либо ответов. Неизвестность готова была держаться столько же, сколько дано продержаться мне самому. Погружаясь все глубже в пустоту, я еще успел услышать шум воды, низвергающейся где-то во внешнем мире, и в самом конце я все же сумел оживить в памяти нужный образ – горизонт глубины вод, поглотивших все вокруг. А затем все пропало, и, если бы кто-то попытался найти меня, это было бы совершенно бесполезно. Здесь больше не было никого и ничего, только пустая оболочка из пара, которую разорвал и унес куда-то последний в мире порыв ветра.

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора.